

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

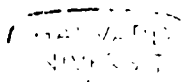
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.

1904.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 14 августа 1903 г.

Сергій. Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

3707/215

Reprinted by
ЛУН

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО ВЕСЬДЫ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ КОРИНӨЯНАМЪ ¹⁾.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ КЪ КОРИНӨЯНАМЪ. 9—10

КОРИНӨЪ, нынѣ первый городъ Греціи, въ древности славился многими удобствами жизни и въ особенности богатствомъ; потому одинъ изъ внѣшнихъ (языческихъ) писателей называлъ его богатымъ мѣстомъ ²⁾. Онъ лежитъ на Пелопонезскомъ перешейкѣ и былъ весьма важенъ въ торговомъ отношеніи; также былъ наполненъ множествомъ риторовъ и философовъ; и одинъ изъ семи такъ называемыхъ мудрецовъ происходилъ изъ этого города. Это сказано нами не изъ тщеславія и не съ цѣлью показать ученость,—что въ самомъ дѣлѣ за важное дѣло знать 11 это?—но потому что имѣетъ отношеніе къ предмету посланія. Много пострадалъ въ этомъ городѣ Павелъ; здѣсь ему явился Христосъ и сказалъ: *не молчи, но глаголи: зане людѣ суть ми мнози во градъ семъ* (Дѣян. xvш, 9, 10); здѣсь онъ оставался два года. Здѣсь былъ изгнанъ злой духъ, отъ котораго іудейскіе заклинатели много потерпѣли; здѣсь разсѣявшіеся (жители), собравши волшебныя книги, сожгли ихъ, по исчисленію на пять-

¹⁾ Настоящія бесѣды произнесены святителемъ въ Антиохіи около 390 года.

²⁾ *ἡγεμόν*. Гомеръ въ Иліадѣ, II, 570.

десять тысячъ драхмъ ¹⁾. Здѣсь же, при проконсулѣ Галліонѣ, Павелъ былъ битъ предъ судилищемъ ²⁾. Діаволъ, видя, что великій и многолюдный, славный богатствомъ и мудростію и главный въ Греціи городъ принялъ истину, а дѣла аеинянъ и лакедемонянъ, которыхъ владычество давно пало, были въ жалкомъ состояніи,—видя, что жители его съ великимъ усердіемъ принимали слово Божіе, что дѣлаеть? Онъ раздѣляетъ ихъ, такъ какъ зналъ, что и самое сильное царство, раздѣлившись само въ себѣ, устоять не можетъ. Для исполненія своихъ козней онъ воспользовался богатствомъ и мудростію жителей. И вотъ между ними образовались отдѣльныя партіи: нѣкоторые самопроизвольно объявили себя предстоятелями народа, который приставалъ то къ однимъ, то къ другимъ, къ однимъ какъ богатымъ, къ другимъ какъ мудрымъ и способнымъ научить чему-то большему; а эти, привлекиши его къ себѣ, хвалились, что они преподають лучшее ученіе, нежели апостолъ,—на что намекая, онъ и говорилъ: *не можете глаголати вамъ, яко духовными* (1 Кор. ш, 1). Очевидно, что не отъ собственнаго его безсилія, а отъ ихъ немощи произошло то, что они не услышали многого. На то же онъ указываетъ, когда говорить: *безъ насъ обогатитесь* (iv, 8). Такое раздѣленіе церкви было дѣломъ не маловажнымъ, но самымъ пагубнымъ. При этомъ тамъ былъ допущенъ и другой грѣхъ: нѣкто, жившій съ своею мачихою, не только не встрѣтилъ укора, но еще управлялъ народомъ и своимъ сообщникамъ подавалъ поводъ къ высокоумію; потому (Павелъ) и говорить: *и вы разгордитесь, и не паче плакаете* (v, 2). Кромѣ того, нѣкоторые, почитавшіеся совершеннѣйшими, по чревоугодію вкушая отъ идоложертвеннаго и участвуя при возлежаніи въ капищахъ, позволяли себѣ всякую скверность. Еще иные, имѣя тяжбы и споры изъ-за имущества, обращались съ своими дѣлами къ внѣшнимъ судилищамъ. Также многіе ходили у нихъ съ отпущенными волосами; имъ онъ и повелѣваетъ остричься. Былъ и другой грѣхъ немаловажный,—именно тотъ, что они въ церквахъ вкушали пищу отдѣльно другъ отъ друга 12 и не удѣляли нуждающимся. Затѣмъ погрѣшали еще въ томъ, что превозносились (духовными) дарованіями и соревновали въ нихъ между собою, что всего болѣе и раздѣляло ихъ церковь. И ученія о воскресеніи держались не твердо; нѣкоторые изъ нихъ не очень вѣрили воскресенію тѣлъ, страдая еще недугомъ языческаго заблужденія. А все это происходило отъ безсмыслія внѣшней философіи; она была матерью золъ; оттого и раздѣлились

¹⁾ Это происходило въ Ефесѣ. Дѣян. xix, 14—19.

²⁾ Т. с. Сосеянъ при Павлѣ. Дѣян. xviii, 17.

они, научившись этому также отъ философовъ, которые возста-
вали другъ противъ друга, постоянно изъ любоначалія и тщесла-
вія противорѣча ученію одинъ другого и стараясь къ прежнему
прибавить что-нибудь новое. Они страдали такимъ недугомъ по-
тому, что во всемъ полагались на свои умствованія. Коринѣяне
прислали Павлу посланіе чрезъ Фортуната, Стефана и Ахаика,
съ которыми и онъ отправляетъ свое посланіе, какъ говорить
онъ въ концѣ посланія; впрочемъ (они писали) не о всемъ, а
только о бракъ и дѣвствѣ; потому онъ и сказалъ: *а о нихъ же
писаете ми* (vii, 1). Онъ пишетъ о томъ, о чемъ они писали и о
чемъ не писали, обстоятельно развѣдавъ о всѣхъ ихъ погрѣшно-
стяхъ. Съ посланіемъ онъ отправляетъ къ нимъ и Тимotheя, зная,
что хотя и посланіе будетъ имѣть большую силу, но не малую
пользу принесетъ имъ также присутствіе этого ученика. Такъ
какъ тѣ, которые были причиною раздѣленія церкви, стыдятся
показаться дѣлающими это изъ честолюбія, прикрывали свою
страсть тѣмъ, будто они преподаютъ совершеннѣйшее ученіе и
будто сами мудрѣе другихъ, то Павелъ прежде всего возстаетъ
противъ этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить
пронесенное отсюда раздѣленіе, и возстаетъ съ большою силою.
Вѣдь они, преимущественно предъ всѣми, были учениками его,
какъ онъ самъ говоритъ: *еще инымъ нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ
есмь: печать бо моего апостольства вы есте* (ix, 2). Притомъ они
были слабѣе другихъ, какъ онъ же говоритъ: *не глаголахъ вамъ,
яко духовными: ибо не у можете; но ниже еще можете нынѣ* (iii, 1, 2).
Говорить же такъ, чтобы они не подумали, что онъ говоритъ о
прошедшемъ времени,—поэтому и присовокупляетъ: *но ниже еще
можете нынѣ*. Впрочемъ, вѣроятно, не всѣ были преданы поро-
камъ, но были нѣкоторые между ними и весьма благочестивые.
На это указываетъ онъ въ срединѣ посланія, когда говоритъ: *мно
же не велико есть, да отъ васъ истязуся* (iv, 8), и прибавляетъ:
сія же преобразитъ на себе и Аполлосъ (ст. 6). Такимъ образомъ,
поскольку все зло происходило отъ гордости и отъ того, что (нѣ-
которые) почитали себя знающими болѣе другихъ, то онъ низла-
гаетъ ее прежде всего и начинаетъ такъ:

БЕСѢДА I.

11—12 Павелъ званъ апостолъ Иисусъ Христовъ, волю Божію, и Сосеенъ братъ, церкви Божіей, сущей въ Коринѣхъ, освященнымъ о Христвъ Иисусъ, званнымъ святымъ со всѣми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всякомъ мѣствѣ тѣхъ же и нашемъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (1 Кор. I, 1—3).

1. Видишь ли, какъ Павелъ въ самомъ началѣ изложилъ гордость и испровергъ всякую надменность лжеучителей, назвавъ себя *званнымъ*? Не самъ я, говорить, избрѣлъ то, чему наученъ, и не своею мудростію постигъ это, но будучи призванъ, когда гналъ и опустошалъ Церковь. Здѣсь, можно сказать, все принадлежитъ Призвавшему, а призванному ничего, развѣ только послушаніе. *Иисусъ Христовъ*. Учитель вашъ—Христосъ; а вы людей считаете начальниками ученія. *Волю Божію*,—такъ какъ Богъ 13 восхотѣлъ, чтобы вы спаслись такимъ образомъ. Мы сами не совершили ничего, но по волѣ Божіей обрѣли спасеніе: призваны потому, что Ему было угодно, а не потому, чтобы мы были того достойны.

И Сосеенъ братъ. Опять выражаетъ смиреніе, поставляя на ряду съ собою того, кто былъ гораздо меньше его; а разстояніе между Павломъ и Сосееномъ велико. Если же онъ, не смотря на такое разстояніе, поставилъ низшаго наряду съ собою, то что могутъ сказать тѣ, которые презираютъ равночестныхъ? *Церкви Божіей*. Не того или другого, но Божіей. *Сущей въ Коринѣхъ*. Видишь ли, какъ онъ каждымъ выраженіемъ низлагаетъ ихъ надменность, всячески возводя умъ ихъ къ небу? Церковь называетъ Божію, выражая тѣмъ, что въ ней должно быть единеніе, потому что если она Божія, то соединена и едина, не только въ Коринѣхъ, но и во всей вселенной. Имя Церкви—это имя не раздѣленія, но единенія и согласія. *Освященнымъ о Христвъ Иисусъ*. Опять приводитъ имя Иисуса, а не людей. Что такое—освященіе? Омовеніе, очищеніе. Напоминаетъ имъ о той нечистотѣ, отъ которой Онъ избавилъ ихъ, и научаетъ смиренномудрію, такъ какъ они освящены не за собственные добрыя дѣла, но по человеколюбію Божію. *Званнымъ святымъ*. И то самое, что вы спасаетесь вѣрою, не отъ васъ, говорить; не вы первые приступили, но были призваны, такъ что и это малое не вполне принадлежитъ вамъ. Хотя вы приступили, будучи отягощены множествомъ золъ, но и этимъ обязаны не себѣ самимъ, а Богу.

Поэтому въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ* (Еф. II, 8). И вѣра не вполне принадлежитъ вамъ; вы не сами, предваривъ Бога, увѣровали, но послушались, когда были призваны. *Со всѣми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа*. Имя не такого-то или иного, но Господа. *Во всякомъ мѣстѣ тѣхъ же и нашемъ*. Хотя посланіе писано только къ коринѣянамъ, но онъ упоминаетъ о всѣхъ вѣрующихъ по всей вселенной, показывая, что Церкви должна быть едина вездѣ, хотя она находится въ различныхъ мѣстахъ, и тѣмъ болѣе—въ Коринѣѣ. Мѣсто раздѣляетъ, но Господь ихъ соединяетъ, какъ общій для всѣхъ; потому, чтобы впустить имъ единеніе, онъ и присовокупилъ: *нашемъ же и тѣхъ*. Постѣднее важнѣе перваго. Какъ находящіеся въ одномъ мѣстѣ, когда имѣютъ многихъ несогласныхъ между собою господь, бывають раздѣлены, и мѣсто нисколько не способствуютъ имъ быть въ единеніи, потому что господа даютъ имъ различныя приказанія и каждый требуетъ своего,—*не можете*, сказано, *Богу работать и мамонѣ* (Мѣ. VI, 24),—такъ и находящіеся въ различныхъ мѣстахъ, когда имѣютъ не различныхъ господь, а только одного, отъ мѣстъ не теряютъ согласія, потому что одинъ Господь соединяетъ ихъ. Итакъ, говоритъ, вы, коринѣяне, должны быть въ согласіи не только съ коринѣянами, но и со всѣми по всей вселенной, какъ имѣющіе общаго Владыку; поэтому вторично присовокупилъ: *нашемъ*. Чтобы кто-либо изъ неразумныхъ не подумалъ, что онъ допускаетъ раздѣленіе, когда сказать: *имя Господа нашего Иисуса Христа*, онъ опять присовокупляетъ: *Господа нашего же и тѣхъ*. А чтобы это было яснѣе, прочту такъ, какъ требуетъ смыслъ рѣчи: Павелъ и Сосвѣтъ Церкви Божіей, находящейся въ Коринѣѣ, и всѣмъ, призывающимъ имя Господа нашего и ихъ, во всякомъ мѣстѣ, въ Римѣ ли, или гдѣ бы они ни были,—*благодать вамъ и 14 миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Или можно такъ, и, мнѣ кажется, это будетъ еще точнѣе: Павелъ и Сосвѣтъ находящимся въ Коринѣѣ освященнымъ, званымъ святымъ со всѣми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всякомъ мѣстѣ, какъ ихъ такъ и нашего, т. е. благодать вамъ и миръ вамъ, находящимся въ Коринѣѣ освященнымъ, и сдѣлавшимся званными, не однимъ вамъ, но вмѣстѣ со всѣми, во всякомъ мѣстѣ призывающими имя Иисуса Христа, Господа нашего и ихъ. Если же миръ отъ благодати, то что ты высокоумствуешь, что надмеваешься, ты—спасающійся благодатию? Если ты въ мирѣ съ Богомъ, то для чего прилѣпляешься къ другимъ? Это вѣдь значитъ производить раздѣленіе. Для чего, если вы въ мирѣ съ тѣмъ или другимъ, обладаете и благодатью? А я желаю, чтобы

отъ Бога было вамъ то и другое, отъ Него и для Него. То и другое не будетъ твердо, если не произойдетъ отъ мановенія свыше; и если не будетъ относиться къ Нему, то не принесетъ вамъ никакой пользы. Нѣтъ никакой для насъ пользы, если мы, будучи въ мирѣ, хотя бы со всѣми, будемъ во враждѣ съ Богомъ; и опять нѣтъ для насъ никакого вреда, если мы, будучи въ несогласіи хотя бы со всѣми, будемъ въ мирѣ съ Богомъ. Точно также нѣтъ никакой пользы, если мы у всѣхъ заслуживаемъ одобреніе, а Господа оскорбляемъ; и нѣтъ никакой опасности, если всѣ отвращаются и ненавидятъ насъ, а Богъ пріемлетъ и любитъ. Истинная благодать, истинный миръ — отъ Бога. Кто имѣетъ благодать у Бога, тотъ не боится никого, хотя бы терпѣлъ множество золъ, не только—человѣка, но—самого діавола. А кто оскорбилъ Бога, тотъ боится всѣхъ, хотя повидимому находится въ безопасности. Человѣческій родъ непостояненъ: не только друзья и братья, но и отцы, измѣняя свое расположеніе часто по маловажной причинѣ, хуже всякаго врага гнали того, кого родили, кого воспитали, и дѣти гнали отцовъ. Вотъ смотри.

2. Давидъ имѣлъ благодать предъ Богомъ; Авессаломъ имѣлъ благодать предъ людьми; а какой былъ конецъ того и другого и кто получилъ большую похвалу? Вы знаете это. Авраамъ имѣлъ благодать предъ Богомъ, а фараонъ предъ людьми, которые изъ угожденія ему предали жену праведника: кто же изъ нихъ оказался болѣе славнымъ и блаженнымъ? Это всякому извѣстно. И что говорить о праведныхъ? Израильтяне имѣли благодать предъ Богомъ и были ненавидимы отъ людей—египтянъ, но превзошли ненавидѣвшихъ и побѣдили ихъ, знаете, съ какою славой. Потому будемъ всѣ мы пещись объ этомъ: рабъ пусть старается обрѣсти благодать предъ Богомъ прежде, нежели предъ господиномъ; жена пусть ищетъ благодати предъ Спасителемъ Богомъ прежде, нежели предъ мужемъ; воинъ пусть ищетъ благоволенія свыше прежде, нежели отъ царя или начальника: такимъ именно образомъ ты заслужишь благоволеніе и отъ людей. Но какъ же обрѣсти благодать предъ Богомъ? Какъ же иначе, если не смиренномудріемъ? *Богъ, говорить (Писаніе), гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. III, 34); и: *жертва Богу духъ сокрушенъ, и сердца смиренна Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Если и людямъ пріятно смиреніе, тѣмъ болѣе Богу. Такъ язычники обрѣли благодать; такъ и іудеи отпали отъ благодати: *прядѣ бо*
 15 *Божіей не повинувшася* (Рим. X, 3). Смиренный угоденъ и пріятенъ всѣмъ, живетъ въ постоянномъ мирѣ и не имѣетъ никакой причины ко враждѣ. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, онъ станетъ молчать и переносить съ

кротостию и будетъ имѣть такой миръ со всѣми, какого и выразить невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ Богомъ. А заповѣди Божіи къ тому и направлены, чтобы намъ пребывать въ мирѣ съ людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы въ мирѣ другъ съ другомъ; Богу же никто не можетъ причинить зла; Онъ по природѣ Своей не подлежитъ вліянію зла и выше всякой страсти. Ничто такъ не дѣлаетъ христіанина достойнымъ удивленія, какъ смиренномудріе. Послушай, какъ говоритъ Авраамъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27); или Богъ о Моисеѣ—что былъ самый кроткій изъ всѣхъ людей (Числ. xii, 3). Никто не былъ смиреннѣе его: управляя такимъ народомъ, потопивъ въ морѣ и царя и все войско египетское, какъ мухъ, совершивъ такія дѣла въ Египтѣ, въ Черномъ морѣ и въ пустынѣ, удостоившись такого свидѣтельства, онъ велъ себя, какъ заурядный человѣкъ. Зять былъ смиреннѣе тестя и принялъ совѣтъ его; не оскорбился и не сказалъ: „что это? послѣ такихъ-то и такихъ дѣлъ, ты пришелъ совѣтовать мнѣ?“ Такъ поступаютъ многіе, хотя бы имъ предлагаемъ былъ самый лучший совѣтъ, пренебрегая совѣтующимъ за его скромность. А онъ не такъ; напротивъ, дѣлалъ все со смиренномудріемъ. Потому-то онъ презрѣлъ царскіе чертоги, что былъ истинно смиреннымъ; смиренномудріе дѣлаетъ умъ нашъ здравымъ и возвышеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не зналъ ли высокой мудрости и великой души его — что онъ презрѣлъ и домъ и столъ царскій? Цари у египтянъ почитались какъ боги, и наслаждались безчисленными богатствами и сокровищами; но онъ оставилъ все это, отвергъ самый скипетръ египетскій и удалился къ плѣннымъ и угнетеннымъ, изнуреннымъ брѣніемъ и пачиводѣланіемъ, презираемымъ самими рабами его, — *гнушахуся ими*, говорится, *египтяне* (Исх. i, 12); этихъ людей онъ предпочелъ владыкамъ. Такъ-то смиренный бываетъ высокъ и великодушенъ! Вѣдь гордость есть знакъ низкаго ума и неблагородной души, кротость же—души высокой и великой.

3. Если угодно, объяснимъ то и другое примѣрами. Скажи мнѣ, кто былъ выше Авраама? А онъ говорилъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27); и еще: *да не будетъ распря между мною и между тобою* (xiii, 8). Онъ былъ такъ смиренъ, что пренебрегъ добычею отъ персовъ и отвергъ трофеи надъ иноплеменниками; онъ поступилъ такъ по высотѣ и величію души своей, потому что тотъ и высокъ, кто смиренъ истинно, а не мнимо и притворно. Одно—величіе души, а другое—надменность; это можно видѣть изъ слѣдующаго. Положимъ, что одинъ почитаетъ грязь грязью и пренебрегаетъ ею, а другой удивляется грязи, какъ золоту, и почитаетъ ее за нѣчто великое: кто изъ нихъ человѣкъ

16 высокій? Не тотъ ли, кто не удивляется грязи? А кто низокъ и жалокъ? Не тотъ ли, кто удивляется ей и считаетъ за нѣчто великое? Такъ и здѣсь. Кто называетъ себя землею и пепломъ, тотъ высокъ, потому что говоритъ это по смиренномудрію; а кто не почитаетъ себя землею и пепломъ, но превозносится и высокоумдствуетъ, тотъ низокъ, потому что малое считаетъ великимъ. Слѣдовательно праотецъ (Авраамъ) по величію души сказалъ слова: *азъ есмь земля и пепелъ*, — по величію души, а не по надменности. Какъ въ тѣлѣ иное—полнота и дородность, а иное—опухлость, потому что хотя въ томъ и другомъ случаѣ тѣло бываетъ тучнымъ, но одно происходитъ отъ болѣзни, а другое отъ здоровья, такъ и здѣсь: иное—надменность,—это тоже, что опухлость,—а иное—величіе, это—полнота. Или еще положимъ, что одинъ высокъ ростомъ, а другой, хотя и малъ, но взявши ходули становится высокимъ: кого изъ нихъ, скажи мнѣ, назовемъ мы высокимъ и большимъ? Не того ли, кто высокъ по природѣ? Конечно, его, потому что у другого высота не своя, но онъ, ставши на ходули, дѣлается изъ низкаго высокимъ. Таковы многіе изъ людей, превозносящіеся богатствомъ и славой, которыя не составляютъ величія. Высокъ тотъ, кто ни въ чемъ подобномъ не имѣетъ нужды, презираетъ все (земное) и имѣетъ величіе въ самомъ себѣ. Будемъ же смиренными, чтобы намъ сдѣлаться высокими: *смирѣйся*, говоритъ (Господь), *вознесется* (Мѡ. хлп, 12). Не таковъ человѣкъ надменный; напротивъ, онъ ничтожнѣ всѣхъ; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого такихъ людей мы и называемъ надутыми. Смиренномудрый и при величій своемъ не думаетъ о себѣ много, зная свое смиреніе, а ничтожный и при малости своей многое о себѣ воображаетъ. Будемъ же достигать величія смиренномудріемъ; будемъ помнить о природѣ (всего) человѣческаго, чтобы намъ воспламениться желаніемъ будущаго. Не иначе вѣдь можно сдѣлаться смиреннымъ, какъ любовію къ божественному и презрѣніемъ къ настоящему. Какъ тотъ, кто ожидаетъ получить царство, когда вмѣсто порфиры предложили бы ему какую-нибудь частную почесть, почель бы ее за ничто, такъ точно и мы посмѣемся надъ всѣмъ настоящимъ, если воспламенимся желаніемъ почести будущей. Посмотрите на дѣтей, когда они играя становятся въ строй,—какъ они ставятъ воиновъ и предъ ними глашатаевъ и ликторовъ, а въ срединѣ одинъ изъ нихъ идетъ въ видѣ начальника: не дѣтская ли это забава? Таковы отличія человѣческія, и даже—хуже: сегодня существуютъ, а завтра ихъ нѣтъ! Будемъ же выше ихъ и не только не станемъ желать, но еще—стыдиться, когда кто будетъ предлагать ихъ намъ. Отвергну такимъ образомъ любовь къ нимъ,

мы воспламенимся любовію божественною и удостоимся безсмертной славы, каковой и да сподобимся всѣ мы благодатию и чело-вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Бо- 17
жіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ: яко во всемъ обо-
гатитесь о Немъ (1 Кор. I, 4, 5).

1. Чему другихъ научаетъ (Павель), когда говоритъ: *со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу* (Фил. IV, 6), — то дѣлаетъ и самъ, внушая намъ начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ничто такъ не угодно Богу, какъ благодарность и за себя и за другихъ. Потому (Павель) начи-наетъ такъ почти каждое посланіе; здѣсь же сдѣлать это было необходимѣе, нежели въ другихъ. Кто благодаритъ, тотъ благодаритъ какъ чувствующій благодѣяніе и какъ бы воздаетъ за дарованную благодать; благодать же не есть ни долгъ, ни награда, ни воздаяніе. Это нужно знать всѣмъ, тѣмъ болѣе нужно было коринѣянамъ, которые склонялись на сторону раздѣлявшихъ Церковь. *Бога моего.* По великой любви онъ усвоетъ себѣ принадлежавшее всѣмъ, называетъ Бога своимъ, какъ обыкновенно выражались и пророки: *Боже, Боже мой.* вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ и имъ говорить тоже. Кто говоритъ такъ, тотъ, оставивъ все человѣческое, обращается къ Тому, Кого призываетъ съ великою любовію. Говоритъ такъ можетъ тотъ, кто, отъ житейскаго постоянно обращаясь къ Богу, предпочитаетъ Его всему и не только непрестанно благодаритъ за благодать уже дарованную, но возносить Ему хвалу и за всякое благо, какое ни получить. Потому не просто сказалъ: *благодарю*, но: *всегда о васъ*, научая ихъ благодарить всегда, и не другого кого, а только Бога. *О благодати Божіей.* Видишь ли, какъ онъ вездѣ исправляетъ ихъ? Гдѣ благодать, тамъ нѣтъ дѣлъ; а гдѣ дѣла, тамъ не благодать. Итакъ, если (вамъ дана) благодать, то что высокоумствуете? Почему надмеаетесь? *Даннѣй вамъ.* И чрезъ кого она дана? Чрезъ меня ли, или чрезъ другого апостола? Нѣтъ, но чрезъ Іисуса Христа, — это и означаетъ выраженіе: *о Христѣ Іисусѣ.* Замѣть: онъ часто употребляетъ — о (ἐν) вмѣсто — чрезъ (διὰ). Слѣдовательно, это тоже, что — *чрезъ.* *Яко во всемъ обогатитесь.* Чрезъ кого? Опять о Немъ, говорить. И не просто обогатитесь, но во всемъ. Итакъ

у васъ есть богатство, и богатство Божіе, и во всемъ, и чрезъ Единороднаго: какое неизреченное сокровище! *Во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ. Слово* не внѣшнемъ, но Божіемъ. Есть разумѣніе безъ слова, и есть разумѣніе съ словомъ. Есть много имѣющихъ разумъ и не имѣющихъ слова, каковы невѣжды и неумѣющіе ясно выразить того, что содержать въ умѣ. А вы, говорить, не таковы, но способны и разумѣть и говорить. *Якоже свидѣтельство Христово извѣстися въ васъ* (ст. 6). Внѣстъ съ похвалами и благодареніями сильно укоряетъ ихъ. Не внѣшнею философіею, говорить, и не внѣшнимъ наученіемъ, но благодатію Божіею по богатству разумѣнія и слова, отъ Него дарованному, вы научились догматамъ истины и утвердились во свидѣтельствѣ Господнемъ, т. е. въ проповѣди. Вы удостоились многихъ знаменій, многихъ чудесъ, неизреченной благодати, когда приняли проповѣдь. Итакъ, если вы утвердились знаменіями и благодатію, то для чего колеблетесь? Укоряя ихъ, онъ сказаннымъ и предрас-
18 *полагаетъ ихъ къ себѣ. Яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи* (ст. 7). Здѣсь представляется важный вопросъ: если они обогащены всякимъ словомъ и не имѣютъ недостатка ни въ какомъ дарованіи, то какъ они (остаются) плотскими? Если они въ началѣ имѣли все это, то не тѣмъ ли болѣе теперь? Почему же онъ называетъ ихъ плотскими? *Не могохъ, говорить, глаголати вамъ яко духовнымъ, но яко плотнымъ* (ш, 1). Что сказать на это? То, что они, въ началѣ увѣровавъ и получивъ всякія дарованія, — о которыхъ ревновали, — въ послѣдствіи сдѣлались нерадивыми. Или, если не такъ, то не ко всѣмъ говорится то и другое, но одно къ достойнымъ обличенія, а другое къ достойнымъ похвалы. А что у нихъ еще были дарованія, объ этомъ онъ говоритъ такъ: *иной псаломъ имать, откровеніе имать, языкъ имать, сказаніе имать: вся же къ созиданію да бываютъ* (xiv, 26); и еще: *пророцы же два или трие да глаголютъ* (ст. 29). Можно и иначе объяснить: какъ мы имѣемъ обыкновеніе о большей части говорить какъ о цѣломъ, такъ и онъ здѣсь сказалъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, онъ намекаетъ и на свои дѣянія, т. е. на знаменія, которыя онъ самъ явилъ у нихъ, о чемъ онъ говоритъ во второмъ къ нимъ посланіи: *знаменія бо апостола содѣлашася въ васъ во всякомъ терпѣніи* (2 Кор. xii, 12); и еще: *что бо есть, егже лишистеся паче прочихъ церквей* (ст. 13)? Такимъ образомъ онъ или, какъ я сказалъ, напоминаетъ о своихъ дѣяніяхъ, или говорить это къ тѣмъ, которые еще были достойны похвалы, потому что тамъ было много святыхъ, которые посвятили себя на служеніе святымъ и содѣлались начаткомъ Ахаіи, какъ онъ говоритъ въ концѣ посланія (1 Кор. xvi, 15). Съ другой стороны, если похвалы и не слыш-

комъ близки были къ истинѣ, то все же онѣ предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить ихъ къ принятію слова. Кто сейчасъ же съ самаго начала говорить строго, тотъ у немощныхъ заграждаетъ слухъ для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то сердятся; если гораздо ниже его, то скорбятъ. Чтобы не случилось этого, онъ и начинаетъ повидимому похвалю; самая похвала относилась не къ нимъ, а къ благодати Божіей, такъ какъ отпущеніе грѣховъ и оправданіе есть даръ свыше. Потому онъ и распространяется особенно о томъ, въ чемъ выражается человѣколюбіе Божіе, чтобы лучше исцѣлять ихъ отъ недуга. *Чающимъ откровенія Господа нашего Иисуса Христа.* Для чего вы смущаетесь, говорить, для чего беспокоитесь о томъ, что не предстоитъ Христосъ? Онъ предстоитъ и уже близокъ день Его. Смотри, съ какою мудростію, отклонивъ ихъ отъ всего человѣческаго, онъ приводитъ ихъ въ страхъ, напомнивъ о страшномъ судѣ и показавъ, что не начало только требуется доброе, но и конецъ. При дарованіяхъ и при всякой добродѣтели нужно помнить объ этомъ днѣ; и нужно много трудовъ, чтобы дойти до конца.

2. Онъ называетъ (этотъ день) *откровеніемъ*, выражая, что хотя онъ еще невидимъ, но онъ есть, предстоитъ и теперь, а тогда явится. Потому нужно имѣть терпѣніе; для того вы и удостоились чудесъ, чтобы пребывать твердыми. *Иже и утвердитъ васъ даже до конца невинныхъ* (ст. 8). Здѣсь онъ, повидимому, говоритъ въ угожденіе имъ; но слова его чужды всякой лести. Онъ не оставлялъ и укорять ихъ, какъ, напримѣръ, когда говорить: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгорѣвшись нѣцыи* (1 Кор., iv, 19 18); и еще: *что хотите, съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (ст. 21)? Также: *или искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. xii, 3)? И здѣсь онъ нѣкоторымъ образомъ обличаетъ ихъ; слова: *утвердитъ, и: невинныхъ*—выражаютъ, что они еще не тверды и виновны. Замѣть, какъ часто онъ указываетъ имъ на имя Христово; не упоминаетъ ни о комъ изъ людей, ни объ апостолѣ, ни объ учителѣ, а постоянно объ этомъ возжелѣнномъ имени, желая воздвигнуть ихъ отъ состоянія какъ бы какого опьяненія. Въ другихъ посланіяхъ нигдѣ такъ часто не приводится имя Христово, а здѣсь въ немногихъ стихахъ непрестанно, такъ что изъ него составлено почти все вступленіе. Посмотри съ самаго начала: *Павелъ званъ апостолъ Иисусъ Христосъ; освященнымъ о Христѣ Иисусъ съ призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа; благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Благодарю Бога моего о благодати, данный вамъ о Христѣ Иисусъ; якоже свидѣтельство Хри-*

стово извѣстися въ васъ; чающими откровенія Господа нашего Іисуса Христа; иже и утвердитъ васъ неповинныхъ въ день Господа нашего Іисуса Христа. Вѣренъ Богъ, иже званіи бысте во общеніе Сына Его Іисуса Христа Господа нашего; молю же вы именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Видишь ли, какъ часто употребляется имя Христово? Отсюда ясно даже для неразумныхъ, что онъ не напрасно и не просто дѣлаетъ это, но частымъ употребленіемъ этого высокаго имени желаетъ низложить ихъ надменность и истребить злой ихъ недугъ. *Вѣренъ Богъ, иже званіи бысте во общеніе Сына Его* (ст. 9). О, какъ много онъ сказалъ этимъ! Какое показалъ величіе дара! Вы призваны въ общеніе съ Единороднымъ и прилѣпляетесь къ людямъ? Что хуже этого неразумія? И кѣмъ призваны? Отцомъ. Такъ какъ онъ, говоря о Сынѣ, часто употреблялъ выраженія: *чрезъ Него, о Немъ*, то, чтобы не подумали, будто (объ Отцѣ) онъ упоминаетъ, какъ о меньшемъ, приписываетъ это Отцу. Не такимъ-то и такимъ-то, говоритъ, но Отцемъ вы призваны и Имъ обогащены. Опять: *званіи бысте*, а не сами пришли. Что значить: *во общеніе Сына Его*? Послушай, какъ онъ говоритъ объ этомъ яснѣе въ другомъ мѣстѣ: *аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся; аще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ* (2 Тим. п, 12). Въѣстъ съ тѣмъ, такъ какъ онъ сказалъ великую истину, присовокупляетъ въ подтвержденіе неопровержимое доказательство: *отрѣнъ*, говоритъ, *Богъ*, т. е. истиненъ. Если онъ вѣренъ, то и сдѣлаетъ, что обѣщаль; а обѣщаль Онъ сдѣлать насъ общниками Единороднаго Сына; для этого Онъ и призвалъ: *нераскайниа бо дарованія его, и званіе Божіе* (Рим. xi, 29). Объ этомъ онъ говоритъ теперь прежде всего, чтобы послѣ сильныхъ обличеній они не впали въ отчаяніе. Обѣщанное Богомъ непремѣнно исполнится, если только мы сами не будемъ сильно противиться, подобно іудеямъ, которые, будучи призываемы, не захотѣли принять благъ.

Это зависѣло уже не отъ Призывающаго, но отъ ихъ не-благодарности: Онъ хотѣлъ даровать, а они не хотѣли принять, и такимъ образомъ лишили сами себя. Если бы Онъ призывалъ ихъ къ дѣлу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновеніе ихъ и тогда не заслуживало прощенія, но, по крайней мѣрѣ, они могли бы сослаться на это; если же призываются къ очищенію, къ оправданію, къ освященію, къ искушенію, къ благодати, къ дару, къ уготованнымъ благамъ, *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ* (1 Кор. п, 9), если призываетъ Богъ и призываетъ самъ, то могутъ ли быть достойны прощенія необращающіеся къ Нему? Потому пусть никто не обвиняетъ Бога. Не отъ Призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но ска-

жешь: можно было бы привести и не желающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, пиршествамъ и торжествамъ, станетъ влечь кого-нибудь противъ воли и связаннаго? Никто, потому что это свойственно насилующему. Въ геенну Онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а къ безчисленнымъ благамъ—не такъ: самыя блага не были бы вожделѣнны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанию великаго ихъ достоинства.

3. Почему же, скажешь, не всѣ стремятся къ нимъ? По своей немощи. А почему Онъ не избавляетъ ихъ отъ немощи? Но какъ, скажи мнѣ, и какимъ способомъ слѣдовало бы избавить? Не создалъ ли Онъ твореній, которыя возвѣщаютъ о Его человеколюбіи и силѣ? *Небеса*, сказано, *повѣдаютъ славу Божию* (Псал. хviii, 2). Не посылалъ ли пророковъ? Не призывалъ ли и не награждалъ ли почестями? Не совершалъ ли чудесъ? Не далъ ли закона писаннаго и естественнаго? Не послалъ ли Сына? Не послалъ ли апостоловъ? Не творилъ ли знаменій? Не угрожалъ ли геенпою? Не обѣщалъ ли царствія? Не повелѣлъ ли солнцу сіять каждодневно? Не легки ли и не удобоисполнимы ли Его заповѣди, такъ что многіе силою любомудрія превышаютъ Его предписанія? *Что надлежало сотворити винограду, и не сотворихъ ему* (Ис. v, 4)? А почему, скажешь, Онъ не сдѣлалъ для насъ естественными знаніе и добродѣтель? Кто говоритъ это: язычникъ или христіанинъ? И тотъ и другой, только не въ одномъ и томъ же отношеніи, но одинъ возражаетъ касательно знанія, другой—жизни. Скажемъ напередъ къ нашему, такъ какъ я говорю не столько ко вѣшнымъ, сколько къ собственнымъ нашимъ членамъ. Что же говоритъ христіанинъ? Слѣдовало (говоритъ онъ) вложить въ насъ познаніе добродѣтели. Онъ и вложилъ; еслибы не вложилъ, то откуда мы узнали бы, что должно дѣлать и чего не должно? Откуда законы и судилища? Но не знаніе только (говорить), а самую дѣятельность. За что же ты сталъ бы получать награды, если бы все происходило отъ Бога? Скажи мнѣ: если и ты и язычникъ согрѣшаеши, то одиноково ли наказываетъ васъ Богъ? Нѣтъ; ты имѣешь преимущество по причинѣ знанія. Что, если бы теперь сказали тебѣ, что, не смотря на знаніе, ты и язычникъ достоинъ одного и того же,—ты не обидѣлся ли бы? Конечно, такъ; ты сказалъ бы, что язычникъ могъ внутри себя найти знаніе, но не захотѣлъ. А если бы тотъ сказалъ, что Богу слѣдовало вложить въ насъ знаніе естественнымъ путемъ, то ты не разсмѣялся ли бы и не сказалъ ли бы ему: почему же ты не

искалъ, почему не старался, какъ я? Не возсталъ ли бы ты противъ него съ великимъ дерзнованіемъ и сказалъ ли бы, что крайне безумно обвинять Бога, будто Онъ не вложилъ знанія въ нашу природу? Сказалъ бы это потому, что касательно знанія у тебя все исправно; если бы было все также исправно и касательно жизни, то ты не сталъ бы давать такихъ вопросовъ; но такъ какъ ты не твердъ въ добродѣтели, то предлагаешь такіа безумныя сужденія. И какъ можно сдѣлаться добрымъ по необходимости? Тогда стали бы состязаться съ нами въ добродѣтели и безсловесныя животныя, изъ которыхъ нѣкоторыя воздержнѣ насъ.

21 Но, скажешь, я желалъ бы лучше быть добрымъ по необходимости и не получать никакихъ наградъ, нежели быть злымъ по свободному рѣшенію и терпѣть наказанія и мученія. Но невозможно быть добрымъ по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно дѣлать, заяви, и тогда мы скажемъ, что слѣдуетъ сказать; а если знаешь, что невоздержаніе есть зло, то почему не убѣгаешь ала? Не могу, говоришь ты. Но другіе люди, совершившіе такіе великіе подвиги, осудятъ тебя и заградятъ тебѣ уста съ великою силою. Ты, можешь быть, и жену имѣя, несоблюдаешь цѣломудріе; а другой, и не имѣя жены, хранитъ совершенную чистоту. Какое же ты имѣешь оправданіе, не соблюдая мѣры, тогда какъ другой восходитъ выше заподѣваннаго? Но я, говоришь, не таковъ по своей тѣлесной природѣ или по расположенію. Да—потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что всѣ способны къ добродѣтели; кто чего не можетъ сдѣлать, тотъ не сможетъ и въ случаѣ необходимости; если же кто въ случаѣ необходимости можетъ, а безъ ней не дѣлаетъ, тотъ не дѣлаетъ по свободному рѣшенію. Напримѣръ: летать и подниматься къ небу человѣческому тѣлу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелѣлъ дѣлать это, угрожалъ смертію (неповинующимся) и говорилъ: тѣхъ, которые не летаютъ, повелѣваю сѣчь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто сго? Нѣтъ, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сдѣлано было касательно цѣломудрія и приказано было невоздержныхъ наказывать, жечь, сѣчь, подвергать безчисленнымъ мученіямъ, то не стали бы многіе повиноваться приказаніямъ? Нѣтъ, скажешь, потому что и теперь существуетъ законъ, повелѣвающий не прелюбодѣйствовать, и не всѣ повинуются. Но не потому, что законъ безсиленъ, а потому, что многіе надѣются укрыться. Если бы при томъ, кто склоняется на прелюбодѣяніе, присутствовали законодатель и судія, то страхъ былъ бы силенъ прогнать похоть. Если даже я представляю дру-

гую меньшую необходимость, напр. возьму и уведу его отъ любящей женщины и связавши запру гдѣ-нибудь, то и тогда онъ въ состояніи будетъ перенести и не потерпитъ ничего худого.

Итакъ, не будемъ говорить, что такой-то добръ по природѣ, а такой-то злъ по природѣ. Если бы кто былъ добръ по природѣ, то никогда не могъ бы сдѣлаться злымъ; а если бы былъ злъ по природѣ, то никогда не сдѣлался бы добрымъ. Между тѣмъ мы видимъ быстрыя перемѣны: люди впадаютъ то въ то, то въ другое состояніе, и переходятъ отъ одного къ другому. Это можно видѣть не только въ Писаніяхъ, гдѣ напр. мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы цѣломудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, какъ въ новомъ, такъ и въ ветхомъ завѣтѣ, по и каждый день можно видѣть множество подобныхъ случаевъ. Если бы (добро и зло) были естественны, то такихъ перемѣнъ не было бы. Такъ,—мы чувствительны по природѣ, и при всемъ стараніи никогда не сдѣлаемся нечувствительными. Что свойственно природѣ, то не выйдетъ изъ природы. Никто, имѣющій нужду въ снѣ, не перестанетъ спать: никто, подвергающійся тлѣнію, не избавится отъ тлѣнія; никто алчущій не достигнетъ того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится въ вину, и мы сами за это не укоряемъ себя. Никто въ укоръ другому не говоритъ: о, тлѣнный, о, чувствующій!—но всегда на видъ обвиняемымъ мы поставимъ или прелюбодѣяніе или блудъ или что-нибудь подобное и за это приводимъ ихъ къ судьямъ, которые осуждаютъ и наказываютъ, а за противное тому награждаютъ. Итакъ, и изъ того, что мы дѣлаемъ между собою и что дѣлаютъ съ нами судьи, и изъ того, что мы написали законы и осуждаемъ самъ себя, хотя бы не было противъ насъ никакого обвинителя, и изъ того, что отъ нерадѣнія становимся хуже, а отъ страха лучше, и изъ того, что видимъ другихъ добродѣтельными и восходящими на высоту любомудрія,—очевидно, что въ насъ находится возможность добродѣтели. Для чего же многіе изъ насъ понапрасну обольщаютъ себя холодными извиненіями и предлогами, не только не заслуживающими прощенія, но и навлекающими тяжкое наказаніе, тогда какъ слѣдовало бы заботиться о добродѣтели, имѣя предъ глазами тотъ страшный день, и, потерпѣвъ немного, достигать суждаемыхъ вѣнцовъ? Эти извиненія не принесутъ намъ никакой пользы; рабы, намъ подобные и успѣвшіе въ противномъ, осудятъ всѣхъ согрѣшающихъ, жестокаго—милостивый, злого—добрый, дерзкаго—кроткій, завистливаго—дружелюбный, тщеславнаго—любомудрый, нерадиваго—усердный, развратнаго—цѣломудренный. Такъ совершитъ Богъ судъ надъ нами, раздѣливъ

пасъ на двѣ части, и однихъ удостойтъ похвалы, а другихъ наказанія. Но да не будетъ никто изъ здѣсь присутствующихъ въ числѣ наказуемыхъ и мучимыхъ, а будетъ въ числѣ вѣнчаемыхъ и получающихъ царствіе Божіе, котораго и да сподобимся всѣ мы благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

- 21 Моллю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждены въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли (1 Кор. I, 10).

1. Обличеніе, какъ я всегда говорилъ, надобно дѣлать постепенно и мало-по-малу; такъ Павелъ здѣсь и дѣлаетъ: Приступая къ предмету, исполненному великихъ опасностей и могшему поколебать церковь до самаго основанія, онъ начинаетъ рѣчь съ кротостію. Онъ умоляетъ коринѣянъ и умоляетъ Христомъ, какъ бы самъ одинъ не могъ предложить это наставленіе и убѣдить. Что 22 значить: *моллю Христомъ*? Призываю на помощь Христа и имя Его, оскорбленное и поруганное. Весьма сильно (впускаетъ имъ), чтобы они не были безстыдными, такъ какъ грѣхъ именно дѣлаетъ людей безстыдными. Такъ всегда, если вдругъ станешь рѣзко обличать кого-нибудь, то онъ ожесточится и сдѣлается безстыднымъ; если же сдѣласшь внушеніе, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь смириться. Это Павелъ и дѣлаетъ, умолая именемъ Христа. О чемъ же онъ умоляетъ? *Да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри* (σχιζματα). Выразительное слово: *распри*, заключая въ себѣ и обличеніе, 23 могло сильно тронуть ихъ. У нихъ и части не были здравы, и цѣлое было расторгнуто. Если бы части церкви были здравы, то были бы многія соединенія. А если у нихъ были распри, то не было и цѣлаго. Когда цѣлое раздѣляется на многія части, то не только части не составляютъ многихъ (цѣлыхъ), но перестаетъ быть и одно цѣлое. Таково свойство распрей! Сильно тронувъ ихъ обличеніемъ въ расприхъ, онъ далѣе показываетъ свою кротость и смягчаетъ рѣчь: *да будете же, говорить, утверждены въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли*. Послѣ словъ: *да тожде глаголете вси*, не подумайте, говорить, что я разумѣю согласіе только въ словахъ; нѣтъ, я желаю согласія въ мысляхъ. А такъ какъ можно имѣть и одинаковыя мысли, но не о всѣхъ предме-

такъ, то присовокупляетъ: *да будете же утверждены*. Кто согласенъ въ одномъ, но не согласенъ въ другомъ, тотъ еще не утвержденъ, не достигъ совершеннаго единомыслія. Бываетъ и то, что при согласіи въ мысляхъ, еще нѣтъ согласія въ духѣ,—напр., когда мы, имѣя одну и ту же вѣру, не соединены между собою любовію. Въ этомъ случаѣ мы согласны въ мысляхъ,—думаемъ вѣдь одинаково,—но еще не согласны по духу. Тоже было и въ Коринѣ, гдѣ одинъ держалъ сторону того, а другой—иного. Потому Павелъ и говоритъ, что надобно быть *утвержденными въ томъ же разуміи и въ той же мысли*. Распри у нихъ происходили не отъ различія въ вѣрѣ, но отъ несогласія въ духѣ, по человѣческому тщеславію. Но такъ какъ обвиняемый безъ свидѣтелей можетъ остаться упорнымъ до безстыдства, то чтобы они не могли отвергать сказаннаго, приводить свидѣтелей. *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, отъ (домашнихъ) Хлоиса* (ст. 11). Не вдругъ сказалъ это, но напередъ изложилъ обличеніе, потому что вѣрилъ возвѣстившимъ; еслибъ не вѣрилъ, то не сталъ бы и обличать; а повѣрить слѣпо Павелъ не могъ. Такимъ образомъ онъ не вдругъ сказалъ: *возвѣстися*, чтобы не показалось, что онъ обвиняетъ ихъ только по словамъ возвѣстившихъ, и не умолчалъ объ этомъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ только самъ отъ себя. Здѣсь опять называетъ ихъ *братіями*. Хотя грѣхъ ихъ былъ явный, но ничто еще не препятствовало называть ихъ братіями. Притомъ,—замѣть мудрость его,—онъ не указалъ на отдѣльное лице, но на цѣлый домъ, чтобы они не возстали противъ возвѣстившаго: такъ онъ и его сокрылъ и вину ихъ прямо открылъ! Онъ зналъ, что полезно для однихъ, и что нужно для другихъ. Потому не сказалъ: *возвѣстися ми* отъ нѣкоторыхъ; онъ указалъ на извѣстный домъ, чтобы это не показалось вымышленнымъ. Что же было возвѣщено? *Яко рвенія въ васъ суть*. Когда самъ укоряетъ ихъ, то говоритъ: *да не будутъ въ васъ распри*; а когда передаетъ слышанное отъ другихъ, то выражается болѣе кротко: *возвѣстися бо ми, яко рвенія въ васъ суть*,—чтобы не подвергнуть опасности возвѣстившихъ. Потомъ говоритъ, въ чемъ именно состояло несогласіе: *яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ* (ст. 12). Разумѣю, говоритъ, несогласія не въ частныхъ дѣлахъ, но гораздо важнѣйшія. *Яко кійждо васъ глаголетъ*. Зло касалось не части, но всей церкви. Впрочемъ коринѣяне не говорили такъ ни о немъ, ни о Петрѣ, ни объ Аполлосѣ; но онъ показываетъ, что если и такихъ лицъ не слѣдуетъ ставить въ такое къ себѣ отношеніе, то тѣмъ болѣе другихъ. А что они не говорили этого, онъ самъ объясняетъ ниже: *сія же преобразизъ на себе и Аполлоса, да отъ насъ научится не* 24

наче написаннихъ мудрствовати (1 Кор. iv, 6). Если не слѣдуетъ называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тѣмъ болѣе— другихъ. Если не слѣдуетъ усвоить имени учителя, перваго изъ апостоловъ и просвѣтителя столькихъ народовъ, то тѣмъ болѣе— людей ничего незначущихъ. Такимъ образомъ онъ только примѣнительно перечисляетъ эти имена, чтобы скорѣе исцѣлить ихъ болѣзнь. Притомъ дѣлаетъ рѣчь свою менѣе непріятною, не упоминая по имени раздѣлявшихъ церковь, но какъ бы прикрывая ихъ именами апостоловъ: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ*.

2. Онъ поставилъ Петра послѣднимъ, не предпочитая ему себя, а напротивъ именно предпочитая себѣ Петра. Онъ ведетъ рѣчь отъ меньшаго къ большему; и чтобы не подумали, что онъ поступаетъ по зависти и предвосхищаетъ себѣ честь у другихъ по тщеславію, ставитъ себя первымъ. Кто себя перваго считаетъ недостойнымъ, тотъ дѣлаетъ это не изъ честолюбія, но по великому презрѣнію къ такой чести. Такъ и онъ прежде отъ себя самого отклоняетъ такую честь, а потомъ отъ Аполлоса, и наконецъ отъ Кифы; слѣдовательно дѣлаетъ это не изъ предпочтенія себя самого, но прежде всѣхъ на своемъ собственномъ лицѣ показываетъ, чего не должно быть. А что принимавшіе сторону того или другого грѣшили, это очевидно. Потому справедливо онъ и укоряетъ ихъ, внушая, что они худо дѣлаютъ, когда говорятъ: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ*. Но для чего онъ присовокупилъ: *азъ же Христовъ*? Если согрѣшали тѣ, которые прилѣплялись къ людямъ, то неужели грѣшили и тѣ, которые прилѣплялись ко Христу? Нѣтъ; онъ укорялъ ихъ не за то, что они назывались Христовыми, но за то, что не всѣ они (дѣлали это). Я думаю, что онъ прибавилъ это отъ себя, чтобы сдѣлать обличеніе болѣе сильнымъ, чтобы показать, что въ такомъ случаѣ и Христосъ усвоется только одной части, хотя они не дѣлали этого. Что онъ дѣйствительно внушалъ такую мысль, видно изъ слѣдующихъ словъ его: *еда раздѣлися Христосъ* (ст. 13)? Это значить: вы раздѣлили Христа и расторгли тѣло Его. Видишь ли его гнѣвъ, видишь ли укоризну, видишь ли рѣчь, исполненную негодованія? Онъ не доказываетъ, а только предлагаетъ вопросъ въ знакъ очевидной нецѣлостности заключающейся въ немъ мысли. Нѣкоторые пахотятъ здѣсь и другую мысль въ словахъ - *еда раздѣлися Христосъ*, именно: развѣ Онъ расторгъ и раздѣлилъ Церковь между людьми, и одну часть взялъ себѣ, а другую отдалъ имъ? Далѣе старается уничтожить такую нецѣлостность и говоритъ: *еда Павелъ распялся по вась, или во имя Павлово креститесь?* Смотри, съ какою любовію ко Христу онъ

отнести все доказательство къ своему имени, и тѣмъ самымъ ясно внушаетъ, что эта честь не принадлежитъ никому. Чтобы не подумали, что онъ говоритъ все это по зависти, онъ непрерывно повторяетъ свое имя, и замѣтъ, съ какою мудростію. Не сказать: развѣ Павелъ сотворилъ міръ, развѣ Павелъ привелъ васъ изъ небытія въ бытіе?—но представляетъ то, что было особенно близко къ вѣрующимъ и показывало великое промышленіе Божіе: крестъ и крещеніе и происходящія отъ нихъ блага. Человѣколюбіе Божіе открывается и въ сотвореніи міра, но особенно въ крестномъ Его уничиженіи. Не сказалъ также: развѣ Павелъ 25 умеръ за васъ?—но: *еда Павелъ распятыя по васъ?*—представляя такимъ образомъ самый родъ смерти. *Или во имя Павлово креститесь?* Не сказалъ: развѣ Павелъ крестилъ васъ?—такъ какъ онъ крестилъ многихъ, и не въ томъ дѣло, кѣмъ они были крещены, а въ томъ, въ чье имя крещены. Такъ какъ причиною распрей было и то, что они назывались по именамъ крестившихъ ихъ, то онъ исправляетъ это и говоритъ: *или во имя Павлово креститесь?* То есть: не говори мнѣ, кто тебя крестилъ, но въ чье имя. Важно не то, кто крестилъ, но Кто призывается въ крещеніи, такъ какъ Онъ отпускаетъ грѣхи. Сказавъ это, онъ не распространяется о послѣдующемъ, не говоритъ: развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ будущія блага?—развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ царствіе небесное? Почему же онъ не присоединилъ и этого? Потому, что не одно и тоже—обѣщать царствіе и распяться; первое не представляло опасности и не приносило безчестія, а послѣднее заключало въ себѣ все это. Съ другой стороны, въ послѣднемъ разумѣется и первое: сказавъ: *Иже своего Сына не пощадѣ, прибавилъ: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. viii, 32)? И еще: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его, множае наче примирившеся спасемся* (Рим. v, 10). Потому онъ и не присоединилъ этого; притомъ (вѣрующіе) перваго еще не имѣли, а послѣднее уже знали на опытъ; первое было только обѣщаніемъ, а послѣднее дѣйствительностію. *Благодарю Бога, яко ны единого отъ васъ крестихъ, точію Криспа и Гаиа* (ст. 14). Для чего вы гордитесь тѣмъ, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершалъ крещенія? Этими словами онъ мудро низлагаетъ такое ихъ высокомеріе; унижаетъ не силу крещенія,—да не будетъ,—но гордость превозносившихся совершеніемъ крещенія, во-первыхъ, показывая, что это не ихъ даръ, и во-вторыхъ, за себя благодаря Бога. Крещеніе важно, но важность сообщаетъ ему не крещающій, а Призываемый въ крещеніи. Совершеніе крещенія ничего не значитъ относительно труда человѣческаго, а даже гораздо менѣе благовѣствованія. Крещеніе, повторю опять, есть дѣло важное, и безъ крещенія

невозможно получить царствія небеснаго; но совершить его можетъ человѣкъ и не очень важный, а благовѣствованіе требуетъ великаго труда.

8. Далѣе (Павелъ) приводитъ и причину, почему онъ благодарить Бога, что никого не крестилъ. Какую же? *Да не кто речетъ, яко въ мое имя крестихъ* (ст. 15). Что это? Не о нихъ ли (коринѳянахъ) онъ говоритъ здѣсь? Нѣтъ; но опасаясь, говорить, чтобы болѣзнь не достигла до такой степени. Вѣдь если при совершеніи крещенія людьми неважными и незначительными произошло раздѣленіе, то если бы я, проповѣдавшій крещеніе, крестилъ многихъ, принявшіе его, вѣроятно, не только стали бы называться моимъ именемъ, но и приписали бы мнѣ самое крещеніе. Если по поводу низшихъ произошло такое зло, то по поводу высшихъ конечно произошло бы еще большее. Обличивъ такимъ образомъ заблуждающихъ и прибавивъ: *крестихъ же и Стефановъ домъ* (ст. 16), онъ опять низлагаетъ ихъ гордость словами: *прочее же не вѣмъ, аще кого много крестихъ*. Здѣсь выражаетъ, что онъ и не старался снискать себѣ честь отъ народа такимъ дѣломъ и не для славы приступалъ къ нему. Не этими только, но и постѣдующими словами онъ сильно поражаетъ гордость ихъ: *не посла бо, говоритъ, мене Христосъ крестити, но благовѣстити* (ст. 17). Послѣднее гораздо труднѣе, требовало большихъ усилій и особенной твердости духа и заключало въ себѣ все; потому оно и поручено было Павлу. Но почему онъ, не будучи посланъ крестить, крестилъ? Онъ дѣлалъ это не изъ противленія Пославшему, но отъ избытка (усердія). Не сказалъ, что ему было это запрещено, но: я не былъ посланъ на это дѣло, а на гораздо важнѣйшее. Благовѣствовать предоставлено было немногимъ, а крестить могъ всякій, имѣвшій священство. Всякій можетъ крестить человѣка, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, потому что расположеніе приступающаго и благодать Божія совершаютъ все; а чтобы невѣрныхъ наставить въ вѣрѣ, это требуетъ великаго труда, великой мудрости, и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано, желающій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ, и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго; а здѣсь нуженъ великій трудъ, чтобы переменить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Впрочемъ, Павелъ не говоритъ объ этомъ такимъ образомъ, не доказываетъ и не утверждаетъ, что крестить не составляетъ никакого труда, а благовѣствовать напротивъ,—онъ всегда умѣетъ соблюдать умѣренность,—но особенно распространяется въ разсужденіи о виѣшней мудрости и предлагаетъ о ней сильнѣйшую рѣчь. Такимъ образомъ онъ крестилъ не изъ противленія Пославшему, но подобно

тому, какъ онъ имѣлъ попеченіе о вдовицахъ отъ избытка усердія, а не изъ противленія апостоламъ, которые сказали: *не угодно есть намъ, оставляющимъ слово Божіе, служить трапезамъ* (Дѣян. vi, 2), такъ и здѣсь. Такъ и теперь мы поручаемъ это дѣло простѣйшимъ изъ пресвитеровъ, а преподаваніе ученія благоразумнѣйшимъ, потому что тутъ нуженъ трудъ и усиліе. Потому и самъ онъ говоритъ: *прилежащии добръ пресвитери сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. v, 17). Какъ для обученія ратоборцевъ нуженъ учитель мужественный и искусный, а возлагать вѣнецъ на побѣдителя можетъ и неискусный въ борьбѣ, хотя вѣнецъ прославляетъ побѣдителя,—такъ и въ крещеніи: хотя безъ него невозможно спастись, но не великое дѣло совершаетъ тотъ, кто креститъ, принимая расположеннаго и приготовленнаго къ тому. *Не въ премудрости слова, да не испразднился крестъ Христовъ* (ст. 17). Низложивъ гордость превозносившихся крещеніемъ, онъ переходитъ къ обличенію гордившихся внѣшнею мудростію, и говоритъ противъ нихъ съ особенною силою. Къ превозносившимся крещеніемъ говорилъ: *благодарю Бога, яко ни единого крестихъ*, также: *не посла мене Христосъ крестити*, и для обличенія ихъ не употребилъ рѣчи сильной и разительной, но, нѣсколькими словами внушивъ имъ то, что хотѣлъ, перешелъ къ послѣдующему; а здѣсь съ самаго начала наноситъ сильный ударъ: *да не испразднился, говоритъ, крестъ Христовъ*. Что ты гордишься тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться? Вѣдь если эта мудрость враждебна кресту и противна евангелію, то слѣдуетъ не хвалиться, а стыдиться ея. Потому-то апостолы и не были изъ такихъ мудрецовъ, — не по недостатку дарованій, но чтобы проповѣдь не потерпѣла вреда. Мудрецы не содѣйствовали проповѣди, а вредили ей; простые же люди утверждали ее. Это могло низложить гордость, поразить высокомеріе, 27 расположить къ смиренію. Но, скажешь, если *не въ премудрости слова*, то почему былъ посланъ Аполлосъ, *мужъ словесенъ* (Дѣян. xviii, 24)? Не потому, чтобы надѣялись на силу краснорѣчія, но потому, что онъ былъ свѣдущъ въ Писанія и искусенъ въ обличеніи иудеевъ. Съ другой стороны нужно было, чтобы самые первые сѣятели слова были неученные. Имъ подлежало имѣть великую силу, чтобы положить начало истребленію заблужденій; нужна была великая крѣпость, чтобы приступить къ этому дѣлу.

4. Такъ (Богъ), не имѣвшій нужды въ ученыхъ вначалѣ, если принялъ ихъ впослѣдствіи, то сдѣлалъ это не потому, чтобы стать имѣть въ нихъ нужду, но потому, что не взиралъ на различіе (между учеными и неучеными). Какъ Онъ не нуждался въ мудрецахъ для исполненія Своихъ намѣреній, такъ и послѣ, когда

они являлись, не отвергали ихъ. Скажи мнѣ, были ли Петръ и Павелъ учеными? Этого ты сказать не можешь: они были простыми и неучеными. Какъ Христосъ, когда посылалъ учениковъ во вселенную, сначала показывая имъ въ Палестинѣ силу Свою, говорилъ: *егда послахъ вы безъ влищалища и безъ мѣха и безъ сапогъ, еда чesого лишени бисте* (Лук. хii, 35)?—а потомъ позволилъ взять мѣшокъ и суму, такъ было и здѣсь. Нужно было явить силу Христову, а не отвергать приступающихъ къ вѣрѣ за вѣшнюю ихъ мудрость. Потому, если язычники будутъ укорять учениковъ Христовыхъ въ неучености, то мы скорѣе можемъ обратитъ укоризну противъ нихъ самихъ. Никто не говори, что Павелъ былъ мудрецъ; но, превознося славившихся у нихъ мудростію и краснорѣчіемъ, всѣхъ своихъ будемъ называть невѣждами. Это не мало послужитъ къ ихъ пораженію; это доставитъ намъ славную побѣду.

Говорю это потому, что нѣкогда слышалъ, какъ смѣшно одинъ христіанинъ состязался съ язычникомъ, какъ оба они въ состязаніи опровергали сами себя. Что надлежало говорить христіанину, то говорилъ язычникъ; а что надлежало говорить язычнику, то защищалъ христіанинъ. Споръ былъ о Павлѣ и Платонѣ; язычникъ старался доказать, что Павелъ былъ человекъ простой и неученый, а христіанинъ по простотѣ своей усиливался доказать, что Павелъ былъ учене Платона. Между тѣмъ, если допустить послѣднее, побѣда оставалась на сторонѣ язычника. Въдь если Павелъ былъ учене Платона, то многіе справедливо заключили бы, что онъ побѣдилъ не благодатію, а краснорѣчіемъ. Такимъ образомъ то, что говорилъ христіанинъ, обращалось въ пользу язычника, а то, что говорилъ язычникъ, обращалось въ пользу христіанина. Если же, какъ я сказалъ, Павелъ былъ неучене, и однако превзошелъ Платона, то здѣсь славная побѣда, такъ какъ неученый убѣдилъ и привлекъ къ себѣ всѣхъ учениковъ ученаго. Отсюда ясно, что проповѣдь одержала побѣду не человѣческою мудростію, но благодатію Божіею. Итакъ, чтобы и намъ не подвергнуться такому же посмѣянію въ бесѣдѣ съ язычниками, будемъ всегда, когда случится состязаться съ ними, признавать апостоловъ неучеными: такое признаніе — имъ похвала.

2. Когда будутъ говорить, что апостолы были люди простые, то мы прибавимъ, что они были и неученые, и некнижные, и бѣдные, и незнатные, и немудрые, и неизвѣстные. Не къ безчестію, а къ славѣ апостоловъ служить то, что они, будучи такими, явились славнѣе всей вселенной. Эти простые, некнижные и неученые такъ побѣдили мудрыхъ, сильныхъ и державныхъ, хвалившихся богатствомъ, славою и всѣмъ вѣшнимъ, какъ будто это не были

люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человѣческою силою. Дѣйствительно, такіа дѣла не въ природѣ вещей, а выше природы. А когда что дѣлается не по законамъ природы, и гораздо выше природы, вмѣстѣ съ тѣмъ достолично и полезно, то очевидно, что это совершается нѣкоторою божественною силою и помощію. Смотри: рыбарь, скиннотворецъ, мытарь, человѣкъ простой, неученый, приходятъ изъ отдаленной страны, Палестины, встаютъ противъ всѣхъ философовъ, риторовъ и искусныхъ въ словѣ въ ихъ отечествѣ, и въ короткое время при множествѣ опасностей, когда имъ противоборствовали народы, цари и самая природа, когда имъ полагали сильныя препятствія давность времени и закоренѣлыя привычки, когда противъ нихъ ополчались демоны и діаволъ вооружался и употреблялъ всѣ усилія,—побѣдили царей, правителей, народы, языки, города, варваровъ, эллиновъ, философовъ, риторовъ, софистовъ, писателей, законы, судилища, различныя мученія, безчисленные и разнообразныя роды смерти. Рыбари возвѣстили, и все это обличилось и исчезло, точно легкая пыль, возметаема дувовеніемъ сильнаго вѣтра. Научимся же такъ бесѣдовать съ язычниками, чтобы намъ не оставаться безсмысленными животными, но быть готовыми дать отвѣтъ *о нашемъ упованіи* (1 Петр. III, 15). Особенно будемъ помнить это главное, немаловажное дѣло, и говорить имъ: какимъ образомъ слабые преодолѣли сильныхъ, двѣнадцать человѣкъ — цѣлую вселенную, не употребляя оружія, но безоружные сражаясь съ вооруженными?

5. Скажи мнѣ, если бы двѣнадцать человѣкъ, неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ, не только безоружныхъ, но и слабыхъ тѣломъ, вступивъ въ борьбу съ многочисленнымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, не потерпѣли отъ нихъ никакого вреда, будучи осыпаны безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ, остались неприкосновенными, принимая стрѣлы обнаженнымъ тѣломъ, сами поражали всѣхъ, не употребляя оружія, но отражая рукою, однихъ били, а другихъ брали въ плѣнъ, не получая сами никакихъ ранъ, то кто сказалъ бы, что это дѣло человѣческое? Но побѣда апостоловъ гораздо болѣе удивительна. Не столько удивительно, если обнаженный не получаетъ ранъ, сколько удивительно, если простой, неученый, рыбарь побѣждаетъ столь сильныхъ, не смотря ни на свою незнатность и бѣдность, ни на опасности и закоренѣлыя привычки, ни на строгость предлагаемыхъ правилъ, ни на ежедневно угрожающую смерть, ни на множество обольщенныхъ, ни на важность обольстителей. /Такъ мы должны низлагать ихъ и состязаться съ ними; а прежде словъ мы должны поражать ихъ своею жизнію; это—великое состязаніе, это—неопровержимое

29 доказательство отъ дѣлъ; на словахъ сколько бы мы ни разсуждали съ ними, но если жизнь наша не лучше ихъ жизни, то не будетъ никакой пользы. Они обращаютъ вниманіе не на слова, но испытываютъ дѣла наши и говорятъ: ты прежде самъ убѣдись въ истинѣ словъ своихъ, и тогда убѣждай другихъ; если ты говоришь, что безчисленныя блага ожидаютъ насъ въ будущей жизни, а самъ поступаешь такъ, какъ бы ихъ не было, прилѣпляясь къ благамъ настоящимъ, то дѣла твои для меня сильнѣе словъ; когда я вижу, что ты похищаешь собственность другихъ, безъ мѣры скорбишь объ умершихъ и грѣшишь во многомъ другомъ, то какъ я повѣрю тебѣ, что есть воскресеніе? Хотя бы даже они такъ и не говорили, но они думаютъ такъ и содержать это въ своихъ мысляхъ. Вотъ что препятствуетъ невѣрнымъ сдѣлаться христіанами! Будемъ же обращать ихъ своею жизнію. Многие и неученые люди поражали умъ философовъ, являя любомудріе въ дѣлахъ и громче трубы вѣщая поведеніемъ и любомудріемъ: это сильнѣе словъ. Если, напримѣръ, я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тѣмъ буду причинять язычнику множество золъ, то какъ могу привлечь его словами, когда отгоняю дѣлами? Итакъ будемъ уловлять ихъ жизнію, изъ душъ ихъ созидать Церковь, и собирать такое богатство. Ничто не можетъ сравниться съ душею, даже цѣлый міръ. Хотя бы ты роздалъ бѣднымъ безчисленныя богатства, ты не сдѣлаешь столько, сколько обратившій одну душу. *Изведи честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будутъ*, говоритъ Господь (Іер. хv, 19). Великое благо миловать бѣдныхъ; но не такое, какъ избавить кого-нибудь отъ заблужденія; кто дѣлаетъ это, тотъ уподобляется Петру и Павлу. Подлинно, можемъ и мы участвовать въ ихъ проповѣди, не тѣмъ, чтобы, подобно имъ, подвергаться опасностямъ, терпѣть 30 голодъ, мученія и другія бѣдствія, — теперь мирное время, — но тѣмъ, чтобы проявлять ревностное къ тому усердіе. Можно и сидя дома совершать эту ловитву. Кто имѣетъ друга, родственника, домашнихъ, пусть дѣлаетъ съ ними это, пусть говоритъ имъ это, — и онъ уподобится Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Будетъ устами Христовыми: *изведи честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будутъ*, говоритъ Господь. Если ты не убѣдишь сегодня, убѣдишь завтра; если и никогда не убѣдишь, получишь полную награду; если не убѣдишь всѣхъ, то, можетъ быть, изъ многихъ — нѣкоторыхъ; вѣдь и апостолы убѣдили не всѣхъ людей, но ко всѣмъ простирали свое слово и получили награду за всѣхъ. Богъ обыкновенно назначаетъ вѣнцы, взирая не на копецъ подвиговъ, а на расположеніе подвижащихся. Если принесешь только двѣ лепты, Онъ приметъ; какъ Онъ поступилъ

съ вдовицею (Лук. xxi, 2—4), такъ поступаетъ и съ преподающими учене. Итакъ, изъ-за того, что ты не можешь спасти всю вселенную, не пренебрегай немногими, и, устремляясь къ великому, не лишай себя малаго. Если ты не можешь обратить ста человѣкъ, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не пренебрегай однимъ; если не можешь и одного, и тогда не унывай и не оставляй дѣлать то, что можешь. Не видишь ли, какъ въ торговлѣ занимающіеся ею заключаютъ сдѣлки не только на золото, но и на серебро? Если мы не будемъ пренебрегать малымъ, то получимъ и многое; а если пренебрежемъ малымъ, то не легко получимъ и многое. Богатыми дѣлаются, собирая и малое и многое; такъ будемъ поступать и мы, чтобы, обогатившись всѣмъ, намъ сподобиться царствія небснаго, благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу: гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего (1 Кор. i, 18—20)?

1. Для страждущихъ и умирающихъ бываетъ непріятна и здоровая пища, непріятны друзья и близкіе, которыхъ часто и не узнаютъ они и даже тяготеютъ ихъ присутствіемъ. Такъ обыкновенно бываетъ и съ страждущими душевно: они не знаютъ, что нужно для спасенія, и тяготеютъ тѣми, кто печется о нихъ. Это происходитъ не отъ свойства самаго дѣла (спасенія), а отъ ихъ болѣзни. Какъ помѣшавшіеся въ умѣ не терпятъ тѣхъ, кто заботится о нихъ, и даже порицаютъ ихъ, такъ поступаютъ и невѣрующіе. Но какъ эти оскорбляемые тѣмъ болѣе жалуютъ и плачутъ о больныхъ, считая крайнюю степень болѣзни ихъ, когда они не узнаютъ самыхъ близкихъ людей, такъ будемъ поступать и мы въ отношеніи къ язычникамъ и плакать о нихъ болѣе, нежели о своихъ женахъ, потому что они не знаютъ общаго всѣмъ спасенія. Не столько мужъ долженъ любить свою жену, сколько мы должны любить всѣхъ людей и вести ихъ къ спасенію, будутъ ли они язычники, или кто бы то ни было. Будемъ же плакать о нихъ,—о томъ, что слово о крестѣ, которое

есть премудрость и сила, для нихъ—безуміе. *Слово бо крестное, говорить (Павель), погибающимъ юродство есть.* Такъ какъ у язычниковъ крестъ подвергался осмѣянію, то они, вѣроятно, называли ученіе о немъ противнымъ своей мудрости и несогласнымъ съ своимъ ученіемъ; потому Павель, вразумляя, говорить: не почитайте его страннымъ и нелѣпнымъ; это дѣло по свойству овоему таково, что погибающіе не могутъ постигнуть силы его, такъ какъ они потеряли умъ и впади въ безуміе. Потому они и поносятъ и ненавидятъ спасительныя врачества. Что ты говоришь, человѣкъ? Христосъ сдѣлался рабомъ, принявъ для тебя *зракъ раба*, былъ распятъ и воскресъ; слѣдовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человѣколюбію, такъ какъ все то, чего не сдѣлалъ для тебя ни отецъ, ни другъ, ни сынъ, сдѣлалъ Онъ для тебя, своего врага и оскорбителя; слѣдовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безуміемъ дѣло, исполненное такой мудрости! Но неудивительно; погибающимъ свойственно не познавать того, что ведетъ къ спасенію.

- 31 Поэтому не смущайтесь; нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ томъ, что безумные смѣются надъ великими предметами. Такихъ людей невозможно убѣдить человѣческою мудростію; и если станешь убѣждать ихъ такимъ образомъ, то сдѣлаешь противное; для того, что превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра. Подлинно, если мы посредствомъ сужденій разума захотимъ объяснять (язычникамъ), какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, вселившись во утробу Дѣвы, и не признаемъ этого предметомъ вѣры, то они будутъ только смѣяться. Желаящіе постигнуть это посредствомъ сужденій разума, они-то и погибаютъ. И что я говорю о Богѣ? Если мы будемъ дѣлать тоже въ отношеніи къ предметамъ сотвореннымъ,—и тогда вызовемъ великій смѣхъ. Пусть напр. человѣкъ, желающій убѣждаться во всемъ сужденіями разума, потребуетъ отъ тебя объяснить ему, какъ мы видимъ свѣтъ? А ты постарайся объяснить ему это посредствомъ сужденій разума. Но ты не сможешь этого сдѣлать. Если бы ты сказалъ, что довольно открыть глаза, чтобы видѣть, то объяснилъ бы способъ зрѣнія, а не самое дѣло. Онъ возразилъ бы тебѣ: почему мы видимъ не ушами и слышимъ не глазами? Почему слышимъ не поздравляемъ и обоняемъ не ушами? Если же онъ, не получивъ объясненія на оное недоумѣніе, будетъ смѣяться, то не болѣе ли того подвергнемся осмѣянію мы? Эти чувства имѣютъ свое начало въ одномъ и томъ же мозгѣ, эти члены находятся такъ близко другъ къ другу: почему же они не могутъ произвести одного и того же дѣйствія? Мы не можемъ объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимаго и разнообразнаго дѣй-

ствія; а если станемъ объяснять, то подвергнемся осмѣянію. Предоставимъ же это силѣ и безпредѣльной премудрости Божіей, и замолчимъ. Такъ точно, если мы захотимъ и предметы божественные объяснять при помощи внѣшней мудрости, то послѣдуетъ великій смѣхъ, не по свойству самихъ предметовъ, но по неразумію человѣческому. Вѣдь великихъ предметовъ не можетъ выразить никакое слово. Смотри, если я скажу: Христосъ былъ распятъ, то язычникъ возразитъ: сообразно ли это съ разумомъ? Онъ не избавилъ Себя, когда распинали и мучили Его на крестѣ: какъ же Онъ послѣ того воскресъ и избавилъ другихъ? Если онъ имѣлъ на то силу, то слѣдовало показать ее прежде смерти (такъ дѣйствительно и говорили іудеи); если же Онъ не избавилъ Себя, то какъ могъ избавить другихъ? Это, скажетъ, несообразно съ разумомъ. И точно, это выше разума: въ крестѣ явилась неизреченная сила. Подвергнуться мученіямъ и быть выше мученій, быть связаннымъ и побѣдить, это—дѣло безпредѣльной силы. Какъ три отрока, будучи ввергнуты въ печь и поправши пламень, явились болѣе чудными, нежели когда бы они въ нее не были ввергнуты; и какъ Іона, будучи поглощенъ китомъ и непотерпѣвши отъ него никакого вреда, сталъ болѣе великимъ, нежели когда бы онъ не подвергался такой опасности,—такъ и Іисусъ Христосъ, умерши и упразднивши смерть, явился болѣе славнымъ, нежели когда бы Онъ не умиралъ. Итакъ не говори: почему Онъ не избавилъ Себя на крестѣ? Ему угодно было сразиться съ смертію. Онъ не сошелъ съ креста не потому, что не могъ, но потому, что не хотѣлъ. Вѣдь если и сила смерти не могла удержать Его, то какъ могли бы удержать гвозди крестные?

2. Впрочемъ это извѣстно намъ, а невѣрнымъ нѣтъ. Потому апостолъ и сказалъ: *слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу.* Доселѣ Онъ не говоритъ ничего обличительнаго; а теперь, приводя напередъ свидѣтельство Писанія и отъ него заимствуя дерзновеніе, начинаетъ обличительную рѣчь и говоритъ: *не обу ли Богъ премудрость міра сего? Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ въка сего? Ижеже бо въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростию Бога, благоизволивъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти върущихъ* (ст. 20, 21). Сказавъ: *писано есть: погублю премудрость премудрыхъ*, онъ присовокупляетъ доказательство на это отъ дѣлъ и говоритъ: *гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ?* Касается вмѣстѣ и язычниковъ и іудеевъ. На самомъ дѣлѣ кто изъ философовъ, кто изъ искусныхъ въ сужденіяхъ, или кто изъ знающихъ іудейство да-

роваль спасеніе и научилъ истинѣ? Никто, но все сдѣлали рыба-
 бари. Доказавъ это положеніе и посрамивъ ихъ тщеславіе, ска-
 завъ: *не обуи ли Богъ премудрость міра сего?*—онъ приводитъ и
 причину, почему это такъ было. *Понеже бо, говорить, въ премуд-*
рости Божіей не разумѣть міръ премудростію Бога, то явился крестъ.
 Что значить: *въ премудрости Божіей?* Въ твореніяхъ, посред-
 ствомъ которыхъ Онъ благоволилъ открыться. Онъ устроилъ все
 такъ, чтобы человѣкъ, переходя отъ предметовъ видимыхъ къ
 Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля: поди-
 вись же Творцу ихъ. Вѣдь это великое небо не только Имъ со-
 творено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произве-
 дена Имъ, какъ ничто. Потому о первомъ сказано: *дѣла руку*
твоею суть небеса (Пс. сі, 26); а о землѣ: *сотвори землю, аки ни-*
чтоже (Ис. хі, 23). Такъ какъ міръ не хотѣлъ познать Бога
 посредствомъ этой премудрости, то Онъ научилъ мнѣшимъ
бытвомъ проповѣди, не чрезъ сужденія, а чрезъ вѣру. Гдѣ пре-
 мудрость Божія, тамъ нѣтъ нужды въ человѣческой. Сказать,
 что создавшій столь прекрасный и столь великій міръ есть Богъ,
 имѣющій безпредѣльную и неизреченную силу, это значило су-
 дить по человѣческой мудрости и постигать Его посредствомъ
 нѣхъ; но теперь нужны не сужденія, а одна вѣра. Чтобы при-
 нять и убѣдиться, что Распятый и Погребенный воскресъ и сѣ-
 дить горѣ, для этого нужны не сужденія, но вѣра. Апостолы
 шли не съ мудростію, но съ вѣрою, и явились мудрѣе и выше
 внѣшнихъ мудрецовъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ принятіе предметовъ
 божественныхъ вѣрою выше разсужденій,—такъ какъ это превы-
 шаетъ человѣческій разумъ. Какъ же онъ погубилъ премуд-
 рость? Открывшись намъ чрезъ Павла и подобныхъ мужей и по-
 казавъ, что она бесполезна. Къ принятію евангельской пропо-
 вѣди ни мудрость нисколько не помогаетъ мудрому, ни невѣ-
 жество нисколько не препятствуетъ неученому, и даже, къ удив-
 33 ленію надобно сказать, невѣжество гораздо скорѣе и легче мо-
 жетъ принять ее, нежели мудрость. Пастухъ и земледѣлецъ, не
 увлекаясь разсужденіями и предавая себя Господу, скорѣе при-
 мутъ ее. Такъ Онъ погубилъ эту премудрость! Такъ какъ она
 сама прежде посрамила себя, то и стала затѣмъ ни къ чему не-
 годною. Когда она должна была показать себя и познать Господа
 изъ дѣлъ Его, она не хотѣла; а теперь, хотя бы и хотѣла со-
 дѣйствовать этому, не можетъ, потому что теперь не таково по-
 ложеніе дѣлъ,—есть путь къ богопознанію гораздо лучше ея.
 Теперь нужна простая вѣра; ее вездѣ надобно искать и пред-
 почитать внѣшней мудрости: *обуи, говорить, Богъ премудрость.*
 Что значить: *обуи?* Показалъ, что она неразумна для принятія

вѣры. Такъ какъ люди высоко думали о ней, то Онъ прямо обличилъ ее. Что въ самомъ дѣлѣ это за мудрость, если она не можетъ найти главнаго блага? Онъ обличилъ ея безуміе, потому что она напередъ обличила сама себя. Если она не открыла ничего тогда, когда можно было изслѣдовать посредствомъ сужденій, то какого успѣха ожидать отъ ней теперь, когда предстоятъ предметы высшіе, когда нужна одна вѣра, а не искусство сужденій? Такъ Богъ показалъ ея безуміе; *благоизволилъ же спасти буйствомъ проповѣди*, впрочемъ буйствомъ не дѣйствительнымъ, но кажушимся. Это особенно и важно, что не другою какою-нибудь мудростію, которая выше ея, а кажушимся невѣжествомъ Онъ превзошелъ ее. Платона Онъ нисаложилъ не другимъ какимъ-нибудь болѣе мудрѣйшимъ философомъ, но неученымъ рыбакомъ. Такое пораженіе—сильнѣе; такая побѣда—блистательнѣе. Выражая силу креста, Павелъ говоритъ далѣе: *понеже и Иудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеемъ убо соблазнъ, Еллиномамъ же безуміе, самимъ же званымъ Иудеемъ же и Еллиномамъ Христа Божію силу и Божію премудрость* (ст. 22—24).

3. Великая мудрость въ этихъ словахъ. Онъ хочетъ показать, какъ Богъ побѣдилъ тѣмъ, что не обѣщало побѣды, и какъ проповѣдь не есть дѣло человѣческое. Слова его означаютъ слѣдующее: когда мы говоримъ іудеямъ—вѣруйте, то они возражаютъ: воскресите мертвыхъ, исцѣлите бѣснующихся, покажите намъ знаменія. Что же вмѣсто этого говоримъ мы? Говоримъ, что Проповѣдуемый нами распятъ и умеръ. Это не только не можетъ привлечь противляющихся, но можетъ отогнать и не противляющихся; однако не отгоняетъ, а привлекаетъ, удерживаетъ и покоряетъ. Опять язычники требуютъ отъ насъ краснорѣчія въ словахъ и искусства въ сужденіяхъ, а мы и имъ проповѣдуемъ крестъ. Іудеямъ это кажется безсиліемъ, а язычикамъ—безуміемъ. Если же мы предлагаемъ имъ не только не то, чего они требуютъ, но и противное тому,—а крестъ, по сужденію разума, представляется не только не знаменіемъ, но чѣмъ-то противнымъ знаменію, не только не знакомъ силы, но знакомъ безсилія, не только не выраженіемъ мудрости, но доказательствомъ безумія,—если требующіе знаменій и мудрости не только не получаютъ требуемаго, но еще слышатъ отъ насъ противное тому, чего требуютъ, и однако этимъ противнымъ убѣждаются, то не есть ли это—дѣло неизреченной силы Проповѣдуемаго?

Если бы напр. кому-нибудь изъ обуреваемыхъ волнами и ищущихъ пристани ты указалъ не пристань, а другое мѣсто въ морѣ, еще болѣе опасное, и однако убѣдилъ бы его плыть туда 34

съ благодарностію, или если бы врачъ приступилъ къ раненому и ожидающему лѣкарствъ не съ лѣкарствами, а общать бы исцѣлить его посредствомъ жженія, и однако убѣдилъ бы его, то это было бы дѣломъ великой силы; такъ и апостолы побуждали не только не знаменіями, но тѣмъ, что повидимому противно знаменіямъ. Такъ и Христосъ поступилъ съ слѣпымъ: желая даровать ему исцѣленіе, Онъ уничтожилъ слѣпоту тѣмъ, что производитъ слѣпоту: *положи брѣніе* (Іоан. ix, 15). Какъ слѣпого Онъ исцѣлилъ брѣніемъ, такъ вселенную привлекъ къ Себѣ крестомъ, — тѣмъ, что увеличивало соблазнъ, а не уничтожало его. Такъ сдѣлалъ Онъ и при сотвореніи, устроая противное противнымъ: оградилъ море пескомъ, обуздавъ сильное слабымъ; повѣсилъ землю на водѣ, утвердивъ тяжелое и плотное на жидкомъ и текучемъ. Черезъ пророковъ опять Онъ заставлялъ желѣзо всплывать изъ воды посредствомъ малаго древа (4 Цар. vi, 6). Такъ и вселенную Онъ возстановилъ посредствомъ креста. Какъ вода держитъ землю, такъ и крестъ держитъ вселенную. Такимъ образомъ убуждать противнымъ есть знакъ великой силы и премудрости. Крестъ повидимому производитъ соблазнъ, и однако онъ не только не соблазняетъ, но и привлекаетъ. Все это представляя и удивляясь, Павелъ говоритъ: *заче́ бу́е́ Божіе́ премудрѣ́е́ челове́къ есть, и немо́щное́ Божіе́ крѣ́пче́е́ челове́къ есть* (ст. 25). Говоря о буйствѣ и немощи креста, разумѣетъ не то, чтобы онъ былъ дѣйствительно таковъ, но кажется такимъ; онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? Тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ, или тотъ, кто — немногихъ, или, лучше сказать, никого? Тотъ ли, кто убѣждаетъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ, или кто — въ маловажныхъ? Сколько трудился Платонъ съ своими послѣдователями надъ линією, угломъ и точкою, надъ числами соизмѣримыми и несоизмѣримыми, равными между собою и неравными, и сказавъ намъ объ этихъ паутинахъ, — вѣдь все это для жизни бесполезнѣе даже паутины, — и не принесши пользы ни большой, ни малой, затѣмъ окончилъ свою жизнь. Сколько онъ старался доказать, что душа безсмертна, но, не сказавъ ничего яснаго и не убѣдивъ никого изъ слушателей, затѣмъ скончался. Напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ убѣдилъ и обратилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, евангельской жизни и будущемъ судѣ; онъ сдѣлалъ философами всѣхъ — земледѣльцевъ, неученыхъ. Видишь, какъ *бу́е́ Божіе́ премудрѣ́е́ и немо́щное́ Божіе́ крѣ́пче́е́ челове́къ есть*. Чѣмъ крѣпче? Тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило

всѣхъ своей власти, и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятаго, сдѣлало противное. Это имя прославлялось и возрастало болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали; живые, возставая противъ Преданнаго смерти, не могли сдѣлать ничего. Потому, если язычникъ назоветъ меня безумнымъ, то обнаружить собственное крайнее безуміе, — такъ какъ, почитаемый отъ него безумнымъ, оказываюсь мудрѣе мудраго; если онъ назоветъ меня безсильнымъ, то обнаружить собственное еще большее безсиліе, такъ какъ, что благодатію Бо- 35
жіею совершили мытари и рыбаки, того и философы, и ритори, и властелины, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить. Чего не сдѣлалъ крестъ? Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ, о презрѣніи благъ настоящихъ и стремленіи къ благамъ будущимъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами; имъ всѣ и вездѣ стали любомудрыми и способными ко всякой добродѣтели.

4. Но и у нихъ, скажешь, многіе презирали смерть. Кто же, скажи мнѣ? Тотъ ли, кто выпилъ ядъ изъ цикуты? Но подобныхъ ему я представлю, если угодно, цѣлыя тысячи въ нашей Церкви; если бы во время гоненій позволено было умирать, призвавъ ядъ, то всѣ (гонимые) явились бы славнѣе его.

Притомъ онъ выпилъ ядъ, не будучи властенъ пить или не пить; хотѣлъ или не хотѣлъ, но онъ долженъ былъ подвергнуться этому, и слѣдовательно это было дѣломъ не мужества, а необходимости; и разбойники, и убійцы, по приговору судей, терпѣли еще большія страданія. Но у насъ все напротивъ: мученики страдали не по неволѣ, но по своей волѣ, и тогда какъ были властны не подвергаться страданіямъ, явили мужество крѣпче всякаго адаманта. Неудивительно, что тотъ выпилъ ядъ, когда не могъ не пить, и притомъ, достигнувъ глубокой старости. Онъ говорилъ, что ему было уже семьдесятъ лѣтъ, когда онъ былъ готовъ презрѣть жизнь, если только можно назвать это презрѣніемъ жизни, чего впрочемъ я не скажу, и конечно никто другой не скажетъ. А ты укажи мнѣ на кого-нибудь такого, кто пострадалъ бы за благочестіе, какъ я могу указать тебѣ на безчисленное множество повсюду во вселенной. Кто мужественно терпѣлъ, когда у него вырывали ногти? Кто — когда терзали члены? Кто — когда разрывали тѣло его на части? Кто — когда исторгали кости изъ головы? Кто — когда постоянно клали его на раскаленную сковороду? Кто — когда бросали въ кипящую воду? Вотъ это укажи мнѣ! А умереть отъ цикутнаго яда — это почти тоже, что заснуть спокойно; даже такая смерть, говорить, пріятнѣе сна. Если же нѣкоторые дѣйствительно терпѣли муче-

нія, то и за это недостойны похвалы, потому что причина ихъ страданій была постыдна: одни пострадали за то, что открыли какую-нибудь тайну, другіе за то, что злоупотребляли властію, иные за то, что были застигнуты въ постыднѣйшихъ преступленіяхъ, а нѣкоторые и безъ всякой причины, напрасно и безразсудно, лишили жизни сами себя. Но у насъ совершенно не такъ. Потому-то дѣла ихъ преданы забвенію, а наши прославляются и возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Все это представляя, Павелъ сказалъ: *немоцное Божіе крѣпчае всѣхъ челоувѣкъ естъ*. Божественность евангельской проповѣди открывается и изъ слѣдующаго: какимъ образомъ рѣшились на такія дѣла двѣнадцать челоувѣкъ, и притомъ простолюдины, жившіе при озерахъ, при рѣкахъ и въ пустыняхъ, и, можетъ быть, никогда не бывавшіе ни въ городахъ, ни на торжищахъ? Какъ они рѣшились идти противъ цѣ-
 36 лой вселенной? Они были прежде робки и боязливы, какъ свидѣтельствуешь писавшій о нихъ, не усумнившійся не скрывать ихъ слабостей, что и служить сильнѣйшимъ доказательствомъ истины. Что же говорить онъ о нихъ? То, что когда Христосъ былъ взятъ, не смотря на безчисленные чудеса Его, одни изъ нихъ разбѣжались, а главный изъ нихъ оставшійся отрекся (Марк. xiv, 50, 68). Отчего тѣ, которые при жизни Христа не могли снести нападеній отъ іудеевъ, послѣ смерти и погребенія Его рѣшились идти противъ цѣлой вселенной, если Онъ, какъ вы говорите, не воскресъ, не бесѣдовалъ съ ними и не укрѣпилъ ихъ? Не могли ли они сказать самимъ себѣ: что это? Онъ не могъ спасти Себя,—какъ же можетъ избавить насъ? Онъ не могъ отмстить за Себя при Своей жизни,—какъ же можетъ подать намъ руку помощи послѣ Своей смерти? Онъ при жизни Своей не покорилъ Себѣ ни одного народа,—какъ же мы можемъ убѣдить всю вселенную, возвѣщая Его имя? Не странно ли не только сдѣлать это, но даже и подумать? Отсюда ясно, что если бы они не видѣли Его воскресшимъ и не получили величайшихъ доказательствъ силы Его, то не рѣшились бы на столь опасное дѣло. Если бы они имѣли безчисленное множество друзей, то и тогда не обратили ль бы всѣхъ во враговъ, измѣняя древніе обычаи и отмѣняя отеческіе законы? Но имъ были враждебны всѣ, и свои и чужіе. Если бы они отличались всѣми внѣшними преимуществами, то и тогда не возбудили ль бы противъ себя всеобщую вражду, вводя новый образъ жизни? Между тѣмъ они не имѣли у себя ничего, и естественно поэтому, что были ненавидимы и презираемы всѣми. На кого указать тебѣ? На іудеевъ ли? Они питали къ нимъ невыразимую ненависть за ихъ Учителя. На язычниковъ ли? И эти не менѣе отвращались ихъ, о чемъ лучше

знать сами язычники. Платонъ, желавшій ввести новое гражданское управленіе, или, лучше, часть управленія, и не касаясь боговъ, а только намѣняя одни обычаи на другіе, подвергся опасности умереть изгнанникомъ въ Сициліи; хотя этого не случилось, однакожь онъ былъ лишенъ свободы; и если бы не нашелся другой иноземецъ добрѣе властителя сицилійскаго, то этотъ философъ конечно навсегда остался бы рабомъ въ чужой странѣ. Между тѣмъ нововведенія въ дѣлахъ гражданскихъ не такъ еще опасны, какъ въ дѣлахъ вѣрныхъ; послѣднія особенно раздражаютъ людей и приводятъ ихъ въ смятеніе. Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить въ бракъ съ такою-то, или стражи должны стеречь такимъ-то образомъ, это еще не можетъ произвести большого смятенія, тѣмъ болѣе, если такія постановленія остаются въ книгѣ, и законодатель не много заботится о приведеніи ихъ въ дѣйствіе. Но сказать, что почитаемые боги не боги, а демоны, что истинный Богъ—Распятый, это, вы знаете, какой воспламеняло гнѣвъ, какую возбуждало месть, какую причиняло брань.

5. Протагоръ у нихъ (язычниковъ), дерзнувшій сказать: „не знаю боговъ“, и притомъ не вслухъ всей вселенной, по которой бы онъ расхаживалъ и проповѣдывалъ, а въ одномъ городѣ, подвергся крайней опасности. Діагоръ Мелійскій и Θεодоръ (Ки- 37 ринейскій), прозванный безбожникомъ, хотя имѣли друзей, славились краснорѣчіемъ и удивляли своею философіею, но ни въ чемъ этомъ не нашли себѣ спасенія. Великій Сократъ, превосходившій всѣхъ ихъ своею философіею, потому и выпилъ ядъ, что былъ подозрѣваемъ въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ касательно боговъ. Если же одно только подозрѣніе нововведенія подвергало такой опасности философовъ и мудрецовъ, пользовавшихся великимъ уваженіемъ, и они не только не могли исполнить своего намѣренія, но сами лишались жизни и отечества, то какъ не удивляться и не изумляться, видя, что рыбаки совершили столь великія дѣла во вселенной, исполнили то, что предприняли, и побѣдили всѣхъ, и варваровъ и эллиновъ? Но они, скажешь, не вводили новыхъ боговъ, подобно тѣмъ (философамъ). Весьма странно говорить это; они вводили двоякую новостъ: отвергали тогдашнихъ боговъ и проповѣдывали Распятаго. Какимъ же образомъ они рѣшились проповѣдывать это? Какимъ образомъ надѣялись достигнуть своей цѣли? Видѣли ль они, чтобы кто-нибудь прежде нихъ совершилъ что-либо подобное? Не всѣ ли тогда поклонялись демонамъ? Не всѣ ли боготворили стихіи? Не были ли крайне разнообразны виды нечестія? Но они возстали противъ всего этого, испровергли все это и въ

короткое время протекли, какъ бы на крылахъ, по всей вселенной, не думая ни объ опасностяхъ, ни о смерти, ни о трудности дѣла, ни о малочисленности своей, ни о многочисленности противниковъ, ни о власти, ни о силѣ, ни о мудрости враговъ своихъ, потому что имъ содѣйствовала помощь превыше всего этого, сила Распятаго и Воскресшаго. Не столько было бы удивительно, если бы они рѣшились вести со вселенною чувственную войну, сколько удивительно дѣло, ими совершаемое. По правиламъ войны можно было бы стать лицомъ къ лицу къ непріятелю, занять противоположную мѣстность и приготовить строй противъ врага, имѣть время для нападенія и отступленія; но здѣсь не такъ. Они не составляли особаго строя, но смѣшивались съ самими врагами, и такимъ образомъ поборали ихъ; находясь среди враговъ своихъ, отражали ихъ нападенія, преодолевали и одерживали славную побѣду, на которой исполнилось пророческое слово: *и господствуй посредѣ враговъ твоихъ* (Пс. сѣх, 2). Изумительно, какъ враги, имѣя ихъ въ рукахъ своихъ, ввергая въ темницы и узы, не только не преодолели ихъ, но и сами потомъ покорились имъ, притѣснители — притѣсняемымъ, связующіе — связуемымъ, гонители — гонимымъ. Все это мы можемъ сказать язычникамъ и даже болѣе того: обильна сокровищница истины. Если вы будете внимать предлагаемому, то мы научимъ васъ всячески бороться съ ними. Замѣтимъ пока два главныхъ обстоятельства: какъ слабые побѣдили сильныхъ, и какъ они, будучи такими, рѣшились бы на такіа дѣла, если бы не содѣйствовала имъ божественная помощь?

- 38 6. Вотъ отвѣтъ съ нашей стороны. Между тѣмъ сами мы въ дѣлахъ своихъ будемъ соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродѣтели, потому что *есть*, говорить (апостоль), *свѣтила*, сіяющія среди міра (Фил. и, 15). Каждый изъ насъ получилъ отъ Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на кругъ солнца и удивляясь красотѣ, веществу и блеску этого свѣтила, будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлять, что въ насъ есть свѣтъ высшій и лучшій, равно какъ можетъ быть и мракъ густѣйшій, если мы не будемъ внимательны. Глубокая ночь объемлетъ всю вселенную. Разгонимъ же и уничтожимъ ее. Ночь не только у еретиковъ и язычниковъ, но и у многихъ между нами, — какъ въ вѣрованіи, такъ и въ жизни. Многіе не вѣруютъ воскресенію, многіе гадаютъ при рожденіи, многіе наблюдаютъ примѣты, прибѣгаютъ къ чарованіямъ, волхвованіямъ, условнымъ знакамъ, повязкамъ и нашептываніямъ. Впрочемъ къ нимъ будемъ гово-

рить послѣ, когда окончимъ рѣчь къ язычникамъ. Помните же сказанное и окажите содѣйствіе мнѣ въ борьбѣ съ ними, обращая и привлекая ихъ къ намъ жизнию. Я всегда говорю, что кто учить любомудрію, тотъ долженъ напередъ являть его въ своей жизни и быть вождельннмъ для слушателей.

Постараемся же сдѣлаться вождельнными для язычниковъ и пріобрѣсти ихъ расположеніе къ намъ. А это будетъ тогда, когда мы будемъ готовы не только дѣлать добро, но и терпѣть зло. Не видимъ ли мы, какъ дѣти, находясь на рукахъ у отца, бьютъ его по щекамъ, какъ отецъ съ удовольствіемъ позволяетъ дитяти насытить гнѣвъ свой и, когда видитъ, что гнѣвъ его прошелъ, утѣшается? Такъ будемъ поступать и мы: будемъ говорить съ язычниками, какъ отцы съ дѣтьми. Всѣ язычники—настоящія дѣти; нѣкоторые и изъ нихъ самихъ говорили, что они всегда дѣти и старца между ними нѣтъ ни одного. Дѣти не хотятъ думать ни о чемъ полезномъ; такъ и язычники хотятъ постоянно забавляться и пресмыкаются по землѣ, предавшись нязкому и земному. Дѣти, слыша наши разговоры о предметахъ необходимыхъ, часто не понимаютъ ничего изъ сказаннаго, но постоянно смѣются; такъ и язычники: когда мы говоримъ о царствіи (небесномъ), они смѣются. У дѣтей изъ устъ часто течетъ слюна и оскверняетъ пищу и питіе; такъ и изъ устъ язычниковъ исходятъ слова суетныя и нечистыя; вы подаете имъ необходимую пищу, а они оскорбляютъ подающихъ злословіемъ, и надобно терпѣть это. Дѣти, видя вора, вошедшаго въ домъ и производящаго здѣсь хищеніе, не только не изгоняютъ его, но и забавляются его хитростію, если же отнимешь у нихъ корзиночку или побрякушку, или что-нибудь другое изъ игрушекъ, то огорчаются, сердятся, выходятъ изъ себя и бросаются на полъ; такъ точно и язычники, 39 видя діавола, отнимающаго у нихъ всѣ прирожденныя блага, необходимыя для ихъ жизни, смѣются и предаются ему, какъ другу, а если кто отнимаетъ у нихъ имущество, богатство или что-нибудь подобное изъ этихъ дѣтскихъ игрушекъ, они огорчаются и выходятъ изъ себя. Дѣти обнажаются, не чувствуя стыда и не краснѣя; такъ и язычники, смѣшиваясь съ блудниками и блудницами, извращая законы природы и вступая въ незаконныя связи, остаются безстыдными. Вы громко рукоплещете и одобряете, но при этихъ рукоплесканіяхъ смотрите, какъ бы это не оказалось сказаннымъ и на вашъ счетъ. Всѣхъ увѣщаваю—быть мужами; вѣдь, если мы сами будемъ дѣтьми, то какъ другихъ научимъ быть мужами? Какъ ихъ избавимъ отъ дѣтскаго неразумія? Будемъ же мужами, чтобы намъ достигнуть въ ютру возраста исполненія Христова (Еф. IV, 13) и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и чело-

вѣколюбіємъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА V.

39 Видите бо званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри по плоти, не мнози силни, не мнози благородни: но буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ (1 Кор., ххvi, 27).

1. Сказавъ: *буетъ Божіе премудрѣе челоувѣкъ есть*, (ап. Павелъ) выразилъ, что мудрость челоувѣческая отвергнута, и доказалъ это какъ свидѣтельствомъ Писаній, такъ и самими событіями,—свидѣтельствомъ Писаній въ словахъ: *погублю премудростъ премудрыхъ*, а событіями въ предложенномъ вопросѣ: *гдѣ премудръ, гдѣ книжники?* Вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что это дѣло не новое, но давно извѣстное, такъ какъ оно прообразовано и предсказано надревле: *писано бо есть*, говорить: *погублю премудростъ премудрыхъ*. Затѣмъ доказалъ, что это было и полезно и нужно: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумъ міръ Бога, благоволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти отрующіхъ*; что крестъ есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что *буетъ Божіе* гораздо выше челоувѣческой мудрости. Теперь онъ доказываетъ тоже не со стороны только учителей, но и со стороны самихъ учениковъ: *видите бо*, говорить, *званіе ваше*. Не только неученные учителя, но и ученики избраны такіе же: *яко не мнози*, говорить, *мудри по плоти*. Такъ открывается большая сила и большая премудрость, когда убѣждаются многіе и притомъ немудрые. Самое трудное дѣло—убѣдить невѣжду, особенно когда рѣчь о предметахъ необходимыхъ и великихъ. И однако ихъ убѣдили, чему свидѣтелями представляетъ ихъ же самихъ: *видите бо званіе ваше, братіе*, т. е. посмотрите, помыслите. Научить невѣждъ догматамъ столь мудрымъ и мудрѣйшимъ всего, это—знакъ величайшей мудрости учителя. Что значитъ: *по плоти*? По наружности, по-житейски, по вѣйшнему ученію. Чтобы не подумали, что онъ противорѣчить себѣ,—а онъ убѣдилъ и проконсула, и Ареопagitа, и Аполлоса, и другихъ мудрецовъ, о которыхъ мы знаемъ, что принимали проповѣдь,—онъ не говоритъ: никто изъ мудрыхъ, но: *не мнози мудри*. Онъ не исключительно призывалъ невѣждъ, а мудрыхъ отвергалъ, но принималъ и послѣднихъ, гораздо же больше первыхъ. Почему такъ? Потому, что мудрый по плоти исполненъ великаго неразумія, и особенно онъ бываетъ неразумнымъ

тогда, когда не хочеть отвергнуть нечестиваго ученія. Какъ въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь врачъ хочеть научить другихъ своему искусству, люди мало знающіе, но худо и превратно пользующіеся этимъ искусствомъ и упорные не скоро могутъ на- 40
учиться, а ничего незнающіе могутъ скорѣе принять ученіе, такъ было и здѣсь. Невѣжды убѣждались скорѣе, потому что они не имѣли того крайняго безумія, чтобы считать себя мудрыми. Подлинно, весьма безумны тѣ, которые подвергаютъ сужденію разума то, что усвоится не иначе, какъ только вѣроу. Если бы какой-нибудь кузнецъ, вмѣсто того, чтобы вынимать раскаленное желѣзо щипцами, сталъ дѣлать это рукою, то мы приписали бы это крайнему его безумію; такъ и философы, стараясь сами собою постигнуть (предметы вѣры), унижали вѣру. Потому они и не нашли ничего изъ того, чего искали. *Не мнози силти, не мнози благородни.* Вѣдь и такіе люди бывають исполнены гордости; а ничто столько не вредить истинному богопознанію, какъ гордость и пристрастіе къ богатству, потому что преданные имъ удивляются настоящему, нисколько не заботятся о будущемъ и заграждаютъ слухъ своимъ множествомъ попеченій. *Но буля міра избра Богъ.* Это величайшій знакъ побѣды—побѣждать посредствомъ немудрыхъ.

2. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любомудрствуютъ лучше ихъ. Потому Павелъ и сказалъ: *да премудрїа посрамитъ.* И не только съ этимъ, но тоже сдѣлать Богъ и съ другими житейскими преимуществами. *И немощная міра избра, да посрамитъ крѣпкая.* Не только неученыхъ, но и бѣдныхъ, презираемыхъ и незнатныхъ Онъ призвалъ, чтобы посрамить сильныхъ. *И худородная міра и уничиженная и не сущая, да сущая утѣднитъ* (ст. 28). Кто здѣсь называется *не сущая*? Тѣ, которыя считаютъ себя за ничто по великому уничиженію. Такъ Онъ явилъ великую силу, нислагая великихъ чрезъ тѣхъ, которые казались ничѣмъ, какъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Въ самомъ дѣлѣ, нужна великая сила, чтобы людей уничиженнѣйшихъ и никогда не занимавшихся никакимъ ученіемъ вдругъ научить любомудрствовать о томъ, что выше неба. Врачу и ритору и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло—внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе—такую мудрость. Впрочемъ Богъ сдѣлалъ это не только для того, чтобы явить чудо, или показать Свою силу, но и для

того, чтобы смирить превозносящихся. Потому апостоль, какъ выше сказалъ: *да премудрыя посрамить, да сущая упразднить*, 41 такъ и здѣсь говоритъ: *яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (ст. 29). Богъ дѣлаетъ все для того, [чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство; а вы, говорить, предаетесь этому? Онъ дѣлаетъ все для того], чтобы мы ничего не приписывали себѣ, чтобы все относили къ Богу; а вы предали себя такому-то и такому-то? И какого заслужите вы прощенія? Богъ показалъ, что намъ невозможно спастись самимъ по себѣ, и это Онъ устроилъ въ началѣ. И тогда невозможно было самимъ достигать спасенія, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданій, чтобы восходить къ Творцу вещей. Сдѣлать же это Онъ, чтобы низложить имѣвшее явиться высокоуміе. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда ведетъ его, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ по себѣ, то оставляетъ его блуждать и, давъ ему испытать, что онъ самъ по себѣ научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ руководить его, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія твореній, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами по себѣ идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ далъ намъ міръ, какъ бы дощечку; но философы объ этомъ не думали, не хотѣли повиноваться Ему и идти къ Нему тѣмъ путемъ, которымъ Онъ повелѣлъ. Потому Онъ предложилъ другой путь яснѣе перваго, обучающій, что самъ человѣкъ одинъ для себя недостаточенъ. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы; а теперь, кто не будетъ *буйимъ*, т. е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не предастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись. Такимъ образомъ, Онъ совершилъ немаловажное дѣло: предложилъ удобный путь, а вмѣстѣ уничтожилъ бывшую болѣзнь и научилъ не хвалиться и не высокоумствовать: *яко да не похвалится всяка плоть*. Грѣхъ происходитъ оттого, что люди хотятъ быть мудрѣе законовъ Божиихъ и не хотятъ учиться такъ, какъ Онъ заповѣдалъ; потому они ничему и не учатся. Такъ было и въ началѣ. Богъ сказалъ Адаму: это дѣлай, а этого не дѣлай; но онъ, думая найти что-то большее, не послушался—и потерялъ то, что имѣлъ. Потомъ Онъ сказалъ: не останавливайтесь на твореніи, но чрезъ него познавайте Творца; а люди, какъ бы найдя что-то болѣе мудрое сравнительно съ сказаннымъ, построили себѣ безчисленные лабиринты; потому и сами потерялись и другъ съ другомъ вошли въ столкновенія, ни Бога не

нашли, ни о твореніи не узнали ничего яснаго, и не составили о немъ надлежащаго и вѣрнаго понятія. Послѣ этого, желая рѣшительно уничтожить ихъ высокоуміе, Онъ призвалъ прежде всего людей простыхъ, и тѣмъ показалъ, что всѣ имѣютъ нужду въ премудрости свыше. Не только въ отношеніи къ познанію, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ люди и всѣ прочія твари имѣютъ великую въ Немъ нужду; и это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы дать имъ сильное побужденіе къ покорности и преданности, чтобы они, отлучившись отъ Него, не погибли. Потому Онъ и не попустилъ имъ быть самодовлѣющими. Вѣдь если и теперь, когда имѣютъ въ Немъ нужду, многіе оставляютъ Его, то, если бы этого не было, до какого забвенія не дошли бы они? Не по зависти Онъ лишилъ ихъ основанія къ превозношенію, но чтобы избавить ихъ отъ гибели, происходящей отсюда. *Изъ Него же вы есте о Христѣ Исусѣ, иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (ст. 30). Словомъ: *изъ Него же*, я думаю, апостолъ выражаетъ не приведеніе изъ небытія въ бытіе, но приведеніе къ вѣрѣ, т. е. то, что мы стали чадами Божиими *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія* (Іоан. 1, 13). Не думайте, что, лишивъ насъ основанія къ превозношенію, Онъ такъ и оставилъ насъ,—нѣтъ,—Онъ даровалъ намъ другую похвалу, большую. Не должно хвалиться предъ лицомъ Его. Вы—чада Его, и сдѣлались ими чрезъ Христа. Сказавъ: *буля міра избра и худородная*, апостолъ теперь показываетъ, что они стали благороднѣе всѣхъ, потому что имѣютъ Отцемъ Бога; и виновникъ этого благородства не такой-то или такой-то, но Христосъ, содѣлавшій насъ мудрыми, праведными и святыми; это и означаютъ слова: *бысть намъ премудрость*.

3. Кто же мудрѣ насъ, имѣющихъ не Платонову мудрость, но—самого Христа, по волѣ на то Божіей? Что значить: *отъ Бога*? Сказавъ нѣчто великое о Единородномъ, апостолъ упоминаетъ и объ Отцѣ, чтобы кто не подумалъ, что Сынъ не рожденъ. Онъ сказалъ о столь великихъ дѣлахъ и все приписалъ Сыну, изъяснивъ, что Сынъ сдѣлался для насъ премудростію, правдою, освященіемъ и избавленіемъ; теперь чрезъ Сына возводитъ все къ Отцу, прибавляя: *отъ Бога*. Но почему онъ не сказалъ: умудрилъ насъ, а: *бысть намъ премудрость*? Этими онъ показываетъ обиліе дара, какъ бы такъ говоря: далъ намъ самого Себя. И смотри, какую онъ соблюдаетъ постепенность. Сначала (говорить) Богъ сдѣлалъ насъ мудрыми, освободивъ отъ заблужденія, потомъ праведными и святыми, даровавъ Духа, и такимъ образомъ избавилъ насъ отъ всѣхъ золъ, такъ что мы стали Его (достояніемъ), разумѣется не по существу, а по вѣрѣ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что мы сдѣлались правдою въ Немъ: *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. v, 21); а теперь говоритъ, что Онъ одѣялся для насъ правдою, такъ что всякій желающій можетъ приобщаться Ея обильно. Не такой-то или такой-то сдѣлать насъ мудрыми, но Христосъ. Поэтому кто хочетъ хвалиться, тотъ пусть хвалится Имъ, а не такимъ-то или такимъ-то: все вѣдь совершено Христомъ. Потому, сказавъ: *Иже бысть намъ премудрость, правда же, и освященіе, и избавленіе*, апостолъ присовокупляетъ: *да, якоже пишется, хваляйся о Господѣ да хвалится* (ст. 31). Для того онъ сильно и возсталъ противъ языческой мудрости, чтобы этимъ убѣдить людей хвалиться Богомъ, какъ и слѣдуетъ. Когда мы ищемъ сами собою того, что выше насъ, тогда нѣтъ ничего глупѣе, нѣтъ ничего безсильнѣе насъ. Изощрить свой языкъ мы можемъ, но измыслить твердые догматы не можемъ: наши разсужденія сами по себѣ подобны ткани паутинной. Нѣкоторые дошли до такого безумія, что говорятъ, будто изъ всего существующаго нѣтъ ничего истиннаго, но все противно тому, что намъ представляется. Потому не приписывай ничего себѣ, но во всемъ хвались Богомъ. Не приписывай никогда ничего никакому человѣку; если не слѣдуетъ ничего приписывать Павлу, то тѣмъ болѣе другимъ: *азъ, говоритъ онъ, насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. iii, 6). Кто научился хвалиться Господомъ, тотъ никогда не будетъ превозноситься, но всегда будетъ смиряться и за все благодарить Его. Не такъ поступаютъ язычники, ⁴³ но они все приписываютъ себѣ. Потому они и дѣлаютъ изъ людей боговъ: такъ гордость овладѣла ими! Впрочемъ, уже время выступить на борьбу съ ними. На чемъ же мы остановились въ прежней бесѣдѣ? Мы говорили, что, по человѣческому соображенію, невозможно было рыбарямъ побѣдить философовъ; однако это сдѣлано, и слѣдовательно сдѣлано силою благодати. Мы говорили, что невозможно было имъ и рѣшиться на такіа дѣла, и показали, что они не только рѣшились, но и окончили съ великою легкостію.

Сегодня опять будемъ бесѣдовать главнымъ образомъ о томъ же: могли ли бы они надѣяться побѣдить вселенную, если бы не видѣли Христа воскресшимъ? Неужели они потеряли разсудокъ, такъ что рѣшились на такое дѣло просто и необдуманно? Подлинно было бы выше всякаго безумія ожидать успѣха въ столь великомъ дѣлѣ, безъ содѣйствія благодати Божіей. И какъ они могли бы совершить это, если бы были безумными и изступленными? Если же они были въ здравомъ умѣ, а это показали самыя дѣла ихъ, то какъ могли бы они, двѣнадцать человѣкъ,

препоясаться и выступить на такую брань, на землѣ и на морѣ, возстать противъ обычаевъ всей вселенной, укоренившихся въ теченіе столь долгаго времени, и возстать такъ мужественно, если бы они не имѣли вѣрныхъ залоговъ съ неба и не получили помощи свыше? И, что еще важнѣе, какъ они надѣялись убѣдить слушателей, призывая ихъ къ небу и горнымъ обителямъ? Если бы они были образованы и воспитаны въ славѣ, богатствѣ и почестяхъ, то хотя и тогда они едва бы рѣшились на столь великое дѣло, но по крайней мѣрѣ могли бы имѣть болѣе надежды; а здѣсь—одни изъ рыбаей, другіе—изъ кожевниковъ, иные—изъ мытарей. Такія занятія всего менѣе могли располагать къ любомудрію и способствовать высокимъ помысламъ, особенно если не было подобнаго примѣра. И не только у нихъ не было примѣровъ успѣха въ подобныхъ предпріятіяхъ; напротивъ были примѣры неуспѣха, и притомъ самые недавніе. Многіе, покушавшіеся на нововведенія,—говорю не объ язычникахъ, у которыхъ этого не было, а о самихъ іудеяхъ, въ то же самое время, — погибли, приступивъ къ дѣлу не съ двѣнадцатію человекѣми, но съ великимъ множествомъ. Такъ Ѳевда и Іуда, собравъ множество сообщниковъ, погибли вмѣстѣ съ учениками своими (Дѣян. v. 36, 37). Страхъ отъ подобныхъ примѣровъ достаточно могъ бы вразумить ихъ, еслибы они не были увѣрены, что одержать побѣду возможно не иначе, какъ силою божественною. И при надеждѣ на успѣхъ, какъ они рѣшились бы на такія опасности, если бы не имѣли въ виду будущаго? Положимъ, что они имѣли надежду на успѣхъ; но какой они могли ожидать пользы отъ того, что обращали всѣхъ къ не Воскресшему, какъ вы говорите?

4. Если теперь люди, вѣрующіе ученію о царствіи небесномъ и неисчислимыхъ благахъ, едва рѣшаются на опасности, то какъ апостолы рѣшились подвергаться имъ напрасно, или, лучше, ко вреду своему? Если бы не было того, что было, если бы Христосъ не восшелъ на небо, то, рѣшившись выдумать это и преподавать другимъ, они оскорбили бы Бога и должны были бы ожидать себѣ грозныхъ наказаній свыше. Съ другой стороны, хотя бы при жизни Христа они имѣли такую рѣшимость, все же оставили бы ее по смерти Его, такъ какъ, если бы Онъ не воскресъ, то они почли бы Его обманщикомъ и обольстителемъ. Развѣ не знаете, что при жизни полководца и царя даже слабыя войска держатся, а по смерти даже и сильныя разстраиваются? Какими же, скажи мнѣ, соображеніями побуждались они, когда рѣшались начать проповѣдь и идти во всю вселенную? И какія препятствія не встрѣтили бы ихъ? Если бы они были изступлен-

ные,—не перестану повторять это,—то рѣшительно ничего не сдѣлали бы, потому что изступленныхъ никто не слушаетъ; а если они совершили свое дѣло такъ, какъ совершили, то и конецъ показывается, что они были мудреѣ всѣхъ. Если же они были мудреѣ всѣхъ, то очевидно, что они пошли на проповѣдь не просто. Если бы они не видѣли Христа воскресшимъ, то что могло бы вывести ихъ на такую брань? Что напротивъ не отклонило бы ихъ отъ ней? Онъ говорилъ имъ, что чрезъ три дня воскреснетъ, общалъ царствіе небесное, предрекалъ, что они, получивъ Святаго Духа, побѣдятъ вселенную, и многое возвѣщалъ другое, превышающее всѣ законы природы. Послѣ этого, если бы ничего такого не исполнилось, то они, хотя бы и вѣрили Ему при жизни, по смерти Его перестали бы вѣрить, если бы не видѣли Его воскресшимъ. Они сказали бы: Онъ говорилъ, что чрезъ три дня воскреснетъ, и не воскресъ; общалъ послать Духа, и не послалъ: какъ же мы можемъ вѣрить Ему въ дальнѣйшемъ, если оказалось ложнымъ ближайшее? Почему же они стали бы проповѣдывать, что Христосъ воскресъ, если бы Онъ не воскресъ? Потому, скажешь, что любили Его. Но тогда они конечно возненавидѣли бы Его, какъ обольстителя и предателя, который, воспламенивъ ихъ безчисленными надеждами, отлучивъ отъ домовъ, и отъ родныхъ, и отъ всего, вооруживъ противъ нихъ весь народъ іудейскій, потомъ оставилъ ихъ. Если бы это происходило только отъ слабости, то они могли бы простить Ему; но тогда они почли бы это великимъ злоумышленіемъ. Ему надлежало бы говорить истину и не общать неба, если бы Онъ былъ человѣкъ смертный, какъ вы говорите. Тогда и они конечно стали бы дѣлать противное, стали бы открывать обманъ и называть Его обольстителемъ и злоумышленникомъ: такимъ образомъ они и избавились бы опасностей, и окончили бы брань. Если іудеи дали деньги воинамъ для того, чтобы они сказали, что тѣло Его украдено (Мѣ. ххviii, 12), то чего не получили бы ученики, если бы пришли и сказали: мы украли Его, Онъ не воскресъ? Тогда, вѣроятно, наградили бы ихъ и почестями и вѣнцами. Почему же они предпочли всему этому поношенію и бѣдствію, если не было божественной силы, дѣйствовавшей въ нихъ могущественнѣе всего этого? Если ты еще не убѣждаешься, то обрати вниманіе на слѣдующее: если бы не было (воскресенія Христова), то апостолы, хотя бы были весьма готовы, не стали бы проповѣдывать о Немъ, но оказали бы къ Нему отвращеніе. Вы знаете, что мы не хотимъ даже слышать объ именахъ тѣхъ, которые жестоко обманули насъ. Почему же они проповѣдывали имя Его? Развѣ они надѣялись побѣдить этимъ именемъ? Напро-

тивъ, имъ надлежало бы ожидать, что и въ случаѣ побѣды они погибнуть, потому что возвѣщали имя обольстителя. А если бы они захотѣли утаить прошедшее, то не слѣдовало бы и проповѣдывать, потому что усилія ихъ еще болѣе возбуждали бы 45 только брань и смѣхъ. И какъ они могли бы выдумать все это? Напротивъ они забывали бы и то, что слышали. Если тогда, когда еще нечего было страшиться, они многое забывали, а иного не разумѣли, какъ замѣчаетъ евангелистъ (Іоан. хп, 16), то, при угрожающей опасности, не вышло ли бы все изъ ихъ памяти? И что говорить о словахъ? Самая любовь ихъ къ Учителю нѣсколько охладѣвала отъ страха будущихъ опасностей, за что Онъ и укорялъ ихъ. Прежде они, слѣдуя за Нимъ, часто спрашивали: *камо идеши* (Іоан. хш, 36)? а потомъ, когда Онъ въ продолжительной бесѣдѣ представилъ имъ бѣдствія, какимъ они подвергнутся во время Его крестнаго страданія, то они, пораженные страхомъ, пребыли безмолвными, о чемъ, послушай, какъ Онъ самъ говорить: *никто же отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнитъ сердце ваше* (Іоан. хvi, 5, 6). Если же они такъ скорбѣли, когда еще ожидали Его смерти и воскресенія, то, не увидѣвъ Его воскресшимъ, не пали ли бы духомъ совершенно, не пожелали бы сами быть погребенными въ землѣ, какъ отъ скорби при видѣ обмана, такъ и отъ страха будущаго?

5. Откуда у нихъ и это высокое ученіе? Имъ сказалъ (Христосъ), что высочайшее ученіе они услышать послѣ: *еще много, говорилъ Онъ, и имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. хvi, 12). Слѣдовательно, высшее сообщено было имъ послѣ. Одинъ изъ учениковъ Его, услышавъ объ опасности, не хотѣлъ даже идти съ Нимъ въ Іудею, но сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ Нимъ* (Іоан. п, 16): съ такою скорбію ожидалъ Его смерти! Если же онъ, ожидая смерти, въ присутствіи самого (І. Христа) терялъ бодрость, то безъ Него и безъ прочихъ учениковъ какимъ опасностямъ не подвергались его надежды? И много есть доказательствъ ихъ малодушія. Притомъ о чемъ имъ было говорить, вышедши на проповѣдь? Страданіе (Христово) было извѣстно вселенной, такъ какъ Онъ былъ распятъ на высококомъ древѣ, въ полдень, въ столичномъ городѣ, и въ величайшій праздникъ, на которомъ особенно должны были присутствовать всѣ (іудеи); а о воскресеніи Его не знали никто изъ постороннихъ, и это было для нихъ немалымъ препятствіемъ къ убѣжденію. О погребеніи Его была всеобщая молва, и воины со всѣми іудеями говорили, что ученики украли тѣло Его; а о томъ, что Онъ воскресъ, никто изъ постороннихъ не зналъ. Какимъ же образомъ они надѣялись убѣдить вселенную? Если стражи при видѣ чудесъ со-

гласились свидѣтельствовать противное, то какъ они безъ чудесъ рѣшились проповѣдывать, и, не обладая и малымъ количествомъ денегъ, надѣялись убѣдить всѣхъ на землѣ и на морѣ въ истинѣ воскресенія? Если бы они дѣлали это изъ честолюбія, то каждый изъ нихъ приписывалъ бы свое ученіе скорѣе самому себѣ, а не Умершему. Но (скажешь) имъ люди не повѣрили бы? Напротивъ, кому они скорѣе могли вѣрить, Тому ли, Кто былъ взятъ и распятъ на крестѣ, или тѣмъ, которые избѣгли іудейскихъ рукъ? Почему, скажи мнѣ, рѣшившись на такое дѣло, они не тотчасъ оставили Іудею и ушли въ другіе города, но оставались тамъ? И какимъ образомъ они успѣли убѣдить, если не совершали знаменій? Если они совершали знаменія, — а они дѣйствительно совершали, — то это было дѣйствіе силы Божіей; если же не совершали и однако побѣдили, то сдѣланное ими еще болѣе удивительно. Развѣ, скажи мнѣ, они не знали іудеевъ, ихъ злобное сердце и переполненную ненависти душу? Эти люди хотѣли побить камнями Моисея, послѣ того, какъ онъ провелъ ихъ по морю, послѣ побѣды и того чуднаго торжества, которое они чрезъ него одержали безъ пролитія крови надъ поработившими ихъ египтянами, послѣ манны, послѣ источниковъ водъ, изведенныхъ изъ камней, послѣ безчисленныхъ чудесъ въ Египтѣ, при Черномъ морѣ и въ пустынѣ; Іеремію они ввергли въ ровъ и многихъ пророковъ убили. Послушай, что говорить о нихъ Ілія, который былъ изгнанъ ими далеко изъ страны ихъ, послѣ страшнаго голода и чуднаго дождя, послѣ огня, низведеннаго имъ съ неба, и послѣ славнаго всесожженія: *Господи, пророки Твоя избиша, алтари Твоя раскопаша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моя* (8 Цар. xix, 10). Между тѣмъ (пророки) не вводили никакихъ перемѣнъ въ законъ. Какъ же, скажи мнѣ, могли слушать апостоловъ, которые были уничтоженны всѣхъ ихъ (пророковъ) и преподавали тоже новое ученіе, за которое Учитель ихъ былъ распятъ? Притомъ не столько могло казаться страннымъ, когда говорилъ это Христосъ, сколько когда они. О Немъ могли думать, что Онъ дѣлалъ это для своей славы, а ихъ могли ненавидѣть тѣмъ болѣе, что они подвизались за другого. Но не содѣйствовали ли имъ римскіе законы? Напротивъ, съ этой стороны было еще болѣе препятствій, — вѣдь сказано было: *всякъ, царя себе творяй, нѣсть другъ кесарю* (Іоан. xix, 12). Одно то могло служить для нихъ препятствіемъ, что они были учениками считавшагося за тирана и дѣйствовали въ Его пользу. Что же побуждало ихъ подвергаться такимъ опасностямъ? Что они могли сказать о Немъ такого, чѣмъ показались бы заслуживающими довѣрія? То ли, что Онъ былъ распятъ? То ли, что онъ родился отъ

бѣдной іудеянки, обрученной съ іудейскимъ плотникомъ? То ли, что Онъ происходилъ отъ народа, ненавидимаго въ цѣломъ мірѣ? Но все это могло не только не убѣждать и не привлекать слушателей, а напротивъ отвращать всѣхъ, тѣмъ болѣе, когда было возмѣщаемо скинотворцемъ и рыбаремъ. Не могло ли все это приходиться на мысль ученикамъ Его? Люди робкіе могутъ воображать даже болѣе того, что есть на самомъ дѣлѣ; а таковы и были апостолы. На чемъ же они основали надежду успѣха? Скорѣе они не имѣли бы надежды при тѣхъ безчисленныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчались имъ, если бы не воскресъ Христосъ.

6. Не ясно ли для всѣхъ, даже самыхъ неразумныхъ, что апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дѣла, но даже и подумать о немъ, если бы не получили великой и обильной благодати и не имѣли залога воскресенія? Если при такихъ препятствіяхъ къ предпріятію, не говорю уже къ выполненію дѣла, они и рѣшились, и исполнили и совершили выше всякаго ожиданія, то не для каждаго ли ясно, что они дѣйствовали не человѣческою силою, но божественною благодатію? Будемъ же заниматься подобными разсужденіями не только сами съ собою, но и другъ съ другомъ: тогда удобнѣе можемъ научиться и прочему. Хотя бы ты былъ ремесленникъ, не считай такого занятія чуждымъ для себя. Вѣдь и Павелъ былъ дѣлатель палатокъ, однако исполнился великой благодати и ею возмѣщалъ все. Но прежде благодати онъ былъ при ногахъ Гамалиила; и самую благодать получилъ потому, что явилъ душу достойную благодати, и послѣ того опять занимался своимъ ремесломъ. Итакъ, не стыдись никто занимающійся ремесломъ; но 47 пусть устыдятся тѣ, которые напрасно ѣдятъ хлѣбъ и живутъ въ праздности, которые имѣютъ множество слугителей и требуютъ безпрестанныхъ услугъ. Принимать пищу всегда послѣ труда—это родъ любомудрія: души такихъ людей бываютъ чище, мысли—основательнѣе. Человѣкъ праздный и говоритъ много пустого, и дѣлаетъ много пустого, и цѣлый день не занимается ничѣмъ, предаваясь нѣгѣ; а тотъ, кто занятъ работою, не скоро допустить что-нибудь излишнее ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ помысленіяхъ; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будемъ же презирать тѣхъ, которые питаются отъ трудовъ рукъ своихъ, но будемъ еще болѣе ублажать ихъ за это. Какой, скажи мнѣ, достоинъ ты благодати, если, получивъ наслѣдство отъ отца, живешь, ничего не дѣлая, и расточаешь его попустому? Развѣ ты не знаешь, что мы не всѣ отдадимъ одинаковый отчетъ, но получившіе здѣсь больше благъ отдадутъ отчетъ труднѣйшій, а удрученные трудами, бѣдностію, или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ—

легчайшій? Это видно и изъ притчи о Лазарѣ и богатѣ. Ты, не употребившій свободнаго времени ни на что дѣльное, справедливо будешь осужденъ; а бѣдный, при трудахъ своихъ употребившій остающееся время на дѣла достодождныя, получить великіе вѣнцы.

- 43 Укажешь ли на свое военное званіе и приведешь его въ оправданіе своей безпечности? Но и это извиненіе неосновательно. Корнилій былъ сотникомъ, однакожь воинская перевязь нисколько не препятствовала его благочестію. Ты, когда занимаешься съ шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрѣлищахъ, не ссылаешься ни на необходимыя дѣла по военной службѣ, ни на страхъ предъ начальниками; а когда мы приглашаемъ въ церковь, тогда — безчисленные препятствія. Что же ты скажешь въ тотъ день, когда увидишь пламя, огненные рѣки и неразрѣшныя узы, и услышишь скрежетъ зубовъ? Кто поможетъ тебѣ въ тотъ день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшаго жизнь свою, наслаждающимся великою славой, а себя, который нынѣ украшаешься нѣжными одеждами и дышишь благовоніями, невыразимо страждущимъ? Какая польза будетъ тебѣ отъ богатства и изобилія, и какой вредъ ремесленнику отъ бѣдности? Поэтому, чтобы намъ не потерпѣть этого, устрашимся сказаннаго и приложимъ всякое стараніе къ совершенію дѣлъ необходимыхъ. Такимъ образомъ, умилившись Богомъ за прежніе грѣхи свои и присоединивъ добрая дѣла въ будущемъ, мы сможемъ получить царствіе небесное, благодатію и человеколюбіемъ (Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и приono, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VI.

- 47 И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, приидохъ не по превосходному словеси, или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Иисуса Христа, и сего распята (1 Кор. II, 1, 2).

1. Ничто не можетъ сравниться въ дѣятельности съ душою Павла, или лучше, не съ его душою, — такъ какъ онъ не самъ достигъ этого, — но съ благодатію, которая дѣйствовала въ немъ и побѣждала все. И сказаннаго прежде достаточно было для низложенія гордости превозносившихся своею мудростію; достаточно было даже и части сказаннаго. Но чтобы побѣда была славнѣе, онъ продолжаетъ свою рѣчь, попирая уже поверженныхъ противниковъ. Смотри: привелъ пророчество: *погублю премудрость пре-*

мудрыхъ; показалъ премудрость Божию въ томъ, что Богъ кажу-
щимся безуміемъ низложилъ внѣшнюю мудрость; объяснилъ, что
бже Божіе премудрѣе чловѣкъ; указалъ, что Богъ не только на-
училъ чрезъ людей неученыхъ, но и призвалъ также неученыхъ;
а теперь онъ доказываетъ, что и самый предметъ проповѣди и
способъ проповѣданія могли бы иныхъ смутить, однако не сму-
тили. Не только, говорить, ученики—люди простые, но и я про-
повѣдающій. *И азъ, братіе*,—опять называетъ ихъ братіями, чтобы
смягчить суровость рѣчи, — *придохъ не по превосходному словеси,*
свидѣтельству Божіе. Но, скажи мнѣ, если бы ты
захотѣлъ придти съ высокимъ словомъ, могъ ли бы? Я, говорить,
если бы и хотѣлъ, не могъ бы; а Христосъ, если бы восхотѣлъ,
могъ бы (послать); но Онъ не восхотѣлъ, чтобы побѣда сдѣла-
лась славнѣе. Потому и выше, доказывая, что дѣломъ Христа и
Его волею было, чтобы слово проповѣдывалось съ такою просто-
тою, онъ говорилъ: *не посла бо мене Христосъ крестити, но благо-*
свидѣтствовати, не въ премудрости слова (1 Кор. I, 17). А воля Христа 48
много важнѣе, несравненно важнѣе воли Павла. Такимъ обра-
зомъ, говорить, не высокимъ словомъ и не помощію краснорѣчія
я возвѣщаю свидѣтельство Божіе. Не сказалъ: проповѣдь, но: *сви-*
дѣтельство Божіе, что также могло не нравиться, такъ какъ онъ
ведѣ проповѣдывалъ о смерти; потому и присовокупилъ: *не су-*
судитъ бо вѣдати что въ васъ, точію Исуса Христа, и сего распята.
Говорить это потому, что онъ былъ совершенно чуждъ внѣшней
мудрости, какъ и выше сказалъ: *придохъ не по превосходному сло-*
веси. Нѣтъ сомнѣнія, что ему можно было имѣть и это; тотъ, чьи
одежды воскрешали мертвыхъ и тѣнь исцѣляла болѣзани, тѣмъ
болѣе могъ душею своею усвоить краснорѣчіе. Последнее свой-
ственно и ученикамъ, а первое выше всякаго искусства. Слѣдо-
вательно, кто зналъ то, что выше искусства, тотъ тѣмъ болѣе
могъ знать низшее. Но Христосъ не попустилъ этого, потому
что это не было полезно. Потому Павелъ справедливо говорить:
не судитъ бо вѣдати что, такъ какъ и я желаю того же, чего
Христосъ. Мнѣ кажется, что апостоль бесѣдуетъ съ ними (корин-
ѣянами) гораздо проще, нежели съ другими, для того, чтобы низ-
ложить гордость ихъ. Итакъ слова: *не судитъ вѣдати что* ска-
заны въ противоположность внѣшней мудрости. Я пришелъ къ
вамъ, говорить онъ, не сплетать сидлогизмы и софизмы, или го-
ворить что-либо подобное, но только возвѣстить, что Христосъ
распятъ. Тѣ (мудрецы) говорятъ много и ведутъ длинныя рѣчи
о безчисленныхъ предметахъ, составляя сужденія и умозаключе-
нія и сплетая тысячи софизмовъ; а я пришелъ къ вамъ говорить
не о чемъ другомъ, какъ только о томъ, что Христосъ распятъ,

49 и всѣхъ ихъ превзошелъ, что и служить неизреченнымъ знаменіемъ силы Проповѣдуемаго. *И азъ въ немощи и страхъ и трепетъ мнози быхъ въ васъ* (ст. 3). Вотъ еще другое важное обстоятельство. Не только вѣрующіе — люди простые, не только проповѣдующій — человѣкъ простой, не только способъ ученія исполненъ простоты, не только самый предметъ проповѣди можетъ смущать, такъ какъ предметъ этотъ — крестъ и смерть; но вмѣстѣ съ тѣмъ были и другія препятствія, именно опасности и козни, ежедневный страхъ и гоненія. Немощію онъ часто называетъ гоненія, какъ напримѣръ: *немощи, яже во плоти моей, не уничижили есте* (Гал. iv, 13, 14); и еще: *еще хвалится подобаетъ, о немощи моей похваляюся* (2 Кор. xi, 30). О какой немощи? *Языческій князь Арефы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (ст. 32). И еще: *тѣмже благоволю въ немощныхъ*; а въ какихъ, объясняетъ далѣе: *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. xii, 10). Тоже говорить и теперь; сказавъ: *и азъ въ немощи*, онъ не останавливается на этомъ, но, чтобы показать, что подъ немощію онъ разумѣетъ опасности, присовокупляетъ: *и страхъ и трепетъ мнози быхъ въ васъ*. Что это? Неужели и Павелъ боялся опасностей? Да, боялся и сильно боялся. Вѣдь онъ былъ хотя и Павелъ, а все же человѣкъ. И это не вина Павла, но слабость (человѣческой) природы, а вмѣстѣ и похвала его волѣ, если онъ, даже боясь смерти и ранъ, подъ влияніемъ страха не дѣлалъ ничего недостойнаго. Потому тѣ, которые говорятъ, что онъ не боялся ранъ, не только не дѣлаютъ ему чести, но и много унижаютъ его достоинство. Если бы онъ не боялся, то какая твердость, или какое любомудріе было бы въ перенесеніи бѣдствій? А я потому и удивляюсь ему, что онъ, хотя боялся, и не просто боялся, а трепеталъ бѣдствій, однако всегда подвизался со славою и ни при какой опасности не ослабѣвалъ, очищая вселенную и вездѣ, на землѣ и на морѣ, посѣвая сѣмена проповѣди. *И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтelnыхъ человѣческія премудрости словесехъ* (ст. 4), т. е. чуждо внѣшней мудрости. Если же проповѣдь не имѣла въ себѣ ничего софистическаго, и призываемые были люди простые, и проповѣдующій таковъ же, и кромѣ того были гоненіе, страхъ и трепетъ, то, скажи мнѣ, какимъ образомъ одержана побѣда? Божественною силою. Потому, сказавъ: *слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтelnыхъ человѣческія премудрости словесехъ*, присовокупляетъ: *но въ явленіи Духа и силы*.

2. Видишь ли, какъ бѣе Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпче человѣкъ есть? Простые проповѣдники, будучи стѣсняемы и гонимы, побѣдили гонителей. Почему? Не потому ли, что они впушали вѣру Духомъ? Это и значить явленіе (Духа). Кто, скажи

мнѣ, не увѣруеть, видя воскресеніе мертвыхъ и изгнаніе бѣсовъ? Но такъ какъ есть ложныя силы, каковы волшебныя, то апостолъ устраняетъ и эту мысль; не просто говоритъ: *силы*, но напередъ—*Духа*, а потомъ—*силы*; этимъ выражаетъ, что все сдѣланное со- 50
вершено Духомъ. Такимъ образомъ для проповѣди служить не униженіемъ то, что она возвыщается безъ помощи мудрости, но напротивъ величайшимъ украшеніемъ. Это особенно и доказы-
ваетъ, что она божественна и имѣетъ высшее небесное проис-
хождение. Потому онъ и присовокупляетъ: *да въра ваша не въ мудрости человѣчествій, но въ силѣ Божіей будетъ* (ст. 5). Видишь ли, какъ ясно онъ представляетъ великую пользу простоты и великій вредъ мудрости? Последняя унижала крестъ, а первая воз-
выщала силу Божію; последняя производила то, что люди не познавали должнаго и хвалились самими собою, а первая распо-
лагала принять истину и хвалиться Богомъ; мудрость внушала многимъ считать ученіе (апостольское) человѣческимъ, а про-
стота ясно выражала, что оно божественно и низошло съ неба. Когда доказательство составляется изъ мудрыхъ словъ, тогда ча-
сто и недостойныя, будучи сильнѣе въ словъ, одерживаютъ верхъ надъ достойнѣйшими, и ложь заступаетъ мѣсто истины. Здѣсь же не такъ: Святой Духъ не входитъ въ нечистую душу, а вошедши не можетъ быть побѣжденъ, хотя бы противъ него возстала вся сила краснорѣчія, такъ какъ доказательство посредствомъ дѣлъ и знаменій гораздо яснѣе доказательства посредствомъ словъ. Но, можетъ быть, кто скажетъ: если проповѣдь должна побѣждать и не имѣетъ нужды въ силѣ слова, *да не упразднится крестъ*, то почему нынѣ прекратились знаменія? Почему? Ты не вѣришь и думаешь, что ихъ не было и при апостолахъ, или въ самомъ дѣлѣ хочешь знать, когда говоришь это? Если не вѣришь, то я остановлюсь прежде на этомъ. Если тогда не было знаменій, то какимъ образомъ апостолы, будучи гонимы, притѣсняемы, под-
вергаясь страху и узамъ, будучи общими всѣхъ врагами и не-
любимыми для всѣхъ, не имѣя въ себѣ ничего привлекатель-
наго, ни краснорѣчія, ни знатности, ни богатства, ни извѣстности по городу, по народу, по происхожденію, или по искусству, и ни-
чего другого подобнаго, но имѣя все противное тому, неученость, незнатность, бѣдность, простоту и уничиженіе, и притомъ воз-
ставая противъ цѣлыхъ народовъ и возвыщая такія истины,—
какъ они производили убѣжденіе? Правила ихъ были не легки, догматы опасны, а слушатели, которыхъ надлежало убѣждать, преданы были сластолюбію, пьянству и великому нечестію. Какъ же они убѣдили, скажи мнѣ? Какъ приобрѣли довѣріе? Если они, какъ я и прежде говорилъ, убѣдили безъ знаменій, то это есть еще

большее знаменіе. Итакъ изъ того, что теперь нѣтъ знаменій, не заключаи, что ихъ не было и тогда. Тогда полезно было имъ быть, а теперь полезно не быть. Впрочемъ изъ того, что теперь убѣжденіе производится однимъ словомъ, не слѣдуетъ, будто теперь проповѣдь зависитъ отъ мудрости. Какъ первоначальные сѣятели слова были простые и неученные и ничего не говорили отъ себя, но что приняли отъ Бога, то и преподали вселенной, такъ и мы теперь предлагаемъ не свое, но что приняли отъ нихъ, то и возвѣщаемъ всѣмъ. И теперь мы убѣждаемъ не умо-
 51 заключеніями, но свидѣтельствами божественныхъ Писаній, и тогдашними знаменіями внушаемъ вѣрить возвѣщаемому. Впрочемъ и апостолы убѣждали тогда не одними знаменіями, но и бесѣдами; только слова ихъ получали болѣе силы отъ знаменій и свидѣтельствъ ветхозавѣтнаго Писанія, а не отъ искусства краснорѣчія. Какъ же, скажешь, знаменія тогда были полезны, а теперь стали бесполезны? Предположимъ, — я обращаюсь къ язычнику и потому называю предположеніемъ то, что несомнѣнно будетъ, — предположимъ и пусть невѣрный хотя на нѣсколько времени допустить, на примѣръ, что Христосъ придетъ. Итакъ, когда придетъ Христосъ и всѣ ангелы съ Нимъ; когда Онъ явится, какъ Богъ, и все покорится Ему,—тогда не увѣруетъ ли въ Него и язычникъ? Конечно, онъ и поклонится Ему и назоветъ Его Богомъ, хотя бы онъ былъ человѣкъ крайне упорный.

3. Кто, видя небеса отверстыя, Христа грядущаго на облакахъ, и все воинство горнихъ силъ вокругъ Него, текуція рѣки огненныя и всѣхъ предстоящихъ Ему съ трепетомъ, не поклонится Ему и не признаетъ Его Богомъ? Но, скажи мнѣ, замѣнить ли это поклоненіе и признаніе для язычника вѣру? Нѣтъ. Почему? Потому, что это—не вѣра; это—слѣдствіе необходимости величественнаго зрѣлища; не собственное рѣшеніе, но величіе созерцаемаго увлекаетъ въ этомъ случаѣ душу. Слѣдовательно, чѣмъ яснѣе и разительнѣе знаменія, тѣмъ менѣе бываетъ вѣра, потому знаменія теперь и не совершаются. Чтобы убѣдиться въ истинѣ этого, послушай, что говоритъ Христосъ ѳомѣ: *блаженни не видѣвши и стровавши* (Іоан. хх, 29). Слѣдовательно, чѣмъ очевиднѣе знаменіе, тѣмъ менѣе достоинство вѣры. Тоже самое было бы, если бы и теперь совершались знаменія. Что тогда (по пришествіи Христовомъ) мы уже не будемъ познавать Его вѣрою, это объяснилъ Павелъ въ словахъ: *нынѣ струю ходимъ, а не видѣниемъ* (2 Кор. v, 7). Какъ тогда вѣра не вмѣняется тебѣ по причинѣ очевидности предмета, такъ и теперь она не вмѣнялась бы, естли бы совершались такія же знаменія, какія были прежде. Вѣдь вѣра бываетъ тогда, когда принимаемъ то, чего никакимъ

образомъ, никакими разсужденіями невозможно постигнуть. Такъ, Богъ угрожаетъ геенною, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы тоже. Впрочемъ, если ты хочешь знаменій, то можешь и теперь видѣть ихъ, хотя и не такого рода, именно исполненіе безчисленныхъ пророчествъ о множествѣ событій, обращеніе вселенной, любомудріе язычниковъ, измѣненіе грубыхъ нравовъ, преуспѣяніе благочестія. Что это, скажешь, за пророчества? Вѣдь всѣ эти предсказанія написаны уже послѣ событій? Когда же, скажи мнѣ, гдѣ, кѣмъ и за сколько лѣтъ? За пятьдесятъ, или за сто? Значить, за сто лѣтъ совершенно не было ничего написано. Какъ же вселенная сохранила догматы и все прочее, когда одной памяти для этого недостаточно? Откуда узнали, что Петръ былъ распятъ? Откуда послѣдующимъ пришло на мысль предсказывать, напримѣръ, что евангеліе будетъ проповѣдано по всей вселенной, что іудейское царство прекратится и болѣе не возстанетъ? Полагавшіе душу свою за проповѣдь какъ могли бы допустить, чтобы проповѣдь ихъ подвергалась искаженію? Какъ стали бы вѣрить писателямъ, послѣ того какъ 32 знаменія уже прекратились? И какъ писанія проникли бы въ страну варваровъ и индійцевъ и до самыхъ предѣловъ океана, если бы сами писатели не были достовѣрными? Какіе же это писатели? Когда писали они, гдѣ и для чего? Не для того ли, чтобы приобрѣсть себѣ славу? Но почему они надписывали свои книги именами другихъ? Не для того ли, чтобы придать твердость ученію? Но истинно оно, или ложно? Если они признавали его ложнымъ, то не стоило и заниматься имъ; если же признавали его истиннымъ, то не было нужды въ тѣхъ вымыслахъ, о которыхъ ты говоришь. Съ другой стороны эти предсказанія таковы, что даже до настоящаго времени ничто не могло измѣнить предсказаннаго. Такъ, разрушеніе Іерусалима совершилось за много лѣтъ. Есть и другія предсказанія, которыя со времени произнесенія ихъ будутъ имѣть силу до Его пришествія, какъ можешь видѣть, если хочешь, изъ слѣдующаго, напримѣръ: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѡ. XXVIII, 20); *на семь камней созижду церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей* (XVI, 18); *проповѣсться сіе евангеліе во всемъ языкамъ* (XXIV, 14); *идже еще проповѣдано будетъ евангеліе сіе, речется и еже сотвори сія жена* (XXVI, 18), и другія весьма многія. Отчего эти предсказанія оказываются истинными, если они были вымышлены? Отчего не одолѣли Церкви врата адавы? Отчего Христосъ всегда пребываетъ съ нами? Вѣдь, если бы Онъ не былъ съ нами, то Церковь не одержала бы побѣды. Отчего евангеліе распространилось по всей вселенной? Древность книгъ нашихъ могутъ засвидѣтельствовать

даже тѣ, которые говорили противъ насъ, какъ-то: послѣдователи Цельса и бывшаго послѣ него Ватанеота (Порфирія),—они конечно опровергали не то, что было написано послѣ нихъ,—а также и вся вселенная, которая единогласно приняла это ученіе. Если бы не благодать Духа, то не было бы такого единодушнаго принятія его отъ концевъ до концевъ земли, но виновники вымысловъ были бы скоро обличены, и не совершились бы столь великія дѣла при помощи вымысловъ и лжи. А теперь не видишь ли, какъ вся вселенная обратилась, заблужденіе истреблено, любомудріе иноковъ сіяетъ свѣтлѣе солнца? Не видишь ли сонмовъ дѣвственницъ, благочестія между варварами и всѣхъ, смиряющихся подъ однимъ игомъ (Христовымъ)? Это не въ нашихъ только книгахъ предсказано, но еще издревле пророками; а ихъ предсказаній ты конечно не можешь отвергать, потому что ихъ книги есть и у враговъ и, по усердію нѣкоторыхъ язычниковъ, переведены на греческій языкъ. Онѣ содержатъ въ себѣ много пророчествъ и указаній на то, что имѣющій придти есть Богъ.

4. Почему же нынѣ не всѣ вѣрують? Потому, что дѣла наши не хороши, и причиною этому мы сами; обращаю слово къ намъ самимъ. И тогда обращались къ вѣрѣ не одними только знаменіями, но многіе изъ обращающихся привлекаемы были и жизнію (вѣрующихъ). *Тако, говорится, да просвѣтитсѣ святъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видѣтъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Мѡ. v, 16). Тогда у всѣхъ бѣ сердце и душа одна, и ни одинъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща, дающе же коемуждо, его же еще кто требоваше (Дѣян. iv, 32, 35), и жили они жизнію ангельскою. Если бы тоже
53 было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и безъ знаменій. Потому желающіе спастись пусть внимають Писаніямъ; здѣсь они найдутъ и такія и еще высшія добродѣтели. И сами учителя изобилдовали ими, проводя жизнь въ голодѣ, жадѣ и наготѣ. Мы хотимъ жить въ роскоши, въ нѣгѣ и удовольствіяхъ; они же не такъ жили, но говорили: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ и страждемъ и скитаемся* (1 Кор. iv, 11). Одинъ изъ нихъ путешествовалъ отъ Іерусалима до Иллиріи, другой въ страну индійцевъ, третій въ страну мавровъ, иной въ другія части вселенной; а мы не рѣшаемся даже выйти изъ отечества, ищемъ роскоши, великолѣпныхъ жилищъ и всякаго другого богатства. Кто изъ насъ когда-нибудь терпѣлъ голодъ за слово Божіе? Кто былъ въ пустынѣ? Кто предпринималъ далекое путешествіе? Кто изъ учителей, живя трудами рукъ своихъ, помогать еще другимъ? Кто подвергался ежедневной смерти? Потому нерадивы и окружающіе насъ. Воины и военачальники, когда пере-

носять голодъ, жажду, смерть и всѣ бѣдствія, тогда побѣждаютъ и холодъ, и опасности, и все, какъ львы, и совершаютъ дѣла доблестныя; а потомъ, если, оставивъ такое любомудріе, предавшись нѣгѣ, пристрастившись къ земнымъ благамъ и занявшись куплею и продажею, будутъ побѣждаемы врагами, то было бы совершенно безумно. искать причину этой переменѣ. Такъ и мы должны разсуждать о насъ, самихъ и бывшихъ прежде насъ; мы сдѣлались изнѣженіе всѣхъ, прилѣпившись къ настоящей жизни. Если и найдется человѣкъ, имѣющій въ себѣ хотя нѣсколько древняго любомудрія, то онъ, оставляя городъ и торжища, не желая обращаться съ людьми и исправлять другихъ, удаляется въ горы; и если кто спроситъ его о причинѣ удаленія, то онъ дастъ отвѣтъ неуважительный: я, говорить, удаляюсь для того, 54 чтобы не погубить себя и не сдѣлаться неспособнымъ къ добродѣтели. Но не лучше ли было бы тебѣ быть не столь добродѣтельнымъ и доставлять пользу другимъ, нежели пребывать на высотѣ и съ презрѣніемъ взирать на погибель братій? Если же одни нерадятъ о добродѣтели, а другіе, пекущіеся о ней, удаляются изъ строя, то какъ мы будемъ побѣждать враговъ нашихъ? Кто убѣдился бы, если бы теперь и были знаменія? Кто изъ язычниковъ сталъ бы слушать насъ, когда нечестіе такъ распространяется? Праведная жизнь наша для многихъ бываетъ убѣдительною знаменіемъ. Люди безстыдные и злые могутъ взирать на знаменія съ мыслями коварными; а чистая жизнь можетъ съ великою силою заградить уста самого діавола. Говорю это и начальникамъ и подчиненнымъ, а прежде всѣхъ себѣ самому, чтобы мы проводили жизнь достохвальную, исправили себя и презирали все настоящее. Будемъ презирать имущество, но не геенну; будемъ презирать славу, но не спасеніе; будемъ здѣсь трудиться и терпѣть, чтобы такъ не подвергнуться мученію. Такъ будемъ ратоборствовать съ язычниками; такъ будемъ увлекать ихъ въ плѣнъ, который превосходитъ свободы. Впрочемъ это часто и непрестанно говорится нами, только рѣдко исполняется. Но исполняется, или нѣтъ,—нашъ долгъ непрестанно напоминать объ этомъ, такъ какъ, если иные, для оболъщенія другихъ, говорятъ столько увлекательныхъ рѣчей, то тѣмъ болѣе ведущимъ къ истинѣ не слѣдуетъ утомляться, возвѣщая полезное. Если вводящіе въ заблужденіе употребляютъ столько усилій къ достиженію своей цѣли, расточаютъ имущество, прибѣгаютъ къ искусству краснорѣчія, подвергаются опасностямъ и сами являются впереди всѣхъ, то тѣмъ болѣе намъ, отклоняющимъ отъ заблужденія, должно терпѣть и опасности, и смерть, и все, чтобы, доставивъ пользу и себѣ и другимъ и оставшись непобѣдимыми отъ враговъ нашихъ, спо-

добиться обѣтованныхъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

53 Премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божию въ тайнѣ, сокровенную, юже предъстави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу (1 Кор. п, 6, 7).

1. Для больныхъ глазами мракъ кажется лучше свѣта; потому они любятъ находиться болѣе въ темныхъ жилищахъ. Тоже произошло и съ духовною премудростію: премудрость Божія язычникамъ казалась безуміемъ, а ихъ мудрость, которая дѣйствительно есть безуміе, почиталась ими мудростію. Съ ними случилось тоже, какъ если бы кто, зная искусство кормчаго, общался переплыть безпредѣльное море безъ корабля и парусовъ и старался бы умствованіями своими доказать, что это возможно, а другой, совершенно неопытный, сѣвши на корабль и ввѣривъ себя кормчему и мореплавателямъ, совершилъ бы такимъ образомъ плаваніе безопасно. Кажущееся невѣдѣніе послѣдняго было бы мудрѣе мудрости перваго. Умѣнье править рулемъ, конечно, прекрасно; но когда оно общается слишкомъ много, то становится 54 безуміемъ; таково же и всякое знаніе, не удерживающееся въ своихъ предѣлахъ.

Такъ и внѣшняя мудрость была бы мудростію, если бы приняла Духа; но такъ какъ она все присвоила себѣ и думала, что не имѣетъ нужды въ высшей помощи, то сдѣлалась безуміемъ, хотя и казалась мудростію. Потому Павелъ, напередъ обличивъ ее самыми дѣлами, потомъ назвалъ ее безуміемъ, а премудрость Божию напередъ назвалъ *буйствомъ*, согласно съ мнѣніемъ язычниковъ, потомъ же доказываетъ, что она есть истинная мудрость,— а послѣ доказательствъ ужъ весьма легко посрамлять противниковъ,—и говорить: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ*. Если я, почитаемый безумнымъ и проповѣдникомъ безумія, побѣдилъ мудрыхъ, то побѣдившая мудрость есть не безуміе, но совершеннѣйшая мудрость и настолько превосходитъ внѣшней мудрости, что та кажется безуміемъ. Назвавъ ее сначала такъ, какъ называли ее тогда язычники, и доказавъ превосходство ея самыми 55 дѣлами, а ихъ обличивъ въ крайнемъ безуміи, онъ потомъ назы-

ваетъ ее свойственнымъ ей именемъ и говоритъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ*. Премудростию онъ называетъ проповѣдь и способъ спасенія посредствомъ креста; совершенными же называетъ вѣрующихъ. Дѣйствительно совершенны тѣ, которые знаютъ, что все человѣческое весьма немощно, презираютъ все это и увѣрены, что оно не служить имъ ни къ чему; а таковы вѣрующіе. *Премудрость же не отъ сего*. Къ чему въ самомъ дѣлѣ полезна внѣшняя мудрость, которая ограничивается здѣшнимъ міромъ и далѣе его не простирается, даже и здѣсь не можетъ привести никакой пользы обладающимъ ею? *Князьими отъ сего* онъ называетъ здѣсь не бѣсовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но людей, облеченныхъ отличіями и властію и почитающихъ ее чѣмъ-то весьма важнымъ, философовъ, риторовъ и писателей, которые тоже часто обладали властію и бывали народными вождами. Князьими же *отъ сего* называетъ ихъ потому, что власть ихъ не простирается далѣе настоящаго вѣка; потому и присовокупляетъ: *престающихъ*, и такимъ образомъ доказываетъ ничтожность внѣшней мудрости какъ самымъ ея свойствомъ, такъ и свойствомъ тѣхъ, которые обладаютъ ею. Доказавъ, что она ложна и безумна, что она не можетъ открыть ничего, что она безсильна, теперь онъ показываетъ, что она и кратковременна. *Но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ*. Въ какой тайнѣ? Христосъ говорилъ: *еже во уши слышите, проповѣдуйте на кроутѣхъ* (Мѡ. х, 17). Почему же Павелъ называетъ ее тайною? Потому, что ни ангелъ, ни архангелъ, и никакая другая сотворенная сила не знала ея прежде, нежели она открылась. Потому апостолъ и говоритъ: *да скажется нынѣ началомъ и властью на небесныхъ Церковію многообразная премудрость Божія* (Ефес. пі, 10). Богъ такъ почтилъ насъ, что и они услышали ее вмѣстѣ съ нами; и мы въ отношеніи къ друзьямъ считаемъ знакомъ нашей дружбы съ ними то, когда никому прежде нихъ не открываемъ тайны. Пусть внимаютъ тѣ, которые хвалятся проповѣдію, безъ разбора предлагаютъ всѣмъ бисеръ ученія, бросаютъ святыню псамъ и свиньямъ, и притомъ съ надлишними мудрованіями. Тайна не допускаетъ прикрасть, но какова есть, такою точно и возвѣщается; она не будетъ уже тайною божественною и неповрежденною, если ты прибавишь къ ней что-нибудь отъ себя. Тайною она называется и потому, что мы созерцаемъ въ ней не то, что видимъ, но одно видимъ, а другому вѣруемъ. Таково свойство нашихъ таинствъ. Иначе смотрю на нихъ я, иначе невѣрный. Слышу я, что Христосъ распятъ, и удивляюсь Его человѣколюбію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безсиліемъ. Слышу я, что Христосъ сдѣлался рабомъ, и удивляюсь Его промышленію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безчестіемъ. Слышу я, что Христосъ

умеръ, и изумляюсь Его могуществу, какъ Онъ, подвергшись смерти, не былъ удержанъ ею, но еще разрушилъ смерть; слышать невѣрный. и приписываетъ это Его немощи. Слыша о воскресеніи, онъ называетъ это баснею; а я, удостовѣряясь въ томъ самыми событіями, поклоняюсь домостроительству Божію. Слыша о крещеніи, онъ представляетъ одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищеніе души, совершаемое Духомъ. Онъ думаетъ, что у меня только омыто тѣло; а я вѣрую, что и душа стала чистою и святою, и представляю гробъ, воскресеніе, освященіе, оправданіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе, небесное царствіе, дарованіе Духа, такъ какъ язираю на видимое не простымъ зрѣніемъ, но очами духовными. Говорится о тѣлѣ Христовомъ, и иначе разумѣю сказанное я, иначе невѣрный.

2. Дѣти, видя книгу, не понимаютъ значенія написаннаго и не разумѣютъ того, что видятъ, тоже бываетъ и со всякимъ человекомъ безграмотнымъ; между тѣмъ знающій грамоту найдетъ въ написанномъ смыслъ, цѣлыя жизнеописанія и повѣствованія; также, получивши письмо, безграмотный увидитъ только бумагу и чернила, а грамотный услышитъ голосъ отсутствующаго, будетъ бесѣдовать съ нимъ, и самъ посредствомъ письма отвѣтитъ ему, что угодно. Также бываетъ и съ таинствами: невѣрные, слыша о нихъ, какъ будто не слышатъ; а вѣрующіе, будучи научены Духомъ, разумѣютъ силу сокровеннаго. Потому Павелъ говоритъ, что и нынѣ *есть покровено благодѣтельство: въ гибнущихъ бо, говорить, есть покровено* (1 Кор. iv, 8). Съ другой стороны, словомъ *тайна* онъ выражаетъ, что проповѣдь есть нѣчто необычайное; такъ обыкновенно Писаніе называетъ то, что бываетъ сверхъ чаянія и превышаетъ человѣческое разумѣніе. Потому и въ другомъ мѣстѣ говорится: *тайна моя и мнѣ и моимъ*; и опять Павелъ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: еси бо не уопнемъ, еси же измѣнимся* (1 Кор. хv, 51). Хотя она проповѣдуется вездѣ, но, не смотря на то, она—тайна. Намъ и заповѣдано говорить съ кровлей то, что мы слышали во уши (Мѡ. х, 17), и повѣлено не давать святая псомъ, и не метать бисеръ предъ свиніями (vii, 6), потому что одни—люди душевные и не разумѣютъ, другіе имѣютъ покрывало на сердцѣ своемъ и не видятъ. Слѣдовательно тѣмъ болѣе тайна то, что хотя и проповѣдуется вездѣ, но не постигается не имѣющими здраваго разумѣнія, и открывается не съ помощію мудрости, но Духомъ Святымъ, сколько мы можемъ вмѣстить. Потому не погрѣшитъ тотъ, кто и вслѣдствіе этого назоветъ ее недовѣдомою тайною,—вѣдь и намъ вѣрующимъ не дано полное и совершенное вѣдѣніе, какъ говоритъ Павелъ: *отчасти разумляемъ и отчасти пророчествуемъ. Видимъ рбо нынѣ*.

иже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу (1 Кор. xiii, 9, 12). Потому онъ и говорить: *глаголемъ премудрость въ тайнѣ сокровенную, юже предъстави Богъ прежде въкъ въ славу нашу*. Сокровенную, т. е. такую, которой прежде насъ не знали никто изъ горнихъ силъ, или которой и нынѣ многіе не знаютъ. Это и выражаютъ слова: *юже предъстави въ славу нашу*; а въ другомъ мѣстѣ говорить: *въ славу Его* (Ефес. 1, 12), потому что Богъ почитаетъ наше спасеніе Своею славою, также и Своимъ богатствомъ, хотя самъ есть сокровище благъ и ни въ комъ не нуждается, чтобы быть богатымъ. *Предъстави*, говорить, выражая этимъ попеченіе Божіе о насъ. Обыкновенно тѣ почитаются наиболѣе пекущимися о насъ и любящими насъ, которые издавна расположены дѣлать намъ добро, какъ поступаютъ и родители съ дѣтьми: они хотя отдають имъ имущество впослѣдствіи, но бывають расположены къ тому за долгое время и съ самаго начала. Такъ и Павелъ старается здѣсь показать, что Богъ любилъ насъ издревле и всегда, даже и тогда, когда мы еще не существовали; если бы Онъ не любилъ насъ, то не предназначилъ бы намъ богатства. Потому не думай о минувшей враждѣ,—любовь древнѣе ея. Слова: *прежде въкъ*—означаютъ вѣчность, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *смы прежде въкъ* (Пс. lvi, 20). Также доказано будетъ, что и Сынъ вѣченъ, потому что о немъ говорится: *имже и въки сотвори* (Евр. 1, 2); это значить, что Онъ существуетъ прежде вѣковъ, потому что Творецъ, безъ сомнѣнія, существуетъ прежде тварей. *Юже никтоже отъ князей въка сего разумъ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (ст. 8). Но если они распяли по неразумію, то, значить, они не виновны? И еще: если они не разумѣли, то почему Христосъ говорилъ имъ: *и Мене въсте, и въсте, откуда есмь* (Іоан. vii, 28)? Писаніе говорить о Пилатѣ, что онъ не уразумѣлъ; вѣроятно и Иродъ также не уразумѣлъ. Ихъ и можно назвать *князьями въка сего*. Если же кто скажетъ, что здѣсь говорится объ іудеяхъ и священникахъ, тотъ не погрѣшитъ; и имъ сказалъ Христосъ: *ни Мене въсте, ни Отца Моего* (Іоан. viii, 19). Какъ же Онъ выше сказалъ: *и Мене въсте, и въсте, откуда есмь*? Впрочемъ какой смыслъ того и другого изреченія, объ этомъ уже сказано при изъясненіи Евангелія; а потому, чтобы часто не повторять одного и того же, туда отсылаемъ желающихъ.

8. Что же? Отпущенъ ли іудеямъ грѣхъ ихъ касательно креста, по слову Христову: *отпусти имъ* (Лук. xxiii, 34)? Если они покаялись, то отпущенъ. И Павелъ, воздвигшій множество рукъ на Стефана и гнавшій Церковь, сдѣлался защитникомъ Церкви.

Такъ отпущенъ былъ грѣхъ и тѣмъ изъ нихъ, которые захотѣли покаяться, о чемъ и Павелъ говоритъ: *глаголю убо: еда согрѣшиши, да отпадутъ? Да не будетъ.* И опять: *еда отрину Богъ люди своя, иже прежде разумъ? Да не будетъ.* Затѣмъ въ доказательство того, что и для нихъ не закрыто покаяніе, приводитъ собственное обращеніе: *убо и азъ Изральтянинъ есмь* (Рим. хі, 1, 2, 11). Слово: *не разумѣши*, мнѣ кажется, сказано здѣсь не относительно Христа, но относительно дѣла домостроительства Божія, т. е. они не разумѣли того, что значили смерть и крестъ. И здѣсь Христосъ не сказалъ: не вѣдятъ Меня, но: *не вѣдѣтъ что творятъ*, т. е., не разумѣютъ совершающагося домостроительства и таинства. Они не понимали, что крестъ такъ просіяетъ, что имъ совершится спасеніе вселенной и примиреніе Бога съ людьми, что городъ ихъ будетъ взятъ и что они подвергнутся крайнимъ бѣдствіямъ. *Премудростію* Павелъ называетъ и Христа, и крестъ, и проповѣдь. Но не напрасно онъ называетъ здѣсь Христа *Господомъ славы*. Такъ какъ крестъ казался знакомъ безславія, то онъ показывается, что въ крестѣ великая слава. Большая нужна была мудрость, чтобы не только познать Бога, но и уразумѣть такое домостроительство Божіе; вѣдѣшняя же мудрость была препятствіемъ не только къ первому, но и къ послѣднему. *Но, якоже есть писано, иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (ст. 9).

58 Гдѣ это написано? Такъ говорится и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми дѣйствіями, какъ напр. въ повѣствованіяхъ, или когда выражена та же мысль, хотя и не тѣми же словами, какъ здѣсь; на примѣръ слова: *иже не возвестися о немъ, узрѣтъ, и иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. с, 15)—означаютъ тоже, что и слова: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ*. Такимъ образомъ апостолъ или это выражаетъ, или, можетъ быть, дѣйствительно было написано въ книгахъ, но самыя книги утѣтились. Въ самомъ дѣлѣ, многія книги потеряны и только немногія сохранились, еще во время перваго плѣненія. Это видно изъ книги Паралипоменонъ. Такъ апостолъ говоритъ, что *отъ Самуила и иже по сикъ вси пророцы предвозвѣстивша* о Немъ (Дѣян. ііі, 24); но этого не видно, между тѣмъ Павелъ, какъ свѣдущій въ законъ и говорившій по внушенію Духа, вѣроятно, зналъ все въ точности. Но что я говорю о плѣненіи? Многія книги были потеряны еще прежде плѣненія, когда іудеи впали въ крайнее нечестіе. Это видно изъ конца четвертой книги Царствъ, гдѣ говорится, что Второзаконіе едва было найдено гдѣ-то въ нечистомъ мѣстѣ (23, 24). Притомъ есть много пророчествъ различнаго значенія, которыя понятны только мудрѣйшимъ и въ

которые можно находить многое, неясное для другихъ. Что же? Ужели око не видало того, что уготовалъ Богъ? Точно не видало: кто изъ людей видѣлъ имѣвшее быть домостроительство Божіе? Ужели и ухо не слыхало и на сердце человѣку не входило? Такъ ли это? Если пророки предвозвѣстили, то какъ ухо не слыхало и на сердце человѣку не входило? Точно не входило. Апостолъ говорить не о пророкахъ только, но о всемъ естествѣ человѣческомъ. Какъ? Ужели и пророки не слыхали? Они слышали, но пророческій слухъ ихъ не былъ слухомъ человѣческимъ; они слышали не какъ люди, но какъ пророки. Потому и говорить Исаія: *приложи ми ухо, еже слышати* (Ис. 4), разумѣя приложение, даруемое Духомъ. Отсюда видно, что прежде, нежели они услышали, человѣку и на сердце не входило, такъ какъ послѣ дарованія Духа сердце пророковъ было не сердцемъ человѣческимъ, но сердцемъ духовнымъ, какъ и самъ Павелъ говорить: *умъ Христовъ имамы* (1 Кор. II, 16). Смыслъ словъ его слѣдующій: прежде, нежели намъ дарованъ Духъ и открыты недоуѣдомыя тайны, не разумѣлъ ихъ никто ни изъ насъ, ни изъ пророковъ. И могло ли быть иначе, если не знали ихъ даже ангелы? Что же послѣ этого говорить о князьяхъ вѣка сего, если никто изъ людей и даже горнія силы не знали этого? Чего? Того, что кажущимся безуміемъ проповѣди будетъ побѣждена вселенная, обращены народы, совершенно примиреніе Бога съ людьми и дарованы намъ столь великія блага. Какъ же мы познали это? *Намъ же, говорить, Богъ открылъ есть Духомъ своимъ* (ст. 10). Не внѣшнею мудростію, которой, какъ презрѣнной рабѣ, не дозволено входить внутрь и проникать въ тайны Господни.

4. Видишь ли, какое различіе между тою и другою мудростію? Одна научила насъ тому, чего не знали ангелы; а внѣшняя сдѣлала противное: не только не научила, но еще служила къ тому 59 препятствію и, когда уже все совершилось, затмѣвала событія и уничтожала крестъ. Такимъ образомъ Павелъ воздастъ намъ честь, показывая, что мы не только научились, и притомъ вмѣстѣ съ ангелами, но и научились отъ самого Духа. Далѣе, показывая важность знанія, говорить, что если бы намъ не открылъ этого Духъ, знающій тайны Божія, то мы и не познали бы. Такъ Богъ благоволилъ хранить это дѣло въ тайнѣ. Потому мы имѣли нужду въ такомъ учителѣ, который бы зналъ это ясно. *Духъ бо, говорить, вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо въсть отъ человекъ яже въ человецѣхъ, точію духъ человека, живущій въ немъ? Также и Божія никто же въсть, точію Духъ Божій. Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога, да отъмы яже отъ Бога дарованная намъ* (ст. 11, 12). Здѣсь слово *испытуетъ* озна-

часть не незнаніе, а точное знаніе; такое же выраженіе онъ употребляетъ и о Богѣ, когда говорить: *испытая же сердца въѣсть, что есть мудрованіе Духа* (Рим. viii, 27). Сказавъ о совершенномъ знаніи Духа, показавъ, что оно равно знанію Божію, какъ знаніе человѣческое равно самому себѣ, и доказавъ, что мы познали все отъ Него, и не иначе, какъ отъ Него, онъ продолжаетъ: *яже и глаголемъ не отъ наученныхъ человѣческихъ премудрости словесъхъ, но отъ наученныхъ Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе* (ст. 18). Видишь ли, какъ онъ возвеличилъ насъ достоинствомъ Учителя? Мы настолько мудрѣ язычниковъ, насколько Платонъ отстоять отъ Святого Духа. Они имѣютъ своими учителями риторовъ, а мы—Святого Духа. Что значить: *духовная духовными сразсуждающе*? Если касательно духовнаго встрѣчается какое-либо недоумѣніе, то мы приводимъ и объясненія отъ предметовъ духовныхъ; напримѣръ: я говорю, что Христосъ воскресъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, и для объясненія привожу свидѣтельства и прообразованія, пребываніе Іоны внутри кита и послѣдующее освобожденіе, рожденіе безплодными женами, Саррой, Ревеккой и другими, произрастеніе деревъ въ раю, тогда какъ еще не были брошены сѣмена, не проливались дожди, не были проведены борозды. Будущія событія были начертаны и прообразованы, какъ бы въ тѣни, прежними, чтобы увѣровали въ нихъ послѣ ихъ исполненія. Показываю и еще, какъ человѣкъ произошелъ изъ земли, какъ безъ всякаго совокупленія жена произошла отъ одного мужа, какъ самая земля произошла изъ ничего, какъ вездѣ и во всемъ достаточно было могущества Создателя. Такъ я объясняю духовное духовнымъ и нигдѣ не прибѣгаю къ внѣшней мудрости, къ разсужденіямъ и умозаключеніямъ. Языческіе мудрецы напрягаютъ и терзаютъ слабый разумъ свой, и никакъ не могутъ объяснить того, о чемъ говорятъ, но еще дѣлаютъ противное, приводятъ въ большее замѣшательство, увеличиваютъ мракъ и недоумѣніе. Потому апостолъ и говорить: *духовная духовными сразсуждающе*. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что внѣшняя мудрость излишняя, и не только излишняя, но даже враждебна и вредна? Это выразилъ онъ, когда сказалъ: *да не испразднится крестъ Христовъ, и: да въра ваша не отъ мудрости человѣчествъ будетъ*. А теперь доказываетъ, что тѣ, которые надѣются и во всемъ полагаются на нее, не могутъ познать ничего полезнаго. *Душесвѣтъ бо чловѣкъ и пріемлетъ, яже Духа* (ст. 14). Потому прежде всего надобно отвергнуть ее (внѣшнюю мудрость). Какъ, скажешь, неужели внѣшняя мудрость достойна отверженія? Вѣдь и она—дѣло Божіе. А откуда это видно? Нѣтъ, не Богъ создалъ ее, но ты изобрѣлъ; мудростію же здѣсь апостолъ называетъ

чрезмѣрную пытливость и излишнее краснорѣчіе. А если скажешь, что онъ говоритъ здѣсь о разумѣ человѣческомъ, то и въ такомъ случаѣ твоя вина. Ты самъ унижаешь его, употребляя во зло, во вредъ себѣ и на противленіе Богу, и требуя отъ него того, чего онъ не имѣетъ. Ты хвалишься имъ и возстаешь противъ Бога,—поэтому Богъ и обличилъ его безсиліе. Такъ и сила тѣлесная—добро; но когда Каинъ употребилъ ее не такъ, какъ должно, то Богъ навелъ на него расслабленіе и трясеніе. Вино также—добро; но когда іудеи стали неумѣреннo употреблять его, то священникамъ Богъ совершенно запретилъ его употребленіе. Такъ, когда и ты сталъ употреблять мудрость на противленіе Богу и приписалъ ей большую силу, нежели какую она имѣетъ, то Онъ, отклоняя тебя отъ человѣческаго упованія, показалъ ея безсиліе. Душевный человѣкъ—тотъ, кто все подчиняетъ холоднымъ умствованіямъ и не считаетъ нужною для себя высшую помощь; а это—безуміе. Богъ даровалъ намъ разумъ для того, чтобы онъ познавалъ и принималъ сообщаемое отъ Бога, а не для того, чтобы онъ считалъ самого себя достаточнымъ для себя. Прекрасны и полезны—глаза; но если бы они захотѣли видѣть безъ свѣта, то красота и собственная сила ихъ нисколько не принесли бы имъ пользы, но еще причинили бы вредъ. Такъ и душа, если захочетъ видѣть безъ Духа, то сама себѣ послужитъ препятствіемъ. Какъ же, скажешь, прежде она видѣла сама собою? Никогда она не видѣла сама, но имѣла предъ собою творенія, какъ бы книгу. Когда же люди, не восхотѣвъ идти путемъ, заповѣданнымъ отъ Бога, и изъ красоты видимаго познавать Творца, вручили скипетръ знанія умствованіямъ, то впали въ безсиліе и пучину нечестія, допустили бездну золь и стали утверждать, что изъ ничего не бываетъ ничего, а все произошло изъ несозданнаго вещества, откуда и родились безчисленныя ереси. Въ самыхъ странныхъ нелѣпостяхъ они соглашались между собою, а въ томъ, что представляли себѣ нѣсколько здраво, хотя какъ бы въ тѣни, разногласили другъ съ другомъ, и оказались въ томъ и другомъ случаѣ смѣшными. Что изъ ничего не бываетъ ничего, это они почти всѣ единогласно утверждали и писали, и притомъ съ большимъ усердіемъ: такъ діаволъ опуталъ ихъ нелѣпостями! А о предметахъ полезныхъ, въ которыхъ они, по видимому, уразумѣвали нѣчто какъ бы въ гаданіи, они спорили между собою, какъ, напримѣръ, о томъ, что душа безсмертна, что добродѣтель не имѣетъ нужды ни въ чемъ внѣшнемъ, что люди бываютъ добрыми или злыми не по необходимости и не по опредѣленію судьбы.

5. Видишь ли злоухищреніе діавола? Когда онъ видѣлъ,

что люди говорятъ нѣчто нечестивое, то устраялъ всеобщее въ томъ согласіе, а когда видѣлъ, что они утверждаютъ нѣчто здравое, то возбуждалъ однихъ противъ другихъ, — для того, чтобы нелѣпное, будучи утверждаемо общимъ согласіемъ, не уничтожалось, а доброе, будучи понимаемо различно, истреблялось. Смотри, какъ душа всегда безсильна и недостаточна сама по себѣ. И это устроено не напрасно. Если она, будучи такою, думаетъ не имѣть нужды ни въ комъ и уклоняется отъ Бога, то до какого не дошла бы она безумія, если бы не была такою? Если она, получивъ тѣло смертное, хотѣла достигнуть слишкомъ
61 многого, по ложному обѣщанію діавола: *будете яко бози* (Быт. iii, 5), то какому не подверглась бы она паденію, если бы въ началѣ получила тѣло безсмертное? Она и послѣ этого, нечистыми устами манихеевъ, называла себя нерожденною и происшедшею изъ существа Божія; по той же болѣзни (гордости) она выдумала боговъ, признаваемыхъ язычниками. Потому-то, мнѣ кажется, и добродѣтель Богъ сдѣлалъ трудною для ней, чтобы обуздать ее и научить смиренію. А что это справедливо, покажемъ изъ примѣра израильтянъ, заключая отъ малаго къ великому. Когда израильтяне вели жизнь безбѣдную и наслаждались спокойствіемъ, то впадали въ нечестіе, не умѣя пользоваться своимъ благоденствіемъ. Что же Богъ? Онъ далъ имъ множество законовъ, чтобы обуздать ихъ своеволю. Эти законы не вели къ добродѣтели, а только служили для нихъ какъ бы уздою, не позволявшею имъ предаваться праздности; вотъ, послушай, что говоритъ о нихъ пророкъ: *дахъ имъ заповѣди недобры*. Что значить: *недобры*? Не много способствующія добродѣтели; потому и прибавляетъ: *оправданія, въ нихже не будутъ живи* (Іез. xi, 25). *Душесвѣтъ же человекъ не пріемлетъ яже Духа*. Справедливо: какъ тѣлесными глазами никто не можетъ видѣть того, что находится на небесахъ, такъ и душа сама по себѣ (не можетъ постигать) предметовъ духовныхъ. И что я говорю: на небесахъ? Даже и всего того, что находится на землѣ. Такъ, взирая издали на четырехъугольную башню, мы думаемъ, что она круглая; а такая мысль есть обманъ зрѣнія. Подобнымъ образомъ, если кто по одному умозаключенію станетъ судить о предметахъ отдаленныхъ, то послѣдуетъ великій смѣхъ; онъ не только не скажетъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, но и почтетъ ихъ противоположными тому, каковы они дѣйствительно. Потому апостоль и присовокупляетъ: *яродство бо ему есть*. Это происходитъ не отъ свойства предметовъ, но отъ слабости того, кто очами души не можетъ объять ихъ величія. Далѣе прибавляетъ и причину: *не можетъ разумѣти, зане духовнѣхъ востязуется*, т. е. возвѣщаемое имъ требуетъ

вѣры и не можетъ быть постигнуто разумомъ, потому что величіе этого далеко превосходитъ нашъ слабый разумъ. Потому онъ говоритъ далѣе: *духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (ст. 15). Видящій видитъ все и даже то, что относится къ невидящему; а что къ нему относится, того не видитъ никто изъ невидящихъ. Такъ и здѣсь: мы знаемъ и свое и все то, что относится къ невѣрнымъ, а они нашего не знаютъ. Мы знаемъ, каково свойство предметовъ настоящихъ и каково достоинство будущихъ, что будетъ съ міромъ впослѣдствіи, какое понесутъ наказаніе грѣшники и чѣмъ будутъ наслаждаться праведники; знаемъ, что блага настоящія не имѣютъ никакого достоинства, и обличаемъ ихъ ничтожность, — *востязать* значить вмѣстѣ и обличать, — а будущія вѣчны и неизмѣнны. Духовный знаетъ все это, и то, какое понесетъ наказаніе человѣкъ душевный въ жизни будущей, и то, чѣмъ будетъ наслаждаться вѣрующій, переселившись отсюда; а душевный не знаетъ ничего такого. Потому, для объясненія сказаннаго, апостолъ присовокупляетъ: *кто бо разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ и?* Мы же умъ Христовъ имамы (ст. 16), т. е. мы знаемъ то, что въ умъ Христовомъ, чего Онъ хочетъ и что Онъ открылъ намъ. Такъ какъ апостолъ выше сказалъ, что Духъ открылъ намъ, то, чтобы кто не отвергъ Сына, присовокупляетъ, что и Христосъ открылъ, выражая не то, будто мы знаемъ все, что знаетъ Христосъ, но что все наше знаніе не есть человѣческое, и потому 62 подверженное сомнѣнію, но есть знаніе ума Христова и духовное.

6. Умъ, который мы на этотъ счетъ имѣемъ, есть Христовъ, т. е. знаніе, которое мы имѣемъ о предметахъ вѣры, есть знаніе духовное, а потому дѣйствительно никто о насъ судить не можетъ, такъ какъ человѣкъ душевный не можетъ знать предметовъ божественныхъ. Потому апостолъ и сказалъ: *кто бо разумъ умъ Господень*, утверждая, что нашъ умъ на счетъ этихъ предметовъ есть Его умъ. И слова: *иже изъяснитъ и* — онъ прибавилъ не напрасно, но соотвѣтственно вышесказаннымъ словамъ: *духовный ни отъ единого востязуется*. Если никто не можетъ узнать ума Божія, то тѣмъ болѣе учить и исправлять его; это и означаютъ слова: *иже изъяснитъ и*. Видишь ли, какъ разнообразно онъ опровергаетъ вѣшнюю мудрость и показываетъ, что духовный человѣкъ знаетъ и больше и лучше? Такъ какъ выше-приведенныя причины: *да не похвалится всяка плоть; буяя избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; да не испразднится крестъ Христосъ* — для невѣрныхъ могли казаться не слишкомъ убѣдительными, сильными, необходимыми и полезными, то онъ приводитъ наконецъ главнѣйшую причину, т. е. что мы только такимъ

образомъ можемъ видѣть и познавать предметы высокіе, таинственные и находящіеся выше насъ; а разумъ оказался недостаточнымъ потому, что посредствомъ мірской мудрости мы не можемъ постигнуть того, что выше насъ. Не очевидно ли, какъ полезно принимать ученіе отъ Духа? Такое ученіе есть и самое легкое и самое ясное. *Мы же умъ Христосъ имамы*, т. е. духовный, божественный, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго; не Платоново, или Пнеагорово, но свое Христосъ сообщилъ нашему разуму. Устыдимся же, возлюбленные, и будемъ проводить жизнь добродѣтельную. Самъ Христосъ знакомъ великой дружбы представляетъ то, что Онъ открылъ намъ тайны: *не кому, говорить, васъ глаголю рабы: вы друзи мои есте, яко вся, яже слышаша отъ Отца, сказахъ вамъ*, т. е. вѣрилъ вамъ (Іоан. хv, 14, 15). Если же и одно только довѣріе служить знакомъ дружбы, то подумай, какую любовь выразилъ Онъ, вѣривъ намъ тайны не на словахъ только, но и сообщивъ ихъ намъ на самомъ дѣлѣ. Устыдимся же; и если не слишкомъ устрашаетъ насъ геенна, то пусть будетъ для насъ страшнѣе геенны — оказаться непризнательными и неблагодарными къ такому другу и благодѣтелю. Будемъ дѣлать все не какъ наемные рабы, а какъ сыны и свободные — изъ любви къ отцу, и перестанемъ прилѣпляться къ міру, чтобы посрамить язычниковъ. Желая теперь состязаться съ ними, я опасаясь, чтобы, опровергая ихъ словами и истинною ученіемъ, не подвергнуться намъ великому осмѣянію въ разсужденіи нашей жизни, такъ какъ они, находясь въ заблужденіи и ничему нашему не вѣруя, соблюдаютъ любу мудріе, а мы совсѣмъ напротивъ. Впрочемъ стану говорить: можетъ быть, стараясь опровергнуть ихъ, мы постараемся оказаться лучше ихъ и по самой жизни. Прежде я говорилъ, что апостоламъ не пришло бы на мысль проповѣдывать то, что они проповѣдали, если бы они не имѣли благодати Божіей, и что они не только не совершили бы, но и не предприняли бы столь великаго дѣла. Будемъ

63 говорить и теперь объ этомъ же предметѣ и покажемъ, что имъ невозможно было бы предпринять и даже помыслить о томъ, если бы съ ними не было Христа, не потому только, что они слабые выступали противъ сильныхъ, немногіе — противъ многихъ, бѣдные — противъ богатыхъ, неученные — противъ мудрыхъ, но и потому, что велика была сила предрасудковъ. Вы знаете, что у людей нѣтъ ничего сильнѣе давней привычки, и слѣдовательно, если бы ихъ было и не двѣнадцать человѣкъ, если бы они были и не столь уничижены, но хотя бы на ихъ сторонѣ была другая такая же вселенная и число людей, равное противникамъ и даже гораздо большее, и тогда это было бы трудно.

Тѣмъ помогала привычка, а ихъ затрудняло нововведеніе. Ничто такъ не возмущаетъ душу, какъ введеніе чего-нибудь новаго и необычайнаго, хотя бы это служило къ пользѣ, особенно если это касается богослуженія и богопочтенія. Какъ сильно было это препятствіе, я объясню послѣ; а напередъ скажу, что со стороны іудеевъ было еще другое препятствіе. У язычниковъ апостолы ниспровергли боговъ и все ихъ ученіе; но съ іудеями разсуждали не такъ: изъ ученія ихъ многое отвергали, а Богу Законодателю повелѣвали поклоняться; заповѣдуя почитать Законодателя, они говорили: не во всемъ повинуйся закону, данному отъ Него, какъ-то: касательно храненія субботы, обрѣзанія, приношенія жертвъ и другого подобнаго. Такимъ образомъ здѣсь не только жертвы были препятствіемъ, но и то, что они, заповѣдуя поклоняться Богу, повелѣвали оставить многіе изъ Его законовъ. У язычниковъ же велика была сила привычки.

7. Если бы апостолы вышли противъ людей, коснѣющихъ въ привычкѣ только въ теченіе десяти лѣтъ, не говорю въ теченіе столь долгаго времени, противъ людей немногихъ, не говорю противъ всей вселенной, то и въ такомъ случаѣ совершить перемѣну было бы трудно. А тогда преданы были заблужденію философы и риторы, отцы и дѣды, прадѣды и дальнѣйшіе предки, земля и море, горы и долины, всѣ племена варваровъ и всѣ народы язычниковъ, мудрые и неученные, начальники и подчиненные, жены и мужи, юноши и старцы, господа и рабы, земледѣльцы и ремесленники, всѣ жители городовъ и селеній. Слыша проповѣдь, они могли бы сказать: что это значить? Неужели всѣ жители вселенной находятся въ заблужденіи, и софисты, и риторы, и философы, и писатели, и настоящіе и прежде бывшіе, послѣдователи Пифагора и Платона, военачальники, савонники и цари, древніе жители городовъ и ихъ основатели, варвары и эллины? Неужели двѣнадцать рыбаей, скинотворцевъ и мытарей мудрѣе всѣхъ ихъ? Кто могъ бы допустить это? Однако они не говорили этого и не думали, но согласились и признали, что мудрѣе всѣхъ были апостолы, которые по тому всѣхъ и побѣдили. А какъ велика сила привычки, можешь видѣть изъ того, что она часто дѣйствовала сильнѣе заповѣдей Божіихъ. Что я говорю: заповѣдей? Даже благодѣяній Божіихъ. Такъ іудеи, получая манну, желали чеснока; пользуясь свободою, вспоминали о рабствѣ и часто жалѣли о Египтѣ по привычкѣ. Такъ велика сила привычки! Если хочешь видѣть это и изъ примѣровъ отъ внѣшнихъ, то о Платонѣ говорятъ, что онъ, хотя призналъ ученіе о бogaхъ заблужденіемъ, однако участвовалъ въ празднествахъ и во всемъ прочемъ, потому что не могъ преодо-

лѣтъ привычки и научился тому изъ примѣра учителя. И этотъ (Сократъ), будучи подозрѣваемъ въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ, не только не достигъ желаемого, но и лишился жизни, хотя и говорилъ въ свое оправданіе. Сколько и теперь мы видимъ людей, которые коснѣютъ въ нечестіи по предразсудку и, будучи обвиняемы въ язычествѣ, не могутъ сказать ничего основательнаго, а только ссылаются на отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ! Поэтому-то нѣкоторые изъ внѣшнихъ (языческихъ писателей) называли привычку второю природою. Но привычка въ предметахъ вѣры бываетъ еще сильнѣе; люди ничего не перемѣняютъ съ такимъ трудомъ, какъ богопочтеніе. вмѣстѣ съ привычкою, не малымъ препятствіемъ былъ и стыдъ—учиться въ глубокой старости, и притомъ отъ людей, почитаемыхъ неразумными. И удивительно ли, что такъ бываетъ съ душою, когда привычка имѣетъ великую силу и надъ тѣломъ? При апостолахъ было еще другое, сильнѣйшее препятствіе: имъ нужно было не только измѣнить столь древнюю и давнюю привычку, но притомъ измѣнить съ опасностями. Они не просто отъ одной привычки склоняли къ другой, но отъ привычки безопасной — къ тому, что было сопряжено съ опасностями. Вѣрующій тотчасъ долженъ былъ лишиться имущества, подвергнуться изгнанію, удалиться изъ отечества, терпѣть крайнія бѣдствія, быть ненавидимымъ всѣми, сдѣлаться общимъ врагомъ и для своихъ и для чужихъ. Если бы они обращали отъ нововведенія къ прежнимъ обычаямъ, то и это дѣло было бы трудно; но склоняя отъ обычаевъ къ нововведенію, и притомъ съ такими бѣдствіями, представь, какія они встрѣчали препятствія. Между тѣмъ, кромѣ сказаннаго, имъ предстояло еще другое, не меньшее препятствіе, затруднявшее дѣло перемѣны. Кромѣ привычки и опасностей, самыя заповѣди ихъ были болѣе трудны, а то, отъ чего отклоняли они, было легко и удобно. Они призывали отъ прелюбодѣянія къ цѣломудрію, отъ пьянства къ посту, отъ смѣха къ слезамъ и сокрушенію, отъ любостыжанія къ нестяжательности, отъ пристрастія къ жизни къ смерти, отъ спокойствія къ опасностямъ, и во всемъ требовали крайняго воздержанія. *Сквернословіе*, говорили они, *и бусловіе и кощунны да не исходятъ изъ устъ вашихъ* (Еф. v, 4), и говорили это тѣмъ, которые ничего другого не знали, какъ только предаваться пьянству и пресыщенію, которыхъ празднества состояли не въ чемъ другомъ, какъ только въ сквернословіи, смѣхотворствѣ и всякихъ непристойностяхъ. Такимъ образомъ ученіе (апостоловъ) было тягостно не только потому, что требовало любомудрія, но и потому, что предлагаемо было людямъ, воспитаннымъ въ своеволіи, безстыдствѣ, пустословіи и

порочныхъ весельяхъ. Кто изъ привыкшихъ къ такой жизни не изумился бы, слыша: *уже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ, и: не придохъ во вѣрци миръ, но мечъ, и раздѣлити человека на отца своего, и дщерь на мать свою* (Мф. х, 38, 34)? Кто не усумнился бы и не отошелъ бы прочь, слыша: *уже не отречется дома и отечества и имѣнія, нѣсть Мене достоинъ* (Лук. хiv, 26, 33)? Однако слышавшіе не только не изумлялись и не отходили прочь, но прибѣгали и устремлялись на дѣла трудныя и съ ревностію принимали заповѣдуемое. Кто изъ тогдашнихъ не удалился бы, слыша, что за всякое слово праздное мы отдадимъ отчетъ (Мф. хii, 36), что всякъ, *уже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею* (v, 28), что *жившая воуе, ввержена будетъ въ геенну* (v, 22)? Однако всѣ прибѣгали, а многіе даже превосходили заповѣданное. Что же привлекало ихъ? Не явно ли, сила Того, кого апостолы проповѣдывали? Если бы было не такъ, а было бы напротивъ, если бы они были на мѣстѣ тѣхъ, а тѣ на мѣстѣ ихъ, то легко ли было бы привлечь противящихся? Нелзя сказать.

8. Такимъ образомъ все доказываетъ, что здѣсь дѣйствовала божественная сила. Иначе какъ, скажи мнѣ, убѣдили бы они людей изнѣженныхъ и сластолюбивыхъ вести жизнь суровую и строгую? Таковы-то были заповѣди апостоловъ. Посмотримъ, не было ли привлекательно ихъ ученіе? И оно было таково, что могло отвратить невѣрныхъ. Проповѣдуя, что говорили они? Говорили, что должно поклоняться Распятому и почитать Богомъ Того, который родился отъ жены іудеянки. Кто повѣрилъ бы имъ, если бы не содѣйствовала этому сила божественная? О томъ, что Христосъ распятъ и погребенъ, всѣ знали; а того, что Онъ воскресъ и вознесся, не видалъ никто, кромѣ апостоловъ. Но они, скажешь, воспламеняли людей обѣщаніями и увлекали обольстительными словами? Это самое, даже безъ всего выше-сказаннаго, особенно и доказываетъ, что наше ученіе не ложно. Все непріятное предстояло здѣсь, а пріятное было обѣщаемо послѣ воскресенія. Это самое, повторю опять, и доказываетъ божественность нашей проповѣди. Почему никто изъ вѣрующихъ не говорилъ: я не принимаю и не могу свести этого; непріятнымъ ты угрожаешь мнѣ здѣсь, а пріятное обѣщаешь по воскресеніи? Откуда извѣстно еще, что будетъ воскресеніе? Кто изъ отшедшихъ возвращался сюда? Кто изъ умершихъ воскресалъ? Кто изъ нихъ сказалъ, что будетъ по отшествіи отсюда? Вѣрующіе ничего такого не думали, но и полагали души свои за Распятаго. Такимъ образомъ это самое особенно и служить доказательствомъ великой силы, что людей, никогда ничего подобнаго

не слышавшихъ; апостолы внезапно убѣждали въ столь великихъ истинахъ и дѣлали готовыми испытывать непріятное на дѣлѣ, а пріятное имѣть только въ надеждѣ. Если бы они обманывали, то поступали бы напротивъ: пріятное обѣщали бы здѣсь, а о непріятномъ, какъ настоящемъ, такъ и будущемъ, умалчивали бы. Такъ именно поступаютъ обманщики и обольстители: они не представляютъ ничего суроваго, непріятнаго и тягостнаго, а все напротивъ; въ этомъ и состоитъ обманъ. Но многіе, скажешь, по неразумію повѣрили сказанному? Что ты говоришь? Пока они были язычниками, до тѣхъ поръ не были неразумными, а когда обратились къ намъ, то стали неразумными? Но апостолы взяли и привели къ вѣрѣ не другихъ людей и не изъ другой вселенной. Притомъ эти люди держались язычества безопасно, а принятіе нашего ученія сопряжено было для нихъ съ опасностями. Слѣдовательно, если они держались язычества съ разумнымъ убѣжденіемъ, то, живя въ немъ столь долгое время, не отступили бы отъ него, тѣмъ болѣе, что отступить отъ него было не безопасно. Нѣтъ, они по самому существу вещей разумѣли, что язычество смѣшно и нелѣпо, и потому, не смотря на угрожавшую имъ смерть, отступали отъ своихъ обычаевъ и прибѣгали къ новому ученію, видя, что послѣднее согласно съ природою.

66 а первое противно природѣ. Но вѣровавшими, скажешь, были рабы, женщины, кормилицы, старухи и евнухи? Нѣтъ, не изъ такихъ только людей составила наша Церковь, какъ извѣстно всѣмъ; если бы и изъ такихъ, то это и дѣлаетъ особенно чудною проповѣдь, что рыбаки, люди самые необразованные, могли внезапно убѣждать къ принятію такого ученія, котораго никакъ не могъ изобрѣсти Платонъ съ своими послѣдователями. Если бы они убѣждали только мудрыхъ, это еще не было бы удивительно; а если слугъ, старухъ и евнуховъ они приводили къ такому любомудрію, что дѣлали ихъ подобными ангеламъ, то въ этомъ заключается величайшее доказательство ихъ божественнаго вдохновенія. Если бы они преподавали что-нибудь маловажное, то убѣжденіе такихъ людей можно было бы приводить въ доказательство низости ученія; а если они любомудрствовали о предметахъ важныхъ и высокихъ, даже превышающихъ чловѣческую природу и доступныхъ для ума высокаго, то чѣмъ менѣе разумными представишь убѣждавшихся, тѣмъ болѣе мудрыми и исполненными благодати Божіей окажутся убѣждавшіе. Но, скажешь, они убѣждали величіемъ обѣщаній? А это самое, скажи мнѣ, неужели не удивляетъ тебя, что они убѣждали людей ожидать награды и воздаяній послѣ смерти? Меня это приводитъ въ изумленіе. Но и это, скажешь, происходило отъ неразумія? Отъ

какого же неразумія, скажи мнѣ? Что душа безсмертна, что послѣ адѣшней жизни ожидаетъ насъ велицепріятный судъ, и мы отдадимъ Богу, знающему самое сокровенное, отчетъ и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и въ помышленіяхъ, и увидимъ наказаніе злыхъ и награжденіе добрыхъ,—такія убѣжденія означаютъ не неразуміе, но великое любомудріе.

9. Это самое, чтобы презирать блага настоящія, высоко цѣнить добродѣтель, ожидать наградъ не здѣсь, а простираться надеждами гораздо далѣе, имѣть душу столь твердую и исполненную вѣры, чтобы ни отъ какого настоящаго бѣдствія не ослабѣвать въ надеждахъ на будущее, это, скажи мнѣ, не есть ли знакъ великаго любомудрія? Хочешь ли видѣть силу самыхъ обѣтованій и предсказаній и истину прошедшаго и будущаго? Посмотри на золотую цѣпь (истинъ), разнообразно сплетенную отъ начала. (Христось) возвѣщалъ ученикамъ о Себѣ самомъ, о Церкви и будущихъ событіяхъ, и, возвѣщая, совершалъ чудеса.

Исполненіе сказаннаго Имъ служить доказательствомъ истинности и чудесъ Его и будущихъ обѣтованій. Чтобы это было яснѣе, представлю примѣры. Христось воскресилъ Лазаря, однимъ словомъ возвративъ ему жизнь. Онъ же сказалъ: *врата ада не одолѣютъ Церкви* (Мф. хvi, 18); также: *всякъ, иже оставитъ отца или мать, сторицею приметъ въ вѣкъ семъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Мф. хix, 29). Здѣсь одно чудо—воскресеніе Лазаря, и два предсказанія, изъ которыхъ одно исполняется теперь, а другое исполнится въ будущемъ. Смотри же, какъ все это взаимно подтверждается. Кто не сталъ бы вѣрить, что Лазарь воскресъ, тотъ долженъ повѣрить этому чуду по предсказанію касательно 67 Церкви; вѣдь сказанное о ней за столько времени сбылось и исполнилось вполнѣ: врата ада дѣйствительно не одолѣли Церкви. Потому ясно, что изрекшій истину въ предсказаніи совершилъ и чудо, а совершившій чудо и исполнившій сказанное изрекъ истину и въ предсказаніи будущаго, т. е. что презирающій настоящія блага *сторицею приметъ, и животъ вѣчный наследитъ*. Въ томъ, что уже совершилось и было сказано, заключается великій залогъ истинности и того, что имѣетъ исполниться въ будущемъ. Такимъ образомъ, заимствуя все это и подобное тому изъ Евангелій, будемъ говорить имъ (язычникамъ) и заграждать имъ уста. Если же кто скажетъ: отчего еще не совсѣмъ уничтожилось (языческое) заблужденіе?—на это мы отвѣтимъ: виновны въ томъ вы сами, дѣйствующіе противъ своего спасенія; а Богъ все устроилъ такъ, чтобы не осталось даже и слѣдовъ нечестія. Повторимъ теперь кратко сказанное. Что естественно: слабымъ ли побуждать сильныхъ, или напротивъ? Пред-

лагающимъ легкое, или трудное? Склоняющимъ къ дѣлу опасному, или безопасному? Вводящимъ что-либо новое, или подтверждающимъ прежніе обычаи? Ведущимъ на путь неудобный, или удобный? Отвергающимъ отеческія преданія, или внушающимъ нечуждое? Обѣщающимъ все пріятное по отшествіи отсюда, или обольщающимъ надеждами въ жизни настоящей? Немногимъ 63 (побѣждать) многихъ, или многимъ—немногихъ? Но, скажешь, и вы общаете нѣчто здѣсь. Что же мы общаемъ здѣсь? Отпущеніе грѣховъ и очищеніе банею пакибытія. Но и крещеніе доставляетъ больше благъ въ будущемъ; и Павелъ говорить: *умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ. Егда же животъ вашъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитесь въ славу* (Кол. ш, 3). Если же оно и здѣсь доставляетъ блага, какъ и дѣйствительно доставляетъ, то это особенно и чудно, что людей, совершившихъ безчисленное множество грѣховъ, какихъ никто другой не совершалъ, апостолы могли убѣдить, что всѣ ихъ нечистоты омоются, и они уже не будутъ давать никакого отчета въ грѣхахъ своихъ. Подлинно, это особенно и удивительно, что люди грубые убѣдились принять такую вѣру, питать благія надежды въ будущемъ, свергнуть прежнее бремя грѣховъ съ великимъ усердіемъ и немедленно приступить къ подвигамъ добродѣтели, не прилѣпляться ни къ чему чувственному, сдѣлаться выше всего плотского и принять дары духовныя,—что персы и сарматы, мавры и индіецъ познали чистоту души, силу и неизреченное человеколюбіе Божіе, любомудріе вѣры, наміе Святого Духа, ученіе о воскресеніи тѣлъ и жизни вѣчной. О всемъ этомъ и многомъ другомъ подобномъ рыбаки научили любомудрствовать племена варварскія, просвѣтивъ ихъ таинствомъ крещенія. Будемъ же тщательно сохранять все это и говорить имъ (язычникамъ), а вмѣстѣ доказывать имъ это и собственною жизнію, чтобы намъ и самимъ спастись и ихъ обратити къ прославленію Бога, Которому слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

67 И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекою вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не уможасте. Но ниже еще можете нынѣ: еще бо плотстїи есте (1 Кор. ш, 1—3).

1. Обличивъ внѣшнюю (языческую) мудрость и нисложивъ всю происходящую отъ нея гордость, апостолъ переходитъ къ дру-

тому предмету. Они (коринѣяне) могли сказать: если бы мы проповѣдывали ученіе Платона, или Пифагора, или другого какого-либо философа, то ты справедливо могъ бы такъ много говорить противъ насъ; если же мы проповѣдуемъ о предметахъ духовныхъ, то для чего ты опровергаешь внѣшнюю мудрость? Какъ онъ на это отвѣчаетъ — послушай: *и азъ, братіе, не могухъ вамъ глаголати яко духовнымъ*. Если бы вы, говорить, были даже совершенны въ предметахъ духовныхъ, то и тогда не надлежало бы вамъ превозноситься, такъ какъ вы проповѣдуете не свое, не то, до чего вы сами достигли; а теперь вы и этого не знаете, какъ должно знать; вы только еще ученики, и притомъ послѣдніе изъ всѣхъ. Потому, если вы гордитесь внѣшнею мудростію, то она, какъ уже и доказано, не только не значитъ ничего, но и препятствуетъ намъ въ познаніи предметовъ духовныхъ; если же гордитесь духовнымъ (знаніемъ), то и въ этомъ вы еще весьма несовершенны и стоите между послѣдними. Потому, говорить, *азъ не могухъ вамъ глаголати яко духовнымъ*. Не сказалъ: я не говорить, — чтобы не подумали, что это происходило отъ зависти, 68 но низлагаетъ ихъ высокоуміе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что они не знаютъ предметовъ духовныхъ совершенно, и во-вторыхъ, тѣмъ, что они сами причиною этого незнанія; къ этому присовокупляетъ, въ-третьихъ, что они и теперь еще не могутъ (знать ихъ). Если они не могли — вначалѣ, то это, можетъ быть, зависѣло отъ сущности самихъ предметовъ, хотя и такого оправданія, какъ онъ доказалъ, представить они не могутъ: не потому, говорить, они не приняли высокихъ истинъ, что не могли принять, а потому, что они *плотны*. Впрочемъ, вначалѣ это было еще не такъ предосудительно; а не достигнуть знанія предметовъ совершенныхъ въ теченіе столь долгаго времени — это уже знакъ крайней безпечности. Въ томъ же апостолъ обличаетъ и евреевъ, но не съ такою силою. Тѣ, говорить онъ, были такими по причинѣ прискорбныхъ обстоятельствъ, а эти по своимъ порочнымъ наклонностямъ; но то и другое не одно и то же. Тѣмъ онъ говоритъ такія же истины для назиданія, а этимъ — для ихъ возбужденія; этимъ говорить: *но ниже еще можете нынѣ*, а тѣмъ: *тѣмъ же оставше начала Христова слово, на совершеніе да ведется*; и еще: *надѣмся же о васъ лучшихъ и придерживающихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. vi, 1, 9). Но какъ онъ называетъ плотскими людей, которые получили столько (даровъ) Духа и которыхъ онъ въ началѣ посланія превозносилъ такими похвалами? Точно также, какъ были плотскими тѣ, которымъ говорить Господь: *отыдите отъ Мене, не въѣмъ васъ, дѣлающіи беззаконіе* (Мѡ. vii, 69 23), хотя они изгоняли бѣсовъ, воскрешали мертвыхъ и изрекали

пророчества. Слѣдовательно и тотъ, кто совершалъ знаменія, можетъ быть плотскимъ. Такъ Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, открывалъ будущее и фараону и Навуходоносору, и Каиафа пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ Его именемъ, хотя сами не были съ Нимъ,—потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ. Часто это совершалось и чрезъ недостойныхъ. И удивительно ли, что это бываетъ чрезъ людей недостойныхъ для другихъ, если и чрезъ святыхъ (Богъ дѣйствуетъ для другихъ)? Такъ Павелъ говоритъ: *вся ваша суть, аще Павелъ или Аполлосъ или Кифа, или животъ или смерть* (1 Кор. iii, 22); и еще: *той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія* (Еф. iv, 12). Если бы этого не было, то всѣ безпрепятственно впадали бы въ погибель. Случается, что начальники бываютъ злы и невоздержны, а подчиненные добры и воздержны, міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойныхъ, то не было бы ни крещенія, ни совершенія тѣла Христова, ни приношеній. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ, и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ жизни священника; иначе и приѣмлющій терпѣлъ бы вредъ. Хотя это бываетъ рѣдко, однако бываетъ. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не привноситъ въ нихъ отъ себя, но все — дѣло силы Божіей; Богъ дѣйствуетъ на васъ въ таинствахъ. *И азъ, братіе, не могахъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотнымъ. Млеко же вы напоихъ, а не брашнама: ибо не у можете.* Чтобы не подумали, что онъ изъ честолюбія сказалъ вышеприведенныя слова: *духовный востязуетъ убо вся, и еще: той ни отъ единого востязуется, и еще: умъ Христовъ имамы,* и чтобы нислажить гордость ихъ, Павелъ, смотри, что говоритъ: я не потому, говоритъ, умалчивалъ, чтобы не могъ сказать вамъ ничего больше, но потому, что вы *плотстии есте. Но ниже еще можете нынѣ.*

2. Почему апостолъ не сказалъ: не хотите, но: *не можете?* Послѣднее онъ поставилъ вмѣсто перваго, такъ какъ они не могли потому, что не хотѣли, а это и служить для нихъ обвиненіемъ, для учителя же оправданіемъ. Если бы они не могли по природѣ, то можно было бы извинить ихъ; но такъ какъ они не могли по своей волѣ, то имъ нѣтъ прощенія. Далѣе онъ высказываетъ и признакъ, почему они плотскіе: *идѣже бо съ васъ зависти и рвенія и распри, не плотскіи ли есте, и по челоустку ходите* (ст. 3)? Онъ могъ бы укорять ихъ и въ прелюбодѣянніи и

въ невоздержаніи, но особенно указываетъ на тотъ грѣхъ, который теперь старается искоренить. Если же зависть дѣлаетъ плотскими, то всѣмъ намъ должно возрыдать, облечься во вретисце и посыпать пепломъ. Кто въ самомъ дѣлѣ чистъ отъ этой страсти, если только могу по себѣ заключать о другихъ? Если зависть дѣлаетъ плотскими и препятствуетъ быть духовными даже такимъ людямъ, которые пророчествовали и совершали другія чудныя дѣла, то что будетъ съ нами, которые и не имѣемъ та- 70 кой благодати и предаемся не только этому, но и другимъ важнѣйшимъ грѣхамъ? Отсюда мы научаемся, какъ справедливо сказать Христосъ, что *дѣлаяй злая не приходитъ къ святу* (Іоан. III, 20), что нечистая жизнь препятствуетъ познанію высокихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Какъ невозможно, чтобы заблуждающійся, но живущій хорошо, навсегда остался въ заблужденіи, такъ, напротивъ, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до познанія нашихъ догматовъ: но должно очиститься отъ всѣхъ страстей желающему постигнуть истину. Кто очистится отъ нихъ, тотъ избавится и отъ заблужденія и познаетъ истину. Не думай, что для этого тебѣ довольно только не быть корыстолюбивымъ и не прелюбодѣйствовать; нѣтъ, кто ищетъ истины, въ томъ должны соединиться всѣ добродѣтели. Потому и говоритъ Петръ: *поистинѣ разумеваю, яко не на лица зрѣтъ Богъ, но во всякомъ языкѣ боялся Его, и дѣлаяй правду пріятель Ему есть*, т. е. такого человѣка Богъ призываетъ и привлекаетъ къ истинѣ (Дѣян. I, 84, 85). Павелъ не былъ ли ревностию всѣхъ въ гоненіи и преслѣдованіи (вѣрующихъ)? Но такъ какъ онъ проводилъ жизнь безукоризненную и поступалъ такъ не по страсти человѣческой, то и былъ принятъ и превзошелъ всѣхъ. Если же кто скажетъ: почему такой-то язычникъ, добрый, милостивый и человѣколюбивый остается въ заблужденіи? — на это я отвѣчаю: потому, что онъ имѣетъ другую страсть, тщеславіе, или душевную лѣнь, или нерадѣніе о собственномъ спасеніи, и думаетъ, что все съ нимъ бываетъ просто и случайно. Дѣлающимъ *правду* Павелъ называетъ того, кто во всемъ безупреченъ по правдѣ, предписанной закономъ (Фил. III, 6), и (въ другомъ мѣстѣ говорить): *благодарю Бога, Ему же служу отъ родителей чистою совѣстію* (2 Тим. I, 3). Но почему, скажешь, люди нечистые удостоились слышать проповѣдь? Потому, что они сами желали того и усердно желали. Богъ привлекаетъ къ Себѣ и заблуждающихся, если они очищаютъ себя отъ страстей; не отвергать и тѣхъ, которые сами приходятъ къ Нему. Такъ многіе изъ предковъ нашихъ принимали благочестіе. *Идѣже бо въ васъ зависти и расенія*. Здѣсь онъ обращается къ подчиненнымъ; въ предыду-

щихъ словахъ онъ обличалъ начальниковъ и говорилъ, что мудрость краснорѣчія не имѣетъ никакого достоинства, а теперь обличаетъ подчиненныхъ и говоритъ: *егда бо глаголетъ кто: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, не плотстїи ли есте* (ст. 4)? Показываетъ, что это не только не принесло имъ никакой пользы, или прїобрѣтенія, но и воспрепятствовало полученію высшаго. Это именно произвела зависть; зависть сдѣлала ихъ плотскими; а когда они сдѣлались плотскими, то помѣшала слушать о высшихъ предметахъ. *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ* (ст. 5)? Объяснивъ и доказавъ свою мысль, онъ уже открыто приступаетъ къ обличенію, и поставляетъ свое имя, чтобы смягчить суровость рѣчи и не оскорбить ихъ своими словами. Вѣдь если Павелъ—ничто, и не огорчается этимъ, то тѣмъ болѣе они не должны огорчаться. Такъ онъ успокоиваетъ ихъ двоякимъ образомъ: и представляя въ примѣръ самого себя, и ихъ не лишая всего, какъ ничего не сдѣлавшихъ; онъ уступаетъ имъ нѣчто, хотя и небольшое, а именно, сказавъ: *кто есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ?* присовокупляетъ: *но точїю служителие, имже отровасте*. Это, конечно, само по себѣ важно и достойно великихъ наградъ, но въ сравненіи съ первообразомъ и источникомъ благъ—ничто, 71 потому что не тотъ благодѣтель, кто служитъ при раздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ. Не сказалъ: благовѣстники, но: *служителие*, что означаетъ болѣе. Они не просто благовѣствовали, но и служили намъ; первое требуетъ слова, а послѣднее заключаетъ въ себѣ и дѣло. Если и Христосъ—только служитель благъ, а не самъ виновникъ и источникъ ихъ, — что свойственно Ему, какъ Сыну,—то ясно, какъ надобно судить объ этомъ дѣлѣ.

3. Въ какомъ же смыслѣ апостолъ называетъ Христа *служителемъ обрѣзанія* (Рим. хv, 8)? Тамъ онъ говоритъ о домостроительствѣ Его по плоти и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь говоримъ; тамъ подъ словомъ *служитель* разумѣется исполнитель, а не то, что Онъ не отъ Себя самого сообщаетъ блага. Не сказалъ: приведше васъ къ вѣрѣ, но: *имже отровасте*, чтобы опять и вѣрующимъ воздать должное и показать, кто—служители. Если же (учители) служили другимъ, то могутъ ли они присвоить себѣ какія-либо достоинства? Впрочемъ, замѣтъ, онъ нигдѣ не осуждаетъ ихъ какъ присвоющихъ себѣ, но говорить противъ приписывающихъ имъ это; причина раздѣленія заключалась въ народѣ, такъ что если бы онъ не производилъ смятенія, то и тѣ перестали бы. Такимъ образомъ апостолъ поступилъ вдвойнѣ мудро: искоренилъ грѣхъ тамъ, гдѣ слѣдовало, и въ другихъ не возбудилъ къ себѣ негодованія и не подалъ

имъ повода къ словопреніямъ. *И комуждо якоже Господь даде.* И это малое дѣло зависѣло не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога, даровавшаго имъ. Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащихъ намъ? Такъ, говоритъ онъ, но надобно знать, до какой степени; дѣло ихъ не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога, даровавшаго имъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (ст. 6), т. е. я первый посѣялъ слово; а чтобы сѣмена не засохли отъ искушеній, Аполлосъ прибавилъ нѣчто съ своей стороны; но все было дѣломъ Божиимъ. *Тѣмже ни насаждаая есть что, ни напаяя, но возвращая Богъ* (ст. 7). Видишь ли, какъ онъ смягчаетъ рѣчь свою, чтобы они не ожесточились, если бы онъ сказать: кто такой-то и такой-то? То и другое непріятно, т. е. сказать: кто такой-то и такой-то, или сказать: *ни насаждаая есть что, ни напаяя*. Чѣмъ же онъ смягчаетъ эти слова? Тѣмъ, что принимаетъ уничиженіе на свое лице: *кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ,* и тѣмъ, что все относитъ къ Богу, даровавшему все: сказавъ, что онъ *насадилъ* и что *насаждаая* есть ничто, присовокупляетъ: *но возвращая Богъ*. Не останавливается и на этомъ, но для той же цѣли присовокупляетъ еще слѣдующее: *насаждаая же и напаяя едино суть* (ст. 8). Выѣстъ съ тѣмъ онъ этимъ внушаетъ, чтобы они не превозносились другъ предъ другомъ. *Едино* называетъ ихъ въ томъ отношеніи, что они ничего не могутъ безъ возвращающаго Бога. Этими словами онъ не дозволяетъ и много трудившимся превозноситься предъ тѣми, которые совершили менѣе, и послѣднимъ завидовать первымъ. Но чтобы не подать повода къ нерадѣнію тою мыслию, что всѣ, и много и мало трудящіеся, *едино суть*, онъ далѣе, смотри, какъ предупреждаетъ это: *кійждо же, говоритъ, свою мзду прииметъ по своему труду.* Какъ бы такъ говорить: не бойся, когда я говорю, что они *едино суть*; они одно по отношенію къ дѣлу Божію, но не одно по трудамъ своимъ, а каждый *свою мзду прииметъ*. Внушивъ то, что хотѣлъ, онъ потомъ еще болѣе смягчаетъ рѣчь и съ любовію говоритъ имъ пріятное столько, сколько можно. *Богу бо есмь споспѣшники: Божіе стяжаніе, Божіе зданіе есте* (ст. 9). Видишь ли, какъ онъ и имъ (учителямъ) приписываетъ не малое дѣло, доказавъ напередъ, что все принадлежитъ Богу? Онъ всегда увѣщевалъ повиноваться предстоятелямъ; потому не слишкомъ уничижаетъ и учителей. *Божіе стяжаніе есте.* Сказавъ: *азъ насадихъ*, онъ продолжаетъ метафору. Если же вы—Божія нива, то вамъ слѣдуетъ носить имя не воздѣлывающихъ, но Божіе, такъ какъ нива называется именемъ не земледѣльца, а господина ея. *Божіе зданіе есте.* Также и зданіе принадлежитъ не строителю, а господину. Если же вы—зданіе, то вамъ не должно

распадатися на частини; иначе не будетъ и здапія. Если вы—нива, то вамъ не должно раздѣляться, но ограждаться однимъ оплотомъ единомыслія. *По благодати Божіей, данный мнѣ, яко премудръ архитектонъ, основаніе положихъ* (ст. 10). Здѣсь, называя себя премудрымъ, онъ не превозноситъ самого себя, но представляетъ имъ примѣръ и показываетъ, что мудрому свойственно полагать одно основаніе. И, смотри, какъ онъ и здѣсь соблюдаетъ скромность. Назвавъ себя премудрымъ, онъ не приписалъ этого себѣ, но напередъ всего себя предалъ Богу, и тогда уже такъ назвалъ себя: *по благодати, говорить, Божіей, данный мнѣ*. Въѣствъ съ тѣмъ онъ внушаетъ, что все—Божіе, и что благодать въ томъ особенно и состоитъ, чтобы не раздѣляться, но утверждаться на одномъ основаніи. *Инъ же назидаетъ: кійжеже да блюдетъ, како назидаетъ*. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ въ жизни, послѣ того, какъ соединилъ ихъ и сдѣлалъ единымъ. *Основанія бо инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11). Не можетъ, пока онъ (истинный) строитель; а если положить, то онъ уже и не строитель.

4. Видишь, какъ онъ доказываетъ предложенную мысль и общежитейскими соображеніями. Слова его означаютъ слѣдующее: я возвѣстилъ Христа, далъ вамъ основаніе; смотрите, какъ вы строите на немъ, не съ тщеславіемъ ли, не съ цѣлю ли—отклонять отъ Него учениковъ и привлекать къ людямъ? Не будемъ же увлекаться ересями: *основанія бо инаго никто же можетъ положити паче лежащаго*. Будемъ строить на этомъ основаніи и держаться на немъ, какъ вѣтвь на виноградной лозѣ, и пусть не будетъ никакого раздѣленія между нами и Христомъ, потому что если отдѣлимся отъ Него, то немедленно погибнемъ. Вѣтвь втягиваетъ въ себя сокъ потому, что соединена съ лозою, и зданіе стоитъ потому, что связано; а что отрывается, то погибаетъ, потому что ни на чемъ не держится. Потому будемъ не просто держаться Христа, но прилѣпляться къ Нему: если отдѣлимся, погибнемъ. *Удаляющіи бо себе отъ Тебе погибнуть*, говоритъ Писаніе (Псал. lxxii, 27). Будемъ же прилѣпляться къ Нему, и прилѣпляться дѣлами, потому что *соблюдая*, говоритъ Онъ, *заповѣди моя, той во Мнѣ пребываетъ* (Іоан. xiv, 20, 21). Онъ внушаетъ намъ единеніе съ Нимъ многими сравненіями. Смотри: Онъ глава, мы тѣло; между главою и тѣломъ можетъ ли быть какое-либо разстояніе? Онъ основаніе, мы зданіе; Онъ лоза, мы вѣтви; Онъ женихъ, мы невѣста; Онъ пастырь, мы овцы; Онъ путь, мы идущіе; мы храмъ, Онъ обитатель; Онъ первенецъ, мы братія; Онъ наслѣдникъ, мы сонаслѣдники; Онъ жизнь, мы живущіе; Онъ

воскресеніе, мы воскресающіе; Онъ свѣтъ, мы просвѣщаемые. 73 Все это означаетъ единеніе и не допускаетъ никакого раздѣленія, даже малѣйшаго, такъ какъ кто отдѣлился немного, тотъ потомъ отдѣлится и много. Такъ тѣло, получивъ хотя малую рану отъ меча, портится; зданіе, расщелившись хотя немного, разрушается; и вѣтвь, отломившись отъ корня хотя немного, дѣлается негодною. Такимъ образомъ, это малое есть уже не малое, во почти все. Потому, когда мы погрѣшимъ въ чемъ-нибудь маломъ, или почувствуемъ лѣньность, не будемъ презирать этого малого, потому что, будучи оставлено въ небреженіи, оно скоро сдѣлается великимъ. Такъ одежда, если начнетъ раздираться и будетъ оставлена въ небреженіи, вся раздирается; и кровля, если обнажится отъ нѣсколькихъ черепицъ и будетъ оставлена въ небреженіи, разрушаетъ весь домъ. Итакъ, представляя себѣ это, никогда не будемъ пренебрегать малыми грѣхами, чтобы не впасть въ великіе; если же по небреженію впадемъ даже въ бездну золь, то и тогда не будемъ отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствуетъ надъ собою тщательно, не только по причинѣ глубины этой бездны, но и по самому положенію. Грѣхъ—это бездна, которая увлекаетъ въ глубину и гнететъ. Какъ упавшіе въ колодезь не скоро могутъ выйти оттуда и имѣютъ нужду въ другихъ, которые бы вытащили ихъ, такъ точно и тотъ, кто впалъ въ глубину грѣховъ. Спустимъ же къ нимъ вервие и извлечемъ ихъ оттуда; или лучше сказать, не въ другихъ только адѣсь нужда, но и въ насъ самихъ, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотимъ, и гораздо выше. Самъ Богъ—помощникъ, потому что *Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится ему* (Іез. xvin, 28). Итакъ никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болѣзни нечестивыхъ, которымъ этотъ грѣхъ свойственъ: *нечестивый*, сказано, *егда придетъ во глубину золь, не радитъ* (Притч. xvin, 3).

Такимъ образомъ не отъ множества грѣховъ происходитъ отчаяніе, но отъ нечестиваго настроенія души. Поэтому, хотя бы ты впалъ во всѣ роды пороковъ, скажи самому себѣ: Богъ чело-вѣколюбивъ и желаетъ нашего спасенія: *аще бо*, говоритъ Онъ, *будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. i, 18), т. е. измѣню въ противное состояніе. Не будемъ же отчаиваться; не столь опасно пасть, какъ упавши лежать; не столь страшно быть раненнымъ, какъ, будучи раненнымъ, не желать исцѣленія, потому что *кто похвалится чисто имѣти сердце? Или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. xx, 9)? Говорю это не

для того, чтобы сдѣлать васъ болѣе безопасными, но чтобы удержать васъ отъ отчаянія.

5. Хочешь ли знать, какъ благъ нашъ Владыка? Къ Нему пришелъ мытарь, виновный въ безчисленныхъ порокахъ, и, сказавъ только: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, ушелъ оправданнымъ (Лук. хviii, 13). И чрезъ пророка Богъ говоритъ: *за грѣхъ мало что печалихъ его, и видѣхъ яко печалися, и поиде дряхль, и исцѣлихъ пути его* (Ис. lvi, 17, 18). Что можетъ сравниться съ такимъ человеколюбіемъ? Потому только, говоритъ, что онъ печалился, 74 Я простилъ грѣхи его. А мы не дѣлаемъ и этого, и тѣмъ особенно прогнѣваемъ Бога. Онъ, умилоствующійся малымъ, когда не видитъ и этого, справедливо гнѣвается и подвергаетъ насъ великому наказанію, потому что мы обнаруживаемъ крайнее небреженіе. Кто когда-нибудь скорбѣлъ о грѣхахъ? Кто воздыхалъ? Кто билъ въ перси свои? Кто сокрушался? Я не знаю никого. Люди непрестанно плачутъ объ умершихъ рабахъ, о потерѣ имущества, а погубляя каждый день душу свою, даже и не думаютъ о томъ. Какъ же ты можешь умилоствовать Бога, если даже и не знаешь, что ты согрѣшилъ? Правда, говоришь ты, я грѣшенъ; но это говоришь однимъ языкомъ; говори же и сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздыхай, чтобы тебѣ постоянно быть въ добромъ настроеніи. Вѣдь если бы мы скорбѣли о грѣхахъ, если бы воздыхали о прегрѣшеніяхъ, то ничто другое не печалило бы насъ, потому что эта скорбь отгоняетъ всякую печаль. Такимъ образомъ, отъ исповѣданія грѣховъ мы получили бы и другую пользу, ту, что не стали бы падать духомъ въ горестныхъ обстоятельствахъ настоящей жизни, ни надмѣваться въ радостныхъ; а чрезъ это много умилоствовали бы Бога; между тѣмъ теперь дѣлами своими оскорбляемъ Его. Скажи мнѣ: если бы твой рабъ, претерпѣвая много зла отъ своихъ товарищей, не обращалъ никакого вниманія на другихъ, а заботился бы только о томъ, чтобы не прогнѣвать господина, то не могъ ли бы онъ этимъ однимъ утолить гнѣвъ твой? Напротивъ, если бы онъ несколько не заботился о проступкахъ своихъ предъ тобою, а заботился бы только объ отношеніяхъ своихъ къ товарищамъ, то не подвергъ ли бы ты его еще большому наказанію? Такъ поступаетъ и Богъ: когда мы пренебрегаемъ гнѣвомъ Его, тогда Онъ являетъ на насъ сильнѣйшій гнѣвъ; а когда бываемъ внимательны, тогда смягчается, или, лучше, прекращается гнѣвъ свой. Онъ желаетъ, чтобы мы сами себя наказывали за грѣхи, и тогда Онъ уже не наказываетъ. Для того Онъ и угрожаетъ наказаніемъ, чтобы страхомъ истребить въ насъ нерадѣніе; и когда мы страшимся одной угрозы, то Онъ уже не попускаетъ намъ испытать

ее на самомъ дѣлѣ. Смотри, что говоритъ Онъ Іереміи: *еда не видиши, что сіи творятъ? Отцы ихъ зажигаютъ огонь, сынове ихъ собираютъ дрова, жены ихъ мѣсятъ муку* (Іерем. vii, 17, 18). Боюсь, чтобы и о насъ не было сказано того же: не видишь ли, что они дѣлаютъ? Никто не ищетъ ничего Христова, а всѣ—своего. Сыновья ихъ предаются распутству, отцы ихъ—любоствжанію и хищенію, жены ихъ—житейской суетѣ, не только не удерживая мужей своихъ, но и поощряя ихъ. Стань на торжищѣ, спроси уходящихъ и приходящихъ, и увидишь, что никто не заботится о предметахъ духовныхъ, а всѣ гоняются за плотскими. Доколѣ мы не пробудимся? Доколѣ будемъ объаты глубокимъ сномъ? Неужели мы еще не насытились зломъ? Впрочемъ и безъ словъ самый опытъ достаточно можетъ научить насъ, что все настоящее низко и ничтожно. Люди, занимавшіеся внѣшнею (языческою) мудростію и не знавшіе ничего будущаго, уразумѣвъ совершенное ничтожество вещей настоящихъ, удалялись отъ нихъ. Какъ же можешь получить прощеніе ты, пресмыкающійся по землѣ и не презирающій малаго и преходящаго для великаго и вѣчнаго, ты, который слышалъ отъ самого Бога, открывшаго и внушившаго тебѣ это, и получилъ отъ Него такія обѣтованія? Что эти вещи не стоятъ привязанности, доказательствомъ тому служатъ тѣ, которые оставляли ихъ безъ надежды благъ большихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какого ожидая богатства, они избирали бѣдность? Никакого; они очень хорошо знали, что такая бѣд- 75 ность лучше богатства. Какой жизни надѣясь, они оставляли роскошь и предавались строгому житію? Никакой; они, познавъ свойство вещей, уразумѣли, что отсюда великая польза и для душевнаго любомудрія и для тѣлеснаго здоровья. Итакъ, представляя себѣ это и непрестанно помышляя о благахъ будущихъ, перестанемъ прилѣпляться къ настоящимъ, чтобы намъ сподобиться тѣхъ будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣ- 76 ювь. Аминь.

БЕСѢДА IX.

75 Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, алато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: кождо дѣло явлено будетъ. День бо явить, зане огнемъ открывається: и кождо дѣло, якоже есть, огонь искуситъ. И егоже аще дѣло пребудеть, еже назда, маду прииметь: а егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется такожде, якоже огнемъ (1 Кор. ш, 12—15).

1. Здѣсь представляется намъ вопросъ не маловажный, но касающійся предмета самаго необходимаго и изслѣдуемый всѣми людьми: будетъ ли имѣть конецъ огонь геенскій? Христось открылъ намъ, что этотъ огонь не имѣетъ конца: *огнь ихъ не угасаетъ, и червь ихъ не умираетъ* (Марк. ix, 45). Вижу, что вы содрогаетесь, слыша это; но что дѣлать? Богъ повелѣваетъ непрестанно возвѣщать это: *возвѣсти, говорить, людямъ симъ* (Ис. lvi, 1). Мы поставлены на служеніе слова, и потому нужно говорить и непріятное слушателямъ; хотя и вопреки желанію, а нужно. Впрочемъ, если хотите, это не будетъ для васъ непріятно. *Аще благое твориши, говорить* (апостолъ), *не бойся* (Рим. xiii, 3). Слѣдовательно вы можете слушать насъ не только безъ страха, но и съ удовольствіемъ. Итакъ, Христось открылъ, что геенскій огонь не имѣетъ конца; и Павелъ утверждаетъ, что мученіе будетъ нескончаемое, когда говорить, что грѣшники *муку приимуть, погибель вѣчную* (2 Солун. i, 9); и еще: *не лстите себѣ: ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакіи царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. vi, 9, 10). И къ евреямъ онъ говорить: *миръ имѣйте и святую со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. xii, 14). Также Христось на слова: *именемъ твоимъ силы многи сотворихомъ*, скажетъ: *отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе: не стѣмъ васъ* (Мѡ. vii, 22, 23). И дѣвы, для которыхъ затворились двери, уже не могли войти; и о тѣхъ, которые не питали Его, Онъ говорить: *идуть въ муку вѣчную* (Мѡ. xxv, 46).

Не говори мнѣ: гдѣ же справедливость, если мученіе не будетъ имѣть конца? Когда Богъ дѣлаетъ что-либо, повинуйся Его опредѣленіямъ и не подчиняй ихъ умствованіямъ человѣческимъ. Притомъ развѣ это несправедливо, если человѣкъ, получившій сначала тысячи благъ, а потомъ совершившій достойное наказанія и не сдѣлавшійся лучше ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній, подвергается наказанію? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды намъ слѣдовало еще въ началѣ тотчасъ же по-
76 гибнуть; а лучше, и тогда это было бы не по одному закону

правды, но было бы дѣйствиємъ и человѣколюбія, если бы мы и это потерпѣли. Кто оскорбляетъ человѣка, не причинившаго ему никакого зла, тотъ по закону правды подлежитъ наказанію; если же кто своего благодѣтеля, не обязаннаго ему ничѣмъ, но оказавшаго ему безчисленные благодѣянія, единственнаго виновника его бытія и притомъ Бога, вдохнувшаго въ него душу, даровавшаго тысячи благъ и хотѣвшаго возвести его на небо, если такого (благодѣтеля), послѣ такихъ благодѣяній, не только оскорбляетъ, но и каждый день огорчаетъ своими дѣлами, то какого прощенія онъ будетъ достоинъ? Не видишь ли, какъ (Богъ) наказалъ Адама за одинъ грѣхъ? Онъ, скажешь, далъ ему рай и удостоилъ его своего великаго благоволенія? Но не одно и тоже—грѣшить, наслаждаясь благоденствіємъ, или—проводя жизнь въ великой скорби. То и тяжело, что ты грѣшишь, находясь не въ раю, а среди безчисленныхъ бѣдствій настоящей жизни, и не вразумляешься несчастіями; это подобно тому, какъ если бы кто дѣлалъ зло, будучи связаннымъ. (Богъ) обѣщалъ тебѣ блага большерая; еще не далъ ихъ, чтобы ты не облѣнился во время подвиговъ, но и не умолчалъ о нихъ, чтобы ты не ослабѣвалъ въ трудахъ своихъ. Адамъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя смерть; а мы каждый день совершаемъ тысячи грѣховъ. Если же онъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя столько зла и ввелъ смерть въ міръ, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущіе во грѣхахъ, хотя и ожидающіе неба вмѣсторая? Тяжко это слово и прискорбно для слушателя. Знаю это по чувству, которое самъ испытываю: сердце мое смущается и содрогается, и чѣмъ болѣе удостаиваюсь въ несомнѣнности геенны, тѣмъ болѣе трепещу и объемяюсь страхомъ. Но нужно говорить объ этомъ, чтобы намъ не впасть въ геенну. Не рай, не древа и растенія получили ты, а небо и блага небесныя. Если же получившій меньшее осужденъ и ничто не могло оправдать его, то тѣмъ болѣе мы, призванные къ высшему и согрѣшающіе больше его, подвергнемся нестерпимымъ мученіямъ. Представь, сколько времени родъ нашъ за одинъ грѣхъ остается подъ владычествомъ смерти. Прошло уже пять тысячъ и болѣе лѣтъ, а смерть еще не прекратилась за одинъ грѣхъ. Притомъ мы не можемъ сказать, что Адамъ слушалъ пророковъ, что онъ видѣлъ наказанія, постигшія другихъ за грѣхи, что онъ могъ оттого придти въ страхъ и вразумиться этими примѣрами; онъ былъ тогда первый и единственный, однако же наказанъ. Ничего такого не можешь представить ты, который дѣлаешься хуже послѣ такихъ примѣровъ, который удостоился такихъ даровъ 77 Дуа, и допускаешь не одинъ, не два и не три, а безчисленное

множество грѣховъ. Не смотри на то, что грѣхъ совершается въ краткое время и не думай, что потому и наказаніе будетъ кратковременное. Не видишь ли, какъ люди, совершившіе воровство или прелюбодѣяніе одинъ разъ и въ одну минуту, часто проводятъ цѣлую жизнь въ темницахъ и рудокопняхъ, подвергаясь непрестанному голоду и безчисленнымъ родамъ смерти? И однако никто не оправдывалъ ихъ и не говорилъ, что такъ какъ грѣхъ совершенъ ими въ краткое время, то и наказаніе должно продолжаться соотвѣтственное грѣху время.

2. Но, скажешь, такъ поступаютъ люди, а Богъ человеколюбивъ? Во-первыхъ, и люди такъ поступаютъ не по жестокости, а по человеколюбію; и Богъ такъ наказываетъ потому, что Онъ человеколюбивъ; по величію милости Его велико и наказаніе Его. Слѣдовательно, когда ты говоришь, что Богъ человеколюбивъ, то тѣмъ болѣе доказываешь справедливость наказанія, если мы грѣшимъ противъ такого (Существа). Потому и Павелъ говорилъ: *страшно есть еже впасти въ руку Бога живаго* (Евр. x, 31). Вникните, увѣщаваю васъ, въ силу этихъ словъ; можетъ быть, вы получите отсюда нѣкоторое утѣшеніе. Кто изъ людей можетъ наказывать такъ, какъ наказывалъ Богъ, устроившій потопъ и истребленіе человѣческаго рода, а немного послѣ одождившій съ неба огонь и до основанія истребившій всѣхъ (жителей Содомы)? Какое человѣческое наказаніе можетъ сравниться съ такимъ наказаніемъ? Не видишь ли и здѣсь почти безконечное наказаніе? Прошло четыре тысячи лѣтъ, а наказаніе содомлянъ доселѣ остается въ силѣ. Какъ велико человеколюбіе Божіе, такъ и наказаніе Его. Притомъ, если бы Богъ заповѣдалъ что-либо трудное и невозможное, то иной могъ бы сослаться на трудность Его заповѣдей; если же Онъ заповѣдуетъ весьма легкое, то что мы можемъ сказать, не заботясь и объ этомъ? Развѣ ты не можешь постыться и сохранять дѣвство? Можешь, если захочешь, въ чемъ обличаютъ насъ тѣ, которые исполняли это; но Богъ не употребилъ противъ насъ всей строгости, не повелѣлъ и не заповѣдалъ этого, а предоставилъ волѣ слушателей; ты можешь быть цѣломудреннымъ и въ бракѣ, можешь воздерживаться и отъ пьянства. Развѣ ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, какъ показываютъ сдѣлавшіе это; но Богъ не заповѣдалъ и этого, а повелѣлъ не похищать чужого и изъ имущества своего удѣлять нуждающимся. Если кто скажетъ, что онъ не можетъ довольствоваться одною женою, тотъ обольщаетъ и обманываетъ себя, въ чемъ обличаютъ его тѣ, которые сохраняютъ цѣломудріе и безъ жены. Развѣ ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротивъ, труднѣе дѣлать это,

нежели не дѣлать. Какое же мы имѣемъ оправданіе, когда не исполняемъ столь легкаго и удобнаго? Не можемъ представить никакого. Изъ всего сказаннаго очевидно, что мученіе будетъ вѣчно. Но нѣкоторымъ кажется, что изреченіе Павла противорѣчить этому; потому обратимся къ его объясненію. Сказавъ: *егоже еще дѣло пребудетъ, еже назда, мѣду приметь, а егоже дѣло сгоритъ, отщетится*, онъ присовокупилъ: *самъ же спасется такожде, якоже онемъ*. Что сказать объ этомъ? Разсмотримъ, во-первыхъ, что такое *основаніе*, что *золото*, что *каменіе честное*, что *сѣно* и *тростіе*. Основаніемъ онъ самъ ясно назвалъ Христа: *основанія бо многа*, говоритъ, *никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Иисусъ Христосъ*; а зданіе, мнѣ кажется, означаетъ дѣла. Правда, нѣкоторые утверждаютъ, что здѣсь говорится объ учителяхъ и ученикахъ, и о нечестивыхъ ересьяхъ; но смыслъ рѣчи не допускаетъ этого. Вѣдь, если такъ, то какъ же дѣло погибнетъ, а назидавшій спасется какъ бы изъ огня? Виновнику тѣмъ болѣе надлежало бы погибнуть, а здѣсь большому наказанію окажется подвергшимся тотъ, кто былъ назидаемъ. Если учитель былъ виновникомъ зла, то онъ и достоинъ большаго наказанія: какъ же онъ спасется? Если же онъ не виновенъ, а ученики сдѣлались такими по собственному развращенію, то хорошо назидавшій вовсе не заслуживаетъ наказанія или какого-нибудь вреда: какъ же говорится, что онъ *отщетится*? Отсюда видно, что здѣсь идетъ рѣчь о дѣлахъ. Намѣреваясь говорить о кровосмѣсникѣ, апостолъ заранѣе и еще задолго дѣлаетъ къ тому вступленіе. Онъ, обыкновенно, рассуждая о какомъ-либо предметѣ, въ этомъ самомъ рассужденіи напередъ намекаетъ на другой предметъ, къ которому намѣревается перейти. Напримѣръ, укоряя коринтеянъ за то, что они не дожидаются другъ друга на вечеряхъ, онъ сдѣлалъ вступленіе къ рѣчи о таинствахъ. Такъ и здѣсь, намѣреваясь говорить о кровосмѣсникѣ и сказавъ объ основаніи, присовокупилъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (ст. 16, 17). Этими словами онъ уже устрашалъ и потрясалъ душу кровосмѣсника. *Аще кто назидаетъ на основаніи сѣмъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе*. Послѣ вѣры нужно назиданіе; потому, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *утѣшайте другъ друга въ словесахъ сихъ* (1 Солун. IV, 18). Въ назиданіи участвуютъ вмѣстѣ и художникъ и ученикъ; потому онъ и говоритъ: *кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ*.

3. Если бы это было сказано о вѣрѣ, то было бы сказано неосновательно. Въ вѣрѣ должны быть всѣ равны, потому что вѣра одна; а въ дѣлахъ жизни не всѣ одинаковы. Вѣра не бы-

вають ни хуже, ни лучше, но одинакова у всѣхъ истинно вѣрующихъ; а въ жизни одни ревностнѣе, другіе безпечнѣе, одни исправнѣе, другіе небрежнѣе, одни дѣлають больше, другіе меньше, одни грѣшать тяжелѣе, другіе легче. Потому апостоль п сказалъ: *злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе. Когождо дѣло явлено будетъ.* Здѣсь Онъ говорить о дѣлахъ. *Его же аще дѣло пребудеть, еже назда, мзду приіметъ: а егोजе дѣло сгоритъ, отщетится.* Если бы это было сказано объ ученикахъ и учителяхъ, то учителямъ не надлежало бы терпѣть наказанія, 79 если ученики не слушали ихъ. Потому Онъ и говорить: *кійждо свою мзду приіметъ по своему труду,* не по окончанію дѣла, а по труду. Что ему нужны, если слушатели не внимали? И отсюда также видно, что здѣсь говорится о дѣлахъ. А смыслъ словъ слѣдующій: кто при правой вѣрѣ ведетъ худую жизнь, того вѣра не защититъ отъ наказанія, когда дѣло будетъ горѣть. *Сгоритъ,* значить—не перенесетъ силы огня. Если бы кто съ золотымъ оружіемъ переходилъ огненную рѣку, то перешелъ бы ее со славою; а если напротивъ кто станетъ переходить ее съ сѣномъ, тотъ не только не будетъ имѣть успѣха, но и погубитъ самого себя: такъ бываетъ и съ дѣлами. Говоря это, апостоль разумѣетъ не дѣйствительное сожженіе людей, но желаетъ внушить сильнѣйшій страхъ и показать, что живущій порочно находится въ опасности. Потому и говорить: *отщетится:* вотъ первое наказаніе. *Тѣмже спасется такожде, якоже огнемъ:* вотъ и другое. Эти слова означаютъ слѣдующее: онъ самъ не погибнетъ такъ, какъ дѣла, не обратится въ ничто, но останется въ огнѣ. Это апостоль и называетъ спасеніемъ; потому не просто сказалъ: *спасется,* а прибавилъ: *якоже огнемъ.* Такъ и мы обыкновенно говоримъ: въ огнѣ сохраняются—о такихъ вещахъ, которыя не сгораютъ и не вдругъ обращаются въ пепелъ. Потому, слыша объ огнѣ, не думай, что сожигаемые обратятся въ ничто. Не удивляйся и тому, что апостоль называетъ такое мученіе спасеніемъ; онъ нерѣдко о предметахъ непріятныхъ употребляетъ хорошія выраженія, а о предметахъ пріятныхъ — нехорошія. Напримѣръ, слово *плѣтъ* обозначаетъ дурной предметъ; но Павелъ употребляетъ его по хорошему, говоря: *плѣняюще всякій разумъ съ послушаніе Христово* (2 Кор. x, 5). Также, говоря о худомъ, употребляетъ хорошее выраженіе въ слѣдующихъ словахъ: *царствова ерхъ* (Рим. v, 21); между тѣмъ слово царствованіе скорѣе хорошо звучитъ. Такъ и здѣсь, сказавъ: *спасется,* онъ выражаетъ не что иное, какъ продолженіе наказанія, и какъ бы такъ говорить: самъ же будетъ мучиться непрестанно. Далѣе говорить: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте?* Сказавъ прежде о раздѣля-

шихъ Церкви, онъ теперь касается кровосмѣсника, намекая, хотя неясно и неопредѣленно, на его развратную жизнь и показывая великость его грѣха изъ дарованной ему благодати. Также и другихъ вразумляетъ тѣмъ самымъ, что они уже получили. Такимъ образомъ онъ направляетъ къ одной цѣли и будущее и настоящее, и прискорбное и пріятное; будущее: *день бо явитъ, зане огнемъ открывається*; настоящее: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Бога*. Видишь ли, какова сила рѣчи? Впрочемъ доколѣ не открыто лице (обличаемаго), дотолѣ обличеніе не такъ тяжко, потому что всѣ раздѣляютъ страхъ угоризны. *Растлитъ сего Бога*, т. е. предасть погибели. Здѣсь апостолъ не проклинаетъ, а предсказываетъ. *Храмъ бо Божій*, говоритъ, *святъ есть*, и присовокупляетъ: *иже есте вы. Никтоже себе да прелщаетъ*. И это (относится) къ нему, такъ какъ онъ считалъ себя тѣмъ-то важнымъ и хвалился мудростію. А чтобы не поразить его слишкомъ много, апостолъ, приведши его въ страхъ и трепетъ, опять предлагаетъ общее обличеніе и говоритъ: *аще кто 80 мнитися мудръ быти въ васъ въ отцы семь, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (ст. 18). Обличаетъ съ великою силою, какъ уже довольно вразумившій ихъ. Хотя бы кто былъ богатъ, хотя бы благороденъ, онъ будетъ презрѣннѣе презрѣнныхъ, если впадетъ во власть грѣха. Какъ царь, если дѣлается рабомъ варваровъ, бываетъ несчастнѣе всѣхъ, такъ дѣйствуетъ и грѣхъ. Грѣхъ есть варваръ, который, однажды плѣнивъ душу, не щадитъ ее, но мучитъ ее на гибель подпавшихъ власти его.

4. Подлинно, ничто такъ не безразсудно, ничто такъ не бессмысленно, глупо и нагло, какъ грѣхъ. Куда онъ ни вторгнется, все низвращаетъ, разстроиваетъ и губитъ; онъ безобразенъ на видъ, несносенъ и отвратителенъ. Если бы какой живописецъ захотѣлъ изобразить его, то, мнѣ кажется, не погрѣшилъ бы, изобразивъ его въ видѣ женщины звѣроподобной, варварской, дышущей огнемъ, безобразной и черной, какъ внѣшніе (языческіе) поэты изображаютъ Сцилла. Грѣхъ тысячу рукъ обхватываетъ наши мысли, вторгается неожиданно и терзаетъ все, подобно всамъ, кусающимъ внезапно. Впрочемъ, для чего намъ живописное изображеніе, когда мы можемъ представить (самихъ людей), подобныхъ ему? Кого же напередъ изобразить вамъ? Не корыстолюба ли и грабителя? Дѣйствительно, что можетъ быть безстыднѣе глазъ его? Что безсовѣстнѣе его и болѣе похоже на псовъ? Не такъ нагло приступаетъ пестъ, какъ онъ, когда похищаетъ имущество другихъ. Что сквернѣе рукъ его? Что гнуснѣе устъ его, которыя пожираютъ все и не насыщаются? Не прини-

май лица и глазъ его за человѣческіе: не такъ глядятъ человѣческіе глаза. Онъ не смотритъ на людей, какъ на людей, не смотритъ на небо, какъ на небо, не устремляетъ взоровъ къ Господу, но во всемъ видитъ деньги. Человѣческіе глаза, видя удрученныхъ бѣдностію, обыкновенно проливаютъ слезы; а глаза грабителя, видя бѣдныхъ, выражаютъ звѣрство. Человѣческіе глаза не смотрятъ на чужое, не желаютъ принадлежащаго другимъ, но еще другимъ раздаютъ свое; а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотолѣ, пока не похитятъ у другихъ всего, потому что смотрятъ не по-человѣчески, но по-звѣрски. Человѣческіе глаза не могутъ видѣть своего тѣла обнаженнымъ,—вѣдь для нихъ оно свое и тогда, когда по наружности принадлежитъ другимъ,—а глаза корыстолюбца не насыщаются дотолѣ, пока не обнажатъ кого-либо совершенно и не скроютъ всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки такихъ людей можно назвать не только звѣрскими, но еще гораздо свирѣпѣйшими и опаснѣйшими, чѣмъ у звѣрей. Медвѣди и волки, насытившись, отступаютъ отъ пищи, а тѣ не насыщаются никогда. Между тѣмъ Богъ далъ намъ руки для того, чтобы мы помогали другимъ, а не вредили имъ. Если же мы станемъ употреблять ихъ на послѣднее, то лучше было бы отсѣчь ихъ и оставаться безъ нихъ. Ты скорбишь, когда дикій звѣрь растерзаетъ овцу; а когда самъ дѣлаешь тоже съ своимъ единоплеменникомъ, то и не считаешь этого дѣла ужаснымъ? Что же ты за человѣкъ? Развѣ ты не знаешь, что человѣческимъ

81 мы называемъ то дѣло, которое исполнено милосердія и человѣколюбія, а дѣло грубое и жестокое называемъ безчеловѣчнымъ? Такимъ образомъ характеръ человѣка мы изображаемъ дѣлами милосердія, а характеръ звѣря—дѣлами противными тому, и часто говоримъ: ужели онъ человѣкъ, а не звѣрь и не пестъ? Людямъ свойственно облегчать бѣдность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивыхъ и уста—уста звѣрскія, или еще хуже ихъ; они произносятъ слова, которыя своею ядовитостію гораздо скорѣе, нѣжели зубы звѣрей, причиняютъ смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, какъ безчеловѣчіе дѣлаетъ людей звѣрями. А кто испытаетъ душу такихъ людей, тотъ назоветъ ихъ не только звѣрями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды къ ближнимъ; нѣтъ въ нихъ ни желанія царствія, ни страха геенны, ни стыда предъ людьми, ни милосердія, ни состраданія, но безстыдство, наглость и презрѣніе ко всему будущему; вѣщанія Божіи о (будущихъ) мученіяхъ кажутся имъ баснею, угрозы—посмѣшищемъ. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а навнѣ звѣри

и даже хуже звѣрей, то за кого, скажи мнѣ, мы будетъ считать ихъ? Что они хуже звѣрей, это видно изъ слѣдующаго: звѣри таковы по природѣ, а они, получивъ отъ природы кротость, вопреки природѣ стараются усвоить себѣ свойства звѣрей. Сами ⁸² демоны дѣлаютъ своими споспѣшниками людей неблагонамѣренныхъ, такъ какъ если бы послѣдніе не были ихъ споспѣшниками, то большая часть ихъ козней противъ насъ оставалась бы безъ успѣха; а тѣ стараются притѣснять и содѣйствующихъ имъ въ неправедныхъ дѣлахъ ихъ. Притомъ демонъ враждуетъ противъ человѣка, а не противъ подобныхъ ему демоновъ; а корыстолюбецъ старается всячески причинить зло и ближнему и родному, не стыдясь самой природы. Знаю, что многіе негодуютъ на меня за эти слова; но я не сержусь на нихъ, а жалѣю и плачу, что они находятся въ такомъ состояніи. Если бы они захотѣли даже бить меня, и это я съ удовольствіемъ перенесъ бы, только бы они оставили свое звѣрство. И не я только, но и пророкъ вмѣстѣ со мною исключаетъ такихъ изъ числа людей: *человѣкъ, говорить, въ чести сый не разумѣ, но приложися скотомъ немыслимымъ* (Псал. хlviii, 21). Постараемся же быть людьми; будемъ взирать на небо, *облекаться во образъ* (Создавшаго насъ) (Кол. iii, 10) и не унижать себя самихъ, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА Х.

Никтоже себе да прелщаеть. Аще кто мнится мудръ ⁸¹ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего буйство у Бога есть (1 Кор. iii, 18, 19).

1. Приступивъ къ обличенію кровосмѣсника еще заранѣе, какъ я выше сказалъ, сдѣлавъ это прикровенно и въ краткихъ словахъ, и пробудивъ совѣсть его, апостолъ опять обращается къ опроверженію внѣшней (языческой) мудрости и къ обличенію тѣхъ, которые, гордясь ею, раздѣляли Церковь, чтобы, присовокупивъ то, что еще оставалось сказать, и совершенно окончивъ этотъ предметъ, со всею силою направить рѣчь противъ кровосмѣсника, котораго онъ касался и прежде. Слова: *никтоже себе да прелщаеть* направлены особенно противъ него, чтобы вразумить и утратить его; также на него особенно дѣлается намекъ въ словѣ: *тпростіе*, и въ словахъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій*

есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Обыкновенно два побужденія болѣе всего удерживаютъ насъ отъ грѣха: когда мы представляемъ слѣдующее за грѣхомъ наказаніе, и когда размышляемъ о собственномъ достоинствѣ. Такъ и апостолъ рѣчью о снѣхъ и тростіи устрашаетъ, а указаніемъ на наше достоинство пристыжаетъ, исправляя первымъ болѣе нечувствительныхъ, а послѣднимъ—болѣе кроткихъ. Никтоже себе да прелщаетъ. Аще кто мнитъся мудръ быти въ васъ въ отцѣхъ семъ, буй да бываетъ. Какъ онъ повелѣваетъ быть мертвымъ для міра (Кол. II, 20), и эта 82 мертвенность не только не вредить, но еще приносить пользу, дѣлаясь источникомъ жизни, такъ теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему къ принятію вѣры. Потому, какъ нищета по Богѣ ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе (земной) славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣ всѣхъ, потому что у насъ все бываетъ напротивъ. И для чего онъ не сказалъ: пусть оставитъ мудрость, но: буй да бываетъ? Для того, чтобы какъ можно болѣе унижить внѣшнюю ученость. Не одно вѣдь и то же сказать: оставь свою мудрость, или—будь безумнымъ. Съ другой стороны, онъ научаетъ насъ не стыдиться нашей неучености, представляя все внѣшнее достойнымъ осмѣянія. Онъ не стыдится названій, потому что полагается на силу дѣлъ. Какъ крестъ, вещь повидимому поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости. Какъ тотъ, кто худо научился чему-нибудь, если не оставитъ всего, не изгладитъ изъ души своей и не представить ее чистою для желающаго вновь учить его, не познаетъ ясно здраваго ученія, такъ и при внѣшней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вѣрѣ, подобно простолыдину, то не познаешь ничего добраго надлежащимъ образомъ. Такъ и имѣющіе слабое зрѣніе, если, закрывъ глаза, не вѣрятъ себя другимъ, а будутъ руководиться своимъ испорченнымъ зрѣніемъ, будутъ блуждать гораздо болѣе тѣхъ, которые совершенно ничего не видятъ.

83 А какъ можно, скажешь, оставить внѣшнюю мудрость? Не принимая ея ученія. Повелѣвъ такимъ образомъ оставить эту мудрость, апостолъ приводитъ и причину,—слѣдующую: премудрость бо міра сего буйство у Бога есть. Она не только не помогаетъ, но еще служитъ препятствіемъ; слѣдовательно надобно оставить ее, какъ вредную. Видишь ли, какъ побѣдоносно онъ

опровергъ ее, доказавъ, что она не только бесполезна, но еще приносить намъ вредъ? Впрочемъ, онъ не довольствуется собственными доказательствами, а приводитъ еще свидѣтельство: *писана бо есть*, говоритъ: *запинаай премудрымъ въ коварство ихъ* (ст. 19). Въ коварство, т. е. уловляя ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Такъ какъ они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться безъ Бога, то Онъ чрезъ нее именно и доказалъ имъ, что они имѣютъ великую нужду въ Богѣ. Какъ и какимъ образомъ? Они чрезъ нее сдѣлались безумными; слѣдовательно чрезъ нее и уловлены. Думая обходиться безъ Бога, они пришли въ такое бѣдственное состояніе, что оказались хуже рыбаей и неученыхъ, и въ нихъ же стали нуждаться. Потому онъ и говоритъ: *въ коварство ихъ* уловилъ ихъ. Слова: *погублю премудрость*—выражаютъ совершенную ея бесполезность; а слова: *запинаай премудрымъ въ коварство ихъ*—показываютъ силу Божію.

2. Далѣе апостолъ показываетъ и способъ, какимъ Богъ уловилъ ихъ, присовокупляя другое свидѣтельство: *Господь есть*, говоритъ, *помысленія мудрыхъ, яко суета суетна* (ст. 20). А когда безпредѣльная Премудрость произноситъ о нихъ такой судъ и представляетъ ихъ такими, то какого другого требовать доказательства крайняго ихъ безумія? Человѣческія сужденія часто погрѣшаютъ, а судъ Божій всегда праведенъ и великопріятенъ. Воздавъ такимъ образомъ славу суду Божію, онъ съ большею силою обращается къ поучаемымъ и говоритъ: *тѣмже никтоже да хвалится въ человецѣхъ: ея бо ваша суета* (ст. 21). Опять повторяетъ прежнее и показываетъ, что они не должны гордиться и духовными дарованіями, потому что ничего не имѣютъ отъ себя самихъ. Итакъ, если внѣшняя мудрость вредна, а духовныя дарованія ваши не отъ васъ, то чѣмъ вы можете хвалиться? Касательно внѣшней мудрости онъ говоритъ: *никтоже себе да прелъщаетъ*, потому что она служила имъ ко вреду; а здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ полезномъ, говоритъ: *никтоже да хвалится*, и смягчаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: *ея бо ваша суета. Аще Павелъ или Аполлосъ или Кифа, или миръ, или животъ или смерть, или настоящая или будущая, ея ваша суета, вы же Христовы, Христосъ же Божій* (ст. 22, 23). Такъ какъ онъ сильно тронулъ ихъ, то опять ободряетъ: И выше онъ говорилъ: *споспѣшестви есмь Богу* (ш, 9), и многимъ другимъ утѣшалъ ихъ; и здѣсь говоритъ: *ея ваша суета*, чтобы низложить гордость учителей и показать, что они не только ничѣмъ не обязали учениковъ своихъ, но еще сами обязаны имъ благодарностію, потому что для нихъ сдѣлались учителями и получили благодать. А такъ какъ 84 и ученики могли хвалиться, то онъ уврачевалъ и ихъ болѣзнь

словами: *комуждо якоже Богъ даде, и: Богъ возрасти* (ш, 6), чтобы и тѣ не гордились, какъ подающіе, и эти не превозносились, услышавъ: *вся ваша суть*. Вѣдь хотя все и для васъ, но все отъ Бога. Замѣть, какъ онъ доселѣ продолжаетъ ставить свое имя и имя Петра. А что значить: *или смерть*? Учители, хотя бы умирали, умирають для васъ, подвергаясь опасностямъ для вашего спасенія. Видишь ли, какъ онъ опять низлагаетъ гордость учениковъ и превозноситъ учителей? Онъ бесѣдуетъ съ ними, какъ бы съ благородными дѣтьми, имѣющими пѣстуновъ и долженствующихъ наслѣдовать все. Также можно сказать, что для насъ и смерть Адамова, чтобы мы вразумились, и смерть Христова, чтобы мы спаслись. *Вы же Христовы, Христосъ же Божій*. Иначе мы—Христовы, иначе Христосъ—Божій, и иначе міръ—нашъ. Мы—Христовы, какъ твореніе Его; Христосъ—Божій, какъ истинный Сынъ Его, а не какъ твореніе и не такъ, какъ міръ—нашъ. Такимъ образомъ здѣсь, хотя выраженіе одно, но смыслъ различный. Міръ—нашъ, какъ созданный для насъ; Христосъ—Божій, потому что имѣетъ виновникомъ Своимъ Бога, какъ Отца; а мы—Христовы, какъ сотворенные Имъ. Если же, говорить, учителя—ваши, то для чего вы поступаете напротивъ, называя себя именами ихъ, а—не Христа и Бога? *Тако насъ да непицуетъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ* (iv, 1). Низложивъ гордость ихъ, смотри, какъ онъ опять ободряетъ ихъ словами: *яко слугъ Христовыхъ*. Потому не называйтесь именемъ исполнителей и служителей, оставляя Господа. *Строителями* называлъ (учителей) для того, чтобы показать, что не всѣмъ должно присвоить это дѣло, но кому слѣдуетъ и кто достоинъ быть домоправителемъ. *А еже прочее, ищется въ строителяхъ, да въренъ кто обрящется* (ст. 2), т. е. чтобы не присвоить себѣ того, что принадлежитъ Господу, и не приписывать себѣ вмѣсто Господа, а поступалъ бы, какъ домоправитель. Дѣло домоправителя—хорошо распоряжаться ввѣреннымъ ему, не называть своимъ принадлежащаго Господу, а напротивъ свое приписывать Господу. Каждый, владѣющій даромъ слова или имуществомъ, представляя это, т. е. что это ввѣрено ему Господомъ, а не его собственность, пусть не удерживаетъ у себя и не присвоитъ себѣ, но приписываетъ Богу, даровавшему все. Хочешь ли видѣть вѣрныхъ домоправителей? Послушай, что говоритъ Петръ: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ сего ходити* (Дѣян. ш, 12)? Также Корнилию онъ сказалъ: *и азъ самъ человекъ есмь* (Дѣян. х, 26); и Христу: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ* (Мѡ. хix, 27). Равно и Павелъ, сказавъ: *паче естъ изъ потрудиися*, присоветовалъ: *не азъ же, но благодать*

Божія, яже со мною (1 Кор. xv, 10). И въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ нимъ же, сказалъ: *что имашь, егже нѣси пріялъ* (1 Кор. iv, 7)? Ты ничего не имѣешь своего, ни богатства, ни дара слова, ни самой души,—и она отъ Господа.

3. Потому, когда потребуешь нужда, отдай и душу свою. 83 Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебѣ повелѣвается, то ты уже невѣрный домоправитель. Можно ли противиться, когда повелѣваетъ Богъ? Я вотъ что скажу: потому особенно я и удивляюсь челоувѣколюбію Божию, что Богъ, имѣя возможность взять у тебя все противъ твоей воли, не хочетъ дѣлать этого безъ твоей воли, чтобы ты заслужилъ награду. Напримѣръ, Онъ можетъ взять твою душу безъ твоей воли, но хочетъ, чтобы ты отдалъ ее по своей волѣ, говоря съ Павломъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. xv, 31). Онъ можетъ лишить тебя почестей безъ твоей воли и сдѣлать тебя уничиженнымъ, но хочетъ, чтобы это было по твоей волѣ, чтобы ты получилъ воздаяніе. Онъ можетъ сдѣлать тебя бѣднымъ противъ твоей воли, но хочетъ, чтобы ты сдѣлался такимъ добровольно, чтобы даровать тебѣ вѣнцы. Видишь ли Божіе челоувѣколюбіе и наше ослѣпленіе?

Достигъ ли ты высокой степени достоинства и получилъ власть церковную? Не высокоумдствуй; не ты достигъ этой чести, а Богъ облекъ тебя ею; береги ее, какъ чужую; не злоупотреблий ею и не употребляй на то, на что не слѣдуетъ; не гордись и не присвой себѣ, но считай себя бѣднымъ и безславнымъ. Если бы тебѣ поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не сталъ бы злоупотреблять этою одеждою и портить ее, но съ великимъ тщаніемъ хранилъ бы ее для вручившаго тебѣ. Получилъ ли ты даръ слова? Не гордись и не надмевайся; это не твой даръ; не будь непризнателенъ за дары Господни, но раздѣляй ихъ съ подобными тебѣ рабами, не превозносись ими, какъ своими, и не жалѣй раздѣлять ихъ съ другими. Имѣешь ли дѣтей? Ты получилъ ихъ отъ Бога; если такъ будешь думать, то имѣя будешь благодарить, и потерявъ не будешь скорбѣть. Таковъ былъ Іовъ, который говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. 1, 21). Все мы получили отъ Христа; отъ Него имѣемъ и самое бытіе, и жизнь, и дыханіе, и свѣтъ, и воздухъ, и землю. Если бы Онъ лишилъ насъ чего-нибудь изъ этого, то мы погибли бы и истлѣли, такъ какъ мы—пришельцы и странники. Выраженіе: *мое и твое*—только пустыя слова, а на дѣлѣ не то. Напримѣръ, если ты назовешь своимъ домъ, это—пустое слово, не соответствующее предмету, такъ какъ Творцу принадлежатъ и воздухъ, и земля, и вещество, и ты самъ, пошрившій его, и все прочее. Если же онъ въ твоёмъ употреб-

ленія, то и это не вѣрно, не только по причинѣ угрожающей смерти, но и, прежде смерти, по причинѣ непостоянства вещей. Представляя это непрестанно, будемъ любомудрыми, и сдѣлаемъ два весьма важныхъ пріобрѣтенія: будемъ благодарными и при полученіи и при потерѣ, и не станемъ раболѣпствовать предметамъ преходящимъ и не принадлежащимъ намъ. Лишаетъ ли насъ Богъ имущества, Онъ беретъ Свое; лишаетъ ли тебя чести, славы, тѣла, души, или сына твоего, Онъ беретъ не твоего сына, а Своего раба,—не ты вѣдь, а Онъ сотворилъ его; ты только содѣйствовалъ появленію его, а все сдѣлалъ Богъ. Будемъ же благодарны, что мы удостоились содѣйствовать дѣлу Его. Но что? Ты хотѣлъ бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Какъ расстающіеся благодушно знаютъ, что находящееся у нихъ не принадлежитъ имъ, такъ скорбящіе (при лишеніи) присвояютъ себѣ принадлежащее Царю. Если мы сами—не свои, то какъ прочее—наше? Мы въ двухъ отношеніяхъ принадлежимъ Богу—и по сотворенію, и по вѣрѣ. Такъ Давидъ говоритъ: *составъ мой отъ Тебе есть* (Псал. xxxviii, 7). Также Павелъ: *о Немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. xvi, 28); и, рассуждая о вѣрѣ, говоритъ: *нѣсте свои, и куплены есте цѣною* (1 Кор. vi, 19). Все—Божіе. Поэтому, когда Онъ требуетъ и хочетъ взять обратно, то не будемъ противорѣчить, подобно неблагодарнымъ рабамъ, и присвоить себѣ принадлежащее Владыкѣ. Душа твоя—не твоя: какъ же имущество—твое? И какъ ты тратишь не свое на то, на что не должно? Развѣ ты не знаешь, что мы будемъ осуждены за то, что худо употребляли данное намъ? Что не наше, а Владычье, то намъ слѣдуетъ употреблять на подобныхъ намъ рабовъ. За то и богачъ былъ осужденъ, что не дѣлалъ этого, равно и тѣ, которые не напитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и наслаждаюсь своимъ; это не твое, а чужое. Говорю: чужое, потому что ты самъ такъ хочешь; Богъ желаетъ, чтобы то, что вручено тебѣ для братій, сдѣлатось твоимъ; чужое дѣлается твоимъ, когда ты употребляешь его на другихъ; а когда невозможно употреблять на себя, тогда твое дѣлается чужимъ. Ты не имѣешь состраданія и говоришь, что по праву употребляешь свое только для своего наслажденія; потому я и говорю, что оно—чужое. Все твое есть общее—для тебя и твоего ближняго, какъ общее—солнце, и воздухъ, и земля, и все прочее. Какъ въ тѣлѣ есть дѣятельность всего тѣла и cadaго члена порознь, и когда какой-нибудь членъ дѣйствуетъ отдѣльно, то теряетъ и собственную дѣятельность, такъ бываетъ и съ имуществомъ.

4. Скажу яснѣе: пища тѣлесная, назначаемая вообще для

всѣхъ членовъ, если достанется одному члену, то дѣлается чужою и для него. Она не можетъ свариться и питать,—оттого дѣлается чужою и для него. А сдѣлавшись общею, она становится собственностію и его и всѣхъ членовъ. Тоже и съ имуществомъ: если ты одинъ будешь пользоваться имъ, то потерпишь вредъ и ты, потому что не получишь награды; если же будешь раздѣлять его съ другими, тогда оно болѣе будетъ твоимъ, тогда и получишь отъ него пользу. Не видишь ли, какъ руки служатъ, ротъ разговываетъ, а желудокъ принимаетъ пищу; и желудокъ не говоритъ: я принялъ, потому и долженъ удерживать все у себя? Не говори того же и ты объ имуществѣ. Кто принимаетъ, тотъ долженъ и давать. Какъ для желудка было бы порокомъ—удерживать пищу у себя, а не распредѣлять, потому что это повредило бы всему тѣлу, такъ и для богатыхъ порокъ—удерживать свое имущество у себя, потому что это губить и ихъ самихъ и другихъ. Также глазъ одинъ принимаетъ свѣтъ, но не удерживаетъ его у себя, а освѣщаетъ все тѣло, потому что ему неестественно удерживать его у себя, пока онъ остается глазомъ. Ноэдри ощущаютъ благовоніе, но не удерживаютъ его у себя, а передаютъ мозгу, сообщаютъ благовоніе и желудку и доставляютъ усладу всему человѣку. Ноги одинъ ходятъ, но не себя только переставляютъ, а переносятъ и все тѣло. Такъ и ты не удерживай одинъ того, что тебѣ ввѣрено, потому что такимъ образомъ повредишь всѣмъ, а болѣе всѣхъ самому себѣ. И не на членахъ только (тѣлесныхъ) можно видѣть это. Кузнецъ, если не захочетъ ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ искусствомъ, то нанесетъ вредъ и себѣ и другимъ искусствамъ. Также сапожникъ, земледѣлецъ, хлѣбникъ и всякій, занимающійся какимъ-нибудь необходимымъ ремесломъ, если не захочетъ сообщать другимъ произведеній своего искусства, повредить не только другимъ, но вмѣстѣ другими и себѣ. И что я говорю о богатыхъ? Даже бѣдные, если бы стали подражать вашему, корыстолюбцы и богачи, пороку, то причинили бы вамъ великій вредъ, скоро сдѣлали бы и васъ бѣдными, или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотѣли сообщить своего нуждающимся, напр., земледѣлецъ—издѣлія рукъ своихъ, мореплаватель—приобрѣтеній отъ мореплаванія, воинъ—воинской доблести. Устыдитесь же, если не другого чего, то хотя этого, и подражайте ихъ любомудрію. Ты не хочешь удѣлять никому изъ своего богатства? Не бери же и самъ ничего у другихъ. А если будетъ такъ, то все придетъ въ разстройство, потому что давать и принимать есть источникъ многихъ благъ, и въ сѣяніи, и въ ученіи, и въ искусствахъ. Если бы кто захотѣлъ удержать у себя свое искусство, то погубилъ бы и себя

и всю жизнь извратилъ бы. Земледѣлецъ, если бы сталъ хранить сѣмена у себя дома, закопавъ ихъ, произвелъ бы страшный голодъ. Такъ и богатъ, если сдѣлаетъ тоже съ имуществомъ, прежде бѣдныхъ погубить себя самого, навлечетъ на свою голову страшный пламень геены. Учителя, хотя бы имѣли много учениковъ, сообщаютъ каждому свое знаніе: такъ и ты старайся пріобрѣсти многихъ благодѣтельствованныхъ. Пусть всѣ говорятъ о тебѣ: онъ такого-то избавилъ отъ бѣдности, такого-то отъ опасности, такой-то погибъ бы, если бы, по милости Божіей, не
88 получилъ его помощи, такого-то онъ исцѣлилъ отъ болѣзни, другого освободилъ отъ клеветы, странника принять въ домъ, нагого одѣлъ. Такіе отзывы лучше несконечнаго богатства и многихъ сокровищъ; они привлекаютъ всѣхъ гораздо болѣе, нежели золотыя одежды, лошади и рабы. Последнее представляется не-сноснымъ и дѣлаетъ человѣка ненавистнымъ, какъ общаго врага; а первое провозглашаетъ его общимъ отцемъ и благодѣтелемъ, и, что всего важнѣе, такія благодѣянія всегда сопровождаются благоволеніемъ Божиимъ. Пусть одинъ говоритъ о тебѣ: онъ помогъ мнѣ выдать дочь мою замужъ; другой: онъ постарался вывести сына моего въ люди; третій: онъ спасъ отъ несчастія; четвертый: онъ избавилъ отъ опасностей. Такія слова лучше золотыхъ вѣнцовъ, это—какъ бы безчисленные проповѣдники твоего чело-вѣколюбія въ городѣ; такія слова гораздо пріятнѣе и сладостнѣе голоса вѣстниковъ, предшествующихъ повелителямъ, именно слова: спаситель, благодѣтель, покровитель, каковыя названія свойственны Богу, а не: корыстолюбецъ, гордецъ, нена-сытныи, скряга. Будемъ же, увѣщевая, помогать не этимъ по-слѣднихъ названій, а противоположныхъ. Вѣдь если такіе отзывы еще на землѣ дѣлаютъ человѣка столь славнымъ и знаменитымъ, то, когда они будутъ написаны на небѣ и Богъ провозгласитъ ихъ въ день будущій, представь, какою ты насладишься честью, какою славой,—которой и да сподобимся всѣ мы, благодатію и чело-вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуюся, или отъ ⁸⁷человѣческаго дне: но ни самъ себе востязую (ничесомъ бо въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся): востязуяй же мя, Господь есть (1 Кор. iv, 3, 4).

1. Не знаю, какимъ образомъ между другими родами ала вошло въ природу человѣческую ало испытанія и неумѣстнаго осужденія ближнихъ, которое и Христосъ обличалъ, когда говорить: *не судите, да не судими будете* (Мѡ. vii, 1). Оно не доставляетъ даже никакого удовольствія, какъ другіе грѣхи, а ведетъ только къ непріятностямъ и наказанію. Между тѣмъ мы, будучи сами виновны въ безчисленныхъ грѣхахъ и имѣя въ глазахъ своихъ какъ бы бревно, тщательно разбираемъ грѣхи ближняго, которые не болѣе сучка (Мѡ. vii, 3). Такъ было и у коринѣянъ. Мужей благочестивыхъ и богоугодныхъ они осмѣивали и отвергали за неученость ихъ, а виновныхъ въ безчисленныхъ порокахъ уважали за ихъ краснорѣчіе. Принимая на себя роль судей, они съ дерзостію произносили приговоры: такой-то достоинъ, такой-то лучше такого-то, этотъ выше того, а тотъ ниже этого; вмѣсто того, чтобы оплакивать свои грѣхи, судили о другихъ, и такимъ образомъ возбуждали ведикую борьбу. Для уврачеванія этой болѣзни Павелъ, смотри, какъ мудро вразумляетъ ихъ. Сказавъ: *а еже прочее, ищется въ строитехъ, да отврѣнь кто обрящется*, и этими словами, повидимому, дозволивъ имъ судить и ⁸⁸исслѣдовать жизнь каждаго,—отчего и происходили смятенія,—онъ хочетъ освободить ихъ отъ такой страсти и говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуюся*, опять сводя рѣчь на свое лице. Что значить: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуюся, или отъ человѣческаго дне?* Недостойно меня, говорить, быть судимымъ вами; что я говорю: вами?—и другимъ къмъ бы то ни было. Не подумайте, что Павелъ по гордости говорить, что никто изъ людей не достоинъ произносить о немъ судъ. Во-первыхъ, онъ не для себя говорить это, а для того, чтобы другихъ исцѣлить отъ ихъ болѣзни; во-вторыхъ, онъ не остановился на коринѣянахъ, но не приписалъ и себѣ права сужденія, сказавъ, что такое сужденіе выше его собственнаго разумѣнія: *но ни самъ себе*, присовокупляетъ онъ, *востязую*. Притомъ надобно смотрѣть, съ какимъ расположеніемъ онъ сказалъ это; онъ часто употреблялъ высокія выраженія, но не изъ гордости или тщесавія, а съ мудрою предусмотрительностію; такъ точно и теперь въ этихъ словахъ онъ не превозноситъ самого себя, но смиряетъ

89 другихъ и старается показать достоинство святыхъ. А что онъ былъ одинъ изъ числа весьма смиренныхъ, послушай, что говорить онъ, представляя свидѣтельство о себѣ враговъ своихъ: *пришествіе тѣла немощно и слово уничтожено* (2 Кор. i, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *послѣди же встѣхъ, яко нѣкому извергу, явися и мнѣ* (1 Кор. xv, 8). И однако этотъ смиренный, въ случаѣ нужды, смотри, на какую высоту возводилъ понятія учениковъ, не гордости научая ихъ, но внушая имъ здравомысліе. Бесѣдуя съ тѣми же коринѣянами, онъ говоритъ: *и еще вами судъ приметъ міръ, не достойни есте судищемъ худымъ* (1 Кор. vi, 2). Христіанину слѣдуетъ удалиться какъ отъ гордости, такъ и отъ лестиности и неблагогоднаго образа мыслей. Кто говоритъ, напримѣръ, что имущество онъ не вмѣняетъ ни во что и все настоящее считаетъ тѣнію, сновидѣніемъ и дѣтскими игрушками, того мы не обвиняемъ въ гордости,—иначе мы должны были бы обвинять въ гордости и Соломона, который, любомудрствуя объ этомъ, говоритъ: *суета суетствій и всяческая суета* (Еккл. i, 2). Но не будемъ называть любомудріе именемъ гордости. Презирать блага настоящія—это не гордость, а великодушіе, хотя не отвергаютъ ихъ и цари, и начальники, и вельможи. Бѣдный по любомудрію часто презираетъ ихъ; но мы не назовемъ его за это гордымъ; подобно какъ человѣка, слишкомъ привязаннаго къ нимъ, не назовемъ умѣреннымъ и смиренномудрымъ, а слабымъ, малодушнымъ и пристрастнымъ. Сына, который бы не думалъ о принадлежащемъ отцу его, а занимался свойственнымъ рабу, мы не назвали бы смиренномудрымъ, а осудили бы какъ человѣка съ неблагогодными и рабскими чувствами; а того, который бы презиралъ рабское и дорожилъ отеческимъ, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобныхъ себѣ людей—это гордость, а произносить истинное сужденіе о вещахъ—это не гордость, но любомудріе.

2. Такимъ образомъ Павелъ не превозноситъ себя, но смиряетъ другихъ, вразумляетъ превозносящихся и научаётъ ихъ смиренномудрію, когда говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуюся, или отъ человѣческаго дне*. Видишь ли, какъ онъ врачуетъ ихъ? Слыша, что онъ на (судъ) всѣхъ равно не обращаетъ вниманія и всѣхъ считаетъ недостойными судить его, никто изъ нихъ не могъ скорбѣть и говорить, что онъ только одинъ отвергнуть. Если бы онъ сказалъ: *отъ васъ только*, и остановился бы, то они могли бы огорчиться, какъ отверженные; а присовокупивъ: *или отъ человѣческаго дне*, онъ облегчилъ ударъ, признавъ вмѣстѣ съ ними и другихъ недостойными. Далѣе смягчаетъ и это, присовокупляя: *но ни самъ себе востязую*. Видишь,

какъ слова его происходятъ не отъ гордости: я и самъ, говорить, не въ состояніи произносить судъ. А такъ какъ и эти слова могли быть приписаны чрезмѣрной гордости, то для отклоненія такого мнѣнія говорить: *но ни о семъ оправдаюся*. Какъ, неужели не должно осуждать себя и за грѣхи свои? Должно и даже очень, когда мы грѣшимъ; но Павелъ не о томъ говорить. *Ничегоже бо, говорить, въ себѣ соимъ*. За какой грѣхъ онъ сталъ бы осуждать себя, если онъ не знаетъ за собою ничего? И не смотря на то, говорить, *ни о семъ оправдаюся*. Что же скажемъ мы, которые имѣемъ совѣсть, пораженную безчисленными ранами, и не знаемъ за собою ничего добраго, но все противное тому? А почему онъ не оправданъ, если не знаетъ за собою ничего? Потому, что и ему случалось допускать нѣкоторыя прегрѣшенія, безъ собственнаго сознанія этихъ прегрѣшеній. Отсюда можешь 90 заключать, какъ тщателенъ будущій судъ. Такимъ образомъ онъ считалъ другихъ недостойными судить о немъ не потому, что признавалъ себя безукоризненнымъ, но желая заградить уста безразсудно дѣлавшимъ это. Въ другомъ мѣстѣ, когда обстоятельства требовали, онъ запрещаетъ осуждать ближнихъ даже въ случаѣ явныхъ грѣховъ.

Ты же почему, говорить, осуждаеши брата твоего? Или ты что уничижаеши брата твоего (Рим. xiv, 10)? Тебѣ, человѣкъ, заповѣдано не другихъ осуждать, а смотрѣть за самимъ собою: для чего же ты присвояешь дѣло Владыки? Судить—Его дѣло, а не твое. Потому и продолжаетъ: *тѣмже прежде времени ничтоже судите, дондеже придетъ Господь, иже и освѣтитъ тайная твоя, и объявитъ советы сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (ст. 5). Какъ, неужели и учителя не должны дѣлать этого? Должны въ случаѣ явныхъ грѣховъ, при исповѣди, въ надлежащее время, и притомъ со скорбію и сокрушеніемъ, а не съ гордостью и тщеславіемъ, какъ дѣлали коринѣяне. Апостолъ говорить здѣсь не объ исповѣдуемыхъ грѣхахъ, а о предпочтеніи такого-то такому-то и о сравниваніи ихъ жизни. Судить объ этомъ безошибочно можетъ одинъ только Тотъ, который будетъ судить сокровенныя наши помышленія и опредѣлять, какія изъ нихъ достойны большаго, какія меньшаго наказанія, или награжденія; а мы судимъ по внѣшности. Если я, говорить, не могу точно знать, въ чемъ я самъ грѣшенъ, то какъ почту себя достойнымъ произносить приговоръ о другихъ? Не зная съ точностію своихъ собственныхъ дѣлъ, какъ я могу судить о дѣлахъ другихъ? Если же таковъ былъ Павелъ, то тѣмъ болѣе мы. А говорилъ онъ это не для того, чтобы показать свою безукоризненность, но чтобы показать, что если бы даже былъ между ними

кто-нибудь непричастный никакому грѣху, и тотъ былъ бы недостойнъ судить о жизни другихъ, и что если онъ, ничего не знающій за собою, не считаетъ себя невиннымъ, то тѣмъ болѣе не могутъ считать себя такими они, знающіе за собою множество грѣховъ. Заградивъ уста дѣлавшимъ такія сужденія, онъ потомъ съ прискорбіемъ обращаетъ гнѣвъ свой на кровосмѣсника. Какъ при наступленіи бури напередъ появляются мрачныя облака, потомъ, когда прогремитъ громъ и все небо сдѣлается какъ бы однимъ облакомъ, внезапно низвергается на землю дождь, такъ и онъ поступаетъ здѣсь. Онъ могъ бы съ великимъ негодованіемъ прямо обратиться къ кровосмѣснику, но не дѣлаетъ этого, а напередъ низлагаетъ надменность его устрашающими словами, потому что и допущенъ былъ имъ сугубый грѣхъ, прелюбодѣяніе и, что еще хуже прелюбодѣянія, нераскаянность во грѣхѣ. Онъ скорбитъ не столько о согрѣшеніи, сколько о нераскаянности грѣшника: *да не восплачуся, говоритъ, многихъ не просто прежде согрѣшившихъ, но и не покающихся о нечистотѣ и блужденіи и студоложествіи, яже содѣяша* (2 Кор. xii, 21). Покаявшійся послѣ грѣха достойнъ не скорби, а убаженія, какъ вступившій въ ликъ праведниковъ. *Глаголи ты* (говоритъ пророкъ) *беззаконія твоя прежде, да оправдишиися* (Ис. xlii, 26). А кто послѣ грѣха не стыдится, тотъ достойнъ сожалѣнія не столько потому, что онъ палъ, сколько потому, что упавши лежить.

- 91 3. Если же не каяться въ грѣхахъ тяжело, то гордиться грѣхами какого достойно наказанія? Если превозносящійся своими добродѣтелями нечистъ, то превозносящійся своими пороками какое получить прощеніе? Таковъ былъ кровосмѣсникъ,—такъ душа его загрубѣла и ожесточилась во грѣхѣ; потому (апостолъ) нашель необходимымъ напередъ низложить его гордость, и обличаетъ его не прежде всѣхъ, чтобы онъ не сдѣлался еще болѣе безстыднымъ, какъ обличаемый прежде другихъ, и не послѣ всѣхъ, чтобы онъ не сталъ считать (своего преступленія) маловажнымъ, но, предварительно внушивъ ему большой страхъ вразумленіемъ другихъ и потрясши душу его обличеніемъ, направленнымъ противъ другихъ, потомъ уже обращается къ нему. Эти самыя слова: *ничегоже въ себѣ съѣмъ, но ни о семъ оправдаюся*. также: *востязуй мя Господь есть, иже и освѣтитъ тайныя тмы и объявитъ соетны сердечныя*,—сказаны не случайно, а касаются его же и его сообщниковъ, которые унижали святыхъ. Что изъ того, говорить, если нѣкоторые по внѣшности кажутся добродѣтельными и удивительными? Не по внѣшности только судить этотъ Судія, но обнаруживаетъ и сокровенное. Такимъ образомъ по двумъ или, лучше, по тремъ причинамъ, судъ нашъ не бы-

васть правымъ: во-первыхъ, потому, что, хотя бы мы ничего не знали за собою, мы однакожъ повинны предъ судомъ обличающаго наши грѣхи съ точностію; во-вторыхъ, потому, что большая часть дѣлъ остается для насъ неоткрытою и неизвѣстною; въ-третьихъ, потому, что многія изъ дѣйствій другихъ кажутся намъ добрыми, но совершаются не съ добрымъ намѣреніемъ. Для чего вы говорите, что такой-то и такой-то не сдѣлали никакого грѣха, или такой-то лучше такого-то? Этого нельзя сказать даже и о томъ, кто ничего не знаетъ за собою; Кто видитъ сокровенное, Тотъ только произносить судъ правый. Вотъ и я *ничего не знаю о себѣ, но ни о семъ оправдаюсь*, т. е. не свободенъ отъ вины и осужденія. Не говорить: я не въ числѣ праведниковъ, но: я нечистъ отъ грѣха. И въ другомъ мѣстѣ говорить: *умершій оправдился отъ грѣха*, т. е. освободился (Рим. vi, 7). Мы совершаемъ много и добрыхъ дѣлъ, но не съ добрымъ намѣреніемъ. Такъ мы многихъ хвалимъ, но не для того, чтобы показать ихъ совершенства, а для того, чтобы чрезъ нихъ унижить другихъ. Дѣло само по себѣ доброе,—потому что хвалится человѣкъ добродѣтельный; но намѣреніе дурное,—потому что происходитъ отъ сатанинскаго расположенія; не изъ сорадованія брату, но изъ желанія повредить другому часто дѣлають это. Еще: иной совершить тяжкій грѣхъ, а другой, желая погубить его, утверждаетъ, что онъ не совершилъ ничего худого, и ободряетъ согрѣшившаго, указывая на общее (свойство) природы; но часто не для того дѣлають это, чтобы простить, а съ намѣреніемъ придать болѣе безопасности. А часто обличаетъ, но не для того, чтобы вразумить и исправить, а чтобы обнаружить и осмѣять грѣхъ его. Такихъ намѣреній люди не знаютъ, а *испытая сердца* (Псал. vii, 10) знаетъ ихъ въ точности и откроетъ все это въ свое время. Потому (апостоль) и говорить: *уже освѣтитъ тайная тмы и объявитъ сокрытыя сердца*.

Если же мы и тогда, когда ничего не знаемъ за собою, не можемъ быть свободными отъ осужденія, и за самыя добрыя дѣла, 92 когда совершаемъ ихъ не съ добрымъ намѣреніемъ, подлежимъ наказанію, то представь, насколько неправы суды человѣческіе. Люди не могутъ видѣть всего; это возможно только для одного вседремлющаго Ока; людей мы можемъ обмануть, но Его—никогда. Потому не говори: мракъ и стѣны окружаютъ меня: кто видитъ меня? *Создавший наединѣ сердца наши* (Псал. cxxxix, 15) знаетъ все, потому что и *тма не помрачится отъ Него* (Псал. cxxxviii, 12). Впрочемъ, справедливо говорить грѣшникъ, что мракъ и стѣны окружаютъ его. Если бы не было мрака въ душѣ его, то онъ не *отвергъ бы страха Божія* и не предавался бы безстыдству; такъ

какъ прежде, нежели помрачится главенствующая часть (душа), грѣхъ не смѣетъ войти. Потому не говори: кто видитъ меня? Есть Тотъ, Который проникаетъ *до души же и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. iv, 12), хотя самъ ты не видишь себя, не можешь разсѣять облака и, какъ бы окруженный со всѣхъ сторонъ стѣною, не въ состояніи возарѣть на небо.

4. Мы представимъ тебѣ, какой угодно, грѣхъ, и ты увидишь, что дѣйствительно такъ бываетъ. Какъ воры и подкапыватели стѣнъ, намѣреваясь похитить что-нибудь драгоценное, исполняютъ это, погасивъ свѣтильникъ, такъ порочный помыслъ поступаетъ и съ грѣшниками. Въ насъ есть умственный свѣтильникъ, постоянно горящій. Если духъ прелюбодѣнія, устремившись съ великою силою, погаситъ свѣтъ его, то немедленно помрачаетъ и преодолеваетъ душу и тотчасъ расхищаетъ все, въ ней находящееся. Когда овладѣваетъ душею порочное пожеланіе, тогда разумное око ея, помрачившись, подобно какъ тѣлесныя очи помрачаются облакомъ и тьмою, не можетъ видѣть ничего, ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи, наконецъ, не въ состояніи противиться силѣ пожеланія, дѣлается удобопреклонною ко грѣху; предъ очами ея какъ бы воздвигается непроницаемая стѣна, которая не позволяетъ лучу правды просвѣтить разумъ ея, потому что порочныя помыслы, порождаемые пожеланіемъ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее. Тогда представляется человѣку блудница, безпрестанно появляющаяся предъ его глазами, въ его разумѣ и мысляхъ; и какъ слѣпыя, хотя бы стояли среди полудня подъ открытымъ небомъ, не могутъ видѣть свѣта, потому что закрыты глаза ихъ, такъ и онъ, хотя бы оглашали его со всѣхъ сторонъ безчисленные спасительные догматы, будучи напередъ охваченъ въ душѣ своей этою страстію, заграждаетъ слухъ свой для всѣхъ внушеній. Это хорошо знаютъ тѣ, которые испытали это. Но вамъ пусть не придется узнать это на опытъ. И не одинъ только этотъ грѣхъ, но и всякая порочная страсть производитъ тоже самое.

Обратимъ, если угодно, рѣчь нашу отъ блудницы къ деньгамъ; здѣсь мы увидимъ густой и непроницаемый мракъ. Тамъ, гдѣ бываетъ одна любовница, заключенная въ одномъ мѣстѣ, страсть не такъ сильна; а когда вездѣ представляются деньги, въ мастерскихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, въ гостиницахъ, въ богатыхъ домахъ, тогда страсть дѣйствуетъ сильно. Когда больной этою страстію видитъ дѣтей, гуляющихъ на торжищѣ, лошадей, украшенныхъ золотомъ, людей, одѣтыхъ въ драгоценныя одежды, тогда въ душѣ его разливается великій мракъ. Но что говорить о домахъ и мастерскихъ? Такіе люди, я

думая, когда увидать богатство, изображенное на картинѣ, и тогда возмущаются, досаждутъ и бѣснуются: такъ мракъ вездѣ окружаетъ ихъ! Если они обратятъ взоръ на изображеніе царя, то не удивляются ни красотѣ камней, ни золотой и пурпуровой одеждѣ, а мучатся страстію; и какъ несчастный любовникъ, увидѣвъ изображеніе любимой женщины, не можетъ оторваться отъ бездушнѣйшей картины, такъ и они, видя бездушное изображеніе богатства, страдаютъ такъ же, и еще тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣйшей преданнѣйшей страсти; имъ остается или сидѣть дома, или, вышедши на торжище, получать тысячи ранъ и съ ними возвращаться домой, потому что слишкомъ много предметовъ, поражающихъ ихъ глаза. Какъ тотъ не видитъ ничего другого, кромѣ женщины, такъ и они не видятъ на пути ни бѣдныхъ, ни всего другого, отъ чего могли бы получить утѣшеніе, а устремляютъ глаза только на богатыхъ и, взирая на нихъ, собираютъ великій и сильный огонь въ свою душу. Подлинно, это—огонь, жестоко пожидающій подвергшагося ему; и если бы не было ни геенны, ни будущаго наказанія, то въ самой настоящей жизни было бы наказаніемъ—постоянно страдать и не видѣть конца своимъ страданіямъ. Одно это могло бы удерживать отъ такой болѣзни; но нѣтъ ничего хуже безумной страсти, которая заставляетъ прилѣпляться даже къ вещамъ, приносящимъ одну горечь и никакой пользы. Потому увѣщаю васъ истреблять страсть въ самомъ ея началѣ. Какъ приключившаяся горячка вначалѣ не слишкомъ возбуждаетъ въ больныхъ жажду, а когда огонь ея возрастетъ и усилится, тогда производитъ неутолимую жажду, и если кто подастъ имъ питья, то не утоляетъ, но еще болѣе усиливаетъ пламень,—такъ бываетъ и съ этою страстію: если вначалѣ, когда она вторгается въ нашу душу, мы не остановимъ ее и не закроемъ двери, то вошедши она причиняетъ неисцѣлимую болѣзнь въ принявшихъ ее. Все вѣдь, и доброе и злое, тѣмъ долѣе остается въ насъ, тѣмъ становится сильнѣе.

5. Тоже можно видѣть и во всемъ другомъ. Дерево, недавно посаженное въ землю, исторгается легко, а укоренившееся въ теченіе долгаго времени—не легко, но съ великимъ трудомъ; зданіе, недавно построенное, легко разрушается, если кто станетъ разрушать его, а долго стоявшее представляетъ много затрудненій для желающихъ разрушить его; и звѣрь, долго обитавшій въ какомъ-нибудь мѣстѣ, не легко выгоняется оттуда. Потому увѣщаю тѣхъ, которыми еще не овладѣла страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться отъ ней; а тѣмъ, въ которыхъ она поселилась и произвела вредъ, обещаю надежду совершеннаго исцѣленія бла-

годатию Божією, если они захотятъ принять врачеваніе. Если они представляютъ себѣ людей, впавшихъ въ болѣзнь страсти, и потомъ освободившихся отъ нея, то получаютъ добрую надежду на исцѣлѣніе отъ болѣзни. Кто же впадалъ въ эту болѣзнь и скоро освобождался отъ ней? Закхей (упоминаемый въ Евангеліи). Кто болѣе мытаря пристрастенъ къ деньгамъ? Но онъ внезапно сдѣлался любомудрымъ и погасилъ въ себѣ весь огонь (страсти) (Лук. xix, 8). Также апостоль Матеей: и онъ былъ мытарь и постоянно проводилъ жизнь въ дѣлахъ корыстолюбія; но внезапно оставилъ это пагубное занятіе, истребилъ въ себѣ жажду (корысти) и обратился къ стяжанію духовному (Мѣ. ix, 9). Представляя ихъ и подобныхъ имъ людей, не предавайся отчаянію.

94 Если захочешь, то и ты можешь скоро исцѣлиться. Если угодно, мы по примѣру врачей предпишемъ тебѣ и подробныя правила, какъ поступать. Прежде всего надобно не падать духомъ и не отчаиваться въ своемъ спасеніи; потомъ — взирать не на одни только примѣры людей исправившихся, но и погибшихъ отъ страстей. Вспоминая о Закхѣѣ и Матееѣ, надобно представлять и Іуду, и Пезія, и Ахара, и Ахаава, и Ананію, и Сапфиру, чтобы примѣрами первыхъ предохранить себя отъ отчаянія, а примѣрами послѣднихъ истребить въ себѣ нерадѣніе и не допустить душу — оставаться невнимательною къ предлагаемымъ увѣщаніямъ, но расположить себя — говорить тоже, что говорили приступившіе къ Петру іудеи: что сотворимъ, да спасемся (Дѣян. ii, 37), и услышать, что нужно дѣлать. Что же нужно дѣлать? Нужно знать, что вещи ничтожны, что богатство есть бѣглый и неблагодарный рабъ, что оно подвергается безчисленнымъ бѣдствіямъ владѣющихъ имъ, и тому подобныя истины постоянно повторять себѣ. Какъ врачи, для утѣшенія больныхъ, требующихъ себѣ холоднаго питья, увѣряютъ ихъ, что оно будетъ подано, упоминаютъ объ источникѣ, о сосудѣ, о потребномъ для того времени и о многомъ другомъ; — потому что если отказать вдругъ, то они могутъ придти въ гнѣвъ и бѣшенство, — такъ будемъ поступать и мы съ корыстолюбцами. Если они скажутъ: мы хотимъ обогатиться; — не будемъ тотчасъ же говорить, что богатство есть зло, но согласимся и скажемъ, что и мы желаемъ имъ того же, но желаемъ въ надлежащее время, — богатства истиннаго, доставляющаго радости вѣчныя, собираемаго для нихъ самихъ, а не для другихъ и часто для враговъ; обратимъ ихъ вниманіе на правила любомудрія и скажемъ, что мы запрещаемъ не обогащаться, но обогащаться дурными способами; можно обогащаться, но безъ корыстолюбія, безъ грабительства и насилія, безъ худой молвы. Располагая ихъ къ себѣ такими сло-

нами, не будемъ еще говорить имъ о гееннѣ, потому что больной сначала не можетъ переносить этихъ напоминаній; а будемъ въ разсужденіяхъ своихъ касаться болѣе предметовъ настоящихъ и говорить: для чего ты хочешь обогащаться несправедливо? Для того ли, чтобы другія собрать золото и серебро, а себя—безчисленныя укоризны и проклятія? Для того ли, чтобы ограбленный тобою терзался и мучился, имѣя нужду въ необходимомъ, вездѣ порицалъ тебя и при наступленіи ночи ходилъ по площадямъ и всѣмъ переулкамъ, недоумѣвая и не зная, какъ провести ночь? И можетъ ли онъ спать, когда терпитъ безпокойство отъ желудка, мучится безсонницей, терзается голодомъ, страдаетъ часто отъ холода и дождя? Ты, вымывшись въ банѣ, облакаешься въ мягкія одежды и возвращаешься съ радостію и веселіемъ, поспѣвая къ приготовленному роскошному ужину; а онъ, непрестанно гонимый холодомъ и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшею головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покоящемуся о необходимой пищѣ, а часто и отходить, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда воляжешься на ложѣ, когда въ домѣ твоёмъ будетъ устроено блистательное освѣщеніе и приготовлена роскошная трапеза, вспомни объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ, который подобно псамъ ходитъ по переулкамъ во мракѣ и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не къ женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно псамъ, лающимъ всю ночь. Ты, если увидишь одну малую каплю, упавшую съ кровли, то поднимаешь весь домъ, гоняешь слугъ, приводишь все въ движеніе; а онъ, лежа въ рубищѣ на сѣнѣ и въ грязи, переноситъ страшный холодъ.

6. Какой звѣрь не будетъ пораженъ этими обстоятельствами? Кто такъ жестокъ и безчеловѣченъ, что и при этомъ не преклонится на милость? Но есть люди, дошедшіе до такой жестокости, что говорятъ: они страдаютъ достойно. Въмѣсто того, чтобы жалѣть, плакать и облегчать несчастія, они безжалостно и безчеловѣчно обвиняютъ ихъ же самихъ. Хотѣлъ бы я спросить: почему они, скажи мнѣ, страдаютъ достойно? Потому ли, что хотятъ ѣсть, а не голодать? Нѣтъ, скажешь, но потому, что они проводятъ жизнь въ праздности. А ты развѣ не проводишь времени въ праздности и забавахъ? Или часто не предаешься такой дѣятельности, которая хуже всякаго бездѣйствія, занимаясь грабительствомъ, насиліемъ и любостыжаніемъ? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой же праздности, потому что такая праздность гораздо лучше любостыжанія. Между тѣмъ ты нападаешь на чужія несчастія; не только проводишь время въ праздности,

не только предаешься дѣятельности, которая хуже бездѣйствія, но еще обвиняешь несчастныхъ. Будемъ же разсказывать имъ о чужихъ несчастіяхъ, о преждевременныхъ сиротствахъ, о заключенныхъ въ темницахъ, обижаемыхъ въ судилищахъ, о подвергающихъ опасности жизнь свою, о неожиданномъ вдовствѣ женъ и внезапной нищетѣ богачей, и этими страшными событіями трогать ихъ душу. Разсказами о другихъ мы внушимъ имъ бояться того же и за себя. Когда они услышатъ, что сынъ такого-то корыстолюбца и грабителя и жена такого-то, сдѣлавшаго множество несправедливостей, по смерти его, потерпѣли тысячи бѣдствій, потому что обиженные имъ приступили къ женѣ и дѣтямъ и сдѣлали со всѣхъ сторонъ общее нападеніе на домъ его, тогда всякій изъ нихъ, хотя бы былъ самый нечувствительный, ожидая и себѣ такихъ же бѣдствій, опасаясь того же и за своихъ домашнихъ, сдѣлается благоразумнѣе. Жизнь наша исполнена 96 подобныхъ случаевъ, и у насъ не будетъ недостатка въ способахъ такого вразумленія. Впрочемъ, сообщая все это, будемъ говорить не въ видѣ увѣщанія или совѣта, чтобы слова наши не показались непріятными, но въ видѣ разсказа; отъ другихъ предметовъ всегда будемъ склонять нашъ разговоръ также къ этому предмету и, какъ можно, чаще предлагать такіе разсказы, не позволяя останавливаться ни на чемъ, кромѣ слѣдующаго: какъ домъ такого-то, бывшій прежде богатымъ и знатымъ, палъ; какъ онъ запустилъ до того, что все, бывшее въ немъ, перешло въ руки другихъ; сколько судебныхъ слѣдствій, сколько дѣлъ ежедневно открывается по его имуществу; сколько рабовъ его одни сдѣлались нищими, другіе умерли въ темницѣ. Все это будемъ разсказывать, выражая сожалѣніе о покойникѣ и свое презрѣніе къ благамъ настоящимъ, чтобы и страхомъ и сожалѣніемъ поразить жестокую душу ихъ. Когда же увидимъ, что они тронуты этими разсказами, тогда наконецъ будемъ говорить съ ними и о гееннѣ; впрочемъ не какъ бы желая устрашить ихъ, но выражая сожалѣніе о другихъ, скажемъ: что говорить о настоящемъ?— жизнь наша здѣсь не оканчивается; въ будущемъ постигнетъ такихъ людей еще жесточайшее наказаніе, рѣка огненная, червь ядовитый, мракъ нескончаемый, мученія вѣчныя. Вразумляя ихъ такими разсказами, мы исправимъ и ихъ и себя самихъ, скоро исцѣлимъ ихъ отъ болѣзни и сами заслужимъ въ день будущаго суда похвалу отъ Бога, какъ говоритъ Павелъ: *и тогда похвала будетъ каждому отъ Бога* (1 Кор. iv, 5). Похвала отъ людей ненадежна и часто происходитъ не изъ добраго намѣренія; а похвала отъ Бога остается навсегда и сіяетъ свѣтло, потому что когда воедаетъ похвалу вѣдущій все прежде исполненія и не-

причастный никакой страсти, тогда добродѣтель обнаруживается съ несомнѣнностію. Зная это, будемъ поступать такъ, чтобы намъ заслужить похвалу отъ Бога и получить величайшія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Ся же, братіе, преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовати (1 Кор. iv, 6).

1. Пока нужно было употреблять рѣчь обличительную, (апостоль) говорилъ прикровенно и бесѣдовалъ съ коринейанами такъ, какъ будто бы дѣло касалось его самого,—чтобы осуждающіе, представляя достоинство лицъ осуждаемыхъ, не могли отъ обличеній придти въ гнѣвъ; а когда нужно было смягчить укоризну, тогда онъ оставляетъ переносную рѣчь и, разоблачивъ прикровенное, показываетъ лица, скрывавшіяся подъ именами Павла и Аполлоса. Потому и говоритъ: *сія же, братіе, преобразихъ на себе и Аполлоса*. Какъ поступаютъ съ больными, когда напр. больное дитя упрямится и не хочетъ принимать лѣкарствъ, предлагаемыхъ врачами, тогда ухаживающіе за нимъ приглашаютъ отца или наставника и просятъ ихъ взять изъ рукъ врача лѣкарство и поднести къ дитяти, чтобы оно изъ страха къ нимъ приняло и успокоилось,—такъ и Павелъ, обличая коринейанъ за другихъ, какъ осуждаемыхъ, такъ и чрезмѣрно превозносимыхъ, не открылъ самыхъ лицъ ихъ, но употребилъ въ рѣчи имя свое и Аполлосово, чтобы изъ уваженія къ этимъ именамъ они приняли врачеваніе; а когда приняли, тогда наконецъ и открылъ, о комъ идетъ рѣчь. Это—не притворство, а снисхожденіе и предусмотрительность. Если бы онъ прямо сказалъ: вы осуждаете святыхъ и достопочтенныхъ мужей, то они оскорбились бы и не стали бы слушать; а теперь, когда онъ сказалъ: *мы же не велико есть, да отъ васъ истязуся*, и еще: *кто есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ?* то они скорѣе могли принять внушеніе. Потому онъ и сказалъ: *сія же преобразихъ на себе васъ ради, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовати*, выражая этимъ, что если бы онъ прямо сталъ говорить о тѣхъ мужахъ, то они не научились бы тому, чему слѣдовало научиться, и не приняли бы вразумленія, оскорбившись сказаннымъ. А теперь, изъ уваженія къ Павлу и

его спутнику, они скоро приняли обличеніе. Что значить: *не паче написанныхъ мудрствовать?* Въ Писаніи сказано: *что видиши суща, иже во оцѣ брата твоего, берзга же, еже есть во оцѣ твоємъ, не чуеши?* И еще: *не судите, да не судими будете* (Мѣ. vii, 8, 1). Если мы соединены между собою и составляемъ одно, то мы не должны возставать другъ противъ друга. Также сказано: *смирѣяйся вознесетъся* (Мѣ. xxi, 12); и еще: *иже аще хощетъ первый изъ всѣхъ быти, да будетъ всѣмъ слуга* (Марк. x, 43, 44). Вотъ что написано! *Да не единъ по единому гордитесь на другаго.* Здѣсь онъ, оставивъ учителей, опять обличаетъ учениковъ, потому что послѣдніе превозносили первыхъ. Притомъ учителя не скоро приняли бы такое внушеніе, потому что искали внѣшней славы и были ослѣплены этою страстію; а ученики, не получая славы, но воздавая ее другимъ, скорѣе могли принять вразумленіе и были способнѣе своихъ начальниковъ исцѣлиться отъ болѣзни. Дѣйствительно, и это—отъ гордости, когда кто, не имѣя ничего у себя, превозносится другимъ. Какъ превозносящійся чужимъ богатствомъ дѣлается это отъ гордости, такъ и превозносящійся чужею славою. Потому справедливо (апостолъ) называетъ это *гордостію*.

Когда въ тѣлѣ одинъ членъ дѣлается выше другихъ, то это не что иное, какъ болѣзненная опухоль, такъ какъ одинъ членъ не иначе можетъ подняться выше другого, какъ отъ воспаленія. Такъ и въ тѣлѣ Церкви кто гордится и превозносится, тотъ находится въ болѣзненномъ состояніи, потому что онъ поднимается выше общаго соразмѣрнаго положенія, и слѣдовательно подвергается болѣзненной опухоли. Въ тѣлѣ это бываетъ тогда, когда накапливается какая-нибудь излишняя и вредная влага вмѣсто обыкновенныхъ питательныхъ соковъ. Такъ и въ душѣ рождается гордость, когда въ насъ входятъ чуждые помыслы. Видишь, какъ точно онъ выразился, сказавъ: *не гордишься*. Гордость есть какъ бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочемъ, говоря это, онъ не запрещаетъ оказывать почтеніе, но осуждаетъ почтеніе, соединенное со вредомъ. Ты хочешь оказать почтеніе такому-то? Не препятствую; но только бы безъ вреда другому. Не для того намъ даны учителя, чтобы мы возставали другъ противъ друга, но чтобы всѣ соединялись другъ съ другомъ. Военачальникъ поставляется надъ войскомъ для того, чтобы изъ отдѣльныхъ членовъ составить одно тѣло; если же онъ станетъ производить въ войскѣ раздѣленіе, то онъ болѣе врагъ, нежели военачальникъ. *Кто бо тя разсуждаетъ? Что бо имаша, егжеже нѣси прѣялъ* (ст. 7)? Здѣсь, оставивъ подчиненныхъ, онъ обращается къ начальникамъ. А

смыслъ словъ его слѣдующій: откуда извѣстно, что ты достоинъ похвалы? Развѣ былъ судъ? Развѣ произведено испытаніе, изслѣдованіе, точное дознаніе? Ты не можешь сказать этого. Если же люди такъ разсудили, то судъ не вѣренъ. Положимъ даже, что ты достоинъ похвалы, что ты дѣйствительно имѣешь дарованія и судъ человѣческій не ложенъ; и тогда тебѣ не слѣдуетъ высокоумствоваться. Ты ничего не имѣешь отъ себя, но все получилъ отъ Бога. Почему представляешь себя имѣющимъ то, чего не имѣешь? А что ты имѣешь, то же имѣютъ и другіе съ тобою. 98 Слѣдовательно, ты получилъ не только то или другое, но все, что имѣешь.

2. Достоинства твои не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру,—она отъ призванія; укажешь ли на отпущеніе грѣховъ, на дарованія, на способность учительства, на добродѣтели,—все ты получилъ отсюда. Что же, скажи мнѣ, ты имѣешь такого, чего бы не получилъ, а достигъ самъ собою? Не можешь указать ни на что. Ты получилъ, и потому превозносишься? Поэтому слѣдовало бы смиряться, такъ какъ данное принадлежитъ не тебѣ, но давшему. Если ты получилъ, то получилъ отъ Него; если получилъ отъ Него, то получилъ не свое; если получилъ не свое, то почему превозносишься, какъ бы имѣя все отъ себя самого? Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не приѣмъ* (ст. 7)? Такимъ образомъ послѣдовательно доказавъ свою мысль, онъ далѣе показываетъ, что еще многого недостаетъ имъ, и говорить: если бы даже вы получили все, и тогда никакъ не слѣдовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многого не имѣете. И въ началѣ онъ намекалъ на это, когда говорилъ: *не могомъ вамъ глаголати, яко духовнымъ* (III, 1), и еще: *не судихъ еднѣмъ, что отъ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (II, 2); а здѣсь съ укоризною внушаетъ имъ это и говорить: *се съи есте, уже обогатистеся* (ст. 8), т. е. ни въ чемъ болѣе не нуждаетесь, сдѣлались совершенными, достигли самой вершины, почитаете себя не требующими ничьего содѣйствія—ни апостоловъ, ни учителей. *Уже съи есте.* Не напрасно онъ употребляетъ слово: *уже*, но самымъ временемъ доказываетъ, какъ неосновательно и безразсудно ихъ мнѣніе. Онъ иронически говоритъ имъ: такъ скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство—въ будущемъ; довольствоваться малымъ, это—знакъ слабой души; при маломъ считать себя богатымъ свойственно душѣ болѣзненной и жалкой; благочестіе ненасытимо; при начаткахъ считать себя получившимъ все и только еще въ началѣ дѣла—достигшимъ конца свойственно дѣтскому

разсудку. Послѣдующими словами онъ укоряетъ ихъ еще болѣе. Именно, сказавъ: *уже сыти есте*, продолжаетъ: *уже обогатистесь, безъ насъ воцаристесь: и о дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали* (ст. 8)! Эти слова исполнены великой укоризны. Потому онъ и привелъ ихъ въ заключеніе послѣ многихъ обличеній. Вразумленіе тогда болѣе уважается и скорѣе принимается, когда послѣ обличеній приводятся укоризны. Это можетъ тронуть самую безстыдную душу и поразить ее больше прямого обличенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить происходящую отъ обличенія скорбь и досаду. Слова укоризны заключаютъ въ себѣ то удивительное свойство, что они производятъ вдругъ два противоположныхъ дѣйствія: наносятъ ударъ тяжелѣе прямого обличенія и располагаютъ обличаемаго, не смотря на тягчайшее пораженіе, къ большому терпѣнію. *Безъ насъ воцаристесь*. Сильная укоризна и учителямъ и ученикамъ! Здѣсь показывается и безстыдство 99 ихъ и великое безуміе. Смыслъ словъ его слѣдующій: въ трудахъ у насъ съ вами все общее, а къ наградамъ и вѣнцамъ вы— первые. Впрочемъ, говорить, я не скорблю объ этомъ; потому и присовокупляетъ: *и о дабы воцарилися есте!* А чтобы и эти слова не показались ироніею, продолжаетъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали*. Тогда, говорить, и мы получили бы эти блага. Видишь ли, какъ онъ въ одно и то же время выражаетъ и укоризну, и попеченіе, и любуудріе? Посмотри, какъ онъ низлагаетъ и гордость ихъ послѣдующими словами: *мню бо, яко Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники* (ст. 9). Опять великое обличеніе и укоризна заключаются въ словѣ: *ны*. Но онъ не остановился на этомъ словѣ, а указалъ и на свое достоинство, чтобы сильнѣе вразумить ихъ; *ны*, говорить, *посланники* (ἀποστόλοις). Тѣхъ, которые претерпѣли множество бѣдствій, посѣяли проповѣдь благочестія, обратили васъ къ такому любуудрію, тѣхъ *Богъ послѣднія яви, яко насмертники*, т. е. какъбы осужденными на смерть. Сказавъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали*, онъ смятилъ силу рѣчи; но, чтобы не сдѣлать имъ послабленія, опять продолжаетъ рѣчь еще болѣе укоризненную и говорить: *мню бо, яко Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники*. Я вижу, говорить, и изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что мы всѣхъ презрѣннѣе и осуждены терпѣть постоянныя бѣдствія; а вы уже мечтаете о царствіи, о почестяхъ и наградахъ. Желая еще болѣе показать нелѣпость такого мнѣнія и обличить крайнюю его неосновательность, не сказалъ просто: мы стали послѣдними, но: *Богъ ны послѣднія яви*. Не остановился и на словѣ: *послѣднія*, а присовокупилъ: *насмертники*, чтобы и самый неразумный могъ видѣть, какъ неосновательна мысль, заключаю-

шаяся въ этихъ словахъ, какъ онъ огорчается ими и сильно укоряетъ ихъ.

3. Посмотри на мудрость Павла. Чѣмъ онъ при настоящемъ случаѣ выражаетъ свое превосходство, важность и величіе, тѣмъ самымъ обличаетъ ихъ, называя себя осужденнымъ на смерть. Вотъ что значитъ дѣлать все въ надлежащее время! Выраженіе—*на смертнѣ* означаетъ здѣсь осужденныхъ на смерть и достойныхъ всякаго рода смерти. *Зане позоръ быхомъ міру и ангеломъ и челоукомъ* (ст. 9). Что значитъ: *позоръ быхомъ міру*? Не въ какомъ-нибудь углу, говорить, и не въ малой части вселенной мы подвергаемся этому, но вездѣ и при всѣхъ. А что значитъ: *и ангеломъ*? Иначе сказать: можно быть зрѣлищемъ для людей, но не для ангеловъ, когда совершаемое маловажно; а напи, говорить, подвиги таковы, что они достойны быть зрѣлищемъ и для ангеловъ. Смотри: чѣмъ повидимому онъ унижаетъ себя, тѣмъ же болѣе возвышаетъ; и чѣмъ они превозносились, тѣмъ же и доказываетъ ихъ ничтожество. Быть безумнымъ казалось хуже, нежели быть мудрымъ, также быть немоцнымъ—нежели быть крѣпкимъ, быть безчестнымъ—нежели быть славнымъ и знаменитымъ; и однако послѣднее онъ приписываетъ имъ, а первое усвоаетъ себѣ, и тѣмъ доказываетъ, что первое лучше послѣдняго, потому что обращаетъ на себя взоры не только людей, но и сонмы ангеловъ. *Яко нѣсть наша брань съ челоуками только, но съ безплотными силами* (Еф. vi, 12); потому и смотреть на насъ великое множество зрителей. *Мы убо бже Христа ради, вы же мудры о Христѣ* (ст. 10). Этими словами онъ опять укоряетъ ихъ и показываетъ, что столь противоположнымъ качествамъ невозможно соединиться въ одно и столь различнымъ предметамъ невозможно быть вмѣстѣ. Какъ можно, говорить, чтобы вы были мудры, а мы безумны въ Христовыхъ дѣлахъ? Мы подвергаемся бленію, презрѣнію, безчестію, и почитаемся ни за что, а вы пользуетесь честію и отъ многихъ почитаетесь разумными и мудрыми; но возможно ли, чтобы проповѣдующіе одинаковое ученіе имѣли противоположныя качества? *Мы немоцни, вы же крѣпцы*, т. е., насъ гонять, преслѣдуютъ, а вы наслаждаетесь спокойствіемъ и великимъ уваженіемъ: но это несообразно съ сущностію проповѣди. *Вы славы, мы же безчестни*. Здѣсь онъ обращается къ богороднымъ и превозносившимся внѣшними достоинствами. *До нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и трудимся дѣлающе своими руками* (ст. 11, 12), т. е. я говорю не о давно бывшихъ обстоятельствахъ, но о происходящемъ съ нами въ настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещахъ челоуческихъ и о внѣшней славѣ, но обра-

щаемъ наши взоры только къ Богу. Точно такъ надобно всегда поступать и намъ, потому что не ангелы только взирають на насъ, но еще прежде нихъ самъ Заповѣдавшій намъ подвиги. Потому мы не имѣемъ нужды въ постороннихъ похвалахъ. Не довольствоваться Его вниманіемъ, а обращаться за похвалами къ подобнымъ намъ рабамъ, это значить оскорблять Его. Какъ борцы, дѣйствующіе на маломъ зрѣлищѣ, ищутъ большаго, считая первое недостаточнымъ для своего отличія, такъ и подвижащіеся въ очахъ Божіихъ, а потомъ ищущіе славы отъ людей, оставляя большее, домогаются меньшаго, и тѣмъ навлекають на себя великое наказаніе. Оттого и низзратилось все, оттого и произошло смятеніе во всей вселенной, что мы все дѣлаемъ, взирая на людей; въ дѣлахъ добрыхъ считаемъ ни за что благоволеніе Божіе, но ищемъ одобренія отъ подобныхъ намъ рабовъ, и въ дѣлахъ злыхъ также не смотримъ на Него, но боимся людей. Между тѣмъ люди вмѣстѣ съ нами предстанутъ на судъ и нисколько не помогутъ намъ; а Богъ, на котораго мы теперь не обращаемъ вниманія, произнесетъ Свой приговоръ надъ нами. Мы знаемъ это, и однако не перестаемъ искать вниманія людей: вотъ нашъ главный грѣхъ! Предъ очами человѣческими никто не рѣшится прелюбодѣйствовать, но, какъ бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побѣждается стыдомъ человѣческимъ; а предъ очами Божіими не только совершаютъ блудъ и прелюбодѣяніе, но дерзали и дерзають и на другіе грѣхи еще болѣе тяжкіе. Это уже одно развѣ не способно низвести на насъ громы небесные? Но что я говорю о блудѣ и прелюбодѣяніи? Грѣхи гораздо болѣе легкіе дѣлать предъ людьми стыдимся, а предъ Богомъ—нѣтъ. Оттого и произошло все зло, что въ дѣлахъ злыхъ мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избѣгаемъ дѣлъ добрыхъ, которыя не кажутся таковыми людямъ, что взираемъ не на сущность вещей, но на мнѣнія другихъ.

4. Точно также мы поступаемъ касательно злыхъ дѣлъ: не
 101 хорошее и не доброе само въ себѣ, но кажущееся такимъ для людей, мы по привычкѣ своей стараемся получить, какъ доброе, и такимъ образомъ совершенно развращаемся. Можетъ быть, эти слова многимъ представляются неясными; потому необходимо пояснить ихъ. Когда мы совершаемъ прелюбодѣяніе,—начнемъ съ того, о чемъ уже было упомянуто,—тогда боимся больше людей, нежели Бога. Имъ мы подчиняемъ себя; ихъ дѣлаемъ нашими владыками; и многого такого, что этимъ владыкамъ кажется худымъ, на самомъ дѣлѣ и не худо, мы избѣгаемъ по той же причинѣ. Такъ, напр., жить въ бѣдности—многимъ кажется постыднымъ, и мы избѣгаемъ бѣдности, не потому, что она по-

стыдна, и не потому, что мы убѣждены въ этомъ, но потому, что владыкамъ нашимъ она кажется постыдною и мы боимся ихъ. Еще, подвергаться безчестію и презрѣнію и не имѣть никакой власти—многимъ также кажется весьма постыднымъ и жалкимъ. Этого мы также избѣгаемъ, не вникая въ дѣло, а слѣдуя мнѣнію нашихъ владыкъ. И касательно противоположныхъ предметовъ мы поступаемъ съ такимъ же для себя вредомъ. Быть богатымъ, знатымъ, славнымъ и знаменитымъ кажется благомъ, и мы домогаемся этого, опять также не вникая въ сущность предметовъ, дѣйствительно ли хороши они, но повинуваясь мнѣнію нашихъ владыкъ. Народъ—нашъ владыка; толпа—нашъ строгій господинъ и жестокій тиранъ. Даже не нужно ему приказывать, чтобы мы слушались его; для насъ довольно только знать, чего онъ хочетъ, и мы повинуемся безъ его приказанія: такъ мы преданы ему! Богъ ежедневно угрожаетъ и вразумляетъ,—и Его не слушаютъ; а беспорядочная и грубая толпа не имѣетъ нужды даже приказывать, довольно лишь сказать, что ей нравится,—и мы тотчасъ во всемъ повинемся. Какъ же, скажешь, избавиться отъ этихъ владыкъ? Если будешь поступать благоразуміе ихъ, если будешь вникать въ сущность вещей, если не будешь взирать на мнѣніе людей, если прежде всего приучишь себя—въ дѣлахъ дѣйствительно постыдныхъ бояться не людей, а недремлющаго Ока, и въ дѣлахъ добрыхъ ожидать вѣнцовъ также отъ Него. Такимъ образомъ и во всемъ прочемъ мы не будемъ зависть отъ людей. Кто, дѣлая добро, не считаетъ ихъ достойными судить объ его добродѣтеляхъ, но довольствуется судомъ Божиимъ, тотъ не будетъ обращать на нихъ вниманія и въ дѣлахъ противоположныхъ. Но какъ, скажешь, достигнуть этого?

Размысли, что такое человѣкъ и что такое Богъ, кого ты оставляешь и къ кому прибѣгаешь,—и ты скоро всего достигнешь. Человѣкъ вмѣстѣ съ тобою подверженъ тому же грѣху, тому же суду и наказанію: *человѣкъ суетъ уподобися* (Псал. схиц, 4), судить не вѣрно и имѣть нужду въ высшемъ руководствѣ; *человѣкъ—земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27), и когда станетъ хвалить, то часто хвалить не истинно, или изъ угожденія, или изъ ненависти, а когда станетъ обвинять или порицать, то дѣлаетъ и это по тѣмъ же побужденіямъ. Но Богъ не такъ; напротивъ, нелицепріятенъ приговоръ Его и чистъ судъ Его. Слѣдовало бы поэтому всегда прибѣгать къ Нему, и не только поэтому, но и потому, что самъ Онъ создалъ, надѣлилъ тебя больше всѣхъ и любить тебя больше, чѣмъ ты самъ себя. Для чего же мы, оставляя дивнаго Мздовоздаятеля, прибѣгаемъ къ человѣку, который есть ничто, судить невѣрно и дѣйствуетъ неправо? Называть

ли тебя кто-нибудь злымъ и порочнымъ, тогда какъ ты совершенно не таковъ? Ты лучше жалѣй о немъ, плачь о томъ, что онъ развратился, и не смотри на его сужденіе, потому что ослѣплены очи души его; и объ апостолахъ говорили то же, но они не обращали вниманія на клеветниковъ своихъ. Называетъ ли онъ тебя добрымъ и честнымъ? Если ты дѣйствительно таковъ, то не дѣлайся нерадивымъ отъ этого отзывъ; если же не таковъ, то тѣмъ болѣе не обращай вниманія и принимай это за насмѣшку. Хочешь ли знать, какъ сужденія людей неправы, бесполезны, смѣшны и похожи на сужденія бѣсноватыхъ и сьумасшедшихъ, или грудныхъ дѣтей? Послушай, что было когда-то. Скажу тебѣ о сужденіяхъ не простого народа, но людей, почтившихся мудрѣйшими, древнихъ законодателей. Кто изъ людей можетъ быть мудрѣе человѣка, признаннаго достойнымъ писать законы городамъ и народамъ? И однако эти мудрецы не считали прелюбодѣянiе дѣломъ порочнымъ и достойнымъ наказанія; ни одинъ изъ внѣшнихъ (языческихъ) законовъ не наказывалъ за это и не призывалъ виновнаго въ судилище, а если бы кто изъ-за этого сталъ призывать, то народъ осмѣялъ бы его и судья не принялъ бы. Гаданіе у нихъ также не подвергалось преслѣдованію и никто у нихъ не былъ наказываемъ за это. Пьянство и чревоугодіе не только не было порокомъ, но еще у многихъ считалось добродѣтелію; на воинскихъ пиршествахъ много состязались въ этомъ между собою, и тѣ, которымъ особенно нужно было имѣть здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ, они-то особенно и предавались пьянству, разслабляя тѣло и помрачая душу; а изъ законодателей никто не полагалъ наказаніе за это преступленіе.

5. Что можетъ быть хуже такого безумія? А ты домогаешься похвалъ отъ людей съ такими наклонностями и не скрываешься. Если бы даже всѣ они удивлялись тебѣ, и тогда не слѣдовало ли бы стыдиться и удалиться, слыша сужденія и рукоплесканія отъ людей столь развратныхъ? Также и богохульство у законодателей не считалось дѣломъ предосудительнымъ; никто изъ богохульниковъ не былъ призываемъ въ судилище и наказываемъ. Кто украдетъ одежду или отрѣжетъ карманъ, тому терзаютъ бока и часто даже наказываютъ смертію; а кто хулить Бога, тотъ не осуждается внѣшними (языческими) законодателями. Если кто совершитъ прелюбодѣянiе съ служанкою, имѣя свою жену, это считается совершенно ничтожнымъ и предъ законами и предъ людьми.

Хочешь ли слышать и о многомъ другомъ, доказывающемъ ихъ безуміе? Иного они не наказываютъ, а иное сами предписываютъ закономъ. Что же такое? Они учреждаютъ зрѣлища, приводятъ

туда толпы блудницъ и блудодѣйствующихъ мальчиковъ, оскорбляющихъ самую природу, помѣщаютъ весь народъ на мѣстахъ возвышенныхъ, и такимъ образомъ какъ бы оживляютъ городъ и прославляютъ великихъ царей, которымъ удивляются при торжествахъ и побѣдахъ. Что постыднѣе такой чести? Что непріятнѣе такого удовольствія? И отъ такихъ людей ты домогаешься похвалъ за дѣла свои? Неужели, скажи мнѣ, ты хочешь слышать похвалы наравнѣ съ плясунами, развратниками, шутами и блудницами? Не знакъ ли это крайняго безумія? Хотѣлъ бы я сказать имъ: хорошо ли — извращать законы природы и допускать беззаконныя связи? Безъ сомнѣнія они отвѣтятъ: не хорошо; и сами повидимому наказываютъ это преступленіе. Для чего же ты выводилъ на сцену людей развратныхъ, и не только выводилъ, но и награждаешь безчисленными и невыразимыми подарками? Въ другомъ мѣстѣ ты наказываешь дерзающихъ совершать эти дѣла, а здѣсь расточаешь на нихъ деньги, какъ на общихъ благодѣтелей города, и питаешь ихъ на счетъ общественныхъ суммъ. 103 Но, скажешь, они считаются безчестными. Для чего же ты воспитываешь ихъ? Для чего чрезъ безчестныхъ хочешь воздавать честь царямъ? Для чего наносишь вредъ городу? Для чего издерживаешь на нихъ такія суммы? Если они безчестны, то слѣдовало бы прогнать ихъ, какъ безчестныхъ. Чѣмъ ты обыкновенно сопровождаешь безчестіе: похвалами, или порицаніемъ? Конечно, порицаніемъ. Почему же, презирая ихъ, какъ безчестныхъ, ты бѣжишь смотрѣть на нихъ, какъ на достойныхъ чести, удивляешься имъ, восхищаешься и рукоплещешь? А что еще сказать о забавахъ на конскихъ ристалищахъ и на звѣриныхъ травляхъ? Онѣ сопровождаются всякими безчинствами, научаютъ народъ быть всегда жестокимъ, безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ, приучаютъ смотрѣть на терзаемыхъ людей, на проливаемую кровь и на буйство звѣрей, ничѣмъ не удержимое. Мудрые древніе законодатели ввели всѣ эти недуги, а граждане рукоплещутъ и удивляются. Впрочемъ, если хочешь, оставимъ эти дѣла, которыя прямо и явно безнравственны, хотя и не считались такими у языческихъ законодателей; перейдемъ къ постановленіямъ достоуважаемымъ, и увидимъ, какъ и къ нимъ примѣшались злоупотребленія по неразумію людей. Бракъ считается дѣломъ честнымъ и у насъ и у язычниковъ; и дѣйствительно онъ честенъ, по при совершеніи браковъ дѣлается много смѣшного, какъ сейчасъ услышите. Многіе, слѣдуя обычаю и жертвуя ему умомъ своимъ, даже не замѣчаютъ нелѣпости всего этого, но еще обращаются къ другимъ за наставленіями. Здѣсь бываютъ и хороводы, и кимвалы, и свирѣли, и безстыдныя рѣчи, и орамныя пѣсни, и пьянство, и

неприличныя шутки, и всякое діавольское безчинство. Знаю, что я могу показаться смѣшнымъ, порицая это, и быть принятъ людьми за безумнаго, возставая на старые обычаи, такъ какъ велика сила привычки, какъ я говорилъ и прежде; но, не смотря на то, не перестану говорить объ этомъ. Можетъ быть, и вѣроятно будетъ, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ немногіе выслушаютъ насъ, и согласятся лучше быть осмѣянными вмѣстѣ съ нами, нежели вмѣстѣ съ другими смѣяться надъ нами смѣхомъ, достойнымъ слезъ, всякаго порицанія и наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, не достойно ли крайняго осужденія, когда дѣвица, всегда пребывавшая во внутреннемъ покоѣ и научившаяся стыдливости съ дѣтскаго возраста, вдругъ принуждается оставить всякій стыдъ, въ началѣ брака научается безстыдству и выводится на средину въ кругъ людей безчестныхъ и безнравственныхъ, блудниковъ и развратниковъ? Какое зло не посѣется въ душѣ невѣсты съ того дня? Безстыдство, дерзость, неуважительность, тщеславіе; она захочетъ проводить также и всѣ будущіе дни. Оттого бывають жены небрежливныя и расточительныя; оттого въ нихъ безчисленное множество золъ. Не говори мнѣ объ обычаяхъ. Если это—дѣло порочное, то пусть оно не бываетъ и однажды; если же—доброе, то пусть будетъ постоянно. Блудъ, скажи мнѣ, не есть ли дѣло порочное? Извинимъ ли мы, если онъ будетъ совершенъ хотя однажды? Отнюдь нѣтъ. Почему? Потому что, хотя бы онъ былъ совершенъ однажды, онъ всегда порокъ. Точно такъ и веселье невѣсты, если оно порочно, не должно быть и однажды; если же не порочно, то пусть будетъ постоянно.

6. Какъ, скажешь, ты позоришь бракъ? Да не будетъ! Не бракъ я осуждаю, но зло, прившедшее къ браку, притиранія, украшенія и всѣ прочія излишества. Подлинно, многіе влюбятся въ невѣсту въ тотъ день еще прежде будущаго ея супруга. Но, скажешь, многіе будутъ и удивляться женской красотѣ ея. Чтожъ изъ этого? Если она цѣломудренна, то съ трудомъ избѣгнетъ дурного подозрѣнія; если же неблагоразумна, то скоро будетъ уловлена, по случаю безпутствъ того дня. Столько здѣсь бываетъ зла, и не смотря на то, если его не будетъ, то люди, которые не лучше животныхъ, считаютъ это позоромъ и находятъ неприличнымъ, чтобы невѣста не являлась предъ всѣми и не представляла общаго позорища для любопытныхъ. Между тѣмъ слѣдовало бы считать позорнымъ, смѣшнымъ и неприличнымъ то, что бываетъ. Знаю и теперь, что за это будутъ осуждать меня, называть неразумнымъ и смѣшнымъ; но я перенесу насмѣшки, только бы пронзошла отсюда какая-нибудь польза. Да, я былъ бы достоинъ осмѣянія, если бы, научая презирать мнѣнія людей, самъ

прежде другихъ впалъ въ болѣзнь тщеславія. А вотъ что слѣдуетъ далѣе: не только днемъ, но и вечеромъ мужчины пьянствуютъ и, одурѣвшіе и разгорячившіеся отъ пьянства, готовятъ и смотрѣть на красоту дѣвичьяго лица; и не въ домѣ только пируютъ, но выходятъ и на площади, провожая ее въ глубокою ночь съ факелами, такъ чтобы всѣ видѣли ее, и тѣмъ внушая не что иное, какъ то, что здѣсь надобно оставить всякій стыдъ. Не останавливаются и на этомъ, но ведутъ ее съ срамными рѣчами; такой обычай у многихъ обратился въ законъ. Бродяги, негодяи и развратники въ безчисленномъ множествѣ смѣло говорятъ все, что вздумаютъ, какъ ей, такъ и будущему ея супругу; здѣсь ничего не дѣлается скромно, но все съ безстыдствомъ. Какой же добрый урокъ цѣломудрія получить невѣста, видя и слыша все это? Бываетъ даже какое-то дьявольское соревнованіе приглашенныхъ—презойти другъ друга искусствомъ позорнаго и срамнаго краснорѣчія, которымъ они пристыжаютъ присутствующихъ, и тѣ изъ нихъ уходятъ побѣдителями, которые болѣе другихъ наговорили позорнаго и срамнаго. Знаю, что слова мои непріятны, тяжелы и несносны, потому что направлены какъ бы противъ пріятностей жизни; но о томъ я и жалѣю, что непріятное стало считаться чѣмъ-то пріятнымъ. Не непріятно ли, скажи мнѣ, подвергаться оскорбленію, поруганію и безчестію отъ всѣхъ вмѣстѣ съ своею невѣстою? Если кто одинъ на площади скажетъ что-нибудь худое о твоей супругѣ, ты крайне огорчаешься и считаешь жизнь не въ жизнь; а когда безчинствуешь въ присутствіи цѣлаго города вмѣстѣ съ будущею супругою, то радуешься и восхищаешься. Не безаумно ли это? Но таковъ, скажешь, обычай. Это-то особенно и достойно слезъ, что дьяволъ ввелъ такой обычай. Такъ какъ бракъ—дѣло честное, служащее къ продолженію человѣческаго рода и доставляющее много благъ, то лукавый, снѣдаясь завистію и зная, что бракъ предохраняетъ отъ прелюбодѣянія, вводитъ другимъ путемъ всякое прелюбодѣяніе. Дѣйствительно, многія дѣвы въ такихъ собраніяхъ подвергались посрамленію; если же это бываетъ не всегда, то для дьявола довольно и однихъ срамныхъ рѣчей и пѣсенъ, чтобы опозорить невѣсту и обезславить жениха среди площади. Далѣе, такъ какъ все это бываетъ вечеромъ, то, чтобы мракъ не покрывать зла, зажигаются факелы, не допускающіе скрыться безстыдству. Что значитъ это великое скопище? Что—это пьянство? 105
Что—эти свирѣли? Не очевидно ли, что они служатъ къ тому, чтобы находящіеся въ домахъ и погруженные въ глубокой сонъ узнали объ этомъ, пробудились отъ звуковъ свирѣли и, выслушавшись за перила, были свидѣтелями этой комедіи? Что сказать

о самыхъ пѣсняхъ, которыя исполнены крайней безнравственности, изображаютъ безумную любовь, беззаконныя связи, низверженія семейныхъ узъ и безчисленныя трагедіи, безпрестанно повторяютъ названія любовника и влюбленнаго, влюбленной и любовницы? А что всего хуже, и дѣвы, оставивъ всякій стыдъ, находятся при этомъ въ честь невѣсты, или лучше къ ея безчестию, и подвергаютъ опасности свое спасеніе, занимаясь среди развратныхъ юношей безчинными пѣснями, срамными рѣчами, сатанинскимъ веселіемъ. И послѣ этого ты спрашиваешь: отчего бываетъ распутство, отчего — прелюбодѣянiя, отчего — распаденыя браковы? Но, скажешь, это дѣлають не благородныя и не честныя дѣвы. Что ты смѣешься надо мною, зная самъ прежде меня этотъ обычай? Если совершаемое здѣсь хорошо, то пусть и тѣ дѣлають то же самое; а если не хорошо, то бѣдныя, потому только, что онѣ бѣдны, развѣ также не дѣвы, развѣ и имъ не слѣдуетъ хранить цѣломудріе? А нынѣ, когда дѣва пляшетъ среди общаго собранія развратныхъ юношей, не кажется ли она, скажи мнѣ, безчестнѣе блудницы? Если же скажешь, что это дѣлають служанки, то и въ такомъ случаѣ я не могу не осуждать тебя, потому что это непозволительно и имъ.

7. Все ало происходить оттого, что мы нисколько не заботимся о своихъ домашнихъ; чтобы выразить презрѣніе, довольно сказать, что онъ — рабъ, или она — служанка, хотя мы ежедневно слышимъ: *о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ* (Гал. iv, 28). Ты не оставляешь безъ своего попеченія ни коня, ни осла, но употребляешь всѣ мѣры, чтобы они не были дурными; почему же презираешь рабовъ, которые имѣють одинаковую съ тобою душу? И что я говорю о рабахъ, когда ты не заботишься и о сыновьяхъ и о дочеряхъ? Что же выходитъ? По необходимости скоро приходится испытывать скорбь, когда всѣ они ведутъ себя безпорядочно; а нервѣдко и состояніе подвергается величайшему разстройству, потому что въ толпѣ и шумѣ тратится много золота и драгоценностей. Потомъ послѣ брака, если родится дитя, опять мы видимъ тоже безуміе, видимъ множество символическихъ дѣйствій, достойныхъ смѣха. Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именемъ святого, какъ древніе дѣлали прежде всего, но засвѣтивши свѣтильники и давши имъ различныя названія, называютъ младенца именемъ того, который прогоритъ дольше всѣхъ, предполагая, что дитя оттого проживетъ долѣе. Потомъ, если съ нимъ приключится смерть (какъ часто случается), то слѣдуетъ множество смѣшныхъ дѣйствій, внушенныхъ діаволомъ, который играетъ людьми, какъ неразумными дѣтьми.

Говорить ли о перевязкахъ, о погремушкахъ, привѣшиваемыхъ къ рукѣ, о красной пряжѣ и о многомъ другомъ, доказывающемъ великое безуміе, тогда какъ не слѣдуетъ возлагать на младенца ничего другого, кромѣ спасительнаго креста? Между тѣмъ нынѣ крестъ, обратившій всю вселенную, пораившій діавола и ниспровергшій всю силу его, остается въ пренебреженіи; а ткани, пряжѣ и другимъ подобнымъ привѣскамъ вѣряется 106 безопасность младенца. Сказать ли нѣчто еще болѣе смѣшное? Никто пусть не укоряетъ насъ въ непристойности, если слово наше касается такихъ предметовъ. Кто хочетъ очистить гнилые наросты, тотъ не отказывается напередъ запачкать свои руки. Что же это такое смѣшное? Это считается пустякомъ,—о чемъ я и жалѣю,—но доказываетъ неразумность и крайнее безуміе. Женщины, кормилицы и служанки берутъ въ банѣ грязь и, обмакнувши въ нее палецъ, помазываютъ чело младенца; если кто спроситъ: что значить эта грязь, это брѣніе?—то говорятъ: она предохраняетъ отъ дурного глаза, отъ зависти и ненависти. Увы! Грязи и брѣнію приписываютъ такую способность и такую силу—разрушать всякія козни діавола! Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ? Поймете ли вы когда-нибудь, какъ діаволъ съ ранняго возраста человѣка мало-по-малу раскидываетъ свои сѣти и употребляетъ свои хитрыя уловки? Если грязь производитъ такіа дѣйствія, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигшій возмужалаго возраста и имѣющій у себя завистниковъ болѣе младенца? Почему не помазываешь грязью всего тѣла? Если она на челѣ имѣетъ такую силу, то почему бы тебѣ не намазать грязью всего себя? Смѣшное и забавное внушеніе сатаны, впрочемъ не смѣху только, но и гееннѣ подвергающее обольщаемыхъ! Если это дѣлается у язычниковъ, то нисколько не удивительно; а когда поклоняющіеся кресту, приобщающіеся неизреченныхъ таинствъ и достигшіе любомудрія держатся такихъ постыдныхъ обычаевъ, это—достойно многихъ слезъ. Богъ удостоилъ тебя духовнаго мѣра; а ты пачкаешь младенца грязью? Богъ почтилъ тебя; а ты самъ себя безчестишь? Слѣдовало бы изображать на челѣ крестъ, сообщающій непреоборимую безопасность; а ты, оставивъ его, впадаешь въ сатанинское безуміе? Если кому это кажется маловажнымъ, тотъ пусть знаетъ, что это ведетъ къ великому злу, и что Павелъ не считалъ подобныхъ предметовъ маловажными и не оставлялъ ихъ безъ вниманія. Что можетъ быть, скажи мнѣ, маловажнѣе, какъ покрывать человѣку свою голову? Однако, смотри, какое онъ оказываетъ объ этомъ попеченіе и съ какою силою обличаетъ (молящихся съ покрытою головою), выражая, между прочимъ, что они *срамяютъ главу свою*

(1 Кор. xi, 4). Ёсли же покрывающійся безчестить свою голову, то помазующій грязью не дѣлаетъ ли младенца отвратительнымъ? Какъ онъ, скажи мнѣ, подведетъ его къ рукамъ священника? Какъ священникъ удостоитъ запечатлѣть рукою чело его, которое ты помазалъ грязью? Нѣтъ, братіе, не дѣлайте этого; но съ самаго перваго возраста ограждайте дѣтей духовнымъ оружіемъ и научайте ихъ запечатлѣвать рукою чело, а прежде, нежели они будутъ въ состояніи дѣлать это своею рукою, вы сами изображайте на нихъ крестъ.

Говорить ли о другихъ сатанинскихъ предразсудкахъ при беременности и родахъ, которые поддерживаются повивальными бабками на пагубу собственной ихъ головы, о предразсудкахъ при смерти и выносѣ каждаго, о столахъ и бессмысленныхъ вопляхъ, о безумныхъ дѣйствіяхъ на гробахъ и попеченіи о надгробныхъ памятникахъ, о неблаговременномъ и смѣшномъ скопленіи плачущихъ женщинъ, о предразсудкахъ касательно дней, входовъ и выходовъ? И отъ нихъ, скажи мнѣ, ты ищешь прославленія? Не крайне ли безумно—искать славы у людей, которые такъ неправы въ своихъ мнѣніяхъ и все дѣлаютъ зря, вмѣсто того, чтобы постоянно прибѣгать къ недремлющему Оку, дѣлать и говорить все съ мыслию объ Его судѣ? Если будутъ хвалить насъ люди, то не принесутъ намъ никакой пользы; а если Ему будутъ угодны дѣла наши, то Онъ и здѣсь прославитъ насъ и въ будущій день удостоитъ неизреченныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

107 Мы буи Христа ради (необходимо опять отсюда начать слово), вы же мудри о Христѣ: мы немощни, вы же крѣпцы: вы славни, мы же безчестни (1 Кор. v, 10).

1. Выказавъ множество укоризнъ, которыя поражаютъ больше всякаго обличенія, апостолъ говоритъ здѣсь о томъ же съ свойственнымъ ему достоинствомъ. Сказавъ: *безъ насъ воцаритесь, и: Богъ ны послѣднія яви яко насмертнники*, далѣе онъ показываетъ, какимъ образомъ они дѣйствительно осуждены на смерть, и говоритъ: *мы буи, и немощни, и безчестни, и алчемо и жаждемо, и наготуемо, и страждемо, и скитаемо, и труждаемо* (ст. 11), что и было признакомъ истинныхъ учителей и апостоловъ. Но коринскіе учителя хвалились

противоположнымъ: мудростію, славою, богатствомъ, почестями. Потому, желая низложить гордость ихъ и показать, что не только не слѣдуетъ хвалиться этимъ, но еще слѣдуетъ стыдиться, онъ напередъ посмѣивается надъ ними и говоритъ: *безъ насъ воцаритесь*. Я возвѣщаю, говоритъ онъ, что настоящее время не есть время почестей и славы, которыми вы наслаждаетесь, но гоненій и скорбей, которыя мы претерпѣваемъ. Если же это несправедливо, а напротивъ настоящее время есть время воздаяній,—здѣсь онъ говоритъ проницески,—то вы, ученики, уже царствуете, какъ я вижу, а мы, учителя и апостолы, которымъ слѣдовало бы прежде всѣхъ получить награду, не только стали послѣдними предъ вами, но и насмертниками, т. е. осужденными на смерть, постоянно проводя жизнь въ безчестіи, голодѣ и опасностяхъ, претерпѣвая оскорбленія, какъ безумные, и гонимые, и подвергаясь невыносимымъ бѣдствіямъ. Говорить это для того, чтобы такими внушеніями убѣдить ихъ, что они должны подражать апостоламъ, предпочитать опасности и скорби почестямъ и славѣ, потому что проповѣдь обѣщаетъ не первое, а послѣднее. Впрочемъ говорить это не прямо, чтобы слова его не показались имъ слишкомъ тяжкими, но какъ ему прилично было, такъ и дѣлаетъ это внушеніе. Если бы онъ сталъ говорить прямо, то сказалъ бы такъ: вы заблуждаетесь и обманываетесь и далеко отстали отъ апостольскаго ученія, потому что апостолу и служителю Христову слѣдуетъ почитаться безумнымъ и проводить жизнь въ скорби и безчестіи, какъ происходитъ съ нами; а вы живете на-противъ. Но въ такомъ случаѣ слова его скорѣе показались бы имъ пристрастными, какъ заключающія похвалу апостоламъ, и произвели бы въ нихъ еще большую дерзость, какъ обличаемыхъ въ нерадѣніи, тщеславіи и невоздержаніи. Потому онъ и употребляетъ не такой образъ рѣчи, а другой, болѣе разительный, но не оскорбительный; продолжаетъ рѣчь ироническую и 109 говорить: *вы же крѣпцы и славны*. Если бы онъ не употребилъ ироніи, то сказалъ бы такъ: нельзя называться одному безумнымъ, другому мудрымъ, одному крѣпкимъ, другому немощнымъ; проповѣдь не требуетъ ни того, ни другого. Если бы позволительно было называться одному такъ, а другому иначе, то проповѣдуемое вами, быть можетъ, имѣло бы какое-нибудь основаніе; но теперь не позволительно ни почитаться мудрымъ или славнымъ, ни быть свободнымъ отъ опасностей. Если это несправедливо, то, значить, Богъ предпочелъ васъ намъ, учениковъ—учителямъ, претерпѣвшимъ безчисленные бѣдствія. Если же этого никто сказать не можетъ, то остается вамъ подражать нашему образу жизни. И пусть не подумаетъ кто-нибудь, говорить, что

я говорю только о прошедшемъ; нѣтъ, до нынѣшняго бо часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ. Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христіанъ, а не одинъ или два дня? Такъ и изъ борцевъ кто увѣнчанъ за побѣду въ одной только борьбѣ, тотъ не удостоивается вновь вѣнца, если падетъ (въ другой борьбѣ). И алчемъ, говорить противъ неводержныхъ; и страждемъ—противъ высокоумныхъ; и скитаемся—противъ покоющихся; и наготуемъ—противъ богатыхъ; и труждаемся—противъ лжеапостоловъ, которые не хотѣли ни трудиться, ни подвергаться опасностямъ, но заботились о собственныхъ выгодахъ. А мы не такъ, говорить, но при внѣшнихъ опасностяхъ еще предаемся постояннымъ трудамъ; и, что еще выше, никто не можетъ сказать, чтобы мы негодовали на это или обвиняли гонителей; напротивъ, мы воздаемъ оскорбителямъ нашимъ добромъ за зло. Вѣдь не то важно, чтобы страдать,—это общая участь всѣхъ,—но чтобы страдая не роптать и не досадовать.

2. Мы же не только не досадуемъ, говорить, но и радуемся. Доказательствомъ служить то, что дѣлающимъ зло мы воздаемъ добромъ. А что они дѣйствительно такъ поступали, послушай далѣе: *укоряемъ благословляемъ, гонимъ терпимъ, хулимъ малымъ: яко же отречи міру быхомъ* (ст. 12, 13), т. е. *буи Христа ради*, потому что кто терпитъ зло, и не мститъ и не гнѣвается, тотъ у внѣшнихъ (язычниковъ) почитается безумнымъ, безчестнымъ и слабымъ. А чтобы слова его не были слишкомъ тяжкими для нихъ, если бы онъ приписалъ свои страданія ихъ городу,—что онъ говорить? *Отречи*, говорить, не вашему городу, но *міру быхомъ*; и еще: *есмы поправимъ*, не вамъ только, но всѣмъ. Какъ, бесѣдуя о любви Христовой, онъ не упоминаетъ о землѣ, о небѣ, о всѣхъ тваряхъ, но указываетъ на крестъ, такъ и здѣсь, желая расположить ихъ къ себѣ, умалчиваетъ о знаменіяхъ и говорить о своихъ страданіяхъ за нихъ. Подобнымъ образомъ поступаемъ и мы: когда какіе-нибудь люди обижаютъ или презираютъ насъ, мы обыкновенно представляемъ имъ то, что претерпѣли за нихъ. *Всѣмъ поправимъ досель*. Въ заключеніе наноситъ сильный ударъ. *Всѣмъ*, не гонителямъ, говорить, но тѣмъ, за кого страдаемъ, т. е. и къ нимъ я питаю великую благодарность. Вотъ слова души глубоко чувствующей, впрочемъ, не огорчающейся, но желающей тронуть другихъ! Хотя онъ могъ укорить ихъ во многомъ, но вмѣсто того привѣтствовалъ. Такъ и Христосъ повелѣваетъ намъ кротко переносить обиды, чтобы и сами мы научились любуемъ и другихъ лучше вразумляли, потому что не оскорбляющій, а молчаливо переносящій обиды скорѣе достигаетъ этого. Видя затѣмъ, что нанесъ тяжкую рану, онъ тотчасъ же врачуетъ ее,

продолжая: *не срамляя васъ сія пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую* (ст. 14). Не для того, говорить, я сказываю вамъ это, чтобы пристыдить васъ. О томъ, что уже сдѣлано словами его, говорить, что онъ не дѣлалъ; или лучше—говорить, что сдѣлалъ это, но не съ худымъ и ненавистнымъ намѣреніемъ; это—прекрасный способъ врачеванія—сказавши слово, оправдывать его намѣреніемъ. А не говорить невозможно было, потому что иначе они остались бы неисправленными; и сказавши оставить рану безъ врачеванія, также было бы опасно; потому онъ послѣ обличенія оправдывается. Это не только не уничтожаетъ дѣйствія врачества, но еще глубже внѣдряетъ его, и между тѣмъ утѣляетъ всю боль раны; слышащій, что это говорится не съ огорченіемъ, но съ любовію, скорѣе принимаетъ вразумленіе. Впрочемъ, и здѣсь великое обличеніе и укоризна. Говорить не какъ учитель, не какъ апостолъ, не какъ имѣющій учениковъ,—что выражало бы достоинство,—но: *якоже чада моя возлюбленная наказую*; не просто: *чада*, но и: *возлюбленная*. Простите мнѣ, говорить; если сказано что-нибудь непріятное, то это произошло отъ любви. Не сказалъ: обличаю, но: *наказую* (вразумляю). Кто не сталъ бы слушать отца, сѣтующаго и предлагающаго полезныя совѣты? Потому сказалъ это не прежде, но когда уже нанесъ ударъ. Но, скажутъ, развѣ другіе учителя не любятъ насъ? Я не говорю этого, но они не столько любятъ. Для краткости онъ не объяснилъ этого, но указалъ на это занятіями и названіями, употребивъ слова: *пѣстунъ* и *отецъ*. *Аще бо и мнози*, говорить, *пѣстуны имате о Христѣ, но не мнози отцы* (ст. 15). Здѣсь онъ указываетъ не на достоинство свое, но на прензбытокъ любви; не укоряетъ ихъ, присовокупивъ: *о Христѣ*, но утѣшаетъ, назвавъ не льстецами, но *пѣстунами* тѣхъ, которые принимаютъ на себя заботы и труды; также выразилъ и свое попеченіе. Потому не сказалъ: не мнози учителя, но: *не отцы*. Такимъ образомъ онъ не хотѣлъ ни указывать имъ на свое достоинство, ни напоминать, какъ много они получили отъ него пользы, но согласившись, что и другіе учителя много потрудились для нихъ,—а таково свойство *пѣстуна*,—прензбытокъ любви усвояетъ себѣ, такъ какъ это свойство отца. И не говорить только, что никто такъ не любитъ ихъ, какъ онъ,—это было бы недоказательно,—но указываетъ и на самое дѣло. Какое? *О Христѣ бо Іисусъ благовѣствованіемъ азъ ѿ родихъ. О Христѣ Іисусъ*: я, говорить, не приписываю этого себѣ самому. Опять намекаетъ на тѣхъ, которые присвоили ученіе себѣ самимъ. *Печать бо*, говорить, *моего апостольства ѿ есте* (1 Кор. ix, 2); и еще: *азъ насадихъ* (ш, 6); а здѣсь: *азъ родихъ*. Не 110 сказалъ: я возвѣстилъ слово, но: *азъ родихъ*, употребивъ выраже-

ніе близкое къ природѣ, такъ какъ онъ старался объ одномъ, какъ бы выразить любовь, которую питалъ къ нимъ. Тѣ, принявъ отъ меня, воспитали васъ; а то, что вы стали вѣрующими, произошло чрезъ меня. Сказавъ имъ: *якоже чада*, и желая показать, что это не слово лести, онъ указываетъ на дѣло. *Молю же васъ. подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (ст. 16). О, какое дерзновение учителя! Какимъ вѣрнымъ онъ былъ образомъ (Христа), если и другимъ указываетъ на это! Впрочемъ, здѣсь онъ не превозноситъ себя, но показываетъ легкость добродѣтели.

3. Не говори: я не могу подражать тебѣ; ты—учитель, и великій учитель. Не такое разстояніе между мною и вами, какое между мною и Христомъ, и однако я подражалъ Ему. Когда онъ пишетъ къ ефесеямъ, то не предлагаетъ въ посредники себя самого, но прямо руководить всѣхъ ихъ къ Нему: *бывайте, говорить, подражатели Богу* (Еф. v, 1); а здѣсь, такъ какъ обращалъ рѣчь свою къ немощнымъ, представляетъ посредствующимъ себя самого. Съ другой стороны показываетъ, что и такимъ образомъ можно подражать Христу. Кто подражаетъ вѣрному образу, тотъ подражаетъ первообразу. Посмотримъ же, какъ онъ подражалъ Христу. Это подражаніе не требуетъ ни времени, ни искусства, но одного желанія. Вошедши въ мастерскую живописца, мы не въ состояніи подражать его картинѣ, хотя бы тысячу разъ смотрѣли на нее; а Христу можно подражать даже по одному слуху. Итакъ, хотите ли, я покажу вамъ картину, изобразивъ предъ вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царскихъ изображеній. Основаніе ея—не склеенныя доски и не натянутое полотно, а дѣло Божіе служить ей основаніемъ; это—душа и тѣло. Душа есть твореніе Бога, а не людей; равно также и тѣло. Вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканій, а послѣ можете и рукоплескать и подражать. Такимъ образомъ основаніемъ этой картины служить вещество общее для всѣхъ. Душа отъ души нисколько не отличается, какъ душа, но отъ желанія зависить ихъ различіе. Какъ тѣло отъ тѣла нисколько не отличается, какъ тѣло, но оно одинаково у Павла и у всѣхъ другихъ, и только подвиги дѣлаютъ одно чище другого, такъ надобно думать и о душѣ. Итакъ, представимъ картину—душу Павла. Эта картина была прежде закопѣвшая и покрытая паутинами,—ничего вѣдь нѣтъ хуже вражды противъ Бога,—но когда пришелъ Преобразующій все и увидѣлъ, что она имѣетъ такой видъ не по лѣности и нерадѣнію, а по невѣдѣнію и потому, что не имѣетъ цвѣтовъ благочестія,—онъ вѣдь имѣлъ ревность, но красокъ не имѣлъ, потому что имѣлъ ревность не по разуму,—то сообщилъ ей цвѣтъ истины, т. е. благодать, и тотчасъ же сдѣлалъ ее цар-

скимъ изображеніемъ. Онъ, принявши краски и узнавъ то, чего не зная, не терялъ времени, но тотчасъ же сталъ превосходнымъ художникомъ. И во-первыхъ, глава его явилась царскою, когда онъ проповѣдывалъ Христа; затѣмъ и все тѣло стало такимъ же, по строгости жизни. Живописцы, заключившись у себя дома, исполняютъ свое дѣло съ великимъ тщаніемъ и безмолвіемъ и никому не отворяютъ двери; а онъ, выставивъ картину среди вселенной, гдѣ всѣ противились ему, возмущались и безпокоили его, довершавъ здѣсь это царское изображеніе, и не смотрѣлъ на препятствія. Потому и говорилъ: *позоръ быхомъ міру* (1 Кор. iv, 9), на землѣ и на морѣ, для неба и всей вселенной, ¹¹¹ для міра чувственнаго и духовнаго,—и между тѣмъ живописалъ свою картину. Хотите ли видѣть и прочія ея части, начиная съ головы? Или хотите, чтобы мы начали исчисленіе снизу? Посмотри же на эту статую изъ золота, или еще драгоцѣннѣйшую золота и достойную стоять на небѣ, не спаянную оловомъ и не прикрѣпленную къ одному мѣсту, но пробѣгающую отъ Іерусалима до Иллирика, достигающую Испаніи и какъ бы на крыльяхъ носящуюся по всей вселенной. Что можетъ быть прекраснѣе этихъ ногъ, прошедшихъ всю лежащую подъ солнцемъ землю? О красотѣ ихъ и пророкъ предвозвѣстилъ, когда сказалъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. lp, 7)! Видишь ли, какъ прекрасны ноги его? Хочешь ли видѣть грудь? Приди, я покажу тебѣ и ее, и ты увидишь, что она свѣтлѣе прекрасныхъ ногъ его и даже самой груди древняго законодателя. Моисей держалъ каменные скрижали, а онъ имѣлъ внутри самого Христа, носилъ въ себѣ образъ самого Царя и очистилища; потому былъ честнѣе херувимовъ. Не такой голосъ оттуда исходилъ, какой отсюда; тамъ бесѣда касалась большею частію предметовъ чувственныхъ, а языкъ Павла возвѣщалъ о предметахъ, превышающихъ небеса; отъ очистилища произносились вѣщанія къ однимъ только іудеямъ, а отъ него—къ цѣлой вселенной; тамъ—чрезъ вещи бездушныя, а здѣсь—чрезъ добродѣтельную душу.

4. Онъ былъ очистилищемъ, свѣтлѣйшимъ неба, сіяющимъ не разнообразіемъ звѣздъ и не лучами солнечнымъ, но имѣющимъ внутри себя самое Солнце правды, изливавшее отсюда лучи свои. На это (чувственное) небо иногда находитъ облако и потемняетъ его, а на грудь Павла не находила никогда никакая подобная непогода, или лучше, многія непогоды и часто находили на него, но не помрачали свѣта его, а напротивъ этотъ стѣтъ блисталъ среди искушеній и опасностей. Потому онъ, находясь самъ въ узахъ, восклицалъ: *слово Божіе не вяжется* (2 Тим. ii, 9). Такъ всегда языкъ его изливалъ лучи и ни страхъ, ни

опасность не помрачали груди его. Эта грудь, повидимому, была превосходнѣ ногъ его; но и они также превосходны, какъ ноги, и она—какъ грудь. Хочешь ли видѣть, какъ прекрасенъ и желудокъ его? Послушай, что онъ самъ говорить о немъ: *еще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во отки* (1 Кор. vi, 13). Хорошее дѣло не ѣсть мяса, не пить вина и не употреблять ничего такого, чѣмъ братъ твой оскорбляется, соблазняется, или смущается. *Брашно чреву и чрево брашномъ* (1 Кор. vi, 13). Что можетъ быть и прекраснѣ этого желудка, приученнаго къ такому воздерженію, хранившаго всякое цѣломудріе, умѣвшаго поститься, алкать и жаждасть? Какъ хорошо обученный конь, управляемый золотою уздою, такъ и онъ выступалъ стройно, побѣждая требованія природы, потому что въ немъ выступалъ Христось. А при такомъ цѣломудріи, очевидно, исчезало и всякое другое зло. Хочешь ли видѣть и руки его, каковы онѣ нынѣ? Или хочешь видѣть, какъ худы онѣ были прежде? Прежде онъ входилъ въ дома и влачилъ (въ темницу) мужей и женъ, 112 какъ бы имѣя руки не человѣка, но какого-нибудь дикаго звѣря (Дѣян. viii, 3); а когда принялъ цѣлты истины и достигъ духовной опытности, тогда эти руки были уже не человѣческія, но духовныя, имѣвшія на себѣ узы каждый день; онѣ уже не наносили ударовъ никому и никогда, но сами тысячу разъ подвергались ударамъ. Этихъ рукъ даже устыдилась нѣкогда эхидна; онѣ были уже не человѣческія руки; поэтому она и не причинила имъ вреда (Дѣян. xvi, 3—6). Хочешь ли видѣть плечи его, столь же прекрасныя, какъ и прочіе члены? Послушай, что онъ самъ говорить о нихъ: *отъ Іудей пятькратно четиридесать разъ единия пріяхъ, трици палицами биенъ быхъ, единою каменю наметанъ быхъ, трикратно корабль опровержеся со мною, нощъ и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. xi, 24, 25). Но чтобы и намъ не погрузиться въ безпредѣльную глубину и не слишкомъ распространить рѣчь свою, перечисляя всѣ члены его порознь, оставимъ тѣло его и обратимъ взоры на другую красоту,—на красоту одеждъ его, которыхъ боялись злые духи, и потому бѣжали отъ нихъ, отъ которыхъ исцѣлялись и болѣзни (Дѣян. xix, 12). Гдѣ ни являлся Павелъ, все уступало и покорялось ему, какъ бы побѣдителю вселенной. Подобно тому, какъ получившіе на войнѣ множество ранъ, увидѣвъ оружіе нанесшаго имъ раны, трепещутъ, такъ и злые духи, увидѣвъ только полотенца его, отступали. Гдѣ теперь богатые и гордящіеся своимъ имуществомъ? Гдѣ исчисляющіе свои достоинства и драгоцѣнныя одежды? Сравнивъ себя съ Павломъ, они увидятъ, что воѣ ихъ сокровища—грязь и пометь. И что я говорю объ одеждахъ и

золотыхъ вещахъ? Если бы кто предложилъ мнѣ во власть цѣлую вселенную, то одинъ ноготь Павла я почелъ бы важнѣе такой власти, бѣдность его выше всякой роскоши, безчестіе—всякой чести, наготу—всякаго богатства, заушеніе священной его главы—всякаго удовольствія, брошенные въ него камни—всякой діадемы. Будемъ и мы, возлюбленные, желать себѣ такого же вѣнца; и хотя теперь нѣтъ гоненія, однако будемъ готовить себя къ тому. И онъ сдѣлался славнымъ мужемъ не отъ однихъ гоненій: *порабощаю тѣло мое*, говорилъ онъ (1 Кор. ix, 27); а это можно дѣлать и безъ гоненій. Также *плотоугодія*, увѣщевалъ онъ, *не творите въ похоти* (Рим. xiii, 14); и еще: *имѣюще пищу и одежду, сими доволни будемъ* (1 Тим. vi, 8); а для этого не нужно гоненій. Богатыхъ же онъ вразумляетъ такъ: *хотящии богатымися опадаютъ въ напасть* (1 Тим. vi, 9). Потому если мы будемъ такимъ образомъ упражняться и подвизаться, то будемъ увѣнчаны и, хотя бы и не было гоненія, получимъ за то великія награды; а если станемъ утучнять тѣло свое и проводить жизнь свойственную свиньямъ, то и во время мира впадемъ во многіе грѣхи и подвергнемся стыду. Развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ у насъ брань? Съ силами безтѣлесными (Ефес. vi, 12). Какъ же мы одолѣемъ ихъ, будучи плотскими? Если сражающійся противъ людей имѣетъ нужду въ благоразумномъ воздержаніи, то тѣмъ болѣе—противъ злыхъ духовъ. Если же мы при своей тучности будемъ еще привязаны къ богатству, то какъ одолѣемъ этихъ противниковъ? Богатство—это узы, тяжкія узы для неумѣющихъ пользоваться имъ, это жестокій безчеловѣчный тиранъ, направляющій все къ гибели раболѣпствующихъ ему. Но, если мы захотимъ, то можемъ низвергнуть съ престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться намъ, а не повелѣвать нами. Какимъ же образомъ? Если будемъ раздѣлять свое богатство всѣмъ. Доколѣ оно находится наединѣ съ нами, то, какъ бы какой разбойникъ въ пустынѣ, причиняетъ всякаго рода зло; а когда мы выводимъ его въ общество людей, то оно уже не можетъ повелѣвать нами, потому что тогда всѣ со всѣхъ сторонъ обуздываютъ его.

5. Не то я говорю, чтобы имѣть богатство было грѣшно, 113 грѣхъ—не раздѣлять его бѣднымъ и худо пользоваться имъ. Богъ не сотворилъ ничего худого, но *вся добра зѣло* (Быт. 1, 31); слѣдовательно и богатство—добро, но тогда, когда оно не завладѣваетъ имѣющими его, когда оно избавляетъ ближнихъ отъ бѣдности. Какъ свѣтъ не былъ бы добромъ, если бы не прогонялъ мрака, но еще увеличивалъ его, такъ и богатство я не назову добромъ, если оно не избавляетъ отъ бѣдности, но умножаетъ

бѣдность. Богатъ тотъ, кто не нуждается брать у другихъ, но самъ помогаетъ другимъ; а кто старается брать у другихъ, тотъ не богатъ, но бѣденъ. Такимъ образомъ не богатство есть зло, а бѣдственное настроеніе души, обращающее богатство въ бѣдность. Такіе люди несчастнѣе просящихъ (милостыню) въ переулкахъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ; облакаясь въ шелковыя и свѣтлыя одежды, они презрѣннѣе одѣтыхъ въ рубища; выступая гордо на торжищѣ, они бѣднѣе скитающихся по перекресткамъ, входящихъ во дворы и тамъ вопіющихъ и просящихъ помощи. Эти послѣдніе прославляютъ Бога и изрекаютъ слова милости и великаго любу мудрія; потому мы и оказываемъ имъ состраданіе, простираемъ руку (помощи) и никогда не осуждаемъ. А недобрые богачи изрыгаютъ слова жестокости и безчеловѣчія, любостыжанія и сатанинскихъ похотей; потому они для всѣхъ ненавистны и смѣшны. Посмотри, что у всѣхъ людей считается постыднымъ—отъ богатыхъ ли брать, или отъ бѣдныхъ? Конечно, отъ бѣдныхъ. А это и дѣлаютъ богатые, которые никогда не пойдутъ къ болѣе богатымъ. Бѣдные же берутъ отъ богатыхъ; нищій не станетъ просить у нищаго, но у того, кто достаточнѣе его; а богатый требуетъ отъ бѣднаго. Притомъ, скажи мнѣ, что почтеннѣе—брать ли отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому, или требовать и вынуждать нежелающихъ? Конечно, не вынуждать нежелающихъ. А богатые поступаютъ напротивъ. Бѣдные получаютъ отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому, богатые же отъ нежелающихъ и противящихся; а это и есть доказательство большой бѣдности (ихъ самихъ). Если и на обѣдѣ никто не рѣшится идти, когда приглашающій не будетъ имѣть расположенія къ приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого съ принужденіемъ? Не потому ли мы отвращаемся и убѣгаемъ отъ дающихъ псовъ, что они неотступно нападаютъ на насъ? То же дѣлаютъ и богатые. Развѣ почетнѣе, когда къ потерѣ имущества присоединяется еще страхъ? Это хуже всего. Потому употребляющій всѣ мѣры къ приобрѣтенію имущества

114 не смѣшнѣ ли всѣхъ? Изъ страха мы часто и псамъ бросаемъ все, что имѣемъ въ рукахъ. Притомъ что постыднѣе, скажи мнѣ, просить ли одѣтому въ рубище, или облеченному въ шелковыя одежды? Когда какой-нибудь богачъ держитъ у себя престарѣлыхъ бѣдныхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, тогда какъ у нихъ еще есть дѣти, то достоинъ ли онъ прощенія? Если хотите, обратимъ вниманіе на самыя слова, какія произносятъ богатые, требуя себѣ чего-нибудь, и какія—бѣдные. Что же говоритъ бѣдный? Подающій милостыню, говоритъ онъ, никогда не оскудѣетъ, потому что подаетъ изъ Божьяго достоянія; Богъ чело-

вѣколюбивъ и воздасть больше. Все это—слова любомудрія, разумленія и совѣта; они внушаютъ тебѣ взирать на Владыку и избавляютъ тебя отъ страха будущей бѣдности; вообще много назидательнаго всякій можетъ замѣтить въ словахъ нищихъ. А каковы рѣчи богатыхъ? Свойственныя свиньямъ, собакамъ, волкамъ и другимъ животнымъ. Одни изъ нихъ разсуждаютъ о трапезахъ, о блюдахъ, о сластяхъ, о винахъ, о благовоніяхъ, объ одеждахъ и всякаго рода излишествахъ; другіе—о процентахъ и закладахъ, о составленіи заемныхъ писемъ и уплатѣ неисчетнаго множества долговъ, получившихъ начало еще при отцахъ и дѣдахъ, объ отнятіи у одного—дома, у другого—поля, у иного—слуги и всего его имущества. Что сказать о духовныхъ завѣщаніяхъ, писанныхъ не чернилами, а кровію? Представивъ неизбѣжную опасность, или сдѣлавъ какія-нибудь обольстительныя обѣщанія тѣмъ, у кого видятъ нѣсколько имущества, они убѣждаютъ устранить всѣхъ прямыхъ наслѣдниковъ, часто угнетаемыхъ бѣдностію, и вмѣсто того вписать ихъ самихъ. Не хуже ли это всякаго неистовства и свирѣлости дикихъ звѣрей? Потому, увѣщаваю васъ, будемъ убѣгать всякаго такого богатства, покрытаго стыдомъ и убійствами, а приобрѣтатъ богатство духовное, искать сокровищъ небесныхъ. Кто имѣетъ эти сокровища, тотъ только богатъ, тотъ достаточенъ, тотъ владѣетъ всѣми здѣшними и тамошними благами. Кто хочетъ быть бѣднымъ по слову Божию, для того бываютъ отворены двери всѣхъ,—потому что человѣку, не ищущему никакихъ стяжаній для Бога, всякій удѣлитъ отъ своего; а кто хочетъ получить несправедливо хотя немного, для того бываютъ заключены двери всѣхъ. Потому, чтобы намъ имѣть и здѣшнія и тамошнія блага, выберемъ сокровища непогибающія и богатство безсмертное, котораго и да сподобимся всѣ мы, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа (съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА ХІV.

Сего ради послахъ къ вамъ Тимоѳеа, иже ми есть чадо 113
возлюблено и вѣрно о Господѣ, иже вамъ воспомянетъ
пути моя, яже о Христѣ Иисусѣ (1 Кор. iv, 17).

1. Посмотри и здѣсь, какъ доблестна душа (Павла), какъ она пламеннѣе и живѣе огня. Онъ хотѣлъ самъ придти къ коринѢянамъ, находившимся въ тяжелой болѣзни и смятеніи, потому что хорошо зналъ, какъ полезно было ученикамъ присутствіе его

и какимъ вредомъ сопровождалось его отсутствіе. Первое онъ
 114 выразилъ въ посланіи къ филиппійцамъ, когда сказалъ: *не якоже въ пришествіи моемъ точію, но нынѣ много паче во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. п, 12); а послѣднее выражаетъ въ настоящемъ посланіи, словами: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгорѣвшись нѣцки, прииду же* (ст. 18). Онъ хотѣлъ и спѣшилъ самъ придти; но такъ какъ сдѣлать это было еще невозможно, то вразумляетъ ихъ обѣщаніемъ своего
 115 прибытія, и кромѣ того отправленіемъ ученика: *сего ради*, говорить, *послаю къ вамъ Тимофея. Сего ради*. А почему? Потому что я пекусь о васъ, какъ о дѣтяхъ, какъ родившій васъ. Далѣе въ посланіи описываетъ личность его: *яже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ*. Этими словами выражаетъ свою любовь и вмѣстѣ располагаетъ ихъ—съ уваженіемъ принять его. Не просто: *вѣрно*, но: *о Господѣ*, т. е. въ дѣлахъ Господнихъ. Если бытъ вѣрнымъ въ житейскихъ дѣлахъ—похвально, то тѣмъ болѣе—въ духовныхъ. Если же онъ былъ сынъ его возлюбленный, то представъ, какъ велика была любовь Павла, когда онъ рѣшился разлучиться съ нимъ для коринѣянъ. Если онъ вѣренъ, то устроить дѣла безукоризненно. *Иже вамъ воспомянетъ*. Не сказалъ: научить, чтобы они не огорчились, какъ бы должнѣвшіе учиться у него; потому и въ концѣ посланія сказалъ о немъ: *дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. хvi, 10), и потому никто пусть не унижаетъ его. Между апостолами не было зависти, но одно они имѣли въ виду—домостроительство Церкви; и хотя бы дѣйствовавшій былъ менѣе другихъ, они со всѣмъ усердіемъ содѣйствовали ему. Потому онъ не удовольствовался словами: *воспомянетъ вамъ*, но простираетъ далѣе слово, стараясь уничтожить въ нихъ зависть, такъ какъ Тимофеей былъ молодъ,—почему и присовокупляетъ: *пути моя*. Не свои пути, но *моя*, т. е. распоряженія, опасности, обычаи, законы, учрежденія, правила апостольскія и все прочее. Послѣ того какъ сказалъ: *наготнѣю и страждемъ и скитаемъся*, говорить: онъ воспомянетъ вамъ и это все и законы Христовы, чтобы уничтожить ереси. Далѣе, устремляя слово свое выше, присовокупляетъ: *яже о Христѣ*; по обычаю своему приписываетъ все Владыкѣ, и тѣмъ утверждаетъ достовѣрность послѣдующаго; потому и продолжаетъ: *якоже вездѣ во всякой церкви учу*. Ничего я не говорилъ вамъ новаго; это подтверждать и всѣ прочія церкви. О путяхъ своихъ говорить, что они *о Христѣ*, выражая, что они не имѣютъ къ себѣ ничего человѣческаго, и что онъ совершаетъ все при помощи свыше. Сказавъ это и вразумивъ ихъ, онъ, желая приетупить къ обличенію кровосмѣсника, опять нарекаетъ слова, испол-

ненныя гнѣва, не потому, чтобы самъ былъ въ такомъ состояніи, но чтобы исправить ихъ, и притомъ, оставивъ кровосмѣсника, обращаетъ рѣчь свою къ другимъ, не удостоивая его даже словъ своихъ, какъ и мы поступаемъ съ слугами, которые слишкомъ оскорбили насъ. Сказавъ: *послать къ вамъ Тимофея*, и опасаясь, чтобы они оттого не сдѣлались болѣе безопасными, смотри, что онъ говоритъ: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгорѣвшись нѣцми*. Здѣсь касается и ихъ и нѣкоторыхъ другихъ, желая низложить ихъ высокомеріе. Дѣйствительно, предаваться гордости во время отсутствія учителя, это грѣхъ властолюбія. Обращая рѣчь ко всѣмъ другимъ, смотри, какъ онъ пристыжаетъ ихъ; а обращаясь къ виновнымъ, выражается гораздо сильнѣе. Тѣмъ говоритъ: *если поспраніе*, и вразумляетъ ихъ словами: *не срамля васъ сія ямшу*; а этимъ говоритъ: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгорѣвшись нѣцми*, выражая, что гордость свойственна дѣтскому разсудку, потому что и дѣти дѣлаются болѣе безопасными въ отсутствіе учителя. Такимъ образомъ открывается и то, что для исправленія ихъ достаточно его присутствія.

2. Какъ присутствіе льва приводитъ въ страхъ всѣхъ животныхъ, такъ и присутствіе Павла—развращающихъ Церковь. Потому онъ и продолжаетъ: *прииду же скоро къ вамъ, аще Господь 116 восхощетъ* (ст. 19). Но сказать одни эти слова значило бы употребить угрозу; а указать на самое дѣло, обѣщать, что онъ потребуетъ съ нихъ отчета, это свойственно великой и мудрой душѣ; потому онъ и присовокупляетъ слѣдующее: *и уразумѣю не слово разгорѣвшихся, но силу*. Гордость ихъ была слѣдствіемъ не собственныхъ ихъ достоинствъ, но отсутствія учителя, что и было знакомъ низкаго расположенія ихъ души. Потому сказавъ: *послать Тимофея*, онъ не тотчасъ прибавилъ: *прииду*, но напередъ обличилъ ихъ въ гордости, а потомъ и сказалъ: *прииду*. Если бы онъ сказалъ это прежде обличенія, то это было бы скорѣе оправданіемъ его въ томъ, будто онъ самъ не хочетъ придти, нежели угрозой, и самое обѣщаніе было бы не такъ несомнѣнно; а теперь, сказавъ это послѣ обличенія, онъ сдѣлалъ прибытіе свое достовѣрнымъ и страшнымъ. И замѣть, какъ онъ твердъ и осмотрителенъ. Не просто говоритъ: *прииду*, но: *аще Господь восхощетъ*; не назначаетъ опредѣленнаго времени, — такъ какъ онъ могъ и замедлить, — чтобы неизвѣстностію поддерживать въ нихъ бдительность; а чтобы съ другой стороны они не сдѣлались отъ того безопасными, присовокупляетъ: *скоро*. *И уразумѣю не слово разгорѣвшихся, но силу*. Не сказалъ: не посмотрю ни на мудрость, ни на знаменія, но что? — не слово, и этимъ выраженіемъ то унижилъ, а это возвысилъ. Доселѣ онъ обращаетъ рѣчь свою къ другимъ,

защищавшимъ кровосмѣсника; а если бы говорилъ къ нему самому, то не сказалъ бы—*силу*, но—*дѣла*, которыя у него были развратны. Почему же ты не ищешь *слова*? Не потому, что я скуденъ въ *слова*, но потому, что наше дѣло въ *силѣ*. Какъ на войнѣ одерживаютъ верхъ не много говорящіе, но много дѣлающіе, такъ и здѣсь побѣда принадлежитъ не говорящимъ, но дѣйствующимъ. Ты гордишься, говорить, краснорѣчіемъ; если бы теперь было поприще и время раторовъ, то ты справедливо могъ бы гордиться имъ; но такъ какъ теперь время апостоловъ, возвышающихъ истину и подтверждающихъ ее знаменіями, то для чего ты гордишься дѣломъ излишнимъ, ничего незначущимъ и не могущимъ принести въ настоящемъ никакой пользы? Можетъ ли краснорѣчіе послужить къ воскрешенію мертвого, къ изгнанію злыхъ духовъ, или къ совершенію какого-нибудь другого подобнаго чуда? А теперь нужно это, и чрезъ это утверждается наше дѣло. Потому и присовокупляетъ: *не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ* (ст. 20). Мы побуждаемъ, говорить, знаменіями, а не краснорѣчіемъ, и величайшимъ доказательствомъ того, что наше ученіе божественно и что мы возвышаемъ царствіе небесное, представляемъ знаменія, которыя совершаемъ силою Духа. Такимъ образомъ, если превозносящіеся нынѣ хотятъ быть великими, то когда я прииду, пусть покажутъ, имѣютъ ли они такую же силу, а не выставляютъ мнѣ пышность краснорѣчія, потому что это искусство не служитъ намъ ни къ чему. *Что хотите? Съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (ст. 21)? Эти слова заключаютъ въ себѣ много страшнаго и много кроткаго. Когда онъ говорилъ: *уразумѣю*, то еще удерживалъ себя; а теперь, когда говоритъ: *что хотите? Съ палицею ли прииду къ вамъ?*—онъ восходитъ на сѣдалище учителя и оттуда говорить съ полною властію. Что значить: *съ палицею*? Для наказанія, для мученія, т. е. чтобы умертвить, или ослѣпить, какъ поступилъ Петръ съ Сапфиною (Дѣян. V, 9), или какъ онъ самъ съ волхвомъ Елимою (Дѣян. хіп, 11). Здѣсь онъ уже говорить не сравнивая себя съ ними, но властно. И во второмъ къ нимъ посланіи онъ выражаетъ то же самое, когда говоритъ: *понеже искушенія ищите глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. хіп, 3). *Съ палицею ли прииду, или съ любовію?* А придти съ палкою развѣ не было знакомъ любви? Да, было знакомъ любви; но сильно любящій не легко склоняется на наказаніе; потому онъ такъ и говорить. Потому, говоря о наказаніи, онъ не выразился: *духомъ кротости*, но: *палицею*, хотя и это было дѣломъ Духа,—такъ какъ есть Духъ кротости и Духъ крѣпости,—но онъ не желаетъ называть его такимъ образомъ, а приписываетъ Ему дѣла болѣе

кроткія. Потому и Богъ, хотя посылаетъ наказанія, но чаще называется милосерднымъ, долготерпѣливымъ, богатымъ милостію и щедротами, а наказующимъ называется одинъ или два раза, вообще очень рѣдко и притомъ тогда, когда требуетъ того необходимость. И посмотри на мудрость Павла: имѣя у себя власть, онъ предлагаетъ имъ на выборъ то и другое, и говоритъ: *что хочете?*—отъ васъ это зависитъ. Отъ насъ зависитъ и то и другое,—попасть въ геену, или получить царствіе,—потому что такъ желаетъ Богъ. *Се, говоритъ Онъ, огонь и вода: на неже хочещи, прострещи руку твою* (Сирах. хv, 16); и еще: *аще хотите, и послушаете Мене, благая земли спяте; аще же не хотите, мечъ вы полетѣ* (Ис. 1, 19, 20).

3. Но, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь: я хочу; и нѣтъ никого настолько безумнаго, чтобы не хотѣть; но хотѣніе не приноситъ мнѣ достаточной пользы. Нѣтъ, оно принесетъ пользу, если ты будешь хотѣть, какъ должно, и дѣйствовать сообразно съ хотѣніемъ; а теперь ты не совсѣмъ хочешь. Докажемъ это, если угодно, нѣкоторыми примѣрами. Скажи мнѣ: кто хочетъ жениться, тотъ довольствуется ли однимъ хотѣніемъ? Отнюдь нѣтъ; онъ приглашаетъ овахъ, проситъ друзей посмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ невѣсту, собираетъ деньги. Также купецъ не сидитъ дома, довольствуясь однимъ хотѣніемъ торговать, но и нанимаетъ корабль, приглашаетъ кормчихъ и гребцовъ, занимается серебромъ, развѣдываетъ о мѣстѣ торговли и цѣнѣ товаровъ. Не безразсудно ли въ дѣлахъ земныхъ оказывать такое усердіе, а для пріобрѣтенія неба довольствоваться однимъ хотѣніемъ, или, лучше, не имѣть и хотѣнія въ надлежащей степени? Вѣдь кто хочетъ, какъ должно, тотъ принимается и за дѣла, ведущія къ тому, чего онъ хочетъ. Когда голодъ принуждаетъ тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла къ тебѣ сама собою, но употребляешь всѣ мѣры къ отысканію пищи; также въ случаѣ жажды, холода и всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ ты бываешь дѣятеленъ и готовъ позаботиться о тѣлѣ. Поступай также и по отношенію къ царствію небесному, и непременно достигнешъ его. Для того Богъ и сотворилъ тебя съ свободою волею, чтобы ты впоследствии не обвинялъ Бога, какъ бы связавшаго тебя необходимостію. А ты тѣмъ именно и недоволенъ, что составляетъ честь твою? Я слышалъ многихъ, говорившихъ: для чего Богъ сотворилъ меня самовластнымъ въ добродѣтели? Но какъ возвести на небо тебя дремлющаго, спящаго, преданнаго порокамъ, роскоши и чревоугодію? Ты и тамъ не отсталъ бы отъ пороковъ. Если и теперь, когда положена угроза, ты не перестаешь грѣшить, то тогда, когда бы Онъ предназначилъ тебѣ въ награду

118 небо, оставилъ ли бы ты свою безпечность и не сдѣлался ли бы гораздо хуже? Не можешь сказать и того, будто Богъ показаль блага, но не подалъ помощи къ ихъ достиженію; напротивъ, Онъ общалъ тебѣ великую помощь. Но, скажешь, добродѣтель трудна и тяжела, а порокъ сопровождается многими удовольствіями; послѣдній путь широкъ и пространенъ, а первый тѣсенъ и прискорбенъ. А всегда ли, скажи мнѣ, это было такъ? Было ли такъ въ началѣ? И ты самъ противъ воли говоришь о добродѣтели то, что говоришь: такъ убѣдительно истина! Если бы предъ тобою были два пути, одинъ ведущій въ пещь, а другой—въ рай, и ведущій въ пещь былъ широкъ, а ведущій въ рай—тѣсенъ, который путь скорѣе избралъ бы ты? Сколько бы ты ни старался возражать, но несомнѣнной истинѣ не можешь противорѣчить, какъ бы ни былъ безстыденъ. Впрочемъ постараюсь изъ предметовъ, находящихся у насъ подъ руками, доказать, что скорѣе тотъ путь достоинъ избранія, который имѣетъ трудное начало, а не конецъ. Возьмемъ для примѣра, если хотите, искусство; въ нихъ начало исполнено труда, а конецъ—пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство безъ принужденія; молодой человѣкъ, сдѣлавшійся господиномъ себя самого скорѣе избересть—въ началѣ предаваться удовольствіямъ, а въ концѣ терпѣть безчисленныя бѣдствія, нежели трудиться въ началѣ, а потомъ собирать плоды трудовъ. Значить, такой выборъ есть дѣло сиротливаго мышленія и дѣтской беззаботности, а выборъ противоположный—благоразумія и мужеской зрѣлости. Такъ и мы, если бы по уму не были дѣтьми, то уподоблялись бы не безразсудному сиротѣ, но сыну, руководимому отцемъ. Потому мы должны оставить дѣтское сужденіе, а не слагать вину на самые предметы, и приставить къ своей совѣсти возницу, который бы не позволялъ намъ предаваться чревоугодію, а заставлялъ бы простираться впередъ и подвигаться. Не нелѣпо ли—дѣтей насильно принуждать заниматься предметами, имѣющими трудное начало, и полезный конецъ, а самимъ намъ вести себя противно тому въ отношеніи къ предметамъ духовнымъ? Между тѣмъ въ житейскихъ дѣлахъ совершенно неизвѣстно, будутъ ли они еще имѣть хорошій конецъ. Преждевременная смерть, бѣдность, клевета, перемѣна обстоятельствъ и многое другое подобное часто послѣ многихъ трудовъ оставляють безъ плодовъ; а если трудящіяся и не лишаются всего, то собирають не большіе плоды, потому что въ настоящей жизни все подвержено разрушенію. А мы и здѣсь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами, и не боимся конца, но еще большая и несомнѣннѣйшая надежда остается намъ по отшествіи изъ настоящей жизни. Потому какое

прощеніе, какое оправданіе могутъ имѣть тѣ, которые не хотятъ трудиться для добродѣтели? Но, спросишь еще, для чего путь добродѣтели тѣсенъ? Какъ? Въ земные царскіе чертоги ты не позволяешьъ входить никому изъ прелюбодѣевъ, пьяницъ и развратниковъ, а на небо хочешьъ открыть путь людямъ, преданнымъ распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбію и всѣмъ порокамъ? Достоинъ ли это какого-нибудь прощенія?

4. Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широкъ путь добродѣтели? Нѣтъ, если захотимъ, то и очень удобенъ. Что въ самомъ дѣлѣ удобнѣе, скажи мнѣ, подкопать ли стѣну и, похитивъ чужую собственность, сидѣть потомъ въ темницѣ, или, довольствуясь своею собственностію, быть свободнымъ отъ всякаго страха? Но еще не все я сказалъ. Что удобнѣе, скажи мнѣ, отнять ли у всѣхъ собственность и, насладившись этою малостію въ теченіе краткаго времени, страдать и мучиться вѣчно, или, 119
поживъ краткое время въ праведной бѣдности, блаженствовать потомъ непрестанно? Мы пока не говоримъ, что полезнѣе, но что удобнѣе.

Что же лучше—видѣть ли пріятное сновидѣніе, а на самомъ дѣлѣ мучиться, или, увидѣвъ непріятное сновидѣніе, на самомъ дѣлѣ блаженствовать? Очевидно, что послѣднее. Почему же, скажи мнѣ, ты называешь добродѣтель тяжкою? Тяжка она для нашей лѣности, а сама по себѣ легка и удобна,—о чемъ, послушай, какъ говорить Христосъ: *мо мое благо, и бремя мое легко* (Мѡ. хі, 30). Если ты не чувствуешь ея легкости, то, значить, ты не имѣешь крѣпкаго усердія. Какъ при усердія тяжелое бываетъ легкимъ, такъ безъ него и легкое—тяжелымъ. Что можетъ быть, скажи мнѣ, пріятнѣе и безтрудиѣе пищи изъ манны? Но іудеи роптали, употребляя такую пищу (Числ. хі, 6). Что мучительнѣе голода и другихъ бѣдствій, которыя терпѣлъ Павелъ? Но онъ восхищался, радовался и говорилъ: *нынѣ радуясь во страданіихъ моихъ* (Кол. і, 24). Что же тому причинно? Различіе (душевнаго) расположенія. Если ты настроишь душу свою, какъ должно, то почувствуешь легкость добродѣтели. Слѣдовательно, скажешь ты, она бываетъ такою отъ расположенія людей? Не отъ одного только расположенія, но она такова и по существу своему. Если бы добродѣтель всегда была трудна, а порокъ всегда легокъ, то иной изъ падающихъ справедливо могъ бы сказать, что послѣдній легче первой; если же только въ началѣ первая тяжела, а послѣдній пріятенъ, а послѣ та и другой напротивъ, безконечныя же послѣдствія первой пріятны, а послѣдняго—тяжки, то, скажи мнѣ, что изъ нихъ скорѣе можно избрать? Почему же многіе не избираютъ удобнаго? Потому, что одни не вѣруютъ, а другіе,

хотя и вѣрують, но имѣють развращенную волю и избирають удовольствіе временное вмѣсто вѣчнаго. Легко ли и это? Не легко, но они дѣлають это по немощи души своей. Какъ больные горячкою требуютъ холоднаго питья не потому, что пріятнѣе нѣсколько времени чувствовать удовольствіе, нежели постоянно быть въ жару, но потому, что не могутъ воздержаться отъ безразсуднаго желанія,—такъ и они. Между тѣмъ, если бы кто, предлагая имъ удовольствіе, предлагалъ вмѣстѣ и наказаніе, то и они не рѣшились бы на это. Видишь ли, какъ не легко и пороки? Если хочешь, объяснимъ это самымъ дѣломъ. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, и удобнѣе? Впрочемъ опять замѣчу, что мы будемъ судить о предметахъ не по желаніямъ многихъ людей, такъ какъ не сужденіями больныхъ, но здоровыхъ надобно руководствоваться въ этомъ случаѣ, и, хотя бы ты представилъ мнѣ тысячи людей, страдающихъ горячкою и желающихъ противнаго здоровью, не смотря на то, что послѣ придется имъ терпѣть мученіе, я не одобрю ихъ рѣшенія. Что же удобнѣе, скажи мнѣ, желать ли большаго богатства, или быть выше такого желанія? Мнѣ кажется, что послѣднее удобнѣе; если же ты не вѣришь, то обратимся къ опыту. Представимъ, что одинъ желаетъ многоаго, а другой—ничего. Кто изъ нихъ, скажи мнѣ, лучше и почтеннѣе?

5. Впрочемъ оставимъ это; несомнѣнно, что послѣдній почтеннѣе перваго; не объ этомъ мы теперь ведемъ рѣчь, но о томъ, кто изъ нихъ живетъ удобнѣе и пріятнѣе? Корыстолюбецъ не пользуется тѣмъ, что имѣетъ, такъ какъ къ чему онъ питаетъ любовь, того не рѣшится издержать, но скорѣе согласится разсѣчь себя самого и отдать тѣло свое, нежели золото; а презирающій богатство имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что онъ просто и съ полною свободою пользуется своею собственностію и ставитъ себя выше ея. Что же пріятнѣе—свободно ли пользоваться своимъ имуществомъ, или, проводя жизнь подъ властію богатства, не смѣть даже прикоснуться ни къ чему изъ своей собственности? Это мнѣ кажется подобнымъ тому, какъ если бы два мужа, имѣющие женъ и сильно любящіе ихъ, были въ различныхъ къ нимъ отношеніяхъ: одинъ могъ бы находиться вмѣстѣ и бесѣдовать съ женою, а другой не смѣлъ бы даже подойти къ ней близко. Скажу и еще нѣчто въ доказательство, какъ пріятна жизнь одного и непріятна другого. Корыстолюбецъ никогда не оставитъ своей страсти, не потому только, что невозможно завладѣть имуществомъ всѣхъ, но и потому, что, сколько бы онъ ни имѣлъ, онъ считаетъ себя неимѣющимъ ничего; а презирающій богатство считаетъ все излишнимъ и не мучитъ свою душу безпредѣльными желаніями. Ничто не причиняетъ столько муче-

ніа, какъ желаніе, не получающее удовлетворенія; это болѣе всего и служить доказательствомъ развращенія воли. Желаящій богатства и пріобрѣтшій многое, какъ извѣстно, считаетъ себя какъ бы неимѣющимъ ничего; что же можетъ быть тревожнѣе такой болѣзни? И не только это дурно, но и то, что имѣя, онъ, повидимому, не имѣетъ того, что имѣетъ, и страдаетъ, какъ бы неимѣющій; чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе мучится; если получилъ сто талантовъ, скорбитъ, что не получилъ тысячи; если получилъ тысячу, досадуетъ, что не десять тысячъ; если получилъ десять тысячъ, терзается, что не въ десять разъ болѣе, — такъ что большее пріобрѣтеніе обращается для него въ большее приращеніе его мученій, потому что чѣмъ больше онъ получаетъ, тѣмъ большаго желаетъ. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ становится бѣднѣе; вѣдь кто желаетъ все большаго, тотъ становится все бѣднѣе. Когда онъ имѣетъ сто талантовъ, онъ еще не слишкомъ бѣденъ, потому что желаетъ тысячи; когда получить тысячу, то становится болѣе бѣднымъ, потому что, по его мнѣнію, нуждается уже не въ тысячѣ, какъ прежде, а въ десяти тысячахъ. Если же самое желаніе безъ удовлетворенія ты назовешь удовольствіемъ, то я скажу, что ты мнѣ кажешься совершенно незнающимъ свойства удовольствія. Это не удовольствіе, а мученіе; объяснимъ опять и это другими примѣрами. Когда мы чувствуемъ жажду и потомъ принимаемъ питье, то не потому ли получаемъ удовольствіе, что утоляемъ жажду, и не потому ли питье доставляетъ намъ удовольствіе, что освобождаетъ насъ отъ великаго мученія, т. е. отъ желанія пить? Это очевидно для всякаго. Если бы мы оставались всегда съ этимъ желаніемъ, то были бы въ состояніи мученія не менѣе того богача, который видѣлъ Лазаря; для него было наказаніемъ то, что онъ, сильно желая хотя малой капли воды, не получалъ ея ни отъ кого (Лук. xvi, 24). Такъ и сребролюбцы, кажется мнѣ, мучатся непрестанно, подобно этому богачу, просящему капли воды и не получившему ея; душа ихъ горитъ въ огнѣ даже болѣе, нежели его душа. Хорошо нѣкто сравнилъ сребролюбцевъ съ страдающими водяною болѣзнію. Какъ тѣ, чѣмъ болѣе имѣютъ воды въ своемъ тѣлѣ, тѣмъ болѣе чувствуютъ жажду, такъ и сребролюбцы, имѣя много, желаютъ большаго. А причиною то, что какъ у тѣхъ вода находится не въ надлежащемъ мѣстѣ, такъ и у нихъ желаніе не въ надлежащихъ предѣлахъ. Будемъ же избѣгать этой странной и опасной болѣзни, будемъ избѣгать этого корня золь, будемъ избѣгать этой настоящей геенны; вѣдь желаніе такихъ людей — это геенна. Раскрой душу того и другого, не презирающаго богатство и презираю-

шаго, и ты увидишь, что первый подобенъ бѣснующимся, потому что не хочетъ ничего ни видѣть, ни слышать, а послѣдній подобенъ тихой пристани, не возмущаемой волнами, и есть другъ всѣхъ, тогда какъ тотъ—врагъ всѣхъ. Если кто у него отниметъ что-нибудь, онъ не печалится, а если кто опять дастъ ему что-нибудь, онъ не тщеславится, но сохраняетъ всегда какую-то свободу, сопровождающуюся совершеннымъ спокойствіемъ; тотъ принужденъ и лстать и лицемерить предъ всѣми, а онъ—ни предъ
 122 кѣмъ. Если же сребролюбецъ и бѣденъ, и жалокъ, и неправдивъ, и лицемеренъ, и подверженъ страху, наказанію и великому мученію, а презирающій богатство находится совершенно въ противоположномъ состояніи, то не очевидно ли, что добродѣтель пріятнѣе? Можно было бы доказать примѣрами и другихъ пороковъ, что никакой порокъ не заключаетъ въ себѣ удовольствія, если бы мы выше не сказали многого. Итакъ, аная это, будемъ предпочитать добродѣтель, чтобы намъ и здѣсь имѣть удовольствіе, и сподобиться будущихъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, отъ Которимъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XV.

121 Отнюдь слышится въ васъ блужденіе, и таково блужденіе, якоже ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкому имѣти жену отчую. И вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да измется отъ среды васъ содѣянный дѣло сіе (1 Кор. v, 1, 2).

1. Когда апостолъ бесѣдовалъ (съ коринѳянами) объ ихъ раздѣленіи, то не тотчасъ началъ рѣчь обвинительную, но напередъ говорилъ съ ними кротко, а потомъ уже перешелъ къ обвиненію, сказавъ: *воззѣстися бо мы о васъ, братіе моя, отъ (домашнихъ) Хлюиса, яко реченія о васъ суть* (1 Кор. i, 11). А здѣсь не такъ, но тотчасъ же высказываетъ обвиненіе, и силу укоризны направляетъ, сколько возможно, противъ всѣхъ. Не говоритъ: почему такой-то предается прелюбодѣянію?—но: *отнюдь слышится о васъ блужденіе*, чтобы они, считая себя совершенно свободными отъ обвиненія, не остались невнимательными, но видѣли бы, что все ихъ общество подлежитъ обвиненію и вся ихъ церковь не-свободна отъ обвиненія, и оттого были бы ревностны въ благочестіи. Никто не скажетъ, говорить, что такой-то предавался прелюбодѣянію, но что въ коринѳской церкви совершилось преступ-

леніе. Не говорить: дерзають на прелюбодѣяніе, но: слышится, *якоже же ни во языцехъ именуется*. Онъ часто примѣромъ язычниковъ укоряетъ вѣрующихъ; такъ въ посланіи къ ессалоникійцамъ говоритъ: *камуждо свой сосудъ стяжася во святыхъ не отъ страсти похотнѣй, якоже и прочіи языцы* (1 Сол. IV, 4, 5); также къ колоссянамъ и ефесеямъ: *тому не ходити еамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ* (Еф. IV, 17). Если имъ непростительно грѣшнить одинаково съ язычниками, то превосходить язычниковъ въ этомъ отношеніи, скажи мнѣ, какъ это считать? У нихъ, говорить, не только не совершается что-нибудь подобное, но *ниже именуется*. Видишь ли, какъ онъ опѣиваетъ это преступленіе? Если они допускаютъ такой родъ безнравственности, какого не только не дѣлаютъ, но и не знаютъ невѣрные, то невыразима великость ихъ грѣха. Слово: *отъ васъ* употреблено здѣсь съ особенною силою, т. е. у васъ вѣрующихъ, сподобившихся такихъ таинствъ, получившихъ неизреченныя блага, призванныхъ къ небу. Видишь ли, какого негодованія, какого гнѣва противъ всѣхъ исполнены его слова? Если бы онъ не чувствовалъ большого гнѣва, то и не обращалъ бы рѣчи своей ко всѣмъ, а сказалъ бы такъ: я слышалъ, что такой-то предается прелюбодѣянью; накажите его. Но теперь не такъ, а направляетъ рѣчь противъ всѣхъ. Если бы они предварительно написали ему объ этомъ, то онъ выразился бы такимъ образомъ; но такъ какъ они не только не писали, но еще прикрывали грѣхъ, то онъ употребляетъ болѣе сильный образъ рѣчи. *Яко никому имѣти жену отчюу*. Почему онъ не сказалъ: нѣкто прелюбодѣйствуетъ съ женою? Онъ ставилъ на видъ нѣчто слишкомъ постыдное; потому сказалъ объ этомъ съ нѣкоторою стыдливостію, какъ объяснено нами выше, но вмѣстѣ чрезъ это самое опять выразилъ важность преступленія, показавъ, что у нихъ совершается нѣчто такое, чего Павелъ не позволяетъ себѣ даже назвать прямо. Потому и далѣе онъ употребляетъ такой же образъ рѣчи: *содѣявый*, говорить, *дѣло сіе*; опять стыдится и не позволяетъ себѣ сказать прямо, подобно тому, какъ и мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать касательно слишкомъ низкихъ поступковъ. Не говорить: мачиху, но: *жену отчюу*, чтобы сильнѣе тронуть ихъ. Когда самыя названія достаточны для обличеній, тогда онъ употребляетъ ихъ, не прибавляя ничего другого. Не возражайте мнѣ, говорить, что одинъ только прелюбодѣйствуетъ; нѣтъ, это—грѣхъ общій всѣмъ. Потому и продолжаетъ: *и отъ возгордыте*. Не сказалъ: такимъ грѣхомъ,—это было бы безразсудно,—но ученіемъ его (грѣшника). Впрочемъ, не выразилъ этого ясно, но опустилъ посредствующую мысль, чтобы сильнѣе тронуть ихъ. И посмотри на благоразуміе Павла. Онъ

напередъ низложилъ внѣшнюю мудрость и показалъ, что она ничтожна сама по себѣ, хотя бы не соединена была съ грѣхомъ, а потомъ уже говорить и о грѣхѣ. Если бы онъ доказалъ величіе духовныхъ дарованій сравнительно съ кровосмѣсникомъ, который, можетъ быть, отличался внѣшнею мудростію, то не сдѣлалъ бы ничего важнаго; но, низложивъ ее безъ отношенія къ грѣху и показавъ, что она ничтожна сама по себѣ, онъ доказалъ крайнюю ея негодность. Потому онъ напередъ произнесъ о ней такое сужденіе, а потомъ уже сталъ говорить о грѣхѣ. Впрочемъ, онъ не удостоиваетъ своей бесѣды его (кровосмѣсника), — тѣмъ выражаетъ чрезмѣрное безчестіе его поступка, — но говоритъ другимъ, что имъ слѣдовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говорить, поступаете напротивъ; потому и присовокупляетъ: *и вы разгордитесь, и не паче плачете*. О чемъ, скажутъ, намъ плакать? О томъ, что нареканіе навлечено на церковное общество. А для чего намъ плакать? *Да измется отъ среды васъ таковой*. Не называетъ его по имени здѣсь, или лучше — нигдѣ, подобно тому, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ касательно предметовъ слишкомъ постыдныхъ. Не сказалъ: вы не отвергли его, но, какъ бы говоря о какой заразительной болѣзни, когда бываетъ нужно 123 плакать и усердно молиться, выражается: *да измется*; слѣдуетъ и молиться, и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ отлученъ отъ васъ. Не за то осуждаетъ ихъ, что они не увѣдомили его объ этомъ, но за то, что они не плакали, *да измется*, выражая, что и безъ учителя имъ слѣдовало бы сдѣлать это по причинѣ важности преступленія. *Зане азъ убо еще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ* (ст. 3).

2. Посмотри на ревность его: не позволяетъ дожидаться его прибытія и по принятіи его наказать кровосмѣсника, но какъ бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла во все тѣло, старается обуздать его. Потому и продолжаетъ: *уже судить, яко тамо сый*. Сказалъ это не только для того, чтобы побудить ихъ къ исполненію приговора и не думать ни о какомъ другомъ рѣшеніи дѣла, но и устрашить тѣмъ, что ему извѣстно все, имѣющее тамъ происходить и обсуждаться. Это и означаетъ выраженіе: *быть духомъ*, подобно какъ Елисей говорилъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гезіемъ: *не ходило ли сердце мое съ тобою* (4 Цар. v, 26)? Вотъ какова сила духовнаго дарованія: оно доставляетъ возможность быть вмѣстѣ всѣмъ въ одно время, и сообщаетъ способность знать отдаленное! *Уже судить, яко тамо сый*. Не позволяетъ имъ помышлять о чемъ-нибудь другомъ; я уже положилъ, говорить, какъ бы находясь у васъ; не представляйте мнѣ отговорокъ и промедленій; ничего другого

не должно быть. А чтобы власть его не показалась слишкомъ великою и чтобы слова его не были приняты за выраженіе гордости, смотри, какъ онъ дѣлаетъ и ихъ участниками суда. Сказавъ: *судитъ*, онъ продолжаетъ: *содѣляшаго сице сіе. О имени Господа нашего Иисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Иисуса Христа предати такового сатанѣ* (ст. 4, 5). Что значить: *о имени Господа нашего Иисуса Христа*? Значить—о Богѣ, руководствуясь не человѣческимъ сужденіемъ. Нѣкоторые читаютъ это мѣсто такъ: *содѣляшаго сице сіе о имени Господа нашего Иисуса Христа*, и поставивъ здѣсь точку или запятую, продолжаютъ читать далѣе: *собравшимся вамъ и моему духу, предати такового сатанѣ*, давая этому чтенію такой смыслъ: *содѣляшаго сіе о имени Христа* предайте сатанѣ, т. е. оскорбившаго имя Христово, бывшаго вѣрнымъ и называющагося такимъ именемъ и между тѣмъ дерзнувшаго на такое дѣло, предайте *такового сатанѣ*. Но мнѣ кажется болѣе истиннымъ первое чтеніе. Какое? *О имени Господа собравшимся вамъ*, т. е. самое имя соединяетъ васъ; о немъ и соберитесь. *И моему духу*. Опять прибавляетъ имъ себя, чтобы они, производя судъ, какъ бы въ его присутствіи, осудили кровосмѣсника на отлученіе, и чтобы никто не осмѣлился признавать его достойнымъ прощенія, имѣя въ виду, что Павелъ узнаетъ происходившее. Далѣе прибавляетъ болѣе страшныя слова: *съ силою Господа нашего Иисуса Христа*, т. е. или то, что Христосъ можетъ даровать имъ силу—предать *такового діаволу*. или то, что Онъ самъ вмѣстѣ съ ними произнесетъ противъ него приговоръ. Не говоритъ: *отдати такового сатанѣ*, но: *предати*, отверзая ему двери покаянія и какъ бы передавая его учителю. И опять: *такового*; нигдѣ не позволяетъ 124 себя назвать его по имени. *Во изможденіе плоти*, подобно какъ было съ блаженнымъ Іовомъ, хотя не съ одинаковою цѣлію: тамъ для славнѣйшихъ вѣнцовъ, а здѣсь для разрѣшенія отъ грѣховъ, чтобы сатана наказалъ его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болѣзнію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *судимся отъ Господа*, терпя это (1 Кор. xi, 32); а здѣсь, желая сильнѣе тронуть (грѣшника), предаетъ его сатанѣ, хотя и это зависитъ отъ воли Божіей, чтобы наказана была плоть его. Такъ какъ пожеланія рождаются отъ чревоугодія и невоздержанія плоти, то онъ и наказываетъ ее. *Да духъ спасется въ день Господа Иисуса*, т. е. чтобы спасена была душа, не въ томъ смыслѣ, чтобы она спасалась одна, но разумѣя ту несомнѣнную истину, что когда она спасется, тогда и тѣло непременно будетъ участвовать въ спасеніи. Оно одѣлалось смертнымъ за ея грѣхъ; потому, если она будетъ праведною, то и оно опять удостоится

великой славы. Нѣкоторые подъ *духомъ* здѣсь разумѣють (духовное) дарованіе, которое погашается нашими грѣхами. Чтобы этого не было, говорить, пусть онъ будетъ наказанъ, чтобы исправившись онъ сподобился благодати и оказался сохранившимся ее цѣлою въ тотъ день. Такимъ образомъ эти слова означаютъ болѣе попеченіе и врачеваніе, нежели простое пораженіе, или напрасное и тщетное наказаніе: вѣдь польза больше наказанія; это—временное, а та—вѣчная. И не просто говорить: *да духъ спасется, но: въ тотъ день*. Прекрасно и благовременно напоминаетъ имъ объ этомъ днѣ, чтобы и они усерднѣе приступили къ врачеванію, и онъ скорѣе принялъ врачество, видя, что эти слова происходятъ не отъ гнѣва, но отъ заботливости попечительнаго отца. Для того онъ и сказалъ: *во изможденіе плоти*; здѣсь онъ предписалъ законы диаволу и не позволилъ ему простираться далѣе предѣловъ, подобно какъ объ Іовѣ Богъ сказалъ: *только думи сео да не коснешися* (Іов. 1, 12; 2, 6).

3. Высказавъ свое рѣшеніе, выраженное кратко и безъ замедленія, далѣе онъ опять обращается (къ коринѣянамъ) и употребляетъ обличеніе: *не добра похвала ваша* (ст. 6); показываетъ, что они, хвалясь имъ, были причиною его нераскаянности до настоящаго времени. Затѣмъ объясняетъ, что онъ дѣлаетъ это для блага не одного только грѣшника, но и всѣхъ ихъ: *не отоме ли*, продолжаетъ онъ, *яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ?* Хотя, говорить, грѣхъ—его, но, будучи оставленъ безъ вниманія, можетъ заразить и все тѣло церкви, потому что, если первый согрѣшившій не будетъ преданъ наказанію, то скоро и другіе впадутъ въ тотъ же грѣхъ. Этими словами выражаетъ, что имъ слѣдуетъ опасаться и заботиться о всей церкви, а не объ одномъ только членѣ; для того и употребляетъ подобіе закваски. Какъ закваска, говорить, хотя и небольшая, кваситъ собою все тѣсто, такъ и онъ, если останется безъ обличенія и грѣхъ его безъ наказанія, то заразитъ и прочіихъ. *Очистите вѣсѣй квасъ* (ст. 7), т. е. этого грѣшника; или, лучше, не о немъ только говорить, но намекаетъ и на другихъ, потому что не только прелюбодѣяніе есть старая закваска, но и всякій порокъ. Не сказалъ: *очищайте*, но: *очистите*, тщательно очистите, чтобы не было ни остатковъ, ни тѣни его. Словомъ—*очистите* выражаетъ, что между ними есть пороки; а словами: *да будете ново смѣшеніе*,
 125 *якоже есте безквасни*, ясно показываетъ, что ало господствуетъ не слишкомъ во многихъ. Впрочемъ выраженіе: *якоже есте безквасни*—означаетъ не то, чтобы они всѣ были чистыми, но что имъ должно быть такими. *Ибо и пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ. Тѣмже да празднуемъ не въ квасъ вѣсѣй, ни въ квасъ злобы и лукав-*

ствоа, но въ безквасныхъ чистоты и истины (ст. 8). Такъ и Христосъ называетъ ученіе Свое закваскою (Мѡ. хп, 33). Продолжая переносную рѣчь, (Павель) напоминаетъ имъ о древнихъ событіяхъ, о пасхѣ и опрѣснокахъ, о благодѣяніяхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ, о страданіяхъ и наказаніяхъ.

Подлинно, настоящее время есть время праздника. Онъ сказать: *да празднуемъ* не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христіанъ всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованныхъ имъ благъ. Какого въ самомъ дѣлѣ недостаетъ блага? Для тебя Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, освободилъ тебя отъ смерти, призвалъ въ царствіе. Получивъ и получая такіа блага, не долженъ ли ты праздновать во всю жизнь? Итакъ, никто пусть не скорбитъ въ бѣдности, въ болѣзни и въ напастяхъ; для насъ всякое время есть время праздника. Потому Павель и говоритъ: *радуйтесь о Господѣ, радуйтесь, паки реку, радуйтесь* (Фил. iv, 4). Во время праздниковъ никто не одѣвается въ нечистыя одежды; такъ будемъ поступать и мы, потому что совершается бракъ, духовный бракъ. *Удобися, говоритъ (Господь), царствіе небесное человеку чисту, иже восхотѣ сотворити браки сыну своему* (Мѡ. хп, 2). А когда царь совершаетъ бракъ, и бракъ своего сына, то что можетъ быть болѣе такого праздника? Потому никто пусть не входить одѣтымъ въ рубище; говоримъ не объ одеждахъ, а о нечистыхъ дѣлахъ. Если въ то время, когда всѣ были облечены въ свѣтлыя одежды, одинъ только, оказавшійся на бракъ въ нечистой одеждѣ, былъ изгнанъ съ безчестіемъ, то подумай, какая тщательность и чистота требуются отъ входящихъ на этотъ бракъ. Впрочемъ, не для этого только онъ напоминаетъ имъ объ опрѣснокахъ, но и желаетъ показать сродство ветхаго завѣта съ новымъ и вмѣстѣ объяснить, что послѣ опрѣсноковъ уже не позволительно возвращаться въ Египеть, а кто пожелаетъ возвратиться, тотъ испытаетъ тоже, что тѣ (израильтяне), такъ какъ бывшее съ ними есть тѣмъ настоящаго, хотя іудей безстыдно отвергаетъ это. Если спросишь его, то онъ не скажетъ ничего великаго; или, лучше, наскажетъ много, но ничего не скажетъ такого, что говоримъ мы, потому что не знаетъ истины. Онъ скажетъ, что египтянъ, удерживавшихъ насъ, Богъ привелъ въ такое положеніе, что они сами насильно стали гнать насъ, хотя прежде удерживали, и не дали времени даже заквасить тѣста. Если же кто спроситъ меня, то услышитъ не о Египтѣ и фараонѣ, но о свободѣ отъ демонскаго заблужденія и отъ дьявольскаго мрака, не о Моисеѣ, но о Сынѣ Божіемъ, не о Черномъ морѣ, но о крещеніи, которое изобилуетъ безчисленными благами и въ которомъ потопляется

веткій челоуѣкъ. Опять, если спросишь іудея, почему онъ всячески избѣгаетъ закваски, то онъ и здѣсь будетъ молчать и не скажетъ причины, такъ какъ одно было у нихъ прообразомъ будущаго и имѣло свою причину въ настоящемъ, а другое напротивъ было для того, чтобы удержать іудеевъ отъ пороковъ и чтобы они не остались навсегда при тѣни. Что значитъ, скажи мнѣ, чтобы агнецъ былъ *мужескаго пола, непорочный, едимолѣтній*, и чтобы *кость его не сокрушалась*? Что значитъ повелѣніе пригласить сосѣдей, ѣсть стоя, вечеромъ, кровію помазать домъ (Исх. 12, 5—49)? Ничего другого онъ не скажетъ на это, а только будетъ твердить о Египтѣ. А я скажу, что значитъ кровь и что вечеръ, что значитъ, чтобы всѣ ѣли вмѣстѣ и стоя.

4. Напередъ скажемъ, для чего (у іудеевъ) рѣшительно нагоняется закваска. Что же это значитъ? Значитъ, что вѣрующему надобно быть свободнымъ отъ всякаго порока. Какъ іудей погибаетъ, если у него найдена старая закваска, такъ будетъ и съ нами, если въ насъ будетъ найденъ порокъ. Вѣдь, если ходящихъ въ тѣни постигаетъ такое наказаніе, то насъ не можетъ не постигать гораздо большее. Если они такъ тщательно очищаютъ свои дома отъ закваски, что осматриваютъ даже мышиныя норы, то тѣмъ болѣе намъ должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякій нечистый помыслъ. Впрочемъ это дѣлалось у нихъ прежде, а теперь уже нѣтъ,—потому что вездѣ есть закваска, гдѣ только есть іудей. Если въ городахъ бывають опрѣсноки, то это болѣе шутка, нежели исполненіе закона. Когда явилась истина, то прообразованія уже не имѣютъ мѣста. Такимъ образомъ Павелъ и этимъ подобіемъ весьма разительно отлучаетъ кровосмѣсника отъ Церкви. Онъ не только, говорить, не приносить пользы своимъ присутствіемъ, но и причиняетъ вредъ, заражая все тѣло. Когда гніеніе скрывается внутри и невидно, откуда происходитъ зловоніе, тогда приписываютъ это всему тѣлу. Потому апостолъ съ особенною силою побуждаетъ ихъ очистить закваску: *да будете, говорить, ново смѣшеніе, якоже есте беззакасни: ибо и пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Не сказать: умеръ, но употребилъ выраженіе, болѣе близкое къ предмету: *пожренъ бысть*. Потому не ищи такихъ же опрѣсноковъ, такъ какъ и Агнецъ у тебя не такой; не ищи такой же закваски, такъ какъ и опрѣсноки твои не таковы. Отъ закваски чувственной прѣсное дѣлается кваснымъ, и квасное уже не можетъ сдѣлаться прѣснымъ; а здѣсь можетъ быть и наоборотъ. Впрочемъ онъ не выразилъ этого ясно.

И посмотри на мудрость его: въ первомъ посланіи (къ коринѣянамъ) онъ не подаетъ кровосмѣснику надежды на возвращеніе,

но повелѣваетъ ему проводить всю свою жизнь въ покаяніи, чтобы обѣщаніемъ прещенія не сдѣлать его болѣе нерадивымъ; не говоритъ: предайте его сатанѣ, чтобы послѣ покаянія онъ опять былъ принятъ въ Церковь, но что? *Да спасется съ послѣдній день.* Указываетъ на это время, чтобы сдѣлать его рачительнымъ; а того, что намѣревался даровать ему послѣ покаянія, не открываетъ, подражая своему Владыкѣ. Какъ Богъ сказалъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Ион. iii, 4), и не прибавилъ: если же покается, то спасется, такъ и онъ не сказалъ: если же онъ надлежащимъ образомъ покается, то мы крѣпко будемъ любить его; но предоставляетъ ему самому сдѣлать это дѣло, чтобы тогда и получить благодать. Если бы онъ сказалъ такъ въ самомъ началѣ, то отогналъ бы отъ него страхъ; потому онъ не только не говоритъ этого, но подобіемъ закваски даже не оставляетъ ему надежды на возвращеніе, а отлучаетъ его до будущаго дня: *очистите, говорить, ветхій квасъ*; и еще: *да празднуемъ не съ квасомъ ветхымъ.* Когда же онъ покался, то со всею готовностію опять вводитъ его (въ общеніе съ Церковію). Почему онъ называетъ закваску *ветхомъ*? Или потому, что дѣйствительно такова прежняя наша жизнь, или потому, что ветхое близко къ разрушенію, смрадно и отвратительно, каковъ и есть грѣхъ. Впрочемъ не всегда ветхое порицается и не всегда новое одобряется, но смотря по предмету. Такъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ (Писаніе): *вино новое, другъ мой: еще обетшавъ, тогда съ веселіемъ испіеши его* 127 (Сир. ix, 13), похваляя болѣе старую дружбу, нежели новую. И еще: *Ветхій денми съде* (Дан. vii, 9); здѣсь также ветхость принимается въ знакъ чести и величайшей славы. А въ другихъ мѣстахъ Писаніе поставляетъ ветхость въ укоризну. Такъ какъ различные предметы сочетаются различно, то оно употребляетъ одни и тѣже выраженія и о предметахъ добрыхъ и о предметахъ дурныхъ въ различныхъ смыслахъ. Смотри, въ одномъ мѣстѣ оно принимаетъ ветхость въ смыслъ неодобрительномъ: *обетшавъ и астрошавъ отъ стезь своихъ* (Псал. xvi, 46); и еще: *обетшавъ во стезь вразвѣтъ моихъ* (Псал. vi, 8); и еще: *обетшавый злымъ денми* (Дан. xii, 52). Подобнымъ образомъ и закваска часто принимается въ смыслъ царствія небснаго (Мс. xiii, 33), а между тѣмъ здѣсь отвергается; тамъ — въ одномъ отношеніи, а здѣсь — въ другомъ.

5. Мнѣ кажется, что рѣчь о закваскѣ въ особенности относится къ священникамъ, которые терпятъ внутри много старой закваски, не извергая изъ предѣловъ, т. е. изъ Церкви, любостыжателей, хищниковъ и всего, что отлучаетъ отъ царствія небснаго. Подлинно, любостыжаніе есть старая закваска, и куда оно ни попадетъ, въ какой домъ ни вторгнется, дѣлаетъ его не-

чистымъ. Хотя бы ты немногое приобрьлъ несправедливо, заквасишь этимъ все свое состояніе. Потому часто немногое, приобрьтенное безчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Нѣтъ ничего опаснѣе любостыжанія; хотя бы ты къ своему казнохранилищу придѣлывалъ ключи, двери, запоры, напрасно будешь все дѣлать, если заперъ внутрь любостыжаніе, этого алчйнаго разбойника; который можетъ отнять у тебя все. Какъ же, скажешь, многіе любостыжателі не подвергаются этому? Непремѣнно подвергнутся, хотя и не вдругъ; а если избѣгнуть теперь, то тѣмъ страшнѣе будетъ тогда; они соблюдаютъ для большаго наказанія. Притомъ; если они сами избѣгутъ, то наслѣдники ихъ испытаютъ это. Но, скажешь, справедливо ли это? И весьма справедливо. Получившій наслѣдство, приобрьтенное несправедливо, хотя самъ и не похищалъ, но владѣетъ чужою собственностію, знаетъ это хорошо, и потому справедливо можетъ пострадать. Если бы ты взялъ что-нибудь отъ грабителя, а потомъ ограбленный пришелъ бы къ тебѣ и сталъ требовать свое обратно, то могъ ли бы ты оправдываться тѣмъ, что не ты ограбилъ его? Отнюдь нѣтъ. Что отвѣчалъ бы ты, скажи мнѣ, противъ обвиненія? Что другой отнять? Но ты владѣешь. Что другой ограбилъ? Но ты пользуешься. Это извѣстно и изъ законовъ вѣщныхъ (языческихъ), которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелѣваютъ взыскивать съ тѣхъ, у кого кто найдетъ свою собственность. Итакъ, если ты знаешь обиженныхъ, то вознагради ихъ и сдѣлай такъ, какъ сдѣлалъ Закхей, съ великимъ избыткомъ (Лук. XIX, 8); а если не знаешь, то я укажу тебѣ другой путь и не лишу тебя врачества: раздай все бѣднымъ, и такимъ образомъ исправишь зло. Если же иные передали такое имущество дѣтямъ и внукамъ, то они испытали вмѣсто одного другое зло: Но что я говорю о томъ, что бываетъ здѣсь? Не будетъ говорено объ этомъ въ тотъ день, когда предстанутъ обнаженными тѣ и другіе, и ограбленные и грабители, или лучше сказать, не одинаково обнаженными. Отъ имущества они будутъ одинаково обнажены, но одни изъ нихъ будутъ покрыты грѣхами, нажитыми съ имуществомъ. Что мы сдѣлаемъ въ тотъ день, когда обиженный и лишившійся

128 всей своей собственности предстанетъ предъ страшнымъ судилищемъ, и никто не будетъ защищать тебя? Что ты скажешь Судіѣ? Теперь ты можешь обмануть судъ человѣческій, а тогда того суда уже—нѣтъ; или лучше, не можешь и теперь, потому что и теперь тотъ судъ—въ силѣ. Богъ видитъ все совершающееся и близъ есть къ обижаемымъ, даже и не *присылаемымъ* (Псал. cxlv, 18). Пострадавшій, хотя бы онъ былъ и недостойнъ того, чтобы мстить за него, непремѣнно имѣетъ Бога мстителемъ за себя, потому что причинен-

ное ему зло неугодно Богу. Какъ же, скажешь, такой-то нечестивецъ благоденствуетъ? Но не до конца. Послушай, что говорить пророкъ: *не рессуй лукавующимъ, зане яко трава скоро изсихнетъ* (Пс. xxxvi, 1, 2). Гдѣ, скажи мнѣ, хищникъ, переселившійся отсюда? Гдѣ его свѣтлыя надежды? Гдѣ громкое имя? Не все ли прошло? Не все ли, принадлежавшее ему,—тѣнь и сновидѣніе? Тоже будетъ и съ каждымъ такимъ человѣкомъ, настоящимъ и будущимъ. Но не такъ бываетъ съ святыми мужами, и объ нихъ пельзая сказать того же, т. е. что все, принадлежавшее имъ,—тѣнь, сновидѣніе и мечта. Если хочешь, приведемъ въ примѣръ того, котораго изреченія предъ нами, скинотворца, киликіянина, котораго даже и отецъ неизвѣстенъ. Но возможно ли, скажешь, мнѣ быть такимъ же? А ты рѣшительно хочешь, твердо желаешь и стремишься быть такимъ же? Да, говоришь ты. Такъ иди же тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шелъ онъ и другіе вмѣстѣ съ нимъ. А какимъ они шли путемъ? Одинъ говоритъ: *во алчбѣ и жаждѣ и наготѣ* (2 Кор. xi, 27); другой: *сребра и злата нѣтъ у мене* (Дѣян. iii, 6). Такъ они ничего не имѣли, и между тѣмъ всѣмъ обладали (2 Кор. vi, 10).

6. Что можетъ быть почтеннѣе этихъ словъ? Что блаженнѣе и счастливѣе (такого состоянія)? Другіе хвалятся противнымъ и говорятъ: я имѣю столько-то и столько-то талантовъ золота, множество десятинъ земли, домовъ и слугъ; а онъ—тѣмъ, что ничего не имѣетъ, и не стыдится своей бѣдности, какъ дѣлаютъ люди безразсудные, не скрывается, но даже хвалится. Гдѣ теперь богатые, считающіе проценты и проценты на проценты, готовые отнять собственность у всѣхъ и никогда не насыщающіеся? Послушайте словъ Петра, внушающихъ, что бѣдность есть мать богатства, что она, хотя не имѣетъ ничего, но богаче облеченныхъ въ діадемы. Она, не имѣя ничего, воскрешала мертвыхъ, исцѣляла хромыхъ, изгоняла ѳисовъ и дѣлала то, чего не могли дѣлать облеченные въ багряницы и управлявшіе великими и грозными войсками. Это—слова мужей, уже переселившихся на небо и достигшихъ самаго верха. Такъ, можно ничего не имѣть и всѣмъ обладать, ничего не приобрѣтать и всѣмъ владѣть. А если мы будемъ стараться приобрѣсти все, то лишимся всего. Можетъ быть, эти слова кажутся загадкою, но они—не загадка. Какъ же, скажешь, не имѣющій ничего обладаетъ всѣмъ? Не скорѣе ли имѣющій все? Нѣтъ, а совершенно напротивъ. Не имѣющій ничего имѣетъ въ своей власти все, какъ и было съ апостолами: во всей вселенной для нихъ были открыты всѣ дома, всѣ принимали ихъ съ радостію, какъ друзей и родственниковъ. Пришли они къ порфиропродательницѣ, и она, какъ служагка,

129 предложила имъ свою собственность (Дѣян. хvi, 16); пришли къ темничному стражу, и онъ открылъ имъ весь домъ свой (хvi, 34); также и ко многимъ другимъ. Такъ они ничего не имѣли, и всѣмъ обладали! Они *ничто отъ ижтнѣй глаголаша свое быти* (Дѣян. iv, 32), и потому все принадлежало имъ. Кто считаетъ все общимъ, тотъ пользуется не только своею собственностію, но и собственностію другихъ, какъ своею; а отдѣляющій себя и считающій себя господиномъ только своей собственности не владѣтъ и ею. Это будетъ яснѣе изъ примѣра. Кто рѣшительно ничего не имѣетъ, ни дома, ни трапезы, ни лишней одежды, но всего лишилъ себя для Бога, тотъ пользуется чужимъ, какъ своимъ, и отъ всѣхъ получить, чего захочетъ; такимъ образомъ не имѣющій ничего обладаетъ всѣмъ. А имѣющій что-нибудь не владѣтъ и этимъ, потому что имѣющему никто ничего не дастъ, и его собственность скорѣе сдѣлается жертвою разбойниковъ, воровъ, клеветниковъ, перемѣны обстоятельствъ и всего другого, нежели будетъ его собственностію. Павелъ протекъ всю вселенную, не имѣя у себя ничего, шелъ не къ друзьямъ и не къ знакомымъ,—такъ какъ въ началѣ онъ былъ общимъ врагомъ всѣхъ,—и владѣлъ всѣмъ, когда приходилъ. Ананія и Сапфира, желая удержать малую часть изъ своей собственности, лишились всего вмѣстѣ съ самою жизнію (Дѣян. v, 9). Итакъ оставь свое, чтобы тебѣ пользоваться чужимъ, какъ своимъ. Впрочемъ не знаю, какимъ образомъ я дошелъ до такой крайности, бесѣдуя съ людьми, которые любятъ удѣлять хотя малую часть изъ своего имѣнія.

130 Пусть же наши слова относятся къ людямъ совершеннымъ; а менѣе совершеннымъ скажемъ слѣдующее: удѣляйте отъ имѣнія своего нуждающимся, и такимъ образомъ умножайте свое богатство, потому что подающій бѣдному *взаимъ даетъ Богови*, говоритъ (Премудрый) (Притч. xix, 17). Если же ты не хочешь терпѣть и ожидать времени воздаянія, то вспомни о тѣхъ, которые даютъ займы деньги людямъ. Они не тотчасъ берутъ проценты, но стараются какъ можно долѣе держать капиталъ въ рукахъ должника, только бы вѣрно было возвращеніе и надеженъ взявшій займы. Пусть будетъ тоже и здѣсь: оставь свое въ рукахъ Божіихъ, чтобы Онъ воздалъ тебѣ многократную награду. Не старайся получить все здѣсь; если ты все получишь здѣсь, то какое воздаяніе получишь тамъ? Потому и Богъ соблюдаетъ награды тамъ, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Онъ подаетъ и здѣсь: *ищите*, говоритъ, *царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. vi, 33); но мы будемъ взи- рать туда, и не будемъ спѣшить получать воздаяніе за все, чтобы не уменьшитъ нашей награды, но ожидать того времени. Тамош-

ніе проценты не таковы, какъ здѣсь, но какіе свойственно получать отъ Бога. Потому соберемъ ихъ тамъ, какъ можно болѣе, и такимъ образомъ перейдемъ отсюда, чтобы намъ сподобиться и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

Писахъ вамъ въ посланіи не примѣшати блудникомъ: 129 и не всяко блудникомъ міра сего, или лихоимцемъ, или хищникомъ, или идолослужителемъ: понеже убо должны бы есте были отъ міра изыти. Нынѣ же писахъ вамъ не примѣшати, аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или пїяница, или досадитель, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти (1 Кор. v, 9—11).

1. Когда (апостолъ) говорилъ: *не паче плакасте, да измется таковъ, и: очистите ветхій квасъ*, то (коринѣяне) могли подумать, что надобно избѣгать всѣхъ блудниковъ (такъ какъ если согрѣшившій сообщаетъ свою заразу не согрѣшившимъ, то тѣмъ болѣе должно удаляться согрѣшающихъ изъ внѣшнихъ; если не должно шадить своего за тотъ вредъ, который происходитъ отъ него, то тѣмъ болѣе—чужихъ); а допустивъ это, они должны были удаляться и блудниковъ языческихъ. Такъ какъ это невозможно, и такое требованіе только болѣе раздражило бы ихъ, то апостолъ дѣлаетъ оговорку и говоритъ: *писахъ вамъ не примѣшати блудникомъ: и не всяко блудникомъ міра сего*. Слово: *всяко* употребляетъ въ смыслѣ оговорки. Чтобы они не подумали, что онъ не заповѣдуетъ имъ этого, только какъ несовершеннымъ, а что совершенные могутъ дѣлать и это, онъ объясняетъ, что это невозможно, хотя бы они и желали; иначе надлежало бы искать другой вселенной. Потому и прибавляетъ: *понеже должны бы есте отъ міра изыти*. Видишь ли, какъ онъ не хочетъ отягощать ихъ, а всегда обращаетъ вниманіе не только на возможность, но и на удобство заповѣдей? Какъ возможно, говорить, чтобы человекъ, 130 имѣя домъ и дѣтей, исполняя общественныя обязанности, будучи ремесленникомъ или воиномъ, при такомъ множествѣ язычниковъ, всегда избѣгалъ блудниковъ? *Блудниками міра* онъ называетъ блудниковъ изъ язычниковъ. *Нынѣ же писахъ вамъ, аще нѣкій братъ будетъ таковъ, съ таковымъ ниже ясти*. Здѣсь онъ

намекаетъ и на другихъ, живущихъ порочно. Но какъ братъ можетъ быть идолослужителемъ? Такъ, какъ нѣкогда самаряне, которые только въ половину держались благочестія. Съ другой стороны онъ здѣсь предначинаетъ рѣчь объ идоложертвенномъ, которую намѣренъ былъ изложить послѣ. *Или лихоимецъ*. Отвергаетъ и такихъ людей; потому и говоритъ послѣ: *почто не паче обидими есте? почто не лишени бываете? но вы сами обидите и лишаете* (vi, 7, 8). *Или пияница*. И за это осуждаетъ послѣ, когда говоритъ: *овъ убо алчеть, овъ же упивается* (xi, 21), и: *брашна чреву, и чрево брашномъ* (vi, 13). *Или досадитель, или хищникъ*. Такихъ людей онъ укорялъ прежде. Затѣмъ представляетъ причину, почему онъ не заповѣдуетъ не сообщаться съ такими людьми изъ язычниковъ, доказывая, что это не только невозможно, но и излишне. *Что бо ми и внѣшнихъ судити* (ст. 12)? Внутренними онъ называетъ христіанъ, а внѣшними—язычниковъ, какъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *подобаетъ ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. iii, 7); и въ посланіи къ Фессалоникійцамъ говоритъ тоже: *не примѣшайтесь ему, да посрамится: и не аки врага имѣйте, но наказуйте, якоже брата* (2 Сол. iii, 14, 15). Впрочемъ тамъ онъ не представляетъ причины. Почему? Потому, что 131 тамъ онъ хотѣлъ ободрить, а здѣсь не то; тамъ не такой грѣхъ, какой здѣсь; тамъ онъ обличаетъ меньшій грѣхъ—праздность, а здѣсь—блудъ и другіе тягчайшіе грѣхи. Кто будетъ сообщаться съ язычниками, тому онъ не запрещаетъ ѣсть съ ними, по той же причинѣ. Такъ поступаемъ и мы: о дѣтяхъ и братьяхъ имѣемъ полное попеченіе, а о чужихъ заботимся не много. Но что же? Развѣ Павелъ не заботился о внѣшнихъ? Заботился, но преподавалъ имъ заповѣди уже тогда, когда они принимали проповѣдь и покорялись ученію Христову; а пока они не обратились, дотолѣ излишне было бы говорить о заповѣдяхъ Христовыхъ тѣмъ, которые даже не знали Христа. *Не внутреннихъ ли вы судите? Внѣшнихъ же Богъ судитъ* (ст. 13). Чтобы изъ словъ его: *что ми и внѣшнихъ судити?*—кто-нибудь не вывелъ заключенія, что язычники останутся безнаказанными, онъ указываетъ имъ на другой судъ—страшный. Говорить это, чтобы устрашить внѣшнихъ и вмѣстѣ утѣшить своихъ, и чтобы показать, что это временное наказаніе избавляетъ отъ вѣчнаго и безконечнаго, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *нынѣ же судими наказуемся, да не съ миромъ осудимся* (1 Кор. xi, 32); и: *измите злого отъ васъ самихъ* (Второз. xvi, 7).

2. Онъ заимствовалъ изреченіе изъ ветхаго завіта, чтобы съ одной стороны внушить, что и они сами получаютъ величайшую пользу, освободившись какъ бы отъ опасной заразы, а съ

другой стороны показать, что это не нововведеніе, а еще древнимъ законодателемъ заповѣдано отлучать такихъ людей. Впрочемъ тамъ было строже, а здѣсь снисходительнѣе. При этомъ справедливо можно спросить, почему тамъ законодатель позволялъ казнить грѣшника и побивать камнями, а здѣсь не такъ, но ведетъ его къ покаянію? Почему тамъ узаконено такъ, а здѣсь иначе? По двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что новозавѣтные призваны къ большому подвигу, слѣдовательно имѣютъ нужду въ большемъ снисхожденіи; во-вторыхъ, и справедливѣе, потому, что облегченіе въ наказаніи скорѣе располагаетъ ихъ къ покаянію и исправленію, а ветхозавѣтныхъ оно привело бы къ большому развращенію. Если они, и видя наказаніе своихъ предшественниковъ, оставались при тѣхъ же грѣхахъ, то тѣмъ болѣе закоснѣвали бы въ такомъ состояніи, если бы иные изъ нихъ не были наказываемы. Потому-то тамъ прелюбодѣй и убійца немедленно предавались смерти, а здѣсь, если очистятся покаяніемъ, избѣгутъ наказанія. Впрочемъ, можно встрѣчать и въ новомъ завѣтѣ наказанія болѣе строгія, нежели въ ветхомъ, и въ ветхомъ болѣе легкія, нежели въ новомъ, откуда видно, что эти завѣты сродны и принадлежать одному и тому же законодателю. Тамъ и здѣсь наказанія иногда вдругъ слѣдуютъ за преступленіемъ, иногда спустя долгое время, а нерѣдко не бываетъ и этого, но Богъ удовлетворяется однимъ покаяніемъ. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ Давидъ, совершившій прелюбодѣяніе и убійство, опасая покаяніемъ, а въ новомъ Ананія, утаившій немного изъ цѣны за имѣніе, погибъ вмѣстѣ съ женою. Если же въ ветхомъ больше примѣровъ строгости, а въ новомъ—напротивъ, то различіе такого домостроительства происходитъ отъ различія лицъ. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя къ брату своему, судитися отъ неправды, а не отъ святыхъ* (vi, 1)? И въ этомъ опять апостолъ обвиняетъ ихъ, какъ въ дѣлѣ извѣстномъ; тамъ говоритъ: *откуда слышится отъ васъ блужденіе*; а здѣсь: *смѣетъ ли кто отъ васъ*? Въ самомъ началѣ выражаетъ гнѣвъ и показываетъ, что это дѣло нескромное и законопреступное. Но почему онъ завелъ рѣчь о любостыжаніи и о томъ, что не должно судиться у вѣншихъ? Слѣдуя своему правилу. А правиломъ его было—исправлять всѣ грѣхи, какіе встрѣчаются; напр., разсуждая объ общественныхъ трапезахъ, онъ завелъ рѣчь о тайнствахъ. Такъ и здѣсь, упомянувъ о любостыжательныхъ братіяхъ, по пламенной ревности къ исправленію согрѣшающихъ, онъ уже не соблюдаетъ порядка, но обвиняетъ грѣхъ, какой представился по ходу рѣчи, и потомъ возвращается къ прежнему предмету. Послушаемъ же, что онъ говоритъ объ этомъ. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя къ брату*

своему, *судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ*? Самыми названіями раскрываетъ грѣхъ, обличаетъ и отклоняетъ отъ него. Сначала онъ не отвергаетъ вовсе суда у вѣрныхъ; но когда уже сильно обличилъ ихъ, тогда и вовсе запрещаетъ судиться. Если, говорить, непременно нужно судиться, то не слѣдуетъ у невѣрныхъ, а лучше и вовсе не судиться. Впрочемъ послѣднюю мысль онъ высказываетъ послѣ, а теперь пока запрещаетъ только судиться у постороннихъ. Не странно ли, говорить, для примиренія съ другомъ набирать посредникомъ врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычникъ садится судить христіанина? Если же не должно судиться у язычниковъ въ дѣлахъ частныхъ, то какъ можно обращаться къ нимъ въ дѣлахъ болѣе важныхъ? И смотри, какъ онъ выражается. Не сказалъ: у невѣрныхъ, но: у *неправедныхъ*; употребляетъ такое выраженіе, какое особенно нужно было ему для предположенной цѣли, для того, чтобы исправить и отклонить. Говоря о судѣ и имѣя въ виду, что судящіеся ничего такъ не желаютъ отъ судей, какъ великой заботы о правосудіи, онъ этимъ самымъ и вразумляетъ ихъ, какъ бы такъ говоря: куда ты идешь и что дѣлаешь, человѣкъ, поступая вопреки собственному желанію, ища правды у людей неправедныхъ? Тяжело было прямо услышать запрещеніе судиться; потому онъ не вдругъ заповѣдуетъ это, но сначала только перемѣняетъ судью, обращая судившихся отъ вѣншнихъ къ Церкви; а потомъ, такъ какъ судиться у своихъ казалось унижительною, особенно тогда,—потому что они, будучи по большей части изъ простыхъ людей, можетъ быть, не способны были разбирать дѣла и были не столь свѣдущи въ законахъ и искусны въ краснорѣчіи, какъ судьи вѣншіе,—то смотри, какъ онъ дѣлаетъ ихъ достойными довѣрія, называя сперва *святими*. Но такъ какъ это свидѣтельствовадо о чистотѣ ихъ жизни, а не объ искусствѣ выслушивать дѣла, то смотри, какъ онъ обращаетъ рѣчь и къ этому предмету, и говорить: *не вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити* (ст. 2)?

- 133 3. Если же ты будешь судить пѣкогда язычниковъ, то какъ допускаешь имъ судить тебя теперь? Судить будутъ (святые), не сами засѣдая и требуя отчета, но осудятъ. Это выражаетъ апостоль словами: *аще вами судъ пріиметь міръ, недостойни есте судищемъ худымъ*. Не сказалъ: отъ васъ, но: *вами*, какъ и Господь сказалъ: *царица южская встанетъ, и осудитъ родъ сей*; и: *мужіе ниневитстїи встанутъ и осудятъ родъ сей* (Мѡ. хп, 41, 42). Они видятъ одно и тоже съ нами солнце и участвуютъ въ одномъ и томъ же, и между тѣмъ если мы окажемся вѣрующими, а они невѣрующими, то имъ невозможно будетъ сослаться на незнаніе;

мы осудимъ ихъ тѣмъ, что мы сдѣлали; и много подобныхъ найдется тогда спрособовъ осужденія. А чтобы кто не подумалъ, что онъ говоритъ о комъ-нибудь другомъ, смотри, какъ онъ обобщаетъ рѣчь: *и аще вами судъ приметъ міръ, недостойни есте судити ихъ*. Поведеніе ваше, говоритъ, наноситъ вамъ стыдъ и невыразимое безчестіе. Коринеяне, вѣроятно, стыдились судиться у своихъ судей; потому онъ говоритъ: напротивъ, стыдитесь того, что вы судитесь у внѣшнихъ; ихъ судилища мало-важны, а не тѣ. *Не есте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (ст. 3)? Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь онъ разумѣетъ священниковъ; но нѣтъ, — онъ говоритъ о демонахъ. Если бы онъ говорилъ о порочныхъ священникахъ, то разумѣлъ бы ихъ выше, когда говорилъ: *вами судъ приметъ міръ*, — потому что порочныхъ людей Писаніе обыкновенно называетъ міромъ, — и не сталъ бы говорить о томъ же въ другой разъ, тѣмъ болѣе не сказалъ бы объ этомъ послѣ перваго, какъ бы о чемъ-то болѣе важномъ. Онъ говоритъ здѣсь о тѣхъ ангелахъ, о которыхъ говоритъ Христосъ: *идите во огнь, уготованный диаволу и ангеломъ его* (Мф. xxv, 41), и самъ Павелъ: *ангелы его преобразуются, яко служители правды* (2 Кор. xi, 15). Когда эти безтѣлесныя силы окажутся хуже насъ, облеченныхъ плотію, то подвергнутся тягчайшему наказанію. Если же кто еще станетъ спорить, что здѣсь говорится о священникахъ, то мы спросимъ: о какихъ священникахъ? Конечно о тѣхъ, которые вели себя по-житейски? Но какъ же онъ говоритъ, что *ангеловъ судити имамы, а не житейскихъ*, противопоставляя ангеловъ дѣламъ житейскимъ? Это справедливо въ томъ смыслѣ, что они по превосходству своей природы не имѣютъ нужды (въ житейскомъ). *Житейская бо судища аще имате, уничиженныхъ въ церкви, сихъ посаждайте* (ст. 4). Желая съ особенною силою вразумить насъ, что не должно, въ чемъ бы то ни было, обращаться къ внѣшнимъ судьямъ, и видя представляющееся возраженіе, онъ напередъ разрѣшаетъ его. Смыслъ словъ его слѣдующій: можетъ быть, кто скажетъ, что между вами нѣтъ ни одного мудраго или способнаго разбирать дѣла, но всѣ не способны къ тому: что же? Хотя бы, говоритъ, у васъ не было ни одного мудраго, поручайте это дѣло самымъ послѣднимъ. *Къ славу вамъ сіе глаголю* (ст. 5). Осуждаетъ такое возраженіе, какъ пустой предлогъ; потому и продолжаетъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?* Неужели, говоритъ, у васъ такая скудость? Неужели у васъ такъ рѣдки умные люди? Послѣдующимъ прибавленіемъ еще болѣе поражаетъ ихъ; именно, сказавъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?* — присовокупляетъ: *иже можетъ разсудити* 134 *между братій своихъ*. Когда братъ судится съ братомъ, то для

посредника въ тяжбѣ не нужны большая мудрость и искусство, но къ разрѣшенію спора много могутъ содѣйствовать расположенность и родство. *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ несправедливыми* (ст. 6). Видишь ли, какъ благоразумно онъ сперва унижилъ судей, назвавъ ихъ неправедными, а теперь пристыжаетъ (коринѳяны), называя (этихъ судей) несправедливыми? И дѣйствительно, весьма стыдно, если между братьями не можетъ быть примирителемъ священникъ, но оказывается нужнымъ прибѣгать къ внѣшнимъ. Указавъ на *уничиженныхъ*, онъ не то говоритъ, что на мѣстѣ судей должны быть люди самые негодные, но пристыжаетъ ихъ. Что судъ надобно предоставлять людямъ, способнымъ разбирать дѣла, это онъ выразилъ въ словахъ: *такъ ли нѣтъ въ васъ мудрыхъ ни одинъ*? А чтобы совершенно заградить имъ уста, говорить, что еслибы даже между ними не было ни одного мудраго, то лучше предоставить дѣла на судъ немудрыхъ, нежели судиться у внѣшнихъ. Не нелѣпо ли, въ случаѣ домашней ссоры, не обращаться ни къ кому изъ постороннихъ и стыдиться, если домашнія дѣла разгласятся внѣ дома; а изъ Церкви, которая есть сокровищница непамятенныхъ таинствъ, все выносить наружу? *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ несправедливыми*. Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у несправедливыхъ. Если судиться съ братомъ само по себѣ есть грѣшное дѣло, то судящійся у внѣшнихъ заслуживаетъ ли какого-либо оправданія? *Уже убо отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имаете между собою* (ст. 7). Видишь ли, до какихъ поръ онъ не высказывалъ этого и какъ благовременно искореняетъ это (зло)? Я еще не изслѣдую, говорить, того, кто правъ и кто неправъ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осужденія и ничѣмъ одинъ другого не лучше.

4. Справедливо или несправедливо братъ судится съ братомъ, это—другой вопросъ. Не говори же, кто причинилъ обиду; осуждаю тебя уже за то, что судишься. Если не сносить обиды—грѣхъ, то нанесеніе обиды какого достойно осужденія? *Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишени бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (ст. 8). Здѣсь два преступленія, или лучше, три и даже четыре. Одно то, что не сносятъ обиды; другое, что сами обижаютъ; третье, что ищутъ суда у неправедныхъ; четвертое, что поступаютъ такъ съ братомъ. Не одинаково судятся грѣхи, когда они совершаются противъ кого-нибудь случайно попавшагося, или противъ собственного члена; въ послѣднемъ случаѣ обнаруживается больше безстыдства; тамъ оскорбляется одно естество, а здѣсь самая личность. Пристыдивъ ихъ такимъ образомъ общими соображеніями, а больше всего ожидающими ихъ наградами, онъ заключаетъ увѣ-

шаніе угрозою, усиливаетъ рѣчь и говоритъ: *или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наследуютъ? Не лстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернителіи, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни тати, ни пияницы, ни досадители, ни хищники царствія Божія не наследуютъ* (ст. 9, 10). Что говоришь ты? Бесѣдуя о любостязателяхъ, для чего 136 упоминаешь о такомъ множествѣ беззаконниковъ? Такъ, отвѣчаешь; но я дѣлаю это, не смѣшивая предметы рѣчи, а продолжая ее по порядку. Дѣйствительно, какъ въ бесѣдѣ о блудникахъ онъ упомянулъ о всѣхъ, такъ опять и здѣсь, бесѣдуя о любостязателяхъ, исчисляетъ всѣхъ грѣшниковъ, чтобы приготовить къ обличенію тѣхъ, которые сознаютъ за собою такіа дѣла. Когда кто безпрестанно слышитъ о наказаніи, ожидающемъ другихъ, то самъ дѣлается доступнѣе для вразумленія, потому что прилагаетъ это наказаніе и къ собственнымъ своимъ грѣхамъ. Апостолъ произноситъ здѣсь угрозу не потому, чтобы онъ зналъ за коринтеянами всѣ эти грѣхи и укорялъ за нихъ; но потому, что вниманіе слушателя привлекается и поддерживается преимущественно тогда, когда рѣчь касается его не прямо, а неопредѣленно, прикровенно поражая его совѣсть. *Не лстите себе.* Здѣсь онъ разумѣетъ нѣкоторыхъ говорившихъ, какъ и нынѣ многіе говорятъ: Богъ человеколюбивъ и благъ, Онъ не метитъ за преступленія, намъ нечего бояться, Онъ никогда не накажетъ ни за какой грѣхъ. Потому и говоритъ: *не лстите себе.* Вѣдь крайнее обольщеніе и заблужденіе—надѣясь на пріятное, получить противное, и думать о Богѣ такъ, какъ не думаютъ и о человекѣ. Потому пророкъ говоритъ отъ лица Божія: *возмещу еси беззаконія, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и предстаню предъ лице твое* (Ис. xlix, 21). И Павелъ (говоритъ) здѣсь: *не лстите себе: ни блудницы, —* поставляетъ напередъ уже осужденнаго грѣшника, — *ни прелюбодѣи, ни малакии, ни пияницы, ни досадители царствія Божія не наследуютъ.*

Многіе осуждали это мѣсто, какъ слишкомъ жестокое, такъ какъ апостолъ здѣсь наряду съ блудникомъ, прелюбодѣемъ и мужеложникомъ ставитъ пьяницу и злослѣдника: грѣхи не равны, — почему же равны наказанія? Что сказать на это? А то, что пьянство и алорѣчіе—грѣхи немаловажные, если и Христосъ призналъ виновнымъ гееннѣ того, кто назоветъ брата уродомъ (Мѣ. v, 22). Отсюда часто происходило убійство; отъ пьянства и народъ іудейскій впалъ въ весьма тяжкіе грѣхи. Притомъ апостолъ говоритъ здѣсь не о наказаніи, а о лишеніи царствія. Царствія одинаково лишаются, какъ тотъ, такъ и другой; а будетъ ли между ними какое-нибудь различіе въ гееннѣ, о томъ говорить теперь не

время; мы теперь разсуждаемъ не объ этомъ. *И сими нѣцыи бѣсте: но омыстеса, но освятистеса* (ст. 11). Сильно онъ укоряетъ ихъ этими словами; подумайте, говорить, отъ какихъ золь Богъ избавилъ васъ, какое явилъ вамъ доказательство своего человеколюбія; и не ограничилъ Своего милосердія однимъ избавленіемъ отъ золь, но простеръ Свое благодѣяніе еще далѣе: сдѣлалъ васъ чистыми. Да и только ли? Нѣтъ,—еще и освятилъ; и это не все,—и оправдалъ. Освободиться отъ грѣховъ—уже великій даръ; но Онъ еще обогатилъ васъ безчисленными благами; притомъ *именемъ Господа нашего Иисуса Христа*, не такимъ-то и такимъ-то, но и *Духомъ Бога нашего*. Итакъ, возлюбленные, зная это и представляя величіе дарованныхъ намъ благъ, будемъ жить благочестиво, соблюдая себя чистыми отъ всѣхъ иочисленныхъ грѣховъ; будемъ убѣгать внѣшнихъ судилищъ, бывающихъ на торжищахъ, и сохранять благородство, которое даровалъ намъ Богъ. Подумай, 136 какой стыдъ, когда язычникъ воссѣдаетъ и производитъ надъ тобою судъ!

5. Но, скажешь, что, если свой судить несправедливо? Почему же такъ, скажи мнѣ? По какимъ законамъ судить язычникъ и по какимъ христіанинъ? Развѣ не извѣстно, что язычникъ—по человѣческимъ, а христіанинъ—по божескимъ? Слѣдовательно, правды больше здѣсь, потому что законы ниспосланы съ неба. Во внѣшнихъ судилищахъ, кромѣ сказаннаго, есть еще много подозрительнаго: и искусство риторовъ, и недобросовѣстность судей, и многое другое, чѣмъ нарушается правосудіе; а здѣсь нѣтъ ничего такого. Что дѣлать, скажешь, когда противникъ изъ числа сильныхъ? Тогда особенно и должно судиться здѣсь; во внѣшнихъ судилищахъ онъ непремѣнно преодолѣетъ тебя. Если же онъ не хочетъ этого и, презирая внутреннія судилища, насильно влечетъ къ внѣшнимъ, то лучше добровольно потерпѣть то, чему тамъ ты подвергнешься противъ воли, и не судиться, чтобы получить и награду. *Хотящемуся судитися съ тобою, говорить (Господь), и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу; и: буди утѣшаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ* (Мѡ. v, 40, 25). Впрочемъ, нужно ли намъ распространяться? Саки защитники внѣшнихъ судилищъ очень часто говорятъ, что лучше обходиться безъ нихъ.

О, деньги, или лучше, о, безумная страсть къ деньгамъ! Она низвращаетъ и ниспровергаетъ все; для денегъ многимъ все кажется баснею и пустяками. Что мірскіе люди заводятъ тяжбы въ судилищахъ, это еще не удивительно; но когда многіе изъ отрেকшихся отъ міра дѣлаютъ тоже, это уже не заслуживаетъ никакого прощенія. Если хочешь видѣть, какъ Писаніе поволь-

васть тебѣ удаляться отъ этой нужды, т. е. отъ судилищъ, и для
кого существуютъ законы, то послушай, что говоритъ Павелъ:
праведнику законъ не лежитъ, но беззаконнымъ и непокоривымъ
(1 Тим. I, 9). Если же онъ говоритъ такъ о (законѣ) Моисеевомъ,
то тѣмъ болѣе — о (законахъ) внѣшнихъ. И подлинно, когда ты
самъ оскорбляешь, то явно, что ты не праведникъ; а когда тебя
оскорбляютъ и ты терпишь,—что особенно и свойственно правед-
нику, — но не имѣешь нужды въ законахъ внѣшнихъ. Но, ска-
жешь, могу ли я терпѣть, когда меня оскорбляютъ? А Христосъ
заповѣдалъ еще больше. Онъ заповѣдалъ оскорбляемому не только
терпѣть, но и благодѣтельствовать оскорбляющему и готовностію
къ терпѣнію побѣждать (злое) расположеніе оскорбляющаго. Онъ
не сказалъ: желающему судиться съ тобой и взять у тебя ризу
отдай ризу, но—вмѣстѣ съ нею отдай ему и срачицу. Побѣждай
его, говоритъ, терпѣніемъ, а не оскорбленіемъ съ своей стороны:
вотъ славная и блистательная побѣда! Потому и Павелъ далѣе
говоритъ: *уже убо отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате ме-
жду собою. И почто не паче обидими есте?* Побѣда принадлежитъ
скорѣе терпящему обиду, нежели не терпящему; постараюсь объ-
яснить вамъ это. Положимъ, что не терпящій обиды ведетъ про-
тивника своего въ судилище и одерживаетъ верхъ; но тогда-то
онъ самъ и остается побѣжденнымъ. Онъ подвергся тому, чего
не хотѣлъ: противникъ принудилъ его огорчаться и судиться.
Что въ томъ, что ты одержалъ верхъ? Что въ томъ, что обратно 137
получилъ всѣ деньги? Ты потерпѣлъ то, чего не хотѣлъ, будучи
принужденъ судиться. Если же ты переносишь обиду, то побѣж-
даешь; теряешь деньги, но пріобрѣтаешь побѣду при такомъ
любимудріи, потому что, значить, противникъ не могъ принудить
тебя къ тому, чего ты не хотѣлъ. Чтобы видѣть, что это правда,
скажи мнѣ: кто побѣдилъ—завистникъ, или сидѣвшій на гноищѣ?
Кто побѣжденъ—лишенный ли всего Іовъ, или лишившій всего
дьяволъ? Явно, что лишившій всего дьяволъ. Кого мы прослав-
ляемъ побѣдителемъ — дьявола ли, который поражалъ, или Іова,
который былъ поражаемъ? Явно, что Іова. Правда, онъ не могъ
сохранить погибшаго имущества и спасти дѣтей своихъ; что я
говорю: имущества и дѣтей?—не могъ сохранить даже тѣлеснаго
здоровья; однако побѣдителемъ остался онъ, потерявшій все иму-
щество. Онъ не могъ сохранить имущества, но всецѣло сохранилъ
благочестіе. Онъ не могъ предотвратить гибель дѣтей; но что
изъ этого? Случившееся сдѣлало ихъ болѣе славными и ему по-
собило среди искушеній. Если бы онъ не пострадалъ и не потер-
пѣлъ нападеній отъ дьявола, то и не одержалъ бы такой блиста-
тельной побѣды. Если бы терпѣть обиды было зло, то Богъ не

заповѣдать бы намъ этого, потому что Богъ не заповѣдуетъ ничего худого. Или вы не знаете, что Онъ есть Богъ *славы* (Пс. ххш, 10), и не желаетъ, чтобы мы подвергались безславію, осмѣянію и погибели, а доставляетъ намъ все противоположное тому? Онъ заповѣдуетъ намъ терпѣть обиды и все дѣлаетъ для того, чтобы отклонить насъ отъ житейской суеты и научить, въ чемъ состоятъ слава и безславіе, потеря и приобрѣтеніе.

6. Но, скажешь, тяжело терпѣть оскорбленія и обиды? Нѣтъ, человѣкъ, не тяжело. Доколѣ ты будешь пристрастенъ къ благамъ настоящимъ? Богъ не повелѣлъ бы этого, если бы было тяжело. И смотри: нанесшій обиду отходитъ съ деньгами, но за то и съ порочною совѣстію; а потерпѣвшій обиду, хотя лишился денегъ, но получилъ дерзновеніе предъ Богомъ—отязканіе, которое драгоцѣннѣе безчисленныхъ сокровищъ. Итакъ, зная это, будемъ любомудрыми по доброй волѣ,—и мы не подвергнемся участи людей неразумныхъ, которые не считаютъ обидою для себя, когда лишаются чего-нибудь по приговору судилища. Напротивъ, мы терпимъ величайшую потерю, когда любомудруемся такъ не по доброй волѣ, а будучи принуждены къ тому, потому что проигравшій дѣло не выноситъ никакой пользы изъ судилища; любомудріе его есть слѣдствіе необходимости. Въ чемъ же блистательная побѣда? Въ томъ, когда ты презираешь обиду, когда не прибѣгаешь къ суду. Что ты говоришь, скажешь ты? У меня отнято все имуществъ, а ты повелѣваешь молчать? Я обиженъ, а ты совѣтуешь переносить это съ кротостію? Какъ я могу это сдѣлать? Легко сможешь, если возаришь на небо и красоту его, если вспомнишь, гдѣ Богъ обѣщаль принять тебя за великодушное перенесеніе обидъ. Поступай же такъ и, возрѣвъ на небо, помысли, что ты чрезъ это уподобляешься сѣдѣющему тамъ на херувимахъ. Онъ также былъ оскорбляемъ, и терпѣлъ; былъ поругаемъ, и не мстил; былъ оплеваемъ, и не отвѣчалъ,—но напротивъ воздавалъ оскорблявшимъ Его безчисленными благодѣяніями, и намъ повелѣлъ подражать Ему. Вспомни, что ты нагъ вышелъ изъ утробы матери своей, нагъ и отойдешь отсюда—и ты и оби-
138 дѣвшій тебя, или лучше, онъ умереть съ тысячею язвъ, поражающихъ червей. Помысли, что настоящее временно; представь себѣ гробы прародителей; вникни внимательнѣе въ дѣло,—и увидишь, что нанесшій тебѣ обиду сдѣлалъ тебя болѣе крѣпкимъ: страсть сребролюбія—въ себѣ онъ сдѣлалъ сильнѣе, а въ тебѣ ослабилъ, отнявъ пищу у этого звѣря. Сверхъ того, онъ избавилъ тебя отъ заботъ, хлопотъ, зависти клеветниковъ, безпокойства, смятенія, безпрестаннаго страха, а на свою голову навлекъ множество золъ. Но что, скажешь, если я долженъ буду бороться

съ голодомъ? Будешь терпѣть это вмѣстѣ съ Павломъ, который говоритъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ* (1 Кор. iv, 11). Но онъ, скажешь, для Бога? И ты для Бога: когда ты не мстишь, то дѣлаешь это для Бога. Но нанесшій мнѣ обиду наслаждается вмѣстѣ съ богачами? Лучше скажи: съ діаволомъ; а ты получишь вѣнцы вмѣстѣ съ Павломъ. Не бойся голода: *не убійтъ* (говоритъ Премудрый) *Глаголю Господь души праведныхъ* (Притч. i, 3); и другой говоритъ: *возверзи на Господа печаль твою, и тоя твѣ препитаесть* (Псал. lrv, 28). Если Онъ питаетъ полевыхъ иташекъ, то не пропитаетъ ли тебя? Не будемъ же маловѣрны и малодушны, возлюбленные! Общавшій намъ царствіе и такія блага лишить ли насъ настоящихъ благъ? Не будемъ желать лишняго, будемъ довольны малымъ,—и мы всегда будемъ богаты. Будемъ пецись только объ одеждѣ и пищѣ,—и получимъ какъ это, такъ и гораздо большее. Когда ты скорбишь и огорчаешься обидою, я желалъ бы показать тебѣ душу торжествующаго побѣду обидчика: она подобна пещу! Таково свойство грѣха: пока онъ совершается, дотолѣ доставляетъ нѣкоторое удовольствіе; а когда совершится, то легкое удовольствіе проходитъ и наступаетъ скорбь. Тоже испытываемъ и мы, когда наносимъ кому-нибудь обиду: послѣ сами осуждаемъ себя. Точно также, когда мы удовлетворяемъ своему корыстолюбію, радуемся; а послѣ совѣсть угрызаетъ насъ.

Видишь ли ты у кого-нибудь домъ бѣднаго? Плачь не о томъ, кто лишился, но о томъ, кто взялъ его; не другому, а себѣ онъ причинилъ зло; бѣднаго онъ лишилъ блага настоящаго, а себя—благъ неизреченныхъ. Вѣдь если не подающій бѣднымъ идетъ въ геенну, то отнимающій у бѣдныхъ какому подвергнется мученію? Но какая, скажешь, польза отъ того, что я терплю зло? Большая польза. Не въ наказаніи причинившаго тебѣ зло Богъ поставляетъ для тебя воздаяніе: это значило бы немного. Что пользы, если я терплю зло и онъ терпитъ зло? Знаю, что многіе считаютъ величайшимъ для себя утѣшеніемъ и остаются совершенно довольными, когда видятъ обидѣвшихъ ихъ наказанными; но Богъ не въ томъ поставляетъ воздаяніе. А знаешь ли, какія ожидаютъ тебя блага? Онъ отверзаетъ тебѣ все небо, дѣлаетъ тебя сожителемъ святыхъ, включаетъ тебя въ ихъ ликъ, разрѣшаетъ отъ грѣховъ, вѣнчаетъ правдою. Вѣдь если прощающіе согрѣшившимъ получаютъ отпущеніе грѣховъ, то не только прощающіе, но и благодѣтельствующіе имъ какого не удостоятся благословенія? Потому не огорчайся, но еще молись за обидѣвшаго тебя; это принесетъ пользу тебѣ самому. Онъ взялъ твое

зіємъ (4 Цар. v, 27). Какого не отдать бы ты богатства, чтобы тебѣ отпущены были грѣхи? Это можетъ случиться и теперь; если будешь терпѣть и не станешь проклинать, то получишь блистательный вѣнецъ. Не мои это слова, но Христовы: *моли-
теся*, сказалъ Онъ, *за творящихъ вамъ напасть*; и подумай, какая за это награда: *яко да будете подобны Отцу вашему, иже есть на
небесахъ* (Мѣ. v, 44, 45). Такимъ образомъ ты ничего не теряешь, но еще приобретаешь, не терпишь вреда, но еще получаешь вѣ-
140 нецъ; душа твоя дѣлается болѣе любознательною; ты уподобляешься Богу, избавляешься отъ заботъ объ имуществѣ, приобретаешь царствіе небесное. Итакъ, представляя все это, возлюбленные, будемъ любознательновать, когда насъ обижаютъ, чтобы избавиться отъ безпокойствъ настоящей жизни, освободиться отъ бесполезныхъ огорченій и сподобиться радости будущей, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

139 Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего (1 Кор. vi, 12).

1. Здѣсь (апостолъ) указываетъ на чревоугодниковъ. Намѣреваясь снова обличать предавагося прелюбодѣянію, которое происходитъ отъ пресыщенія и неумѣренности, онъ сильно поражаетъ эту страсть. Здѣсь говоритъ онъ не о запрещенныхъ яствахъ, — они не позволительны, — а о тѣхъ, которыя кажутся безразличными. Напримѣръ: можно, говорить, ѣсть и пить, но не слѣдуетъ — съ неумѣренностью. И вотъ что чудно и удивительно: какъ дѣлаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь онъ показываетъ обратную сторону предмета и объясняетъ, что иногда состоящее въ нашей власти не только бесполезно, но и обнаруживаетъ не власть, а рабство. И во-первыхъ, отклоняетъ отъ этого, какъ отъ негоднаго, говоря: *не на пользу*, а во-вторыхъ, какъ отъ ведущаго къ противоположному: *не азъ обладаю буду отъ чего*. Смыслъ словъ его слѣдующій: ты, говорить, властенъ ѣсть; сохраняя же свою власть и смотри, чтобы не сдѣлаться рабомъ этого пожеланія. Кто надлежащимъ образомъ пользуется имъ, тотъ властенъ надъ нимъ; а кто предается ему неумѣренно, тотъ не имѣетъ власти, но становится рабомъ, а властвуетъ надъ нимъ неумѣренность. Видишь, какъ онъ доказалъ, что считающій себя властелиномъ самъ находится подъ властію? Такъ часто Павелъ,

о чемъ раньше я говорилъ, обращаетъ возраженія въ обратную сторону,—тоже сдѣлалъ онъ и здѣсь. Вотъ смотри: каждый изъ коринтеянъ говорилъ: я властенъ пресыщаться; а онъ говоритъ: ты дѣлаешь это, не какъ властелинъ, а какъ находящійся подъ властію. Если ты невоздерженъ, то не ты имѣешь власть надъ чревомъ, а оно надъ тобою имѣетъ власть. Тоже можно сказать и о деньгахъ и о всемъ прочемъ. *Брашна чреву* (ст. 13). Чревомъ онъ называетъ здѣсь не желудокъ, а чревоугодіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *имже богъ чрево* (Филип. III, 19), разумѣя не членъ (тѣла), но пресыщеніе. А что это такъ, выслушай дальнѣйшія слова: *и чрево брашною: тѣло же не блужденію, но Господеви*. Чрево также есть тѣло. Но Онъ дѣлаетъ два сочетанія: брашна и чревоугодіе, которое называлъ чревомъ, Христосъ и тѣло. Что же значитъ: *брашна чреву*? Брашна, говоритъ, имѣютъ тѣсную связь съ чревоугодіемъ, и чревоугодіе съ брашнами; потому оно не можетъ вести насъ ко Христу, но влечетъ къ брашнямъ. Это—жестокая и дикая страсть; она поработщаетъ и принуждаетъ служить себѣ. Для чего же ты, человѣкъ, пристращаешься къ 140 пищѣ? Вотъ чѣмъ оканчивается это служеніе и болѣе не ведетъ ни къ чему; оно, покоряя, какъ бы какой госпожѣ, удерживаетъ въ этомъ рабствѣ и ничего другого не производитъ, кромѣ одной этой суеты. Притомъ, взаимно соединяясь, они взаимно и разрушаютъ себя, чрево брашна и брашна чрево, совершая бесполезное круговращеніе, подобно какъ согнивающее тѣло порождаетъ червей, а черви уничтожаютъ это тѣло, или какъ волна поднимаясь опускается и не производитъ болѣе ничего. Онъ говоритъ это не о пищѣ и тѣлѣ, а порицаетъ страсть чревоугодія и неумѣренность въ пищѣ, какъ показываютъ дальнѣйшія слова: *Богъ же и сіе и сія упразднитъ*; разумѣть не желудокъ, а неумѣренное пожеланіе, не пищу, а пресыщеніе. Перваго онъ не осуждаетъ, но еще предписываетъ касательно его слѣдующее правило: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Онъ осуждаетъ (порочное) дѣйствіе и въ заключеніе своей бесѣды исправляетъ его молитвою. А нѣкоторые говорятъ, что въ словахъ его заключается предсказаніе о состояніи въ будущемъ вѣкѣ, т. е. что тамъ мы не будемъ ни ѣсть, ни пить. Если же умѣренное употребленіе пищи будетъ имѣть конецъ, то тѣмъ болѣе должно воздерживаться отъ неумѣренности. Затѣмъ, чтобы кто не подумалъ, что онъ осуждаетъ тѣло, чтобы не заключилъ, что онъ отъ части переноситъ осужденіе на все цѣлое, и не сказалъ, что тѣло по природѣ своей служить пучинѣю прелюбодѣянія, послушай, что онъ говоритъ далѣе: я, говоритъ, осуждаю не природу тѣла, а неумѣренное сластолюбіе души; потому и присово-

купляеть: *тѣло же не блуженію, но Господеву*. Оно создано не для того, чтобы ты жилъ невоздержно и прелюбодѣйствовалъ, равно какъ и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодію, но чтобы оно служило Христу, какъ главѣ, а Онъ былъ *Господь тѣлу*. Устыдимся же и устрасимся, что мы, удостоившись такой чести, содѣлавшись членами Его, главенствующаго надъ нами, безчестимъ себя такими пороками! Такимъ образомъ достаточно обличивъ чревоугодниковъ, (апостолъ) далѣе удерживаетъ ихъ отъ этого порока надеждою въ будущемъ: *Богъ же, говоритъ, и Господа воздвигше, и насъ воздвигнетъ силою своею* (ст. 14).

2. Видишь ли опять мудрость апостола? Достоверность воскресенія онъ всегда доказываетъ примѣромъ Христа, и особенно 141 теперь. Если тѣло наше есть членъ Христовъ, а Христосъ воскресъ, то и тѣло, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за Главою. *Силою своею*. Такъ какъ онъ упомянулъ о предметѣ непостижимомъ и необъяснимомъ соображеніями разума, то и приписываетъ воскресеніе Христово непостижимой силѣ Божіей, не мало опровергая этимъ доказательствомъ невѣрующихъ. О воскресеніи Христовомъ онъ не сказалъ: *Богъ и Господа воздвигнетъ*,—потому что оно уже совершилось,—а какъ? *Богъ же и Господа воздвигше*; и доказывать это не было нужды. О нашемъ же воскресеніи, котораго еще не было, сказать не такъ, но какъ? *И насъ воздвигнетъ силою своею*; несомнѣннымъ могуществомъ Виночника воскресенія заграждаетъ уста противниковъ. А что онъ приписываетъ воскресеніе Христово Отцу, не смущайся этимъ. Такое выраженіе не означаетъ, будто Христосъ безсиленъ, потому что самъ Онъ говорилъ: *разорите церковь сію, и трами дедами воздвигну ю* (Іоан. п, 19); и еще: *область имамъ положить душу мою, и область имамъ пакы пріяти ю* (Іоан. х, 18). И Лука въ Дѣянїяхъ говоритъ: *предъ ними и постави себе жива* (і, 3). Почему же Павелъ употребляетъ такое выраженіе? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу и свойственное Отцу приписывается Сыну: *яже бо Онъ творить, сія и Сынъ такожде творить* (Іоан. в, 19). И весьма благовременно онъ упоминаетъ здѣсь о воскресеніи; такими надеждами онъ обуздываетъ силу чревоугодія и какъ бы такъ говорить: ты ѣшь и пьешь невоздержно,—какой же конецъ этого? Никакого, кромѣ одного тлѣнія. Ты соединился со Христомъ,—какой конецъ этого? Великій и дивный: будущее воскресеніе, славное и превосходнѣйшее всякаго описанія.

Итакъ, пусть никто не сомнѣвается въ истинѣ воскресенія. Если же кто не вѣруетъ, то пусть подумаетъ, сколько (тварей Богъ) сотворилъ изъ ничего, и приметъ это за доказательство истины воскресенія: вѣдь то, что уже случилось, гораздо удиви-

тельнѣе и представляетъ непостижимое чудо. Смотри: Богъ, взявъ землю, смѣсилъ ее и образовалъ человѣка,—землю, которая прежде не существовала. Какъ же земля стала человѣкомъ? Какъ она изъ небытія приведена въ бытіе? Какъ произошло изъ ней все: безчисленные роды животныхъ, сѣмянъ, растеній, тогда какъ при этомъ не было болѣзней рожденія, не ниспадалъ дождь, не было ни земледѣлія, ни воловъ, ни плуга, и ничего другого, что содѣйствовало бы къ ихъ появленію? Богъ для того и произвелъ въ началѣ изъ неодушевленнаго и безчувственнаго вещества столько родовъ растеній и безсловесныхъ животныхъ, чтобы тогда же внушить тебѣ истину воскресенія. Сотвореніе непостижимѣе воскресенія; не одно и то же — зажечь угасшую свѣчу, или провозвести огонь, никогда не существовавшій; не одно и то же — восстановить разрушившійся домъ, или создать вовсе не существовавшій. Здѣсь есть по крайней мѣрѣ готовое вещество, а тамъ не было и вещества. Потому Онъ сдѣлалъ напередъ труднѣйшее, чтобы ты допустилъ легчайшее, — труднѣйшее, говорю, не для Бога, но для нашего представленія. Для Бога нѣтъ ничего труднаго, но какъ живописецъ, написавшій одну картину, легко можетъ написать ихъ и множество, такъ и Богъ еще легче можетъ сотворить безчисленное множество міровъ; или лучше, какъ для тебя легко представить городъ и множество міровъ, такъ для 142 Бога легко сотворить ихъ, или даже гораздо легче. Ты по крайней мѣрѣ употребляешь нѣсколько времени на представленіе, а Богъ — и того нѣтъ, но сколько камни тяжелѣе самыхъ легкихъ вещей или, лучше, разума нашего, столько нашъ разумъ уступаетъ въ быстротѣ творческой силѣ Божіей. Ты удивляешься могуществу Его на землѣ? Подумай же еще, какъ произошло небо, прежде не существовавшее, какъ безчисленныя звѣзды, какъ солнце, какъ луна, которыя всѣ прежде не существовали? Еще, скажи мнѣ, какъ по сотвореніи они держатся и на чемъ? Какое основаніе имѣютъ они, равно какъ и земля? Что за землю? Что опять за тѣмъ, что за землею? Видишь ли, въ какое недоумѣніе впадаетъ умственный взоръ твой, какъ скоро ты не прибѣгаешь къ вѣрѣ и къ непостижимой силѣ Творца? Если же хочешь объяснять это дѣлами человѣческими, то можешь и такимъ образомъ нѣсколько окрылить разумъ свой. Какими, скажешь, дѣлами человѣческими? Не видишь ли ты, какъ горшечники выдѣлываютъ сосудъ изъ смѣшаннаго и безформеннаго вещества, какъ рудокопы изъ металлоносной земли извлекаютъ золото, желѣзо и мѣдь, какъ выдѣлывающіе стекло обращаютъ песокъ въ твердое и прозрачное тѣло? Говорить ли о сырмятникахъ и красильщикахъ пурпуровыхъ одеждъ, какъ они при-

даютъ имъ одинъ цвѣтъ вмѣсто другого? Говорить ли о нашемъ рожденіи? Не малое ли сѣмя, сперва не имѣющее вида и очертанія, сообщается въ приѣмлющую его утробу? Какимъ же образомъ является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается въ землю? Не согниваетъ ли оно, будучи посяяно? Откуда же является колосья, стебли и все прочее? Какимъ образомъ малое зернышко смоковницы, упавши на землю, часто производитъ корни, вѣтви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнѣнію, а требуешь отъ Бога отчета только въ томъ, какъ онъ преобразуетъ наше тѣло? Можно ли простить это?

3. Все это и подобное говоримъ мы язычникамъ; а вѣрующимъ Писанію мнѣ и говорить нѣтъ нужды. Если бы ты захотѣлъ изслѣдовать всѣ дѣла Божіи, то чѣмъ Богъ былъ бы больше человѣка? Даже и дѣла многихъ людей мы не изслѣдуемъ. Если же мы поступаемъ такъ по отношенію къ людямъ и не изслѣдуемъ дѣлъ ихъ, то тѣмъ болѣе не должно изслѣдовать премудрость Божію и требовать отъ нея отчета; и во-первыхъ, потому, что Возвѣстившій достоинъ вѣры; во-вторыхъ, потому, что самыя дѣла Его не доступны сужденіямъ разума. Богъ не такъ немощенъ, чтобы производить только то, что можетъ быть постигнуто твоимъ слабымъ разумомъ. Если ты не понимаешь дѣлъ художника, то тѣмъ болѣе—высочайшаго Художника, Бога. Итакъ, не сомнѣвайтесь въ истинѣ воскресенія; иначе вы будете весьма далеки отъ надежды (благъ) будущихъ. И чѣмъ выражаютъ свою мудрость или, лучше, свое безуміе возражатели? Какъ, говорятъ они, воскреснетъ тѣло, когда оно смѣшается съ землею, обратится въ прахъ и разсѣется по разнымъ мѣстамъ? Для тебя это кажется непостижимымъ, но не для недремлющаго Ока; для Него
143 все ясно. Ты не видишь раздѣльно того, что смѣшано, а Оно видитъ все; ты не знаешь и того, что въ сердцѣ ближняго, а Оно знаетъ все. Если же ты не вѣруешь воскресенію потому, что не знаешь, какъ Богъ совершитъ воскресеніе, то, значить, не вѣруешь и тому, что Онъ знаетъ сердечныя помышленія, которыя также невидимы. Вещество тѣла и по разрушеніи остается видимымъ, а помышленія невидимы. Потому Видящій невидимое со всею ясностію неужели не видитъ видимаго и не можетъ легко возстановить состава тѣлеснаго? Очевидно, можетъ. Итакъ не сомнѣвайся въ (истинѣ) воскресенія; это (сомнѣніе) — внушеніе діавольское. Діаволь старается внушать это не только для того, чтобы не вѣрили воскресенію, но чтобы прекратились и погибли и дѣла добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, не ожидающій воскресенія и предстоящаго отчета въ дѣлахъ своихъ, едва ли

будеть добродѣтеленъ, а не упражняющійся въ добродѣтели не станетъ вѣрить и воскресенію; то и другое взаимно подкрѣпляется: порокъ невѣріемъ и невѣріе порокомъ. Обремененная грѣхами совѣсть, страшась и трепеща предъ будущимъ воздаяніемъ и не желая находить утѣшеніе въ перемѣнѣ къ лучшему, старается успокоить себя невѣріемъ. Если ты будешь утверждать, что нѣтъ ни воскресенія, ни суда, онъ скажетъ: слѣдовательно, и я не буду отдавать отчета въ грѣхахъ своихъ. Но что говоритъ Христосъ? *Прельщается, не видяще писанія, ни силы Божія* (Мѡ. ххп, 29). Богъ не совершилъ бы такихъ дѣлъ, если бы не хотѣлъ воскресить насъ, но (предположилъ) разрушить и обратить въ ничто; не распростеръ бы неба, не основалъ бы земли, не создалъ бы и всего прочаго только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Онъ сдѣлалъ столько для настоящей жизни, то чего не сдѣлаетъ для будущей? А если нѣтъ жизни будущей, то мы гораздо презрѣннѣе (тварей), созданныхъ для насъ; вѣдь и небо, и земля, и море, и рѣки, и даже нѣкоторые изъ безсловесныхъ животныхъ долговѣчнѣе насъ. Такъ воронъ, порода слоновъ и многія другія животныя долѣе насъ пользуются настоящею жизнію. Наша жизнь коротка и многотрудна, а ихъ — продолжительна и болѣе чужда попеченій и скорбей. Чтоже, скажи мнѣ, неужели Богъ сотворилъ рабовъ лучше ихъ владыкъ? Нѣтъ, увѣщаваю, человекъ, не думай такъ, не скудоумничай и не сомнѣвайся въ могущество Бога, твоего Владыки. Богъ благоволилъ сотворить тебя въ началѣ безсмертнымъ, но ты не захотѣлъ быть такимъ. Знаменіями безсмертія были бесѣда съ Богомъ и безбѣдственная жизнь, чуждая печалей, заботъ, трудовъ и всего временнаго. Адамъ не имѣлъ нужды ни въ одеждѣ, ни въ кровлѣ, ни въ другихъ подобныхъ вещахъ, но уподоблялся ангеламъ, предвидѣлъ многое въ будущемъ и былъ исполненъ великой мудрости; зналъ и то, что Богъ сотворилъ тайно, именно касательно жены; потому и сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моя* (Быт. ii, 23). Трудъ привзошелъ послѣ, изнуреніе—послѣ, стыдъ, страхъ и трепеть—послѣ, а прежде не было ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія. Но (Адамъ) не устоялъ въ этомъ достоинствѣ.

4. Почему же, скажешь, я страдаю и погибаю за него? Нѣтъ, 144 не за него; и самъ ты не безъ грѣха, но совершилъ, если не тотъ же самый, то другой грѣхъ. Притомъ наказаніе принесло тебѣ не вредъ, а пользу. Слова твои, можетъ быть, имѣли бы вѣкоторое основаніе, еслибы ты навсегда остался смертнымъ; а теперь ты безсмертенъ и, если захочешь, можешь просіять болѣе слица. Но, скажешь, если бы я имѣлъ тѣло не смертное, го не

согрѣшилъ бы. А тотъ (Адамъ), скажи мнѣ, смертное ли имѣлъ тѣло, когда согрѣшилъ? Нѣтъ, если бы тѣло его было смертно, то смерть не была бы назначена ему въ наказаніе. Впрочемъ смертное тѣло не служить препятствіемъ къ добродѣтели, но еще вразумляетъ и весьма много способствуетъ, какъ видно изъ слѣдующаго: если одно ожиданіе безсмертія такъ надмило Адама, то, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безсмертенъ, въ какую не впалъ бы гордость? Теперь, согрѣшивъ, ты можешь исправиться потому самому, что тѣло твое уничиженно, слабо и подвержено разрушенію; эти мысли могутъ вразумить тебя; а еслибы ты грѣшилъ въ безсмертномъ тѣлѣ, то грѣхи твои, можетъ быть, остались бы неисправимыми. Итакъ, не смертность причиною грѣха,—не обвиняй ее,—но злое произволеніе есть корень злѣ. Отчего тѣло не причинило вреда Авелю? Отчего безплотность не принесла никакой пользы злымъ духамъ? Хочешь ли знать, какъ смертное тѣло не только не вредить, но еще доставляетъ пользу? Послушай, сколько добраго ты можешь получить отъ него, если будешь блителенъ. Оно отклоняетъ и отвлекаетъ тебя отъ зла болѣзнями, скорбями, трудами и тому подобнымъ. Но, скажешь, оно влечетъ и къ прелюбодѣянiю? Нѣтъ, не тѣло, а разнуздапность: тѣлу свойственно только то, о чемъ я выше сказалъ. Невозможно человѣку, вступившему въ эту жизнь, не терпѣть болѣзней, скорбей и печалей; а не блудодѣйствовать возможно. Потому, еслибы пороки зависѣли отъ природы тѣла, то они были бы общи всѣмъ: все естественное таково и есть; а прелюбодѣянiе не таково; болѣзни происходятъ отсюда, а прелюбодѣянiе—отъ произволенія. Итакъ, не обвиняй тѣла, чтобы діаволъ не отнять у тебя чести, которую даровалъ тебѣ Богъ. Если мы захотимъ, то тѣло можетъ быть прекрасною уздою, укрощающею похоти души, смиряющею гордость, нилагающею тщеславіе, способствующею намъ къ совершенію великихъ добродѣтелей. Не говори мнѣ о (людяхъ) невоздержныхъ: мы часто видимъ, какъ и кони несутся по стремнинамъ, свергнувъ возницу вмѣстѣ съ уздою, но не винимъ въ томъ узду. Не она опустившись причинила это, но возница, не удержавшій ея, все испортилъ. Точно такъ разсуждай и здѣсь. Если видишь молодого человѣка, живущаго невоздержно и предающагося порокамъ, то обвиняй не тѣло, а влекомаго возницу, т. е. разумъ. Какъ не возжи причиняютъ зло возницѣ, а самъ онъ бываетъ виновенъ во всемъ, не хорошо удерживая ихъ,—потому они и подвергаютъ его наказанію, запутывая его, увлекая и принуждая раздѣлять съ ними бѣдственную участь,—такъ и здѣсь. Мы, говорятъ онѣ, обуздывали коня, пока ты держалъ насъ; а когда выпустилъ изъ рукъ, то мы под-

вергаемъ тебя наказанію за небрежность, запутываемъ и увлекаемъ тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итакъ, никто не обвиняй возжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у насъ—разумъ, возжи, соединяющія коней съ возницею,—тѣло. Если онѣ будутъ удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь изъ рукъ, то испортишь и погубишь все. Будемъ же благоразумны и станемъ обвинять не тѣло, а злое расположение. Дьяволъ всячески старается внушить неразумнымъ, чтобы они обвиняли болѣе тѣло, или Бога, или ближняго, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнувъ истинную причину зла, они не вырвали ея съ корнемъ. Но вы, зная коварство его, направьте на него гнѣвъ свой и, предоставивъ ярмо возницѣ, обратите умственный взоръ свой къ Богу. Въ другихъ дѣлахъ назначающій подвиги самъ нисколько не содѣйствуетъ, а только ожидаетъ окончанія; здѣсь же совершаетъ все подвигоположникъ Богъ. Будемъ же просить милости Его, и несомнѣнно сподобимся будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? 145
Возьмемъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничіи?
Да не будетъ (1 Кор. vi, 15).

1. Отъ блудника (апостолъ) перешелъ къ корыстолюбцу, а теперь опять переходитъ къ блуднику, обращая рѣчь не къ нему, но къ другимъ, не виновнымъ въ прелюбодѣянніи, и, предостерегая ихъ отъ того же грѣха, вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ его, потому что грѣшникъ и въ томъ случаѣ, когда рѣчь обращается къ другому, трогается и мучится отъ пробуждающейся въ немъ совѣсти. Страхъ наказанія, конечно, могъ достаточно удерживать ихъ отъ нарушенія цѣломудрія; но (апостолъ) хочетъ достигнуть этого не однимъ страхомъ, и потому съ угрозами употребляетъ и вразумленія. Прежде, говоря объ этомъ грѣхѣ, онъ опредѣлялъ за него наказаніе, показавъ вредъ, происходящій для всѣхъ отъ общенія съ кровосмѣшникомъ, и, тѣмъ окончивъ, перешелъ къ корыстолюбцу; ему, равно какъ и всѣмъ другимъ исчисленнымъ грѣшникамъ, угрожалъ лишеніемъ царствія, и тѣмъ окончилъ рѣчь; а здѣсь онъ предлагаетъ и весьма сильное увѣща-

ніе. Кто назначаетъ только наказанія за грѣхъ, а не показываетъ, что онъ весьма тяжель, тотъ чрезъ наказанія не сдѣлаетъ ничего важнаго; также и тотъ, кто дѣлаетъ только увѣщанія, а не устрашаетъ наказаніями, не много тронетъ (людей) нечувствительныхъ. Потому Павелъ дѣлаетъ то и другое, и вразумляетъ словами: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы?* и устрашаетъ словами: *не вѣсте ли, яко лихоимцы царствія Божія не наследятъ?* Такимъ же образомъ онъ говоритъ и противъ кровосмѣсника. Устрашивъ его прежде сказаннымъ, отлучивъ, предавъ сатанѣ и напомнивъ о будущемъ днѣ, онъ теперь вразумляетъ: *не вѣсте ли, говорить, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть?*—бесѣдуя съ ними, какъ бы съ благородными дѣтьми. Выше онъ сказалъ: *тѣло же Господеви*; теперь точнѣе объясняетъ это, какъ дѣлаетъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *вы же есте тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. хii, 27). Такое сравненіе онъ употребляетъ во многихъ мѣстахъ, хотя не въ одномъ и томъ же значеніи, но иногда для выраженія любви, а иногда для усиленія страха; здѣсь же употребляетъ его для внушенія страха и ужаса: *воземъ ли убо уди Христовы, сотворю уди блудничи? Да не будетъ.* Ничего не можетъ быть страшнѣе этихъ словъ. Не сказалъ: *воземъ ли убо уди Христовы*, соединю ихъ съ блудницею, но что? *Сотворю уди блудничи.* Такое выраженіе гораздо разительнѣе. Далѣе показываетъ, какъ съ блудникомъ дѣйствительно это бываетъ: *или не вѣсте, говорить, яко прилѣпляяйся сквернодѣицу, едино тѣло* 146 *есть* (ст. 16)? Откуда это извѣстно? *Будета бо, говорить, два въ плоть едина. Прилѣпляяйся же Господеви, единъ духъ есть* (ст. 17). Прилѣпившись другъ къ другу, два уже не могутъ быть двумя, но оба дѣлаются однимъ. И, смотри, какъ онъ опять съ помощію самыхъ именъ ведетъ обличеніе, употребляя слова: блудница и Христосъ. *Бѣгайте блудодѣянія.* Не сказалъ: воздерживайтесь отъ прелюбодѣянія, но: *бѣгайте*, т. е. тщательно старайтесь удалиться отъ этого порока. *Всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть, а блудй во свое тѣло согрѣшаетъ* (ст. 18). Это менѣе важно, нежели выше сказанное; но, говоря о блудникахъ, онъ со всѣхъ сторонъ обличаетъ грѣхъ ихъ и показываетъ важность вины ихъ и великимъ и малымъ; первое сказано для болѣе благоговѣйныхъ, а послѣднее для болѣе слабыхъ. Мудрость Павла обнаруживается именно и въ томъ, что онъ вразумляетъ представленіемъ не только великаго, но и малаго, и постыднаго и непристойнаго. Но, скажешь, развѣ убійца, корыстолюбецъ и грабитель не оскверняютъ своей руки? Это всякому извѣстно; но такъ какъ нельзя было сказать, что нѣтъ никого хуже блудника, то онъ иначе изображаетъ важность этого грѣха, объясняя, что

отъ блуда все тѣло становится нечистымъ; оно оскверняется такъ, какъ бы упало въ грязный сосудъ, наполненный нечистотою. Потому и у насъ есть такой обычай: послѣ дѣлъ корыстолюбія и хищенія никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а послѣ прелюбодѣянія идутъ омыться, какъ бы всецѣло сдѣлавшись нечистыми: такъ совѣсть стыдится по преимуществу этого грѣха! Тяжель и тотъ и другой грѣхъ, и корыстолюбіе и прелюбодѣяніе, и (тотъ и другой) ввергаютъ въ геенну; но, дѣлая все предусмотрительно, Павелъ показываетъ важность прелюбодѣянія всѣмъ, чѣмъ только могъ. *Или не вѣстѣ, яко тѣлеса ваша трагъ живущаго въ васъ Святого Духа суть* (ст. 19)?

2. Не просто онъ сказалъ: *Духа*, но: *живущаго въ васъ*, чтобы утѣшить слушателей, и въ поясненіе этихъ словъ присовокупилъ: *также имате отъ Бога*; указалъ Виновника, чтобы и возвысить и утѣшить величіемъ дара и милостію Подателя. *И нѣсте свои*. Это не только служить къ обличенію, но и побуждаетъ къ добродѣтели. Какъ, говорить, можешь ты дѣлать, что хочешь? Ты не властенъ надъ собою. Говоря это, онъ не отвергаетъ свободной воли. Какъ словами: *вся ми тѣтъ суть, но не вся на пользу*, онъ не отнимаетъ у насъ свободы, такъ и здѣсь, выражаясь: *нѣсте свои*, онъ не нарушаетъ свободной воли, но отклоняетъ отъ по- 147
рока и показываетъ попеченіе о насъ Владыки. Потому и присовокупляетъ: *куплены бо есте цѣною* (ст. 20). Но если я самъ не свой, то какъ ты требуешь отъ меня исполненія обязанностей? Какъ, продолжая рѣчь, говоришь еще: *прославите убо Бога въ тѣлѣ вашемъ и въ духѣ вашемъ, яже суть Божія*?

Что же значить: *нѣсте свои*? И что онъ хочетъ внушить чрезъ это? Утвердить насъ, чтобы мы не грѣшили и не слѣдовали неумѣстнымъ похотямъ души. У насъ бываетъ много неумѣстныхъ пожеланій, но мы должны воздерживаться, и можемъ; а еслибы мы не могли, то и увѣщаніе было бы излишне. Смотри, какъ онъ утверждаетъ насъ. Сказавъ: *нѣсте свои*, не говоритъ дабѣ: а подчинены необходимости, но: *куплены есте цѣною*. Почему же онъ такъ говорить? Здѣсь, иной быть можетъ скажетъ, слѣдовало бы показать, что у насъ есть Владыка. Но это у насъ общее съ язычниками; а *куплены есте цѣною* принадлежитъ исключительно намъ. Онъ напоминаетъ о величїи благодѣянія и образа нашего спасенія, показывая, что мы искуплены тогда, какъ были чуждыми Ему, и не просто, но цѣною. *Прославите убо*, являйте Бога въ тѣлѣ вашемъ и въ духѣ. Внушаетъ не только тѣломъ не совершать прелюбодѣянія, но и въ духѣ души не помышлять ничего порочнаго и не удалять благодати. *Яже суть Божія*. Послѣ слова: *вашемъ*, присовокупляетъ: *яже суть Божія*, постоянно

напоминая намъ, что все у насъ Владычне—и тѣло, и душа, и духъ. Нѣкоторые говорятъ, что подъ *духомъ* онъ разумѣетъ здѣсь духовное дарованіе; когда оно бываетъ у насъ, то Богъ прославляется; а бываетъ оно тогда, когда мы имѣемъ чистое сердце. *Божіими* же называлъ онъ ихъ не только потому, что Богъ сотворилъ ихъ, но и потому, что когда они сдѣлались чуждыми Ему, Онъ вторично приобрѣлъ ихъ цѣною крови Сына. Смотри, какъ онъ относитъ все ко Христу, какъ возводитъ насъ на небо. Вы, говорить, члены Христа, вы—храмъ Духа; не будьте же членами блудницы; вы безчестите не свое тѣло, потому что это тѣло—не ваше, а Христово. Этими словами показываетъ человѣколюбіе (Христа), Который сдѣлалъ наше тѣло Своимъ, и вмѣстѣ пресѣкаетъ нашу порочную власть (надъ нимъ). Если у васъ, говорить, тѣло не ваше, то вы не имѣете права безчестить тѣло другого, особенно когда оно принадлежитъ Владыкѣ, или осквернять храмъ Духа. Если вошедшій въ домъ частнаго человѣка и произведшій въ немъ безчинство подвергается великому наказанію, то, подумай, какому мученію подвергнется дѣлающій храмъ Царя вертепомъ разбойника! Представляя все это, стыдись живущаго въ тебѣ; это—Утѣшитель; страшись сочетавшагося съ тобою и усвоившаго тебя Себѣ; это—Христось. Не сдѣлался ли ты членомъ Христовымъ? Представляй это и будь цѣломудренъ. Подумай, чьи были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христось сдѣлалъ ихъ членами собственного тѣла. Потому ты уже не имѣешь власти надъ ними, а долженъ служить Тому, кто освободилъ ихъ. Если бы ты, имѣя дочь, по великой глупости продалъ ее содержателю блудницъ на блудодѣяніе, а сынъ царя, случившійся при этомъ, освободилъ ее отъ такого рабства и взялъ себѣ въ супружество, то ты уже не былъ бы властенъ отвести ее въ распутный домъ, послѣ того, какъ однажды отдалъ и продалъ. Тоже и съ нами. Мы продали 148 плоть свою діаволу, этому жестокому содержателю блудницъ, а Христось, видя это, исторгнулъ и освободилъ ее отъ этой злой власти; потому она принадлежитъ уже не намъ, а освободившему ее. Пользоваться ею, какъ невѣстою царя, никто тебѣ не препятствуетъ; если же будешь употреблять ее на прежнія дѣла, то потерпишь то, что слѣдуетъ терпѣть подобнымъ оскорбителямъ. Итакъ надобно украшать ее, а не безчестить. Ты не имѣешь власти надъ плотію на удовлетвореніе порочныхъ пожеланій, а только на исполненіе заповѣдей Божіихъ. Подумай, отъ какого безчестія Богъ избавилъ ее. Естество наше прежде было безчестіею всякой блудницы: разбой, убійства, всякій порочный промыслъ, входя въ него, любодѣйствовали съ душою за малую

и ничтожную цѣну—за скоропреходящее удовольствіе; душа, сочетаваясь съ порочными помыслами и дѣяніями, получала отъ нихъ одно только это воздаяніе.

3. Но это, бывшее прежде, хотя и тяжело, все же не такъ тяжело, а оскверняться послѣ неба, послѣ царствія, послѣ приобщенія страшныхъ таинъ,—заслуживаетъ ли это прощенія? Или ты не думаешь, что съ корыстолюбцами и со всѣми выненсчисленными грѣшниками совокупляется самъ діаволъ? Или не думаешь, что онъ совокупляется и съ женщинами, украшающими себя для сладострастія? Кто станетъ противорѣчить этому? Если же кто станетъ возражать, то пусть раскроетъ душу столь безстыдныхъ женщинъ, и онъ увидитъ, что алой духъ тѣсно сочетался съ ними. Трудно, возлюбленные, трудно, а можетъ быть, и невозможно, украшая такимъ образомъ тѣло, украшать вмѣстѣ и душу; заботясь объ одномъ, приходится неизбѣжно опустить другое; то и другое по природѣ своей не можетъ быть вмѣстѣ. Потому (апостолъ) и говоритъ: *прилеплялся сквернодѣлецъ, едино тѣло есть: прилеплялся же Господевы, единъ духъ есть*. Послѣдній становится духомъ, хотя и облеченъ тѣломъ, потому что если въ немъ нѣтъ ничего тѣлеснаго, грубаго и земнаго, если онъ только обложенъ тѣломъ, а вся власть принадлежитъ душѣ и духу, то Богъ прославляется имъ. Потому намъ и заповѣдано говорить въ молитвѣ: *да святится имя твое* (Матѣ. vi, 9). И Христосъ говоритъ: *да прославитися святъ вашъ предъ человеки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѣ. v, 16). Такъ прославляютъ Его небеса, не звукъ издавая, но своимъ видомъ возбуждая удивленіе и располагая къ прославленію Создателя. Такъ будемъ прославлять Его и мы, или даже еще болѣе; а мы можемъ это, если захочемъ. Не столько небо, день и ночь, сколько святая душа прославляетъ Бога. Кто взглянетъ на красоту неба, говоритъ: слава Тебѣ, Боже, сотворившему такія дѣла; такъ и взглянувшій на добродѣтель человѣка (будетъ говорить) тоже, и даже гораздо болѣе. При взглядѣ на творенія, не всѣ прославляютъ Бога, но многіе говорятъ, что они существуютъ сами собою, а другіе приписываютъ твореніе и промышленіе міра злымъ духамъ, впадая такимъ образомъ въ крайне непростительный грѣхъ; но при взглядѣ на добродѣтель человѣка, никто не сможетъ быть на столько безстыднымъ, а всячески прославить Бога, видя, что служащій Ему живетъ добродѣтельно. Кто не

силою благочестія,—когда его оскорбляютъ, а онъ благословляетъ, его злословятъ, а онъ восхваляетъ, его обижаютъ, а онъ молится за обижающихъ, его гонятъ, а онъ благодѣтельствуетъ своимъ врагамъ и гонителямъ? Такія и подобныя дѣла гораздо болѣе неба прославятъ Бога. Язычники, взирая на небо, не стыдятся; но, видя святого мужа, строго исполняющаго правила любви, стыдятся и осуждаютъ себя. Когда имѣющій одинаковую съ ними природу является столько выше ихъ, сколько небо—земли, и даже еще болѣе, то они невольно признаютъ, что это совершается силою божественною; потому (Христосъ) и говоритъ: *и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ*. Хочешь ли еще видѣть, какъ Богъ прославляется жизнію рабовъ Своихъ, равно какъ и чудесами? Нѣкогда Навуходоносоръ ввергнулъ въ печь трехъ отроковъ; но увидѣвъ, что огонь не коснулся ихъ, сказалъ: *благословенъ Богъ, иже посла ангела своего и изъятъ отроки свои изъ печи, яко уповаша на него, и слово цареву превѣщаніа* (Дан. iii, 95). Чтѣ говоришь ты? Тебѣ оказали презрѣніе, а ты удивляешься презрѣвшимъ? Да, говорить, за то самое, что они оказали мнѣ презрѣніе; это самое и представляетъ причиною удивленія. Такимъ образомъ здѣсь не только знаменіе послужило къ прославленію Бога, но и рѣшимость вверженныхъ. Кто сравнитъ то и другую, тотъ увидитъ, что послѣдняя не меньше перваго. Рѣшиться въ душѣ своей быть ввергнутому въ печь,—это чудо не меньше того, какъ и остаться невредимымъ въ печи. Не изумительно ли, что царя вселенной, имѣвшаго у себя столько оружія, войска, военачальниковъ, правителей и намѣстниковъ, обладавшаго землею и моремъ, презрѣли плѣнные отроки, связанные преодолѣвали связавшаго и побѣдили все это воинство? Окружавшіе царя не могли сдѣлать съ ними, что хотѣли, хотя призывали на помощь себѣ печь; а обнаженные, порабощенные, пришельцы и не многіе числомъ—что въ самомъ дѣлѣ меньше трехъ?—будучи связаны, побѣдили несмѣтное воинство. Смерть уже была презираема, потому что имѣлъ придти Христосъ. Какъ предъ восходомъ солнца, прежде нежели явятся лучи его, уже бываетъ виденъ свѣтъ дневной, такъ и предъ восходомъ Солнца правды смерть уже стала отступать. Что можетъ быть блистательнѣе этого зрѣлища? Что славнѣе этой побѣды? Что знаменитѣе этихъ новыхъ трофеевъ?

4. То же бываетъ и съ нами. И нынѣ есть царь вавилонской печи; и нынѣ онъ возжигаетъ пламень сильнѣе того; и нынѣ есть повелѣвающій поклоняться истукану; у него есть и вельможи, и воины, и обольстительная музыка; и многіе поклоняются этому истукану, разнообразному и великому. Этотъ, подобный

тому, истуканъ есть корыстолюбіе, не пренебрегающее и желѣзомъ, слагающееся изъ самыхъ разнообразныхъ вещей и заставляющее поклоняться всему, и мѣди, и желѣзу, и вещамъ гораздо худшимъ. Но какъ есть это, такъ есть нынѣ и подражатели отроковъ, которые говорятъ: *богомъ твоимъ не служимъ и образу твоему не кланяемся*, но лучше претерпимъ печь нищеты и всякое другое бѣдствіе за законы Божіи. Обладающіе многимъ и нынѣ также, какъ тогда, часто поклоняются этому (истукану) и опаляются; а не имѣющіе ничего и презируютъ его, и находящіеся въ нищетѣ наслаждаются большею прохладою, чѣмъ живущіе въ изобиліи, подобно тому, какъ и тогда ввергавшіе были опалены, а вверженные находились среди огня, какъ бы въ водѣ и росѣ. И самъ мучитель болѣе отроковъ горѣлъ тогда въ огнѣ, который сильно былъ воспламененъ въ немъ гнѣвомъ его. У нихъ огонь не могъ коснуться даже оконечностей волосъ; а у него гнѣвъ сильнѣе огня сожигалъ душу. Представь, каково было ему перенести презрѣніе отъ плѣнныхъ отроковъ въ глазахъ такого множества людей? Здѣсь онъ и показалъ, что и городъ ихъ онъ взялъ не собственною силою, а за грѣхи многихъ, потому что если онъ не могъ преодолѣть связанныхъ и притомъ вверженныхъ въ печь, то какъ онъ могъ бы побѣдить ихъ, если бы они всѣ были таковыми? Очевидно, что грѣхи многихъ предали городъ. Посмотри и на то, какъ отроки были далеки отъ тщеславія. Они сами не бросались въ печь, но напередъ уже соблюдали заповѣдь Христову: *молитесь, да не увидите въ напасть* (Матѣ. XXVI, 41); и не думали бѣжать, когда вели ихъ, но смѣло вышли на средину; не искали боя безъ вызова, и не утрушались послѣ вызова, а были готовыми на все, мужественными и неустрашимыми. Послушаемъ, что говорили они, чтобы и отсюда узнать ихъ любомудрое настроеніе. *Есть Богъ на небесахъ*, говорятъ они, *силы изъяти насъ* (Дан. III, 17); не о себѣ заботятся, но, готовясь на сожженіе, беспокоятся о славѣ Божіей. Чтобы ты какъ-нибудь, говорятъ, не обвинилъ Бога въ безсиліи, если мы будемъ сожжены, для этого мы прямо возвѣщаемъ тебѣ все наше исповѣданіе: *есть Богъ на небесахъ*, не такой, какъ этотъ земной истуканъ, бездушный и безгласный, но могущій исторгнуть и изъ разженной печи; не обвиняя же Его въ безсиліи за то, что Онъ попускаетъ впасть въ нее; Онъ такъ силенъ, что и вверженныхъ въ нее можетъ исхитить изъ пламени. *И еще ли ни, въ домъ да будешь тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и образу твоему, поже поставимъ еси, не кланяемся* (ст. 18). Смотри, какъ мудро и то, что они не знали будущаго. Если бы они предвидѣли будущее, то не было бы удивительно то, что они сдѣлали.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно ли было бы, если бы они рѣшились на опасность, будучи увѣрены въ спасеніи? Богъ прославился бы, смогшій избавить ихъ отъ печи, а они не были бы достойны удивленія, какъ рѣшившіеся на дѣло, не опасное для нихъ. Потому Богъ и оставилъ ихъ въ невѣдѣніи будущаго, чтобы болѣе прославить ихъ, и какъ они убѣждали царя не обвинять Бога въ безсиліи, если бы они были сожжены, такъ и Богъ сдѣлалъ то и другое, и явилъ свою силу и показаль во всей славѣ неустрашимость отроковъ. Отчего же у нихъ, скажешь, могло быть сомнѣніе и неувѣренность въ томъ, что они непременно спасутся? Оттого, что они признали себя ничтожными и недостойными такого благодѣянія. А что это не моя догадка, видно изъ прискорбныхъ словъ, которыя они произносили въ печи: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нѣсть намъ отверсти устъ* (Дан. ш, 29, 38); потому они и сказали: *и аще ли ми* (ст. 18). Если же они не сказали этого ясно, — напр. такъ: Богъ силенъ избавить насъ, но если не избавить, то не избавить за грѣхи наши, — не удивляйся этому; тогда варвары подумали бы, что они подъ предлогомъ своихъ грѣховъ скрываютъ безсиліе Божіе. Потому, сказавъ только о всемогуществѣ Божіемъ, они не высказываютъ (упомянутой) причины. Съ другой стороны они хорошо научены были не испытывать судьбы Божіихъ. Послѣ сказанныхъ словъ они пошли въ огонь, и при томъ ни царя не поносили, ни истукана не ниспровергали. (Человѣкъ) доблестный таковъ и долженъ быть — благоразуменъ и кротокъ, особенно въ опасностяхъ, чтобы видно было, что онъ идетъ на подвиги не по раздраженію и тщеславію, а по мужеству и благоразумію. Кто поносить, того подозрѣваютъ въ этихъ страстяхъ; а кто терпитъ и, будучи влеченъ, совершаетъ подвиги съ кротостію, тому не только удивляются за его мужество, но не менѣе прославляютъ его и за благоразуміе и кротость. Точно такъ поступили тогда и отроки: они явили и мужество и совершенную кротость, и сдѣлали все не ожидая награды и возмездія, или воздаянія. *И аще не восхощетъ*, говорятъ они, *изъяти насъ, богомъ твоимъ не служимъ*; мы получили награду уже въ томъ, что удостоились быть непричастными нечестію и за то предать тѣла на сожженіе. Такъ и мы, уже получивъ воздаяніе, — а получили мы его въ томъ, что удостоились познать Бога и содѣлаться членами Христовыми, — не будемъ дѣлать себя членами блудницы. Такимъ страшнымъ словомъ слѣдуетъ заключить нашу бесѣду, чтобы, живо чувствуя страхъ угрозы, мы дѣйствіемъ этого страха соблюдали себя чище золота. Такъ, отрѣшившись отъ прелюбодѣянія, мы сможемъ уарѣть Христа, на Котораго да сподобимся всѣ мы возрѣть съ дерзнове-

ніемъ въ тотъ день, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

А о нижже писасте ми: добро человеку женѣ не при- 151
касаться: но блудодѣянiя ради кійждо свою жену да
имать, и каждо своего мужа (1 Кор. vii, 1, 2).

1. Исправивъ три весьма важные недостатка, во-первыхъ, раздѣленіе церкви, во-вторыхъ, (порокъ) кровосмѣсника и, въ-третьихъ, корыстолюбіе, (апостоль) говоритъ теперь болѣе кротко, и между прочимъ предлагаетъ наставленіе и совѣтъ касательно брака и дѣвства, чтобы успокоить слушателей послѣ тяжкихъ укоризнъ. Во второмъ посланіи (къ Коринѣянамъ) онъ поступаетъ иначе: начинается кротко, а оканчивается строго; здѣсь же, окончивъ рѣчь о дѣвствѣ, онъ опять обращается къ обличеніямъ, предлагая не все вдругъ, но разнообразя свою рѣчь тѣмъ и другимъ, сообразно съ требованіемъ времени и свойствами предметовъ. Говорить: *о нижже писасте ми*, потому что коринѣяне писали къ нему, должно ли воздерживаться отъ жены, или нѣтъ? Отвѣчая на это и постановляя правила о бракѣ, онъ заводитъ рѣчь и о дѣвствѣ. *Добро человеку женѣ не прикасаться*. Если ты, говоритъ, ищешь блага весьма превосходнаго, то лучше совершенно не сочетаваться съ женщиною; если же ищешь состоянія безонаснаго и сообразнаго съ твою немощію, то вступай въ бракъ. А такъ какъ могло случиться, какъ и нынѣ бываетъ, что мужъ желаетъ, а жена нѣтъ, или наоборотъ, то смотри, какъ онъ говорить о томъ и о другомъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что слова его относятся къ священникамъ; но я, принимая въ соображеніе послѣдующія слова, не могу съ этимъ согласиться, — тогда онъ не преподавалъ бы этого наставленія въ общемъ видѣ. Если бы онъ писалъ только о священникахъ, то сказалъ бы: *добро учителю женѣ не прикасаться*; а теперь говоритъ вообще: *добро человеку*, не священнику только; и еще: *отрѣшился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Не сказалъ: ты—священникъ и учитель, а неопредѣленно; такова и вся рѣчь его вообще. Сказавъ: *блудодѣянiя ради кійждо* 152
свою жену да имать, онъ самою причиною дозволенія побуждаетъ къ воздержанію. *Женѣ мужъ должную любовь да воздастъ; такожде и жена мужу* (ст. 8). Что значитъ: *должную любовь*? Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но есть и раба и вмѣстѣ госпожа мужа.

Если ты уклоняешься отъ должнаго служенія, то оскорбляешь Бога; если же хочешь уклониться, то лишь съ дозволенія мужа, хотя бы это и на короткое время. Потому и называется это дѣло *должнымъ*, чтобы показать, что никто (изъ супруговъ) не властенъ надъ собою, но — рабы другъ друга. Итакъ, когда ты видишь, что блудница искушаетъ тебя, ты скажи: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а женѣ. Тоже пусть говорить и жена покушающимся нарушить ея цѣломудріе: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а мужу. Если же ни мужъ, ни жена не властны надъ своимъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе надъ имуществомъ. Послушайте, имѣющія мужей и имѣющіе женъ: если вамъ не слѣдуетъ считать тѣла своимъ, то тѣмъ болѣе имущества. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ветхаго и новаго завѣта отдается мужу великое преимущество; такъ говорится: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16); и Павелъ въ одномъ посланіи дѣлаетъ такое различіе (между супругами): *мужіе, любите жены, а жена да боится мужа* (Ефес. V, 25, 33); но здѣсь (приписывается обоимъ) одинаковая власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому, что у него рѣчь о цѣломудріи. Въ другихъ отношеніяхъ, говорить, мужъ пусть имѣетъ преимущество, а въ цѣломудріи—нѣтъ, *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, ниже жена* (ст. 4). Большое равенство чести и никакого преимущества.

Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію (ст. 5). Что это значитъ? Жена не должна, говорить, воздерживаться противъ воли мужа, и мужъ (не долженъ воздерживаться) противъ воли жены. Почему? Потому, что отъ такого воздержанія происходитъ великое зло; отъ этого часто бывали прелюбодѣянія, блудодѣянія и домашнее разстройство. Вѣдь если иные, имѣя своихъ женъ, предаются прелюбодѣянію, то тѣмъ болѣе (будутъ предаваться 153 ему), когда лишены будутъ этого утѣшенія. Хорошо сказалъ: *не лишайте себе*; то, что здѣсь называлъ *лишеніемъ*, выше называлъ *долгомъ*, чтобы показать, какъ велика ихъ взаимная зависимость: воздерживаться одному противъ воли другого значить лишать, а по волѣ—нѣтъ. Такъ, если ты возьмешь у меня что-нибудь съ моего согласія, это не будетъ для меня лишеніемъ; лишаетъ тотъ, кто беретъ противъ воли и насильно. Это дѣлають многія жены, совершая большой грѣхъ противъ справедливости и тѣмъ подавая мужьямъ поводъ къ распутству и все приводя въ разстройство. Всему должно предпочитать единомудріе; оно всего важнѣе. Если хочешь, докажемъ это опытомъ. Пусть будетъ жена и мужъ и пусть жена воздерживается, тогда какъ мужъ этого не хочетъ. Что произойдетъ? Не станетъ ли онъ тогда предаваться прелюбодѣянію, или, если не станетъ прелюбо-

дѣйствовать, не будетъ ли скорбѣть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять женѣ множество непріятностей? Какая польза отъ поста и воздержанія, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдетъ отсюда огорченій, сколько хлопотъ, сколько раздоровъ!

2. Если въ домѣ мужъ и жена не согласны между собою, то ихъ домъ не лучше буруеваемаго волнами корабля, на которомъ кормчій не согласенъ съ рулевымъ. Потому (апостолъ) и говоритъ: *не лищайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ*. Здѣсь онъ разумѣетъ молитву, совершаемую съ особеннымъ тщаніемъ, потому что если бы совокупляющимся онъ запрещалъ молиться, то откуда бы ваялось время для непрестанной молитвы? Слѣдовательно можно и съ женою совокупляться и молиться; но при воздержаніи молитва бываетъ совершеннѣе. Не просто сказалъ: *молитесь*, но: *да пребываете*, потому что (брачное) дѣло только отвлекаетъ отъ этого, а не производитъ оскверненія. *И паки на тожде собирайтесь, да не искушаетъ васъ сатана*. Чтобы ты не подумалъ, что это—законъ, присоединяетъ и причину. Какую? *Да не искушаетъ васъ сатана*. А чтобы ты зналъ, что не діаволь только бываетъ виновникомъ прелюбодѣянія, прибавляетъ: *невоздержаніемъ вашимъ*. *Сіе же глаголю по совету, а не по повелѣнію*. *Хочу бо, да вси челоувѣцы будутъ, якоже и азъ, въ воздержаніи* (ст. 6, 7). Такъ онъ часто поступаетъ, когда поучаетъ дѣламъ труднымъ, представляетъ въ примѣръ себя самого и говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте*. Но *кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице*. Высказавъ сильное обличеніе въ словахъ: *невоздержаніемъ вашимъ*, онъ опять ободряетъ ихъ и говоритъ: *кійждо свое дарованіе имать отъ Бога*, выражая не то, будто эта добродѣтель не требуетъ нашего усилія, но, какъ я сказалъ, ободряя ихъ. Если (воздержаніе) есть даръ, и челоувѣкъ самъ нисколько не содѣйствуетъ, то для чего онъ продолжаетъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовичамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ*. Аще ли не удержатся, да посягаютъ (ст. 8—9)? Видишь ли благоразуміе Павла, какъ онъ и показываетъ превосходство воздержанія, и не дѣлаетъ принужденія тому, кто не можетъ воздержаться, боясь, чтобы не произошло паденія? *Лучше бо есть женитися, нежели разжизниться*. Показываетъ, какъ велика сила похоти. А смыслъ словъ его слѣдующій: если ты чувствуешь сильное влеченіе и разжженіе, то кабавъ себя отъ труда и изнуренія; чтобы тебѣ не развратиться. *А оженившимся заветчаваю не азъ, но Господь* (ст. 10). 154

Намѣреваясь повторить заповѣдь, ясно предписанную Христомъ, ксательство того, что не должно разводиться съ женою, развѣ въ

случаѣ прелюбодѣнія, говоритъ: *не азъ*. Сказанное выше не было ясно высказано (Христомъ), хотя и согласно съ Его ученіемъ; а это Онъ изложилъ ясно; таково различіе выраженій: *азъ* и *не азъ*. А чтобы ты не принялъ словъ (апостола) за человѣческія, онъ присовокупляетъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти*. Что же это за заповѣдь, возвѣщенная Господомъ бракосочетавшимся: *женъ отъ мужа не разлучитися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ; и мужу жены не отпущати* (ст. 11)? Такъ какъ случается, что супруги разлучаются или по воздержанію, или по другимъ причинамъ, или по неудовольствію, то онъ говоритъ: лучше, еслибы этого совсѣмъ не было; если же это уже случилось, то пусть жена остается съ мужемъ, хотя и не для совокупленія, а для того, чтобы не вѣдать никакого другого мужа. *Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену имать нестерну, и та благоволиитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена, аще имать мужа нестерна, и той благоволиитъ жити съ нею, да не оставляетъ его* (ст. 12, 13). Какъ, бесѣдуя объ удаленіи отъ блудниковъ, (апостолъ) облегчилъ это дѣле, присовокупивъ: *и не есмь блудникомъ міра сего*, такъ и здѣсь заботится, чтобы (заповѣдь) была весьма удобною къ исполненію. Если, говоритъ, жена имѣетъ мужа невѣрнаго или мужъ жену невѣрную, то они не должны оставлять другъ друга. Что говоришь ты? Невѣрный долженъ оставаться съ женою, а блудникъ нѣтъ? Блудъ не маловажнѣе ли невѣрія? Блудъ маловажнѣе, но Богъ сильно печется о твоей пользѣ. Такъ и о жертвоприношеніи Онъ говоритъ: *остаю даръ, и смирился съ братомъ твоимъ* (Мѡ. v, 24). Такъ и въ притчѣ о должникѣ десяти тысячъ талантовъ: того, кто былъ долженъ десять тысячъ талантовъ, Онъ не наказалъ; а того, кто требовалъ отъ подобнаго себѣ раба сто динаріевъ, наказалъ. Далѣе, чтобы жена не опасалась сдѣлаться нечистою отъ сожитія (съ такимъ мужемъ, апостолъ) говоритъ: *святится бо мужъ нестернъ о женѣ, и святится жена нестерна о мужѣ* (ст. 14). Но, если прилѣпляющійся къ блудницѣ дѣлается однимъ съ нею тѣломъ, то не слѣдуетъ ли, что и прилѣпляющаяся къ идолослужителю есть одно съ нимъ тѣло? Такъ, она одно съ нимъ тѣло, но не дѣлается нечистою; а чистота жены побѣждаетъ нечистоту мужа, равно какъ чистота вѣрнаго мужа побѣждаетъ нечистоту невѣрной жены.

3. Почему же здѣсь нечистота побѣждается и сожитіе дозволяется, а въ случаѣ прелюбодѣнія жены мужу не возбраняется изгонять ее? Потому, что здѣсь есть надежда, что погибшая часть спасется чрезъ бракъ; а тамъ бракъ уже нарушенъ; тамъ

оба лица растлѣваются, а адѣсь виновно одно. Скажу примѣрно: впаившая однажды въ прелюбодѣяніе нечиста; если же прилѣпляющийся къ блудницѣ есть одно съ нею тѣло и самъ сдѣлается нечистымъ, то они оба лишаются чистоты. А адѣсь не такъ, а какъ? Идолослужитель нечистъ, но жена не нечиста. Если бы она участвовала съ нимъ въ томъ, въ чемъ онъ нечистъ, т. е. въ нечестіи, то и сама стала бы нечистою; а теперь въ иномъ нечистъ идолослужитель, а въ иномъ участвуетъ съ нимъ жена, 155 въ чемъ онъ не нечистъ, потому что въ бракѣ и совокупленіи они взаимно участвуютъ. Притомъ адѣсь есть надежда, что жена невѣрнаго обратитъ его, такъ какъ она для него своя; а тамъ это очень трудно. Какъ можетъ жена, обезчестивъ прежде своего мужа, послуживъ другому и нарушивъ права супружества, сдѣлать опять своимъ мужа, обиженного и сдѣлавшагося для нея какъ бы чужимъ? Послѣ прелюбодѣянія мужъ уже не мужъ; а адѣсь, если жена—идолослужительница, права мужа не нарушаются. Притомъ съ невѣрнымъ она живетъ не просто, а по его желанію. Потому (апостоль) и сказалъ: *и той благоволитъ жити съ нѣю*. И есть ли, скажи мнѣ, какой вредъ отъ того, что они остаются въ соединеніи, когда и благочестіе сохраняется въ цѣлости, и остается благая надежда на обращеніе невѣрнаго, и набѣгаются поводы къ напраснымъ ссорамъ? Здѣсь (апостоль) говорить не о тѣхъ, которые еще не сочетались бракомъ, но о сочетавшихся; онъ не сказалъ: если кто хочетъ вступить въ бракъ съ невѣрнымъ, но: *аще кто имать невѣрнаго*, т. е. если кто послѣ женитьбы или замужества приметъ благочестивое ученіе, а другое лице останется въ невѣріи и между тѣмъ пожелаетъ жить вмѣстѣ, то бракъ не расторгается. *Святится убо*, говорить, *мужъ несправедливъ о женѣ*: таково обиліе твоей чистоты! Какъ, неужели язычникъ святъ? Нѣтъ, онъ не сказалъ: святъ, но: *святится о женѣ*; сказалъ это не для того, чтобы признать язычника святымъ, а для того, чтобы какъ можно болѣе успокоить жену и въ мужѣ возбудить желаніе истины. Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавающихся, а въ произволеніи и помыслахъ. Затѣмъ представляется и доказательство: если ты, будучи нечистою, рождаешь дитя, которое происходитъ не отъ одной тебя, то неужели и оно нечисто или чисто только въ половину? Въ настоящемъ случаѣ оно не нечисто: *иначе бо*, продолжаетъ (апостоль), *чада ваша нечиста были бы: нынѣ же свята суть*, т. е. не нечисты. Называетъ ихъ святыми для того, чтобы такимъ сильнымъ названіемъ опять отогнать опасеніе супруговъ. *Аще ли несправедливъ отлучается, да разлучится* (ст. 15). Здѣсь дѣло уже не въ прелюбодѣяніи. Что же значить: *аще ли несправедливъ отлучается*?

Напр., если онъ повелѣваетъ тебѣ приносить жертвы и участвовать въ его нечестіи по праву супружества, или уйти, то лучше оставить бракъ, нежели благочестіе. *Не поработися братъ или сестра въ таковыхъ.* Если невѣрный ежедневно изъ-за этого оскорбляетъ и заводитъ ссоры, то лучше разлучиться. Это выражаетъ (апостоль) словами: *въ миръ же призва насъ Богъ.* Онъ (невѣрный) самъ подаетъ къ тому поводъ, подобно какъ и прелюбодѣйствующій. *Что бо въси, жено, аще мужа спасеши* (ст. 16)? Это относится къ словамъ: *да не оставляетъ его.* Если мужъ не безпокоитъ тебя, то оставайся, говорить, съ нимъ; отъ этого можетъ быть и польза; оставайся и увѣщевай, совѣтуй, убѣждай; никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена. Впрочемъ (апостоль) не принуждаетъ ее и не требуетъ этого отъ ней непременно, чтобы опять не возложить на нее слишкомъ тяжкаго бремени; совѣтуетъ не отчаиваться и оставляетъ это подъ сомнѣніемъ, по неизвѣстности будущаго. *Что бо, говорить, въси, жено, аще мужа спасеши? Или что въси, мужу, аще жену спасеши?* И далѣе: *точію коемуждо, якоже раздѣлилъ есть Богъ, кійждо, якоже призванъ есть Господемъ, тако да ходитъ. Во обрѣзаніи ли кто призванъ бысть? Да не отторгнется. Въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть? Да не обрѣзывается.* Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ. *Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Рабъ ли призванъ былъ еси? Да не нерадиши* (ст. 17—21). Все это, говорить, ничего не значить для вѣры; потому не споръ и не смущайся; вѣра выше всего этого. Каждый въ какомъ призванъ званіи, въ томъ и оставайся. Призванъ ли ты въ супружествѣ съ женою невѣрною? Оставайся съ нею; не изгоняй жены изъ-за вѣры. Призванъ ли рабомъ? Не заботься; оставайся рабомъ. Призванъ ли необрѣзаннымъ? Оставайся необрѣзаннымъ. Увѣровалъ ли, будучи обрѣзаннымъ? Оставайся обрѣзаннымъ. Это и означаютъ слова: *коемуждо якоже раздѣлилъ есть Богъ.* Все это не служить препятствіемъ благочестію. Ты призванъ въ состояніи раба, другой въ супружествѣ съ невѣрною, иной въ обрѣзаніи.

4. Вотъ какъ онъ смотритъ на рабство. Какъ обрѣзаніе нисколько не приноситъ пользы и необрѣзаніе нисколько не вредитъ, такъ равно и рабство и свобода. Но, чтобы показать это какъ можно яснѣе, онъ говоритъ: *но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе* (χρῆσαι), т. е., тѣмъ болѣе служи. Для чего же онъ повелѣваетъ оставаться рабомъ тому, кто можетъ сдѣлаться свободнымъ? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредитъ, но еще доставляетъ пользу. Знаю, что нѣкоторые утверждаютъ, будто слова: *больше поработи себе* (χρῆσαι) ска-

заны о свободѣ, и объясняютъ ихъ такъ: если можешь сдѣлаться свободнымъ, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намѣренію Павла: утѣшая раба и доказывая ему, что рабство не причиняетъ ему никакого вреда, онъ не сталъ бы повѣлывать ему искать свободу, такъ какъ тогда иной могъ бы сказать: а если я не могу сдѣлаться свободнымъ, то терплю униженіе и вредъ?

Итакъ, Павелъ не это разумѣть, а хочетъ показать, какъ я сказалъ прежде, что освобождающійся отъ рабства не получаетъ никакой пользы: хотя бы, говорить, въ твоей власти было сдѣлаться свободнымъ, ты лучше оставайся рабомъ. Затѣмъ приводитъ и причину: *призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть: такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ* (ст. 22). Въ отношеніи ко Христу, говорить, тотъ и другой равны. Какъ ты—рабъ Христовъ, такъ и господинъ твой. Но какимъ образомъ рабъ можетъ быть свободнымъ? (Христосъ) освободилъ тебя не только отъ грѣха, но и отъ вѣшняго рабства, хотя ты остаешься рабомъ. Онъ не допускаетъ ни рабу быть рабомъ, ни человѣку оставаться въ рабствѣ; это и чудно. Когда же рабъ бываетъ свободнымъ, оставаясь рабомъ? Когда онъ освобождается отъ страстей и душевныхъ болѣзней, когда не предается корыстолюбію, гнѣву и другимъ подобнымъ страстямъ. *Цѣною куплены есте: не будите рабы челоѣкамъ* (ст. 23). Это сказано не только рабамъ, но и свободнымъ, потому что можно и въ рабствѣ не быть рабомъ, и въ свободѣ быть рабомъ. Когда же рабъ не бываетъ рабомъ? Когда онъ дѣлаетъ все для Бога, когда служить нелицемѣрно и не изъ челоѣкоудодія: это и значить быть рабомъ людей и оставаться свободнымъ. А когда свободный бываетъ рабомъ? Когда онъ служить людямъ въ чемъ-нибудь худомъ, въ чревоудодіи, корыстолюбіи, или честолюбіи. Такой челоѣкъ, хотя и свободенъ, порабощеннѣ всякаго раба. Вотъ примѣръ того и другаго: Іосифъ былъ рабомъ, но не раболѣпствовалъ людямъ, потому и въ рабствѣ былъ свободнѣе всѣхъ свободныхъ; онъ не покорился господажѣ, склонявшей его къ удовлестворенію ея похоти. Господжа напротивъ была свободна, но оказалась ниже всякаго раба, обратившись къ рабу и съ лестію и съ убѣжденіемъ, и однако не смогли склонить его, свободнаго, къ тому, чего онъ не хотѣлъ. Подлинно, онъ былъ не рабомъ, но въ высшей степени свободнымъ: развѣ рабство послужило ему препятствіемъ къ добродѣтели? Послушайте вы, рабы и свободные: кто оказался рабомъ, тотъ ли котораго просили, или та, которая просила? Та ли, которая убѣждала, или тотъ, который презрѣлъ ея убѣжденія? Такъ, есть предѣлы рабства, положен-

ныя Богомъ, есть законы, до чего оно можетъ простираться, которыхъ преступать не должно. Когда господинъ не требуетъ ничего, противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далѣе не должно: такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ, хотя и свободенъ. Это внушаетъ (апостолъ) словами: *не будите рабы челоуткомъ*. А если бы не такъ, если бы онъ повелѣвалъ оставлять господъ и стараться получить свободу, то какъ онъ сталъ бы говорить слѣдующее: *каждо, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (ст. 24)? И въ другомъ мѣстѣ: *славы сущи подъ игомъ раби, своихъ господій всякія чести да сподобляють, имущіи стѣнныхъ господій да не нерадѣють, понеже братія сущи, имже благодать воспріимлющии* (1 Тим. vi, 1. 2)? Тоже самое онъ повелѣваетъ и заповѣдуетъ въ посланіяхъ къ Ефесеямъ (vi, 5) и Колоссянамъ (iii, 22). Отсюда видно, что онъ отвергаетъ не внѣшнее рабство, а происходящее отъ пороковъ, бывающее и съ свободными, и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему человекъ свободный. Какую пользу получили братья Іосифа отъ того, что они были свободны? Не оказались ли они раболѣпнѣе всякаго раба, обманувъ отца, солгавъ предъ купцами и предъ братомъ? А онъ былъ не таковъ, но вездѣ и во всемъ былъ правдивъ и оставался свободнымъ; и его ничто не могло поработить, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребываніе въ чужой землѣ,— всегда онъ оставался свободнымъ. Это и есть высшая свобода, которая сіяетъ и въ рабствѣ.

5. Таково христіанство: оно и въ рабствѣ доставляетъ свободу. Какъ тѣло, по природѣ своей уязвимое, оказывается неуязвимымъ тогда, когда, будучи поражаемо стрѣлою, не терпитъ никакого вреда, такъ и истинно свободный оказывается такимъ тогда, когда, находясь подъ властію господъ, не дѣлается рабомъ. Потому (апостолъ) и повелѣваетъ оставаться въ рабствѣ. Если бы рабу невозможно было быть христіаниномъ, какимъ слѣдуетъ быть, то язычники обвиняли бы благочестіе въ большой немощи; но узнавъ, что рабство нисколько не препятствуетъ благочестію, они удивятся проповѣди. Подлинно, если намъ не причиняютъ вреда ни смерть, ни бичеванія, ни узы, то тѣмъ болѣе рабство; если огонь, желѣзо, тысячи насилій, болѣзни, бѣдность, дикіе звѣри и другія жесточайшія и безчисленные бѣдствія не причинили вреда вѣрующимъ, а еще сдѣлали ихъ и сильнѣйшими, то какъ можетъ повредить имъ рабство? Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное—рабство грѣху. Если ты не подвергнешься ему, то дерзай и радуйся; тебѣ никто не можетъ причинить никакого зла, потому что ты чуждъ рабства въ душѣ своей. Если же ты подвергнешься

ему, то, хотя бы ты былъ тысящекратно свободенъ, свобода не принесетъ тебѣ никакой пользы. Что пользы, скажи мнѣ, если ты человѣку не служишь, а страстямъ рабствуешь? Люди часто умѣютъ и падать, а эти властители никогда не насыщаются твоими бѣдотвѣями. Ты служишь человѣку? Но и тебѣ служить господинъ; онъ доставляетъ тебѣ пропитаніе, заботится о твоёмъ здоровьѣ, одеждѣ, обуви и о всемъ прочемъ; не столько ты боишься оскорбить господина, сколько онъ беспокоится, чтобы ты не терпѣлъ недостатка въ необходимомъ. Но онъ возлещитъ, а ты стоишь? Что жъ изъ этого? Это случается не только съ нимъ, но и съ тобою. Часто, когда ты лежишь и сладко спишь, онъ не только стоитъ, но и терпитъ множество непріятностей на торжищѣ и лишается сна хуже тебя. Что же? Потерпѣлъ ли Іосифъ отъ госпожи что-нибудь такое, что потерпѣла она отъ своей страсти? Онъ не исполнилъ того, къ чему она хотѣла принудить его, а она исполнила все, что повелѣвала ей госпожа ея, т. е. похоть, которая не прежде отстала отъ нея, пока довела ее до посрамленія. Какой господинъ, какой жестокій тиранъ дастъ такіа приказанія? Проси, говорить, своего раба, умоляй плѣнника, прельщая невольника; если онъ отвергнетъ тебя, снова приступай; если, не смотря на частыя твои предложенія, онъ не изъавитъ согласія, найди уединенное мѣсто, употреби насиліе и предай себя посяганію. Что безчестнѣе, что постыднѣе такихъ внушеній? Если же ты и послѣ того не будешь имѣть успѣха, то оклеветай его и обмани мужа. Какія низкія, какія постыдныя приказанія, какія жестокія, безчеловѣчныя и безумныя! Повелѣваетъ ли какой-нибудь господинъ то, что повелѣвала тогда похоть этой женщины—царицѣ? И она не смѣла ослушаться. Съ Іосифомъ ничего такого не было, напротивъ все послужило къ его славѣ и чести. Хочешь ли видѣть и другого мужа, который получилъ множество приказаній отъ жестокой госпожи, и не смѣлъ ослушаться?

Припомни Каина, какъ имъ овладѣла зависть. Она повелѣла ему убить брата, солгать предъ Богомъ, огорчить отца, оказаться безстыднымъ, и онъ сдѣлалъ все и не ослушался ни въ чемъ. Но удивительно ли, что надъ однимъ (человѣкомъ) эта госпожа имѣла такую силу? Она часто погубляла цѣлые народы. Такъ жены мадамскія едва не плѣнили и не поработили іудеевъ, прельщая всѣхъ ихъ своею красотою (Числ. ххv). Отъ такого рабства и предохраняетъ Павелъ, когда говорить: *не будите раби челоуткамъ*, т. е. не повинуйтесь людямъ, когда они повелѣваютъ что-нибудь постыдное, и даже самимъ себѣ. Такимъ образомъ очистивъ и возвысивъ умъ слушателей, онъ говоритъ далѣе: *о двохъ же пове-*

лѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти (ст. 25). Продолжая рѣчь, онъ постепенно доходитъ наконецъ и до дѣвства; научивъ и вразумивъ ихъ (коринѣянъ) бесѣдою о воздержаніи, онъ переходитъ къ высшему предмету и говоритъ: *повелѣнія не имамъ, но мною добро быти* (ст. 26). Почему? По той же причинѣ, какую онъ привелъ въ бесѣдѣ о воздержаніи. *Привязался ли еси женѣ? Не ищи разрѣшенія. Отрѣшился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Эти слова не противорѣчатъ прежнимъ, но совершенно согласны. Тамъ онъ говорилъ: *точію по согласію*; и здѣсь говоритъ: *привязался ли еси женѣ? Не ищи разрѣшенія*. Одно не противорѣчитъ другому, потому что совершаемое противъ воли есть расторгеніе; а если оба (мужъ и жена) воздерживаются по согласію, это—не расторгеніе.

- 159 6. Чтобы сказанное не было принято какъ законъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *аще ли же и оженишися, не согрѣшиши еси* (ст. 28). Далѣе ссылается на обстоятельства, настоящую нужду, стѣснительное время и скорбь. Бракъ сопровождается многими затрудненіями, на которыя онъ и указываетъ какъ здѣсь, такъ и въ бесѣдѣ о воздержаніи. Тамъ онъ говорилъ: *жена не владѣетъ собою*; а здѣсь говоритъ: *привязался еси. Аще ли же оженишися, не согрѣшиши еси*: разумѣетъ не дѣву, избравшую дѣвство; такая (вступая въ бракъ) грѣшитъ. Если осуждаются вдовы, которыя, однажды рѣшившись оставаться во вдовствѣ, вступаютъ во второй бракъ, то тѣмъ болѣе дѣвы. *Скорбь же плоти имѣти будутъ таковыи*. Но, скажешь, вмѣстѣ и удовольствіе. И это, смотри, какъ (Павелъ) ограничилъ краткостію времени: *время*, говоритъ, *прекращено есть* (ст. 29), т. е. намъ заповѣдано уже идти отсюда и готовиться къ исходу, а ты стремишься внутрь. Если бы бракъ не сопровождался никакими скорбями, и въ такомъ случаѣ надлежало бы стремиться къ будущему; если же онъ сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость принимать на себя такое бремя, которое и принявъ должно нести такъ, какъ бы не принявъ? *Да имущіи жены*, говоритъ, *якоже не имущіи будутъ*. Сказавъ нѣчто о будущемъ, далѣе онъ опять обращается къ настоящему,—именно: духовное, что одна заботится о дѣлахъ мужа, другая же о дѣлахъ Божіихъ (ст. 34); а житейское, что *хочу васъ безпечальныхъ быти* (ст. 32). Впрочемъ и это онъ предоставляетъ на ихъ волю. Кто, указавъ достойное избранія, снова понуждаетъ къ этому, тотъ какъ бы не довѣряетъ собственнымъ словамъ; (а Павелъ) самую уступчивостію еще болѣе побуждаетъ и склоняетъ: *сіе же*, говоритъ, *на пользу вамъ самѣмъ глаголю, не да слою вамъ наложу, но къ благообразію и благоприступанію* (ст. 35). Пусть дѣвы сны-

шать, что не этимъ опредѣляется дѣвство: та, которая заботится 160 о мірскомъ, не есть благообразная дѣва. Сказавъ: *раздѣлися и жена и дѣва*, (апостолъ) здѣсь объясняетъ, въ чемъ состоитъ ихъ различіе другъ отъ друга. Отличительнымъ признакомъ дѣвы и не дѣвы онъ поставляетъ не бракъ и не воздержаніе, а свободу отъ заботъ (у одной) и множество заботъ (у другой). Не сожитіе есть зло, а препятствіе къ любомудрію. *Аще ли же кто безобразенъ о дѣтѣхъ своихъ нещипуетъ* (ст. 36). Здѣсь, повидимому, онъ говоритъ о бракѣ, но все направляетъ къ рѣчи о дѣвствѣ; дозволяя и второй бракъ, говоритъ: *точію о Господѣ* (ст. 39). Что значить: *о Господѣ*? Съ цѣломудріемъ, съ честностію. Эти добродѣтели вездѣ нужны, и о нихъ должно заботиться; иначе невозможно урѣть Бога. Если мы не будемъ теперь распространяться о дѣвствѣ, пусть никто не обвиняетъ насъ въ лѣности. Объ этомъ предметѣ нами составлена цѣлая книга, въ которой мы наложили все съ возможною точностію, и потому считаемъ излишнимъ опять повторять здѣсь тоже самое. Отсылая туда слушателя, скажемъ здѣсь только, что должно соблюдать воздержаніе: *миръ*, говоритъ (апостолъ), *имѣйте и святыню, ихже грядѣтъ никтоже узрѣти Господа* (Евр. 12, 14). Итакъ, чтобы намъ удостоиться урѣть Бога, будемъ, въ дѣвствѣ ли, въ первомъ ли бракѣ, или во второмъ, преуспѣвать въ этой добродѣтели, и мы сподобимся царствія небеснаго, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

О идоложертвенныхъ же вѣрмы, яко вси разумъ имамы. 159
Разумъ кичить, любы же созидаетъ (1 Кор. viii, 1).

1. Нужно напередъ сказать, что здѣсь имѣетъ въ виду (апостолъ), тогда и будетъ понятна намъ рѣчь его. Кто видитъ кого-нибудь обвиняемымъ и не узнаетъ напередъ свойства вины его, тотъ не можетъ понять сказаннаго. Въ чемъ же (апостолъ) обвиняетъ здѣсь коринѣянъ? Въ преступленіи великомъ и причинявшемъ множество золъ. Въ какомъ же именно? Многіе изъ нихъ, зная, что *не входящая скверняетъ челоуѣка, а исходящая* (Мѡ. iv, 17, 18), и что идолы, т. е. деревья, камни, демоны, не могутъ ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знаніе неблагоразумно, ко вреду другимъ и себѣ. Они вхо-

дили въ капища, участвовали тамъ въ трапезахъ, и такимъ образомъ производили большую гибель. Тѣ, которые еще боялись идоловъ, не научились презирать ихъ и принимали участіе въ этого рода вечерахъ, видя, что и совершеннѣйшіе дѣлаютъ тоже, получали отъ того великій вредъ (такъ какъ они касались предлагаемаго не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ совершенные, но какъ идоложертвеннаго, чѣмъ и поддерживалось идолослуженіе); вмѣстѣ съ тѣмъ и сами совершенные впадали въ немаловажный грѣхъ, пользуясь бѣсовскими трапезами. Вотъ въ чемъ состояла вина (коринянъ)! Блаженный (апостолъ), желая исправить это, не вдругъ употребляетъ слова обличенія; происходившее у нихъ было слѣдствіемъ болѣе неразумія, нежели развращенія, а потому нужно было вначалѣ употребить болѣе увѣщаніе, нежели сильное и гнѣвное обличеніе. И смотри, съ какимъ благоразуміемъ онъ тотчасъ же начинаетъ увѣщаніе. *О идоложертвенныхъ же отны, яко вси разумъ имамы.* Оставивъ слабыхъ, какъ онъ всегда дѣлаетъ, напередъ обращаетъ рѣчь свою къ сильнымъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ты же почти осуждаши брата твоего* (xiv, 10)? Такой (человѣкъ) удобнѣе можетъ принять внушеніе. Также онъ поступаетъ и здѣсь: сперва вналагаетъ гордость ихъ, замѣчая, что совершенное знаніе, которое они считали своимъ особеннымъ преимуществомъ, принадлежитъ всѣмъ вообще. *Вѣдѣмы, говорить, яко вси разумъ имамы.* Если бы онъ оставилъ безъ вниманія ихъ высокоуміе и сталъ напередъ доказывать, что поведеніе ихъ причиняетъ вредъ другимъ, то не столько принесъ бы пользы, сколько повредилъ бы. Душа честолюбивая, гордясь чѣмъ-нибудь, хотя это и соединено со вредомъ для другихъ, не смиряется, пока тщеславіе владѣетъ ею. Потому Павелъ напередъ 161 раскрываетъ дѣло само по себѣ, какъ онъ прежде поступилъ и съ мірскою мудростію, когда рѣшительно отвергалъ ее. Но тамъ онъ справедливо могъ поступить такъ, потому что все въ ней было достойно полного осужденія и весьма легко было доказать, что она не только излишня, но и противна проповѣди. А здѣсь нельзя было поступить такъ же, потому что предметомъ рѣчи было знаніе и притомъ совершенное знаніе. Отвергать это знаніе было не безопасно, а съ другой стороны нельзя было иначе низложить гордость, которая происходила отсюда. Что же онъ дѣлаетъ? Показываетъ напередъ, что то (знаніе) принадлежитъ всѣмъ вообще, и тѣмъ смиряетъ гордость ихъ, потому что обладающіе чѣмъ-нибудь великимъ и прекраснымъ, обладая одни, болѣе превозносятся, а когда обнаружатъ, что и другіе имѣютъ тоже самое, то уже не столько превозносятся. Потому, во-пер-

ныхъ, онъ обобщаетъ то, что коринтеяне присвоили себѣ однимъ; и обобщивъ, не представляетъ себя самого участникомъ знанія, чтобы они оттого не возгордились еще болѣе, потому что какъ имѣющій что-нибудь одинъ превозносится, такъ превозносится и тотъ, у кого одинъ или два соучастника изъ людей знатныхъ. Потому онъ не указываетъ на себя самого, а на всѣхъ; не говоритъ: и я имѣю знаніе, но: *отны, яко вси разумѣ имамы*. Такимъ образомъ, этимъ первымъ доводомъ онъ сильно поразилъ ихъ гордость, а вторымъ еще сильнѣе. Какимъ же? Тѣмъ, что самое знаніе не только не полно, но и весьма не совершенно, и не только не совершенно, но и вредно, если съ нимъ не будетъ соединено нѣчто другое. Сказавъ: *яко вси разумѣ имамы*, онъ присовокупляетъ: *разумѣ кичитъ, любви же соиздастъ*; если знаніе не соединено съ любовью, то оно производитъ гордость. Но, скажешь, и любовь безъ знанія не приноситъ никакой пользы. Не объ этомъ онъ говоритъ; оставляя это, какъ всѣмъ извѣстное, онъ доказываетъ, что знаніе имѣетъ великую нужду въ любви. Кто имѣетъ, тотъ, какъ исполняющій главнѣйшую изъ всѣхъ заповѣдей, хотя бы и имѣлъ какіе-нибудь недостатки, при помощи любви скоро можетъ приобрести знаніе, подобно Коринтію и многимъ другимъ; а кто имѣетъ знаніе, не имѣя любви, тотъ не только ничего не приобретаетъ, но часто теряетъ и то, что имѣетъ, впадая въ гордость. Такимъ образомъ знаніе не производитъ любви, а напротивъ удаляетъ ее отъ человѣка невнимательнаго, порождая къ немъ гордость и надменность. Гордость производитъ раздѣленія; а любовь соединяетъ и ведетъ къ знанію. Это выражаетъ (апостолъ), когда говоритъ: *аще же кто любитъ Бога, сей познаетъ бысть отъ Него* (ст. 8). Я не запрещаю, говорить, имѣть совершенное знаніе, но заповѣдую имѣть его вмѣстѣ съ любовью; (иначе) оно не только бесполезно, но даже вредно.

2. Видишь ли, какъ онъ уже предначинаетъ рѣчь о любви? Такъ какъ все это происходило не отъ совершеннаго знанія, а отъ недостатка любви и снисхожденія къ ближнимъ; такъ какъ отъ этого происходили у нихъ раздѣленія, надменность и все прочее, въ чемъ онъ обличалъ ихъ и прежде и послѣ,—то онъ непрестанно старается внушить имъ (любовь, какъ) источникъ благи. Что вы, говорить, гордитесь знаніемъ? Если не будете имѣть любви, то оно принесетъ вамъ вредъ,—вѣдь что хуже гор- 162
дости? Если же будете имѣть любовь, то и знаніе будетъ надеж-
но; когда знаешь болѣе ближняго и любишь его, то не станешь превозноситься, но и ему сообщишь тоже. Потому сказавъ: *разумѣ кичитъ*, онъ присовокупляетъ: *любви же соиздастъ*. Не сказавъ: *смирять*, а выразилъ нѣчто гораздо важнѣйшее и полез-

нѣйшее; знаніе не только надмеваетъ, но и производитъ раздѣленіе,—потому противопоставилъ одно другому. Далѣе представляетъ и третій (доводъ), который могъ смирить ихъ. Какой же? Тотъ, что наше знаніе, хотя бы и соединено было съ любовію, однако и тогда несовершенно: *аще ли кто, продолжаетъ онъ, мнится въдѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти* (ст. 2). Сильный доводъ! Я уже не говорю, внушаетъ онъ, что знаніе принадлежитъ всѣмъ вообще; не говорю, что, ненавидя ближняго и надмеваясь, ты причиняешь великій вредъ себѣ самому; хотя бы ты одинъ владѣлъ знаніемъ, хотя бы не гордился, хотя бы и любилъ брата,—и въ такомъ случаѣ знаніе твое несовершенно, потому что ты еще не знаешь ничего, какъ должно знать. Если же мы ни о чемъ не имѣемъ точнаго познанія, то какъ нѣкоторые дошли до такого безумія, что говорятъ, будто они со всею точностію знаютъ Бога? Хотя бы мы имѣли точное познаніе обо всемъ другомъ, и тогда не можемъ имѣть такого познанія (о Богѣ), потому что невозможно выразить, какъ велико разстояніе между Нимъ и всѣмъ прочимъ. И смотри, какъ онъ низложилъ гордость ихъ. Не сказалъ: вы не имѣете надлежащаго познанія о предложенныхъ (предметахъ), но—обо всемъ вообще; не сказалъ: вы, но: всякій, Петръ ли, Павелъ, или кто бы то ни было. Этимъ онъ превосходно и утѣшилъ и смирилъ ихъ. *Аще же кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него*; не сказалъ: позналъ Его, но: *познанъ бысть отъ Него* (ст. 3), потому что не мы познали Бога, а Онъ позналъ насъ. Потому и Христосъ говоритъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. xv, 16). И Павелъ въ другомъ мѣстѣ: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. xii, 12). Замѣтъ же, сколькими доводами онъ низложилъ гордость ихъ: во-первыхъ, показалъ, что не одни они знаютъ то, что знаютъ: *еси, говоритъ, разумъ имамы*; во-вторыхъ,—что знаніе безъ любви вредно: *разумъ, говоритъ, кичитъ*; въ-третьихъ,—что и соединенное съ любовію не бываетъ полно и совершенно: *аще кто, говоритъ, мнится въдѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти*; притомъ, это (знаніе) они имѣютъ не отъ себя, а отъ Бога, даровавшаго имъ, потому что не сказалъ: позналъ Бога, но: *познанъ бысть отъ Него*; и еще, это (знаніе) зависитъ отъ любви, которой они не имѣютъ столько, сколько нужно: *аще кто, говоритъ, любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него*. Смиривъ такимъ образомъ гордость ихъ, онъ начинаетъ излагать ученіе и говоритъ: *о яденіи же идоложертвенныхъ, елмы, яко идола ничтоже есть въ мірѣ, и яко никтоже Богъ имъ, токмо едины* (ст. 4). Смотри, въ какомъ онъ находился затрудненіи. Онъ хочетъ доказать два предмета, и то, что надобно воздерживаться отъ та-

кой трапезы, и то, что она не можетъ вредить вкушающимъ отъ нея; эти предметы не совсѣмъ согласуются между собою. Слыша, 163 что (идольскія жертвы) не причиняютъ вреда, (коринтеяне) могли пользоваться ими, какъ безразличными; а слыша запрещеніе прикасаться къ нимъ, они могли подозрѣвать, что эти вещи запрещены потому, что могутъ вредить. Потому, опровергнувъ донятіе объ идолахъ, первымъ причиною воздержанія онъ поставляетъ соблазнъ братій. *О яденіи же, говорить, идоложертвенныхъ, еѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ.* Опять обобщаетъ это знаніе, не усволяетъ его имъ однимъ, а приписываетъ всей веленной. Не у васъ только, говорить, но по всей землѣ извѣстно это ученіе. Какое? *Яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ, и яко никтоже Богъ имъ, токмо единъ.* Но развѣ нѣтъ идоловъ? Развѣ нѣтъ кумировъ? Есть; но они не имѣютъ никакой силы, и не боги, а камни и демоны. Онъ обращается теперь къ людямъ двоякаго рода, болѣе грубымъ и болѣе любящимъ разсуждать; одни не видятъ въ идолахъ ничего, кромѣ камней, а другіе полагаютъ, что въ нихъ живутъ нѣкоторыя силы, которыя и называютъ богами. Первымъ онъ говоритъ: *идолъ ничтоже есть въ мірѣ; а послѣднимъ: никтоже Богъ имъ, токмо единъ.*

3. Видишь ли, какъ онъ налагаетъ это ученіе не просто, а приспособительно къ язычникамъ? И вездѣ надобно смотрѣть, безотносительно ли онъ говоритъ что-нибудь, или относительно къ кому-нибудь. Это не мало можетъ способствовать намъ къ точному познанію ученія и къ уразумѣнію сказаннаго. *Аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и мы у него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ, имже вся, и мы живемъ* (ст. 5, 6). Такъ какъ онъ сказалъ, что идолъ—ничто и нѣтъ другого Бога, а между тѣмъ были и идолы и такъ называемые боги, то, чтобы не подумали, что онъ отвергаетъ очевидное, присовокупляетъ: *аще и суть глаголеміи бози:* хотя и есть (боги), не просто (боги), а *глаголеміи*, т. е. не дѣйствительно существующіе, а только такъ называемые. *Или на небеси, или на земли.* На небѣ разумѣть солнце, луну и остальной хоръ свѣтилъ, потому что язычники поклонялись и имъ; а на землѣ—бѣсовъ и всѣхъ обоготворенныхъ людей. *Но намъ единъ Богъ Отецъ.* Прежде не употребилъ слова: *Отецъ*, когда сказалъ: *никтоже Богъ имъ, токмо единъ;* а теперь, когда рѣшительно отвергъ ихъ (языческихъ боговъ), прибавляетъ и это слово. Потомъ приводитъ важнѣйшее доказательство божества, именно: *изъ негоже вся.* Отсюда видно, что эти (идолы)—не боги: *бози*, говорить (Писаніе), *имже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ* (Іер. х, 11). Далѣе предлагаетъ и дру-

гое не менѣе важное (доказательство); и мы у него. Словами: *изъ негоже* ея онъ указываетъ на сотвореніе и приведеніе изъ небытія въ бытіе; а словами: *и мы у него* указываетъ на вѣру и со-
 164 единеніе съ Нимъ, какъ онъ говорилъ и выше: *изъ негоже вы есте о Христѣ Иисусѣ* (1, 80). Мы отъ Него двоякимъ образомъ: по бытію и по вѣрѣ, которая также есть твореніе, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *да оба соизждетъ собою во единого новаго челоука* (Ефес. II, 15). *И единъ Господь Иисусъ Христосъ, имже ея, и мы тѣмъ*. Сказанное надобно опять разумѣть и о Христѣ; чрезъ Него родъ человѣческій приведенъ и изъ небытія въ бытіе, и отъ заблужденія къ истинѣ, такъ что выраженіе: *изъ негоже* не значитъ—безъ Христа; мы сотворены Имъ чрезъ Христа. Самыя названія, употребленныя апостоломъ, не надобно разумѣть такъ, будто бы исключительно принадлежали—Сыну названіе *Господь*, а Отцу названіе *Богъ*. Въ Писаніи часто употребляется одно вмѣсто другого, напр., когда говорится: *рече Господь Господеси моему* (Ис. LIX, 1); и еще: *сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой* (Пс. XLV, 8); и еще: *отъ нихже Христосъ во плоти, сынъ надъ всеми Богъ* (Рим. IX, 5). И во многихъ другихъ мѣстахъ эти названія употребляются одно вмѣсто другого. Если бы каждое изъ нихъ исключительно принадлежало одному Лицу, если бы Сынъ не былъ Богомъ и такимъ Богомъ, какъ Отецъ, а былъ бы только Сыномъ, то Павелъ, сказавъ: *но намъ единъ Богъ*, напрасно прибавилъ бы слово: *Отецъ*, для означенія Нерожденного, потому что для этого достаточно было бы сказать слово: *Богъ*, еслибы оно принадлежало Ему одному. Не только это, но и другое еще можно сказать. Если же бы ты сказалъ, что Богъ названъ единымъ, а слѣдовательно имя Бога не свойственно Сыну, то смотри: и о Сынѣ сказано тоже самое; и Сынъ названъ *единымъ Господомъ*; однако мы не говоримъ, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Потому, какое значеніе имѣетъ слово: *единъ* по отношенію къ Сыну, такое же и по отношенію къ Отцу; какъ то, что Сынъ называется единымъ Господомъ, не препятствуетъ Отцу быть Господомъ и такимъ же Господомъ, какъ Сынъ, такъ и то, что Отецъ называется единымъ Богомъ, не препятствуетъ Сыну быть Богомъ и такимъ же Богомъ, какъ Отецъ. Если же кто спроситъ: почему (апостолъ) не упомянулъ о Духѣ?—то мы отвѣтимъ: потому, что онъ говорилъ къ идолослужителямъ и опровергалъ ихъ ученіе о множествѣ боговъ и множествѣ господъ. Потому онъ и называлъ Отца Богомъ, а Сына Господомъ. Если же онъ не рѣшился адѣсь назвать Господомъ Отца вмѣстѣ съ Сыномъ, чтобы не думали, что онъ признаетъ двухъ Господъ, равно назвать Богомъ Сына вмѣстѣ съ Отцемъ, чтобы не поду-

мали, что онъ признаеть двухъ Боговъ, то удивительно ли, что онъ не упомянулъ о Духѣ? Онъ здѣсь имѣлъ въ виду язычниковъ и доказывалъ, что мы не признаемъ многобожія; потому и повторяеть часто слово: *единъ: никтоже*, говоритъ, *Богъ имъ, только одинъ, и: намъ одинъ Богъ и одинъ Господь*. Отсюда видно, что онъ, изъ снисхожденія къ немощи слушателей, употребилъ такой образъ рѣчи и изъ-за этого не упомянулъ о Духѣ. А если бы не такъ, то и въ другихъ мѣстахъ не слѣдовало бы упоминать о Духѣ и поставлять Его наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Если бы (Духъ) не былъ равенъ Отцу и Сыну, то особенно не слѣдовало бы поставлять Его наравнѣ (съ Ними) въ крещеніи, въ которомъ преимущественно открывается достоинство Божества и сообщаются такіе дары, которые сообщать свойственно одному Богу.

4. Такимъ образомъ я показалъ причину, почему адѣсь умолчано (о Духѣ). Если же не такъ, то ты скажи: почему Онъ поставляется наравнѣ (съ Отцемъ и Сыномъ) въ крещеніи? Не можешь указать другой причины, кромѣ той, что Они равночестны. Потому (и Павелъ), когда нѣтъ подобной надобности, смотри, какъ поставляеть Ихъ вмѣстѣ, говоря: *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. хш, 18). И еще: *раздѣленія же дарованыи суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде Богъ* (1 Кор. хш, 4—6). А здѣсь онъ обращаетъ рѣчь къ язычникамъ, и притомъ къ слабѣйшимъ изъ язычниковъ, и потому пока умалчиваетъ (о Духѣ). Тоже дѣлають и пророки по отношенію къ Сыну: они нигдѣ ясно не упоминають о Немъ по немощи слушателей. *Но не во осязъ разумъ* (знаніе), продолжаетъ (апостоль) (ст. 7). Какое знаніе? О Богѣ или о жертвахъ идольскихъ? Здѣсь онъ указываетъ или на язычниковъ, которые признавали многихъ боговъ и господъ и не знали Бога истиннаго, или на слабѣйшихъ изъ язычниковъ, которые еще не сознавали ясно, что не должно бояться идоловъ и что *идолъ ничтоже есть въ мірѣ*. Этими словами онъ слегка утѣшаетъ и ободряетъ ихъ, такъ какъ здѣсь не слѣдовало высказывать всего, особенно потому, что онъ намѣревался послѣ съ большею силою вразумлять ихъ.

Няции же совѣстію идолскою даже досель якоже идолжертвенное ядятъ, и совѣсть ихъ немощна сущи сквернятся. Еще досель, говоритъ, бояться идоловъ. Не указывай мнѣ на настоящее состояние, въ которомъ ты находишься, принявъ благочестіе отъ предковъ, но обратись мыслію къ тѣмъ временамъ, когда лишь только началась проповѣдь, когда еще господствовало нечестіе, курились жертвенники, совершали жертвоприношенія и воалія-

нія, когда еще было весьма много язычниковъ, и представъ, что должны были чувствовать тѣ, которые наслѣдовали нечестіе отъ предковъ, произошли отъ такихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, терпѣли отъ злыхъ духовъ множество золъ, и лишь только обратились въ христіанство,—какъ они должны были страшиться и трепетать козней діавола. Ихъ и разумѣть (апостолъ), когда говоритъ: *нѣцѣи же совѣстію идолскою*; не называетъ ихъ прямо, чтобы не оскорбить ихъ, и не совсѣмъ умалчиваетъ, а упоминаетъ объ нихъ неопредѣленно: *нѣцѣи же*, говоритъ, *совѣстію идолскою даже доселѣ якоже идоложертвенное ядятъ*, т. е. съ такими же мыслями, съ какими ѣли прежде. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*, потому что еще не можетъ считать за ничто и совершенно презирать этихъ жертвъ, но остается еще въ сомнѣніи. Какъ если бы кто, прикасаясь къ мертвецу, считалъ это оскверненіемъ для себя, по іудейскому образу мыслей, а потомъ видя, что другіе съ чистою совѣстію прикасаются къ нему, и касаясь не съ тою же самою мыслию, осквернился бы, такъ было тогда и съ ними (коринѣянами). *Нѣцѣи совѣстію идолскою даже доселѣ*. Не напрасно сказалъ: *даже доселѣ*, но чтобы показать, что безъ снисходительности (къ ближнимъ) нисколько не получается 166 пользы, и что слѣдуетъ вразумлять ихъ не такъ, а иначе, на-примѣръ, словомъ и ученіемъ. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*. Доселѣ не говоритъ еще о сущности дѣла, а только всячески обращаетъ вниманіе на совѣсть вкушающаго, опасаясь, чтобы, исправляя слабаго, не оскорбить сильнаго и не сдѣлать его также слабымъ; равно щадить того и другого; даже не допускаетъ ихъ и помыслить что-нибудь такое, но пространно раскрываетъ свою мысль, чтобы не родилось какое-нибудь недомѣніе. *Брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ. Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ: ниже аще не ямы, лишаемся* (ст. 8). Видишь ли, какъ онъ опять низлагаетъ гордость ихъ? Сказавъ, что не только они, но и *все разумъ имамы*, что никто не у *что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти*, и что *разумъ кичитъ*, потомъ, утѣшивъ ихъ словами, что *не во всѣхъ разумъ* и что *иные сквернятся по немощи*, и (предупреждая), чтобы они не сказали: какое намъ дѣло, что не всѣ имѣютъ такое знаніе?—а почему такой-то не имѣетъ знанія?—почему онъ немощенъ?—чтобы они не возразили въ этомъ смыслѣ, (апостолъ) не прямо переходить къ заключенію, что надобно воздерживаться (отъ жертвъ идольскихъ), чтобы не причинить вреда ближнему, но, предварительно только указавъ на это, внушаетъ нѣчто болѣе важное. Что же такое? То, что хотя бы (невоздержаніе) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближняго,—и въ такомъ случаѣ не должно

этого дѣлать, потому что это было бы дѣло бесполезное. Кто знаетъ, что какое-нибудь дѣло, хотя причиняетъ вредъ другому, но ему самому приносить пользу, тотъ не скоро оставитъ его, но скорѣе оставитъ тогда, когда убѣдится, что и онъ самъ не получить отъ того никакой пользы. Потому онъ напередъ и говорить: *братію же насъ не поставляетъ предъ Богомъ*. Видишь ли, какъ онъ унижаетъ то, что повидимому происходило отъ совершеннаго знанія? *Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ*, т. е. заслуживаемъ благоволенія Божія, какъ бы сдѣлавъ что-нибудь доброе и великое; *ниже аще не ямы, лишаемся*, т. е. получаемъ какой-нибудь уронъ.

5. Такимъ образомъ доселѣ онъ доказывалъ, что (яденіе жертвъ идольскихъ) излишне и ничтожно, такъ какъ что не приносить пользы, когда есть, и не вредитъ, когда нѣтъ, то излишне. Далѣе показываетъ весь происходящій отъ того вредъ, и напередъ вредъ для братіи. *Блюдите бо, говорить, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ немощнымъ изъ братій* (ст. 9). Не сказалъ: *власть ваша служитъ преткновеніемъ*, не выразить этого положительно, чтобы они не сдѣлались болѣе безстыдными,—но какъ? *Блюдите*, говорить, возбуждая въ нихъ опасеніе, стыдъ и рѣшимость не дѣлать этого. Не сказалъ: *разумъ вашъ сей*, или: *совершенство ваше сіе*, что означало бы больше похвалу, но: *власть*, чѣмъ выражалось болѣе ихъ безстыдство, дерзость и гордость. Не сказалъ: *братіямъ*, а: *немощнымъ изъ братій*, увеличивая виновность ихъ тѣмъ, что они не щадятъ даже немощныхъ, и притомъ братій. Ты не исправляешь и не поднимаешь брата,—пусть будетъ такъ; но для чего поставляешь ему препятствіе и доводишь его до паденія, тогда какъ надлежало бы подать руку? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мѣрѣ не повергай же его. Если онъ пороченъ, то имѣетъ нужду въ исправленіи; а если немощенъ, то ему нужно врачеваніе. Между тѣмъ онъ не только немощенъ, но и братъ твой. *Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не советъ ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти* (ст. 10)? Сказавъ: *блюдите, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ*, онъ объясняетъ, какъ и какимъ образомъ это бываетъ. Постоянно указываетъ на немощь, чтобы не подумали, что вредъ происходитъ отъ свойства самаго дѣла, и чтобы демоны не представлялись страшными. Теперь, говорить, (братъ твой) близокъ къ тому, чтобы совершенно оставить идоловъ; но когда онъ видитъ, что ты охотно ходишь къ нимъ, то принимаетъ это за руководство для себя и самъ дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ соблазнъ происходитъ не только отъ его немощи, но и отъ твоего неблагоразумія; ты дѣлаешь его еще болѣе

немоцнымъ. *И погибнетъ немоцный братъ въ твоємъ яденіи (φρῶσι), егоже ради Христосъ умре* (ст. 11). Наносимый тобою вредъ непростителенъ по двумъ причинамъ: потому, что ближній твой немоцень, и потому, что онъ братъ твой; но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христосъ не отказался умереть за него, а ты не хочешь даже оказать ему снисхожденія. Этими словами (апостолъ) напоминаетъ совершенному, тѣмъ онъ самъ. былъ прежде; и что Христосъ умеръ за него. Не говорить: за котораго тебѣ надлежало бы умереть, но гораздо сильнѣе: *егоже ради Христосъ умре*. Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого вниманія, не хочешь для него воздержаться даже отъ нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть послѣ того, какъ такимъ образомъ совершенно его спасеніе, и, что всего тяжелѣе, изъ-за пищи. Не сказалъ: въ твоємъ совершенствѣ, или: въ твоємъ разумѣ, но: въ твоємъ яденіи. Итакъ, здѣсь четыре вины, и весьма важныя, именно: твой братъ, немоцный, столь любезный Христу, что Онъ даже умеръ за него, и притомъ изъ-за пищи подвергается гибели. *Такожде согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ соотвѣтъ немоцну сущу, во Христа согрѣшаете* (ст. 12). Видишь ли, какъ постепенно и мало-по-малу онъ доказалъ, что вина ихъ есть самое тяжкое преступленіе? И здѣсь опять упоминаетъ о немоцн ихъ (соблазняемыхъ), обращая вездѣ на собственную голову ихъ (соблазняющихъ) то, что они приводили въ свое оправданіе. Не сказалъ: *соблазняюще*, но: *біюще*, чтобы такимъ выразительнымъ словомъ показать жестокость ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ быть жесточе человѣка, который бьетъ больного? А соблазнъ тяжелѣе всякаго удара; онъ нерѣдко причинялъ даже смерть. Но почему соблазняющіе грѣшатъ противъ Христа? Во-первыхъ, потому, что касающееся рабовъ Его Онъ усвоитъ Себѣ; во-вторыхъ, подвергающіеся біенію составляютъ тѣло Его и члены Его; въ-третьихъ, они (біющіе), по гордости своей, разрушаютъ дѣло, которое Онъ совершилъ Своею смертію. *Тѣмже аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во ѣжки* (ст. 13). Поступаетъ, какъ отличный наставникъ, доказывая собственнымъ примѣромъ то, чему учить. Не говорить: будетъ ли это справедливо, или несправедливо, по какъ бы то ни было. Я уже не говорю, продолжаетъ онъ, объ идольскихъ жертвахъ, которыя непозволительны и по другой причинѣ; но если соблазняетъ (брата моего) что-нибудь, зависящее отъ моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и отъ этого, не одинъ и не два дня, а во всю мою жизнь. *Не имамъ ясти мяса во ѣжки*. Не сказалъ далѣе: *да не погублю брата*, но только: *да не соблазну*. Подлинно, крайне

безумно тѣхъ, о которыхъ Христосъ такъ печется, что благоволилъ умереть за нихъ, считать столь презрѣнными, чтобы не воздерживаться для нихъ даже отъ пищи. Это не только относится къ нимъ (коринтеянамъ), но—умѣстно сказать—и къ намъ, которые пренебрегаемъ спасеніемъ ближнихъ и произносимъ такія же сатанинскія слова. Вѣдь говорить: какое мнѣ дѣло, что такой-то соблазняется и такой-то погибаетъ?—это поистинѣ сатанинская жестокость и безчеловѣчіе. Тогда соблазнъ происходилъ по крайней мѣрѣ отъ немощи соблазнявшихся, а у насъ не такъ; мы совершаемъ такіе грѣхи, которые соблазняютъ даже сильныхъ. Такъ, когда мы бьемъ, грабимъ, лихоимствуемъ и съ людьми свободными поступаемъ, какъ съ невольниками, то кого это не можетъ соблазнить? Не говори, что такой-то—сапожникъ, другой—красильщикъ, третій—мѣдникъ; но подумай о томъ, что онъ—вѣрующій и братъ. Мы—ученики рыбаей, мытарей, скинотворцевъ, ученики Того, Который воспитывался въ домѣ плотника и обрученную Невѣсту его удостоилъ избрать Своею Матерію, возлежалъ въ ясляхъ повитый пеленами, не имѣлъ гдѣ преклонить главу, ходилъ гѣшкомъ до того, что утомлялся на пути, и получалъ пропитаніе отъ другихъ.

6. Представляй все это и не считай ни за что великолѣпное человѣческое. Признавай своимъ братомъ и скинотворца и того, кто ѣздитъ на колесницѣ, имѣетъ множество слугъ и величается на торжищѣ, даже перваго болѣе, нежели послѣдняго. Вѣдь справедливѣе называть братомъ того, въ комъ видно болѣе сродства. А кто болѣе подобенъ рыбалямъ? Тотъ ли, кто снискиваетъ себѣ пропитаніе ежедневными трудами, не имѣетъ ни слуги, ни собственнаго жилища, и во всемъ нуждается, или тотъ, кто окруженъ такимъ великолѣпіемъ и поступаетъ вопреки заповѣдямъ Божиимъ? Не презирай же того, кто болѣе братъ, кто ближе стоитъ къ апостольскому образу. Но, скажешь, онъ таковъ не добровольно, а по необходимости; онъ живетъ такъ не по своей волѣ. Откуда это (извѣстно)? Развѣ ты не слышалъ: *не судите, да не судимы будете* (Мѡ. vii, 1)? А чтобы убѣдиться, что онъ таковъ не противъ воли, поди, предложи ему тысячи талантовъ золота, и увидишь, что онъ отвергнетъ ихъ. Если же онъ и отъ предковъ не получилъ богатства и, когда можно получить, не ищетъ его и не привязывается къ имуществу, то весьма ясно, что онъ презираетъ богатство. Такъ и Іоаннъ Заведеевъ былъ сынъ весьма бѣднаго человѣка (Марк. i, 35); но отсюда еще не слѣдуетъ, что бѣдность его была невольная. Потому, когда увидишь дровосѣка, или кузнеца, покрытаго сажею, не презирай его за это, а окажи ему за это почтеніе. Петръ также препоясывался,

бралъ въ руки неводъ и ловилъ рыбу, даже и послѣ воскресенія Господа. И что я говорю о Петрѣ? Самъ Павелъ, по совершеніи столь многихъ путешествій и столь многихъ чудесъ, жилъ въ мастерской skinотворца и шивалъ кожи; его чтили ангелы и трепетали бѣсы, а онъ не стыдился говорить: *требованію моему и сущимъ со мною послужитъ рука сіи* (Дѣян. хх, 34). И что я говорю: не стыдился? Даже хвалился этимъ. Кто же, скажешь, нынѣ равенъ въ добродѣтели Павлу? Знаю, что—никто; но изъ-за этого и нынѣшнихъ бѣдныхъ не слѣдуетъ презирать. Хотя бы кто изъ нихъ былъ самый послѣдній, но только вѣрующій, онъ 169 достоинъ почтенія для Христа. Такъ, если бы пришли къ тебѣ военачальникъ и простой воинъ, оба приближенные къ царю, и ты для нихъ обоихъ открылъ бы домъ свой, то въ лицѣ котораго изъ нихъ ты болѣе показалъ бы почтенія къ царю? Очевидно, что въ лицѣ воина, такъ какъ военачальникъ и безъ близости къ царю имѣетъ много такого, что можетъ побудить тебя оказать ему честь; а простой воинъ не имѣетъ ничего другого, кромѣ близости къ царю. Богъ потому и заповѣдалъ намъ призывать на вечера и пиршества хромыхъ, увѣчныхъ и не имѣющихъ возможности воздать намъ съ своей стороны (Лук. хiv, 13), что такія благодѣянія преимущественно и въ собственномъ смыслѣ совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя челоуѣка великаго и знатнаго, то твое пожертвованіе не есть чистая милостыня, но часто примѣшивается къ тому и тщеславіе, надежда получить что-нибудь и прославиться чрезъ него предъ другими. Я могъ бы указать на многихъ, которые для того благодѣтельствуютъ извѣстнѣйшимъ изъ святыхъ, чтобы чрезъ нихъ получить большую довѣренность въ глазахъ начальниковъ и чрезъ то привести въ лучшее состояніе свои обстоятельства и семейныя дѣла, и даже испрашиваютъ себѣ у святыхъ многихъ подобныхъ милостей, что и уменьшаетъ цѣну ихъ благодѣяній, 170 совершаемыхъ съ такою цѣлію. Но для чего говорить о святыхъ? Вообще, кто ищетъ отъ Бога воздаяніи за труды свои здѣсь и дѣлаетъ добро для настоящаго, тотъ уменьшаетъ свою награду; а кто всѣхъ вѣнцевъ ожидаетъ тамъ, тотъ гораздо болѣе достоинъ воздаянія, подобно Лазарю, который получилъ всѣ блага тамъ,—подобно тремъ отрокамъ, которые, готовясь быть вверженными въ печь, говорили: *есть Богъ на небесахъ, силенъ изгнати насъ: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и образу златому, егже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 17, 18),—подобно Аврааму, который возвелъ на гору сына своего и хотѣлъ заклать его, дѣлая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшею и единственною для себя награ-

доу повиноваться Владыкѣ. Будемъ и мы подражать имъ. Если мы станемъ дѣлать все съ такимъ расположеніемъ, то получимъ въ воздаяніе изобильныя блага и удостоимся блистательныхъ вѣнцевъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатию и чело-
вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХІ.

Нѣсмь ли апостолъ? Нѣсмь ли свободъ? Не Іисуса Хри- 169
ста ли Господа нашего видѣхъ? Не дѣло ли мое вы
есте о Господѣ (1 Кор. ix, 1)?

1. Выраженнаго въ словахъ: *еще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во отки*, (апостолъ) еще не сдѣлалъ, а только изъявилъ готовность сдѣлать это, если потребуетъ нужда. Потому, чтобы кто-нибудь не сказалъ: „ты только хвалишься, показываешь любу мудріе на словахъ и общаешь,—что легко и для меня и для всякаго другого,—если же говоришь отъ души, то покажи на дѣлѣ, отъ чего ты отказался, чтобы не соблазнить брата“, онъ находить нужнымъ объяснить это и показать, какъ онъ воздерживался даже отъ позволеннаго, чтобы не соблазнить кого-нибудь, тогда какъ никакой законъ не принуждалъ его къ тому. Не то только удивительно,—хотя и это само по себѣ удивительно,—что онъ воздерживался отъ позволеннаго, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался съ великимъ трудомъ и среди опасностей. Для чего, говорить, толковать объ идо-
льскихъ жертвахъ? Христосъ заповѣдалъ проповѣдникамъ еванге-
лія получать содержаніе отъ поучаемыхъ, но я не дѣлалъ и этого, а рѣшился, въ случаѣ нужды, мучиться голодомъ и подвер-
гнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать отъ по-
учаемыхъ, не потому, чтобы они соблазнялись, если бы я ваялъ что-нибудь, но чтобы они назидались, что гораздо важнѣе. И свидѣтелями этого представляетъ ихъ самихъ, у которыхъ онъ работалъ, терпѣлъ голодъ, получалъ пропитаніе отъ другихъ и находился въ стѣснительномъ положеніи, чтобы не соблазнить ихъ, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дѣло законное: такъ много онъ щадилъ ихъ! Если же онъ самъ поступалъ выше закона, чтобы не подать повода къ соблазну, и воздерживался отъ позволеннаго въ назиданіе дру-
гимъ, то чего достойны они, не воздерживаясь отъ идо-
льскихъ

жертвъ, тогда какъ много отъ того погибають, и притомъ тогда, какъ и безъ соблазна слѣдовало бы воздерживаться по-
 170 тому, что это бѣсовская трапеза? Вотъ главное содержаніе слѣ-
 дующимъ многихъ стиховъ. Но надобно возвратиться къ ранѣе
 предложенному, потому что, какъ я сказалъ, онъ изложилъ это
 не совсѣмъ ясно и высказалъ не вдругъ, а началъ издалека.
Нѣсмъ ли апостолъ? говорить онъ,—такъ какъ, кромѣ сказаннаго,
 и то немаловажно, что это дѣлалъ Павелъ. Чтобы (кориняне) не
 сказали, что можно ѣсть идоложертвенное, оградивъ себя кре-
 стнымъ знаменіемъ, онъ сначала не опровергаетъ этого и гово-
 рить, что, хотя бы и можно было, не должно дѣлать для избѣжанія
 соблазна братій; а потомъ показываетъ, что и не можно. Первое
 доказываетъ собственнымъ примѣромъ; и намѣреваясь говорить
 о томъ, что ничего не бралъ отъ нихъ, не вдругъ высказываетъ
 это, а говорить прежде о своемъ достоинствѣ: *нѣсмъ ли апостолъ?*
Нѣсмъ ли свободъ? Чтобы они не сказали: если ты не бралъ, то не
 бралъ потому, что нельзя было брать,—для этого онъ сперва изла-
 гаетъ причины, по которымъ справедливо могъ брать, если бы хо-
 тѣлъ.

Далѣе, чтобы не подумали, что онъ говорить это въ уко-
 ризну спутникамъ Петра, которые брали, доказываетъ напередъ,
 что имъ можно было брать. Потомъ, чтобы не сказали: Петру
 можно было брать, а тебѣ нельзя,—предупреждаетъ это похвалами
 самому себѣ. Видя, что ему предстѣитъ необходимость хвалить
 самого себя,—а такимъ образомъ и можно было исправить ко-
 ринянъ,—и не желая говорить о себѣ много, смотри, какъ мудро
 онъ исполняетъ то и другое, похваляя себя не столько, сколько
 сознавалъ въ себѣ, но сколько требовало настоящее дѣло. Онъ
 могъ бы сказать: мнѣ преимущественно предъ всѣми слѣдуетъ
 брать и болѣе другихъ, потому что я болѣе ихъ потрудился; но
 не указываетъ на такое свое преимущество, а говорить только о
 томъ, чѣмъ и другіе отличались и почему они имѣли право брать:
нѣсмъ ли, говорить, апостолъ? Нѣсмъ ли свободъ? т. е., не имѣю ли
 я власти надъ собою? Развѣ кто имѣетъ власть останавливать
 меня или запрещать мнѣ брать? Правда, другіе имѣли то пре-
 171 имущество, что они были со Христомъ; но, говорить, и я не ли-
 шень этого: *не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ? Послѣди
 же встѣхъ*, говорить онъ (въ другомъ мѣстѣ), *яко нѣкоему извергу
 явился и мнѣ* (1 Кор. хv, 8). А это также немаловажно. *Мнози бо,
 сказалъ (Господь), пророцы и праведницы возжелѣша видѣти, яже
 видите, и не видѣша* (Мѣ., хш, 17). И еще: *приидуть дніе, егда возж-
 делѣете единого дне сего видѣти* (Лук. хvii, 22). Положимъ, что ты
 апостолъ, свободенъ и видѣлъ Христа: но что если ты не совер-

шилъ апостольскаго дѣла, за которое имѣлъ бы право брать? Въ отвѣтъ на это онъ и присовокупляетъ: *не дѣло ли мое вы есте о Господь?* Это весьма важно; безъ этого и другія преимущества не принесли бы никакой пользы. И Іуда былъ апостолъ, и свободенъ, и видѣлъ Христа; но такъ какъ онъ не совершилъ дѣла апостольскаго, то не получилъ отъ всего этого никакой пользы. Потому онъ говоритъ и объ этомъ и свидѣтелями представляетъ ихъ самихъ. А такъ какъ онъ сказалъ здѣсь нѣчто великое, то, смотри, какъ опредѣляетъ это словомъ: *о Господь*, т. е. вы—дѣло Гоіііе, а не мое. *Аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь* (ст. 2).

2. Видишь ли, какъ онъ не говоритъ лишняго? Онъ могъ бы указать на вселенную, на народы варварскіе, на землю и море; но не высказываетъ ничего такого, а говоритъ относительно къ намъ и побуждаетъ тѣмъ сильнѣе. Какая мнѣ нужда, говорить, распространяться слишкомъ много, когда и этого достаточно для настоящаго предмета? Я не говорю о подвигахъ, совершенныхъ мною у другихъ, а о тѣхъ, которыхъ вы сами свидѣтели; потому, если не отъ другихъ, то отъ васъ особенно мнѣ можно было брать. Но отъ кого особенно слѣдовало мнѣ брать,—вѣдь я былъ вашимъ учителемъ,—и отъ тѣхъ я не бралъ. *Аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь*: опять говоритъ относительно. Онъ былъ апостоломъ вселенной; но я не говорю объ этомъ, продолжаетъ онъ, не спорю, не настаиваю, а упоминаю о томъ, что къ вамъ относится. *Печать бо моего апостольства вы есте*, т. е. доказательство. Кто хочетъ убѣдиться, говорить, въ моемъ апостольствѣ, тому я указываю на васъ. Все, свойственное апостолу, я сдѣлалъ у васъ и ничего не упустилъ. Тоже онъ изъясняетъ во второмъ посланіи: *аще и ничтоже есмь, знаменія же апостола содѣлаша въ васъ во всякомъ терпѣніи, въ знаменіи, и чудесахъ, и силахъ. Что бо есть, егѡже лишистесь паче прочихъ церквей* (2 Кор. хп, 11, 12, 13)? Потому и говоритъ: *печать моего апостольства вы есте*. У васъ я и показывалъ знаменія, и училъ словомъ, и подвергался опасностямъ, и проводилъ безукоризненную жизнь. Все это можно видѣть въ двухъ его посланіяхъ къ намъ, въ которыхъ онъ со всею точностію изъясняетъ каждый изъ этихъ подвиговъ. *Мой отвѣтъ возстающимъ мене сей есмь* (ст. 3). Что значитъ: *мой отвѣтъ возстающимъ мене сей есмь*? Для тѣхъ, которые хотятъ знать, почему я апостолъ, или обвиняютъ меня, будто я беру деньги, или спрашиваютъ о причинѣ, почему не беру, или стараются доказать, что я не апостолъ, доказательствомъ и оправданіемъ моимъ служить ваше наученіе и то, что я намѣренъ сказать. Что же это такое? *Еда не имамы*

172 *власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити* (ст. 4, 5)? Какъ же это можетъ служить оправданіемъ? Когда извѣстно, что я воздерживаюсь даже отъ позволеннаго, то несправедливо было бы подозрѣвать меня, будто я обманываю, или дѣлаю что-нибудь за деньги. Такимъ образомъ и сказанное прежде, и преподанное вамъ ученіе, и сказанное теперь достаточно къ моему оправданію предъ вами, и противъ всѣхъ, осуждающихъ меня, я неизмѣнно утверждаю какъ вышесказанное, такъ и слѣдующее: *еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити?* Но не смотря на то, что имѣю власть, я воздерживаюсь. Неужели же онъ ни ѣлъ, ни пилъ? Дѣйствительно, часто ни ѣлъ, ни пилъ. *Во алчбѣ, говорить, и жаждѣ, въ холодѣ и наготѣ бывомъ* (2 Кор. xi, 27). Впрочемъ здѣсь онъ не то разумѣть, а что? Мы не ѣдимъ и не пьемъ на счетъ учениковъ, хотя и имѣемъ право брать отъ нихъ. *Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли, и братія Господня, и Кифа?*

Видишь ли мудрость его? Верховнаго (апостола) онъ поставляетъ послѣ; самое сильное доказательство помѣщаетъ на концѣ, потому что указаніе на другихъ, дѣлающихъ это, не было бы такъ разительное, какъ указаніе на перваго (апостола), которому ввѣрены ключи царствія небеснаго. Впрочемъ онъ указываетъ не на него одного, а на всѣхъ, и какъ бы такъ говорить: посмотришь ли на низшихъ, или на высшихъ, всѣ они служатъ примѣромъ. Братія Господа, оставившіе прежнее невѣріе, были также достославны, хотя и не равнялись съ апостолами; потому онъ и поставляетъ ихъ въ срединѣ, помѣщая главныхъ прежде и послѣ нихъ. *Или единъ азъ и Варнава не имамы власти сже не дѣлати* (ст. 6)? Видишь ли, какъ душа его смиренно-мудра и чиста отъ всякой зависти, какъ онъ не умалчиваетъ о томъ, кто участвовалъ въ трудахъ его? Если все прочее у насъ съ ними общее, то почему и этому не быть общимъ? И тѣ и мы—апостолы, и свободны, и видѣли Христа, и совершили, что слѣдуетъ апостоламъ; потому и мы имѣемъ право жить безъ трудовъ и получать содержаніе отъ учениковъ. *Кто воинствуетъ своими оброки когда* (ст. 7)? Приведши сильнѣйшее доказательство—примѣръ апостоловъ—на то, что можно дѣлать это, онъ теперь, по своему обыкновенію, обращается къ сравненіямъ и общепринятымъ обычаямъ и говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки?* Посмотри, какъ приличны настоящему предмету приводимыя имъ сравненія, и какъ онъ упоминаетъ напередъ о дѣлѣ, соединенномъ съ опасностями,—о воинской службѣ, оружіи и войнѣ. Таково и апостольство, и даже гораздо труднѣе. И у апостоловъ была брань не только съ людьми, но съ бѣсами

и съ предводителемъ ихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: если и внѣшніе (языческіе) начальники, жестокіе и несправедливые, не требуютъ отъ воиновъ, чтобы они шли на войну и подвергались опасностямъ, и между тѣмъ содержали сами себя, то возможно ли, чтобы Христосъ требовалъ этого (отъ апостоловъ)? И онъ не довольствуется однимъ сравненіемъ,—потому что обыкновенно простой и грубый человѣкъ скорѣе убѣждается тогда, когда видитъ, что общепринятый обычай согласуется съ заповѣдями Божиими.

3. Потому онъ приводитъ другое и говоритъ: *кто насаж- 173*
даетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? Первымъ онъ выразилъ опасности, а послѣднимъ трудъ, великую ревность и усердіе. Потомъ присовокупляетъ третье сравненіе: *кто, говоритъ, пасетъ стадо, и отъ млека его не ястъ?* Этимъ означаетъ великую заботливость, какую свойственно имѣть учителю объ ученикахъ. Апостолы были и воины, и земледѣльцы, и пастыри, имѣвшіе дѣло не съ землею, не съ безсловесными животными, не съ чувственными врагами, а съ разумными душами и съ бѣсовскими ополченіями. Замѣть, какъ онъ вездѣ соблюдаетъ соразмѣрность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказалъ: какой воинъ служить и не богатѣть? но: *кто воинствуетъ своими оброки когда?* Не сказалъ: *кто насаждаетъ виноградъ, и не извлекаетъ золота, или не собираетъ всего плода?* но: *отъ плода его не ястъ?* Не сказалъ: *кто, пася стадо, не продаетъ ягнятъ?* но какъ?—и *отъ млека его не ястъ?* Не отъ ягнятъ, а отъ млека, выражая этимъ, что учитель долженъ довольствоваться малымъ утѣшеніемъ и одною только необходимою пищею. Это относится къ тѣмъ, которые хотятъ поѣдать все и собирать всѣ плоды. Такъ заповѣдалъ и Господь, когда сказалъ: *достойнъ дѣлательницы (τροφῆς) своя* (Мат. х, 10). И не одно это внушаетъ (апостолъ) такими сравненіями, а показываетъ и то, каковъ долженъ быть священникъ. Онъ долженъ имѣть мужество воина, трудолюбіе земледѣльца и попечительность пастыря, и при всемъ томъ не желать ничего, кромѣ необходимаго. Доказавъ и примѣромъ апостоловъ и сравненіями изъ жизни, что учителю не запрещено брать, (Павелъ) приступаетъ къ третьему доказательству и говоритъ: *еда по чело́вѣку сія глаголю?* *Не и законъ ли сія глаголетъ* (ст. 8)? Доселѣ онъ не приводилъ ничего изъ Писаній, а ссылался на общепринятый обычай; потому не подумайте, говорить, что я основываюсь на этомъ одномъ, и утверждаю заповѣдь на мнѣніи чело́вѣческомъ; я могу доказать, что такъ угодно Богу, и привести древній законъ, который повелѣваетъ тоже. Здѣсь онъ продолжаетъ рѣчь вопросомъ, какъ бываетъ (въ бесѣдѣ) о

чемъ-нибудь совершенно извѣстномъ, и говорить: *еда по чело-
ку сія глаголю?* т. е. развѣ я основываюсь только на человѣче-
скихъ обычаяхъ? *Не и законъ ли сія глаголемъ?* Въ *Морсеевъ* бо
законъ писано: *да не заградиши устенъ вола молотяща* (ст. 9). Для
чего онъ упоминаетъ объ этомъ, имѣя примѣръ (іудейскихъ)
священниковъ? Чтобы сильнѣе доказать свою мысль. Потомъ,
чтобы кто не возразилъ: какое намъ дѣло до того, что сказано о
волахъ?—обстоятельно изъясняетъ это и говоритъ: *еда о волхъ
не радить Богъ?* Неужели же, скажи мнѣ, Богъ не печется о во-
лахъ? Печется, но не столько, чтобы поставлять о нихъ особый
законъ. Если бы Богъ не имѣлъ въ виду чего-нибудь важнѣй-
шаго, если бы не хотѣлъ примѣромъ безсловесныхъ научить іу-
деевъ челоувѣколюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить имъ объ учи-
теляхъ, то не оказалъ бы такого попеченія о волахъ, чтобы пред-
писывать законъ о незагражденіи устъ ихъ. Отсюда видно и дру-
174 гое,—какъ великъ бываетъ и долженъ быть трудъ учителя, и—
еще нѣчто. Что же такое? То, что сказанное въ ветхомъ завѣтѣ
касательно попеченія о животныхъ преимущественно относится
къ назиданію людей, равно какъ и все другое, на примѣръ, ска-
занное о разныхъ одеждахъ, о виноградникахъ, о сѣменахъ, о
томъ, чтобы не засѣвать землю разными сѣменами, о проказѣ и,
можно сказать, обо всемъ прочемъ. Такъ какъ (слушатели) были
люди грубые, то онъ говорилъ имъ такъ, чтобы возводить ихъ
(къ разумнѣнію) мало-по-малу. Впрочемъ (апостолъ) не доказы-
ваетъ того, что ясно и очевидно само по себѣ. Сказавъ: *еда о
волхъ не радить Богъ*, продолжаетъ: *или насъ ради всяко глаго-
летъ* (ст. 10)? Не напрасно поставилъ слово: *всяко*, но чтобы не
подать слушателю повода возразить что-нибудь. Между тѣмъ
продолжаетъ метафору и говоритъ: *насъ бо ради писая, яко е на-
деждѣ долженъ естъ оряи орати*, т. е. учитель долженъ получать
возмездіе за труды, и молотяи съ надеждою своего упованія прича-
щаются. Посмотри на мудрость его: отъ сѣянія онъ переходитъ
къ молотбѣ, и тѣмъ опять внушаетъ, какъ велики труды учи-
телей, которые сами и пахутъ и молотятъ, и такъ какъ оряи
еще не можетъ ничего собирать, а долженъ только трудиться,
то предоставляетъ ему надежду, а молотящему предоставляетъ
уже пользованіе плодами: и молотяи, говоритъ, упованія своего
причащаются.

4. Далѣе, чтобы кто не сказалъ: это ли возмездіе за такіе
труды?—онъ прибавляетъ: *съ надеждою*, т. е. на будущее. Такимъ
образомъ законъ о незагражденіи устъ вола означаетъ не что
иное, какъ то, что трудящіеся учителя должны получать вознагра-
гражденіе. *Аще мы духовная стяжомъ вамъ, велико ли, аще мы вамъ*

тѣлесная пожнемъ (ст. 11)? Вотъ и четвертое доказательство того, что надобно доставлять (пропитаніе учителямъ). Сказавъ: *кто возмнѣваетъ своими оброки когда?—кто насаждаетъ виноградъ?—кто пасетъ стадо?*—указавъ на вола *молотяща*,—онъ приводитъ новую основательнѣйшую причину, почему они имѣютъ право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляютъ ученикамъ гораздо важнѣйшее. Что же значить: *аще мы духовная стяжамъ вами, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?* Видишь ли причину справедливѣйшую и основательнѣйшую прежнихъ? Тамъ, говорить, вещественныя сѣмена и вещественный плодъ; здѣсь же не такъ, но сѣмя духовное, а воздаяніе вещественное. Чтобы доставляющіе что-нибудь учителямъ не думали о себѣ много, онъ показываетъ, что они больше получаютъ, нежели даютъ. Земледѣльцы, что посеютъ, то и пожнутъ; а мы сѣмъ въ душахъ вашихъ духовное, а пожинаемъ вещественное, потому что такова доставляемая намъ пища. Поэтому еще болѣе пристыжаетъ ихъ: *аще, говорить, нѣмѣ власти ошеша причащаются, не паче ли мы* (ст. 12)? Вотъ еще иное доказательство, заимствованное также отъ примѣровъ, только не такихъ, какъ прежніе: здѣсь онъ говорить не о Петрѣ, не объ апостолахъ, а о нѣкоторыхъ лжеучителяхъ, противъ которыхъ послѣ возстаетъ и о которыхъ говорить: *аще кто васъ поядаетъ, аще кто отземлетъ, аще кто величается, аще кто по лицу біетъ вы* (2 Кор. хі, 20). Онъ теперь уже предначинаетъ борьбу съ ними, и потому не говорить: если другіе берутъ съ васъ; но, изображая ихъ дерзость, насиліе, корыстолюбіе, говорить: *аще нѣмѣ власти ошеша причащаются*, т. е. управляютъ вами, обладаютъ, поступаютъ съ вами, какъ съ рабами, не только берутъ съ васъ, но и съ великимъ настояніемъ и дерзостію. Затѣмъ продолжаетъ: *не паче ли мы?* Этого онъ не сказалъ бы, если бы говорилъ здѣсь объ апостолахъ; но очевидно, что онъ намекаетъ на какихъ-то зловредныхъ людей и обольстителей. Слѣдовательно, кромѣ закона Моисеева, вы и сами, говорить, постановили правиломъ доставлять (содержаніе учителямъ). Сказавъ: *не паче ли мы*, онъ не доказываетъ, почему такъ, но предоставляетъ это суду ихъ совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ еще болѣе и устрашить ихъ и пристыдить. *Но не сотворихомъ по области сей*, т. е. мы не брали. Смотри, послѣ сколькихъ доказательствъ того, что брать—дѣло не беззаконное, онъ, наконецъ, сказалъ: мы не беремъ,—чтобы не подумали, что онъ воздерживается отъ этого, какъ отъ запрещеннаго. Не потому, говорить, я не беру, что не позволительно; это позволительно, какъ мы доказали многими примѣрами—и апостоловъ, и житейскими, какъ-то: война, земле-

дѣльца, пастыря, закономъ Моисеевымъ, самымъ существомъ дѣла, такъ какъ мы *духовная стѣхомъ вамъ*, и наконецъ тѣмъ, что вы сами дѣлаете это въ отношеніи къ другимъ. Но (*не сотворихомъ*), говоритъ съ одной стороны для того, чтобы не подумали, будто онъ осуждаетъ апостоловъ, которые брали, чтобы пристыдить (кориняецъ) и показать, что онъ воздерживается отъ этого, не какъ отъ запрещеннаго; а съ другой стороны, чтобы послѣ многихъ доводовъ и многихъ примѣровъ, доказывающихъ право на полученіе, не подумали, что онъ самъ хочетъ брать и съ этою цѣлю говорить все это,—онъ предотвращаетъ и такое подозрѣніе. Впослѣдствіи онъ выразилъ это яснѣе въ словахъ: *не писашъ же сія, да тако будетъ о мнѣ* (1 Кор. ix, 15); а здѣсь говоритъ: *не сотворихомъ по области сей*. И притомъ, что еще важнѣе, никто не можетъ сказать, будто мы *не сотворихомъ* потому, что жили въ изобиліи; нѣтъ, и будучи въ нуждѣ, мы не уступили нуждѣ. Тоже онъ говоритъ во второмъ посланіи: *отъ иныхъ церквей уяхъ, примъ оброкъ къ вашему служенію: и пришедохъ къ вамъ и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому* (2 Кор. xi, 8); также и въ настоящемъ посланіи: *и алчемъ, и жаждемъ, и наготеемъ, и страждемъ* (1 Кор. iv, 11). И здѣсь опять намекаетъ на тоже словами: *но вся терпимъ*. Выраженіе: *вся терпимъ* и означаетъ и голодъ, и великую нужду, и всѣ другія бѣдствія. Однако все это, говорить, не принудило насъ нарушить законъ, который мы сами для себя постановили. Почему? *Да не прекращеніе* (*ἐγκοπή*—препятствіе) *кое дамы благовѣствованію Христову*. Кориняне были немощны; потому, говорить, чтобы не соблазнить васъ, принимая (мѣду) отъ васъ, мы рѣшили лучше дѣлать болѣе, чѣмъ сколько заповѣдано, нежели полагать какую-нибудь преграду благовѣствованію, т. е. наученію вашему. Если же мы не дѣлали даже позволеннаго намъ, тогда какъ терпѣли великую нужду и имѣли въ свою пользу примѣръ апостоловъ, *да не прекращеніе дамы*,—не сказали: уничтоженіе, но: *прекращеніе*, и не просто прекращеніе, но: *прекращеніе кое*, т. е. чтобы не причинить ни малѣйшаго замедленія и остановки въ распространеніи слова; если, говорить, мы показали столько усердія, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ воздерживаться вамъ, которые и весьма далеки отъ апостоловъ и не можете указать на законъ, позволяющій это, а напротивъ касается запрещеннаго и причиняющаго великій вредъ, не только что замедленіе, евангельской проповѣди, и притомъ не имѣете въ виду настоящей нужды. Все это онъ сказалъ тѣмъ, которые вкушеніемъ идольскихъ жертвъ соблазняли немощнѣйшихъ братій.

5. Слыша это, возлюбленные, не будемъ и мы презирать

соблазняющихся, чтобы не положить какой-нибудь преграды благоговѣствованію Христову и не утратить своего спасенія. Если братъ соблазняется, не говори мнѣ: то и то, чѣмъ онъ соблазняется, не запрещено, а позволено. Я скажу тебѣ болѣе: если бы это позволено было самимъ Христомъ, а ты видишь, что кто-нибудь соблазняется, то воздержись и не пользуйся позволеніемъ. Такъ поступалъ и Павелъ, имѣвшій право брать по дозволенію Христову, но не бравшій. Человѣколюбивый Владыка преподалъ заповѣди свои съ великою снисходительностію, чтобы мы дѣлали многое не по одному повелѣнію, но и по собственному расположенію. Онъ могъ, если бы хотѣлъ, увеличить строгость заповѣдей и сказать: кто не постится всегда, того наказывать; кто не хранитъ дѣвства, того предавать мученію; кто не раздаетъ всего имѣнія, того подвергать жестокой казни; однако не сдѣлалъ этого, предоставивъ тебѣ самому, если захочешь, дѣлать болѣе предписаннаго. Потому, бесѣдуя о дѣвствѣ, Онъ сказалъ: *моій имѣстити, да имѣститъ* (Мѣ. хіх, 12); и богатому одно повелѣлъ, а другое предоставилъ собственному его расположенію; не сказалъ: *продаждь имѣніе, но: аще хочещи совершенъ быти, продаждь* (Мѣ. хіх, 21). А мы не только не дѣлаемъ ничего болѣе предписаннаго и не простираемся далѣе заповѣданнаго, но далеко отстаемъ и отъ опредѣленнаго заповѣдями. Павелъ терпѣлъ голодъ, чтобы не положить преграды благоговѣствованію; а мы не хотимъ прикоснуться къ сокроищамъ своимъ, хотя видимъ множество душъ погибающихъ. Пусть, говорятъ, сѣдаетъ моль, а не насыщается бѣдный; пусть истребляетъ червь, а не одѣвается нагой; пусть уничтожаетъ время, а не питается алчущій Христосъ.

Но, скажешь, кто же говоритъ такъ? То и прискорбно, что такъ говорятъ не словами, а дѣлами; не столь было бы тяжело, если бы говорили это на словахъ, а на дѣлѣ не исполняли. Не такъ ли ежедневно внушаетъ своимъ плѣнникамъ жестокой и безчеловѣчный тиранъ—сребролюбіе: пусть ваши сокроища обращаются въ пользу клеветниковъ, разбойниковъ и воровъ, а не на пропитаніе алчущихъ и нуждающихся? Не вы ли производите разбойниковъ? Не вы ли питаете огонь страсти у завистниковъ? Не вы ли вызываете воровъ и грабителей, выставляя имъ, какъ нѣкоторую приманку, свое богатство? Какое безуміе! Подлинно безуміе и явная нелѣпость—наполнять одеждами сундуки, а не обращать вниманія на того, кто сотворенъ по образу и по подобию Божію, и не имѣетъ одежды, дрожитъ отъ холода и едва держится на ногахъ. Но, скажешь, онъ притворяется дрожащимъ и немощнымъ. И ты не боишься такими словами навлечь на

себя молнію свыше? Простите, я дрожу отъ гнѣва. Ты пресныщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нѣжишься на мягкихъ коврахъ и не думаешь отдавать
177 отчета въ такомъ беззаконномъ употребленіи даровъ Божіихъ,—вѣдь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресныщались; яства не для того, чтобы мы расторгали ими свое чрево,—а отъ бѣднаго, несчастнаго, который ничѣмъ не лучше мертвеца, ты требуешь строгаго отчета, и не боишься грознаго и страшнаго суда Христова? Если онъ и притворяется, то притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не преклоняющагося на милость. Кто, въ самомъ дѣлѣ, такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды, для куска хлѣба, принимать столь безобразный видъ, терзать себя и терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоёмъ безчеловѣчїи. Если онъ проситъ, умоляетъ, говоритъ жалостныя слова, плачетъ, рыдаетъ, скитается цѣлый день и не находитъ необходимой пищи, то, можетъ быть, и придумалъ такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебѣ, служить безчестіемъ и обвиненіемъ. Онъ достоинъ состраданія, что дошелъ до такой крайности; а мы достойны тысячи казни, что принуждаемъ бѣдныхъ прибѣгать къ этому. Если бы мы легко оклонялись на милость, то онъ никогда не рѣшился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготѣ и дрожаніи (отъ холода)? Скажу нѣчто, еще болѣе ужасное: нѣкоторые принуждены были ослѣплять малолѣтнихъ дѣтей, чтобы тронуть наше безчувствіе. Такъ какъ, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь вниманіе жестокосердыхъ ни нѣжностію возраста, ни несчастіемъ, то присоединяли къ своимъ бѣдствіямъ еще другое плачевнѣйшее бѣдствіе для утоленія голода, находя болѣе легкимъ лишиться общаго свѣта и дарованныхъ всѣмъ лучей солнечныхъ, нежели непрестанно бороться съ голодомъ и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бѣдности, а забавляетесь несчастіями; потому они и удовлетворяютъ вашему ненасытному желанію, возжигая и въ себѣ и въ васъ пламень, лютейшій геенны. А чтобы вы убѣдились, что все это и подобное тому происходитъ именно по этой причинѣ, я представлю вамъ несомнѣнное доказательство, которому никто противорѣчить не можетъ. Есть бѣдные, легкомысленные и малодушные, которые не могутъ переносить голода и готовы терпѣть все другое, кромѣ этого. Они, неоднократно приступая къ вамъ съ жалкимъ видомъ и жалостными словами, но не получивъ никакой помощи, наконецъ оставляютъ просьбы и прибѣгаютъ къ

хитростямъ не хуже кудесниковъ: одни жуютъ кожу изношенной обуви, другіе вбиваютъ въ голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую отъ холода воду голымъ желудкомъ, а иные подвергаютъ себя еще болѣе нелѣпымъ (мученіямъ), чтобы представить жалкое зрѣлище.

6. Между тѣмъ какъ это дѣлается, ты стоишь и смѣешься, удивляясь и утѣшаясь бѣдствіями другихъ, подвергающихъ посямленію общую нашу природу. Что хуже этого можетъ сдѣлать и человѣконенавистный діаволъ? А чтобы онъ усерднѣе дѣлалъ это, ты съ великою щедростію даешь деньги. Кто проситъ, призываетъ Бога и приступаетъ къ тебѣ кротко, того ты не удостоиваешь ни отвѣта, ни взгляда, и если онъ часто докучаетъ тебѣ, говоришь о немъ такія невыносимыя слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотрѣть на солнце? А къ тѣмъ напротивъ ты благосклоненъ и щедръ, такъ что самъ ты дѣлаешься виновникомъ смѣшного и сатанинскаго ихъ безобразія. Потому о нихъ-то 178 самихъ, виновникахъ такихъ дѣлъ, не подающихъ ничего прежде, нежели увидать другихъ страждущими, съ большею основательностію можно было бы сказать: имъ ли жить, имъ ли дышать, имъ ли смотрѣть на солнце, столь тяжко согрѣшарщимъ противъ общей природы и оскорбляющимъ Бога? Когда Богъ говоритъ: дай милостыню, а я дамъ тебѣ царствіе небесное, — ты не слушаешь; когда же діаволъ показываетъ голову, израненную гвоздями, ты вдругъ дѣлаешься щедрымъ; болѣе дѣйствуетъ на тебя ухищреніе злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обѣтованіе Божіе, подающее множество благъ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы и не видѣть этого, надлежало бы дѣлать и выносить все, чтобы искоренить это великое безуміе; а вы, напротивъ, всячески стараетесь и заботитесь о томъ, чтобы это было, чтобы посмотреть на это. И ты, скажи мнѣ, еще спрашиваешь, для чего геенна? Спроси лучше, почему одна только геенна? Вѣдь какихъ наказаній не достойны тѣ, которые устрояютъ это жестокое и безчеловѣчное зрѣлище и смѣются надъ тѣми, о которыхъ надлежало бы плакать и имъ и вамъ самимъ, особенно же вамъ, принуждающимъ ихъ къ такимъ безобразнымъ дѣйствіямъ? Но, скажешь, я не принуждаю ихъ. Какъ же не принуждаешь, скажи мнѣ, когда не хочешь даже слушать кроткихъ, плачущихъ и призывающихъ Бога; а тѣмъ щедро подаешь серебро и приглашаешь другихъ подивиться имъ? Но, скажешь, мы отходимъ, пожалѣвъ ихъ. Но не ты ли требуешь того? Нѣтъ, человѣкъ, — это не жалость, когда ты заставляешь ихъ за нѣсколько оводовъ терпѣть такое мученіе, когда повелѣваешь имъ для полученія необходимой пищи терзать себя и

разливать на головѣ кожу на многія части жалкимъ и плачевнымъ образомъ. Не правда, скажешь; не мы пробиваемъ головы ихъ гвоздями. О, если бы ты! Тогда зло не было бы такъ ужасно. Тотъ, кто убиваетъ человѣка, не такъ жестоко поступаетъ съ нимъ, какъ тотъ, кто повелѣваетъ ему умертвить себя самого. Тоже бываетъ и здѣсь: они терпятъ мучительнѣйшую боль, когда принуждены бываютъ собственноручно исполнять такія жестокія приказанія. И это дѣлается въ Антиохіи, гдѣ вѣрующіе первые стали называться христіанами, гдѣ они были добрѣ всѣхъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали обильные плоды милосердія! Вѣдь они не только жившимъ адѣсь, но и находившимся на далекомъ разстояніи посылали покое, и притомъ тогда, когда угрожало голодъ. Что же, скажешь, надобно дѣлать? Оставить жестокость и внушить всѣмъ нуждающимся, что если они будутъ дѣлать это, то ничего не получаютъ, а если будутъ приходить скромно, то получаютъ щедрое подаваніе. Когда они будутъ знать это, то я ругаюсь, хотя бы они были несчастнѣе всѣхъ, никогда не рѣшатся подвергать себя такому мученію, а напротивъ будутъ благодарить васъ, что вы избавили ихъ отъ посмѣянія и страданій.

Между тѣмъ нынѣ за возницъ вы отдали бы дѣтей своихъ и за пласуновъ положили бы самыя души своя, а Христу алчущему не хотите удѣлить и малѣйшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь въ такомъ расположеніи духа, какъ будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро — вотъ въ чемъ особенно состоитъ милостыня. Потому пророкъ прославляетъ и ублажаетъ не тѣхъ, которые только подаютъ, а тѣхъ, которые подаютъ щедро; онъ не просто говоритъ: *даде*; но какъ? *Расточи, даде убогимъ* (Пс. сxi, 8). Что пользы, если ты, будучи богатымъ, подаешь столько, сколько тотъ, напримѣръ, кто подаль бы стаканъ воды изъ цѣлаго моря, и не подражаешь великодушію жены вдовицы? Какъ будешь говорить ты: *Господи, помилуй мя по величій милости твоей, и по множеству милосердій твоихъ очисти беззаконіе мое* (Пс. l, 1), когда самъ не милуешь не только великою милостію, но, можетъ быть, и малю? Я крайне стыжусь, когда вижу, какъ многіе богачи ѣздятъ на коняхъ, украшенныхъ золотыми уздами, сопровождаются слугами, одѣтыми въ золотыя одежды, покоятся на серебряныхъ ложахъ и позволяютъ себѣ множество другихъ излишествъ; но какъ скоро надобно подать бѣдному, то представляются бѣднѣ самыхъ бѣдныхъ. А чѣмъ они часто оправдываются? Бѣдный, говорятъ, получаетъ изъ церковной казны. Какое тебѣ до того дѣло? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подаетъ, ты не загладишь этимъ своихъ

грѣховъ. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равнымъ образомъ), если священники молятся, развѣ ты поэтому не долженъ молиться? Другіе постятся, — развѣ ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству? Или ты не знаешь, что Богъ предписалъ заповѣдь о милостынѣ не столько для бѣдныхъ, сколько для самихъ подающихъ? Но не подозреваешь ли ты священника? Это также весьма тяжкій грѣхъ, но я не буду распространяться объ немъ; въ такомъ случаѣ дѣлай все самъ, и ты получишь за то сугубую награду. Все, что мы говоримъ о милостынѣ, говоримъ не для того, чтобы ты приносилъ жертвованія къ намъ, но чтобы подавалъ ихъ самъ отъ себя. Принося ко мнѣ, ты, можетъ быть, впадешь въ тщеславіе, а иногда соблазнившись отойдешь съ лукавымъ подозрѣніемъ; а если вы будете дѣлать все сами, то избавитесь отъ соблазна и неумѣстнаго подозрѣнія, и получите большую награду.

7. Говорю это не для того, чтобы побудить васъ приносить жертвованія сюда, или выразить свое неудовольствіе на священниковъ, о которыхъ разносятся худые слухи. Если нужно огорчаться и скорбѣть, то болѣе о васъ, распространяющихъ худые слухи; тѣ, которыхъ порицаютъ напрасно и безъ причины, заслужать большую награду, а тѣ, которые порицаютъ ихъ, большее осужденіе и наказаніе. Итакъ, не за нихъ я говорю это, а для вашего блага. Удивительно ли, что въ наше время нѣкоторые подвергаются подозрѣнію, если еще во времена святыхъ, подражавшихъ ангеламъ и не имѣвшихъ никакой собственности, т. е. апостоловъ, происходилъ ропотъ, будто бы при служеніи бѣднымъ были пренебрегаемы вдовицы, тогда какъ *ни одинъ что отъ мнѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. iv, 32)? Не будемъ же представлять такихъ предлоговъ и считать оправданіемъ для себя то, что Церковь имѣетъ много сокровищъ. Когда ты видишь у ней много имущества, то представь также великое число записанныхъ бѣдныхъ, множество больныхъ, тысячи случаевъ къ издержкамъ; разбери, разсчитай; никто не препятствуетъ; мы даже готовы дать вамъ отчетъ. Но скажу нѣчто важнѣйшее. Когда мы представимъ отчетъ и покажемъ, что расходъ не менѣе прихода, а иногда и болѣе, то я желалъ бы спросить васъ: когда мы предстанемъ туда и услышимъ слова Христовы: вы видѣли Меня *алчуща* и не напители, *нага* и не одѣли (Мѡ. xxv, 44), тогда что мы скажемъ? Чѣмъ оправдаемся? Укажемъ ли на такого-то, и такого-то, которые не слушали этого, или на нѣкоторыхъ подозрительныхъ священниковъ? Но какое тебѣ 180 до нихъ дѣло? Я осуждаю тебя, скажетъ Онъ, за твои грѣхи. Чтобы получить оправданіе, надобно очистить собственные грѣхи,

а не указывать на другихъ такихъ же грѣшниковъ. Церковь принуждена имѣть то, что теперь имѣеть, по вашей скупости; а если бы все дѣлалось по правиламъ апостольскимъ, то доходъ ея составляло бы ваше расположеніе, которое было бы и безопаснымъ хранилищемъ, и неистощимымъ сокровищемъ. А теперь, когда вы собираете сокровища на землѣ и запираете все въ своихъ хранилищахъ, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдовъ, на сонмы дѣвъ, на пріемъ странниковъ, на вспомошествованіе пришельцамъ, на утѣшеніе узниковъ, на облегченіе больныхъ и увѣчныхъ и на другія подобныя нужды, то что ей дѣлать? Неужели оставить всѣхъ ихъ безъ вниманія и затворить пристанища? Кто же будетъ подавать помощь въ кораблекрушеніяхъ? Кто станетъ облегчать слезы, рыданія и вопли, раздающіеся со всѣхъ сторонъ? Итакъ, не будемъ говорить все, что вадумается. Мы теперь же, какъ я сказалъ, готовы дать вамъ отчетъ; а если бы и не такъ, если бы у васъ были порочные учителя, все похищающіе и присвояющіе себѣ, и тогда ихъ порочность не могла бы служить оправданіемъ для васъ. Человѣколюбивый, премудрый и всевидящій едиnorodный Сынъ Божій, зная, что въ теченіе долгаго времени и на пространствѣ обширной вселенной будетъ много порочныхъ священниковъ, и желая, чтобы отъ ихъ нерадѣнія не усилилась безпечность руководимыхъ ими, не оставилъ безпечнымъ никакого оправданія, сказавъ: *на Морсеевъ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекуть вамъ творити, творите: но дѣломъ же ихъ не творите* (Мѡ. хііі, 2, 3). Этимъ Онъ выразилъ, что, хотя бы у тебя былъ порочный учитель, это нисколько не оправдаетъ тебя, если ты не слушаешь ученія его. Богъ произнесетъ надъ тобою приговоръ не за то, что сдѣлалъ учитель, а за то, что ты слышалъ отъ него и не исполнилъ. Если ты исполнишь заповѣданное, то предстанешь тогда съ великимъ дерзновеніемъ; а если не послушаешь ученія, то, хотя бы ты указалъ на тысячу порочныхъ священниковъ, это нисколько не оправдаетъ тебя. И Іуда былъ апостолъ; однако это нисколько не послужитъ къ оправданію святотатцевъ и сребролюбцевъ; никто изъ нихъ, будучи осуждаемъ, не сможетъ сказать, что и апостолъ былъ похититель, святотатецъ и предатель; напротивъ, за то особенно мы и будемъ осуждены и наказаны, что не вразумились пороками другихъ; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать имъ. Потому, оставимъ другихъ, будемъ внимательны къ самимъ себѣ. Каждый изъ насъ дастъ отвѣтъ Богу за самого себя. А чтобы намъ дать такой отвѣтъ, который послужилъ бы къ нашему оправданію, будемъ вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку къ бѣд-

нимъ, помня, что исполненіе заповѣдей—вотъ единственное наше оправданіе, а другого нѣтъ никакого. Если мы будемъ въ состояніи представить такое оправданіе, то избавимся отъ нестерпимыхъ мученій геенскихъ и удостоимся будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХІІ.

Не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища 181
ядятъ? и служащій олтарю, со олтаремъ дѣлятся? Тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе, отъ
благовѣстія жити (1 Кор. ix, 13, 14).

1. Весьма тщательно (апостолъ) старается доказать, что брать (содержаніе отъ поучаемыхъ) не запрещено. Сказавъ объ этомъ и прежде, онъ тѣмъ не довольствуется, а снова обращается къ закону и представляетъ изъ него примѣръ болѣе близкій, чѣмъ прежній, потому что не одно и тоже представить въ примѣръ волю, или привести ясный законъ о священникахъ. Посмотри и здѣсь на мудрость Павла, какъ благоприлично онъ излагаетъ предметъ. Не сказалъ: *дѣлающіи священная* берутъ отъ приносящихъ, но что?—*отъ святилища* ядятъ, чтобы и принимающихъ не унижить, и приносящимъ не подать повода къ гордости. И далѣе онъ выражается также. Не сказалъ: *служащій олтарю* берутъ отъ приносящихъ жертвы,—но *со олтаремъ* дѣлятся, потому что принесенное принадлежитъ уже не приносящимъ, а святилищу и олтарю. Не сказалъ также: берутъ священное, но—*отъ святилища* ядятъ, выражая умѣренность и внушая, что не должно собирать имущество и обогащаться. Словами: *со олтаремъ* дѣлятся—означаетъ не раздѣленіе по равной части, а содержаніе, которое давалось (священникамъ) по праву. Но апостолы имѣли гораздо большее право, потому что тамъ соединялась честь со священствомъ, а здѣсь—опасности, мученія, смерть. Потому сильнѣе всѣхъ другихъ примѣровъ былъ выраженный въ словахъ: *еще мы духовная съяхомъ вамъ*. Слово *съяхомъ* указываетъ на бури, опасности, казни и невыразимыя бѣдствія, какимъ подвергались проповѣдники. Впрочемъ и при такомъ преимуществѣ онъ не сталъ ни унижать ветхозавѣтнаго, ни превозносить своего, а напротивъ еще съ униженіемъ говорить о своемъ, указывая

преимущество не въ опасностяхъ, но въ величїи дара. Не сказалъ: если мы подвергались опасностямъ или бѣдствїямъ, но: *аще мы духовная спяхомъ вамъ*; а говоря о священникахъ, возвышаетъ ихъ, сколько возможно, и выражается такъ: *дѣлающимъ священная, служащимъ олтарю*, желая этимъ показать непрестанное ихъ служеніе и постоянство. Разсуждая о священникахъ іудейскихъ, онъ указалъ какъ на левитовъ, такъ и на архїереевъ. на обѣ степени, низшую и высшую; на первую словами: *дѣлающимъ священная*, а на вторую словами: *служащимъ олтарю*. Не всѣмъ вѣдь было ввѣрено одно дѣло, но однимъ поручены были обязанности низшія, а другимъ высшія. Указавъ на всѣхъ ихъ, чтобы кто не сказалъ: что ты напоминаешь намъ о ветхомъ заветѣ? развѣ не знаешь, что теперь время совершеннѣйшихъ заповѣдей?—онъ далѣе поставляетъ то, что важнѣе всего: *такъ и Господь*, говоритъ, *повелѣть проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити*. И здѣсь не говоритъ: шутаться отъ людей, но, подобно какъ о священникахъ сказалъ: *отъ святилища и отъ олтаря*, такъ и здѣсь: *отъ благовѣстія*; и какъ тамъ: *исти*, такъ здѣсь: *жити*, а не торговать или обогащаться. *Достоинъ бо*, говоритъ, *оплатель мзды своя* (Матѣ. х, 10). *Азъ же ни единого сотвори хъ отъ сихъ* (ст. 15). Если доселѣ не дѣлалъ этого, скажутъ, то не желаешь ли дѣлать на будущее время, и потому говоришь все это? Нѣтъ; и въ объясненіе этого тотчасъ же замѣчаетъ: *не пиши же сія, да тако будетъ о мнѣ*. И смотри, съ какою силою опровергаетъ и отрицаетъ это: *добрѣе бо мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*; употребляетъ такое выраженіе не однажды и не дважды, но нѣсколько разъ. Выше сказалъ: *не сотвори хомъ по области сей*: потомъ опять: *во еже не творити ми по области моеи*; и здѣсь: *азъ же ни единого сотвори хъ отъ сихъ*. Что значить: *отъ сихъ*? Отъ многихъ примѣровъ. Многое давало мнѣ право: примѣры война, земледѣльца; пастыря и апостоловъ, постановленія закона, дѣйствія наши по отношенію къ вамъ и ваши по отношенію къ другимъ, примѣръ священниковъ, повелѣніе Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой законъ и брать. Не говорю о прошедшемъ; хотя могу сказать, что и въ прошедшемъ я много пострадалъ, но не останавливаюсь на этомъ одномъ, а даю обѣщаніе и на будущее время, что рѣшусь лучше умереть съ голода, нежели лишиться такихъ вѣнцовъ: *добрѣе бо мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*. Не сказалъ: чтобы кто нарушилъ мой законъ, но: *похвалу*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что хотя онъ и поступаетъ такъ, но не съ радостію, а съ воздыханіемъ и скорбію, онъ называетъ это похвалою, желая показать, съ какою великою радостію и съ какимъ великимъ

усердіемъ онъ поступаетъ такъ. Онъ такъ далекъ былъ отъ скорби, что даже хвалится и рѣшается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Такъ она была для него пріятнѣе самой жизни.

2. Далѣе, онъ еще съ другой стороны показываетъ превосходство (своего поступка), не для того, чтобы прославить себя самого,—онъ далекъ былъ отъ такой страсти,—но для того, чтобы выразить свою радость и сильнѣе устранить подозрѣніе. Потому онъ и называлъ, какъ я сказалъ прежде, это дѣло похвалою, и что говорить? *Аще бо благовоствую, нѣсть ми похвала: нужда бо ми належитъ: горе же мнѣ есть, аще не благовоствую. Аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано. Кая убо ми есть мзда? Да благовоествуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи* (ст. 16—18). Что, скажи мнѣ, говоришь ты? Если ты благовоествуешь, то нѣтъ похвалы для тебя; а если преподаешь благовѣстіе безвозмездно, тогда есть? Слѣдовательно, послѣднее важнѣе перваго? Отнюдь нѣтъ; но въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи послѣднее имѣетъ преимущество, именно въ томъ, что первое есть заповѣдь, а послѣднее—дѣло моего произволенія. Что дѣлается сверхъ заповѣди, то заслуживаетъ великой награды; а что по заповѣди, то не таково. Въ этомъ вотъ отношеніи послѣднее больше перваго, а не по самому существу дѣла. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сравниться съ проповѣданіемъ? Оно уподобляетъ ихъ ангеламъ. И однако, такъ какъ оно 183 для нихъ—обязанность и долгъ, а то (безвозмездное проповѣданіе)—дѣло добровольнаго усердія, то въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго. Изъясняя то самое, что я теперь сказалъ, онъ и говоритъ: *аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано*. Слова: *волею* и *неволею*—онъ употребляетъ въ смыслѣ: заповѣдано и не заповѣдано. Равно и слова: *нужда бо ми належитъ* надобно понимать не такъ, будто бы онъ дѣлалъ это противъ воли,—да не будетъ!—но такъ, что на немъ лежитъ обязанность, и въ противоположность съ свободою—брать или не брать. Потому и Христосъ сказалъ ученикамъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны быхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10). *Кая убо ми есть мзда? Да благовоествуяй безъ мзды положу благовѣстіе*. Какъ, скажи мнѣ, неужели Петръ не имѣетъ награды? Кто можетъ получить такую награду, какую онъ? Также и прочіе апостолы? Почему же онъ сказалъ: *аще волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано*? Замѣть и здѣсь мудрость его. Онъ не сказалъ: *аще неволею*, то не имѣю награды; но: *строеніе ми есть предано*, выражая, что и въ этомъ случаѣ бываетъ награда, но

такая, какую получает исполнившій повелѣніе, а не такая, какую получает показавшій собственное усердіе и сдѣлавшій болѣе повелѣннаго. За что же такая награда? *Да благовѣстующій, говорить, безъ мзды положу благовѣстіе, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи.* Видишь ли, какъ онъ вездѣ употребляетъ слово: *область*, чтобы показать, какъ я неоднократно повторялъ, что и тѣ, которые берутъ, не заслуживаютъ порицанія? А слово: *въ благовѣствованіи* прибавляетъ какъ для того, чтобы обозначить самое благовѣствованіе, такъ и для того, чтобы не дозволить пользоваться этимъ правомъ во всемъ, потому что можетъ брать учашій, а не праздный. *Свободенъ бо сый отъ вѣсѣхъ, вѣсѣхъ себе поработихъ, да множайшыя приобрящу* (ст. 19). Здѣсь онъ представляетъ еще иное превосходство. И не брать—великое дѣло; а то, что хочетъ сказать, гораздо важнѣе. Что же такое? Я не только, говорить, не бралъ и не только не пользовался своимъ правомъ, но еще подвергалъ себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; не въ деньгахъ только, но, что гораздо важнѣе денегъ, во многихъ и различныхъ дѣлахъ я поступалъ точно также; поработилъ себя, тогда какъ не былъ подчиненъ никому и не имѣлъ никакой необходимости,—это именно означаетъ выраженіе: *свободенъ сый отъ вѣсѣхъ*,—и поработилъ не одному кому-нибудь, а всей вселенной; потому и присовокупляетъ: *вѣсѣхъ себе поработихъ*. Проповѣдывать и возвѣщать вѣренное мнѣ я былъ обязанъ, а изобрѣтать и измышлять тысячи къ тому способовъ—это зависѣло отъ моего усердія; я былъ обязанъ только передать серебро, но я употреблялъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя болѣе повелѣннаго. Онъ дѣлалъ все по ревности, усердію и любви ко Христу, и имѣлъ ненасытное желаніе спасенія человѣческаго.

Поэтому, отъ большого избытка (ревности), онъ преступалъ предѣлы и во всемъ простирался выше самаго неба. Сказавъ о порабоженіи, онъ далѣе говорить о различныхъ родахъ его. Какихъ? *Быхъ, говорить, Іудеемъ яко Іудей, да Іудеи приобрящу* (ст. 20). Какъ это было? Онъ обрѣзывалъ для того, чтобы уничто-
 184 жить обрѣзаніе. Потому не сказалъ: іудей, но—*яко Іудей*, такъ какъ это было съ преднамѣренною цѣлію. Что говоришь ты? Проповѣдникъ вселенной, восходившій до самыхъ небесъ и сіявшій такою благодатію, могъ ли онъ внезапно такъ снизойти? Да, потому что это есть также и восхожденіе. Не на то только смотри, что онъ нисходитъ, но и на то, что нисходя возстановляетъ лежащаго внизу и возводитъ его съ собою. *Подзаконнымъ яко подзаконенъ, не будучи самъ подъ закономъ, да подзаконныя приобрящу.*

3. Эти слова служатъ или изъясненіемъ сказаннаго прежде,

или означаютъ что-нибудь другое. Іудеями онъ называетъ тѣхъ, которые были такими издревле и съ самаго начала; а подзаконными—прозелитовъ, или тѣхъ, которые приняли вѣру, но еще держались закона, такъ какъ они не были уже іудеями, но были подъ закономъ. Когда же (апостолъ) былъ подъ закономъ? Когда острится, когда приносилъ жертву. Онъ дѣлалъ это не потому, чтобы переимѣнить свой образъ мыслей,—это было бы порочное дѣло,—но по любви и снисхожденію. Чтобы обратить дѣйствительныхъ (іудеевъ), онъ самъ былъ (*яко Іудей*), не дѣйствительно, а только повидимому, не на самомъ дѣлѣ будучи такимъ, а только поступая такъ безъ истиннаго расположенія. Да и могъ ли онъ искренно дѣлать это, когда старался обратить и другихъ, когда дѣлалъ все, чтобы освободить и другихъ отъ такого униженія? *Беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (ст. 21). Эти не были ни іудей, ни христіане, ни язычники, но были внѣ закона, каковъ напр. Коринѳій и подобныя ему. Приходя и къ нимъ, онъ во многомъ поступалъ по ихъ (обычаямъ). Впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что здѣсь онъ намекалъ на свою рѣчь къ аѳинянамъ, по поводу надписи, бывшей на капищѣ; потому и говоритъ: *беззаконнымъ, яко беззаконенъ*. Далѣе, чтобы кто не подумалъ, что его дѣйствія происходили отъ переимѣны образа мыслей, онъ присовокупляетъ: *не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу*, т. е. не только не будучи беззаконникомъ, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхого, закону Духа и благодати; потому и прибавляетъ: *Христу*. Затѣмъ, увѣривъ въ неизмѣнности своего образа мыслей, онъ опять представляетъ пользу такого снисхожденія: *да приобрящу беззаконныя*, такъ же, какъ и вездѣ онъ показываетъ причину своего снисхожденія. Не останавливаясь на этомъ, онъ продолжаетъ: *быть немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя приобрящу* (ст. 22). Здѣсь онъ говоритъ въ отношеніи къ нимъ (коринѳянамъ), какъ говорилъ и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнѣе, но это ближе къ нимъ; потому онъ и поставилъ это послѣ всего. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда вразумляетъ ихъ касательно пищи, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Потомъ, чтобы исчисленіемъ всего порознь не слишкомъ распространить рѣчь, говоритъ: *всѣмъ быти вся, да всяко нѣкія спасу*. Видишь ли его превосходство? Для всѣхъ, говоритъ, я былъ все, не надѣясь спасти всѣхъ, а чтобы спасти хотя немногихъ. Усердіе и служеніе мое было таково, какое свойственно спасающему всѣхъ, хотя я не надѣялся обратить всѣхъ: дѣло великое и показывающее пламенную ревность! И сѣятель сѣетъ вездѣ и, хотя не все сѣмя остается въ сохранности, онъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ свое дѣло.

Указавъ на малочисленность спасаемыхъ прибавленіемъ слова: *всяко*, онъ утѣшаетъ тѣхъ, которые скорбятъ объ этомъ, такъ какъ, хотя невозможно, чтобы все сѣмя осталось въ сохранности, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Потому словомъ: *всяко* онъ даетъ понять, что усердный дѣлатель непремѣнно получить 185 успѣхъ. *Вся же творю за благовѣстіе, да сообщникъ ему буду* (ст. 23), т. е. чтобы и съ своей стороны содѣйствовать и быть участникомъ въ вѣнцахъ, которые соблюдаются для вѣрующихъ. Какъ прежде онъ говорилъ: *отъ благовѣстія жити*, т. е. отъ вѣрующихъ, такъ и здѣсь говоритъ: *сообщникъ буду благовѣстію*, т. е. буду сообщникомъ увѣровавшихъ благовѣстію. Видишь ли его смиренномудріе, какъ онъ въ полученіи наградъ поставляетъ себя на ряду съ другими, хотя трудами превзошелъ всѣхъ? Несомнѣнно, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ почестей; но онъ не приписываетъ ихъ себѣ прежде всѣхъ, а желаетъ быть только сообщникомъ другихъ въ уготованныхъ вѣнцахъ. Говорить это не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ все для какой-нибудь награды, но чтобы такимъ образомъ расположить ихъ (коринѳяны) и такими надеждами убѣдить дѣлать все для братій. Видишь ли его благоразуміе? Видишь ли чрезвычайную ревность, какъ онъ дѣлалъ болѣе заповѣданнаго и не бралъ, тогда какъ могъ брать? Видишь ли величайшее снисхожденіе, какъ онъ, будучи подъ закономъ Христовымъ и соблюдая высочайшій законъ, былъ для неимѣющихъ закона какъ безъ закона, для іудеевъ какъ іудей, являясь въ томъ и другомъ отношеніи совершеннѣе и выше всѣхъ? Такъ поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высокимъ, дѣлаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значитъ падать, а снисходить; кто падаетъ, тотъ лежитъ и самъ едва ли можетъ встать; а кто снисходитъ, тотъ и встанетъ съ великимъ приобрѣтеніемъ, подобно какъ Павелъ снисходилъ одинъ, а возсталъ со всею вселенною. Онъ не лицемѣрилъ; если бы лицемѣрилъ, то не искалъ бы пользы спасаемыхъ. Лицемѣръ ищетъ гибели другихъ и лицемѣрять для того, чтобы ваять, а не для того, чтобы дать. А онъ—не такъ; но какъ врачъ, какъ учитель, какъ отецъ снисходить первый къ больному, второй къ ученику и третій къ сыну для пользы ихъ, а не для вреда,—такъ и онъ.

4. Что сказанное имъ не лицемѣріе и что онъ не былъ принужденъ дѣлать или говорить что-либо подобное, а самъ добровольно выражаетъ свое расположеніе и убѣжденіе, послушай, какъ онъ самъ говоритъ о томъ: *ни смерть, ни животъ, ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь* какъ *возможеть насъ разлучити отъ любве*

Божія, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. viii, 38, 39). Видишь ли любовь, которая пламеннѣе огня? Такъ и мы будемъ любить Христа; это не трудно, если мы захотимъ. И онъ былъ таковъ не по природѣ. Для того и описаны прежнія его дѣйствія, противоположныя этимъ, чтобы мы знали, что перемѣна зависитъ отъ произволенія и что желающимъ все удобно. Не будемъ же отчаиваться; но хотя бы ты былъ алорѣчивъ, хотя бы корыстолюбивъ и каковъ бы ни былъ, вспомни, что и Павелъ былъ хулителемъ, гонителемъ, притѣснителемъ и первымъ изъ грѣшниковъ, но вдругъ достигъ высочайшей степени добродѣтели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствіемъ. Никто съ такимъ неистовствомъ не предается пороку, съ какимъ онъ враждовалъ противъ Церкви; онъ отдалъ тогда свою душу и жалѣлъ, что не имѣлъ тысячи рукъ, чтобы всѣми ими поразить Стефана; впрочемъ и безъ того нашелъ способъ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидѣтелей, одежды которыхъ онъ стерегъ. Потомъ входилъ въ дома, вторгался въ нихъ какъ дикій звѣрь, влачилъ и терзалъ мужей и женъ, наполняя все ужасомъ, смятеніемъ и тысячію браней. Онъ былъ такъ страшенъ, что, даже послѣ чуднаго обращенія его, апостолы не смѣли войти съ нимъ въ сношеніе. Но, не смотря на все это, онъ сдѣлался такимъ, какимъ сдѣлался; не нужно прибавлять ничего болѣе. Гдѣ же тѣ, которые подчиняютъ свободу воли неизбѣжной судьбѣ? Пусть услышатъ это и заграждать уста свои! Кто хочетъ быть добрымъ, тому ничто препятствовать не можетъ, хотя бы прежде онъ былъ однимъ изъ самыхъ порочныхъ. И мы тѣмъ болѣе способны къ этому, чѣмъ добродѣтель намъ естественнѣе, а порокъ противоестественнѣе, подобно какъ болѣзнь и здоровье. Такъ, Богъ далъ намъ глаза не для того, чтобы мы смотрѣли съ любострастіемъ, но чтобы, удивляясь созданіямъ, поклонялись Создателю. Что дѣйствительно таково назначеніе глазъ, это видно изъ опыта: красоту солнца и неба мы видимъ чрезъ неизмѣримое пространство, а красоты женской никто не могъ бы увидѣть на такомъ разстояніи. Не очевидно ли, что глаза наши созданы болѣе для перваго? Также Богъ далъ намъ слухъ не для того, чтобы намъ воспринимать хульныя рѣчи, но чтобы слышать спасительныя догматы. Потому-то, когда онъ воспринимаетъ что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тѣло содрогаются. *Бесѣда бо многокленущагося*, говоритъ (Премудрый), *подыметъ власы* (Сирах. xlviii, 14). Также, услышавъ что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышавъ что-нибудь нѣжное и человѣколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносятъ срамныя слова, то заставляютъ

насъ стыдиться и закрываться; а когда—слова благопристойныя, то они текутъ спокойно и свободно; никто не станетъ стыдиться естественнаго, а стыдятся того, что не естественно. Руки также, когда похищаются, то скрываются и ищутъ защиты; а когда подаютъ милостыню, тогда выставляются на видъ. Итакъ, если мы захотимъ, то все будетъ много располагать насъ къ добродѣтели. Если же укажешь мнѣ на удовольствіе, проистекающее отъ порока, то замѣть, что еще большее удовольствіе мы получаемъ отъ добродѣтели. Имѣть добрую совѣсть, быть у всѣхъ въ уваженіи, питать въ себѣ сладостныя надежды—это всего пріятнѣе для того, кто понимаетъ сущность удовольствія; а противное тому для понимающаго сущность неудовольствія всего мучительнѣе, какъ-то: быть у всѣхъ въ презрѣніи, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущаго и настоящаго.

5. Чтобы еще болѣе объяснить это, представимъ, что кто-нибудь, имѣя жену, разрушаетъ бракъ ближняго и услаждается этимъ безчестнымъ воровствомъ, прелюбодѣйствуя съ любимой (женщиною); противопоставимъ ему другого, который любитъ свою жену; а для большаго и яснѣйшаго противоположенія предположимъ, что живущій съ одною своею женою также любитъ ту прелюбодѣйцу, но сдерживаетъ свою любовь и не дѣлаетъ ничего худого. Хотя и это—не чистое цѣломудріе, но мы нарочито представляемъ такой примѣръ, чтобы ты позналъ, каково удовольствіе отъ добродѣтели. Итакъ поставимъ ихъ обоихъ вмѣстѣ и спросимъ: чья жизнь пріятнѣе? Отъ одного услышимъ, какъ онъ услаждается и восхищается побѣдою надъ похотью; а отъ другого... но отъ него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что онъ несчастнѣе самихъ узниковъ, хотя бы тысячу разъ отрицалъ это. Онъ всѣхъ боится и подозреваетъ—и свою жену, и мужа прелюбодѣйцы, и самую прелюбодѣйцу, и домашнихъ, и друзей, и родныхъ, и стѣны, и тѣни, и самого себя, и, что всего тягостнѣе, носить въ себѣ совѣсть, вопіющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнить о судѣ Божіемъ, то не сможетъ и на ногахъ удержаться. Притомъ удовольствіе кратковременно, а скорбь отъ него постоянна: и вечеромъ, и ночью, и въ пустынѣ, и въ городѣ, и вездѣ за нимъ слѣдуетъ обличитель, показывая изощренный мечъ и нестерпимыя мученія, изнуряя и сокрушая его страхомъ. Напротивъ цѣломудренный свободенъ отъ всего этого и безмятеженъ, спокойными глазами смотритъ на свою жену, дѣтей, друзей и на все. Если же любящій, но только сдерживающій страсть свою наслаждается такимъ удовольствіемъ, то душа нелюбящаго и соблюдающаго чистое цѣломудріе не исполнена ли чувства сладостнѣе всякаго спокой-

ствія, пріятнѣ всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодѣвъ ты видишь немного, а цѣломудренныхъ больше. А если бы (жизнь первыхъ) была пріятнѣ, то ее избрали бы многіе. Не говори мнѣ, что это происходитъ отъ страха предъ законами: не страхъ удерживаетъ ихъ, а крайняя гнусность порока, избытокъ происходящихъ отъ страсти огорченій предъ доставляемыми ею удовольствіями, и голосъ совѣсти. Таково состояніе прелюбодѣя! Если хотите, мы представимъ и корыстолюбца, обнажимъ и другую тоже порочную страсть. Мы увидимъ, что и онъ также мучится страхомъ и не можетъ наслаждаться чистымъ удовольствіемъ. Представляя себѣ обиженныхъ имъ и жалѣющихъ объ нихъ и всеобщее о себѣ мнѣніе, онъ обуревается безчисленными волнами. И не только это мучительно для него; но и то, что онъ не можетъ наслаждаться своимъ любимымъ (предметомъ). Таково именно свойство сребролюбцевъ: они имѣютъ не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебѣ загадкою, то выслушай еще худшее и болѣе странное: они не потому только лишены удовольствія, что не смѣютъ пользоваться своимъ имуществомъ, какъ бы хотѣли, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанною жаждою. Что можетъ быть мучительнѣе этого? Не таковъ человѣкъ праведный; онъ свободенъ отъ опасенія, ненависти, страха и неутолимой жажды; какъ того всѣ проклинали, такъ ему всѣ желаютъ добра; какъ тотъ не имѣетъ ни одного друга, такъ онъ не имѣетъ ни одного врага. Если же все это несомнѣнно, то что можетъ быть непріятнѣ порока и пріятнѣ добродѣтели? Впрочемъ, сколько бы мы ни говорили, невозможно выразить словами ни всѣхъ непріятностей перваго, ни всѣхъ удовольствій послѣдней, если мы сами ихъ не испытаемъ. Тогда-то мы и узнаемъ, что 188 порокъ горче желчи, когда вкусимъ сладость добродѣтели. Порокъ и теперь непріятенъ, тягостенъ и несносенъ, чему не станутъ противорѣчить сами раболѣпствующие ему; но когда мы отстанемъ отъ него, тогда еще лучше почувствуемъ, какъ горьки его требованія. А что многіе предаются ему, это нисколько не удивительно; вѣдь и дѣти часто избираютъ менѣе пріятное, пренебрегая тѣмъ, что доставляетъ болѣе пріятностей; и больные для кратковременнаго удовольствія отвергаютъ постоянное и надежное веселіе. Это зависитъ отъ немощи и неразумія преданныхъ страсти, а не отъ существа вещей. Въ удовольствіи живетъ только добродѣтельный; онъ истинно богатъ и истинно свободенъ. Если же кто, согласившись приписать добродѣтели безмятежность, спокойствіе, свободу отъ опасеній, отъ всякаго страха и всякаго подозрѣнія, не согласится только приписать ей удо-

вольствіи, тотъ мнѣ кажется весьма смѣшнымъ. Въ чемъ же другомъ и состоитъ удовольствіе, какъ не въ томъ, чтобы быть свободнымъ отъ опасеній, страха и огорченій и ничему не рабствовать? Кто живетъ въ удовольствіи, скажи мнѣ, тотъ ли, кто неистовствуетъ, мятется, терзается множествомъ страстей и не владѣетъ самъ собою, или тотъ, кто свободенъ отъ всѣхъ этихъ волненій и пребываетъ въ любомудріи, какъ въ пристани? Не явно ли, что послѣдній? Но это свойственно одной добродѣтели. Порокъ только носитъ имя удовольствія, а на самомъ дѣлѣ лишень его; прежде, чѣмъ онъ выполненъ, онъ—неистовство, а не удовольствіе; а когда выполненъ, то (и неистовство) внезапно исчезаетъ. Если же ни въ началѣ, ни въ послѣдствіи не видно въ пороки удовольствія, то гдѣ же оно и когда? Чтобы ты лучше понималъ слова мои, объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь влюбился въ красивую и миловидную женщину; доколѣ не будетъ удовлетворена страсть его, онъ бываетъ подобенъ бѣснующимся и безумнымъ; а когда удовлетворена, то исчезаетъ и похоть. Если же ни въ началѣ онъ не чувствуетъ удовольствія,—потому что находится въ состояніи безумія,—ни въ послѣдствіи,—потому что удовлетвореніемъ страсти прекращается пожеланіе,—то гдѣ же это удовольствіе? Напротивъ наши удовольствія не таковы: они и въ началѣ чужды всякаго смятенія, и до конца сохраняются въ своей силѣ, или, лучше, у насъ нѣтъ и конца удовольствію; блага наши не имѣютъ предѣла, и удовольствіе наше не исчезаетъ никогда. Итакъ, представляя себѣ все это и желая получить удовольствіе, будемъ любить добродѣтель, чтобы намъ достигнуть и настоящихъ и будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIII.

187 Не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же приѣмлетъ почестъ (Кор. ix, 24)?

1. Объяснивъ, что снисхожденіе весьма полезно, что оно составляетъ верхъ совершенства, и что самъ онъ, достигнувшій совершенства больше всѣхъ, вѣрнѣе же и превзошедшій тѣмъ, что не бралъ (содержанія отъ учениковъ), также снисходилъ больше всѣхъ, показавъ намъ и время, когда нужно то и другое,

совершенство и снисхожденіе, (апостолъ) далѣе съ большою си- 188
лою укоряетъ (коринѣянъ), внушая, что поступокъ ихъ, кажу-
щійся слѣдствіемъ совершенства, есть напрасный трудъ. Онъ не
говоритъ этого ясно, чтобы они не ожесточились, но выражаетъ
это своими сужденіями. Сказавъ прежде, что они грѣшатъ про- 189
тивъ Христа, погубляютъ братій и сами не получаютъ никакой
пользы отъ совершеннаго знанія, если оно не соединено съ лю-
бовію, теперь онъ опять обращается къ общезвѣстному примѣру
и говоритъ: *не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ,*
единъ же пріемлетъ почестъ? Говоритъ это не въ томъ смыслѣ,
будто изъ всѣхъ можетъ спастись только одинъ,—да не будетъ,—
но что мы должны прилагать великое тщаніе. Какъ тамъ изъ
многихъ, выходящихъ на поприще, увѣнчиваются не многіе, а
только одинъ достигаетъ этого, и потому не достаточно выйти
лишь на подвигъ, намаститъ себя и бороться, такъ и здѣсь не
достаточно лишь увѣровать и подвизаться какъ-нибудь, но если
мы не будемъ подвизаться такъ, чтобы показать себя безукориз-
ненными до конца и достигнуть награды, то не получимъ ника-
кой пользы. Хотя бы ты, говорить, считалъ себя совершеннымъ
по знанію, однако ты еще не достигъ всего; на это онъ наме-
каетъ словами: *такѡ тецѣте, да постигнете*, изъ которыхъ слѣ-
дуетъ, что они еще не достигли. Затѣмъ научаетъ и способу
достиженія. *Всякъ же, говорить, подвижайся отъ всякъ воздер-*
жится (ст. 25). Что значитъ: *отъ всякъ*? Не такъ, что отъ одного
воздерживается, а въ другомъ грѣшитъ, но воздерживается и отъ
чревоугодія, и отъ сладострастія, и отъ пьянства, и отъ всѣхъ
вообще страстей. Такъ бываетъ, говорить, даже при внѣшнихъ
подвигахъ; подвижающимся нельзя во время борьбы ни напи-
ваться, ни прелюбодѣйствовать, чтобы не ослабить силъ, ни зани-
маться чѣмъ-нибудь другимъ; но, воздерживаясь совершенно отъ
всего, они занимаются только упражненіями. Если же такъ бы-
ваетъ тамъ, гдѣ вѣнецъ дается одному, то тѣмъ болѣе должно
быть здѣсь, гдѣ больше щедрости; здѣсь не одинъ только увѣн-
чивается, и самыя награды гораздо выше подвиговъ. Потому онъ,
желая пристыдить ихъ, говоритъ: *и они убо да истлѣнень вѣнецъ*
примуть, мы же неистлѣнны. Азъ убо тако теку, не яко безвѣстно
(ст. 26). Пристыдивъ ихъ тѣмъ, что бываетъ у внѣшнихъ (языч-
никовъ), (апостолъ) указываетъ потомъ на самого себя. Это луч-
шій способъ ученія; потому онъ постоянно поступаетъ такъ. Что
же значитъ: *не яко безвѣстно*? Я имѣю въ виду, говорить, из-
вѣстную цѣль, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, какъ вы.
Въ самомъ дѣлѣ, какая вамъ польза отъ того, что вы входите
въ идольскія капища и какъ бы выказываете свое совершенство?

Никакой. Я же—не такъ, но все, что ни дѣлаю, дѣлаю для спасенія ближнихъ; показываю ли совершенство,—это для нихъ; снисхожденіе ли,—это для нихъ; превосходство ли предъ Петромъ тѣмъ, что не беру,—это для того, чтобы они не соблазнились; уничтоженіе ли болѣе всѣхъ, обрѣзываясь и остригаясь,—это для того, чтобы они не преткнулись. Вотъ что значитъ: *не яко беззастѣно*. А ты, скажи мнѣ, для чего ѣшь въ капищахъ? Не можешь представить никакой основательной причины; пища не приближаетъ тебя къ Богу; ѣшь ли, ничего не приобретаешь; не ѣшь ли, ничего не теряешь; слѣдовательно, ты идешь напрасно и безъ цѣли; это и значитъ: *беззастѣно*. *Тако подеваюся, не яко вѣдухъ бѣий*. Этими словами также выражаетъ, что онъ дѣйствуетъ не напрасно и безъ цѣли. Я имѣю (врага), говорить, котораго поражаю, т. е. діавола; а ты не поражаешь его, а попросту истощаешь свои силы. Такъ онъ говоритъ потому, что падить ихъ; раньше высказавъ имъ сильное обличеніе, онъ здѣсь смягчаетъ укоризну, отлагая сильный ударъ къ концу рѣчи. Теперь говорить, что они дѣлаютъ это тщетно и напрасно, а послѣ доказываетъ, что такимъ поведеніемъ они навлекаютъ погибель на свою голову и, кромѣ вреда братіи, сами дѣлаются виновными. *Но умерщвляю тѣло мое и порабоцваю, да не како, инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду* (от. 27). Здѣсь онъ показываетъ, что они и преданы чревоугодію, и не обуздываютъ этой страсти, и подъ предлогомъ совершенства удовлетворяютъ ей—о чемъ онъ и выше съ сожалѣніемъ говорилъ: *бранима чрево и чрево бранимъ*. Отъ пресыщенія рождаются какъ блудъ, такъ и идолослуженіе; потому онъ справедливо во многихъ мѣстахъ поражаетъ эту болѣзнь. Показавъ, сколько бѣдствій онъ потерпѣлъ за проповѣдь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на это; а исполняя, говорить, больше, нежели сколько было заповѣдано, хотя это для меня было не легко,—*еся*, говорить онъ, *терпимъ*,—но кромѣ того принимаю на себя и тотъ великій трудъ, чтобы жить воздержно. Хотя трудно преодолѣть похоть и силу желудка, однако я обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

2. Не думайте, что я успѣваю въ этомъ безъ труда; нѣтъ, это для меня подвигъ, воздержаніе и борьба съ природою, которая непрестанно возстаётъ и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее съ великими усиліями. Говорить онъ это для того, чтобы никто не отчаивался въ подвигахъ добродѣтели изъ-за трудности дѣла; потому и выражается такъ: *умерщвляю и порабоцваю*. Не сказалъ: уничтожаю или отсѣкаю, потому что плоть не есть врагъ; но: *умерщвляю* (*ὑποτάσσω*—бью по лицу)

и *порабощаю*, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодѣю, пѣстуну, а не противнику. *Да не како, инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду.* Если же Павелъ, учитель столь многихъ, опасался этого, и опасался послѣ того, какъ распространилъ проповѣдь, сдѣлался благовѣстникомъ и получилъ господство надъ вселенной, то что должны сказать мы? Не думайте, говорить, будто для вашего спасенія достаточно того, что вы увѣровали; если мнѣ, который проповѣдалъ, училъ, обратилъ тысячи людей, недостаточно этого для спасенія, когда самъ себя не буду вести безукоризненно, то тѣмъ болѣе вамъ. Потомъ онъ переходитъ къ другимъ примѣрамъ; и какъ прежде указывалъ на апостоловъ, на общій обычай, на (ветхозавѣтныхъ) священниковъ и на себя самого, такъ здѣсь указываетъ на олимпійскія игры. А затѣмъ, указавъ на себя, опять обращается къ событіямъ ветхаго завета. Намѣреваясь произнести весьма сильное слово, онъ предлагаетъ наставленіе въ общемъ видѣ и бесѣдуетъ не только о ближайшемъ, но и о всѣхъ вообще недугахъ коринѳянъ. О вѣншнихъ (языческихъ) подвигахъ онъ сказалъ: *не вѣстемъ ли?* а здѣсь говоритъ: *не хочу же васъ не вѣдѣти, братіе* (х, 1), выражая, что они слишкомъ были въ этомъ наставлены. О чемъ же ты не хочешь оставить насъ въ невѣдѣніи? *Ико отцы наши вси подъ облакомъ быша, и сквозъ море пройдоша, и въ Морсеа крестившася во облацъ и въ мори: и вси тожде брашно духовное ядоша, и тожде пиво духовное пиша: пїяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ.* Но не во множайшихъ ихъ *благовѣсти* Богъ (ст. 2—5). Для чего онъ говоритъ это? Чтобы показать, что какъ тѣмъ (израильтянамъ) не послужили въ пользу такіе дары, такъ и имъ (коринѳянамъ) не послужатъ въ пользу крещеніе и участіе въ духовныхъ таинствахъ, если жизнь ихъ не будетъ соотвѣтствовать благодати; для того онъ и указываетъ на прообразы крещенія и таинствъ. Что значитъ: *въ Морсеа крестившася?* Какъ мы, вѣрующіе во Христа и воскресеніе Его, крещаемся для того, чтобы и самимъ имѣть участіе въ этихъ таинствахъ,—а мы крещаемся, говорить, *мертвыхъ ради* (1 Кор. хv, 29), т. е. тѣлъ нашихъ,—такъ и тѣ, полагаясь на Моисея, т. е., видя, что онъ первый вступилъ въ море, рѣшились и сами вступить туда же. А такъ какъ (апостолъ) желаетъ сблизить прообразъ съ истинною, то не выражается такъ, но называетъ и прообразъ именемъ истины. Здѣсь онъ указываетъ на прообразъ крещенія, а далѣе (на прообразъ) священной трапезы. Какъ ты вкушаешь тѣло Владычье, такъ тѣ (вкушали) манну; какъ ты пьешь кровь, такъ тѣ—воду изъ камня. Хотя это было чувственно, однако подавалось духовно, не по законамъ природы, а по благодати, и

вмѣстѣ съ тѣломъ питало душу, располагая къ вѣрѣ. О пищѣ онъ ничего не прибавилъ, потому что она была отлична отъ обыкновенной не только по способу (полученія), но и по существу,—а была это *манна*,—о пищѣ же, въ которомъ только способъ полученія былъ чудесенъ и требовалъ объясненія, послѣ словъ: *тожеже пища духовное пища*, онъ присовокупилъ: *пїяту бо отъ духовнаго послѣдующаго камене*; и еще: *камень же бѣ Христосъ*. Не камень, говорить, по естеству своему источалъ воду; иначе онъ источалъ бы ее и прежде; но все дѣлалъ нѣкоторый другой духовный камень, т. е. Христосъ, Который постоянно соприсутствовалъ имъ и творилъ всѣ чудеса; потому и говорить: *послѣдующаго*. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ объясняетъ, что Христосъ есть податель того и другого, и такимъ образомъ сближаетъ прообразъ съ истиною? Онъ подавалъ, говорить, и тѣ дары, Онъ же предлагаетъ и эту трапезу; Онъ провелъ тѣхъ чрезъ море, Онъ же проводить и тебя чрезъ крещеніе; тамъ Онъ доставлялъ манну и воду, а тебѣ тѣло и кровь. Таковы дары Его! Посмотримъ же, пощадилъ ли Онъ израильтянъ, когда они оказались недостойными даровъ Его? Нѣтъ; потому (апостоль) и присовокупляетъ: *но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ*. Хотя Богъ удостоилъ ихъ такой чести, но это не принесло имъ никакой пользы, а большая часть ихъ погибла. Они всѣ погибли; но чтобы не подумали, что и имъ (коринѣянамъ) предстоитъ всеобщая гибель, (апостоль) сказалъ: *множайшихъ*. Они составляли несмѣтное множество; но многочисленность нисколько не помогла имъ. Всѣ (благодѣянія) были знакомъ любви Божіей; но и это не помогло имъ, потому что они сами не явили дѣлъ любви. Такъ какъ многіе не вѣрятъ ученію о гееннѣ, какъ предмету неосознаемому и невидимому, то (апостоль) бывшими уже примѣрами доказываетъ, что Богъ наказываетъ грѣшниковъ, хотя бы прежде наливалъ на нихъ безчисленные благословенія: если вы, говорить, и не вѣрите будущему, то, конечно, не отнесетесь съ невѣріемъ къ прошедшему.

- 192 3. Смотрите, сколько благодѣній Богъ оказалъ имъ: освободилъ изъ Египта и тамошняго рабства, провелъ чрезъ море, ниспослалъ съ неба манну, источилъ новые и чудные источники водъ, постоянно сопутствовалъ имъ, творя чудеса и вездѣ ограждая ихъ; и однако, когда они оказались недостойными такихъ даровъ, не пощадилъ ихъ, но всѣхъ погубилъ. *Поражени бо быша въ пустыни*, говорить (апостоль), показывая этимъ выраженіемъ внезапную ихъ гибель, страданія и наказанія. ниспосланныя на нихъ Богомъ, и то, что они не получили предстоявшихъ имъ пагубъ. И притомъ не въ землѣ обѣтованной Онъ ниспослалъ

на нихъ все это, но внѣ и весьма далеко отъ нея, наказавъ ихъ сугубою казнію—тѣмъ, что не допустилъ видѣть земли обѣтованной, и тѣмъ, что наказалъ строго. Но какъ, скажешь, это относится къ намъ? Къ тебѣ именно и относится. Потому (апостоль) и продолжаетъ: *сія же образы намъ быша* (ст. 6). Какъ дары ихъ были прообразами, такъ и наказанія были прообразами; какъ крещеніе и таинственная трапеза были прообразованы, такъ послѣдующими событіями было предвозвѣщено и то, что недостойные дара подвергнутся наказанію, чтобы мы такими примѣрами научились быть болѣе воздержными. Потому и присовокупляетъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша*. Какъ въ благодѣяніяхъ предшествовали прообразы, а за ними слѣдовала истина, такъ будетъ и въ наказаніяхъ. Видишь ли, какъ онъ внушаетъ, что мы не только будемъ наказаны, но еще гораздо больше, нежели тѣ (израилѣтяне)? Вѣдь если тамъ были прообразы, а здѣсь истина, то и наказанія должны быть гораздо больше—такъ же, какъ дары. И смотри, противъ кого прежде говорить онъ: противъ тѣхъ, которые ѣли въ капищахъ. Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ*, что относилось ко всѣмъ вообще, и въ частности показавъ, что всякій грѣхъ происходитъ отъ злой похоти, онъ сначала говоритъ: *ни идолослужители бывайте, якоже нѣцыи отъ нихъ, якоже есть писано: стыдоша людѣ ясти и пити, и восташа играти* (ст. 7). Слышишь ли, какъ онъ называетъ (коринѣянъ) идолослужителями? Впрочемъ, здѣсь онъ только намекаетъ, а послѣ и доказываетъ это. Представляетъ и причину, почему они стекались къ трапезамъ; это—сластолюбіе. Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ*, и продолживъ: *ни идолослужители бывайте*, указываетъ причину такого нечестія—въ сластолюбіи. *Стыдоша бо*, говоритъ, *людѣ ясти и пити*, и вслѣдствіе того *восташа играти*. Какъ тѣ, говоритъ, отъ сластолюбія дошли до идолопоклонства, такъ надобно опасаться, чтобы и вы по той же причинѣ не дошли до того же. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что считавшіе себя совершенными несовершеннѣе другихъ? Обвиняетъ ихъ не только въ томъ, что они не оказываютъ снисхожденія, но и въ томъ, что одни грѣшаютъ по невѣдѣнію, а другіе по сластолюбію, и за гибель первыхъ угрожаетъ наказаніемъ послѣднимъ, не оставляя послѣднимъ возможности слагать вину грѣха своего на другихъ, но объявляя ихъ виновниками гибели и своей и другихъ. *Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша* (ст. 8). Для чего здѣсь онъ опять упоминаетъ о блудѣ, о которомъ столько говорилъ прежде? Такъ обыкновенно поступалъ Павелъ: обличая многіе грѣхи, онъ исчислялъ ихъ по порядку и указывалъ каждый отдѣльно, а

потомъ, говоря о другихъ, упоминалъ и о сказанныхъ прежде.
 193 Точно также поступалъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ: при каждомъ преступленіи Онъ напоминалъ іудеямъ о тельцѣ и поставлялъ имъ на видъ этотъ грѣхъ. Подобнымъ образомъ Павелъ поступаетъ и здѣсь: онъ напоминаетъ имъ объ этомъ грѣхѣ и вмѣстѣ научаешь, что это ало также происходитъ отъ сластолюбія и чревоугодія; потому присовокупляетъ: *ниже соблюдишь, якоже нѣцци отъ нихъ соблюдиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи*. А почему онъ не говоритъ, какое наказаніе постигло (іудеевъ) за идолопоклонство? Или потому, что это было извѣстно и очевидно, или потому, что наказаніе было не такъ велико, какъ при Валаамѣ, когда служили Веельфегору, будучи увлечены къ нечестію мадіанитскими женщинами, явившимися въ ихъ ополченіе по совѣту Валаама. А что это былъ коварный совѣтъ Валаама, видно изъ словъ Моисея, который въ концѣ книги Числъ говоритъ: *и Валаама сына Веорова убиша на войнѣ Мадіамской съ язвенными, и приведоша користи. И разгнѣвася Моисей и рече: вскую живъ остависте весь женскъ полъ? Тыя бо быша сыномъ Израилевымъ въ соблазнъ, по словеси Валаамлю, еже отступити и презрѣти слово Господне Фегора ради* (Числ. xxxi, 8—16). *Ни да искушаемъ Христа, якоже нѣцци отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша* (ст. 9).

4. Здѣсь онъ указываетъ еще на одно преступленіе, о которомъ бесѣдуетъ и при концѣ посланія, обвиняя ихъ (коринянъ) въ томъ, что они разногласили касательно знаменій, роптали на искушенія и говорили: когда будутъ блага, когда награды? Чтобы исправить ихъ и устрашить, онъ продолжаетъ: *ни ропщите, якоже нѣцци отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя* (ст. 10). Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и съ полнымъ удовольствіемъ; это всему вѣнецъ; а если этого не будетъ, то наказаніе постигнетъ ропщущихъ. Апостолы радовались, когда ихъ бичевали; Павелъ хвалился страданіями. *Вся же сія образы прилучахуся онымъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нѣже концы вѣкъ достигоша* (ст. 11).

Опять устрашаетъ, указывая на конецъ, и внушаетъ ожидать большаго, нежели бывшее прежде. Что мы будемъ наказаны, говоритъ, это и невѣрующіе ученію о гееннѣ могутъ видѣть изъ сказаннаго; а что будемъ наказаны гораздо болѣе, это видно изъ того, что мы получили большія благодѣянія и что прежнее было только прообразомъ. Если дары больше, то и наказанія больше. Для того онъ и назвалъ прежнія событія *образами*, сказать, что они описаны для насъ, и упомянуть о концѣ,

чтобы напомнить кончину міра. Тогда наказанія будутъ не кратковременныя и имѣющія предѣлъ, но вѣчныя. Настоящія наказанія оканчиваются съ настоящею жизнію, будущія продолжатся вѣчно. Словами: *концы стѣхъ*—онъ внушаетъ не что иное, какъ то, что страшный судъ уже близокъ. *Тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падеть* (ст. 12). Снова нислагаетъ гордость тѣхъ, которые превозносились знаніемъ. Если такъ пострадали получившіе столько (даровъ), и одни подверглись такому наказанію только за ропотъ, другіе за искушеніе (Бога), за то, что народъ 194 не благоговѣлъ предъ Богомъ, не смотря на то, что достигъ такихъ благъ,—то тѣмъ болѣе это послѣдуетъ съ нами, когда мы не будемъ внимательными. Хорошо сказано: *мняйся стояти*: надѣяться на себя самого не значить стоять такъ, какъ должно стоять; такой человѣкъ скоро упадетъ; и они (израильтяне), если бы не превозносились и не надѣялись на себя, а смирились, то не потерпѣли бы такихъ бѣдствій. Отсюда очевидно, что въ особенности гордость, а затѣмъ безпечность и сластолюбіе — источники этихъ золъ. Потому, если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здѣсь не значить стоять твердо, пока мы не избавились отъ волнъ настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итакъ, не гордись тѣмъ, что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Если опасался и Павелъ, который былъ крѣпче всѣхъ, то гораздо болѣе должно опасаться намъ. Апостолъ сказалъ: *тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падеть*: а мы не можемъ сказать и этого, потому что всѣ мы, такъ сказать, пали, повержены и лежимъ на землѣ. Кого мнѣ представить въ примѣръ? Того ли, кто грабитъ каждый день? Онъ лежитъ, подвергнувшись великому паденію. Блудника ли? Онъ поверженъ на землю. Пьяницу ли? Онъ лежитъ, даже не чувствуя, что лежитъ. Потому не это изреченіе теперь нужно произносить, а другое, сказанное пророкомъ къ іудеямъ: *сда падаѣи не возстаѣи* (Іер. vii, 4)? Подлинно всѣ пали и не хотятъ возстать; и намъ слѣдуетъ внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащіе старались возстать. Возстанемъ же, возлюбленные, возстанемъ хотя теперь, и будемъ стоять твердо. Доколы мы будемъ лежать? Доколы будемъ упиваться и предаваться многимъ житейскимъ пожеланіямъ? И теперь благовременно сказать: *кому возглаголю и мзидителствоую* (Іер. vi, 10)? Такъ всѣ сдѣлались глухи къ ученію о добродѣтели, и потому исполнились множества пороковъ! Если бы можно было обнажить души, то какъ между воинами послѣ пораженія видны то мертвые, то раненные, такое (зрѣлище) мы увидѣли бы и въ Церкви. Потому увѣщаваю и прошу: подлинь другъ другу руки и возстанемъ; вѣдь и я изъ числа

раченныхъ и требующихъ лѣченія. Впрочемъ, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцѣльны. Врачъ нашъ таковъ, что мы только бы чувствовали раны, а Онъ, хотя бы онѣ были крайне опасны, откроетъ намъ много путей ко спасенію. Если ты оставишь гнѣвъ на ближняго, то и тебѣ будутъ прощены грѣхи твои: *аще бо отпускаете человекомъ*, говорить (Господь), *отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. vi, 14). Если ты подашь милостыню, то и тебѣ грѣхи будутъ прощены: *грѣхи твоя*, говорить (пророкъ), *милостынями искупи* (Дан. iv, 24). Если будешь усердно молиться, получишь прощеніе; это доказываетъ вдова, неотступною просьбою преклонившая на милость жестокаго судію (Лук. xvi, 5). Если станешь осуждать себя за грѣхи, получишь утѣшеніе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдиши* (Ис. xlii, 26). Если станешь скорбѣть о нихъ, и это будетъ для тебя величайшимъ врачевствомъ: *видѣхъ*, говорить (Господь), *яко опечалися и поиде дряхлѣ и исцѣлихъ пути его* (Ис. lvi, 17). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бѣдствіе, отъ всего избавишься,—вѣдь и богачу Авраамъ сказавъ: *воспріятъ Лазарь злая своя, и здѣ утѣшается* (Лук. xvi, 25). Если окажешь милость вдовицѣ, очистятся грѣхи твои: *судите*, говорить (пророкъ), *сирѣ, и оправдате вдовицу, и приидите, и истязимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко чераленое, яко волну убѣлю* (Ис. i, 17, 18). Богъ не оставитъ на тебѣ и слѣда отъ ранъ твоихъ.

5. Хотя бы мы впали въ такую глубину золъ, въ какую впасть сынъ, расточившій отеческое имѣніе и питавшійся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантовъ, и тогда, если припадемъ (къ Господу) и не будемъ помнить зла, получимъ прощеніе во всемъ; хотя бы заблуждались такъ же, какъ овца заблудшая, и тогда (Господь) можетъ спасти насъ; будемъ только желать этого, возлюбленные, а Богъ человеколюбивъ. Для него довольно было и того, что должникъ тысячи талантовъ припалъ къ Нему, что расточившій отеческое имѣніе только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенною. Потому, представляя себѣ Его человеколюбіе, будемъ умилять Его адъсь и поспѣшимъ принести предъ лице Его исповѣданіе, чтобы, отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанію. Если въ настоящей жизни мы покажемъ хотя нѣкоторое тѣсаніе, то получимъ величайшую пользу; а если отойдемъ отсюда, нисколько не исправившись, то какъ бы сильно мы ни раскаивались тамъ, не будетъ намъ никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на

поприцѣ; а по окончаніи зрѣлища бесполезно плакать и рыдать, какъ дѣлать богачъ, который, хотя плакать и рыдать, но напрасно и тщетно, потому что пропустилъ время, въ которое надлежало это дѣлать. Впрочемъ, не онъ одинъ, а много и нынѣ подобныхъ ему богачей, которые денегъ не желаютъ презирать, а душу презираютъ. Я удивляюсь, когда вижу, какъ часто они просятъ у Бога милости, а сами къ себѣ немилосерды, не щадятъ душъ своей, какъ будто она—врагъ ихъ. Не будемъ шутить, возлюбленные, не будемъ надѣваться и обольщать себя, прося себѣ у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресмыщеніе и все прочее. Если бы кто предложилъ тебѣ на судъ дѣло какого-нибудь человѣка и сказалъ бы, что онъ, подвергаясь смертнымъ опасностямъ и будучи въ состояніи небольшимъ количествомъ денегъ освободить себя отъ гибели, рѣшился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь изъ своего имущества, то ты, конечно, призналъ бы его недостойнымъ никакой милости или прощенія. Такъ суди и о себѣ самомъ: и мы дѣлаемъ тоже, пренебрегаемъ своимъ спасеніемъ, а дорожимъ деньгами. Какъ же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь самъ себя и предпочитаешь деньги душѣ? Крайне удивляюсь, какое обольщеніе скрывается въ деньгахъ, или, лучше, не въ деньгахъ, а въ душахъ обольщаемыхъ. А есть, дѣйствительно есть, люди, которые смѣются надъ этимъ обольщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ деньгахъ можетъ обольщать насъ? Не вещество ли онѣ бездушное и тлѣнное? Не обманчиво ли обладаніе ими? Не сопряжено ли со страхомъ и опасностями, съ убійствами и кознями, съ враждою и ненавистію, съ лѣностью и многими пороками? Не прахъ ли онѣ и пепелъ? Какое безуміе! Какая болѣзнь! Но, ска- 196 жешь, не осуждать только нужно зараженныхъ болѣзнію, а истреблять эту страсть. Какъ же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена безчисленныхъ золъ? Впрочемъ не легко убѣдить пристрастившагося къ этимъ дѣтскимъ игрушкамъ. Ему надобно указать на другую противоположную красоту. Но, какъ больной, онъ еще не можетъ видѣть красоты безтѣлесной. Потому представимъ красоту тѣлесную и скажемъ ему: вообрази себѣ луга и на нихъ цвѣты, которые прекраснѣ всякаго золота, пріятнѣ и свѣтлѣ всякихъ драгоценныхъ камней; вообрази прозрачныя струи потоковъ и рѣкъ, которыя тихо, подобно елею, протекаютъ по землѣ; обратись къ небу и посмотри на красоту солнца, благолѣпіе луны, сіяніе звѣздъ. Но что же изъ этого? Мы не можемъ, скажешь, пользоваться ими такъ, какъ деньгами? Напротивъ—болѣе, нежели деньгами, потому что и увотребленіе ихъ необходимѣе, и наслажденіе надежнѣе; тебѣ не

нужно опасаться, чтобы кто не похитилъ ихъ, подобно какъ деньги, но можно всегда быть увѣрену въ нихъ, притомъ безъ заботъ и безпокойствъ. Если же ты скорбишь о томъ, что пользуешься ими вмѣстѣ съ другими, а не одинъ обладаешь ими такъ, какъ деньгами, то значить ты преданъ не деньгамъ, а только корыстолюбію. Ты не сталъ бы любить и денегъ, если бы онѣ были общими для всѣхъ. Итакъ, нашедши то, что ты любишь, т. е. корыстолюбіе, я теперь покажу тебѣ, какъ оно тебя не любитъ и ненавидитъ, сколько изощряетъ противъ тебя мечей, сколько искапываетъ пропастей, сколько раскидываетъ сѣтей, сколько приготовляетъ стремнинъ, чтобы хотя такимъ образомъ погасить страсть твою. Откуда же это видно? Изъ войнъ, изъ того, что на дорогахъ, на моряхъ, въ судилищахъ. Вѣдь оно и моря наполняетъ кровію, и мечи судей часто обогрываетъ несправедливо, и вооружаетъ производящихъ засады на дорогахъ днемъ и ночью, и заставляетъ забывать самую природу, и создаетъ отцеубійцъ и матереубійцъ, и вводитъ вообще всякое зло въ жизни.

6. Потому-то Павелъ называетъ (сребролюбіе) корнемъ (всѣхъ золъ) (1 Тим. vi, 10). Оно приводитъ преданныхъ ему въ состояніе ничѣмъ не лучшее того, въ какомъ находятся вырабатывающіе металлы (въ рудникахъ). Какъ эти, будучи постоянно заключены во мракъ и связаны, трудятся безъ пользы, такъ и тѣ, сокрывшись въ вертепахъ сребролюбія, безъ всякаго сторонняго принужденія, самопроизвольно подвергаютъ себя мученію и налагаютъ на себя неразрѣшимыя узы. Осужденные (на работы въ рудникахъ), по крайней мѣрѣ, при наступленіи вечера освобождаются отъ трудовъ; а тѣ и днемъ и ночью копаются надъ своими преврѣнными металлами. Притомъ первымъ опредѣлена мѣра тяжелой ихъ работы; а послѣдніе не знаютъ мѣры, но чѣмъ болѣе копаютъ, тѣмъ болѣе чувствуютъ недовольство. Но эти, скажешь, работаютъ по неволѣ, а тѣ добровольно? Тѣмъ тяжелѣе болѣзнь ихъ, что они не могутъ даже освободиться отъ нея, не чувствуя отвращенія къ своему бѣдственному состоянію. Какъ свинья въ грязи, такъ и они услаждаются, валяясь въ нечистотахъ сребролюбія и страдая тяжелѣе тѣхъ осужденныхъ. А что дѣйствительно они находятся въ худшемъ состояніи, послушай, въ какомъ состояніи—тѣ, тогда поймешь, въ какомъ—они. Говорятъ, что златоносная земля имѣетъ въ мрачныхъ своихъ пещерахъ разсѣлины и впадины; преступникъ, осужденный на работу въ нихъ, взявъ 197 лампаду и заступъ, входитъ внутрь, неся съ собою сосудъ съ масломъ, чтобы подливать изъ него въ лампаду, потому что тамъ, какъ я сказалъ, непроницаемая тьма и днемъ; потомъ, когда наступаетъ время несчастному принять пищу, а самъ онъ не знаетъ

времени, стражъ узниковъ сильно ударяетъ въ пещеру сверху, и этими ударами и звукомъ даетъ знать работающему внутри объ окончаніи дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотримъ же, не тяжелье ли страдаютъ сребролюбцы. Подлинно, и стражъ ихъ жесточе, т. е. сребролюбіе, тѣмъ жесточе, что вмѣстѣ съ тѣломъ онъ связываетъ у нихъ душу; и тѣма ихъ ужаснѣе той тѣмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идутъ они, всюду носятъ ее съ собою, такъ какъ у нихъ омрачилось душевное око. Потому и Христосъ, выражая крайнее ихъ несчастіе, говоритъ: *еще убо сътъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма колами* (Мѡ. vi, 23)? Тѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ свѣтъ лампы; а эти (сребролюбцы) лишены и такого свѣта, и потому ежедневно впадаютъ въ тысячи пропастей. Притомъ осужденные при наступленіи ночи успокоиваются, достигая общаго для всѣхъ несчастныхъ покоя, т. е. ночи; а для сребролюбцевъ заграждена и эта пристань корыстолюбіемъ; они обременены тяжкими заботами и ночью, и со всѣмъ усердіемъ изнуряютъ сами себя, безъ всякаго сторонняго принужденія. Это съ ними происходитъ здѣсь; а что тамъ,—какое можетъ выразить слово? Тамъ невыносимыя печи, огненосныя рѣки, скрежещущіе зубы, неразрѣшимыя узы, ядовитый червь, непроницаемый мракъ, безконечныя мученія. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника такихъ мученій, ненасытной страсти, пагубы нашего спасенія. Невозможно любить вмѣстѣ и серебро и душу. Будемъ знать, что деньги—земля и пепель, что онѣ покинутъ насъ при отшествіи нашемъ отсюда, или, лучше, часто покидаютъ насъ еще прежде отшествія, причиняя намъ вредъ и въ будущей и въ настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошнихъ мученій онѣ возбуждаютъ у насъ и здѣсь тысячи браней, производятъ несогласія и раздоры. Ничто въ самомъ дѣлѣ не вызываетъ такихъ браней, какъ сребролюбіе; ничто больше его не причиняетъ бѣдности, будетъ ли оно у богача, или у бѣдняка,—потому что эта тяжкая болѣзнь 198 заражается и въ душахъ бѣдныхъ, и увеличиваетъ бѣдность ихъ. Если бѣдный окажется сребролюбивъ, то онъ будетъ мучиться не отъ денегъ, а отъ голода; онъ не будетъ спокойно пользоваться своимъ малымъ имуществомъ, но станетъ истощать желудокъ голодомъ, изнурять все тѣло наготой и холодомъ, вездѣ являться неопрятнѣе и грязнѣе узниковъ, безпрестанно плакать и рыдать, какъ будто онъ всѣхъ несчастнѣе, хотя есть тысячи бѣднѣе его; пойдетъ ли онъ на торжище, возвратится отсюда съ множествомъ ранъ; пойдетъ ли въ баню или на зрѣлище, получить еще больше ранъ не только отъ зрителей, но и отъ дѣйствующихъ на сценѣ, увидѣвъ много распутныхъ женщинъ, сіяю-

щихъ золотомъ; поплыветь ли по морю, опять, видя тамъ купцовъ, корабли, нагруженные множествомъ товаровъ, и несмѣтныя выгоды, возненавидитъ жизнь свою; пойдетъ ли сухимъ путемъ, тамъ видя поля, дачи, гостиницы, бани, и воображая получаемые съ нихъ доходы, почтетъ жизнь свою не жизнью; заключится ли дома, и тамъ, растравляя раны, полученныя на базарѣ, тѣмъ болѣе будетъ терзаться душою, такъ что для него останется одно только утѣшеніе отъ угнетающихъ его страданій,—смерть и прекращеніе жизни. Тому же можетъ подвергнуться не только бѣдный, но и богатый, впавшій въ эту болѣзнь, и тѣмъ болѣе въ сравненіи съ бѣднымъ, чѣмъ сильнѣе въ немъ страсть и чѣмъ больше ослѣпленіе; онъ будетъ считать себя бѣднѣе всѣхъ, и дѣйствительно онъ бѣднѣе всѣхъ. Не по мѣрѣ имущества, но по расположенію души надобно судить о богатствѣ и бѣдности; бѣднѣе всѣхъ тотъ, кто всегда желаетъ большаго и никогда не можетъ остановить своего злого желанія. Итакъ, будемъ убѣгать сребролюбія, этого виновника бѣдности, губителя души, друга геенны, врага царствія небеснаго, источника вообще всѣхъ золъ; будемъ презирать имущество, чтобы лучше пользоваться имуществомъ, а вмѣстѣ съ имуществомъ получить и обѣтованныя намъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы (благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIV.

197 Искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое. Вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести, и пр. (1 Кор. х, 13).

1. (Апостолъ) достаточно возбудилъ въ нихъ (коринѳянахъ) страхъ указаніемъ на древніе примѣры и опасеніе словами: *мняся стояти, да блюдетя, да не падеть*; но такъ какъ они уже претерпѣли много искушеній и часто подвергались имъ: *съ немощи*, говоритъ онъ, *и страсть и трепетъ мнози быхъ съ васъ*,—то чтобы они не сказали: «для чего ты устрашаешь насъ и предупреждаешь? Намъ не безызвѣстны бѣдствія, мы были гонимы и преслѣдуемы, подвергались многообразнымъ и частымъ опасностямъ»,—онъ опять смиряетъ гордость ихъ и говоритъ: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое*, т. е. малое, краткое, умѣрен-

ное. Человѣческое онъ употребляетъ вмѣсто *малое*, какъ на примѣръ въ словахъ: *человѣческо глаголю, за немощь плоти вашей* (Рим. vi. 19). Не превозносите, говорить, будто вы устояли противъ бури: вы еще не видали опасности, которая угрожала бы смертію, и искушенія, которое могло бы погубить. Тоже говорить онъ и евреямъ: *не у до крове стаете, противу грѣха подвизающесе* (xii, 4). Устрашивъ и внушивъ смиренномудріе, далѣе, смотри, какъ онъ опять ободряетъ ихъ: *тѣренъ же Богъ, говоритъ, уже не оставитъ васъ искутитися паче еже можете*. Значить, есть искушенія, которыхъ нельзя перенести. Какія же это? Можно сказать—всѣ, по- 199 тому что возможность переносить ихъ зависитъ отъ помощи Божіей, которую мы приобретаемъ собственнымъ нашимъ расположеніемъ. Потому, чтобы ты вполне убѣдился, что не только (искушеній) превышающихъ наши силы, но и человѣческихъ мы не можемъ переносить безъ помощи свыше, онъ присовокупляетъ: *но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи понести*. Даже умѣренныхъ (искушеній) мы не можемъ, какъ я сказалъ, переносить собственною силою, но и въ этомъ случаѣ имѣемъ нужду въ помощи (Божіей), чтобы преодолѣть, а прежде, нежели преодолѣемъ, переносить ихъ. Богъ подаетъ и терпѣніе и скорое освобожденіе, такъ что искушеніе дѣлается сноснымъ. Это разумѣетъ (апостолъ), когда говоритъ: *сотворитъ и избытіе, яко возмощи понести*; все приписываетъ Ему. *Тѣмъ же, братіе моя, бѣгайте отъ идолослуженія* (ст. 14). Опять выражаетъ свое расположеніе къ нимъ, называя ихъ родственнымъ именемъ, и побуждаетъ скорѣе отстать отъ грѣха; не просто сказалъ: отстаньте, но: *бѣгайте*; и называетъ дѣло идолослуженіемъ, чтобы они отстали отъ него не только потому, что оно причиняетъ вредъ ближнему, но и потому, что оно само по себѣ весьма гибельно. *Яко мудрымъ глаголю: судите вы еже глаголю* (ст. 15). Такъ какъ онъ сказалъ многое и усилилъ обличеніе, назвавъ идолослуженіемъ, то, чтобы не показалось, что онъ говоритъ имъ слишкомъ рѣзко и укоризненно, отдаетъ это на ихъ судъ и похваливъ поставляетъ ихъ судіями: *яко мудрымъ, говоритъ, глаголю*. Надобно быть совершенно увѣреннымъ въ собственной правотѣ, чтобы самого обвиняемаго ставить судіею дѣла. Это весьма много ободряетъ и слушателей, когда кто бесѣдуетъ съ ними, не какъ повелитель или законодатель, но какъ совѣтникъ, ожидающій суда ихъ самихъ. Съ іудеями, которые были несмысленны и дѣтски малоумны, Богъ не такъ бесѣдовалъ и не вездѣ открывалъ имъ причины повелѣній, а только повелѣвалъ; но здѣсь, такъ какъ мы удостоены великою свободой и способны участвовать въ совѣтѣ, (апостолъ) бесѣдуетъ, какъ съ друзьями, и гово-

рить: я не требую другихъ судей, вы сами произнесите этотъ судъ, васъ беру судіями. *Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть* (ст. 16)? Что говоришь ты, блаженный Павелъ? Ты желаешь пристыдить слушателя и напомнить о страшныхъ тайнахъ, а называешь эту страшную и грозную чашу *чашию благословенія*? Да, говорить, сказанное не мало-важно; когда я говорю: *благословеніе*, то припоминаю все сокровище благодѣяній Божіихъ и великіе дары. Подлинно, приступая къ чашѣ и приобщаясь, мы вспоминаемъ неизреченныя благодѣянія Божіи и все, что получили, и благодаримъ, что Онъ избавилъ родъ человѣческій отъ заблужденія, что бывшихъ далеко Онъ приблизилъ, что не имѣвшихъ упованія и безбожниковъ въ мірѣ Онъ сдѣлалъ своими братіями и сонаслѣдниками. За это и все тому подобное мы благодаримъ Его и такимъ образомъ приступаемъ. А вы, кориняне, говорить, не поступаете ли на-противъ, когда благословляя Бога, что Онъ избавилъ васъ отъ идоловъ, опять прибѣгаете къ ихъ трапезамъ? *Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть?* Весьма вѣрно и страшно онъ выразился; а смыслъ словъ его слѣдующій: находящееся въ чашѣ есть то самое, что истекло изъ ребра Господа; того мы и приобщаемся. *Чашию благословенія* назвалъ ее потому, что мы, держа ее въ рукахъ, прославляемъ Его, удивляемся и наумляемся неизреченному дару, благословляя за то, что Онъ пролилъ ее для избавленія насъ отъ заблужденія, и не только пролилъ, но и преподалъ ее всѣмъ намъ. Итакъ, говорить, если ты желаешь крови, то обагрии не жертвенникъ идоловъ пролитіемъ крови безсловесныхъ, но Мой жертвенникъ Моею кровію. Что, скажи мнѣ, страшнѣе этого? Что любвеобильнѣе?

2. Такъ поступаютъ любящіе: когда они увидятъ, что любимые ими желаютъ чужого и чуждаются своего, то отдаютъ имъ свое, чтобы отвлечь отъ чужого. Впрочемъ любящіе оказываютъ такую щедрость въ деньгахъ, въ одеждахъ, въ имуществахъ, а въ крови никто и никогда; но Христосъ и ею доказалъ попечительность и горячую любовь къ намъ. Въ ветхомъ заветѣ, когда люди были несовершенны, Онъ такую же кровь, какую (языч-ники) приносили идоламъ, благоволилъ и самъ принимать, чтобы отвратить отъ идоловъ,—что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Онъ преподалъ священнодѣйствіе болѣе страшное и совершенное, измѣнивъ жертву, повелѣвъ вмѣсто закланія безсловесныхъ приносить Его самого. *Хлѣбъ, егоже ѡ-ми-мъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?* Почему не сказали: причастіе? Потому, что хотѣлъ выразить нѣчто большее, показать великое единеніе. Приобщаясь мы не только дѣлаемся участни-

ками и сообщниками, но соединяемся со Христомъ. Какъ тѣло (Христово) соединено со Христомъ, такъ и мы чрезъ этотъ хлѣбъ соединяемся съ Нимъ. А почему прибавилъ: *егоже ломимъ*? Потому что это дѣлается въ евхаристіи; а на крестѣ этого не было, но было даже противное: *кость*, говоритъ Писаніе, *не сокрушится отъ него* (Іоан. xix, 36). Чего Онъ не претерпѣлъ на крестѣ, то претерпѣваетъ въ приношеніи для тебя, и даетъ предомылять Себя, чтобы исполнить всѣхъ. Далѣе сказалъ: *общеніе тѣла*; такъ какъ приобщающееся отлично отъ того, чему оно приобщается, то уничтожаетъ и это, повидимому малое, различіе. Именно, сказавъ: *общеніе тѣла*, хотеть выразить еще тѣснѣйшую близость и говорить: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози* (ст. 17). Что я говорю: *общеніе*?—продолжаетъ онъ,—мы составляемъ самое тѣло Его. Что такое этотъ хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христовымъ, не многими тѣлами, а однимъ тѣломъ. Какъ хлѣбъ, составляясь изъ многихъ зеренъ, дѣлается единымъ, такъ что, хотя въ немъ есть зерна, но ихъ не видно, и различіе ихъ непримѣтно по причинѣ ихъ соединенія, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Мы питаемся не одинъ однимъ, другой другимъ, но всѣ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Потому и присовокупляетъ: *еси бо отъ единого хлѣба причащаемся*. Если же мы питаемся однимъ и воѣ дѣлаемся однимъ, то почему не оказываемъ одной и той же любви, не дѣлаемся однимъ и въ этомъ отношеніи? Въ древнія времена у предковъ нашихъ такъ именно и было: *народу же отрозовашему*, говоритъ (Писаніе), *бъ сердце и душа едина* (Дѣян. vi, 82). А те- 204
перь не такъ, но совершенно напротивъ: между всѣми множество разнаго рода браней; мы—члены—расположены другъ къ другу хуже дикихъ звѣрей. Христосъ соединилъ съ Собою тебя, столько отдѣлившись отъ Него; а ты не хочешь даже съ братомъ соединиться надлежащимъ образомъ, но отдѣляешься отъ него, удостоившись отъ Владыки такой любви и жизни. Онъ не просто далъ Свое тѣло, но вмѣсто прежней плоти, которая, по естеству своему происходя изъ земли, была умерщвлена грѣхомъ и лишена жизни, Онъ привнесъ, такъ сказать, другой составъ и другую закваску—свою плоть, которая хотя по естеству такая же, во чужда грѣха и исполнена жизни, и всѣмъ преподавъ ее, чтобы, питаясь ею и отложивъ прежнюю мертвенную (плоть), мы уготовились посредствомъ этой трапезы въ жизнь безсмертную. Видите Израиля по плоти: не ядущи ли жертвы общницы олтаревы сущи (ст. 18)? И это доказываетъ опять изъ ветхаго завѣта. А такъ какъ величіе сказаннаго много превышало ихъ понятія, то убѣждаетъ ихъ прежними и обыкновенными примѣрами. И хорошо

говорить: *по плоти*,—потому что они—по духу. А смыслъ словъ его слѣдующій: научитесь хотя изъ грубѣйшихъ (примѣровъ), что вкушающіе отъ жертвъ дѣлаются участниками жертвоприношенія. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что считающіеся совершенными не имѣютъ совершеннаго знанія, если они не знаютъ даже того, что отъ такого общенія у многихъ происходитъ нѣкоторое дружество съ демонами, когда они мало-по-малу приобрѣтають къ тому навѣкъ? Если у людей общеніе соли и трапезы бываетъ поводомъ и знакомъ дружбы, то тоже самое можетъ быть и въ отношеніи къ демонамъ. Замѣть, какъ онъ объ іудеяхъ не сказалъ, что они были общниками Богу, но: *общники алтаревы суть*, потому что сожигалось предлагаемое; а о тѣлѣ Христовомъ не такъ, но какъ? *Общеніе тѣла Господня есть*, потому что мы дѣлаемся общниками не жертвенника, а самого Христа. Сказавъ: *общники алтаревы суть*, и опасаясь, чтобы кто не подумалъ, будто онъ говоритъ объ идолахъ, какъ бы имѣющихъ нѣкоторую силу и могущихъ причинить вредъ,—смотри, какъ онъ далѣе отвергаетъ эту мысль и говоритъ: *что убо глаголетъ? Яко идолазъ что есть? Или идоложертвенное что есть* (ст. 19)?

3. Говорю это, продолжаетъ онъ, и отклоняю васъ отъ идоловъ не потому, чтобы они могли причинить какой-нибудь вредъ, или имѣли какую-нибудь силу; они — ничто; но хочу, чтобы вы презирали ихъ. Если же онъ хочетъ, скажешь, чтобы мы презирали ихъ, то почему съ такимъ усиліемъ отклоняетъ насъ отъ нихъ? Потому, что (жертвы ихъ) приносятся не твоему Владыкѣ. *Зане юже жрутъ языцы*, говоритъ, *бгсомъ жрутъ, а не Богови* (ст. 20). Не обращайтесь же къ тому, что противно (Богу). Если бы ты былъ сыномъ царскимъ и, участвуя въ трапезѣ отца, захотѣлъ оставить ее и принимать участіе въ трапезѣ преступниковъ и темныхъ узниковъ, то отецъ позволилъ ли бы? Напротивъ, онъ строго запретилъ бы, не потому, чтобы эта трапеза могла повредить тебѣ, а потому, что она безчеститъ благородство твое и трапезу царскую. Такъ и эти (приносящіе жертвы идоламъ) суть низкіе рабы, преступные и осужденные узники, соблюдаемые для тяжкаго наказанія и достойные тысячи казней. Какъ же ты не стыдишься, подобно чревоугодникамъ и рабамъ, стремиться къ

202 трапезѣ, которую предлагаютъ эти преступники, и участвовать въ предлагаемомъ? Вотъ почему я отклоняю тебя отъ этого! Цѣль приносящихъ жертвы и свойство лицъ приѣмлющихъ дѣлають предлагаемое нечистымъ. *Не хочу же васъ общниковъ быти бгсомъ*. Видишь ли любовь попечительнаго отца? Видишь ли, какъ самыя слова его выражаютъ великую доброжелательность? Не хочу, говоритъ, чтобы вы имѣли какое-нибудь общеніе съ ними (не-

вѣрными). А такъ какъ онъ говорилъ въ видѣ совѣта, то, чтобы кто изъ упорнѣйшихъ не ослушался и не счелъ себя въ правѣ (не дѣлать этого), послѣ словъ: *не хочу и: судите вы*, далѣе онъ провозноситъ рѣшительное опредѣленіе и говоритъ: *не можете чашу Господню пити и чашу бжсовскую: не можете трапезъ Господнихъ причащатися и трапезъ бжсовскыхъ* (ст. 21). Одни эти выраженія достаточны для вразумленія. Потомъ говоритъ съ укоризною: *или раздражаемъ Господа? Еда кричащими его есмы* (ст. 22)? Т. е., неужели мы смѣемъ искушать Его, можетъ ли Онъ наказать насъ, и раздражать Его, переходя на сторону Его противниковъ и становясь наряду съ врагами Его? Здѣсь онъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и беззаконіяхъ предковъ; потому употребляетъ и то самое выраженіе, которое нѣкогда употребилъ Моисей, отъ лица Божія обличая іудеевъ въ идолопоклонствѣ: *ми*, говорилъ онъ, *раздразниша мя не о Богѣ, прогнѣваша мя во идолехъ своихъ* (Втор. хххц, 21). *Еда кричащими его есмы?* Видишь ли, какъ сильно, какъ страшно онъ поражаетъ ихъ, потрясая самыя нервы ихъ, доводя ихъ сужденія до нелѣпости, и такимъ образомъ нислагая гордость ихъ? Но почему, окажешь, онъ не сказалъ этого въ началѣ, чтобы скорѣе отклонить ихъ? Таковъ его обычай: подтверждать ученіе свое многими доводами, полагая сильнѣйшіе на концѣ, и такимъ образомъ побуждать совершенно. Такъ (и здѣсь), начавъ съ меньшаго, онъ дошелъ до самаго главнаго; послѣднее гораздо скорѣе могло быть принято послѣ того, какъ душа слушателей смягчилась прежними доводами. *Вся ми лѣтъ, сущъ, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ сущъ, но не вся назидаютъ. Никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кѣждо* (ст. 23, 24). Видишь ли великую его мудрость? Такъ какъ иной изъ нихъ могъ сказать: я совершенъ, я властенъ надъ собою, я вкушаю предлагаемое безъ вреда для себя, то онъ говоритъ: положимъ, что ты совершенъ и властенъ надъ собою; но смотри не на это, а на то, не причиняешь ли твое поведеніе какого-нибудь вреда, или какого-нибудь разстройства. То и другое онъ выразилъ словами: *не вся на пользу, не вся назидаютъ*, разумѣя первое о немъ самомъ, а второе о братѣ; выраженіе: *не на пользу* указываетъ на погибель его самого, а *не назидаютъ*—на соблазнъ брата. Потому и присовокупляетъ: *никтоже своего си да ищетъ*. Это раскрываетъ онъ во всемъ посланіи, равно какъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ибо и Христосъ не себѣ угоди* (Рим. хv, 3); и еще: *якоже и азъ во всемъ вѣмъ угождаю, не искій своя пользы* (1 Кор. х, 33). Также и здѣсь онъ не распространяется объ этомъ. Выше онъ пространно доказывалъ и доказалъ, что онъ никогда не искалъ своей пользы, былъ для іудеевъ, какъ

іудей, для неимѣющихъ закона, какъ безъ закона, самую свободу и властію своею не просто пользовался, а (искать) пользы всѣхъ, служа всѣмъ; потому адѣсь онъ довольствуется немногими словами и прекращаетъ рѣчь, напоминая имъ этими немногими 203 словами все, что сказано было прежде. Зная это, возлюбленные, будемъ и мы пещись о братіяхъ и соблюдать единеніе съ ними. Къ этому побуждаетъ насъ та великая, страшная и ужасная Жертва, повелѣвающая намъ приступать къ ней съ совершеннымъ единокровіемъ и пламенною любовію, окрыляться подобно орламъ, и такимъ образомъ воспарять къ самому небу. *Идѣже бо трупъ*, говоритъ Господь, *тамъ соберутся орлы* (Мѣ. xxiv, 28). Трупомъ Онъ называетъ умершее тѣло, такъ какъ если бы Онъ не умеръ, то и мы не воскресли бы; а орлами называетъ приступающихъ къ этому тѣлу и внушаетъ, что они должны возвышаться, не имѣть ничего общаго съ землею, не оставаться долгу, и не пресмыкаться, но непрестанно возлетать горѣ, стремиться къ Солнцу правды и имѣть острое око души. Вѣдь это — трапеза орловъ, а не галокъ. Достоинo причащающіеся нынѣ срѣтатъ тогда (Господа) грядущаго съ небесъ; а (причащающіеся) недостойно подвергнутся гибели.

4. Если никто не приметъ просто царя,—что я говорю: царя?—если къ одеждѣ царской никто просто не посмѣетъ прикоснуться нечистыми руками, хотя бы въ сокровенномъ мѣстѣ, хотя бы наединѣ, хотя бы никого другого не было, тогда какъ одежда есть не что иное, какъ ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и однако никто не рѣшится взять ее нечистыми руками; если, говорю, къ человѣческой одеждѣ никто не посмѣетъ прикоснуться просто,—то какъ мы дерзнемъ принимать съ неуваженіемъ тѣло всѣхъ Бога, тѣло непорочное, чистое, соединенное съ божественнымъ естествомъ, которымъ мы существуемъ и живемъ, которымъ сокрушены врата смерти и отверсты своды небесныя? Нѣтъ, умоляю, не будемъ губить себя безстыдствомъ, но будемъ приступать къ Нему съ трепетомъ и со всякою чистотою. Когда ты увидишь его предложеннымъ, то скажи самому себѣ: чрезъ это тѣло я уже не земля и пепель, уже не плѣнникъ, а свободный; чрезъ него я надѣюсь достигнуть небесъ и уготованныхъ тамъ благъ — безсмертной жизни, жребія ангеловъ, соединенія со Христомъ; смерть не устояла, когда это тѣло было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидѣвъ это тѣло распинаемымъ; раздралась въ то время завѣса, распались камни, потряслась вся земля; оно — то самое тѣло, которое было окровавлено, прободено копіемъ и источило всей вселенной спасительные источники — кровь и воду. Хочешь ли еще видѣть

силу его? Спроси кровоточивую, которая прикоснулась не къ нему, а къ одеждѣ, въ которую оно было облечено, и даже не къ цѣлой одеждѣ, а къ краю ея; спроси море, которое носило его на хребтѣ своемъ; спроси самого діавола и скажи ему: откуда у тебя неисцѣльная рана?—отчего ты уже не имѣешь никакой силы?—какъ ты подвергся плѣну?—къмъ ты удержанъ, когда предался бѣгству?—и онъ укажетъ тебѣ не на что иное, какъ на тѣло распятое. Имъ притуплено жало его, имъ сокрушена глава его, имъ посрамлены начала и власти его: *соелехъ, говорить (Писаніе), начала и власти, изведе съ позоръ съ дерзновениемъ, побѣдиль ихъ съ собою* (Кол. II, 15). Спроси также смерть и скажи: чѣмъ истреблено твое жало?—чѣмъ разрушена твоя побѣда?—чѣмъ сокрушена твоя 204 сила?—отчего ты сдѣлалась посмѣшищемъ дѣвицъ и отроковъ, тогда какъ прежде была страшна всѣмъ властелинамъ и даже праведникамъ?—и она укажетъ на то же тѣло. Когда оно было распинаемо, тогда возстали мертвые, тогда разрушилась та темница, сокрушились мѣдныя врата, и мертвые воскресли, а всѣ стражи ада пришли въ ужасъ. Если бы оно было однимъ изъ многихъ, то надлежало бы произойти противоположному: смерть одолѣла бы; но не то произошло, потому что оно не было однимъ изъ многихъ; потому она (смерть) и была побѣждена. Какъ принимающіе такую пищу, которой не могутъ удержать въ себѣ, извергаютъ съ нею и то, что было принято ими прежде, такъ было и со смертію: принявъ тѣло, котораго не могла сокрушить, она извергла и то, что имѣла въ себѣ; принявъ его, она испытала болѣзнь рожденія и мучилась дотолѣ, пока не возвратила его. Потому апостолъ и говоритъ: *разрѣшишь болѣзнь смертныя* (Дѣян. II, 24). Ни одна жена, рождающая ребенка, не мучится такъ, какъ мучилась и терзалась она, принявъ въ себя тѣло Владычне. Что случилось съ вавилонскимъ зміемъ, который, принявъ пищу, самъ расторгся (Дан. XIV, 28), то же и съ нею. Христосъ вышелъ обратно не чрезъ уста смерти, но расторгнувъ и растерзавъ самое чрево этого змія, вышелъ такимъ образомъ изъ внутренностей его съ великою славой, проливъ лучи не до неба только, но до самаго горняго престола, куда Онъ и вознесъ съ собою тѣло. Это тѣло Онъ далъ намъ для обладанія и яденія, чѣмъ и показали сильную любовь; вѣдь кого мы сильно любимъ, того часто и утрызаемъ. Такъ Іовъ, выражая любовь къ нему рабовъ его, сказать, что они отъ сильной любви къ нему часто говорили: *кто же дасть бы намъ отъ плотей его насытитися* (Іов. XXXI, 31)? Такъ и Христосъ далъ намъ насытиться отъ плотей Его, чтобы возбу-

5. Итакъ, будемъ приступать къ нему съ пламенною любовью,

чтобы намъ не подвергнуться наказанію, такъ какъ чѣмъ болѣе мы благодѣтельствованы, тѣмъ болѣе будемъ наказаны, если окажемся недостойными благодѣній. Это тѣло почтили волхвы, когда оно лежало въ ясляхъ. Люди незнавшіе истиннаго Бога и чужеземные, оставивъ домъ и отечество, предприняли далекій путь, и пришедши поклонились ему съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Будемъ же подражать хотя этимъ чужеземцамъ мы, граждане неба. Они, увидѣвъ его въ хижинѣ и въ ясляхъ и не увидѣвъ ничего такого, что (видишь) ты теперь, приступили съ великимъ трепетомъ; а ты видишь его не въ ясляхъ, а на жертвенникѣ, видишь не жену держащую, а священника предстоящаго и Духа, осѣняющаго предложенное съ великою щедростію: и не просто только видишь это тѣло, какъ они (видѣли), но знаешь и силу его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось чрезъ него, будучи тщательно наученъ всѣмъ тайнамъ. Потому будемъ приступать съ трепетомъ и показывать болѣе благоговѣнія, нежели тѣ чужеземцы, чтобы, приступая къ нему просто и невнимательно, не собрать намъ огня на свою голову. Впрочемъ говорю это не къ тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно, потому что какъ опасно приступать безъ разсужденія, такъ и не пріобщаться

205 этой таинственной вечери есть голодъ и смерть. Эта трапеза есть сила для души нашей, крѣпость для сердца, основаніе упованія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь. Отошедши туда съ этою жертвою, мы съ великимъ дерзновеніемъ вступимъ въ священные обители, какъ бы огражденные со всѣхъ сторонъ золотымъ оружіемъ. Но что я говорю о будущемъ? Это таинство и здѣсь дѣлаетъ для тебя землю небомъ. Открой же врата неба и взгляни, или лучше, врата не неба, а неба небесъ, и ты увидишь тогда сказанное. Что тамъ есть самаго драгоцѣннаго, тоже самое я покажу тебѣ и на землѣ. Какъ въ царскихъ чертогахъ всего важнѣе не стѣны и не золотая крыша, а тѣло царя, сидящаго на престолѣ, такъ и на небесяхъ—тѣло Царя. Но то же самое ты можешь видѣть и нынѣ на землѣ, видѣть не ангеловъ и архангеловъ, не небеса и небеса небесъ, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на землѣ то, что всего важнѣе, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусивъ, отходишь въ домъ свой? Очищай же душу, уготовляй сердце къ принятію этихъ таинъ. Если бы тебѣ поручено было держать на рукахъ царскаго сына во всемъ великолѣпнѣйшей порфиры и діадемы, то ты безъ сомнѣнія отвергъ бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человѣческаго, а

самого Единороднаго Сына Божія, и какъ не трепещешь, скажи 208
мнѣ, какъ не оставляешь пристрастія ко всему житейскому, и
вмѣсто того, чтобы восхищаться одною этою драгоцѣнностію,
склоняешься къ землѣ, предаешься страсти къ деньгамъ и любви
къ золоту? Можешь ли имѣть какое-нибудь извиненіе, какое-
нибудь оправданіе? Или ты не знаешь, что Владыка твой отвра-
щается отъ всякаго житейскаго великолѣпія?—что потому Онъ
благоволилъ по рожденіи Своемъ возлечь въ ясляхъ и избралъ
бѣдную Матерь?—что потому Онъ преданному житейскимъ выго-
дамъ отвѣчалъ: *Сынъ человѣческій не имать гдѣ главы поклонити*
(Мѡ. VIII, 20)? А чѣе ученики Его? Не ту же ли самую заповѣдь
соблюдати и они, останавливаясь для жительства въ домахъ лю-
дей бѣдныхъ, одинъ у кожевника, другой у скинотворца и пор-
фиропродательницы? Они искали не знатныхъ домовъ, а добро-
дѣтельныхъ душъ. Будемъ же и мы соревновать имъ: станемъ
восхищаться не красотою колоннъ и мраморовъ, а стремиться къ
горнишъ обителямъ, презирать всякое здѣшнее великолѣпіе и
пристрастіе къ деньгамъ и возвышаться мыслями своими горѣ,
Если судить здраво, то и самый міръ этотъ недостоинъ насъ.
не только что порттики и галлерей. Потому увѣщаваю, будемъ
украшать свою душу, устроить этотъ домъ, который мы возъ-
мемъ съ собою, когда переселимся отсюда, чтобы намъ сподо-
биться и благъ вѣчныхъ, благодати и человѣколюбіемъ (Господа
нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ
слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.
Аминь).

БЕСѢДА XXV.

Все еже на торжищи продаемое ядите, ничтоже сум- 203
нящеся за совѣсть (1 Кор. x, 25).

1. Сказавъ, что невозможно пить чашу Господню и вмѣстѣ
чашу бѣсовскую, внушивъ совершенное воздержаніе отъ тѣхъ
(бѣсовскихъ) трапезъ примѣромъ іудеевъ, соображеніями чело-
вѣческими, указаніемъ на страшныя тайны и на то, что совер-
шается въ капищахъ, и возбудивъ (въ коринѣянахъ) великій
страхъ,—далѣе, чтобы этимъ страхомъ не ввести ихъ въ другую
крайность, чтобы они по чрезмѣрной осторожности не стали опа-
саться подобнаго оскверненія какимъ-либо образомъ безъ ихъ
вѣдома, напр. на торжищѣ, или какъ-нибудь иначе, (апостолъ)
забавляетъ ихъ отъ такого опасенія и говоритъ: *все еже на тор-*

жищи продаемое ядите, ничтоже сумнящся. Если, говорить, будешь ѣсть, не зная и не слыша (что это—идоложертвенное), то не подлежишь наказанію, такъ какъ это—дѣло невѣднія, а не невоздержанія. И не только отъ такого опасенія избавляетъ ихъ, но и отъ другого, предоставляя имъ великую независимость и свободу: не дозволяетъ имъ даже сомнѣваться, т. е. изслѣдовать и развѣдывать, идоложертвенное ли это или нѣтъ; а заповѣдуетъ просто ѣсть все, находящееся на торжищѣ, не спрашивая, что такое предлагаемое. Слѣдовательно и тотъ, кто ѣсть (идоложертвенное) по невѣднію, остается невиновнымъ. Идоложертвенное дурно не по природѣ своей, но производитъ оскверненіе по расположенію вкушающаго. Потому онъ и говоритъ: *ничтоже сумнящся. Господня бо земля и исполненіе ея* (ст. 26), а не демоновъ. Если же Его земля, и плоды, и всѣ безсловесныя животныя, то нѣтъ ничего нечистаго; нечистымъ же дѣлается что-либо вслѣдствіе расположенія и преслушанія человѣка. Потому онъ не только далъ позволеніе, но и присовокупилъ: *аще ли кто отъ нечистыхъ призываетъ вы, и хотите ити, все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумнящся за совѣсть* (ст. 27). Замѣть опять снисхожденіе его: онъ не повелѣваетъ и не предписываетъ ходить, но и не возбраняетъ; идущихъ же избавляетъ отъ всякаго подозрѣнія. Для чего? Чтобы излишняя осторожность не показалась дѣломъ страха и опасенія, потому что кто развѣдываетъ, тотъ дѣлаетъ это по страху, а кто воздерживается послѣ того, какъ узналъ дѣло, тотъ воздерживается по нерасположенію, презрѣнію и отвращенію. Поэтому Павелъ, желая устроить то и другое, говоритъ: *все предлагаемое вамъ ядите. Аще ли же кто вамъ речетъ, сіе идоложертвенно есть, не ядите за онаго похвадашаго* (ст. 28). Онъ повелѣваетъ воздерживаться (отъ жертвъ идольскихъ), не какъ отъ имѣющихъ силу, но какъ отъ достойныхъ отвращенія. Избѣгайте (идоложертвеннаго), говоритъ, не потому, чтобы оно могло причинить вредъ,—оно не имѣетъ никакой силы. Впрочемъ на томъ основаніи, что оно не имѣетъ никакой силы, не вкушайте его безразлично, такъ какъ это—трапеза враговъ и нечестивыхъ. Потому и присовокупляетъ: *не ядите за похвадашаго, и совѣсть. Господня бо земля и исполненіе ея*. Видишь ли, какъ онъ, и дозволяя ѣсть, и заповѣдуя воздерживаться, приводитъ одно и тоже доказательство? Не потому, говоритъ, я возбраняю, будто это чуждая вещь,—*Господня бо земля*,—но, какъ сказано, *за совѣсть*, т. е. чтобы не сдѣлать вреда. Слѣдовательно, надобно развѣдывать? Нѣтъ, говоритъ, я разумѣю не твою совѣсть, а другого; вѣдь я предварительно сказалъ: *за похвадашаго*; и еще: *совѣсть же глаголю не свою, но другого* (ст. 29).

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: ты справедливо щадишь братьевъ и не дозволяешь намъ ѣсть идоложертвенное для нихъ, да не соестъ ихъ, немощна сущи, соизидется идоложертвенная ясти (1 Кор. viii, 10); а для чего ты заботишься объ язычникѣ? Не ты ли сказалъ: что бо ми есть и отъиинихъ судити (1 Кор. v, 12)? Для чего же заботишься о нихъ? Не о нихъ, говорить, я забочусь, но и здѣсь—о тебѣ же. Потому и присовокупляеть: *ескую бо свобода моя судится отъ иныя соестсти?* Свободою онъ называетъ—не быть обязаннымъ соблюдать и не подвергаться запрещенію; въ этомъ и состоитъ свобода, чуждая іудейскаго рабства. А смыслъ словъ его слѣдующій: Богъ создалъ меня свободнымъ и поставилъ выше всякаго вреда; но язычникъ не умѣетъ ни судить о моемъ любомудріи, ни понимать щедротельности моего Владыки, а станетъ осуждать меня и скажетъ самъ себѣ: ученіе христіанъ—басня; они удаляются идоловъ, избѣгаютъ демоновъ, а отъ приносимаго имъ не отказываются; велико ихъ чревоугодіе. Какой же, скажешь, для насъ вредъ оттого, что онъ будетъ судить такъ несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода къ осужденію? Если ты будешь воздерживаться, то онъ не скажетъ и этого. Какъ, говоришь, не скажетъ? Видя, что я не развѣдывая пользуюсь всѣмъ и на торжищѣ и на пиру, какъ онъ не скажетъ и не осудитъ меня, что я употребляю все безразлично? Точно, нѣтъ, потому что ты пользуешься этимъ не какъ идоложертвеннымъ, но какъ чистымъ; не развѣдывая, ты показываешь, что не боишься предлагаемаго. Потому войдешь ли ты въ домъ язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебѣ развѣдывать, чтобы тебѣ не быть безпокойнымъ и трусливымъ и не навлекать на себя излишнихъ заботъ. *Аще азъ благодатию причащаюся, почто хулу приѣмлю, о немъ же азъ благодарю* (ст. 30)? Что же, скажи мнѣ, ты принимаешь съ благодарностію? Божіи дары. Благодать Его такова, что она дѣлаетъ душу мою чистою и поставляетъ ее выше всякой нечистоты. Какъ солнце, касаясь лучами своими всякихъ нечистотъ, вновь дѣлаетъ ихъ чистыми, такъ или еще болѣе и мы, обращаясь среди міра, можемъ оставаться чистыми, если захотимъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ большую имѣемъ силу.

2. Для чего же, скажешь, воздерживаться? Не для того, что иначе можно сдѣлаться нечистымъ, но для брата, чтобы не имѣть общенія съ демонами, и чтобы не подвергнуться осужденію отъ невѣрнаго. Здѣсь не свойство (яствъ), но преслушаніе и общеніе съ демонами дѣлаютъ меня нечистымъ, и отъ произволенія завясятъ оскверненіе. Что же значать слова: *почто хулу приѣмлю, о немъ же азъ благодарю?* Я, говорить, благодарю Бога, что Онъ

настолько возвеличить меня и поставилъ выше іудейскаго униженія, что ничто не можетъ вредить мнѣ; а язычники, не зная моего любомудрія, будутъ подозрѣвать противное и скажутъ: христіане желаютъ нашего; они лицемѣры; хулятъ демоновъ и отвращаются отъ нихъ, а къ трапезамъ ихъ стекаются; что можетъ быть неразумнѣе этого? Значить, они не для истины, но изъ честолюбія и властолюбія приняли это ученіе. Потому не безумно ли давать поводъ къ хулѣ за тѣ самыя благодѣянія, за которыя приносится благодарность? Но, скажешь, язычникъ будетъ говорить это и тогда, когда увидитъ, что я не развѣдываю. Нѣтъ, потому что не все наполнено идоложертвеннымъ, чтобы имѣть такое подозрѣніе; притомъ ты вкушаешь это, не какъ идоложертвенное. Итакъ, не развѣдывая напрасно; а съ другой стороны не принимай участія, когда тебѣ скажутъ, что это идоложертвенное. Христосъ даровалъ тебѣ благодать, возвеличить тебя и поставилъ выше всякаго вреда не для того, чтобы подавать поводъ къ худой молвѣ о тебѣ, и не для того, чтобы тѣми самыми преимуществами, за которыя ты благодаришь, столько оскорблять другихъ, что они могутъ хулить. А почему, скажешь, мнѣ не сказать язычнику, что я вкушаю и не терплю отъ того никакого вреда, и что я дѣлаю это не изъ привязанности къ де-
208 монамъ? Потому, что ты не убѣдишь его, хотя бы тысячу разъ говорилъ это, такъ какъ онъ (человѣкъ) немощный и врагъ тебѣ. Если ты еще не убѣдилъ брата, то тѣмъ болѣе (не убѣдишь) врага и язычника. Если этотъ связанъ совѣстію въ отношеніи къ идоложертвенному, то тѣмъ болѣе невѣрный. Для чего же намъ и прибѣгать къ такимъ средствамъ? Но неужели намъ отступить и отъ Христа, Котораго мы познали и благодаримъ, потому только, что враги хулятъ насъ? Да не будетъ! Есть различіе между тѣмъ и другимъ; тамъ бываетъ великое пріобрѣтеніе отъ перенесенія хулы, а здѣсь нѣтъ никакой пользы. Потому (апостоль) и сказалъ выше: *ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся* (VIII, 8). Притомъ онъ доказалъ, что надобно удалаться и воздерживаться отъ идоложертвеннаго и по другимъ соображеніямъ, не по этой только, но и по другимъ причинамъ, о которыхъ онъ сказалъ выше. *Аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли что творите, вся во славу Божію творите* (ст. 31). Видишь ли, какъ онъ отъ частнаго предмета перешелъ въ поученіи къ общему и преподалъ намъ превосходное правило — прославлять Бога во всемъ? *Безпреткновенно бывайте и Іудеамъ и Еллиномъ и церкваи Божіей* (ст. 32); т. е. не подавайте никому никакого повода къ соблазну. Иначе и братъ соблазнится, и іудей еще болѣе возненавидитъ и осудитъ тебя, и язычникъ будетъ смѣяться надъ

тобою, какъ надъ чревоугодникомъ и лицомъромъ. Не должно соблазнять не только братій, но, если возможно, и вѣдшихъ. Если мы—свѣтъ, закуска, свѣтила и соль, то мы должны просвѣщать, а не помрачать, скрѣплять, а не ослаблять, привлекать къ себѣ невѣрныхъ, а не отгонять отъ себя. Для чего же ты отгоняешь тѣхъ, которыхъ долженъ привлекать? Подлинно язычники соблазняются, когда видятъ, что мы возвращаемся къ этимъ (вещамъ), потому что они не знаютъ нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякаго чувственнаго оскверненія. Иудеи и немощѣйшіе изъ братій испытаютъ то же самое. Видишь ли, сколько онъ привелъ причинъ, по которымъ должно воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ? Именно: потому, что воздержаніе бесполезно, излишне, вредитъ брату, возбуждаетъ хулу со стороны іудея, поношеніе со стороны язычника, что и не должно имѣть общенія съ демонами, что такое поведение есть нѣкоторымъ образомъ идолослуженіе. Потомъ, когда сказали: *безпечальны будьте*, возложилъ на нихъ отвѣтственность за соблазнъ іудеевъ и язычниковъ и выразилъ нѣчто тяжкое,—смотри, какъ онъ дѣлаетъ это удобопріемлемымъ и легкимъ: поставляетъ посредникомъ самого себя и говоритъ: *якоже и азъ во всемъ есмь угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся* (ст. 83). *Подражатели мнѣ будьте, якоже и азъ Христу* (II, 1).

3. Искать полезнаго для общества—вотъ правило совершеннѣйшаго христіанства, вотъ точное его назначеніе, вотъ верхъ совершенства! Это выражаетъ и апостолъ словами: *якоже и азъ Христу*. Ничѣмъ ты не можешь столько подражать Христу, какъ попеченіемъ о ближнихъ; постишься ли ты, спишь ли на землѣ, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнемъ, то не дѣлаешь ничего важнаго, и при всемъ томъ еще далеко отстоишь отъ образца. Воздержаніе отъ жертвъ идольскихъ само по себѣ есть дѣло полезное; а я, говоритъ (апостолъ), дѣлалъ много и неполезнаго, наприм. обрѣзывалъ и приносилъ жертвы; такія дѣйствія, если разсматривать ихъ самихъ въ себѣ, могутъ даже 209
вогубить совершающихъ и лишитъ спасенія, но я подвергалъ себя и этому для истекающей отъ того пользы. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: въ тѣхъ дѣйствіяхъ, если не будетъ пользы для другихъ, то можетъ быть вредъ; а здѣсь, хотя бы никто не соблазнялся, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ воздерживаться отъ запрещеннаго. Я подвергалъ себя не только вредному, но и трудному: *отъ мыслей церквей уязъ*, говоритъ, *пріимъ оброкъ* (2 Кор. II, 8); когда можно было ѣсть и не трудиться, я не искалъ этого, но рѣшился лучше самъ погибнуть съ голода, нежели соблаз-

нить другого. Потому онъ и говорить: *азъ во всемъ всякъ угождаю*; нужно ли сдѣлать что-нибудь незаконное, или трудное и опасное, всему я подвергаюсь для пользы другихъ. Такъ Павелъ, будучи выше всѣхъ по совершенству, становился ниже всѣхъ по снисхожденію.

Подлинно никакой подвигъ не можетъ быть великимъ, если онъ не приноситъ пользы другимъ. Это видно изъ примѣра того, который принесъ талантъ цѣлымъ и былъ наказанъ за то, что не умножилъ его. Такъ и ты, братъ, будешь ли оставаться безъ пищи, спать на землѣ, ѣсть пеньель и постоянно плакать, но если не оказываешь никакой пользы другимъ, то не дѣлаешь ничего важнаго. Это особенно имѣли въ виду всѣ великіе въ древности и доблестные мужи; изслѣдуя тщательно жизнь ихъ, и ты ясно увидишь, что каждый изъ нихъ имѣлъ цѣлюю пользу не свою, а ближнихъ; тѣмъ они особенно и прославились. Такъ Моисей совершилъ многія великія чудеса и знаменія, но ничто столько не возвеличило его, какъ блаженныя слова, сказанныя имъ Богу: *аще убо оставиши мнѣ грѣхъ, остави: аще же ни, изгладѣ мя* (Исх. xxxii, 32). Таковъ былъ и Давидъ: *азъ есмь пастырь сиротливый*, говорилъ онъ, *азъ есмь зло сотворившій, а сѣи оуцы что сотвориша? Да будетъ рука твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Цар. xiv, 17). Также Авраамъ искалъ пользы не своей, но многихъ: потому подвергалъ себя опасностямъ и просилъ Бога за (людей), не имѣвшихъ къ нему никакого отношенія. Такъ они прославились; а искавшіе своей пользы, смотри, какъ причиняли вредъ. Такъ племянникъ Авраама, выслушавъ слова его: *аще ты на десно, азъ на лѣво* (Быт. xiii, 9), и сдѣлавъ выборъ, имѣя въ виду свою пользу, не нашелъ ее; напротивъ страна его сгорѣла, а страна Авраама осталась невредимою. Іона, когда искалъ пользы не другихъ, а своей, то едва не погибъ: городъ стоялъ, а онъ подвергался опасности, былъ обуреваемъ волнами и утопалъ; когда же сталъ искать пользы другихъ, тогда нашелъ и свою. Іаковъ, не искавшій собственной пользы отъ стадъ, получилъ великое богатство. Также Іосифъ, желая принести пользу братьямъ, нашелъ и свою: когда отецъ посылалъ его (къ братьямъ), то онъ не сказалъ: какъ, развѣ ты не знаешь, что за видѣнія и сны они готовы растерзать меня, что за толкованіе сновъ обвиняютъ меня, что за любовь твою ко мнѣ намѣреваются наказать меня,—чего только не сдѣлаютъ они, встрѣтивъ меня среди поля? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, но предпочелъ всему служеніе братьямъ; потому и получилъ въпослѣдствіи всѣ тѣ блага,

210 которыя сдѣлали его весьма славнымъ и знаменитымъ. Такъ и Моисей,—ничто не препятствуетъ упомянуть о немъ въ другой

разъ, чтобы видѣть, какъ онъ не думалъ о своей пользѣ и искалъ пользы другихъ,—проводя жизнь въ царскихъ чертогахъ, имѣлъ большее богатство египетскихъ сокровищъ попомненіе (Евр. xi, 26), и, бросивъ все, рѣшился раздѣлять бѣдствія съ евреями; но не только самъ не подвергся рабству, а напротивъ освободилъ и ихъ отъ рабства. Всѣ эти дѣянія велики и достойны ангеловъ.

4. Но (дѣянія) Павла имѣютъ великое преимущество. Всѣ другіе, оставляя собственное благосостояніе, принимали участіе въ бѣдствіяхъ ближнихъ; а Павелъ сдѣлалъ гораздо больше. Онъ не только участвовалъ въ бѣдствіяхъ другихъ, а предпочиталъ самъ терпѣть крайнія бѣдствія, чтобы другіе наслаждались благосостояніемъ. Не одно и то же—отвергнуть свое благосостояніе и предаться бѣдствіямъ (вмѣстѣ съ другими), или подвергать страданіямъ одного себя, а другимъ доставлять спокойствіе и почести. Тамъ, хотя и тяжело перемѣнить благополучіе на страданія для ближняго, однако есть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что находятся сообщники страданій; а подвергать одного себя скорбямъ, чтобы другіе наслаждались радостями, это—дѣло благороднѣйшей души и Павловой ревности.

Не однимъ этимъ, но и другимъ большимъ преимуществомъ онъ превосходитъ всѣхъ, о которыхъ мы сказали выше. Авраамъ и всѣ другіе подвергали себя бѣдствіямъ настоящей жизни, и всѣ вообще желали себѣ смерти; а Павелъ желалъ лишиться даже будущей славы для спасенія другихъ. Могу указать и третье преимущество. Какое же? То, что хотя нѣкоторые изъ упомянутыхъ мужей оказывали попеченіе о людяхъ, враждовавшихъ противъ нихъ, но такихъ, которые находились подъ ихъ руководствомъ; они дѣлали тоже, что дѣлалъ бы отецъ, пекущійся о дурномъ и преступномъ сынѣ, однако же сынѣ; а Павелъ желалъ подвергнуться азамъ за тѣхъ, которые не были ввѣренны его попеченію,—такъ какъ онъ былъ посланъ къ язычникамъ. Видишь ли величіе его души и превосходство его ревности, превышающія самое небо? Подражай ему; а если не можешь ему, то хотя (мужамъ), прославившимся въ ветхѣмъ заветѣ. Полезное для себя ты найдешь тогда, когда будешь искать (пользы) ближняго. Если не имѣешь ревности пецись о братѣ, то помни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о немъ и о дѣлахъ его по крайней мѣрѣ для себя. Сказаннаго достаточно для убѣжденія, что мы не можемъ иначе достигать полезнаго для насъ. Но, если хочешь, можешь убѣдиться въ этомъ и изъ обыкновенныхъ примѣровъ. Когда случится загорѣться какому-нибудь дому, то тѣ, которые живутъ близко къ нему и, заботясь только о себѣ,

не стануть предотвращать опасность, а запрутся въ своихъ домахъ изъ опасенія, чтобы кто не вошелъ и не похитилъ чего-нибудь у нихъ, — какое получать наказаніе? Огонь, дошедши до нихъ, сожжетъ все ихъ (имущество); не заботясь о пользѣ ближняго, они теряютъ и свою. Богъ, желая соединить всѣхъ другъ съ другомъ, поставилъ все въ такой необходимой связи, что съ пользою одного соединяется польза другого: на томъ стоитъ весь міръ. Если на кораблѣ, во время бури, кормчій, 211 пренебрегши пользу другихъ, будетъ искать только своей, то скоро потопить и себя и ихъ. Если бы каждое ремесло стремилось только къ своей пользѣ, то и жизнь была бы невозможна, и (невозможно) то самое ремесло, которое стремилось бы къ этому. Потому земледѣлецъ сѣять жита не столько, сколько нужно для него самого, — иначе онъ давно погубилъ бы и себя и другихъ, — но онъ печется и о другихъ; воинъ ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только самого себя, но чтобы и доставить безопасность городамъ; купецъ привозитъ не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многихъ другихъ. Но каждый, скажетъ кто-нибудь, дѣлаетъ это, имѣя въ виду не мою пользу, а свою, трудится для приобрѣтенія себѣ и денегъ, и славы, и безопасности, такъ что, доставляя пользу мнѣ, онъ ищетъ своей. То же говорю и я, это давно и хотѣлъ внушить, къ тому и направлялъ все мое слово, чтобы показать, что ближній тогда достигаетъ своей пользы, когда заботиться о твоей. Если бы люди не были поставлены въ такую необходимость, то они не захотѣли бы искать пользы ближняго; потому Богъ и соединилъ все такимъ образомъ и не попустилъ достигать своей пользы иначе, какъ путемъ пользы другихъ. Людямъ свойственно идти такимъ путемъ къ пользѣ ближняго; но заимствовать побужденіе къ тому должно не отсюда, а изъ того убѣжденія, что такъ угодно Богу. Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже въ высшемъ любомудріи, но не заботишься о другихъ, погибающихъ, то не будешь имѣть никакого дерзновенія предъ Богомъ. Откуда это видно? Изъ словъ блаженнаго Павла: *онче, говоритъ онъ, раздавъ имѣнія моя, и предавъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Кор. хш, 3). Видишь ли, чего Павелъ требуетъ отъ насъ? Хотя раздающій (свое имѣніе), повидимому, ищетъ пользы 212 не своей, а ближняго, но этого одного, говорить, недостаточно, а надобно это дѣлать съ искренностію и великимъ состраданіемъ. Для того Богъ и далъ намъ такую заповѣдь, чтобы соединить насъ союзомъ любви. Если же Онъ требуетъ отъ насъ любви въ такой мѣрѣ, а мы не оказываемъ ея и въ меньшей, то удостоимся ли

мы прощенія? Какъ же, возразить кто-нибудь, Богъ чрезъ ангеловъ сказалъ Лоту: *спасая спасай твою душу* (Быт. xix, 17)? Но, скажи мнѣ, когда это было и почему? Когда угрожало наказаніе, когда уже не время было исправляться, когда (нечестивые) были осуждены и страдали неналѣчиною болѣзнію, когда старцы и юноши предались однимъ и тѣмъ же похотямъ и должны были сгорѣть, въ тотъ день, когда молніи готовы были поразить ихъ. Притомъ это сказано не о порокахъ и добродѣтели, но относилось къ наказанію, ниспосланному отъ Бога. Что же тогда, скажи мнѣ, должно было дѣлать? Сѣсть, принять наказаніе и сгорѣть безъ всякой пользы? Но это было бы крайнимъ безуміемъ. Не то я говорю, чтобы должно было мучиться безъ причины и напрасно, вопреки волѣ Божіей; но когда человѣкъ проводитъ порочную жизнь, то заповѣдаю тебѣ, приди къ нему и исправь его, если хочешь, для блага ближняго, если же нѣтъ, то по крайней мѣрѣ для своей пользы; первое лучше послѣдняго, но если ты еще не достигъ такой высоты, то дѣлай это по крайней мѣрѣ для послѣдняго. Пусть никто не ищетъ своей пользы, и тогда найдетъ ее. Зная, что ни нищета, ни мученіе и ничто другое не можетъ спасти насъ, если мы не имѣемъ высокой любви, будемъ приобретать ее прежде всего, чтобы чрезъ нее намъ получить и другія блага настоящія и будущія, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

Хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ²¹¹ вамъ преданія, тако держите (1 Кор. xi, 2).

1. Окончивъ рѣчь объ идольскихъ жертвахъ, какъ слѣдовало, и сдѣлавъ ее совершенною во всѣхъ отношеніяхъ, (апостолъ) переходитъ къ другому предмету, въ которомъ (коринѣяне) также погрѣшали, хотя и не такъ тяжко. Онъ обыкновенно, — повторю опять то, что я сказалъ прежде, — не всѣ сильныя обличенія поставляетъ сряду, но, располагая ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, вставляетъ между ними менѣе сильныя, и такимъ образомъ облегчаетъ тяжесть, которая происходила бы для слушателей отъ постоянныхъ укоризнъ. Поэтому о самомъ важнѣйшемъ предметѣ, именно о воскресеніи, онъ говоритъ послѣ всего. Теперь же приступаетъ къ другому, менѣе важному, и говоритъ: *хвалю же вы,*

яко *вся моя помните*. Когда грѣхъ несомнѣненъ, тогда онъ сильно обличаетъ и укоряетъ; а когда грѣхъ сомнителенъ, тогда напередъ доказываетъ, а потомъ обличаетъ; говоря о несомнѣнномъ грѣхѣ, онъ показываетъ важность его, а говоря о сомнительномъ, доказываетъ дѣйствительность (его грѣховности). Такъ блудъ безъ всякаго сомнѣнія есть грѣхъ,—потому онъ и не имѣлъ нужды доказывать, что это — грѣхъ, а показалъ тяжесть грѣха посредствомъ сравненія. Судиться у невѣрныхъ было грѣхомъ, но не такъ тяжкимъ,—потому этотъ грѣхъ онъ поставляетъ между другими и доказываетъ (его грѣховность). Вкушеніе жертвъ идольскихъ, хотя (въ отношеніи своей грѣховности) подлежало сомнѣнію, но было величайшимъ зломъ,—потому онъ и доказываетъ, что это — грѣхъ, и объясняетъ важность его. Поступая такимъ образомъ, онъ не только отклоняетъ отъ грѣховъ, но и убѣждаетъ къ противоположному. Такъ онъ говоритъ, что не только должно не блудодѣйствовать, но и тщательно соблюдать святость: *прославите убо, присовокупляетъ, Бога отъ тѣлъ сашемъ, и отъ духъ сашемъ* (1 Кор. vi, 20). Также сказавъ, что не должно быть мудрымъ внѣшней мудростью, не довольствуется этимъ, но и повелѣваетъ быть буимъ. Убѣщая не судиться у внѣшнихъ и не причинять обидъ, потомъ и вообще возбраняетъ судиться и совѣтуетъ не только не обижать, но и терпѣть обиды. Разсуждая о жертвахъ идольскихъ, говоритъ, что должно воздерживаться не только отъ запрещеннаго, но и отъ дозволеннаго, когда отъ того происходитъ соблазнъ, и не должно соблазнять не только братій, но и язычниковъ и іудеевъ. *Встрѣтливости бывайте, говоритъ, и Іудеомъ и Еллиномъ и Церквѣ Божіей*. Такимъ образомъ совершенно окончивъ рѣчь о всемъ этомъ, онъ потомъ переходитъ къ другому грѣху. Какой же это былъ грѣхъ? Жены съ открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали,—потому что тогда пророчествовали и жены,—а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философіею, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь въ томъ и другому языческаго закона. Апостолъ, находясь (у коринтянъ), уже преподавъ имъ наставленіе касательно этого предмета; но такъ какъ, можетъ быть, одни послушались его, а другіе оказались непослушными, то онъ вновь чрезъ посланіе, какъ мудрый врачъ, избыткомъ словомъ исправляетъ грѣхъ. А что онъ лично преподавалъ имъ наставленіе объ этомъ, видно изъ начала его рѣчи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не сказавъ прежде нигдѣ ничего объ этомъ въ посланіи, а разсуждая о другихъ грѣхахъ, онъ вдругъ говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите?* Очевидно, что одни послу-

шались его, и ихъ онъ похвалаетъ, а другіе оказались непослушными, и ихъ онъ исправляетъ слѣдующими словами: *аще ли кто мнѣ спориетъ быти, мы такового обычая не имамы* (ст. 16). Если бы онъ сдѣлалъ укоризну всѣмъ, какъ послушнымъ, такъ и непослушнымъ, то въ первыхъ возбудилъ бы негодованіе, а въ послѣднихъ усилилъ бы нерадѣніе; но теперь, однихъ похваливъ и одобливъ, а другихъ укоривъ, онъ первыхъ ободряетъ, а послѣднихъ приводитъ въ стыдъ. Укоризна, хотя и сама по себѣ можетъ тронуть, но имѣетъ еще большую силу, когда соединяется съ похвалою исправнымъ. Потому онъ и начинаетъ не съ укоризны, но съ похвалъ, притомъ съ великихъ похвалъ, и говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните*. Такъ обыкновенно поступаетъ Павелъ: за малыя (достоинства) воздастъ великія похвалы, дѣлая это не изъ лести, — да не будетъ! могъ ли (употреблять лести) тотъ, кто не искалъ ни денегъ, ни славы и ничего подобнаго? — но во всемъ имѣя въ виду ихъ спасеніе. Потому онъ и усиливаетъ похвалу: *хвалю же вы, говоритъ, яко вся моя помните*. Что — *вся*? Онъ говорилъ только о неращеніи волосъ и о непокрываніи головы, но, какъ я сказалъ, усиливаетъ похвалу, чтобы сдѣлать ихъ болѣе усердными: *яко вся моя, говоритъ, помните, и якоже предасть вамъ преданія, тако держите*. Слѣдовательно онъ еще прежде преподавалъ имъ многое не письменно, какъ выражаетъ это и во многихъ другихъ мѣстахъ; но прежде онъ только оставилъ имъ преданіе, а теперь присовокупляетъ и причину. Такимъ образомъ онъ еще болѣе утверждаетъ послушныхъ и нислагаетъ гордость непослушныхъ. Не говоритъ: вы послушались, другіе же не послушались, но, не выражая прямо, намекаетъ на это въ дальнѣйшемъ наложеніи своего наставленія: *хочу же, говоритъ, всѣхъ отдѣлти, яко всякому мужу глава Христосъ есть: глава же женѣ мужъ: глава же Христу Богъ* (ст. 3). Такова причина. А приводитъ онъ ее для того, чтобы немощныхъ сдѣлать болѣе внимательными. Вѣдь вѣрующій, какъ должно, и твердый въ вѣрѣ не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ причинѣ того, что заповѣдуютъ ему, а довольствуется однимъ преданіемъ; но немощный, узнавъ и причину, съ большимъ усердіемъ соблюдаетъ сказанное и повинуется съ большею преданностію.

2. Потому (апостолъ) и не приводитъ причины до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ нарушенія заповѣди. Какая же причина? *Всякому мужу глава Христосъ есть*. Слѣдовательно и язычнику? Нѣтъ. Если мы *тѣло Христово и уди отъ части* (1 Кор. хп, 27), а Онъ — наша глава, то Онъ не можетъ быть главою тѣхъ, которые не составляютъ тѣла и не сдѣлались членами Его. Слѣдовательно, при словѣ: *всякому* надобно подразумѣвать: вѣрующему.

Видишь ли, какъ вездѣ онъ пристыжаетъ слушателя, указывая на высшее? Разсуждая и о любви, и о смиренномудріи, и о милосердіи, онъ отсюда же заимствовалъ доказательства. *Глава же жены мужъ: глава же Христу Богъ.* Еретики указываютъ намъ на эти слова, выводя изъ нихъ мысль объ уничиженіи Сына (предъ Отцемъ); но они опровергають сами себя. Если глава жены—мужъ, а глава единосущна съ тѣломъ, глава же Христу—Богъ, то Сынъ единосущенъ Отцу. Но, скажутъ, мы хотимъ доказать отсюда не различіе по существу, а подчиненіе (Сына Отцу). Что сказать на это? То, что когда что-нибудь уничиженное говорится о Немъ въ Его соединеніи съ плотію, тогда это не унижаетъ Божества, а относится къ Его домостроительству. Однако, скажи, какъ ты доказываешь отсюда мысль свою? Какъ жена, говоришь, подчинена мужу, такъ и Христосъ—Отцу. Слѣдовательно, какъ Христосъ—глава мужа, точно такъ же и Отецъ—глава Сына? *Всякому мужу,* говоритъ (апостоль), *глава Христосъ есть.* Но кто можетъ когда-нибудь допустить это? Если допустить, что какое преимущество Сына предъ нами, такое же и Отца предъ Сыномъ, то подумай, до какой степени ты его унижаешь. Потому не слѣдуетъ принимать въ одинаковомъ смыслѣ все, что говорится о насъ и о Богѣ, хотя говорится и одинаково; но должно приписывать Богу нѣкоторое особенное преимущество, такое, какое свойственно Богу; иначе произойдетъ много нелѣпаго. Смотри: глава Христу Богъ, глава мужу Христосъ, глава женѣ мужъ; если во всей этой рѣчи мы примемъ слово *глава* въ одномъ и томъ же смыслѣ, то Сынъ будетъ ниже Отца столько, сколько мы ниже Его; и жена будетъ ниже насъ столько, сколько мы ниже Бога Слова,—такъ что въ какомъ отношеніи Сынъ находится къ Отцу, въ такомъ же мы—къ Сыну, и жена—къ мужу. Но кто можетъ допустить это? Ты принимаешь слово *глава* въ отношеніи къ женѣ въ одномъ смыслѣ, а въ отношеніи къ мужу въ другомъ: почему же не принимаешь его въ иномъ смыслѣ въ отношеніи ко Христу? Слѣдуетъ въ иномъ смыслѣ принимать его и въ отношеніи къ Сыну и Отцу. Какъ же, скажешь, иначе понимать его? Въ смыслѣ начала. Если бы Павелъ хотѣлъ выразить власть одного и подчиненіе другого, какъ ты говоришь, то скорѣе привелъ бы въ примѣръ раба и господина, а не жену, потому что жена, хотя и подчинена намъ, но какъ свободная и

215 равностепенная. Такъ и Сынъ, хотя повинуется Отцу, но какъ Сынъ Божій, какъ Богъ; и какъ повиновеніе Сына Отцу больше, нежели у людей повиновеніе дѣтей родителямъ, такъ и неподчиненность Его больше. Если отношенія Сына къ Отцу больше и совершеннѣе подобныхъ же отношеній у людей, то и отношенія

Отца къ Сыну не меньше; если мы удивляемся Сыну, что Онъ быть послушнымъ даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. II, 8), и вѣнчаемъ Ему это въ великую заслугу, то надобно удивляться и Отцу, что Онъ родилъ такого (Сына), Который не подчиненъ Ему, какъ рабъ, но повинуется, какъ свободный и какъ совѣтникъ; совѣтникъ же не есть рабъ. Опять, когда ты слышишь слово: *соотѣльникъ*, не принимай этого такъ, будто Отецъ имѣетъ въ чемъ-либо нужду, но такъ, что Сынъ равночестенъ Отцу. Равнымъ образомъ не во всемъ примѣняя примѣръ мужа и жены. У насъ жена справедливо подчинена мужу, потому что равночестіе могло бы произвести вражду, и еще потому, что въ началѣ отъ жены произошло обольщеніе; она подчинена не тотчасъ по сотвореніи; когда (Богъ) привелъ ее къ мужу, она не слышала отъ Бога ничего такого, и мужъ ничего подобнаго не выразилъ ей, а сказалъ, что она кость отъ костей его и плоть отъ плоти его, о власти же и подчиненіи ничего не говорилъ съ нею; но когда она злоупотребила своею властію, сдѣлавшись изъ помощницы обольстительницею, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: *къ мужу твоему обращеніе твое* (Быт. III, 16). Такъ какъ этотъ грѣхъ могъ возбудить вражду въ нашемъ родѣ, — вѣдь послѣ такого событія не послужило бы къ миру то, что жена произошла отъ мужа, напротивъ то самое, что, происшедши отъ него, она не пощадила собственнаго члена, еще болѣе раздражало бы мужа, — то Богъ, видя злобу діавола, оградилъ ихъ этимъ словомъ, какъ бы стѣною, уничтожилъ такимъ опредѣленіемъ вражду, которая должна была произойти послѣ обольщенія, поставивъ какъ бы оплотъ противъ естественной страсти — происходящаго отъ грѣха злопамятства. Но въ Богѣ, этомъ нетлѣнномъ существѣ, нельзя предполагать ничего подобнаго. Потому примѣняя къ Нему примѣры не во всѣхъ отношеніяхъ; иначе и въ другихъ мѣстахъ впадешь во многія и важныя погрѣшности. Такъ и въ началѣ посланія (апостолъ) сказалъ: *вся ваша суть, вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. III, 23).

3. Что же? Въ одномъ ли смыслѣ все — наше, а мы — Христовы, и Христосъ — Божій? Нѣтъ; напротивъ, и для самыхъ неразумныхъ очевидно различіе, хотя употреблено одно и тоже выраженіе о Богѣ, о Христѣ и о насъ. И въ другомъ мѣстѣ, назвавъ мужа главою жены, онъ присовокупляетъ: *якоже и Христосъ есть глава и Спаситель и представитель Церкви, такожде и мужъ долженъ быть по отношенію къ женѣ своей* (Еф. V, 23—27). Можемъ ли мы принимать въ одномъ смыслѣ всѣ выраженія, какъ здѣсь, такъ и сказанныя послѣ въ посланіи къ Ефесеямъ объ этомъ предметѣ? Нѣтъ; это невозможно. Одни и тѣ же выраженія упо-

требляются о Богѣ и человѣкѣ; но иначе должно понимать одня, иначе другія; впрочемъ и не всѣ различно, потому что они оказались бы употребленными безъ причины и напрасно, если бы мы не сдѣлали изъ нихъ никакого приложенія. Какъ не все надобно понимать въ одномъ смыслѣ, такъ и не все надобно считать неприложнымъ. Для лучшаго уразумѣнія постараюсь объяснить 216 это примѣромъ. Христосъ названъ главою Церкви; если изъ этого выраженія, заимствованнаго отъ человѣка, я не сдѣлаю никакого приложенія, то для чего оно мнѣ и сказано? А съ другой стороны, если я буду прилагать весь буквальный смыслъ его, то произойдетъ нелѣпость, потому что глава подобострастна тѣлу и подвержена однимъ и тѣмъ же (недостаткамъ). Что же надобно отвергнуть и что принять? Надобно отвергнуть то, что я сказалъ, а принять совершенное единеніе (Христа съ Церковію) и то, что Онъ есть Виновникъ и верховный Правитель ея; притомъ надобно разумѣть это не просто, но въ высочайшей степени и богоприлично; единеніе Его—самое твердое и правленіе—самое совершенное. Еще: Христосъ называется Сыномъ; и здѣсь опять не все принимай, но не все и отвергай, а принявъ то, что прилично Богу, т. е. что Онъ единосущенъ Отцу и отъ Него рождается, неприличное и свойственное человѣческой немощи не прилагай. Также Богъ называется свѣтомъ; можно ли прилагать къ Нему все, что свойственно видимому свѣту? Нѣтъ; видимый свѣтъ ограничивается тьмою и мѣстомъ, приводится въ движеніе иною силою и помрачается, а въ существѣ Божіемъ невозможно и представить ничего такого. Потому не будемъ отвергать всего, но извлекать нѣкоторую пользу изъ этого подобія, разумѣя просвѣщеніе, даруемое намъ отъ Бога, и избавленіе отъ тьмы. Это противъ еретиковъ; а теперь нужно сказать о цѣломъ объясняемомъ мѣстѣ. Можетъ быть, кто-нибудь станетъ недоумѣвать и спросить себя: какая вина въ томъ, если бы жены открывались, а мужи покрывались? Въ чемъ здѣсь состоятъ вина, можешь видѣть изъ слѣдующаго. Мужу и женѣ дано много различныхъ знаковъ, одному—власти, а другой—подчиненности, между прочимъ и тотъ, чтобы жена покрывалась, а мужъ былъ съ обнаженной головою. Если же таковы знаки, то оба они погрѣшаютъ, когда нарушаютъ благочиніе и заповѣдь Божію, когда преступаютъ собственные предѣлы, мужъ ниспадая до униженія жены, а жена возвышаясь своимъ внѣшнимъ видомъ предъ мужемъ. Если имъ непозволительно измѣнять свою одежду, т. е. женѣ одѣваться въ мужское платье, а мужу надѣвать женскую одежду и покрывало,—*да не будетъ*, говорить (Писаніе), *утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску* (Втор. xii, 5),—то тѣмъ

богѣ непозволительно мѣняться одеждами. Это узаконено людьми, хотя послѣ и утверждено Богомъ; а то происходитъ отъ самой природы, т. е. чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался. Подъ именемъ природы я разумѣю Бога, потому что Онъ есть Создатель природы. Потому если ты преступишь эти предѣлы, то, смотри, сколько произойдетъ вреда. Не говори мнѣ, что это преступленіе—маловажно; оно велико и само по себѣ, потому что оно есть преслушаніе; а если бы и было маловажно само по себѣ, то оно велико потому, что касается знака великихъ предметовъ. А что (этотъ знакъ) великъ, видно изъ того, что онъ производитъ благоустройство въ родѣ (человѣческомъ), представляя въ надлежащемъ видѣ начальствующаго и подчиненнаго; поступающій же противъ этого приводитъ все въ смѣшеніе, лишаетъ себя даровъ Божіихъ, унижаетъ честь, дарованную ему свыше, и не только мужъ, но и жена. Вѣдь и для нея большая честь—сохранять свое мѣсто, а напротивъ постыдно—выходить изъ предѣловъ. Потому (апостолъ) и говоритъ объ нихъ обоихъ: *всякъ мужъ молитву дѣйи или пророчествуяи покрытою главою, срамляетъ главу свою; и всяка жена молитву дѣйющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою* (ст. 4, 5). Въ то время, какъ 217 я сказалъ, были и мужи пророчествовавшіе, и жены имѣвшія этотъ даръ, наприм. дочери Филиппа и другія прежде и послѣ нихъ. О нихъ и пророкъ въ древности сказалъ: *прорекуть сынове ваши, и дщери ваши видѣнія увидятъ* (Іоил. II, 28). Мужу (апостолъ) повелѣваетъ быть открытымъ не всегда, а только во время молитвы: *всякъ мужъ, говоритъ, молитву дѣйи или пророчествуяи покрытою главою, срамляетъ главу свою*. Женѣ же повелѣваетъ быть покрытою всегда; потому, сказавъ: *всяка жена молитву дѣйющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою*, онъ не останавливается на этомъ, но продолжаетъ: *едино бо есть и также еже быти остриженный*. Если быть остриженной всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытою всегда постыдно.

4. (Апостолъ) не останавливается и на этомъ, но еще при-совокупляетъ: *должна есть жена власть имѣти на главы ангелъ ради* (ст. 10); показываетъ, что не только во время молитвы, но и всегда она должна покрываться. А мужу заповѣдуетъ уже не касательно покрыванія, а касательно волосъ: запрещаетъ покрываться только во время молитвы, растить же волосы возбраняетъ всегда. Какъ о женѣ сказалъ: *аще не покрывается, да стрижется*, такъ и о мужѣ: *аще власы растить, безчестіе ему есть* (ст. 14). Не сказалъ: если покрывается, но: аще растить власы. Потому и въ началѣ сказалъ: *всякъ мужъ молитву дѣйи или пророчествуяи по-*

кровенною главою; не сказалъ: накрывшись, но: *покровенною главою*, выражая, что молящійся хотя съ обнаженною главою, но съ отрощенными волосами, равенъ покрывшемуся: *зана*, говорить, *растѣніе власянь вмѣсто одѣянїя дано бысть* (ст. 15). *Аще бо не покрывается жена, да стрижется: аще ли же срамъ женѣ стрищися или бритися, да покрывается* (ст. 6). Сначала требуетъ, чтобы жена не обнажала головы своей, а потомъ объясняетъ, что она постоянно должна быть покрытою: *едино бо есть и тожде еже быти остриженнѣй*,—и притомъ (покрытою) со всею тщательностію и осмотрительностію, такъ какъ не сказалъ просто: да накрывается (*халѹптзѡда*), но: *покрывается* (*хатахалѹптзѡда*), т. е. должна тщательно закрываться со всѣхъ сторонъ. Показываетъ и неприличіе противнаго образа дѣйствій и сильно укоряетъ, когда говоритъ: *аще не покрывается, да стрижется*: если, говорить, ты свергаешь покрывало, установленное закономъ Божиимъ, то свергни и данное природою. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ можетъ служить женѣ безчестіемъ то, если она восходить до чести мужа? Чрезъ это, скажемъ мы, она не только не восходить, но лишается и собственной чести. Вѣдь не соблюдать собственныхъ предѣловъ и законовъ, установленныхъ Богомъ, преступать ихъ,—это не возвышеніе, а униженіе. Какъ желающій чужого и похищающій не принадлежащее ему не пріобрѣтаетъ, а унижается и теряетъ и то, что онъ имѣлъ, какъ напр. было въ раю, такъ и жена въ этомъ случаѣ не пріобрѣтаетъ себѣ благородство мужа, но теряетъ и благопристойность жены; притомъ же не это одно постыдно для нея, но и самое любостыжаніе. Такимъ образомъ, указавъ на то, что несомнѣнно признается постыднымъ, въ словахъ: *аще ли же срамъ женѣ стрищися, или бритися*, (апостолъ) наконецъ отъ себя говоритъ: *да покрывается*. Не сказалъ: да растить власы, но: *да покрывается*, внушая, что и то и другое одинаково,

118 и доказывая это съ двухъ сторонъ, со стороны закона и со стороны противоположной (отъ природы). Покрывало и отрощенные волосы, говорить, одно и то же, равно какъ бритая и обнаженная голова—одно и то же: *едино бо*, говорить, *есть и тожде, еже быти остриженнѣй*. Но спросить кто-нибудь: какъ одно и то же, когда та имѣетъ естественное покрывало, а обритая не имѣетъ и этого? Та, скажемъ мы, имѣя обнаженную голову, своею волею отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волосъ, то это дѣло природы, а не ея; слѣдовательно какъ обритая имѣетъ обнаженную голову, такъ и она. Для того (Богъ) и повелѣлъ природѣ покрывать голову волосами, чтобы жена, научившись отъ природы, и сама покрывалась. Далѣе (апостолъ) приводитъ причину, разсуждая съ своими слушателями, какъ съ свободными,

что я многократно замѣчалъ. Какая же причина? *Мужъ убо не долженъ есть покрывать главу, образъ и слава Божія сый* (ст. 7). Опять же вторая причина: мужъ, говорить онъ, не долженъ покрываться не только потому, что имѣеть главою своею Христа, но и потому, что имѣеть власть надъ женою. Когда имѣющій власть приступаетъ къ царю, то онъ долженъ имѣть на себѣ знакъ своей власти. Потому, какъ никто изъ имѣющихъ власть не осмѣлился бы явиться предъ облеченнаго діадемою безъ пояса и (приличной сану) одежды, такъ и ты безъ знаковъ своей власти, т. е. безъ обнаженной головы, не молись Богу, чтобы не нанести безчестія и себѣ и почтившему тебя. То же самое можно сказать и о женѣ: и для нея безчестно не имѣть знаковъ своей подчиненности. *Жена же слава мужу есть*. Слѣдовательно власть мужа (надъ женою) естественна. Объяснивъ это, онъ далѣе представляетъ другія основанія и причины, возводитъ тебя къ началу творенія и говорить: *нѣсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа* (ст. 8). Если происхожденіе одного отъ другого составляетъ славу послѣдняго, то тѣмъ болѣе сходство ихъ. *Ибо не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (ст. 9). Это—второе преимущество, или, лучше, третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христосъ, а мы (глава) жены; второе то, что мы—слава Божія, а наша слава—жена; третье то, что не мы отъ жены, но жена отъ насъ; четвертое то, что не мы для нея, а она для насъ. *Сего ради должна есть жена власть имѣти на главу* (ст. 10). Почему же именно? По всѣмъ сказаннымъ (причинамъ), и кромѣ того *ангелъ ради*. Если ты, говорить, не обращаешь вниманія на мужа, то постыдишься ангеловъ.

5. Итакъ, покрытіе есть знакъ покорности и подчиненія; оно побуждаетъ смотрѣть внизъ, смиряться и соблюдать добродѣтель; добродѣтель же и честь подчиненнаго состоятъ именно въ томъ, чтобы пребывать въ послушаніи. Мужу не предписывается это дѣлать, такъ какъ онъ—образъ самого Владыки; а женѣ справедливо (предписывается). Потому посуди, какъ велико преступленіе, когда ты, удостоившійся такой власти, безчестишь себя, принимая видъ жены; ты дѣлаешь тоже, какъ если бы, получивъ діадему, сбросилъ ее съ головы, и вмѣсто діадемы надѣлъ рабскую одежду. *Обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ* (ст. 11). Такъ какъ (апостоль) приписалъ большое преимущество мужу, сказавъ, что жена отъ него, для него и подъ его властію, то, чтобы не возвысить мужей болѣе надлежащаго и не унижить женъ, смотри, какую вносить поправку, говоря: *обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ*. Не указывай мнѣ, говорить, только на первоначальныя преимущества и на сотво-

реніе, а обрати вниманіе на послѣдующее и увидишь, что каждый изъ нихъ зависить отъ другого, или, лучше, не одинъ отъ другого, но всѣ отъ Бога. Потому и говорить: *ниже мужъ безъ жены, ниже жена безъ мужа о Господѣ. Якоже бо жена отъ мужа, оице и мужъ женою* (ст. 12). Не сказалъ: отъ жены; а о ней опять: *отъ мужа*; это неотъемлемо остается при мужѣ. Впрочемъ, виновникъ этихъ преимуществъ не мужъ, а Богъ; потому и присовокупляетъ: *но вся отъ Бога*. Итакъ, если все отъ Бога, если Онъ повелѣваетъ это, то повинуйся и не противорѣчь. *Въ васъ самихъ судите, лѣпо ли есть женѣ откровенный Богу молиться* (ст. 13)? Опять предоставляетъ имъ самимъ судить о сказанномъ, подобно какъ поступилъ (въ бесѣдѣ) объ идоложертвенномъ; тамъ сказалъ: *судите вы, еже глаголю*, и здѣсь (говорить): *въ васъ самихъ судите*, и этимъ внушаетъ нѣчто страшное: здѣсь, говорить, оскорбленіе касается Бога; впрочемъ, не говорить этого прямо, а выражается снисходительнѣе и прикровеннѣе: *лѣпо ли есть женѣ откровенный Богу молиться? Или и не самое естество учить вы, яко мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть: жена же аще власы раститъ, слава ей есть? Зане растеніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей*. Какъ въ другихъ мѣстахъ всегда онъ употребляетъ общезвѣстныя доказательства, такъ и здѣсь обращается къ общезвѣстному обычаю и сильно пристыжаетъ слушателей, ожидающихъ отъ него наставленія въ томъ, что они могли знать и изъ общаго обычая; а это не безъизвѣстно и варварамъ. И, замѣтъ, какія сильныя вездѣ онъ употребляетъ выраженія: *всѣхъ мужъ, молитву дѣяй или пророчествуя покровенною главою, срамляетъ главу свою*; и еще: *аще ли же срамъ женѣ стрижися или бритися, да покрывается*; и здѣсь: *мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть: жена же аще власы раститъ, слава ей есть: зане растеніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей*. Но, скажешь, если *вмѣсто одѣянія дано*, то для чего прибавлять къ одному одѣянію другое? Для того, чтобы показать подчиненіе не только по природѣ, но и по доброй волѣ. Природа напередъ установила, чтобы ты была покрытою; а ты приложи нѣчто отъ себя, чтобы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; противѣйся же не только намъ, но и природѣ, есть знакъ великаго безстыдства. Потому Богъ, укоряя іудеевъ, сказалъ: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя: сіе паче всѣхъ гнусностей твоихъ* (Іезек. xvi, 18—22). Также Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ обличая предающихся сладострастію, подобнымъ же образомъ усиливаетъ обличеніе, замѣчая, что преступленіе ихъ противно не только закону Божию, но и природѣ: *измѣниши бо естественную подобу въ презрѣственную* (1, 26). И здѣсь онъ внушаетъ то же самое, и еще то, что

онъ не предписываетъ ничего новаго, и что всѣ языческія нововведенія противны природѣ. Тоже выражаетъ и Христосъ, когда говоритъ: *слика аще хотите, да творятъ вамъ челоуцы, и вы творите имъ* (Мѡ. vii, 12), внушая, что Онъ не вводитъ ничего новаго. *Аще ли кто мнитъ спорливъ быти, мы такового обычая не имамы, ниже Церкви Божіа* (ст. 16). Слѣдовательно противленіе есть знакъ упорства, а не разсудительности. Впрочемъ и 220 здѣсь онъ умѣренно обличаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно пристыжаетъ ихъ, что и дѣлало слова его весьма внушительными. Мы, говоритъ, не имѣемъ такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противорѣчить. Не останавливаясь на этомъ, прибавляетъ: *ниже Церкви Божіа*, внушая, что не повинуюсь они враждуютъ и противятся всей вселенной. Но если тогда коринейане противорѣчили этому закону, то теперь приняла и сохраняетъ его вся вселенная. Такова сила Распятаго!

6. Но я опасаясь, чтобы инныя жены, принявъ надлежащій наружный видъ, не оказались безстыдными въ дѣлахъ и не остались открытыми въ другомъ отношеніи. Потому Павелъ и въ посланіи къ Тимоѳею, не довольствуясь сказанными наставленіями, прибавилъ нѣчто другое и сказалъ: *во украшеніи лѣпотномъ, со стыдливостію и целомудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ* (1 Тим. ii, 9). Если не должно обнажать головы, но вездѣ носить знакъ подчиненія, то тѣмъ болѣе должно показывать это въ дѣйствіяхъ. Прежнія жены называли мужей своихъ господами и уступали имъ первенство. Потому, скажешь, что и они любили своихъ женъ? И я знаю это и не забываю; но когда мы говоримъ о твоихъ обязанностяхъ, то не указывая на (обязанности) другихъ. Когда мы внушаемъ дѣтямъ повиновеніе родителямъ и произносимъ слова Писанія: *чти отца твоего и матерь твою* (Исх. xx, 12), то они говорятъ намъ: докажите и слѣдующее: *и вы отцы не раздражайте чадъ* (Еф. vi, 4). Когда мы внушаемъ рабамъ слова Писанія: *послушайте господей, не предъ очима тѣми работающихъ* (Еф. vi, 5, 6), то они напоминаютъ намъ о дальнѣйшемъ и требуютъ, чтобы и господамъ также было сдѣлано внушеніе: Павелъ, говорятъ они, повелѣлъ и имъ *послужать прещенію* (Еф. vi, 9). Но мы не будемъ поступать такъ, не будемъ указывать на обязанности другихъ, когда обличаютъ насъ за нарушеніе нашихъ; хотя бы обличеніе падало на тебя вмѣстѣ съ другими, ты не избавишься отъ обвиненія; потому смотри только на то, чтобы тебѣ освободиться отъ своихъ грѣховъ. Адамъ также слагалъ вину на свою жену, а она на змія; но это нисколько не помогло имъ. Не говори же и ты мнѣ этого, но постарайся со всякимъ благоразуміемъ исполнять свои обя-

занности въ отношеніи къ мужу. И мужу твоему, когда увѣщаваю его любить и уважать тебя, я не позволяю указывать на заповѣдь, данную женѣ, а требую отъ него исполненія предписаннаго ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мнѣ его обязанностей, но тщательно исполняй тѣ, которыя Законодатель возложилъ на тебя. Въ томъ особенно и состоитъ повиновеніе Богу, чтобы не нарушать закона, даже въ томъ случаѣ, если сама ты терпишь противное. Кто любитъ любящаго его, тотъ не дѣлаетъ ничего важнаго; а кто любитъ ненавидящаго его, тотъ преимущественно достоинъ вѣнцовъ. Такъ размышляй и ты: если будешь сносить жестокаго мужа, то получишь свѣтлый вѣнецъ; а если тихаго и кроткаго, то за что Богъ будетъ награждать тебя? Говорю это 221 не для того, чтобы подать мужьямъ поводъ къ жестокостямъ, но чтобы убѣдить женъ—сносить и жестокихъ мужей. Когда каждый будетъ стараться исполнять свои обязанности, то и ближній не замедлитъ сдѣлать тоже. Такъ, когда жена бываетъ готова сносить гнѣвливаго мужа, тогда и мужъ не станетъ оскорблять гнѣвливой жены, тогда во всемъ будетъ у нихъ миръ и пристань, не возмущаемая волнами. Такъ и было у древнихъ: каждый исполнялъ свое, не указывая на обязанности ближняго. Смотри: Авраамъ взялъ съ собою племянника, и жена не укоряла его за это. Онъ велѣлъ ей идти въ дальній путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потомъ постѣ многочисленныхъ бѣдствій, усилій и трудовъ, сдѣлавшись господиномъ всего, онъ уступилъ первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этимъ, но даже не открыла устъ и не сказала ничего такого, что многія жены говорятъ нынѣ, когда видятъ, что мужья ихъ при подобныхъ раздѣлахъ получаютъ менѣе другихъ, особенно низшихъ себя, порицаютъ ихъ, называютъ и глупыми, и несмысленными, и трусами, и безпечными, и лѣнивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всѣмъ, что онъ сдѣлалъ. И еще болѣе: когда его (Лота) постигла великая опасность послѣ того, какъ онъ самъ сдѣлать выборъ и предоставилъ дядѣ худшую часть, и когда патриархъ, услышавъ объ этомъ, вооружилъ всѣхъ своихъ домочадцевъ и съ ними одними пошелъ противъ цѣлаго персидскаго войска, она не удерживала его и не сказала, наприимѣръ, такъ: куда идешь ты, человѣкъ, ввергая самъ себя въ пропасть, подвергаясь такимъ опасностямъ, готовясь пролить кровь за мужа, который обидѣлъ тебя и похитилъ твою собственность? Если ты не думаешь о себѣ, то пожалѣй меня, оставившую домъ, отече-

ство, друзей и родныхъ, и постѣдовавшую за тобою въ такой путь, не подвергаи меня вдовству и соединеннымъ съ вдовствомъ бѣдствіямъ. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затѣмъ, оставаясь неплодною, она не скорбитъ и не плачетъ, подобно другимъ такимъ женамъ, но проливаетъ слезы онъ,—впрочемъ не предъ женою, а предъ Богомъ. И, замѣть, какъ каждый соблюдаетъ должное: онъ не презираетъ Сарры за ея неплодство и не укоряетъ ее за это, и она съ своей стороны старается найти для него нѣкоторое утѣшеніе въ безчадіи посредствомъ рабыни. Тогда не запрещалось это, какъ запрещается нынѣ; нынѣ же непозволительно ни женамъ дѣлать такое угожденіе мужьямъ, ни мужьямъ, съ вѣдома ли, или безъ вѣдома женъ, вступать въ такія связи, хотя бы они въ тысячу разъ болѣе чувствовали безчадіе; иначе имъ будетъ сказано: *черезъ ихъ не умираетъ и огонь ихъ не угасаетъ* (Марк. ix, 44); нынѣ это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому, и жена предложила это, и онъ послушался, и поступилъ такъ не ради удовольствія. А посмотри, скажешь, какъ онъ потомъ, по ея же требованію, изгналъ (служанку). Но этимъ я и хочу доказать, что какъ онъ во всемъ слушался ея, такъ и она его.

7. Притомъ, не ограничивайся этимъ, но, когда говоришь 222 такъ, обрати вниманіе и на предъидущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться предъ госпожею; а что можетъ быть прискорбіе этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты отъ мужа, чтобы послѣ того показать и свою,—въ этомъ не будетъ ничего важнаго; и ты, мужъ, не ожидай благонравія отъ жены, чтобы послѣ того и самому быть любомудрымъ,—это уже не будетъ подвигомъ; но каждый, какъ я сказалъ, пусть первый исполняетъ свои обязанности. Если и постороннимъ, ударяющимъ по правой ланитѣ, должно подставлять другую, то тѣмъ болѣе должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы мужъ билъ жену, нѣтъ; это крайнее униженіе не для той, которую бьютъ, а для того, кто бьетъ; но если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ ты, жена, сочеталась съ такимъ мужемъ, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще въ настоящей жизни. И вамъ, мужья, скажу: никакой проступокъ не долженъ вынуждать васъ бить свою жену. Что я говорю—жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма безчестно для мужа бить рабыню, то тѣмъ безчестнѣе налагать руку на свободную. Это внушаютъ и внѣшніе (языческіе) законодатели, которые не приуздають жену жить вмѣстѣ съ бьющимъ ее мужемъ, какъ съ

недостойнымъ ея сожителства. Подлинно, крайне беззаконно—сообщницу жизни, издавна раздѣляющую твои нужды, позорить, какъ рабыню. Такой мужъ, если только можно назвать его мужемъ, а не звѣремъ, по моему мнѣнію, равенъ отцеубійцѣ и матереубійцѣ. Если намъ заповѣдано оставлять для жены отца и мать, не въ оскорбленіе имъ, но въ исполненіе закона Божія, и для самихъ родителей это настолько вожделѣнно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершаютъ брачное соединеніе дѣтей съ великимъ усердіемъ, то не крайнее ли безуміе оскорблять ту, для которой Богъ повелѣлъ оставлять родителей? И безуміе ли только? А безчестіе, скажи мнѣ, кто можетъ перенести? Какое слово можетъ изобразить это (безчестіе), когда крики и вопли разносятся по улицамъ, когда сосѣди и прохожіе стекаются къ дому совершающаго такое гнусное дѣло, сокрушающаго подобно какому-то звѣрю все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели послѣ того ему опять показаться на торжищѣ. Жена, скажешь ты, поступаетъ дерзко? Но вспомни, что она—жена, слабый сосудъ, а ты—мужъ. Ты для того и поставленъ надъ нею начальникомъ и главою, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сдѣлать свое правленіе славнымъ; а славнымъ оно будетъ тогда, когда ты не будешь безчестить подчиненной. Какъ царь является самъ тѣмъ болѣе достойнымъ почтенія, чѣмъ болѣе возвышаетъ честь (подвластнаго себѣ) начальника, а когда унижаетъ и безчестить его достоинство, тогда не мало уменьшаетъ и собственную славу, такъ и ты, безчестя подвластную тебѣ начальницу, не мало унижаешь честь и своей власти. Итакъ, представляя все это, будь благодаренъ, а выйдѣ съ тѣмъ вспоминая и о томъ вечерѣ, въ который отецъ, призвавъ тебя, отдалъ тебѣ дочь свою, какъ бы нѣкоторый залогъ, и, отлучивъ ее отъ всего, отъ матери, отъ себя самого и отъ дома, вручилъ все попеченіе о ней твоей десницѣ. Подумай, что послѣ Бога ты отъ нея получилъ дѣтей, сдѣлался отцемъ, и потому будь кротокъ въ отношеніи къ ней.

223 8. Не видишь ли, какъ земледѣльцы удобряютъ всѣми способами землю, принявшую сѣмена, хотя бы она имѣла тысячи недостатковъ, хотя была бы напр. неплодоносна, произращала дурныя травы, подвергалась наводненіямъ по свойству мѣстоположенія? Такъ же поступай и ты; тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствіемъ. Жена есть пристань и важнѣйшее лѣкарство для (ищущихъ) благодушія. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободною отъ вѣтровъ и волненія, то найдешь въ ней великое спокойствіе, возвратившись съ торжища; а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь самъ себѣ опаснѣй-

шее кораблекрушеніе. Итакъ, пусть не будетъ этого, а пусть будетъ то, о чемъ я говорю. Если случится въ домѣ что-нибудь прискорбное по ея винѣ, то утѣшай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будетъ прискорбнѣе непріязни съ сожительницею; какую бы ты ни представилъ вину, ничто не будетъ несноснѣе раздора съ женою. Потому пусть любовь къ ней будетъ для тебя драгоцѣннѣе всего. Если должно носить тяготы другъ друга, то тѣмъ болѣе — жены. Если она бѣдна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; вѣдь она — членъ твой; вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна къ пьянству, гнѣзлива? Въ такомъ случаѣ должно не гнѣваться, а скорбѣть, молиться Богу, увѣщевать, вразумлять ее, и дѣлать все, чтобы истребить ея страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцѣлишь ея болѣзни; грубость исправляется кротостію, а не взаимною грубостію. Выѣстъ съ тѣмъ не забудь и о наградѣ отъ Бога. Если ты, имѣя возможность отвергнуть ее, не сдѣлаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ея изъ уваженія къ закону, возбранившему отвергать жену, какъ ни велика была бы болѣзнь ея, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды — великую пользу; сдѣлавъ ее болѣе благопокорною, при- 224 учивъ и себя къ болѣе въ отношеніи къ ней кротости.

Рассказываютъ, что одинъ изъ внѣшнихъ философовъ (Сократъ), имѣя жену злую, болтливую и склонную къ пьянству, на вопросъ, для чего онъ терпитъ ее, отвѣчалъ, что она служитъ для него домашнимъ училищемъ и упражненіемъ любомудрія: я, говорилъ онъ, упражняюсь ежедневно съ нею, дѣлаюсь болѣе кроткимъ и съ другими. Вы пришли въ восторгъ? А мнѣ весьма прискорбно, что язычники любомудріемъ превосходятъ насъ, которымъ заповѣдано подражать ангеламъ, или, лучше, заповѣдано подражать въ кротости самому Богу. Сказанный философъ по этой причинѣ не изгонялъ своей злой жены; а нѣкоторые говорятъ, что по этой причинѣ онъ и женился на ней. Но, такъ какъ многіе изъ людей не бываютъ настолько благоразумны, то я совѣтую напередъ всячески стараться о томъ, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродѣтели; если же случится сдѣлать ошибку и ввести въ домъ свой невѣсту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всѣми мѣрами исправлять ее и считать это дѣло важнѣе всего. Купецъ не спускаетъ въ море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключить съ своимъ товарищемъ условія, которыя обезпечили бы взаимное ихъ спокойствіе. Такъ и мы будемъ принимать всѣ мѣры, чтобы внутри своего корабля сохра-

пять всяческій миръ съ сообщницею житейскаго поприща; тогда и все прочее будетъ у насъ спокойно, и мы безопасно переплывемъ море настоящей жизни. Объ этомъ мы должны заботиться болѣе, нежели о домѣ, рабахъ, деньгахъ, поляхъ и даже дѣлахъ гражданскихъ; всего драгоценнѣе должно быть для насъ то, чтобы не имѣть вражды и распри съ своею сожительницею; тогда и все прочее пойдетъ у насъ хорошо, и въ дѣлахъ духовныхъ мы будемъ имѣть большую благоуспѣшность, съ единомысліемъ неся бремя настоящей жизни; а исполнивъ все, получимъ и уготованныя для насъ блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

223 Сіе же завѣщаваая, не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее собираетесь (1 Кор. xi, 17).

1. Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемаго обличенія; тогда наша рѣчь будетъ удобопонятнѣе. Въ чемъ же состоитъ эта причина? Какъ въ началѣ вѣрующіе, въ числѣ трехъ тысячъ, вкушали пищу за общимъ столомъ и имѣли у себя все общее, такъ было и тогда, когда апостоль писалъ это, хотя и не съ такою точностію, а только какъ бы нѣкоторый остатокъ прежняго общенія сохранялся и соблюдался въ послѣдующее время. Вѣрующіе, изъ которыхъ одни были богаты, а другіе бѣдны, хотя не отдавали всего своего имущества на общую пользу, однако въ установленные дни по обычаю учреждали общіе столы и, по окончаніи собранія и причащенія тайнъ, сходились всѣ на общее
224 пиршество, при чемъ богатые приносили яства, а бѣдные и ничего не имѣющіе были приглашаемы ими, и такимъ образомъ вкушали пищу всѣ вмѣстѣ. Но впослѣдствіи уничтожился и этотъ обычай. Причиною было то, что вѣрующіе раздѣлились между собою, причисляли себя одни къ тѣмъ, а другіе къ другимъ, и говорили: я такого-то, а я такого-то, какъ говорилъ и вразумлялъ (апостоль) въ началѣ посланія: *возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, отъ домашнихъ Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть. Глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ* (1 Кор. i, 11, 12). Это не значитъ, будто они называли себя Павловыми; онъ не допустилъ бы этого; но, желая сильнѣе и съ корнемъ истребить такой образъ дѣйствій,

онъ привелъ свое имя, чтобы показать, что если бы кто-нибудь 225
 принялъ даже его имя, отторгшись отъ общаго тѣла (Церкви), и
 въ такомъ случаѣ поступилъ бы безразсудно и крайне нечестиво;
 если же нечестиво (называться) его именемъ, то тѣмъ болѣе име-
 немъ другихъ низшихъ учителей. Итакъ, когда нарушился этотъ
 обычай (общенія имѣннѣи), прекрасный и благодѣтельныйшій, такъ
 какъ онъ служилъ къ поддержанію любви, утѣшенію бѣдности,
 благоупотребленію богатства, внушенію великаго любомудрія, со-
 храненію смиренномудрія, когда (апостоль) узналъ, что погибаютъ
 такія блага, то справедливо употребляетъ обличительное слово и
 говоритъ: *сіе же застыщевая, не хвалю*. Въ прежнемъ обличеніи,
 которое не касалось многихъ, бывшихъ исправными, онъ началъ
 рѣчь иначе: *хвалю же вы*, говоритъ, *яко вся моя поимните*: а здѣсь
 напротивъ: *сіе же застыщевая, не хвалю*. Потому онъ и не помѣ-
 стилъ этого (предмета) сряду послѣ обличенія вкушавшихъ идо-
 ложертвенное; такъ какъ это (преступленіе) было весьма тяжко,
 то онъ вставилъ въ срединѣ рѣчи о волосахъ, чтобы, переходя
 отъ одного сильнаго обличенія къ другому столь же сильному,
 не показаться слишкомъ суровымъ,—а затѣмъ опять переходитъ
 къ болѣе тяжкому и говоритъ: *сіе же застыщевая, не хвалю*. Что
 такое *сіе*? Объ этомъ я сейчасъ скажу. А что значитъ: *застыщевая*,
не хвалю? Я не одобряю, говоритъ, васъ за то, что вы поставили
 меня въ необходимость дѣлать вамъ внушеніе; не хвалю, что ока-
 залась надобность учить васъ этому, что вы имѣете нужду въ
 такомъ увѣщаніи отъ меня. Видишь ли, какъ въ самомъ началѣ
 онъ показалъ все безразсудство ихъ поведенія? Если согрѣшаю-
 щему не слѣдовало даже нуждаться въ увѣщаніи, чтобы не грѣ-
 шить, то очевидно, какъ непростителенъ грѣхъ. Почему же онъ
 не хвалитъ? *Яко*, говоритъ, *не на лучшее, но на худшее сбирается*,
 то есть, не преуспѣваете въ добродѣтели. Тогда какъ слѣдовало
 преуспѣвать и возрастать въ любви, вы сократили уже господ-
 ствовавшій обычай, и сократили такъ, что оказалась надобность
 въ моемъ увѣщаніи вамъ возвратиться къ прежнему порядку.
 Затѣмъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ только въ пользу
 бѣдныхъ, (апостоль) не тотчасъ начинаетъ рѣчь о трапезахъ: а
 чтобы обличеніе его не было принято ими за маловажное, упо-
 требляетъ выраженіе болѣе разительное и внушающее болѣшій
 страхъ. Что же онъ говоритъ? *Первое убо сходящимся вамъ въ цер-*
ковь, слышу отъ васъ распри сущия (ст. 18). Не говоритъ: я слышу,
 что вы не учреждаете общихъ вечерей, слышу, что вы вкушаете
 пищу каждый порознь, а не вмѣстѣ съ бѣдными; но употребляетъ
 выраженіе, которое могло сильнѣе потрясти ихъ душу, именно—
распри, которыя были причиною и этого безпорядка; и такимъ

образомъ опять напоминаетъ о томъ, о чемъ говорено было въ началѣ посланія и что возвѣщено было ему домашними Хлонса. *И часть нѣкую струю.*

2. Чтобы не сказали: а что, если солгали какіе-нибудь клеветники?—онъ не говоритъ: *я струю*, чтобы они не сдѣлались еще болѣе безстыдными, не говоритъ также: *не струю*, чтобы обличеніе не показалось напраснымъ, но—*часть нѣкую*, говоритъ, *струю*, т. е. нѣсколько вѣрю, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ внимательными и призываетъ къ исправленію. *Подобасть бо и ересемъ въ васъ быти, да искусни являни бывають въ васъ* (ст. 19). И подъ именемъ ересей онъ разумѣетъ здѣсь не заблужденія касательно догматовъ, но эти самыя распри. Впрочемъ, если бы онъ говорилъ и о заблужденіяхъ касательно догматовъ, то и въ такомъ случаѣ не подаль бы повода къ соблазну. Вѣдь и Христосъ сказалъ: *нужда есть приити соблазномъ* (Мѡ. хviii, 7), и однако не нарушилъ свободы воли и не поставилъ жизни въ какой-нибудь необходимости и неизбѣжности, но предсказалъ будущее, имѣвшее произойти отъ злой человѣческой воли, не вслѣдствіе Его предсказанія, но отъ произвола развратныхъ людей. Не потому происходили (соблазны), что Онъ предсказалъ о нихъ, но потому Онъ предсказалъ, что они имѣли произойти. Если бы соблазны происходили по необходимости, а не по волѣ производящихъ ихъ, то Онъ напрасно бы сказалъ: *горе человеку таму, имже соблазны приходятъ* (Мѡ. хviii, 7). Но объ этомъ мы подробно рассуждали, когда рассматривали это мѣсто, а теперь нужно обратиться къ настоящему предмету. Что (апостолъ) дѣйствительно *ересями* называетъ здѣсь безпорядки при трапезахъ и бывшія при томъ несогласія и раздоры, это онъ ясно выразилъ послѣдующими словами. А именно, сказавъ: *слышу въ васъ распри сущия*, не остановился на этомъ, но, желая объяснить, какія онъ разумѣетъ распри, говоритъ далѣе: *каждо свою вечерю предавляетъ* (ст. 21), и еще: *еда бо домоу не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите* (ст. 22)? Очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ безпорядкахъ; а что называетъ ихъ распрями, не удивляйся; онъ хотѣлъ, какъ я сказалъ, сильнѣе подѣйствовать на нихъ такимъ выраженіемъ. Если бы онъ разумѣлъ догматическія распри, то не говорилъ бы съ ними такъ кротко. Когда онъ говоритъ о нихъ, то послушай, съ какою силою и предохраняетъ и обличаетъ; предохраняетъ, когда говоритъ: *еще ангелъ благодѣствуетъ вамъ нче, еже пріѣсте, а навѣма да будетъ* (Гал. i, 8, 9); обличаетъ, когда говоритъ: *имже закономъ оправдастеся, отъ благодати отпадоете* (v, 4); а смутьяновъ называетъ то псами: *блудитеся*, говоритъ, *отъ псовъ* (Фил. iii, 2), то сожженными въ совѣсти

и служителями діавола (1 Тим. iv, 2). Но здѣсь не говоритъ ничего подобнаго, а выражается кротко и снисходительно. Что означаютъ слова: *да искусни ялени бѣвають въ васъ?* Чтобы болѣе просіяли. Онъ хочетъ сказать, что людямъ непреклоннымъ и твердымъ это не только не вредить, но еще дѣлаетъ ихъ болѣе замѣтными и славными. Частица *да* не всегда означаетъ цѣль, но часто слѣдствіе дѣла. Такъ употребляетъ ее Христосъ, когда говоритъ: *на судъ азъ въ міръ сей приидохъ, да не видящии видятъ и видящии сѣти будутъ* (Іоан. п, 39); такъ и самъ Павелъ, когда говоритъ о законѣ: *законъ же прииде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. v, 20). Законъ данъ былъ не для того, чтобы умножились преступленія іудеевъ; но такъ было. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы видящіе сдѣлались слѣпными, а съ противоположною цѣлю; но такъ было. Подобнымъ образомъ и здѣсь нужно понимать слова: *да искусни ялени бѣвають*; ереси были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились ереси, тогда это случилось. (Апостолъ) сказалъ это для утѣшенія бѣдныхъ, твердо переносящихъ такое пренебреженіе. Потому не сказалъ: *да искусни бѣвають*, но: *да искусни ялени бѣвають*, выражая, что они и прежде были такими, но смѣшивались съ другими и, получая утѣшеніе отъ богатыхъ, не очень были замѣтны, а теперь смятеніе и несогласіе сдѣлали ихъ извѣстными, подобно какъ буря дѣлаетъ извѣстнымъ кормчаго. Также не сказалъ: *да вы искусни явитесь*, но: *да искусни ялени бѣвають въ васъ*; какъ въ обли- 227
ченіи не указалъ ни на кого прямо, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безстыдными, такъ и въ похвалѣ, чтобы не сдѣлать ихъ болѣе безпечными; но выражается неопредѣленно, предоставляя совѣсти каждаго прилагать къ себѣ сказанное. Мнѣ кажется, что здѣсь онъ утѣшаетъ не только бѣдныхъ, но и тѣхъ, которые не нарушали того обычая; вѣроятно, между ними были и соблюдавшіе его. Потому онъ и сказалъ: *часть нѣкую струю*. Справедливо онъ называетъ искусными тѣхъ, которые не только вмѣстѣ съ другими соблюдали обычай, но и безъ нихъ не преступали этого прекраснаго установленія. Такими похвалами онъ старается возбудить въ тѣхъ и другихъ большее усердіе. Затѣмъ онъ показываетъ и самый родъ преступленія. Въ чемъ же оно состояло? *Сходящимся вамъ есть, говорить, нѣтъ Господскую вечерю ясти* (ст. 30). Видишь ли, какъ онъ пристыжаетъ ихъ и подъ видомъ похвѣствованія предлагаетъ внушеніе? Наружный видъ собранія, говорить, показываетъ одно, происходитъ какъ бы изъ любви и братолюбія; вы собираетесь въ одномъ мѣстѣ и всѣ вмѣстѣ; а трапеза не соответствуетъ собранію. Не сказалъ: когда вы собираетесь, то не вкушаете вмѣстѣ, не раздѣляете пищи другъ съ

другомъ, но опять выражается иначе и гораздо разительнѣе: *нѣсть, говорить, Господскую вечерю ясти*, напоминая имъ ту вечерю, на которой Христосъ преподавалъ страшныя тайны. Потому и называлъ яденіе ихъ вечерію, такъ какъ и на той вечери возлежали всѣ вмѣстѣ. Впрочемъ не такъ отличны другъ отъ друга богатые и бѣдные, какъ Учитель и ученики,—между послѣдними различіе безпредѣльно. Но что я говорю объ Учителѣ и ученикахъ?—представь, какое различіе между Учителемъ и предателемъ, и однако Онъ самъ возлежалъ вмѣстѣ съ ними, не нагналъ и предателя, но и съ нимъ раздѣлилъ соль и сдѣлалъ его участникомъ тайнъ.

8. Далѣе (апостолъ) объясняетъ, почему они не вкушаютъ вечерю Господню: *кійждо бо, говорить, свою вечерю предваряетъ съ смѣненіемъ, и оъ убо алчеть; оъ же унижается* (ст. 21). Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что они болѣе посрамляютъ себя самихъ? Принадлежащее Господу они присвояютъ себѣ, и потому прежде всѣхъ унижаютъ самихъ себя, лишая свою трапезу того, въ чемъ состоитъ величайшее ея достоинство. Почему и какимъ образомъ? *Господская вечеря*, то есть Владычня, должна быть общою; принадлежащее господину не принадлежитъ тому или другому рабу, но есть общее для всѣхъ; она Господская, говорить, слѣдовательно общая. Если же она принадлежитъ твоему Владыкѣ, какъ и дѣйствительно принадлежитъ, то ты не долженъ присвоить ее себѣ, но, какъ принадлежащую Господу и Владыкѣ, предлагать ее всѣмъ вообще. Она *Господская*, а ты препятствуешь ей быть Господскою, не дозволяя ей быть общою, но вкушая самъ по себѣ. Потому и присовокупляетъ: *кійждо бо свою вечерю предваряетъ*. Не сказалъ: *отдѣляетъ*, но: *предваряетъ*, прикровенно обличая ихъ въ неумѣренности и невозддержаніи, что объясняется и послѣдующимъ; а именно, сказавъ это, онъ продолжаетъ: *и оъ убо алчеть, оъ же унижается*; то и другое, какъ недостатокъ, такъ 228 и излишество, показываютъ неумѣренность. Вотъ и вторая вина, которая также вредитъ имъ самимъ: первая въ томъ, что они безчестятъ свою вечерю; а вторая въ томъ, что пресыщаются и упиваются, и, что еще тяжелѣе, тогда какъ бѣдные алчутъ. То, что слѣдовало предлагать всѣмъ вообще, они поѣдаютъ одни и такимъ образомъ впадаютъ въ пресыщеніе и пьянство. Потому онъ и не сказалъ: *оъ убо алчеть, оъ же насыщается*, но: *упивается*. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достойно осужденія; упиваться, не пренебрегая бѣдныхъ, преступно; и пренебрегать бѣдныхъ, не упиваясь, преступно; если же то и другое соединятся вмѣстѣ, то представь, какъ велико преступленіе. Показавъ нечестіе дѣла, далѣе онъ примѣняетъ укоризну и говоритъ

съ великимъ гнѣвомъ: еда бо домоѡе не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете немощныя (ст. 22)? Видишь ли, какъ отъ бѣдныхъ онъ переноситъ оскорбленіе на церковь, чтобы усилить рѣчь свою? Вотъ и четвертая вина, состоящая въ томъ, что они оскорбляютъ не только бѣдныхъ, но и церковь. Какъ Господскую вечерю (говорить), такъ и самое мѣсто ты присвояешь себѣ, пользуясь церковію, какъ бы своимъ домоѡмъ. Церковь устроена не для того, чтобы собирающіеся въ ней раздѣлялись, но чтобы раздѣленные соединялись, какъ показывается и самое слово: *собрание*. И срамляете немощныя. Не сказавъ: оставляете голодными немощныхъ, но съ большею укоризною: *срамляете*, показывая, что онъ не столько заботится о нищѣ, сколько объ оскорбленіи, причиняемомъ имъ (бѣднымъ). Вотъ и пятая вина—въ томъ, что они не только презираютъ алчущихъ, но и посрамляютъ ихъ. Этими словами онъ съ одной стороны похваляетъ бѣдныхъ, выражая, что они не столько беспокоятся о желудкѣ, сколько о безчестіи, а съ другой—располагаетъ слушателя къ милосердію. Показавъ столько преступнаго (въ ихъ поведеніи),—униженіе вечера, униженіе церкви, оскорбленіе бѣдныхъ,—онъ вдругъ смягчаетъ силу обличенія и говоритъ: *похваляю ли вы? О семъ не хвалю*. Это особенно и достойно удивленія, что, показавъ столько преступленій, когда слѣдовало бы сильнѣе выразить гнѣвъ свой, онъ поступаетъ совершенно иначе, смягчаетъ рѣчь и даетъ имъ облегченіе. Почему же такъ? Онъ уже сильно тронулъ ихъ, доказавъ важность ихъ вины, и, какъ превосходный врачъ, наноситъ ударъ соотвѣтственный ранамъ: требующія глубокаго разрѣза не разсѣкаетъ только на поверхности,—ты слышалъ, какъ онъ отсѣкъ отъ нихъ кровососѣтника,—а къ требующимъ болѣе легкаго врачеванія не прилагаетъ желѣза; потому и здѣсь говоритъ съ ними кротко. Съ другой стороны онъ преимущественно старался сдѣлать ихъ кроткими къ бѣднымъ; потому болѣе и самъ бесѣдуетъ съ ними кротко. Далѣе, желая пристыдить ихъ иначе и еще сильнѣе, онъ обращаетъ рѣчь къ болѣе важному предмету: *азъ бо, говорить, пріялъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ: яко Господь Иисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодарихъ преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тѣло мое, еже за вы ломимое: сие творите въ мое воспоминаніе* (ст. 23—24). Почему онъ упоминаетъ здѣсь объ этихъ тайнахъ? Потому, что это было ему весьма нужно для настоящаго предмета. Владыка твой, говорить, удостоилъ всѣхъ 229 одной и той же трапезы, и притомъ самой страшной и много превосходящей достоинство всѣхъ; а ты считаешь другихъ недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и,

тогда какъ они не получаютъ отъ тебя ничего изъ благъ духовныхъ, отнимаешь у нихъ и тѣлесныя, хотя и они—не твои. Впрочемъ, онъ не говоритъ этого, чтобы слова его не были слишкомъ тяжкими, но употребляетъ рѣчь болѣе кроткую и говоритъ: *яко Господь .Иисусъ съ ночи, съ ночи преданъ бываше, приѣмъ хлѣбъ.* Для чего онъ напоминаетъ намъ объ этомъ времени, объ этой вечери и предательствѣ? Не просто и не безъ причины, но чтобы сильнѣе тронуть и самымъ временемъ. Всякій, хотя бы кто былъ даже камнемъ, представивъ, какъ въ эту ночь (Господь) скорбѣлъ съ учениками, какъ былъ преданъ, связанъ, веденъ, осужденъ, какъ терпѣлъ и все прочее, сдѣлается мягче воска, отрѣшится отъ земли и всей адѣшной суеты. Для того (апостолъ) и напоминаетъ намъ о всемъ этомъ; пристыжаетъ насъ и временемъ, и вечерью, и предательствомъ и говоритъ: Владыка твой предалъ Себя самого за тебя, а ты не хочешь удѣлить и хлѣба брату для самого же себя?

4. Но почему (Павель) говоритъ, что онъ принялъ это отъ Господа, между тѣмъ какъ самъ тогда не былъ, а находился въ числѣ гонителей? Чтобы ты уразумѣлъ, что та вечеря не заключала въ себѣ ничего большаго въ сравненіи съ послѣдующими. И нынѣ тотъ же (Господь) все совершаетъ и преподаетъ, какъ и тогда, и не для этого только онъ напоминаетъ намъ объ этой ночи, но чтобы тронуть насъ еще и инымъ образомъ. Какъ вообще мы болѣе помнимъ послѣднія слова, которыя слышимъ отъ умирающихъ, и наслѣдникамъ ихъ, когда они дерзаютъ нарушать ихъ завѣщанія, въ укоризну говоримъ: вспомните, что это послѣднія слова отца вашего, которыя онъ завѣщаль предъ самымъ тѣмъ вечеромъ, какъ испустилъ духъ, такъ и Павель, желая такимъ образомъ усилить рѣчь свою, говоритъ: вспоминайте, что это было послѣднее таинство, которое Онъ преподавалъ вамъ, что Онъ заповѣдалъ это въ ту ночь, въ которую готовился быть убитымъ за насъ, и, предложивъ вамъ эту вечерю, послѣ нея уже не предложилъ никакой другой. Затѣмъ онъ налагаетъ самыя обстоятельства событія и говоритъ: *приѣмъ хлѣбъ, и благодарите преломи, и рече: приимите, идите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое.* Если ты приступаешь къ евхаристіи (благодаренію), то не дѣлай ничего недостойнаго благодаренія, не посрамляй брата, не презирай алчущаго, не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за тѣ блага, которыя получилъ: воздавая же отплату и съ своей стороны и не отдѣляясь отъ ближняго. Христосъ преподавалъ равно всѣмъ, сказавъ: *приимите, идите.* Онъ равно всѣмъ преподавалъ Свое тѣло, и ты не хочешь равно всѣмъ раздавать общій хлѣбъ? А (хлѣбъ) былъ преломленъ

Имъ равно за всѣхъ и содѣлался тѣломъ равно за всѣхъ. *Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша, новый завітъ есть въ моей крови: сіе творите, елижды аще пиете, въ мое воспоминаніе* (ст. 25). Что говоришь? Совершаешь воспоминаніе о Христѣ, и презираешь бѣдныхъ, и не трепещешь? Когда ты совершаешь поминовение по умершемъ сынѣ или братѣ, то совѣсть замучила бы тебя, если бы ты не исполнилъ обычая и не пригласилъ бѣдныхъ; а 290 совершая воспоминаніе о своемъ Владыкѣ, ты не хочешь даже подѣлиться трапезою? Но что означаютъ слова: *сія чаша новый завітъ есть*? Была чаша и ветхаго завіта—возліянія и кровь безсловесныхъ животныхъ; наполняли чашу и фіяль кровію и послѣ жертвоприношенія совершали возліяніе. Предложивъ вмѣсто крови безсловесныхъ Свою кровь, (Господь) напомнилъ о древнемъ жертвоприношеніи, чтобы, слыша это, кто-нибудь не омутился. Сказавъ о вечери, далѣе (апостолъ) соединяетъ настоящее съ прошедшимъ, чтобы вѣрующіе были и нынѣ въ такомъ же расположеніи духа, какъ будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вмѣстѣ (съ апостолами) и принимали отъ самого Христа эту жертву, и говорить: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пиете, смерть Господню воздѣваете, дондеже придетъ* (ст. 26). Какъ Христосъ, сказавъ о хлѣбѣ и о чашѣ: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, открылъ намъ причину установленія таинства, и между прочимъ внушилъ, что эта причина достаточна для возбужденія въ насъ благоговѣнія,—и подлинно, когда ты представишь, что потерпѣлъ для тебя Владыка твой, то сдѣлаешься любу мудреннѣе,—такъ и Павелъ говоритъ здѣсь: *елижды аще ясте, смерть его воздѣваете*. Такова эта вечеря! Далѣе внушаетъ, что она пребудетъ до скончанія вѣка, словами: *дондеже придетъ. Тѣмже иже аще ястъ хлѣбъ сей, или пиетъ чашу Господню недостойнъ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (ст. 27). Почему? Потому, что проливаетъ кровь и производитъ закланіе, а не жертву приносить. Какъ тогда произившіе (Господа) произзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить (кровь Его), такъ поступаетъ и тотъ, кто пріобщается недостойно, и не получаетъ никакой пользы. Видишь ли, какъ страшна рѣчь его и какъ сильно онъ тронулъ ихъ, показавъ, что если они такимъ образомъ намѣрены пить (кровь Господа), то будутъ недостойно причащаться лежащихъ (тайнъ)? Да и развѣ не недостойно приступаетъ тотъ, кто презираетъ алчущаго, и кромѣ того, что презираетъ, еще посрамляетъ его? Если подаваніе (милостыни) бѣднымъ лишаетъ человѣка царствія небснаго, хотя бы онъ былъ дѣвственникъ, равно какъ и не щедрое подаваніе,—вѣдь и тѣ (дѣвы) имѣли у себя елей, но только не въ изобиліи,—то пред-

ставъ, какъ велико будетъ зло, если совершится столько преступленій.

5. Какихъ, скажешь, преступленій? Что ты спрашиваешь—какихъ преступленій? Пріобщившись такой трапезы, тебѣ слѣдовало бы сдѣлаться смиреннѣе всѣхъ и уподобиться ангеламъ, а ты сдѣлался жестокосерднѣе всѣхъ; ты вкусилъ крови Владычней и не признаешь своего брата: достоинъ ли ты послѣ этого прощенія? Если бы даже ты не зналъ его доселѣ, то послѣ этой трапезы долженъ былъ бы признать его: а ты безчестишь и самую трапезу, считая сподобившагося быть причастникомъ ея недостойнымъ яствъ твоихъ. Развѣ ты не слышалъ, чему подвергся требовавшій сто динаріевъ отъ брата своего, какъ онъ утратилъ даръ, уступленный ему господиномъ его? Развѣ не знаешь, чѣмъ ты былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь? Развѣ не помнишь, что гораздо болѣе этого бѣднаго деньгами ты былъ бѣденъ добрыми дѣлами, будучи исполненъ безчисленныхъ грѣховъ? Богъ простилъ тебѣ всѣ грѣхи и удостоилъ тебя такой трапезы; но ты и послѣ того не сдѣлался чловѣколюбивѣе; потому не остается ничего болѣе, какъ и тебя предать мучителямъ (Мѡ. хviii, 34). Будемъ же и мы всѣ внимать 231 этимъ словамъ (апостола), потому что и мы здѣсь приступаемъ къ священной трапезѣ вмѣстѣ съ бѣдными; а вышедши отсюда не хотимъ и смотрѣть на нихъ, но, предаваясь сами пьянству, ихъ алчущихъ оставляемъ безъ вниманія, въ чемъ тогда виновны были и коринѣяне. Когда же, скажешь, это дѣлается? Всегда, особенно же въ праздники, когда всего болѣе слѣдовало бы не дѣлать этого. Тогда-то, послѣ причащенія, тотчасъ и начинается пьянство и пренебреженіе бѣдныхъ; тогда-то, послѣ принятія крови Господней, когда тебѣ слѣдовало бы соблюдать постъ и воздержаніе, ты и предаешься пьянству и безчинію. Когда тебѣ случится съѣсть за обѣдомъ что-нибудь пріятное, ты остерегаешься, чтобы другимъ дурнымъ кушаньемъ не испортить прѣжняго; а, принявъ Духа, предаешься сатанинскимъ удовольствіямъ. Вспомни, что дѣлали апостолы, причастившись священной вечера; не къ молитвамъ ли и пѣснопѣніямъ обратились они, не къ священному ли бдѣнію, не къ ученію ли продолжительному и исполненному великаго любомудрія? Подлинно великія и дивныя тайны (Господь) преподавъ и объяснилъ имъ тогда, когда Іуда пошелъ звать будущихъ Его распинателей. Развѣ не слышалъ ты также, что и три тысячи вѣрующихъ, сподобившись причащенія, пребывали постоянно въ молитвахъ и ученіи, а не въ пьянствѣ и безчиніи? А ты, если прежде причащенія постышился, чтобы сколько-нибудь оказаться достойнымъ причащенія, то послѣ причащенія, когда надлежало бы усилить воздержаніе,

погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или послѣ: должно быть воздержнымъ и въ то и въ другое время, но особенно послѣ принятія Жениха; прежде для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ принятія, а послѣ для того, чтобы не оказаться недостойнымъ полученныхъ даровъ. Неужели же, скажешь, должно поститься послѣ причащенія? Я не говорю этого я не принуждаю; хорошо разумѣется, дѣлать и такъ, однакожь и не насилую, а лишь увѣщаю не предаваться безмѣрному пресыщенію. Если вообще никогда не должно пресыщаться, какъ это внушаетъ Павелъ въ словахъ: *питающаяся же пристрастно жива умерла* (1 Тим. v, 6), то здѣсь тѣмъ болѣе угрожаетъ смерть (пресыщающимся послѣ причащенія). Если для жены пресыщеніе есть смерть, то тѣмъ болѣе для мужа: если оно пагубно въ иное время, то тѣмъ болѣе послѣ причащенія таинъ. А ты, принявъ хлѣбъ жизни, совершаешь дѣла смерти, и не трепещешь? Или не знаешь, сколько золъ происходитъ отъ пресыщенія? Неумѣстный смѣхъ, непристойныя рѣчи, пагубныя шутки, бесполезное пустословіе и многое другое, о чемъ и говорить неприлично. Все это дѣлаешь ты послѣ того, какъ причастился трапезы Христовой, въ тотъ самый день, въ который удостоился прикоснуться языкомъ своимъ къ плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдаетъ въ чистотѣ свою десницу, языкъ и уста, которыя послужили предверіемъ при вшествіи Христа, и, предложивъ свою чувственную трапезу, обращаетъ мысли свои къ той духовной 232 трапезѣ, къ вечери Господней, къ бдѣнію учениковъ въ ту священную ночь; или лучше сказать, если тщательно вникнемъ, то и теперь—та же ночь. Будемъ же бодрствовать вмѣстѣ съ Владыкой и благоговѣть вмѣстѣ съ учениками Его. Непрестанно слѣдуетъ молиться, а не пьянствовать, особенно же въ праздникъ. Праздникъ не для того, чтобы намъ безчинствовать и умножать грѣхи свои, но чтобы очистить и тѣ, какіе есть у насъ. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не всѣ послушаетесь, то не всѣ же и не послушаетесь; а если всѣ не послушаетесь, то мнѣ будетъ тѣмъ большая награда, а вамъ тѣмъ большее осужденіе. А чтобы съ вами этого не случилось, а не перестану говорить; частымъ повтореніемъ, можетъ быть, и трону васъ. Итакъ увѣщаю: чтобы причащеніе не послужило къ нашему осужденію, напитаемъ Христа, напоимъ, одѣнемъ: это достойно такой трапезы. Ты слышалъ священные пѣсни, видѣлъ бракъ духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святого Духа, пріобщился къ лику серафимовъ, сдѣлался сообщникомъ горнихъ силъ? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству—этому источнику скорби, утѣ-

пенію діавола, виновнику безчисленнихъ золь, отъ котораго и сонъ, подобный смерти, и головокруженіе, и болѣзани, и забвеніе, и смертное изнеможеніе. Ты, конечно, не рѣшился бы въ пьяномъ видѣ встрѣтиться даже съ другомъ: какъ же осмѣливаешься, скажи мнѣ, предаваться такому пьянству, имѣя въ себѣ Христа? Но ты любишь удовольствія? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебѣ удовольствія, но удовольствія истиннаго, никогда не увядающаго. Какое же это удовольствіе истинное и всегда цвѣтущее? Призови къ обѣду Христа, раздѣли съ Нимъ свои или, лучше, Его же (блага): вотъ въ чемъ заключается безконечное и всегда цвѣтущее удовольствіе! А удовольствія чувствєнныя не таковы; они какъ скоро являються, тотчасъ же исчезаютъ, и наслаждающійся ими находится нисколько не въ лучшемъ, а даже въ худшемъ состояніи, нежели не наслаждающійся. Этотъ находится какъ бы въ пристани, а тотъ какъ бы увлекается потокомъ и осаждається болѣзнями, не имѣя возможности преодолѣть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будемъ соблюдать умѣренность; тогда сохранимъ и тѣло здоровымъ, и душу спокойною, освободимся отъ настоящихъ и будущихъ золь, отъ которыхъ избавившись и да сподобимся всѣ мы царствія небеснаго, благодати и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

231 Да искушаетъ же человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ясть и отъ чаши да піеть (1 Кор. xi, 28).

1. Для чего сказаны эти слова, тогда какъ рѣчь была о другомъ предметѣ? Павелъ обыкновенно, какъ я прежде говорилъ, 232 рассуждаетъ не только о томъ, что составляетъ главный предметъ рѣчи, но если рѣчь коснется и другого, то налагаетъ и его съ великимъ тщаніемъ, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ весьма необходимыхъ и настоятельныхъ. Такъ, когда онъ бесѣ- 233 довалъ о супругахъ и въ рѣчи коснулся рабовъ, то изложилъ и этотъ предметъ весьма сильно и подробно; когда говорилъ о томъ, что не должно судиться въ судилищахъ, и коснулся въ своемъ наставленіи любостыжанія, то сказалъ многое и объ этомъ предметѣ; то же онъ дѣлаетъ и здѣсь. Упомянувъ о таинствахъ, онъ нашель необходимымъ изложить подробнѣе этотъ предметъ, какъ не маловажный; потому въ бесѣдѣ объ немъ внушаетъ ве-

ликій страхъ и доказываетъ, что главное благо въ томъ, чтобы приступать къ нимъ съ чистою совѣстію. Не довольствуясь сказаннымъ прежде, онъ присовокупляетъ еще слѣдующее: *да искушаетъ человекъ себе*; это же онъ говоритъ и во второмъ посланіи: *себе искушайте* (2 Кор. xiii, 5), а не такъ, какъ поступаемъ мы, соображаясь болѣе съ временемъ, нежели съ душевнымъ расположеніемъ. Мы стараемся не о томъ, чтобы приступить приготовившись, очистившись отъ всего злого и съ полнымъ благоговѣніемъ, но — чтобы въ праздники и тогда, когда приступаютъ всѣ.

Не такъ повелѣваетъ Павелъ; онъ знаетъ одно только время для приступающаго къ тайнамъ и причащенію, — когда чиста совѣсть. Если мы не приступаемъ къ чувственной трапезѣ, страдая горячкою и приливомъ дурныхъ соковъ, чтобы не подвергнуться смерти, то тѣмъ болѣе намъ не должно касаться этой трапезы съ порочными пожеланіями, которыя хуже горячки. Подъ именемъ порочныхъ пожеланій я разумѣю какъ тѣлесныя, такъ и любостыжаніе, гнѣвъ, алопамятность и вообще всѣ порочныя наклонности. Приступающему должно очиститься отъ всего этого и тогда уже касаться этой чистой жертвы, а не съ небреженіемъ и лѣнностію какъ бы по принужденію приступать ради того, что случился праздникъ, съ другой же стороны, когда есть сокрушеніе и готовность, не откладывать потому, что нѣтъ праздника. Праздникъ есть совершеніе добрыхъ дѣлъ, благочестіе души и строгость жизни; если ты имѣешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать. Потому (апостоль) и говоритъ: *да искушаетъ себе каждый, и тако да приступаетъ*; повелѣваетъ испытывать не одному другого, но самому себя, устроая судилище безъ гласности и обличеніе безъ свидѣтелей. *Ядый бо и пійи недостойнъ, судъ Господень себѣ ястъ и піетъ* (ст. 29). Что говоришь ты? Источникъ столь многихъ благъ, трапеза, источающая жизнь, обращается въ осужденіе? Не по своему существу, говоритъ онъ, а по волѣ приступающаго. Какъ пришествіе Его, доставившее намъ великія и неизреченныя блага, послужило къ большому осужденію не принявшихъ Его, такъ и эти тайны навлекаютъ большее наказаніе на недостойно причащающихся. Почему же *судъ себѣ ястъ*? Не разсуждая тѣла Господня, т. е. не размысливая, не представляя, какъ должно, величія предложенныхъ (тайнъ), не думая о важности дара. Если бы ты вполнѣ понималъ, Кто предлежитъ предъ тобою и кому Онъ предлагаетъ Себя, то не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ увѣщаніи, а одного этого было бы достаточно для возбужденія въ тебѣ полного благоговѣнія, если только ты не палъ слишкомъ глубоко. *Сего ради*

въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпають доволни (ст. 30).
 234 Здѣсь онъ приводитъ въ примѣръ уже не другихъ, какъ сдѣлалъ въ бесѣдѣ объ идоложертвенномъ, гдѣ говорилъ о древнихъ событіяхъ и о бѣдствіяхъ (евреевъ) въ пустынѣ, но самихъ коринѳянь, что придаетъ словамъ его болѣе внушительности. Сказавъ: *судь себѣ ясть, и: повиненъ есть*, и имѣя въ виду, чтобы это не было принято за одни слова, онъ указываетъ и на дѣла, призываетъ во свидѣтели ихъ самихъ, чѣмъ и дѣйствуетъ сильнѣе угрозы, выражая, что угроза уже перешла въ дѣло. Не довольствуясь этимъ, онъ потомъ напоминаетъ и о гееннѣ и подтверждаетъ слова свои, устрашая ихъ со всѣхъ сторонъ и разрѣшая вопросъ, часто предлагаемый. Многіе въ недоумѣніи спрашиваютъ другъ друга: отчего происходятъ преждевременные смертные случаи, отчего продолжительныя болѣзни? Причина многихъ, говоритъ онъ, изъ такихъ нечаянныхъ бѣдствій заключается въ грѣхахъ.

2. Какъ, скажешь, пользующіеся постояннымъ здоровьемъ и достигающіе маститой старости неужели не грѣшны? Кто же можетъ сказать это? Почему же, скажешь, они не наказываются? Потому, что тамъ они подвергнутся жесточайшему наказанію. А мы, если захотимъ, не будемъ наказаны ни здѣсь, ни тамъ. *Аще бо быхомъ себе разсуждали*, говоритъ (апостоль), *не быхомъ осуждени были* (ст. 31). Не сказалъ: если бы наказывалъ себя, или мучили себя, но только: если бы захотѣли сознать грѣхи свои, сами себя осудить, признать свои беззаконія, то избавились бы отъ наказанія и здѣсь и тамъ. Осуждающій самъ себя вдвойнѣ умиляетъ Бога—и сознаніемъ грѣховъ своихъ и готовностію не дѣлать ихъ на будущее время. Но мы не хотимъ дѣлать, какъ должно, и этого легкаго дѣла, и однако онъ не угрожаетъ намъ наказаніемъ вмѣстѣ съ міромъ, но щадитъ насъ, угрожая здѣшнимъ наказаніемъ, которое временно и заключаетъ въ себѣ много утѣшенія; оно освобождаетъ отъ грѣховъ и подаетъ сладостную надежду на будущее, которая облегчаетъ настоящія (страданія). Этимъ онъ желаетъ и утѣшить немощныхъ и сдѣлать другихъ болѣе ревностными. Нынѣ же, говоритъ, *судими, отъ Господа наказуемся* (ст. 32). Не сказалъ: подвергаемся наказанію или мученію, но: *наказуемся* (παιδεύομεθα). Настоящее наказаніе есть болѣе вразумленіе, нежели осужденіе, болѣе врачеваніе, нежели мученіе, болѣе исправленіе, нежели воздаяніе. И не только этимъ, но и угрозою большаго (будущаго) наказанія онъ облегчаетъ настоящее: *да не съ міромъ*, говоритъ, *осудимся*. Видишь ли, какъ онъ указываетъ на геенну и на страшный судъ и доказываетъ, что этотъ судъ и наказаніе необходимы и будутъ непремѣнно? Въ са-

момъ дѣлѣ, если вѣрующіе и находящіеся подѣ покровомъ Божиимъ не избѣгаютъ наказанія за свои прегрѣшенія, какъ видно изъ настоящихъ указааній, то тѣмъ болѣе (не избѣгнуть) невѣрные и согрѣшающіе тяжело и неисцѣльно. *Также сходящесе ясти, другъ друга ждите* (ст. 33). Когда чувство опасенія было еще живо и страшная мысль о гееннѣ еще не прошла, тогда онъ опять предлагаетъ наставленіе касательно бѣдныхъ, по поводу котораго онъ сказать все предыдущее, и внушаетъ, что не исполняющіе этого недостойны причащенія. Если же не удѣляющіе отъ своего имущества отлучаются отъ трапезы Господней, то тѣмъ болѣе покидающіе. Не сказалъ: сходясь удѣляйте бѣднымъ, но возвышеннѣе: *другъ друга ждите*. Такими словами онъ и внушалъ прикровенно попеченіе о бѣдныхъ, и предлагалъ увѣщаніе въ соотвѣтственномъ видѣ. Далѣе онъ пристыжаетъ ихъ: *аще ли*, говорить, *кто алчетъ, въ дому да ястъ* (ст. 34). Давая такое позволеніе, онъ запрещаетъ еще сильнѣе, нежели прямымъ запрещеніемъ; онъ именно удаляетъ изъ церкви, посылаетъ домой и такимъ образомъ сильно трогаетъ, представляя ихъ рабами чрева и невоздержными. Не сказалъ: если кто пренебрегаетъ бѣдныхъ, но: *аще ли кто алчетъ*, рассуждая какъ бы съ нетерпѣливыми дѣтми, или съ безсловесными животными, служащими чреву. Подлинно было бы весьма смѣшно, если бы они, побуждаясь голодомъ, стали ѣсть дома. Не довольствуясь этимъ, онъ присовокупляетъ болѣе страшную мысль: *да не въ судѣ*, говорить, *сходитесь*,—чтобы собираться вамъ не на осужденіе, не навлекать на себя наказанія, оскорбляя церковь, посрамляя брата; вы собираетесь для того, чтобы показать любовь другъ къ другу, получить пользу и принести пользу; если же бываетъ противное, то лучше вамъ насыщаться дома. Говоритъ это для того, чтобы болѣе привлечь ихъ; для того онъ указалъ и на вредъ, отсюда происходящій, и доказалъ, что это немаловажный грѣхъ, и внушилъ страхъ со всѣхъ сторонъ,—со стороны тайнъ, больныхъ, умирающихъ и прочаго вышесказаннаго. Затѣмъ онъ опять внушаетъ страхъ инымъ образомъ: *о прочіихъ же*, говорить, *егда прииду, устрою*, разумѣя адѣсь или что-нибудь другое, или то же самое. Такъ какъ, вѣроятно, они приводили какія-нибудь другія причины и невозможно было устроить всего посредствомъ посланія, то онъ и говоритъ: пока пусть соблюдается такъ, какъ я научилъ; если же вы имѣете сказать еще что-нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говоритъ это, какъ я сказалъ, или о томъ же самомъ дѣлѣ, или о какихъ-нибудь другихъ дѣлахъ не очень важныхъ; поступаетъ же такъ для того, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ожидая его прибытія, они могли испра-

вить свои недостатки, потому что прибытіе Павла было не мало-важное дѣло, какъ онъ самъ показываетъ, когда говоритъ: *яко не грядущу же ми къ вамъ, разгордѣшася нѣщцы* (1 Кор. iv, 18); и въ другомъ мѣстѣ: *не якоже въ пришествіи моемъ точію, но много наче во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Филип. ii, 12). И не просто обѣщается придти, чтобы они не сомнѣвались и не предались безпечности, но представляетъ и причину, дѣлающую необходимымъ его прибытіе: *о прочіихъ, говорить, егда прииду, устрою*, внушая, что, если бы даже онъ и не располагалъ (идти къ нимъ), необходимость исправленія прочіихъ дѣлъ влечетъ его туда.

8. Слыша все это, будемъ оказывать великое попеченіе о бѣдныхъ, обуздывать свое чрево, воздерживаться отъ пьянства. стараться достойно причащаться св. таинъ, и не скорбѣть, не печалиться, когда случится какое-нибудь бѣдствіе съ нами ли, или съ другими, напр. преждевременная смерть или продолжительная болѣзнь. Такое бѣдствіе есть избавленіе отъ наказанія, есть исправленіе, есть наилучшее вразумленіе. Кто говоритъ это? Тотъ, чрезъ кого говорилъ самъ Христосъ. И не смотря на то, многія жены такъ безразсудны, что превосходятъ даже невѣрныхъ своимъ чрезмѣрнымъ сѣтованіемъ (объ умершихъ); однѣ дѣлаютъ это въ помраченіи отъ страсти, другія—на показъ и во избѣжаніе нареканій отъ постороннихъ людей; послѣднихъ особенно я считаю недостойными всякаго извиненія. Пусть, говорятъ онѣ, осуждаетъ меня Богъ, только бы не осуждалъ такой-то; пусть нарушается законъ Царя всѣхъ, только бы не укоряли меня люди, которые безразсуднѣе безсловесныхъ (животныхъ). Какъ громъ не поражаетъ ихъ за такія слова? Когда кто-нибудь послѣ плача пригласить на пиршество, то никто не отказывается, потому что такъ требуетъ принятый обычай; а когда Богъ повелѣваетъ не предаваться сѣтованію, то всѣ противодѣйствуютъ.

236 Уже ли ты, жена, не знаешь Іова? Уже ли не помнишь словъ, сказанныхъ имъ послѣ несчастія, случившагося съ дѣтьми его, украсившихъ святуу главу его болѣе тысячи вѣнцовъ и прославившихъ его громче множества трубъ? Уже ли не понимаешь важности его несчастія, этого новаго кораблекрушенія, этой странной и необычайной трагедіи? Ты лишилась, можетъ быть, одного, или двоихъ, или троихъ дѣтей; а онъ многихъ сыновей и дочерей, сдѣлавшись внезапно изъ многочислаго безчаднымъ; не мало-по-малу терзалась его утроба, но вдругъ похищены были всѣ плоды, похищены не по общему закону природы, не потому, что достигли старости, но поражены преждевременною и насильственною смертію; притомъ всѣ вмѣстѣ, не въ его присутствіи и

не на его глазахъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ могъ слышать поспѣднія слова ихъ и получить нѣкоторое утѣшеніе въ столь плачевной ихъ кончинѣ, а сверхъ всякаго чаянія, совершенно безъ его вѣдома, вдругъ всѣ они погребены и домъ сдѣлался для нихъ гробомъ и могилою. И не только преждевременная смерть, но кромѣ того и многое другое увеличивало скорбь, именно то, что всѣ они были въ цвѣтущемъ возрастѣ, были добродѣтельны и дружелюбны, погибли всѣ вмѣстѣ, такъ что не осталось ни одного, ни того, ни другого пола, погибли не по общему закону природы, послѣ такихъ потерь, тогда какъ онъ не сознавалъ ни за собою, ни за ними ничего порочнаго, за что бы потерпѣть все это. Каждое изъ этихъ бѣдствій отдѣльно само по себѣ могло возмутить душу; а когда стекло все вмѣстѣ, то представь, какъ высоки были эти волны, какъ велика была эта буря. Но, что еще важнѣе и выше всякихъ слезъ, онъ не зналъ, почему все это случилось съ нимъ. Потому-то, не зная, чему приписать свое несчастіе, онъ обращается къ волѣ Божіей и говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеси изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Говорить это, видя себя, преуспѣвашаго во всякой добродѣтели, въ крайнемъ несчастіи, а злыхъ людей и обманщиковъ въ благоденствіи, изобиліи и всякихъ удовольствіяхъ. Не говорить ничего такого, что обыкновенно говорятъ люди слабые: для того ли я воспитывалъ дѣтей своихъ и лелѣялъ ихъ съ такою заботливостію, для того ли открывалъ домъ свой для мимоходящихъ, чтобы послѣ многихъ попеченій о бѣдныхъ, нагихъ и сирыхъ получить такое воздаяніе? Но вмѣсто того произноситъ слова превосходнѣе всякой жертвы: *нагъ изыдохъ*, говоритъ, *отъ чрева матери моея, нагъ и отиду* (1, 21). Если же онъ разодралъ одежды и остригъ волосы, не удивляйся этому: онъ былъ отецъ, и отецъ чадолюбивый; вмѣстѣ съ любуудріемъ души надлежало обнаружиться и чувствамъ природы; если бы онъ не сдѣлалъ этого, то, быть можетъ, иной приписалъ бы такое любуудріе безчувственности. Потому онъ обнаружилъ и свое сердце и высоту благочестія, чувствовалъ скорбь и не измѣнился, но, продолжая свой подвигъ, увѣнчалъ себя новыми вѣнцами, отвѣтивъ женѣ своей слѣдующими словами: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10)? У него осталась одна жена послѣ потери всего, и дѣтей, и имущества и самаго тѣла, да и та для его искушенія и укоризны. Для того діаволъ и не погубилъ ея вмѣстѣ съ дѣтьми и не просилъ у Бога смерти ея, чтобы имѣть въ ней великое пособіе къ нападенію на этого святого; онъ оставилъ ее какъ сильнѣйшее для себя оружіе: если, говорилъ онъ, 237

посредствомъ ея я изгналъ изъ рая, то тѣмъ болѣе смогу пора-
зить на гноищѣ.

4. И посмотри на коварство (діавола): не тогда онъ подво-
дилъ къ нему это орудіе, когда погибли волы, ослы и верблюды;
даже и послѣ разрушенія дома и смерти сыновей, видя въ немъ
сильнаго борца, еще медлитъ и не заставляеть ее дѣйствовать;
но когда у него образовались кучи червей, гнѣющая кожа отпа-
дала, изъязвленная плоть источала аловонный гной, когда діа-
вольская рука мучила его хуже сковородѣ, печей и всякаго пла-
мени, терзая и пожирая со всѣхъ сторонъ тѣло его свирѣпѣе
всякаго звѣря, и когда въ такихъ страданіяхъ прошло много
времени,—тогда онъ и подводитъ ее къ изнуренному и истощен-
ному (мужу). Если бы она пришла въ началѣ несчастія, то не
нашла бы его такъ изнуреннымъ и не могла бы представлять
несчастіе его такъ тяжкимъ и великимъ; а теперь, видя, что онъ
утомился отъ продолжительности времени, жаждетъ облегченія и
желаетъ избавленія отъ бѣдствій, она приступаетъ къ нему рѣ-
шительно. Чувствуя крайнее изнуреніе, задыхаясь отъ страданій
и желая смерти, послушай, что онъ говорилъ: если бы я могъ
наложить на себя руку, или попросить объ этомъ другого, то
сдѣлалъ бы и это. Потому она,—посмотри на коварство ея,—съ
чего начинается рѣчь свою? Съ продолжительности времени: *до-
колы, говорить, терпиши?* Если часто одни слова безъ дѣла мо-
гутъ поражать человѣка, то представь, что долженъ былъ чув-
ствовать тогда онъ, огорчаемый и этими словами и самымъ дѣ-
ломъ; и, что всего хуже, это говорила ему жена, изнемогшая и
упавшая духомъ, и потому старавшаяся довести и его до отчая-
нія. Но чтобы яснѣе видѣть силу нападенія, направленнаго на
эту адамантовую стѣну, выслушаемъ самыя слова ея. Какія же
это слова? *Доколы терпиши, глаголя: се пожду время еще мало,
чающи надежду спасенія моего* (Іов. II, 9)? Время, говорить, обли-
чило слова твои; его прошло много, а облегченія не видно ника-
кого. Говоря это, она не только располагаетъ его къ отчаянію,
но и укоряетъ и насмѣхается, потому что онъ, утѣшая ее и опро-
вергая ея жалобы, постоянно говорилъ: *пожди еще немного, и
скоро будетъ этому конецъ.* Укоряя его, она и говорить: не ска-
жешь ли и теперь тоже самое? Уже много протекло времени, а
конца этому не видно. И замѣть коварство: не упоминаетъ ни
о волахъ, ни объ овцахъ, ни о верблюдахъ, зная, что все это не
очень огорчало его, но прямо обращается къ существенному и
напоминаетъ о дѣтяхъ, зная, что въ скорби о нихъ онъ разо-
дралъ одежду и остригъ волосы. Не говорить: погибли дѣти твои,
но гораздо трогательнѣе: *потребися отъ земли память твоя*,—то,

что и дѣтей дѣлаетъ любезными. Если и нынѣ, когда несомнѣнно воскресеніе, дѣти любезны потому, что сохраняютъ память объ умершихъ родителяхъ, то тѣмъ болѣе тогда. Потому и проклятiе (друга его) становится сильнымъ; проклиная, онъ не сказалъ: да погибнуть дѣти, но: *память его отъ земли*, т. е. сыновья и дочери (Іов. хѳіі, 17). Выраженіемъ *память* она опять нарочно напоминаетъ ему о дѣтяхъ того и другого пола. Если же ты, говоритъ, не заботишься о нихъ, то обрати вниманіе хотя на мое положеніе: *моего чрева болѣзни и труды, и ниже отце трудился съ солдатами*. Смыслъ словъ ея слѣдующій: я, много потерпѣвшая, подвергаюсь за тебя страданіямъ; труды понесла, а плодовъ лишилась. Она не указываетъ прямо на потерю имущества, но смотритъ, какъ и не умалчиваетъ о ней и не проходитъ мимо, а намекаетъ на нее, насколько возможно было сказать чувствительнѣе. *И азъ, говоритъ, скитающіеся и служащіе, мѣсто отъ мѣста переходящіе, и домъ отъ дому*, намекая и на потерю (имущества), и открывая свои великія страданія; самыя выраженія достаточно увеличиваютъ несчастье: я, говоритъ, хожу по чужимъ домамъ, и не только прошу милостыни, но и блуждаю, служу, занимаюсь незнакомою и новою для меня работою, и скитаюсь вездѣ, нося на себѣ и знаки несчастія и открывая всѣмъ свои бѣдствія; а что всего прискорбнѣе, постоянно перехожу изъ дома въ домъ. Не окончивъ и этимъ свои сѣтованія, она присовокупляетъ: *ожидающіе солнца, когда зайдетъ, да почію отъ трудовъ моихъ, и отъ окружающихъ мя бѣдъней, яже мя нынѣ одержатъ*. Для другихъ, говоритъ, пріятно видѣть лучи солнца, а для меня тяжело; для меня вожделѣнны ночь и тьма, потому что она одна даетъ мнѣ успокоеніе отъ трудовъ, она приноситъ мнѣ утѣшеніе въ несчастіяхъ. *Но рцы глаголюй къ Господу, и умри* (п, 9).

5. Видишь ли и адѣсь коварство? Въ жалобѣ своей она не тотчасъ предложила пагубный совѣтъ, но напередъ горько описала несчастье и распространилась въ исчисленіи бѣдствій, а потомъ въ краткихъ словахъ предлагаетъ совѣтъ и не прямо высказываетъ его, но прикровенно, предлагая весьма вожделѣнную для него перемѣну, обѣщая смерть, которой онъ особенно желать. Замѣть и адѣсь коварство діавола. Зная любовь Іова къ Богу, онъ не внушаетъ женѣ ропота на Бога, чтобы (Іовъ) тотчасъ же не отвергъ ея, какъ врага. Потому она нигдѣ не упоминаетъ о Богѣ, а только изображаетъ случившееся. Прибавъ къ вышесказанному и то, что это совѣтовала жена—сильный ораторъ, чтобы обольщать невнимательныхъ. Многіе и безъ несчастій пали отъ одного совѣта женъ. Что же этотъ блаженный мужъ, твердый адаманта? Сурово взглянувъ на нее, онъ однимъ взгля-

домъ, еще прежде словъ, разрушилъ ея козни. Она ожидала, что заставитъ его пролить потоки слезъ, а онъ оказался сильнѣе льва; исполнившись гнѣва и негодованія не на то, что самъ терпѣлъ, а на ея діавольскій совѣтъ, и обнаруживъ гнѣвъ своимъ взоромъ, онъ дѣлаетъ ей умѣренный упрекъ,—такъ какъ и въ несчастіяхъ онъ былъ благоразуменъ. Что же говорить онъ? *Вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси* (II, 10)? Не тому, говорить, я училъ тебя, не такъ воспитывалъ тебя; не узнаю въ тебѣ моей супруги,—потому что слова твои свойственны женѣ безумной, совѣтъ твой приличенъ сумасшедшей. Видишь ли, какъ умѣренъ отвѣтъ его, какъ ударъ его достаточенъ для
 239 уврачеванія ея болѣзани? Затѣмъ, послѣ упрека, онъ предлагаетъ и совѣтъ, также достаточный для ея утѣшенія и исполненный великаго благоразумія: *еще благая*, говорить, *пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ?* Вспомни, говорить, о прежнемъ (благоденствіи), помысли объ его виновникѣ, и ты мужественно перенесешь настоящее (несчастіе). Видишь ли смиренномудріе этого мужа? Своего терпѣнія онъ не приписываетъ своему мужеству, но говорить, что оно въ порядкѣ вещей. За что Богъ даровалъ намъ прежнія блага, за что вознаградилъ насъ ими? Ни за что, а единственно по Своей благодати; они были даръ, а не награда, благодать, а не воздаяніе; будемъ же мужественно переносить и настоящее. Муж и жены, запишемъ для себя и начертасемъ въ своей душѣ слова эти и имъ предшествовавшія; изобразивъ въ
 240 умѣ своемъ, какъ бы на картинѣ, повѣсть его страданій, какъ-то: потерю имущества, гибель дѣтей, язвы тѣла, оскорбленія, насмѣшки, козни жены, коварство діавола и вообще всѣ подробности страданій праведника, устроимъ себѣ надежнѣйшее пристанище, чтобы, перенося все мужественно и съ благодарностію, мы могли и въ настоящей жизни отогнать отъ себя всякую печаль и (въ будущей) получить награды за такое благомысліе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

239 О духовныхъ же, братіе, не хочу васъ не вѣдѣти. Вѣсте, яко егда невѣрнии бѣсте, ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми, ведостеся (1 Кор. XII, 1, 2).

1. Все это мѣсто весьма неясно; неясность происходитъ отъ неизвѣстности предметовъ и отъ оскуднѣнія событій, которыя тогда

были, а теперь не бываютъ. Почему же они теперь не бываютъ? Вотъ, причина неясности подала намъ поводъ къ другому вопросу: почему они тогда были, а теперь не бываютъ? Но оставимъ это до другого времени, а теперь скажемъ о томъ, что тогда было. Что же было тогда? Когда кто-нибудь принималъ крещеніе, то внезапно начиналъ говорить на разныхъ языкахъ, и не только на разныхъ языкахъ, но многіе даже пророчествовали, а нѣкоторые совершали и другія еще большія знаменія. Такъ какъ обратившіеся изъ идолопоклонства не знали ничего ясно, не будучи свѣдущи даже въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, а между тѣмъ по крещенія тотчасъ получали Св. Духа, котораго не видѣли,—потому что Онъ невидимъ,—то благодать давала нѣкоторое чувственное доказательство дѣйствія (Духа): одинъ вдругъ начиналъ говорить на персидскомъ, другой на римскомъ, третій на индійскомъ, а иной на какомъ-нибудь другомъ языкѣ; для вѣншихъ (язычниковъ) это служило свидѣтельствомъ того, что въ говорящемъ дѣйствуетъ Духъ Святый. Потому (апостолъ) и говоритъ: *комуждо же дастся явленіе Духа на пользу*, называя явленіемъ Духа дары Его. Какъ апостолы прежде всего получили это знаменіе, такъ и вѣрующіе получили тотъ же даръ языковъ, и не только это, но и многое другое. Такъ, многіе воскрешали мертвыхъ, изгоняли бѣсовъ, совершали много и другихъ подобныхъ чудесъ. Впрочемъ, одни имѣли меньше даровъ, другіе больше. Чаще всего былъ у нихъ даръ языковъ.

Это и послужило поводомъ къ несогласію между ними не по свойству самаго дѣла, а по неразумію получившихъ дары. 240 Получившіе больше даровъ превозносились предъ получившими меньше; а эти скорбѣли и завидовали получившимъ больше, какъ показываетъ далѣе самъ Павелъ. Нарушая чрезъ это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую онъ съ великимъ тщаніемъ старается исцѣлить. Тоже самое случилось и въ Римѣ, только иначе. Потому онъ и въ посланіи къ Римлянамъ касается этого предмета, но прикровенно и кратко, выражаясь такъ: *яко же бо во единомъ тѣлеси мнози уди имамы, уди же вси не тожде имуть дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому другъ другу уди. Имуще же дарованія по благодати данныи намъ различна, аще пророчество, по мѣрѣ вѣры, аще же служеніе, въ служеніи, аще учай, во ученіи* (Рим. XII, 4—7). А что они также впадали оттого въ гордость, онъ намекнулъ на это въ началѣ, когда сказалъ: *глаголю бо благодатию дающеюся мнѣ, всякому существу въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (ст. 3). Такъ онъ бесѣдовалъ (съ рим-

лянами), у которыхъ болѣзнь несогласія и гордости была не велика; а здѣсь—съ большею силою, потому что болѣзнь была гораздо сильнѣе. И не это одно производило въ нихъ смятеніе, но кромѣ того между ними было много гадателей, такъ какъ городъ ихъ еще держался языческихъ обычаевъ, и это, между прочимъ, также соблазняло и смущало ихъ. Потому (апостоль) здѣсь прежде всего показываетъ различіе между гаданіями и пророчествомъ. Для того они получили и даръ различенія духовъ, чтобы различать и знать, кто говоритъ отъ Духа чистаго и кто отъ нечистаго. Такъ какъ невозможно было объяснить сказанныхъ словъ изъ нихъ самихъ,—потому что пророчество свидѣтельствуешь о своей истинности не въ то время, когда произносится, но когда исполняется,—такъ какъ не легко было распознавать, 241 кто подлинно пророчествуетъ и кто лжетъ,—потому что нечистый духъ вредилъ пророчествовавшимъ, возставляя лжепророковъ, которые будто бы также предсказывали будущее,—и такъ какъ невозможно было доказать истину сказаннаго, пока еще не исполнилось предсказанное, и легко могли быть опроверженія,—потому что только конецъ показываетъ, кто лжетъ и кто говорить правду,—то, чтобы слушатели не обманывались и прежде конца, (апостоль) даетъ имъ такое знаменіе, которое еще прежде исполненія (сказаннаго) способствовало къ различенію того и другого. Начавъ отсюда свою рѣчь, онъ потомъ переходитъ къ благодатнымъ дарованіямъ и разрѣшаетъ возникавшій отсюда споръ. Прежде всего о гадателяхъ онъ говоритъ такъ: *о духовныхъ же не хочу васъ не вѣдѣти, братіе*. Духовными онъ называетъ знаменія, потому что они—дѣйствія одного Духа, а человѣческія усилія нисколько не содѣйствуютъ къ ихъ совершенію. Начиная бесѣдовать объ этомъ, онъ прежде всего, какъ я сказалъ, показываетъ различіе между гаданіемъ и пророчествомъ и говоритъ такъ: *вѣсте, яко егда неутри вѣсте, ко идоломъ безгласнымъ, яко ведоми, ведостесе*. Смыслъ словъ его слѣдующій: въ капищахъ идольскихъ, когда кто бывалъ одержимъ нечистымъ духомъ и прорицалъ, то, какъ бы ведомый и связанный, былъ увлекаемъ духомъ и нисколько не сознавалъ того, что говоритъ. Гадателю свойственно быть въ изступленіи, терпѣть принужденіе и насиліе, увлекаться и неистовствовать, какъ бѣсноватому. А пророкъ не таковъ, но онъ говоритъ все съ трезвою душою и здравымъ разсудкомъ, зная, что онъ говоритъ. Такъ различай гадателя и пророка еще прежде исполненія (сказаннаго). И смотри, какъ (апостоль) устраняетъ при этомъ всякое подозрѣніе: онъ призываетъ въ свидѣтели ихъ самихъ, знавшихъ это по опыту. Что я, говорить, не лгу, не клевету и не измышляю на язычниковъ,

какъ врагъ ихъ, тому свидѣтели вы сами: знаете, какъ, будучи язычниками, вы были тогда водимы и увлекаемы. Если же кто станетъ считать и ихъ, какъ вѣрующихъ, (свидѣтелями) подобительными, то я докажу вамъ это и (свидѣтельствами) внѣшнихъ (язычниковъ). Послушай Платона, который (въ апологѣи Сократа) говоритъ такъ: „прорицатели и гадатели говорятъ много и хорошо, но сами вовсе не знаютъ того, что говорятъ“. Послушай и другого поэта, который выражаетъ тоже самое. Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованіями вводилъ въ чело-вѣка бѣса, тогда этотъ чело-вѣкъ начиналъ прорицать и прорицая рвать и терзать себя, не будучи въ состояніи выносить насилія бѣса, и такимъ образомъ могъ растерзать себя и погибнуть; подобнымъ волхвователямъ онъ и говорилъ: „развяжите же, смертный не можетъ болѣе сносить царя бога“; и еще: „развяжите мнѣ вѣнки, окропите мои ноги чистою водою и изгладьте черты, чтобы я могъ идти“. Все это и тому подобное,—вѣдь можно было бы сказать гораздо болѣе,—доказываетъ и принуж- 242 дежіе, съ какимъ бѣсы удерживаются и служатъ, и насиліе, какое терпятъ люди, однажды предавшіе себя имъ и лишаящіеся въ это время здраваго смысла. Также и Пинейя,—нахожу нужнымъ сказать теперь и о другомъ постыдномъ дѣлѣ ихъ, о которомъ лучше было бы молчать, потому что намъ неприлично говорить объ этомъ, но чтобы яснѣе видѣть безстыдство ихъ, нужно упомянуть, чтобы вы уразумѣли отсюда, какъ безумны и смѣшны прибѣгающіе къ волхвователямъ,—эта женщина Пинейя садилась, говорятъ, на треножникъ Аполлоновомъ, разставивъ голени; затѣмъ лукавый духъ, проникая снизу и входя въ нее чрезъ дѣтородныя части, приводилъ ее въ иступленіе, и она, распустивъ волосы, начинала бѣсноваться, испускать изъ рта пѣну, и въ такомъ иступленіи изрекать неистовыя слова. Вижу, что вы стыдитесь и краснѣете, слыша это; а они еще превозносились такимъ безстыдствомъ и безуміемъ!

2. Итакъ, намекая на все это и тому подобное, Павелъ сказалъ: *отъте, егда, неоптн бѣте, ко идоломъ безгласнымъ, яко едѣми, едѣстеся*. Такъ какъ онъ говорилъ къ понимавшимъ дѣло, то и не излагаетъ всего подробно, чтобы не отяготить ихъ, но, только напомнивъ имъ и приведши все на умъ, тотчасъ оставляетъ это и поспѣшаетъ къ своему предмету. Что же значить: *ко идоломъ безгласнымъ*? Гадатели ходили къ нимъ, какъ бы ведомые. Если же идолы безгласны, то какъ тѣ пользовались ими? Для чего бѣсъ приводилъ ихъ, какъ плѣнниковъ и узниковъ, къ истуканамъ? Между прочимъ для того, чтобы сдѣлать обманъ правдоподобнымъ. Чтобы не подумали, что идолъ есть камень

безгласный, онъ старался привязать людей къ идоламъ, чтобы принадлежащее первымъ приписывали послѣднимъ. Но у насъ не такъ. Впрочемъ (апостолъ) не объясняетъ нашего, то есть того, что касается пророковъ, такъ какъ имъ (коринѣянамъ) это было извѣстно, и между ними (были пророки, которые) пророчествовали, какъ слѣдовало, съ разсудкомъ и совершенною свободою. Они властны были говорить и не говорить; они не были принуждаемы, но вмѣстѣ съ честію сохраняли и волю. Потому и Іона убѣгалъ, потому и Іезекіиль уклонялся, потому и Іеремія отрицался. Богъ же не принуждалъ ихъ насильно, но совѣтовалъ, убѣждалъ, угрожалъ, не помрачая разсудка. Бѣсу свойственно производить помѣшательство, неистовство и большое помраченіе, а Богу—просвѣщать и сознательно учить тому, чему должно. Вотъ первое различіе между гадателемъ и пророкомъ! Второе (апостолъ) излагаетъ далѣе такъ: *тѣмже скажу вамъ, яко никтоже Духомъ Божиимъ глаголяй, речетъ анагема Іисуса*; и еще: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (ст. 8). Когда говорить, ты увидишь, что кто-нибудь не произносить имени Іисуса или даже анагематствуетъ Его, то онъ—гадатель; а когда увидишь другого, который обо всемъ говорить съ именемъ Его, то знай, что онъ—духовный. Что же, спросишь, 243 сказать объ оглашенныхъ? Если никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ, то что сказать о нихъ, которые произносятъ имя Его, но Духа не имѣютъ? Не о нихъ теперь говорить (апостолъ),—такъ какъ (коринѣяне) были тогда не оглашенные,—а о вѣрующихъ и не вѣрующихъ. Но развѣ никакой бѣсъ не именуетъ Бога? Не говорили ли бѣсноватые: *тѣмъ Тя, кто еси, Сынъ Божій* (Мар. 1, 24)? Не говорили ли они и Павлу: *сїи челоуцы раби Бога вышняго суть* (Дѣян. xvi, 17)? Говорили, когда были мучимы и вынуждаемы, а добровольно и не мучимые никогда. Здѣсь можно спросить: для чего бѣсъ говорилъ это, а Павелъ запретилъ ему? (Павелъ) подражалъ своему Учителю; и Христосъ запрещалъ бѣсамъ говорить, не желая получать отъ нихъ свидѣтельство. А для чего бѣсъ дѣлалъ это? Онъ хотѣлъ произвести замѣшательство, лишить апостоловъ чести и склонить многихъ слушать его самого. Если бы это было допущено, то бѣсы оказались бы достойными вѣроятія и легко стали бы вводить, что имъ угодно. Потому, чтобы этого не было и чтобы обманъ не получилъ даже начала, (апостолъ) заграждаетъ имъ уста и тогда, когда они говорили правду, для того, чтобы никто совершенно не внималъ имъ во лжи, но всякій отвращалъ слухъ свой отъ всего, что бы они ни говорили. Показавъ такимъ образомъ первый и второй признакъ гадателей и проро-

ковъ, (апостолъ) далѣе бесѣдуетъ о чудесахъ, приступая къ этому предмету не просто, но такъ, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласіе и убѣдить тѣхъ, которые получили меньше, не скорбѣть, а тѣхъ, которые получили больше, не превозноситься. Потому начинается такъ: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ* (ст. 4). Прежде всего онъ вразумляетъ того, кто получилъ меньшій даръ и изъ-за этого скорбѣть. О чемъ, говорить, ты скорбишь? О томъ, что не получилъ отодько, сколько другой? Но вспомни, что это—даръ, а не долгъ, и получишь утѣшеніе въ скорби. Потому онъ прямо и выразился такъ: *раздѣленія же дарованій суть*. Не сказалъ: знаменій, или чудесъ, но: *дарованій*, названіемъ дара убѣждая не только не скорбѣть, но и чувствовать благодарность. вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить, представь и то, что хотя ты получилъ даръ меньшей мѣры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получившій больше, ты имѣешь одинаковую съ нимъ честь; ты не можешь сказать, что ему даровалъ Духъ, а тебѣ ангелъ; и тебѣ и ему даровалъ Духъ. Потому и прибавляетъ: *а тойжде Духъ*.

8. Хотя есть различіе въ дарѣ, но нѣтъ различія въ Даровавшемъ: изъ одного источника получили и ты и онъ. *И раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь* (ст. 5). Чтобы усилить утѣшеніе, (апостолъ) приводитъ и Сына и Отца. Самые дары называетъ адѣсь другимъ именемъ, желая и чрезъ это доставить большее утѣшеніе. Потому и говорить: *раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь*. Услышавъ о дарованіи, получившій меньше, можетъ быть, сталъ бы скорбѣть; но, услышавъ о служеніи, не станетъ, потому что это слово означаетъ трудъ и работу. Что ты скорбишь, говорить, если Богъ другому повелѣлъ трудиться больше, а тебя пощадилъ? *И раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всяхъ. Коемудо же дается явленіе Духа на пользу* (ст. 6, 7). Что такое, скажешь, *дѣйство*? Что такое—дарованіе? Что такое—служеніе? Только различныя названія, а 244 предметы однѣ и тѣ же. Онъ называетъ и дарованіе и служеніе дѣйствіемъ. *Служеніе твое*, говорить, *извѣстно сотвори* (2 Тим. ix, 5); и: *службу мою прославляю* (Рим. xi, 19); также къ Тимофею: *слаже ради вины воспоминаю тебѣ възгръвати даръ Божій, иже есть съ тебѣ* (2 Тим. i, 6); и къ Галатамъ: *споспѣшествоваый бо Петру съ посланіе, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. ii, 8). Видишь ли, какъ онъ не полагаетъ никакого различія между дарами Отца (и Сына) и Св. Духа, не смѣшивая Ихъ ипостасей,—да не будетъ!—но показывая равночестіе существа? Что даруетъ Духъ, говорить онъ, то производитъ Богъ (Отецъ), а распредѣляетъ и назначаетъ Сынъ. Если бы одно было меньше другого, то онъ не

сказаль бы этого такъ и не стать бы такимъ образомъ утѣшать скорбящаго. Далѣе утѣшаетъ его еще другимъ образомъ, именно тѣмъ, что сообщенная ему мѣра дарованій, хотя и малая, служить ему въ пользу. Сказавъ: *тойжде Духъ, тойжде Господь, тойжде Богъ*, и тѣмъ успокоивъ его, присовокупляетъ еще другое утѣшеніе въ словахъ: *коемуждо же дается явленіе Духа на пользу*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: чтожъ изъ того, что одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Господь, одинъ и тотъ же Богъ, когда я получилъ меньше?—(апостоль) говорить, что это *на пользу*. *Явленіемъ Духа* онъ называетъ знаменія, и справедливо. Мнѣ вѣрующему извѣстно, кто имѣетъ Духа,—именно тотъ, кто крещенъ; а для невѣрующаго это ни откуда не видно, какъ только изъ знаменій. И отсюда опять слѣдуетъ не малое утѣшеніе: хотя дарованія различны, но обнаруженіе одинаково; хотя бы ты имѣлъ много, хотя бы мало, ты равно обнаруживаешься, такъ что, если хочешь показать, что ты имѣешь Духа, для этого ты имѣешь достаточно. Итакъ, если одинъ есть Даровавшій, и данное тебѣ даръ, и обнаруженіе можетъ быть, и это наиболѣе полезно тебѣ, то не скорби, какъ будто бы ты былъ презрѣнъ. Не въ безчестіе тебѣ, не для униженія тебя предъ другимъ Богъ поступилъ такъ, но изъ снисхожденія къ тебѣ и желанія тебѣ пользы. Получить больше и не быть въ состояніи вынести—вотъ что бесполезно, и пагубно, и достойно скорби! *Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусъ: другому же въра, тѣмже Духомъ: иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусъ* (ст. 8, 9). Видишь ли, какъ онъ вездѣ прибавляетъ: *о томже Дусъ, тѣмже Духомъ*? Онъ знаетъ, что въ этомъ заключается великое утѣшеніе. *Другому же дѣйствія силъ, иному же пророчества, другому же разсужденія духовомъ, иному же реди языковъ, другому же сказанія языковъ* (ст. 10). Такъ какъ послѣднимъ они болѣе всего гордились, то онъ и поставляетъ это на концъ и присовокупляетъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ* (ст. 11). Вотъ всеобщее врачество утѣшенія: всѣ мы получаемъ отъ одного и того же корня, изъ одной и той же сокровищницы, изъ одного и того же источника! Поэтому-то онъ безпрестанно употребляетъ это слово и тѣмъ уравниваетъ мнимое неравенство и утѣшаетъ. Выше онъ говорилъ, что и Духъ и Сынъ и Отецъ подаютъ дарованія; а здѣсь говоритъ только о Духѣ, чтобы ты и отсюда познать, что у нихъ одно и то же достоинство. Что же значить: *слово премудрости*? То, которое имѣлъ Павелъ, которое имѣлъ Іоаннъ, сынъ грома. А *слово разума*? То, которое имѣли многіе изъ вѣрующихъ, хотя имѣвшіе знаніе, по не бывшіе въ состояніи учить и удобно передавать другому то, что сами

знали. Другому же *отра*: не вѣра въ догматы, но вѣра чудотѣйственная, о которой Христосъ говоритъ: *аще и имате вѣру, яко зерно горюшно, речете гортъ сей: прѣйди, и прѣидеть* (Мѣ. XVII, 20). И апостолы о ней просили, когда говорили: *приложи намъ вѣру* (Лук. XVII, 5). Она—мать чудотвореній. Но имѣть *дѣйствія силъ, и дарованія исцѣленій*—не одно и то же. Кто имѣлъ даръ исцѣленій, тотъ только врачевалъ, а имѣвшій дѣйствія сплъ могъ и наказывать; отъ силы не только врачеваніе, но и наказаніе, какъ напр. Павелъ ослѣпилъ, Петръ поразилъ смертію. *Иному же пророчества, другому же разсужденія духовомъ*. Что значитъ: *разсужденія духовомъ*? Знаніе того, кто духовный и кто не духовный, кто пророкъ и кто обманщикъ, какъ говоритъ онъ и Фессалоникійцамъ: *пророчества не уничижайте, вся же искушающе, добрая держите* (1 Сол. V, 20). Въ то время была великая опасность отъ лжепророковъ, потому что діаволъ всячески старался противопоставить ложь истинѣ. *Иному же роды языковъ, другому же сказанія языковъ*. Иной самъ зналъ, что говорилъ, но другому истолковать не могъ; а иной имѣлъ способность къ тому и другому, или къ чему-нибудь одному изъ двухъ.

4. Этотъ даръ (языковъ) почитался великимъ, потому что его и апостолы прежде всего получили и изъ коринѣянь многіе имѣли, а даръ ученія—не такъ. Потому (апостоль) поставляетъ тотъ прежде, а объ этомъ (говоритъ) послѣ. Между тѣмъ и тотъ для этого, равно какъ и все прочее, и пророчества, и дѣйствія силъ, и роды языковъ, и сказанія языковъ; и ничто не можетъ равняться съ нимъ, какъ онъ самъ говоритъ: *припѣвающихи добръ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающихся въ словѣ и ученіи* (1 Тим. V, 17); и еще въ посланіи къ Тимофею: *тѣмъ ли чтенію, утѣшенію, ученію: не ради о своемъ дарованіи* (1 Тим. IV, 13, 14). Видишь ли, какъ онъ называетъ и это дарованіемъ? Далѣе то же утѣшеніе, которое онъ предложилъ выше въ словахъ: *тойжде Духъ*, повторяетъ и здѣсь, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хочетъ*.

И не только утѣшаетъ, но и заграждаетъ уста противнику словамъ: *раздѣляя особо коемуждо, якоже хочетъ*, потому что утѣшая надобно и вразумлять, какъ онъ поступаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *ты кто еси противу отвѣщайя Богови* (Рим. IX, 20)? Такъ и здѣсь: *раздѣляя особо коемуждо, якоже хочетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что принадлежащее Отцу принадлежитъ и Духу. Какъ объ Отцѣ сказалъ: *а тойжде Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ*, такъ и о Духѣ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*. Но дѣйствуетъ, скажешь, подъ вліяніемъ Бога?

246 Нигдѣ (апостолѣ) не сказалъ этого, а ты самъ это выдумываешь. Когда онъ говорить: *дѣйствующій вся во всѣхъ*, говорить это о людяхъ, а вовсе не считаетъ съ людьми и Духа, хотя бы ты тысячу разъ, какъ безумный, повторялъ это. Такъ какъ онъ выше сказалъ: *Духомъ* (*διὰ τοῦ πνεύματος*), то, чтобы ты не подумалъ, что это выраженіе означаетъ униженіе (Духа) или зависимость (дѣйствій Его отъ другого), присовокупляетъ, что Духъ *дѣйствуетъ*, а не побуждается къ дѣйствию, и дѣйствуетъ, *якоже хочетъ*, а не какъ повелѣваютъ Ему. Какъ объ Отцѣ Сынъ говорить, что Онъ *воскрешаетъ мертвыхъ и живить*, равно и о Себѣ самомъ, что Онъ *иже хочетъ, живить* (Іоан. v, 21), такъ и о Духѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что Онъ дѣлаетъ все со властію и ничто Ему не препятствуетъ, — слова: *идже хочетъ, дышетъ* (Іоан. iii, 8), хотя сказаны о вѣтрѣ, именно это и доказываютъ, — а здѣсь говорится, что Онъ *вся дѣйствуетъ, якоже хочетъ*. Изъ другого мѣста можешь видѣть, что Онъ не изъ тѣхъ, чрезъ кого дѣйствуютъ, но самъ дѣйствуетъ: *кто бо есть*, говорить (апостолъ), *яже въ человѣкѣ, точію духъ человека? Такжеже и Божія никтоже есть, точію Духъ Божій* (1 Кор. ii, 11). Духъ человѣка, т. е. душа, не имѣетъ нужды въ постороннемъ воздѣйствіи, чтобы знать свое; это всякому извѣстно; слѣдовательно и Духъ Святой — чтобы знать Божіе: потому и говорить, что Духъ Святой знаетъ тайны Божія такъ же, какъ душа человѣческая свои тайны. Если же въ этомъ случаѣ Онъ не побуждается къ дѣйствию (къ-мъ-нибудь другимъ), то зная глубины Божіи и дѣйствуя безъ посторонняго вліянія въ раздаваніи даровъ апостоламъ, Онъ тѣмъ болѣе самъ не находится въ зависимости. Кромѣ того скажу и то, что я говорилъ прежде. Что именно? То, что если бы Духъ былъ меньше и не единосущенъ (Отцу и Сыну), то не было бы никакого утѣшенія въ словахъ, что дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ. Получившій что-нибудь отъ царя имѣетъ великое утѣшеніе въ томъ, что (царь) самъ далъ ему; а получившій отъ раба можетъ еще болѣе печалиться, что ему принесъ это посторонній. Такимъ образомъ и отсюда ясно, что Духъ Святой не рабскаго, а царскаго существа. Апостолъ утѣшаетъ коринѳяны какъ словами: *раздѣленія служеній суть, а тойжеде Господь, и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжеде Богъ*, такъ и вышесказанными: *раздѣленія дарованій суть, а тойжеде Духъ*, и послѣдующими: *всяже сія дѣйствуетъ одинъ и тойжеде Духъ, раздѣляя особо комужедо, якоже хочетъ*. Не будемъ же, говорить, унывать, скорбѣть и говорить: почему я то получилъ, а этого не получилъ? Не будемъ требовать отчета отъ Святого Духа. Если ты знаешь, что Онъ подаетъ по своему промысленію, и сознаешь, что, по тому же промысленію, Онъ подаетъ въ

извѣстной мѣрѣ, то будь доволенъ и радуйся тому, что получаешь; не огорчайся тѣмъ, чего не получилъ, но еще воздавай благодарность за то, что не получилъ выше силъ своихъ.

5. Если же касательно духовныхъ (благъ) не должно быть слишкомъ пытливымъ, то тѣмъ болѣе касательно вещественныхъ должно оставаться спокойнымъ и не изслѣдовать, почему такой-то богатъ, а такой-то бѣденъ. Не всякій богатъ отъ Бога, но многіе и отъ неправды, грабительства и любостыжанія. Развѣ Тотъ, кто повелѣлъ не собирать богатства, подасть то, чего не велѣлъ приобрѣтать? А чтобы еще болѣе заградить уста возражающихъ, 247 обратимся къ древнимъ временамъ, когда богатство давалось отъ Бога. Отвѣчай мнѣ: почему Авраамъ былъ богатъ, а Іаковъ нуждался даже въ хлѣбѣ? Не былъ ли послѣдній такъ же праведенъ, какъ и первый? Не равно ли о троихъ говорилъ Господь: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковъ* (Исх. ш, 6)? Почему же одинъ былъ богатъ, а другой трудился, какъ наемникъ? Почему даже Исавъ—нечестивецъ и братоненавистникъ—былъ богатъ, а онъ (Іаковъ) былъ рабомъ столь долгое время? Почему опять Исаакъ жилъ всегда спокойно, а Іаковъ въ трудахъ и бѣдствіяхъ, вслѣдствіе чего и говорилъ: *малы и злы дніе мои* (Быт. хлvi, 9)? Почему Давидъ, пророкъ и царь, постоянно жилъ въ трудахъ, а Соломонъ, сынъ его, сорокъ лѣтъ прожилъ спокойно всѣхъ людей, наслаждаясь глубокимъ миромъ, честію и удовольствіями всякаго рода? Почему изъ пророковъ иной больше, а иной меньше терпѣлъ скорби? Потому, что каждому свое было полезно.

Потому въ отношеніи каждаго слѣдуетъ сказать: *судбы твоя бездна многа* (Пс. xxxiv, 7). Если же мужей великихъ и дивныхъ Богъ назидаль не одинаковымъ образомъ, но иного бѣдностію, другого богатствомъ, иного спокойствіемъ, другого скорбію, то тѣмъ болѣе нынѣ надобно то же думать. Выѣстъ съ тѣмъ надобно помнить и то, что многое случается не по Его намѣренію, а отъ нашей злобы. Не говори же: почему одинъ богатъ, не смотря на то, что пороченъ, а другой бѣденъ, не смотря на то, что праведенъ? Очень легко можно дать на это отвѣтъ и сказать: праведникъ не терпитъ никакого вреда отъ бѣдности, напротивъ еще болѣе прославляется, а злой человѣкъ ведется богатствомъ къ мученію, если не перемѣнится; и еще прежде наказанія богатство часто бывало для него причиною многихъ золъ и ввергало его въ безчисленныя пропасти. Богъ же попускаетъ это, съ одной стороны, въ знакъ свободы (человѣческой) воли, съ другой—для наученія прочихъ не бѣсноваться и не гоняться за деньгами. А что, скажешь, если человѣкъ порочный богатъ и не терпитъ ничего худого? Если онъ добродѣтеленъ и богатъ, это справедливо;

а если пороченъ; то что намъ сказать? То, что и въ такомъ случаѣ онъ жалокъ; богатство, присоединяясь къ пороку, увеличиваетъ зло. А если онъ добродѣтеленъ и бѣденъ? Это нисколько не вредить ему. А если пороченъ и бѣденъ? Значить, онъ терпитъ это справедливо и по достоинству, и даже съ пользою для себя. Но такой-то, скажешь, получить богатство отъ предковъ и расточаетъ его на блудницъ и тунеядцевъ и не терпитъ ничего худого. Что ты говоришь? Онъ блудодѣйствуетъ, а ты говоришь, что онъ не терпитъ ничего худого? Онъ пьянствуетъ, а ты думаешь, что онъ наслаждается? Онъ проживается на дѣла непотребныя, а ты считаешь его достойнымъ подражанія? Что можетъ быть хуже человѣка, погубляющаго свою душу? Если у кого-нибудь искажено и изуродовано тѣло, то ты считаешь его достойнымъ безмѣрныхъ слезъ; а видя, что вся душа его искажена, ты считаешь его даже блаженнымъ? Но онъ, скажешь, не чувствуетъ этого? Потому-то самому онъ еще болѣе жалокъ, подобно сумасшедшимъ. Кто знаетъ, что онъ боленъ, тотъ конечно будетъ искать врача и приметъ лѣкарство; а кто не сознаетъ своей болѣзни, тотъ не можетъ и освободиться отъ нея. И, скажи мнѣ, такого-то ты считаешь блаженнымъ? Впрочемъ это нисколько не удивительно; люди большею частію неопытны въ любознудіи. Оттого мы и подвергаемся крайнему осужденію, наказываемся и
248 не бываемъ свободны отъ мученія, оттого у насъ непрестанныя неудовольствія, огорченія и безпокойства, что мы, оставляя указанную намъ Богомъ жизнь безпечальную, т. е. жизнь добродѣтельную, пролагаемъ себѣ другой путь — обогащенія и любостыжанія, исполненный безчисленныхъ золъ: мы поступаемъ такъ же, какъ если бы кто, не понимая красоты тѣлесной, но долагая все достоинство въ одеждѣ и навіѣшенныхъ украшеніяхъ, оставилъ безъ вниманія женщину благоразумную и красивую отъ природы, а некрасивую, безобразную и уродливую, но только одѣтую въ красивыя одежды, взялъ бы себѣ въ жены. Подобнымъ же образомъ поступаютъ нынѣ многіе и касательно добродѣтели и порока: къ гнусному по природѣ (пороку) прилѣпляются за внѣшнія его украшенія, а отъ прекрасной и благообразной (добродѣтели) отвращаются за непокрытую ея красоту, за которую тѣмъ болѣе надлежало бы возлюбить ее.

6. Стыжусь, что между несмысленными язычниками есть люди, любознудствующіе такъ, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ мысляхъ, и знающіе скоротечность настоящаго, а у насъ нѣкоторые и этого не знаютъ, даже имѣютъ превратное сужденіе, и притомъ тогда, какъ Писаніе непрестанно повторяетъ намъ: *уничуженъ есть предъ нимъ лукавнуй, боящияся же Господа*

славить (Пс. хiv, 4); *страхъ Господень наче всего предъустъ* (Сир. ххv, 14); *Бога бойся, и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человекъ* (Еккл. хii, 13); *не ревнуй лукавнующимъ* (Пс. хххvi, 1); *не убойся, гдѣ разбогатеетъ человекъ* (Пс. хlvш, 17); *всяка плоть трава, и всяка слава человекъ яко цвѣтъ травный* (Пс. хi, 6). Слыша это и тому подобное каждый день, мы однако прилѣпляемся къ землѣ. Какъ дѣти еще не совсѣмъ выучившіеся азбукѣ, когда приказываютъ имъ называть буквы не по порядку, часто называютъ однѣ вмѣсто другихъ, и тѣмъ возбуждаютъ большой смѣхъ, такъ и вы, когда исчисляемъ вамъ все по порядку, кое-какъ еще слѣдите, а когда спросимъ васъ порознь, какую вещь надобно поставить на первомъ мѣстѣ, какую на второмъ, и такъ далѣе, то вы не знаете, что сказать, и становитесь смѣшными. Подлинно, не крайне ли смѣшно, скажи мнѣ, что люди, ожидающіе безсмертія и благъ, *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не аздыша* (1 Кор. iii, 9), гоняются за благами здѣшними и считаютъ ихъ достойными состоязанія? Если ты еще имѣешь нужду учиться тому, что богатство не представляетъ ничего великаго, что настоящее есть тѣнь и сонъ, что оно разсѣвается и разлетается, подобно дыму, то стой внѣ святилища и оставайся въ преддверіи, потому что ты еще не достоинъ войти въ горніе царскіе чертоги. Если ты еще не умѣешь разсудить, что (настоящее) по существу своему непостоянно и скоропреходяще, то какъ ты сможешь презирать его? А если скажешь, что умѣешь, то перестань изслѣдовать и спрашивать, почему такой-то богатъ, а такой-то бѣденъ. Спрашивать объ этомъ значитъ дѣлать то же, какъ если бы ты ходилъ и спрашивалъ, почему такой-то бѣлъ, а такой-то черенъ, или почему у такого-то носъ загнутый, а у такого-то тупой. Какъ въ подобныхъ вещахъ намъ безразлично, такъ ли это, или иначе,—такъ должно быть и въ томъ, бѣденъ ли кто или богатъ, и даже гораздо менѣе въ послѣднемъ, нежели въ первомъ. Все зависитъ отъ способа употребленія: хотя бы ты былъ бѣденъ, ты можешь жить благодушно, если будешь любомудръ; хотя бы ты былъ богатъ, ты несчастнѣе всѣхъ, если чуждаешься добродѣтели. Намъ важно то, что добродѣтельно; а безъ этого все прочее совершенно бесполезно. Оттого и происходятъ эти частые вопросы, что многіе считаютъ 249

бесполезное для нихъ полезнымъ, а о полезномъ нисколько не заботятся. Полезное для насъ—это добродѣтель и любомудріе. Но вы слишкомъ далеки отъ нихъ; оттого у васъ и смятеніе помысловъ, многія волны и буря, потому что кто удаляется отъ горней славы и любви къ небу, тотъ обращается къ благамъ настоящимъ и дѣлается ихъ рабомъ и плѣнникомъ. Отчего же, скажешь, мы

стремимся къ нимъ? Оттого, что не слишкомъ стремимся къ благамъ небеснымъ. А отчего это происходитъ? Отъ нерадѣнія. А нерадѣніе откуда? Отъ невнимательности. А невнимательность
 250 откуда? Отъ неразумѣнія, оттого, что останавливаемся на благахъ настоящихъ и не хотимъ тщательно изслѣдовать существо вещей. Отчего же опять это происходитъ? Оттого, что не читаемъ Писаній, не бесѣдуемъ съ святыми мужами, а ищемъ общества людей порочныхъ. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая насъ одна за другою, не увлекли въ море золь, не потопили и не погубили совершенно, возстанемъ, пока есть время, и, утвердившись на скалѣ, т. е. на догматахъ и словѣ Божіемъ, будемъ взирать на бурю настоящей жизни. Такимъ образомъ мы и сами избавимся отъ ней и, спасая другихъ, подвергающихся кораблекрушенію, удостоимся будущихъ благъ, благодатию и челоуѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXX.

249 Якоже бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христось (1 Кор. хп, 12).

1. Утѣшивъ (коринѣянъ) тѣмъ, что всякое дарованіе есть даръ благодати, что все подается однимъ и тѣмъ же Духомъ и подается на пользу, что (Духъ) открывается и въ меньшихъ дарованіяхъ, и вмѣстѣ заградивъ имъ уста тѣмъ убѣжденіемъ, что должно покоряться власти Духа,—*вся бо сія дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хочетъ*, и потому не должно быть слишкомъ пытливымъ,—(апостолъ) утѣшаетъ ихъ еще инымъ общензвѣстнымъ сравненіемъ, обращаясь къ природѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ. Такъ, бесѣдуя о волосахъ мужей и женъ, онъ между прочимъ употребилъ такой же способъ ученія и сказалъ: *или и не самое естество учить вы, яко мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть, жена же аще власы раститъ, слава сѣ есть* (1 Кор. хі, 14)? Разсуждая объ идольскихъ жертвахъ и запрещая касаться ихъ, также употребилъ сравненіе, заимствованное изъ языческихъ обычаевъ, напомнивъ объ олимпійскихъ играхъ и сказавъ: *текущии съ позорищи вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почестъ* (1 Кор. іх, 24); кромѣ того указывалъ на примѣры пастырей, воиновъ и земледѣльцевъ. Точно такъ

и здѣсь приводитъ общезвѣстное сравненіе, которымъ старается доказать, что никто (изъ христіанъ) не униженъ предъ другими,—какъ ни странно и ни трудно было доказывать это,—и которое могло убѣдить даже самыхъ простыхъ людей, то есть сравненіе съ тѣломъ. Человѣка малодушнаго и получившаго меньше другихъ ничто такъ не утѣшаетъ и не располагаетъ оставить скорбь, какъ убѣжденіе, что онъ не униженъ предъ другими. Потому (апостолъ) и доказываетъ это: *якоже бо, говорить, тѣло едино есть и уди имать мнози*. Видишь ли его глубокую мудрость? Онъ доказываетъ, что одно и то же есть единое и многое. Раскрывая еще болѣе этотъ предметъ, присовокупляетъ: *еси же уди единого тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: многіе члены принадлежатъ одному тѣлу, но: единое тѣло есть многое, и многіе члены его суть единое. Если же многое есть единое и единое многое, то гдѣ различіе, гдѣ преимущество, гдѣ униженіе? *Вси же, говорить, едино суть*: не просто *едино*, но, будучи раз- 250 ссматриваемы собственно въ отношеніи къ составу тѣла, всѣ они—едино; а когда они рассматриваются порознь, тогда—различіе, и притомъ различіе во всѣхъ ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ самъ по себѣ составить тѣла, и каждый одинаково недостаточенъ къ тому, чтобы составить тѣло, а необходимо для этого ихъ соединеніе; когда многіе сдѣлаются единымъ, тогда и составляется одно тѣло. Выражая это, онъ и говоритъ: *еси же уди тѣла мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: высшіе и низшіе, но: *мнози суще*, что относится ко всѣмъ вообще. Какъ же они могутъ быть едино? Когда, оставивъ различіе ихъ, какъ членовъ, будешь рассматривать ихъ по отношенію къ тѣлу. Что глазъ, то же и нога, въ томъ отношеніи, что они—члены и составляютъ тѣло; въ этомъ между ними нѣтъ никакого различія. Не можешь сказать, что одинъ какой-нибудь членъ составляетъ тѣло самъ по себѣ, а другой нѣтъ; въ этомъ отношеніи они всѣ равны, и всѣ—одно тѣло.

Сказавъ и ясно доказавъ это по общему всѣмъ здравому смыслу, (апостолъ) присовокупляетъ: *такъ и Христосъ*. Надлежало бы сказать: такъ и Церковь,—это именно слѣдовало изъ предъидущаго,—но онъ не сказалъ такъ, а вмѣсто Церкви наименовать Христа, употребивъ выраженіе болѣе возвышенное и болѣе пристыдивъ слушателя. Смыслъ словъ его слѣдующій: такъ и тѣло Христово, которое есть Церковь. Какъ тѣло и голова составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христосъ, говорить, едино суть; потому и именуетъ вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его. Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоятъ изъ многихъ членовъ, такъ и въ Церкви всѣ мы со-

ставляемъ нѣчто единое; хотя она состоитъ изъ многихъ членовъ, но эти многіе суть одно тѣло. Такимъ образомъ, успокоивъ и ободривъ общезвѣстнымъ примѣромъ того, кто считалъ себя униженнымъ, (апостоль) оставляетъ обыкновенные предметы и переходитъ къ другому предмету—духовному, который могъ доставить еще больше утѣшенія и ясно показать равенство чести (у членовъ Церкви). Какому же? *Ибо единѣмъ Духомъ, говорить, мы вси во едино тѣло крестихомся; аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни* (ст. 13). Смыслъ словъ его слѣдующій: одинъ Духъ составилъ изъ насъ одно тѣло и возродилъ насъ, потому
 251 что не инымъ Духомъ крещенъ одинъ, а инымъ другой. И не только крестившій насъ (Духъ) есть одинъ, но и то, во что Онъ крестилъ, то есть для чего крестилъ, есть едино, такъ какъ мы крестились не для того, чтобы составлять различныя тѣла, но чтобы всѣ мы въ точности составляли одно тѣло въ отношеніи другъ къ другу, то есть крестились для того, чтобы всѣмъ намъ быть однимъ тѣломъ.

2. Такимъ образомъ и составившій насъ одинъ, и то, во что онъ составилъ насъ, едино. И не сказалъ (апостоль): чтобы мы принадлежали одному тѣлу, но: *мы вси во едино тѣло*: онъ всегда старается употреблять самыя точныя выраженія. Хорошо также сказалъ: *мы вси*, включивъ и себя самого. И я, апостоль, не имѣю, говорить, предъ тобою никакого преимущества въ этомъ отношеніи; и ты тѣло такъ, какъ я, и я такъ, какъ ты, и всѣ мы имѣемъ одну и ту же Главу и родились одинаковымъ рожденіемъ, потому и составляемъ одно и то же тѣло. Но что я указываю, говорить, на іудеевъ? И язычниковъ, которые были такъ далеки отъ насъ, Богъ привелъ въ составъ единого тѣла. Потому, сказавъ: *мы вси*, онъ не останавливается на этомъ, но прибавляетъ: *аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни*. Если же мы, бывшіе прежде столь далекими другъ отъ друга, соединились и стали едино, то тѣмъ болѣе послѣ соединенія намъ не слѣдуетъ скорбѣть и унывать, такъ какъ уже нѣтъ мѣста различію. Если Онъ удостоилъ одного и того же и язычниковъ и іудеевъ, и рабовъ и свободныхъ, то, удостоивъ, станетъ ли раздѣлять насъ, тогда какъ самое сообщеніе дарованій служить къ совершеннѣйшему единенію? *И вси единѣмъ Духомъ напоихомся. Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози* (ст. 14). Т. е. всѣ мы приступаемъ къ одному и тому же таинству, вкушаемъ отъ одной и той же трапезы. Почему же онъ не сказалъ: мы питаемся однимъ и тѣмъ же тѣломъ и пьемъ одну и ту же кровь? Потому что, наименовавъ Духа, онъ означилъ то и другое, и кровь и плоть; чрезъ то и другое мы напояемся единымъ Духомъ. Впро-

чемъ, мѣ кажется, что онъ говоритъ здѣсь о томъ наитіи Духа, которое совершается надъ нами при крещеніи, еще прежде таинства причащенія. *Напоихомся*—сказалъ онъ потому, что это переносное выраженіе весьма прилично настоящему предмету, какъ будто бы онъ говорилъ о растеніяхъ и садѣ, что всѣ дерева орошаются однимъ и тѣмъ же источникомъ, одною и тою же водою. Такъ точно и мы всѣ, говоритъ, напойемся однимъ и тѣмъ же Духомъ, сподобляемся одной и той же благодати. Итакъ, если единый Духъ составилъ насъ, и въ едино тѣло соединилъ всѣхъ насъ,—а это означаютъ слова: *во едино тѣло крестихомся*,—и одну трапезу даровалъ, и одно и то же орошеніе сообщилъ всѣмъ,—а это означаютъ слова: *единымъ Духомъ напоихомся*,—и столь далекихъ между собою соединилъ вмѣстѣ и многіе только тогда составляютъ тѣло, когда становятся едино, то о какомъ твердишь ты различіи? Если же скажешь, что членовъ много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляетъ особенность тѣла, а именно, что въ немъ многое и различное составляетъ одно; а еслибы не было множества, то не было бы такъ удивительно и чудно, что тѣло одно; или лучше, тогда не было бы и тѣла. Впрочемъ, это (апостоль) объясняетъ послѣ, а теперь пока обращается къ самымъ членамъ и говоритъ: *аще речетъ нога, яко нѣсмь рука, нѣсмь отъ тѣла, еда сего ради нѣсть отъ тѣла? И аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла, еда сего ради нѣсть отъ тѣла* (ст. 15, 16)? Если бы то, что одинъ меньше, а другой больше, препятствовало входить въ составъ тѣла, то не стало бы и всего тѣла. Потому не говори: я не тѣло, потому что 232 я меньше другихъ; и нога занимаетъ низшее мѣсто, но и она въ составѣ тѣла. Быть или не быть въ составѣ тѣла зависеть не отъ положенія въ томъ или другомъ мѣстѣ,—это производитъ только различіе въ мѣстѣ,—но отъ слитія или раздѣла; быть или не быть тѣломъ зависеть отъ соединенія съ нимъ или несоединенія. И замѣть мудрость (Павла), съ какою онъ представляетъ наши члены произносящими эти слова. Какъ выше онъ говорилъ: *сія преобразихъ на себе и Аполооса* (iv, 6), такъ и здѣсь, чтобы сдѣлать рѣчь свою еще болѣе кроткою и удобопріемлемою, представляетъ говорящими самыя члены, чтобы (читатели), слыша отвѣтъ себѣ отъ самой природы, обличаясь самымъ опытомъ и общимъ здравымъ смысломъ, не могли болѣе противорѣчить. Хотя бы, говоритъ, и вы говорили тоже самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть внѣ тѣла, потому что какъ законъ природы, такъ и еще болѣе сила благодати все соблюдаетъ и сохраняетъ. И смотри, какъ онъ избѣгаетъ излишества: говоритъ не о всѣхъ членахъ, а только о двухъ, и притомъ крайнихъ, о

самомъ высшемъ—глазѣ, и самомъ низшемъ—ногахъ. Кромѣ того представляетъ ногу говорящую не съ глазомъ, но съ рукою, которая немного выше ея, а ухо—съ глазомъ. Какъ мы обыкновенно завидуемъ не тѣмъ, которые слишкомъ превосходятъ насъ, а тѣмъ, которые немного выше насъ, такъ и онъ дѣлаетъ свое сравненіе. *Аще же все тѣло око, гдѣ слухъ? Аще же все слухъ, гдѣ уханіе* (ст. 17)? Такъ какъ онъ указалъ на различіе членовъ, упомянулъ о ногахъ, рукахъ, глазахъ и ушахъ, и тѣмъ подаль мысль о низшемъ и высшемъ достоинствѣ, то, смотри, какъ опять утѣшаетъ и показываетъ, что это полезно, что оттого преимущественно и бываетъ тѣло тѣломъ, что члены у него многіе и различные. Если бы они всѣ были одно, то и не составили бы тѣла; потому онъ и говоритъ: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* Впрочемъ это говоритъ онъ послѣ; а теперь выражаетъ нѣчто еще большее, именно, что въ такомъ случаѣ не только не было бы тѣла, но не было бы и прочихъ членовъ: *аще все слухъ, говоритъ, гдѣ уханіе?*

3. Далѣе, такъ какъ (слушатели) еще могли смущаться, онъ и здѣсь дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ выше. Какъ тамъ, утѣшивъ указаніемъ на пользу, совершенно заградилъ имъ уста, сказавъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя особо коемуждо, якоже хощетъ*, такъ и здѣсь, доказавъ, что все устроено такъ съ пользою, онъ опять приписываетъ все волѣ Божіей и говоритъ: *нынѣ же положи Богъ уды, единого коегождо изъ въ тѣлеси, якоже изволи* (ст. 18). Какъ о Духѣ сказалъ: *якоже хощетъ*, такъ и здѣсь: *якоже изволи*. Поэтому не спрашивай, почему такъ, и почему не такъ. Хотя бы мы могли представить тысячи причинъ, мы ничѣмъ не можемъ столько же сильно доказать, что это хорошо, сколько словами: какъ восхотѣлъ высочайшій Художникъ, такъ и сдѣлалось, потому что Онъ хочетъ такъ, какъ полезно. Если же не должно быть слишкомъ пытливымъ касательно членовъ въ нашемъ тѣлѣ, то тѣмъ болѣе—въ Церкви. И замѣть 253 мудрость (апостола): онъ указываетъ не на различіе членовъ по природѣ или по дѣятельности, а на различіе по мѣстному положенію: *нынѣ же, говоритъ, положи Богъ уды, единого коегождо изъ въ тѣлеси, якоже изволи*. Хорошо онъ сказалъ: *коегождо*, выразивъ пользу всѣхъ ихъ. Ты не можешь сказать, что такой-то членъ устроилъ Господь, а такой-то нѣтъ; но каждый поставленъ такъ по Его волѣ; и ногѣ полезно быть на такомъ именно мѣстѣ, а не одной только головѣ; и если бы (какой-нибудь членъ) перемѣнилъ положеніе, оставилъ свое мѣсто и перешелъ на другое, то хотя повидимому занялъ бы лучшее мѣсто, но погубилъ бы и разстроилъ все; онъ потерялъ бы свое мѣсто и не достигъ

нулъ бы чужого. *Аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло? Нынѣ же мнози убо удоуе, едино же тѣло* (ст. 19, 20). Довольно заградивъ уста указаніемъ на распоряженіе Божіе, онъ опять представляетъ сужденія; вообще онъ не употребляетъ постоянно того или другого, но мѣняетъ и разнообразитъ рѣчь свою. Кто только заграждаетъ уста, тотъ смущаетъ слушателя; а кто приучаетъ его требовать на все объясненія, тотъ вредитъ его вѣрѣ. Потому Павелъ постоянно дѣлаетъ то и другое, чтобы они и не ослабѣвали въ вѣрѣ и не смущались; заградивъ уста, опять предлагаетъ объясненіе. И посмотри на его искусство въ состязаніи и превосходство его побѣды: изъ чего они заключали о неравенствѣ чести, — т. е. что между ними было большое различіе, — изъ того самаго онъ доказываетъ, что они имѣютъ равную честь. А какъ? Вотъ какъ: *аще ли быша, говоритъ, вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: если бы не было между вами великаго различія, то вы не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имѣли бы равной чести; если бы вы всѣ имѣли равную честь, то не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, какъ вы имѣли бы равную честь? Теперь же, такъ какъ вы всѣ имѣете не одно дарованіе, то и составляете тѣло; а будучи тѣломъ, вы всѣ составляете едино и ничѣмъ не различаетесь другъ отъ друга въ томъ отношеніи, что составляете тѣло. Слѣдовательно, это именно различіе и производитъ равенство чести. Потому онъ и присовокупляетъ: *нынѣ же мнози убо удоуе, едино же тѣло*. Представляя себѣ это, оставимъ и мы всякую зависть; не будемъ ни завидовать тѣмъ, которые имѣютъ больше дарованій, ни презирать тѣхъ, которые имѣютъ меньше. Такъ угодно было Богу; не будемъ же противиться. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не въ состояніи исполнить твоего дѣла, и потому, хотя ты меньше его, но въ этомъ отношеніи превосходишь его; а онъ, хотя и больше тебя, но въ этомъ отношеніи меньше, и такимъ образомъ вы равны. И въ тѣлѣ члены, повидимому, маловажные совершаютъ немаловажныя дѣйствія, но часто причиняютъ погибель и важнымъ, если будутъ отдѣлены отъ нихъ. Что напр. въ тѣлѣ маловажныя волосы? Но если уничтожишь ихъ на бровяхъ и рѣсницахъ, то отнимешь все благообразіе у лица, и глазъ уже не будетъ такъ красивъ; хотя потеря не важная, но отъ ней теряется все благообразіе, и не только благообразіе, но въ большой степени и употребленіе глазъ. Члены наши имѣютъ каждый и свою частную дѣятельность и общую; равно и красота ихъ есть и частная и общая; и тогда какъ они повидимому раздѣлены между собою.

254 на самомъ дѣлѣ тѣсно соединены, такъ что съ поврежденіемъ одного повреждается и другой. Смотри: пусть будутъ у кого-нибудь глаза свѣтлыя, щеки улыбающіяся, уста розовыя, носъ прямой, брови стройныя; но, если повредишь что-нибудь изъ этого, то исказишь общую красоту всего; все будетъ безобразнымъ, и казавшееся прежде прекраснымъ представится отвратительнымъ. Если напр. исказишь только край носа, то во всемъ произведешь великое безобразіе, хотя искаженъ одинъ только членъ; и съ рукою, если оторвешь хотя ноготь одного пальца, произойдетъ тоже самое.

4. А если желаешь видѣть это на дѣятельности (членовъ), то отними одинъ палецъ, и увидишь, что и прочіе будутъ менѣе дѣятельны и не такъ будутъ исполнять свое назначеніе. Если же поврежденіе члена есть общее безобразіе и сохраненіе есть общая красота, то не будемъ превозноситься и завидовать ближнимъ. Важный членъ бываетъ красивъ и благообразенъ чрезъ членъ маловажный, и глазъ украшается бровями; потому тотъ воистиннѣе противъ самого себя, кто воистиннѣе противъ брата, потому что не только ему вредить, но не малый ущербъ наносить и себѣ самому. Итакъ, чтобы этого не было, будемъ заботиться какъ о себѣ самихъ, такъ и о ближнихъ; подобіе тѣла приложимъ и нынѣ къ Церкви, и будемъ пещись о всѣхъ, какъ о собственныхъ членахъ. И въ Церкви есть многіе и различные члены, и одни изъ нихъ важнѣе, другіе маловажнѣе; такъ, есть лики дѣвственницъ, есть общества вдовицъ, есть братства сіяющихъ въ цѣломудренномъ бракѣ, и много степеней добродѣтели. Также и въ дѣлахъ милосердія: одинъ раздастъ все, другіе довольствуются только необходимымъ и сверхъ того ничего не ищутъ, иные подають отъ избытка; но всѣ они взаимно украшаютъ другъ друга. Если большій станетъ унижать меньшаго, то всего больше повредить себѣ самому; такъ, если дѣва станетъ поносить брачную, то не мало потеряетъ мзды своей; и раздавшій все, если станетъ поносить не сдѣлавшаго этого, много потеряетъ заслугъ своихъ.

Но что я говорю о дѣвахъ, вдовицахъ и людяхъ нестяжательныхъ? Что униженіе просящихъ милостыни? Однако и они приносятъ въ Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверяхъ храма и составляя великое украшеніе, такъ что безъ нихъ не была бы совершенна полнота Церкви. Это видѣли и апостолы, и потому въ самомъ началѣ постановили правила какъ о всемъ прочемъ, такъ и о вдовицахъ, и прилагали о нихъ такое попеченіе, что поставили (для служенія) имъ семь діаконовъ. Когда я исчисляю членовъ Церкви, то, называя еписко-

повѣ, пресвитеровъ, діаконѡвъ, дѣвственницъ и воздержныхъ; называю также и вдовицъ, потому что и онѣ исполняютъ не маловажную службу. Ты приходишь (въ церковь), когда захочешь; а онѣ день и ночь здѣсь присутствуютъ и поютъ, дѣлая это не для одной только милостыни, потому что если бы онѣ только этого хотѣли, то могли бы ходить на торжищъ и просить на перекресткахъ; но онѣ имѣютъ не мало и благочестія. По- 255
смотри, въ какой онѣ печи бѣдности, и между тѣмъ ты не услышишь, чтобы онѣ когда-нибудь роптали, или выражали огорченіе, какъ дѣлаютъ многіе изъ богатыхъ; инныя изъ нихъ часто засыпаютъ голодныя, другія постоянно забнутъ отъ холода, и однако проводятъ жизнь въ благодареніи и славословіи. Подашь ли имъ оволь, онѣ благодарятъ и высказываютъ подавшему тысячу благожеланій; не дашь ли ничего, онѣ не огорчаются, но и тогда благословляютъ и сохраняютъ любовь, довольствуясь насущнымъ пропитаніемъ. Но, скажешь, онѣ терпятъ по необходимости, хотя бы и не хотѣли этого. Почему такъ, скажи мнѣ? Для чего произнесъ ты эти горькія слова? Развѣ нѣтъ постыдныхъ ремеслъ, прибыльныхъ для стариковъ и для старухъ? Развѣ онѣ не могли бы, если бы не хотѣли вести честную жизнь, получать и оттуда пропитаніе съ великимъ избыткомъ? Развѣ не видишь, сколько въ этомъ возрастѣ людей, развращающихъ и споспѣшествующихъ разврату, или имѣющихъ другія подобныя занятія, которыя доставляютъ имъ пропитаніе и даже роскошь? Но онѣ не таковы, а готовы скорѣе умереть съ голода, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасеніе; онѣ сидятъ цѣлый день, предлагая тебѣ средство къ спасенію. Не такъ успѣшно врачъ, простирая руку и прилагая желѣзо, очищаетъ гнилыя раны, какъ нищій, протягивая руку и получая милостыню, изглаждаетъ струны язвъ; и, что особенно удивительно, онѣ безъ боли и страданій совершаютъ это превосходное врачеваніе. Не менѣе насъ, сидящихъ предъ народомъ и поучающихъ васъ полезному, поучаетъ и онѣ своимъ молчаніемъ и видомъ, сидя у дверей церковныхъ. Мы каждый день внушаемъ вамъ: не высокоумствуй, человѣкъ; скоротечно и непостоянно естество человеческое; юность спѣшитъ обратиться въ старость, красота въ безобразіе, сила въ немощь, честь въ безчестіе, здоровье въ болѣзнь, слава въ посрамленіе, богатство въ бѣдность; все наше подобно быстрому потоку, который не можетъ нигдѣ остановиться, но быстро стремится внизъ.

5. Тоже самое и еще больше того внушаютъ и они своимъ видомъ и примѣромъ, и внушеніе ихъ есть самое ясное. Сколько изъ сидящихъ теперь внѣ (храма) красовались въ юности и со-

вершали великія дѣла? Сколько изъ этихъ безобразныхъ превосходили многихъ и крѣпостію тѣла и красотою лица? Не сомнѣвайтесь и не смѣйтесь: жизнь исполнена множества такихъ примѣровъ. Если многіе изъ бѣдныхъ и низкихъ часто дѣлались царями, то что удивительнаго, если иные изъ великихъ и славныхъ стали низкими и бѣдными? Первое гораздо болѣе удивительно, а послѣднее весьма обыкновенно. Потому слѣдуетъ не сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличались искусствами, воинскими дѣлами или богатствомъ, но жалѣть о нихъ съ великимъ состраданіемъ и опасаться самимъ за себя, чтобы и намъ не потерпѣть когда-нибудь того же; вѣдь и мы — люди и подлежимъ той же скоротечной переменѣ. Но, можетъ быть, кто-нибудь изъ неразумныхъ и склонныхъ къ смѣшливости.

256 станетъ недоумѣвать и смѣяться надъ вами, и скажетъ: когда ты перестанешь говорить о бѣдныхъ и нищихъ, предсказывать намъ несчастія, проповѣдывать нищету и стараться сдѣлать насъ нищими? Нѣтъ, не нищими стараюсь я сдѣлать васъ, когда говорю это; но стараюсь доставить вамъ небесное богатство, подобно какъ напоминающій здоровому о больныхъ и описывающій ихъ страданія говорить это не для того, чтобы сдѣлать его больнымъ, но чтобы сохранить его здоровье и страхомъ ихъ несчастій предохранить его отъ безпечности. Для васъ бѣдность кажется чѣмъ-то страшнымъ и ужаснымъ даже по одному названію; но потому мы и бѣдны, что боимся бѣдности, хотя бы имѣли тысячи талантовъ. Не тотъ бѣденъ, кто не имѣетъ ничего, но тотъ, кто страшится бѣдности, подобно какъ и между несчастными мы оплакиваемъ и называемъ жалкими не тѣхъ, которые терпятъ великія бѣдствія, но тѣхъ, которые не умѣютъ переносить даже невеликихъ; напротивъ, кто умѣетъ переносить ихъ, тотъ достоинъ похвалъ и вѣнцевъ. А что это такъ, скажи, кого мы хвалимъ изъ ратоборствующихъ: тѣхъ ли, которые, получая множество ударовъ, не унываютъ и стоятъ съ поднятою головою, или тѣхъ, которые обращаются въ бѣгство при первыхъ ударахъ? Не тѣхъ ли мы увѣнчиваемъ, какъ доблестныхъ и мужественныхъ, а надъ этими не смѣемся ли, какъ надъ робкими и трусливыми? Такъ же будемъ поступать и въ дѣлахъ житейскихъ: того, кто переносить все легко, подобно мужественному и все претерпѣвшему подвижнику (Іову), будемъ увѣнчивать, а того, кто трепещетъ и боится несчастій и еще прежде, нежели получить ударъ, умираетъ отъ страха, будемъ оплакивать. И въ ратоборствахъ, если кто прежде, нежели подниметъ свою руку, и едва только увидитъ поднятую руку противника, обращается въ бѣгство, хотя еще не получилъ удара, то такой подвергается осмѣянію, какъ

слабый, изнѣженный и неискусный въ подобныхъ подвигахъ. То же самое бываетъ и съ тѣми, которые боятся бѣдности и не могутъ вынести даже одного ея ожиданія. Слѣдовательно, не мы дѣлаемъ васъ несчастными, а вы сами себя. Какъ не посмѣяться надъ тобою діаволу, когда онъ видитъ, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя такъ страшно опасеніе, то онъ даже не почтетъ нужнымъ поражать тебя, но, предоставивъ обладать богатствомъ, однимъ опасеніемъ потерять его сдѣлаетъ тебя мягче всякаго воска. Мы, такъ сказать, ужъ отъ природы таковы, что, испытавши что-нибудь, чего боимся, потомъ считаемъ это не такъ страшнымъ, какъ раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не приобрѣлъ и этой добродѣтели, діаволъ держитъ тебя въ сильномъ страхѣ, истощая тебя, какъ воскъ на огнѣ, опасеніемъ бѣдности прежде, нежели ты испытаешь ее на дѣлѣ. Подлинно мягче всякаго воска и несчастіе по жизни самого Каина тотъ, кто боится за то, что приобрѣлъ любостыжаніемъ, скорбитъ о томъ, чего не имѣетъ, и трясется надъ тѣмъ, что имѣетъ, заключивъ у себя богатство, какъ неблагодарнаго раба, и самъ будучи осаждаемъ разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожеланіе, разнообразный страхъ, безпокойство и трепеть обуреваютъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ уподобляется кораблю, отсюду гонимому противными вѣтрами и подвергающемуся частымъ тревоженіямъ. Гораздо лучше было бы такому человѣку умереть, нежели терпѣть непрестанную бурю, подобно какъ и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать.

Итакъ, чтобы и намъ не потерпѣть того же, будемъ противиться кознямъ діавола, расторгать его сѣти, притуплять остріе тяжкаго копья его и заграждать ему всякій доступъ къ намъ. Если ты будешь презирать любостыжаніе, то онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ бы поразить тебя, не будетъ имѣть возможности приступить къ тебѣ, потому что ты исторгнулъ корень зла; а когда нѣтъ корня, то не произрастетъ и дурной плодъ. Мы постоянно говоримъ и не перестанемъ говорить это; а имѣютъ ли слова наши какой-нибудь успѣхъ, это покажетъ тотъ день, который откроется огнемъ, обнажитъ дѣла cadaго и обнаружить, у кого свѣтильники свѣтлы и у кого не таковы. Тогда откроется, у кого есть елей и у кого нѣтъ. Впрочемъ, да не останется никто тогда чуждымъ этого утѣшенія, но да окажутся всѣ богатыми чело- 257
вѣколюбимъ и, имѣя свѣтлые свѣтильники, войдутъ вмѣстѣ съ Женихомъ! Нѣтъ ничего страшнѣе и прискорбнѣе словъ, которыя услышать тогда отъ Жениха отходящіе отсюда безъ щедрой милостыни: *не зѣлае васъ* (Мѡ. ххv, 12). Да не услышимъ мы

этого, но да услышимъ сладчайшія и вожделѣннѣйшія слова: *приидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. ххv, 34). Такимъ образомъ мы станемъ жить блаженною жизнью и удостоимся всѣхъ благъ, превосходящихъ самый умъ человѣческій, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXI.

257 Не можетъ же око рещи рущѣ: не требѣ ми еси; или паки глава ногамъ: не требѣ ми есте (1 Кор. хп, 21).

1. Обличивъ зависть низшихъ и уничтоживъ скорбь ихъ, которую они могли имѣть отъ того, что другіе удостоились большихъ дарованій, (апостолъ) смиряетъ теперь гордость тѣхъ, которые получили больше. Онъ дѣлалъ это и прежде, когда бесѣдовалъ съ первыми, именно когда внушалъ, что дарованіе есть даръ, а не заслуга; но теперь дѣлаетъ то же съ большею силою, продолжая то же сравненіе. Отъ тѣла и его единства онъ переходитъ къ сравненію между собою самыхъ членовъ, что особенно нужно было знать имъ (коринѣянамъ), такъ какъ не столько могло утѣшать ихъ то, что всѣ они составляютъ одно тѣло, сколько убѣжденіе въ томъ, что и при тѣхъ дарахъ, которые получены ими, они нисколько не унижены. *Не можетъ же, говорить онъ, око рещи рущѣ: не требѣ ми еси; или паки глава ногамъ: не требѣ ми есте.* И меньшее дарованіе также необходимо; какъ безъ великаго былъ бы большой недостатокъ, такъ и безъ малаго нарушилась бы полнота Церкви. Не сказалъ: не речетъ, но: *не можетъ рещи*, т. е. хотя бы оно и захотѣло, хотя бы и сказало, однако это невозможно по самому существу дѣла. Потому онъ беретъ два крайніе члена и на нихъ останавливаетъ рѣчь свою, именно приводить въ примѣръ, во-первыхъ, руку и глазъ, а во-вторыхъ, голову и ноги. Въ самомъ дѣлѣ, что маловажнѣе ноги, или что почтеннѣе и необходимѣе головы? Голова особенно и составляетъ человѣка. Однако и она сама по себѣ недостаточна и не можетъ одна совершать всего: иначе намъ напрасно даны ноги. Не останавливаясь на этомъ, (апостолъ) показываетъ еще иное преимущество (низшихъ), какъ онъ всегда дѣлаетъ, стараясь доказать не только равенство, но простираясь еще далѣе. Потому и при-совокупляетъ: *но много паче мнящіяся уди тѣла немоцнѣйши быти,*

нужнѣйши суть. И изже мнѣмъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшу прилагаемъ. И неблагообразіи наши благообразіе множайше имутъ (ст. 22—24). Онъ непрерывно приводитъ въ примѣръ тѣло, и такимъ образомъ утѣшаетъ одного и смиряетъ другого. Я утверждаю, говоритъ онъ, что важнѣйшіе члены не только имѣютъ нужду въ низшихъ, но и великую нужду, такъ 253 какъ что у насъ слабо и менѣе благородно, то и необходимо и пользуется большимъ попеченіемъ. Хорошо онъ сказалъ: *мнящіяся*, и: *изже мнѣмъ*, выражая, что такое положеніе основывается не на существѣ вещей, а на мнѣніи людей. У насъ нѣтъ ничего безчестнаго, потому что все—отъ Бога. Что у насъ повидимому неблагороднѣе дѣтородныхъ членовъ? Но имъ оказывается еще большее попеченіе: самые бѣдные люди, хотя бы оставляли нагими всѣ прочія части тѣла, не позволяютъ себѣ обижать этихъ членовъ; а съ безчестными вещами поступаютъ не такъ, но надлежало бы презирать ихъ болѣе всего другого. Безчестный рабъ въ домѣ не только не пользуется большимъ попеченіемъ, но не удостоивается и одинаковаго съ другими. Слѣдовательно, если бы и эти члены были неблагородными, то не только большаго не слѣдовало бы оказывать имъ попеченія, но и равнаго съ другими; а теперь о нихъ болѣе прилагается попеченія, и это по дѣйствию премудрости Божіей. Богъ устроилъ такъ, что одни члены отъ природы ни въ чемъ не имѣютъ нужды, а другимъ мы должны доставлять то, чего не дано имъ отъ природы; и однако они оттого не безчестны, подобно какъ животныя, по природѣ своей, большею частію ни въ чемъ не имѣютъ нужды, ни въ одеждѣ, ни въ обуви, ни въ кровѣ, и однако наше тѣло не безчестнѣе ихъ тѣла потому, что имѣетъ нужду во всемъ этомъ. Подлинно, если разсмотрѣть внимательно, то эти (члены) и по самой природѣ своей почтенны и необходимы, на что намекаетъ и самъ (апостоль), произнося свое сужденіе о нихъ не на основаніи нашего вниманія и большаго о нихъ попеченія, но на основаніи самаго существа вещей; называя ихъ слабыми и менѣе благородными, онъ говоритъ: *мнящіяся быти*; а называя ихъ необходимыми, не прибавляетъ: *мнящіяся*, но произноситъ собственное сужденіе и говоритъ, что они *нужнѣйши суть*; и весьма справедливо. Они дѣйствительно необходимы для рожденія дѣтей и продолженія нашего рода. Потому и римскіе законодатели полагаютъ наказаніе тѣмъ, которые искажаютъ эти члены и дѣлаютъ себя скопцами, какъ людямъ, причиняющимъ вредъ всему роду человѣческому и искажающимъ самую природу. Но да погибнутъ люди развращенные, подвергающіе порицанію дѣла Божіи! Какъ вино многіе проклинаютъ изъ-за пьяницъ и жестокій

пользъ изъ-за блудницъ, такъ и эти члены почитаются постыдными изъ-за тѣхъ, которые употребляютъ ихъ не по надлежащему. Но не должно (судить) такъ; грѣхъ зависить не отъ существа вещи, а происходитъ отъ произвола совершающихъ преступленіе. Впрочемъ нѣкоторые думаютъ, что Павелъ называетъ здѣсь членами слабѣйшими и менѣе благородными, нѣжнѣйшими и пользующимися большимъ попеченіемъ—глаза и ноги, именно, подъ членами слабѣйшими и нужнѣйшими разумѣть глаза, такъ какъ они, хотя слабѣе силою, но превосходятъ по употребленію, а подъ членами менѣе благородными разумѣть ноги, о которыхъ также прилагается много попеченія.

2. Далѣе, чтобы не было преувеличенія съ другой стороны, онъ говоритъ: *а благодѣтели наши не требуютъ имѣть* (ст. 24). Чтобы кто не сказалъ: какъ, неужели члены благородные нужно оставлять въ пренебреженіи, а о менѣе благородныхъ заботиться?—онъ говоритъ: мы дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, но потому, что они не имѣютъ въ томъ нужды. И замѣть, какъ онъ кратко выразилъ похвалу имъ и потомъ перешелъ къ дальнѣйшему, поступивъ въ этомъ случаѣ и прилично и полезно. Не останавливаясь на этомъ, онъ присовокупляетъ и причину: *но Богъ, говоритъ, раствори тѣла, худѣйшему большу дасть честь, да не будетъ распри въ тѣлеси* (ст. 25). Если жъ Богъ растворилъ тѣло, то не оставилъ возможности различать въ немъ менѣе благородное, потому что растворенное дѣлается единымъ, такъ что уже не видно, чѣмъ оно было прежде,—иначе о немъ нельзя было бы сказать, что оно растворено. И смотри, какъ онъ вездѣ только слегка упоминаетъ о недостаткахъ, выражаясь: *худѣйшему* (ὀσθενέστερον). Не сказалъ: безчестному или постыдному, но: *худѣйшему*. Отчего худѣйшему? Отъ природы. *Большу дасть честь*. Для чего? *Да не будетъ распри въ тѣлеси*. Такъ какъ (коринѳяне), получивъ множество утѣшеній, еще скорбѣли о томъ, что получили меньше, то (апостоль) доказываетъ, что они напротивъ получили большую честь: *худѣйшему, говоритъ, большу дасть честь*; а потомъ приводитъ причину, показывая, что (Богъ) съ пользою и даровалъ меньше и почтилъ больше. Какая же это причина? *Да не будетъ, говоритъ, распри въ тѣлеси*; не сказалъ: въ членахъ, но: *въ тѣлеси*. Подлинно было бы великое неравенство, если бы одни члены и отъ природы и отъ насъ пользовались большимъ попеченіемъ, а другіе не имѣли бы этого ни съ той, ни съ другой стороны; тогда они распались бы, не имѣя возможности сохранять союзъ между собою; а если бы одни отпали, то и прочіе потерпѣли бы вредъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что менѣе совершеннымъ членамъ необходимо было дать болѣе чести? Если бы

было не такъ, то погибли бы, говорить, всё вообще. Подлинно, если бы вы не прилагали о нихъ великаго попеченія, то они, не будучи предохраняемы отъ природы, повредились бы, повредившись, разрушились бы, разрушившись, раздѣлили бы тѣло на части, а по раздѣленіи тѣла погибли бы и прочіе гораздо важѣйшіе члены. Видишь ли, какъ съ попеченіемъ о тѣхъ соединено попеченіе и объ этихъ? Члены имѣютъ основаніе своего бытія не столько въ собственной природѣ, сколько въ томъ, что составляютъ одно тѣло; потому если разрушится тѣло, то не будетъ никакой пользы отъ цѣлости каждаго изъ нихъ порознь; глазъ ли останется цѣлымъ, или носъ сохранится, по расторженіи союза не будетъ оттого никакой пользы; а если союзъ сохраняется, то они, хотя бы и повредились, однако держатся и скоро выздоравливаютъ. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: о тѣлѣ точно можно сказать, что менѣе совершенные члены получили болѣе чести; но какъ это можно видѣть между людьми? Между людьми тѣмъ болѣе можно видѣть это. Такъ, пришедшіе въ одиннадцатый часъ первые получили награду; для заблудшей овцы пастырь оставилъ девяносто девять другихъ, пошелъ за нею, и нашедши несъ, а не гналъ ее; блудный сынъ удостоился большаго попеченія, нежели ведшій себя честно; разбойникъ былъ увѣнчанъ и прославленъ прежде апостоловъ. Тоже можно видѣть и (въ притчѣ) о талантахъ: получившій пять талантовъ и получившій два удостоились одного и того же, и то самое, что послѣдній получилъ два таланта, служить знакомъ большаго о немъ попеченія; если бы ему дано было пять, то онъ, не будучи въ состояніи приумножить ихъ, лишился бы всего; а получивъ два и исполнивъ свое дѣло, онъ удостоился того же, чего и приобрѣвшій пять талантовъ, приобрѣтя тѣмъ больше его, чѣмъ за меньшіе труды сподобился тѣхъ же вѣнцовъ. Хотя онъ былъ та- 260
кой же человекъ, какъ и получившій пять талантовъ, однако Владыка не истязуетъ его, не принуждаетъ его трудиться столько же, сколько подобный ему рабъ, и не говоритъ: почему ты не могъ приобрѣсть пять талантовъ? Онъ могъ бы сказать это по справедливости; между тѣмъ увѣнчалъ и его. Итакъ, зная это, высшіе не притѣсняйте низшихъ, чтобы прежде нихъ вамъ самимъ не потерпѣть вреда; вѣдь, если они отдѣлятся, то разрушится и все тѣло. Что такое тѣло, если не соединеніе многихъ членовъ, какъ и апостолъ говоритъ: *тѣло нѣсть единъ удѣ, но мнози*? Потому, если таково есть тѣло, то будемъ стараться, чтобы многое оставалось многимъ; а когда этого не будетъ соблюдено, то откроется смертельная рана. И апостолъ требуетъ не того только, чтобы мы не отдѣлялись другъ отъ друга, но чтобы са-

имѣ тѣснымъ образомъ были соединены. Именно, сказавъ: *да не будетъ распри въ тѣлеси*, онъ не удовольствовался этимъ, но прибавилъ: *да тоже въ себѣ пекутся уди*, представивъ здѣсь другую причину, почему о низшихъ членахъ прилагается болѣе попеченія. Богъ устроилъ такъ не только для того, чтобы члены не отдѣлялись другъ отъ друга, но и для того, чтобы между ними была великая любовь и согласіе. Если каждый долженъ заботиться о спасеніи ближняго, то не говори мнѣ о низшемъ и высшемъ; здѣсь нѣтъ высшаго и низшаго. Различіе (членовъ) можно видѣть только тогда, когда тѣло остается цѣлымъ; когда же оно разрушается, то нельзя; а оно разрушается, если нѣтъ и низшихъ (членовъ).

3. Итакъ, если съ поврежденіемъ маловажныхъ членовъ повреждаются и важные, то послѣдніе должны заботиться о маловажныхъ столько же, сколько о самихъ себѣ, такъ какъ отъ сохраненія ихъ зависитъ сохраненіе и важныхъ. Потому, хотя бы ты тысячу разъ твердилъ, что такой-то членъ маловаженъ и ничтоженъ, но если не будешь пещись о немъ столько же, сколько о самомъ себѣ, и станешь нерадѣть о немъ, какъ о маловажномъ, то вредъ падеть на тебя же. Поэтому (апостоль) не сказалъ: чтобы только члены заботились другъ о другѣ, но присокупилъ: *да тоже въ себѣ пекутся*, т. е. чтобы маловажный членъ пользовался точно такимъ же попеченіемъ, какъ и важный. Не говори же, что такой-то членъ не важенъ, но помни, что онъ членъ того же тѣла, которое содержитъ въ себѣ все; какъ глазъ, такъ и всякій другой (членъ), дѣлаютъ тѣло тѣломъ. Въ составѣ тѣла ни одинъ (членъ) не имѣетъ преимущества предъ другимъ; и не то составляетъ тѣло, что въ немъ иной (членъ) важнѣе, а иной маловажнѣе, но то, что въ немъ много (членовъ) и притомъ различныхъ. Какъ ты, будучи больше, составляешь тѣло, такъ и другой, будучи меньше; слѣдовательно, малость его, въ отношеніи къ составу тѣла, равночестна съ тобою: этому прекрасному цѣлому онъ способствуетъ такъ же, какъ и ты. Это видно изъ слѣдующаго: пусть не будетъ члена важнаго и неважнаго, благороднаго и неблагороднаго, но пусть будетъ все глазомъ, или все головою: не погибнетъ ли тѣло? Для 261 всякаго очевидно. Опять, если бы всѣ были неважными, то произошло бы то же самое. Такъ въ этомъ отношеніи маловажные члены равны (важнѣйшимъ). Можно сказать еще болѣе: маловажный (членъ) для того именно и есть маловажный, чтобы было тѣло, такъ что онъ для тебя же остается маловажнымъ, чтобы ты оставался важнымъ. Поэтому (апостоль) и требуетъ одинаковаго о всѣхъ попеченія: *да тоже, говорить, въ себѣ пекутся уди*,

и опять тоже самое объясняетъ въ слѣдующихъ словахъ: *и аще страждетъ единъ удѣ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще же славится единъ удѣ, съ нимъ радуются вси уди* (ст. 26). Для того, говорить, (Богъ) установилъ взаимное попеченіе другъ о другѣ, устроивъ снпство въ такомъ разнообразіи, чтобы и все случающееся было общимъ для многихъ. Если отъ попеченія о ближнемъ зависить общее спасеніе, то необходимо, чтобы и слава и скорбь были общими. Такимъ образомъ (апостолъ) предлагаетъ здѣсь три заповѣди: не раздѣляться, но быть въ тѣсномъ единеніи, имѣть равное попеченіе другъ о другѣ, считать все случающееся общимъ. Выше онъ говорилъ, что менѣе совершенному (члену Богъ) предоставилъ большую честь, какъ имѣющему въ томъ нужду, показывая, что самое несовершенство даетъ право на большую честь; а здѣсь говоритъ, что (члены) равны и по взаимному попеченію другъ о другѣ. Для того, говорить, (Богъ низшимъ членамъ) и предоставилъ большую честь, чтобы они пользовались не меньшимъ попеченіемъ; но не въ этомъ только, а и во всемъ случающемся, какъ пріятномъ, такъ и непріятномъ, члены взаимно связаны между собою. Часто когда въ пятѣ вонзится тернь, все тѣло чувствуетъ боль и тревожится, спина сгибается, желудокъ и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются впередъ и вынимаютъ занозу, голова наклоняется и глаза наблюдаютъ съ великою заботою. Такимъ образомъ, хотя нога и низшій (членъ) и не можетъ подняться выше, однако она наклоняетъ голову, и чрезъ то равняется ей и получаетъ одинаковую честь, тѣмъ болѣе, что ноги заставляютъ ее наклоняться не по милости, а по долгу; слѣдовательно она, имѣя предъ ними преимущество, какъ болѣе важный (членъ), при всемъ томъ, будучи обязана менѣе важнымъ воздавать честь и попеченіе и одинаково страдая съ ними, выражаетъ великое съ ними равенство. Что въ самомъ дѣлѣ ниже пяты и что важнѣе головы? Между тѣмъ послѣдняя наклоняется къ первой и вмѣстѣ съ собою наклоняетъ всѣ члены. Опять, когда болятъ глаза, тогда и всѣ (члены) страдаютъ, всѣ впадаютъ въ бездѣйствіе, ноги не ходятъ, руки не работаютъ, желудокъ не принимаетъ обыкновенной пищи, хотя болѣзнь въ глазахъ. Почему тогда ты умащаешь желудокъ? Почему покрываешь ноги? Почему обвязываешь руки? Потому, что они находятся въ связи съ глазами, и все тѣло невыразимо страдаетъ вмѣстѣ съ ними. Если бы они не страдали вмѣстѣ, то не нужно было бы и общаго о нихъ попеченія. Поэтому (апостолъ), сказавъ: *да тожеде въ себѣ пекутся уди, присовокупилъ: аще страждетъ единъ удѣ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удѣ, съ нимъ радуются вси уди*

Какъ, спросишь, они сорадуются? Увѣнчивается голова,—и весь челоуѣкъ прославляется; говорятъ уста,—и глаза блестятъ радостію и веселіемъ, хотя хвала не глазамъ, а языку. Также когда прекрасны глаза, тогда жена вся кажется прекрасною; когда восхваляется прямой носъ, правильная шея и другіе члены, тогда и глаза сіяютъ; опять же они изобильно плачутъ, когда тѣ (члены) подвергаются болѣзнямъ и несчастіямъ, хотя сами остаются невредимыми.

4. Итакъ, помня это, будемъ всѣ мы подражать любви этихъ членовъ и не поступать противно тому, не станемъ смѣяться надъ бѣдствіями ближняго и завидовать его счастію: вѣдь это свойственно безумнымъ и сумасшедшимъ. Кто вырываетъ глазъ, тотъ представляетъ величайшее доказательство безумія, и кто грызетъ руку, тотъ ясно уликаетъ себя въ сумасшествіе. Если же это такъ въ отношеніи къ членамъ (тѣлеснымъ), то равнымъ образомъ и въ отношеніи къ братьямъ такіа дѣйствія обличаютъ безуміе и причиняютъ не малый вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ онъ блисталъ, доколѣ сохраняется и твое благообразіе и красуется все тѣло; его красота относится не къ нему только, но и тебѣ доставляетъ честь; если же ты угасишь его, то навлечешь на все тѣло общую тьму и подвергнешь всѣ члены несчастію; наоборотъ, если сохранишь свѣтлымъ, то сохранишь красоту всего тѣла. Никто не говоритъ: прекрасенъ глазъ,—но что? Такая-то прекрасна; если же хвалятъ и его, то хвалятъ уже послѣ общей похвалы. Такъ бываетъ и въ Церкви: когда отличаются нѣкоторые, тогда и общество пріобрѣтаетъ добрую славу. Враги не раздѣляютъ похвалъ, но совокупно относятъ (ихъ ко всѣмъ); отличается ли кто-нибудь даромъ краснорѣчія, они хвалятъ не его только, но и всю Церковь. Не говорятъ: такой-то достоинъ удивленія,—но что? Христіане имѣютъ учителя достойнаго удивленія; и это сокровище дѣлаютъ общимъ. Такъ, язычники соединяютъ, а ты раздѣляешь, враждуешь противъ собственнаго тѣла и возстаешь противъ собственныхъ членовъ. Развѣ не знаешь, что чрезъ это низвращается все? *Царство*, говорить (Господь), *раздѣлившееся на ся не станетъ* (Мѡ. хii, 25).

Ничто такъ не раздѣляетъ и не расторгаетъ, какъ ненависть и зависть, эта тяжкая болѣзнь, недостойная никакого прощенія и въ нѣкоторомъ отношеніи худшая самага корня золъ. Сребролюбецъ радуется тогда, когда самъ получаетъ; а завистливый радуется не тогда, когда самъ получаетъ, а когда не получаетъ другой, считаетъ благополучіемъ для себя не собственное благоденствіе, а несчастіе другихъ, есть какъ бы общій врагъ челоуѣческой природы и мучитель Христовыхъ членовъ. Что же мо-

жеть быть безумнѣе? Бѣсъ завидуетъ людямъ, а отнюдь не другому бѣсу; а ты, человѣкъ, завидуешь человѣку, возстаешь противъ единоплеменнаго и однороднаго тебѣ, чего не дѣлаетъ и бѣсъ! Какое будетъ тебѣ прощенье, какое оправданіе, когда ты, видя брата своего благоденствующимъ, дрожишь и блѣднѣешь, тогда какъ надлежало бы хвалиться, радоваться и восхищаться? Если же ты хочешь соревновать ему, я не запрещаю: соревнуй, но такъ, чтобы тебѣ сдѣлаться подобнымъ ему въ доброй славѣ, не съ тѣмъ, чтобы унижить его, но чтобы и тебѣ достигнуть той же высоты и явить такую же добродѣтель. Вотъ доброе соревнованіе: подражать, а не враждовать, не скорбѣть о совершенствахъ другого, а сокрушаться о собственныхъ недостаткахъ. Но зависть поступаетъ напротивъ: не заботясь о своихъ недостаткахъ, она мучится совершенствами другихъ. Не столько бѣдный огорчается своею бѣдностію, сколько завистливый благополучіемъ ближняго; что можетъ быть гнуснѣе этого? Потому онъ, какъ я выше сказалъ, даже хуже корыстолюбиваго; этотъ радуется, когда самъ получаетъ, а тотъ веселится, когда другой не получаетъ. Итакъ, увѣщаваю васъ, оставьте этотъ злой путь и обратитесь къ доброй ревности,—а такая ревность сильна и горяче всякого огня,—и вы получите отсюда великія блага. Такъ и Павелъ, обращая къ вѣрѣ иудеевъ, говорилъ: *еще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ* (Рим. xi, 14). Кто такъ ревнуетъ, какъ онъ желать, тотъ сокрушается не тогда, когда видитъ другого съ доброю славой, но когда видитъ себя отставшимъ. А завистливый не такъ: онъ сокрушается, когда видитъ преуспѣаніе другого и, подобно какому-нибудь трутню, повреждающему чужіе труды, самъ отнюдь не старается встать, а плачетъ, когда видитъ другого стоящимъ, и дѣлаетъ все, чтобы низвергнуть его. Чему же можно уподобить эту страсть? Она, мнѣ кажется, подобна лѣнивому и утучнѣвшему ослу, который, будучи запряженъ вмѣстѣ съ быстрымъ конемъ, и самъ не хочетъ встать, и копя тяжестію своего тѣла старается притянуть. Такъ и онъ (завистливый) нисколько не думаетъ и не старается о томъ, чтобы освободиться отъ этого глубокаго сна, а все дѣлаетъ для того, чтобы зацѣпить и низвергнуть другого, парящаго къ небу, дѣлаясь вѣрнымъ подражателемъ діавола. И діаволъ, видя человѣка въ раю, старался не себя исправить, а его лишить рая; и опять, видя его пребывающимъ на небѣ и другихъ стремящимися туда же, онъ также старается помѣшать тѣмъ, которые спѣшатъ туда, и такимъ образомъ уготовляетъ себѣ самому жесточайшую пещь. Такъ бываетъ и всегда: кому завидуютъ, тотъ, если будетъ бдителенъ, еще болѣе прославляется; а завидующій

навлекаетъ на себя самого болѣе золь. Такъ прославился Іосифъ; 264 такъ Ааронъ священникъ; козни завидующихъ произвели то, что самъ Богъ и разъ и другой изрекъ о немъ опредѣленіе свое, и устроилъ то, что прозябъ жезлъ его; такъ Іаковъ достигъ великаго благоденствія и всего прочаго; такъ-то завистники сами себя подвергали безчисленнымъ бѣдствіямъ! Зная все это, будемъ избѣгать зависти. И чему, скажи мнѣ, ты завидуешь? Тому ли, что братъ твой получилъ духовное дарованіе? Но отъ кого онъ получилъ, скажи мнѣ, не отъ Бога ли? Значить, ты враждуешь противъ Того, кто даровалъ ему. Видишь ли, до чего простирается зло, до какой степени грѣха восходитъ оно и какую изрываетъ бездну наказанія! Будемъ же, возлюбленные, избѣгать этой страсти, не станемъ завидовать, но будемъ молиться о самихъ завидующихъ и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы погасить въ нихъ эту страсть. Не станемъ поступать подобно тѣмъ неразумнымъ, которые, желая наказать другихъ, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы возжечь пламень себѣ самимъ. Напротивъ, будемъ проливать слезы и оплакивать ихъ. Они казнятъ сами себя, нося въ себѣ червя, который непрестанно пожираетъ ихъ сердце, и открывая источникъ яда, который горче всякой желчи. Будемъ же молить человеколюбиваго Бога, чтобы Онъ и въ нихъ истребилъ страсть, и намъ не попустилъ впасть въ болѣзнь. Небо недоступно для того, кто зараженъ этою язвою, и еще прежде неба самая настоящая жизнь дѣлается для него несносною. Не такъ моль и червь съѣдаютъ волну и дерево, какъ горячка зависти съѣдаетъ кости завистниковъ и отравляетъ здравіе души. Потому, чтобы намъ и себя и другихъ избавить отъ безчисленныхъ золь, удалимъ отъ себя эту злую горячку, которая хуже всякой язвы, чтобы, получивъ духовную силу, мы могли и совершить подвигъ настоящей жизни, и достигнуть будущихъ вѣнцевъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

263 Вы же есте тѣло Христово, и уди отъ части (хп, 27).

1. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: какое имѣетъ отношеніе къ намъ примѣръ тѣла? вѣдь оно устроено такъ по природѣ, а наши совершенства зависятъ отъ воли,—(апостоль) прилагаетъ этотъ

примѣръ къ нашимъ обстоятельствамъ и показываетъ, что мы по волѣ должны имѣть такое же согласіе, какое тѣ (члены тѣла имѣютъ) по природѣ: *вы же есте*, говорить, *тѣло Христово*. Если въ нашемъ тѣлѣ не должно быть несогласія, то гораздо болѣе въ тѣлѣ Христовомъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ благодать сильнѣе природы. *И уди отъ части*. Мы, говорить, не только тѣло, но и члены. О томъ и о другомъ онъ бесѣдовалъ выше, совокупивъ многихъ во едино и показавъ, что всѣ составляютъ нѣчто единое, по подобію тѣла, и что это единое слагается изъ многого и находится во многомъ, а многое въ немъ содержится и по-264
 частъ возможность быть многимъ. Что значить: *отъ части*? Сколько это касается васъ, и сколько отъ васъ зависитъ составлять часть. Онъ сказалъ: *тѣло*; а такъ какъ все тѣло составляла не коринѣ-
 ская церковь, но вселенская, то и присовокупилъ: *отъ части*; т. е. ваша церковь есть часть Церкви вселенской, тѣла составляемаго всѣми церквами, такъ что вы обязаны быть въ мирѣ не только другъ съ другомъ, но и со всею вселенскою Церковію, если вы въ самомъ дѣлѣ члены цѣлаго тѣла. *И оныхъ яко положи Богъ въ церкви перые апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, по-265
 томъ же силы, также дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, реди языковъ* (ст. 28). Онъ и теперь дѣлаетъ тоже, о чемъ я ска-
 залъ прежде; коринѣяне превозносились даромъ языковъ, потому онъ вездѣ поставляетъ его на послѣднемъ мѣстѣ. Не напрасно онъ говорить здѣсь: *перые, второе*, но поставляетъ превосход-
 нѣйшій даръ выше, а потомъ указываетъ на низшій. Потому сна-
 чала онъ именуетъ апостоловъ, которые имѣли въ себѣ всѣ дары. Не сказалъ просто: *иныхъ* Богъ поставилъ въ Церкви апосто-
 лами, или пророками, но присовокупилъ: *перые, второе, третіе*, выражая именно то, что я сказалъ. *Второе пророковъ*. Тогда про-
 рочествовали напр. дочери Филиппа, Агавъ и тѣ изъ самихъ коринѣянь, о которыхъ онъ говоритъ: *пророцы же два или трие да*
глаголютъ (1 Кор. xiv, 29), и въ посланіи къ Тимофею: *не неради о своимъ дарованіи, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ* (1 Тим. iv, 14).

Вообще тогда было гораздо больше пророковъ, нежели въ ветхомъ заветѣ, потому что этотъ даръ былъ ниспосылаемъ не на десять, двадцать, пятьдесятъ или сто (человѣкъ), но обильно наливалась эта благодать, и каждая церковь имѣла много пророковъ. Если же Христосъ говорить: *законъ и пророцы до Иоанна* (Мѣ. xi, 18), то говорить о тѣхъ пророкахъ, которые предвозвѣщали Его пришествіе. *Третіе учителей*. Пророчествующій говорить все отъ Духа, а учащій говорить иногда и отъ собственнаго разума. Почему (апостоль) и говорить: *приглашающіи добръ*

преевитеры сугубя чести да сподобляются, паче же труждающихся въ словѣ и ученіи (1 Тим. v, 17). Кто говоритъ все отъ Духа, тотъ не труждается; потому (апостоль) и поставилъ учителя послѣ пророка, такъ какъ дѣло послѣдняго всецѣло есть даръ, а перваго и трудъ человѣческій; онъ (учитель) говоритъ многое и отъ себя, хотя конечно согласно съ божественными Писаніями. *Потомъ же силы, также дарованія исцѣленій.* Видишь ли, какъ онъ опять отдѣляетъ даръ исцѣленій отъ силы, подобно какъ сдѣлать и прежде? Это потому, что сила больше исцѣленія. Имѣющій силу и поражаетъ и исцѣляетъ; а имѣющій даръ исцѣленій только исцѣляетъ. И смотри, какой точный порядокъ наблюдаетъ (апостоль), поставляя пророчество прежде силъ и исцѣленій. Выше, когда говорилъ: *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума*, онъ поставлялъ (дары) не по порядку, но говорилъ безразлично; а здѣсь ставить (одно) выше и (другое) ниже. Почему же пророчество онъ поставляетъ выше? Потому, что и въ ветхомъ заветѣ оно занимало такое же мѣсто. Такъ, когда Исаія бесѣдовалъ съ іудеями, представлялъ доказательства оныя Божіей и обличалъ ничтожность демоновъ, то на предсказаніе будущаго указывалъ, какъ на самое большое свидѣтельство божественности. И Христосъ, сотворившій столько чудесъ, поставляетъ тоже немаловажнымъ признакомъ своей божественности и часто заключаетъ свою рѣчь такъ: *сіе скажете вамъ, да егда будетъ, вѣру имете, яко азъ есмь* (Іоан. xpi, 19). Но положимъ, что по отношенію къ пророчеству даръ исцѣленій справедливо занимаетъ второе мѣсто; а почему тоже и по отношенію къ ученію? Потому, что не одинаковое дѣло—проповѣдывать ученіе и насаждать благочестіе въ душахъ слушателей, или совершать чудеса; и самыя чудеса совершаются для наученія.

2. Потому, кто учить и словомъ и жизнію, тотъ выше всѣхъ. (Павель) разумѣетъ именно тѣхъ учителей, которые и дѣлами учать и словомъ назидаютъ. Это и апостоловъ сдѣлало апостолами. Тѣ (дары пророчества и чудотвореній) сначала получили нѣкоторые и не совсѣмъ достойные, какъ напр. тѣ, которые говорили: *Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ и силы многи сотворихомъ?* а потомъ услышали: *николиже знахъ васъ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мѣ. vii, 23). Но слово ученія, и именно двойственнаго—дѣлами и словами, никогда не можетъ получить человѣкъ порочный. А что пророковъ онъ поставляетъ прежде, не удивляйся; онъ разумѣетъ не просто пророковъ, но такихъ, которые посредствомъ пророчества и учать и говорятъ все къ общему назиданію, что далѣе онъ излагаетъ яснѣе. *Заступленія, правленія.* Что такое *заступленія*? То, чтобы

помогать слабымъ. Неужели, скажи мнѣ, и это даръ? Безъ сомнѣнія, это даръ Божій—помогать и распоряжаться духовными предметами. Впрочемъ апостолъ и многія изъ нашихъ добродѣтелей называетъ дарами, не съ тѣмъ, чтобы мы предавались безнечности, но чтобы показать, что мы всегда имѣемъ нужду въ помощи Божіей, и чтобы расположить къ благодарности, сдѣлать болѣе ревностными и возбудить ихъ помыслы. *Роди язвыкоѣ.* Видишь ли, гдѣ онъ поставилъ этотъ даръ, и какъ онъ вездѣ отводитъ ему послѣднее мѣсто? Далѣе, такъ какъ перечисленіемъ (даровъ) онъ опять показалъ великое различіе и возбудилъ болѣзнь тѣхъ, которые получили меньшіе дары, то наконецъ, послѣ того какъ представилъ множество доказательствъ на то, что они не слишкомъ унижены, обращается къ нимъ съ весьма сильнымъ обличеніемъ. Услышавъ выше сказанныя слова, они могли сказать: почему же не всѣ мы сдѣланы апостолами? Прежде онъ предлагалъ имъ утѣшеніе и многими доводами доказалъ, что это сдѣлано по необходимости, и во-первыхъ—примѣромъ тѣла: *тѣло*, говорить, *нѣсть единъ удѣ*, и еще: *аще ли быша вси единъ удѣ, гдѣ тѣло?* во-вторыхъ—тѣмъ, что все дается на пользу: *коемуждо*, говорить, *явленіе Духа дается на пользу*; въ третьихъ—тѣмъ, что всѣ получаютъ отъ одного и того же Духа и что получаемое есть даръ, а не долгъ: *раздѣленія*, говорить, *дарованій суть, а тойже Духъ*; въ-четвертыхъ—тѣмъ, что Духъ открывается равно во всемъ: *коемуждо*, говорить, *явленіе дается Духомъ*; въ-пятыхъ—тѣмъ, что все это устрояется по волѣ Духа и Бога: *вся сія*, говорить, *дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя особо кемуждо, якоже хощетъ*; и: *положи Богъ уди единого коегождо изъ въ тѣлеси, якоже изволи*; въ-шестыхъ—тѣмъ, что и низшіе члены необходимы: *мнящійся*, говорить, *немогущійши быти, нужнѣйши суть*; далѣе—тѣмъ, что и низшіе члены необходимы одинаково съ высшими, такъ какъ одинаково съ ними составляютъ тѣло: *тѣло*, говорить, *нѣсть единъ удѣ, но мнози*; далѣе—тѣмъ, что и высшіе члены имѣютъ нужду въ низшихъ: *не можетъ*, говорить, *реци глагола ногамъ. не требъ ми есте*; потомъ—тѣмъ, что низшіе члены пользуются большею честію: *худѣйшему*, говорить, *большу даѣтъ честъ*; еще—тѣмъ, что они имѣютъ общее и одинаковое попеченіе другъ о другѣ: *тойже*, говорить, *въ себѣ пскутся вси уди*; наконецъ—тѣмъ, что всѣ они вмѣстѣ и прославляются и страдаютъ: *еще страждетъ*, говорить, *единъ удѣ, съ нимъ страждутъ вси уди*: 267 *аще ли же славится единъ удѣ, съ нимъ радуются вси уди*. Такими доказательствами (апостолъ) прежде утѣшалъ (коринѣяны); а теперь употребляетъ слово сильное и обличительное. Не должно, какъ я сказалъ прежде, ни постоянно утѣшать, ни постоянно за-

граждать уста. Потому и онъ, утѣшивъ многими доводами, наконецъ сильно укоряетъ и говоритъ: *еда вси апостоли? еда вси пророцы? еда вси дарованія имуть исцѣленій* (ст. 29)? Не останавливается на одномъ или другомъ дарѣ, но исчисляетъ всѣ до послѣдняго, выражая или то, что всѣмъ нельзя имѣть всего, какъ и прежде онъ говорилъ: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* или вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляя къ слову утѣшенія еще нѣчто другое. Что же такое? То, что и меньшіе (дары), подобно большимъ, равно должны составлять предметъ стараній, потому что и они даны не всѣмъ вообще. Для чего, говоритъ, ты скорбишь о томъ, что не имѣешь дара исцѣленій? Помысли, что имѣющій большее часто не имѣетъ того, что ты имѣешь, хотя бы это было меньшее. Потому и говоритъ: *еда вси языки глаголютъ? еда вси скажутъ* (ст. 30)? Какъ не всѣмъ Богъ даровалъ всѣ великіе (дары), но одному такой, а другому иной, такъ Онъ поступилъ и съ меньшими, даровавъ не всѣмъ всѣ. А сдѣлалъ Онъ это для того, чтобы внушить великое согласіе и любовь, чтобы каждый, имѣя нужду въ ближнемъ, тѣснѣе соединялся съ братомъ. Тоже Онъ сдѣлалъ и въ художествахъ, и въ стихіяхъ, и въ растеніяхъ, и въ нашихъ членахъ, и во всемъ вообще.

3. Далѣе (апостолъ) предлагаетъ самое главное утѣшеніе, которое могло ободрить ихъ и успокоить скорбящую душу. Какое же? *Ревнуйте же, говоритъ, дарованій большихъ, и еще по превосходенію путь вамъ показую* (ст. 31). Этими словами онъ нѣкоторымъ образомъ намекаетъ на то, что (коринѣяне) сами виновны, если получаютъ меньшіе дары, и что они, если захотятъ, могутъ получить большіе. Выраженіемъ: *ревнуйте* онъ требуетъ отъ нихъ усердія и желанія даровъ духовныхъ. Не сказалъ: *высшихъ*, но: *большихъ*, т. е. нужнѣйшихъ, полезнѣйшихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: вы не переставайте желать даровъ, а я покажу вамъ путь къ полученію даровъ. Не сказалъ: дарованіе, но: *путь*, чтобы болѣе возвысить то, о чемъ намѣревался говорить; не одинъ, не два, не три дара, говоритъ, я покажу вамъ, но одинъ путь, ведущій ко всѣмъ имъ, и не просто *путь*, но *по превосходенію* и открытый для всѣхъ вообще. Это не то, что прочіе дары, изъ которыхъ одни даются тѣмъ, другіе другимъ, а не всѣ всѣмъ, но—даръ всеобщій. Потому призываетъ къ нему всѣхъ: *ревнуйте*, говоритъ, *дарованій большихъ, и еще по превосходенію путь вамъ показую*,—разумѣя любовь къ ближнему. Далѣе, намѣреваясь говорить о ней и воздать похвалу этой добродѣтели, онъ напередъ сравниваетъ ее съ другими дарами и поставляетъ ниже, доказывая, что они безъ нея ничто; и это весьма благоразумно. Если бы онъ вдругъ сталъ говорить о любви, и послѣ словъ: *путь вамъ*

показую, сказалъ: это любовь, а не употребилъ бы сравненія, то иные стали бы смѣяться, не представляя себѣ ясно важности предмета и еще продолжая увлекаться (дарами). Потому онъ не вдругъ указываетъ на любовь, а напередъ возбуждаетъ въ слушателей вниманіе общаніемъ: *по превосхожденію путь вамъ пока-* 268 *зую*, и когда возбудилъ въ немъ желаніе, то и тогда не тотчасъ начинаетъ говорить о ней, но, желая еще болѣе усилить и возвысить это желаніе, говоритъ сперва о самыхъ (дарахъ) и показываетъ, что они безъ любви ничто, и такимъ образомъ ставитъ ихъ въ совершенную необходимость любить другъ друга, такъ какъ пренебреженіе къ ней бываетъ причиною всѣхъ золъ. Любовь по справедливости должна представляться важною уже и потому, что дары не только не соединяли ихъ, но и раздѣляли соединенныхъ, а она, напротивъ, сама собою можетъ соединить раздѣленныхъ и слѣлать ихъ однимъ тѣломъ. Впрочемъ, онъ не вдругъ говоритъ это, а указываетъ на то, чего они особенно желали, то есть, что любовь есть также даръ и превосходнѣйшій путь къ полученію всѣхъ даровъ. Потому, если ты не хочешь любить брата по долгу, то питай любовь по крайней мѣрѣ для того, чтобы тебѣ получить большой даръ чудесъ и обильнѣйшую благодать. И смотри, съ чего начинается (апостолъ): прежде всего съ того, что они почитали удивительнымъ и великимъ, то есть съ дара языковъ, и, говоря объ этомъ дарѣ, представляетъ его не такимъ, какой они имѣли, но гораздо большимъ. Не сказалъ: *еще языки глаголю*, но: *еще языки человеческими глаголю* (хш, 1). Что значитъ—человѣческими? Языками всѣхъ народовъ вселенной. Не довольствуясь и этимъ увеличеніемъ, прибавляетъ еще другое, гораздо большее, и говоритъ: *и ангельскими, любое же не имамъ, быхъ мѣдъ зѣтняци, или кимвалъ звяцаѣй*. Видишь ли, какъ онъ возвысилъ этотъ даръ и какъ послѣ низвелъ и ниспровергъ его? Не просто сказалъ: тогда я ничто, но: *быхъ мѣдъ зѣтняци*, нѣчто безчувственное и бездушное. Какъ—*мѣдъ зѣтняци*? Издавая звукъ, но напрасно, попусту и безъ всякой нужды. Далѣе, кромѣ того, что не приношу никакой пользы, для многихъ кажусь безпокойнымъ, тягостнымъ и несноснымъ. Видишь ли, какъ не имѣющій любви уподобляется вещамъ бездушнымъ и безчувственнымъ? Говоря о языкѣ ангельскомъ, (апостолъ) не приписывалъ ангеламъ тѣла, но выражаетъ слѣдующее: хотя я буду говорить такъ, какъ обыкновенно бесѣдуютъ ангелы между собою, безъ нея (любви) я ничто и даже тягостенъ и несносенъ. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *поклонится ему всяко колѣно небесныхъ, и земныхъ, и прееподнихъ* (Фил. II, 10), онъ не приписываетъ ангеламъ колѣнъ и костей,—да не будетъ,—но подобіемъ

нашего поклоненія желаетъ выразить усердное поклоненіе ангеловъ. Такъ и здѣсь говорить о языкѣ, означая не органъ тѣлесный, а извѣстнымъ нашимъ способомъ собесѣдованія выражая взаимное собесѣдованіе ихъ между собою. Далѣе, чтобы слова его скорѣе были приняты, онъ не останавливается на дарѣ языковъ, но указываетъ и на прочіе дары, и, показавъ ничтожность ихъ безъ любви, потомъ уже начертываетъ ея изображеніе. А такъ какъ онъ хотѣлъ постепенно усиливать рѣчь, то восходитъ отъ меньшаго къ большему; то, что поставилъ послѣднимъ при исчисленіи даровъ, то есть даръ языковъ, теперь поставляетъ на первомъ мѣстѣ, восходя, какъ я сказалъ, мало-по-малу отъ меньшаго къ большему. Сказавъ о языкахъ, онъ тотчасъ переходитъ къ пророчеству и говоритъ: *и еще имамъ пророчество* (ст. 2). И это также (представляетъ) въ превосходной степени. Какъ тамъ указалъ не на языки только, но на языки всѣхъ людей и даже ангеловъ, и потомъ уже сказалъ, что этотъ даръ безъ любви ничто, такъ и здѣсь говорить не о пророчествѣ только, но о пророчествѣ самой высшей степени. Сказавъ: *еще имамъ пророчество*, присовокупляетъ: *и отъ тайны вся и весь разумъ*, представляя и этотъ даръ въ превосходной степени.

4. Потомъ (апостолъ) переходитъ и къ прочимъ дарамъ, и чтобы, исчисляя ихъ порознь, не показаться тягостнымъ, указываетъ на мать и источникъ всѣхъ ихъ, и опять въ превосходной степени: *и еще, говоритъ, имамъ всю тру*. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ и то, что Христосъ призналъ самымъ великимъ: *яко и горы преставляти, любее же не имамъ, ничтоже есмь*. Смотри, какъ онъ и здѣсь опять уничижаетъ даръ языковъ. Отъ пророчества показываетъ великую пользу, именно — знаніе тайнъ и всякое разумѣніе, равно и отъ вѣры немаловажное дѣло, именно — переставленіе горъ; а о дарѣ языковъ только упомянуть и болѣе ничего. Замѣть еще, какъ онъ въ краткихъ словахъ обнимаетъ всѣ дары, т. е. въ пророчествѣ и вѣрѣ; это потому, что чудеса заключаются или въ словахъ или въ дѣлахъ. Но какъ же Христосъ говорить, что переставленіе горъ есть самое малое дѣло вѣры, — именно упоминаетъ объ этомъ, какъ о чемъ-то самомъ маломъ, когда выражается такъ: *еще имате тру, яко зерно горушино, речете горѣ сей: преиди, и преидетъ* (Мф. хvп, 20), а Павелъ поставляетъ въ этомъ всю вѣру? Что сказать на это? Переставить гору дѣйствительно великое дѣло; вслѣдствіе того и упоминаетъ объ этомъ; но не потому, чтобы вся вѣра могла производить только это, а потому, что людямъ грубымъ это казалось великимъ по тяжести горъ. Такимъ образомъ онъ возвышаетъ предметъ, и смыслъ словъ его слѣдующій: если я имѣю всю вѣру, если даже

могу переставлять горы, а любви не имѣю, то я ничто. *И аще раздаю вся имѣнія моя, и аще предаю тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* (ст. 3). Какая усиленная рѣчь! И здѣсь онъ представляетъ все въ превосходной степени. Не сказалъ: если я отдамъ бѣднымъ половину имѣнія, или двѣ или три части, но: *аще вся имѣнія моя*. Не сказалъ: отдамъ, но: *раздамъ*, выражая кромѣ употребленія имущества самую усердную услужливость. *И аще предаю тѣло мое, во еже сжещи е*. Не сказалъ: если я умру, но опять выражается усиленно: представляетъ самую жестокую смерть, т. е. сгорѣть живому, и говорить, что и такая смерть безъ любви не важное дѣло: *никакая польза ми есть*. Но вся сила его словъ откроется, когда я приведу свидѣтельства Христовы о милостынѣ и смерти. Какія же свидѣтельства? Богатому Христосъ сказалъ: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѡ. XIX, 21); также, бесѣдуя о любви къ ближнему, сказалъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. IV, 13). Отсюда видно, что и у Бога это — всего больше. Но я утверждаю, говорить Павелъ, что если даже мы положимъ (душу свою) за Бога, и не просто положимъ, но и будемъ сожжены, — это и означаютъ слова: *аще предаю тѣло мое, во еже сжещи е*, — то и тогда не будетъ намъ большой пользы, если мы не любимъ ближняго.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дары безъ любви 270 не приносятъ большой пользы; они даже ниже доброй жизни, и многіе, обладавшіе дарами, были наказаны, какъ нечестивые, какъ напр. именемъ Христовымъ пророчествовавшіе, изгонявшіе многихъ бѣсовъ и совершавшіе многія чудеса, подобно Іудѣ предателю; а другіе, вѣровавшіе и проводившіе непорочную жизнь, ни въ чемъ другомъ не имѣли нужды для пріобрѣтенія спасенія. Итакъ, нисколько не удивительно, что дары, какъ я сказалъ, имѣютъ нужду въ любви; но чтобы самая исправная жизнь ничего не значила безъ нея, это можетъ показаться преувеличеніемъ и ввести въ недоумѣніе, особенно когда Христосъ приписываетъ этимъ двумъ добродѣтелямъ великое достоинство, т. е. нестяжательности и мученическимъ подвигамъ. Богатому, какъ я замѣтилъ выше, Онъ сказалъ: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ мене*; и, бесѣдуя съ учениками о мученичествѣ, сказалъ: *иже аще погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю* (Мѡ. XVI, 25); и еще: *иже исповѣсться предъ человеки, исповѣтъ сего и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ* (Мѡ. X, 32). Подлинно, многотруденъ этотъ подвигъ и почти превышаетъ самую природу; это хорошо знаютъ тѣ, которые

удостоились этихъ вѣнцовъ; никакое слово не сможемъ изобразить его; это—дѣло, свойственное высокой душѣ и чрезвычайно удивительное.

5. Однако и это чудное дѣло, по словамъ Павла, не доставляетъ пользы безъ любви, хотя бы притомъ соединено было съ нестяжательностію. Почему такъ? Я постараюсь объяснить это, показавъ напередъ, какимъ образомъ раздающій все имущество можетъ не имѣть любви. Кто готовъ предать себя на сожженіе и имѣть духовные дары, тотъ еще можетъ не имѣть любви; а кто не только подаетъ, но и раздаетъ свое имущество, тотъ можетъ ли не любить? Что сказать на это? Или то, что (Павелъ) предполагаетъ невозможное возможнымъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ, когда хочетъ сказать что-нибудь чрезвычайное,—напр. въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *еще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, сже пріѣдете, а навѣма да будетъ* (Гал. і, 8). Ни онъ самъ, ни ангелъ, конечно, не могли сдѣлать этого, но, чтобы изобразить предметъ самымъ усиленнымъ образомъ, онъ предполагаетъ то, чего никогда не будетъ. Также въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *ни ангелы, ни начала, ниже силы, не возмужутъ насъ различити отъ любви Божіей* (Рим. viii, 39). Этого также не станутъ дѣлать ангелы; но и здѣсь онъ предполагаетъ невозможное. И далѣе говоритъ: *ни ина тварь кая*, хотя уже не оставалось другой, такъ какъ онъ исчислилъ всю—и горнюю и дольную; но онъ предполагаетъ то, чего нѣтъ, чтобы самымъ усиленнымъ образомъ выразить свою любовь. Тоже самое онъ дѣлаетъ и здѣсь, когда говоритъ: кто отдастъ все, но не имѣетъ любви, тотъ не получить никакой пользы. Итакъ, или это надобно сказать, или то, что онъ внушаетъ подающимъ милостыню вступать въ тѣсный союзъ съ пріемлющими, подавать не просто и безъ участія, но съ состраданіемъ, милосердіемъ, сокрушеніемъ и соболѣзнованіемъ къ нуждающимся. Для того именно Богъ и заповѣдаетъ (подавать) 271 милостыню; Богъ могъ питать нищихъ и безъ этого; но, чтобы соединить насъ любовію и внушить намъ пламенную привязанность другъ къ другу, Онъ повелѣлъ намъ питать ихъ. Потому и сказано въ одномъ мѣстѣ: *лучше слово благо, нежели даяніе* (Сир. xvi, 16); и еще: *се слово благо паче даянія* (Сир. xvi, 17); и самъ (Богъ) говоритъ: *милости хочу, а не жертвы* (Мѣ. ix, 13). Люди обыкновенно питаютъ любовь къ тѣмъ, кому они благодарятъ, и благодѣтельствованные бываютъ искренно расположены къ благодѣтелямъ; потому (Богъ) и далъ такую заповѣдь, чтобы устроить между ними союзъ любви. Но вотъ вопросъ: если Христосъ называлъ то и другое совершенствомъ, то какъ (апостолъ) говоритъ, что безъ любви это—не совершенно? Онъ не противо-

рѣчить Христу,—да не будетъ,—а напротивъ говорить совершенно согласно съ Нимъ. И (Христосъ) не просто сказалъ богатому: *продажди имѣніе твое и даждь нищимъ*, но прибавилъ: *и гряди въ слѣдъ мене*. А слѣдованіе за Нимъ ничѣмъ такъ ясно не обнаруживается въ ученикахъ Христовыхъ, какъ взаимною любовію: *и семъ*, говоритъ Онъ, *разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. хш, 35). Равнымъ образомъ слова Его: *иже аще погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю*; и еще: *иже исповѣсться ми предъ человеки, исповѣмся его и азъ предъ Отцемъ моимъ*, *иже на небесѣхъ*,—означаютъ не то, будто это не приобретается любовію, но указываютъ на награду, уготованную за такіе подвиги. А что дѣйствительно, кромѣ мученичества, (Христосъ) требовать и этого, весьма ясно видно изъ слѣдующихъ Его словъ: *чашу мою испieta, и крещеніемъ, имже азъ крещаяся, имате креститися*, т. е. примете мученичество и будете убиты за Меня; *а еже състи одесную и ошуюю*, не въ томъ смыслѣ, будто кто-нибудь сидитъ одесную и ошуюю Его, но въ смыслѣ высочайшей чести и славы, *къ сѣ мое дати, но имже уготовася* (Мѣ. хх, 23). Потомъ, объясняя, кому это уготовано, Онъ говоритъ (ученикамъ): *иже аще хочетъ въ васъ быти первый, да будетъ вѣсьмъ вамъ слуга*, научая смиренномудрію и любви; притомъ требуетъ любви самой сильной, почему, не останавливаясь на этомъ, присовокупляетъ: *якоже Сынъ человѣческій не прииде, да послужатъ ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѣ. хх, 26—28), выражая, что надобно любить такъ, чтобы даже умирать за любимыхъ. Въ этомъ особенно и состоитъ любовь къ Нему. Потому и Петру Онъ говоритъ: *аще любиши мя, паси овцы моя* (Іоан. хxi, 16). А чтобы вы убѣдились, какъ велика (эта) добродѣтель, изобразимъ ее словомъ, потому что на дѣлѣ нигдѣ не видимъ ея,—и мы поймемъ, сколько было бы добра, если бы она вездѣ была въ избыткѣ. Тогда не было бы нужды ни въ законахъ, ни въ судилищахъ, ни въ истязаніяхъ, ни въ казняхъ и ни въ чемъ подобномъ. Если бы всѣ любили и были любимы, то никто никого не обижалъ бы, не было бы убійствъ, ни ссоръ, ни браней, ни возмущеній, ни грабительствъ, ни любостязаній, никакого зла, и самое имя порока было бы неизвѣстно. Между тѣмъ чудеса не могутъ произвести этого, но еще возбуждаютъ въ невнимательныхъ тщеславіе и гордость.

6. Въ любви вотъ что удивительно: къ другимъ добродѣтелямъ примѣшивается зло, напр. нестяжательный часто тѣмъ самымъ надмевается; краснорѣчивый впадаетъ въ болѣзнь честолюбія; смиренномудрый часто тѣмъ самымъ превозносится въ своей совѣсти; а любовь свободна отъ всякой подобной заразы, 272

никто никогда не станет превозноситься предъ любимымъ. Представь челоуѣка не такого, который любилъ бы одного, но—всѣхъ равно, и тогда увидишь достоинство любви; или, лучше, если хочешь, представь напередъ одного любимаго и одного любящаго, любящаго такъ, какъ должно любить. Онъ живетъ какъ бы на небѣ, наслаждаясь всегда опокоействиемъ и оплетая себѣ тысячи вѣнцовъ. Такой (челоуѣкъ) сохраняетъ душу свою чистою отъ ненависти и гнѣва, отъ зависти и гордости, отъ тщеславія и порочнаго пожеланія, отъ всякой постыдной любви и всякаго порока. Какъ никто не станетъ дѣлать зла себѣ самому, такъ и онъ—ближнему. Такой (челоуѣкъ), еще находясь на землѣ, будетъ стоять наравнѣ съ (архангеломъ) Гавріиломъ. Таковъ тотъ, кто имѣетъ любовь! А кто творитъ чудеса и обладаетъ совершеннымъ знаніемъ, но не имѣетъ ея (любви), тотъ, хотя бы воскресилъ тысячи мертвыхъ, не получить большой пользы, будучи самъ далекъ отъ всѣхъ и чуждъ союза съ подобными себѣ рабами. Потому и Христосъ знакомъ искренней любви къ Нему поставилъ любовь къ ближнему. *Аще любимиши мя*, Петръ, говорилъ Онъ, *паче сихъ, паси овцы моя* (Іоан. ххi, 15, 16). Видишь ли, какъ Онъ и здѣсь опять выразилъ, что это выше мученичества? Если бы кто имѣлъ любимаго сына, за котораго готовъ былъ бы отдать душу, и если бы кто-нибудь, любя отца, на сына совершенно не обращалъ вниманія, то этимъ онъ сильно огорчилъ бы отца, который не сталъ бы и смотрѣть на любовь къ себѣ за презрѣніе къ сыну. Если же такъ бываетъ по отношенію къ отцу и сыну, то тѣмъ болѣе по отношенію къ Богу и людямъ, потому что Богъ любвеобиленъ въ всѣхъ отцовъ. Потому Онъ, сказавъ: *первая и большая заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего*, продолжалъ: *торая же*, и не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѣ. ххii, 37—39). И замѣть, какъ Онъ требуетъ и послѣдней (любви) почти въ столь же высокой степени (какъ первой). О Богъ сказалъ: *всплѣ сердце мѣ твоимъ*; а о ближнему: *яко самъ себе*, что равносильно выраженію: *всплѣ сердце мѣ твоимъ*. Подлинно, если бы это было исполняемо съ точностію, то не было бы ни раба, ни свободнаго, ни начальника, ни подчиненнаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни малаго, ни великаго, и самъ діаволъ не былъ бы навѣстенъ, и не только одинъ, но и другой, и хотя бы было ихъ сто и даже тысячи, они не могли бы сдѣлать ничего, если бы была любовь. Скорѣе трава можетъ перенести силу огня, нежели діаволъ — пламень любви. Она крѣпче стѣны, она тверже адаманта, и, еслибы ты указалъ на другое еще болѣе крѣпкое вещество, твердость любви превзойдетъ все. Ея не побѣждаетъ ни богатство, ни бѣдность, или

лучше, не было бы ни бѣдности, ни излишняго богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее изъ того и другого. Отъ богатства мы имѣли бы довольство, отъ бѣдности беззаботность, не терпѣли бы ни безпокойствъ неразлучныхъ съ богатствомъ, ни опасеній отъ бѣдности. Но что я говорю о пользѣ отъ любви? Представь, какъ прекрасна любовь сама по себѣ, сколько она приноситъ радостей, сколько доставляетъ душѣ удовольствій; это по преимуществу ей свойственно. Другія дѣла добродѣтели, напр. постъ, цѣломудріе, бдительность, сопряжены съ трудомъ, сопровождаются недовольствомъ, порочнымъ пожеланіемъ, высокомеріемъ; любовь же, кромѣ пользы, доставляетъ еще великое удовольствіе, а труда никакого, и, какъ добрая пчела, собирая добро отовсюду, слагаетъ его въ душѣ любящаго. Рабъ ли кто, она дѣлаетъ рабство пріятнѣе свободы, потому что кто любить, тотъ не столько радуется тогда, когда повелѣвается, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелѣвать и пріятно. Лю- 273 бовь измѣняетъ самое существо вещей и неразлучно приноситъ съ собою всѣ блага; она нѣжнѣе всякой матери, щедрѣе всякой царя; трудное она дѣлаетъ легкимъ и удобнымъ, добродѣтель представляетъ привлекательною, а порокъ отвратительною. Посмотри: раздавать свое повидимому прискорбно, но любовь дѣлаетъ это пріятнымъ; брать чужое повидимому пріятно, но любовь не позволяетъ считать это пріятнымъ, а заставляетъ убѣгать, какъ преступнаго; худо говорить о другихъ для всѣхъ кажется пріятнымъ, но любовь представляетъ это низкимъ, а хорошо говорить — пріятнымъ; ничто такъ не пріятно намъ, какъ хвалить того, кого мы любимъ. Еще: гнѣвъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторую пріятность, но при любви его не можетъ быть; она совершенно уничтожаетъ его; если любимый и оскорбитъ любящаго, то гнѣва не будетъ, а будутъ слезы, увѣщанія, просьбы: такъ далека (любовь) отъ раздраженія! Когда она видитъ согрѣшающаго, то плачетъ и скорбитъ, — и эта скорбь приноситъ ей удовольствіе. Слезы и скорбь любви пріятнѣе всякаго смѣха и всякой радости; не столько чувствуютъ наслажденія смѣющиеся, сколько плачущіе о любимыхъ. Если не вѣришь, то удержи ихъ слезы, и они огорчатся, какъ потерпѣвшіе что-нибудь крайне непріятное. Но, скажешь, въ любви есть нечистое удовольствіе. Нѣтъ, человекъ, оставь алорѣчіе; ничто не исполнено такого чистаго удовольствія, какъ истинная любовь.

7. Не говори мнѣ о любви вульгарной и низкой, которая скорѣе болѣзнь, нежели любовь, но разумъ любовь, которой требуетъ Павелъ, которая имѣетъ цѣлю пользу любимыхъ, и ты увидишь, что такіе люди нѣжнѣе въ любви самихъ отцовъ. Какъ

пристрастные къ деньгамъ не рѣшаются издерживать ихъ, но согласны лучше оставаться въ затруднительномъ положеніи, нежели видѣть ихъ уменьшеніе, такъ и тотъ, кто питаетъ къ другому любовь, согласится лучше потерпѣть тысячи бѣдствій, нежели видѣть, чтобы любимый имъ потерпѣлъ вредъ. Какъ же, скажешь, египтянка, любя Іосифа, рѣшилась причинить ему вредъ? Она любила его любовію діавольскою. Напротивъ, Іосифъ имѣлъ не такую любовь, а какой требуетъ Павелъ. Вспомни, какой любви исполнены были его слова, и какія предложенія дѣлала она: осрами меня, говорила она, сдѣлай блудницею, оскорби мужа, разстрой весь домъ, лиши и себя дерзновенія предъ Богомъ. Такія слова показываютъ, что она не любила не только его, но и самой себя. Напротивъ, Іосифъ любилъ истинно, и потому отвергнулъ все это. Но чтобы тебѣ убѣдиться, что онъ заботился объ ея благѣ, вникни въ отвѣтъ его. Онъ не только отвергнулъ ея предложеніе, но и произнесъ увѣщаніе, которое могло погасить всякій пламень: *аще господинъ мой*, говорилъ онъ, *не вѣсть мене ради ничтоже въ дому своемъ* (Быт. xxxix, 8); тотчасъ же напомнилъ ей о мужѣ, чтобы пристыдить ее; не сказалъ: мужъ твой, но: *господинъ мой*, что болѣе могло удержать ее и заставить подумать о томъ, кто она и къ кому питаетъ страсть, — госпожа къ рабу. Если онъ — господинъ, то ты — госпожа; стыдись же вступать въ связь съ рабомъ, и подумай, чья ты жена, съ кѣмъ хочешь со-
274 вокупиться, къ кому дѣлаешься неблагодарною и вѣроломною; а я оказываю ему большее расположеніе. Смотри, какъ онъ перевозноситъ его благодаренія. Она, женщина грубая и безстыдная, не могла мыслить ни о чемъ высокомъ; потому онъ пристыжаетъ ее мыслями общечеловѣческими и говорить: *не вѣсть мене ради ничтоже*, то есть оказываетъ мнѣ великія благодаренія, а потому я не могу оскорбить своего благодѣтеля столь чувствительно; онъ сдѣлалъ меня вторымъ господиномъ дома, и *ниже изгнать бысть отъ мене кто либо, кромѣ тебе* (ст. 9). Здѣсь онъ возвышаетъ понятія ея о себѣ самой, чтобы хотя такимъ образомъ привести ее въ стыдъ и показать великое ея достоинство. Не останавливается и на этомъ, но присовокупляетъ ея названіе, которое могло удержать ее: *понеже*, говорить, *ты жена ему еси, и како сотворю глаголь злый сей?* Здѣсь нѣтъ мужа, говоришь ты, и онъ не увидитъ наносимой ему обиды? Но увидитъ Богъ. Однако увѣщаніе нисколько не подѣйствовало, и она влекла Іосифа къ себѣ. Она дѣлала это не потому, чтобы любила его, но желая удовлетворить своей неистовой страсти, какъ видно изъ того, что она сдѣлала послѣ. Она требуетъ суда, обвиняетъ, лжесвидѣтельствуетъ, предастъ звѣрю невиннаго и ввергаетъ его въ темницу; или,

лучше, она, сколько отъ нея зависѣло, уже убила его, вооруживъ противъ него такимъ образомъ судію. Что же Іосифъ? Таковъ ли былъ онъ? Совершенно не таковъ. Онъ не противорѣчилъ и не обвинялъ жены. Потому, скажешь, что ему не повѣрили бы? Нѣтъ, онъ былъ весьма любимъ, какъ видно изъ того, что было не только сначала, но и послѣ. Если бы варваръ не очень любилъ его, то лишилъ бы жизни, не смотря на то, что онъ молчалъ и не противорѣчилъ; это былъ египтянинъ, начальникъ и притомъ думавшій, что обезпечено брачное его ложе, и обезпечено рабомъ, который столько имъ облагодѣтельствованъ. Но все это превозмогла любовь и благоволеніе, которое Богъ внушилъ ему къ Іосифу. Кромѣ такой любви и благоволенія онъ имѣлъ предъ собою немаловажныя доказательства (невинности Іосифа), если бы хотѣлъ выслушать оправданіе,—самую одежду. Если бы насиліе потерпѣла жена, то надлежало бы быть ея одеждѣ разорванною и ея лицу истерзаннымъ, а не его одеждѣ остаться у ней. *Егда услыши онъ, говоритъ, яко возвысихъ гласъ мой и возопихъ, оставль ризы своя, отбѣже* (ст. 15). Для чего же ты совлекла съ него одежду? Что скорѣе могла бы сдѣлать подвергшаяся насилію? Освободиться отъ нападающаго. И не только отсюда, но и изъ послѣдующаго, я могу доказать расположеніе и любовь Іосифа. Когда онъ поставленъ былъ въ необходимость объявить причину своего заключенія и пребыванія въ темницѣ, то и тогда не открылъ приключенія,—но что? Я, говоритъ, *ничто зло сотворихъ; но тѣло мое украденъ быхъ изъ земли Еврейскія* (Быт. xl, 15), и вообще нигдѣ не упоминаетъ о блудницѣ, не хвалится своимъ поступкомъ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой, если не изъ тщеславія, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы не подумали, будто онъ за худое дѣло ввергнуть въ такое жилище. И если даже люди, виновные во грѣхѣ, не воздерживаются отъ обвиненія, хотя самое дѣло подвергаетъ ихъ стыду, то какъ не удивляться Іосифу, который, будучи чистымъ, не говорилъ о страсти жены, не объявлялъ грѣха ея, и даже, когда достигъ власти и сдѣлался правителемъ всего Египта, не помнилъ зла и не мстилъ?

8. Видишь ли, какъ онъ заботился о ней, а она не любила, во неистовствовала? Да, она не любила Іосифа, а хотѣла только удовлетворить своему сладострастію. Самыя слова ея, если внимательно разсмотрѣть ихъ, исполнены гнѣва и великой злобы. Что говоритъ она? *Введе отрока Евреина наругатися намъ* (ст. 14). Укоряетъ мужа за его благодѣяніе и показываетъ одежду, сдѣлавшись свирѣпѣе всякаго звѣря. А Іосифъ не такъ. Но что я говорю объ его расположеніи къ ней, когда онъ былъ таковъ же къ братьямъ, которые едва не убили его, и никогда не говорилъ

о нихъ ничего худого ни дома, ни на сторонѣ? Потому-то Павелъ называетъ любовь матерію всѣхъ благъ и предпочитаетъ ее чудотвореніямъ и прочимъ дарованіямъ. Какъ при золотой одеждѣ и обуви намъ нужно бываетъ и нѣкоторое другое одѣяніе, чтобы узнать царя; а когда мы видимъ порфиру и діадему, то не требуемъ никакого другого знака царскаго достоинства,—такъ точно и здѣсь. Когда есть діадема любви, то она достаточно отличаетъ истиннаго ученика Христова не только для насъ, но и для невѣрныхъ. *О семъ, говоритъ Господь, разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. хш, 85). Этотъ знакъ важнѣе всѣхъ знаменій, потому что по нему узнается ученикъ (Христовъ). Пусть иные совершаютъ тысячи знаменій, но, если они питаютъ вражду между собою, они будутъ осмѣяны невѣрными; напротивъ, хотя бы они не произвели ни одного знаменія, но только бы искренно любили другъ друга, они будутъ всѣми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, а потому, что говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Хотя бы ты сравнилъ съ этимъ тысячи знаменій, ничто не будетъ равно; и самъ онъ ожидалъ себѣ великой награды не за то, что совершалъ знаменія, но за то, что для немощныхъ былъ, какъ немощный: *кая убо ми есть, говоритъ, мзда? Да благовѣстующий бегъ мзды положу благовѣстіе* (1 Кор. ix, 18); и тогда, когда говорилъ о своемъ преимуществѣ предъ апостолами, не сказалъ: я больше ихъ совершилъ знаменій, но: *паче всѣхъ ихъ потрудился* (1 Кор. xv, 10). Онъ даже готовъ былъ умереть съ голода для спасенія учениковъ: *добре бо ми, говоритъ, паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднить* (1 Кор. ix, 15),—говоритъ не съ тѣмъ, чтобы похвалить самого себя, но чтобы не подумали, что онъ укоряетъ ихъ. Онъ никогда не хвалится своими совершенствами, если этого не требуютъ обстоятельства, и, когда бываетъ вынужденъ къ тому, называетъ себя *бѣгущимъ* (1 Кор. i, 25; 2 Кор. xi, 1).

Если онъ и хвалится когда-нибудь, то немощами, страданіями и великимъ участіемъ къ бѣдствіямъ другихъ, какъ и здѣсь говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* Такія слова выше самыхъ страданій; потому онъ и поставляетъ ихъ послѣ всего, усиливая рѣчь свою. Чего же въ сравненіи съ нимъ достойны мы, которые не хотимъ презирать денегъ для блага насъ же самихъ и подавать даже набытковъ своего имущества? А онъ былъ не таковъ, но отдавалъ и душу и тѣло свое, чтобы получили царствіе небесное тѣ самые, которые побивали его камнями и бичевали. Такъ любить, говорилъ онъ, научилъ меня Христосъ, преподавшій

прекрасную заповѣдь о любви и самъ исполнившій ее на дѣлѣ; Онъ, будучи царемъ всего и существомъ блаженнымъ, не отвратился отъ людей, которыхъ сотворилъ изъ ничего и безконечно благодѣтельствовалъ, которые оскорбляли Его и плевали на Него, но сдѣлался для нихъ человѣкомъ, обращался съ блудницами и мытарами, ищѣяль бѣсноватыхъ и обѣтовалъ небо. Послѣ всего этого люди, взявъ Его, ударили по ланитамъ, связали, били, осмѣяли и наконецъ распяли; но Онъ и тогда не отвратился отъ нихъ и, будучи повѣшенъ на крестѣ, говорилъ: *Отче, отпусти имъ грѣхъ ихъ* (Лук. XXIII, 34). Разбойника, который вначалѣ поносилъ Его, Онъ ввелъ въ рай, Павла изъ гонителя сдѣлалъ апостоломъ, а ближайшихъ и преданныхъ Ему учениковъ предалъ на смерть для спасенія распявшихъ Его іудеевъ. Итакъ, представляя себѣ все это, сдѣланное Богомъ и людьми, будемъ подражать дѣламъ добрымъ и питать въ себѣ любовь, превосходящую всѣ дары, чтобы намъ получить блага и настоящія и будущія, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Любы долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидитъ, не 275
превозносится, не гордится (1 Кор. XII, 4).

1. Доказавъ, что безъ любви нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни отъ дара исцѣленій, ни отъ другихъ даровъ, ни даже отъ совершенной жизни и мученичества, (апостолъ) описываетъ, какъ и необходимо было, безпримѣрную красоту ея, украшая ея изображеніе, какъ бы какими-нибудь красками, различными родами добродѣтели и тщательно соединяя всѣ ея части. Потому, возлюбленный, будь внимателенъ къ сказанному и вникни въ каждое слово съ великимъ тщаніемъ, чтобы видѣть и совершенство 276 предмета и искусство живописца. Смотри, съ чего онъ началъ, и что поставилъ первую причиною всѣхъ благъ. Что же именно? Долготерпѣніе; оно—корень всякаго любомудрія; потому и Премудрый говоритъ: *долготерпѣливъ мужъ много въ разумъ, малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. XIV, 29); и далѣе, сравнивая эту добродѣтель съ крѣпкимъ городомъ, говоритъ, что она крѣпче его. Это—несокрушимое оружіе, непоколебимый столпъ, легко

отражающій всѣ нападенія. Какъ искра, упавшая въ море, не причиняетъ ему никакого вреда, но сама тотчасъ потухаетъ, такъ 277 все неожиданное, поражая долготерпѣливую душу, скоро исчезаетъ, а ея не возмущаетъ. Долготерпѣніе тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стѣны, на оружіе, и на что бы то ни было, ничто не можетъ сравниться съ долготерпѣніемъ. Кто обладаетъ чѣмъ-нибудь подобнымъ, тотъ часто бываетъ побѣжденъ гнѣвомъ, падаетъ, подобно слабому ребенку, и все наполняетъ шумомъ и смятеніемъ; а долготерпѣливый, какъ бы пребывая въ пристани, наслаждается глубокимъ спокойствіемъ; причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому онъ и называется долготерпѣливымъ (μακρόθυμος), что имѣетъ какъ бы долгую и великую душу, а долгое называется и великимъ. Между тѣмъ эта добродѣтель рождается отъ любви, и тѣмъ, которые пріобрѣли ее и пользуются ею; доставляетъ великую пользу. Не говори мнѣ, что люди потерянные, дѣлая (долготерпѣливому) зло и не претерпѣвая за то зла, становятся хуже; это происходитъ не отъ его долготерпѣнія, а отъ тѣхъ самихъ, которые пользуются имъ не такъ, какъ должно. Потому не говори мнѣ о нихъ, а вспомни о людяхъ болѣе кроткихъ, которые получаютъ оттого великую пользу; когда они, дѣлая зло, не претерпѣваютъ за то зла, то, удивляясь терпѣнію страждущаго, получаютъ величайшій урокъ любу мудрія. Впрочемъ, (апостоль) не останавливается на этомъ, но присовокупляетъ еще другія совершенства любви: она, говоритъ, *милосердствуетъ*. Такъ какъ есть люди, которые употребляютъ долготерпѣніе не на собственное любу мудріе, а на мщеніе тѣмъ, кто оскорбляетъ ихъ, терзаясь внутри себя самихъ, то онъ говоритъ, что любовь не имѣетъ и этого недостатка; потому и присовокупляетъ: *милосердствуетъ*. Любящіе не для того поступаютъ кротно съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы усилить пламень гнѣва, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественнымъ терпѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуютъ рану и исцѣляютъ язву гнѣва. *Не завидитъ*. Случается, что иной терпѣливъ, но завистливъ, отчего добродѣтель его теряетъ свое совершенство. Но любовь далека и отъ этого. *Не превозносится*, т. е. не поступаетъ безразсудно. Она дѣлаетъ любящаго благоразумнымъ, степеннымъ и основательнымъ. Безразсудство свойственно людямъ, любящимъ постыдно; а любящій истинною любовію совершенно свободенъ отъ этого; когда нѣтъ въ сердцѣ гнѣва, то не можетъ быть и безразсудства и дерзости; любовь, пребывая въ душѣ, какъ бы какой-нибудь искусный зем-

ледѣлецъ, не допускаетъ вырастать ни одному изъ этихъ терній. *Не гордится.* Мы видимъ, что многіе гордятся самими своими добродѣтелями, т. е. тѣмъ, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безразсудны; эти пороки соединены не только съ богатствомъ и бѣдностію, но и съ самыми добрыми по природѣ качествами; а любовь совершенно очищаетъ все. Замѣтъ: долготерпѣливый не всегда еще милосердъ; если же онъ не будетъ милосерднымъ, то его доброе качество становится порокомъ и можетъ обратиться въ памятозлобіе; но любовь, доставляя врачество, т. е. милосердіе, сохраняетъ добродѣтель чистою. Также милосердый часто бываетъ легкомысленъ; но любовь исправляетъ и этотъ недостатокъ. *Любы, говорить, не превозносится, не гордится.* Милосердый и долготерпѣливый часто бываетъ гордымъ; но любовь 278 истребляетъ и этотъ порокъ.

2. Смотри, какъ (апостолъ) представляетъ въ похвалу ея не только то, что она имѣетъ, но и то, чего не имѣетъ: она, говорить, съ одной стороны производитъ добродѣтели, съ другой уничтожаетъ пороки, или, лучше, не допускаетъ имъ и зародиться. Не сказалъ: хотя у ней бываетъ зависть, но она побѣждаетъ зависть, или: хотя бываетъ гордость, но она укрощаетъ эту страсть, а: *не завидитъ, не превозносится, не гордится*; и что особенно удивительно, она безъ усилій дѣлаетъ добро, безъ борьбы и сопротивленія воздвигаетъ трофей. Кто имѣетъ ее, того она не заставляетъ трудиться, чтобы достигнуть вѣнца, но безъ труда доставляетъ ему награду, потому что, гдѣ нѣтъ страсти, противоборствующей добродѣтельному расположенію, тамъ какой можетъ быть трудъ? *Не безчинствуетъ* (ст. 5). Что я говорю, продолжаетъ (апостолъ), что она не гордится? Она такъ далека отъ этой страсти, что, и терпя крайнія бѣдствія за любимаго, не считаетъ этого безчестіемъ. Не сказалъ опять, что хотя терпитъ безчестіе, но мужественно переноситъ его, а что даже нисколько не чувствуетъ безчестія. Если сребролюбцы, терпя всякаго рода неприятности для своего прибытка, не только не стыдятся, но еще радуются, то тѣмъ болѣе имѣющій достохвальную любовь для блага любимыхъ не откажется ни отъ чего подобнаго, и не только не откажется, но даже и не стыдится, когда терпитъ что-нибудь. Впрочемъ, чтобы намъ не приводить въ примѣръ порочнаго дѣла, посмотримъ въ этомъ отношеніи на Христа, и увидимъ истину сказаннаго. Господь нашъ Іисусъ Христосъ подвергался оплеванію и бичеванію отъ жадныхъ рабовъ, и не только не считалъ этого безчестіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ въ славу; разбойника и челоуѣкоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницею, притомъ въ присутствіи всѣхъ

обвинителей своихъ, и не считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣловать Свои ноги, орошать слезами Свое тѣло и отирать волосами, и все это предъ глазами враговъ и противниковъ, потому что любовь *не безчинствуетъ*. Поэтому и отцы, хотя бы они были мудреѣ и краснорѣчивѣ всѣхъ, не стыдятся лепетать вмѣстѣ съ дѣтьми, и никто изъ возражающихъ на это не осуждаетъ ихъ, а, напротивъ, это кажется настолько хорошимъ дѣломъ, что даже удостоивается похвалы; если опять дѣти бываютъ порочны, то они терпѣливо стараются исправить ихъ, наблюдаютъ за ними, удерживаютъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ и не стыдятся, потому что любовь *не безчинствуетъ*, но какъ бы какими золотыми крыльями прикрываетъ всѣ проступки любимыхъ. Такъ и Іонаванъ любилъ Давида, а потому, выслушавъ слова отца: *сыне двоекъ блудницъ*, женовоспитанный (1 Цар. xx, 30), не устыдился, хотя слова исполнены великой укоризны; они именно означаютъ слѣдующее: сынъ блудницъ, неистово пристрастныхъ къ мущинамъ и предающихся всѣмъ проходящимъ, изнѣженный, слабый, не имѣющій въ себѣ ничего мужескаго и живущій къ
 279 безчестію своему и родившей тебя матери. Что же? Огорчился ли онъ этимъ, устыдился ли и отсталъ ли отъ любимаго? Со-
 всѣмъ напротивъ, даже хвалился своею любовію; хотя (Саулъ) былъ тогда царемъ, Іонаванъ—сыномъ царя, а Давидъ—бѣглецомъ и скитальцемъ, но при всемъ этомъ онъ не стыдился своей любви, потому что любовь *не безчинствуетъ*. Подлинно, въ ней достойно удивленія то, что она не только не допускаетъ скорбѣть и огорчаться въ случаѣ обиды, но еще побуждаетъ радоваться; потому и Іонаванъ послѣ всего того, какъ бы получивъ вѣнецъ, пошелъ и обнялъ Давида, потому что любовь не знаетъ безчестія и даже хвалится тѣмъ, чего другой стыдится. Для нея стыдъ—не умѣть любить, или любя не подвергаться опасностямъ и не терпѣть всего за любимыхъ. Впрочемъ, когда я говорю: *все*, то не подумай, будто разумѣю и вредное, напр., если бы кто сталъ помогать юношѣ въ (преступной) любви къ жѣнщинѣ, или просилъ бы сдѣлать что-нибудь другое вредное. Такой человекъ не любитъ, какъ я доказалъ вамъ прежде примѣромъ египтянки. Тотъ только любитъ, кто любимому желаетъ полезнаго; а кто не ищетъ добра, тотъ, хотя бы тысячу разъ говорилъ, что любитъ, враждебнѣе всѣхъ враговъ. Такъ нѣкогда и Ревекка, будучи сильно привязана къ сыну, рѣшилась даже на воровство, не стыдилась и не опасалась быть обличенною,—а предстояла немалая опасность,—но даже, когда сынъ возражалъ ей, сказала: *на мнѣ клятва твоя, чадо* (Быт. xxvi, 13).

8. Видишь ли въ жѣнѣ апостольскую душу? Какъ Павелъ,—

если можно сравнивать малое съ великимъ,—желалъ подвергнуться анафемѣ за іудеевъ, такъ и она рѣшалась даже подвергнуться проклятiю, только бы сынъ ея получилъ благословеніе. Благо она предоставляла ему,—такъ какъ сама не могла участвовать съ нимъ въ благословеніи,—а зло готова была принять на одну себя, и притомъ радовалась, спѣшила, тогда какъ угрожала опасность, и огорчалась медленностію дѣла, опасаясь, чтобы Исаѣ, предваривъ Іакова, не сдѣлалъ напраснымъ мудрое ея распоряженіе. Потому и выражается кратко, побуждаетъ юношу и, не опровергая словъ его, высказываетъ мысль, достаточную для его убѣжденія; не сказала: ты напрасно говоришь это и напрасно боишься, отецъ твой старъ и не имѣетъ зрѣнія,—но что? *На мнѣ клятва твоя, чадо*; только не разстраивай дѣла, не выпускай добычи; не теряй сокровища. И самъ Іаковъ не былъ ли работникомъ въ продолженіе двухъ семилѣтiй у своего родственника? Не подвергался ли кромѣ рабства еще осмѣянію послѣ обмана? Что же? Чувствовалъ ли онъ осмѣяніе, считалъ ли безчестіемъ для себя, что онъ, будучи свободнымъ, происходя отъ свободныхъ родителей и получивъ благородное воспитаніе, былъ рабомъ у своихъ родственниковъ, тогда какъ это особенно и бываетъ оскорбительно, если кто терпитъ поношеніе отъ близкихъ? Нѣтъ,—и причиною тому была любовь, которая даже дѣлала для него долгое время краткимъ: *быша*, говоритъ (Писаніе), *предъ нами, яко малы дни* (Быт. xxi, 20). Такъ онъ былъ далекъ отъ того, чтобы оскорбляться и стыдиться своего рабства! Потому справедливо говоритъ блаженный Павелъ: *любви не безчинствуетъ: не ищетъ своихъ си, не раздражается*. Сказавъ: *не безчинствуетъ*, онъ показываетъ и то, какимъ образомъ она не терпитъ безчестія. Какимъ же? Она *не ищетъ своихъ си*. Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ 290 избавить его отъ безчестія, такъ что, если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя: любимый для него—тоже, что самъ онъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльные лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто, кромѣ любви. Потому не ищи своего, чтобы тебѣ найти свое; кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24). Польза каждаго заключается въ пользѣ ближняго, а польза ближняго въ его пользѣ. Какъ закопавшій собственное золото въ домѣ ближняго, если не захочетъ сходить поискать и откопать его тамъ, никогда не увидитъ его, такъ и здѣсь, кто не хочетъ въ пользѣ ближняго искать собственной пользы, тотъ не получитъ вѣнцевъ.

Богъ устроилъ такъ для того, чтобы мы были привязаны другъ къ другу. Когда кто побуждаетъ лѣнивое дитя слѣдовать за братомъ, а оно не хочетъ дѣлать этого само собою, то даетъ въ руки брату что-нибудь любимое и пріятное для дитяти, чтобы оно, желая получить это, слѣдовало за нимъ, что дѣйствительно и бываетъ,—такъ и здѣсь, полезное для каждаго Богъ даровалъ ближнему, чтобы мы имѣли общеніе другъ съ другомъ и не раздѣлялись. Если хочешь, можешь видѣть это и на насъ—проповѣдующихъ: полезное для меня заключается въ тебѣ, а полезное для тебя—во мнѣ; напр. для тебя полезно знать угодное Богу; но это ввѣрено мнѣ, чтобы ты отъ меня получалъ это, а потому ты принужденъ прибѣгать ко мнѣ; а для меня полезно, чтобы ты сдѣлался лучшимъ,—я получу за то великую награду,—но это зависитъ отъ тебя; потому я имѣю нужду слѣдить за тобою, чтобы ты сдѣлался лучшимъ и такимъ образомъ я получилъ бы отъ тебя полезное для меня. Потому и Павелъ говорилъ: *кто бо намъ упованіе? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19)? И еще: *вы есте упованіе мое, радость моя и вѣнецъ похваленія моего* (ет. 40). Итакъ, радостію Павла были ученики, а они радовались его радостію; потому онъ и плакалъ, когда видѣлъ погибающихъ. Съ другой стороны ихъ польза заключалась въ Павлѣ; потому онъ и говорилъ: *надежды ради Израилевы веригами сими обложенъ есмь* (Дѣян. XVIII, 20). И еще: *сего ради вся терплю избранныхъ ради, да жизнь вѣчную улучатъ* (2 Тим. II, 10). Тоже можно видѣть и въ дѣлахъ житейскихъ: жена, говорить (апостолъ), *своимъ тѣломъ не владѣетъ, ниже мужъ, но жена мужа, и мужъ жены* (1 Кор. VII, 4). Такъ и мы, когда хотимъ связать нѣсколько людей между собою, дѣлаемъ тоже: не позволяемъ никому распоряжаться собою, но, составивъ изъ нихъ цѣпь, заставляемъ одного зависѣть отъ другого, а другого отъ третьяго. Не тоже ли можешь видѣть и въ правительствѣ? Судія садится судить не для себя самого, а для пользы ближняго; подчиненные угожденіемъ, послушаніемъ и всѣми другими способами доставляютъ пользу начальству; воины для насъ берутъ оружіе, потому что за насъ подвергаются опасностямъ; а мы трудимся для нихъ, потому что отъ насъ они получаютъ содержаніе.

4. Если ты скажешь, что каждый поступаетъ такъ, ища собственной пользы, то и я говорю тоже,—только собственная польза достигается посредствомъ чужой. Если бы воинъ не сражался за тѣхъ, которые доставляютъ ему содержаніе, то никто не оказывалъ бы ему этой услуги; и наоборотъ, если бы они не доставляли содержанія воину, то никто не сталъ бы защищать ихъ. Видишь ли, какъ любовь простирается на все и устрояетъ все? Но

не потѣнись разсмотрѣть всю эту золотую цѣпь. Сказавъ: *не ищетъ своихъ си*, (апостоль) опять говоритъ о благахъ, происходящихъ отъ любви. Какія же это блага? *Не раздражается, не мыслитъ зла*. Смотри опять, какъ она не только истребляетъ пороки, но даже не дозволяетъ имъ получить начало. Не сказалъ: хотя раздражается, но преодолеваетъ раздраженіе, а: *не раздражается*: не сказалъ также: не дѣлаетъ зла, но: *не мыслитъ*; не только не совершаетъ, но даже и не замышляетъ ничего худого противъ любимаго. И дѣйствительно, какъ она можетъ дѣлать зло, или раздражаться, когда не допускаетъ даже худой мысли? А здѣсь и есть источникъ любви. *Не радуется о неправдѣ* (ст. 6), то есть, не радуется, когда другіе терпятъ зло; и не только это, но есть въ ней и гораздо большее: *радуется же о истинѣ*, то есть, радуется о тѣхъ, которые благоустроены въ жизни, какъ говоритъ Павелъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. хп, 15). Потому она и не завидуетъ, потому и не гордится: блага другихъ она признаетъ своими. Видишь ли, какъ любовь дѣлаетъ питомца своего почти ангеломъ? Если онъ не имѣетъ гнѣва, чистъ отъ зависти и свободенъ отъ всякой пагубной страсти, то очевидно, что онъ уже выше природы человѣческой и достигнулъ безстрастія ангеловъ. Впрочемъ (Павелъ) не довольствуется этимъ, но находитъ сказать еще нѣчто большее; важнѣйшее онъ всегда излагаетъ послѣ. Любовь, говоритъ, *вся покрываетъ* (ст. 7), по своему долготерпѣнію и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь подобное. Это также можно усмотрѣть изъ примѣра блаженнаго Давида. Что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть сына, возмущившагося, ищущаго власти и жаждущаго крови своего отца? Но блаженный (Давидъ) перенесъ и это, не хотѣлъ даже произнести укориженнаго слова противъ отцеубійцы, а, предоставивъ все прочее военачальникамъ, повелѣлъ сохранить его жизнь: такъ крѣпко было у него основаніе любви! Потому и (говоритъ апостоль): *вся покрываетъ*. Этими словами онъ выражаетъ силу любви, а дальнѣйшими доброту ея: *вся бо, говоритъ, уповаешь, всему вѣру емлетъ, вся терпитъ*. Что значитъ: *вся уповаешь*? Не отчаиваясь ожидаетъ отъ любимаго чловѣка всего добраго, и хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пеиись и заботиться. *Всему вѣру емлетъ*; не просто надѣется, но съ увѣренностію, потому что сильно любитъ; и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это: *вся, говоритъ, терпитъ*. *Любы николиже отпадаетъ* (ст. 8). Видишь ли, чѣмъ онъ завершилъ и что особенно превосходно въ этомъ дарѣ? Что

именно значить: *николиже отпадаетъ*? Не прекращается, не ослабѣваетъ оттого, что терпѣть, потому что любить все. Кто любить, тотъ никогда не можетъ ненавидѣть, что бы ни случилось: въ этомъ величайшее благо любви. Таковъ былъ Павелъ; потому онъ и говорилъ: *аще како раздражу мою плоть* (Рим. хі, 14), и не переставалъ надѣяться; и Тимоѳея увѣщевалъ такъ: *рабу же Господню* 282 *не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, съ кротостію наказующу противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. іі, 24, 25). Какъ, скажешь, неужели не должно ненавидѣть даже враговъ и язычниковъ? Должно ненавидѣть, но не ихъ, а ихъ ученіе, не человѣка, а порочную жизнь и развращенную волю. Человѣкъ есть дѣло Божіе, а заблужденіе—дѣло діавола. Потому не смѣшивай Божьяго съ дьявольскимъ. Іудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Немъ много злого, но ненавидѣлъ ли ихъ Павелъ, который любилъ Христа болѣе всѣхъ? Нѣтъ; напротивъ, онъ любилъ ихъ и дѣлалъ все для нихъ; то онъ говорилъ: *благоволеніе моего сердца и молитва, яже къ Богу, по нѣмъ есть во спасеніе* (Рим. х, 1); то: *молилъ быхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по нѣмъ* (Рим. іх, 3). Такъ и Іезекіиль, видя погнѣбель ихъ, говорилъ: *о люте мнѣ, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (іх, 8)? И Моисей также говорилъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави* (Исх. xxxii, 32). Почему же Давидъ говоритъ: *ненавидящихъ тя, Господи, ненавиждѣхъ, и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ; совершенною ненавистію возненавидѣхъ я* (Псал. cxxxviii, 21, 22)? Не все въ псалмахъ Давидовыхъ сказано самимъ Давидомъ; такъ въ нихъ говорится: *вселися съ селеніи Кидарскими* (Пс. cxix, 5); и еще: *на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо вѣдохомъ и плакахомъ* (Псал. cxxxvi, 1),—между тѣмъ онъ самъ не видалъ ни Вавилона, ни селеній Кидарскихъ. Съ другой стороны, отъ насъ (христіанъ) требуется нынѣ высшее любомудріе; такъ, когда ученики просили, чтобы сошелъ огонь, какъ во время Іліи, то Христосъ сказалъ: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. іх, 55).

5. Тогда іудеямъ заповѣдано было ненавидѣть не только нечестіе, но и самихъ нечестивыхъ, чтобы дружба съ ними не послужила имъ поводомъ къ беззаконію; потому имъ запрещено было вступать въ родственныя связи съ язычниками и смѣшиваться съ ними, и со всѣхъ сторонъ поставлены были между ними преграды; но теперь, когда (Богъ) привелъ насъ къ высшему любомудрію и поставилъ выше подобной опасности, то заповѣдуетъ входить въ общеніе и бесѣдовать съ ними, потому что намъ отъ нихъ нѣтъ вреда, а имъ отъ насъ бываетъ польза. Что же, скажешь, дѣлать? Должно не ненавидѣть, а оказывать милость;

вѣдь, если ты будешь ненавидѣть, то какъ можешь обратить заблуждающагося, какъ будешь молиться за невѣрнаго? А что надобно молиться за него, о томъ, послушай, какъ говорить Павелъ: *мало убо прежде всякъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся чловѣки* (1 Тим. II, 1); но тогда не всѣ были вѣрующими, какъ всякому навѣстно. И далѣе: *за царей и иже во власти суть* (ст. 2); но они были нечестивые и беззаконные, какъ тоже навѣстно. Потомъ, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляетъ: *сие бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всякъ чловѣкомъ хощетъ спастися, и съ разумъ истинны пріимти* (ст. 3, 4). Потому же, когда случится язычницъ-женѣ быть въ супружествѣ съ вѣрующимъ, онъ не расторгаль брака; между тѣмъ что ближе мужа къ женѣ? Будета, говорить (Писаніе), *два съ плоть едину* (Быт. II, 24), и оттого бываетъ между ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станемъ ненавидѣть нечестивыхъ и беззаконныхъ, то, простираясь далѣе, будемъ ненавидѣть и грѣшниковъ; а идя такимъ путемъ, мало-по-малу отдѣлимся отъ большей части братій, или, лучше, отъ всѣхъ, потому что нѣтъ никого безъ грѣха. Если должно ненавидѣть враговъ Божиихъ, то должно ненавидѣть не только нечестивыхъ, но и грѣшниковъ; а въ такомъ случаѣ мы будемъ хуже зѣрей, отвращаясь отъ всѣхъ и надмеаясь гордостію, подобно фарисею. Но Павелъ заповѣдалъ не такъ,—а какъ? *Вразумляйте бѣгичныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всякъ* (1 Сол. V, 14). Какъ же, скажешь, онъ говоритъ: *еще кто не послушаетъ словесе нашего посланіемъ, сего назнаменуите, и не примѣняйтесь ему* (2 Сол. III, 14)? Правда, это сказано о братіяхъ; но не просто, а тоже съ кротостію; не оставляй безъ вниманія и послѣдующаго, прибавь и то, что сказано далѣе. А именно, сказавъ: *не примѣняйтесь*, онъ присовокупилъ: *и не аки орага имѣйте, но наказуйте якоже брата* (ст. 15).

Видишь ли, какъ онъ повелѣваетъ ненавидѣть худое (дѣло), а не чловѣка? Дѣло діавола—отторгать насъ другъ отъ друга; онъ сильно старается истребить любовь, чтобы пресѣчь путь къ исправленію, и удержать его въ заблужденіи, а тебя во враждѣ, и такимъ образомъ заградить ему путь ко спасенію. Если врачъ будетъ ненавидѣть и убѣгать больного, а больной отвращаться отъ врача, то можетъ ли больной выздоровѣть, когда онъ не будетъ призывать врача, и врачъ не будетъ приходить къ нему? Почему же, скажи мнѣ, ты отвращаешься и убѣгаешь отъ него? Потому ли, что онъ нечестивъ? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы возстановить больного. Хотя бы онъ страдалъ неисцѣльною болѣзнію, тебѣ повелѣно дѣлать свое дѣло. Иуда

также одержимъ былъ неисцѣльною болѣзнію, но Богъ не переставалъ врачевать его; потому и ты не ослабѣвай. Хотя бы при всемъ стараніи ты не могъ освободить его отъ нечестія, все же ты получишь награду, какъ бы освободилъ его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и такимъ образомъ всячески прославится Богъ. Хотя бы ты творилъ чудеса, хотя бы воскрешалъ мертвыхъ, хотя бы дѣлалъ что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будутъ удивляться тебѣ столько, сколько видя тебя кроткимъ, добрымъ и обходительнымъ; а это немаловажное дѣло, потому что такимъ образомъ многіе могутъ наконецъ отстать отъ порока. Ничто не можетъ привлекать такъ, какъ любовь. Изъ-за другого, то есть знаменій и чудесъ, могутъ завидовать тебѣ, а изъ-за нея (любви) станутъ удивляться и любить, любя же примутъ мало-по-малу и истину. Впрочемъ, если (язычникъ) и не скоро сдѣлается вѣрующимъ, ты не удивляйся, не спѣши, не требуй всего вдругъ, но пусть онъ пока хвалить, любить, а потомъ мало-по-малу дойдетъ и до этого. Но чтобы ты видѣлъ ясно, насколько это важно, послушай, какъ самъ Павелъ оправдывался, представъ предъ невѣрнаго судіи: *блаженна*, говорилъ онъ, *непщую себе быти, яко предъ тобою отвѣщати имамъ* (Дѣян. ххvi, 2), говорилъ не изъ лести, — нѣтъ, — но желая достигнуть пользы кротостію; и отчасти достигнувъ, плѣнилъ судію тотъ, кто былъ подсудимымъ, и эту побѣду провозгласилъ самъ плѣненный, сказавъ громкимъ голосомъ въ присутствіи всѣхъ: *амалъ мя препираеши христіанина быти* (Дѣян. ххvi, 28).

6. Что же Павелъ? Онъ еще болѣе распростираетъ сѣть и
 284 говорить: *молилъ быхъ азъ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь, быти имъ тацѣмъ, яко и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (ст. 29). Что говоришь ты, Павелъ: *кромѣ узъ*? Какое же ты будешь имѣть дерзновеніе, если стыдишься ихъ, избѣгаешь, и притомъ предъ такимъ множествомъ народа? Не хвалишься ли ты ими вездѣ въ посланіяхъ, называя себя узникомъ и вездѣ указывая намъ на эти узы, какъ на діадему? Почему же нынѣ уклоняешься отъ узъ? Не уклоняюсь, говорить, и не стыжусь, но снисхожу къ слабости другихъ, потому что они еще не могутъ принять того, чѣмъ я хваюсь; а я научился у Владыки моего не приставлять заплату новой къ одеждѣ старой (Мѡ. ix, 16); потому я и сказалъ такъ. Они еще худо понимаютъ наше ученіе и враждуютъ противъ креста; слѣдовательно, если я приложу еще узы, то ненависть ихъ еще болѣе увеличится; потому я и отдѣлилъ ихъ, чтобы сдѣлать удобопріемлемымъ ученіе. Для нихъ кажется позорнымъ дѣломъ быть связаннымъ, потому что они еще не вкусили нашей славы; потому надобно быть снисходи-

тельнымъ. Когда они научатся любомудрствовать, тогда познають красоту цѣпей и славу узъ. Бесѣдуя съ другими, онъ называетъ страданія даромъ благодати: *самъ даровася еже о Христѣ, не токмо еже съ него спровести, но и еже по немѣ страдати* (Филип. I, 29); а въ настоящемъ случаѣ надлежало желать только того, чтобы слушатели не стыдились креста; потому онъ и простирается впередъ постепенно. Когда кто-нибудь вводитъ другого въ царскіе чертоги, то не показываетъ ему внутреннихъ комнатъ прежде, нежели онъ разсмотритъ переднія и внѣшнія, потому что иначе не покажутся ему (чертоги) удивительными, если онъ, простираясь внутрь, не узнаетъ всего. Такъ и мы будемъ обращаться съ язычниками, снисходительно, съ любовію; она— великая наставница; она можетъ и отклонить отъ заблужденія, и исправлять нравы, и приводить къ любомудрію, и изъ камней дѣлать людей. Если ты хочешь знать силу ея, то представь человека робкаго, боязливаго и трепещущаго предъ тѣнью, или гнѣвливаго, грубаго и похожаго болѣе на звѣря, нежели на человека, или похотливаго, сластолюбиваго и преданнаго всѣмъ порокамъ, и отдай его въ руки любви, введи его въ это училище, и скоро увидишь, какъ этотъ боязливый и робкій сдѣлается мужественнымъ, великодушнымъ и отважнымъ на все; и, что всего удивительнѣе, это произойдетъ не потому, чтобы измѣнилось существо его, но потому, что любовь обнаруживаетъ свою силу въ самой робкой душѣ; вѣдьсъ бываетъ тоже, какъ если бы кто, сдѣлавъ мечъ не изъ желѣза, а изъ свинца, и не измѣняя существа свинца, довелъ его до возможности дѣлать тоже, что и желѣзо. Смотри: Іаковъ былъ человекъ скромный, сидѣлъ дома, не зналъ трудовъ и опасностей, проводилъ жизнь спокойную и беззаботную и, какъ дѣвица въ теремѣ, такъ и онъ большею частію оставался хранить домъ свой, а отъ торжища, отъ всякаго шума и всего, бывающаго на торжищѣ, удалялся и постоянно жилъ вдали отъ хлопотъ и безпокойствъ. Что же? Когда огонь любви воспламенилъ его, этого скромнаго и не выходившаго изъ своего дома человека, то, смотри, какъ онъ сдѣлался смѣль и трудолюбивъ; послушай объ этомъ не отъ меня, а отъ самого патріарха. Укоряя тестя, онъ говоритъ: *се двадесять лѣтъ азъ есмь съ тобою* (Быт. XXII, 38). И въ какомъ положеніи былъ онъ двадцать лѣтъ? *Быхъ, присовокупляетъ онъ, во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи, и отхожденіе сонъ отъ очю моею* (ст. 40). Таковъ былъ мужъ 285 скромный, не выходившій изъ своего дома и проводившій прежде спокойную жизнь. А что онъ былъ робокъ, видно изъ того, что онъ, ожидая свиданія съ Исавомъ, смертельно боялся. Потомъ, смотри, какъ тотъ же боязливый сдѣлался отъ любви отважнѣе

льва: ставъ впереди всѣхъ, какъ бы какой-нибудь оплотъ, онъ готовъ былъ первый встрѣтить жестокаго и дышащаго, какъ онъ думалъ, убійствомъ человѣка, и собственнымъ тѣломъ защитить женъ своихъ; кого боялся и страшился, съ тѣмъ первый хотѣлъ ратоборствовать, потому что любовь къ женамъ была сильнѣе страха. Видишь ли, какъ робкій вдругъ сдѣлался отважнымъ не потому, чтобы перемѣнилъ нравъ свой, но потому, что былъ укрѣпленъ любовію? Онъ былъ робокъ и послѣ, какъ видно изъ того, что онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ пусть никто не думаетъ, что это сказано въ укоризну праведнику; робость—не порокъ; она происходитъ отъ природы, предосудительно лишь дѣлать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природѣ сдѣлаться мужественнымъ по благочестію. Каковъ былъ Моисей? Не убоился ли онъ одного египтянина, не убѣжалъ ли и не удалился ли за предѣлы (Египта)? Между тѣмъ этотъ бѣглець, не перенесшій угрозы одного человѣка, послѣ того, какъ вкусилъ сладость любви, смѣло и безъ всякаго принужденія готовъ былъ погибнуть съ возлюбленными: *аще убо, говорилъ онъ, оставиши имъ грѣхъ изъ, остави: аще же ни, изгладя мя изъ книги твоея, въ нѣмъ описалъ еси* (Исх. xxxii, 32). Съ другой стороны, что любовь дѣлаетъ жестокаго кроткимъ и 286 невоздержнаго цѣломудреннымъ, на это нѣтъ нужды приводить и примѣровъ; это всѣмъ извѣстно. Хотя бы кто былъ свирѣпѣе всякаго звѣря, отъ любви онъ дѣлается смиреннѣе всякаго агнца. Кто напр. былъ свирѣпѣе и неистовѣе Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, онъ не сказалъ ей даже грубаго слова; убившій за Давида почти всѣхъ священниковъ, узнавъ, какъ дочь выпустила его изъ дома, не оскорбилъ ее даже словомъ, тогда какъ хитрость употреблена была противъ него самого; это потому, что онъ былъ удержанъ сильнѣйшею уадою—любовію (къ дочери). Дѣлая кроткими, любовь точно также дѣлаетъ людей и цѣломудренными; кто любитъ свою жену такъ, какъ должно любить, тотъ, хотя бы былъ крайне сластолюбивъ, изъ любви къ ней не станетъ смотрѣть на другую: *крѣпка*, говоритъ (Писаніе), *яко смерть любви* (Пѣс. пѣс. viii, 6). Слѣдовательно, распутство происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ недостатка любви. Итакъ, если любовь есть виновница всякой добродѣтели, то будемъ насаждать ее со всѣмъ тщаніемъ въ душахъ своихъ, чтобы она принесла намъ многія блага, и чтобы намъ постоянно собирать обильные плоды ея, всегда цвѣтушіе и никогда не увядающіе; тогда достигнемъ и вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы 283
умолкнуть, аще разумъ испразднится (1 Кор. xiii, 8).

1. Доказавъ превосходство любви тѣмъ, что въ ней имѣютъ
нужду и дарованія и житейскіе подвиги, исчисливъ всѣ ея со-
вершенства и показавъ, что она есть основаніе истиннаго любо-
мудрія, (апостолъ) еще съ иной—третьей—стороны показываетъ
ея достоинство. Онъ дѣлаетъ это какъ для убѣжденія считав-
шихъ себя униженными, что они могутъ получить самое глав-
ное знаменіе и имѣть нисколько не менѣе тѣхъ, которые полу-
чили дарованія, и даже гораздо болѣе ихъ, если имѣютъ любовь,
такъ и для смиренія имѣвшихъ великія дарованія и тѣмъ гор-
дившихся и для внушенія имъ, что они не имѣютъ ничего, если
не имѣютъ любви. Такимъ образомъ они должны были бы лю-
бить другъ друга, какъ скоро уничтожились между ними зависть
и гордость, а любя другъ друга, они далеко отгнали бы отъ себя
эти страсти, потому что *любы не завидитъ, не гордится*. Такъ онъ
оградилъ ихъ со всѣхъ сторонъ несокрушимою стѣною и разно-
образными побужденіями къ единодушію, которое истребляетъ
всѣ болѣзни и само оттого пріобрѣтаетъ большую силу. Потому
онъ и привелъ множество доказательствъ, которыя могли утѣ-
шить ихъ въ скорбѣ: *тойжеде*, говоритъ, *Духъ даетъ*, и даетъ *на*
пользу, и раздѣляетъ *какоже хочетъ*, и раздѣляетъ по благодати,
а не по долгу; хотя ты получилъ мало, но и ты вступишь въ
составъ *тѣла* и также пользуешься великою *честію*; получившій
больше имѣетъ нужду въ тебѣ, получившемъ меньше; а вели-
чайшее дарованіе и *по превосходенію пути* есть любовь.

Этими словами онъ хотѣлъ соединить ихъ другъ съ другомъ 286
двоимъ образомъ,—тою мыслію, что при любви они не ниже
другихъ, и тою, что приобщающіе къ ней и содержащіе ее въ себѣ
уже не подвергаются никакимъ слабостямъ человѣческимъ, какъ
потому, что имѣютъ корень дарованій, такъ и потому, что уже
не могутъ завидовать другимъ, хотя бы сами не имѣли ничего;
кто однажды плѣненъ любовію, тотъ чуждъ зависти. Потому,
показывая имъ, какія блага они получаютъ отъ любви, и изобра-
жая плоды ея, онъ самыми похвалами ей облегчаетъ ихъ болѣзни;
каждое слово его служитъ достаточнымъ лѣкарствомъ для исцѣ-
ленія ихъ ранъ. Такъ: *долготерпитъ*, говоритъ онъ, противъ имѣю-
щихъ распри другъ съ другомъ; *милосердствуетъ*—противъ не-
согласныхъ и тайно враждующихъ между собою; *не завидитъ*—
противъ завидующихъ имѣющимъ больше ихъ; *не превозносится*—

противъ раздѣлившихся; *не гордится*—противъ тщеславныхъ; *не безчинствуетъ*—противъ нехотящихъ снисходить къ другимъ; *не ищетъ своихъ си*—противъ презирающихъ другихъ; *не раздражается, не мыслитъ зла*—противъ оскорбляющихся обидами; *не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ*—опять противъ завидующихъ; *вся любитъ*—противъ огорчающихся навѣтами; *вся уповасть*—противъ отчаивающихся; *вся терпитъ, николиже отпадаетъ*—противъ тѣхъ, которые легко впадаютъ во вражду. Когда такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ и со всюю силою онъ показалъ величіе любви, тогда дѣлаетъ тоже съ другой важнѣйшей стороны, превозноситъ ея достоинство посредствомъ другого сравненія и говорятъ: *еще же пророчества упразднятся, еще ли языки умолкнутъ*. Если эти два дара были ниспосланы для вѣры, то съ распространеніемъ ея повсюду употребленіе ихъ уже излишне. Но любовь другъ къ другу не прекратится, а еще болѣе будетъ возрастать и здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, и тогда еще болѣе, нежели теперь. Здѣсь многое ослабляетъ любовь,—деньги, (житейскія) дѣла, тѣлесныя страсти, душевныя болѣзни; а тамъ не будетъ ничего такого. Впрочемъ, въ томъ, что упразднятся пророчества и языки, нѣтъ ничего удивительнаго; а что упразднится знаніе, это кажется страннымъ, а онъ именно и присовокупилъ: *еще разумъ испразднится*. Какъ? Неужели мы тогда будемъ жить въ невѣдѣніи? Нѣтъ, тогда-то въ особенности и должно увеличиться знаніе, какъ и онъ сказалъ: *тогда познаю, яко же и познанъ быхъ* (ст. 12). Поэтому, чтобы ты не подумалъ, что и оно упразднится подобно пророчествамъ и языкамъ, онъ, послѣ словъ: *еще разумъ испразднится*, не остановился, но показалъ и способъ упраздненія, тотчасъ присовокупивъ: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ. Егда же придетъ совершенное, тогда есже отъ части упразднится* (ст. 9, 10). Слѣдовательно, упразднится не знаніе, а неполнота знанія, потому что мы будемъ знать не только это, но и гораздо большее. Такъ,—поясню это примѣромъ,—теперь мы знаемъ, что Богъ существуетъ вездѣ, но какъ, не знаемъ; знаемъ, что Онъ сотворилъ все существующее изъ ничего, а какимъ образомъ, не знаемъ; знаемъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, а какъ, не знаемъ. Тогда же узнаемъ объ этомъ болѣе и яснѣе. Потомъ онъ показываетъ и то, какое различіе (между тѣмъ и другимъ знаніемъ), и что (теперь) недостаетъ не мало: *егда, говоритъ, быхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовалъ, яко младенецъ смысляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческую* (ст. 11). И далѣе объясняетъ тоже другимъ примѣромъ: *видимъ убо, говорить, нынѣ якоже зеркаломъ* (ст. 12).

2. Далѣе, такъ какъ *зеркало* все же нѣсколько представляетъ

видимый предметъ, онъ присовокупляетъ: *въ гаданіи*, чтобы показать, что настоящее знаніе въ высшей степени неполно. *Тогда же лицемъ къ лицу*,—не потому, будто Богъ имѣетъ лице, но чтобы выразить яснѣе и удобопонятнѣе. Видишь ли, какъ возрастутъ всѣ наши познанія? *Нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю якоже и познаны быхъ*. Видишь ли, какъ онъ двоякимъ образомъ смиряетъ гордость ихъ,—тѣмъ, что знаніе неполно, и тѣмъ, что даже и такое знаніе они имѣютъ не сами отъ себя? Не я, говорить, позналъ Его, но Онъ самъ позналъ меня. Какъ Онъ самъ напередъ позналъ меня теперь и самъ снизошелъ ко мнѣ, такъ и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящій во мракѣ, прежде нежели увидить солнце, не самъ приходитъ къ прекраснымъ лучамъ его, но они являютъ ему себя, когда засіяютъ; а когда онъ приметъ сіяніе ихъ, тогда уже и самъ стремится къ свѣту. Такой же смыслъ въ словахъ: *якоже и познаны быхъ*,—не тотъ, будто мы познаемъ Его такъ, какъ Онъ насъ, но какъ Онъ самъ снизошелъ къ намъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ до Него тогда, узнаемъ многое такое, что нынѣ сокровенно, и сподобимся блаженнѣйшей бесѣды и премудрости. Если же Павелъ, знавшій столько, былъ младенцемъ, то представь, каково (будущее знаніе); если (настоящее есть) зеркало и гаданіе, то пойми отсюда, каково самое лице. Чтобы хотя немного объяснить тебѣ это различіе и ввести въ душу твою хотя нѣкоторый лучъ разумѣнія этого предмета, припомни теперь, когда возсіяла благодать, о временахъ подзаконныхъ. До благодати тогдашнее казалось тѣмъ-то великимъ и удивительнымъ; но послѣ благодати, послушай, что говорить о томъ Павелъ: *не прославился прославленное отъ части сей, за превосходящую славу* (2 Кор. ш, 10). Но чтобы сказанное мною сдѣлалось еще болѣе яснымъ, возьмемъ какое-нибудь одно изъ тогдашнихъ священнодѣйствій, и ты увидишь различіе; представимъ, если хочешь, пасху ветхозавѣтную и новозавѣтную, и ты поймешь преимущество (послѣдней предъ первой). Иудеи совершали ее, но совершали какъ бы въ зеркалѣ и гаданіи; непременныхъ же таинъ они даже и на умѣ никогда не имѣли, и не знали, что прообразовали ихъ дѣйствія; они видѣли закланнаго агнца, кровь безсловеснаго и помазаннаго ею двери; а что воплотившійся Сынъ Божій будетъ закланъ, избавить всю вселенную, дать въ снѣдь грекамъ и варварамъ кровь Свою, отверзеть для всѣхъ небо, предложить тамошнія блага человѣческому роду, вознесетъ окровавленную плоть выше неба и неба небесъ и вообще выше всѣхъ горнихъ воинствъ—ангеловъ, архангеловъ и прочихъ силъ, и посадить ее на самомъ царскомъ престолѣ одесную Отца въ сіяніи неизреченной славы,—этого никто изъ

нихъ и даже никто изъ другихъ людей не зналъ тогда и не могъ представить въ умѣ своемъ. Но что говорятъ люди, дерзкіе на все? Говорятъ, будто слова: *нынѣ разумѣю отъ части*, сказаны (апостоломъ) о дѣлахъ домостроительства; а о Богѣ будто бы имѣлъ онъ совершенное знаніе. Какъ же онъ называетъ себя младенцемъ, какъ—видящимъ въ зерцалѣ и гаданіи, если онъ имѣлъ полное знаніе? Почему онъ приписываетъ такое знаніе исключительно Духу и никакой другой сотворенной силѣ, когда говорятъ: *кто бо въсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ челоѣка, живущій въ немъ? Такжеже и Божія никтоже въсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11)? И Христосъ также приписываетъ это Себѣ одному, когда говорятъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сый видѣ Отца* (Іоан. VI, 46), называя видѣніемъ самое ясное и совершенное знаніе. И какъ знающій существо (Божіе) можетъ не знать дѣлъ домостроительства Его? Вѣдь знаніе перваго выше послѣдняго. Слѣдовательно, скажутъ, мы не знаемъ Бога? Нѣтъ, мы знаемъ, что Онъ есть, но не знаемъ, что такое Онъ по существу Своему. Чтобы тебѣ убѣдиться, что слова: *нынѣ разумѣю отъ части*, (апостолъ) сказалъ не о дѣлахъ домостроительства, выслушай, что далѣе онъ присовокупилъ: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ*; а онъ познанъ не дѣлами домостроительства, но Богомъ. Итакъ, пусть никто не считаетъ этого преступленія маловажнымъ и незначительнымъ, но двойнымъ, тройнымъ и многократнымъ, потому что безразсудно не только то, что они хвалятся знаніемъ, свойственнымъ одному Духу и едиnorodному Сыну Божію, но и то, что они считаютъ себя достигшими всего посредствомъ собственныхъ умствованій, тогда какъ и Павелъ не могъ даже этого *разумѣнія отъ части* имѣть безъ откровенія свыше; и не могутъ они указать, чтобы въ Писаніи 289 гдѣ-нибудь было сказано намъ объ этомъ. Впрочемъ, оставимъ ихъ безуміе и перейдемъ къ послѣдующимъ словамъ о любви. Не довольствуясь вышесказаннымъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія: болши же сѣхъ любви* (ст. 13).

3. Вѣра и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющія предметъ вѣры и надежды. Павелъ объяснилъ это, когда сказалъ: *упованіе бо видимое нѣсть упованіе: еже бо видѣти кто, что и уповасть* (Рим. VIII, 24)? И еще: *есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1). Потому онъ прекращаются, когда тѣ являются; а любовь тогда особенно и возрастаетъ и дѣлается сильнѣйшею. Вотъ новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказаннымъ, (апостолъ) старается найти въ ней еще нѣчто иное. Смотри: онъ сказалъ, что любовь есть

великій даръ и превосходнѣйшій путь къ дарамъ; сказалъ, что безъ ней дарованія не приносятъ большой пользы; начерталъ ея образъ обильно; а теперь хочетъ иначе возвысить ее и показать величіе ея тѣмъ, что она не прекращается. *Нынѣ же, говорить, пребываютъ ѡтра, надежда, любви, три сія: больши же сихъ любви.* Почему же любовь больше? Потому, что тѣ переходятъ. Если же такова сила любви, то онъ справедливо далѣе присовокупляетъ: гонитесь за любовью (xiv, 1); нужно гнаться и сильно стремиться къ ней: такъ она улетаетъ отъ насъ, и столько препятствій стремленію къ ней! Потому намъ нужны великія усилія, чтобы достигнуть ея. Чтобы выразить это, Павелъ не сказалъ: ищите любви, но: гонитесь за ней, побуждая насъ и воспламеняя къ ея достиженію. И Богъ отъ начала принималъ множество мѣръ, чтобы насадить ее въ насъ. Онъ даровалъ всѣмъ намъ одну главу—Адама. Для чего всѣ мы не происходимъ изъ земли? Для чего не (происходимъ) совершенными, какъ онъ? Для того, чтобы рожденіе, воспитаніе и происхожденіе другъ отъ друга привязывали насъ другъ къ другу. Потому Онъ не сотворилъ и жены изъ земли. Такъ какъ единства природы было бы недостаточно для побужденія насъ къ единому, если бы мы не имѣли одного прародителя, то Онъ сдѣлалъ и это. Если мы нынѣ, раздѣляясь одними только мѣстами, чуждаемся другъ друга, то тѣмъ болѣе было бы такъ, если бы родъ нашъ имѣлъ два начала. Потому Онъ и соединилъ какъ бы одною главою все тѣло человѣческаго рода. И такъ какъ въ началѣ, повидимому, было два лица, то смотри, какъ Онъ опять соединилъ ихъ и совокупилъ въ одно посредствомъ брака: *сего ради*, сказалъ Богъ, *оставитъ человекъ отца своего и мать, и прилежится къ жени своей, и будетъ два въ плоть одну* (Быт. ii, 24). Не сказалъ: жена, но: человекъ, потому что въ немъ привязанность бываетъ сильнѣе; а сильнѣйшею сдѣлалъ ее для того, чтобы силою этой любви превосходнѣйшее существо преклонить и привязать къ слабѣйшему. Такъ какъ надлежало установить и бракъ, то Онъ сдѣлалъ женѣ мужемъ того, отъ кого она произошла. Для Бога все ниже любви. Если и при этомъ первый человекъ скоро впалъ въ такое безуміе и диаволъ посылалъ такую вражду и зависть, то чего не сдѣлалось бы, если бы они происходили не отъ одного корня? Далѣе, устроая, чтобы одинъ повиновался, а другой повелѣвалъ,—такъ какъ равенство чести часто производитъ вражду,—Онъ учредилъ не народное правленіе, но царское, и по-
290
любно какъ въ войскѣ; такой же порядокъ можно видѣть въ каждомъ домѣ. Мужъ занимаетъ мѣсто царя; жена—мѣсто правителя и военачальника; дѣти получили власть третьей степени; затѣмъ власть четвертой степени принадлежитъ рабамъ,—потому

что и они имѣють власть надъ низшими, и часто который-нибудь одинъ бываетъ поставленъ надъ всѣми, замѣняя господина, будучи, впрочемъ самъ рабомъ; потомъ и между ними опять есть еще другія степени власти: иная у женъ, иная у дѣтей, и у самихъ дѣтей также различныя, сообразно съ возрастомъ и поломъ, потому что и у дѣтей женскій полъ имѣетъ власть неодинаковую (съ мужскимъ). Вездѣ Богъ устроилъ степени и разнообразіе власти, чтобы все пребывало въ единомудшіи и великомъ согласіи. Потому и прежде размноженія рода нашего, когда были только два первыхъ человѣка, Онъ повелѣлъ одному начальствовать, а другой подчиняться. Чтобы (первый) не сталъ презирать и не отвергъ (последней), какъ нашей, смотри, какъ Богъ почтилъ и соединилъ ее съ нимъ еще прежде сотворенія: *сотворишь ему помощника* (Быт. II, 18), сказалъ Онъ, выражая, что она сотворена для его пользы, и такимъ образомъ соединяя его съ тою, которая для него сотворена, такъ какъ мы бываемъ особенно расположены къ тому, что сдѣлано для насъ. Чтобы опять не стала превозноситься она, какъ назначенная въ помощь ему, и не расторгла этихъ узъ, Богъ сотворилъ ее изъ ребра его, внушая, что она есть часть цѣлаго тѣла. А чтобы и мужъ не сталъ превозноситься этимъ, дальнѣйшее Онъ не предоставилъ ему одному, какъ принадлежало ему одному предыдущее, но одѣлать противное тому, устроивъ дѣторожденіе, въ которомъ хотя отдать предпочтеніе мужу, однако не все предоставилъ ему.

4. Видишь ли, сколько Богъ устроилъ узъ любви? Во всемъ этомъ заключаются естественные залогов единомудшія. Подлинно, къ нему приводятъ единство природы,—такъ какъ *всяко животное любитъ подобное себѣ* (Сир. XIII, 19),—происхожденіе жены отъ мужа, и дѣтей отъ нихъ обонхъ. Отсюда происходятъ многіе роды любви: одного мы любимъ какъ отца, другого какъ дѣда, одну какъ мать, другую какъ кормилицу, одного опять какъ сына, внука, или правнука, другую какъ дочь, или внуку, одного какъ брата, другого какъ племянника, одну какъ сестру, другую какъ племянницу. Впрочемъ для чего исчислять всѣ виды родства? (Богъ) употребилъ и другое побужденіе къ любви: запретивъ браки между родственниками, Онъ обратилъ насъ къ чужимъ, а ихъ расположилъ къ намъ. Такъ какъ они не соединены съ нами естественнымъ родствомъ, то Онъ соединилъ иначе—посредствомъ брака, совокупляя посредствомъ одной невѣсты цѣлые дома и сводя цѣлые роды съ родами. *Да не поймешь*, сказалъ Онъ, *сестры твоея, ни сестры отца*, ни иной дѣвицы, имѣющей съ тобою такое родство, которое препятствуетъ браку,—перечисливъ поимянно виды подобнаго родства (Лев. XVIII). Довольно для

любви твоей къ нимъ того, что ты родился изъ одной съ ними утробы, или связанъ съ ними другимъ образомъ. Для чего же стѣснять широту любви? Для чего болѣе надлежащаго усиливать расположеніе къ любви здѣсь, тогда какъ можешь получить иной поводъ къ любви, взявъ жену изъ чужихъ и съ нею рядъ родственныхниковъ,—мать, отца, братьевъ и ихъ ближнихъ? Видишь ли, 291
сколь многими способами (Богъ) соединилъ насъ? Но Онъ не удовольствовался и этимъ, а устроилъ еще, что мы имѣемъ нужду другъ въ другъ, чтобы и такимъ образомъ соединить насъ, такъ какъ нужда особенно производитъ общеніе. Для того Онъ не пустилъ, чтобы все находилось всюду, чтобы и этимъ заставить однихъ имѣть общеніе съ другими. Устроивъ такъ, что мы имѣемъ нужду другъ въ другъ, Онъ сдѣлалъ также и сношенія удобными. Если бы этого не было, то опять возникли бы непріятности и затрудненія; если бы напр. имѣющій нужду во врачѣ, плотникѣ или другомъ ремесленникѣ долженъ былъ совершать далекое путешествіе, то все погибло бы. Потому Онъ и устроилъ города, и собралъ всѣхъ вмѣстѣ. А чтобы и къ живущимъ далеко мы могли отправиться удобно, Онъ распростеръ между (городами) море и послалъ быстрые вѣтры, сдѣлавъ такимъ образомъ сообщенія удобными. Въ началѣ же Онъ поселилъ всѣхъ въ одномъ мѣстѣ и разсѣялъ не прежде, какъ первые люди, получившіе этотъ даръ, злоупотребили согласіемъ. Такъ Онъ соединилъ насъ всѣми способами—и природою, и родствомъ, и языкомъ, и мѣстомъ! Онъ не хотѣлъ, чтобы мы лишились рая,—вѣдь, если бы хотѣлъ, то не поселилъ бы въ немъ первозданнаго ченовѣка,—но виновенъ въ томъ нарушившій заповѣдь; не хотѣлъ также, чтобы мы были разноязычными,—а иначе сдѣлалъ бы это въ началѣ,—но тогда *бъ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ оумѣ* (Быт. xi, 1). Поэтому и когда надлежало истребить живущихъ на землѣ, Онъ даже тогда не создалъ насъ изъ другого вещества и не переселилъ (на небо) праведника, но, оставивъ его среди потопа, какъ бы какую искру вселенной, опять возжегъ родъ нашъ отъ блаженнаго Ноя. Въ началѣ Онъ установилъ одну власть, поставивъ мужа надъ женою; но когда родъ нашъ пришелъ въ великое разстройство, то Онъ учредилъ и другія (власти)—господъ, правителей; и это также для любви. Злоба развращала и погубляла родъ нашъ,—потому Онъ посадилъ среди городовъ судей, какъ бы какихъ врачей, чтобы они, истребляя злобу, какъ бы какую заразу любви, собирали всѣхъ въ одно. А чтобы не только въ городахъ, но и въ каждомъ домѣ было великое согласіе, Онъ почтилъ мужа властію и преимуществомъ, а жену вооружилъ страстію, и между обоими поставилъ даръ чадо-

родія, употребивъ кромѣ того и другія связи любви. Не все Онъ предоставилъ мужу, и не все—женѣ, но все раздѣлилъ между обоими, вручивъ ей домъ, а ему торжище, предоставивъ ему снискивать пропитаніе,—онъ именно воздѣлываетъ землю,—а ей устроить одежду,—именно пряжа и тканье дѣло жены, ей далъ Онъ искусство прясть. Но да погибнетъ сребролюбіе, нарушающее такой порядокъ! Изнѣженность многихъ обратила и мужей къ пряжѣ и дала имъ въ руки ткацкіе челноки, утокъ и кросна. Впрочемъ и при этомъ сіяетъ промышленіе божественнаго домостроительства. И жена весьма намъ нужна въ другихъ вещахъ необходимѣйшихъ, и низшіе нужны намъ для поддержанія нашей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто былъ богаче всѣхъ людей, однако не можетъ чуждаться общенія съ другими 292 и не нуждаться въ бѣднѣйшемъ. Не только бѣдные имѣютъ нужду въ богатыхъ, но и богатые въ бѣдныхъ, и первые даже болѣе въ послѣднихъ, нежели послѣдніе въ первыхъ.

5. Чтобы тебѣ видѣть это ясное, построимъ, если угодно, два города, одинъ состоящій изъ богатыхъ, а другой—изъ бѣдныхъ; пусть въ городѣ богатыхъ не будетъ ни одного бѣднаго, а въ городѣ бѣдныхъ ни одного богатаго человѣка; отдѣлимъ тщательно одинъ отъ другого и посмотримъ, который изъ нихъ болѣе будетъ въ состояніи удовлетворить себѣ. Если найдемъ, что городъ бѣдныхъ можетъ сдѣлать это, то очевидно, что богатые болѣе будутъ нуждаться въ нихъ. Въ городѣ богатыхъ не будетъ ни одного ремесленника, ни строителя, ни плотника, ни сапожника, ни хлѣбопекаря, ни земледѣльца, ни кузнеца, ни веревочника,—ни одного изъ подобныхъ людей. Да и кто изъ богатыхъ захочетъ когда-нибудь приняться за такія дѣла, если и сами занимающіеся ими, когда разбогатѣютъ, не переносятъ трудностей такихъ работъ? Какъ же будетъ существовать этотъ городъ? За деньги, скажешь, богатые купятъ все это у бѣдныхъ? Слѣдовательно, они не удовлетворяютъ сами себѣ, если нуждаются въ бѣдныхъ. Какъ они будутъ строить дома? Или купятъ и ихъ? Но это невозможно по существу дѣла. Потому необходимо пригласить сюда ремесленниковъ и нарушить законъ, который мы постановили вначалѣ, когда населяли городъ; помните, мы сказали, чтобы не было въ немъ ни одного бѣднаго. Но вотъ нужда, противъ нашей воли, призвала и поселила ихъ вдѣсь. Отсюда видно, что городу невозможно существовать безъ бѣдныхъ; и если городъ будетъ продолжать не принимать никакого изъ нихъ, то онъ уже не будетъ городомъ и погибнетъ. Итакъ, онъ не удовлетворитъ себѣ, если не соберетъ у себя бѣдныхъ, какъ бы какихъ спасителей. Посмотримъ теперь на городъ бѣд-

ныгъ, будетъ ли и онъ такъ нуждаться, лишившись богатыхъ. Но напередъ опредѣлимъ богатство и объяснимъ, въ чемъ оно состоитъ. Что же такое—богатство? Золото, серебро, драгоценныя камни, шелковыя, пурпуровыя и золотыя одежды. Объяснивъ, что такое богатство, извергнемъ его изъ города бѣдныхъ, если хотимъ устроить чисто городъ бѣдныхъ; пусть здѣсь даже во снѣ не видится золото и золотыя одежды, а если хочешь, то и серебро и серебряныя вещи. Что же, скажи мнѣ, въ нуждѣ ли будутъ жить обитатели этого города? Нѣтъ. Нужно ли построить домъ, для этого требуется не серебро, золото и жемчугъ, но искусство и руки, и не просто руки, а мозолистыя, пальцы заскорузлыя, великая сила, дерево и камни; нужно ли выткать одежду, для этого опять требуется не золото и серебро, но руки, искусство и способныя къ работѣ женщины; нужно ли копать и воздѣлывать землю, для этого также кто нуженъ—богатые или бѣдные? Очевидно, что бѣдные. Если надобно будетъ ковать желѣзо, или дѣлать что-нибудь другое подобное, для этого особенно требуется намъ такой народъ. Когда же намъ могутъ быть нужны богатые? Ужъ не тогда ли, когда бы потребовалось разрушить городъ? Подлинно, если съ ихъ появленіемъ эти любомудрые люди,—любомудрыми я называю тѣхъ, которые не ищутъ ничего лишняго,—впадутъ въ страсть къ золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши, то они погубятъ все. Если же, скажешь, богатство бесполезно, то для чего оно дано Богомъ? А откуда 293 извѣстно, что богатство отъ Бога? Писаніе, скажешь, говоритъ: *мое серебро и мое золото*, и кому хочу, дамъ его (Агг. п, 9). Здѣсь, если бы не было стыдно, я засмѣялся бы громкимъ смѣхомъ, въ посмѣяніе говорящихъ это; какъ малыя дѣти, сидящія за царскою трапезою, вмѣстѣ съ такою пищею кладутъ въ ротъ все, что случится, такъ и они, вмѣстѣ съ словами божественныхъ Писаній, приводятъ и свои вымыслы. Я знаю, что слова: *мое серебро и мое золото* сказаны пророкомъ; но слова: *и кому хочу, дамъ его* не прибавлены, а привнесены этими невѣждами. А для чего они сказаны, я объясню вамъ. Пророкъ Аггей часто общалъ іудеямъ, что, по возвращеніи ихъ изъ Вавилона, храмъ будетъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, но нѣкоторые не вѣрили словамъ его и считали почти невозможнымъ, чтобы домъ (Божій) опять явился такимъ же изъ пепла и праха; потому онъ, чтобы уничтожить ихъ невѣріе, говоритъ имъ отъ лица Божія какъ бы такъ: чего вы страшитесь? Почему не вѣруете? *Мое серебро и мое золото*; Я не имѣю нужды занимать у другихъ, чтобы украсить домъ свой. Въ подтвержденіе этого онъ присовокупилъ: *будетъ слава храма сего послѣдняя паче первой* (Агг. п, 10). Итакъ, не будемъ

вплетать паутинныхъ тканей въ царскую одежду: вѣдь если тотъ, кто былъ бы обличенъ въ примѣшиваніи къ багрянинѣ негодныхъ нитей, подвергся бы жестокой казни, то тѣмъ болѣе въ предметахъ духовныхъ подобный поступокъ есть немаловажный грѣхъ. Но что я говорю о прибавленіи и убавленіи? Отъ одной точки и отъ одного неправильнаго чтенія (Писанія) часто рождались многія недѣльныя мысли.

6. Откуда же, скажешь, богатые? Вѣдь сказано: *богатство и нищета отъ Господа* (Сир. xi; 14). Но спросимъ возражающихъ намъ: всякое ли богатство и всякая ли бѣдность отъ Господа? Кто можетъ сказать это? Мы видимъ, что многіе собираютъ великое богатство хищеніемъ, гробокопательствомъ, чародѣйствомъ и другими подобными способами, и, владѣя имъ, даже недостойны жизни. Что же, отвѣчай мнѣ, можно ли сказать, что это богатство отъ Бога? Нѣтъ. Откуда же? Отъ грѣха. Блудница, оскверняя свое тѣло, обогащается; благообразный юноша, часто продавая красоту свою, постыдно пріобрѣтаетъ золото; гробокопатель, разрывая могилы, собираетъ несправедное богатство; также—и воръ, подкапывая стѣны. Итакъ всякое ли богатство отъ Бога? Что же, спросишь, скажемъ мы на упомянутое изреченіе? Напередъ выслушай, что бываетъ и бѣдность не отъ Бога, а потомъ обратимся къ упомянутому изреченію. Когда какой-нибудь невоздержный юноша растратитъ богатство на блудницъ, на чародѣевъ, или на какія-нибудь другія подобныя прихоти, и сдѣлается бѣднымъ, то не явно ли, что это произошло не отъ Бога, не отъ собственнаго его невоздержанія? Также, если кто сдѣлается бѣднымъ отъ праздности, если кто упадетъ въ нищету
294 отъ безразсудства, или отъ того, что предпринималъ дѣла опасныя и незаконныя, то не совершенно ли явно, что никто изъ нихъ и имъ подобныхъ не введенъ въ эту бѣдность Богомъ? Итакъ, Писаніе говорить ложь? Да не будетъ! Но заблуждаются тѣ, которые не изслѣдуютъ всего написаннаго съ надлежащимъ тщаніемъ. Вѣдь если извѣстно, что Писаніе не ложно, и если доказано, что не всякое богатство отъ Бога, то недоумѣніе происходитъ отъ вины невнимательныхъ читателей. Здѣсь, освободивъ Писаніе отъ нареканій, намъ слѣдовало бы остановиться, чтобы тѣмъ наказать васъ за небреженіе къ Писанію; но такъ какъ я весьма жалѣю васъ и не могу долго видѣть васъ въ смущеніи и безпокойствѣ, то теперь же предложу и разрѣшеніе, объяснивъ напередъ, кто сказалъ упомянутыя слова, когда и кому. Богъ не одинаково бесѣдуетъ со всѣми, подобно какъ и мы не одинаково говоримъ съ дѣтьми и съ людьми взрослыми. Когда же это сказано, кѣмъ и кому? Соломономъ, въ ветхомъ

завѣтъ, іудеямъ, не знавшимъ ничего, кромѣ предметовъ чувственныхъ, и по нимъ судившимъ о силѣ Божіей. Они говорили: *еда и хлѣбъ можетъ дати* (Ис. лххv, 20)? И еще: какое *знаменіе* покажешь намъ (Мѣ. хvі, 1)? *Отцы наши ядоша манну въ пустыни* (Іоан. vч, 31). *Иже Богъ чрево* (Фил. ііі, 19). Такимъ образомъ они судили о Богѣ; потому (Премудрый) говорить имъ, что для Него возможно и это,—дѣлать и богатыми и бѣдными, не потому, будто Онъ непремѣнно дѣлаетъ это, но можетъ дѣлать, когда хочетъ. Такъ (пророкъ) говорить: *запрещая морю, и иссушая е, и вся рѣки опустошая* (Наум. і, 4); но этого никогда не было. Какъ же пророкъ говорить объ этомъ? Не какъ о бывающемъ всегда, но какъ о томъ, что Онъ можетъ сдѣлать. Какую же Онъ посылаетъ бѣдность и какое богатство? Вспомни патріарха и узнаешь, какое богатство посылается Богомъ. Онъ сдѣлалъ богатымъ Авраама и послѣ него Іова, какъ этотъ послѣдній самъ говоритъ: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. іі, 10)? И богатство Іакова происходило отсюда. Бываетъ отъ Него и бѣдность, достойная одобренія, которую вѣкогда Онъ предлагалъ богатому въ слѣдующихъ словахъ: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѣ. хіх, 21); также—ученикамъ, когда давалъ имъ слѣдующую заповѣдь: *не стяжите злата, ни сребра, ни двоя ризу* (Мѣ. х, 9, 10). Итакъ, не говори, что Онъ даетъ всякое богатство; извѣстно, что оно собирается и убійствами, и хищеніемъ, и множествомъ другихъ способовъ. Но возвратимся къ прежнему вопросу. Если богатые нисколько не полезны намъ, то для чего они и существуютъ? Что сказать на это? То, что бесполезны тѣ богатые, которые такими способами сами сдѣлали себя богатыми, а обогашенные Богомъ весьма полезны. Это можешь узнать изъ самыхъ дѣлъ ихъ. Авраамъ владѣлъ богатствомъ на пользу всѣхъ странниковъ и имѣвшихъ нужду. Когда пришли къ нему три, какъ думалъ онъ, человѣка, то онъ закололъ тельца и замѣсилъ три мѣры пшеничной муки; вспомни, какъ онъ, сидя у 293

воротъ во время полудня, щедро и усердно раздѣлялъ со всѣми свое имуществъ, предлагая кромѣ имѣщества и тѣлесное служеніе, и притомъ въ такой старости; онъ былъ пристанищемъ странниковъ и терпѣвшихъ нужду, и не считалъ своимъ ничего, даже собственнаго сына,—по повелѣнію Божію, отдалъ и его; отдалъ вмѣстѣ съ сыномъ и себя и весь домъ, когда поспѣшалъ спасти племянника; притомъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія имуществъ, но единственно по человѣколюбію, такъ какъ, когда спасенные имъ сдѣлали его распорядителемъ добычи, онъ отказался отъ всего, *отъ нити до ременя сапожнаго* (Быт. хіv, 28).

7. Таковъ же былъ блаженный Іовъ. *Дверь моя, говорить онъ, всякому приходящему отверста бѣ* (Іов. хххі, 82); *око бѣтъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ бѣтъ отецъ немощнымъ* (ххх, 15, 16); *и онъ не водворяшися странникъ* (хххі, 82); *немощніи же еще когда чегого требовашу, не не получиша, не оставихъ маломощнаго изыти изъ дверей моихъ тицимъ нѣзромъ* (хххі, 19, 34). И гораздо больше этого,—чтобы намъ теперь не исчислять всего,—онъ постоянно дѣлалъ, употребляя все свое богатство на нуждающихся. А не хочешь ли посмотрѣть на тѣхъ, которые сдѣлались богатыми не отъ Бога, и узнать, какъ они пользовались богатствомъ? Посмотри на (богача, упомянутаго) съ Лазаремъ, даже не удѣлявшаго крупницъ; посмотри на Ахаава, присвоившаго виноградникъ; посмотри на Пезія; посмотри на всѣхъ подобныхъ людей. Приобрѣтающіе праведно, получивъ (богатство) отъ Бога, употребляютъ его согласно съ заповѣдями Божиими; а оскорбляющіе Бога въ приобрѣтеніи дѣлаютъ тоже и въ употребленіи, расточая его на блудницъ и праздныхъ нахлѣбниковъ, или закапывая и запирая, а не удѣляя ничего бѣдному. Почему же, скажешь, Богъ попускаетъ такимъ людямъ дѣлаться богатыми? Потому, что Онъ долготерпѣливъ и хочетъ привести насъ къ покаянію; потому, что Онъ уготовалъ геенну и назначилъ день, въ который будетъ судить вселенную. Если бы Онъ тотчасъ наказывалъ обогащающихся неправедно, то Закхей не имѣлъ бы времени раскаяться и отдать вчетверо больше того, что похитилъ, съ приложеніемъ половины собственнаго имущества; Матеей не могъ бы перемѣниться и сдѣлаться апостоломъ, если бы не имѣлъ надлежащаго времени, и многіе другіе подобныя. Потому Онъ долготерпѣитъ, призывая всѣхъ къ покаянію. Если же они не захотятъ (покаяться) и будутъ продолжать тоже, то о нихъ сказалъ Павелъ, что они *по жестокости своей и непокаянному сердцу собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. п, 5). Чтобы намъ избѣжать этого гнѣва, будемъ собирать богатство небесное и искать бѣдности, достойной одобренія. Тогда мы получимъ и будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Держитесь любви, ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете (1 Кор. xiv, 1).

1. Обстоятельно показавъ (коринѣянамъ) все достоинство любви, (апостолъ) наконецъ убѣждаетъ ихъ ревностно стремиться къ ней; потому и говоритъ: *держитесь (бѣжите)*. Гонимый за чѣмъ-нибудь видитъ только то, чего старается достигнуть, устремляетъ къ тому все вниманіе и не отстаетъ, пока не достигнетъ. Когда онъ не можетъ достигнуть самъ собою, то старается остановить бѣгущаго при помощи находящихся впереди его, съ великимъ усердіемъ убѣждая находящихся вблизи задержать бѣгущаго и задержавъ не выпускать, пока онъ самъ не достигнетъ до него. Такъ же будемъ поступать и мы: если не достигаемъ до любви, то будемъ просить находящихся близко къ ней задержать ее, пока мы не приблизимся къ ней; а когда достигнемъ, то постараемся не опускать ея, чтобы она опять не убѣжала отъ насъ. Она часто удаляется отъ насъ, потому что мы обращаемся съ нею не надлежащимъ образомъ и предпочитаемъ ей все другое. Потому надобно употреблять всѣ мѣры, чтобы крѣпко держать ее. Если будетъ такъ, то мы безъ большого или, лучше, безъ всякаго труда, а напротивъ съ радостію и торжествомъ, будемъ идти по узкому пути добродѣтели. Потому (апостолъ) и говоритъ: *держитесь ея*. Далѣе, чтобы не подумали, будто онъ велъ рѣчь о любви для того, чтобы унижить дарованія, присовокупляетъ: *ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете*. *Глаголюй бо языки не человекомъ глаголетъ, но Богу: никто же слышитъ, Духомъ же глаголетъ тайны. Пророчествуяй же, человекомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе* (ст. 2, 8). Здѣсь онъ сравниваетъ дарованія, и поставляетъ ниже другихъ даръ языковъ, доказывая, что онъ и не совсѣмъ безполезенъ, и не очень полезенъ самъ по себѣ. Коринѣяне много превозносились имъ и считали его великимъ дарованіемъ,—считали великимъ потому, что апостолы получили его прежде всего и съ такою торжественностію. Но это не дѣлало его превосходить другихъ. Почему апостолы получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Какъ во время столпотворенія одинъ языкъ раздѣлился на многіе, такъ тогда многіе языки часто принадлежали одному человѣку, и одинъ и тотъ же говорилъ на персидскомъ, на римскомъ, на индійскомъ и на многихъ другихъ языкахъ, по внушенію Духа. Такое дарованіе называлось даромъ языковъ, потому что (владевшій имъ) могъ говорить вмѣстѣ на многихъ

языкахъ. Смотри же, какъ (апостолъ) и уничижаетъ его и возвышаетъ; словами: *глаголюй языки не челоукомъ глаголетъ, но Богу: никто бо слышитъ*, уничижаетъ, показывая, что это дарованіе не очень полезно; а далѣе словами: *Духомъ же глаголетъ тайны*, опять возвышаетъ, чтобы оно не показалось излишнимъ, бесполезнымъ и напрасно даннымъ. *Пророчествуяй же, челоукомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе*. Видишь ли, съ какой стороны онъ доказываетъ превосходство этого дарованія? Со стороны его общепользности. И вездѣ онъ предпочитаетъ то, что приноситъ пользу многимъ. А тѣ, скажи мнѣ, развѣ не людямъ 297 говорили? Но не съ такимъ назиданіемъ, увѣщаніемъ и утѣшеніемъ.

Имѣть вдохновеніе отъ Духа одинаково свойственно обоимъ, и пророчествующему и говорящему языками; но первый, т. е. пророчествующій, имѣетъ преимущество предъ послѣднимъ въ томъ, что онъ еще полезенъ слушателямъ. Говорящихъ языками не слышали не имѣвшіе этого дарованія. Что же? Неужели они не назидали никого? Да, говорить, только самихъ себя. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *глаголюй языки себе зиждетъ* (ст. 4). Какимъ же образомъ, если онъ не знаетъ, что говорить? Но здѣсь (апостолъ) бесѣдуетъ о тѣхъ, которые знали, что говорили, знали сами, но не могли передать другимъ. *А пророчествуяй церковь зиждетъ*. Какое различіе между однимъ и церковію, такое же различіе между первымъ и послѣднимъ. Видишь ли мудрость (апостола), какъ онъ не обращаетъ этого дара въ ничто, а показываетъ, что онъ, хотя приноситъ пользу, но малую, и достаточенъ только для обладающаго имъ? Потому, чтобы не подумали, будто онъ по зависти къ нимъ унижаетъ языки,—а даръ этотъ имѣли многіе,—онъ отклоняетъ ихъ подозрѣніе и говоритъ: *хочу же встѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете. Болій бо пророчествуяй, нежели глаголюй языки, развѣ еще не сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ* (ст. 5). Выраженія: *паче* и *болій* означаютъ не противоположность, но преимущество.

2. Отсюда также видно, что онъ не порицаетъ дарованія, но руководитъ слушателей къ лучшему, показывая и свое попеченіе о нихъ, и свою душу, чуждую всякой зависти. Не сказалъ: двое или трое; но—*встѣхъ васъ хочу глаголати языки*, и не только этого желаю, но и того, чтобы вы пророчествовали, и послѣдняго—болѣе, нежели перваго, *болій бо пророчествуяй*. Когда уже объяснилъ и доказалъ предметъ, тогда и объявляетъ свое желаніе, впрочемъ не просто, но съ прибавленіемъ: *развѣ еще кто не сказуетъ*; если онъ будетъ способенъ и къ этому, т. е. къ истолкованію, тогда, говоритъ, онъ дѣлается равнымъ пророку, потому

что тогда многіе получаютъ пользу. Надобно особенно замѣтить, какъ онъ во всемъ ищетъ ея (пользы) прежде всего. *Нынѣ же, братіе, аще прииду къ вамъ языки глаголю, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или съ разумъ, или пророчествіи, или съ наученіи* (ст. 6)? Но что, продолжаетъ онъ, говорить о другихъ? Пусть говорящимъ языками будетъ Павелъ: и тогда не будетъ никакой пользы слушателямъ. Говорить это съ цѣлью показать, что онъ ищетъ полезнаго для нихъ, и что онъ не питаетъ вражды къ имѣющимъ этотъ даръ, если не отказывается признать его бесполезнымъ даже въ собственномъ своемъ лицѣ. Непріятное онъ всегда прилагаетъ къ собственному лицу, какъ и въ началѣ посланія сказалъ: *кто есть Павелъ? Кто же ли Аполосъ? Кто же Кифа* (1 Кор. ш, 6)? То же дѣлаетъ и здѣсь: и я, говоритъ, не принесу вамъ пользы, *аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или съ разумъ, или съ пророчествіи, или съ наученіи*. Смыслъ словъ его слѣдующій: если я не скажу вамъ чего-нибудь такого, что можетъ быть для васъ удобопонятнымъ и яснымъ, а только покажу, что я имѣю даръ языковъ, то, выслушавъ языки, вы отойдете, не получивъ никакой пользы. *Обаче бездушная гласъ дающая, аще сопль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадутъ, како разумно будетъ писканіе или гуденіе* (ст. 7)? Какая польза отъ словъ, которыхъ вы не понимаете? И что я говорю, продолжаетъ онъ, что это бесполезно у насъ, что полезно только ясное и понятное для слушателей? Тоже можно видѣть и на бездушныхъ музыкальныхъ инструментахъ: если напр. будешь дуть въ свирѣль, или ударять въ гусли безъ надлежащаго ритма и гармоніи, но смѣшанно и какъ попало, то не доставишь удовольствія никому изъ слушателей, потому что и отъ нечленораздѣльныхъ (инструментовъ) требуется нѣкоторая ясность, и если будешь ударять въ гусли или дуть въ свирѣль неискусно, то не сдѣлаешь ничего. Если же отъ бездушныхъ (предметовъ) мы требуемъ такой ясности, стройности и раздѣльности, если безсмысленнымъ звукамъ мы стараемся и усиливаемся придать великій смыслъ, то тѣмъ болѣе требуется осмысленность отъ одушевленныхъ и разумныхъ людей и духовныхъ дарованій. *Ибо аще бездѣтствъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань* (ст. 8)? Отъ вещей не необходимыхъ (апостолъ) переходитъ къ необходимѣйшимъ и полезнѣйшимъ и говоритъ, что можно видѣть тоже не только на гусяхъ, но и на трубѣ. И отъ ней бывають стройные звуки, указывающіе то на войну, то на что-нибудь другое, то призывающіе къ нападенію, то—къ отступленію; и кто не знаетъ этого, тотъ подвергается крайней опасности. Чтобы объяснить это и указать эту опасность, онъ и говоритъ: *кто уготовится на*

брань? А кто не дѣлаетъ этого, тотъ погубляетъ все. Какъ же, скажете вы, это относится къ намъ? Къ вамъ это особенно и относится: потому онъ и присовокупляетъ: *такъ и вы еще неблаго-разумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое?* Будете бо на воздухъ глаголюще (ст. 9), т. е. не скажете ничего, будете говорить ни для кого. Вездѣ онъ доказываетъ бесполезность (дара языковъ). Но, скажешь, если онъ бесполезенъ, то для чего и данъ былъ? Для того, чтобы онъ былъ полезенъ получившему его; а чтобы онъ былъ полезенъ и другимъ, для того нужно было соединять съ нимъ истолкованіе. Все это говорить (апостолъ), желая соединить ихъ другъ съ другомъ, чтобы одинъ, не имѣющій дара истолкованія, призывалъ на помощь другого, имѣющаго такой даръ, и посредствомъ него дѣлалъ полезнымъ свой даръ. Потому онъ вездѣ и доказываетъ несовершенство дара, чтобы хотя такимъ образомъ соединить ихъ между собою; и кто думаетъ, что этотъ даръ достаточенъ для него самого, тотъ не столько возвышаетъ, сколько унижаетъ его, не устроая, чтобы онъ сіялъ свѣтло при помощи истолкованія. Хорошо и необходимъ этотъ даръ, но тогда, когда кто-нибудь объяснить сказанное. И палецъ—необходимый членъ, но если отдѣлишь его отъ прочихъ, то онъ будетъ не столько полезенъ; необходима и труба, но если она попусту издастъ звуки, то бываетъ даже тягостна. Не проявится искусство, если не будетъ матеріала; не обрабатывается и матеріалъ, если ему не будетъ сообщена форма. Поставь же голосъ на мѣсто матеріала, а ясность на мѣсто формы, безъ которой не можетъ быть никакой пользы отъ матеріала. *Тѣмъ же, аще ключится, роди гласовъ суть въ міръ, и ни единъ ихъ безгласенъ* (ст. 10), т. е. столько языковъ, столько нарѣчій, скиноевъ, еракіанъ, римлянъ, персовъ, мавровъ, индійцевъ, египтянъ, и многихъ другихъ народовъ! *Аще убо не утѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ* (ст. 11).

3. Не думай, говорить, будто это случается только съ нами; тоже бываетъ и со всѣми. Такимъ образомъ, говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что онъ бесполезенъ для меня, пока бываетъ не ясенъ. Потомъ, чтобы обличеніе не было тяжкимъ, онъ уравниваетъ вину: *буду, говорить, глаголющему иноязычникъ, и глаголющій мнѣ иноязычникъ*, не по свойству языка, но по причинѣ нашего незнанія. Видишь ли, какъ онъ мало-помалу довелъ рѣчь до существеннаго? Такъ онъ обыкновенно дѣлаетъ: заимствуетъ примѣры издалека и оканчиваетъ тѣмъ, что собственно относится къ предмету. Сказавъ о свирѣли и гусяхъ, въ примѣрѣ которыхъ было много недостаточнаго и ненужнаго, онъ перешелъ къ трубѣ, (инструменту) полезнѣйшему, а потомъ

наконецъ и къ самому языку. Такъ и прежде, когда доказывалъ, что апостоламъ не запрещено получать (содержаніе отъ учениковъ), онъ началъ съ земледѣльцевъ, пастырей и воиновъ, а потомъ обратился рѣчь на ближайшее къ предмету, на ветхозавѣтныхъ священниковъ. Замѣтъ, какъ онъ вездѣ старается показать, что самый даръ не заслуживаетъ порицанія, а переноситъ вину на получившихъ его; не сказалъ: *буду иноязычникъ*, но: *глаголющему иноязычникъ*; и далѣе не сказалъ: *глаголющій иноязычникъ*, но: *глаголющій мнѣ иноязычникъ*. Что же, скажешь, должно дѣлать? Должно не только не порицать, но и увѣщевать и поучать, какъ и онъ самъ поступаетъ. Онъ именно, обличивъ, укоривъ и показавъ бесполезность дара, наконецъ предлагаетъ совѣтъ и говорить: *такъ и вы, поменше ревнители есте духовомъ, яже къ созиданію церкви ищите, да избыточествуете* (ст. 12). Видишь ли всегдѣшнюю его цѣль, какъ онъ постоянно и во всемъ имѣетъ въ виду одно,—нужду многихъ, пользу церкви, поставляя это какъ бы какимъ правиломъ? И не сказалъ: чтобы вамъ получить дарованія, но: *да избыточествуете*, т. е. чтобы имѣть ихъ въ великомъ изобиліи. Я, говорить, не только далекъ отъ желанія, чтобы вы не имѣли ихъ, я напротивъ желаю, чтобы вы имѣли ихъ въ избыткѣ, если только вы будете употреблять ихъ на общую пользу. А какъ можетъ быть это, онъ объясняетъ далѣе: *тѣмъ же, говорить, глаголюй языкомъ, да молится, да сказуетъ. Аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся аще и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ* (ст. 13—15). Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что отъ нихъ зависитъ получить дарованіе: *да молится*, говорить, т. е. пусть приложить то, что въ его власти. Если усердно будешь просить, то получишь. Итакъ проси, чтобы тебѣ имѣть не одинъ только даръ языковъ, но и даръ истолкованія, чтобы тебѣ быть полезнымъ для всѣхъ, а не заключить дара въ одномъ себѣ. *Аще бо, говорить, молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.*

Видишь ли, какъ (апостолъ) мало-по-малу доводитъ рѣчь до того, что такой человѣкъ бесполезенъ не только для другихъ, 300' но и для самого себя, такъ какъ и его умъ остается безъ плода? Если бы кто говорилъ только на персидскомъ языкѣ, или на какомъ-либо другомъ иностранномъ, и не зналъ, что говорить, то онъ былъ бы чужестранцемъ и для себя самого, а не только для другихъ, потому что не разумѣлъ бы силы словъ. Въ древности было много такихъ, которые вмѣстѣ съ даромъ языковъ имѣли даръ молитвы; они молились, языкъ ихъ произносилъ молитву на персидскомъ или римскомъ нарѣчій, но умъ не разумѣлъ

произносимаго. Потому онъ и говоритъ: *аще молюся языкомъ, духъ мой молится*, т. е. дарованіе, данное мнѣ и приводящее языкъ въ движеніе, а *умъ мой безъ плода есть*. Что же лучше и полезнѣе, и какъ нужно поступать или чего просить у Бога? Того, чтобы молиться и духомъ, т. е. дарованіемъ, и умомъ. Потому онъ и говоритъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ*. И здѣсь онъ выражаетъ тоже, т. е. чтобы и языкъ говорилъ, и умъ не оставался невѣдующимъ сказаннаго. Если же этого не будетъ, то можетъ произойти и другое замѣшательство: *понеже*, говоритъ, *аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто невѣжды како речеть: аминь, по твоему благодаренію, понеже не въстѣ, что глаголеши. Ты убо добрѣ благодариши, но другой не создается* (ст. 16, 17). Смотри, какъ неуклонно и здѣсь онъ идетъ къ своей цѣли, вездѣ имѣя въ виду назиданіе церкви. Невѣждою онъ называетъ простолюдина и доказываетъ, что и онъ терпитъ не маловажный вредъ, когда не можетъ сказать: *аминь*. Смыслъ словъ его слѣдующій: если ты будешь благословлять на языкѣ иностранномъ, не зная, что говоришь, и не умѣя истолковать, то простолюдинъ не можетъ отвѣчать: *аминь*; не слыша окончательныхъ словъ: *во ѿки ѿкое*, онъ не скажетъ: *аминь*. Потомъ онъ опять смягчаетъ рѣчь, чтобы не показалось, будто онъ слишкомъ унижаетъ даръ (языковъ), и какъ выше говорилъ, что (такой человекъ) *глаголетъ тайны, глаголетъ Богу, себе зиждетъ, молится духомъ*, предлагая въ этомъ немалое утѣшеніе, такъ и здѣсь говоритъ: *ты убо добрѣ благодариши*,—такъ какъ говоришь по внушенію Духа,—но тотъ, кто ничего не слышитъ и не понимаетъ сказаннаго, стоитъ, не получая большой пользы.

4. Послѣ того, какъ (апостолъ) противъ имѣющихъ даръ языковъ сказалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего великаго, далѣе, чтобы не подумали, будто онъ унижаетъ ихъ потому, что самъ лишенъ его, смотри, что онъ говоритъ: *благодарю Бога, паче ѿстѣхъ васъ языки глаголю* (ст. 18). Тоже онъ дѣлаетъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, намѣреваясь низложить тщеславныя притязанія іудейства и показать, что оно уже ничтожно, онъ напередъ изъясняетъ, что и самъ имѣлъ (эти притязанія) и притомъ въ высшей степени, а потомъ называетъ ихъ тщетою: *аще*, говоритъ, *что имъ мнится надѣяться во плоти, азъ паче. Обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніамина, Евреинъ отъ Еврей, по закону Фарисей, по ревности гонихъ Церковь, по правдѣ законнѣй бывъ непороченъ* (Филип. ш, 4—6). Затѣмъ, когда доказалъ, что самъ имѣлъ всѣ эти преимущества, говоритъ: *но яже ми бяху приобрѣтенія, сія оставихъ Христа ради тщету* (ст. 7). Такъ онъ поступаетъ и здѣсь:

наче естъ васъ, говорить, языки глаголя; потому не превозноситеся, какъ будто вы одни имѣете этотъ даръ; и я имѣю его, и притомъ 301 гораздо больше васъ. *Но въ церкви хочу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую* (ст. 19). Что значить: *умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую*? Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другимъ, говорить съ сознаниемъ и поучать слушателей. *Нежели тмы словесъ языкомъ.* Почему? *Да и ины пользую, говорить.* Первое доставляетъ только показную славу, а послѣднее—великую пользу. Вездѣ онъ ищетъ одного—общей пользы. Хотя даръ языковъ былъ необыкновеннымъ, а даръ пророчества обыкновеннымъ, древнимъ, и принадлежалъ уже многимъ, между тѣмъ какъ тотъ сталъ извѣстенъ тогда въ первый разъ, однако (Павелъ) считалъ его не очень желательнымъ для себя, и даже не пользовался имъ, не потому, чтобы не имѣлъ его, но потому, что искалъ болѣе полезнаго. Онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія и имѣлъ въ виду только одно, какъ бы сдѣлать лучшими слушателей. Потому онъ и могъ видѣть полезное и для себя и для другихъ, что былъ свободенъ отъ тщеславія; а кто поработилъ себя этой страсти, тотъ не можетъ видѣть полезнаго не только для другихъ, но и для себя. Таковъ былъ Симонъ, который, руководясь тщеславіемъ, не видѣлъ полезнаго и для себя (Дѣян. viii); таковы были іудеи, которые потому же предали дѣволу собственное спасеніе.

Отсюда произошли идолы, и внѣшніе (языческіе) мудрецы, побуждаемые тѣмъ же безуміемъ, впади въ нелѣпныя ученія. И посмотри, какъ превратна эта страсть; по ея побужденію одни изъ нихъ дѣлались бѣдными, другіе собирали богатство. Власть ея такова, что она выражаетъ силу свою даже въ вещахъ противоположныхъ: одинъ тщеславится цѣломудріемъ, другой напротивъ распутствомъ, одинъ—правдою, другой—неправдою, воздержаніемъ и постомъ, кротостію и дерзостію, богатствомъ и бѣдностію. Нѣкоторые изъ внѣшнихъ, и имѣя возможность брать (съ другихъ), не брали для того, чтобы имъ удивлялись. Но апостолы были не таковы: они были чисты отъ тщеславія и доказали это своими дѣлами. Когда называли ихъ богами и готовы были принести имъ въ жертву увѣнчанныхъ воловъ, они не только остановили это, но и разодрали свои одежды (Дѣян. xiv). Когда они исцѣлили хромого и всѣ удивлялись имъ, они сказали: *что на ны взираете, яко своею ли силою сотворихомъ его ходити* (Дѣян. iii, 12)? Тѣ избирали бѣдность между людьми, удивлявшимися бѣдности; а они—между людьми, презиравшими бѣдность и прославлявшими богатство, и тѣмъ, что получали, продолжительствовали нуждавшимся. Такъ они все дѣлали не изъ тщес-

славія, но по челоуѣколюбію! А тѣ, напротивъ, во всемъ, равно и съ имуществомъ, поступали, какъ враги и губители всей природы. Одинъ, какъ безумный и сумасшедшій, напрасно и безъ пользы потопилъ въ морѣ все свое имущество: другой оставилъ невоздѣланнымъ все свое поле. Такъ они все дѣлали изъ честолюбія! Но не такъ поступали апостолы: они и принимали предлагаемое, и раздавали это бѣднымъ съ такою щедростію, что
 302 сами непрестанно терпѣли голодъ. Если бы они искали славы, то не поступали бы такъ, не принимали бы и не раздавали бы, опасаясь, чтобы не навлечь на себя какого-нибудь подозрѣнія. Вѣдь, кто бросаетъ свое изъ тщеславія, тотъ тѣмъ болѣе не возьметъ чужого, чтобы не показаться имѣющимъ нужду въ другихъ и не навлечь на себя подозрѣнія. Они же, какъ видишь, и служили и сами просили для нуждавшихся. Такъ они были любвеобильнѣе всѣхъ отцовъ! Посмотри, какъ и заповѣди ихъ соразмѣрны и чужды тщеславія: *имѣюще, говоритъ (апостолъ), пищу и одѣяніе, силы доволни будемъ* (1 Тим. vi, 8), не такъ, какъ тотъ Синоплининъ (Диогенъ), который безъ всякой нужды одѣвался въ рубище и жилъ въ бочкѣ, удивлялъ многихъ, но пользы не принесъ никому. А Павелъ не дѣлалъ ничего подобнаго, потому что не руководился честолюбіемъ, но и одѣвался со всею благопристойностію, и жилъ всегда въ домѣ, и былъ совершенъ въ другихъ добродѣтеляхъ, которыя упомянутый киникъ презиралъ, проводя жизнь распутную, поступая безстыдно предъ всѣми и увлекаясь безумною страстію тщеславія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто спросилъ, для чего онъ жилъ въ бочкѣ, то не нашелъ бы никакой другой причины, кромѣ одного тщеславія.

5. Павелъ давалъ даже плату за домъ, въ которомъ жилъ въ Римѣ (Дѣян. xviii, 30). Если онъ переносилъ гораздо труднѣйшее, то тѣмъ болѣе могъ бы также (жить внѣ дома). Но онъ не искалъ славы, этого дикаго звѣря, злого демона, язвы вселенной, ядовитой эхидны. Какъ эхидна расторгаетъ зубами чрево матери, такъ и эта страсть терзаетъ питающаго ее. Гдѣ же найти лѣкарство противъ этой разнообразной болѣзни? Нужно помышлять о тѣхъ, которые преодолѣли ее, и, взирая на примѣръ ихъ, согласно съ тѣмъ устроить собственную жизнь. И патріархъ Авраамъ... Но пусть никто не обвиняетъ насъ въ тождествѣ за то, что о немъ мы вспоминаемъ часто и при всякомъ случаѣ. Это особенно и дѣлаетъ его удивительнымъ, а не подражающимъ ему лишаетъ всякаго оправданія. Если бы мы показали нѣкоторую часть добродѣтели въ одномъ, и часть въ другомъ (человѣкѣ) добродѣтельнымъ, то иной сказать бы, что добродѣтель неудобноисполнима, такъ какъ не легко одному совершить все то вообще,

что по частямъ совершилъ каждый изъ святыхъ. Но когда находится одинъ и тотъ же имѣющій все, то какое получаютъ оправданіе тѣ, которые послѣ закона и благодати не могутъ сравниться съ жившими прежде закона и благодати? Какъ же этотъ патріархъ преодолѣлъ и побѣдилъ этого звѣря, когда имѣлъ распрю съ племянникомъ? Будучи обдѣленъ и не получивъ лучшей части, онъ не скорбѣлъ; а вы знаете, что въ такихъ случаяхъ стыдъ бываетъ хуже убытка для малодушныхъ, особенно когда человѣкъ бываетъ господиномъ всего, какъ былъ тогда онъ (Авраамъ), и когда самъ, напередъ оказавъ честь, не будетъ взаимно удостоенъ чести. Но ничто изъ всего этого не оскорбило его: получивъ худшую часть, онъ остался доволенъ и, будучи обиженъ старшіимъ младшимъ, дядя племянникомъ, не вознегодовалъ и не огорчился, а напротивъ по прежнему оказывалъ ему любовь и попеченіе. Опять, одержавъ побѣду въ великой и страшной войнѣ и силою прогнавъ варваровъ, онъ не торжествовалъ 303 побѣды и не поставилъ трофея, потому что хотѣлъ только спасти (другихъ), а не показать (себя). Опять, когда онъ привималъ странниковъ, и тогда не тщеславился, но самъ выходилъ имъ на встрѣчу и кланялся, не какъ благодѣтельствующій, но какъ благодѣтельствуемый, называлъ пришельцевъ господами, не зная, кто они, и заставлялъ жену служить имъ. И прежде того въ Египтѣ, оказавшись столь удивительнымъ, получивъ обратно жену свою и удостоившись такой чести, онъ ни предъ кѣмъ не хвалился. Туземцы называли его царемъ, а онъ заплатилъ имъ даже за могилу (Быт. ххш). Также, когда онъ посылалъ избрать невесту своему сыну, то не приказывалъ говорить о себѣ чего-нибудь великаго и славнаго, а просто—привести невесту. Не хочешь ли посмотрѣть и на жившихъ во времена благодати и видѣть, какъ они были чужды этой страсти даже тогда, когда великая слава ученія ихъ распространилась повсюду?

Посмотри на того самаго (апостола), котораго слова мы слушаемъ, какъ онъ постоянно все приписываетъ Богу, какъ онъ часто воспоминаетъ о грѣхахъ своихъ, а о подвигахъ никогда; если же бываетъ принужденъ сдѣлать это въ назиданіе ученикамъ, то называетъ это дѣло безуміемъ, уступаетъ первенство Петру, не стыдится работать у Прискиллы и Акилы и вездѣ старается показать себя смиреннымъ, не величаясь на торжищѣ и не окружая себя толпами народа, но помѣщаясь въ ряду незнатныхъ. Потому онъ и говорилъ: *пришествіе тѣла немошно* (2 Кор. х, 10), т. е. не важно и чуждо всякаго великолѣпія; и еще: *малыя, не сотворити вамъ ни единого зла, не яко да мы искусни явимся* (2 Кор. хш, 7). И что удивительнаго, если онъ

презираетъ эту (земную) славу? Если онъ презираетъ вышнюю славу, царство и геенну, для угожденія Христу,—а онъ именно желаетъ *отлученъ быти отъ Христа* для славы Христовой, и хотя говорить, что желаетъ подвергнуться этому *за Иудеевъ*, но говорить такъ, чтобы кто-нибудь изъ безумныхъ не подумалъ, что данныя имъ обѣтованія онъ присвоаетъ себѣ,—если, говорю, онъ былъ готовъ презрѣть это, то удивительно ли, что онъ презираетъ славу человѣческую? Но нынѣшнихъ (людей) губить все, не только желаніе славы, но и противное тому: оскорбленіе и опасеніе безчестія; если кто станетъ хвалить тебя, ты надмеваешься, а если станетъ порицать, ты падаешь духомъ. Какъ слабыя тѣла терпятъ вредъ и отъ незначительныхъ причинъ, такъ и низкія души; ихъ губить не только бѣдность, но и богатство, не только печаль, но и радость, и даже пріятное болѣе, нежели печальное, потому что бѣдность заставляетъ быть воздержнымъ, а богатство часто доводитъ до великаго зла. И какъ одержимые горячкою бывають недовольны всѣмъ, такъ и испорченныя души отъ всего терпятъ вредъ.

6. Зная это, не будемъ избѣгать бѣдности и удивляться богатству, но будемъ устроить душу свою такъ, чтобы она была готова ко всему. Кто строить домъ, тотъ заботится не о томъ, чтобы на него не лился дождь и не падали (солнечные) лучи,—это и невозможно,—но чтобы онъ могъ вынести все. И кто строить корабль, тотъ заботится и старается не о томъ, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря,—это и невозможно,—
 304 но чтобы стѣны корабля были способны вынести все. И кто укрѣпляетъ тѣло, тотъ также старается не о томъ, чтобы не было воздушныхъ перемѣнъ, но чтобы тѣло легко переносило все это. Точно такъ будемъ поступать и съ душею, будемъ стараться не о томъ, чтобы избѣгать бѣдности, или сдѣлаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самихъ. Не заботясь о нихъ, будемъ уготовлять душу пригодною и къ богатству и къ бѣдности. Вѣдь хотя бы и не случилось ничего собственнаго людямъ,—что бываетъ слишкомъ рѣдко,—и въ такомъ случаѣ не ищущій богатства и умѣющій легко переносить все гораздо лучше, чѣмъ живущій всегда въ богатствѣ. Почему? Во-первыхъ, такой (человѣкъ) имѣетъ опору спокойствія внутри себя, а не внѣ; какъ воинъ, полагающійся на крѣпость тѣла и воинское искусство, лучше того, который надѣется только на силу оружія, такъ и огражденный добродѣтелью лучше того, кто надѣется на деньги. Во-вторыхъ, богатый, хотя бы и не впалъ въ бѣдность, не можетъ быть спокойнымъ, потому что богатство причиняетъ много бурь и безпокойствъ. А добродѣтель напро-

тѣмъ доставляетъ только радость и спокойствіе; она дѣлаетъ чело-
вѣка недоступнымъ для коварныхъ враговъ, богатство же на-
противъ дѣлаетъ его доступнымъ и удобопреклоннымъ. Изъ жи-
вотныхъ олени и зайцы легче всѣхъ могутъ быть уловляемы по
своей природной бояливости, а кабанъ, быкъ и левъ не легко
попадаютъ въ руки охотниковъ; тоже можно видѣть на бога-
тыхъ и на живущихъ въ добровольной бѣдности; послѣдній по-
добенъ льву и быку, а первый—олени и зайцу. Кого въ самомъ
дѣлѣ не боится богатый? Ужъ не разбойниковъ ли? Не власти-
телей ли? Не завистниковъ ли? Не клеветниковъ ли? Но что я
говорю о разбойникахъ и клеветникахъ, когда онъ съ подозрѣ-
ніемъ смотритъ на самихъ домашнихъ? И что я говорю (о томъ
времени), когда онъ еще живъ? Даже и по смерти онъ не сво-
боденъ отъ козней хищниковъ; и самая смерть не можетъ доста-
вить ему безопасности, но и мертваго его грабятъ злодѣи. Такъ
опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разры-
ваются и могилы и гробницы. Что же можетъ быть хуже того,
если самая смерть не доставляетъ ему безопасности, но даже ли-
шившись жизни несчастное тѣло его не освобождается отъ жи-
тейскихъ золъ, если злодѣи возстаютъ даже противъ пыли и
праха, и притомъ съ большею жестокостію, нежели при его
жизни? Тогда, входя въ кладовую и разламывая сундуки, они по
крайней мѣрѣ не касались тѣла и не брали столько, чтобы обна-
жить самое тѣло; а теперь нечистыя руки гробокопателей не воз-
держиваются и отъ этого, но сдвигаютъ съ мѣста (и тѣло), пере-
ворачиваютъ его и посмѣиваются надъ нимъ съ великою жесто-
костію. Когда оно бываетъ предано землѣ, то они, лишивъ его и
покрова земли и одеждъ, оставляютъ его брошеннымъ въ такомъ
видѣ. Кто же враждебнѣе богатства, которое при жизни губитъ
душу, а по смерти подвергаетъ поруганію тѣло и не даетъ ему
покоя въ землѣ, чего не лишены даже осужденные и тяжкіе пре-
ступники? И съ преступниками, наказавъ ихъ смертію, законода-
тели ничего болѣе не дѣлаютъ; а ихъ богатство и по смерти под-
вергаетъ жесточайшему наказанію—быть обнаженными и лишен-
ными погребенія: ужасное и жалкое зрѣлище! Подлинно, участь
ихъ тяжелѣе участи тѣхъ, которые подвергаются тому же по
опредѣленію и гнѣву судей; послѣдніе, пробывъ не погребенными 303
одинъ или два дня, предаются землѣ; а первые, когда бываютъ
преданы землѣ, тогда именно и обнажаются и подвергаются по-
руганію. Если воры уходятъ, не взявъ самага гроба, то и этимъ
онъ обязанъ не богатству, а бѣдности; она сохраняетъ его, такъ
что, если бы мы и гробъ покрыли богатствомъ, или устроили бы
его не изъ камня, а изъ золота, то лишились бы и его. Такъ не-

вѣрно богатство! Оно не столько принадлежит имѣющимъ его, сколько занимающимся хищничествомъ. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда какъ имѣющие его не находятъ безопасности даже въ день смерти. Съ умершимъ кто не примиряется, хотя бы то былъ звѣрь, демонъ, или кто бы ни былъ? Достаточно одного взгляда на умершаго, чтобы тронуться человѣку желѣзному и безжалостному; когда кто смотритъ на мертваго, хотя бы въ немъ видѣлъ врага и непріятеля, то плачетъ вмѣстѣ съ ближайшими его друзьями; гнѣвъ погасаетъ вмѣстѣ съ жизнію и вмѣсто его является соболѣзнованіе; при выносѣ и погребеніи никто не различитъ врага и неврага: такъ всѣ почитаютъ общую природу и установленныя для нея законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушаетъ гнѣвъ противъ имѣющихъ его и дѣлаетъ врагами умершаго людей, нисколько не обиженныхъ имъ, потому что обнажать мертвое тѣло свойственно жестокимъ врагамъ и непріятелямъ. Природа примиряетъ съ нимъ тогда и враговъ; а богатство вооружаетъ противъ него и тѣхъ, которые не могутъ ни въ чемъ обвинить его и терзаютъ тѣло, совершенно уединенное. Многое адѣсь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться въ землю и тлѣніе и безпомощно; но ничто подобное не трогаетъ злодѣевъ, преданныхъ преступной страсти. Страсть корыстолюбія, какъ бы какой жестокой тиранъ, настоятельно требуетъ отъ нихъ исполненія своихъ безчеловѣчныхъ повелѣній и, 306 обращая ихъ въ звѣрей, ведетъ къ гробницамъ. Нападая на умершихъ, какъ дикіе звѣри, они не отказались бы и отъ тѣлъ, если бы (тѣлесные) члены могли принести имъ пользу. Такіе-то плоды мы получаемъ отъ богатства: по смерти подвергаемся поруганію и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкіе преступники! Неужели послѣ этого, скажи мнѣ, мы будемъ еще любить такого врага? Нѣтъ, братіе, нѣтъ, увѣщаваю васъ, побѣдимъ отъ него, не оглядываясь назадъ; если оно и само придетъ въ наши руки, не будемъ удерживать его у себя, но свяжемъ его руками бѣдныхъ; эти узы гораздо лучше могутъ удержать его; изъ этихъ хранилищъ оно никогда не убѣжитъ, и невѣрное сдѣлается наконецъ вѣрнымъ, тихимъ и кроткимъ, чрезъ подаваніе милостыни. Итакъ, когда оно придетъ къ намъ, будемъ употреблять его на это дѣло; если же не придетъ, не будемъ искать, изнурять себя и считать блаженными имѣющихъ его. Какое это блаженство? Развѣ назовешь блаженными занимающихся борьбою съ дикими звѣрями за то, что такіе борцы, заключивъ у себя дорого стоящихъ животныхъ, стерегутъ ихъ, между тѣмъ какъ сами не смѣютъ приступить и прикоснуться къ нимъ, боятся ихъ и тре-

пешуть. Нѣчто подобное испытываютъ и богатые, заключивъ богатство въ своихъ хранилищахъ, какъ дикаго звѣря, и каждый день получая отъ него тысячи ранъ, только не такъ, какъ отъ звѣрей. Звѣри, когда бываютъ выпущены, тогда и причиняютъ вредъ встрѣчающимся съ ними; а богатство, когда бываетъ заперто и хранимо, тогда и погубляетъ приобрѣтшихъ и хранящихъ его. Сдѣлаемъ же этого дикаго звѣря кроткимъ. А онъ будетъ кротокъ, когда мы не станемъ запираеть его, но будемъ передавать его въ руки всѣхъ нуждающихся. Такимъ образомъ мы получимъ отъ него величайшія блага, и настоящую жизнь будемъ проводить безмятежно и съ доброю надеждою, и въ будущій день предстанемъ съ дерзновеніемъ, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXVI.

Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, 305
умы же совершенни бывайте (1 Кор. xiv, 20).

1. Послѣ многихъ объясненій и доказательствъ (апостолъ) справедливо употребляетъ теперь рѣчь болѣе сильную, соединенную съ великимъ обличеніемъ, и приводитъ примѣръ, сообразный съ предметомъ. Дѣти недоумѣваютъ и изумляются при видѣ малыхъ вещей, а при весьма великихъ не приходятъ въ такое удивленіе. Подобнымъ образомъ и имѣвшіе даръ языковъ, который былъ послѣднимъ изъ воѣхъ, думали, что они имѣютъ все; потому онъ и говоритъ: *не дѣти бывайте*, т. е. не будьте неразумными тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть разумными, но будьте простыми дѣтьми тамъ, гдѣ неправда, гдѣ тщеславіе, гдѣ гордость. Кто младенецъ на злое, тому должно быть и мудрымъ; какъ мудрость съ злобою не была бы мудростію, такъ и простота съ неразуміемъ не была бы простотою; въ простотѣ надобно избѣгать неразумія, и въ мудрости—злобы. Какъ лѣкарства болѣе надлежащаго горькія или сладкія не приносятъ пользы, такъ и простота и мудрость сами по себѣ. Потому и Христосъ, повелѣвая соединять то и другое, сказалъ: *будьте убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѡ. х, 16). Что же значить—*младенствовать злобою*? Даже и не зная, что такое зло; такими быть онъ желалъ имъ, когда говорилъ: *откуда слышится отъ васъ блужденіе* (1 Кор. v, 1). Не сказалъ: допускается, но: *слышится*. Вы вѣрно, говорить, знаете это, по-

тому что слышали о томъ нѣкогда. Онъ хотѣлъ, чтобы они были и мужами и дѣтьми, дѣтьми на злое, а мужами по мудрости. И мужъ тогда будетъ мужемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ младенцемъ; а пока онъ не будетъ младенцемъ на злое, то не будетъ и мужемъ, потому что злой не можетъ быть совершеннымъ, а бываетъ неразумнымъ. *Въ законѣ бо пишетъ, яко иными языки и усты иными возглаголю людѣмъ симъ, и ни тако послушаютъ мене, глаголетъ Господь* (ст. 21). Въ законѣ нигдѣ этого не написано; но онъ, какъ я сказалъ прежде, всегда называетъ закономъ все ветхозавѣтное Писаніе, и пророческія и историческія книги. Приведенное свидѣтельство онъ заимствуетъ изъ пророка Исаи, чтобы опять ограничить славу дара (языковъ), для пользы слушателей; и здѣсь впрочемъ говоритъ о немъ съ похвалою. Слова: *и ни тако* показываютъ, что чудо было достаточно для того, чтобы тронуть ихъ; если же они не убѣдились, то это ихъ вина. Для чего же Богъ сдѣлалъ это, если они не хотѣли убѣдиться? Чтобы сдѣлать съ своей стороны все нужное. Доказавъ пророчествомъ, что упомянутое знаменіе не очень полезно, (апостолъ) продолжаетъ: *тѣмже языцы съ знаменіе суть не струющими, но невѣрными: а пророчество не невѣрнымъ, но струющимъ. Аще убо снидется церковь вся вкупѣ, и вси языки глаголютъ, внидутъ же и неразумнии или невѣрнии, не рекуть ли, яко бѣснуется? Аще же вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми и истязуется отъ всѣхъ: и сие тайная сердца его явлена бывають, и падъ ницъ, поклонится Богови, возглаголющая, яко воистину Богъ съ вами есть* (ст. 22—25). Сказанное здѣсь можетъ возбудить въ комъ-нибудь большое недоумѣніе. Если языки служатъ знаменіемъ для невѣрныхъ, то какъ онъ говоритъ: если невѣрные увидятъ васъ говорящими на языкахъ, то скажутъ, что вы бѣснуетесь? И если пророчество не для невѣрныхъ, но для вѣрующихъ, то какъ получать отъ него пользу и невѣрные? Аще же, говоритъ, *вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ, обличается всѣми и истязуется*. И не только этотъ, но кромѣ того и другой здѣсь рождается вопросъ: языки опять, повидимому, больше пророчества, потому что если языки служатъ знаменіемъ для невѣрныхъ, а пророчество для вѣрныхъ, то даръ, обращающій и дѣлающій своими чужихъ, больше дара, назидающаго своихъ. Что же означаютъ сказанныя слова? Они не затруднительны, не темны и не противорѣчатъ предъидущему, но весьма согласны съ нимъ, если мы вникнемъ. Пророчество полезно для тѣхъ и другихъ, а языки нѣтъ. Потому, сказавъ о языкахъ, что они *съ знаменіе суть*, (апостолъ) присовокупилъ: *не струющимъ, но невѣрнымъ*, и притомъ *съ знаменіе*, т. е. болѣе для удивленія,

нежели для назиданія. Но, скажешь, и о пророчествѣ онъ выразился точно также въ словахъ: *а пророчество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ*; вѣрующій не имѣетъ надобности видѣть знаменіе, а нуждается только въ наученіи и назиданіи; какъ же ты утверждаешь, что пророчество полезно для тѣхъ и другихъ, тогда какъ онъ говорить: *не невѣрнымъ, но вѣрующимъ*? Если тщательно псалмѣдуешь, то поймешь слова его. Онъ не сказалъ, что пророчество не полезно для невѣрныхъ, но что оно не служитъ знаменіемъ, какъ языки, т. е. не также бесполезно. И языки не есть что-нибудь полезное для невѣрныхъ: они производятъ только одно изумленіе и смущеніе. *Знаменіе* принадлежитъ къ числу безразличнаго; такъ Псалмопѣвецъ, сказавъ: *сотвори со мною знаменіе*, прибавляетъ: *во благо* (Пс. LXXV, 17); и еще: *яко чудо быхъ многымъ* (Пс. LXX, 7), т. е. въ знаменіе.

2. Чтобы ты убѣдился, что *знаменіе* здѣсь не означаетъ чего-нибудь, всегда приносящаго пользу, (апостолъ) присовокупляетъ 303 и то, что оно производитъ. Что же такое? *Рекутъ*, говорить, *яко бласнуется*. Это зависитъ не отъ свойства знаменія, но отъ неразумія тѣхъ, (которые *рекутъ*). Подъ словомъ *невѣрные* не всегда разумѣй одинаковыхъ людей, но иногда неисцѣлѣво больныхъ и остающихся неисправными, а иногда могущихъ перемѣниться, каковы были тѣ, которые удивлялись апостоламъ, *глаголавшимъ величія Божія*; таковы же были домашніе Корнилія. Итакъ, смыслъ словъ его слѣдующій: пророчество имѣетъ силу и между невѣрными и между вѣрующими, а слыша языки, невѣрные и неразумные не только не получаютъ пользы, но и смѣются надъ говорящими на языкахъ, какъ надъ бѣснующимися. (Языки) служить имъ только въ знаменіе, т. е. только приводить ихъ въ изумленіе. Если бы впрочемъ они имѣли умъ, то получили бы и пользу, для которой дано знаменіе; вѣдь (и при апостолахъ) не только были насмѣхавшіеся надъ ними, какъ бы надъ опьянѣвшими, но многіе и удивлялись имъ, какъ *глаголющимъ величія Божія*; такъ насмѣхавшіеся были неразумные. Потому и Павелъ не просто сказалъ: *рекутъ, яко бласнуется*, но присовокупилъ: *неразумившіи или невѣрніи*. Пророчество же не просто служитъ въ знаменіе, но пужно и полезно для вѣры и назиданія тѣхъ и другихъ. Впрочемъ это онъ выразилъ не тотчасъ, но объяснилъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *обличается вѣсти. Аще же, говорить, вси пророчествуютъ, видѣтъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается вѣсти и истязуется отъ вѣстѣхъ, и сице тайная сердца его явлена бывають и падѣ ницѣ поклонится Божови, возвѣщая, яко воистинну Богъ съ вами есть*. Такимъ образомъ пророчество выше не только потому, что имѣетъ силу между тѣми и другими, но и потому

что обращаетъ безстыднѣйшихъ изъ невѣрныхъ. Не одинаково было чудо, когда Петръ обличилъ Сапфиру,—это было дѣйствиємъ пророчества,—и когда говорить языками; тогда всѣ устрашилися, а когда онъ говорилъ языками, то даже принять бытъ за бѣснующагося. Итакъ, сказавъ, что языки не приносятъ пользы, и оставивъ между тѣмъ обличеніе вины іудеевъ, (апостолъ) далѣе показываетъ, что они даже причиняютъ вредъ. Для чего же, скажешь, и даны они? Для того, чтобы употреблялись вмѣстѣ съ истолкованіемъ, безъ котораго случается и противное у неразумныхъ. *Аще убо, говорить, вси языки глаголютъ, овидутъ же и неразумнии или невѣрнии, не рекуть ли, яко бѣснуется?* Такъ и апостолы были приняты за опьянѣвшихъ: *глаголашу, яко винами исполнени суть* (Дѣян. п, 18). Но причина не въ знаменіи, а въ неразуміи (говорившихъ это); потому онъ присовокупилъ: *неразумнии или невѣрнии*, т. е. мнѣніе ихъ происходитъ отъ неразумія и невѣрія. Онъ старается, какъ я сказалъ прежде, поставить даръ (языковъ) въ рядъ предметовъ не совершенно достойныхъ отверженія, но не очень полезныхъ, и притомъ съ цѣлью смирить слушателей и внушить имъ необходимость искать истолкованія. Такъ какъ они не заботились объ этомъ, но многіе чрезъ упомянутый даръ старались показать себя и удовлетворить своему честолюбію, то онъ особенно и отклоняетъ ихъ отъ этого, доказывая, что они напротивъ вредятъ своей славѣ, навлекая на себя подозрѣніе въ бѣснованіи. Такъ всегда поступаетъ Павелъ: когда хочетъ кого отклонить отъ чего-нибудь, то доказываетъ, что онъ терпитъ вредъ отъ того самаго, къ чему имѣетъ пристрастіе; такъ поступай и ты: отклоняя отъ удовольствій, покажи, что они исполнены горечи; отклоняя отъ тщеславія, покажи, что оно причиняетъ безчестіе. Такъ и Павелъ поступалъ. Отклоняя богатыхъ отъ любви къ деньгамъ, онъ говоритъ, что богатство не только вредить, но и подвергаетъ искушеніямъ: *хотящии богатитися, говорятъ, выпадаютъ отъ напасти* (1 Тим. vi, 9). Такъ какъ богатство, повидимому, избавляетъ отъ напастей, то онъ утверждаетъ противное тому, что думали богатые. Другіе имѣли пристрастіе къ вѣншней мудрости, какъ будто бы она служила имъ для объясненія догматовъ; а онъ доказываетъ, что она не только не приноситъ пользы кресту, но и унижаетъ его. Иные хотѣли судиться у чужихъ, считая недостойнымъ судиться у своихъ, какъ будто бы вѣншіе (язычники) были мудрѣе; а онъ доказываетъ, что судиться у вѣншнихъ постыдно. Иные вкушали идольскія жертвы, какъ бы желая показать въ себѣ совершенное знаніе; а онъ доказываетъ, что неумѣніе устроить благо ближнихъ есть признакъ несовершеннаго знанія. Такъ и здѣсь: (кориняне) по честолюбію

восхищались даромъ языковъ, а онъ доказываетъ, что это особенно и посрамляетъ ихъ, не только лишая славы, но и подвергая подозрѣнiю въ бѣснованiи. Впрочемъ, онъ не вдругъ сказалъ это, но, предварительно сказавъ очень многое, и тѣмъ приготовивъ ихъ къ принятiю словъ своихъ, потомъ и высказываетъ мысль крайне неожиданную. Такой у него обыкновенно образъ рѣчи. Подлинно, кто хочетъ поколебать утвердившееся мнѣнiе и переимѣнить его на противоположное, тотъ не долженъ тотчасъ высказывать противоположное: иначе онъ будетъ осмѣянъ тѣми, которые предзаныты противоположнымъ мнѣнiемъ; очень неожиданное не можетъ быть принято вдругъ безъ предварительной подготовки; напередъ нужно иными доводами хорошо поколебать мнѣнiе другихъ и тогда уже внушить имъ противоположное.

3. Такъ же онъ поступилъ, когда говорилъ о бракѣ. Многие имѣли расположенiе (къ браку), какъ бы доставляющему спокойствiе; а онъ хотѣлъ доказать, что спокойствiе заключается въ безбрачномъ состоянiи; если бы сказалъ это вдругъ, то слова его не были бы такъ хорошо приняты; теперь же, высказавъ это послѣ многого другого и предложивъ благовременно, онъ сильно тронулъ слушателей. Такъ же онъ поступилъ касательно дѣвства. Сказавъ предварительно многое, онъ уже послѣ того говоритъ: *азъ же вы щажду* (1 Кор. vii, 28); и еще: *хочу васъ безпечальныхъ быти* (1 Кор. vii, 32). Точно такъ онъ поступаетъ и касательно дара языковъ, доказывая, что онъ не только лишаетъ славы, но и посрамляетъ имѣющихъ его предъ невѣрными. А пророчество, напротивъ, и не подвергаетъ посрамленiю предъ невѣрными, и доставляетъ величайшую славу и пользу; по поводу пророчества никто не скажетъ, *яко бѣснуется*, и не станетъ смѣяться надъ пророчествующими, но напротивъ всякій будетъ изумляться и удивляться имъ, потому что *обличается всѣми*, то есть, все, что у него на сердцѣ, обнаруживается и представляется всѣмъ. Не одно и то же—кому-нибудь войдя услышать одного говорящимъ по-персидски, другого по-сирски, или войдя, съ какою бы то ни было цѣлью, для искушенiя и съ лукавымъ намѣренiемъ, или простосердечно, услышать тайны своего сердца, такiя-то и такiя-то свои дѣяния и намѣренiя; послѣднее болѣе перваго возбуждаетъ страхъ и приноситъ пользу. Потому (апостолъ) и говоритъ, что по поводу языковъ скажутъ, *яко бѣснуется*; Впрочемъ говорить это не самъ отъ себя, но какъ сужденiе другихъ: *не ркутъ ли*, говоритъ, *яко бѣснуется?* Здѣсь же онъ основывается и на существѣ самаго дѣла и на убѣжденiи получающихъ пользу: *обличается всѣми*, говоритъ, *и истязуется отъ всѣхъ, и сице тайная сердца его явлена бывають, и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвещая,*

яко воистину Богъ съ вами есть. Видишь ли, какъ это несомнѣнно? Тамъ дѣйствіе подвергается различнымъ сужденіямъ, и иной изъ невѣрныхъ можетъ приписать его оѣснованію; а здѣсь не бываетъ ничего такого, а напротивъ онъ удивляется и покланяется, исповѣдая прежде дѣлами, а потомъ и словами. Такъ поклонился Богу и Навуходоносоръ, который сказалъ: *по истинѣ Богъ вашъ, той есть Богъ, открывая тайны, нѣже возмоглъ еси открыти тайну сію* (Дан. п, 47). Видишь ли, какъ сила пророчества измѣнила (человѣка) грубаго, научила его и привела къ вѣрѣ? *Что убо есть, братіе? Егда сходитесь, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать, откровеніе имать, сказаніе имать: вся къ созидаію да бывають* (ст. 26). Видишь ли основаніе и правило христіанства? Какъ дѣло водчаго—строить, такъ дѣло христіанина—всеми способами приносить пользу ближнимъ. Такъ какъ (апостоль) весьма сильно возставаъ противъ дара (языковъ), то, чтобы онъ не показался излишнимъ,—а возставаъ онъ единственно съ намѣреніемъ смирить гордость ихъ,—онъ опять поставляетъ его въ числѣ другихъ (духовныхъ дарованій) и говоритъ: *псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать*. Въ древности и составляли псалмы по дарованію, и учили по дарованію. Но все это, говорить, пусть клонится къ одному—къ назиданію ближняго; пусть ничто не дѣлается напрасно; если ты приходишь не для назиданія брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различіе дарованій; мои заботы только объ одномъ и старанія клонятся къ одному—чтобы все дѣлалось для назиданія; тогда даже имѣющій малое дарованіе превзойдетъ имѣющаго великое, если будетъ употреблять его съ назиданіемъ. Дарованія для того и даются, чтобы каждый получалъ назиданіе; если же этого не будетъ, то дарованіе послужитъ даже къ осужденію получившаго его; скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвыхъ, если никто не получаетъ назиданія? Если же въ этомъ состоитъ цѣль дарованій, которой можно достигнуть и другимъ способомъ безъ дарованій, то не превозносись знаменіями и не считай себя несчастнымъ, не имѣя дарованій. *Аще же языкомъ кто глаголетъ, по дѣла, или тѣмъ же по тріемъ, и по части и единъ да скажетъ. Аще ли не будетъ сказатель, да молчитъ въ церкви, себѣ же да глаголетъ и Богови* (ст. 27, 28). Что говоришь ты? Сказавъ столько о дарѣ языковъ, что онъ и бесполезенъ и излишенъ, если нѣтъ истолкователя, ты опять повелѣваешь говорить языками? Не повелѣваю, говорить, но и не запрещаю. Какъ въ томъ случаѣ, когда говоритъ: *аще ли кто отъ невѣрныхъ призываетъ вы, и хощете ити* (1 Кор. х, 27), онъ не 311 заповѣдуетъ идти, но и не удерживаетъ, такъ и здѣсь. Себѣ же

да глаголетъ и Божови. Если, говорить, ты не можешь молчать, если ты такъ честолюбивъ и тщеславенъ, то говори про себя. Такимъ дозволеніемъ онъ еще болѣе запрещаетъ, потому что приводитъ въ стыдъ.

4. Такъ же поступаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда бесѣдуетъ объ отношеніяхъ къ женѣ: *сіе же глаголю*, говорить, по неодожденію вашему (1 Кор. vii, 5, 6). Но не такъ онъ говоритъ о пророчествѣ,—а какъ? Повелительно и рѣшительно: *пророцы же два или трие да глаголютъ*; и при этомъ нигдѣ не требуетъ истолкователя и не заграждаетъ уста пророчествующему, подобно какъ тамъ говорилъ: *аще не будетъ сказатель, да молчитъ*. Говорящій языками самъ по себѣ недостаточенъ: потому, если кто имѣетъ оба дарованія, то пусть говоритъ; если же не имѣетъ, а хочетъ говорить, то пусть дѣлаетъ это при истолкователѣ. И пророкъ есть истолкователь, но Божій, а ты—человѣческій. *Аще же не будетъ сказатель, да молчитъ*; ничего не должно дѣлать напрасно и по честолюбію. *Себѣ же да глаголетъ и Божови*, т. е. въ умѣ, или тайно и безъ шума, если хочетъ. Здѣсь онъ не заповѣдуетъ, но, можетъ быть, болѣе запрещаетъ посредствомъ такого дозволенія, подобно какъ когда говоритъ: *аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ* (1 Кор. xi, 34), гдѣ, повидимому, дозволяетъ, но тѣмъ самымъ сильнѣе пристыжаетъ. Не для того вы собираетесь, говорить, чтобы показать, что имѣете дарованіе, но чтобы назидать слушателей, какъ говорилъ онъ и въ началѣ: *вся же къ созиданію да бываютъ*. *Пророцы же два или трие да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ* (ст. 29),—и болѣе не прибавилъ ничего такого, что (говорилъ) о языкахъ. Но что онъ говоритъ? Не выражаетъ ли онъ, что и пророчество само по себѣ недостаточно, если другимъ предоставляетъ *разсуждать*? Нѣтъ, оно весьма достаточно: потому онъ и не заградилъ устъ пророчествующему, подобно какъ тому (говорящему языками), когда нѣтъ истолкователя; и между тѣмъ какъ о послѣднемъ сказалъ: *аще не будетъ сказатель, да молчитъ*, о первомъ не сказалъ: если нѣтъ разсуждающаго, то пусть не пророчествуетъ, но только предложилъ наставленіе слушателяю. Онъ сказалъ это для предостереженія слушателей, чтобы между ними не случился волхвователь. Остерегаться этого онъ повелѣвалъ и въ началѣ, когда показывалъ различіе между волхвованіемъ и пророчествомъ, и теперь повелѣваетъ различать и наблюдать тоже самое, чтобы не вкралось что-нибудь діавольское. *Аще ли иному открытѣя стѣнѣ, первый да молчитъ*. *Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются* (ст. 30, 31). Что означаютъ эти слова? Если, говорить, въ то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, духъ

другого возбудить его, тогда ты замолчи. Какъ прежде касательно языковъ, такъ и здѣсь онъ требуетъ, чтобы это было *по части* (порознь), но здѣсь высшимъ образомъ; не сказалъ: *по части*, но: *еще иному открытѣся*. И для чего первому продолжать рѣчь, когда другой возбуждается къ пророчеству? Но не слѣдовало ли (говорить) обоимъ? Это неумѣстно и произвело бы безпорядокъ. Не слѣдовало ли первому? И это неумѣстно, потому что для того Духъ и возбуждалъ другого, когда говоритъ первый, чтобы и онъ сказалъ что-нибудь. Потомъ, въ утѣшеніе тому, которому заповѣдуетъ молчать, говоритъ: *можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утѣшаются*. Видишь ли, какъ онъ опять приводитъ и причину, почему все такъ заповѣдуетъ? Если имѣющему даръ языковъ онъ совершенно запрещаетъ говорить, когда нѣтъ истолкователя, потому что рѣчь была бы бесполезна, то справедливо повелѣваетъ прекращать и пророчество, когда оно не приноситъ пользы, но можетъ произвести замѣшательство, смятеніе и неумѣстный безпорядокъ. *И дуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (ст. 32). Видишь ли, какъ онъ сильно и страшно пристыжаетъ? Чтобы человѣкъ не возражалъ и не противился, онъ говоритъ, что самое дарованіе повинуется: *духомъ* здѣсь онъ называетъ дѣйствіе. Если же *духъ повинуется*, то тѣмъ болѣе ты, получившій его, не имѣешь права возражать. Потомъ доказываетъ, что и Богу такъ угодно: *късть бо, говоритъ, нестроенія Богъ, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ учу* (ст. 33). Видишь ли, какими доводами онъ побуждаетъ къ молчанію и утѣшаетъ уступающаго другому? Во-первыхъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не исключается: *можете бо, говоритъ, вси по единому пророчествовати*; во-вторыхъ, тѣмъ, что это свойственно Духу: *дуси бо пророчестіи пророкомъ повинуются*; далѣе тѣмъ, что это согласно съ волею Божіею: *късть бо, говоритъ, нестроенія Богъ, но мира*; въ-четвертыхъ, тѣмъ, что это правило простирается на всю вселенную, и что онъ не заповѣдуетъ ничего новаго: *яко бо, говоритъ, во всѣхъ церквахъ святыхъ учу*. Можетъ ли быть что-нибудь изумительнѣе этого? Церковь тогда была небомъ; Духъ устроилъ все въ народѣ, руководилъ и вдохновлялъ cadaго изъ предстоятелей. А теперь у насъ одни только знаки тогдашнихъ дарованій. И нынѣ мы говоримъ и по двое, и по трое, и порознь, и одинъ умолкаетъ, когда начинается другой; но все это только знаки и памятники прежняго. Потому-то, когда мы начнемъ говорить, народъ отвѣчаетъ. *Духови твоему*, выражая, что въ древности говорили такъ не по собственной мудрости, но по внушенію Духа. А теперь не то; впрочемъ я высказываю свое мнѣніе.

5. Нынѣ церковь подобна женѣ, лишившейся прежняго бо-

гата, сохраняющей во многихъ мѣстахъ только знаки первоначальнаго благоденствія и показывающей сундуки и лари отъ золотыхъ (сокровищъ), а самаго богатства не имѣющей; такой женѣ уподобилась нынѣ церковь. Говорю это, имѣя въ виду не дарованія,—не было бы слишкомъ прискорбно, если было бы только это,—но и жизнь и добродѣтель. Тогда сонмъ вдовъ и ликъ дѣвственницъ составляли великое украшеніе церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и нынѣ вдовы, есть и дѣвы, но онѣ не составляютъ того украшенія, какимъ должны быть посвятившія себя на такіе подвиги. Отличительный признакъ дѣвы есть попеченіе объ однихъ дѣлахъ Божіихъ и непрестанная усердная молитва; и признакъ вдовы состоитъ не столько въ томъ, чтобы не вступать во второй бракъ, сколько въ другомъ,—въ дѣлахъ страннолюбія, нищелюбія, прилежанія въ молитвахъ, и во всемъ, что съ великою точностію предписываетъ 313 Павелъ въ посланіи къ Тимофею (1 Тим. v).

Есть у насъ и жены, которыя въ супружествѣ соблюдаютъ великую скромность; но не это только требуется, а и тщательное служеніе нуждающимся, чѣмъ особенно отличались жены древнія,—не такъ, какъ многія изъ нынѣшнихъ. Тогда украшались вмѣсто золота красотою милостыни; а нынѣ, оставивъ это, обвѣшиваютъ себя со всѣхъ сторонъ золотыми цѣпями, сплетенными изъ множества грѣховъ. Сказать ли еще о другомъ хранилищѣ, утратившемъ прародительское украшеніе? Въ древности всѣ сходились и пѣли вмѣстѣ,—это мы дѣлаемъ и нынѣ; но тогда во всѣхъ *бы сердце и душа едина* (Дѣян. iv, 32), а нынѣ даже въ одной душѣ не видно такого согласія, но вездѣ великая брань. И нынѣ предстоятель церкви желаетъ мира всѣмъ, какъ бы пришедши въ домъ отеческій, но тогда какъ имя мира повторяется часто, самаго дѣла нѣтъ нигдѣ. Тогда и дома были церквами, а нынѣ и церковь стала домомъ, или даже хуже всякаго дома. Въ домѣ можно видѣть великое благочиніе: госпожа дома сидитъ на сѣдалищѣ со всѣмъ благоприличіемъ, служанки прядутъ въ молчаніи и каждый изъ домашнихъ имѣетъ въ рукахъ вѣренное ему. А здѣсь великій шумъ, великій безпорядокъ; собраніе наше ничѣмъ не отличается отъ гостинницы; здѣсь такой же смѣхъ, такой же шумъ, какъ въ баняхъ, какъ на торжищахъ, гдѣ всѣ кричатъ и производятъ смятеніе. И это бываетъ только здѣсь; а въ другихъ мѣстахъ не позволено сказать въ церкви даже слова близъ стоящему, хотя бы кто встрѣтилъ давно невидѣннаго друга, но дѣлается это внѣ,—и весьма справедливо. Церковь не цирюльня, не лавка съ благовоніями, не мастерская, подобная находящимся на торжищѣ, но мѣсто ангеловъ, мѣсто архангеловъ, царство

Божіе, самое небо. Если бы кто-нибудь отверзъ небо и ввелъ тебя въ него, то ты не осмѣлился бы разговаривать, хотя бы увидѣлъ отца, хотя бы брата; такъ точно и здѣсь не должно говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ предметовъ духовныхъ, потому что и здѣсь небо. Если не вѣришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, Кто приходитъ сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидитъ только тронъ царя, тотъ возбуждается въ душѣ своей, ожидая выхода царя; такъ точно и ты, еще прежде страшнаго времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятыя завѣсы и предшествующій сонмъ ангеловъ, возносись къ самому небу. Но этого не знаетъ непосвященный, — потому для него необходимо сказать нѣчто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что можетъ возбудить и возвысить его. Итакъ ты, незнающій этого, когда услышишь слова пророка: *сія глаголетъ Господь*, отрѣшись отъ земли, вознесись на самое небо, помысли, Кто чрезъ него вѣщаетъ тебѣ. Между тѣмъ нынѣ, когда смѣхотворствуетъ какой-нибудь шутъ и безчинствуетъ блудница, весь театръ сидитъ, соблюдая для рѣчей ихъ совершенное безмолвіе, и это когда никто не заставляетъ молчать, не бываетъ ни разговора, ни крика, ни малѣйшаго шума; а когда Богъ съ небесъ вѣщаетъ о
 314 такихъ страшныхъ тайнахъ, тогда мы бываемъ безстыднѣе псовъ, не оказывая Богу даже такого вниманія, какое оказываемъ распутнымъ женщинамъ.

6. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, дѣлая это. Тѣмъ, которые пренебрегли бѣдныхъ и одни вкушали пищу, Павелъ сказалъ: *еда домовъ не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей не радите, и срамляете немущия* (1 Кор. xi, 22)? Позвольте и мнѣ сказать тѣмъ, которые здѣсь шумятъ и разговариваютъ: развѣ вы не имѣете домовъ для пустословія? Или не радите о церкви Божіей и развращаете желающихъ сохранять цѣломудріе и спокойствіе? Но, скажете, намъ весело и пріятно разговаривать съ знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будетъ дома, на торжищѣ, въ баняхъ; церковь же есть мѣсто не разговоровъ, а ученія. Между тѣмъ нынѣ она нисколько не отличается отъ торжища, и, можетъ быть, если не оскорбительно сказать, даже отъ театра: такъ нецѣломудренно и подобно тамошнимъ блудницамъ украшаются собирающіяся здѣсь жены! Потому онѣ и сюда привлекаютъ многихъ невоздержныхъ. Кто искушаетъ или хочетъ соблазнить женщину, тотъ, кажется, не считаетъ для себя никакого мѣста удобнѣе церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнѣе рынка; здѣсь объ этомъ бываетъ больше разговоровъ, нежели въ

самыхъ лавкахъ. Кто хочетъ злословить или слушать злословіе, тотъ найдетъ и этого адѣсь болѣе, нежели внѣ, на торжищѣ. Хочешь ли слышать о дѣлахъ гражданскихъ, или о домашнихъ, или о военныхъ,—не ходи въ судилище, не сиди въ лѣчебницѣ, есть и адѣсь, есть люди, которые подробнѣе всѣхъ расскажутъ обо всемъ этомъ; адѣсь—мѣсто скорѣе всего другого, только не церковь. Быть можетъ, я слишкомъ рѣзко коснулся васъ? Не думаю; если вы не перестаете дѣлать одно и то же, то какъ мнѣ знать, что слова мои коснулись васъ? Потому необходимо опять коснуться того же. Итакъ, можно ли стерпѣть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто изъ васъ не уходитъ съ какою-нибудь пользою, а даже скорѣе со вредомъ. Подлинно, вы собираетесь и себѣ на осужденіе, не имѣя никакого оправданія въ грѣхѣ своемъ, и болѣе благоговѣйныхъ изгоняете, отсюду безпокоя ихъ своимъ пустословіемъ. Но что говорятъ многіе? Не слышу, говорятъ, что читается, не понимаю, что говорится. Потому, что ты разговариваешь, потому, что шумишь, потому, что не приходишь съ душею, исполненною благоговѣнія. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но самому и слѣдуетъ быть внимательнымъ. Если неясное не пробуждаетъ души твоей, то тѣмъ болѣе ты не обратишь бы вниманія, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался безпечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходилъ въ отчаяніе. Евнухъ, хотя былъ и варваръ, не говорилъ ничего такого, но даже среди множества дѣлъ и будучи на пути, держалъ въ рукахъ книгу и читалъ; а ты, среди множества учителей, и тогда, какъ другіе читаютъ тебѣ, представляешь мнѣ оправданія и отговорки. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебѣ понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понималъ всего, потому что многое само по себѣ понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понималъ всего, и въ такомъ случаѣ 315 слѣдуетъ молчать, чтобы не изгнать слушающихъ внимательно и чтобы Богъ, видя твое молчаніе и благоговѣніе, сдѣлалъ неясное для тебя яснымъ. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вонъ, чтобы не причинять вреда другимъ. Въ церкви всегда долженъ быть слышимъ одинъ голосъ, такъ какъ она есть одно тѣло. Потому и чтецъ читаетъ одинъ; и самъ, имѣющій епископство, ожидаетъ, сидя въ молчаніи; и пѣвецъ поетъ одинъ; и когда всѣ возглашаютъ, то голосъ ихъ произносится какъ бы изъ однихъ устъ; и бесѣдующій бесѣдуетъ одинъ. Когда же многіе разговариваютъ о многомъ и различномъ, то для чего мы напрасно и утруждаемъ васъ? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруж-

даемъ васъ, то вы не стали бы въ то время, какъ мы говоримъ о такихъ предметахъ, разговаривать о предметахъ совершенно непристойныхъ. Оттого у васъ не только въ жизни, но и въ самомъ сужденіи о вещахъ крайній безпорядокъ; о ненужномъ вы заботитесь, истину оставляете, а за тѣнями и сновидѣніями гоняетесь.

Подлинно не тѣнь ли и сновидѣнія все настоящее, и даже не хуже ли тѣни? Оно, лишь только является, какъ и улетаетъ, и прежде, нежели улетитъ, производитъ великое смятеніе и большее, чѣмъ (доставляемое имъ) удовольствіе. Хотя бы кто приобрѣлъ и закопалъ здѣсь безчисленное богатство, онъ, по прошествіи ночи (настоящей жизни), отходитъ отсюда нагимъ, — и весьма естественно. Какъ обогащающіеся во снѣ, вставъ съ по-
 316 стели, не имѣютъ ничего, что воображали имѣть во время сна, такъ и любостяжательные, или даже не такъ, а гораздо хуже. Обогащающійся во снѣ не имѣетъ денегъ, которыя воображалъ имѣть, но встаетъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій отъ такого воображенія; а тотъ и богатства лишается, и отходитъ отсюда исполненнымъ грѣховъ, происходящихъ отъ богатства, владѣя богатствомъ въ воображеніи, а зло, происходящее отъ богатства, испытывая уже не въ воображеніи только, а въ самой дѣйствительности; удовольствіе было какъ бы во снѣ, а наказаніе за удовольствіе бываетъ уже не во снѣ, а на самомъ опытѣ; или лучше сказать, даже прежде будущаго наказанія и еще здѣсь онъ подвергается величайшему наказанію, изнуряя себя при самомъ собираніи богатства множествомъ скорбей, заботъ, огорченій, препятствій, непріятностей и безпокойствъ. Потому, чтобы намъ избавиться и отъ этихъ сновидѣній и отъ золъ, которыя бываютъ уже не въ сновидѣніяхъ, возлюбимъ вмѣсто любостяжанія милостыню, вмѣсто хищенія — челоувѣколюбіе. Такимъ образомъ мы сподобимся и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

315 Жены вапья въ церквахъ да молчатъ. Не повелѣся бо имъ глаголати, но повиноватися, якоже и законъ глаголетъ (1 Кор. xiv, 34).

1. Обличивъ безпорядокъ, происходившій отъ языковъ и отъ пророчествъ, и поставивъ закономъ, чтобы не было смятенія,

чтобы говорящіе языками дѣлали это порознь, а изъ пророчествующихъ одинъ молчалъ бы, когда начнетъ другой, (апостоль) переходить далѣе къ безпорядку, производимому женщинами, пресѣкаетъ неумѣстное ихъ дерзновеніе, — и весьма благовременно. Если имѣющимъ дарованія не позволительно говорить безъ порядка и когда они захотятъ, хотя ими руководить Духъ, то тѣмъ болѣе (не позволительно) женщинамъ пустословить напрасно и безъ пользы. Потому онъ съ великою властію удерживаетъ ихъ отъ пустословія, ссылается притомъ на законъ, и такимъ образомъ заграждаетъ уста ихъ. Здѣсь онъ не только увѣщаетъ и совѣтуетъ, но и повелѣваетъ съ силою, приводя о томъ древній законъ. А именно, сказавъ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ, и не повелѣся имъ глаголати, но повиноватися*, онъ присовокупилъ: *какже и законъ глаголетъ*. Гдѣ говорить объ этомъ законъ? *Къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. ш, 16). Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ привелъ такое свидѣтельство, которое повелѣваетъ имъ не только молчать, но и молчать со страхомъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, съ какимъ надлежитъ безмолвствовать рабъ? Потому и самъ, послѣ словъ: *не повелѣся имъ глаголати*, не сказалъ: молчать, но употребилъ, 316 вмѣсто—*молчатъ*, болѣе значущее выраженіе—*повиноватися*. Если же онъ должны быть таковы въ отношеніи къ мужьямъ, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ учителямъ и отцамъ и общему собранію церкви. Но, скажешь, если онъ не могутъ ни говорить, ни спрашивать, то для чего имъ и присутствовать? Для того, чтобы слушать, что слѣдуетъ, а о сомнительномъ узнавать дома у мужей. Потому онъ и продолжаетъ: *аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (ст. 35). Имъ, говорить, не позволительно въ церкви не только самимъ говорить открыто, но и спрашивать о чемъ-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тѣмъ болѣе не позволительно говорить напрасно. Почему же онъ поставляетъ ихъ въ такомъ подчиненіи? Потому, что жена есть существо слабѣйшее, непостоянное и легкомысленное. Потому онъ и поставляетъ имъ въ учителя мужей и доставляетъ пользу тѣмъ и другимъ: женъ дѣлаетъ скромными, а мужей внимательными, такъ какъ они должны съ совершенною точностію передавать женамъ то, что слышать. Далѣе, такъ какъ у нихъ считалось честію говорить въ собраніи, онъ опять доказываетъ противное и говорить. *срамно бо есть жена въ церкви глаголати*; доказываетъ это сначала закономъ Божиимъ, а потомъ общечеловѣческимъ сужденіемъ и обычаемъ, какъ поступилъ онъ и тогда, когда бесѣдовалъ съ ними о волосахъ: *или*, говорилъ онъ, *и не самое естество учитъ вы* (1 Кор. xi, 14)? И вездѣ можно видѣть такой

его образъ рѣчи,—что онъ обличаетъ не только божественнымъ Писаніемъ, но и общеизвѣстными обычаями. Кромѣ того, онъ за-
 317 имствуетъ обличенія отъ согласія всѣхъ и отъ повсюдности запо-
 вѣдей, какъ дѣлаетъ и здѣсь: *или отъ васъ, говоритъ, слово Бо-
 жіе изыде, или васъ единыхъ достигше* (ст. 36)? Здѣсь онъ выра-
 жаетъ, что прочія церкви соблюдаютъ тотъ же законъ, и такимъ
 образомъ пресѣкаетъ безпорядокъ указаніемъ на нововведеніе, и
 дѣлаетъ слова свои болѣе убѣдительными ссылкой на голосъ
 всѣхъ. Потому и въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ: *уже вамъ
 воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Іисусѣ, якоже вездѣ во всѣхъ
 перквахъ учу* (1 Кор. iv, 17). И еще: *нѣсть бо нестроенія Богъ, по
 мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. xiv, 38). И здѣсь:
или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достигше? Т. е.,
 вы не первые и не вы одни вѣрные, но (такова) вся вселенная.
 Тоже онъ сказалъ и въ посланіи къ Колоссянамъ, бесѣдуя о
 благовѣствованіи: *якоже есть плодоносно и растимо во всемъ мірѣ*
 (Кол. i, 6). Поступаетъ онъ и иначе, для увѣщанія слушателей,
 указывая иногда на что-нибудь, какъ на принадлежащее сначала
 имъ и сдѣлавшееся извѣстнымъ у всѣхъ. Такъ въ посланіи къ
 Фессалоникійцамъ онъ говоритъ: *отъ васъ бо прѣмчеса слово Гос-
 подне, и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде* (1 Сол. i,
 8). Также къ Римлянамъ: *вѣра ваша возглаголюется во всемъ мірѣ*
 (Рим. i, 8). И то и другое, и похвала отъ другихъ и указаніе
 на согласіе съ другими въ образѣ мыслей, можетъ убѣждать и
 ободрять. Потому и здѣсь онъ говоритъ: *или отъ васъ слово Бо-
 жіе изыде, или васъ единыхъ достигше?* Вы, говоритъ, не можете
 сказать: мы были учителями другихъ и намъ не слѣдуетъ учиться
 у другихъ, или: здѣсь только утвердилось ученіе вѣры и намъ
 не слѣдуетъ подражать примѣру другихъ. Видишь ли, какъ
 много (доводовъ) онъ привелъ въ ихъ обличеніе? Привелъ за-
 конъ, показалъ постыдность дѣла, представилъ въ примѣръ про-
 чія церкви.

2. Потомъ, (апостоль) приводитъ крайній, самый сильный
 доводъ: и нынѣ, говорятъ, Богъ повелѣваетъ это чрезъ меня.
*Аще кто мнитися пророкъ быти или духовенъ, да разумѣваетъ, яже
 пишу вамъ, зане Господни суть заповѣди. Аще ли кто не разумѣетъ,
 да не разумѣаетъ* (ст. 37, 38). Для чего онъ присовокупилъ это?
 Чтобы показать, что онъ не принуждаетъ и не хочетъ состязаться;
 такъ выражаются тѣ, которые не свои желанія стараются испол-
 нить, но имѣютъ въ виду пользу другихъ. Потому онъ и въ дру-
 гомъ мѣстѣ говоритъ: *аще ли кто есть спорливъ, мы-такового обы-
 чая не имамы* (1 Кор. xi, 16). Впрочемъ не вездѣ онъ поступаетъ
 такъ, но только тамъ, гдѣ проступки были не очень велики, при-

томъ и въ такихъ случаяхъ болѣе пристыжаетъ; когда же говорить о другихъ (преступленіяхъ), то выражается не такъ, — а какъ? *Не истите себе: ни блудницы, ни малакии царствія Божія не насмѣяты* (1 Кор. vi, 9); и еще: *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2). Но здѣсь, такъ какъ у него была рѣчь о молчаніи, онъ не очень сильно укоряетъ (слушателей), и тѣмъ самымъ еще болѣе располагаетъ ихъ къ себѣ. Далѣе, какъ онъ всегда дѣлаетъ, возвращается къ прежнему предмету, который подаль ему поводъ говорить объ этомъ, и продолжаетъ: *тѣмже, братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте* (ст. 39). 318

Такъ онъ обыкновенно поступаетъ: занимается не однимъ предметомъ, но, отступая отъ него, даетъ наставленіе и о томъ, что какимъ-нибудь образомъ кажется ему прикосновеннымъ, а потомъ опять обращается къ прежнему, чтобы не показалось, что онъ уклоняется отъ предмета. Напримѣръ, бесѣдуя о единокровіи при трапезахъ, онъ сдѣлавъ отступление, начавъ говорить о приобщеніи таинъ, и, предложивъ о нихъ наставленіе, опять обратился къ прежнему и сказалъ: *тѣмже сходящесе ясти, другъ други ждите* (1 Кор. xi, 33). Такъ и здѣсь, сказавъ о благочиніи въ употребленіи дарованій и о томъ, что не должно ни скорбѣть при малыхъ дарованіяхъ, ни гордиться при великихъ, онъ потомъ дѣлаетъ отступление, начиная говорить о благопристойности, приличной женщинамъ, и, предложивъ объ этомъ наставленіе, возвращается къ прежнему предмету: *тѣмже, говоритъ, братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте*. Видишь ли, какъ онъ до конца соблюдаетъ различіе (между этими дарованіями), и какъ внушаетъ, что первое весьма необходимо, а послѣднее не такъ необходимо? О первомъ говорить: *ревнуйте*, а о послѣднемъ: *не возбраняйте*. Потомъ, какъ бы въ совокупности предлагая всѣ наставленія, присовокупляетъ: *вся же благообразно и по чину да бываютъ* (ст. 40). Здѣсь онъ опять укоряетъ тѣхъ, которые имѣютъ суетное желаніе производить безчиніе, безразсудно домогаются славы и не соблюдаютъ собственнаго мѣста.

Ничто такъ не созидаетъ, какъ благочиніе, какъ миръ, какъ любовь, а все противоположное имъ производитъ разрушеніе. Это можно видѣть не только на предметахъ духовныхъ, но и на всѣхъ другихъ. Если нарушишь порядокъ въ хорѣ (поющихъ), или на кораблѣ, или на колесницѣ, или въ войскѣ, если большее отклоняешь отъ его положенія и поставишь на мѣсто его меньшее, то разстроишь и низверятишь все. Не будемъ же и мы разстраивать порядка, не будемъ ставить голову внизъ, а ноги вверхъ. А это бываетъ тогда, когда здравый разумъ мы повергаемъ внизъ,

а порочныя пожеланія—раздражительность, гнѣвъ, сластолюбіе—ставимъ выше разума, отчего и происходитъ великое смятеніе, сильное волненіе, неукротимая буря, и все покрывается мракомъ. Но, если угодно, посмотримъ напередъ, какой происходитъ отсюда стыдъ, а потомъ—какой вредъ. Чѣмъ бы намъ объяснить это и сдѣлать совершенно очевиднымъ? Представимъ себѣ человѣка, одержимаго любовію къ блудницѣ и преданнаго этой безумной страсти, и тогда увидимъ, какъ онъ смѣшонъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть позорнѣе для человѣка, какъ стоять предъ жилищемъ блудницы, получать удары отъ развратной женщины, плакать, рыдать и унижать честь свою? Если хочешь видѣть и вредъ, то представь трату денегъ, крайнія опасности, борьбу съ соперниками, удары и раны, получаемыя въ такихъ состязаніяхъ. Тоже бываетъ и съ тѣми, которые преданы страсти къ деньгамъ, или даже они терпятъ еще большій вредъ. Тѣ бываютъ преданы заботамъ объ одномъ тѣлѣ; а сребролюбцы развѣдываютъ одинаково объ имуществѣ всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, и помогаютъ даже вещей не существующихъ, что особенно и служить призна-
 319 комъ безумной страсти. Они не говорятъ: мы желали бы имѣть богатство такого-то, и только такого-то, а хотятъ, чтобы стали золотомъ и горы, и дома, и всѣ видимыя вещи, простираются далѣе предѣловъ міра, страдаютъ этою болѣзнію безконечно и нигдѣ не останавливаются въ своихъ желаніяхъ. Какое слово изобразить бурю такихъ помысленій, эти волны, этотъ мракъ? А гдѣ волны и такая буря, тамъ какое можетъ быть удовольствіе? Не можетъ быть никакого, а напротивъ—смятеніе, страданія и мрачныя облака, приносящія вмѣсто дождя великую скорбь. Тоже обыкновенно бываетъ и съ любящими чужую красоту. Поэтому совѣмъ не предающіеся любви наслаждаются большимъ удовольствіемъ, нежели предающіеся ей. Противъ этого возражать никто не станетъ. Я же скажу, что и любящій, но удерживающій страсть свою, больше получаетъ удовольствія, нежели тотъ, кто постоянно обращается съ блудницею. Хотя очень трудно, однако надобно постараться объяснить это; трудно не по существу самого предмета, но потому, что нѣтъ достойныхъ слушателей такого любомудрія.

3. Что, скажи мнѣ, пріятнѣе для любящаго, подвергаться ли презрѣнію отъ любимой женщины, или пользоваться уваженіемъ и пренебрегать ею? Очевидно, послѣднее. Кого же, скажи мнѣ, болѣе будетъ уважать блудница, того ли, кто рабѣнствуетъ ей и уже сдѣлался ея плѣнникомъ, или того, кто избѣгаетъ ея свѣтей и паритъ выше стрѣлъ ея? Очевидно, послѣдняго. Кому она окажетъ болѣе вниманія, тому ли, который палъ, или тому, который

еще не палъ? Конечно тому, который еще не палъ. Кого болѣе она будетъ стараться привлечь къ себѣ, побѣжденнаго или еще не плѣненнаго? Конечно, еще не плѣненнаго. Если не вѣрите, то я представлю доказательство изъ вашего опыта. Какую жену болѣе любить мужъ, ту ли, которая легко уступаетъ и отдается ему, или ту, которая возражаетъ и съ трудомъ ему уступаетъ? Очевидно, послѣднюю, потому что въ этомъ случаѣ пожеланіе сильнѣе воспламеняется. То же самое бываетъ и съ женщинами: болѣе уваженія и удивленія онѣ окажутъ тому, кто пренебрегаетъ ими. Если же это справедливо, то равнымъ образомъ справедливо и то, что болѣе уважаемый и любимый наслаждается большимъ удовольствіемъ. Военачальникъ скоро оставляетъ городъ, уже взятый, а твердо стоящій и сопротивляющійся осаждаетъ всѣми силами; и охотникъ пойманнаго звѣря запираетъ и держитъ во мракѣ, какъ блудница своего любовника, а за убѣгающимъ гоняется. Но, скажешь, первый получаетъ желаемое удовольствіе, а послѣдній не получаетъ. А не подвергаться позору, не работѣпствовать самовластнымъ приказаніямъ блудницы, не дозволять ей водить себя, какъ плѣннаго раба, и при этомъ не терпѣть заушеній, заплеваній, ударовъ въ голову, неужели, скажи мнѣ, ты считаешь малымъ удовольствіемъ? Подлинно, если бы кто тщательно изслѣдовалъ и имѣлъ возможность собрать вмѣстѣ всѣ ихъ оскорбленія, укоризны, постоянныя неудовольствія, происходящія отъ душевной раздражительности и отъ тѣлеснаго расслабленія, ссоры, и все прочее, что знаютъ только испытавшіе, то увидѣлъ бы, что во всякой войнѣ бываетъ болѣе перемирій, нежели въ ихъ несчастной жизни. О какомъ же, скажи мнѣ, ты говоришь удовольствіи? О томъ ли, краткомъ и мгновенномъ, которое (происходитъ) отъ удовлетворенія страсти? Но за нимъ тотчасъ слѣдуетъ борьба, волненіе, раздраженіе и опять тоже неистовство. Все это мы говоримъ, какъ бы бесѣдуя съ невоздержными юношами, которые не очень любятъ слушать слова о царствіи (небесномъ) и гееннѣ; но если мы представимъ и это, тогда невозможно будетъ выразить словами, какъ велико удовольствие цѣломудренныхъ, когда они воображаютъ себѣ вѣнцы, награды, бесѣды съ ангелами, прославленіе по вселенной, дерзновеніе, благія и безсмертныя надежды. Но удовлетвореніе страсти заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе,—это часто повторяютъ,—а цѣломудренный не можетъ постоянно бороться съ силою природы. Напротивъ, блудникъ болѣе подвергается насилію и борьбѣ; въ его тѣлѣ бываетъ великое смятеніе; его состояніе гораздо хуже всякаго волнующагося моря; его страсть никогда не успокоивается, но постоянно тревожитъ его, подобно бѣснующимся

и непрестанно терзаемымъ злыми духами. А цѣломудренный, постоянно преодолевая ее, какъ мужественный подвижникъ, вкушаетъ радость превосходнѣе и пріятнѣе тысячи подобныхъ наслажденій, всегда восхищается своею побѣдою, спокойною совѣстію и славными трофеями. У того, если онъ послѣ удовлетворенія страсти нѣсколько успокоивается, такое спокойствіе бываетъ ничтожно, потому что скоро опять наступаетъ буря, опять волненіе. А любомудрствующій не позволяетъ даже начинаться этому смятенію, даже волноваться этому морю, даже поднимать ревъ этому звѣрю. Хотя и онъ переноситъ нѣкоторую борьбу, удерживая такое стремленіе, но (не такую, какую) тотъ, постоянно мятущійся, возбуждающійся и не выносящій раздраженія. Онъ бываетъ подобенъ человѣку, который удерживаетъ уздою дикаго коня, разъяреннаго и сопротивляющагося, и останавливаетъ его съ великимъ искусствомъ, а кто уступаетъ ему, избѣгая такого труда, того конь увлекаетъ и носитъ повсюду. Пусть никто не осуждаетъ, если все это я сказалъ яснѣе надлежащаго; я хочу отличатся не чистотою словъ, но сдѣлать слушателей чистыми.

4. Потому и пророки не избѣгаютъ ни одного изъ такихъ словъ, желая прекратить развращеніе іудеевъ, но обличаютъ ихъ еще откровеннѣе, нежели мы теперь въ нами сказанномъ. Врачъ, желая исцѣлить гнилую рану, не заботится о томъ, чтобы сохранить руки свои чистыми, но чтобы избавить больного отъ гніенія; желающій сдѣлать гордаго смиреннымъ напередъ самъ смиряется; старающійся поразить злоумышленника обагрятъ кровію и себя вмѣстѣ съ нимъ, и тѣмъ заслуживаетъ большую честь; и воина, возвращающагося съ войны, если кто увидитъ обрызганнымъ (человѣческими) соками, кровью и мозгомъ, то не будетъ презирать его, не отвратится онъ него за это, но еще болѣе станетъ удивляться ему. Такъ будемъ поступать и мы: когда увидимъ, что кто-нибудь, умертвивъ похоть, идетъ обагрненнымъ кровію, то будемъ еще болѣе удивляться ему, примемъ участіе въ его борьбѣ и побѣдѣ и скажемъ преданнымъ сладострастію: покажите намъ, какое удовольствіе отъ страсти.

Цѣломудренный получаетъ (удовольствіе) отъ побѣды, а ты ни откуда. Вы указываете на (удовольствіе), происходящее отъ удовлетворенія страсти; но то (удовольствіе) очевиднѣе и продолжительнѣе. Ты получаешь отъ удовлетворенія страсти (удовольствіе) кратковременное и даже незамѣтное, а онъ отъ своей совѣсти — высшую, непрестанную и сладчайшую радость. Подлинно, не обращеніе съ женщиною, а любомудріе можетъ со-
321 хранить душу невозмутимою и окрылить. Такимъ образомъ онъ, какъ я сказалъ, ясно обнаруживаетъ предъ нами удовольствіе;

на тебѣ же скорбь пораженія вижу, а удовольствіе желаю видѣть, но не нахожу. Въ какое время думаешь ты найти это удовольствіе? Прежде ли удовлетворенія страсти? Но нѣтъ; тогда—время неистовства, бѣшенства и умоизступленія; скрежетъ зубовъ и изступленіе не служатъ знакомъ удовольствія; если бы тогда было время удовольствія, то не происходило бы съ тобою того, что испытываютъ страждущіе; вѣдь зубами скрежещутъ вступившіе въ борьбу и поражаемые, да еще тоже самое дѣлаютъ разжигающія жены, мучимыя болѣзнями рожденія; слѣдовательно это не составляетъ удовольствія, но скорбѣ неистовство, изступленіе и смятеніе. Или это время послѣ того (удовлетвореніе страсти)? Но и тогда нѣтъ; о женѣ родившей мы не можемъ сказать, что она чувствуетъ удовольствіе, но она только освобождается отъ болѣзней рожденія; это—совсѣмъ не удовольствіе, а скорбѣ слабость и изнеможеніе; но велико различіе между 322 тѣмъ и другимъ. Какое же, скажи мнѣ, время этого удовольствія? Нѣтъ никакого, а если и есть, то оно такъ кратко, что даже незамѣтно. Сколько мы ни старались найти и уловить его, не могли. Но удовольствіе цѣломудреннаго не таково: оно продолжительно и очевидно для всѣхъ или, лучше, вся жизнь его проходитъ въ удовольствіи, потому что у него совѣсть торжествуетъ, волненіе успокоилось, и никакое смятеніе не тревожитъ его ни откуда. Итакъ, если онъ болѣе наслаждается удовольствіемъ, а сластолюбецъ подвергается скорби и смятенію, то будемъ избѣгать невоздержанія и хранить цѣломудріе, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXXVIII.

Скажу же вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благо- 321 вѣстихъ вамъ, еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетесь, каѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ (1 Кор. xv, 1—2).

1. Окончивъ рѣчь о духовныхъ (дарованіяхъ, апостолъ) переходить къ предмету самому важному, къ ученію о воскресеніи, потому что (коринѣяне) и въ этомъ отношеніи были весьма неможны. Какъ въ тѣлахъ, когда горячка коснется самыхъ основныхъ частей его, т. е. нервовъ, жилъ и первыхъ стихій, зло дѣ-

лается неисцѣльнымъ, если не приложишь великаго попеченія, такъ и здѣсь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самыхъ основаній благочестія. Потому Павелъ и прилагаетъ великое попеченіе; ему нужно было говорить уже не о житейскихъ предметахъ, не о томъ, что одинъ впалъ въ прелюбодѣяніе, другой въ корыстолюбіе, третій покрывалъ свою голову, но о самомъ главномъ благѣ, потому что (коринѣяне) разногласили касательно самаго воскресенія. Такъ какъ въ немъ заключается вся наша надежда, то діаволъ сильно возставалъ противъ него, и иногда совершенно отвергалъ воскресеніе, а иногда говорилъ, что оно уже было. Въ посланіи къ Тимоѣю, Павелъ называлъ это нечестивое ученіе *гангреню* и указалъ распространителей его: *отъ нихже, говорить, есть Именей и Филитъ, иже о истинѣ погрѣшиста, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру* (2 Тим. II, 17, 18). Иногда они это говорили, а иногда—будто тѣло не воскреснетъ, и будто воскресеніе есть очищеніе души. Такое ученіе внушалъ имъ злой демонъ, желая не только отвергнуть воскресеніе, но и представить баснею все, совершенное для насъ. Если бы повѣрили, что нѣтъ воскресенія тѣла, то онъ мало-по-малу убѣдилъ бы, что и Христосъ не воскресъ, а отсюда простираясь далѣе, вывелъ бы, что (Христосъ) не приходилъ и не совершалъ того, что Онъ совершилъ. Такова злоба діавола! Потому Павелъ называетъ дѣйствія его *кознями* (Ефес. VI, 11), такъ какъ онъ не обнаруживаетъ прямо того, что хочетъ совершить, чтобы не быть изобличеннымъ, но, принимая на себя нѣкоторую личину, производитъ нѣчто другое, подобно какъ коварный врагъ, приступивъ къ городу и стѣнамъ, тайно подкапывается снизу, чтобы такимъ образомъ не быть замѣченнымъ и успѣть въ своемъ предпріятіи. Но этотъ чудный и великій мужъ всегда открывалъ такіа сѣти его и преслѣдовалъ злыя козни его: *не не разумѣаемъ бо, говорилъ онъ, умысленій его* (2 Кор. II, 11). Такъ и здѣсь онъ открываетъ все лукавство его, показываетъ всѣ его хитрости, обнаруживаетъ всѣ его намѣренія и преслѣдуетъ все съ великимъ тщаніемъ; потому и говоритъ объ этомъ предметѣ послѣ другихъ, что онъ самый важный и составляетъ для насъ все. И посмотри на мудрость (апостола): онъ утверждаетъ напередъ своихъ, а потомъ, продолжая рѣчь, сильно заграждаетъ уста и внѣшнимъ (язычникамъ). Своихъ онъ утверждаетъ не разсудочными доказательствами, но указаніемъ на событія, на то, что они сами уже приняли и чему увѣровали, какъ дѣйствительному. Это было весьма поразительно и достаточно для ихъ убѣжденія: вѣдь если бы они послѣ того не стали вѣрить, то не стали бы вѣрить уже не Павлу, а самимъ себѣ,

это же послужило бы къ осужденію ихъ, принявшихъ однажды и потомъ отступившихъ. Потому онъ и начинаетъ отсюда рѣчь, показывая, что нѣтъ нужды въ другихъ свидѣтеляхъ для доказательства истины словъ его, кромѣ ихъ самихъ, впадающихъ въ заблужденіе. Но чтобы сказанное мною было яснѣе, надобно выслушать самыя слова (апостола). Какія же это (слова)? *Скажу вамъ, говорить, братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ.* Видишь ли, съ какою кротостію онъ начинаетъ? Видишь ли, какъ въ самомъ началѣ внушаетъ, что онъ не преподаетъ ничего новаго или страннаго? Кто говоритъ о чемъ-нибудь уже извѣстномъ, но забытомъ въ послѣдствіи, тотъ словами своими только напоминаетъ о томъ. Называя ихъ *братіями*, онъ и этимъ самымъ не мало подтверждаетъ слова свои: Мы стали братіями не иначе, какъ чрезъ домостроительство воплощенія Христова. Такимъ названіемъ онъ съ одной стороны смиряетъ и успокоиваетъ ихъ, а съ другой напоминаетъ имъ о безчисленныхъ благахъ. И слѣдующее выраженіе также служитъ подтвержденіемъ. Какое же это? *Благовѣствованіе.* Сущность благовѣствованій состоитъ въ томъ, что Богъ содѣлался человѣкомъ, былъ распятъ и воскресъ. Объ этомъ благовѣствоваль Гавріиль Дѣвѣ; это возвѣщали вселенной пророки и всѣ апостолы. *Еже и благовѣстихъ, 323 еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетея, кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите, разетъ аще не осудятъ роуасте.* Видишь ли, какъ онъ призываетъ ихъ самихъ въ свидѣтели словъ своихъ? Не говоритъ: что вы слышали, но: *еже пріясте*, требуя отъ нихъ какъ бы нѣкотораго залога и выражая, что къ принятію этого убѣдились не только словомъ, но и дѣлами, знаменіями и чудесами, и потому должны твердо держать это.

2. Напомнивъ о прежнемъ, (апостолъ) далѣе указываетъ на настоящее: *въ немже и стоите*, говоритъ, предупреждая ихъ, что они не могутъ отвергнуть того, хотя бы весьма хотѣли. Потому и въ началѣ онъ не сказалъ: научаю васъ, но: *скажу вамъ*, т. е. то, что уже извѣстно. Какъ же онъ колеблющихся называетъ *стоящими*? Онъ показываетъ видъ незнанія, для пользы ихъ, подобно какъ поступаетъ и въ отношеніи къ галатамъ, только инымъ образомъ. Тамъ неудобно было показать видъ незнанія и потому онъ говоритъ иначе: *азъ надѣюсь о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. ш, 10). Не говоритъ: *ничтоже ино разумѣте*,—потому что ихъ заблужденіе было извѣстно и очевидно,—но ручается за будущее; и, хотя оно неизвѣстно, но (дѣлаетъ это), чтобы болѣе расположить ихъ къ себѣ. Здѣсь же показываетъ видъ незнанія и говоритъ: *въ немже и стоите*; затѣмъ (напоми-

наетъ) о пользѣ: *имже и спасаетеся. Кацѣмъ словомъ благовѣстимъ вамъ*,—слѣдовательно, предлагаемое теперь наставленіе есть только поясненіе и истолкованіе. Вы, говорить, не имѣете нужды въ томъ, чтобы я преподалъ вамъ самый догматъ, но чтобы напомнилъ вамъ о немъ и исправилъ; говорить это, не желая вдругъ пристыдить ихъ. Что значить: *кацѣмъ словомъ благовѣстимъ вамъ*? Какимъ образомъ я, говорить, проповѣдывалъ вамъ дѣйствительность воскресенія; что воскресеніе было, въ этомъ вы, кажется, не сомнѣваетесь; но вы, можетъ быть, желаете только яснѣе уразумѣть сказанное; это я и сдѣлаю; а самый догматъ, какъ я вижу ясно, вы содержите. Далѣе, чтобы послѣ словъ его: *съ немже и стоите*, они не сдѣлались безпечными, онъ опять внушаетъ имъ страхъ: *аще, говорить, содержите, развѣ аще не осудятъ вѣровасте*, и тѣмъ показываетъ, что зло касается главнаго предмета, что дѣло идетъ не о чемъ-нибудь маловажномъ, но о цѣлой вѣрѣ. Здѣсь онъ говоритъ объ этомъ кратко, а далѣе, воспламеняясь, взываетъ открыто и говоритъ: *аще же Христосъ не воста, тѣе убо проповѣданіе наше, тѣа же и вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ*. Но въ началѣ не такъ (говорилъ), потому что полезнѣе было идти впередъ спокойно и мало-по-малу. *Предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ* (ст. 3). И здѣсь не говоритъ: я вамъ сказалъ, или: я научилъ васъ, но опять употребляетъ тоже выраженіе: *предахъ вамъ, еже и пріяхъ*. И не говоритъ также: я научился, но: *пріяхъ*, внушая двѣ мысли,—ту, что ничего не должно вводить отъ себя, и ту, что они убѣждались въ истинѣ не одними словами, но и дѣлами; и такимъ образомъ, мало-по-малу дѣлая слова свои достойными, относить все ко Христу и показываетъ, что изъ догматовъ нѣтъ ни одного человѣческаго. Что значить: *предахъ бо вамъ исперва*? Т. е. въ началѣ, а не теперь. Здѣсь онъ указываетъ какъ на свидѣтеля на время и внушаетъ, что крайне постыдно нѣмѣнать вѣрѣ послѣ того, какъ вѣрили столь долгое время, и не только это, но и то, что догматъ необходимъ; потому онъ и преподавъ между первыми и въ самомъ началѣ. Что же, скажи мнѣ, ты *предахъ*? Но это объясняетъ онъ не вдругъ, а напередъ говорить: *еже и пріяхъ*. Что же ты принялъ? *Яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради*. Не говоритъ прямо: будетъ воскресеніе тѣлъ нашихъ, но доказываетъ это издалека и посредствомъ другихъ (истинъ): *яко, говорить, Христосъ умре*, и тѣмъ полагаетъ великое основаніе и непоколебимую опору ученія о воскресеніи. И не просто говорить: *яко Христосъ умре*, хотя и это служить достаточнымъ доказательствомъ воскресенія, но съ прибавленіемъ: *яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради*.

Впрочемъ, прежде надобно выслушать, что говорятъ объ этомъ

зараженные магиейскою (ересью), враги истины, возстающіе противъ собственнаго спасенія. Что же говорятъ они? Смертію, говорятъ, Павелъ называетъ здѣсь не что иное, какъ пребываніе во грѣхѣхъ, а воскресеніемъ—освобожденіе отъ грѣховъ. Видишь ли, какъ заблужденіе безсильно, какъ оно уловляется собственными своими сѣтями и не требуетъ посторонняго нападенія, но поражаетъ само себя? Смотри, какъ и эти люди поражаютъ сами себя собственными своими словами. Если точно въ этомъ состоитъ смерть, и если, какъ вы думаете, Христосъ не принять тѣла, и однако умеръ, то слѣдуетъ, по вашему, что Онъ былъ во грѣхѣхъ. Я утверждаю, что Онъ принять тѣло, и говорю, что смерть Его была тѣлесная; а ты, отвергая это, по необходимости долженъ утверждать сказанное. Если же Онъ былъ во грѣхѣхъ, то какъ Онъ говоритъ: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣхъ* (Іоан. viii, 46)? и еще: *грядетъ сего міра князь, и во мнѣ не имать ничегоже* (xiv, 30); и еще: *такъ подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѣ. iii, 15)? И какъ Онъ умеръ за грѣшниковъ, если самъ былъ во грѣхахъ? Умиравшему за грѣшниковъ нужно быть самому безгрѣшнымъ, потому что кто самъ грѣшникъ, тотъ какъ умереть за другихъ грѣшниковъ? Если же Христосъ умеръ за грѣхи другихъ, то Онъ умеръ, будучи самъ безгрѣшенъ; а если Онъ умеръ, будучи безгрѣшенъ, то умеръ не смертію грѣха, — какъ это могло быть съ безгрѣшнымъ?—но смертію тѣлесною. Потому и Павелъ сказалъ не просто: *умре*, но присовокупилъ: *грѣхъ нашихъ ради*, и тѣмъ заставляеть ихъ невольнo признать тѣлесную смерть (І. Христа) и показываетъ, что Онъ и прежде смерти былъ безгрѣшенъ, такъ какъ тому, кто умираетъ за чужіе грѣхи, слѣдуетъ самому быть безгрѣшнымъ. Не останавливаясь и на этомъ, (апостолъ) присовокупляетъ: *по писаніемъ*; подтверждая этимъ еще болѣе истинность словъ своихъ и показывая, о какой онъ говоритъ смерти. Писаніе вездѣ говоритъ о (смерти Христовой) тѣлесной; напр. оно говоритъ: *ископаша руки мои и нозѣ* (Псал. xxi, 17), и еще: *воззрѣтъ на нѣ, сегоже прѣбодоша* (Іоан. xix, 37).

3. Не станемъ исчислять порознь всѣхъ другихъ мѣстъ, изъ которыхъ одни словами, а другія прообразованіями, въ нихъ заключающимися, доказываютъ, что Христосъ умеръ плотію и что Онъ умеръ за грѣхи наши. *Ради беззаконій*, говорится (въ Писаніи), *людей моихъ ведеша на смерть*; и еще: *Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ*; и еще: *язвенъ бысть за грѣхи нашиа* (Іс. liii, 8, 6, 5). Если же ты не хочешь вѣрить ветхому завѣту, то послушай Іоанна, который, взывая, показываетъ ясно то и другое, и смерть тѣлесную и ея причину: *се, говоритъ оупъ, агнецъ Божій, сземаій грѣхи міра* (Іоан. i, 39); послушай Павла, который гово-

рить: *невѣдѣющаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ* (2 Кор. v, 21); и еще: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. iii, 13); и еще: *соевѣкъ начала и власти, изведе въ пазоръ дерзновеніемъ* (Кол. ii, 15); и весьма многія другія мѣста доказываютъ, что смерть Христова была тѣлесная и притомъ за грѣхи наши. Такъ самъ Онъ говорить: *за васъ азъ свящу себе* (Іоан. xiv, 19); также: *нынѣ князь міра сего осужденъ бысть* (Іоан. xvi, 11), и тѣмъ выражаетъ, что Онъ умеръ, не имѣя грѣха. *И яко погребенъ бысть* (ст. 4). И это подтверждаетъ вышесказанную мысль, потому что погребеніе, конечно, свойственно тѣлу. Здѣсь (апостолъ) не прибавилъ: *по писаніемъ*; хотя могъ бы, однако не прибавилъ. Почему? Или потому, что гробъ всѣмъ извѣстенъ и тогда и теперь, или потому, что слово: *по писаніемъ* относится ко всему вообще. Почему же далѣе онъ прибавляетъ—*по писаніемъ: и яко вооста въ третій день по писаніемъ*,—а не довольствуется первымъ, сказаннымъ о всемъ вообще? Потому, что и это многимъ было неизвѣстно; адѣсь онъ указываетъ на Писаніе по вдохновенію, внушая мудрую и божественную мысль. Не то же ли самое Онъ дѣлаетъ и касательно смерти? И тамъ крестъ былъ всѣмъ извѣстенъ, потому что Христосъ распятъ на глазахъ всѣхъ, а причина не всѣмъ была извѣстна; что Онъ умеръ, это всѣ знали, а что Онъ претерпѣлъ смерть за грѣхи вселенной, этого многіе еще не знали; потому (апостолъ) и приводитъ свидѣтельство изъ Писанія. Впрочемъ это уже достаточно объяснено сказаннымъ нами. Гдѣ же въ Писаніяхъ сказано, что Христосъ будетъ погребенъ и въ третій день воскреснетъ? Въ прообразѣ Іоны, на который указываетъ самъ (Христосъ), когда говоритъ: *якоже бы Іона во чревтѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердци земли три дни и три нощи* (Мѡ. xii, 40); въ прообразѣ купины въ муштынѣ: какъ она горѣла и не сгарала, такъ и тѣло (Христово) было мертво, но не удержано смертію навсегда (Исх. iii); въ прообразѣ змія, бывшаго при Даніилѣ: какъ онъ, принявъ пинцу, данную ему пророкомъ, разсѣлся, такъ и адъ, принявъ тѣло (Христово), распался, потому что тѣло расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и въ словахъ слышать то, что видишь въ прообразахъ, то послушай Исаію, который говоритъ:

326 *яко возмелется отъ земли животъ его* (Ис. lvi, 8); и еще: *Господь хочетъ очистити его отъ язвы, возити ему сонетъ* (лш, 10, 11); также—Давида, который еще прежде сказалъ: *не оставиши душу мою во адъ, ниже даси преподобному твоему видѣти истиннѣя* (Пс. xiv, 10). Потому и Павелъ отсылаетъ тебя къ Писаніямъ, чтобы ты зналъ, что это совершилось не просто и не напрасно.

Да и могло ли быть такъ, если столь многіе пророки преднаписали и предвозвѣстили это, и если Писаніе, упоминая о Владычней смерти, нигдѣ не говоритъ о смерти грѣховной, но веадѣ о тѣлесной, и такомъ же погребеніи и воскресеніи? *И яко явися Кифъ* (ст. 5): прежде всѣхъ указываетъ на свидѣтеля самаго достовѣрнаго. *Таже единомыслиемъ: потомъ явися болѣ пяти сотъ братіямъ единомъ, отъ нихже многыиши пребываютъ досель, нѣцыи же и почиша.* *Потомъ Іакову, таже апостоламъ встѣмъ.* *Послѣди же встѣхъ, яко никому извергу, явися и мнѣ* (ст. 6—8). Приведши доказательства изъ Писаній, (апостолъ) присовокупляетъ доказательство отъ событій, послѣ пророковъ приводитъ въ свидѣтели воскресенія апостоловъ и другихъ вѣрныхъ людей. А если бы подъ воскресеніемъ онъ разумѣлъ освобожденіе отъ грѣха, то излишне было бы говорить: *явися* такому-то и такому-то; говорить такъ свойственно доказывающему тѣлесное воскресеніе, а не бездующему объ освобожденіи отъ грѣха.

4. Потому онъ не однажды сказалъ: *явися*, хотя достаточно было употребить это выраженіе и однажды о всѣхъ вообще, но повторяетъ его два и три раза и почти о каждомъ изъ видѣвшихъ: *явися*, говорить, *Кифъ*, *явися болѣ пяти сотъ братіямъ*, *явися и мнѣ*. Какъ же въ Евангеліи напротивъ говорится, что (Христосъ) прежде всѣхъ явился Маріи? Но изъ мужей—прежде всѣхъ (Петру), который особенно желалъ видѣть Его. О какихъ *единомыслиемъ* апостолахъ говоритъ здѣсь (Павелъ), когда Матѳіи избранъ уже послѣ вознесенія Христова, а не тотчасъ послѣ воскресенія? Но, вѣроятно, Онъ являлся и послѣ вознесенія; слѣдовательно этотъ самый апостолъ послѣ вознесенія и избранъ и видѣлъ Его. Павелъ не указываетъ времени, а просто и неопредѣленно исчисляетъ явленія, которыхъ, вѣроятно, было много; потому и Іоаннъ говоритъ: *се третіе явися* (Іоан. ххi, 14). *Потомъ явися болѣ пяти сотъ братіямъ*. Нѣкоторые говорятъ, что слово: *болѣ* (*ἐνάντιον*) означаетъ *смыше*, съ небесъ,—то есть явился имъ, не по землѣ шествуя, но вверху, надъ ихъ головою, потому что Онъ хотѣлъ увѣрить ихъ не только въ своемъ воскресеніи, но и вознесеніи. Другіе же утверждаютъ, что *болѣ пяти сотъ* значить: болѣе нежели пяти стамъ. *Отъ нихже многыиши пребываютъ досель*; хотя, говорить, я повѣствую о прошедшихъ событіяхъ, но имѣю свидѣтелей еще живущихъ. *Нѣцыи же и почиша*; не сказалъ: умерли, но: *почиша*, утверждая также и этимъ выраженіемъ истину воскресенія. *Потомъ явися Іакову*,—мнѣ кажется, брату своему; его, говорятъ, Онъ самъ рукоположилъ и поставилъ первымъ епископомъ въ Іерусалимѣ. *Таже апостоламъ встѣмъ*, потому что были и другіе апостолы, именно семьдесятъ. *Послѣди*

327 же *всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явился и мнѣ*; это говорить онъ болѣе по смиренномудрію. Не потому Христосъ явился ему послѣ другихъ, будто онъ былъ ниже всѣхъ; хотя онъ называетъ себя послѣднимъ, но оказался славнѣе многихъ, призванныхъ прежде него, и даже—всѣхъ; и пять сотъ братій не лучше Іакова потому, что Христосъ явился имъ прежде него. А почему Христосъ не явился всѣмъ вмѣстѣ? Чтобы предварительно посѣять сѣмена вѣры. Кто первый видѣлъ Его и совершенно удостовѣрился, тотъ говорилъ о томъ другимъ; потомъ сказанное распространялось, производило въ слушающихъ ожиданіе этого великаго чуда и пролагало путь вѣрѣ въ (Его) явленіе. Потому Христосъ и явился не всѣмъ вмѣстѣ и не многимъ въ началѣ, но прежде всѣхъ одному только, именно верховному изъ всѣхъ и вѣрнѣйшему. Самой вѣрной душѣ надлежало первой сподобиться такого явленія. Тѣ, которые увидѣли послѣ того, какъ видѣли другіе и когда уже слышали отъ нихъ, въ свидѣтельствѣ ихъ имѣли немалое пособіе, располагавшее къ вѣрѣ и предуготовлявшее душу, а кто первый сподобился видѣть Господа, тому, какъ я сказалъ, пужна была великая вѣра, чтобы не смутиться отъ необычнаго зрѣлища. Потому Христосъ явился прежде всѣхъ Петру. Кто первый исповѣдалъ его Христомъ, тотъ справедливо первый удостоился видѣть и воскресеніе Его. И не поэтому только (Христосъ) явился прежде всѣхъ ему одному, но и потому, что онъ отрекся; чтобы совершенно утѣшить его и показать, что онъ не отвергнутъ, (Христосъ) удостоилъ его Своего явленія прежде другихъ, и ему первому ввѣрилъ овецъ. Потому и женамъ Онъ явился первымъ; такъ какъ полъ ихъ подвергался униженію, то онъ первый сподобился благодати и при рожденіи и при воскресеніи (Христовомъ). Послѣ Петра (Христосъ) явился и каждому порознь, и немногимъ, и многимъ, чтобы они сдѣлались другъ для друга свидѣтелями и учителями въ этомъ дѣлѣ, и чтобы апостолы были проповѣдниками достовѣрными. *Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явился и мнѣ*. Что хочетъ онъ сказать здѣсь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если онъ хочетъ показать себя достовѣрнымъ и причислить себя къ свидѣтелямъ воскресенія, то слѣдовало бы сдѣлать противное, слѣдовало бы превознести и возвеличить себя, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ, когда требуютъ обстоятельства. И адѣсь онъ уничижаетъ себя потому, что намѣревается сдѣлать тоже самое, только не вдругъ, а съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. А именно, уничиживъ напередъ себя и высказавъ по отношенію къ себѣ много укоризнъ, онъ потомъ возвеличиваетъ дѣла свои. Для чего? Для того, чтобы когда онъ скажетъ о себѣ великое

и высокое изреченіе: *наче всѣхъ потрудишься*, слова его были несомнѣнными и приняты, какъ бы сказанныя по ходу рѣчи, а не преднамѣренно. Такъ и въ посланіи къ Тимоѳею, намѣреваясь сказать о себѣ нѣчто великое, онъ напередъ излагаетъ свои проступки. Кто говоритъ что-нибудь великое о другихъ, тотъ говорить смѣло и дерзновенно; а кто принужденъ хвалить самого себя, особенно когда представляетъ себя въ свидѣтели, тотъ стыдится и краснѣетъ. Потому и этотъ блаженный (мужъ) напередъ уничижаетъ, а потомъ возвеличиваетъ себя. Онъ дѣлаетъ это какъ для того, чтобы смягчить непріятность самовосхваленія, 328 такъ и для того, чтобы чрезъ то придать достовѣрность послѣдующимъ словамъ своимъ; сказавъ неложно о томъ, что достойно осужденія, и не скрывъ ничего такого, напр. что онъ гналъ церковь, что истреблялъ вѣру, онъ дѣлаетъ чрезъ то несомнѣнными и достохвальными дѣла свои.

5. И, смотри, какъ велико его смиренномудріе. Сказавъ: *послѣдні же всѣхъ явися и мнѣ*, онъ не удовольствовался этимъ,—такъ какъ *мнози*, говорить (Господь), *послѣдні первіи и первіи послѣдніи* (Мѡ. XIX, 30),—но присовокупляетъ: *яко нѣкому извергу*; и на этомъ не останавливается, но присоединяетъ собственное сужденіе и приводитъ причину: *азъ бо*, говорить, *есмы мній апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарецися апостолъ, зане гонихъ церковь Божию* (ст. 9). Не сказалъ: только двѣнадцати, но—и всѣхъ прочихъ. Все это онъ говоритъ какъ по смиренію, такъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, о которомъ я сказалъ, т. е. чтобы расположить (слушателей) къ скорѣйшему принятію послѣдующихъ словъ. Если бы онъ вмѣсто этого сказалъ: вы должны вѣрить мнѣ, что Христосъ воскресъ, потому что я видѣлъ Его, и я достовѣрнѣе всѣхъ (свидѣтелей), потому что потрудился болѣе всѣхъ, то могъ бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая напередъ обстоятельства, служащія къ его уничиженію и осужденію, онъ и смягчаетъ рѣчь свою и пролагаетъ путь къ вѣрѣ въ его свидѣтельство. Потому, какъ я сказалъ, онъ не просто представляетъ себя послѣднимъ и недостойнымъ наименованія апостола, но приводитъ причину: *зане*, говорить, *гонихъ церковь*. И хотя все это было прощено ему, однако онъ самъ отпущь не забываетъ того, желая показать величіе благодати; потому и продолжаетъ: *благодатию же Божією есмь, еже есмь* (ст. 10). Видишь ли опять, какъ велико и здѣсь его смиренномудріе? Недостатки онъ приписываетъ самому себѣ, а добродѣтели не себѣ, но Богу. Далѣе, чтобы слушатель не сдѣлался оттого безпечнымъ, говорить: *и благодать его, яже во мнѣ, не тща бысть*,—и опять (говорить) со смиреніемъ. Не сказалъ: я показалъ ревность, до-

стойную благодати, но: *не тѣа бысть. Но паче всѣхъ ихъ потрудихся.*

Не сказалъ: почтенъ, но: *потрудихся* и, имѣя право указать на смертныя опасности, ограничивается названіемъ труда. Потомъ съ обычнымъ смиренномудріемъ, и объ этомъ тотчасъ перестаетъ говорить и приписываетъ все Богу: *не азъ же, говорить, но благодать Божія, яже со мною.* Что можетъ быть удивительнѣе этой души? Столько уничиживъ себя и сказавъ только объ одной своей заслугѣ, онъ и ее не называетъ своею, всячески ослабляя величіе сказаннаго выраженія какъ предъидущими, такъ и послѣдующими словами, и притомъ тогда, какъ высказалъ это по необходимости. Смотри, какъ онъ изобилуетъ словами смиренномудрія: *послѣди*, говорить, *всѣхъ яхся мнѣ*,—такимъ образомъ ни съ кѣмъ другимъ не равняетъ себя, и: *яко нѣкоему извергу*,—признаетъ себя послѣднимъ изъ апостоловъ и даже недостойнымъ такого наименованія. Не довольствуясь этимъ, но желая показать, что онъ смиренномудрствуетъ не на словахъ только, приводитъ причины и доказательства: извергъ—потому, что послѣ 329 всѣхъ видѣлъ Іисуса; недостойнѣе наименованія апостола—потому, что гналъ церковь. Кто смиряется только на словахъ, тотъ не такъ поступаетъ; а кто приводитъ и причины, тотъ говоритъ все отъ сокрушеннаго сердца. Онъ упоминаетъ о томъ же и въ другомъ мѣстѣ: *благодарю же укрѣпляющаго мя Христа, яко вѣрна мя непещеа, положивъ мя въ службу, бывша мя перете хульника и гонителя и досадителя* (1 Тим. I, 12, 18). Почему же онъ произнесъ тѣ высокія слова: *паче ихъ потрудихся?* Обстоятельства побуждали его къ тому. Если бы онъ не сказалъ этого, а только уничижилъ бы себя, то какъ онъ могъ бы съ дерзновеніемъ приводить себя въ свидѣтели, ставить себя на ряду съ другими и сказать: *аще убо азъ, аще ли они, тако протопѣдуеа* (ст. 11)? Свидѣтелю нужно быть человѣкомъ достовѣрнымъ и великимъ. А какъ онъ потрудился болѣе ихъ, это онъ объяснилъ выше, когда говорилъ: *еда не имамы власти ясти и пити, яко и прочіи апостоли?* И еще: *быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (1 Кор. IX, 4, 21). Гдѣ надлежало показать ревность, тамъ онъ превзошелъ всѣхъ; и гдѣ надлежало оказать снисхожденіе, тамъ онъ опять былъ превосходенъ. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что онъ посланъ былъ къ язычникамъ и обошелъ большую часть вселенной; потому и получилъ большую благодать. Подлинно, если онъ болѣе потрудился, то благодать была больше; а большую получилъ онъ благодать потому, что показалъ болѣе ревности. Видишь ли, какъ то самое, чѣмъ онъ старается и усиливается прикрыть свои дѣла, доказываетъ, что онъ былъ первый изъ всѣхъ?

6. Слыша это, будемъ и мы недостатки свои открывать, а о добродѣтеляхъ умалчивать; если же потребуютъ обстоятельства, то будемъ говорить о нихъ скромно, и все приписывать благодати, какъ дѣлаетъ апостоль: прежнюю свою жизнь онъ изобразяетъ подробно, а все послѣдующее приписываетъ благодати, чтобы во всемъ показать человѣколюбіе Бога, Который спасъ такого (грѣшника), и спасши сдѣлалъ его такимъ (праведникомъ). Потому пусть никто изъ порочныхъ не отчаивается, и никто изъ добродѣтельныхъ не надѣется на себя, но пусть и послѣдній будетъ остороженъ, и первый ревностенъ. Какъ безпечный не можетъ устоять въ добродѣтели, такъ и ревностный не можетъ быть безсильнымъ въ избѣжаніи порока. Примѣръ того и другого—блаженный Давидъ: онъ, какъ скоро допустилъ небольшую безпечность, глубоко палъ; а когда предался сокрушенію, то опять взошелъ на прежнюю высоту. То и другое, и отчаяніе и безпечность, одинаково худо; одно скоро низвергаетъ съ самой высоты небесной, а другое не позволяетъ востать лежащему. Потому о первомъ Павелъ сказалъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падеть* (1 Кор. x, 12); а о второмъ: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ* (Пс. xlv, 7, 8); и еще: *ослабленныя руки, и ослабленная колѣна исправите* (Евр. xii, 12). Потому и покаившагося кровосмѣсника онъ скоро ободрилъ, *да не како многую скорбію поожерть будетъ таковъ* (2 Кор. ii, 7). Итакъ, человѣкъ, для чего ты скорбишь о другихъ вещахъ? Если и въ 330 отношеніи къ грѣхамъ, гдѣ скорбь единственно полезна, неумѣренность причиняетъ великій вредъ, то тѣмъ болѣе въ остальномъ. О чемъ же скорбишь ты? О томъ ли, что потерялъ имущество? Но представь тѣхъ, которые не имѣютъ даже насущнаго хлѣба, и ты тотчасъ получишь утѣшеніе. И при каждомъ бѣдствіи не печалься о томъ, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владѣлъ имуществомъ и лишился его? Не плачь о потерѣ, а благодари за то время, въ которое пользовался имъ. Скажи съ Іовомъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыя ли не стерпимъ* (п, 10)? вмѣстѣ съ тѣмъ размысли и о томъ, что, хотя ты потерялъ имущество, но тѣло твоё пока еще здорово, и при бѣдности ты еще не страдаешь разстройствомъ тѣла. Или тѣло твоё также потерпѣло разстройство? И это не край бѣдствій человѣческихъ, но еще ты находишься пока въ срединѣ ихъ; многіе при бѣдности и тѣлесномъ разстройствѣ бывають еще одержимы бѣсомъ и скитаются въ пустыняхъ; иные же терпятъ другія тягостнѣйшія (бѣдствія). Не дай Богъ намъ терпѣть все, что возможно терпѣть! Такимъ образомъ, помышляя всегда объ этомъ, представляя тѣхъ, которые терпятъ тягчайшія

(бѣдствія), и не скорби ни о чемъ подобномъ; когда согрѣшишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротивъ—требую; впрочемъ и тогда—съ умѣренностію, помня, что есть обращеніе, есть примиреніе. Но ты видишь другихъ въ роскоши, въ свѣтлыхъ одеждахъ и въ великолѣпіи, а себя въ бѣдности? Не на это только смотри, но и на происходящія оттого непріятности; равно и въ бѣдности принимай въ соображеніе не только нищету, но и происходящія отъ ней пріятности.

Богатство имѣетъ только наружность свѣтлую, внутри же исполнено мрака; а бѣдность напротивъ. Если бы открылась предъ тобою совѣсть каждаго, то въ душѣ бѣднаго ты увидѣлъ бы великое спокойствіе и безопасность, а въ душѣ богатаго смятеніе, смущеніе, волненіе. Ты скорбишь, видя богатаго, а онъ гораздо больше тебя скорбитъ, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же онъ боится другого,—въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ тобою. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человѣкъ частный и подчиненный? Но подумай о днѣ, когда все переимѣнится, и еще прежде того дня представь смятенія, опасности, труды, ласкательства, безсонницы и всѣ другія непріятности его. Впрочемъ, все это мы говоримъ тѣмъ, которые не знаютъ любу мудрія; если бы ты зналъ его, то мы могли бы утѣшить тебя другими высшими побужденіями; но теперь пока нужно представлять тебѣ побужденія низшія. Итакъ, когда ты видишь богатаго, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что онъ въ такомъ же положеніи, какъ и ты. Затѣмъ представь того, кто бѣднѣе тебя, и сколько людей засыпаютъ голодными, теряютъ отцовскія имѣнія, живутъ въ темницѣхъ и каждый день желаютъ смерти. Ни бѣдность не рождаетъ печали, ни богатство—удовольствія; но то и другое зависитъ
 331 обыкновенно отъ нашего разсужденія. Начнемъ снизу и посмотримъ. Мусорщикъ скорбитъ и сѣтуетъ, что не свободенъ отъ своего, повидимому, тягостнаго и безчестнаго занятія; но, если освободишь его отъ этого и доставишь ему достатокъ въ предметахъ необходимыхъ, онъ опять станетъ скорбѣть о томъ, что не имѣетъ болѣе, чѣмъ необходимо; если доставишь ему больше, онъ опять захочетъ имѣть вдвое и потому будетъ печалиться не менѣе прежняго; если дашь ему вдвое или втрое, онъ вновь будетъ скорбѣть, что онъ не чиновникъ; если доставишь ему и это, онъ будетъ почитать себя несчастнымъ, что не принадлежитъ къ числу сановниковъ; получивъ и это достоинство, будетъ сѣтовать о томъ, что онъ не правитель; когда сдѣлается правителемъ,—о томъ, что управляетъ не цѣлымъ народомъ; когда и цѣлымъ народомъ,—о томъ, что не многими народами; когда многими наро-

дами,—о томъ, что не всѣми; когда сдѣлается главнымъ правителемъ, станетъ опять скорбѣть, что онъ не царь; если сдѣлается царемъ,—о томъ, что онъ не одинъ; если будетъ одинъ,—о томъ, что онъ не царствуетъ также надъ варварами и надъ всею вселенною; если бы надъ всею вселенною,—о томъ, почему и не надъ другимъ еще міромъ? Такимъ образомъ замыслы его, простираясь въ безконечность, никогда не дозволяютъ ему быть довольнымъ.

7. Видишь ли, что, сдѣлавъ даже царемъ человѣка низкаго и бѣднаго, не избавишь его отъ скорби, если не исправишь напередъ его души, преданной любостыжанию? Теперь изображу тебѣ противное и покажу, что благоразумный человѣкъ, хотя бы ты низвергъ его съ высоты внизъ, не предастся скорби и печали. Будемъ, если угодно, нисходить по той же лѣстницѣ. Нисведи мысленно правителя съ сѣдалища и лиши его этого званія; онъ нисколько не будетъ скорбѣть, если захочетъ представлять сказанное мною, потому что будетъ представлять не то, чего лишился. а то, что еще остается у него, именно честь свойственную власти; если отнимешь и ее, онъ будетъ представлять себѣ людей частныхъ, никогда не достигавшихъ такой власти, и найдетъ достаточное утѣшеніе въ своемъ богатствѣ; если лишишь его и этого (богатства), онъ будетъ смотрѣть на тѣхъ, которые имѣютъ немного; если отнимешь и немного и оставишь ему только самое необходимое для пропитанія, онъ будетъ представлять себѣ тѣхъ, которые и того не имѣютъ, но непрестанно терпятъ голодъ и жить въ темницѣ; если свергнешъ его и въ это жилище, онъ будетъ представлять себѣ одержимыхъ неисцѣльными болѣзнями и невыносимыми страданіями, и найдетъ, что самъ онъ въ гораздо лучшемъ состояніи. Какъ тотъ, занимающійся очисткою мусора, даже сдѣлавшись царемъ, не найдетъ спокойствія, такъ этотъ, 332 даже сдѣлавшись узникомъ, никогда не будетъ испытывать скорби. Слѣдовательно, не отъ богатства зависитъ удовольствіе, и не отъ бѣдности скорбь, а отъ нашихъ помысловъ, оттого, что душевные очи наши нечисты, что на чемъ бы они ни остановились, не успокоиваются, а стремятся въ безконечность. Какъ здоровое тѣло, хотя бы питалось однимъ хлѣбомъ, не подвергается болѣзнямъ и добрѣетъ; а больное, хотя бы наслаждалось роскошною и разнообразною пищею, тѣмъ болѣе слабѣетъ,—такъ обыкновенно бываетъ и съ душою. Малодушные и въ діадемѣ и въ неизреченныхъ почестяхъ не могутъ хорошо себя чувствовать, а любомудрые и въ узахъ, и въ оковахъ, и въ бѣдности наслаждаются чистымъ удовольствіемъ. Потому, представляя себѣ это, будемъ постоянно взи- рать на тѣхъ, которые ниже насъ. Есть и другое утѣшеніе, но только свойственное любомудрымъ и превышающее понятія мно-

гихъ. Какое же? То, что и богатство ничто, и бѣдность ничто, и безчестіе ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно отъ другого однимъ только названіемъ. Кромѣ того есть еще иное, болѣе, состоящее въ томъ, чтобы представлять себѣ будущія страданія и блага, страданія истинныя и блага истинныя, и отсюда получать утѣшеніе. Но многіе, какъ я сказалъ, весьма далеки отъ такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановиться на вышесказанныхъ мысляхъ, чтобы тѣхъ, которые примутъ ихъ, постепенно возвести и къ высшимъ. Итакъ, представляя все это, будемъ всячески благоустроить себя и никогда не станемъ скорбѣть о вещахъ случайныхъ. Если бы мы увидѣли богатыхъ на картинѣ, то, конечно, не стали бы называть ихъ блаженными, равно и бѣдныхъ, изображенныхъ тамъ же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тѣмъ они гораздо долговѣчнѣе нашихъ богачей; на картинѣ богатый остается гораздо долѣе, нежели въ дѣйствительности; первый часто остается въ такомъ видѣ до старости, а послѣдній иногда, не насладившись даже однимъ годъ своимъ богатствомъ, вдругъ лишается всего. Потому, помышляя о всемъ этомъ, будемъ отсюда ограждать душевное спокойствіе отъ безразсудной скорби, чтобы намъ и настоящую жизнь провести съ удовольствіемъ, и сподобиться будущихъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

331 Аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ, и тако вѣровасте (1 Кор. xv, 11).

1. Превознесши апостоловъ и уничиживъ себя, потомъ опять поставивъ себя выше ихъ, чтобы доказать свое равенство съ ними,—а онъ доказалъ равенство, сказавъ, что онъ и ниже и выше ихъ,—и такимъ образомъ представивъ себя достовѣрнымъ 332 учителемъ, (Павелъ) и еще продолжаетъ говорить (объ апостолахъ) и опять поставяетъ себя на ряду съ ними, выражая единодушіе о Христѣ. Впрочемъ дѣлаетъ это не такъ, какъ будто бы онъ присоединенъ къ нимъ, но такъ, что онъ оказывается имѣющимъ одинаковое съ ними достоинство; этого и требовала польза проповѣди. Онъ равно заботится какъ о томъ, чтобы не подумали, что онъ унижаетъ (апостоловъ), такъ и о томъ, чтобы воздавае- 333 мою имъ честію не унижить себя предъ подчиненными. Потому

теперь онъ опять ставить себя наравнѣ съ ними: *аще убо азъ, говорить, аще ли они, тако проповѣдуемъ*; у кого, говорить, хотите учиться, у того и учитесь; мы ничѣмъ не различаемся. Не ска-
завъ: если не хотите вѣрить мнѣ, то вѣрьте имъ; но представ-
ляетъ и себя достойнымъ вѣры и говорить, что какъ онъ самъ
по себѣ заслуживаетъ этого, такъ и они сами по себѣ; различіе
лицъ, при равныхъ достоинствахъ, ничего не значило. Тоже онъ
дѣлаетъ и въ посланіи къ Галатамъ, обращаясь (къ апостоламъ)
не потому, чтобы имѣлъ въ нихъ нужду, и утверждая, что онъ
и самъ по себѣ не имѣетъ недостатка: *мнѣ, говорить, мниміи
ничтоже привозложиха*, и однако я желаю быть въ согласіи съ
ними, и десницы даша мнѣ (Гал. II, 6, 9). Если бы достовѣрность
Павла зависѣла отъ другихъ и утверждалась на свидѣтельствѣ
другихъ, то отсюда произошелъ бы крайній вредъ для учениковъ.
Слѣдовательно, онъ превозноситъ себя не изъ тщеславія, но изъ
опасенія за проповѣдь. Потому и здѣсь ставить себя наравнѣ (съ
апостолами): *аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ*. Хорошо
сказавъ: *проповѣдуемъ*, выражая великое дерзновеніе; мы, гово-
рить, не тайно и не скрытно проповѣдуемъ, но вѣщаемъ громче
трубы. Не сказавъ: проповѣдывали; но и теперь—*такъ проповѣ-
дуемъ. И тако спровасте*; здѣсь не сказавъ: вѣруете, но: *спровасте*.
Такъ какъ (коринтеяне) колебались, то онъ обращается къ преж-
нимъ временамъ и представляетъ свидѣтелями ихъ самихъ. *Аще
же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ
нѣцыи съ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (ст. 12)? Видишь ли,
какъ онъ превосходно рассуждаетъ и доказываетъ воскресеніе
(мертвыхъ) воскресеніемъ Христовымъ, подтвердивъ напередъ
последнее многими доводами? О немъ, говорить, предвозвѣстили
пророки, и самъ (Христосъ) засвидѣтельствовалъ явленіями Сво-
ими, и мы проповѣдуемъ, и вы вѣровали; такимъ образомъ онъ
соединяетъ четыре свидѣтельства—пророковъ, самыя событія,
апостоловъ и учениковъ; даже пять, потому что и то самое, что
(Христосъ) умеръ за грѣхи другихъ, доказываетъ истину Его
воскресенія. А когда это доказано, то очевидно слѣдуетъ и дру-
гое, т. е. что воскреснуть и прочіе мертвые. Потому онъ укоряетъ
ихъ за сомнѣніе въ этомъ, какъ предметъ несомнѣнномъ, и съ
недоумѣніемъ спрашиваетъ: *аще же Христосъ воста, како глаго-
лютъ нѣцыи съ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?* Такъ онъ
опять нислагаетъ дерзость противниковъ. Не сказавъ: какъ гово-
рите вы, но: *како глаголютъ нѣцыи съ васъ*; не всѣхъ укоряетъ, и
укоряемыхъ не открываетъ, чтобы не ожесточить ихъ, опять же
и не скрываетъ ихъ совершенно, чтобы исправить ихъ. Для того
онъ, отдѣливъ ихъ отъ всѣхъ, устремляется противъ нихъ, и

такимъ образомъ съ одной стороны обезсиливаетъ и поражаетъ ихъ, а съ другой утверждаетъ другихъ въ истинѣ для борьбы 334 съ ними, не допуская (вѣрующихъ) уклоняться къ тѣмъ, которые старались развратить ихъ. Онъ приготовился примѣнить сильную рѣчь. Потомъ, чтобы не сказали, что хотя воскресеніе Христово извѣстно и очевидно всѣмъ и никто въ немъ не сомнѣвается, однако отсюда не слѣдуетъ необходимо и воскресеніе людей,—такъ какъ воскресеніе Христово было предвозвѣщено, сбылось и засвидѣтельствовано явленіями, а наше только еще въ надеждѣ,—смотри, что Онъ дѣлаетъ: опять съ другой стороны доказываетъ то же самое (воскресеніе Христово), чѣмъ и дѣлаетъ рѣчь свою весьма сильною. *Како ныци, говорить, глаголютъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?* Этимъ вѣдь опровергается и Христово воскресеніе. Потому и продолжаетъ: *и аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (ст. 13). Видишь ли, съ какою силою и непреодолимымъ искусствомъ Павелъ старается доказать не только посредствомъ извѣстнаго сомнительное, но и посредствомъ сомнительнаго для противниковъ извѣстное? Онъ дѣлаетъ это не потому, чтобы самое событіе требовало доказательства, но чтобы внушить, что одно достовѣрно не менѣе другого.

2. Но какая, скажешь, здѣсь послѣдовательность? Если Христосъ не воскресъ, то слѣдуетъ, что и другіе не воскреснутъ; а если другіе не воскреснутъ, то можно ли основательно заключать, что и Христосъ не воскресъ? Такъ какъ это, повидимому, не совсѣмъ послѣдовательно, то, смотри, какъ Онъ дѣлаетъ это весьма послѣдовательнымъ, бросивъ сѣмена еще издалека и основываясь на самомъ предметѣ проповѣди, т. е. что (Христосъ) воскресъ, умерши *грѣхъ нашихъ ради*, и что Онъ есть *начатокъ умершихъ*. Начатокъ чѣмъ былъ бы начаткомъ, если не воскресающихъ? И какъ Онъ былъ бы начаткомъ, если не воскреснутъ тѣ, которыхъ Онъ начатокъ? Слѣдовательно, какъ они не воскреснутъ? Если же они не воскреснутъ, то для чего воскресъ Христосъ? Для чего Онъ пришелъ, для чего принялъ плоть, если не имѣлъ намѣренія воскресить плоть? Вѣдь Онъ не имѣлъ въ ней нужды для Себя, но для насъ. Впрочемъ объ этомъ (апостолъ) разсуждаетъ послѣ, а теперь пока говоритъ: *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста*: такъ одно соединено съ другимъ! Если бы Онъ не имѣлъ воскреснуть, то не сдѣлалъ бы вышесказаннаго. Видишь ли, какъ этими словами и новѣріемъ въ воскресеніе мало-по-малу ниспровергается все домостроительство Божіе? Впрочемъ, онъ пока ничего не говоритъ о воплощеніи, а только о воскресеніи, потому что не воплощеніе, а смерть (Христова) разрушила смерть; когда Онъ пребывалъ во плоти,

то владычество смерти еще продолжалось. *Аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше* (ст. 14). Хотя слѣдовало бы сказать: если (допустите, что) Христосъ не воскресъ, то будете противорѣчить очевидной истинѣ, столь многимъ пророкамъ и самымъ событіямъ,—но онъ выражается гораздо разительнѣе: *тще убо проповѣданіе наше, тща же и стра ваша*. Онъ хочетъ потрясти души ихъ. Мы, говорить, все потеряли, все погибло, если (Христосъ) не воскресъ. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христосъ, умерши, не смогъ воскреснуть, то и грѣхъ не истребленъ, и смерть не побѣждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповѣдывали, но и вы тщетно увѣровали. И не только такимъ образомъ показываетъ нелѣпость этихъ нечестивыхъ мыслей, но еще сильнѣе продолжаетъ: *обрѣтаемся же и жесвиотеле Бога, яко послушествовахомъ на него, яко воскреси Христа, его же не воскреси, аще убо мертви не востаютъ* (ст. 15). Если же это нелѣпо, какъ хула и клевета на Бога, и однако вы будете говорить, что Богъ не воскресилъ Христа, то отсюда произойдутъ еще другія нелѣпости. Здѣсь онъ опять утверждаетъ тоже и повторяетъ: *аще бо мертви не востаютъ, то ни Христосъ воста* (ст. 16). Если бы Христосъ не имѣлъ сдѣлать это, то и не пришелъ бы. Впрочемъ (апостолъ) не говоритъ этого, а указываетъ только на конецъ, на воскресеніе Его, и тѣмъ убѣждаетъ всѣхъ. *Аще же Христосъ не воста, суетна стра ваша* (ст. 17). Съ извѣстнымъ и признаннымъ за несомнѣнное онъ неоднократно соединяетъ воскресеніе Христово, чтобы посредствомъ твердо исповѣдуемаго сдѣлать твердымъ и очевиднымъ и то, что казалось слабымъ и сомнительнымъ. *Еще есте во грѣсѣхъ вашихъ*. Если Христосъ не воскресъ, то и не умеръ; если же не умеръ, то и не истребилъ грѣха, потому что смертію Его истребленъ грѣхъ: *се агнецъ Божій*, говорится (въ Писаніи), *вземля грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29). Какимъ образомъ *вземля*? Смертію. Потому Онъ и названъ агнцемъ, что былъ закланъ. Если же Онъ не воскресъ, то и не былъ закланъ; если не былъ закланъ, то грѣхъ не истребленъ; если грѣхъ не истребленъ, то вы еще во грѣхѣ; если вы еще во грѣхѣ, то мы тщетно проповѣдали; если мы тщетно проповѣдали, то вы тщетно увѣровали. Съ другой стороны и смерть еще остается безсмертною, если (Христосъ) не воскресъ; если Онъ самъ удержанъ смертію и не расторгъ ея утробы, то какъ Онъ избавилъ всѣхъ другихъ (отъ смерти), будучи самъ удержанъ ею? Потому (апостолъ) и продолжаетъ: *убо и умершии о Христѣ погибли* (ст. 18). Что я, говорить, указываю на васъ, когда въ такомъ случаѣ погибли бы и всѣ тѣ, которые все окончили и не подлежатъ болѣе неизвѣстности буду-

шаго? Выраженіе — *умершии о Христѣ* означаетъ или умершихъ въ вѣрѣ, или за Него претерпѣвшихъ многія опасности и великія страданія, шедшихъ путемъ тѣснымъ. Гдѣ же теперь нечестивыя уста манихеевъ, которые говорятъ, что воскресеніемъ (апостолъ) называетъ здѣсь освобожденіе отъ грѣха? Эти многочисленныя, непрерывныя и превратныя умозаключенія доказываютъ совершенно не то, что говорятъ они, но что говоримъ мы. Такъ какъ — *восстаніе* говорится и о томъ, кто упалъ, то онъ повторяетъ часто не только — *воста*, но и съ прибавленіемъ: *отъ мертвыхъ*. Притомъ коринѳяне сомнѣвались не въ отпущеніи грѣховъ, а въ воскресеніи тѣлъ. И что за необходимая связь: если люди не безгрѣшны, то и Христосъ тоже? Если бы Христосъ не имѣлъ воскресить насъ, то послѣдовательно ли было бы говорить, для чего Онъ пришелъ, принявъ плоть и воскресъ? Но при нашемъ (разумнѣи) напротивъ. Грѣшать ли люди, или не грѣшать, Богъ всегда пребываетъ безгрѣшнымъ; о нашемъ состояніи нельзя заключать по его состоянію, и обратно по нашему о Его состояніи, какъ это дѣлается касательно воскресенія тѣлъ. *И еще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши естѣхъ человекѣ есмы* (ст. 19).

336 3. Что говоришь ты, Павелъ? Какъ *въ животѣ семъ точію уповающе есмы*, если тѣло не воскреснетъ, когда душа остается и пребываетъ безсмертною? Такъ, хотя бы душа осталась и тысячу разъ была безсмертна, — какова она и есть, — но безъ тѣла она не получить неизреченныхъ благъ, равно какъ и мученій. *Вся бо явлена будутъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кѣждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. v, 10). Потому онъ и говоритъ: *еще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши естѣхъ человекѣ есмы*. Если не воскреснетъ тѣло, то и душа останется неувѣнчанною, — вѣѣ блаженства небеснаго; если такъ, то мы тогда совершенно ничего не получимъ; если же тогда ничего не получимъ, то награды наши — въ настоящей жизни. Потому, говорить, можетъ ли что быть несчастіе насъ? Говорить это, какъ для того, чтобы утвердить (коринѳяны) въ истинѣ воскресенія тѣлъ, такъ и для того, чтобы увѣрить ихъ въ безсмертной жизни, чтобы они не думали, будто всѣ наши надежды ограничиваются настоящею жизнію. Достаточно доказавъ то, что хотѣлъ, вышесказанными словами: *еще мертви не востаютъ, то ни Христосъ воста, еще же Христосъ не воста*, то мы погибли и еще остаемся во грѣсѣхъ, — онъ присовокупляетъ еще и это, съ цѣлью низложить ихъ гордость. Когда онъ хочетъ предложить какой-либо необходимый догматъ, то сначала страхомъ потрясаетъ грубыя сердца ихъ. Такъ онъ по-

стѹпаетъ и адѣсь. Посѣявъ выше такія же мысли и приведши ихъ въ сокрушеніе, какъ лишающихся всего, онъ теперь, чтобы они болѣе почувствовали скорбь, инымъ образомъ дѣлаетъ тоже самое и говоритъ: *окаяннѣвши всѣхъ человекѣ есмь*, если, послѣ такихъ браней, смертныхъ опасностей и тысячи бѣдствій, лишимся такихъ благъ и всѣ наши (надежды) ограничатся только настоящимъ, потому что все зависить отъ воскресенія. Такимъ образомъ и отсюда очевидно, что онъ говоритъ не о грѣхахъ, но о воскресеніи тѣлѣ, о жизни настоящей и будущей. *Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ начатокъ умершимъ* (ст. 20). Показавъ, сколько ала можетъ произойти отъ невѣрія въ воскресеніе, онъ опять повторяетъ: *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ*, постоянно присовокупляя: *отъ мертвыхъ*, чтобы заградить уста еретиковъ. *Начатокъ умершимъ*. Если Онъ начатокъ, то и они должны воскреснуть. Но если бы (апостолъ) подъ именемъ воскресенія говорилъ объ освобожденіи отъ грѣховъ, а безъ грѣха нѣтъ никого,—и самъ даже Павелъ говоритъ: *ничесоже еъ себѣ сѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. iv, 4),—то кто же воскреснетъ, по вашему мнѣнію? Очевидно, что у него рѣчь о (воскресеніи) тѣлѣ. А чтобы сдѣлать это несомнѣннымъ, онъ постоянно указываетъ на Христа, воскресшаго во плоти; потомъ приводитъ и причину, потому что, какъ я сказалъ, когда что-нибудь утверждается, но не приводится причина, то ученіе не такъ скоро принимается многими. Какую же причину? *Понеже бо человекомъ смерть бысть, и человекомъ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 21). Если человекомъ, то безъ сомнѣнія имѣющимъ тѣло. И посмотри на мудрость (апостола), какъ онъ доказываетъ еще съ иной стороны необходимость (предложенной истины): побѣжденному, говорить, должно самому возстановить свое падшее естество и самому побѣдить, потому что такимъ только образомъ можетъ загладиться его безчестіе. Посмотримъ же, о какой онъ говоритъ смерти? *Якоже бо о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (ст. 22). Что же, скажи мнѣ, всѣ ли умерли въ Адамѣ смертію грѣховною? Какъ (умеръ) Ной, праведный въ родѣ своемъ? Какъ Авраамъ? Какъ Іовъ? Какъ всѣ другіе (праведники)? И всѣ ли, 337 скажи мнѣ, оживутъ во Христѣ? Гдѣ же тѣ, которые будутъ ввержены въ геенну? Если это сказано о тѣлѣ, то сказано вѣрно; а если о праведности и о грѣхѣ, то невѣрно. Далѣе, чтобы ты, слыша слова: *вси оживутъ*, не подумалъ, что и грѣшники спасутся, онъ присовокупляетъ: *каждо же во своемъ чину* (ст. 23). Слыша о воскресеніи, не подумай, что всѣ получаютъ равное воздаяніе; если наказаніе не всѣ понесутъ равное, но весьма различное, то тѣмъ болѣе между грѣшниками и праведниками бу-

дѣть великое разлічіе. *Начатокъ Христось, потомъ же Христовы, т. е. вѣрующіе и благочестивые. Также кончина* (ст. 24). Когда (умершіе) воскреснутъ, тогда всему будетъ конецъ; а не такъ, какъ теперь, по воскресеніи Христовомъ, когда дѣла остаются еще безъ окончательнаго воздаянія. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *въ пришествіи его*, чтобы ты зналъ, что онъ говорить о будущемъ времени. *Егда предастъ царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и власть и силу.*

4. Здѣсь тщательно внимайте мнѣ и смотрите, чтобы не опустить чего-нибудь изъ сказаннаго. У насъ борьба со врагами, и потому прежде всего намъ надобно постараться довести ихъ до нелѣпости, какъ и Павелъ часто дѣлаетъ: такимъ образомъ слова ихъ представляются намъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ. Итакъ, во-первыхъ, спросимъ ихъ, что значить: *егда предастъ царство Богу и Отцу?* Если мы будемъ принимать это просто, а не богоприлично, то слѣдуетъ, что (Христось) послѣ того уже не будетъ имѣть царства, такъ какъ кто отдаетъ что-нибудь другому, тотъ самъ уже перестаетъ владѣть. И не одна только эта слѣдуетъ нелѣпость, но и та, что принявшій также не имѣлъ прежде, нежели получилъ, т. е., по ихъ мнѣнію, ни Отецъ не былъ прежде царемъ и только еще ожидаетъ царства надъ нами, ни Сынъ послѣ того не останется царемъ. Какъ же Онъ самъ говорить объ Отцѣ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17)? А о Немъ какъ (говоритъ) Давидъ: *царство Его царство вѣчное, еже не мимо идетъ* (пс., 44)? Видишь ли, сколько выходитъ нелѣпостей и противорѣчій Писаніямъ, если принимать слова (апостола) по-человѣчески? Также объ упраздненіи какого начальства онъ говорить здѣсь? Ангеловъ? Нѣтъ. Вѣрующихъ? Тоже нѣтъ. Какого же? Начальства демоновъ, о которомъ онъ же говоритъ: *плоть наша бранъ къ плоти и крови, но къ началамъ, ко властемъ, къ міробержителямъ тмы отъка сего* (Еф. vi, 12). Теперь оно еще не совершенно упразднено, потому что часто они еще дѣйствуютъ; а тогда перестанутъ (дѣйствовать). *Подобаетъ бо ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими* (ст. 25). И здѣсь опять выйдетъ иная нелѣпость, если мы будемъ принимать и это не богоприлично, потому что слово: *дондеже* означаетъ конецъ и предѣлъ, а этого нѣтъ въ Богѣ. *Последній же врагъ испразднится смерть* (ст. 26). Какъ последний? Послѣ всѣхъ, послѣ діавола, послѣ всего прочаго, также какъ и въ началѣ смерть вошла послѣ всего: прежде совѣтъ діавола, потомъ преслушаніе, а затѣмъ смерть. Сила ея и теперь упразднена, но дѣйствіе прекратится тогда. *Вся бо покорѣна будетъ ногѣ его. Внегда же рещи, яко вся покорена суть, явѣ, яко развѣ покоршаго ему вся.*

Едаже покорить ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится покоршему ему всяческая (ст. 27, 28). Но прежде (апостолъ) не говоритъ, что Отецъ покорить Ему, а что Онъ самъ упразднить: *егда испразднить всяко начальство и власть*; и еще: *подобаетъ ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими*. Какъ же здѣсь онъ приписываетъ это Отцу? И не только это, повидимому, несообразно, но и то, что онъ выражаетъ какъ бы неумѣстный страхъ, дѣлая оговорку: *равенъ покоршаго ему вся*, какъ будто кто можетъ подумать, не покорится ли когда-нибудь и Отецъ Сыну. Можетъ ли что быть несообразнѣе? И однако онъ дѣлаетъ оговорку. Что же это значитъ? И далѣе представляется много вопросовъ: обратите же все ваше вниманіе. Прежде всего намъ нужно показать цѣль и главную мысль Павла, которая бы вездѣ ясно обнаруживалась, и тогда уже обратиться къ разрѣшенію; это поможетъ намъ представить разрѣшеніе. Какая же главная мысль Павла и какой у него пріемъ? Онъ иначе говоритъ, когда бесѣдуетъ объ одномъ Божествѣ (Христѣ), и иначе, когда ведетъ рѣчь о домостроительствѣ (Божіемъ). Когда онъ бесѣдуетъ о (Христѣ во) плоти, то безъ опасенія говоритъ все уничиженное, будучи увѣренъ, что все сказанное можетъ относиться къ Нему. Посмотримъ же и здѣсь, объ одномъ ли Божествѣ онъ бесѣдуетъ, или вмѣстѣ, имѣя въ виду домостроительство, говоритъ о Немъ то, что говоритъ? Впрочемъ, предварительно скажемъ, гдѣ онъ поступаетъ такъ, какъ я сказалъ. Гдѣ же онъ такъ поступаетъ? Въ посланіи къ Филиппійцамъ: *иже, говоритъ, во образъ Божій сый, не восхищеніемъ нещива быти равенъ Богу, но себе истощилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи челоувѣчествѣ бывъ, и образомъ обрѣтесе, якоже челоувѣкъ: смирилъ себе, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмъже и Богъ его превознесе* (ц, 6—9). Видишь ли, какъ онъ, разсуждая объ одномъ Божествѣ, приписываетъ Ему великое, т. е. что Онъ есть образъ Божій, что Онъ равенъ Отцу, и усволяетъ Ему все; а изображая тебѣ Его во плоти, говоритъ опять уничиженно? Итакъ, если ты не будешь дѣлать такого различія, то выйдетъ великое затрудненіе. Если (Христосъ) равенъ Богу, то какъ (Богъ) превознесъ того, кто равенъ Ему? Если Онъ образъ Божій, то какъ дарова ему имя? Давшій даетъ неимущему, и возвышающій возвышаетъ уничиженнаго; потому окажется, что (Христосъ) былъ несовершеннымъ и неимущимъ, прежде нежели вознесенъ и получилъ имя,—и множество произойдетъ отсюда другихъ нелѣпныхъ заключеній. Если же ты будешь имѣть въ виду вмѣстѣ и домостроительство, то сказанное будетъ справедливо. Такъ разсуждай и адѣсь, и съ 339 такими мыслями принимай сказанное.

5. Объяснимъ постѣ того и другія причины. Между прочимъ и то нужно замѣтить, что Павелъ говоритъ о воскресеніи, которое считалось дѣломъ невозможнымъ и которому совершенно не вѣрили, и что онъ пишетъ коринтеянамъ, у которыхъ было много философовъ, которые всегда смѣялись надъ такими истинами. Касательно другихъ предметовъ они разногласили между собою, а противъ этого всѣ, какъ бы одними устами, утверждали, что не будетъ воскресенія. Защищая такую истину, которой такъ мало вѣрили и надъ которою смѣялись, сколько по предразсудку, столько же и по трудности самаго предмета, и желая доказать возможность воскресенія, (апостолъ) доказываетъ это сначала воскресеніемъ Христовымъ. Доказавъ (эту истину) свидетельствами пророковъ, очевидцевъ и вѣровавшихъ, и доведши противное мнѣніе до нелѣпости, онъ доказываетъ наконецъ и (воскресеніе) людѣ: *еще мертви, говоритъ, не встаютъ, то ни Христосъ воста*. Далѣе, послѣ неоднократныхъ подтвержденій въ предъидущихъ словахъ, онъ вновь доказываетъ тоже инымъ образомъ, называя (Христа) *начаткомъ* и утверждая, что Онъ упразднитъ всякое начальство, власть и силу и послѣ всего смерти. Какъ же, говоритъ, она упразднится, если прежде не лишится тѣлѣ, которыми владѣла? Когда такимъ образомъ онъ сказалъ о Единородномъ нѣчто великое, т. е. что Онъ передастъ царство, что Онъ самъ совершитъ это, самъ одержитъ побѣду и все низаложитъ подъ ноги Свои, то, чтобы уничтожить невѣріе многихъ, присовокупляетъ: *подобаетъ бо ему царствовать, дождеже положитъ вся враги подъ ногама своими*. *Дондеже*—сказалъ онъ не въ томъ смыслѣ, чтобы означить конецъ царствованія, но чтобы сдѣлать сказанное несомнѣннымъ и внушить надежду. Когда, говоритъ, ты слышишь, что (Христосъ) низаложитъ всякое начальство, власть и силу, діавола и такіа бѣсовскія полчища, скопища невѣрныхъ, владычество смерти и все злое,—не опасайся, что у Него неостанетъ на то силы; Ему надлежитъ царствовать, доколѣ Онъ совершитъ все это, не въ томъ смыслѣ, будто послѣ того Онъ уже не будетъ царствовать, но въ томъ, что, хотя это будетъ не теперь, однако непремѣнно будетъ; царство Его не прекращается; Онъ владычествуетъ, управляетъ и пребываетъ дотолѣ, пока устроить все. Такой образъ выраженій можно находить и въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ напр. говорится: *слово Господне пребываетъ съ вѣкъ* (Пс. сѣмъ, 89); и еще: *Ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. сі, 28). Это и тому подобное пророкъ говоритъ тогда, когда бесѣдуетъ о событіяхъ, которыя совершатся спустя долгое время и совершатся непремѣнно, желая тѣмъ уничтожить опасеніе грубыхъ слушателей. А что

слова: *дондеже, до*, когда они примѣняются къ Богу, не означаютъ конца, послушай, что говоритъ (Писаніе): *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Пс. хххix, 3); и еще: *азъ есмь, и дондеже со- старѣетсяя, азъ есмь* (Ис. xlvі, 4). Смерть (апостоль) поставляетъ послѣднемъ для того, чтобы невѣрующій, слыша о побѣдѣ надъ другими врагами, скорѣе принять и эту истину, потому что если (Христосъ) низложилъ діавола, произведшаго смерть, то тѣмъ 340- божіе разрушить дѣло его. Когда такимъ образомъ онъ приписалъ (Христу) все: упраздненіе начальства и власти, устройство царства, т. е. спасенія вѣрующихъ, мира вселенной, истребленія злыхъ,—а устроить царство и значить истребить смерть,—и между тѣмъ не сказалъ, что Отецъ чрезъ Него, но что самъ Онъ упразднить, самъ низложить подъ ноги Свои, а нигдѣ не упомянулъ объ Отцѣ, то далѣе, опасаясь, чтобы какіе-нибудь неразумные не сдѣлали заключенія, будто или Сынъ больше Отца, или есть какое-либо другое нерожденное начало, онъ постепенно объясняетъ и смягчаетъ чреамѣрность сказаннаго, и говоритъ: *вся бо покорилъ подъ нозъ его*. Здѣсь онъ приписываетъ эти дѣла Отцу не потому, будто Сынъ безсильнѣе,—можетъ ли быть такимъ тотъ, о которомъ (апостоль) выше привелъ такое свидѣтельство и приписалъ все сказанное?—но какъ по той самой причинѣ, о которой я сказалъ, такъ и для того, чтобы показать, что все совершенное для насъ обще Отцу и Сыну. Что Онъ самъ собою можетъ покорить себѣ все, объ этомъ послушай еще, какъ говоритъ Павелъ: *уже преобразить тѣло смиренія нашего, яко быти сообразну тѣлу славы его, по дѣйству еже возмогати ему и покорити себѣ всяческая* (Филип. ш, 21). Далѣе онъ употребляетъ оговорку: *всегда же*, говоритъ, *речи, яко вся покорена суть, явѣ, яко развѣ покоршаго ему вся*, и тѣмъ опять воздастъ не малую славу Единородному; если бы Онъ былъ ниже и безсильнѣе, (апостоль) никогда не выразилъ бы такого опасенія. Не довольствуясь и этимъ, (апостоль) присовокупляетъ еще нѣчто другое. Чтобы кто не подумалъ и не сказалъ: что изъ того, что Отецъ не покорится? это нисколько не препятствуетъ Сыну быть сильнѣе (Отца),—онъ, опасаясь такой нечестивой мысли и имѣя въ виду, что сказанное прежде не было достаточно для опроверженія ея, весьма ясно присовокупляетъ слѣдующее: *егда же покоритъ ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится*, выражая какъ совершенное согласіе Его съ Отцемъ, такъ и то, что Родившій столь могущественнаго и совершающаго такіа дѣла есть начало и первая причина всѣхъ благъ.

6. Если же онъ сказалъ больше, нежели требовала сущность дѣла, ты не удивляйся; онъ сдѣлалъ это, подражая своему Учи-

телю. Самъ (Христось), желая показать Свое согласіе съ Отцемъ и то, что Онъ пришелъ не противъ воли Его, уничижаетъ Себя не столько, сколько требовалось для доказательства согласія, а сколько требовала слабость присутствовавшихъ; Онъ молится Отцу не почему иному, какъ поэтому, и самъ объясняетъ причину, когда говорить: *да вѣру имутъ, яко ты мя послалъ еси* (Іоан. хvii, 21). Итакъ, подражая ему, (апостолъ) употребляетъ здѣсь усиленное выраженіе не для того, чтобы внушить тебѣ мысль о принужденномъ подчиненіи (Христовомъ),—нѣтъ,—но чтобы, какъ можно сильнѣе, опровергнуть нелѣпныя мнѣнія. Когда онъ хочетъ исторгнуть что-нибудь съ корнемъ, тогда употребляетъ рѣчь весьма сильную. Такъ, говоря о женѣ вѣрующей и мужѣ невѣрующемъ, соединенныхъ между собою закономъ брака, и желая внушить женѣ, что она не оскверняется отъ сожитія и отъ сношеній съ невѣрующимъ, онъ не сказалъ, что жена не дѣлается чрезъ это нечистою, или не терпитъ никакого вреда отъ невѣрующаго, но сказалъ гораздо болѣе, то есть что даже *невѣрный святится* чрезъ нее (1 Кор. vii, 14); этимъ онъ не хочетъ выразить того, будто язычникъ дѣлается чрезъ нее святымъ, но старается такимъ сильнымъ выраженіемъ скорѣе уничтожить ея опасеніе. Точно такъ и здѣсь, стараясь сильнымъ выраженіемъ уничтожить нечестивое ученіе, онъ сказалъ то, что сказалъ. Почитать Сына слабымъ—есть крайнее печестіе; потому онъ и опровергаетъ это словами: *положитъ вся враги своя подъ ногама своимъ*; а еще нечестивѣе почитать Отца меньшимъ (Сына); потому онъ опровергаетъ и это съ великою силою. Смотри, какъ онъ выражается; не сказалъ просто: *разетъ покоршаго*, но: *яетъ, яко*; хотя это и извѣстно, говорить, однако я подтверждаю. А чтобы ты зналъ, что именно такова причина сказаннаго, я спрошу тебя: неужели увеличится тогда покорность Сына? Не нелѣпо ли это и недостойно Бога? Вѣдь величайшая покорность и послушаніе уже въ томъ, что Онъ, будучи Богомъ, принялъ образъ раба. Какъ же Онъ тогда *покорится*? Очевидно, что (апостолъ) выразился такъ, чтобы опровергнуть нелѣпую мысль, и притомъ съ надлежащимъ благоразуміемъ. *Покоритѣся* такъ, какъ прилично Сыну—Богу, и не почеловѣчески, но свободно и съ полною властію. Иначе какъ Онъ сѣдитъ на престолѣ вмѣстѣ (съ Отцемъ)? Какъ Онъ *живитъ, иже хочетъ, якоже и Отецъ* (Іоан. v, 21)? Какъ все, принадлежащее Отцу, принадлежитъ и Ему, и принадлежащее Ему принадлежитъ и Отцу (Іоан. хvii, 10)? Это показываетъ намъ совершенную власть Его наравнѣ съ Отцемъ. Что же значить: *егда предастъ царство*? Изъ Писанія извѣстны два царства Божіи, одно по усвоенію, другое по сотворенію. По

сотворенію Онъ царствуетъ надъ всѣми, надъ язычниками, іудеями, демонами, врагами; а по усвоенію царствуетъ надъ вѣрующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Объ этомъ послѣднемъ царствѣ говорится, что оно имѣетъ начало; такъ о немъ сказано во второмъ псалмѣ: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое* (Пс. п, 8); о немъ и самъ (Христосъ) сказалъ ученикамъ: *дадеса ми всяка власть отъ Отца Моего* (Мѣ. ххviii, 18), гдѣ приписываетъ все Отцу, не потому, чтобы самъ Онъ не имѣлъ чего-нибудь, но чтобы показать, что Онъ есть Сынъ, а не нерожденный. Это-то царство Онъ и *предаетъ*, то есть устроить. Но почему, скажешь, (апостоль) не сказалъ ничего о Духѣ? Потому, что не о томъ у него теперь рѣчь; онъ не смѣшиваетъ всего сразу. Такъ и тогда, когда говорить: *единъ Богъ Отецъ и единъ Господъ Иисусъ* (1 Кор. viii, 6), Онъ умалчиваетъ о Духѣ не потому, чтобы признавалъ Духа меньшимъ, но потому, что еще не было нужды говорить о Немъ. Иногда Онъ упоминаетъ объ одномъ Отцѣ, но мы не станемъ поэтому отвергать Сына; иногда только о Сынѣ и о Духѣ, но мы не станемъ поэтому отвергать Отца. Что значитъ: *да будетъ Богъ вселенская во всѣхъ*? Чтобы все зависѣло отъ Него, чтобы никто не воображалъ двухъ началъ безначальныхъ или другого отдѣльнаго царства. Когда враги будутъ вналожены подъ ноги Сына, и Онъ, имѣя ихъ подъ ногами своими, не будетъ дѣйствовать противъ Отца, но сохранить совершенное единеніе съ Нимъ,—тогда (Богъ) будетъ все во всемъ. Нѣкоторые говорятъ, что подъ этими словами (апостоль) разумѣетъ истребленіе зла, такъ что всѣ наконецъ покорятся, никто не будетъ противиться и дѣлать зло,—то есть, когда не будетъ грѣха, тогда, очевидно, Богъ будетъ все во всемъ. Но если не воскреснуть тѣла, то будетъ ли это справедливо? Злѣйшій изъ всѣхъ враговъ—смерть останется и будетъ дѣлать, что хочетъ. Нѣтъ, скажешь, тогда уже не будутъ грѣшить. Но что изъ этого? (Апостоль) говоритъ здѣсь о смерти не душевной, а тѣлесной. Какъ же она истребится? Побѣда состоитъ въ томъ, чтобы возвратить взятое и удержанное. Если же тѣла останутся въ землѣ, то, значитъ, власть (смерти) будетъ продолжаться, потому что они удержаны (въ землѣ), а другихъ тѣлъ, въ которыхъ бы она была побѣждена, нѣтъ. Если же сказанное Павломъ сбудется, какъ и дѣйствительно сбудется, то откроется славная побѣда, въ которой Богъ всемогуществомъ Своимъ воскреситъ тѣла, плѣненные смертію. Такъ и врага побѣждаютъ тогда, когда отнимаютъ у него добычу, а не тогда, когда оставляютъ ее у него; если же никто не осмѣливается взять ее у него, то можно ли сказать, что онъ побѣжденъ?

7. Такимъ же образомъ и Христосъ въ Евангеліи выражаетъ побѣду, когда говоритъ: *егда свяжется крѣпкаго, тогда и сосуды его расхититъ* (Мѣ. хп, 29), потому что иначе не видно будетъ побѣды. Какъ въ смерти духовной, хотя умершій грѣху оправдался (Рим. vi, 7), однако мы не можемъ назвать этого побѣдою,—потому что не тотъ побѣдилъ, кто не прилагаетъ ала ко алу, а тотъ, кто уничтожилъ прежній плѣнъ страстей,—такъ и здѣсь, не то можно назвать славною побѣдою, что смерть перестала поглощать тѣла, но то, что у нея отняты тѣла, уже плѣненныя ею. Если еще останутъ спорить и говорить, что это сказано о смерти духовной, то (я спрошу): какъ она *испразнится послѣдняя*? Вѣдь она уже упразднена въ каждомъ крещенномъ. Если же разумѣть это о тѣлѣ, то сказанное, то есть, что (смерть) *испразнится послѣдняя*, будетъ имѣть мѣсто. Можетъ быть, кто-нибудь придетъ въ недоумѣніе, почему (апостолъ), говоря о воскресеніи, не указалъ на тѣла, воскресшія при Господѣ? На это мы скажемъ, что такое указаніе не послужило бы въ пользу воскресенія; указать на воскресшихъ, которые опять умерли, не значило бы доказывать, что смерть истребится совершенно. Потому онъ и сказалъ; что она истребится послѣдняя, чтобы ты не подумалъ, что она еще возстанетъ. Когда истребится ало, то тѣмъ болѣе прекратится смерть, потому что невозможно оставаться рѣкѣ, когда исчезнетъ ея источникъ, или быть плоду, когда засохнетъ корень. Итакъ, если въ послѣдній день враги Божіи истребятся *высотъ отъ смерти*, діаволомъ и демонами, то не будемъ скорбѣть, видя враговъ Божіихъ благоденствующими: *срази бо Господни, кунно пролежаннися имъ и воснесетися, исчезающе яко дымъ исчезающа* (Пс. ххvi, 20). Когда ты видишь врага Божія богатымъ, окруженнымъ тѣлохранителями и множествомъ льстецовъ, то не унывай, а вадыхай, плачь и моли Бога, чтобы Онъ обратилъ его въ число друзей своихъ; и тѣмъ болѣе врагъ (Божій) успѣваетъ въ дѣлахъ своихъ, тѣмъ болѣе оплакивай его. Грѣшниковъ должно оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатствомъ и великимъ благоденствіемъ, какъ больныхъ, когда они пресыщаются и упиваются. Между тѣмъ нѣкоторые даже изъ слушающихъ эти слова находятъ въ столь жалкомъ состояніи духа, что горько плачутъ о себѣ и говорятъ: я достоинъ слезъ, потому что не имѣю ничего. Справедливо говоришь ты, что не имѣешь ничего, не потому, что не имѣешь того, что имѣеть другой, а потому, что въ этомъ поставляешь блаженство; потому ты и достоинъ безмѣрныхъ слезъ. Кто, будучи здоровъ, станетъ называть блаженнымъ больного, лежащаго на мягкой постели, тотъ гораздо несчастнѣе и злополучнѣе его, потому что нисколько не чувствуетъ собственнаго

благополучія. То же происходитъ и съ этими (людьми); потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и беспорядками. Такія слова погубили тысячи (людей), предали ихъ діаволу и сдѣлали ихъ несчастіе истаевающихъ отъ голода. Подлинно тѣ, которые желаютъ большаго, бѣдѣе самихъ нищихъ, потому что страдаютъ большею и жесточайшею душевною скорбію, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго.

Нѣкогда постигло нашъ городъ бездождіе; всѣ трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить ихъ отъ этого ужаса. Тогда можно было видѣть *небо мѣдно*, какъ говоритъ Моисей (Втор. xlviii, 28), и смерть, всѣхъ родовъ смерти ужаснѣйшую, и каждый день ожидаемую. Но послѣ, слава челоувѣколюбивому Богу, сверхъ всякаго чаянія полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и всѣ стали радоваться и торжествовать, какъ бы вышедши изъ самыхъ вратъ смерти. Между тѣмъ, среди такихъ благодѣяній Божіихъ и при всеобщей радости, одинъ изъ богатѣйшихъ людей ходилъ прискорбный и унылый, какъ бы омертвѣвшій отъ горя, и, когда многіе спрашивали его, по какой причинѣ при всеобщей радости онъ одинъ печаленъ, тогда онъ, не въ состояніи будучи даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силою этой болѣзни, открыто объявилъ причину: имѣя, говорилъ онъ, множество мѣръ пшеницы, я не знаю, какъ мнѣ теперь сбыть ее. Неужели, скажи мнѣ, мы будемъ ублажать его послѣ такихъ словъ, *за* которыя надлежало бы побить его камнями, какъ челоувѣка, жестоко всякаго звѣря, и общаго врага? Что говоришь ты, челоувѣкъ? Ты скорбишь о томъ, что не погибли всѣ, чтобы тебѣ собрать золото? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ Соломонъ: *продавъ имѣнію скупо отъ народа проклять* (Прит. xi, 26)? И ты еще бродишь, общій врагъ благоденствія вселенной, противникъ челоувѣколюбія Владыки Господа вселенной, другъ, или лучше, рабъ мамоны? Не слѣдовало ли отсѣчь такой языкъ? Не слѣдовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такія слова?

8. Видишь ли, какъ золото не позволяетъ людямъ быть людьми, но дѣлаетъ ихъ звѣрями и демонами? Что можетъ быть презрѣннѣе богача, который ежедневно вымаливаетъ голодъ, чтобы 344 у него было золото? Страсть производитъ у него совершенно противное: онъ не радуется обилію пріобрѣтенныхъ плодовъ, но потому самому скорбитъ, что пріобрѣлъ слишкомъ много. Тогда какъ надлежало бы радоваться, что онъ имѣетъ много, онъ потому самому печалится. Видишь ли, что богатые, какъ я сказалъ, не столько чувствуютъ удовольствія отъ благъ полученныхъ, сколько терпятъ скорби отъ благъ еще неполученныхъ? Имѣвшій безчисленное множество мѣръ пшеницы скорбѣлъ и сокрушался болѣе

алчущаго; тогда какъ имѣвшій только насущный хлѣбъ радовался, веселился и благодарилъ Бога, владѣвшій такимъ богатствомъ скорбѣлъ и считалъ себя погибшимъ. Итакъ, не изобиліе доставляетъ удовольствіе, а любуемое настроеніе; безъ него, хотя бы кто захватилъ все, будетъ въ такомъ же состояніи духа, будетъ такъ же скорбѣть, какъ и лишенный всего. И тотъ человѣкъ, о которомъ мы говоримъ теперь, если бы продалъ свою пшеницу за такую цѣну, за какую хотѣлъ, опять сталъ бы скорбѣть, что не продалъ за большую; если бы могъ продать за большую, то опять сталъ бы желать еще большей; если бы за каждую мѣру взялъ по золотой монетѣ, то и тогда опять сталъ бы сокрушаться, что не продавалъ за эту цѣну каждой полумѣры. А что онъ не съ самаго начала назначилъ бы такую цѣну, не удивляйся; и предающіеся пьянству не тотчасъ воспаляются, но когда уже помногу наполняются виномъ, тогда и возжигаютъ въ себѣ сильнѣйшій пламень. Такъ и эти, чѣмъ болѣе имѣютъ у себя, тѣмъ большую чувствуютъ нужду, и чѣмъ болѣе приобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе впадаютъ въ бѣдность. Это говорится мною не по отношенію къ нему только, но и къ каждому изъ одержимыхъ подобною болѣзнію, возвышающихъ цѣну на товары и ввергающихъ ближняго въ нищету. Никогда не бываетъ рѣчи о человѣколюбіи, но всегда во время продажи страсть корыстолюбія руководитъ многими; и пшеницу, и вино одинъ продаетъ скорѣе, другой медленнѣе, не для общаго блага, но одинъ для того, чтобы получить больше, а другой для того, чтобы не получить меньше, когда уже испортился самый товаръ.

Такъ Богъ, видя, что многіе не внимаютъ заповѣдямъ Божиимъ и держатъ у себя все подъ запоромъ, и желая инымъ образомъ побудить ихъ къ человѣколюбію, чтобы они хотя по необходимости дѣлали что-нибудь доброе, внушаетъ имъ страхъ большей потери, и самымъ плодамъ земнымъ не позволяетъ сохраняться долго, чтобы люди, по крайней мѣру изъ опасенія убытка отъ порчи, невольно предлагали нуждающимся то, что по злобѣ закопали и хранятъ дома. И однако нѣкоторые столь пенасытны, что не вразумляются и этимъ. Многіе выливали цѣлыя бочки (вина), а не давали ни одного стакана нищимъ и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно дѣлалось прокислымъ и самыя бочки повреждались виѣстѣ съ плодомъ. Другіе не давали ни одного куска хлѣба алчущему, а цѣлыя житницы вываливали въ рѣку. Они не слушали Бога, повелѣвающаго подавать нуждающимся, потому гнилость повелѣвала имъ, противъ воли, предавать (все содержимое) гибели и 345 совершенному истребленію; такимъ образомъ они подвергали себя

великому осмѣянію и навлекали на свою голову, вмѣстѣ съ убыткомъ, многія проклятія. И это адѣсь; а что будетъ тамъ, какое выразить слово? Какъ они адѣсь пшеницу, сгнившую и сдѣлавшуюся негодною, бросаютъ въ рѣки, такъ и ихъ, дѣлающихъ это и потому самому дѣлающихся негодными, Богъ ввергнетъ въ рѣку огненную. Какъ пшеницу съѣдаетъ червь и тлѣніе, такъ ихъ душу—жестокость и безчеловѣчіе. Причиною этого—привязанность къ благамъ настоящимъ и пристрастіе только къ настоящей жизни. Потому такіе люди и мучатся безмѣрною тоскою; страхъ смерти уничтожаетъ все, что ни представишь пріятнаго, и такіе люди умерли еще при жизни. Нисколько не удивительно, если этому подвергаются невѣрующіе; но если вкусившіе такихъ таинствъ и такъ любомудрствующіе о благахъ будущихъ, пристращаются къ (благамъ) настоящимъ, то могутъ ли они удостоиться прощенія? Отчего же происходитъ это пристрастіе къ (благамъ) настоящимъ? Оттого, что предаются роскоши, утучняютъ плоть, развращаютъ душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокій мракъ и грубое покрывало. Отъ роскоши лучшая часть (душа) дѣлается рабою, а худшая—госпожею; первая совершенно ослѣпляется, повреждается и влечется, а послѣдняя влечеть и ведетъ всюду, тогда какъ самой ей надлежало бы подчиняться водительство. А между душою и тѣломъ находится тѣсная связь, которую Создатель устроилъ для того, чтобы никто не вздумалъ ненавидѣть тѣло свое, какъ бы что-нибудь чужое.

9. Богъ повелѣлъ любить и враговъ; но діаволъ сталъ столь силенъ, что убѣдилъ нѣкоторыхъ ненавидѣть даже собственное тѣло. Кто говоритъ, что (тѣло) отъ діавола, тотъ выражаетъ именно такое убѣжденіе. Это крайне безумно. Если оно отъ діавола, то откуда у него такое согласіе съ душою, что оно во всѣхъ отношеніяхъ способно къ дѣламъ ея любомудрія? Если же оно, скажешь, способно къ этому, то какъ оно ослѣпляетъ душу? Нѣтъ, человекъ, не тѣло ослѣпляетъ душу, а роскошь. Отчего же мы предаемся роскоши? Не оттого, что имѣемъ тѣло, — нѣтъ, — а отъ злой воли. Тѣло требуетъ пищи, а не роскоши; тѣло нуждается въ томъ, чтобы его питали, а не въ томъ, чтобы его обременяли и утучняли. Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемаго тѣла. Изъ крѣпкаго оно дѣлается слабымъ, изъ твердаго нетвердымъ, изъ здороваго болѣзненнымъ, изъ легкаго тяжелымъ, изъ плотнаго изнѣженнымъ, изъ красиваго безобразнымъ, изъ благовоннаго зловоннымъ, изъ чистаго нечистымъ, изъ стройнаго разстроенымъ, изъ полезнаго бесполезнымъ, изъ молодого старымъ, изъ сильнаго безсильнымъ, изъ гибкаго медленнымъ и лѣнивымъ, изъ совершен-

наго уродливимъ. Если бы оно было отъ діавола, то не могло бы повреждаться отъ того, что принадлежитъ діаволу, т. е. отъ порока. Нѣтъ, ни тѣло, ни пища не отъ діавола; отъ него только роскошь. Черезъ не: этотъ злой демонъ успѣваетъ совершать множество золъ. Такъ онъ погубилъ цѣлый народъ (израильскій): 846 *уты*, говорится (въ Писаніи), *утолстѣ, разширѣ и отсужася возлюбленный* (Втор. ххх, 15). За это громаы поразили жителей Содома, что выражаетъ Іезекииль, когда говоритъ: *обаче сіе беззаконіе Содомы, въ гордостѣ и въ сытости яства, и въ изобиліи сима сластолюбствования* (хvi, 49).

Потому и Павелъ сказалъ: *питающаяся пристрастно живая умерла* (1 Тим. v, 6). Отчего такъ? Оттого, что она носитъ, какъ гробъ, тѣло свое, обремененное множествомъ золъ. Если же тѣло подвергается такому поврежденію, то что бываетъ съ душою? Какого смятенія, какихъ волнъ, какой бури исполняется она? Она дѣлается неспособною ни къ чему, не можетъ легко ни говорить, ни слушать, ни хотѣть, ни дѣлать ничего должнаго; какъ кормчій, когда буря возьметъ верхъ надъ его искусствомъ, утопаетъ съ самымъ кораблемъ и плывущими на немъ, такъ и душа вмѣстѣ съ тѣломъ погружается въ страшную бѣдну безчувствія. Богъ далъ намъ желудокъ, какъ бы какую мельницу, сообщить ему соразмѣрную силу и назначить опредѣленную мѣру, сколько онъ долженъ перемолоть въ каждый день; потому, если кто положить въ него болѣе надлежащаго, то оставшееся непредѣланнымъ причиняетъ вредъ всему (тѣлу). Отсюда происходятъ болѣзни, немощи и безобразіе. Подлинно, роскошь не только ослабляетъ, но и дѣлаетъ даже красивую (женщину) безобразною; когда она безпрестанно производитъ непріятную отрыжку, выдыхаетъ запахъ испортившагося вина и становится красною сверхъ должнаго, то нарушаетъ приличную женщинѣ благопристойность и теряетъ всякое благообразіе; когда тѣло ея дѣлается обвислымъ, рѣсницы кровавыми и распухшими и вся она чрезмѣрно жирною и тучною, то представь, какое получается отсюда безобразіе! Я слышала отъ врачей, что роскошь многимъ сильно препятствуетъ даже достигнуть надлежащаго роста; когда жизненная сила обременяется множествомъ яствъ и занимается ихъ свареніемъ, тогда то, чему надлежало бы обратиться въ ростъ, тратится на свареніе излишняго. Говорить ли еще о происходящихъ отсюда подаграхъ, распространяющихся по всему тѣлу ревматизмахъ, другихъ проистекающихъ отсюда болѣзней и всякой нечистотѣ? Нѣтъ ничего столько непріятнаго, какъ женщина чрезмѣрно откармливаемая. Потому-то среди бѣдныхъ можно видѣть больше красоты,—никакіе излишки у нихъ не остаются и

не приводять въ ихъ составъ безъ нужды и напрасно, какъ бы какая посторонняя грязь; ежедневное упражненіе, труды, работы, умѣренная пища и строгая діета доставляютъ имъ крѣпкое здоровье, а отсюда большую красоту. Не говори мнѣ объ удовольствіи роскоши; оно не простирается далѣе гортани; какъ скоро пища миновала языкъ, она тотчасъ пропадаетъ, оставляя за собою много непріятнаго. Не смотри на роскошествующихъ только тогда, когда они возлежать, но посмотри на нихъ тогда, когда они встанутъ, послѣдуй за ними, и увидишь, что они болѣе походятъ на скотовъ и безсловесныхъ, нежели на людей. Ты увидишь, какъ они страдаютъ головокруженіемъ, разслабленіемъ и неповоротливостію, нуждаются въ ложѣ и постели и глубокой тишинѣ, мечутся какъ бы во время сильнаго волненія, требуютъ помощи другихъ и желаютъ придти въ то состояніе, въ какомъ 347 были прежде, чѣмъ насытились. Они ходятъ, подобно беременнымъ женщинамъ, съ отягченнымъ чревомъ, едва переступаютъ, едва видятъ, едва говорятъ, и все едва (дѣлаютъ). Если же случится имъ немного заснуть, то имъ видятся нелѣпные сны и бессмысленныя грезны. Говорить ли еще о неистовствѣ ихъ другого рода, т. е. сладострастія? И оно проистекаетъ изъ того же источника. Они, какъ неистовые кони, будучи возбуждаемы опьяненіемъ, бросаются на всѣхъ, устремляясь еще съ большимъ безуміемъ и бѣшенствомъ, нежели эти безсловесныя, и дѣлаютъ другія безстыдства, о которыхъ и говорить неприлично, потому 348 что они уже не понимаютъ, что дѣлается съ ними и что дѣлаютъ они. Не таковъ человѣкъ, не предающійся роскоши: онъ находится въ пристани, валя на кораблекрушенія другихъ, и наслаждается чистымъ и постояннымъ удовольствіемъ, проводя жизнь, достойную свободнаго человѣка. Итакъ, зная это, будемъ избѣгать порочныхъ удовольствій роскоши и соблюдать умѣренность въ трапезѣ, чтобы намъ быть здравыми по душѣ и по тѣлу, совершать всякія добродѣтели и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

347 Понеже что сотворять крестящіися мертвыхъ ради, аще отнюдь мертвіи не встають? Что и крещаются мертвыхъ ради (1 Кор. xv, 29)?

1. (Апостолъ) приступаетъ теперь къ другому доказательству, подтверждая (ученіе о воскресеніи) то тѣмъ, что творить Богъ, то тѣмъ, что дѣлаютъ сами (вѣрующіе). И это не мало служить къ защитѣ истины, когда дѣла самихъ противниковъ приводятся въ свидѣтельство сказаннаго. Что же говоритъ онъ? Но, если хотите, я напередъ скажу, какъ искажаютъ эти слова зараженные болѣзнію Маркіона. Знаю, что это будетъ весьма смѣшно, однако скажу,—особенно для того, чтобы вы еще болѣе остерегались ихъ болѣзни. Когда у нихъ умираетъ кто-нибудь изъ оглашенныхъ, то они, спрятавъ живого подъ одромъ умершаго, приступаютъ къ мертвому, говорятъ съ нимъ и спрашиваютъ: желаетъ ли онъ принять крещеніе? Такъ какъ онъ ничего не отвѣчаетъ, то спрятанный подъ одромъ отвѣчаетъ за него, что онъ желаетъ принять крещеніе; и такимъ образомъ крестятъ его вмѣсто умершаго, разыгрывая какъ бы представленіе на зрѣлищѣ. Такую силу имѣетъ діаволъ надъ душами безпечныхъ! Потомъ, когда ихъ осуждаютъ за это, они указываютъ на слова апостола, который, говорятъ они, сказалъ: *крестящіися мертвыхъ ради*. Видишь ли, какъ это смѣшно? Потому стоитъ ли и опровергать ихъ? Не думаю; иначе нужно было бы спорить и съ безумными о томъ, что они говорятъ въ припадкѣ сумашествія. Впрочемъ, чтобы никто изъ самыхъ простыхъ не былъ увлеченъ ими, надобно сказать что-нибудь и противъ нихъ. Если точно Павелъ говоритъ это, то для чего Богъ угрожаетъ не крещающемуся? При такой выдумкѣ невозможно, чтобы кто-нибудь не крестился, и въ противномъ случаѣ вина падаетъ не на умершаго, а на живого. Къ кому, скажи мнѣ, относятся слова (Спасителя): *аще не съѣсте плоти моея, ни пїете крови моея, живота не имате въ себе* (Іоан. vi, 53),—къ живымъ или къ умершимъ? И еще: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ видѣти царствія Божіа* (ш, 5). Если допустить сказанное, если нѣтъ нужды въ намѣреніи приѣмлющаго и въ расположеніи его еще при жизни, то что препятствуетъ сдѣлаться вѣрными и язычникамъ и іудеямъ, когда другіе послѣ ихъ смерти сдѣлають это за нихъ? Но не будемъ слишкомъ много трудиться напрасно, разрывая такую паутину, а раскроемъ теперь смыслъ самаго изреченія. Что же говоритъ Павелъ? Но прежде я хочу привести вамъ на память

слова, которыя повелѣваютъ вамъ произносить въ тотъ вечеръ 348 совершители таинства, и потомъ обращусь къ изреченію Павла; тогда оно будетъ понятнѣе для васъ. Послѣ всего прочаго мы присовокупимъ и то, что теперь говоритъ Павелъ. Я хотѣлъ бы выразить это ясно, но не смѣю по причинѣ (присутствія) непосвященныхъ; они затрудняютъ насъ при объясненіи, поставляя въ необходимость или говорить неявно, или открывать имъ сокровенное; впрочемъ буду говорить, сколько могу, прикровеннѣе. По произнесеніи тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ словъ и послѣ страшныхъ внушеній откровенныхъ съ неба догматовъ, мы наконецъ, приступая къ крещенію, присовокупляемъ и эти слова, повелѣвая произносить слѣдующее: *отрую въ воскресеніе мертвыхъ*. Въ такой вѣрѣ мы и крещаемся,—послѣ исповѣданія этого вмѣстѣ съ прочимъ, мы сходимъ въ источникъ тѣхъ священныхъ водъ. Это самое припоминая, Павелъ говоритъ: если нѣтъ воскресенія, то для чего ты и крестишься *мертвыхъ ради*, т. е. тѣлѣ? Вѣдь при крещеніи ты вѣруешь воскресенію мертваго тѣла,—тому, что оно уже не останется мертвымъ. Ты словами исповѣдуешь воскресеніе мертвыхъ, а священникъ, какъ бы въ образѣ, показываетъ тебѣ самымъ дѣломъ то, чему ты вѣровалъ и что исповѣдалъ словами; ты вѣруешь безъ знака, а онъ тогда же представляетъ тебѣ знакъ; ты дѣлаешь зависящее отъ тебя, а Богъ тогда же удостоверяетъ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Водю. Схожденіе и погруженіе въ воду, а потомъ выходженіе отъ воды есть знакъ нисхожденія во адъ и восхожденія оттуда. Потому Павелъ и называетъ крещеніе гробомъ, когда говоритъ: *спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. vi, 4). Этимъ онъ удостоверяетъ и въ несомнѣнности будущаго, т. е. воскресенія тѣла, потому что изгладить грѣхи гораздо труднѣе, нежели воскресить тѣло, какъ и Христосъ объяснилъ, когда сказалъ: *что удобнѣе рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи?* Первое, говорить, труднѣе послѣдняго; но вы не вѣрите тому, какъ дѣлу неясному, и менѣе важное проявленіе моей силы считаете болѣе важнымъ, поэтому я не откажусь представить вамъ и это доказательство. *Тогда глагола разслабленному: востани, возми твоей одръ и иди въ домъ твой* (Мѡ. ix, 5, 6).

2. Какъ трудно, скажешь ты, когда это возможно и царямъ и начальникамъ, которые прощаютъ и прелюбодѣевъ и человекоубійцъ? Напрасно ты говоришь это, человекъ; прощать грѣхи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощаютъ прелюбодѣевъ и человекоубійцъ, но они освобождаютъ ихъ только 349 отъ настоящаго наказанія, а самыхъ грѣховъ ихъ не очищаютъ; и хотя бы они возвели прощенныхъ въ высшія званія, хотя бы

облекли ихъ въ порфиру, хотя бы возложили на нихъ діадему, и тогда они сдѣлають ихъ царями, но отъ грѣховъ не освободятъ; это совершаетъ одинъ Богъ. Онъ совершаетъ это въ банѣ пакибытія; благодать касается самой души и съ корнемъ исторгаетъ изъ нея грѣхъ. Потому душа прощенного царемъ можетъ быть нечистою, а душа крещеннаго—нѣтъ; она чище самыхъ солнечныхъ лучей, и такова, какою была въ началѣ, или даже гораздо лучше, потому что она получаетъ Духа, Который совершенно воспламеняетъ ее и дѣлаетъ святою. Какъ ты, переплавляя желѣзо или золото, дѣлаешь его опять чистымъ и новымъ, такъ точно и Духъ Святыи, переплавляя душу въ крещеніи, какъ бы въ горнилѣ, и истребляя грѣхи, дѣлаетъ ее чище и блистательнѣе всякаго чистаго золота. Отсюда также ты можешь убѣдиться въ истинѣ воскресенія тѣлъ. Такъ какъ грѣхъ ввелъ смерть, то по истребленіи корня, безъ всякаго сомнѣнія, истребится и плодъ его. Потому ты и говоришь напередъ объ *оказаніи грѣховъ*, а потомъ исповѣдуешь и *воскресеніе мертвыхъ*, переходя отъ перваго къ послѣднему; далѣе же, такъ какъ слово: *воскресеніе* еще не доказываетъ всего,—многіе вѣдь воскресшіе опять умерли, какъ напр. (воскресшіе) въ ветхомъ завѣтѣ, какъ Лазарь, какъ (воскресшіе) во время крестной смерти Христовой,—то тебѣ повелѣвается говорить: *и съ жизни вѣчную*, чтобы никто не думалъ, что смерть будетъ и послѣ того воскресенія. Такимъ образомъ, припоминая эти слова, Павелъ и говоритъ: *что сотворятъ крестящіися мертвыхъ ради?* Если нѣтъ, говорить, воскресенія, то эти слова—шутка; если нѣтъ воскресенія, то какъ мы убѣждаемъ другихъ вѣрить тому, чего не даемъ? Если бы кто, требуя отъ другого росписки въ полученіи того-то и того-то, не далъ ничего, въ ней написаннаго, а потомъ, получивъ росписку, сталъ бы требовать прописаннаго, то какъ бы поступилъ подписавшійся, сдѣлавъ себя должникомъ, а между тѣмъ не получивъ того, въ чемъ созналъ себя должнымъ? Тоже и (апостолъ) говорить здѣсь о крещающихся: *что сотворятъ*, говорить, *крестящіися*, подписываясь подъ истиной воскресенія мертвыхъ, а между тѣмъ не получая и обманываясь? Какая вообще нужда и въ самомъ исповѣданіи, если бы за нимъ не слѣдовало дѣло? *Почтоже и мы бѣды приедемъ на всякъ часъ? По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Иисусѣ* (ст. 30, 31). Смотри, чѣмъ еще онъ старается подтвердить догматъ,—собственнымъ рѣшеніемъ, или, лучше, не своимъ только, но и прочихъ апостоловъ. И это не маловажное доказательство—указывать на учителей, вполне увѣренныхъ въ истинѣ и подтверждающихъ ее не только словами, но и дѣлами. Потому онъ не просто гово-

рять: и мы убѣждены въ этомъ,—одного этого недостаточно было 350 для убѣжденія,—но представляетъ доказательство отъ дѣлъ и какъ бы такъ говорить: исповѣдывать это словами, можетъ быть, кажется вамъ нисколько не удивительнымъ; но если мы представимъ вамъ доказательство отъ дѣлъ, то что вы скажете противъ этого? Послушайте же, какъ мы проповѣдуемъ это каждый день своими страданіями. Не сказали: *ахъ*, но: *мы*, имѣя въ виду всѣхъ апостоловъ вмѣстѣ и такимъ образомъ съ одной стороны показывая свое смиреніе, а съ другой дѣлая достовѣрными слова свои. Что вы можете сказать? То ли, что обманываемъ мы васъ, проповѣдуя это, и изъ тщеславія учимъ такъ? Но допустить такое мнѣніе не позволяютъ (наши) страданія: кто сталъ бы непрерывно подвергаться страданіямъ тщетно и напрасно? Потому и говорить: *почтаю и мы быды пріемлемъ на всякъ часъ*? Изъ тщеславія, можетъ быть, кто-нибудь рѣшился бы на это одинъ или два раза, но не во всю жизнь, подобно намъ; а мы посвятили на это всю жизнь свою. *По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Исусѣ. Похвалою* здѣсь онъ называетъ преуспѣяніе (коринтеанъ). Указавъ на многія страданія и желая показать, что онъ говоритъ объ этомъ не съ сожалѣніемъ, присовокупляетъ: я не только не скорблю, но еще хвалюсь тѣмъ, что терплю для васъ. Хвалится же онъ двумя обстоятельствами: тѣмъ, что страдаетъ для нихъ, и тѣмъ, что видитъ въ нихъ преуспѣяніе. А потомъ, такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ великихъ, по обыкновенію своему приписываетъ то и другое Христу. Какъ же онъ умираетъ *по вся дни*? Ревностію и готовностію къ тому. А для чего онъ говоритъ это? Опять для того, чтобы и такимъ образомъ подтвердить истину воскресенія. Кто рѣшился бы, говорить, подвергаться столь многимъ родамъ смерти, если нѣтъ воскресенія и будущей жизни? Если и для вѣрующихъ воскресенію нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностямъ, то тѣмъ болѣе невѣрующій не рѣшился бы подвергаться столь многимъ и столь тяжкимъ родамъ смерти. И, смотри, какъ онъ постепенно усиливаетъ (рѣчь). Сказавъ: *быды пріемлемъ*, онъ присовокупляетъ: *на всякъ часъ*; потомъ говоритъ: *по вся дни*; и далѣе говоритъ, что не только—подвергаюсь опасностямъ, но и—*умираю*; наконецъ показываетъ и то, какими родами смерти: *аще бо, говорить, по челоутку со зѣрелъ боряся въ Ефесѣ, кая ми палыа* (ст. 32)?

3. Что значить: *аще по челоутку*? Сколько возможно человѣку, я боролся съ звѣрями. Богъ избавилъ меня отъ опасностей; но что въ томъ? Потому, если кто особенно долженъ скорбѣть, то это—я, который претерпѣлъ столько опасностей и еще не по-

лучилъ никакой награды. Если не придетъ время воздаянія и всѣ наши дѣла ограничиваются настоящимъ, то мы терпимъ большій вредъ; вы увѣровали безъ опасностей, а мы закалаемся каждый день. Впрочемъ, все это онъ говорить не потому, чтобы не было для него пользы въ самыхъ страданіяхъ, но по немощи многихъ, чтобы ихъ утвердить въ истинѣ воскресенія,—и не потому, чтобы онъ подвизался для награды; для него достаточнымъ было воздаяніемъ—дѣлать угодное Богу. Равнымъ образомъ и 351 прежнія слова: *еще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣвши всѣхъ человекъ есмы* (1 Кор. xv, 19) онъ сказалъ также для слушателей, чтобы страхомъ столь бѣдственной участи потрясти ихъ невѣріе воскресенію, и изъ снисхожденія къ ихъ немощи. Подлинно, великая награда уже въ томъ, чтобы во всемъ угождать Христу, и помимо возмездія великое воздаяніе уже въ томъ, чтобы за Него подвергаться опасностямъ. *Еще мертвіи не востаютъ, да ямы и пѣмъ, утрѣ бо умремъ*. Этими словами (апостоль) теперь пристыжаетъ ихъ и говорить не отъ себя, но приводитъ слова велерѣчиваго пророка Исаіи, который, говоря о нѣкоторыхъ безпечныхъ и отчаянныхъ людяхъ, сказалъ такъ: *закалающе телцы и жруще овцы, яко ясти мяса и пити вино, глаголюще: да ямы и пѣмъ, утрѣ бо умремъ. И откровенна сія суть во ушию Господа Саваова, и не оставится вамъ той грѣхъ, дождеже умрете* (Ис. xlvі, 13, 14). Если же въ то время такъ разсуждашіе не были прощасмы, то тѣмъ болѣе во время благодати. Потомъ, чтобы не сдѣлать словъ своихъ слишкомъ тяжкими, онъ не долго останавливается на доказательствѣ нелѣпости (такого образа мыслей), но опять начинаетъ увѣщаніе и говорить: *не лстаетеся, тлѣтъ обычаи благи бѣсѣды злы* (ст. 38). Этими словами онъ съ одной стороны укоряетъ (коряняея), какъ неразумныхъ,—потому что подъ благовиднымъ названіемъ *благихъ* нравовъ онъ разумѣетъ здѣсь удобопреклонные,—а съ другой, сколько можно, навинаятъ ихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ, снимая съ нихъ большую часть вины и возлагая на другихъ, чтобы и такимъ образомъ обратить ихъ къ покаянію. Тоже онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Галатамъ, когда говоритъ: *смущаяй же васъ понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ* (v, 10). *Истрезвитесь праведно и не согрѣшайте* (ст. 34),—(говорить) какъ бы опьянѣвшимъ и неистовствующимъ, потому что опьянѣвшимъ и неистовствующимъ свойственно выпускать все вдругъ изъ рукъ своихъ, не видѣть того, что прежде видѣли, и не вѣрить тому, что прежде исповѣдывали. Что значить: *праведно*? Съ пользою и назиданіемъ, потому что можно быть трезвеннымъ и неправедно, когда кто-нибудь пробуждается ко вреду своей души. Хорошо также прибавилъ онъ:

не *согорьчайте*, показывая, что отсюда происходили у нихъ сѣмена невѣрія. Онъ во многихъ мѣстахъ выражаетъ, что развратная жизнь порождаетъ худыя мысли,—напр. когда говоритъ: *корень естьъ злымъ сребролюбіе есть, сегоже нѣцны желаютъ, заблудиша отъ сѣры* (1 Тим. vi, 10). Многіе, сознавая свои пороки и не желая понести наказаніе, отъ страха перестаютъ вѣрить и воскресенію; напротивъ, дѣлающіе много добраго желаютъ увидѣть его каждый день. *Невѣдѣніе бо Божіе нѣцны имутъ: къ сраму вамъ глаголю.* Смотри, какъ (апостолъ) опять слагаетъ вину па другихъ. Не сказалъ: *вы невѣдѣніе имате*, но: *невѣдѣніе нѣцны имутъ.* Не вѣрить воскресенію свойственно тому, кто не имѣетъ совершеннаго понятія о непобѣдимой и вполнѣ достаточной на все силѣ Божіей. Вѣдь если Онъ сотворилъ сущее изъ несущаго, то тѣмъ болѣе можетъ воскресить разрушившееся. Сильно укоривъ и крайне пристыдивъ ихъ обличеніемъ въ невозддержаніи, неразуміи и безчувственности, (апостолъ) потомъ смягчаетъ слова свои и говоритъ: *къ сраму вамъ глаголю*, то есть, чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сдѣлались лучшими. Онъ опасался, чтобы, поразивъ болѣе надлежащаго, не отвратить ихъ отъ себя.

4. Но не будемъ думать, что это сказано имъ однимъ только (коринѣянамъ); это относится теперь и ко всѣмъ тѣмъ, которые страдаютъ подобными болѣзнями и ведутъ развратную жизнь. Вѣдь не тѣ только, которые держатся худыхъ мыслей, но и тѣ, которые преданы тяжкимъ грѣхамъ, находятся въ состояніи ослѣпленія и неистовства. Потому и къ нимъ справедливо можно сказать: *истрежьте*ся, особенно же къ тѣмъ, которые отягчены ведугомъ корыстолюбія и совершаютъ злое стяжаніе,—а есть и доброе стяжаніе—приобрѣтеніе небесъ, не причиняющее никому вреда. Въ отношеніи имущества невозможно быть одному богатымъ безъ того, чтобы напередъ другой не сдѣлался бѣднымъ; въ благахъ же духовныхъ не такъ, а совершенно напротивъ: невозможно никому сдѣлаться богатымъ безъ того, чтобы не обогатить другого, потому что, если ты никому не принесешь пользы, то и самъ не сдѣлаешься богатымъ. Въ (благахъ) тѣлесныхъ отъ раздаянія происходитъ уменьшеніе, но въ духовныхъ отъ раздаянія происходитъ умноженіе, а нераздаяніе причиняетъ великую скудость и подвергаетъ крайнему наказанію. Доказательствомъ тому—(рабъ) скрывшій талантъ. Такъ, кто имѣетъ даръ мудрости, тотъ, передавая другому, умножаетъ это богатство, дѣлая мудрыми многихъ; а кто скрываетъ ее въ себѣ, тотъ лишаетъ себя богатства, не принося пользы другимъ. Также, кто имѣетъ другіе дары, тотъ, врачуя многихъ, умножаетъ свой даръ; самъ не те-

ряетъ отъ передачи, и многихъ другихъ исполняетъ духовныхъ дарованій. Это правило остается неизмѣннымъ во всѣхъ духовныхъ (благахъ). Такъ бываетъ и съ царствомъ (небеснымъ): кто дѣлаетъ многихъ своими соучастниками въ царствѣ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ пользоваться имъ; а кто не желаетъ имѣть участникомъ никого, тотъ и самъ лишится многихъ благъ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многіе приобрѣтають ее, и художникъ не теряетъ своего искусства, когда дѣлаетъ художниками многихъ, то тѣмъ болѣе приобрѣтающій царство не уменьшаетъ его, а напротивъ тогда и будетъ у насъ богатство больше, когда мы многихъ призовемъ къ нему. Будемъ же приобрѣтать то, что не истощается, но отъ раздаванія умножается; будемъ приобрѣтать то, противъ чего никто не клеветаетъ, чему никто не завидуетъ. Если бы было такое мѣсто, откуда бы, какъ изъ источника, непрестанно истекало золото, и тѣмъ болѣе истекло, чѣмъ болѣе было бы почерпаемо, а другое мѣсто было бы такое, въ которомъ закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотѣлъ бы получать богатство? Не изъ перваго-ли? Конечно, отсюда. Но чтобы намъ не описывать этого только словами, примѣните сказанное къ воздуху и солнцу: они поглощаются всѣми и наполняютъ все, и однако остаются одинаковыми и не уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чемъ я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковою, хотя бы она была раздаваема, или же не раздаваема, но болѣе умножается именно тогда, когда бываетъ раздаваема. Если же кто не убѣждается сказаннымъ и не перестаетъ прилѣпляться къ скуднымъ вещамъ житейскимъ, приобрѣтая подлежащее уменьшенію, тотъ пусть вспомнитъ еще о пищѣ изъ манны и устрашится этого примѣра наказанія. Что было съ манною, тоже и теперь случается съ корыстолюбцами. Что же было тогда? Она обращалась отъ излишества въ червей.

Тоже случается и теперь (съ корыстолюбцами). Мѣра питанія для всѣхъ одна,—одинъ мы наполняемъ желудокъ; но у тебя, предающагося роскоши, гнили больше. Какъ тамъ собиравшіе манну въ дома свои больше положеннаго собирали не манну, а множество червей и гнилости, такъ точно и предающіеся объяденію и пьянству собираютъ въ роскоши и пресыщеніи не большія удовольствія, а большую гниль. Впрочемъ, нынѣшніе даже хуже тогдашнихъ; тѣ, однажды испытавъ такое зло, образумились; а эти, каждый день внося въ дома свои гораздо болѣе опасныхъ червей, не чувствуютъ и не насыщаются. Что одно похоже на другое по бесплодности труда,—потому что со стороны возмездія одно многотяжелѣе другого,—можешь видѣть изъ слѣдующаго. Чѣмъ отли-

частся богатый отъ бѣднаго? Не одинаковое ли онъ одѣваетъ тѣло? Не одинаковый ли питаетъ желудокъ? Чѣмъ же онъ превосходитъ его? Заботами, издержками, преслушаніемъ Бога, растлѣніемъ плоти, развращеніемъ души. Вотъ въ чемъ онъ превосходитъ бѣдняка! Еслибы онъ насыщалъ множество желудковъ, то можетъ быть онъ могъ бы сказать что-нибудь, напр., что у него больше потребностей, что для него необходимы большія издержки. Но, скажешь, и теперь богатые могутъ возразить, что они насыщаютъ многихъ, то есть, слугъ и служанокъ? Да вѣдь это дѣлается не по нуждѣ и не по человѣколюбію, а только по гордости, и потому не можетъ служить для нихъ оправданіемъ.

5. Для чего имѣть множество слугъ? Какъ въ отношеніи къ одеждѣ и пищѣ надобно заботиться только о необходимомъ, такъ и въ отношеніи къ слугамъ. И какая въ нихъ нужда? Нѣтъ никакой. Одному господину надлежало бы имѣть только одного слугу, или, лучше, двоимъ и тримъ господамъ одного слугу. Если это непріятно (слышать), то вспомни о тѣхъ, которые не имѣютъ ни одного, и однако не остаются безъ прислуги, гораздо лучшей, потому что Богъ сотворилъ людей достаточно способными къ служенію самимъ себѣ и даже къ служенію ближнимъ. Если не вѣришь, то послушай Павла, который говоритъ: *требованія мои и сущія со мною послужистъ руцѣ сіи* (Дѣян. xx, 34). Такъ учитель вселенной, достойный небесъ, не стыдился служить тысячамъ (людей); а ты считаешь постыднымъ, если не окружишь себя толпами рабовъ, не понимая, что, напротивъ, это самое особенно и служить для тебя безчестіемъ. Богъ для того далъ намъ руки и ноги, чтобы мы не имѣли нужды въ слугахъ; и не нужда 354 ввела сословіе рабовъ,—иначе вмѣстѣ съ Адамомъ былъ бы сотворенъ и рабъ,—но это есть слѣдствіе грѣха и наказаніе за преслушаніе. А Христосъ, пришедши, прекратилъ и это: *о Христѣ Иисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ* (Гал. iii, 20). Потому нѣтъ нужды имѣть рабовъ; если же нужно, то развѣ одного, а много двухъ. И къ чему толпы слугъ? Точно какіе продавцы овецъ или торговцы невольниками, расхаживаютъ богачи по базарамъ и по торговымъ мѣстамъ. Впрочемъ я ничего не говорю противъ: пусть будетъ у тебя и другой слуга; но если ты собираешь ихъ множество, то дѣлаешь это не изъ человѣколюбія, а изъ роскоши; если бы ты заботился объ ихъ благѣ, то не заставлялъ бы никого изъ нихъ служить тебѣ, но, купивъ и научивъ ихъ ремесламъ, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустилъ бы ихъ на волю. Если же ты бичуешь ихъ, если налагаешь на нихъ оковы, то это уже не дѣло человѣколюбія. Знаю, что я говорю непріятное для слушателей; но что мнѣ дѣлать? На то я поставленъ и не перс-

стану это говорить, хотя будетъ какая-нибудь польза, хотя нѣтъ. Къ чему ты въ самомъ дѣлѣ такъ гордо выступаешь на торжищѣ? Развѣ ты ходишь среди авѣрей, что разгоняешь встречающихся? Не бойся: никто изъ мимоходящихъ и приближающихся къ тебѣ не кусается. Но ты считаешь за безчестіе идти вмѣстѣ со всѣми? Какъ безумно, какъ странно,—когда близъ тебя идетъ лошадь, не считать этого безчестіемъ, а когда чело-вѣкъ не прогнанъ отъ тебя на тысячи стадій, считать это безчестіемъ! Къ чему ты еще окружаешь себя желтоносцами, поступа-я съ людьми свободными, какъ бы съ рабами, или, лучше, самъ проводя жизнь безчестнѣе всякаго раба? Подлинно, кто ве-детъ себя съ такою гордостію, тотъ презрѣннѣе всякаго раба: не увидятъ истинной свободы тѣ, которые поработили себя столь гибельной страсти. Если ты хочешь очистить себѣ дорогу и идти впередъ, то отхочай не проходящихъ, а гордость, не чрезъ слугу, а чрезъ себя самого, не такимъ бичемъ, а духовнымъ. Теперь же слуга твой гонитъ проходящихъ, а тебя сверху гонитъ гордость съ большимъ безчестіемъ, нежели слуга твой—ближняго. Если ты, сошедши съ коня, прогонишь гордость смиренномудріемъ, то займешь высшее мѣсто и доставишь себѣ больше чести, нисколько не нуждаясь для того въ слугѣ. Когда ты будешь сми-ренно идти по землѣ, то возсядешь на колесницу смиренномуд-рія, которая, имѣя крылатыхъ коней, вознесетъ тебя до небесъ; а когда, ниспадши съ ней, взойдешь на колесницу гордости, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животныхъ, пол-зающихъ по землѣ, и даже гораздо хуже и несчастнѣе ихъ, по-тому что ихъ заставляетъ ползать недостатокъ тѣлесный, а те-бя—болѣзнь гордости: *всякъ, говоритъ (Писаніе), возносяся сми-рится* (Лук. хvш, 14). Итакъ, чтобы намъ не унижаться, а воз-выситься, будемъ восходить на эту высоту; такимъ образомъ мы найдемъ и покой душамъ нашимъ, по божественному обѣтованію (Мѡ. хі, 29), и достигнемъ истинной и высочайшей чести, кото-рой да сподобимся всѣ мы, благодатію и челоуѣколюбіемъ (Гос-пода нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Ду-хомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.).

БЕСѢДА ХІІ.

Но речетъ нѣкто: каково востануть мертвіи? Коимъ же 355
тѣломъ прїидутъ? Безумне, ты еже сѣши, не оживетъ,
аще не умретъ (1 Кор. хv, 35).

1. Будучи всегда весьма кроткимъ и смиреннымъ, апостолъ
здѣсь говоритъ весьма строго по причинѣ упорства противни-
ковъ,—и не довольствуется этимъ, но представляетъ и доказа-
тельства и примѣры, чтобы такимъ образомъ укротить и самыхъ
упорныхъ спорщиковъ. Выше онъ говоритъ: *понеже чловѣкомъ
смерть, и чловѣкомъ воскресеніе* (хv, 21); а здѣсь опровергаетъ воз-
раженіе, представляемое язычниками. Впрочемъ, смотри, какъ
онъ опять смягчаетъ силу укоризны. Не сказалъ: *но можетъ быть
вы скажете*, а неопредѣленно указываетъ на возражателя, чтобы
прямымъ рѣшимъ указаніемъ не слишкомъ поразить слушате-
лей. Онъ приводитъ два недоумѣнія: касательно образа воскре-
сенія и касательно качества тѣла, потому что возражавшіе со-
мнѣвались въ томъ и другомъ и говорили: какъ воскреснетъ
разрушившееся, и въ какомъ явятся тѣлѣ? Что значить: *коимъ
тѣломъ*? Т. е., въ этомъ ли истлѣвшемъ, разрушившемся, или въ
какомъ-нибудь другомъ? Потомъ, внушая, что они спрашиваютъ
не о чемъ-либо сомнительномъ, но о томъ, что достоверно из-
вѣстно, онъ тотчасъ обращается къ нимъ съ строгими словами
и говоритъ: *безумне, ты еже сѣши, не оживетъ, аще не умретъ*.
Такъ обыкновенно поступаемъ и мы съ тѣми, которые противо-
рѣчатъ чему-нибудь достоверно извѣстному. А почему онъ не
тотчасъ указываетъ на силу Божию? Потому, что разсуждаетъ
съ невѣрующими. Когда онъ говоритъ съ вѣрующими, то не очень
прибѣгаетъ къ умозаключеніямъ; такъ и въ другомъ мѣстѣ, ска-
завъ: *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну
тѣлу славы его*, и открывъ адѣсь нѣчто болѣе воскресенія, онъ не
привелъ сравненій, а вмѣсто всякаго доказательства указать
прямо на силу Божию, прибавивъ слѣдующее: *по дѣйствию, еже
возмогати ему и покорити себѣ всяческая* (Филипп. ііі, 21). Здѣсь
же онъ употребляетъ и умозаключенія. Доказавъ истину словами
Писаній, онъ теперь съ силою направляетъ рѣчь противъ невѣ-
рующихъ Писаніямъ и говоритъ: *безумне, ты еже сѣши*, т. е. ты
самъ у себя имѣешь доказательство воскресенія въ томъ, что
дѣлаешь ежедневно, и еще ли сомнѣваешься? Безумнымъ я на-
зываю тебя за то, что не знаешь совершаемаго ежедневно самимъ
тобою и, тогда какъ ты самъ бываешь виновникомъ воскресенія
(сѣмянъ), сомнѣваешься въ томъ по отношенію къ Богу. Весьма

выразительно говорить: *ты еже стѣши*, т. е. ты, смертный и разрушающийся. И, смотри, какъ самыя выраженія его соотвѣтствуютъ настоящему предмету: *не оживетъ*, говорить, *еще не умретъ*. Не употребляя выраженій, относящихся къ сѣменамъ, какъ-то: прозябаешь, произрастаетъ, согниваетъ, истлѣваетъ, онъ приводитъ соотвѣтствующія плоти нашей: *не оживетъ, еще не умретъ*,—что свойственно не сѣменамъ, а тѣламъ. И не сказалъ: оживетъ послѣ того, какъ умретъ; но,—что выражаетъ больше,—потому оживетъ, что умретъ. Видишь ли, что онъ, какъ я часто замѣчалъ, всегда
 356 выводитъ противное? Изъ чего другіе выводили заключеніе противъ воскресенія, то самое онъ обращаетъ въ доказательство воскресенія. Они говорили, что тѣло не воскреснетъ, потому что умерло. Что же онъ говоритъ вопреки этому? Если бы оно не умерло, то и не воскресло бы, потому и воскреснетъ, что умретъ. Такъ и Христосъ яснѣйшимъ образомъ показываетъ тоже самое, когда говорить: *еще зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ: еще же умретъ, много плодъ сотворитъ* (Іоан. хп, 24). Отсюда же и Павелъ, занимствуя это сравненіе, не сказалъ: *не будетъ жить*, но: *не оживетъ* (ὁὺ ζωοποιεῖται, не оживотворится), указываетъ опять на силу Божію и внушаетъ, что не земная природа, но самъ (Богъ) совершаетъ все. А почему онъ не указалъ на то, что было ближе къ предмету, т. е. на сѣмя человѣческое,—такъ какъ и наше рожденіе, подобно пшеницѣ, начинается тлѣніемъ? Потому что (тотъ и другой примѣръ) не равны, но первый важнѣе. Апостоль хочетъ указать на что-нибудь всецѣло истлѣвающее, а сѣмя человѣческое только часть (человѣка); потому онъ и указываетъ (на пшеницу). Съ другой стороны, сѣмя человѣческое выходитъ изъ живого человѣка и падаетъ въ живую утробу; а здѣсь сѣмя бросается не въ тѣло, а въ землю, и въ ней истлѣваетъ подобно умершему тѣлу. Такимъ образомъ приведенный примѣръ прямѣе относится къ дѣлу. *И еще стѣши, не тѣло будущее стѣши* (ст. 37). Сказанное доселѣ относится къ тому, какъ (мертвые) воскреснутъ; а это къ тому недоумѣнію, въ какомъ явятся тѣлѣ. Что значить: *не тѣло будущее стѣши*? Не колось цѣлый и не пшеницу новую. Здѣсь говорится уже не о дѣйствительности воскресенія, но объ образѣ воскресенія, т. е. каково будетъ тѣло, имѣющее воскреснуть,—такое ли, какъ прежде, или лучшее и превосходнѣйшее. То и другое (апостоль) вывести изъ одного и того же примѣра и доказываетъ, что оно будетъ лучше.

2. Еретики же, не понимая ничего такого, возражаютъ и говорить: иное тѣло умираетъ и иное тѣло воскреснетъ. Но что это за воскресеніе? Вѣдь возстаніе (воскресеніе) относится къ то-

му, что упало. И гдѣ та чудная и славная побѣда надъ смертію, если одно падаетъ, а другое возстаетъ. Тогда уже не будетъ явно, что она возвратила то, что держала въ своемъ плѣну. Какъ же это сравненіе идетъ къ предмету? Не иное существо сѣется, а иное возрастаетъ, но (возрастаетъ) тоже самое въ лучшемъ видѣ. Иначе и Христосъ, бывшій начаткомъ воскресающихъ, воскресъ не въ томъ же самомъ тѣлѣ, но, по вашему, одно тѣло Онъ оставилъ, хотя оно было безъ всякаго грѣха, а другое принялъ. Откуда же Онъ взялъ другое? То отъ Дѣвы, а это откуда? Видишь ли, до какихъ нелѣпостей доводитъ такое мнѣніе? Для чего также Онъ показалъ язвы гвоздинныя? Не для того ли, чтобы доказать, что это самое (тѣло) и ко кресту было пригвождено и оно же воскресло? И что значитъ прообразъ Іоны? Безъ сомнѣнія, не иной Іона былъ поглощенъ, а иной извергнутъ на землю. И еще, почему (Христосъ) говорилъ: *разорите церковь сію и трети дни воздвигну ю* (Іоан. II, 19)? Онъ, конечно, воздвигъ тотъ самый храмъ, который разрушенъ; потому евангелистъ и присовокупилъ: *онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 21). Итакъ, что означаютъ слова: *не тѣло будущее спеси*? Т. е. не колось, потому что онъ тотъ же и не тотъ же: тотъ же потому, что одного существа съ (сѣменемъ); не тотъ же потому, что онъ лучше; существо осталось тоже, но явилось большее. благолѣпіе, и онъ возсталъ въ новомъ видѣ. А если бы не такъ, то не было бы нужды и въ воскресеніи, когда бы тѣло не могло воскреснуть лучшимъ; для чего разрушать домъ, если не строить его лучшимъ? Это (апостолъ) сказалъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, что (тѣло) истлѣвается. А далѣе, чтобы кто не подумалъ, что отсюда произойдетъ другое тѣло, онъ разрѣшаетъ недоумѣніе и самъ изъясняетъ сказанное, не дозволяя слушателю выводить какое-нибудь несообразное заключеніе. Къ чему же тогда и наши слова? Послушай, какъ онъ самъ говоритъ и изъясняетъ, что значитъ: *не тѣло будущее спеси*; онъ именно тотчасъ присовокупляетъ: *но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ таковыхъ стмянъ. Не тѣло будущее, т. е. не такъ одѣтое, не имѣющее стебля и колосьевъ, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ таковыхъ. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ* (ст. 38). Такъ, скажешь; но здѣсь дѣйствуетъ природа. Какая, скажи мнѣ, природа? И здѣсь все совершаетъ Богъ, а не природа, не земля и не дождь. Потому-то (апостолъ), не упоминая ни о землѣ, ни о дождѣ, ни о вѣдѣ, ни о солнцѣ, ни о рукахъ земледѣльца, говоритъ: *Богъ даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ*. Не изслѣдывай же и не допытывайся, какъ и какимъ образомъ, когда слышишь, что это—дѣло силы и воли Божіей. *И коеуждо стмени свое тѣло*. Гдѣ же чу-

жое тѣло? Даетъ *свое*. Потому, когда (апостоль) говорить: *не брѣущее стѣши*, утверждаетъ не то, будто вмѣсто одного воскреснѣть другое существо, но—воскреснѣть въ лучшемъ, славнѣйшемъ видѣ. *Коемуждо*, говорить, *стѣмени свое тѣло*. Отсюда наконецъ онъ выводитъ и различіе (тѣлъ) при будущемъ воскресеніи. Изъ того, что сѣется пшеница и изъ ней восходятъ всѣ колосья, не заключай, будто и при воскресеніи (тѣла) будутъ равночестны. Даже и изъ сѣмянъ происходятъ (колосья) не одинаковаго достоинства, но одни лучше, другіе хуже. Потому (апостоль) и присовокупляетъ: *коемуждо свое тѣло*. Впрочемъ, не довольствуясь этимъ, онъ выражаетъ еще другое различіе, большее и яснѣйшее. Чтобы ты, какъ я сказалъ, услышавъ, что всѣ воскреснутъ, не подумалъ, что всѣ получать и одну честь, онъ еще прежде посвѣялъ сѣмена своей мысли, сказавъ: *кійждо же въ своемъ чину* (х'. 23). То же самое еще яснѣе онъ выражаетъ и здѣсь, продолжая такъ: *не всяка плоть также плоть* (ст. 39). Что я указываю, говорить. на сѣмена? Тоже самое мы можемъ видѣть на тѣлахъ, о которыхъ теперь идетъ у насъ рѣчь. Потому и продолжаетъ: *но ина убо плоть челоуткомъ, ина же плоть скотомъ, ина же птицамъ, ина же рыбамъ. И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ. Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (ст. 40, 41).

3. Къ чему здѣсь эти слова? Для чего (апостоль) отъ воскресенія тѣлъ уклонился къ рѣчи о звѣздахъ и солнцѣ? Не уклонился онъ и не отступилъ отъ предмета,—нѣтъ,—а еще продолжаетъ говорить о немъ. Доказавъ истину воскресенія, онъ теперь доказываетъ, что великое будетъ тогда различіе въ славѣ, хотя воскресеніе одно, и раздѣляетъ все на двѣ части—на тѣла небесныя и на земныя. Примѣромъ пшеницы онъ доказалъ, что тѣла воскреснутъ; а здѣсь доказываетъ, что не всѣ они будутъ въ одинаковой славѣ. Какъ невѣріе воскресенію дѣлаетъ людей сонливыми, такъ и то мнѣніе, что всѣ удостоятся одинаковой участи, дѣлаетъ ихъ безпечными. Потому онъ исправляетъ то и другое; о первомъ сказалъ выше, а о послѣднемъ начинаетъ говорить теперь. Раздѣливъ всѣхъ на два разряда, на праведниковъ и грѣшниковъ, онъ потомъ раздѣляетъ эти два разряда на многія части, показывая, что праведники и грѣшники получаютъ не одинаковую участь, также—что ни праведники всѣ не будутъ равны съ праведниками, ни грѣшники съ грѣшниками. Первое дѣленіе—на праведниковъ и грѣшниковъ—онъ дѣлаетъ въ словахъ: *тѣлеса небесная и тѣлеса земная*, разумѣя подъ земными послѣднихъ, а подъ небесными первыхъ. Потомъ показываетъ различіе между самими грѣшниками въ словахъ: *не всяка плоть также плоть, но ина убо*

плоть рыбамъ, ина же птицамъ и скотомъ; хотя всѣ они—тѣла, но одни болѣе, другія менѣе маловажны, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ самомъ устройствѣ. Сказавъ объ этомъ, онъ опять обращается къ небу и говоритъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ*. Какъ въ земныхъ тѣлахъ есть различіе, такъ и въ небесныхъ, и различіе не малое, но простирающееся даже до послѣднихъ (звѣздъ); есть различіе не только между солнцемъ и луною, между луною и звѣздами, но и между самими звѣздами: хотя всѣ онѣ на небѣ, но однѣ имѣютъ болѣе, другія менѣе славы. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, хотя всѣ праведники будутъ въ царствѣ (небесномъ), но не всѣ получаютъ одинаковое блаженство; и грѣшники, хотя всѣ будутъ въ гееннѣ, но не всѣ будутъ одинаково мучиться. Потому онъ и присовокупляетъ: *также и воскресеніе мертвыхъ* (ст. 42). Что—также? Будетъ такое же великое различіе. Далѣе, оставивъ этотъ предметъ, какъ достаточно доказанный, онъ опять обращается къ доказательству и къ образу самаго воскресенія и говоритъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи*. И посмотри на мудрость его: о сѣменахъ онъ употребляетъ выраженія приличныя тѣламъ: *не оживаетъ, аще не умретъ*; а о тѣлахъ употребляетъ выраженія приличныя сѣменамъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи*. Не сказать: *произрастаетъ*, чтобы ты не приписалъ этого дѣйствию земли, но: *востаетъ*. Съявіемъ же здѣсь, онъ называетъ не зачатіе наше въ утробѣ матери, но погребеніе въ землѣ мертвыхъ тѣлъ, разрушеніе, прахъ. Потому, сказавъ: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи*, онъ продолжаетъ: *сѣется не въ честь* (ст. 43), такъ какъ что безобразію мертвого, разрушившагося (тѣла)? *Востаетъ въ славу*. *Сѣется въ немощи*. Не проходитъ и тридцати дней, какъ все разрушается: 359
плоть не можетъ поддержать сама себя и продолжить даже на день. *Востаетъ въ силу*. Тогда уже ничто не преодолѣетъ ея. Для того и нужны были приведенные примѣры, чтобы многіе, слыша, что тѣла возстанутъ въ нетлѣніи, славіи и силѣ, не подумати, будто не будетъ никакого различія между воскресшими. Хотя всѣ воскреснутъ въ силѣ и нетлѣніи и въ славіи нетлѣнія, но не всѣ въ одинаковой чести и степени. *Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное*. *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (ст. 44). Что говоришь ты? А это тѣло развѣ не духовно? Оно духовно, но то будетъ гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетаетъ, когда кто впадаетъ въ тяжкіе грѣхи, и тогда, какъ Духъ пребываетъ въ душѣ, (отлетаетъ) жизнь плоти,—а безъ перваго и послѣдняя ничтожна,—но тогда не такъ, а напротивъ (Духъ) будетъ непрестанно пребывать въ плоти праведниковъ и станетъ господствовать въ ней, хотя и душа будетъ присутство-

пать. Такимъ образомъ (апостоль) разумѣль или что-нибудь подобное, когда сказалъ: *духовное*, или то, что оно будетъ легче, тоньше, и будетъ способно носиться даже по воздуху, или лучше—то и другое. Если же не вѣришь сказанному, то посмотри на тѣла небесныя, столь свѣтлыя, неизмѣнныя и никогда не старѣющіяся, и вѣруй, что Богъ можетъ и тлѣвныя тѣла сдѣлать нетлѣвными и гораздо лучшими видимыхъ. *Тако и писано есть: бысть первый чловѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* (ст. 45). Первое дѣйствительно написано (Быт. II, 7), а послѣдняго не написано: какъ же (апостоль) сказалъ: *писано есть*? Онъ вывелъ это изъ событій, какъ и часто дѣлаетъ. Такъ обыкновенно поступаютъ и пророки; напр. пророкъ сказалъ, что Іерусалимъ *наречется градъ истинный* (Зах. VIII, 3), однако онъ не назывался такъ. Что же? Неужели пророкъ сказалъ неправду? Нѣтъ, онъ говоритъ, дѣлая выводъ изъ событій. Также: Христосъ *наречется Еммануилъ* (Ис. VII, 14), и однакоже Онъ не назывался такъ; но дѣла даютъ Ему это названіе. Такъ и здѣсь: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*.

4. (Апостоль) сказалъ это для того, чтобы ты зналъ, что уже есть знаменія и залогомъ какъ настоящей, такъ и будущей жизни: настоящей — Адамъ, а будущей — Христосъ. Такъ какъ лучшія (блага) онъ поставляетъ въ надеждахъ, то теперь доказываетъ, что начало ихъ уже пришло, что корень и источникъ ихъ уже явились. Если же корень и источникъ для всѣхъ очевиденъ, то не должно сомнѣваться и о плодахъ. Потому онъ и говоритъ: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*; и въ другомъ мѣстѣ: *оживотворить мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ его въ васъ* (Рим. VIII, 11). Слѣдовательно, животворить — дѣло Духа. Потомъ, чтобы кто не сказалъ: почему худшее прежде, и почему душевное сбылось все, а не въ началѣ только, духовное же только 360 въ началѣ,—(апостоль) выражаетъ, что таковъ порядокъ того и другого. *Но не прежде*, говоритъ, *духовное, но душевное, потомъ же духовное* (ст. 46). Не говоритъ—почему, но довольствуется указаніемъ на распоряженіе Божіе, имѣя свидѣтелемъ превосходства домостроительства Божія опыты событій и чрезъ то доказывая, что все съ нами происходитъ къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще болѣе достовѣрности словамъ своимъ. Если сбылось худшее, то тѣмъ болѣе надобно ожидать лучшаго.

Итакъ, если намъ предстоятъ такія блага, то постараемся поставить себя въ тотъ разрядъ (праведниковъ) и будемъ оплакивать не умирающихъ, а тѣхъ, которые оканчиваютъ жизнь во злѣ. Земледѣлецъ, когда видитъ пшеницу разрушающеюся, не плачетъ; напротивъ, когда видитъ, что она въ землѣ остается твердою,

боятся и трепещеть; а когда видить ее разрушающеюся, тогда радуется, потому что разрушеніе есть начало будущаго роста. Такъ и мы будемъ радоваться, когда тлѣнный домъ распадается, когда человекъ съется. Не удивляйся, что (апостолъ) называетъ погребеніе сѣяніемъ; это—лучшее сѣяніе. За тѣмъ (сѣяніемъ) слѣдуетъ смерти, труды, опасности, заботы, а за этимъ, если будемъ жить праведно, вѣнцы и награды; за тѣмъ—тлѣніе и смерть, а за этимъ—нетлѣніе, безсмертіе и безчисленныя блага; при томъ сѣяніи—совокупленіе, похоть и сонъ, а при этомъ—только гласъ, сходящій съ небесъ, и вдругъ все совершается, и возстающій вопустаетъ не въ жизнь многотрудную, но туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Если же ты (жена) нуждаешься въ зашитѣ и потому плачешь о мужѣ, то прибѣгни къ общему для всѣхъ Защитнику, Спасителю и Благодѣтелю—Богу, къ этой необходимой помощи, готовому подкрѣпленію, надежному покрову, вездѣ-сущему и отовсюду насъ ограждающему. Но привычное обращеніе съ нимъ, скажешь, вождельнно и пріятно? И я знаю это; но если ты умѣришь страсть свою разсудкомъ и размыслишь о томъ, Кто взялъ его, и что ты, перенесши твердо, принесешь свою волю въ жертву Богу, то будешь въ состояніи избѣжать и этой волны, и то, что совершаетъ время, совершить твое любомудріе; если же ты будешь малодушничать, то хотя время прекратитъ твою скорбь, но ты не получишь никакой награды. Вмѣстѣ съ этими мыслями припомни и примѣры, какъ изъ настоящей жизни, такъ и изъ божественныхъ Писаній; вспомни, какъ Авраамъ закладъ сына своего, и не плакалъ, не произнесъ жалобнаго слова. Но, скажешь, это былъ Авраамъ? А ты призвана еще къ большимъ подвигамъ. Іовъ, хотя скорбѣлъ, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся объ умершихъ; а то, что нынѣ дѣлаетъ мы, свойственно врагамъ и непріятелямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты стала плакать и рыдать о комъ-нибудь, введенномъ въ царскіе чертоги и увѣнчанномъ, то я не назвалъ бы тебя его другомъ, а явнымъ врагомъ и непріателемъ. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему—желать, чтобы онъ еще безпокоился о тебѣ и подвергался неопытности (твоего) будущаго, тогда какъ ему слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ и идти къ пристанищу, или чтобы онъ обуревался волнами, тогда какъ ему можно быть въ пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошелъ онъ? Какъ не знаешь, скажи мнѣ? Онъ живъ или праведно или нѣтъ; поэтому извѣстно, куда отойдетъ 361 онъ. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что онъ умеръ грѣшникомъ? Это—одна отговорка и предлогъ; если бы ты поэтому оплакивала умершаго, то тебѣ надлежало бы исправлять и усо-

вершать его при жизни; но ты заботишься только о себѣ, а не о немъ. Впрочемъ, если онъ умеръ грѣшникомъ, то и въ такомъ случаѣ надобно радоваться, что прекратились грѣхи его и что онъ не приложилъ еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, моленіями, милостынями и приношеніями. Все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаемъ при божественныхъ таинствахъ поминовеніе объ умершихъ и ходатайствуемъ за нихъ, умоляя подлежащаго Агнца, взявшаго грѣхи міра, но для того, чтобы имъ было отъ того нѣкоторое утѣшеніе; не напрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, при совершеніи страшныхъ таинствъ, взываетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и память о нихъ творящихъ. Если бы о нихъ не совершались поминовенія, то и не произносились бы эти слова. Наши дѣйствія—не сценическія представленія,—да не будетъ,—они совершаются по устроению Духа.

6. Будемъ же помогать имъ и совершать о нихъ поминованіе. Если дѣтей Іова очищала жертва отца, то почему ты сомнѣваешься, что, когда и мы приносимъ жертву за умершихъ, имъ бываетъ нѣкоторое утѣшеніе? Богъ часто подаетъ благодать однимъ за другихъ. Это объяснилъ Павелъ, когда сказалъ: *да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о васъ* (2 Кор. 1, 11). Не полѣннимся же помогать умершимъ и приносить за нихъ молитвы, потому что предстоитъ общее очищеніе вселенной. Потому мы и молимся тогда съ дерзновеніемъ о всей вселенной и именуемъ ихъ вмѣстѣ съ мучениками, исповѣдниками и священниками. Мы всѣ одно тѣло, хотя члены—одни другихъ превосходятъ. Такъ, отовсюду возможно снискивать имъ прощеніе, и отъ молитвъ, и отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, и отъ призываемыхъ вмѣстѣ съ ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь сискать прощенія умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколѣ имѣешь Его, Онъ самъ будетъ для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя, такъ какъ и при ихъ жизни Онъ же дѣлалъ для тебя все. Такъ-то помышляй и говори подобно Давиду: *Господь простищеніе мое и спаситель мой, кого убоюся* (Пс. ххvi, 1)? И еще: *Ты еси отецъ сирыхъ и судія вдовихъ* (Пс. lxxv, 6). Моли Его о помощи; Онъ теперь сравнительно съ прежнимъ временемъ тѣмъ болѣе будетъ промышлять о тебѣ, чѣмъ въ большемъ ты находишься затрудненіи. Или ты (отецъ) потерялъ сына? Не потерялъ; не говори такъ. Это сонъ, а не смерть, переселеніе, а не потеря, переходъ отъ худшаго къ лучшему. Не раздражай Бога, но умилоствляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будетъ нѣкоторое утѣшеніе и умершему и тебѣ; если же

нѣтъ, то ты еще болѣе прогнѣваешь Бога, подобно какъ если бы, видя, что господинъ наказываетъ раба, ты озлобился на него, то раздражилъ бы господина еще болѣе противъ себя самого. Не поступай же такъ, но благодари Бога, чтобы такимъ образомъ разсѣялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному (ову): *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. 1, 21); представь, какъ многіе, болѣе тебя угодившіе Богу, даже вовсе не имѣли дѣтей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желалъ бы (имѣть ихъ), потому что лучше не испытывать удовольствія, нежели, испытать, лишиться. Нѣтъ, увѣщаваю тебя, не говори такъ, не раздражай этимъ Владыку; но благодари и за то, что получилъ, благословляя и за то, чего не удержалъ до конца. Не говорилъ Іовъ: лучше было бы не имѣть, какъ говоришь ты неблагодарный, но и за то благодарилъ: *Господь даде*, и за это благословлялъ: *Господь отъятъ*; *буди имя Господне благословено во вѣки*. И женѣ, заграждая уста и вразумляя ее, онъ сказалъ такіа чудныя слова: *аще благая пріятна отъ Господа, злыхъ ли не терпимъ* (п, 10)? И послѣ, когда онъ подвергся еще тягчайшему искушенію, также не поколебался, но терпѣлъ столь же мужественно и славословилъ (Бога). Такъ поступай и ты и помышляя въ себѣ самомъ, что не человѣкъ взялъ (сына твоего), но Богъ, Который сотворилъ его, Который болѣе тебя печется о немъ и знаетъ, что ему полезно, а не врагъ какой-нибудь или человѣкъ недоброжелательный. Вспомни, какъ многія (дѣти), оставшись въ живыхъ, дѣлали родителямъ жизнь не въ жизнь. Но, скажешь, добродѣтельныхъ развѣ ты не видишь? Вижу и ихъ: но состояніе твоего сына надежнѣе, нежели ихъ; они теперь заслуживаютъ похвалу, но конецъ ихъ неизвѣстенъ; а за него тебѣ уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь съ нимъ не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла съ нимъ перемѣна. Такъ же разсуждай и о женѣ доброй и домовитой, и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; можетъ быть, Богъ хочетъ привести тебя къ воздержанію, призываетъ къ большимъ подвигамъ, хочетъ освободить тебя отъ узъ. Любопытствуя такимъ образомъ, мы и здѣсь приобрѣтемъ душевное спокойствіе, достигнемъ и будущихъ вѣнцовъ (которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА ХІІ.

361 Первый человекъ отъ земли перстень, второй человекъ Господь съ небесе (1 Кор. хv, 47).

1. Сказавъ, что первый человекъ душевенъ, а второй духовенъ, теперь (Павелъ) представляетъ иное различіе, называя одного перстнымъ, а другого небеснымъ. Прежнее различіе относилось къ жизни настоящей и будущей, а это ко времени до благодати и послѣ благодати. Представляетъ же онъ такое различіе для того, чтобы внушить добродѣтельную жизнь. Чтобы слушатели, какъ я сказалъ, надѣясь на воскресеніе, не стали пренебрегать жизнью и благочестіемъ, онъ и здѣсь опять призываетъ ихъ на подвиги и увѣщиваетъ быть добродѣтельными: *первый человекъ, говорить, отъ земли перстень, второй человекъ Господь съ небесе*, называя того и другого вообще человекомъ, но въ одномъ указывая высшую его сторону, а въ другомъ низшую. *Якоже перстный, таковы и перстни*,—также погибнуть и умереть; *и якоже небесный, таковы же и небесни*,—также пребудутъ бессмертными и свѣтлыми (ст. 48). Но и послѣдній развѣ не умеръ? Умеръ, однако не только не потерпѣлъ отъ того никакого вреда, но еще такимъ образомъ разрушилъ смерть. Видишь ли, какъ здѣсь (апостоль) самую смертію подтверждаетъ ученіе о воскресеніи? Когда есть, какъ я прежде сказалъ, начатокъ и глава, то не сомнѣвайся и касательно всего. тѣла. Притомъ здѣсь онъ предлагаетъ превосходящее увѣщаніе къ добродѣтельной жизни, представляя образы какъ высокой и любумудрой, такъ и противоположной тому жизни, и указывая начатки той и другой, первой во Христѣ, а второй въ Адамѣ. Потому не просто сказалъ: *отъ земли, но: перстень*, т. е. плотянь, привязанъ къ настоящему; а о Христѣ *напротивъ: Господь съ небесе*. Если же нѣкоторые изъ выраженія: *съ небесе* выводятъ такое заключеніе, будто Господь не имѣлъ тѣла, то для загражденія устъ ихъ и прежде сказанное достаточно, и теперь ничто не препятствуетъ опровергнуть ихъ. Что же значитъ: *Господь съ небесе*? О существѣ ли говорить апостоль, или о высшей жизни? Очевидно, что о жизни. Потому и приобоветъ: *якоже облекомся во образъ перстного*, т. е. какъ дѣлали зло, *да облечемся и во образъ небеснаго*, т. е. будемъ дѣлать добро (ст. 49). Кромѣ того я желалъ бы спросить тебя, о существѣ ли сказано въ словахъ: *отъ земли перстень, и: Господь съ небесе*? Да, говоришь ты. Какъ же, развѣ Адамъ былъ только перстень, или онъ имѣлъ еще какую-нибудь другую сущность, сродную съ существами высшими и безплотными, которую Писаніе называетъ душою и духомъ? Безъ

всякаго сомнѣнія, (имѣлъ) и ее. Слѣдовательно и Господь былъ не только свѣше, хотя и говорится, что Онъ съ небесе, но принялъ и плоть. Смыслъ словъ (апостола) слѣдующій: какъ мы носили образъ земного—злая дѣла, такъ будемъ носить и образъ небеснаго—небесную жизнь. А если бы здѣсь говорилось о существѣ, то дѣло не требовало бы убѣжденія и совѣта; и потому очевидно, что здѣсь говорится о жизни. Потому (апостолъ) и говоритъ объ этомъ въ видѣ увѣщанія и указываетъ на образъ, а тѣмъ самымъ опять показываетъ, что онъ говоритъ о дѣятельности, а не о существѣ; мы оттого сдѣлались перстными, что стали совершать злая дѣла; мы перстны не потому, чтобы такъ были сотворены, но потому, что согрѣшили, такъ какъ прежде грѣхъ, а потомъ смерть: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19); отсюда же произошло и множество страстей. Не происхожденіе только изъ земли дѣлаетъ человѣка перстнымъ,—потому что и Господь былъ изъ того же тѣла и того же состава,—но совершеніе земныхъ дѣлъ; равно и небеснымъ дѣлаетъ жизнь, достойная неба. Впрочемъ, для чего напрасно трудиться, доказывая это? (Павелъ) самъ, продолжая рѣчь, раскрываетъ намъ свою мысль и говоритъ такъ: *сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія не наследуютъ* (ст. 50). Видишь ли, какъ онъ объясняетъ самъ себя, избавляя насъ отъ затрудненія? Такъ онъ часто поступаетъ. Плотію здѣсь онъ называетъ злая дѣла, какъ и въ другихъ мѣстахъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *вы же кѣсте во плоти* (Рим. VIII, 9); и еще: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ* (Рим. VIII, 8); такъ что, 364 когда онъ говоритъ: *сіе же глаголю*, въ словахъ его содержится не иное что, какъ слѣдующее: я сказалъ это для того, чтобы ты зналъ, что злая дѣла въ царствіе не вводятъ. Отъ воскресенія онъ тотчасъ переходитъ къ царствію и присовокупляетъ: *ниже тлѣніе нетлѣнія наследствуетъ*, т. е. зло не наследуетъ славы и нетлѣнныхъ благъ. Такимъ именемъ онъ часто называетъ зло; напримѣръ: *сѣяй въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. VI, 8). Если бы онъ говорилъ о тѣлѣ, а не о порочной дѣятельности, то не назвалъ бы его тлѣніемъ; онъ нигдѣ не называетъ тѣла тлѣніемъ: оно не тлѣніе, а тлѣнное. Потому и далѣе, разсуждая о немъ, не называетъ его тлѣніемъ, а тлѣннымъ: *подобаетъ бо, говорить, тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе*. Окончивъ увѣщаніе касательно жизни, далѣе онъ по своему всегдашнему обыкновению, соединяя одинъ предметъ съ другимъ, переходитъ опять къ ученію о воскресеніи тѣла и говоритъ: *се тайну вамъ глаголю* (ст. 51).

2. О страшномъ и неизреченномъ, о томъ, что не всѣ знаютъ, намѣревается говорить (апостолъ), и оказываетъ имъ великую честь, бесѣдуя съ ними о предметахъ неизреченныхъ. Что же это

такое? *Вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся.* Смысль словъ его слѣдующій: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся, даже и тѣ, которые не умрутъ, не смотря на то, что и они смертны. Итакъ, когда умираешь, не бойся изъ-за этого, какъ будто не воскреснешь; есть, несомнѣнно есть такіе, которые избѣгнуть смерти, но для воскресенія имъ будетъ того недостаточно, а необходимо, чтобы тѣла и тѣхъ, которые не умрутъ, измѣнились и сдѣлались нетлѣнными. *Вскоръ, во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (ст. 52). Послѣ многого, сказаннаго о воскресеніи, онъ теперь благовременно открываетъ въ немъ весьма дивное. Не то только удивительно, говорить, что тѣла сперва сгніють и потомъ возстанутъ, и не то, что возставшія послѣ гніенія будутъ лучше нынѣшнихъ, и не то, что перейдутъ въ гораздо лучшее оостояніе, и не то, что каждый получить собственное, а не чужое тѣло, но и то, что столь многія и столь великія дѣла, превосходящія всякій умъ и всякое разумѣніе, совершатся *вскоръ*, т. е. въ мгновеніе времени, или, какъ онъ яснѣе выражаетъ это, *въ мновеніи ока*,—(такъ же быстро), какъ мигаютъ рѣсницы. Потомъ, такъ какъ онъ сказалъ нѣчто великое и изумительное, т. е. что столь многія и столь великія дѣла совершатся такъ скоро, приводитъ и доказательство въ удостовѣреніе истинны событія: *вострубитъ бо, говорить, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся.* Слово—мы здѣсь онъ относитъ не къ себѣ, а къ тѣмъ, которые тогда окажутся живыми. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе* (ст. 53). Чтобы кто-нибудь слыша, что *плоть и кровь царствія Божія не насладятъ*, не подумалъ, что тѣла не воскреснутъ, онъ присовокупляетъ: *подобаетъ тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе.* Тлѣнное—это тѣло, и мертвенное—тоже тѣло; тѣло остается, потому что оно есть то, что облекается, исчезають же смертность и тлѣнность, когда оно облекается въ безсмертіе и нетлѣніе. Потому не сомнѣвайся на счетъ того, какъ тѣло будетъ жить безконечно, когда слышишь, что оно будетъ нетлѣнно. *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожертва бысть смерть побѣдою* (ст. 54). Такъ какъ онъ сказалъ о дѣлахъ великихъ и неизреченныхъ, то еще подтверждаетъ слова свои пророчествомъ: *пожертва бысть смерть побѣдою*, т. е. окончательно, такъ что не останется ни слѣдовъ ея, ни надежды на возвращеніе, когда тлѣніе будетъ поглощено нетлѣніемъ. *Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда* (ст. 55)? Видишь ли величіе души его? Какъ бы торжествуя побѣду, онъ воодушевляется и, созерцая будущее, какъ бы уже совершившееся, восхищается и попираетъ ногами низложенную смерть, и надъ главою поверженной надаетъ

побѣдный кликъ, громко взыная: *гдѣ ты, смерть, жало? гдѣ ты, аде, побѣда?* Прошла, погибла и исчезла совершенно,—все сдѣлано тщетнымъ. (Господь) не только обезоружилъ и побѣдилъ смерть, но истребилъ ее и обратилъ въ ничто. *Жало же смерти грѣхъ: сила же грѣха законъ* (ст. 56). Видишь ли, что здѣсь идетъ рѣчь о смерти тѣлесной? Слѣдовательно и о воскресеніи тѣлесномъ. Если (тѣла) не воскреснуть, то какъ будетъ поглощена смерть? И еще: какимъ образомъ *сила грѣха законъ*? Что жало смерти—грѣхъ, который даже тяжелѣе ея, и что въ немъ она имѣетъ силу, это извѣстно; а какъ силу грѣха составляетъ законъ? Безъ закона грѣхъ былъ слабъ; онъ былъ совершаемъ, но не могъ такъ подвергать осужденію, потому что ало (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось съ такою ясностію. Потому законъ не мало содѣйствовалъ, какъ большому познанію грѣха, такъ и увеличенію наказанія. Если же онъ, имѣя цѣлю ограничить грѣхъ, сдѣлалъ его болѣе тяжкимъ, то вина лежитъ не на врачѣ, а на томъ, кто худо пользовался врачествомъ. Такъ и пришествіе Христово послужило большимъ бременемъ для іудеевъ; но мы не обвиняемъ его за это, а напротивъ еще удивляемся ему, и тѣмъ болѣе осуждаемъ ихъ, что они получили вредъ отъ того, отъ чего слѣдовало получить пользу. Что не самъ (законъ) сообщилъ силу грѣху, (видно изъ того, что) Христосъ исполнилъ все, и однако былъ чуждъ грѣха. Смотри, какъ и чрезъ это (апостолъ) доказываетъ воскресеніе: если грѣхъ есть причина смерти, а Христосъ, пришедши, разрушилъ грѣхъ и насъ избавилъ отъ него чрезъ крещеніе, съ грѣхомъ же прекратилъ и законъ, въ нарушеніи котораго состоитъ грѣхъ, то какъ послѣ этого сомнѣваться въ воскресеніи? Чѣмъ теперь будетъ сильна смерть? Закономъ? Но онъ прекращенъ. Грѣхомъ? Но онъ разрушенъ. *Богу же благодареніе, дающему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (ст. 57).

8. Трофей воздвигнулъ самъ (Христосъ), а вѣнцовъ удостоилъ и насъ, не по обязанности, а по одному челоуѣколюбію. *Тѣмъ же убо, братіе, тверди бывайте, непоступни* (ст. 58). Справедливо и благовременно это увѣщаніе: ничто столько не колеблетъ, какъ мысль, что трудишься тщетно и напрасно. *Избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда*, т. е. въ чистой жизни. Не сказалъ: дѣлая добро, но: *избыточествующе*, т. е. чтобы добро было совершаемо обильно и выше предписанныхъ предѣловъ. *Въдѣице, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ*. Что говоришь ты? Опять трудъ? Но этотъ трудъ удостоивается вѣнцовъ и (совершается) для небесъ. Первый, послѣ рая—наказаніе за грѣхи; а этотъ—основаніе будущихъ наградъ. Потому его можно бы и не называть трудомъ—какъ поѣтому, такъ и поѣтому, что онъ удостои-

вается великой помощи свыше. Потому (апостоль) и присовокупляеть: *предъ Господемъ*. Первый для того, чтобы намъ понести наказаніе, а послѣдній для того, чтобы получить будущія блага. Не будемъ же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно сподобиться царствія небеснаго безпечнымъ, равно и преданнымъ роскоши и невоздержанію. Скорѣе, пзнуруя и измождая свое тѣло и перенося безчисленные труды, мы можемъ получить небесныя блага. Развѣ вы не видите, какое разстояніе между небомъ и землею, какая предстоить брань, какъ склоненъ человѣкъ ко алу, какъ окружаетъ грѣхъ и какія разставляеть сѣти? Для чего же мы навлекаемъ на себя столько заботъ, кромѣ естественныхъ, причиняемъ себѣ такъ много безпокойствъ и возлагаемъ на себя столь великія бремена? Развѣ не довольно намъ заботъ о желудкѣ, объ одеждѣ и о домѣ? Развѣ не довольно попеченій о (вещахъ) необходимыхъ? Между тѣмъ Христосъ удаляетъ отъ насъ и эти (заботы): *не пецйтесь, говоритъ Онъ, душою вашею, что ясте, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь* (Мѡ. vi, 25). Если же не должно пещись о необходимой пищѣ и одеждѣ, и даже о наступающемъ днѣ, то будутъ ли когда-нибудь въ состояніи воспрянуть тѣ, которые налагаютъ на себя столь великое бремя и подъ нимъ погребаютъ себя? Развѣ вы не слышали, что говоритъ Павелъ: *никтоже воинъ бывая, обязуется заботами житейскими* (2 Тим. ii, 4)? А мы предаемся роскоши, объяденію и пьянству, сильно трудимся надъ предметами посторонними, а касательно предметовъ небесныхъ оказываемся слабыми. Развѣ не знаете, что обѣщанное намъ выше человѣческаго? Ходящій по землѣ не можетъ взойти на высоты небесныя; а мы даже не стараемся жить почеловѣчески, но стали хуже самихъ безсловесныхъ. Развѣ не знаете, какому предстанемъ мы судилищу? Развѣ не помните, что намъ должно отдать отчетъ въ словахъ и помышленіяхъ? А мы не заботимся даже о дѣлахъ! *Иже воззритъ на жену, говоритъ (Господь), ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею* (Мѡ. v, 28); а люди, которые должны отдать отчетъ даже за нескромный взглядъ, не стѣсняются сгнѣвать въ самомъ этомъ грѣхѣ. *Иже речетъ брату своему: уроде, повиненъ еси мнѣ* (Мѡ. v, 22); а мы не престаемъ срамить братьевъ своихъ безчисленными оскорбленіями и различными клеветами. *Любящій любящаго нпчѣмъ не лучше язычника* (Мѡ. v, 46); а мы ненавидимъ и любящихъ. Какое же мы получимъ прощеніе, когда, будучи обязаны превyšать предѣлы, предписанные древнимъ, проводимъ свою жизнь даже ниже этихъ предѣловъ? Что скажемъ въ свое оправданіе? Кто предстанетъ и поможетъ намъ, когда мы подвергнемся наказанію? Никто; но съ

воплями и рыданіями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбѣжно будемъ ввергнуты въ непроницаемую тьму, въ (мѣсто) неотвратимыхъ мученій и невыносимыхъ казней. Потому увѣщевая, прошу и, касаясь колѣнъ вашихъ, умоляю: пока остается еще краткій срокъ жизни, примите съ сокрушеніемъ слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы тамъ по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбѣть безнадежно. Отецъ ли твой, или сынъ, или другъ, или кто иной будетъ имѣть дерзновеніе предъ Богомъ, никто тогда не избавитъ тебя отъ (мученій), заслуженныхъ собственными твоими дѣлами. Таково тамошнее судилище: оно судитъ по дѣламъ только, и иначе спастись тамъ невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить, или привести въ отчаяніе, но для того, чтобы мы, питая въ себѣ тщетныя и холодныя надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадѣть о собственной добродѣтели. Если мы будемъ безпечны, то насъ не защититъ никто—ни праведникъ, ни пророкъ, ни апостолъ; если же будемъ ревностны, имѣя достаточную защиту въ собственныхъ дѣлахъ, то съ дерзновеніемъ удостоимся и благъ, уготованныхъ любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы (благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLIII.

О милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроишь 367 церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте (1 Кор. xvi, 1).

1. Окончивъ ученіе о догматахъ и намѣреваясь излагать ученіе нравственное, (Павель) оставляетъ все прочее и переходитъ къ главнѣйшему изъ благъ, именно говорить о милостынѣ. Сказавъ объ этомъ одномъ предметѣ, онъ оканчиваетъ (рѣчь) между тѣмъ въ другихъ посланіяхъ нигдѣ не дѣлаетъ этого, но заключаетъ ихъ бесѣдою и о милостынѣ, и о воздержаніи, и о кротости, и о долготерпѣніи, и о всѣхъ прочихъ добродѣтеляхъ. Почему же здѣсь онъ занимается одною только частію нравственнаго, именно въ томъ, чѣмъ онъ наказывалъ блудника, чѣмъ вразумлялъ судившихся у вѣншнихъ (язычниковъ), чѣмъ приводилъ въ страхъ преданныхъ пьянству и чревоугодію, чѣмъ обличалъ возмутителей, состязателей и властолюбцевъ, чѣмъ

угрожалъ предать нестерпимому наказанію недостойно приступающихъ къ таинствамъ, чѣмъ объяснялъ вечерю любви. Поэтому теперь онъ упоминаетъ объ одномъ только томъ, что особенно нужно было, т. е. о пособіи святымъ. И посмотри на мудрость его: онъ бесѣдуетъ объ этомъ уже тогда, когда убѣдилъ ихъ въ истинѣ воскресенія и возбудилъ ревность. Правда, онъ бесѣдовалъ съ ними объ этомъ и прежде, когда говорилъ: *аще мы духовная стяжамъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?* и еще: *кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ* (1 Кор. ix, 11, 7)? Но такъ какъ онъ зналъ величіе предлагаемой добродѣтели, то не оставляетъ сказать о ней и въ концѣ посланія. *Милостыню* (λογία) онъ называетъ сборъ для того, чтобы тотчасъ же съ самаго начала представить это дѣло легкимъ, потому что если она должна собираться со всѣхъ, то такое установленіе для каждаго становится легкимъ. Впрочемъ, начавъ говорить о сборѣ, онъ не тотчасъ сказалъ: *кійже васъ да полагаетъ у себе сохраняя*, хотя это и слѣдовало; но напередъ сказалъ: *якоже устроишь церквамъ Галатійскимъ*, а потомъ присовокупилъ и то; указаніемъ на совершаемое другими онъ возбуждаетъ ихъ къ соревнованію, предлагая имъ это въ видѣ повѣствованія. Такъ онъ поступилъ и въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ, объясняя имъ причину своего отправленія въ Іерусалимъ, говоритъ между прочимъ и о милостынѣ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ* (Рим. xv, 25, 26). Однихъ побуждаетъ примѣромъ македонянъ и коринтянъ, а другихъ—примѣромъ галатійцевъ: *якоже устроишь*, говоритъ, *церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте*; имъ стыдно было бы оказаться ниже галатійцевъ. Не сказалъ: я убѣждалъ и совѣтовалъ, но: *устроишь*, чѣмъ выражается бѣльшая власть; привелъ въ примѣръ не одинъ городъ, не два и не три, но цѣлый народъ, какъ дѣлалъ онъ и въ отношеніи къ догматамъ: *яко*, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. xiv, 33); если же такое убѣжденіе сильно для вѣры въ догматы, то еще сильнѣе для подражанія въ дѣлахъ. Что же, скажи мнѣ, устроилъ ты? *По единъ отъ субботъ*, т. е. въ день воскресный, *кійже васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшитъ* (ст. 2). Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ самымъ временемъ: этотъ день самъ по себѣ достаточно располагаетъ къ милостынѣ. Вспомните, говоритъ, чего вы сподобились въ этотъ день: неизреченныя блага, корень и источникъ нашей жизни получили начало въ этотъ день. И не поэтому только это время располагаетъ къ человеколюбію, но и потому, что оно доставляетъ отдыхъ и свободу отъ трудовъ; душа, облег-

ченная отъ бремени трудовъ, бываетъ удобопреклоннѣе и способнѣе къ милосердію. Кромѣ того и причащеніе въ этотъ день страшныхъ и безсмертныхъ таинъ производитъ великую готовность (къ подаванію). Итакъ, въ этотъ день, *каждо васъ*, не только тотъ или другой, но *каждо*, бѣденъ ли онъ или богатъ, жена или мужъ, рабъ или свободный, *да полагаетъ у себе сохраняя*. Не сказать: пусть приносить въ церковь, чтобы имъ не стыдно было приносить малое, но—пусть, сберегая мало-по-малу, увеличиваетъ приношеніе, и потомъ покажетъ его, когда я приду; а до того времени, говорятъ, отлагай у себя, и домъ свой дѣлай церковію, ковчегомъ, скровищницею; будь стражемъ священнаго имущества, самопоставленнымъ домоправителемъ бѣдныхъ; человеколюбіе даетъ тебѣ это священное право. Знакомъ этого остается 369 и донныя сосудохранильница. Но знакъ остается, а дѣла нѣтъ. Знаю, что многіе изъ присутствующихъ опять будутъ укорять насъ и, слыша слова наши, говорить: не будь, просимъ тебя, не будь тяжелъ и обременителенъ для слушателей; предоставь это ихъ произволу, отдай на волю слушателей; ты такъ стыдишь насъ и заставляешь краснѣть! Но я не перестану говорить объ этомъ; и Павелъ не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящимъ милостыни. Если бы я говорилъ: отдай мнѣ и принеси въ мой домъ, то, можетъ быть, слова мои были бы постыжны; впрочемъ и тогда—нѣтъ, потому что *служащій алтарю*, говорить (апостолъ), *со алтаремъ дѣлится* (1 Кор. ix, 13).

2. Но, можетъ быть, кто будетъ укорять меня, что я говорю о самомъ себѣ. Нѣтъ, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся, или, лучше, не о нуждающихся, а о васъ—подающихъ; потому и говорю смѣло. И что за стыдъ—сказать: подай Господу алчущему, одѣнь Его, ходящаго нагимъ, прими Его—странника? Владыка твой предъ цѣлой вселенной не стыдится говорить: *важася, и не дасте ми ясти* (Мѣ. xxv, 42), тогда какъ Онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка и никакой нужды,—и я ли буду стыдиться и колебаться? Нѣтъ, такой стыдъ—отъ діавольскихъ козней. Потому я не стыжусь, но смѣло говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели сами нуждающіеся. Если бы кто могъ доказать и уличить, что, говоря это, мы привлекаемъ васъ къ самимъ себѣ, и подъ предлогомъ бѣдныхъ имѣемъ въ виду собственную пользу, то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громовъ, и тѣмъ, которые дѣлаютъ это, не слѣдовало бы жить; если же, по милости Божіей, мы о себѣ нисколько не заботимся, но предлагаемъ вамъ благовѣстіе безвозмездно, трудясь, хотя не такъ, какъ Павелъ, однакоже до-

вольствуясь своимъ, то я со всѣмъ дерзновеніемъ говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а неподающихъ буду осуждать строго. Если бы я былъ военачальникомъ и имѣлъ у себя воиновъ, то, конечно, не стыдился бы выпрашивать пищи своимъ войнамъ; такъ же много я пекусь и о вашемъ спасеніи. Но чтобы слова мои были дѣйствительнѣе и сильнѣе, для этого, ставъ подъ руководство Павла, буду говорить вамъ вмѣстѣ съ нимъ: *кѣждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣишете*. Смотри опять, какъ это не трудно. Не сказалъ: столько-то или столько-то, но: *еже аще что благопоспѣишете*, много ли, мало ли. Не сказалъ также: сколько кто приобрѣтетъ, но: *еже аще что благопоспѣишете*, выражая, что приобрѣтеніе—отъ Бога. И не этимъ только способомъ онъ дѣлаетъ совѣтъ свой удобоисполнимымъ, но и тѣмъ, что не повелѣваетъ вносить все въ одно время, такъ какъ если собирать мало-по-малу, то служеніе и расходъ дѣлаются нечувствительными. Потому онъ и повелѣваетъ не тотчасъ принести, но назначаетъ продолжительный срокъ и приводитъ причину: *да не егда прииду*, говорить, *тогда собранія бывають*, т. е. чтобы не дѣлать сборовъ тогда, когда наступитъ время взноса. И не безъ цѣли предлагаетъ имъ такое внушеніе: ожиданіе Павла должно было возбуждать въ нихъ болѣе усердія. *Егда же прииду, ихже аще искусите, съ посланни сихъ пошлю отнести благодать вашу во Іерусалимъ* (ст. 3). Не сказалъ: кого-нибудь, но: *ихже аще искусите*, т. е. кого изберете, чтобы служеніе было несомнительно. Дѣло избранія тѣхъ, которые отнесутъ милостыню, онъ предоставляетъ самимъ (коринѣянамъ); не такъ будетъ, говорить, что жертвовать станете вы, а избирать имѣющихъ отнести—не вы. А чтобы не показалось, будто онъ себя устраниваетъ отъ нихъ, онъ прилагаетъ и свои посланія: *ихже, говорить, аще искусите, съ посланни сихъ пошлю*; какъ бы такъ сказалъ: и я буду съ вами, и я приму участіе въ служеніи посредствомъ посланій. Не сказалъ: пошлю ихъ отнести милостыню вашу, но: *благодать вашу*, чтобы показать, что они совершаютъ великое дѣло, чтобы внушить, что и сами они отъ этого получаютъ пользу. Въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ (такое подаяніе) благословеніемъ и общеніемъ (2 Кор. viii; Фил. i), первымъ—для того, чтобы слушатели не сдѣлались нерадивыми, а послѣднимъ—для того, чтобы они не возгордились; но нигдѣ не называлъ милостынею. *Аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдуть* (ст. 4). Здѣсь онъ опять располагаетъ ихъ къ щедрости: если, говорить, будетъ столько собрано, что понадобится и мнѣ идти, то и я не откажусь. Но прямо не общалъ этого и не сказалъ: когда приду, то самъ отнесу, потому что не столько рас-

положилъ бы ихъ къ увеличенію подаянія, если бы сказалъ это въ самомъ началѣ, а послѣ такое прибавленіе хорошо и благо- временно. Потому-то онъ и не прямо это общалъ, и совершенно не умолчалъ объ этомъ, но, сказавъ напередъ: *послю*, потомъ упомянулъ и о себѣ. И въ этихъ словахъ: *еще достойно будетъ и мнѣ* онъ опять предоставляетъ дѣло на ихъ волю, т. е., что отъ нихъ зависить собрать много и столько, чтобы не стыдно было и ему предпринять путешествіе. *Прииду же къ вамъ, егда Македонію преиду* (ст. 5). Онъ сказалъ тоже и прежде, но тогда съ гнѣвомъ, прибавивъ: *и уразумѣю не слово разгорѣвшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19); а теперь благосклоннѣе, чтобы они желали его прибытія. А чтобы они не сказали: для чего ты предпочитаешь намъ македонянъ?—онъ не сказалъ: когда пойду, но: *егда Македонію преиду. Македонію бо прехожду. У васъ же, еще случится, пребуду или и озимѣю* (ст. 6); хочу не мимоходомъ зайти къ вамъ, но остановиться и пожить у васъ. Онъ писалъ это зимою, находясь въ Ефесѣ. Потому и говоритъ: *пребуду же въ Ефесѣ до Пентикостіи*, потомъ пойду въ Македонію; и, пройдя ее, лѣтомъ приду къ вамъ, быть можетъ, проведу у васъ и зиму.

8. Но почему онъ сказалъ: *еще случится*, а не утвердительно? Потому, что не все предвидѣлъ Павелъ, и потому, что это было полезно. Поэтому онъ и не утверждаетъ прямо, чтобы, если бы этого не случилось, имѣть оправданіе въ томъ, что говорилъ тогда неопредѣленно, равно и въ томъ, что его направлялъ Духъ по своей власти, куда хотѣлъ, а не куда желалъ самъ (Павелъ). Также онъ поступаетъ и во второмъ посланіи, когда оправдывается въ своемъ замедленіи: *или яже советѣваю*, говоритъ, *по 371 плоти советѣваю, да будетъ у мене еже ей ей, и еже ни ни* (2 Кор. I, 17). *Да вы мя проводите, а може еще пойду*. И это—слова любви и великаго благорасположенія. *Не хочу бо васъ нынѣ въ мимохожденіи видѣти: уповаю бо время нѣкое пребыти у васъ, еще Господь повелитъ* (ст. 7). Здѣсь онъ выражаетъ свою любовь и вмѣстѣ устрашаетъ грѣшниковъ, впрочемъ, не прямо, а подъ видомъ дружескаго расположенія. *Пребуду же въ Ефесѣ до Пентикостіи* (ст. 8). Не напрасно онъ говоритъ обо всемъ этомъ съ точностію, но открываетъ имъ, какъ друзьямъ, потому что дружбѣ свойственно—объявлять причину, почему не приходитъ, почему медлить и гдѣ находится. *Дверь бо ми отверзеса велика и поспѣшна, и сопротивленіи мнози* (ст. 9). Если же (дверь) велика, то откуда сопротивленіи? Отъ этого самаго и много противниковъ, что велика вѣра, что великъ и широкъ входъ. Что же значить: *дверь велика*? Многіе готовы принять вѣру; многіе готовы приступить и обратиться; широкъ у меня входъ, потому что души приступающихъ

охотно принимаютъ послушаніе вѣры. Сильною злобою дышалъ тогда діаволъ, видя, что многіе отъ него отступаютъ. Поэтому (Павлу) надлежало остаться тамъ по двумъ причинамъ: потому что велика была польза, и потому что великъ былъ подвигъ. Такою рѣчью онъ тоже ободрялъ (коринѳяны), сообщая имъ, что, наконецъ, слово повсюду дѣйствуетъ и удобно возрастаетъ. А что много было противниковъ, то и это означаетъ успѣхъ евангельской проповѣди. Злой демонъ никогда такъ не свирѣпѣетъ, какъ когда видитъ, что многіе изъ его сосудовъ расхищаются. Потому и мы, когда захотимъ совершить что-нибудь великое и доблестное, будемъ смотрѣть не на то, что дѣло представляетъ много труда, а на его пользу. И Павелъ, смотри, не теряетъ бодрости и не убѣгаетъ потому, что много противниковъ, но остается и напрягаетъ свои силы, потому что велика была дверь. Это, какъ я сказалъ, было знакомъ разоруженія діавола. Этого злого звѣря не можетъ раздражить тотъ, кто сдѣлалъ что-нибудь малое и незначительное. Потому не удивляйся, когда видишь, что праведный мужъ, совершающій великіе подвиги, терпитъ множество бѣдствій; надлежало бы дивиться противоположному, т. е. если бы діаволъ, будучи часто поражаемъ, оставался въ покоѣ и кротко переносилъ (наносимыя ему) раны. Не удивительно, если змій, получая непрестанные удары, свирѣпѣетъ и бросается на ударяющаго. А діаволъ, пресмыкаясь, свирѣпствуетъ противъ всѣхъ алѣе всякаго змія и нападаетъ, выставивъ жало, подобно скорпіону. Это не должно смущать насъ; возвращающемуся съ войны, послѣ сраженія и побѣды, необходимо быть въ крови, а нерѣдко и имѣть раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подаетъ милостыню и совершаетъ множество другихъ добрыхъ дѣлъ, и такимъ образомъ сокрушаетъ силу діавола, а между тѣмъ подвергается искушеніямъ и бѣдствіямъ, не смущайся этимъ; потому онъ и подвергается искушеніямъ, что сильно поражаетъ діавола. Но для чего, скажешь, Богъ попускаетъ это? Для того, чтобы онъ удостоился большихъ вѣнцовъ, а діаволъ получилъ сильнѣйшее пораженіе. Подлинно, когда онъ, дѣлая добро и испы-
372 тывая ало, за все благодаритъ Бога, тогда діаволъ и поражается. Великое (дѣло) быть милосерднымъ и добродѣтельнымъ тогда, какъ обстоятельства благопріятны; но гораздо важнѣе не отступать отъ доброй дѣятельности и во время бѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ человекъ дѣйствуетъ собственно для Бога. Итакъ, возлюбленные, будемъ ли мы находиться въ опасности или терпѣть что-нибудь прискорбное, станемъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ совершать подвиги добродѣтели, потому что еще не время воздаянія. Не будемъ искать вѣнцовъ здѣсь, чтобы во время (раз-

даянія) вѣнцовъ намъ не уменьшить своей награды. Какъ у художниковъ работающіе на собственномъ иждивеніи получаютъ большую плату, а проживающіе на счетъ нанявшаго ихъ получаютъ плату гораздо меньшую, такъ и изъ святыхъ кто совершаетъ много добра и терпитъ много зла, тотъ получаетъ полную награду и гораздо большее воздаяніе—не только за добро, которое онъ сдѣлалъ, но и за зло, которое онъ претерпѣлъ; а кто наслаждается здѣсь, живя въ удовольствіяхъ и роскоши, тотъ получаетъ тамъ не столь свѣтлые вѣнцы. Потому не будемъ искать воздаянія здѣсь, но особенно тогда и будемъ радоваться, когда мы, дѣлая добро, терпимъ зло, потому что тамъ Богъ готовитъ намъ награду не только за добрыя дѣла, но и за претерпѣваемые искушенія.

4. Чтобы сказанное было яснѣе, представимъ двухъ людей богатыхъ, которые оба милосердны и подаютъ бѣднымъ. Потомъ, пусть одинъ останется при своемъ богатствѣ и наслаждается полнымъ благоденствіемъ, а другой пусть впадетъ въ бѣдность, подвергнется болѣзнямъ и несчастіямъ и между тѣмъ благодаритъ Бога. Когда они отойдутъ отсюда, то который изъ нихъ получитъ большую награду? Не явно ли, что подвергшійся болѣзнямъ и скорбямъ, такъ какъ онъ и въ благоденствіи и въ алополучіи не впалъ въ человѣческія слабости? Безъ сомнѣнія, онъ. Такой чловѣкъ, подлинно, есть столпъ адамантовый, рабъ вѣрный. Если же всякое добро надобно дѣлать, имѣя въ виду не царство, а волю Божию, которая больше всякаго царства, то чего удостоится тотъ, кто нерадитъ о добродѣтели, потому что здѣсь не получаетъ за нее воздаянія? Потому не будемъ смущаться, когда видимъ, что кто-нибудь, охранявшій вдовицъ и часто угощавшій бѣдныхъ, лишается своего дома отъ пожара, или испытываетъ другое подобное несчастіе; онъ и за то получитъ награду. Такъ и Іову не столько удивляются за его милостыни, сколько за слѣдовавшія потомъ страданія; а друзья его за то и осуждаются и почитаются ничего не стоящими, что они требовали воздаяній въ настоящей жизни и поэтому несправедливо судили о праведникѣ. Итакъ, терпя бѣдность и нищету, не будемъ искать воздаянія въ здѣшней жизни; крайне постыдно—домогаться здѣшнихъ благъ тогда, какъ намъ предложено небо и блага вышенебесныя. Не будемъ же поступать такъ, но какое бы изъ неожиданныхъ обстоятельствъ ни встрѣтилось съ нами, будемъ постоянно обращаться къ Богу и слѣдовать блаженному Павлу; устроимъ въ своемъ домѣ ковчежецъ для бѣдныхъ, который пусть находится около того мѣста, гдѣ ты становишься на молитву, и всякій разъ, какъ приступаешь къ молитвѣ, напередъ положи милостыню, и потомъ воссылай

молитву. Какъ ты не начинаешь молитвы, не умывши рукъ,
373 такъ же (не начинай ея) и безъ милостыни. Положить милостыню не меньше значить, чѣмъ повѣсить Евангеліе близъ своей кровати; если ты, повѣсивъ Евангеліе, самъ ничего не будешь дѣлать, то не получишь столько пользы, а устроивъ такой ковчежець, ты имѣешь оружіе противъ діавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой домъ, сохраняя въ немъ царское брашно. Пусть стоитъ этотъ ковчежець у твоей кровати, и ночь твоя будетъ безъ мечтаній; только не полагай въ него ничего отъ неправедныхъ стяжаній; дѣло твое—милостыня, а милостыня не можетъ происходить отъ жестокосердія. Хотите ли, я укажу вамъ и источники, откуда заимствовать такіа приношенія, чтобы такимъ образомъ сдѣлать ихъ легкими? Ремесленникъ, напр. сапожникъ, кожевникъ, мѣдникъ, или какой бы то ни было другой, продавъ что-нибудь изъ произведеній своего ремесла, пусть приноситъ начатокъ цѣны Богу, пусть отлагаетъ нѣкоторую малую часть туда и этою малую частію подѣлится съ Богомъ; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны іудейскіе, исполненные
374 безчисленныхъ золъ, столько же будемъ отлагать и мы, чающіе неба. Впрочемъ, не поставляю этого закономъ, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менѣ десятой части. То же самое дѣлайте не только при продажѣ, но и при покупкѣ. То же правило пусть соблюдаютъ и владѣтели полей, при собираніи съ нихъ доходовъ; то же и всѣ, пріобрѣтающіе праведно; не говорю о ростовщикахъ, равно и о воинахъ, которые притѣсняютъ другихъ и обогащаются отъ чужихъ несчастій,—отъ нихъ Богъ не приметъ ничего,—а говорю о людяхъ, собирающихъ имущество трудами праведными. Если мы утвердимся въ такой привычкѣ, то потомъ совѣсть будетъ укорять насъ, какъ скоро мы не станемъ исполнять этого правила; когда же сами испытаемъ, что это дѣло не трудное, то перейдемъ мало-по-малу къ высшимъ добродѣтелямъ и, научившись презирать богатство и исторгши въ себѣ корень золъ, проведемъ спокойно жизнь настоящую и достигнемъ жизни будущей, которой да сподобимся всѣ мы (благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XLV.

Аще же приидеть Тимошеей къ вамъ, блюдите, да безъ 373
страха будетъ у васъ (1 Кор. xvi, 10).

1. Можетъ быть, кто подумаетъ, что такое увѣщаніе не достойно мужества Тимооея; но это сказано не для Тимооея, а для слушателей, чтобы они чрезъ какія-нибудь дѣйствія противъ него не причинили вреда самимъ себѣ. Онъ всегда былъ готовъ на опасности: *заче*, говорить (Павелъ), *якоже отцу чадо, со мною по-работалъ въ благовѣстїи* (Фил. ii, 22); но чтобы они, оскорбляя ученика, не оскорбили учителя и сами не сдѣлались хуже, (апостоль) заблаговременно предостерегаетъ ихъ и говоритъ: *да безъ страха будетъ у васъ*, т. е. чтобы кто-нибудь изъ безстыдныхъ не возсталъ противъ него. Ему, можетъ быть, предстояло сдѣлать имъ замѣчаніе за то, о чемъ писалъ Павелъ, для чего онъ и былъ посланъ, какъ выразилъ (апостоль) въ словахъ: *послать къ вамъ Тимооея, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Иисусѣ, якоже вездѣ во всякой церкви учу* (1 Кор. iv, 17). Итакъ, чтобы они, надѣясь на знатность, на богатство, на защиту отъ народа и на мірскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить противъ него козни, негодуя на его обличенія, или на вразумленія учителя, и желая отмстить послѣднему въ лицѣ перваго, (апостоль) говоритъ: *да безъ страха будетъ у васъ*. Не ссылайтесь, говорить, на внѣшнихъ — язычниковъ и невѣрующихъ; требую этого отъ васъ, для которыхъ писано все посланіе. Имъ онъ внушалъ страхъ еще въ началѣ, во вступленіи; потому и здѣсь говоритъ: *у васъ*. Затѣмъ внушаетъ имъ довѣріе (къ Тимооею) по самому его служенію: *дѣло бо*, говорить, *Господне дѣлаетъ*. Не смотри на то, говорить, что онъ не богатъ, не образованъ и не старъ, а на то, что поручено ему и что онъ исполняетъ: *дѣло бо Господне дѣлаетъ*; это замѣняетъ ему и знатность, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ: *яко же и азъ*; и выше (говорилъ): *иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ: иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ* 374
(iv, 17). Такъ какъ онъ былъ молодъ и ему одному поручено было исправленіе такого общества, а потому то и другое могло быть причиною пренебреженія къ нему, то (апостоль) справедливо продолжаетъ: *да никто же убо его уничижитъ* (ст. 11); и не только этого требуетъ для него, но еще большей чести: *проводите же*, говорить, *его съ миромъ*, т. е. безопасно, безъ ссоръ и словопрепій, безъ вражды и ненависти, но съ покорностію и почтительностію къ нему, какъ къ учителю. *Да приидеть ко мнѣ: жду бо*

его съ братією; и этимъ онъ внушаетъ имъ страхъ, чтобы они, зная, что онъ расскажетъ (апостолу) все, съ нимъ случившееся, были болѣе кроткими; для того и присовокупляетъ: *жду бо его*. А съ другой стороны этимъ онъ также внушаетъ довѣріе (къ Тимоѳею), выражая, что онъ самъ, намѣреваясь отправиться, ожидаетъ его, и вмѣстѣ свидѣтельствуеетъ любовь свою къ нимъ, показывая, какого полезнаго онъ послалъ къ нимъ челоуѣка. *О Апаллосъ же братъ много молихъ его, да приидетъ къ вамъ съ братією* (ст. 12). Этотъ, какъ видно, былъ образованъ и старше Тимоѳея; потому, чтобы они не сказали, почему онъ не послалъ къ нимъ этого мужа, а (прислалъ) вмѣсто него молодого челоуѣка,—смотри, какъ апостолъ и касательно него успокоиваетъ ихъ, называя его братомъ и сообщая, что онъ много просилъ его (отправиться къ нимъ). И опять, чтобы не подумали, будто онъ предпочелъ ему Тимоѳея и потому не послалъ его, и чтобы не возбудить въ нихъ большей зависти, говоритъ: *много молихъ его, да приидетъ*. Что же? Онъ не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался? (Павелъ) не говоритъ этого, но чтобы и его не обвинить и себя оправдать, замѣчаетъ: *и всяко не бѣ воля, да нынѣ приидетъ*. Затѣмъ, чтобы не сказали, что это только отговорка и предлогъ, присовокупляетъ: *приидетъ же къ вамъ, егда утразднѣтся*. Такимъ образомъ онъ и его оправдалъ, и ихъ, желавшихъ видѣть его, успокоилъ надеждою на его прибытіе. Далѣе, внушая, что они должны полагать надежду спасенія не въ учителяхъ, а въ себѣ 375 самихъ, онъ говоритъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ* (ст. 13), не въ мудрости внѣшней,—потому что въ ней невозможно стоять твердо, не колеблясь,—а въ вѣрѣ, въ которой можно стоять твердо. *Мужайтесь, утверждайтесь. Вся вамъ любовію да бываютъ* (ст. 14). Въ этихъ словахъ онъ, повидимому, предлагаетъ увѣщаніе, а между тѣмъ укоряетъ ихъ за безпечность; и потому говоритъ имъ: *бодрствуйте*, какъ спящимъ, *стойте*, какъ колеблющимся, *мужайтесь, утверждайтесь*, какъ малодушнымъ, *вся вамъ любовію да бываютъ*, какъ не имѣющимъ взаимнаго согласія; одно направлено противъ обольстителей: *бодрствуйте, стойте*; другое противъ оскорбителей: *мужайтесь*; третье противъ возбуждающихъ несогласія и распри: *вся вамъ любовію да бываютъ*,—любовію, которая есть союзъ совершенства, корень и источникъ благъ. Что же значитъ: *вся любовію*? Обличаетъ ли кто, начальствуетъ ли кто, или повинуются, учится ли кто, или учить, все (должно быть) съ любовію, потому что и все упомянутое (зло) произошло отъ пренебреженія ею. Если бы (любовь) не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили бы: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Апаллосовъ* (1 Кор. 1, 12); если бы она была между ними, то они не судились бы у внѣшнихъ

(язычниковъ), или лучше, не судились бы вовсе; если бы она была между ними, то (блудникъ) не жилъ бы съ женою своего отца, они не презирали бы немощныхъ братій, не имѣли бы раздѣлений, не тщеславились бы духовными дарованіями. Потому онъ и говорить: *вся любовію да бывають. Мало же вы, братіе: вѣсте домъ Стефаниновъ, яко есть начатокъ Ахаіи, и въ служеніе святымъ учиниша себе* (ст. 15).

2. Еще въ началѣ посланія онъ упомянулъ объ этомъ, когда сказалъ: *крестихъ же и Стефаниновъ домъ* (1 Кор. i, 16), и теперь называетъ его начаткомъ не только Коринѳа, но и всей Греціи. Не маловажная честь—первымъ приступить ко Христу. Потому и въ посланіи къ Римлянамъ, похваляя за это нѣкоторыхъ, онъ сказалъ: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа* (Рим. xvi, 7). Не сказалъ здѣсь: первые увѣровали, но: были *начаткомъ*, выражая, что вмѣстѣ съ вѣрою они показали и прекрасную жизнь, какъ ея плодъ, и оказались достойными во всѣхъ отношеніяхъ. Подлинно, начатокъ долженъ быть лучше прочаго, чего онъ есть *начатокъ*,—это Павелъ и засвидѣтельствовалъ объ нихъ такимъ выраженіемъ. Они, какъ я сказалъ, не только искренно увѣровали, но и на дѣлѣ показали великое благочестіе, высокую добродѣтель и ревность въ дѣлахъ милосердія. И не только этимъ онъ доказываетъ ихъ благоговѣніе, но и тѣмъ, что весь домъ былъ исполненъ благочестія. А какъ они были ревностны въ добрыхъ дѣлахъ, это (апостолъ) показываетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *въ служеніе святымъ учиниша себе*. Слышите ли, какую онъ воздаетъ похвалу страннoлюбівъ? Не сказалъ: служатъ, но: *учиниша себе въ служеніе*; такую жизнь они избрали себѣ навсегда, объ этомъ заботятся. *Да и вы повинуйтесь таковымъ* (ст. 16), т. е. содѣйствуйте имъ и денежными пожертвованіями и тѣлеснымъ служеніемъ, имѣйте съ ними общеніе,—потому что и трудъ для нихъ сдѣлается легче, если они будутъ имѣть сотрудниковъ, и дѣйствія благотворительности будутъ простираются на большее число людей. Не просто сказалъ: содѣйствуйте, но: *повинуйтесь* имъ, что бы они вамъ ни повелѣли, внушая самое строгое повиновеніе. Но чтобы не показалось, будто онъ утѣждаетъ имъ, присовокупляетъ: *и всякому споспѣшествующу и труждающуся*. Пусть, говорить, этотъ законъ будетъ общимъ; я говорю не объ нихъ исключительно, но и всякій, подобный имъ, пусть получаетъ тоже. Потому, еще начиная говорить о нихъ, онъ призываетъ во свидѣтели самихъ (коринѳянъ): *мало же вы, говорить, вѣсте домъ Стефаниновъ*. Вы, говорить, сами знаете, какъ они трудятся, и не имѣете нужды слышать объ этомъ отъ насъ. *Возрадоваша же о пришествіи Стефаниновъ и Fortunатовъ и Ахаиковъ, яко ваше лишеніе сіи исполниша: упо-*

коиша бо мой духъ и вашъ (ст. 17, 18). Такъ какъ они могли имѣть неудовольствіе противъ этихъ лицъ, потому что это были тѣ самые, которые пришли и возвѣстили (Павлу) объ ихъ смутахъ, и чрезъ которыхъ было писано ему о дѣвствѣ и о бракѣ, — то, смотри, какъ онъ еще въ началѣ посланія успокоивалъ ихъ, когда говорить: *возвѣстися ми о васъ отъ домашнихъ Хлоиса* (1, 11), гдѣ, указывая на нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и скрылъ ихъ, — а о нихъ, конечно, онъ упоминаетъ здѣсь, — теперь же говоритъ: *ваше лишеніе исполниша и упокоиша мой духъ и вашъ*, и тѣмъ показываетъ, что они пришли къ нему вмѣсто всѣхъ и за нихъ рѣшились предпринять такое путешествіе. Но какъ это частное дѣйствіе ихъ можетъ сдѣлаться общимъ? Если ваше отсутствіе вы вознаградите добрымъ расположеніемъ къ нимъ, если станете почитать ихъ, если будете принимать ихъ, если покажете участіе въ ихъ добромъ дѣлѣ. Потому онъ и говоритъ: *познавайте убо таковыя*. Похвалая пришедшихъ къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ похвалу и другимъ, съ посланными соединяетъ пославшихъ: *упокоиша*, говоритъ, *мой духъ и вашъ*. *Познавайте убо таковыя*, — потому что для васъ они оставили отечество и домъ свой. Видишь ли мудрость (апостола)? Не Павлу только, говоритъ, они оказали услугу, но имъ, потому что представили въ лицѣ своемъ весь городъ; а чрезъ это онъ и посланныхъ дѣлалъ достойными довѣрія, и посланнымъ не позволялъ отдѣляться отъ нихъ, такъ какъ они были представителями всѣхъ предъ Павломъ. *Цѣлуютъ вы вся Церкви Асійскія* (ст. 18). Онъ всегда въ своихъ привѣтствіяхъ сближаетъ и соединяетъ членовъ (Церкви). *Цѣлуютъ вы о Господѣ много Акила и Прискилла*. У нихъ онъ жилъ, какъ скиннотворецъ. *Съ домашнею ихъ церковію*. И это не маловажная заслуга — обратить домъ свой въ церковь. *Цѣлуютъ вы братія вся*. *Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 20). Такое прибавленіе — *лобзаніемъ святымъ* — онъ дѣлаетъ только здѣсь. Почему? Потому что (между коринѣянами) было великое раздѣленіе; они говорили: *азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ* (Кор. 1, 12); одни изъ нихъ терпѣли голодъ, а другіе упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы; даже изъ-за самыхъ даровъ благодати у нихъ была великая зависть и великая надменность. Примиривъ ихъ своимъ увѣщаніемъ, онъ справедливо повелѣваетъ имъ соединяться и святымъ цѣлованіемъ; оно могло соединить ихъ и сдѣлать единымъ тѣломъ, — оно свято, если чуждо коварства и лицемерія. *Цѣлованіе моею рукою Павлею* (ст. 21): выражаетъ, что это посланіе писано имъ съ великимъ тщаніемъ; потому присовокупляетъ и слѣдующее: *аще кто не любитъ Господа нашего Иисуса Христа, да будетъ проклятъ* (ст. 22).

3. Однимъ этимъ изреченіемъ онъ приводитъ въ страхъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братію вкушеніемъ жертвъ идольскихъ, назывались по именамъ людей, не вѣровали воскресенію,—и не только приводитъ въ страхъ, но и указываетъ путь къ добродѣтели и источникъ пороковъ. Какъ любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняетъ и истребляетъ всѣ виды грѣховъ, такъ точно она, когда слаба, позволяетъ произрастать имъ. *Маранава*. Для чего сказано это, и притомъ на еврейскомъ языкѣ? Такъ какъ причиною всѣхъ золъ была надменность, которая происходила отъ внѣшней (языческой) мудрости, и эта надменность была главнымъ зломъ, которое преимущественно раздѣляло коринѣянъ, то (апостоль), желая низложить ихъ надменность, употребляетъ не греческое, а еврейское выраженіе, показывая тѣмъ, что онъ не только не стыдится простоты, но, напротивъ, очень любитъ ее. Что значитъ—*Маранава*? Господь нашъ пришелъ. Для чего же онъ говоритъ это? Чтобы подтвердить ученіе о домостроительствѣ Божіемъ, такъ какъ преимущественно въ этомъ заключаются сѣмена воскресенія, и еще для того, чтобы пристыдить ихъ,—какъ бы такъ говорить: общій Владыка всѣхъ благоволилъ уничтожить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь въ томъ же положеніи и продолжаете грѣшить? Васъ не поражаетъ чрезмѣрная любовь Его, важнѣйшее изъ всѣхъ благъ? Помните только это одно, говорить, и вы будете въ состояніи преуспѣвать во всякой добродѣтели и истреблять всякій грѣхъ. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами* (ст. 23). Учителю свойственно помогать не только совѣтами, но и молитвами. *Любы моя со всѣми вами о Христѣ Иисусѣ. Аминь* (ст. 24). Чтобы они не подумали, что онъ изъ лести къ нимъ дѣлаетъ такое заключеніе, говорить: *во Христѣ Иисусѣ*; (любовь его) не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго, ничего плотского, но есть духовная, и потому самая искренняя; выраженія его обнаруживаютъ сильную любовь. Будучи отдѣленъ отъ нихъ по мѣсту, онъ какъ бы простираетъ свою десницу и обнимаетъ ихъ руками любви: *любь моя*, говорить, *съ вами*; какъ бы такъ говорить: я самъ со всѣми вами. Это показываетъ, что написанное имъ происходило не отъ раздражительности и не отъ гнѣва, но отъ попеченія (о коринѣянахъ), если онъ и послѣ такихъ обличеній не отвращается отъ нихъ, но любитъ и обнимаетъ ихъ, несмотря на далекое разстояніе, и заливаетъ предъ ними (свою душу) въ писаніяхъ и посланіяхъ. Такъ слѣдуетъ поступать всякому, исправляющему другихъ; если онъ будетъ дѣлать это съ однимъ только гнѣвомъ, то будетъ удовлетворять свою страсть; а если, обличивъ грѣшника, окажетъ и любовь къ нему, то докажетъ, что и. уко-

ризы его происходили отъ любви. Будемъ же и мы такимъ образомъ вразумлять другъ друга: и обличающій пусть не гнѣвается, потому что гнѣвъ обнаруживаетъ страсть, а не желаніе исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что дѣлаемое ему обличеніе есть врачество, а не что-нибудь враждебное. Если врачей, когда они дѣлають прижиганія, не упрекають, хотя часто они ошибаются въ успѣхѣ дѣла, но даже сами больные, подвергаемые прижиганіямъ и разрывамъ, считаютъ своими благодѣтелями причиняющихъ имъ такія страданія, то тѣмъ болѣе принимающему обличеніе нужно имѣть такое расположеніе, слушать вразумляющаго, какъ врача, а не какъ врага. И мы, обличая кого-нибудь, будемъ приступать къ нему съ великою кротостію и съ великимъ благоразуміемъ. Если ты видишь согрѣшающаго брата, то обличи его не всенародно, но какъ повелѣлъ Христосъ: *между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мѡ. хviii, 15), притомъ не понося и не нападая на лежащаго, но соболѣзнуя и сокрушаясь; будь и самъ готовъ выслушать обличеніе, если ты согрѣшишь въ чемъ-нибудь. Но чтобы сказанное было яснѣе, представимъ это посредствомъ примѣра; впрочемъ, я не желаю, чтобы такіе примѣры были въ дѣйствительности. Положимъ, что какой-нибудь братъ живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею; пусть онъ будетъ человѣкъ благо- нравный и цѣломудренный, но при всемъ томъ идетъ объ немъ худая молва. Когда до тебя дойдетъ молва о такомъ его сожитіи, то не оставляй этого безъ вниманія и не говори: развѣ у него нѣтъ своего ума? Развѣ онъ самъ не знаетъ, что ему полезно? Безъ причины любя, но не допускай ненависти безъ причины (говорить пословица): для чего же мнѣ напрасно навлекать на себя вражду? Такія безумныя слова свойственны дикимъ звѣрямъ, или лучше, демонамъ. Кто хочетъ исправить другого, тотъ не навлекаетъ на себя ненависти напрасно, но дѣйствуетъ для достиженія великихъ благъ и неизреченныхъ вѣнцовъ. А противъ того, что говоришь ты: развѣ у него нѣтъ своего ума?—я скажу тебѣ, что дѣйствительно нѣтъ, потому что онъ опьяненъ страстію. Если въ мірскихъ судилищахъ подсудимые, будучи волнуемы гнѣвомъ, бываютъ не въ состояніи говорить сами за себя, хотя, впрочемъ, такая чувствительность и не ставится имъ въ вину, то во сколько разъ хуже состояніе человѣка, преданнаго порочной страсти? Потому я и говорю, что хотя бы онъ былъ тысячу разъ уменъ, но при всемъ томъ у него нѣтъ бодрственаго ума. Кто былъ благоразумнѣе Давида, который говорилъ: *безвѣстная и тайная премудрости твоѣя явилъ ми еси* (Псал. l, 8)? Но когда онъ взглянулъ нескромными очами на жену воина, то испыталъ тоже, что обыкновенно случается съ людьми, плыву-

щами по бурному морю, какъ онъ самъ говоритъ: *вся премудрость его поглощена бысть* (Пс. сѣі, 27); и онъ имѣлъ нужду, чтобы и другіе исправили его, и даже не чувствовалъ, въ какой находился глубинѣ золь; потому, оплакивая грѣхи свои, онъ и говоритъ: *яко бремя тяжкое тяготѣша на мнѣ. Возсмердѣвши и согниши раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. xxxvii, 5, 6).

4. Итакъ, кто грѣшитъ, у того нѣтъ ума, потому что онъ ослѣпленъ и омраченъ. Потому не говори такъ, и къ словамъ своимъ: *какая мнѣ нужда?*—не прибавляй еще: *кійждо бо свое бремя понесетъ* (Гал. vi, 5). Ты навлекаешь и на себя величайшую отвѣтственность, если, видя заблудшаго, не хочешь помочь ему. Если закономъ іудейскимъ запрещалось оставлять безъ вниманія даже скотъ врага (Втор. xxi, 1), то какое будетъ имѣть оправданіе оставляющій безъ вниманія не скотъ и не врага, а погибающую душу друга? Не можетъ оправдать насъ то, что у него есть свой умъ, потому что и мы, многократно преподававшіе наставленія другимъ, часто въ отношеніи къ себѣ оказывались несостоятельными и не могли помочь самимъ себѣ. Также рассуждай и о другомъ заблуждающемся, что онъ скорѣе можетъ получить добрый совѣтъ отъ тебя, нежели отъ себя, и не говори: *какая мнѣ до него нужда?* Вспомни съ ужасомъ о томъ, кто первый сказалъ такіа слова; они означаютъ тоже, что и слова (Канна): *сда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. iv, 9)? Оттого и происходятъ всѣ роды зла, что мы считаемъ чужимъ принадлежащее нашему собственному тѣлу. Что говоришь ты? Тебѣ нѣтъ никакой нужды до брата? Но кому же будетъ до него нужда? Неужели невѣрующему, который радуется его бѣдствію, поносить его и старается вредить ему? Или діаволу, который преслѣдуетъ его и 379 разставляетъ ему сѣти? И почему ты говоришь такъ? Потому, скажешь, что мои благонамѣренныя слова и совѣты не будутъ имѣть успѣха. Но откуда извѣстно, что они не будутъ имѣть успѣха? И это опять крайне безумно—не зная послѣдствій, дѣлать себя виновнымъ въ явномъ нерадѣніи. Самъ Богъ, которому извѣстно будущее, часто говорилъ безъ успѣха, и однако не переставалъ говорить, хотя и зналъ напередъ, что Его не послушаютъ. Если же Тотъ, Кто напередъ зналъ, что Онъ ничего не сдѣлаетъ, не переставалъ принимать мѣры къ исправленію людей, то какое оправданіе будешь имѣть ты, который совершенно не знаешь будущаго, и предаешься безпечности и нерадѣнію? Многіе, принимаясь за это дѣло, имѣли успѣхъ, и когда менѣе всего надѣялись, тогда особенно и успѣвали. Если же и не сдѣлаешь ничего, то, по крайней мѣрѣ, исполнишь свой долгъ. Потому не будь безчеловѣченъ, неосострадателенъ и нерадивъ. Слова твои проис-

ходить отъ жестокости и нерадѣнія, какъ можешь видѣть изъ слѣдующаго. Когда у тебя страдаетъ какой-нибудь изъ членовъ тѣлесныхъ, то почему ты не говоришь: какая мнѣ до него нужда? И почему ты знаешь, что, если употребишь врачеваніе, то онъ выздоровѣетъ? Однако ты принимаешь всѣ мѣры, чтобы, если и не будешь имѣть никакого успѣха, то, по крайней мѣрѣ, не обвинять себя самого, что ты опустилъ сдѣлать что-нибудь полезное. Такъ мы заботимся о членахъ тѣлесныхъ: почему же нерадимъ о членахъ Христовыхъ? Какое послѣ того мы будемъ имѣть оправданіе? А если тебя не преклоняютъ слова мои: позаботься о собственномъ своемъ членѣ,—то я напому тебя о тѣлѣ Христовомъ, чтобы ты, хотя изъ страха, сдѣлался лучше. Въ самомъ дѣлѣ, не ужасно ли видѣть тѣло Его покрытымъ язвами, и оставаться равнодушнымъ? Когда у тебя слуга или даже оселъ бываетъ пораженъ язвами, ты не остаешься равнодушнымъ; а когда видишь тѣло Христово въ гнойныхъ струпахъ, то какъ проходишь мимо? Не достойно ли это тысячи громовъ? Оттого у тебя все и извратилось, — отъ такого безчеловѣчія, отъ такого нерадѣнія!

Итакъ, увѣщаю, оставимъ эту жестокость: приди къ тому, кто живетъ вмѣстѣ съ дѣвицею, скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложивъ ее изъ тѣхъ достоинствъ, какія въ немъ находятся, и такую похвалю, какъ бы теплою водою, примочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься въ жалкомъ состояніи, представь виновность всего рода человѣческаго, объясни, что всѣ мы во грѣхахъ, попроси прощенія, что ты принимаешь на себя дѣло, которое выше силъ твоихъ, не что любовь побуждаетъ тебя рѣшиться на все; затѣмъ и предложи совѣтъ, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредствомъ всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будетъ произойти отъ дѣйствія обличенія, и когда, такъ сказать, свяжешь его неоднократными извиненіями и просьбами, чтобы онъ не гнѣвался, тогда и наноси ему ударъ, не слишкомъ сильный и не слишкомъ слабый, чтобы въ первомъ случаѣ онъ не отскочилъ отъ тебя, а въ послѣднемъ не остался невнимательнымъ. Если ты нанесешь ударъ недостаточно сильный, то ничего не сдѣлаешь; а если поразишь слишкомъ сильно, то онъ удалится отъ тебя. Потому и послѣ всего этого, приступая къ обличенію, ты опять присоединяя къ обличенію похвалы; но такъ какъ поведеніе его само по себѣ не можетъ назваться похвальнымъ,—вѣдь жить съ молодою дѣвицею дѣло не похвальное,—то ты обратись къ намѣренію живущаго съ нею и скажи: 380 я знаю, что ты дѣлаешь это для Бога, что ты подашь руку помощи

этой несчастной, видя ее одинокою и беззащитною. Хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ и не руководился такими намѣреніями, ты говори такъ, а потомъ, попросивъ опять извиненія, въ дополненіе къ прежнему скажи: я говорю тебѣ это не какъ приказаніе, но какъ напоминаніе; я знаю, что ты дѣлаешь это ради Бога, но посмотри, не произойдетъ ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдетъ никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дѣло,—никто не препятствуетъ; но если отсюда можетъ произойти вредъ важнѣе пользы, то, увѣщаю тебя, будемъ осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствіе одной душѣ, не соблазнить тысячи. Впрочемъ не представляй ему прямо тѣхъ наказаній, какія ожидаютъ соблазнительей, но прими его самого во свидѣтели и скажи: ты не имѣешь нужды узнавать объ этомъ отъ меня, ты самъ знаешь, какому подлежить наказанію тотъ, кто *соблазнить единого отъ малыхъ сихъ* (Мф. XVIII, 6); и, такимъ образомъ усладивъ слова свои и успокоивъ его горячность, предлагай наконецъ врачество исправленія. Если же онъ опять будетъ ссылаться на ея одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этотъ предлогъ, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточнымъ для тебя оправданіемъ будетъ опасеніе—соблазнить другихъ, такъ какъ ты оставишь эту заботу не по безопасности, а по желанію блага другимъ.

5. Притомъ совѣты твои пусть будутъ кратки, потому что онъ не нуждается въ длинныхъ нравоученіяхъ; извиненія же пусть будутъ неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость рѣчей своихъ и оставляя дальнѣйшее на его волю; скажи: я только предлагаю и совѣтую тебѣ это, а послушаться зависитъ отъ тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему разсужденію. Если такимъ образомъ мы будемъ приниматься за обличеніе, то мы легко сможемъ исправлять согрѣшающихъ. А то, что мы дѣлаемъ теперь, свойственно болѣе дикимъ звѣрямъ и безсловеснымъ животнымъ, нежели людямъ. Нынѣ иные, какъ скоро услышать о какомъ-нибудь подобномъ грѣшникѣ, ему не говорятъ ничего, а сами между собою шепчутся, какъ пьяныя старухи, и уже здѣсь, кажется, никогда не имѣетъ мѣста пословица: безъ причины любви, но не допускай ненависти безъ причины. Когда хотятъ кого-нибудь злословить, то вовсе не думаютъ, чтобы не навлечь напрасно на себя ненависти, и даже наказанія,—это же влечетъ за собою не только ненависть, но и наказаніе,—а когда нужно кого-нибудь исправить, то приводятъ и эту отговорку и множество другихъ предлоговъ. Тогда-то именно, когда ты злословишь, когда ты клеветнешь, и слѣдовало бы держать въ умѣ

правила: не навлекай на себя напрасно ненависти, или: не будет никакого успѣха, или: мнѣ нѣтъ нужды до другого. Между тѣмъ теперь въ первомъ случаѣ ты сильно и ревностно хлопочешь, не взирая на происходящую отсюда ненависть и множество золъ; а когда нужно позаботиться о спасеніи брата, тогда ты остаешься безъ дѣйствія и не хочешь быть тягостнымъ для другого. Злословіе ненавистно предъ людьми и предъ Богомъ, но ты не слишкомъ заботишься объ этомъ; а за совѣтъ наединѣ и за подобныя обличенія ты приобрѣтаешь себѣ любовь и отъ самого обличаемаго и отъ Бога. Если же онъ возненавидитъ тебя, то тѣмъ болѣе Богъ будетъ любить тебя за это. Впрочемъ, и онъ не будетъ
 331 ненавидѣть тебя такъ, какъ возненавидѣлъ бы за злословіе; напротивъ, тогда онъ сталъ бы отвращаться отъ тебя, какъ отъ недоброжелателя и врага, а теперь онъ будетъ уважать тебя болѣе отца. Хотя по наружности онъ и огорчится, но внутренно, наединѣ, воздастъ тебѣ великую благодарность.

6. Итакъ, помня это, будемъ пещись о нашихъ членахъ, а не изощрять языкъ другъ противъ друга и не говорить рѣчей пагубныхъ, подрывая честь ближняго и, какъ бы на войнѣ и въ сраженіи, нанося и получая удары. Какая послѣ того будетъ намъ польза отъ поста или бдѣнія, если языкъ нашъ предается неводержанію, питается пищею сквернѣе мяса псовъ, дѣлается кроважиднымъ, извергаетъ грязь и превращаетъ уста наши въ протоки нечистоты, или даже еще хуже? Вытекающее изъ этихъ протоковъ оскверняетъ тѣло; а извергаемое имъ часто заражаетъ душу. Говорю это, жалѣя не о тѣхъ, о комъ распространяютъ дурную молву напрасно,—они даже заслуживаютъ вѣнцовъ, если переносятъ клеветы великодушно,—а объ васъ, распространяющихъ такую молву. Того, о комъ худо говорятъ напрасно, Писанія ублажаютъ; а того, кто худо говоритъ о другомъ, лишаютъ святыхъ таинствъ и даже изгоняютъ изъ самыхъ нѣдръ (Церкви): *оклеветавшаго тай искренняго своего; сего изгоняютъ*, говоритъ (Псалмопѣвецъ) (Пс. с, 5), и даже считаетъ такого человѣка недостойнымъ читать священныя книги: *оскую*, говоритъ, *ты повѣдавши оправданія моя, и воспріемлеши заветъ мой усты твоими* (Псал. хлх, 16); потомъ приводитъ и причину: *судя на брата твоего клеветалъ еси* (ст. 20). Здѣсь не опредѣлено, справедливое ли что-нибудь будетъ говорено, или несправедливое; а въ другомъ мѣстѣ опредѣлено и это и сказано, что, хотя бы ты могъ говорить и правду, и въ такомъ случаѣ тебѣ говорить не слѣдуетъ: *не судите*, говоритъ (Господь), *да не судими будете* (Мѡ. vч, 1). Потому и (фарисей), порицавшій мытаря, былъ осужденъ, хотя порицалъ его справедливо. Какъ же, скажешь, если встрѣтится какой-нибудь человѣкъ

дерзкій и развратный,—неужели намъ не слѣдуетъ обличать его и исправлять? Слѣдуетъ обличать и исправлять, но такъ, какъ я выше сказалъ; а если ты будешь порицать его, то смотри, чтобы тебѣ не уподобиться фарисею и не потерпѣть того же, что потерпѣлъ онъ. Вѣдь отъ этого не бываетъ никакой пользы ни тебѣ 382 говорящему, ни тому, кто слушаетъ тебя, ни тому, кто порицается; а напротивъ послѣдній дѣлается еще безстыднѣе: онъ, пока еще не обнаруженъ, можетъ и стыдиться, а когда дѣлается извѣстнымъ и обезславленнымъ, тогда свергаетъ съ себя и послѣднюю уду; тотъ же, кто слушаетъ, терпитъ еще болѣе вредъ: если онъ сознаетъ за собою какія-нибудь достоинства, то укоризны противъ другого возбуждаютъ въ немъ гордость и надменность, а если сознаетъ недостатки, то охотнѣе склоняется на зло; наконецъ и самъ говорящій заслуживаетъ дурное о себѣ мнѣніе отъ того, кто слушаетъ его, а тѣмъ болѣе навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій. Потому, увѣщаваю, оставимъ всякое злословіе и будемъ говорить только доброе и служащее къ назиданію. Или ты желаешь отомстить кому-нибудь? Но для чего вмѣсто него мстишь себѣ самому? Стараясь отомстить кому-нибудь, оскорбившему тебя, ты мсти такъ, какъ повелѣваетъ мстить Павелъ: *еще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, еще ли жаждетъ, напои его* (Рим. хп, 20). Если же ты не поступаешь такъ, а только клеветнешь; то ты поднимаешь мечъ на самого себя. Потому когда другой худо говоритъ о тебѣ, то мсти ему одобреніемъ и похвалами: такимъ образомъ ты и ему отомстишь, и себя избавишь отъ худого о тебѣ мнѣнія. Кто огорчается дурною о себѣ молвою, о томъ обыкновенно думаютъ, что его мучить нечистая совѣсть; а кто смѣется надъ такою о себѣ молвою, тотъ представляетъ яснѣйшее доказательство, что онъ не знаетъ за собою ничего худого. Итакъ, если порицаніями ты не приносишь пользы ни слушающему тебя, ни себѣ самому, ни тому, кого порицаешь, а только поднимаешь мечъ на самого себя, то вразумись хотя этимъ. Тебѣ слѣдовало бы находить побужденія въ ученіи о царствіи небесномъ и волѣ Божіей; но такъ какъ ты еще слишкомъ грубъ и угрызаешь другихъ, какъ дикій звѣрь, то вразумись хотя этимъ, чтобы, сдѣлавшись благоразумнѣе отъ вышесказаннаго, ты могъ руководиться единственно волею Божіею и, ставши выше всякой страсти, достигнуть небесныхъ благовъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавленіе первой книги X тома.

Бесѣды на первое посланіе къ Коринѣянамъ.

	Стран.		Стран.
Содержаніе посланія	5	Бесѣда XXIII. 1 Кор. ix, 24 . .	222
Бесѣда I. 1 Кор. i, 1—3 . .	8	» XXIV. » i, 13 . .	234
» II. » i, 4—5 . .	18	» XXV. » i, 25 . .	243
» III. » i, 10 . . .	20	» XXVI. » ii, 2 . .	251
» IV. » i, 18—20. .	29	» XXVII. » ii, 17 . .	266
» V. » i, 26—27. .	40	» XXVIII. » ii, 28 . .	276
» VI. » ii, 1—2. .	50	» XXIX. » iii, 1—2. .	284
» VII. » ii, 6—7. .	58	» XXX. » iii, 12 . .	296
» VIII. » iii, 1—3 . .	74	» XXXI. » iii, 21 . .	306
» IX. » iii, 12—15. .	84	» XXXII. » iii, 27 . .	314
» X. » iii, 18—19. .	91	» XXXIII. » iii, 4. .	329
» XI. » iv, 3—4 . .	99	» XXXIV. » iii, 8. .	341
» XII. » iv, 6 . . .	109	» XXXV. » iv, 1. .	353
» XIII. » iv, 10. . .	122	» XXXVI. » iv, 20 . .	366
» XIV. » iv, 17. . .	131	» XXXVII. » iv, 34 . .	376
» XV. » v, 1—2. .	140	» XXXVIII. » v, 1—2. .	388
» XVI. » v, 9—11. .	151	» XXXIX. » v, 11. .	396
» XVII. » vi, 12. . .	162	» XL. » v, 29. .	414
» XVIII. » vi, 15. . .	169	» XLI. » v, 35. .	423
» XIX. » vii, 1—2. .	177	» XLII. » v, 47. .	432
» XX. » viii, 1 . .	187	» XLIII. » vi, 1. .	437
» XXI. » ix, 1 . . .	199	» XLIV. » vi, 10 . .	445
» XXII. » ix, 18—14. .	218		

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1804.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 21 декабря 1903 г.

Сергіѣй, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ КОРИНФИЯНАМЪ ¹⁾.

БЕСѢДА I.

Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и 381—393
Тимоеей братъ, церкви Божіей сущей въ Коринѣхъ, со
святыми всѣми, сущими во всей Ахаіи: благодать вамъ
и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа. Благо-
словенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа,
Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о
всякой скорби нашей, яко возможи намъ утѣшити сущія
во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами
отъ Бога (2 Кор. i, 1—4).

1. Прилично прежде разсмотрѣть, для чего апостолъ къ пер-
вому посланію прилагаетъ второе, и почему начинаетъ его ука-
заніемъ на щедроты Божіи и на утѣшеніе. Итакъ для чего онъ 393
пишетъ второе посланіе? Такъ какъ въ первомъ онъ сказалъ:
прииду къ вамъ, и уразумѣю не слово разгорѣвшихся, но силу (1 Кор.
iv, 19), и въ концѣ его опять въ болѣе мягкихъ словахъ обѣщалъ
то же самое, говоря: *прииду же къ вамъ, егда Македонію преиду:*
Македонію бо прохожду: у васъ же, аще случится, пребуду, или и
озамѣю (1 Кор. xvi, 5, 6), между тѣмъ послѣ того прошло много
времени, а онъ еще не приходилъ, даже и назначенный срокъ
уже прошелъ, а онъ еще собирался и медлилъ, будучи удержи-

¹⁾ Эти бесѣды произнесены были святителемъ, по всей вѣроятности, тоже въ Антиохіи.

ваемъ Духомъ для другихъ гораздо нужнѣйшихъ дѣлъ, то онъ и почелъ поэтому нужнымъ (написать) второе посланіе, въ которомъ не было бы нужды, если бы онъ не долго промедлилъ. Впрочемъ не одна эта была причина, но еще и та, что послѣ перваго посланія коринѣяне сдѣлались лучшими. Именно соблудившаго, которому прежде рукоплескали и которымъ гордились, они отсѣкли и отлучили совершенно отъ Церкви вѣрующихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ апостола: *аще ли кто оскорбилъ, не мене оскорби, но отчасти, да не тягчу вѣсъ васъ. Довольно таковому наказаніе сіе, еже отъ многихъ* (2 Кор. II, 5, 6). И далѣе, продолжая посланіе свое, (апостоль) опять указываетъ на то же, когда говорить: *се бо сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе; колики извиненія, и негодованіе, и страхъ, и желаніе, и ревность, и строгость. Во всемъ представисте себе чисты быти въ семъ дѣлѣ* (VII, 11). Равнымъ образомъ и милостію, которой онъ просилъ у нихъ, они начали собирать съ великимъ усердіемъ, почему и сказалъ: *въмъ усердіе ваше, имже о васъ хваляся Македоняномъ, яко Ахайя готова еще отъ прошедшаго лѣта* (2 Кор. IX, 2). И Тита, котораго послалъ (апостоль), они приняли со всею благоклонностію, на что и указываетъ опять словами: *и сердце его чрезвычайно расположено къ вамъ, воспоминающаго вѣсъ васъ послушаніе, яко со страхомъ и трепетомъ пріяте его* (2 Кор. VII, 15). По всѣмъ этимъ причинамъ онъ и пишетъ второе посланіе. Да и нужно было, чтобы онъ какъ согрѣшившихъ ихъ тогда упрекать, такъ исправившихся теперь похвалилъ и принялъ въ свое благоволеніе. Потому-то и все это посланіе чуждо угрозъ и упрековъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только мѣстъ къ концу посланія, которыя были нужны потому, что и между коринѣскими христіанами были нѣкоторые изъ іудеевъ, высоко о себѣ мудрствовавшіе и порицавшіе Павла, какъ человѣка хвастливаго и не заслуживавшаго никакого уваженія. Такъ они говорили: *посланія убо* (св. Павла) *тяжки, а пришествіе тѣла немошно, и слово уничижено* (2 Кор. X, 10), то есть, когда онъ приходитъ, то оказывается ничего не стоящимъ, потому что это (и означаютъ слова): *пришествіе тѣла немошно*; отшедши же, высоко превозносишь себя въ своихъ посланіяхъ, что (означаютъ слова): *посланія тяжки*. А чтобы показать себя достойнымъ уваженія, они притворялись пелюбостязательными, на что и намекаетъ (апостоль) словами: *да, о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Въмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя даръ слова, они весьма этимъ превозносились, почему (апостоль) и называетъ себя *невѣждою*, показывая, что онъ не стыдится этого, и не считаетъ (даръ слова) за какое-то великое пріобрѣтеніе, а напротивъ, вѣдѣть въ ничто. А такъ какъ есто-

ственно было нѣкоторымъ изъ вѣрующихъ (слыша такіе отѣвы объ апостолахъ) поколебаться въ довѣренности къ нему, то онъ, сперва похваливъ вѣрныхъ за то, въ чемъ они исправились, и 394 поспрашивъ безуміе горделивыхъ, требовавшихъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ,—потому что не время уже было исполнять ихъ,—потомъ и за это дѣлаетъ упрекъ. Итакъ вотъ, мнѣ кажется, причина настоящаго посланія, какъ можетъ это замѣтить всякій, слегка прочитавъ его. Обратимся теперь къ началу посланія, и изслѣдуемъ, для чего (апостолъ), послѣ обыкновеннаго своего привѣтствія, началъ посланіе указаніемъ на щедроты Божіи. Прежде всего нужно сдѣлать замѣчаніе о самомъ началѣ, и узнать, почему онъ здѣсь присовокупляетъ къ себѣ Тимофея, говоря: *Павелъ посланникъ Иисуса Христаго, волю Божію, и Тимофей братъ* (ст. 1). Между тѣмъ въ первомъ посланіи онъ обѣщался послать его къ нимъ, и убѣждалъ ихъ, говоря: *еще же придетъ Тимофей, блюдите, да безъ страха будетъ у васъ* (1 Кор. хvi, 10). Какъ же здѣсь въ началѣ (посланія) говорить, что онъ съ нимъ? Это потому, что (Тимофей), пришедши къ нимъ, по обѣщанію учителя (*послать бо къ вамъ, писалъ Павелъ, Тимофея, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ*—1 Кор. iv, 17), и исправивъ все порученное, возвратился назадъ, такъ какъ и посылая его (апостолъ) наказывалъ: *проводите его съ миромъ, да придетъ ко мнѣ: жду бо его съ братією* (1 Кор. хvi, 11).

2. И вотъ, такъ какъ (Тимофей) возвратился къ своему учителю, и (апостолъ), исправивъ вмѣстѣ съ нимъ нужное въ Асіи (*пробуду бо, говоритъ, во Ефесѣ до Пентекостіи*—1 Кор. хvi, 8), опять перешелъ въ Македонію, то естественно и упоминаетъ (о Тимофѣѣ), какъ уже находящемся съ нимъ, потому что прежнее посланіе прешпроводилъ онъ изъ Асіи, а настоящее изъ Македоніи. Поставилъ же вмѣстѣ съ собою (Тимоея), чтобы проявить ему этимъ больше уваженія, а въ себѣ показать глубокое смиренномудріе, потому что хотя (Тимофей) былъ и ниже его, но любовь все сочетаваетъ. Потому онъ вездѣ и равняетъ его съ собою,—то говоритъ о немъ: *якоже отцу чадо, со мною поработалъ* (Филип. п, 22); то дѣло Господне дѣлаетъ, *яко же и азъ* (1 Кор. хvi, 10); а здѣсь и *братомъ* его называетъ. Такимъ образомъ представляетъ его по всѣмъ отношеніямъ достойнымъ уваженія коринейанъ,—и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ я сказалъ, былъ уже у нихъ, и показалъ опыты своихъ добродѣтелей. *Церкви Божіей, сущей въ Коринѣхъ*. (Апостолъ) опять называетъ коринейанъ Церковью, желая этимъ собрать и совокупить всѣхъ ихъ во едино. Иначе и не можетъ быть единая Церковь тамъ, гдѣ составляющіе ее раздѣляются между собою и враждуютъ другъ на друга. *Со святыми всеми,*

сущими во всей Ахаіи. Этими словами (апостолъ) оказываетъ и предпочтеніе коринѣянамъ, когда чрезъ посланіе, писанное къ нимъ, привѣтствуетъ всѣхъ прочихъ, и вмѣстѣ всю отъ языкъ собранную Церковь побуждаетъ къ миру и согласію. Наименованіемъ же святыхъ показываетъ, что нечистымъ не принадлежить это привѣтствіе. Но почему (апостолъ), пиша здѣсь къ главной Церкви, вмѣстѣ съ нею пишетъ и ко всѣмъ прочимъ, между тѣмъ какъ онъ не всегда такъ дѣлаетъ? Такъ посланія къ ессалоникійцамъ онъ не посылалъ вмѣстѣ и къ македонянамъ; равнымъ образомъ, пиша къ ефесянамъ, не обращался вмѣстѣ и ко всей Асін; и посланіе къ римлянамъ не послано вмѣстѣ и къ прочимъ жителямъ Италіи. Но здѣсь онъ дѣлаетъ то же, что и въ посланіи къ галатамъ. И это посланіе онъ посылаетъ не одному, не двумъ или тремъ городамъ, но всѣмъ вообще живущимъ въ той странѣ, когда говоритъ: *Павелъ апостолъ ни отъ человека, ни чело-*
385 *вѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и уже со мною вся братія, церквамъ Галатійскимъ: благодать вамъ и миръ* (Гал. I, 1—3). Равно и евреямъ онъ написалъ для всѣхъ одно посланіе, не раздѣляя ихъ по городамъ. Какая же этому причина? Мнѣ кажется, причиною тому были общія господствовавшія тамъ болѣзни. Для того онъ и посылаетъ общее ко всѣмъ посланіе, что всѣ требовали общаго исправленія. Всѣ вѣдь и галатяне страдали одною болѣзнію, и евреи. Тоже я думаю и о коринѣянахъ. Итакъ, соединивъ всѣхъ во едино, и сдѣлавъ общее привѣтствіе, по принятому имъ обыкновенію привѣтствовать всѣхъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (ст. 2),—слушай, какъ сообразно съ избраннымъ имъ предметомъ онъ начинаетъ посланіе: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (ст. 3). Но какая тутъ, скажешь ты, сообразность съ избраннымъ предметомъ? Самая близкая. Посмотри же. Коринѣяны очень опечалило и обезпокоило то, что апостолъ не пришелъ къ нимъ, несмотря на то, что обѣщалъ придти, но все это время провелъ въ Македоніи, и какъ будто предпочиталъ имъ другихъ. Итакъ, имѣя въ виду это безпокойство, онъ сказываетъ имъ причину, почему не пришелъ. Впрочемъ не тотчасъ открываетъ ее, и не говоритъ: я помню, что обѣщался придти, но меня задержали случившіяся со мною скорби. почему простите меня, и не обвиняйте въ какомъ-нибудь презрѣніи. или нерадѣніи о васъ; но ведетъ къ тому инымъ способомъ, гораздо величественнѣе и съ большимъ убѣжденіемъ, стараясь нанереди утѣшить ихъ, чтобы они уже и не спрашивали о причинѣ, почему онъ не пришелъ. И это дѣлаетъ онъ точно также, какъ если бы кто, обѣщавшись

прийти къ своему другу, и, по преодоленіи весьма многихъ бѣдствій, пришедши, сказали: „слава Тебѣ, Боже, что ты показалъ мнѣ возлюбленнаго друга моего! Благословенъ ты, Господи,—отъ какихъ бѣдъ ты избавилъ меня!“ Такое славословіе пришедшаго есть вмѣстѣ и оправданіе предъ намѣревающимся обвинять его, и не попускаетъ этому послѣднему жаловаться на замедленіе перваго. Ему стыдно уже звать на судъ приносящаго Богу благодареніе за избавленіе отъ столькихъ золъ, и требовать у него отчета въ медлительности. Потому и (апостолъ), начиная рѣчь словами: *благословенъ Богъ щедротъ*,—указываетъ тѣмъ на изведеніе и избавленіе его отъ великихъ бѣдствій. Подобнымъ образомъ и Давидъ не вездѣ одинаково называетъ Бога, и не отъ однихъ и тѣхъ же свойствъ производитъ имена Его; но когда разсуждаетъ о войнѣ и побѣдѣ, говоритъ: *возлюблю Тя, Господи, крѣпость моя, Господь защититель мой* (Пс. хvп, 2, 3); когда же воспоминаетъ объ избавленіи отъ скорби и мрака, одержавшаго душу его, говоритъ: *Господь простищеніе мое и Спаситель мой* (Пс. ххvi, 1). Иногда заимствуетъ наименованія Его отъ чловѣколюбія, иногда отъ правды Его, иногда отъ нелицепріятнаго Его суда,—сообразно обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился. Такъ и Павелъ здѣсь въ началѣ посланія называетъ (Бога) со стороны Его чловѣколюбія, говоря: *Богъ щедротъ*, т. е. явившій столь великія щедроты, что извелъ насъ изъ самыхъ вратъ смерти.

3. Подлинно, миловать такъ преимущественно предъ всѣми свойственно и сродно Богу. Поэтому онъ и называетъ Его Бо- 386 гомъ щедротъ. Но замѣть и здѣсь смиренномудріе Павлово. Претерпѣвая бѣды ради проповѣди, не говоритъ онъ, что по достоинству отъ нихъ спасается Богомъ, но ради щедротъ Божіихъ. Но объ этомъ еще яснѣе сказали онъ ниже. А теперь, продолжая рѣчь свою, говоритъ: *утѣшая насъ во всякой скорби*. Не сказалъ: не попускающій намъ впадать въ скорби, но—утѣшающій насъ въ скорби, потому что это и показываетъ силу Божію, и укрѣпляетъ терпѣніе скорбящихъ. *Скорбь*, говоритъ онъ (въ другомъ мѣстѣ), *терпѣніе содѣлываетъ* (Рим. iv, 2). Это выразилъ и пророкъ словами: *въ скорби распространилъ мя еси* (Пс. iv, 2). Не сказалъ: Ты непустилъ впасть мнѣ въ скорбь, или: Ты тотчасъ разсѣялъ скорбь; но—въ продолженіе скорби Ты распространилъ меня,—то есть, великую далъ прохладу и отдохновеніе. То же самое было и съ тремя отроками. Онъ не возбранилъ ввергнуть ихъ въ печь, и, когда они были ввержены, не угасилъ пламени; но, когда пылала печь, подаль имъ прохладу.

Такъ и всегда обыкновенно дѣлаетъ Богъ. Намекая на это, и Павелъ говоритъ: *утѣшая насъ во всякой скорби* (ст. 4). Нс

этимъ онъ показывается еще нѣчто новое. Что же такое? То, что Богъ не однажды, не дважды, но всегда такъ поступаетъ. Не такъ, чтобы нынѣ утѣшалъ, а въ другое время оставлять; но всегда и во всякое скорбное время подаетъ утѣшеніе. Поэтому и сказалъ (апостолъ): *утѣшайся*, а не—утѣшившій, и: *во всякой скорби*; не въ той или другой, но—*во всякой, яко возможи имѣти утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имѣ же утѣшаемся сами отъ Бога*. Видишь ли, какъ онъ предуготовляетъ себѣ оправданіе, напоминая слушателю о великой скорби? А вмѣстѣ съ тѣмъ и смиряетъ себя, когда говорить, что самая эта милость оказана не ради его достоинства, но ради тѣхъ, которые отъ него должны принимать назиданіе. Для того, говорить, и утѣшилъ насъ Богъ, чтобы мы другъ друга утѣшали. Но въ этомъ же словѣ даетъ чувствовать и достоинство апостоловъ, когда показывается, что, получивъ утѣшеніе и отдохновеніе, онъ не предается безпечности, какъ мы, но приступаетъ къ возбужденію, укрѣпленію и возстановленію другихъ. Нѣкоторые же еще даютъ словамъ (апостола) и такой смыслъ, что утѣшеніе наше есть вмѣстѣ утѣшеніе и для другихъ. А мнѣ кажется, что онъ здѣсь въ видѣ введенія направляетъ рѣчь свою еще и противъ лжеапостоловъ, напрасно хвалящихся, сидящихъ дома и предающихся нѣгѣ. Впрочемъ, на это намекаетъ онъ не прямо, но какъ бы мимоходомъ: главная же цѣль его была та, чтобы оправдать себя въ своемъ замедленіи. Если для того, говорить, мы сами утѣшаемся, чтобы утѣшать и другихъ, то не упрекайте насъ за то, что мы не пришли къ вамъ, потому что все это время мы употребили на отвращеніе воздвигаемыхъ на насъ злоумышленій, нападеній и различныхъ золь. *Зане якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (ст. 5). Чтобы не привести въ уныніе учениковъ слишкомъ сильнымъ описаніемъ своихъ бѣдствій, онъ показываетъ и великое богатство утѣшенія, и такимъ образомъ ободряетъ ихъ духъ; и не только этимъ ободряетъ ихъ, но еще и тѣмъ, что напоминаетъ о Христѣ, говоря о своихъ страданіяхъ, что они страданія Христовы, и такимъ образомъ, прежде всякаго другого утѣшенія, извлекаетъ утѣшеніе изъ самыхъ скорбей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе, какъ быть общникомъ Христу, и ради Его терпѣть страданія? Что можетъ равняться съ этимъ утѣшеніемъ? И не этимъ только, но и другимъ образомъ онъ возоставляетъ души скорбящихъ. Чѣмъ же? Тѣмъ, что говорить: *избыточествуютъ*. Не сказалъ: какъ постигаютъ насъ страданія Христовы, но: *якоже избыточествуютъ*,—показывая тѣмъ, что (апостолы) претер-

пѣвають не только страданія Христовы, но еще большія. Мы претерпѣли, говорить, не только тѣ страданія, которыя Онъ претерпѣлъ, но и преизбыточествующія. Христосъ былъ гонимъ, преслѣдуемъ, биевъ, умеръ. Но мы, говорить, болѣе того претерпѣли. Этого одного уже достаточно для утѣшенія. И никто не подозревая адѣсь преувеличенія. Вотъ онъ и въ другомъ мѣстѣ говорить: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ, и исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Колос. I, 24). И ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ нѣтъ ни дерзости, ни самохвальства. Подобно тому, какъ (апостолы) совершили большія знаменія, нежели самъ Христосъ (*въручай бо въ Мя, говорить Господь, больша сихъ сотворишь*—Іоан. XIV, 12),—хотя все это совершаетъ Онъ же, дѣйствуя въ нихъ,—такъ и пострадали больше Его,—хотя это опять же принадлежитъ одному Господу, Который утѣшалъ ихъ и давалъ имъ силы къ перенесенію приключавшихся золъ.

4. Вотъ почему и Павелъ, чувствуя самъ, какъ много онъ сказалъ, смотри, какъ опять смягчаетъ сказанное, говоря: *такъ Христосъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше*; онъ все приписываетъ Господу, прославляя и этимъ Его человеколюбіе. Не только, говорить, насколько скорбимъ, настолько и утѣшаемся, но гораздо болѣе. Не сказалъ, что утѣшеніе равно страданіямъ, но *избыточествуетъ утѣшеніе*, такъ что время подвиговъ есть вмѣстѣ время и новыхъ вѣнцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что можетъ равняться съ тѣмъ, какъ терпѣть бичеваніе за Христа и удостоиться за то бесѣдованія съ Богомъ, быть сильнѣе всѣхъ, торжествовать надъ своими гонителями, быть выше цѣлой вселенной, и чаять такихъ благъ, *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша*. (I Кор. II, 9)? Что можетъ равняться съ тѣмъ, какъ терпѣть скорби ради благочестія, и за то сподобиться безчисленныхъ утѣшеній отъ Бога, получить отпущеніе столькихъ грѣховъ, удостоиться Духа, освященія и оправданія, никого не бояться и не трепетать, и среди самыхъ напастей быть славнѣе всѣхъ? Итакъ не будемъ унывать во время искушеній. Никто изъ любящихъ увеселенія, безопасно почивающихъ и услаждающихся, никто изъ проводящихъ жизнь изнѣженную и разсѣянную не можетъ быть общникомъ Христу. Но кто проводитъ жизнь среди скорбей и искушеній и ходитъ тѣснымъ путемъ, тотъ близокъ къ Нему. Онъ вѣдь и самъ шествовалъ тѣмъ же путемъ,—почему сказалъ: *Сынъ человеческій не имать главу поклонити* (Мѡ. VIII, 20).

Итакъ не печалься, если терпишь скорби, помышляя, кому ты чрезъ нихъ пріобщаешься, какъ ты очищаешься чрезъ искушенія и какую великую получаешь отъ нихъ пользу. Подлинно, 355

нѣтъ ничего тяжкаго и печальнаго, кромѣ оскорбленія Бога. Если же этого нѣтъ, то ни скорби, ни козни, ни что другое не можетъ опечалить богомудрой души. Напротивъ, какъ малая искра, брошенная въ великую морскую бездну, тотчасъ же угасаетъ, такъ точно и всякая печаль, даже самая великая, приразившись къ благой совѣсти, легко разсѣивается и тотчасъ исчезаетъ. Поэтому-то и Павелъ всегда радовался, что всегда подвизался въ дѣлахъ, угодныхъ Богу, и даже не замѣчалъ постигавшихъ его великихъ золъ; хотя онъ и чувствовалъ скорбь, какъ человѣкъ, но не падалъ духомъ. Такъ и великій патріархъ не переставалъ радоваться, хотя и постигали его многія огорченія. Посмотри: онъ лишился отечества, принужденъ былъ предпринять длинное и многотрудное путешествіе; пришедши на чужую землю, не имѣлъ на ней и одной пяди собственности; здѣсь, опять, встрѣтилъ его голодъ и заставилъ переселяться съ одного мѣста на другое; за голодомъ послѣдовали похищеніе жены, страхъ смерти, безчадіе, война, опасности, злоумышленія сосѣдей, и наконецъ сильнѣйшая изъ всѣхъ скорбей — тяжкое и нестерпимое закланіе единокровнаго и любимаго сына. Безпрекословно онъ повиновался Богу; но не подумай поэтому, что онъ и переносилъ все это равнодушно. Хотя бы онъ былъ и въ высшей степени праведникъ, каковъ онъ былъ и дѣйствительно, все же онъ былъ человѣкъ и подверженъ немощамъ естества человѣческаго. И однако ничто не могло сразить его; онъ устоялъ какъ мужественный ратоборецъ, послѣ cadaго искушенія увѣнчиваясь побѣднымъ вѣнцомъ. Такъ и блаженный Павелъ, видя тучи искушеній, каждодневно на него находящихъ, среди нихъ, какъ бы среди рая, утѣшался, радовался и веселился. Но какъ радующійся этою радостью не можетъ быть плѣненъ уныніемъ, такъ напротивъ не стяжавшій ея дѣлается легко уловимымъ для всякой скорби, и претерпѣваетъ то же, что и худо вооруженный, котораго и легкій ударъ уязвляетъ. Напротивъ тотъ, кто хорошо отовсюду вооруженъ, удобно отражаетъ всякій направленный противъ него ударъ. Радость же по Богѣ сильнѣе всякаго оружія, и кто имѣетъ ее, того ничто не можетъ привести въ уныніе и малодушіе; напротивъ, онъ все переноситъ мужественно. Что можетъ быть хуже огня, что лютей непрестанныхъ мученій? Хотя бы кто лишился безчисленныхъ богатствъ, или дѣтей, или другого чего подобнаго, — но это (огонь и мученія) нестерпимѣе всѣхъ скорбей. *Кошу, сказано, за кожу, и вся, слика имать человекъ, дастъ за душу свою* (Іов. II, 4). Такъ ничего нѣтъ тягостнѣе мученій; но радость по Богѣ и для слуха нестерпимыя мученія дѣлаетъ сносными и даже пріятными. И если бы ты снялъ съ дерева или со сково-

роды едва-едва дышащаго мученика, — ты нашелъ бы въ немъ такую радость, какой и изобразить невозможно. Но скажутъ: какъ могу я страдать теперь, когда прошло время (подвиговъ) мученичества? Что ты говоришь? Развѣ теперь прошло время мученичества? Оно никогда не проходитъ, напротивъ — всегда предъ нашими глазами, если только мы бодрствуемъ. Въдѣ не повѣшеніе только на деревѣ дѣлаетъ мученикомъ. Если бы такъ было, то Іовъ остался бы безъ вѣнца мученическаго. Онъ не стоялъ 399 предъ судилищемъ, не слыхалъ голоса суди, не видалъ мучителя, не былъ строгаемъ по ребрамъ, повѣщенный и поднятый на дерево. И однако онъ страдалъ болѣе, нежели многіе мученики; сообщенія вѣстниковъ, приходившихъ другъ за другомъ, нестерпимѣ всякаго удара поражали его и прободали со всѣхъ сторонъ; а уста червей люте множества палачей отвсюду терзали его.

5. Итакъ, съ какимъ мученикомъ не можетъ онъ сравняться? Подлинно (онъ равенъ) съ безчисленно многими. Онъ отвсюду выдерживалъ борьбу и собиралъ вѣнцы, — и отъ потери имущества, и отъ погибели дѣтей, и отъ гніенія тѣла, и отъ укоровъ жены, и отъ друзей, и отъ враговъ, и даже отъ рабовъ своихъ, — потому что и тѣ плевали на лице его, — и отъ голода, и отъ сновидѣній, и отъ мучительной боли, и отъ зловонія. Вотъ почему я и сказалъ, что онъ можетъ равняться не съ однимъ, не съ двумя, не съ тремя, а съ безчисленнымъ множествомъ мучениковъ. Кромѣ сказаннаго и самое время даетъ великое преимущество вѣнцамъ его, — потому что онъ терпѣлъ эти скорби прежде закона и благодати, терпѣлъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, и все въ высшей степени, притомъ же всѣ эти несчастія обрушились на него вдругъ, тогда какъ каждое изъ нихъ и само по себѣ нестерпимо, не исключая даже и потери стяжаній, которая по видимому (не) сноситѣ другихъ золъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе перенесли удары, а потери имущества не перенесли; напротивъ, предпочитали лучше терпѣть бичеваніе и множество другихъ мученій, нежели уступить что-нибудь изъ своихъ стяжаній, такъ что потерю ихъ считали для себя самымъ тяжкимъ ударомъ. Такимъ образомъ и потеря имущества есть нѣкоторый родъ мученичества для того, кто мужественно ее переноситъ. Но какъ скажешь, перенестъ мужественно такіа потери? Ты научишься этому, когда узнаешь, что чрезъ одно слово благодарности ты приобретаешь больше, чѣмъ потерялъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, услышавъ о погибели нашихъ благъ, мы не смутимся, а скажемъ: благословенъ Богъ, — то этимъ приобретемъ гораздо большее богатство. И дѣйствительно, не столько ты получишь пользы,

тратя свое богатство на немущихъ, всюду обходя и ища бѣдныхъ, расточая все, что имѣешь, алчущимъ, сколько приобрѣтешь однимъ этимъ словомъ. Вотъ почему я не столько удивляюсь Іову, отверзавшему для бѣдныхъ домъ свой, сколько изумляюсь и съ удивленіемъ восклицаю, видя, какъ онъ съ благодареніемъ переносилъ потерю своихъ стажаній. То же самое можно приложить и къ потерѣ дѣтей. И здѣсь ты можешь получить не меньшую награду, чѣмъ и тотъ, который возложилъ на жертвенникъ и готовъ былъ заклать сына своего, если, видя умирающимъ свое дѣтище, будешь благодарить человеколюбиваго Бога. Въ самомъ дѣлѣ, поступающій такъ чѣмъ будетъ ниже Авраама? Авраамъ еще не видѣлъ (сына своего) лежащаго мертвымъ, но только готовился къ этому, такъ что если онъ и имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что хотѣлъ принести въ жертву (сына своего),
 390 протянулъ руку и взялъ ножъ, то съ другой стороны онъ уступаетъ въ томъ отношеніи, что здѣсь лежитъ уже мертвый сынъ. Кромѣ того, Авраама ободряла увѣренность, что онъ совершаетъ доблестный поступокъ, и что славный этотъ подвигъ есть дѣло собственнаго его мужества; да и гласъ съ неба, имъ слышанный, воодушевлялъ его къ этому подвигу; здѣсь же, напротивъ, нѣтъ ничего подобнаго. Вотъ почему тому, кто видитъ распростертаго и лежащаго во гробѣ однороднаго сына своего, воспитаннаго въ богатствѣ и подававшего добрыя надежды, нужно имѣть адамантовую душу, чтобы кротко перенести постигшее его несчастье. И если таковой, укротивъ естественное волненіе, сможетъ безъ слезъ сказать съ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъялъ* (ц, 21), то за одно это слово станетъ въ рядъ съ Авраамомъ и вмѣстѣ съ Іовомъ будетъ прославляемъ. И если, остановивъ вопли жень и воспретивъ клики плачущихъ, обратить всѣхъ къ славословію Бога, то получить безчисленныя почести и отъ Бога и отъ людей: люди будутъ ему удивляться, ангелы рукоплескать, Богъ увѣнчиваетъ его славою.

6. Но какъ могу я не плакать, скажешь ты, когда я человекъ? (Можешь) если подумаешь о томъ, что и патриархъ, и Іовъ, будучи оба людьми, ничего подобнаго не испытали, и притомъ еще—живя оба прежде закона и благодати, и не зная еще тѣхъ богомудрыхъ законовъ, какіе у насъ; если сообразишь, что умершій переселился въ лучшую страну и перешелъ къ лучшему наслѣдію, и что ты не потерялъ сына, а только препроводилъ его въ безопаснѣйшее жилище. Итакъ, не говори: я не могу уже называться отцомъ. Почему тебѣ не называться отцомъ, когда сынъ твой живъ? Развѣ ты потерялъ дѣтище? Развѣ ты погубилъ сына? Напротивъ, приобрѣлъ его, и съ большею безопасностію владѣешь

имъ. Чрезъ это ты не здѣсь только будешь называться отцомъ, но и на небѣ, и не только не потерялъ имени отца, но приобрѣлъ право на еще большее наименованіе: ты будешь называться отцемъ уже не смертнаго сына, но безсмертнаго, отцемъ мужественнаго воина, вѣчно пребывающаго въ домѣ Божіемъ. Не думай, что онъ уже и погибъ, если не стоитъ предъ тобою. Вѣдь если бы онъ находился теперь въ путешествіи, то его тѣлесное отсутствіе не прекратило бы между вами родственной связи. Не останавливай же своихъ взоровъ на лицѣ лежащаго, потому что возбудишь этимъ въ себѣ страданіе; но возведи мысль твою отъ лежащаго къ небу. Не этотъ лежащій трупъ есть сынъ твой, но тотъ, который отлетѣлъ и восшелъ на неизмѣримую высоту. Итакъ, когда видишь закрытые глаза, сомкнутыя уста и неподвижное тѣло, не о томъ помышляй, что эти уста уже не говорятъ, эти глаза уже не видятъ, эти ноги уже не ходятъ, и все обращается въ тлѣніе,—не такъ говори, а совершенно напротивъ: эти уста будутъ говорить лучше, эти глаза увидятъ больше, эти ноги по- 391
несутся на облакахъ, это разрушающееся тѣло облечется въ безсмертіе, и я опять получу сына, но свѣтлѣйшаго. Если же видимое тобою печалитъ тебя, то скажи себѣ: это—одежда, и онъ скинулъ ее для того, чтобы опять получить ее же, но болѣе многоцѣнную, это—домъ, но онъ разрушается для того, чтобы стать свѣтлѣе. Подобно тому какъ мы, когда хотимъ очистить домъ, не дозволяемъ оставаться внутри его живущимъ въ немъ, чтобы предохранить ихъ отъ пыли и отъ шума, но велимъ на нѣкоторое время выйти; когда же совсѣмъ устроимъ домъ, тогда опять безбоязненно вводимъ ихъ,—такъ дѣлаетъ и Богъ: разрушивъ гнилую храмину усопшаго, Онъ взялъ его въ Свой отеческій домъ, даже къ Себѣ, чтобы послѣ, какъ она разберется и вновь перестроится, опять отдать ему ее въ лучшемъ и свѣтлѣйшемъ видѣ. Итакъ не говори, что онъ погибъ, и что не будетъ его болѣе; это слова невѣрующихъ; но говори: онъ спитъ и возстанетъ; онъ отправился въ путь и возвратится съ Царемъ. Кто такъ говоритъ? Тотъ, кто имѣетъ въ себѣ говорящимъ Христа. *Аще бо вѣруемъ,* 392
говорить (апостолъ), яко Иисусъ умре и воскресъ и живетъ, тако Богъ и умершія чрезъ Иисуса приведетъ съ нимъ (1 Сол. iv, 14). Итакъ, если ты ищешь сына, ищи его тамъ, гдѣ находится Царь, гдѣ воинство ангеловъ, не въ гробѣ, не въ землѣ, чтобы, тогда какъ онъ вознесенъ на такую высоту, тебѣ самому не остаться поверженнымъ на землѣ. Если мы такимъ образомъ будемъ любомуудрствовать, то легко преодолѣмъ всякую подобную печаль. Богъ же щедротъ и Отецъ всякія утѣхи утѣшитъ сердца всѣхъ насъ, и подобными скорбями и другими печальми одержимыхъ,

даруетъ намъ избавленіе отъ всякаго унынія, и сподобитъ насъ стяжать духовную радость и получить будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

391 Аще ли же скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи, дѣйствующемся въ терпѣннѣи тѣхже страданій, яже и мы страждемъ: и упованіе наше извѣстно о васъ (2 Кор. 1, 6—7).

1. Предложивъ одно и главное побужденіе къ утѣшенію (именно общеніе со Христомъ), (апостолъ) присовокупляетъ еще другое, именно то, что (скорби, претерпѣваемые апостолами) содѣйствуютъ къ устроенію спасенія самихъ наставляемыхъ въ вѣрѣ. Итакъ не падайте духомъ, говоритъ онъ, не смущайтесь, и не предавайтесь страху оттого, что мы терпимъ скорби; напротивъ это-то самое и должно исполнять васъ бодростію и упованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не подвергались скорбямъ, это привело бы всѣхъ насъ къ погибели. Какъ же и почему? Потому что, если бы мы, по малодушію и изъ опасенія бѣдствій, не стали вамъ проповѣдывать слово, чтобы научить васъ истинному знанію, то спасеніе ваше подверглось бы крайней опасности. Видишь ли опять силу и твердость Павла? Чѣмъ они смущались, тѣмъ онъ утѣшаетъ ихъ. Чѣмъ тягостиѣ, говоритъ, становятся наши гоненія, тѣмъ болѣе должна въ васъ умножаться добрая надежда, потому что тѣмъ болѣе открывается и средствъ къ вашему спасенію, случаевъ къ утѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ принести вамъ столько утѣшенія, какъ тѣ великія блага, которыя вы получаете отъ нашей проповѣди? Потомъ, чтобы не подумали, что онъ всю похвалу въ этомъ случаѣ приписываетъ только себѣ одному, посмотри, какъ онъ и ихъ дѣлаетъ общниками тѣхъ же похвалъ. Сказавъ: *аще ли скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи, онъ дѣйствующемся въ терпѣннѣи тѣхъ же страданій, яже и мы страждемъ.* Яснѣе то же самое выражаетъ онъ ниже, говоря: *якоже общники есте страстемъ, такожде и утѣшенію*, здѣсь же пока выразилъ это, обобщая свою рѣчь, словами: *тѣхже страданій.* Смыслъ его словъ таковъ: не мы одни были виновниками вашего спасенія, но и вы

392

сами. Какъ мы, проповѣдуя, терпимъ скорби, такъ и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вамъ то, что сами получили, а вы, чтобы принять передаваемое и не потерять. Съ чѣмъ можно сравнить такое смиренномудріе Павла, когда онъ и столь далеко отстоящихъ отъ него въ добродѣтели поставляетъ на одной съ собой степени терпѣнія? Именно онъ говоритъ: *дѣйствующемся въ терпѣніи также страданій*, то есть, не тѣмъ только устроится спасеніе ваше, что вѣруете, но и тѣмъ, что вы также страдаете и терпите, какъ и мы.

Какъ ратоборецъ, хотя возбуждаетъ удивленіе и тогда, когда только показывается зрителямъ, и даетъ видѣть свою тѣлесную крѣпость и искусство, которымъ онъ владѣетъ; но несравненно болѣе покрывается славой тогда, когда борется со врагомъ, выдерживаетъ удары его и ему самому наносить удары,—потому что тогда особенно обнаруживается его сила и высказывается на дѣлѣ высота его искусства,—такъ и спасеніе ваше тогда особенно дѣйствуется, т. е. дѣлается явнымъ, возрастаетъ и возвышается, когда бываетъ соединено съ терпѣніемъ, страданіями и мужественнымъ перенесеніемъ всѣхъ золъ. Такимъ образомъ, дѣйствительная сила спасенія состоитъ не въ томъ, чтобы не дѣлать зла, но въ томъ, чтобы (самимъ мужественно) терпѣть зло. И не сказать: дѣйствующемъ, но: *дѣйствующемся*, показывая тѣмъ, что на ряду съ ихъ собственнымъ рвеніемъ много совершила и благодать, дѣйствующая въ нихъ. *И упованіе наше извѣстно о васъ* (ст. 7). То есть, хотя вы терпите и безчисленныя бѣдствія, однако мы увѣрены, что вы не упадете даже и тогда, когда васъ будутъ гнать. Мы не только не имѣемъ подозрѣнія, чтобы вы смутились нашими страданіями, но и уповаемъ, что вы пребудете 393 тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностямъ. Видишь, какой плодъ принесло въ нихъ первое посланіе (Павлово)! Здѣсь же онъ гораздо болѣе восхвалялъ ихъ, нежели сколько въ первомъ посланіи хвалилъ и превозносилъ македоняны. За тѣхъ онъ опасался, и потому говорилъ: *послахомъ къ вамъ Тимофея, утвердiti васъ и утѣшiti въ отвѣтъ, яко ни единому смущаеми въ скорбехъ сихъ: сами бо есте яко на сіе истое учинени есмь. И опять: сего ради и азъ ктому не терпя, послахъ разумѣти отрушину, да не како искусилъ вы искушай, и вотще будетъ трудъ нашъ* (1 Сол. ш, 2, 3, 5). О коринтеянахъ же ничего подобнаго не говорить, а напротивъ, пишетъ: *упованіе наше извѣстно о васъ. Аще ли утѣшаеми, о вашихъ утѣшеніи и спасеніи: отъдѣли, зане также обихъ есте страстемъ, такожде и утѣшенію*. Что ради нихъ апостолъ терпѣлъ скорби, это уже показалъ онъ выше, когда сказалъ: *аще ли же скорбимъ, о вашихъ утѣшеніи и спасе-*

ни, а теперъ хочетъ показать, что (апостолы) и утѣшались для нихъ же. И выше онъ говорилъ объ этомъ, хотя и не такъ определенно, когда сказалъ: *благословенъ Богъ, утѣшай насъ во всякой скорби, яко возможи намъ утѣшити сущія во всякой скорби.* И здѣсь говорить опять то же другими словами, но гораздо яснѣе и назидательнѣе. *Аще ли утѣшаемся,* говорить, *о нашемъ утѣшеніи.* Смыслъ этихъ словъ такой: наше утѣшеніе обращается вамъ въ успокоеніе, даже и тогда, когда бы намъ не случилось утѣшать васъ словами. Если мы получимъ только малую отраду, то и этого довольно къ утѣшенію вашему. И хотя бы намъ однимъ случилось получить утѣшеніе, и это уже утѣшить васъ, потому что какъ страданія наши вы принимаете, точно свои собственные, такъ и утѣшеніе наше вы должны считать своимъ собственнымъ. Если въ скорбяхъ нашихъ вы участвуете, почему же не будете участвовать въ радостяхъ? Если же вы во всемъ имѣете общеніе съ нами—и въ скорби и въ утѣшеніи, то не обвиняйте меня за то, что такъ долго медлю придти къ вамъ,—вѣдь и скорбимъ мы для васъ, и утѣшаемся для васъ. Чтобы не показалось кому тяжкимъ сказанное, что для васъ мы и терпимъ скорби, онъ присовокупляетъ, что для васъ мы и утѣшаемся; и не одни мы терпимъ бѣдствіе, потому что и вы, говорить, участвуете съ нами въ тѣхъ же страданіяхъ.

2. Такимъ образомъ, принимая ихъ въ соучастники въ бѣдствіяхъ и относя къ нимъ причину бѣдствія своего, (апостолъ этимъ самымъ) смягчаетъ свое слово. Итакъ, строятъ ли намъ ковы, говорить, будьте тверды духомъ, потому что мы терпимъ это для того, чтобы ваша вѣра дѣлалась сильнѣе. Дается ли намъ утѣшеніе, и вы радуйтесь этому, потому что мы ради васъ получаемъ его, чтобы и вамъ отсюда могло быть нѣкоторое утѣшеніе, какъ участникамъ въ нашей радости. А что онъ дѣйстви-
 394 тельно говорить теперь о томъ родѣ утѣшенія, которое получилъ онъ, не только будучи утѣшенъ коринѳянами, но еще и узнавъ, что они чувствуютъ облегченіе въ скорбяхъ,—послушай объ этомъ далѣе, гдѣ онъ ясно открылъ это, говоря: *вѣдающе, зане якоже общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію.* То есть, какъ тогда, когда преслѣдуютъ насъ, вы скорбите, какъ бы сами терпѣли гоненіе, такъ мы увѣрены, что и тогда, когда мы получаемъ утѣшеніе, вы принимаете его такъ, какъ бы вы сами имъ наслаждались. Что можетъ быть смиренномудреннѣе таковой души? Тотъ, кто столько претерпѣлъ бѣдствій, называетъ соучастниками въ нихъ тѣхъ, которые не претерпѣли и малѣйшей ихъ части; а говоря объ утѣшеніи, всю причину его приписываетъ имъ, а не своимъ трудамъ. Потому, такъ какъ онъ говорилъ о

скорбяхъ неопредѣленно, то далѣе называетъ и мѣсто, гдѣ ихъ претерпѣлъ: *не бо хощемъ васъ не стѣдѣти, братіе, о скорби нашей, бывшей намъ во Асіи* (ст. 8). Возвѣщаемъ вамъ, говоритъ, объ этомъ, чтобы вы не были въ невѣденіи о случившемся съ нами. Мы желаемъ, чтобы вы знали все, что съ нами происходитъ, и весьма объ этомъ заботимся. А это служить величайшимъ доказательствомъ любви его къ нимъ. То же говорилъ онъ и въ первомъ посланіи: *дверь бо ми отверзєся велика и поспѣшна, и сопротиеніи мнози въ Ефесѣ* (1 Кор. xvi, 9). Итакъ, желая сдѣлать извѣстными имъ свои скорби и все, что онъ потерпѣлъ, говоритъ: *не хочу васъ не стѣдѣти о скорби, бывшей намъ во Асіи*. Подобное писалъ онъ и въ посланіи къ ефесянамъ; посылая къ нимъ Тихика, представилъ ту же самую причину его посольства: *да утѣште же, говоритъ, и вы яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и стренъ служителъ о Господѣ: его же послахъ къ вамъ на сіе истое, да утѣште яже о насъ, и да утѣшитъ сердца ваша* (Ефес. vi, 21, 22). То же самое дѣлаетъ онъ и въ другихъ посланіяхъ. И это было не излишне, а напротивъ, весьма нужно, какъ по побужденію великой любви его къ ученикамъ, такъ по причинѣ непрестанныхъ искушеній, при которыхъ величайшимъ утѣшеніемъ было знать взаимное состояніе другъ друга, чтобы, если оно будетъ скорбное, приготовиться къ подвигу и вооружиться мужествомъ противъ опасностей, если же радостное, то вмѣстѣ раздѣлять радость. Здѣсь, впрочемъ, онъ говоритъ вмѣстѣ и о нападеніи искушеній, и объ освобожденіи отъ нихъ: *яко попремногу отяготихомся паче силы*—подобно кораблю, обремененному сверхъ мѣры какимъ-нибудь грузомъ, и готовому потонуть. Повидимому, (апостолъ) выражаетъ одно и то же словами—*попремногу* и—*паче силы*; на самомъ дѣлѣ однако это не одно и то же. Именно, чтобы кто не сказалъ: какъ ни чрезмѣрна была опасность, но она не велика была для тебя,—(въ предупрежденіе этого апостолъ) присовокупилъ, что она и велика была, и превышала силы наши, и притомъ настолько превышала, *яко не надѣяться намъ и жити*, то есть, мы не чаяли уже и въ живыхъ остаться. Что Давидъ называетъ *вратами ада, болѣзнями смертными* и *стенію смерти* (Пс. lxxvii), то же самое выражаетъ и апостолъ, говоря, что мы подверглись такой опасности, которая несомнѣнно угрожала смертію. *Но сами еъ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возстающаго мертвыхъ* (ст. 9). Что же такое значить—*осужденіе смерти*? Значить,—приговоръ, опредѣленіе, ожиданіе смерти. Такъ говорили дѣла, такой приговоръ произносили случившіяся обстоятельства, т. е. что мы непремѣнно должны умереть. Впрочемъ, этого не

случилось на самомъ дѣлѣ, но ограничилось только нашимъ ожиданіемъ. Хотя положеніе вещей предвѣщало такой конецъ, но сила Божія не допустила этому приговору придти въ исполненіе, допустивъ совершиться ему только въ нашей мысли и ожиданіи. Потому и говорятъ: *сами въ себѣ*, а не на самомъ дѣлѣ, *осужденіе смерти имѣхомъ*. Для чего же попустилъ Богъ подвергнуться такой опасности, что мы даже потеряли надежду и отчаялись въ жизни? *Да не надѣющеся, говорить, будемъ на ся, но на Бога.*

3. Впрочемъ, Павелъ сказалъ это не потому, чтобы самъ былъ такъ настроенъ. Нѣтъ; но онъ, подъ видомъ повѣствованія о себѣ самомъ, хотѣлъ только вразумить другихъ, а притомъ сказалъ такъ по свойственному ему смиренію. Подобно говорить онъ и ниже: *дадеся ми пакостникъ плоти* (разумѣя искушенія), *да не превозношуся* (хп, 7), показывая впрочемъ, что Богъ и не для того попустилъ эти искушенія, но по другой причинѣ. По какой же именно? Чтобы тѣмъ болѣе просіяла въ немъ сила Божія. *Довѣсть бо ти, говорить, благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (хп, 9). Но, какъ я уже сказалъ, онъ никогда не оставляетъ своего обыкновенія—ставить себя на ряду съ худшими людьми, которыхъ нужно много учить и исправлять. Въ самомъ дѣлѣ, если и для вразумленія обыкновенныхъ людей довольно бываетъ одного или двухъ искушеній, то какъ же тотъ, который подвигами цѣлой жизни стяжалъ особенное предъ воими людьми смиренномудріе, и столько претерпѣлъ, сколько никто другой, по истеченіи столькихъ лѣтъ и по достиженіи любомудрія достойнаго небесъ, могъ имѣть нужду въ столь тяжкомъ вразумленіи? Отсюда ясно, что и здѣсь онъ только по смиренію и для приведенія къ тому же смиренію тѣхъ, кто много мечтаетъ о себѣ и гордится собою, говорить: *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога*. И смотри, какъ онъ и этимъ врачуетъ ихъ: Богъ, говорить, попустилъ найти на насъ искушенія для васъ. Вотъ сколько вы драгоценны у Бога! *Аще бо скорбимъ, говорить, о нашемъ утѣшеніи и спасеніи*; а избытокъ искушеній попушенъ собственно для насъ, чтобы не думали много о себѣ. *Яко на премногу и паче силы отяготихомся, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возстающаго мертвыхъ*. Здѣсь опять напоминаетъ имъ о воскресеніи, о которомъ такъ много говорилъ въ первомъ посланіи, и настоящими обстоятельствами утверждаетъ его истину.

396 Потому и присовокупилъ: *иже отъ толикихъ смертей избавимъ ны есть* (ст. 10). Не сказалъ: отъ толикихъ опасностей, какъ для того, чтобы показать этимъ непреодолимую силу искушеній, такъ и для того, чтобы еще болѣе увѣрить въ истинѣ своего ученія,

которое предлагалъ прежде. Такъ какъ воскресеніе мертвыхъ есть еще дѣло будущее, то онъ показываетъ адсь, что оно и каждодневно бываетъ. Когда Богъ человѣка, отчаявшагося и дошедшаго до вратъ адовыхъ, исторгаетъ оттуда, то что другое дѣлаетъ Онъ, какъ не воскрешаетъ мертваго, изымая изъ самыхъ устъ смерти впадшаго въ нихъ? Потому-то, при неожиданномъ освобожденіи какого-нибудь человѣка изъ отчаяннаго состоянія, какъ-то: отъ жестокой болѣзни, или отъ невыносимыхъ бѣдствій, у многихъ вошло въ обыкновеніе говорить: на этомъ человѣкѣ мы видѣли воскресеніе изъ мертвыхъ. *Уповахомъ же, яко и еще избавитъ, споспѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою, да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о насъ* (ст. 11). Такъ какъ слова: *да не надѣющаеся будемъ на ся* могли показаться общимъ обвиненіемъ и обличеніемъ, а потому падали и на нѣкоторыхъ изъ коринтеянъ, то онъ опять смягчаетъ сказанное, приписывая молитвамъ ихъ великое предстательство, и вмѣстѣ показываетъ, что намъ непрестанно должно подвизаться въ продолженіе всей жизни. Именно въ словахъ: *уповахомъ же, яко и еще избавитъ* содержитсяъ предсказаніе, что еще много будетъ искушеній, и въ нихъ опять не будемъ оставлены, а получимъ помощь и содѣйствіе свыше. Затѣмъ, чтобы они, услышавъ, что имъ непрестанно должно бороться съ бѣдствіями, не пали духомъ, онъ показалъ напередъ пользу бѣдствій, состоящую въ томъ, что они удерживаютъ насъ въ непрестанномъ смиренномудріи—*да не надѣющаеся будемъ на ся*, что ими содѣловается спасеніе наше, и еще другія многія блага, какъ-то: общеніе съ Христомъ—*избыточествуютъ*, говорить, *страданія Христова въ насъ* (ст. 5), *страданіе въ пользу вѣрующихъ—аще бо*, говорить, *скорбимъ, о вашимъ утѣшеніи и спасеніи*, большая очевидность (спасенія вѣрующихъ)—*дѣйствующемся*, говорить, *въ терпѣніи тѣхъ же скорбей*, укрѣпленіе (въ терпѣніи) и сверхъ того ясное и какъ бы предъ глазами поставленное доказательство воскресенія—*отъ толкихъ смертей избавилъ ны есть*, утвержденіе насъ въ подвигахъ и непрестанномъ взираніи на Бога—*уповахомъ бо*, говорить, *яко и еще избавитъ*, наконецъ приученіе къ прилежной молитвѣ—*споспѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою*. Показавъ, такимъ образомъ, пользу скорбей, и вдохнувъ въ нихъ мужество, (апостолъ) вновь воспламеняетъ ихъ сердца и внушаетъ имъ большую готовность и ревность къ добродѣтели тѣмъ, что приписываетъ великую силу ихъ молитвамъ, такъ какъ ими они и Павлу споспѣшествовали: *споспѣшествующимъ*, говорить, *и вамъ по насъ молитвою*. Чтоже значать слова его: *да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о васъ? Избавилъ ны*

есть, говорить, *отъ смертей оныхъ, споспѣшествующимъ и вамъ молитвою*, т. е. по ходатайству всѣхъ васъ въ молитвахъ за насъ, 397 потому что *дарованіе, еже въ насъ*, т. е. спасеніе наше, Богъ восхотѣлъ даровать всѣмъ вамъ, чтобы многіе возблагодарили Его, такъ какъ и благодать получили многіе.

4. Это сказалъ онъ какъ для того, чтобы побудить ихъ къ молитвѣ за другихъ, такъ и для того, чтобы приучить ихъ всегда благодарить Бога и за избавленіе другихъ отъ бѣдствій, показывая вмѣстѣ, что и Богъ особенно желаетъ этого, потому что молящіеся и благодарящіе за другихъ тѣмъ болѣе сдѣлають то и другое въ отношеніи къ себѣ самимъ. Кромѣ того, (апостоль) научаєтъ ихъ и смиренномудрію и возбуждаєтъ къ болѣе горячей любви. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ самъ, будучи несравненно выше ихъ, приписываетъ свое спасеніе ихъ молитвамъ, и даръ, полученный имъ отъ Бога, ихъ ходатайству, то подумай, какъ они должны были смиряться и уничижаться. Замѣть здѣсь еще и то, что когда Богъ и по милости даруетъ что-нибудь, и здѣсь молитва много содѣйствуетъ. Такъ, хотя въ началѣ посланія (Павелъ) приписалъ спасеніе свое щедротамъ Божиимъ: *Богъ щедротъ*, говорить, *той избавилъ ны есть*, но здѣсь приписываетъ онъ и молитвамъ. Такъ и раба, который долженъ былъ десять тысячъ талантовъ, тогда только помиловалъ господинъ его, когда тотъ упалъ къ ногамъ его, хотя и сказано, что *милосердовашъ прости его* (Мѣ. хviii, 24, 26). Равно и хананейской женѣ (Господь) не прежде даровалъ здравіе дочери ея, какъ послѣ долгаго и неотступнаго ея моленія и терпѣнія, хотя и по милости только исцѣлилъ ее (Мѣ. хv, 22—28). Отсюда мы научаемся, что и тогда, когда хотимъ милости отъ Бога, должны прежде показать себя достойными этой милости, потому что хотя Онъ и милостивъ, однако ищетъ достойныхъ, и не безъ разбора раздѣляетъ Свой милости всѣмъ даже и ожесточеннымъ. *Помилюю*, говорить, *егоже аще помилюю, и ущедрю, его же аще ущедрю* (Исх. xxxiii, 19; Рим. ix, 15). Смотри, что и здѣсь говорить (апостоль): *споспѣшествующимъ и вамъ молитвою*. Не все и имъ приписываетъ, чтобы не довести ихъ до надменности, но и не совсѣмъ лишаетъ ихъ заслуги, чтобы возбудить ихъ усердіе, сдѣлать ихъ ревностнѣйшими и привести ихъ въ союзъ любви между собою. Потому и сказалъ: вамъ даровалъ Богъ спасеніе мое, что часто единомышленная и согласная молитва многихъ преклоняєтъ Бога. Потому и пророку Іонѣ сказалъ Онъ: *Азъ же не пощажу ли града сего, въ немже живутъ многаяшии, неже дванадесять темъ челоѣкъ* (Іон. iv, 11)? А чтобы ты не подумалъ, что только на множество взираєтъ (Богъ), говорить: *аще будетъ число Израиля, яко песокъ морскій, останокъ спасется*

(Ис. х, 22). Почему же спасъ ниневитянъ? Потому что здѣсь не множество только было, но множество обратившихся къ добродѣтели: *возвратися бо кѣждо отъ пути своего лукаваго* (Ион. ш, 8), и Спасавшій ихъ сказалъ, что они *не познаша десницы, ниже шуйцы* (Ион. іv, 11). Отсюда ясно, что и грѣшили они прежде болѣе по невѣдѣнію, нежели по развращенію; это оправдывается и тѣмъ, что они немногихъ словъ послушались и покаались. Если же довольно было двѣнадцати темъ для ихъ спасенія, то что и прежде препятствовало спасти ихъ? И почему не сказалъ Богъ пророку: Я ли не пощажу града сего столь искренно покаывшагося, ³⁹³ а выставляетъ на видъ эти десятки тысячъ? Ужели напрасно сказано такъ? Нѣтъ! Покаяніе ихъ извѣстно было пророку, а число и простота ихъ не были извѣстны. Итакъ, отовсюду (апостолъ) старается научить коринѣянъ смиренномудрію,—потому что и множество имѣетъ силу только тогда, когда оно соединено съ добродѣтелью.

То же самое и въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ Писаніе, говоря: *молитва же бѣ прилежна, бываемая отъ церкви къ Богу о немъ* (Дѣян. хп, 5). Молитва эта была такъ сильна, что, несмотря на то, что и двери темницы были заперты, и узы связывали апостола, и съ обѣихъ сторонъ около него спали стражи,—извела его изъ темницы и освободила отъ всѣхъ этихъ опасностей. Но насколько сильно множество въ соединеніи съ добродѣтелью, настолько же ничтожно, когда оно исполнено нечестія. Такъ и тѣ израильтяне, о которыхъ говоритъ пророкъ (Ис. х), что *число ихъ было яко песокъ морской*, всѣ погибли. Равно и во дни Ноевы много, даже безчисленное множество было людей; однако это не принесло имъ никакой пользы, потому что одно множество само по себѣ не имѣетъ никакой силы, но сильно только въ соединеніи съ добродѣтелью. Итакъ, будемъ тщательно сходиться на молитву и станемъ молиться другъ за друга, какъ коринѣяне за апостоловъ. Дѣлая это, мы и заповѣдь исполнимъ, и въ любви преуспѣемъ (когда же я называю любовь, то разумѣю здѣсь всѣ добродѣтели), и научимся усерднѣе благодарить Бога. Вѣдь кто за благодѣянія, оказанныя другимъ, благодаритъ Бога, тотъ тѣмъ болѣе будетъ благодарить Его за свои. Такъ поступалъ и Давидъ, который говоритъ: *возвеличите Господа со мною, и вознесемъ имя Его вкупѣ* (Пс. хххш, 4). Того же требуетъ вездѣ и апостолъ. То же и мы должны дѣлать,—проповѣдывать предъ всѣми благодѣянія Божіи, чтобы всѣхъ возбудить къ прославленію Бога. Если, возвѣщая всѣмъ благодѣянія, получаемыя отъ людей, мы сильнѣе располагаемъ ихъ къ себѣ, то тѣмъ болѣе, возвѣщая всѣмъ благодѣянія Божіи, мы привлечемъ на себя большее Его благоволеніе. И если, будучи

облагодѣтельствуютъ людьми, побуждаемъ и другихъ благодарить своихъ благодѣтелей, то тѣмъ болѣе благодарящихъ за насъ должны приводить къ Богу. И если Павелъ такъ дѣлаетъ, самъ имѣя великое дерзновеніе къ Богу, то тѣмъ болѣе мы должны такъ дѣлать.

5. Итакъ будемъ молить святыхъ, чтобы они благодарили за насъ Бога, и сами будемъ дѣлать то же другъ за друга. Правда, это преимущественно долгъ священниковъ, какъ дѣло особенной важности. Приступая къ Богу, мы прежде приносимъ благодареніе за вселенную и за общія блага. Если же всѣхъ вообще касаются благодѣянія Божія, то въ числѣ всѣхъ и ты получишь спасеніе. Поэтому, одинъ ли ты получишь благодѣяніе, ты долженъ благодарить за всѣхъ, всѣ ли вмѣстѣ получили его, справедливо можешь благодарить за себя. Такъ, хотя Господь и не для тебя одного, а для всѣхъ возжегъ солнце, однако и ты пользуешься имъ столько же, сколько и всѣ видятъ, такъ что и ты обязанъ такою же благодарностію Богу, какую должны воздавать Ему всѣ вмѣстѣ. Потому справедливо и ты долженъ благодарить и за общія благодѣянія, равно какъ и за добродѣтели другихъ людей, такъ какъ и за добродѣтели другихъ мы получаемъ многія блага. Такъ, если бы хотя десять праведниковъ нашлось въ городахъ Содомскихъ, они не потерпѣли бы того, что потерпѣли. Поэтому и за дерзновеніе, какое другіе имѣютъ у Бога, будемъ благодарить Бога. Это—древній законъ, свыше насажденный въ церкви. Такъ и Павелъ благодаритъ Бога за римлянъ, за коринѳяны и за всю вселенную. Не говори же мнѣ теперь: это не мое дѣло. Хотя бы и не твое было, и тогда ты долженъ благодарить, потому что это сочленъ твой. Притомъ же ты дѣлаешь его своимъ посредствомъ (общаго) славословія, и, такимъ образомъ, становишься участникомъ въ наградахъ, и самъ получишь благодать.

Вотъ почему законы церковные повелѣваютъ творить молитвы не только за вѣрныхъ, но и за оглашенныхъ. Такъ, церковный законъ побуждаетъ вѣрующихъ молиться и за не посвященныхъ еще въ таинства вѣры. Когда діаконъ говоритъ: *о оглашенныхъ усердно помолитесь*, онъ дѣлаетъ не что иное, какъ возбуждаетъ весь народъ вѣрныхъ къ молитвамъ о нихъ, хотя оглашенные еще и чужды вѣрующимъ, такъ какъ не принадлежатъ еще къ тѣлу Христову, еще не имѣютъ общенія въ таинствахъ, еще отдѣлены отъ стада духовнаго. Если же о нихъ должно молиться, то тѣмъ болѣе мы должны молиться о нашихъ членахъ. Для того и говоритъ: *усердно помолитесь*, чтобы ты не отринулъ ихъ какъ чуждыхъ, не забылъ какъ чужестранцевъ. Они еще не получили заповѣданной и данной Христомъ молитвы, еще не стяжали дера-

новенія, но имѣють нужду въ помощи посвященныхъ въ таинства. Они еще стоятъ внѣ царскихъ чертоговъ, далеко отъ священной ограды. Поэтому они и высылаются, когда приносятся тѣ страшныя молитвы. Потому діаконъ и приглашаетъ тебя молиться за нихъ, чтобы они сдѣлались твоими членами, и не были уже чужестранными и отчужденными: слово—*помалимся* обращается не къ священникамъ только, но относится вмѣстѣ и къ народу; когда говоритъ діаконъ: *станемъ добръ, помалимся*, то приглашаетъ этими словами всѣхъ къ молитвѣ. Потомъ, начиная прошеніе, говоритъ: *да всемилостивый и щедрый Богъ услышитъ моленія ихъ*. Чтобы ты не сказалъ: къ чему намъ молиться? они чужды намъ, еще не соединены съ нами—какъ я могу умолиť Бога? какъ могу преклонить Его, чтобы явилъ имъ милость Свою и простилъ ихъ?—чтобы ты не смущался такими вопросами, смотри какъ онъ разрѣшаетъ твое недоумѣніе, говоря: *да всемилостивый и щедрый Богъ*. Слышишь ли: *всемилостивый Богъ*? Не сомнѣвайся же болѣе, потому что всемилостивый всѣхъ милуетъ—и грѣшниковъ и друзей. Итакъ не говори: какъ за нихъ приступлю къ Богу? Самъ услышитъ моленія ихъ. Въ молитвѣ же объ оглашенныхъ о чемъ лучше молиться, какъ не о томъ, чтобы имъ не оставаться навсегда оглашенными? Далѣе показываетъ и самый образъ молитвы. Какой же? *Да отверзетъ уши сердце ихъ*, которыя заключены еще и ожесточены. Впрочемъ, не о чувственныхъ ушахъ здѣсь говорится, но объ умственныхъ. *Да услышатъ, яже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Они еще 400 не слышали неизреченныхъ тайнъ, потому что стоятъ вдали и отдѣльно отъ вѣрныхъ, а если и слышатъ что, то не разумѣють слышаннаго, поскольку здѣсь не довольно одного слышанія, но требуется еще и большое разумѣніе; а они не имѣють еще внутреннего слуха. Вотъ почему для нихъ и испрашивается пророческій даръ. И пророкъ такъ же говорить о себѣ: *Богъ даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово*, зане самъ отверзаетъ уста мои, даде ми рано, *приложими ухо, еже слышати* (Ис. I, 4). Подобно тому, какъ пророки иначе слышали, нежели другіе люди, такъ и вѣрные иначе слышатъ, нежели оглашенные. Отсюда и оглашенный научается не отъ людей ожидать наученія и отверзтія слуха (*не нарицайте*, говоритъ, *учителя на земли*—Мф. XXIII, 8), но свыше—съ небесъ: *будутъ вси научены Богомъ* (Ис. LIV, 13). Потому (діаконъ) и говоритъ далѣе: *огласитъ ихъ словомъ истины*, т. е. чтобы излилъ истину въ сердца ихъ,—потому что они еще не знаютъ словъ истины такъ, какъ должно знать. *Да востѣтъ страхъ свой въ нихъ*. Однако, этого еще недостаточно,—потому что одно сѣмя пало при пути, а другое на каменѣ.

6. А мы не того просимъ. Мы просимъ, чтобы какъ плугъ развѣрзаетъ бородаы на тучной землѣ, такъ было бы и здѣсь; т. е., чтобы обновленные приняли въ глубину сердца всѣянное слово и вѣрно сохраняли все слышанное. Поэтому діаконъ и присовокупляетъ: *и утвердитъ стру свою въ сердцахъ ихъ*, т. е., чтобы она оставалась не на поверхности, а пустила свой корень въ глубину. *Да открытъ имъ евангеліе правды.* Здѣсь онъ указываетъ на двоякое покрывало: одно, которое покрываетъ умственные ихъ очи; другое, которымъ закрыто отъ нихъ евангеліе. Вотъ почему прежде просилъ онъ: *да отверзетъ уши сердець ихъ*, теперь же просить: *да открытъ имъ евангеліе правды*, — т. е., да содѣлаетъ ихъ мудрыми и способными къ принятію его, да научить ихъ и посѣтитъ сѣмена Евангелія. Иначе, хотя они и будутъ способны, но если Богъ не откроетъ имъ, не получаютъ отъ того никакой пользы. И обратно: хотя бы и открылъ Богъ, но если они не примутъ открытаго, опять угрожаетъ та же опасность. Вотъ почему мы и просимъ того и другого, — чтобы и сердца отверзъ и евангеліе открылъ. Такъ, и царское украшеніе ничего не представляетъ для глазъ, хотя бы на него и смотрѣли, если оно закрыто, равно какъ и наоборотъ, нѣтъ никакой пользы и отъ того, что оно открыто, если не будутъ смотрѣть на него глаза. Но то и другое можетъ быть достигнуто, когда (люди) сами напередъ пожелаютъ того. Какое же это *евангеліе правды*? То, которое дѣлаетъ людей праведными. Черезъ то онъ возбуждаетъ въ нихъ желаніе крещенія, показывая, что это евангеліе не только разрѣшаетъ отъ грѣховъ, но и дѣлаетъ праведными. *Да дастъ имъ умъ божественный, цѣломудренный помыслъ и добродѣтельное жителство.* Пусть выслушаютъ это тѣ изъ вѣрныхъ, которые прикованы къ житейскимъ заботамъ. Если для непосвященныхъ еще намъ повелѣ-
 401 вается просить этого, то подумай, каковы должны быть мы, которые просимъ этого для другихъ? Жизнь наша должна быть сообразна съ евангеліемъ. Вотъ почему и порядокъ молитвы отъ догматовъ идетъ къ жизни. А именно, сказавъ: *да открытъ имъ евангеліе правды*, прибавляетъ: *да дастъ имъ божественный умъ.* Что значить божественный? Значить, чтобы Богъ обиталъ въ немъ, какъ и говорится: *вселюся въ нихъ, и похожу* (Лев. ххvi, 12). Когда умъ бываетъ чистъ, когда совлекается грѣховъ, тогда онъ дѣлается домомъ Божиимъ. Когда же Богъ вселяется въ него, то уже ничего не остается въ немъ человѣческаго. И такимъ образомъ онъ дѣлается божественнымъ, все вѣщающимъ отъ Бога, какъ домъ живущаго въ немъ Бога. Отсюда очевидно, что срамословящій не имѣетъ божественнаго ума; равно какъ и любящій веселіе и смѣхъ. *Цѣломудренный помыслъ.* Что же значить — имѣть

цѣломудренный помыслъ? Значить—стяжать здравіе душевное. Тотъ, кто одержимъ наклонностью ко злу и прилѣпился къ настоящимъ благамъ, не можетъ быть названъ цѣломудреннымъ, т. е. здравымъ. И какъ больной желаетъ и вреднаго себѣ, такъ и этотъ. *II добродѣтельное жителство*,—потому что догматы вѣры требуютъ отъ насъ добродѣтельной жизни. Выслушайте это тѣ, которые приходите къ крещенію при концѣ жизни. Мы молимся, чтобы вы послѣ крещенія имѣли и доброе жителство; а ты всячески стараешься, чтобы умереть, не имѣя добродѣтельной жизни. Положимъ, что ты и получишь оправданіе, но одною вѣрою; а мы просимъ, чтобы ты и дѣлами заслужилъ дерзновеніе предъ Богомъ. *Всегда Божіе мыслити, Божіе мудрствовать и объ угожденіи Ему пеищися*. Цѣломудреннаго помысла и добродѣтельной жизни мы просимъ тебѣ не на одинъ день, не на два и не на три, но на цѣлую жизнь, и, какъ основанія всѣхъ благъ, просимъ у Бога, чтобы ты угодное Ему мудрствовалъ. Многіе вѣдь ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу (Филипп. II, 21). Какъ же это можетъ быть? Вѣдь къ молитвѣ должно присоединяться и собственное стараніе, если мы будемъ пребывать въ законѣ Его день и ночь. Потому и въ прошеніи далѣе говорить: *съ закономъ Его пребывать*. И какъ выше онъ сказалъ — *всегда*, такъ и здѣсь говорить: *день и ночь*. Вотъ почему я и стыжусь за тѣхъ, которые едва и одинъ разъ въ годъ показываются въ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, какое могутъ имѣть оправданіе тѣ, которымъ заповѣдано день и ночь не просто заниматься закономъ, но пребывать, т. е. возрастать и жить въ немъ, и которые, между тѣмъ, даже малѣйшей части жизни не посвящаютъ на то, чтобы помнить заповѣди Его и хранить оправданія Его?

7. Видишь ли, какая здѣсь превосходная цѣпь, и какъ каждое звено ея тѣсно связано и согласовано съ другимъ крѣпче и красивѣе всякой золотой цѣпи? Въ самомъ дѣлѣ, послѣ прошенія о дарованіи божественнаго ума, сказывается—какъ и стяжать его. Какъ же? Заботясь всегда объ угожденіи Ему. А это какъ? Путемъ непрестаннаго вниманія къ закону Божію. Какъ же могутъ увѣриться въ этомъ люди? Если будутъ хранить заповѣди Его. Вѣриѣ же сказать, отъ вниманія къ закону Божію является и соблюденіе заповѣдей, подобно тому какъ отъ мудрствованія по Богѣ и стяжанія божественнаго ума рождается забота и попеченіе объ угодномъ Ему. Каждая изъ сказанныхъ добродѣтелей такую имѣетъ силу, что и создаетъ другую и сама сози- 402
дается отъ нея, поддерживаетъ другую и сама поддерживается отъ нея. *Еще прилежнѣе помалимся о нихъ*. Такъ какъ продолжительное слово обыкновенно утомляетъ душу, то онъ опять

возбуждетъ ее. Онъ намѣревается просить чего-то великаго и высокаго, почему и говорить: *сиче прилежнѣе помолимся о нѣхъ*. Чего же именно? *Да избавитъ ихъ отъ всякаго злаго и несовершеннаго дѣла*. Здѣсь мы просимъ, чтобы Господь не допустилъ ихъ впасть въ искушеніе и избавилъ отъ всякаго навѣта—тѣлеснаго и духовнаго. Потому и присовокупляетъ еще: *отъ всякаго грѣха діавольскаго, и отъ всякаго нападенія противника*, — указывая этимъ на искушенія и грѣхи.

Грѣхъ весьма близокъ къ намъ, отовсюду окружаетъ насъ—и спереди и сзади, и потому легко низлагаетъ насъ. Такъ какъ вынѣ онъ говорилъ о томъ, что намъ должно дѣлать съ своей стороны, т. е. пребывать въ законѣ Божіемъ, помнить заповѣди Его, хранить оправданія Его, то теперь наконецъ убѣждаетъ, что всего этого недостаточно, если самъ Богъ не будетъ присутствовать съ нами и помогать намъ. *Аще бо не Господь созиждетъ домъ, осуетъ трудящася зиждущіи его* (Пс. сѣхvi, 1); и особенно это невозможно для тѣхъ, которые еще подчинены діаволу и находятся подъ его властію. Вы, посвященные въ таинства, знаете уже это. Итакъ, припомните тѣ слова, которыми вы отрекались владычества діавола, когда съ преклоненіемъ колѣнъ добровольно приобѣгли къ Царю своему, произнося тѣ страшныя слова, научающія насъ ни въ чемъ и никогда не слушаться діавола. Называютъ же его противникомъ и діаволомъ, т. е. клеветникомъ, потому, что онъ клеветаетъ и на Бога людямъ, и на насъ Богу, и намъ самимъ другъ на друга. Такъ онъ клеветалъ нѣкогда Богу на Іова, говоря: *еда ты не чтитъ Іовъ Господа* (Іов. i, 10)? И опять Іову на Бога: *огнь спаде съ небесе* (i, 16). Подобнымъ образомъ онъ клеветалъ Адаму на Бога, когда говорилъ, что отверзутся очи ихъ (Быт. iii, 5). И нынѣ многимъ изъ людей клеветаетъ, говоря: не промысляетъ Богъ о мірѣ, но ввѣрилъ вашу судьбу демонамъ. Также многимъ изъ іудеевъ клеветалъ онъ на Христа, называя его льстецомъ и волхвомъ. Можетъ быть кто пожелаетъ знать, какъ онъ дѣйствуетъ на человѣка? Когда не находитъ въ человѣкѣ ума божественнаго и души цѣломудренной; когда человѣкъ забываетъ заповѣди Божіи и не хранитъ оправданій Божіихъ,—тогда діаволь уведитъ его въ плѣнъ. Такъ, если бы Адамъ помнилъ заповѣдь, гласящую: *отъ всякаго древа съѣси* (Быт. ii, 16); если бы сохранилъ повелѣніе, которое говорить: *въ онъ же аще день съѣсте, смертію умрете* (ст. 17),—то не потерпѣлъ бы того, что потерпѣлъ. *Да сподобитъ ихъ во время благодѣтельно бани крещенія, оставленія грѣховъ*. Мы просимъ и настоящаго и будущаго; и рассуждаемъ о купели (крещенія), и показываемъ имъ въ прошеніи силу ея. Въ самомъ дѣлѣ, прошеніе даетъ имъ ясно ра-

зумѣть, что дѣло въ возрожденіи, и что мы, какъ рождаемся изъ утробы матери, такъ возрождаемся отъ воды,—чтобы кто изъ нихъ не оказалъ съ Никодимомъ: *како можетъ кто родитися старъ сый? Егда можетъ внити во утробу матери своея, и пакы родитися* (Іоан. III, 4)? Такъ какъ онъ сказалъ объ оставленіи грѣховъ, то далѣе удостовѣряетъ въ истинѣ этого, говоря: *и одежды нетлѣныя*, потому что кто усыновляется Богу, тотъ очевидно уже дѣлается и нетлѣннымъ. Что же значить: *во время благопотребно*? Когда, т. е., готовящійся къ крещенію хорошо расположилъ себя, когда съ усердіемъ и вѣрою приступаетъ къ принятію его, потому что для вѣрующаго такое время и есть благопотребное. *Да благословитъ входы ихъ и исходы, все житіе ихъ.* Здѣсь дозволяется имъ просить и тѣлесныхъ благъ, какъ слабымъ еще въ вѣрѣ. *Домы ихъ и живущихъ въ нихъ*, т. е. слугъ ихъ, сродниковъ и другихъ близкихъ къ нимъ, кого имѣютъ. Все это было въ числѣ наградъ въ ветхомъ завѣтѣ, и ничто не казалось столь страшнымъ, какъ вдовство, безчадіе, преждевременная смерть, голодъ, неуспѣхъ въ дѣлахъ. По этой-то причинѣ церковь на время дозволяетъ и оглашеннымъ просить тѣлесныхъ благъ, понемногу возводя ихъ къ совершенству. Такъ дѣлаетъ и Христосъ, дѣлаетъ и Павелъ, приводя на память своимъ ученикамъ данныя древнимъ благословенія. Такъ Христосъ говоритъ: *блаженни кротцыи, яко тии наследятъ землю* (Мѡ. V, 5). А Павелъ: *чти отца твоего и матерь твою: и будеши долголѣтенъ на земли* (Еф. VI, 2, 8). *Да умножатъ чада ихъ, благословитъ, и въ мѣру возраста приведе, умудритъ.*

8. Здѣсь опять (просить) и тѣлеснаго и духовнаго, какъ еще несовершенному. Далѣе же только духовнаго: *да направитъ все предлагаемое на пользу имъ*, не просто предлагаемое, но на пользу. Такъ часто предлагается, напр., путешествіе, но не приноситъ пользы; или что-нибудь другое подобное, но также безъ пользы. Отсюда они научаются за все благодарить Бога, потому что все направляется къ ихъ пользѣ. Послѣ всего этого наконецъ (діаконъ) повелѣваетъ имъ возстать. Доселѣ онъ держалъ ихъ какъ бы поверженными на землѣ; по испрошеніи же имъ вышесказанныхъ благъ, когда они и сами получили дерзновеніе и вѣру,—онъ возоставляетъ ихъ отъ земли и повелѣваетъ и самимъ уже приносить молитвы къ Богу. Сперва мы просимъ за нихъ, потомъ и имъ повелѣваемъ просить за себя, отверзая имъ двери молитвы, подобно тому, какъ дѣтей сперва мы учимъ говорить, а потомъ имъ самимъ велимъ за нами говорить. Такъ мы говоримъ: *ангела мирна просите оглашеннии*. Есть ангелъ мучитель, какъ говоритъ Писаніе: *посланіе ангелы лютыми* (Псал. LXXIV, 50). Есть также ангелъ губитель (2 Цар. XXIV, 16). Поэтому и по-

велѣваемъ имъ просить ангела мирна, и вмѣстѣ научаемъ ихъ прежде всего искать мира, какъ союза всѣхъ благъ,—чтобы они были свободны отъ всякой вражды, всякой брани и всякихъ рас-
 404 преи. *Мирна вся прилежаша вамъ*,—потому что и тяжкое при посредствѣ мира дѣлается легкимъ. Вотъ почему и Христосъ сказалъ: *миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27). Подлинно, ничто не доставляетъ діаволу столь сильнаго оружія, какъ раздоры, вражды и брани. *Настоящаго дне мирна и вся дни жизни вашей просите*. Видишь, какъ опять всю жизнь повелѣваетъ проводить добродѣтельно. *Христіанскія вашей кончины; а наипаче всего добраго и полезнаго*,—такъ какъ что не хорошо, то и не полезно. У насъ другое понятіе о полезномъ, нежели какое имѣетъ большая часть людей. *Сами себе живому Богу и Христу Его предадите*. Мы еще не требуемъ отъ нихъ, чтобы они молились за другихъ, но считаемъ достаточнымъ, если они и о себѣ могутъ молиться. Видишь ли полноту и совершенство молитвы, объемлющей и догматы вѣры и правила для жизни? Въ самомъ дѣлѣ, когда говоримъ о евангеліи, объ одеждѣ нетлѣнія, о банѣ пакибытія, то называемъ всѣ догматы; когда же говоримъ о божественномъ разумѣ, цѣломудренномъ помыслѣ и о прочемъ вышеуказанномъ, то указываемъ этимъ на жизнь. Вслѣдъ затѣмъ мы повелѣваемъ имъ преклонить главы въ знакъ того, что молитвы ихъ услышаны, и Богъ благословляетъ ихъ. Подлинно, не человекъ благословляетъ, но рукою и устами человека мы подклоняемъ главы предстоящихъ Царю небесному, и тогда всѣ призываютъ: аминь. Для чего же все это говорилъ я? Для того, чтобы научить, что мы должны искать пользы другихъ; чтобы не думали вѣрные, что ихъ нисколько не касаются молитвы объ оглашенныхъ. Не стѣнамъ же вѣдь говорить діаконъ: *о оглашенныхъ помолимся*. Несмотря на то, нѣкоторые до того несмысленны, безумны и разсѣянны, что не только во время молитвы оглашенныхъ, но и во время молитвы вѣрныхъ стоятъ и разговариваютъ. Вотъ отчего у насъ все не въ порядкѣ, вотъ отчего все идетъ къ гибели,—оттого, что мы и тогда, когда болѣе всего должно умиловать Бога, прогнѣваемъ Его и такъ уходимъ изъ церкви. Намъ повелѣвается здѣсь, въ присутствіи вѣрныхъ, молить человеколюбца Бога о епископахъ, о пресвитерахъ, о царяхъ, о властяхъ, о землѣ и морѣ, о воздухахъ, о всей вселенной. Итакъ если мы, которые должны имѣть дерзновеніе молиться о другихъ, не молимся и о себѣ съ должнымъ вниманіемъ, то какое будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе? Потому, размысливши обо всемъ этомъ, прошу помнить время молитвы, быть возвышеннѣе духомъ, отрѣшаться отъ земли и воспарять въ самыя выси небес-

ныя, да возможемъ умиловити Бога и получить обѣтованныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА Ш.

Похваленіе бо наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти 405
нашея, яко въ простотѣ и чистотѣ, не въ мудрости
плоти, но благодатию Божіею жихомъ въ мірѣ (2 Кор.
1, 12).

1. Здѣсь (апостолъ) открываетъ намъ еще другое, не только немаловажное, напротивъ очень важное средство къ утѣшенію, могущее ободрить душу, потопляемую бѣдствіями. Такъ какъ онъ сказалъ: Богъ *избавилъ ны есть*, и все дѣло приписалъ щедротамъ Божіимъ и молитвамъ коринѣянъ, то, чтобы не сдѣлать чрезъ это своихъ слушателей безпечными,—если они будутъ возлагать упованіе свое только на милосердіе Божіе и молитвы другихъ,—онъ далѣе показываетъ, что и сами (апостолы) немало сдѣлали съ своей стороны. На такое участіе свое (апостолъ) и выше указалъ, когда говорилъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова, избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (ст. 5). Но здѣсь онъ высказываетъ еще другую свою добродѣтель. Какую же? Ту, что мы, говоритъ, гдѣ ни жили, вездѣ поступали по чистой и искренней совѣсти. А это немало служить къ успокоенію и утѣшенію нашему, и не только къ утѣшенію, но и къ другому, что гораздо болѣе утѣшенія,—къ похвалѣ. Такъ говорилъ (апостолъ вѣрующимъ) какъ для того, чтобы и ихъ научить не упадать духомъ въ скорбяхъ, но радоваться, если только будутъ имѣть чистую совѣсть, такъ, отчасти, и для того, чтобы обличить предъ ними лжеапостоловъ. И какъ въ первомъ посланіи говорилъ онъ: *посла мене Христосъ благовѣстити не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17), и: *да въра ваша не въ мудрости человеческой, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор. 2, 5), такъ и здѣсь говоритъ: *не въ мудрости, но благодатию Божіею*. Кромѣ того, словомъ: *не въ мудрости* онъ намекаетъ и на нѣчто другое, т. е. не обманомъ и обольщеніемъ; и такимъ образомъ посрамляетъ мірское наученіе. *Похваленіе бо наше*, говоритъ, *сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашей*, т. е. когда совѣсть наша не имѣетъ причины осуждать насъ, какъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ за

худныя дѣла. Хотя (и, говорить, мы терпѣли безчисленныя бѣдствія, хотя бы намъ отовсюду угрожали нападенія и опасности, для нашего утѣшенія, и не только для утѣшенія, но и для полученія вѣнца, достаточно одного свидѣтельства чистой совѣсти— что мы терпимъ эти бѣдствія не за какое-нибудь преступленіе, но за угодное Богу, за добродѣтель, за истинное любомудріе и за спасеніе многихъ. Итакъ, первое утѣшеніе (о которомъ выше говорилъ апостолъ) происходило отъ Бога; а это (о которомъ теперь говорить) отъ нихъ самихъ, и было плодомъ чистой ихъ жизни. Потому-то и похвалю онъ называетъ это утѣшеніе, что оно было плодомъ ихъ добродѣтели. Въ чемъ же эта похвала и что свидѣтельствуемъ намъ совѣсть наша? *Яко въ простотѣ и чистотѣ*,—т. е., ничего не дѣлали коварно, или лицемѣрно, или притворно, или изъ лести, или злонамѣренно, или для обмана и обольщенія, или по другимъ подобнымъ побужденіямъ; но поступали всегда со всякой свободою, простотою, истинно, въ чистотѣ и незлобін сердца, съ безхитростною душою, не имѣли ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорнаго. *Не въ мудрости плоти*, т. е. безъ коварства и лукавства, безъ изысканныхъ словъ и хитросплетенныхъ умствованій,—это именно онъ и называетъ плотскою мудростію. Итакъ, чѣмъ (лжеапостолы) надмевались, то именно онъ отвергаетъ, и презираетъ, явно показывая этимъ, что плотское мудрованіе недостойно похвалы, и что самъ онъ не только не ищетъ его, но еще стыдится и отвращается. *Но благодатію Божією живомъ въ міръ*. Что значитъ: *благодатію Божією*? Значитъ—премудростію и силою, данными намъ отъ Бога, проявляемыми въ чудесахъ и побѣдѣ надъ мудрецами, риторамъ, философами, царями и народами, не смотря на то, что мы люди грубые и ничего не заимствовали отъ мірской мудрости. И не мало-важное это было утѣшеніе и похвала—въ сознаніи, что они дѣйствовали не человѣческою силою, но совершали все благодатію Божією. *Въ міръ*. Такъ было не въ Коринѣ только, но и по всей вселенной. *Множае же у васъ*. Что *множае у васъ*? *Благодатію Божією живомъ*. У васъ мы совершали, говорить, больше чудесъ и знаменій, большую соблюдали осторожность и заботились о безукоризненномъ образѣ жизни. (Апостолъ) и это называетъ благодатію Божією, ей же приписывая и собственные подвиги. Тамъ (въ Коринѣ) онъ совершилъ сверхдолжный подвигъ, когда, щадя слабость коринянъ, проповѣдывалъ у нихъ евангеліе безъ всякаго со стороны ихъ возмездія. *Не иная бо пишемъ вамъ, но яже чтете и разумваете* (ст. 18). Такъ какъ (апостолъ) высказывать себѣ великія похвалы и повидимому свидѣтельствовалъ только самъ о себѣ, что могло показаться неудобнымъ, то онъ приво-

дѣлѣ въ свидѣтели того, что говорилъ, опять самихъ коринѣянъ. Пусть, говорить, никто не думаетъ, что слова мои самохвалство, неоправданное дѣлами: и передаю вамъ только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, въ томъ мнѣ свидѣтелями прежде другихъ должны быть вы. Читая посланія наши, вы видите, что въ нихъ написано то же самое, что вамъ извѣстно о насъ же на самомъ дѣлѣ, и что ваше свидѣтельство не противорѣчитъ нашимъ посланіямъ, напротивъ, то, что вы прежде знали о насъ, совершенно согласно съ тѣмъ, что читаете о насъ въ посланіяхъ. *Якоже и разумѣете насъ отчасти* (ст. 14), т. е. вы не по слуху знаете о нашихъ дѣлахъ, но изъ самаго опыта. Слово же—*отчасти* (апостолъ) употребилъ изъ скромности. Таковъ уже у него обычай: лишь только скажетъ о себѣ что-нибудь великое, по требованію необходимости (иначе онъ этого не дѣлаетъ), какъ тотчасъ старается смягчить возвышенность словъ своихъ. *Уповаю же, яко и до конца уразумѣете* (ст. 13).

2. Видишь ли, какъ онъ на бывшемъ основываетъ надежду на будущее,—и не только на бывшемъ, но и на силѣ Божіей; не просто выразилъ увѣренность, но все возложилъ на Бога и надежду на Него. *Яко похваленіе самъ есмь, якоже и вы намъ въ день Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 14). Здѣсь (апостолъ), представляя коринѣянъ участниками и сообщниками въ славѣ его дѣяній, предупреждаетъ зависть, которая могла родиться въ нихъ отъ прежнихъ его словъ. Похвала моя, говорить, принадлежит не мнѣ одному, но отъ меня переходитъ и къ вамъ, и взаимно отъ васъ ко мнѣ. Такъ какъ онъ превознесъ себя, указавъ на прошедшія свои дѣла, и обѣщавъ такія же впредь, то, чтобы слушатели не вадумали упрекать его, какъ человѣка высокоумнаго, и не увлеклись, какъ я сказалъ, чувствомъ зависти, онъ раздѣляетъ съ ними славу свою, усваяя и имъ этотъ вѣнецъ похвалъ. Если, говорить, мы будемъ дѣйствительно таковы, то наша похвала будетъ и вашей славой, подобно тому, какъ, наоборотъ, когда и вы имѣете добрую славу, мы радуемся, торжествуемъ и увѣличиваемся. И здѣсь опять слова (апостола) показываютъ великое его смиренномудріе,—онъ говоритъ не какъ учитель съ учениками, а какъ ученикъ съ равными учениками. Такъ онъ умѣряетъ рѣчь свою! И смотри, какъ онъ возводитъ коринѣянъ къ вышему и пріучаетъ ихъ къ любомудрію, когда устремляетъ мысли къ великому дню Господню. Не сказывайте мнѣ, говорить, о настоящемъ, т. е. о поношеніяхъ, оскорбленіяхъ, насмѣшкахъ, которыя терпимъ отъ многихъ; земное ничто не важно—ни радости, ни печали, ни порицанія, ни похвалы человѣческія; но воспоминайте тотъ страшный и ужасный день, въ которомъ все

будеть открыто. Тогда и мы прославимся въ васъ, и вы въ насъ, если откроется, что у васъ были такіе учителя, которые ничему человѣческому не учили, и ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода къ соблазну; а у насъ были такіе ученики, которые поступали не такъ, какъ обыкновенные люди,—не колебались, но съ готовностію принимали все и ни въ чемъ не противомудрствовали. И нынѣ открыто это имѣющимъ умъ Христовъ, а тогда откроется всѣмъ. Итакъ, если мы и скорбимъ нынѣ, то не малое имѣемъ и утѣшеніе, какъ отъ доброй совѣсти, такъ и отъ ожидаемаго тогда откровенія. Нынѣ одна совѣсть наша знаетъ, что мы во всемъ поступаемъ по благодати Божіей, какъ и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда и всѣ люди узнаютъ и наши и ваши дѣла, и увидятъ, какъ мы прославляемся другъ за друга. Такимъ образомъ, чтобы (коринѣяне) не подумали, что вся слава отъ похвалы принадлежитъ только одному ему, онъ представляетъ и имъ случай къ похваленію, и тѣмъ отвлекаетъ (ихъ вниманіе) отъ настоящихъ скорбей. И какъ поступилъ относительно утѣшенія, сказавъ: *утѣшаемся о вашемъ утѣшеніи*, такъ и здѣсь поступаетъ, говоря: мы хвалимся вами, такъ же какъ и вы нами,—дѣлая ихъ такимъ образомъ участниками себѣ во всемъ—въ утѣшеніи, въ страданіяхъ и въ самомъ спасеніи своемъ, поскольку и это спасеніе приписываетъ ихъ молитвамъ, когда говоритъ: *споспѣшествующимъ и вамъ молитвою, избавилъ ны есть Богъ*. Такъ же точно и похвалу свою дѣлаетъ общею (съ коринѣянами). Какъ тамъ говорилъ: *сѣдѣще зане якоже общницы есте страстемъ нашимъ, такожде и утѣшенію* (ст. 7), такъ и здѣсь говоритъ: *похваленіе вамъ есмь, якоже и вы намъ. И симъ упованіемъ хотѣхъ къ вамъ прійти прежде* (ст. 15). Какое это упованіе? То, говоритъ, что я надѣюсь на васъ, что вы будете моею похвалою, а я вашей, что я отъ сердца люблю васъ, что я не сознаю въ себѣ ничего худого и увѣренъ, что у васъ все духовно, и что свидѣтелями въ этомъ будете для насъ вы. *Хотѣхъ къ вамъ прійти и сами проити въ Македонію*. Но въ первомъ посланіи (апостолъ) далъ противное этому обѣщаніе: *прійду къ вамъ, говоритъ, егда Македонію преиду; Македонію бо прохожду* (1 Кор. xvi, 5). Итакъ, почему же онъ говоритъ здѣсь противное? Нѣтъ, не противное. Правда, это противорѣчитъ тому, что онъ писалъ прежде, но не противорѣчитъ его желанію. Поэтому онъ и не сказалъ здѣсь: я писалъ вами пройти въ Македонію, но: *хотѣхъ*. Если, говоритъ, я и не такъ написалъ, но я все же прежде старался и желалъ придти къ вамъ: до такой степени, говоритъ, не хотѣлось мнѣ придти къ вамъ позже, нежели какъ обѣщаль, что даже хотѣлъ придти ранѣе. *Да вторую благодать имате. Что такое—вторую благодать?*

Т. е. сугубую,—одну отъ посланія, другую отъ присутствія. *Благодатію* же здѣсь называетъ онъ радость. *И вами проити въ Македонію, и пакы отъ Македоніи приити къ вамъ, и вами проводитися во Іудею. Сіе же хотя, еда что убо легкотою дѣяхъ* (ст. 16 и 17)?

3. Здѣсь (апостолъ) уже прямо снимаетъ съ себя упрекъ въ замедленіи и неисполненіи своего обѣщанія придти (къ коринѣянамъ). Смыслъ словъ его такой: я хотѣлъ придти къ вамъ. Почему же не пришелъ? Не по легкомыслію ли и не постоянствую? (А таково значеніе словъ: *еда что убо легкотою дѣяхъ*). Нѣтъ. Почему же? Потому что, *яже соетѣцаваю, не по плоти соетѣцаваю*. Что же значить: не по плоти? Не какъ плотской человѣкъ. *Да будетъ у мене, еже ей ей, и еже ни ни*. Но и это еще не ясно. Что же такое онъ говоритъ? Человѣкъ плотской, говоритъ, т. е. прикованный только къ настоящему, въ настоящемъ всегда живущій и не находящійся подъ вліяніемъ Духа Божія, можетъ пойти всюду и блуждать, гдѣ вздумаетъ; напротивъ, слугитель Духа Божія, и имъ водимый и управляемый, не можетъ всегда быть господиномъ своей воли, завися отъ власти Духа. Съ нимъ бываетъ то же, что съ вѣрнымъ рабомъ, который только исполняетъ приказанія господина своего, и не имѣетъ власти надъ собою, и не знаетъ отдыха даже на малое время; онъ иногда обѣщаетъ что-либо своимъ товарищамъ, но послѣ не исполняетъ своего обѣщанія, когда оно окажется противнымъ волѣ господина его. Вотъ что значать слова (апостола): не по плоти соетѣцаваю, т. е. я нахожусь подъ управленіемъ Духа Божія, и не имѣю власти идти, куда хочу: я подчиненъ власти и повелѣніямъ Утѣшителя, и Его голосъ руководить и управляетъ мною. Потому я и не могъ придти къ вамъ; это не угодно было Духу Божію. Подобное часто бывало и судя по Дѣяніямъ Апостольскимъ (Дѣян. xvi, 6—9): когда апостолы намѣревались идти вмѣстѣ, Духъ повелѣвалъ имъ идти въ другое мѣсто. Итакъ, что я не пришелъ къ вамъ, не смотря на свое обѣщаніе, это зависѣло не отъ легкомыслія моего или непостоянства, но отъ Духа, которому я подчиненъ и долженъ повиноваться. Видишь ли и здѣсь обычный образъ его умствованія? Изъ того, что по мнѣнію другихъ служило доказательствомъ, что онъ разсуждаетъ по плоти, т. е. что онъ не исполнилъ своего обѣщанія, — изъ этого самаго онъ показываетъ, что онъ располагаетъ собою всецѣло по Духу, совершенно противно предпринимаемому по плоти. Что же, скажетъ кто-либо? Развѣ (апостолъ) не по внушенію Духа Божія обѣщался (придти)? Нѣтъ (не по внушенію Духа). Я и прежде говорилъ, что Павелъ не все предвидѣлъ будущее и имѣющее совершиться успѣшно. Вотъ почему и въ первомъ посланіи онъ говоритъ: *да вы мя проводилие,*

а може еще пойду (1 Кор. хvт, 6), — конечно изъ опасенія, чтобы, сказавши—въ Іудею, послѣ не быть принужденнымъ отправиться въ другое мѣсто; здѣсь же, послѣ того какъ этого не случилось, говорить уже: *и вами проводится во Іудею*. Такъ какъ обѣщаніе придти къ нимъ (въ Коринѣ) было дѣломъ любви его къ нимъ, то онъ и сказалъ объ этомъ ясно. А желаніе его отправиться отъ нихъ въ Іудею нисколько ихъ не касалось; потому онъ и сказалъ раньше объ этомъ неопредѣленно. Но послѣ, когда удостовѣрился и въ этомъ, говорить здѣсь уже прямо, что пойдетъ въ Іудею. И это сдѣлано для пользы, — чтобы кто-нибудь изъ нихъ не подумалъ объ немъ болѣе надлежащаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (апостолы) не показали въ себѣ никакихъ знаковъ немощи человѣческой, то до какого бы нечестія могли дойти люди, когда, несмотря и на эти знаки, хотѣли принести въ жертву имъ воловъ? И что ты удивляешься тому, что Павелъ не всегда зналъ будущее, если иногда не зналъ и того, о чемъ лучше молиться? *О чемъ бо, говорить, помолимся, яко же подобаетъ, не есмь* (Рим. viii, 26). И не только это говорить, чтобъ показать свою скромность, но еще указываетъ и самый случай, когда онъ не зналъ, о чемъ лучше ему надлежало молиться. Когда же онъ не зналъ этого? Тогда, какъ молился объ удаленіи отъ него искушеній. *Дадесе ми, говорить, пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. О семъ трикраты Господа молихъ. И рече ми: довлеетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 7—9). Видишь ли, какъ не зналъ (апостоль), чего ему лучше надлежало просить? А потому и не получилъ, хотя и неоднократно молилъ о томъ. *Встрѣнь же Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни* (ст. 18). Здѣсь (апостоль) прекрасно разрѣшаетъ возникавшее возраженіе. Если ты, могли ему сказать, общавшись придти къ намъ, отложили намѣреніе и у тебя нѣтъ *ей ей* и *ни ни*, напротивъ, ты впослѣдствіи переменяешь прежде оказанное тобою, какъ поступилъ касательно твоего путешествія къ намъ, — то—горе намъ! — не случалось ли того же и въ самой проповѣди? Итакъ, чтобы этого не подумали и не смущались, онъ говоритъ: *встрѣнь же Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни*. Въ проповѣди, говорить, этого не было, а бывало это только въ дорогѣ и путешествіяхъ. Въ проповѣди наши слова всегда вѣрны и неизмѣнны, — *словомъ же* здѣсь называетъ онъ проповѣдь. Далѣе представляетъ неоспоримое доказательство этого, относя все дѣло проповѣди къ Богу. Слова его имѣютъ такой смыслъ: обѣщаніе придти было мое, т. е. я отъ себя обѣщаль это; проповѣдь же не мое дѣло, и не человѣческое, но Божіе; а что отъ Бога, то недоступно для лжи и обмана. Поэтому и сказалъ: *встрѣнь*

Богъ, т. е. истиненъ. Итакъ, не заподозривайте того, что происходитъ отъ Бога, и въ чемъ нѣтъ ничего человѣческаго. Упомя- 410
нувъ же о *словѣ*, (апостолъ) далѣе присовокупляетъ и объясненіе, о какомъ словѣ онъ говорить.

4. Итакъ, какое же это слово? *Ибо Сынъ Божій*, говоритъ, *уже у васъ нами проповѣданный, мною и Силуаномъ и Тимофеемъ, не бысть ей и ни* (ст. 19). Здѣсь онъ выводитъ на сцену и другихъ учителей для того, чтобы этимъ указаніемъ не на слушателей только, но вмѣстѣ и на учителей, еще болѣе подтвердить достовѣрность своего свидѣтельства. Правда (тѣ, на кого указываетъ апостолъ) были ученики же; но онъ, по своему смиренію, причисляетъ и ихъ къ чину учителей. Что же значить: *не бысть ей и ни*? Я не извращалъ, говоритъ, смысла первой моей проповѣди; не проповѣдывалъ вамъ нынѣ такъ, а завтра иначе, потому что это свойственно только заблудившемуся разуму, а не вѣрѣ. *Но въ Немъ самомъ ей бысть*, т. е. слово проповѣди остается непоколебимо и твердо. *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей, и въ томъ аминь, Богу къ славу нами* (ст. 20). Что значить: *елика обѣтованія Божія*? Много обѣтованій содержитъ проповѣдь евангельская, и о многихъ обѣтованіяхъ благовѣствовали и проповѣдывали (апостолы). Они говорили и о воскресеніи, и о восхожденіи на небо, и о безсмертіи, и о великихъ наградахъ въ будущей жизни и неизреченныхъ тамъ благахъ. Эти-то обѣтованія (апостолъ) называетъ непреложными; и говоритъ, что въ нихъ не было—ей и ни. Смыслъ его словъ такой: что я вамъ говорилъ объ этихъ обѣтованіяхъ, то не было иногда истинно, а иногда ложно, какъ мое обѣщаніе придти къ вамъ, но всегда истинно. И прежде всего защищаетъ догматы вѣры и слово о Христѣ, говоря: и слово мое и проповѣдь моя *не бысть ей и ни*; потомъ уже самыя обѣтованія: *елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей*. Если же вѣрны обѣтованія Божіи, и нѣтъ сомнѣнія, что Богъ исполнить ихъ, то тѣмъ болѣе вѣренъ Онъ самъ, и слово о Немъ твердо, и нельзя сказать, что иногда Онъ есть, иногда же нѣтъ Его, но всегда есть, и одинъ и тотъ же.

Что же значить: *въ томъ ей, и въ томъ аминь*? Этими словами онъ показываетъ, что обѣтованія Божіи непременно сбудутся, поскольку и существованіе, и исполненіе ихъ зависятъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Итакъ нечего бояться: обѣщаетъ не человѣкъ, котораго можно подозрѣвать въ невѣрности, но Богъ, Который говоритъ и творить. *Богу къ славу нами*. Что значить: *къ славу нами*? Онъ исполнить обѣтованія Свои чрезъ насъ, т. е. изливая благодѣянія Свои на насъ, къ славѣ Его. Это и значить: *Богу къ славу*. А если исполненіе обѣтованій служитъ къ славѣ

Божіей, то они непременно исполнятся, потому что Богъ не можетъ презрѣть Своей славы, хотя бы и презрѣлъ наше спасеніе, равно какъ и въ силу безпредѣльнаго Его человѣколюбія. Кромѣ того, спасеніе наше тѣсно соединено съ Его славою, которая открывается въ исполненіи обѣтованій Его. Итакъ, если исполненіе обѣтованій служить къ славѣ Божіей, то конечно совершится и наше спасеніе. То же самое постоянно внушаетъ (апостоль) и въ посланіи къ Ефесеямъ, когда говоритъ: *въ похвалу славы Его* (Ефес. 1, 14); и вездѣ употребляетъ такія выраженія, желая показать необходимость исполненія обѣтованій Божіихъ. То же говоритъ и здѣсь, т. е. что обѣтованія Божіи непреложны, такъ какъ исполненіе ихъ служить не только къ нашему спасенію, но вмѣстѣ и къ славѣ Божіей. Итакъ не безпокойся, говорить, о томъ, что обѣтованія эти чрезъ насъ возвѣщены, и не сомнѣвайся въ вѣрности ихъ исполненія, потому что исполненіе ихъ зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога, Которому они и принадлежатъ, такъ какъ мы возвѣстили вамъ не свои, а Его обѣтованія. *Извѣстующій же насъ съ вами во Христа и помазавый насъ, Богъ*: и запечатлѣвшій и давшій обрученіе Духа въ сердца наши (ст. 21, 22). Опять изъ бывшаго утверждаетъ истину будущаго. Если, говорить, самъ Богъ утверждаетъ насъ во Христѣ, т. е. не попускаетъ намъ колебаться въ вѣрѣ во Христа, и самъ помазалъ насъ и даровалъ Духа въ сердца наши, то какъ не даруетъ намъ благъ, обѣтованныхъ въ будущей жизни? Если Онъ даровалъ уже начало и основаніе, корень и источникъ благъ, т. е. истинное познаніе о Немъ и причастіе Св. Духа, то какъ же Онъ не дастъ тѣхъ благъ, которыя проистекаютъ отсюда? Подлинно, если и настоящія блага, которыми пользуемся, даны ради тѣхъ, которыхъ ожидаемъ еще, то тѣмъ болѣе даровавшій эти блага даруетъ и ожидаемыя. И если первыя блага Онъ даровалъ намъ тогда, когда мы были еще врагами Его, то тѣмъ болѣе даруетъ намъ вторыя, когда мы сдѣлались уже любезными Ему. Потому-то (апостоль) и не сказалъ просто—Духа, но прибавилъ—*обрученіе*, чтобы этимъ увѣрить насъ въ полученіи всего обѣщаннаго Богомъ. Дѣйствительно, если бы Богъ не хотѣлъ даровать намъ всего, что обѣщалъ, то не благоволилъ бы дать и залога, чтобы не потерять его попусту и напрасно. И смотри, какое благомысліе у Павла! Что еще, говорить онъ, должно сказать въ подтвержденіе того, что истина обѣтованій зависитъ не отъ насъ, когда и то самое, что вы твердо и непоколебимо стоите въ вѣрѣ, зависитъ не отъ насъ, но отъ Бога? *Извѣстующій же* (βεβαιῶν—утверждающій) васъ, говорить, *Богъ*,—т. е. не мы утверждаемъ васъ, потому что и мы сами имѣемъ нужду въ утверждающемъ.

Итакъ, никто не долженъ думать, что истина проповѣди чрезъ насъ подвергается опасности. Самъ (утверждающій насъ въ вѣрѣ) все принялъ на Себя, самъ о всемъ печется.

5. Что же значитъ: *помазавый* и *запечатлѣвшій*? Значить—даровавшій Духа, чрезъ Котораго совершилъ и то и другое—помазаніе и запечатлѣніе, содѣлавъ насъ вмѣстѣ и пророками, и священниками, и царями, потому что въ древности были помазываемы получавшіе эти достоинства. Но мы нынѣ имѣемъ не одно которое-нибудь изъ этихъ достоинствъ, но всѣ три, и притомъ въ высшей мѣрѣ, такъ какъ мы и царство надѣемся получить, и содѣлываемся священниками, когда приносимъ тѣла наши въ жертву Богу, (по наставленію апостола, который) говоритъ: *представьте* члены ваши *жертву живу, благоугодну Богу* (Рим. XII, 1), наконецъ мы дѣлаемся и пророками, потому что чего *око не видѣтъ и ухо не слышитъ*, то открыто намъ (1 Кор. II, 9). Но царями мы можемъ быть еще и иначе, именно—если будемъ обуздывать неумѣстные помыслы. Что такой (обуздывающій свои помыслы) дѣйствительно есть царь, и даже болѣе, чѣмъ облеченный только въ діадему, это я теперь же покажу вамъ. Царь имѣетъ много войска, а мы и болѣе того имѣемъ помысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно исчислить необъятнаго множества помысловъ нашихъ. Впрочемъ, можно видѣть не только многочисленность нашихъ помысловъ, но и то, что въ этомъ множествѣ ихъ есть и полководцы, и тысящники, и сотники, и стрѣлки, и пращники. Что еще отличаетъ царя? Одежды. Но и онъ (обуздывающій свои помыслы) одѣвается еще въ лучшую и дра- 412
гоцѣннѣйшую одежду, которой ни моль не снѣдаетъ, ни время не истребляетъ. Онъ имѣетъ и многовидный славный вѣнецъ, — вѣнецъ милосердія Божія, какъ сказано: *благослови душе моя Господа, вънимающаго тѣя милостію и щедротами* (Пс. CII, 1, 4); вѣнецъ славы — *славою и честію вънмать еси Его* (Пс. CIII, 6); вѣнецъ благоволенія Божія — *яко оружіемъ благоволенія вънмалъ еси насъ* (Пс. V, 18); вѣнецъ благодатей — *вънмалъ бо благодатей пріимши на твоей глави* (Притч. I, 9). Видишь ли, какъ разнообразно украшена эта діадема, и насколько она великолѣпнѣе обыкновенной. Но изслѣдуемъ тщательнѣе и глубже принадлежности этихъ царей. Обыкновенный царь, имѣя во власти своей копьеносцевъ, всѣмъ имъ даетъ повелѣнія, и всѣ они повинуются и служатъ ему. Но я покажу тебѣ, что другой царь имѣетъ большую власть. Что касается числа подвластныхъ, то оно у обоихъ равное, или даже у послѣдняго и больше; остается только разсмотрѣть покорность (тому и другому оказываемую). Не представляя мнѣ здѣсь въ примѣръ (царей) лишившихся

царства, или умерщвленныхъ собственными ихъ тѣлохранителями. Нѣтъ, не такихъ (царей) выведемъ на сцену, но съ той и другой стороны поищемъ такихъ, которые благополучно управляли своими царствами. Итакъ, представь съ своей стороны кого угодно, а я всякому, кого ты представишь, противопоставлю одного патріарха (Авраама).

Подумай, какое множество помысловъ должно было возстать въ душѣ его, когда ему повелѣно было принести въ жертву сына? Однако всѣ эти помыслы онъ покорилъ, и всѣ они повиновались ему съ большимъ страхомъ, чѣмъ какому-нибудь царю его тѣлохранители. Однимъ взоромъ онъ укротилъ всѣ помыслы, такъ что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился показать ни малѣйшаго знака противорѣчія, но всѣ преклонились предъ нимъ, и покорились ему какъ царю, хотя по природѣ они весьма непокорны и даже неукротимы. Не такъ страшны острія копій, прямо устремленныхъ многочисленными воинами, какъ страшны были тогда эти помыслы. Естественная любовь отца къ сыну—не острѣе ли самыхъ копій? Потому она могла и уязвлять душу отца гораздо глубже, чѣмъ самое изощренное остріе копья. Не бывало столь остраго копья, какъ остры были стрѣлы помысловъ, изощряемыя въ глубинѣ души родительскою любовію къ сыну, и пронзавшія сердце праведника. Тамъ потребны и время, и намѣреніе, и ударъ, и чувство мучительной боли, а затѣмъ уже слѣдуетъ смерть. Здѣсь же ничего подобнаго не требовалось; слѣдовательно и раны наносимы были несравненно скорѣе и глубже. Но несмотря на то, что противъ него ополчилось тогда такое множество помысловъ, въ душѣ его была великая тишина; и всѣ помыслы, предстоя предъ нимъ въ стройномъ чинѣ, болѣе украшали его, нежели устрашали. Итакъ, посмотри на этого праведника въ ту минуту, когда онъ извлекъ ножъ, и противопоставляя ему какихъ тебѣ угодно царей—Августовъ, Кесарей. Ты вѣрно не представишь ничего столь высокаго, и никогда не найдешь образца столь величественнаго и столь достойнаго небесъ. Этотъ праведный мужъ восторжествовалъ тогда надъ самовластіемъ самымъ могущественнымъ, потому что нѣтъ ничего самовластнѣе природы. Поэтому хотя бы ты представилъ тысячи мужей, которые умертвили тирановъ, ты не укажешь намъ ни одного подобнаго мужа. Поистинѣ, это была побѣда, свойственная ангелу, а не человѣку.

413 Смотри. Природа повержена долу со всѣмъ ея оружіемъ, со всѣмъ воинствомъ; а онъ твердо стоитъ, простерши руки не съ вѣнцомъ, но съ ножемъ, который блистательнѣе всякаго вѣнца; и сонмы ангеловъ рукоплещутъ ему, и самъ Богъ съ небесъ провозглашаетъ его побѣдителемъ. Такъ какъ онъ былъ гражда-

номъ неба, то оттуда же онъ получилъ и провозглашеніе. Итакъ, что можетъ быть славнѣе этого? Или, лучше, что могло бы равняться этой наградѣ? Если бы и на олимпійскихъ играхъ одержавшаго побѣду не глашатай, стоящій внизу, но самъ царь, вверху сидящій, вставъ, провозгласилъ побѣдителемъ, то не почелъ ли бы онъ такое провозглашеніе наградой, блистательнѣйшею самыхъ вѣнцовъ, и не обратилъ ли бы на себя вниманія всѣхъ зрителей? Скажи же теперь, на какой степени славы и величія должно поставить этого святого мужа, котораго не земной царь, но самъ Богъ съ неба во всеуслышаніе провозглашаетъ побѣдителемъ,—не на олимпійскомъ зрѣлищѣ, но на зрѣлищѣ цѣлаго міра, предъ сонмами ангеловъ и архангеловъ? Если угодно, послушаемъ и самое провозглашеніе. Въ чемъ же состояло это провозглашеніе? *Аврааме, Аврааме, да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши ему что: нынѣ бо познахъ, яко боишися ты Бога, и не пощадѣхъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. xii, 12). Что же это значить? Ужели Тотъ, Который знаетъ всѣ вещи прежде бытія ихъ, только теперь узналъ (Авраама)? Вѣдь и человѣку даже была очевидна богобоязненность этого мужа: столько показалъ онъ примѣровъ своего повиновенія Богу, — напр., когда Богъ сказалъ ему: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. xii, 1), когда для Бога и изъ благоговѣнія къ Нему предоставилъ племяннику своему набрать плодоноснѣйшую страну, когда избавилъ его отъ великихъ и многихъ опасностей, когда по повелѣнію Божію не усумнился идти въ Египетъ, и не огорчился, когда тамъ лишился было жены, и во многихъ другихъ случаяхъ. По этимъ примѣрамъ, какъ я сказалъ, богобоязненность (Авраама) могъ знать и человѣкъ, не только Богъ, Который не имѣетъ нужды выжидать самыхъ дѣлъ, чтобы видѣть ихъ послѣдствія. Притомъ какъ же (Богъ) и оправдалъ его, если не зналъ его? *Вѣрова*, говорится, *Авраамъ и вѣрнѣе ему въ правду* (Рим. iv, 8).

6. Итакъ, что же значить: *нынѣ познахъ*? Сирскій переводчикъ передаетъ эти слова такъ: *нынѣ ты показалъ*, т. е. людямъ. Я самъ, говоритъ, давно зналъ тебя, еще прежде всѣхъ Моихъ тебѣ повелѣній. Но почему же и людямъ (показалъ только) теперь? Развѣ прежніе примѣры недостаточны были показать его богобоязненность? Безъ сомнѣнія, достаточны. Но этотъ послѣдній примѣръ, несомнѣнно, настолько превосходитъ всѣ прежніе, что тѣ въ сравненіи съ нимъ кажутся ничего не значащими. Итакъ, *нынѣ познахъ* сказано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы превознести этотъ послѣдній подвигъ (Авраама) и поставить его выше всѣхъ другихъ. Это обыкновенный образъ выраженія и у мно-

гихъ людей въ случаяхъ особенной важности и превосходящихъ прежніе. Напримѣръ, если кто получить отъ другого даръ, несравненно больше прежнихъ, то онъ обыкновенно говорить: теперь я узналъ, что такой-то любитъ меня, выражая этимъ не то, чтобы онъ прежде не зналъ этого, а желая показать, что настоящій даръ болѣе всѣхъ (прежде полученныхъ). Такъ и Богъ, бесѣдуя (съ Авраамомъ) человѣческимъ языкомъ, говорить: *нынѣ познать*, желая показать не что иное, какъ превосходство настоящаго его подвига, а не то, чтобы въ это время только узнать его богобоязненность, или какъ велика эта богобоязненность. Такъ и тогда, когда Онъ сказалъ: *прїидите, сошедши узримъ* (Быт. хviii, 21), сказалъ такъ не потому, чтобы Ему нужно было сходить,—вѣдь Онъ все наполняетъ и все ясно видитъ,—но для того, чтобы насъ вразумить, что Онъ не безъ причины что-либо опредѣляетъ. Также, когда Давидъ говоритъ: *Господь съ небесе прииди* (Псал. xlii, 2), то этой метафорой, взятой отъ людей, означаетъ въ Богѣ точное познаніе. Такъ и здѣсь: *нынѣ познать*—для того сказалъ (Богъ), чтобы показать, что этотъ подвигъ выше всѣхъ прежнихъ; и въ подтвержденіе этого присовокупляетъ слѣдующія слова: *яко не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради*. Не сказалъ просто—сына, но присовокупляетъ еще—*возлюбленнаго*. Въ самомъ дѣлѣ, (Авраамъ) съ твердостію подвизался здѣсь не только противъ природы, но и противъ той любви къ сыну, которая была особенно велика въ немъ, какъ въ силу собственной добродѣтели, такъ и въ виду многихъ добродѣтелей сына. Если же отцы неравнодушно переносятъ смерть и преступныхъ дѣтей, но и ихъ оплакиваютъ, то кто выразитъ высоту любомудрія этого отца, который рѣшился заклать собственными руками сына, — сына настоящаго, единороднаго, возлюбленнаго, Псаака? Подлинно, этотъ подвигъ блистательнѣе цѣлыхъ тысячъ діадемъ и безчисленныхъ вѣнцовъ. У того, кто носитъ обыкновенный вѣнецъ, можетъ отнять его не только внезапная смерть, но и прежде смерти еще тысячи неблагоприятныхъ обстоятельствъ; напротивъ, у того, кто украшенъ этою необыкновенною діадемою, отнять все и послѣ смерти не можетъ никто—ни свой, ни чужой. Размотри же, прошу, и драгоцѣннѣйшій камень въ этой діадемѣ,—потому что наверху она закрѣпляется какъ бы драгоцѣннымъ камнемъ. Чѣмъ же это? Словомъ: *Мене ради*. Въ самомъ дѣлѣ, не то удивительно, что не пощадилъ сына, но то, что—ради Него. О, блаженная десница! Какой чудный ножъ ты воспріяла? О, дивный ножъ! Какая чудная десница тебя воспріяла? О, дивный ножъ! На какое употребленіе ты назначенъ, какое ты совершилъ служеніе, и сколь чуднымъ образомъ послужилъ? Какъ это — и

обагрился ты кровію, и не обагрился? Я не знаю уже, что и сказать: такъ страшно было это таинство! Ножъ не коснулся тѣла отрока, не прошелъ чрезъ гортань этого святого, не обагрился кровію праведника; а если справедливѣе сказать, то и коснулся, и прошелъ, и обагрился кровію, и потопленъ былъ въ ней, и не былъ потопленъ. Можетъ быть вамъ кажется, что я противорѣчу самъ себѣ, какъ потерявшій рассудокъ. И дѣйствительно, рассудокъ мой теряется при размышленіи о чудѣ, случившемся съ этимъ праведникомъ; однако я нисколько не противорѣчу себѣ. Дѣйствительно, рука этого праведника вонзила уже ножъ въ гортань сына, но рука Божія и вонзенному ножу не допустила обагриться кровію. Не Авраамъ только держалъ ножъ, но и Богъ. И тогда какъ Авраамъ наноситъ ударъ рѣшеніемъ воли, Богъ останавливаетъ его Своимъ гласомъ. Одинъ и тотъ же гласъ и вооружилъ десницу праведника и удержалъ ее, и рука, управляемая Богомъ, какъ бы вождемъ, все дѣлала по Его мановенію, и во всѣхъ движеніяхъ повиновалась Его гласу. Смотри, въ самомъ дѣлѣ: Богъ сказалъ: заколи,—и она тотчасъ вооружилась; 413 сказалъ: не заколай,—и она тотчасъ отлагаетъ оружіе. Такъ искусно устроено было все. Такимъ образомъ, Богъ показалъ въ немъ всему міру—вождя и воина, сонмамъ ангеловъ—вѣнценоснаго священника, царя, увѣнчаннаго діадемою, или лучше сказать—ножемъ, съ побѣднымъ знаменіемъ въ рукѣ, героя, побѣдителя безъ сраженія. Подобно тому, какъ какой-нибудь военачальникъ, выставивъ впередъ искуснаго и мужественнаго воина, однимъ вращеніемъ оружія, однимъ видомъ и быстротою движенія его часто приводитъ въ страхъ врага своего, такъ и Богъ однимъ только произволеніемъ, однимъ только видомъ и положеніемъ праведника поразилъ и обратилъ въ бѣгство всеобщаго нашего врага діавола, который, я думаю, тогда бѣжалъ въ страхъ и ужасъ. Но, скажетъ кто-нибудь, почему же Богъ не пустилъ десницъ праведника обагриться кровію (сына), чтобы тотчасъ воскресить закланнаго? Потому что Богу несвойственно принимать такія кровавыя жертвы: онѣ служатъ трапезою только для проклятыхъ демоновъ. Здѣсь же (въ жертвоприношеніи Авраамовомъ) открылись вмѣстѣ—и челоуѣколюбіе Владыки, и вѣрность раба. Прежде (Авраамъ) вышелъ только изъ земли своей; а теперь отказался даже отъ своей природы. Потому-то и получилъ сверхъ сына еще и другое несравненно большее,—и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ рѣшился не называться отцомъ, лишь бы предъ Богомъ явиться вѣрнымъ рабомъ, и за это не только остался отцомъ, но сдѣлался еще и священникомъ. И такъ какъ онъ отказался отъ своего для Бога, за это и Богъ,

возвративъ, что было его, дароваль ему и Свое. Притомъ, когда враги строятъ козни праведникамъ, Богъ попускаетъ дойти искушеніямъ до самаго дѣла и тогда творить чудеса,—такъ было, напр., въ печи вавилонской, и во рвѣ львиномъ,—когда же самъ повелѣваетъ имъ что-либо, то повелѣніе Его останавливается на готовности ихъ исполнить его.

7. Скажи же теперь, чего еще недоставало къ этой доблести? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Авраамъ предвидѣлъ, что будетъ? Развѣ могъ предугадывать человѣколюбіе Божіе? Правда, онъ былъ пророкъ, но и пророкъ не все знаетъ. Иначе, закланіе (Исаака) было бы излишне и недостойно Бога. Если же ему нужно было узнать, что Богъ силенъ воскресить и изъ мертвыхъ, то это онъ гораздо убѣдительнѣе узналъ въ разрѣшеніи неплодія Сарры, или даже еще прежде этого примѣра, потому что вѣровалъ. Ты же долженъ не удивляться только этому праведнику, но и соревновать ему. Видя, какъ онъ во время такого великаго возмущенія и обуреванія волнъ плыветъ какъ бы при ясной и тихой погодѣ, и ты, подобно ему, возьми въ руки кормило послушанія и мужества. Не о томъ только разсуждай, что онъ устроилъ жертвенникъ и приготовилъ дрова, но вспомни и то, что говорилъ ему сынъ его, и размысли, сколько страшныхъ полчищъ устремилось на него, когда онъ, отецъ, услышалъ отъ сына слова: *гдѣ овца* (Быт. ххп, 7)? Подумай, сколько тогда возстало на него помысловъ, вооруженныхъ не желѣзомъ, но огненными копьями, которыя поражали и пронзали сердце его со всѣхъ сторонъ? Если и теперь многіе, даже не будучи отцами, сокрушаются объ этомъ и проливаютъ слезы, не зная, чѣмъ кончилось это дѣло; многіе же, и зная это, плачутъ, какъ я вижу,—то какія страданія долженъ былъ вытерпѣть тотъ, который родилъ, воспиталъ и, будучи уже въ старости, имѣлъ только одного этого сына, котораго теперь
416 видитъ предъ собою, слышитъ эти слова и готовится тотчасъ умертвить? Съ другой стороны, какое благоразуміе въ словахъ (сына)! Съ какой кротостію онъ выслушиваетъ отвѣтъ (отца)! И кто же тутъ дѣйствовалъ? Ужели діаволь, чтобы еще болѣе разжечь сердце (Авраама)? Нѣтъ,—тутъ дѣйствовалъ Богъ, чтобы еще болѣе испытать и очистить алатую душу этого праведника. Когда говорила жена Іова, тогда дѣйствовалъ діаволь, потому что таковъ былъ совѣтъ (Іов. п, 9). Но Исаакъ не произнесъ ни одного богохульнаго слова; напротивъ, все говорилъ весьма благочестиво и благоразумно. Необыкновенно трогательны были слова его, и какъ медь сладкія истекали изъ его спокойной и кроткой души. Каменное сердце могли смягчить такіа слова; но они нисколько не тронули и не поколебали того адаманта (Авраама).

Онъ не сказалъ: для чего ты называешь отцомъ того, кто немного спустя не будетъ твоимъ отцомъ; того, кто лишился уже этой чести? Но для чего сынъ спрашиваетъ (отца)? Конечно, не просто изъ любопытства и не по излишней любознательности, но потому, что и онъ заботился объ исполненіи предпринятаго (жертвоприношенія). Онъ такъ рассуждалъ съ собою: если бы отецъ не хотѣлъ сдѣлать меня участникомъ (жертвоприношенія), то не оставилъ бы рабовъ при подошвѣ горы, а меня не взялъ бы одного (на гору). Вотъ почему онъ и спрашиваетъ отца тогда, когда они были одни и никто не могъ слышать ихъ разговора. Вотъ какъ благоразуменъ былъ этотъ сынъ! Муж и жена, не воспламеняется ли сердце у всѣхъ васъ? Не каждый ли изъ васъ мысленно готовъ обнять и облобызать этого отрока? Кто изъ васъ не дивится его благоразумію, и не изумляется той благоговѣйной покорности его, по которой онъ и въ то время, какъ (отецъ) связывалъ его и возлагалъ на дрова, не испугался, не вскочилъ, не сталъ обличать отца, какъ бы сумасшедшаго; напротивъ, позволилъ ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все это перенесъ молча, какъ какой-нибудь агнецъ, или—лучше—какъ общій всѣхъ Владыка? И дѣйствительно, Исаакъ подражалъ Ему въ послушаніи и кротости, и былъ образомъ Его: *яко овца на закланіе ведесе и, яко агнецъ предъ стрижущими его, безгласенъ* (Ис. лш, 7). Правда, отрокъ этотъ говоритъ; но говорилъ также и Владыка его. Какъ же онъ былъ безгласенъ? То есть, ничего не говорилъ дерзко и грубо, но все такъ скромно и уступчиво, что слова его болѣе, чѣмъ молчаніе, обнаруживали покорность и кротость его. Точно также и Христосъ хотя ударившему Его въ ланиту и сказалъ: *аще злы глаголахъ, свидѣтельствуй о злы; аще ли добръ, что Мя биеши* (Іоан. хш, 23)?—но этими словами еще болѣе обнаружилъ Свою кротость, чѣмъ если бы промолчалъ. И какъ Исаакъ приносилъ имя отца у жертвенника, такъ и Христосъ съ креста взывалъ, говоря: *Отче, отпусти имъ: не вѣдаютъ бо что творять* (Лук. хш, 34). Что же патріархъ? *Богъ узритъ Себя овца во всежожженіи, чадѣ* (Быт. хп, 8). Оба они приносятъ естественныя имена—одинъ отца, другой—сына. Жестокая война и сильная буря поднимается съ обѣихъ сторонъ, а кораблекрушенія нѣтъ ни на которой изъ нихъ. И это потому, что всѣмъ управляетъ любомудріе. Потомъ, лишь только услышалъ Исаакъ имя Бога, ни слова уже не говорилъ болѣе, чтобы не любопытствовать напрасно. Такъ благоразуменъ былъ этотъ отрокъ въ самомъ цвѣтѣ возраста! Итакъ, видишь, сколько воинствъ и въ сколькихъ сраженіяхъ побѣдилъ этотъ царь? Подлинно, варвары, часто нападавшіе на Іерусалимъ, не были такъ страшны для этого города,

какъ (для Авраама) помыслы, отовсюду на него возстававшіе. И
 417 однако, онъ восторжествовалъ надъ всѣми ими. Желаетъ ли видѣть въ немъ и священника? Доказательство не далеко. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты видишь его съ огнемъ и ножомъ въ рукахъ стоящимъ у жертвенника,—почему послѣ этого будешь сомнѣваться въ его священствѣ? Если хочешь видѣть и жертву, имъ принесенную, можешь видѣть,—даже сугубую. Онъ принесъ сына, принесъ и овна, а прежде всего свою волю. Кровію овна онъ освятилъ свою десницу, а закланіемъ сына свою душу. Такимъ образомъ, онъ рукоположенъ во священника кровію едиnorodнаго и принесеніемъ въ жертву агнца, подобно тому какъ и (подзаконные) священники освящаются кровію (жертвъ) приносимыхъ Богу. Желаетъ ли, наконецъ, видѣть (въ Авраамѣ) и пророка? *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣть день Мой: и видѣть, и возрадовася*, говоритъ (Христосъ) (Іоан. viii, 56). Такъ точно и ты въ купели крещенія содѣлываешься царемъ и священникомъ и пророкомъ: царемъ, повергнувъ долу всѣ злыя дѣла и умертвивъ грѣховныя пожеланія; священникомъ чрезъ посвященіе себя Богу, чрезъ принесеніе тѣла своего въ жертву Ему и чрезъ духовное закланіе самого себя, (по словамъ апостола, который) говоритъ: *еще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ* (2 Тим. ii, 11); наконецъ содѣлываешься и пророкомъ,—такъ какъ познаешь будущее, дѣлаешься богодухновеннымъ и запечатлѣннымъ. Подобно тому, какъ воины запечатлѣваются печатью, такъ и вѣрующіе—Духомъ Святымъ, чтобы всякому ты былъ замѣтенъ, если выйдешь изъ строя. Іудеи имѣли печатію обрѣзаніе, а мы *обрученіе Духа*. Итакъ, узнавъ это и размысливъ о высокомъ достоинствѣ, полученномъ нами въ крещеніи, покажемъ въ себѣ жизнь достойную этой благодати, чтобы получить намъ и будущее царство, котораго всѣ мы да сподобимся, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

417 Азъ же свидѣтеля Бога призываю на мою душу, яко щадя васъ ктому не придохъ въ Коринѣ (2 Кор. i, 23).

1. Что ты говоришь, блаженный Павелъ? Щадя ихъ, не пришелъ ты въ Коринѣ? Намъ кажется, что, говоря такъ, ты противорѣчишь самому себѣ. Выше ты сказалъ, что не пришелъ

потому, что ничего не предпринимаешь по плоти, не имѣешь власти надъ собою, но идешь туда, куда велить тебѣ Святыи Духъ. Притомъ, какъ на препятствія къ этому, указывать ты и на скорби свои. А теперь говоришь, какъ будто не придти зависѣло отъ тебя, а не отъ власти Духа. *Щадя васъ*, говоришь, *тому не придется съ Коринѣ*. Что же должно сказать на это? Или то, что и это самое случилось по волѣ Духа, который тогда, какъ (апостолъ) хотѣлъ идти, внушилъ ему отложить это путешествіе, представляя необходимость шадить ихъ; или онъ говорить о другомъ путешествіи, и этимъ даетъ имъ знать, что онъ хотѣлъ идти къ нимъ еще прежде, нежели написалъ первое посланіе, но удержался отъ этого по любви къ нимъ, чтобы не застать ихъ не исправившимися. Впрочемъ, вѣроятно и то, что (апостолъ) по той же причинѣ послѣ и самъ рѣшился остаться на мѣстѣ, когда писалъ второе посланіе, хотя Духъ уже и не удерживалъ его идти. И такое предположеніе гораздо вѣроятнѣе, т. е., что вначалѣ его удерживалъ Духъ, а послѣ и самъ онъ остался, разсудивъ, что такъ будетъ лучше. А ты смотри, какъ (апостолъ) опять упоминаетъ о себѣ, — чего замѣчать я не перестану, — извлекая для себя защиту изъ самыхъ нареканій, какія бы могли ему сдѣлать. Коринѣяне могли возымѣть подозрѣніе и сказать ему: ты возненавидѣлъ насъ, потому и не хотѣлъ къ намъ придти. (Предупреждая такое подозрѣніе, апостолъ) представляетъ противную причину, почему не пришелъ, именно ту, что любилъ ихъ. Что же значить: *щадя васъ*? Я слышалъ, говорить, что нѣкоторые изъ васъ блудодѣйствовали; потому и не хотѣлъ придти къ вамъ, чтобы не опечалить васъ. Находясь у васъ, я бы былъ поставленъ въ необходимость самъ разбирать и изслѣдовать это дѣло и многихъ наказать. Итакъ, я почелъ за лучшее не быть у васъ, чтобы дать вамъ время раскаяться, нежели, пришедши къ вамъ, наказывать васъ, и самому понести отъ васъ еще большую скорбь. Эту мысль онъ ясно изложилъ подъ конецъ посланія, 418 когда сказалъ: *боюсь, еда како пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ, и не покающихся о нечистотѣ и блужденіи, яко содѣяша* (хп, 21). То же разумѣетъ онъ и здѣсь, и хотя говорить это какъ бы въ оправданіе себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшимъ образомъ обличаетъ и устрашаетъ ихъ самихъ. (Самымъ оправданіемъ себя предъ ними) онъ даетъ имъ разумѣть, что они подлежатъ еще наказанію, и могутъ что-нибудь потерпѣть, если не поспѣшатъ исправиться. И это опять онъ высказываетъ въ концѣ посланія, говоря, *еще прииду паки, не пощажу* (хпв, 2). Различіе только въ томъ, что въ концѣ посланія говорить объ этомъ прямо, а здѣсь — какъ еще

въ началѣ посланія—не такъ открыто и съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, и даже мало того, далѣе смягчаетъ и поправляетъ и этотъ образъ выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ, какъ прилично говорить только имѣющему великую власть, — а шадить другихъ можетъ только тотъ, кто властенъ ихъ и наказывать, — то, чтобы смягчить и нѣсколько прикрыть то, что могло казаться рѣзкимъ, онъ говоритъ далѣе: *не яко обладаемъ върою вашею* (ст. 24), — т. е., когда я сказалъ, что, шадя васъ, не пришелъ, то сказалъ такъ не потому, чтобы хотѣлъ властвовать надъ вами. Не сказалъ даже — надъ вами, но — надъ *върою*, — что и гораздо благосклоннѣе, и согласнѣе съ истиною. Вѣдь не желающаго вѣрить кто властенъ принудить къ вѣрѣ? *Но споспѣшиницы есмь вашей радости.* Такъ какъ ваша радость, говорить, есть вмѣстѣ и наша, то я не пришелъ къ вамъ, чтобы не ввергнуть васъ въ уныніе, и тѣмъ не увеличить своей печали; и остался для того, чтобы дать вамъ случай радоваться овоему исправленію только отъ (заочной моей) угрозы. Мы все дѣлаемъ для вашей радости и только о ней и заботимся, потому что и мы сами имѣемъ общеніе въ ней. *Върою бо стоите.* Смотри, съ какою опять осторожностію говоритъ онъ. Онъ опасается снова упрекать ихъ, потому что достаточно сильно уже обличилъ ихъ въ первомъ посланіи, и они послѣ того показали уже нѣкоторую перемѣну (въ жизни). Если бы и послѣ этой перемѣны они услышали тѣ же упреки, какіе и прежде, то это могло бы погубить ихъ. Вотъ почему настоящее посланіе и написано съ большею легкостію, чѣмъ первое. *Суди хъ же оъ себѣ, не паки скорбію къ вамъ пріити* (II, 1). Слово—*паки* показываетъ, что (апостолъ) уже огорченъ былъ (коринѣянами), и, повидимому, защищаясь предъ ними, онъ незамѣтно упрекаетъ ихъ же самихъ. Представъ же, какъ велика должна была быть скорбь (апостола), если уже разъ огорчили его и опять готовы были огорчить. Но онъ не говоритъ имъ прямо: вы огорчили меня, а даетъ понять имъ это другими словами, именно говоря: я не пришелъ къ вамъ для того, чтобы не огорчить васъ. Это равносильно тому, что я сказалъ, между тѣмъ было удобопріемлемѣе и удобовыносимѣе. *Аще бо азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене* (ст. 2)? Какая тутъ послѣдовательность? Очень большая. Въ самомъ дѣлѣ, смотри. Не хотѣлъ, говорить, придти къ вамъ, чтобы не огорчить васъ новыми упреками, негодованіемъ и отвращеніемъ. Далѣе, такъ какъ и это было очень рѣзко, и уличало (коринѣянъ), будто они образомъ своей жизни огорчаютъ Павла, то онъ, желая смягчить сказанное, говоритъ: *аще бо азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь*

отъ мене? Смыслъ же словъ его такой: если мнѣ довелось испытать и огорченія, когда я принужденъ былъ упрекать васъ и видѣть вашу скорбь отъ того, то и это самое доставило мнѣ радость. Это именно было признакомъ величайшей ко мнѣ любви вашей, когда я такъ много значилъ для васъ, что и одно негодованіе мое могло уязвлять васъ.

2. И замѣть мудрость (апостола). Ученики обыкновенно досаждутъ и скорбятъ, когда ихъ упрекаютъ, а онъ представляетъ эти упреки какъ благодать какую для нихъ. Никто, говоритъ онъ, такъ не радуется меня, какъ тотъ, кто уязвляется отъ словъ моихъ, и скорбитъ, видя меня огорченнымъ. Правда, слѣдовало бы сказать такъ: если я опечаливаю васъ, то кто же можетъ обрадовать васъ? Но онъ не говоритъ этого, а желая исправить ихъ, говоритъ обратное: хотя я и заставляю васъ скорбѣть, но вы, уязвляясь скорбію отъ моихъ словъ, доставляете мнѣ великую радость. *И пишете вамъ сіе истое* (ст. 3). Что же такое? То, что я не пришелъ, именно щадя васъ. Когда же (апостолъ) писалъ объ этомъ? Развѣ въ первомъ посланіи, когда говорилъ: *не хочу васъ нынѣ съ тѣмъ хожденіемъ видѣти* (xvi, 7)? Нѣтъ, а я думаю, что въ томъ же посланіи, когда сказалъ: *да не пакы пришедши мя смиритъ Богъ мой у васъ*. И такъ, *пишете вамъ*, говоритъ, *сіе истое*, въ концѣ посланія, *да не пакы пришедши мя смиритъ Богъ мой, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ* (xii, 21). Для чего же ты писалъ? *Да не пришедъ скорбь прииму, о нѣхъ же подобаше ми радостися, надѣяся на вся вы, яко моя радость всѣхъ васъ есть* (ii, 3). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: я радуюсь, когда вы скорбите, а 420 эти слова могли еще показаться слишкомъ тяжкими и жестокими, то онъ опять выразилъ то же самое иначе и послѣдующими словами сдѣлать сносѣе сказанное. Я для того, говоритъ, прежде написалъ вамъ, чтобы, къ прискорбію моему, не найти васъ не исправившимися. И когда я скавалъ: *да не скорбь прииму*, то сказалъ такъ, имѣя въ виду не свою, но вашу пользу. Я увѣренъ, что вы радуетесь, если видите меня радующимся; и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальнымъ. Смотри теперь, какую тѣсную связь имѣетъ все сказанное. Теперь для насъ будутъ понятны слова его. Для того, говоритъ, не пришелъ я, чтобы не опечалить васъ, если найду еще не исправившимися. Поступилъ же такъ, имѣя въ виду не свою, но вашу пользу. Отъ вашего огорченія я получаю немалое удовольствіе, когда вижу, что вы такъ обо мнѣ заботитесь, что и сами скорбите и печалитесь, когда видите меня скорбящимъ: *кто бо есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене?* Однако, несмотря и на такое расположеніе моего духа, я, посколькѣ ницу вашей пользы, ни-

*саяхъ вамъ сіе истое, да не скорбь прииму, и въ этомъ случаѣ опять нища не своей, но вашей пользы. Я вѣдь знаю, что вы и сами будете скорбѣть, увидѣвъ меня скорбящимъ; равно какъ, наоборотъ, возрадуетесь, когда увидите меня радующимся. Смотри же, какое здѣсь благоразуміе. Прежде онъ сказалъ: я не пришелъ, чтобы не огорчить васъ, хотя, говорить, я и радуюсь. Потомъ, чтобы не подумали, что онъ радуется только ихъ огорченію, говоритъ: потому я радуюсь, что еще имѣю мѣсто въ сердцахъ вашихъ. Иначе я бы сугубую понесъ скорбь, — и отъ того, что былъ бы принужденъ огорчить упреками васъ, которые столько любите меня, и отъ того, что самъ бы скорбѣлъ, чѣмъ увеличилъ бы еще болѣе и вашу скорбь. Смотри же теперь, какъ съ похвалою сказать и эти слова: *о нѣмъ же подобаше ми радоватися*. Они свидѣлствуютъ объ искренности его и великой любви къ нимъ. Такъ могъ бы сказать какой-нибудь отецъ къ дѣтямъ, для которыхъ онъ дѣлалъ много добра и много потрудился. Итакъ, говорить, если я только пишу и нейду къ вамъ самъ, то нейду потому, что устрояю что-нибудь лучшее о васъ, а не по ненависти къ вамъ, не потому, чтобы отвращался васъ, но потому, что очень люблю васъ. Далѣе, чтобы въ виду словъ, что кто скорбитъ, тотъ радуется его, не сказали ему: такъ ты заботишься только о томъ, чтобы тебѣ самому радоваться и показать всѣмъ, какую великую ты имѣешь у насъ силу? — онъ присовокупилъ слѣдующее: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами, не яко да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имѣю изобильно къ вамъ* (ст. 4).*

Что можетъ быть любвеобильнѣе этой души? Этими словами (апостоль) показываетъ, что онъ скорбѣлъ о согрѣшившихъ не только не менѣе, напротивъ, даже гораздо болѣе, чѣмъ скорбѣли сами согрѣшившіе. Онъ не просто говоритъ—отъ печали, но — *отъ многія*; не слезами только, но—*многими слезами*, и *отъ туги сердца*, т. е. я былъ угнетаемъ и подавляемъ печалію, и будучи не въ состояніи вынести этого облака печали, я рѣшился писать къ вамъ,—не для того впрочемъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы вы познали любовь, говорить, какую я въ избыткѣ имѣю къ вамъ. Надлежало бы сказать такъ: не для того, чтобы оскорбить васъ, 421 но чтобы исправить, потому что для этого (апостоль) и писалъ; но онъ не говоритъ такъ, а желая сдѣлать рѣчь болѣе пріятною и крѣпче привязать ихъ къ себѣ, онъ, вмѣсто напоминанія объ исправленіи, увѣряетъ ихъ въ любви своей, по которой все дѣлается. И не просто говоритъ: имѣю къ вамъ любовь, но: *юже имамъ изобильно къ вамъ*. Желаетъ и этимъ привлечь ихъ къ себѣ, показавъ, что онъ болѣе всѣхъ любитъ ихъ, и расположенъ къ нимъ,

какъ къ избраннымъ ученикамъ. Потому-то онъ и прежде говорилъ: *еще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь* (1 Кор. ix, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *еще бо и мнози пѣстуны имате, но не мнози отцы* (1 Кор. iv, 15); или еще: *благодатию Божіею живомъ въ міръ, множае аще у васъ* (2 Кор. i, 12); и ниже (въ концѣ настоящаго посланія) пишетъ: *и излишне васъ любя, меньше люблюмъ есмь* (xii, 15); наконецъ и здѣсь говоритъ: *уже имамъ изобильно къ вамъ*.

3. Такимъ образомъ, хотя слова (апостола) и полны были гнѣва, но этотъ гнѣвъ происходилъ отъ великой любви и скорби. И пиша посланіе, говоритъ, я страдалъ и скорбѣлъ не о томъ только, что вы согрѣшили, но и о томъ, что я поставленъ былъ въ необходимость огорчить васъ, и все это отъ любви,—подобно отцу, который, будучи поставленъ въ необходимость отсѣкать или прижигать гнилые члены у любимаго сына, вдвойнѣ страдаетъ,—и отъ того, что сынъ болѣетъ, и отъ необходимости самому отсѣкать. Такимъ образомъ, что вы почитаете признакомъ недоброжелательства къ вамъ, служить признакомъ величайшей къ вамъ любви. Если же огорчить васъ меня побуждала любовь, то тѣмъ болѣе радоваться—ваша скорбь. Итакъ, защитивъ себя (онъ и часто такъ защищается, и не стыдится этого, потому что если и Богъ это дѣлаетъ, говоря напр.: *людіе Мои, что сотворишъ вамъ*—Мих. vi, 3,—то тѣмъ болѣе могъ дѣлать это Павелъ),—итакъ, защитивъ себя самого, (апостолъ) переходитъ теперь къ защищенію впадшаго въ блудодѣяніе. Такъ какъ (апостолъ) самъ же прежде изъяснилъ гнѣвъ на него, а теперь требуетъ простить его, то, чтобы не перетолковали въ худую сторону его повелѣнія, какъ противорѣчащаго первому, и не стали упорствовать,—смотри, какимъ образомъ предуготовилъ ихъ къ этому какъ выше сказаннымъ, такъ и нижеслѣдующимъ. Что именно онъ говоритъ далѣе? *Аще ли кто оскорбилъ, не мене оскорби* (ст. 5). Сначала похваливъ ихъ за то, что они имѣютъ съ нимъ однѣ радости и однѣ скорби, и сказавъ напередъ: *яко моя радость всѣхъ васъ есть* (ст. 3), (апостолъ) начинаетъ послѣ этого уже рѣчь о кровосмѣсникѣ. Если, говоритъ, радость моя есть вмѣстѣ и ваша радость, то вы должны и теперь вмѣстѣ со мною радоваться, точно такъ же, какъ и тогда вмѣстѣ со мною скорбѣли. Какъ тогда своею скорбію вы доставили мнѣ удовольствіе и радость, такъ и теперь сдѣлаете то же вашею радостію, если только примете участіе въ моей радости. (Апостолъ) не сказалъ: моя скорбь есть скорбь и для всѣхъ васъ, но онъ высказалъ то же въ другихъ мѣстахъ другими словами, а здѣсь упомянулъ только о томъ, что было нужно, именно о радости, сказавъ, что *радость моя всѣхъ васъ есть*. Вслѣдъ за этимъ онъ

напоминаетъ и прежде сказанное имъ, говоря: *аще ли кто оскорбиль, не мене оскорби, но отъ части, да не отягчу всѣхъ васъ*. Знаю, говорить, что и вы со мною огорчились и вознегодовали на впадшаго въ блудодѣяніе, и что случай этотъ отчасти огорчилъ всѣхъ васъ. Впрочемъ, *отъ части* сказалъ я не потому, чтобы ваше огорченіе было меньше моего, но чтобы не отягчить впадшаго въ блудодѣяніе. Итакъ, не меня только огорчилъ онъ, но и васъ въ равной мѣрѣ, и я только по снисхожденію къ нему сказалъ—*отъ части*. Видишь, какъ скоро (апостолъ) смягчилъ гнѣвъ ихъ, сказавъ, что и они были общниками въ его скорби? *Довольно бы такому запрещенію сіе, еже отъ многихъ* (ст. 6). Не говорить: впадшему въ блудодѣяніе, но опять, какъ и въ первомъ посланіи: *таковому*, хотя и по другой уже причинѣ; тогда говорилъ такъ по отвращенію отъ содѣланнаго грѣха, а здѣсь по снисхожденію къ согрѣшившему. Здѣсь онъ совсѣмъ не упоминаетъ о содѣянномъ грѣхѣ, потому что время уже было защищать виновнаго. *Тѣмже сопротивное паче вы да даруете и утѣшите, да не како мною скорбію пожертъ будетъ таковъ* (ст. 7). (Апостолъ) повелѣваетъ здѣсь не только разрѣшить положенное наказаніе, но и возводить виновнаго въ прежнее его состояніе, потому что если кто, наказавши виновнаго, просто отпускаетъ его, безъ всякаго утѣшенія, то не дѣлаетъ ему никакой пользы. Но смотри опять, какъ (апостолъ) удерживаетъ и виновнаго, чтобы онъ, получивъ прощеніе, не сдѣлался хуже. Онъ показываетъ ему, что хотя онъ и исповѣдалъ свой грѣхъ и раскаялся въ немъ, однако получаетъ прощеніе не столько за раскаяніе, сколько по милости и снисхожденію,—почему и говорить: *да даруете и утѣшите*. Это же видно и изъ дальнѣйшихъ словъ. Не потому, говорить, разрѣшаю простить виновнаго, что онъ достоинъ этого, или что онъ показалъ достаточное раскаяніе; но потому, что онъ слабъ,—почему и присоветовалъ: *да не како мною скорбію пожертъ будетъ таковъ*. Говоря такъ, (апостолъ) свидѣтельствуетъ и о великомъ раскаяніи виновнаго, и не допускаетъ его до отчаянія. Что же значить: *пожертъ будетъ*? Или то, что онъ поступитъ такъ же, какъ Іуда, или—что, оставшись жить, сдѣлается еще хуже. Хотя, говорить, онъ и не таковъ, чтобы не могъ болѣе переносить скорби продолженнаго наказанія, но, потерявъ терпѣніе и надежду, легко можетъ посягнуть на свою жизнь, или предаться въ концѣ концовъ большому нечестію. Поэтому намъ нужно быть осмотрительными, чтобы рана не сдѣлалась болѣе тяжелой и чтобы неумѣренностію (въ наказаніи) не погубить того, что уже сдѣлали добраго.

Говоря такъ, (апостолъ), какъ я и прежде замѣтилъ, хотѣлъ

и обуздать и вразумить (виновнаго), чтобы онъ, получивъ прощенье, не сдѣлался еще нерадивѣе. Я принять его, говорить, (въ прежнее мое расположеніе), не потому, чтобы онъ совершенно очистился отъ скверны, но боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь хуже. Отсюда мы научаемся, что мѣру покаянія надобно назначать не только по свойству грѣховъ, но и соображаясь съ расположеніемъ и состояніемъ самихъ грѣшниковъ. Такъ и тогда поступилъ апостолъ, такъ какъ и его устроила слабость грѣшника. Потому онъ и сказалъ: *да не пожертъ будетъ*—какъ бы авѣремъ какимъ-нибудь, или волнами, или бурей. *Тѣмъ же молю вы* (ст. 8). Не повелѣваетъ уже, но проситъ,—не какъ учитель, но какъ равный, и, предоставивъ имъ возсѣдать на судейскомъ сѣдалищѣ, самъ сталъ на мѣстѣ защитника. Такъ какъ онъ достигъ уже, чего хотѣлъ, то отъ радости не зналъ мѣры своему смиренію. О чемъ же ты просишь, скажи мнѣ? *Утвердите къ нему любовь*,—т. е. съ крѣпкою любовью, а не просто и какъ случилось примите его. Говоря это, (апостолъ) опять усволяетъ имъ величайшую добродѣтель. Тѣ самые, которые прежде такъ любили согрѣшившаго и такъ защищали его, что даже гордились этимъ, до такой степени отвратились отъ него, что Павлу стоило великаго труда заставить ихъ принять его съ крѣпкою любовью. Вотъ 423 похвальное качество въ ученикахъ, вотъ совершенство въ учителѣ—когда ученики такъ послушны, а учитель образуетъ такихъ (послушныхъ учениковъ). Если бы и нынѣ такъ было, то согрѣшающіе не были бы такъ нечувствительны къ своимъ грѣхамъ. И никого не должно ни безразсудно любить, ни отвращаться безъ причины. *На сіе бо и писахъ вамъ, да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливы есте* (ст. 9), то есть, не только въ отсѣченіи согрѣшившаго, но и въ присоединеніи его. Видишь, какъ и здѣсь опять (апостолъ) поставляетъ ихъ въ необходимость рѣшиться на этотъ подвигъ? Какъ тогда, когда (виновный) согрѣшилъ, (апостолъ) представилъ имъ, какая опасность грозитъ имъ, если они не отсѣкутъ его, сказавъ, что *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. v, 6), и многое другое, такъ точно и здѣсь опять представилъ имъ всю опасность непослушанія. Подобно тому какъ прежде,—какъ бы такъ говорилъ,—я долженъ былъ заботиться не о немъ только, но и о васъ, такъ и теперь не столько забочусь о немъ, сколько о васъ, чтобы кто не почелъ васъ за людей упорныхъ, безчеловѣчныхъ и не во всемъ послушныхъ. Поэтому и говорить: *на сіе бо и писахъ вамъ, да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливы есте*. То (удаленіе виновнаго изъ общества) могло показаться и дѣломъ ненависти и жестокости, а это

(принятіе его въ любовь) особенно докажетъ искренность послушанія, а вмѣстѣ и готовность къ дѣламъ челоувѣколюбія.

Въ томъ и заключается признакъ добрыхъ учениковъ, что они повинуются своему учителю не только въ первомъ (его требованіи), но и тогда, когда онъ повелѣваетъ и обратное (этому требованію). Потому-то (апостоль) и сказалъ: *во всемъ*, желая показать, что коринѣяне въ случаѣ непослушанія постыдять не столько его, сколько себя, заслуживъ славу непокорныхъ. Дѣлаетъ же это онъ для того, чтобы и этимъ побудить ихъ къ послушанію, почему и говорить: *на сіе бо и писашъ вамъ*. Хотя онъ и не для того писалъ, такъ какъ главная цѣль его была спасеніе согрѣшившаго, однако говорить: *для сего*,—чтобы тѣмъ болѣе расположить ихъ въ пользу виновнаго. Впрочемъ, этимъ онъ и себѣ не вредить въ достиженіи главной цѣли, и коринѣянамъ дѣлаетъ пріятное. Словами же—*во всемъ* онъ напоминаетъ имъ о первомъ ихъ послушаніи, и выставляетъ его здѣсь на видъ, съ намѣреніемъ похвалить ихъ. *Ему же еще что даруете, и азъ* (ст. 10). Видишь, какъ опять унижаетъ себя передъ ними, поставляя ихъ на первомъ мѣстѣ, а себя на второмъ; и все это для того, чтобы смягчить ожесточенныя души и преклонить грубыя сердца. Затѣмъ, чтобы не подать повода думать, что все дѣло предоставлено ихъ власти, и чтобы они не стали упорствовать въ прощеніи (виновнаго), опять побуждаетъ ихъ къ этому, говоря, что и самъ онъ даровалъ ему прощеніе. *Ибо и азъ, еще что даровашъ, есже даровашъ, васъ ради*. И это самое, говорить, сдѣлалъ я для васъ. И въ первый разъ, когда повелѣвалъ отсѣчь виновнаго, онъ не далъ имъ власти простить его, сказавъ: *уже судихъ предати такового сатанѣ*, а потомъ допустилъ и ихъ къ участію въ этомъ приговорѣ, когда сказалъ: *собравшимся вамъ предати такового* (1 Кор. v, 3—5). Онъ поступилъ такъ, имѣя въ виду двѣ важныя вещи: чтобы и приговоръ произнести, и не безъ согласія коринѣянъ, чтобы не огорчить ихъ. И такимъ образомъ, ни самъ одинъ не произнесъ приговора, чтобы коринѣяне не подумали о немъ, какъ о челоувѣкѣ гордомъ и презирающемъ ихъ, ни имъ не присвоилъ всей власти, чтобы они, сдѣлавшись полновластными судіями, преждевременно не даровали прощенія виновному, и чрезъ то не погубили его. Точно такъ же поступаетъ онъ и здѣсь, когда говорить: я даровалъ уже прощеніе,—я, который въ первомъ посланіи осудилъ его. Потомъ, чтобы коринѣяне не оскорбились, какъ бы пренебреженные (апостоломъ), онъ говорить: *васъ ради*. Что же это? Ужели онъ простилъ согрѣшившаго для людей? Нѣтъ,—почему и присовокупилъ: *о лицѣ Христовѣ*. Что же значить: *о лицѣ Христовѣ*? Или—по волѣ Божіей, или—во славу

Христа. *Да не обидими будемъ отъ сатаны: не неразумѣваемъ бо умысленій его* (ст. 11). Видишь, какъ онъ то присволяетъ (коринѣянамъ) власть суда, чтобы смягчить ихъ, то снова отнимаетъ ее, чтобы истребить въ нихъ всякую гордость. Впрочемъ, не этого только хочетъ онъ достигнуть своими словами; онъ хочетъ еще и показать, что въ случаѣ ихъ непослушанія вредъ будетъ общій для всѣхъ. Такъ поступилъ онъ и вначалѣ. Какъ тогда онъ говорилъ: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. V, 6), такъ и теперь говоритъ: *да не обидими будемъ отъ сатаны*; и вездѣ усволяетъ прощеніе согрѣшившаго какъ себѣ, такъ и имъ (коринѣянамъ)

5. Пересмотри же снова (все, что онъ говорилъ): *аще же кто оскорбилъ, говоритъ, не мене оскорби, но отъ части, да не отягчу вѣсъ васъ*; затѣмъ далѣе: *довольно такому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ*. Таковъ его приговоръ и опредѣленіе. Впрочемъ, на этомъ приговорѣ онъ не остановился, но призываетъ опять къ участию въ немъ и коринѣянъ, говоря: *тѣмже сопротивное паче вы да даруете и утѣшите. Тѣмже молю вы, утвердите къ нему любовь*. Но предавъ виновнаго въ ихъ руки, опять переходитъ къ утвержденію своей власти, говоря: *на сіе бо и писахъ вамъ, да разумѣте искусство ваше, аще во всемъ послушливы есте*. Затѣмъ опять приписываетъ прощеніе согрѣшившаго коринѣянамъ, говоря: *ему же аще что даруете*; а потомъ себѣ: *и азъ, говоритъ, аще что даровахъ: наконецъ имъ и себѣ вмѣстѣ: ибо и азъ, говоритъ, аще что даровахъ, васъ ради, о лицѣ Христоу,*—т. е. или во славу Христа, или потому, что самъ Христосъ повелѣлъ (простить согрѣшившаго). Эти послѣднія слова особенно убѣдительно были для коринѣянъ, такъ какъ они боялись уже отказать въ прощеніи, которое служило къ славѣ (Исуса Христа) и было Ему угодно. Вслѣдъ за тѣмъ опять поставляетъ на видъ коринѣянамъ общій для всѣхъ вредъ, въ случаѣ ихъ непослушанія, говоря: *да не обидими будемъ* (κλωνακτῆσμεν) *отъ сатаны*. Здѣсь онъ очень кстати употребилъ слово хищеніе (κλωνακτῆσμεν), такъ какъ діаволъ беретъ уже не свое, а похищаетъ наше. Не говори мнѣ того, что одинъ только согрѣшившій могъ бы сдѣлаться добычею этого звѣря, но представляй и то, что угрожаетъ опасность всему стаду уменьшеніемъ числа его, и особенно теперь, когда можно возвратить то, что потеряно. *Не неразумѣваемъ бо умысленій его*, т. е. что (сатана) и путемъ благочестія можетъ привести къ гибели. Онъ можетъ погубить не только тѣмъ, что доводитъ до блудодѣянія, но и противоположнымъ способомъ можетъ ввергнуть въ гибель, именно безмѣрною печалію во время покаянія. Такимъ образомъ, если (сатана) вмѣстѣ съ своею собственностію зава-

тывается и нашу, когда и того, кого доводить до грѣха, погубляетъ, и того, кому мы повелѣваемъ спасительное покаяніе, у насъ похищаетъ, то какъ же назвать это, если не хищеніемъ? Для него недостаточно, что онъ низлагаетъ насъ чрезъ грѣхъ: онъ и чрезъ покаяніе дѣлаетъ то же, если мы не бываемъ осторожны. Вотъ почему (апостоль) весьма справедливо и называлъ хищеніемъ тотъ случай, когда (сатана) побуждаетъ насъ нашимъ же оружіемъ. Ему свойственно овладѣвать нами чрезъ грѣхъ, а не чрезъ покаяніе, потому что послѣднее есть наше оружіе, а не

425 его. Итакъ, если (сатана) и чрезъ покаяніе можетъ овладѣвать нами, то разсуди самъ, какъ постыдно для насъ это поражение, какъ онъ будетъ насмѣхаться и надѣваться надъ нами, какъ надъ безсильными и немощными, если побѣдитъ насъ нашимъ же оружіемъ? И подлинно, въ высшей степени смѣшно и крайне постыдно, если онъ нашими же лѣкарствами причиняетъ намъ раны. Потому-то (апостоль) и сказалъ: *не неразумѣваемъ бо умышлений его*, т. е. насколько лукавъ, коваренъ, злокозненъ и исполненъ онъ злобы, и какой вредъ причиняетъ намъ даже подъ видомъ благочестія. Итакъ, помышляя объ этомъ, не будемъ никогда ни презирать никого (изъ согрѣшающихъ), ни сами, согрѣшая, предаваться отчаянію, равно какъ и оставаться въ безпечности; напротивъ, будемъ сердечно сокрушаться о своихъ беззаконіяхъ, не на словахъ только раскаяваясь въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, я знаю многихъ, которые хотя говорятъ, что они оплакиваютъ свои грѣхи, ничего однакожъ важнаго не дѣлаютъ. Правда, они постятся и носятъ грубыя одежды, но въ то же время имѣютъ жадность къ деньгамъ гораздо болѣшую, чѣмъ торгаша, предаются болѣе сильному гнѣву, чѣмъ звѣри, и находятъ удовольствія въ злословіи болѣе, чѣмъ другіе въ похвалѣ. Это не составляетъ покаянія; это только призракъ и тѣнь покаянія, а не самое покаяніе. Потому-то и этимъ (грѣшникамъ) прилично сказать: *смотрите, да не обидими будемъ отъ сатаны: не неразумѣваемъ бо умышлений его*. Однихъ онъ губитъ чрезъ грѣхи, другихъ чрезъ покаяніе, и этихъ еще и другимъ образомъ—когда не даетъ имъ воспользоваться плодами покаянія. Когда сатана не находитъ случая прямо погубить кого-нибудь, онъ подходитъ къ нему другимъ путемъ, побуждая человека усугубить труды, но не давая ему воспользоваться плодами трудовъ своихъ, и стараясь увѣрить его, что онъ все необходимое уже сдѣлалъ, и потому можетъ не заботиться ни о чемъ другомъ. Итакъ, чтобы намъ не изнурять себя напрасно трудами, побесѣдуемъ немного съ тѣми женами, съ которыми такъ бываетъ, потому что женщины преимущественно подвержены этому недугу. Прекрасно,

конечно, и то, что и нынѣ вы дѣлаете, т. е. постъ, лежаніе на землѣ и посыпаніе пепломъ главы. Но всѣ эти дѣла не принесутъ никакой пользы, если къ нимъ не присоединятся другія. Богъ показалъ, какъ Онъ прощаетъ грѣхи. Для чего же вы, оставивъ указанный путь, пролагаете себѣ другой? Согрешили нѣкогда ниневитяне, и сдѣлали то же, что и вы теперь дѣлаете. Но посмотримъ, что послужило къ ихъ спасенію. Какъ для излѣченія больныхъ врачи хотя употребляютъ многія средства, но благоразумный смотритъ не на то, что принималъ больной, а на то, что послужило къ его исцѣленію, такъ точно и здѣсь надобно смотрѣть. Итакъ, что же спасло тѣхъ ниневитянъ? На язвы свои они возложили постъ, и строгій постъ, лежаніе на землѣ, одежды изъ вретнища, пепелъ и слезы, и вмѣстѣ съ этимъ перемѣнили и образъ жизни.

6. Посмотримъ же, какое изъ перечисленныхъ лѣкарствъ уврачевало ихъ. Но какъ мы узнаемъ это, скажетъ кто? Узнаемъ, если придемъ ко Врачу, или спросимъ Его самого. Онъ не утаитъ отъ насъ; напротивъ, со всею готовностію откроетъ это. Онъ даже въ книгѣ записалъ это лѣкарство, исцѣлившее ихъ, чтобы всякій зналъ его и не имѣлъ нужды спрашивать о немъ. Что же это за лѣкарство? *Видѣ Богъ, говоритъ (пророкъ), яко обратишася отъ 426 путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Іон. ш, 10). Не сказалъ: видѣлъ постъ, вретнища и пепелъ. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы отвергать постъ,—нѣтъ,—а для того, чтобы убѣдить васъ дѣлать то, что лучше поста,—воздерживаться отъ всякаго зла. Согрешилъ и Давидъ: посмотримъ же, какъ и онъ каялся. Три дня онъ сидѣлъ во прахѣ. Однако онъ сдѣлалъ это не для заглаженія грѣха своего, но молясь о (больномъ) дѣтищѣ, не истрепавшись еще отъ упоенія страстію. Грѣхъ же свой очистилъ онъ иначе, именно, самоуничженіемъ, сокрушеніемъ сердечнымъ, скорбію душевною, строгимъ воздержаніемъ отъ подобныхъ грѣховъ, непрестаннымъ памятованіемъ сдѣланнаго грѣха, благодушнымъ перенесеніемъ всѣхъ постигшихъ его скорбей, пощадю своихъ оскорбителей, наконецъ тѣмъ, что не только самъ не мстилъ врагамъ, поносившимъ его, но не позволялъ мстить и другимъ за него, когда они хотѣли того. Такъ, когда Семей осыпалъ его безчисленными проклятіями, и когда военачальникъ, находившійся (при Давидѣ), вознегодовалъ на это, тогда онъ сказалъ: *оставите его проклинати мя, яко Господь повелѣ ему* (2 Цар. xvi, 10). Онъ имѣлъ сокрушенное и смиренное сердце, и это-то особенно и очищало грѣхи его, потому что въ этомъ и состоитъ исповѣданіе, это и есть покаяніе. Напротивъ, если, постясь, мы остаемся высокомерными, то не только

не получимъ никакой пользы, но еще потерпимъ и вредъ. Итакъ, смири сердце твое и ты, чтобы умиловити Бога: *близъ Господи сокрушеннымъ сердцемъ* (Пс. xxxiii, 19). Видишь, какъ жившіе въ свѣтлыхъ чертогахъ переносили безчестіе, какъ они, поносимые и отъ послѣднихъ изъ рабовъ своихъ, не прекословили, но терпѣли поношенія за безчестіе, которымъ покрылъ ихъ грѣхъ. Такъ поступай и ты. Если поносить тебя кто,—не ожесточайся, но плачь и стенай, не о томъ, что тебя поносятъ, но о грѣхѣ, который подвергъ тебя такому безчестію. Плачь и стенай, когда согрѣшивъ, не о томъ, что будешь наказанъ, такъ какъ это ничего не значить, но о томъ, что ты оскорбилъ своего Владыку, который столь кротокъ, столько тебя любитъ, столько заботится о твоёмъ спасеніи, что и Сына предалъ за тебя. Вотъ о чемъ плачь и стенай и дѣлай это непрестанно, потому что въ этомъ и состоитъ исповѣданіе. Не будь нынѣ веселъ, завтра печаленъ, потомъ опять веселъ, а всегда пребывай въ плачѣ и сокрушеніи. *Блаженн*, говоритъ (Господь), *плачущіи* (Мѣ. v, 4),—т. е. тѣ, которые непрестанно это дѣлаютъ. Непрестанно и ты дѣлай это, всегда внимай себѣ и сокрушай сердце твое, наподобіе того, какъ сокрушался бы тотъ, кто потерялъ любимѣйшаго сына. *Расторгните*, говоритъ (Господь), *сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. ii, 13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушенное не возстаетъ болѣе. Потому-то и говоритъ (Писаніе) въ одномъ мѣстѣ: *расторгните*, а въ другомъ: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. i, 19). Итакъ, мудрецъ ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, т. е. не попускай, чтобы оно высокоумствовало и надмевалось, потому что расторгнутое не надувается, хотя бы и было чѣмъ надуваемо: оно не можетъ вынести этого надуванія, потому что расторгнуто. Такъ и ты смири свое сердце. Помысли, что мытарь за одно слово былъ оправданъ, хотя то, что говорилъ онъ, было даже не столько смиреніе, сколько истинное признаніе. Если же и истинное признаніе имѣетъ такую силу, то насколько болѣе смиренномудріе? Прости обиды тѣмъ, кто погрѣшилъ противъ тебя, потому что и это служить къ прощенію грѣховъ твоихъ. О первомъ (сѣтованіи и скорби о грѣхахъ) сказано: Я видѣлъ, что *пойде дряхль* (печаленъ) *и исцѣлихъ пути его* (Ис. lxxvii, 17, 18). Это же прекратило гнѣвъ Божій и на Ахаава (3 Цар. xxi, 29). А о второмъ (прощеніи обидъ) говорится: *отпущайте, и отпустятъ вамъ* (Лук. vi, 37). Есть еще и другой способъ, которымъ обрѣтается это врачество, это—осужденіе себя въ своихъ беззаконіяхъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да отрадишиися* (Ис. xliii, 26). Равнымъ образомъ и благодарное чувство, съ которымъ мы переносимъ скорби, заглаживаетъ грѣхи наши,

болѣе же всего милостыня. Перечти же цѣлительныя средства для уврачеванія твоихъ язвъ и прикладывай всѣ ихъ одно за другимъ непрестанно: самоуничженіе, исповѣданіе, непамято-злobie, благодареніе за посылаемыя на тебя скорби, вспомошество-ваніе бѣднымъ деньгами и вещами, наконецъ непрестанную мо-литву. Неотступнымъ моленіемъ вдовица умилоствовала жестокаго и немилосердаго судію (Лук. хviii, 5). Если же эта вдова умило-ствовала неправеднаго судію, то тѣмъ болѣе ты умилоставишь Судію кроткаго. Кромѣ этихъ способовъ (къ очищенію грѣховъ) есть еще и другой,—заступленіе обидимыхъ. *Судите*, говорится, ⁴²⁹ *сиру, и оправдите вдовицу, и приидите, и истязимся: и еще будутъ грѣхи ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. i, 17, 18). Итакъ, будемъ ли мы достойны какого-либо извиненія, когда, имѣя столько путей, возводящихъ на небо, и столько средствъ для уврачеванія язвъ душевныхъ, остаемся въ этихъ язвахъ даже и послѣ кре-щенія? Не будемъ же закоснѣвать въ нихъ. И тѣ, которые еще не пали, пусть стараются сохранить невредимо красоту свою, мало того — пусть еще болѣе цѣумножаютъ ее,—потому что хотя они и теперь непорочны, но упомянутыя добродѣтели еще болѣе украсятъ ихъ. Что же касается насъ, которые много уже нагрѣ-шили, то потщимся воспользоваться предложенными средствами къ очищенію грѣховъ нашихъ, чтобы намъ предстать судищу Христову со многими дерзновеніемъ, которое всѣ мы и да спо-добимся получить благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, дер-жава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Пришедъ же въ Троаду во благовѣстіе Христово, и ⁴²⁷ двери отверзены ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего (2 Кор. ii, 12, 13).

1. Эти слова кажутся недостойными Павла, такъ какъ по-казываютъ, что онъ изъ-за отсутствія брата пренебрегъ случаемъ споспѣшествовать спасенію. Притомъ же они, повидимому, не имѣютъ и связи (съ прежде сказаннымъ). Что же прежде хотите, чтобы я вамъ доказалъ? То ли, что (апостоль) не сказалъ здѣсь ничего. недостойнаго себя, или то, что сказанное имъ имѣетъ тѣсную связь съ предыдущимъ? Мнѣ кажется, прежде должно доказать послѣднее, потому что тогда и первое будетъ для насъ

удобопонятнѣе и яснѣе. Итакъ, какую же связь имѣютъ эти слова съ тѣмъ, что сказано прежде? Припомнимъ прежде сказанное; тогда поймемъ и теперь сказанное. Что же прежде онъ говорилъ? То, что говорилъ въ началѣ посланія, а именно: *не хочу васъ не отъйти о скорби, бывшей намъ во Асїи, яко по премногу и паче силъ тяготихомся* (1, 8). Потомъ показываетъ, какъ онъ избавился отъ угрожавшей опасности, и, высказавъ далѣе промежуточные мысли, служащія къ его оправданію, наконецъ опять даетъ знать, что онъ имѣлъ и другую скорбь. Какую же, и какимъ образомъ? Ту, что не нашелъ Тита. Поистинѣ и претерпѣнныя (апостоламъ) искушенія составляли для него немалую скорбь и могли повергнуть душу его въ уныніе. А когда не нашлось и того, кто могъ бы его утѣшить, и чрезъ участіе облегчить тяжесть скорби, то естественно душевная буря должна была возрасти еще болѣе. А этотъ Титъ есть тотъ самый, о которомъ ниже говоритъ (апостолъ) и который приходилъ къ нему (отъ коринѣянъ), и отъ него обратно былъ посылаемъ къ нимъ, и о которомъ онъ такъ много говоритъ съ великою похвалою. Итакъ, желая показать, что онъ и въ отсутствіи Тита скорбѣлъ изъ-за нихъ же, (апостолъ) и сказалъ вышеуказанныя слова. Отсюда очевидно, что эти слова имѣютъ тѣсную связь съ прежде сказаннымъ. А что слова эти и не недостоинны Павла, — я попытаюсь доказать и это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не говоритъ, что отсутствіе Тита воспрепятствовало спасенію желавшихъ присоединиться къ вѣрующимъ; не говоритъ и того, что изъ-за этого онъ презрѣлъ вѣрующихъ; а говоритъ только, что онъ не имѣлъ покоя, т. е. скорбѣлъ и печалился въ отсутствіи брата, — желая показать этимъ, что значить отсутствіе брата, — и по этой причинѣ вышелъ изъ Троады. Что же значатъ слова: *пришедъ въ Троаду во благовѣстіе*? Не безъ намѣренія, говоритъ, пришелъ я, но для того, чтобы проповѣдывать. И все-таки, несмотря на то, что съ такимъ намѣреніемъ пришелъ я (въ Троаду), и тамъ нашелъ весьма много дѣла: *двери отверзены ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ, говорить, покоя*. Впрочемъ, это не помѣшало дѣлу проповѣди. Какъ же говоритъ: *отрекся имъ изыдохъ*? То есть: я не могъ тамъ остаться на долгое время, по причинѣ стѣсненія и скорби сердечной; а можетъ быть и потому, что самое отсутствіе (Тита) служило препятствіемъ дѣлу. А это также немало служило къ успокоенію коринѣянъ. Если, говоритъ, потому только, что не нашелъ брата (въ Троадѣ), я долженъ былъ поспѣшно удалиться оттуда, хотя тамъ мнѣ отверзта была дверь для проповѣди, для которой я и приходилъ туда, то тѣмъ болѣе вы должны извинить насъ тѣсною обстоятельствомъ, которыя всюду нами управляютъ и не позволяютъ намъ, какъ бы мы хотѣли, ни уходить отсюда-

либо, ни проводить гдѣ-либо болѣе времени, по нашему желанію. Вотъ почему, какъ выше онъ усвоилъ свои путешествія Духу Божію, такъ и здѣсь приписываетъ Богу, присовокупляя слова: *Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему о Христѣ, и вою разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ* (ст. 14). Чтобы не подумали, что (апостолъ) сѣтуетъ и ропщетъ на принужденіе отъ Бога быть тамъ или въ другомъ мѣстѣ, онъ возсылаетъ благодареніе Богу. Смыслъ же словъ его такой: повсюду скорби, повсюду тѣснота! Пришелъ я во Асію, — тамъ отягченъ былъ сверхъ силъ; пришелъ во Троаду, — тутъ не нашелъ брата; не пошелъ къ вамъ, — и это причинило мнѣ немалое, даже весьма большое огорченіе, какъ потому, что многіе изъ васъ согрѣшили, такъ и потому, что я по этой причинѣ не могъ видѣть васъ. *Идя въ васъ, говорить, ктому не приидохъ съ Коринфъ* (1, 23). Итакъ, чтобы, говоря такимъ образомъ, не показаться ропщущимъ на Бога, (апостолъ) присовокупляетъ, что въ этихъ скорбяхъ мы не только не унываемъ, но еще радуемся; и что главное — радуемся не только ради будущихъ наградъ, но и ради настоящихъ, такъ какъ перенесеніемъ скорбей мы еще и въ этой жизни приобретаемъ себѣ похвалу и славу. Поэтому мы такъ далеки отъ сѣтованія и ропота, что случающіяся съ нами скорби называемъ даже торжествомъ и хвалимся ими. Въ этомъ смыслѣ и сказалъ (апостолъ): *Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему*, т. е. дѣлающему насъ для всѣхъ славными. Хотя для другихъ кажется безчестіемъ то, что мы всюду терпимъ гоненіе, но для насъ это является величайшей честью. Вотъ почему не сказалъ: дѣлающему насъ извѣстными, но: *побѣдители творящему*, — желая показать, что эти гоненія служатъ для насъ по всей землѣ вмѣсто славныхъ памятниковъ непрестанныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ діаволомъ. Указавъ же на Давшаго побѣды, далѣе рассказываетъ и причину (этихъ побѣдъ) и тѣмъ ободряетъ слушателей. Не только, говорить, отъ Бога даются намъ побѣды, но и *о Христѣ*, т. е. чрезъ Христа и проповѣдь. А одерживая побѣды, говорить, нельзя и не прославиться намъ, носящимъ знаменіе побѣды, такъ какъ мы именно носимъ его. Оттого мы и извѣстны и сильны вездѣ. *И вою разума его являющу нами во всякомъ мѣстѣ*.

2. Выше (апостолъ) сказалъ: *всегда побѣдители насъ творящему*; теперь говорить: *во всякомъ мѣстѣ*, — указывая этимъ на то, что всякое мѣсто и время наполнены апостольскими подвигами. При этомъ онъ употребляетъ новую метафору, заимствованную отъ благовоннаго запаха. Мы такъ же, говорить, дѣлаемся всѣмъ извѣстны, какъ и носящіе многоцѣнное мѣро, — называя многоцѣннымъ мѣромъ познаніе (о Христѣ). И не сказалъ просто—

разумъ, но—*воню разума*, потому что именно таково нынѣшнее наше познаніе: не совсѣмъ ясно и не совершенно открыто. Поэтому-то и въ первомъ посланіи онъ говорилъ: *видимъ убо нынѣ зеркаломъ въ гаданіи* (хш, 12), и здѣсь познаніе о Христѣ называетъ *воною разума*. Кто обоняетъ благоуханіе, тотъ знаетъ, что гдѣ-то находится благовонное мѣро; но каково это мѣро само въ себѣ, этого не можетъ знать, если прежде не имѣлъ случая видѣть его. Точно такъ же и мы: знаемъ, что Богъ есть; а что Онъ по существу—этого не знаемъ. Итакъ мы, говорить, подобны царской кадильницѣ; и куда бы ни пошли, всюду источаемъ небесное мѣро и духовное благоуханіе. Говоря такъ, (апостолъ) имѣлъ двоякое намѣреніе: во-первыхъ, хотѣлъ показать силу проповѣди,—именно то, что чрезъ враговъ, строящихъ козни, они только еще болѣе прославляются, поскольку гоненія даютъ возможность всей вселенной видѣть ихъ побѣды и обонять благоуханіе ихъ проповѣди; во-вторыхъ, желалъ убѣдить коринѣянъ мужественно переносить скорби и искушенія, потому что чрезъ это они приобрѣтутъ неизреченную славу еще прежде воздаянія (на небѣ). *Яко Христова благоуханіе есмь Богови въ спасаемыхъ и въ погибающихъ* (ст. 15). Спасается ли кто, говорить, или погибаетъ,—проповѣдь евангельская всегда сохраняетъ свое достоинство. Какъ свѣтъ и тогда, когда ослѣпляетъ слабыхъ зрѣніемъ, остается свѣтомъ, хотя ослѣпляетъ; или какъ медъ, хотя бы казался горькимъ для больныхъ, не перестаетъ быть сладкимъ по природѣ,—такъ точно и благовѣстіе (о Христѣ) всегда сохраняетъ свое благоуханіе, хотя невѣрующіе и погибаютъ. Губить ихъ не благовѣстіе, но собственное ихъ ожесточеніе. И погибелю нечестивыхъ даже особенно обнаруживается благоуханіе проповѣди. Такимъ образомъ, сила благовѣстія обнаруживается не только въ спасеніи добрыхъ, но и въ гибели нечестивыхъ. Такъ и солнце потому особенно и ослѣпляетъ взоры слабыхъ, что свѣтитъ очень ясно. Также и Спаситель, хотя *лежитъ на паденіе и на востаніе многимъ* (Лук. и, 34), однако не перестаетъ быть Спасителемъ и тогда, когда безчисленное множество людей падаютъ. И хотъ пришествіе Его на землю болѣе послужило въ наказаніе для невѣрующихъ,—не смотря на то, оно всегда пребываетъ спасительнымъ. Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говорить: *благоуханіе есмь Богови*; т. е., хотя нѣкоторые изъ слышащихъ благовѣстіе и погибаютъ, однако мы не перестаемъ быть тѣмъ, что мы есть. И не просто сказалъ—*благоуханіе*, но—*Богови*. Если же мы благоуханіе Богу и самъ Богъ такъ опредѣляетъ о насъ, то кто еще будетъ противорѣчить? И слова: *Христова благоуханіе*, по моему мнѣнію, имѣютъ двоякое значеніе. Этимъ (апостолъ) хочетъ ска-

зять или то, что они, повседневно умирая (1 Кор. xv, 31), приносят себя въ жертву Богу, или, что онп—благоуханіе смерти Христовой точно такъ же, какъ бы кто-нибудь сказалъ: этотъ еимамъ точно благоуханіе такой-то жертвы. Итакъ, или въ этомъ послѣднемъ значеніи употребилъ онъ слово *благоуханіе*, или въ первомъ мною сказанномъ, т. е. что (апостолы) повседневно приносили себя въ жертву Богу, для Христа. Видишь ли, до чего онъ возвышалъ искушенія, назвавъ ихъ своимъ торжествомъ, и благоуханіемъ, и жертвою, приносимою Богу? Далѣе, такъ какъ онъ оказалъ: *благоуханіе есмь и въ погибающихъ*, то, чтобы ты не подумалъ, что и погибающіе угодны Богу, присовокупилъ: *оутомъ убо воля смертная въ смерть, оутомъ же воля животная въ животъ* (ст. 16), т. е., обоняя это благоуханіе, одни спасаются, а другіе погибаютъ,—такъ впрочемъ, что если кто погибаетъ, тотъ бываетъ самъ виною своей гибели, потому что и благовонное мвро, говорятъ, удушаетъ свиней, и свѣтъ, какъ я прежде сказалъ, ослѣпляетъ слабыхъ зрѣніемъ. И таково свойство благъ, что они не только усовершенствуютъ сродное имъ, но и губятъ противное; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно обнаруживается ихъ сила. Такъ и огонь, не тогда только, когда свѣтитъ или очищаетъ золото, оказывается огнемъ и обнаруживаетъ свойственную ему силу; но еще болѣе тогда, когда пожигаетъ терніе. И Христосъ явить свое величіе, когда *убіетъ антихриста духомъ устъ Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришестіа Своего* (2 Сол. п, 8). *И къ симъ кто доволенъ?* Такъ какъ (апостоль) сказалъ много великаго и необычайнаго, называя себя и жертвою и благоуханіемъ Христовымъ, и усвоивъ себѣ повсемѣстное торжество, то онъ опять старается умѣрить сказанное, относя все это къ Богу. Поэтому и говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ?* Все это, говоритъ, Христово, и нѣтъ ничего нашего. Видишь ли его отличіе отъ лжеапостоловъ? Послѣдніе хвалятся, что они въ проповѣдь о Христѣ приносятъ нѣчто свое; а онъ, напротивъ, ставитъ въ похвалу себѣ то, что ничего не называетъ своимъ. *Похваленіе наше*, говоритъ, *сіе есть, 431 свидѣтельство совѣсти, яко не въ мудрости плоти, но благодатию Божіею живомъ въ мѣртъ* (2 Кор. i, 12). И какъ тѣ приобрѣтеніе земной мудрости вмѣняли въ похвалу себѣ, такъ онъ, напротивъ, вмѣняетъ себѣ въ похвалу незнаніе ея. Потому и здѣсь говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ?* А если мы сами по себѣ недостаточны для этого, то все происходящее (съ нами и чрезъ насъ) есть дѣло благодати. *Нѣмы бо, якоже прочіи нечисто проповѣдающе слово Божіе* (ст. 17).

3. Хотя мы, говоритъ, и возвѣщаемъ много великаго, однако ничего не присвоаемъ себѣ, напротивъ, все относимъ ко Христу.

Мы не хотимъ подражать лжеапостоламъ, которые много присвояють себѣ самимъ. Это значило бы поступать подобно торгашу, когда онъ поддѣлываетъ вино, или продаетъ за деньги то, что надлежало бы давать даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что (апостолъ) адѣсь осмѣиваетъ и любостяжаніе (лжеапостоловъ) и опять намекаетъ на то, о чемъ я прежде говорилъ, т. е. что они проповѣдуютъ божественное съ примѣсью своего собственнаго. Обличая тотъ же порокъ, и Исаія говорилъ: *корчемники твои мѣшаютъ вино съ водою* (1, 22). Хотя это сказано о винѣ, но не будетъ погрѣшности, если кто отнесетъ это и къ ученію. Не такъ, говоритъ, поступаемъ мы; но что ввѣрено намъ, то и предлагаемъ другимъ, и преподаемъ ученіе чистое—безъ всякой примѣси,—почему и присовокупилъ еще: *но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ*. Мы, говоритъ, не съ тѣмъ проповѣдуемъ, чтобы обманывать васъ,—какъ бы свое даруя вамъ что-нибудь, или отъ себя что-нибудь привнося и примѣшивая,—но *яко отъ Бога*, т. е. не говоримъ, будто мы отъ себя что-нибудь даруемъ вамъ, но утверждаемъ, что все даровалъ Богъ. Выраженіе: *яко отъ Бога* именно и значить—ничѣмъ не хвалиться какъ своимъ, но все приписывать Богу. *Во Христѣ глаголемъ*,—т. е. все говоримъ не отъ нашей мудрости, но просвѣщаемые силою Христовою. Напротивъ, любящіе хвалиться не такъ проповѣдуютъ, но какъ бы привнося что-нибудь свое. Потому и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ), обличая такихъ проповѣдниковъ, говоритъ: *что имашь, егоче нѣси пріять? Аще же и пріять еси, что хвалишися, яко не пріемъ* (1 Кор. iv, 7)?

Самая высокая добродѣтель—приписывать все Богу, и ничего не почитать своимъ, ничего не дѣлать для пріобрѣтенія славы человѣческой, но все—для благоугожденія Богу, потому что Онъ (а не другой кто) потребуетъ отъ насъ отчета. Въ наше же время порядокъ этотъ извращенъ. Нынѣ мы не столько боимся Того, Кто нѣкогда возсядетъ на судилищѣ, и потребуетъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ нашихъ, сколько страшимся тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нами предстанутъ на судъ. Откуда же у насъ эта болѣзнь? Откуда проникла въ наши сердца? Отъ рѣдкаго помышленія о будущемъ и крайней привязанности къ настоящему. Оттого мы такъ легко впадаемъ и въ злыя дѣла; и даже если дѣлаемъ что-нибудь доброе, то дѣлаемъ только напоказъ, такъ что и отсюда для насъ происходитъ вредъ. Ты не одинъ разъ глядѣлъ безстыдными глазами на женщину, и утаилъ это какъ отъ той, на которую посмотрѣлъ, такъ и отъ спутниковъ твоихъ; но ты не скроешь этого отъ Ока, никогда недремлющаго. Еще прежде, чѣмъ человѣкъ совершитъ грѣхъ, Оно уже видѣло въ

душѣ его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движеніе помысловъ. Тотъ, кто все видитъ, 432 не имѣетъ нужды въ свидѣтеляхъ и доказательствахъ. Итакъ, смотри не на подобныхъ тебѣ рабовъ. Если и похвалить дѣла твои человѣкъ, для тебя нѣтъ въ томъ никакой пользы, какъ скоро не приметъ ихъ Богъ; равнымъ образомъ, если и похулить ихъ человѣкъ, нѣтъ въ томъ для тебя никакого вреда, какъ скоро не похулитъ Богъ. Напротивъ, высоко цѣня мнѣніе подобныхъ тебѣ рабовъ, а не страшась и не трепеща негодованія Судіи, смотри, не прогнѣвай Судію. Итакъ, презрѣмъ похвалу человѣческую. Доколѣ станемъ унижаться и пресмыкаться по землѣ? Доколѣ будемъ порываться къ землѣ, когда Богъ влечетъ насъ на небо? Братья Іосифа не сдѣлали бы умысла убить своего брата въ пустынѣ, если бы, какъ должно, имѣли предъ очами своими страхъ Божій (Быт. xxxvii). Равнымъ образомъ и Каинъ, если бы боялся суда Божія, какъ надлежало бояться, не сказалъ бы Авелю: *иди, и поидемъ на поле* (Быт. iv, 8). Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты, жалкій и несчастный, отлучилъ брата своего отъ отпа, и увелъ въ пустыню? Развѣ Богъ не видитъ и на полѣ твоего дерзкаго преступленія? Какъ ты не научился изъ случившагося съ твоимъ отцомъ, что Богъ все видитъ, и присутствуетъ при всѣхъ нашихъ дѣлахъ? Но почему, когда (Каинъ) не признавался въ своемъ преступленіи, Богъ не сказалъ ему: отъ Меня ли Вездѣсущаго и знающаго даже тайныя помышленія ты скрываешь? Потому, что онъ не могъ еще хорошо понимать этихъ свойствъ Божіихъ. Что же сказалъ ему Богъ? *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. iv, 10). Слова эти не то значать, чтобы кровь имѣла голосъ, а сказаны въ томъ же смыслѣ, какъ и мы говоримъ о случаяхъ явныхъ и очевидныхъ: самое дѣло говорить. Итакъ, всегда должно имѣть предъ очами судъ Божій—и все зло угаснетъ. Такимъ же образомъ и во время молитвъ мы можемъ удерживать трезвенное вниманіе, если будемъ помнить, съ кѣмъ бесѣдуемъ, если будемъ представлять, что приносимъ жертву, имѣемъ въ рукахъ ножъ, и огонь и дрова; если, мысленно отверзши двери пеба, тамъ остановимся, и, взявъ духовный ножъ, вонзимъ его въ жертвенное животное, и пожремъ Ему трезвенное вниманіе, и прольемъ предъ Нимъ слезы. Такова кровь этой жертвы; таковымъ закланіемъ долженъ быть обогрѣнъ этотъ жертвенникъ! Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать въ это время твою душу.

4. Припомни, что и Авраамъ при своемъ жертвоприношеніи не позволилъ быть ни женѣ, ни рабу, ни другому кому. Такъ и ты не оставляй при себѣ никакой страсти, свойственной рабамъ,

а не свободнымъ, но одинъ взойди на ту гору, на которую онъ всходилъ, и на которую никому другому всходить не позволено. Если же какіе изъ недостойныхъ помысловъ и будутъ усиливаться, чтобы взойти съ тобою на гору, запрети имъ это, какъ господинъ ихъ, и скажи: *сидите здѣ, азъ же и дитятища поклонившися возвратимся* (Быт. ххп, 5). Все, что есть божескаго и неразумнаго—и осла и рабовъ—оставь при подошвѣ горы; взойди, взявъ съ собою только разумное, какъ онъ—Исаака. И ты, какъ онъ, устрой жертвенникъ, отрѣшившись отъ всего человѣческаго и ставъ выше своей природы;—вѣдь и онъ, если бы не ставъ выше своей природы, не рѣшился бы заклать сына. Наконецъ, 433 ничто пусть не возмущаетъ тебя въ это время, но будь выше самыхъ небесъ. Горько плачь, принеси въ жертву исповѣданіе (грѣховъ), потому что сказано: *заключи ты беззаконія твоя прежде, да оправдаешься* (Ис. хлш, 26). Принеси въ жертву сокрушеніе сердечное. Такія жертвы не превращаются въ пепелъ, не исчезаютъ съ дымомъ; не нужны для нихъ ни дрова, ни огонь, нужно только сокрушенное сердце. Это дрова, это огонь, который объемлетъ дрова пламенемъ, а не сжигаетъ ихъ. Кто съ пламеннымъ усердіемъ молится, тотъ горитъ, и не сгораетъ,—подобно золоту, испытываемому огнемъ, дѣлается только чище и свѣтлѣе.

Вмѣстѣ съ этимъ наблюдай и то, чтобы не говорить въ молитвѣ ничего, что можетъ прогнѣвить твоего Владыку: не приступай къ Нему съ молитвою о погибели враговъ. Если имѣть враговъ есть уже преступленіе, то подумай, какое преступленіе, если молишься о погибели ихъ? Ты долженъ просить прощенія и въ томъ, что имѣешь враговъ; а ты хочешь еще обвинять ихъ? И какъ ты можешь получить прощеніе, когда обвиняешь другихъ, и притомъ въ такое время, когда самъ имѣешь нужду въ великой милости? Ты вѣдь приходишь сюда за тѣмъ, чтобы молиться о прощеніи своихъ грѣховъ: итакъ, не припоминай чужихъ грѣховъ, чтобы не припомнили твоихъ. Если ты, молясь Богу, говоришь: порази врага, то заграждаешь этимъ себѣ уста, и овязываешь себѣ языкъ, во-первыхъ, потому, что въ самомъ началѣ молитвы тотчасъ приводишь въ гнѣвъ Судію, во-вторыхъ, потому, что просишь совсѣмъ не того, о чемъ повидимому молишься. Въ самомъ дѣлѣ, если ты молишься объ отпущеніи грѣховъ, то почему же просишь о наказаніи? Совсѣмъ напротивъ надлежало бы поступать тебѣ,—молиться и за самихъ враговъ, чтобы съ дерзновеніемъ молиться и за себя. А ты теперь, требуя казни грѣшниковъ, осужденіемъ ихъ присвоаешь себѣ мѣсто Судіи, что и дѣлаетъ тебя недостойнымъ никакого помилованія. Когда же будешь молиться за враговъ, то, хотя бы ты ничего не говорилъ

въ молитвѣ о своихъ грѣхахъ, ты все исполнилъ. Припомни, сколько жертвъ указано въ законѣ. Жертва хвалы, жертва исповѣданія, жертва спасенія, жертва очищенія и другія безчисленныя; ни одной нѣтъ противъ враговъ, но каждая за свои грѣхи или даже за добродѣтели. Развѣ ты приступаешь съ молитвою къ другому Богу? Ты приступаешь къ тому же Богу, Который сказалъ: *молитесь за враговъ вашихъ* (Мѡ. v, 44). Какъ же ты вопиешь противъ нихъ? Какъ дерзаешь просить Бога, чтобы Онъ нарушилъ собственный Свой законъ? Эта личина непрлична молящемуся рабу. Всякій долженъ молиться не о гибели другого, но о своемъ спасеніи. Для чего же ты принимаешь на себя видъ молящагося раба, а говоришь какъ обвинитель? Притомъ, когда мы о себѣ молимся, то и почесываемся, и зѣваемъ, и развлекаемся безчисленными помыслами; а о гибели враговъ молимся со всею вниманіемъ. Такъ какъ діаволъ знаетъ, что мы въ это время поднимаемъ мечъ на себя самихъ, то онъ нисколько насъ и не развлекаетъ и не останавливаетъ, чтобы такимъ образомъ больше повредить намъ. Но меня обидѣли и огорчили, скажешь ты? Такъ молись о гибели діавола, который несравненно болѣе всѣхъ обижаешь насъ. Объ этомъ тебѣ и предписано молиться такъ: *избави насъ отъ лукаваго* (Мѡ. vi, 13). Подлинно, онъ одинъ непримиримый нашъ врагъ, а человѣкъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, всегда другъ и братъ нашъ. Итакъ, на діавола всѣ мы должны обращать гнѣвъ свой, о его гибели должны молить 434 Бога, и говорить: сокруши сатану подъ ноги наши, потому что онъ же и людей дѣлаетъ врагами намъ. Если же ты будешь молиться о гибели враговъ, то будешь молиться о томъ, чего хочеть твой непримиримый врагъ, между тѣмъ какъ молитва за враговъ есть молитва противъ него самого. Итакъ, для чего ты, оставивъ настоящаго твоего врага, терзаешь собственные члены, и такимъ образомъ дѣлаешься лютею звѣрей? Ты скажешь: онъ обидѣлъ меня, или отнялъ у меня имѣніе. Но и въ этомъ случаѣ о комъ болѣе должно плакать, о томъ ли, кто потерпѣлъ обиду, или о томъ, кто обидѣлъ? (Объ обидѣвшемъ, потому что) тотъ, кто обогатился чужимъ имѣніемъ, лишился благоволенія Божія, и потерялъ несравненно болѣе, нежели сколько приобрѣлъ,—онъ, слѣдовательно, и есть обиженный. Вотъ почему не противъ него, но за него должно молиться, чтобы Богъ былъ милостивъ къ нему.

5. Смотри, сколько несчастій потерпѣли три отрока, не сдѣлавшіе никакого зла: лишены были отечества и свободы, отведены въ плѣнъ и стали рабами въ странѣ чужой и варварской, наконецъ, безъ вины и напрасно приговорены были на смерть—

за сновидѣніе (котораго волхвы не могли припомнить и объяснить Навуходоносору—Дан. гл. I и II). Что же предпринимали эти три отрока вмѣстѣ съ Данииломъ? О чемъ молились Богу, что говорили? Сокруши Навуходоносора? Сорви съ него діадему? Низвергни его съ престола? Нѣтъ, ничего такого (они не говорили); но—*щедротъ прошаху у Бога* (Дан. п, 18). Также поступали они и тогда, когда ввержены были въ пещь огненную. Не такъ поступаете вы; но терпя несравненно менѣе, нежели тѣ три отрока, и притомъ часто по заслугамъ, вы не престаєте въ молитвѣ всячески проклиная враговъ. Одинъ говоритъ: низвергни (Господи) врага моего, какъ ввергъ ты въ море колесницы фараоновы. Другой говоритъ: порази плоть (врага); иной еще говоритъ: воздай ему на дѣтяхъ его. Ужели не узнаете, что это ваши слова?

Отчего же вы смѣтаетесь? Видишь, какъ смѣшны (проклятія твои), когда въ спокойномъ состояніи вспоминаешь о нихъ! И всякій другой грѣхъ оказывается столь же постыднымъ, когда будешь разсматривать его, отложивъ страсть къ нему. Человѣку, увлекшемуся гнѣвомъ, послѣ напomini слова, пропзнесенныя имъ во гнѣвѣ; онъ покраснѣетъ отъ стыда, будетъ смѣяться надъ самимъ собою, и скорѣе рѣшится терпѣть что угодно, нежели согласится признать ихъ своими. Или, приведи распутнаго къ блудницѣ, съ которой онъ палъ; онъ съ отвращеніемъ будетъ смотрѣть на нее, какъ на женщину непотребную. Такъ и вы теперь, будучи свободны отъ страсти, смѣтаетесь надъ своими словами. Они и достойны смѣха, потому что свойственны пьянымъ старухамъ и малодушнымъ женщинамъ. Іосифъ, проданный братьями, сдѣлавшись рабомъ и вверженный въ темницу, не говорилъ противъ оскорбившихъ его ничего оскорбительнаго. Что же онъ говорилъ? *Краденіемъ украденъ быхъ изъ земли Егрейскія* (Быт. xl, 15). Не упомянулъ даже, чрезъ кого былъ украденъ. Онъ стыдился за злыхъ братьевъ своихъ болѣе, нежели они сами, сдѣлавшіе это. Такія же чувства должны имѣть и мы, и причиняющихъ намъ обиды должны жалѣть болѣе, нежели они сами, потому что весь вредъ переходитъ на нихъ. Подобно тому, какъ вбпвающіе гвозди и тѣмъ гордящіеся достойны сожалѣнія и слезъ за свое безуміе, точно такъ же и обижающіе тѣхъ, которые не сдѣлали имъ никакого зла, достойны болѣе состраданія и слезъ, нежели проклятій, потому что погубляютъ свои души. Подлинно, нѣтъ ничего презрѣннѣе души, которая въ молитвѣ проклиная другихъ, и сквернѣе языка, который приносить (Богу) такія жертвы. Ты человѣкъ,—не изливай же изъ устъ твоихъ яда аспидовъ. Человѣкъ ты,—не будь же звѣремъ. Уста даны тебѣ не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцѣлять язвы другихъ. Вспомни, го-

ворить Богъ, что Я внушалъ тебѣ: оставлять и прощать (согрѣшенія). А ты умоляешь Меня, чтобы и Я былъ тебѣ сообщникомъ въ нарушеніи Моихъ же повелѣній, и смѣдаешь брата, обогрѣешь кровію языкъ свой, подобно бѣшеннымъ, которые своими зубами терзаютъ свои же члены. Думалъ ли ты о томъ, какъ радуется и смѣется діаволъ, когда слышитъ такіа молитвы? Помышлялъ ли, напротивъ, какъ гнѣвается, какъ отвращается и какъ ненавидитъ Богъ, когда ты такъ молишься? Что можетъ быть преступнѣе того, что ты дѣлаешь? Въ самомъ дѣлѣ, если и тому, кто имѣетъ только враговъ, не слѣдуетъ приступать къ тайнствамъ, то какъ не должно возбранить приближаться даже къ преддверію храма тому, кто не только имѣетъ враговъ, но еще и молится о погибели ихъ? Итакъ, сообразивъ сказанное и припомнивъ, что виновникъ жертвы (нами приносимой) принесъ Себя въ жертву за враговъ, постараемся не имѣть враговъ. Если же имѣемъ, то будемъ молиться за нихъ, чтобы и мы, получивъ прощеніе грѣховъ нашихъ, съ дерзновеніемъ могли предстать на судъ Христа, Которому слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Зачинаемъ ли паки насъ самѣхъ извѣщавати вамъ; или ⁴³³требуемъ, якоже нѣцѣи, извѣщавательныхъ посланій къ вамъ, или отъ васъ (2 Кор. ш, 1)?

1. Такъ какъ нѣкоторые могли сказать, что (апостолъ) самъ себя выхваляетъ, то въ предупрежденіе такого обвиненія онъ и говоритъ такъ. Хотя онъ и раньше нѣсколько разъ исправлялъ такую мысль, когда говорилъ: *къ симъ кто доволенъ, и: отъ чистоты глазамъ* (2 Кор. п, 16, 17), тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворяется; таковъ его обычай, чтобы какъ можно дальше отстранять отъ себя ту мысль, будто онъ самъ о себѣ говоритъ что-нибудь великое. Онъ избѣгаетъ этого съ величайшимъ стараніемъ и заботливостію. А ты съ своей стороны замѣть и здѣсь великую мудрость (апостола). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, казавшіяся сами по себѣ непріятными,—я разумѣю его бѣдствія,—онъ такъ возвысилъ и представилъ въ такомъ блескѣ и свѣтѣ, что изъ его описанія могло родиться подобное подозрѣніе. То же дѣлаетъ онъ и далѣе (въ посланіи). Перечисливъ безчисленные бѣдствія, огорченія, тѣсныя обстоятельства, крайнюю нужду и тому подобное, онъ присовокупилъ: *не себе хвалимъ, но ваму*

даемъ вамъ похваленія (v, 12). Но тамъ онъ говоритъ это гораздо сильнѣе и съ большимъ негодованіемъ. Здѣсь слова его: *или требуемъ, якоже нѣцыи, извѣщавательныхъ посланій?*—выражаютъ любовь, тамъ,—какъ это было нужно и полезно,—слова его исполнены и особенной силы и негодованія: *не паки, говорить, себе хвалимъ, но выну даемъ вамъ похваленія; и еще: паки ли мните, яко отетъ вамъ творимъ?* Потому что *предъ Богомъ во Христѣ глаголетъ. Боюся же, еда како пришедь, не лѣжѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете* (xп, 19, 20). Чтобы не подвергнуться укоризнѣ въ лести и домогательствѣ отъ нихъ похвалы, говорить имъ: *боюся, еда како пришедь, не лѣжѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете*. Но все это говоритъ онъ съ большою укоризною; вначалѣ же говоритъ не такъ, но гораздо снисходительнѣе. Что же значать слова его? Выше говорилъ онъ объ искушеніяхъ, опасностяхъ и о томъ, что 436 Богъ во Христѣ повсюду творитъ его побѣдителемъ, и вся вселенная знаетъ о побѣдахъ его. Сказавъ, такимъ образомъ, о себѣ нѣчто великое, онъ и предлагаетъ себѣ этотъ вопросъ: *зачинаемъ ли паки насъ самѣхъ извѣщавати вамъ?* Слова его имѣютъ такой смыслъ: можетъ быть кто-нибудь скажетъ намъ: что это значить, Павелъ? Для чего ты такъ говоришь о самомъ себѣ, для чего превозносишь себя? Въ предупрежденіе подобнаго возраженія онъ и говоритъ: нѣтъ, мы не хотимъ хвалиться и превозносить себя предъ вами; мы столько далеки отъ того, чтобы просить одобрительныхъ о себѣ къ вамъ писемъ, что вы сами служите для насъ вмѣсто письма: *посланіе бо наше, говорить, вы есте* (ст. 2). Что же значить: *вы есте?* Если нужно будетъ намъ рекомендовать себя предъ другими,—мы васъ выставимъ на средину, вмѣсто одобрительнаго письма. То же говорилъ онъ и въ первомъ посланіи: *печать бо моего апостольства вы есте* (1 Кор. ix, 2). Но здѣсь онъ сказалъ не просто, а съ нѣкоторою ироніей, чтобы придать своей рѣчи болѣе силы: *или требуемъ, извѣщавательныхъ посланій?* И имѣя въ виду лжеапостоловъ, присовокупилъ: *якоже нѣцыи, къ вамъ, или отъ васъ извѣстительныхъ посланій, къ другимъ*. Потомъ, такъ какъ сказанное было тяжело для слуха, то далѣе онъ смягчаетъ слова свои, говоря: *посланіе наше вы есте, написанное въ сердцахъ нашихъ, знаемое отъ естъ: являемъ, яко есте посланіе Христова* (ст. 2). Здѣсь онъ не только выражаетъ свою любовь къ нимъ, но и свидѣтельствуетъ о ихъ добродѣтельной жизни, т. е., что они своими добродѣтелями могутъ доказать предъ всѣми достоинство своего учителя. Таковъ смыслъ словъ: *посланіе наше вы есте*. Что сдѣлали бы ваши письма, въ которыхъ стали бы вы одобрять и прославлять насъ,

то самое вы исполняете своею жизнію по вѣрѣ, которую всѣ видятъ и слышатъ. Добродѣтели учениковъ служатъ наилучшимъ украшеніемъ для ихъ наставника, и одобряютъ его лучше всякаго письма. *Написанное въ сердцахъ нашихъ*, т. е., которое всѣмъ извѣстно, потому что мы вездѣ носимъ васъ съ собою и содержимъ въ сердцахъ нашемъ. Какъ бы такъ онъ говорилъ: вы служите намъ одобреніемъ предъ другими, и мы всегда имѣемъ васъ въ сердцахъ своемъ, и предъ всѣми возвѣщаемъ о вашихъ добродѣтеляхъ. А потому не только мы не имѣемъ нужды въ одобрительныхъ отъ васъ письмахъ къ другимъ,—потому что вы служите одобреніемъ нашимъ,—но и для васъ самихъ мы не имѣемъ нужды въ свидѣтельствѣ другихъ,—потому что мы 437 сильно любимъ васъ. Одобрительныя письма нужны къ незнакомымъ, а вы находитесь въ сердцахъ нашихъ. И не просто сказалъ: находитесь, но—*написаны*, т. е. такъ, что не можете изгладиться изъ сердецъ нашихъ. Какъ читая посланія наши, такъ и увѣряясь изъ сердецъ нашихъ, всѣ знаютъ любовь нашу, которую имѣемъ къ вамъ.

2. Итакъ, если письма употребляются для того, чтобы показать, что такой-то мнѣ другъ и пользуется моею довѣренностію, то все это для насъ замѣняетъ ваша любовь. А потому, къ вамъ ли мы идемъ,—не имѣемъ нужды брать одобреніе отъ другихъ, такъ какъ это вполне замѣняетъ ваша любовь къ намъ, или къ другимъ, — опять не имѣемъ нужды брать и отъ васъ одобрительныхъ писемъ, потому что, вмѣсто нихъ, для насъ и здѣсь довольно той же любви. Мы носимъ посланіе въ сердцахъ нашихъ. Потомъ, возводя ихъ къ высшему разумѣнію, называетъ ихъ посланіемъ Христовымъ, говоря: *являемъ, яко есте посланіе Христово* (ст. 5). И сказавъ это, онъ извлекаетъ отсюда поводъ говорить о законѣ; и опять называетъ ихъ посланіемъ своимъ, но въ другомъ смыслѣ. Выше онъ называлъ ихъ посланіемъ потому, что они служатъ для него одобреніемъ; а здѣсь называетъ ихъ посланіемъ Христовымъ, какъ имѣющихъ въ себѣ написаннымъ законъ Божій. Что Богъ благоволилъ открыть всѣмъ и вамъ, все это, говорить, написано въ сердцахъ вашихъ; а мы приготовили васъ къ принятію этихъ писемъ. Какъ Моисей обдѣлалъ камни и скрижали, такъ и мы приготовили души ваши. Потому и говорить: *служеное нами*. Но скажутъ, что и тѣ и другія скрижали равны, потому что и тѣ написаны Богомъ, и эти Духомъ (Божіимъ). Гдѣ же между ними различіе? *Написано, говорить, не черниломъ, но Духомъ Бога жива; не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотныхъ*. А каково различіе между Духомъ и чернилами, и скрижалями каменными и

плотяными, таково же различіе и между тѣми и другими письменами: тѣмъ же различаются и послужившіе (письменамъ новозавѣтнымъ) отъ послужившаго (ветхозавѣтнымъ). Но чтобы не подумали, что онъ сказалъ о себѣ слишкомъ много, онъ тотчасъ и поясняетъ себя, говоря: *надѣянiе же таково имамы Христомъ къ Богу*. И такимъ образомъ опять все приписываетъ Богу, и виновникомъ всего называетъ Христа. *Не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе* (ст. 5). Смотри, вотъ и еще онъ умѣряетъ рѣчь свою. И это оттого, что онъ владѣлъ добродѣтелію смиренія въ высшей степени. И потому, какъ скоро говорить что-нибудь великое о себѣ, тотчасъ старался опять всѣми способами смягчить сказанное. Это дѣлаетъ онъ и здѣсь, когда говоритъ: *не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе*. То есть, я не сказалъ: *надѣянiе имамы таково*, по которому одно усвоаемъ себѣ, а другое Богу; напротивъ, такое, которымъ все возлагаемъ на Бога и Ему вмѣняемъ, потому что *довольство наше отъ Бога, иже и удоволи насъ служители быти нову завету* (ст. 6). Что значить—удоволи? То, что Богъ сдѣлалъ насъ способными къ такому служенію. Не малое дѣло—сообщить вселенной такія скрижали и письмена, которыя гораздо важнѣе первыхъ. Потому и присовокупилъ: *не письмене, но Духу*. Вотъ еще новое различіе (ветхихъ и новыхъ скрижалей). Какое же? Развѣ ветхій законъ не былъ духовенъ? Какъ же говорить (тотъ же апостолъ): *вѣтъмы, яко законъ духовенъ есть* (Рим. VII, 14)? Онъ былъ духовенъ, но не подавалъ Духа, потому что Моисей принесъ не Духъ, а письмена, а мы увѣрены, что подаемъ Духа. Показывая это яснѣе, далѣе и говоритъ: *писма убиваетъ, а Духъ животворитъ*. И говоритъ это не безъ цѣли, но для того, чтобы обличить тѣхъ, которые тщеславились исполненіемъ іудейскихъ обрядовъ. Письменемъ онъ называетъ здѣсь законъ, угрожающій наказаніемъ согрѣшающимъ, а духомъ—благодать, чрезъ таинство крещенія животворящую умерщвленныхъ грѣхами. Показавъ, такимъ образомъ, различіе тѣхъ и другихъ скрижалей изъ самаго ихъ существа, онъ не останавливается на этомъ; но продолжаетъ далѣе раскрывать это различіе и притомъ съ такой стороны, съ которой сильнѣе можетъ увлечь слушателя, — т. е. со стороны животворности и легкости (последнихъ). Новый заветъ, говоритъ онъ, и не труденъ, и даруетъ большую благодать. Если онъ, рассуждая о Христѣ, выставляетъ особенно то, что болѣе принадлежитъ Его челоувѣколюбію, нежели достоинству, или что принадлежитъ и тому и другому вмѣстѣ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ такъ говорить, рассуждая о Его заветѣ. Итакъ, что значать слова: *писма убиваетъ*? Прежде онъ сказалъ, что одинъ за-

вѣтъ написанъ на скрижаляхъ каменныхъ, а другой—на сердцахъ плотяныхъ. Но ему показалось, что такое различіе еще не велико, а потому присовокупилъ, что прежній завѣтъ написанъ былъ буквами и чернилами, а новый—Духомъ. Но такъ какъ и это различіе еще не вполне могло возбудить его слушателей, то онъ указываетъ, наконецъ, нѣчто такое, что могло окрылить ихъ,—именно то, что *писма убиваетъ, а Духъ животворитъ*.

3. Что же это значить? По (ветхому) закону грѣшникъ подвергается наказанію; а здѣсь (по новому) грѣшникъ прибѣгаетъ къ крещенію и становится праведнымъ, содѣлавшись же праведнымъ, онъ оживаетъ, освобождается отъ смерти грѣха. Законъ, если поймаетъ убійцу, то осуждаетъ его на смерть, а если благодать настигнетъ убійцу, то освящаетъ и оживляетъ его. Но что я говорю объ убійцѣ? Законъ и того схватилъ и побилъ камнями, который собиралъ дрова въ субботу (Числ. xv, 32—36). Вотъ что значить: *писма убиваетъ*! Напротивъ, благодать ловить безчисленныхъ человѣкоубійцъ и разбойниковъ, и, омывая ихъ водами крещенія, разрѣшаетъ отъ прежнихъ золъ. Вотъ что значить: *Духъ животворитъ*! Законъ кого поймаетъ, того изъ живого дѣлаетъ мертвымъ; а благодать содѣлываетъ живымъ преступника изъ мертваго. *Приидите ко Мнѣ* (говоритъ она) *еси труждающіися и обремененнии, и Азъ, не говорю—накажу васъ, но упокою вы* (Мѣ. xi, 28). Въ крещеніи погребаются грѣхи, заглаждаются прежнія неправды, человѣкъ оживаетъ, и всякая благодать напечатлѣвается въ его сердцахъ, какъ на скрижали. Итакъ, помысли, сколь велико преимущество Духа, когда и скрижали Его превосходятъ первыхъ, когда Онъ показываетъ и нѣчто высшее даже самаго воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, та смерть, отъ которой Онъ освобождаетъ, гораздо опаснѣе первой смерти, и настолько опаснѣе, насколько душа превосходитъ тѣла, и естественная жизнь держится тою жизнію, которую даетъ Духъ. Если же Онъ можетъ даровать эту высшую жизнь, то тѣмъ болѣе можетъ дать низшую; эту послѣднюю давали и пророки, а той никогда,—потому что никто не можетъ отпустить грѣховъ, кромѣ одного Бога (Лук. v, 21). Но и низшей жизни пророки не могли бы сообщать безъ того же Духа. И не только то удивительно, что Духъ животворитъ, но и то еще, что Онъ даровалъ и другимъ силу животворить. *Приимите Духъ Святъ*, говоритъ (Господь) (Іоан. xx, 22). Для чего же? Развѣ безъ Духа нельзя было? Богъ говоритъ это для того, чтобы показать, что (Духъ) имѣетъ высочайшую власть, ту же царскую сущность и ту же силу. Для того и присовокупляетъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся, и имже держите, держатся* (ст. 28). И вотъ, такъ какъ (Духъ Святый) живо-

творилъ насъ, то и сохранимъ эту жизнь, и не станемъ опять возвращаться къ прежней мертвости. *Христосъ тому уже не умираетъ. Еже бо умре, грѣху умре единою* (Рим. vi, 9, 10). И не хочеть, чтобы мы всегда ожидали спасенія только отъ благодати: иначе мы будемъ лишены всего; Онъ хочеть, чтобы и съ нашей стороны привнесено было что-нибудь. Позаботимся же привести что-нибудь, и соблюдемъ жизнь души.

А въ чемъ состоитъ жизнь души, это можешь узнать изъ жизни тѣла. Тѣло мы называемъ живымъ тогда, когда оно находится въ здоровомъ состояніи. Когда же оно находится въ разслабленіи и имѣетъ беспорядочное движеніе, то хотя оно видимо и живетъ и движется, но такая жизнь бываетъ хуже всякой смерти. Также если (человѣкъ) ничего не говоритъ здраваго, но произносить слова свойственныя безумнымъ, и превратно видитъ предметы, то опять имѣющій такое тѣло гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели умершій. Такъ и душа, если не имѣетъ ничего здраваго, если, напримѣръ, смотреть на золото не какъ на золото, но какъ на нѣчто великое и важное, если ни мало не помышляеть о будущемъ, но пресмыкается долу и дѣлаетъ то, чего не надлежало бы ей дѣлать,—такая душа хотя бы и казалась живою, она умерла. Изъ чего мы познаемъ, что имѣемъ душу? Не изъ дѣйствій ли свойственныхъ душѣ? Но если она не дѣлаетъ того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, напр., она не заботится о добродѣтели, но похищаетъ чужое и беззаконничаетъ, то почему я могу сказать, что ты имѣешь душу? Потому ли, что ты ходишь? Но это свойственно и неразумнымъ животнымъ. Потому ли, что ѣшь и пьешь? Но и звѣри ѣдятъ и пьютъ. Потому ли, что ты стоишь въ прямомъ положеніи и на двухъ ногахъ? Но изъ этого я болѣе вижу, что ты звѣрь въ человѣческомъ образѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты по всему прочему сходеиъ съ звѣремъ, и отличаешься отъ него только прямымъ положеніемъ, то этимъ ты только еще болѣе возмущаешь и поражаешь меня, и я, смотря на тебя, скорѣе сочту тебя за чудовище. Если бы я увидѣлъ звѣря, говорящаго человѣческимъ языкомъ, то не сказалъ бы по одному этому, что онъ человѣкъ, но почелъ бы его по этому самому болѣе страннымъ предъ другими звѣрями. Итакъ, откуда же могу я узнать, что ты имѣешь душу человѣческую? Когда ты лягаешься какъ осель, когда злопамятенъ какъ верблюдъ, когда кусаешься какъ медвѣдь, когда хищенъ какъ волкъ, когда крадешь какъ лисица, когда коваренъ какъ змѣй, когда безстыденъ какъ пѣсъ, — какъ я могу узнать, что ты имѣешь человѣческую душу? Хотите, я покажу вамъ душу мертвую и живую. Обратимся опять къ древнимъ му-

жамъ, и, если угодно, представимъ того богатаго, который жилъ во дни Лазаря, чтобы узнать намъ, въ чемъ состоитъ смерть души. Что этотъ богачъ имѣлъ душу мертвую, это видно изъ дѣлъ его. Онъ не сдѣлалъ ничего, что показывало бы въ немъ 440 разумную душу; а только ѣлъ, пилъ и веселился.

4. Есть и нынѣ такіе же немилосердые и жестокие люди. И они, подобно этому богачу, имѣютъ мертвую душу,—потому что они убили въ себѣ всю ту теплоту, какая происходитъ отъ любви къ ближнимъ, и душа ихъ мертвѣе бездушнаго тѣла. Но не таковъ былъ нищій: онъ просіялъ, какъ взошедшій на самый верхъ любомудрія. Борясь непрестанно съ голодомъ, и не имѣя даже самой необходимой пищи, онъ не произнесъ на Бога ни одного хульнаго слова, но все переносилъ великодушно. А это немало-важное дѣло души, и даже самое сильное доказательство ея крѣпости и здравія. Когда же не видно въ душѣ такихъ добродѣтелей,—явный признакъ, что онъ пропалъ отъ ея мертвости. Не должны ли мы, скажи мнѣ, называть мертвою ту душу, которая, когда нападаетъ на нее діаволь, бьетъ ее, терзаетъ, грызетъ, топчетъ,—всего этого не чувствуетъ, спитъ, какъ мертвая, и не скорбитъ о расхищеніи своего достоянія: діаволь терзаетъ ее, а она остается неподвижною, подобно бездыханному тѣлу, и не чувствуетъ этого. Когда въ душѣ нѣтъ страха Божія и попеченія о своемъ спасеніи, то она необходимо дѣлается таковою, и еще хуже всякаго трупа. Душа не превращается подобно тѣлу въ гнилую жидкость, въ грязь и въ прахъ, но,—что еще отвратительнѣе,—въ пьянство, въ злобу, любостязаніе, въ гнусную любовь, въ преступныя пожеланія. Если же ты еще яснѣе хочешь видѣть гнусность порочной души, то очисти душу твою, и тогда ясно увидишь, какъ отвратительна (душа) оскверненная и нечистая. Теперь ты увидишь этого не можешь потому, что, когда мы остаемся съ привычкою къ нечистотѣ, тогда не чувствуемъ ея; но когда станемъ питаться духовными глаголами, тогда поймемъ, какъ велико это зло—нечистота душевная,—хотя для многихъ это и кажется безразличнымъ. Я не буду говорить теперь о гееннѣ; но, если угодно, посмотримъ на порочнаго человѣка еще здѣсь—на землѣ, и притомъ не на того, который гнусно дѣлаетъ, но который только говоритъ гнусное,—какъ онъ смѣшенъ, сколько онъ обижаетъ прежде всего самого себя, и какъ онъ, подобно изблевающему изъ устъ тину, дѣлаетъ себя отвратительнымъ. Если же струя такъ отвратительна, то подумай, какъ отвратителенъ долженъ быть источникъ этой тины: *отъ избытка бо сердца уста глаголютъ* (Мѡ. хii, 34). Но я не объ этомъ только скорблю, а еще больше о томъ, что нѣкоторымъ это даже не кажется и по-

стыднымъ. Отсюда-то и умножается всякое зло, т. е., когда мы грѣшимъ, и между тѣмъ думаемъ, что не грѣшимъ.

Итакъ, хочешь ли знать, сколь великое зло—говорить срамное и постыдное? Всмотрись, какъ краснѣютъ отъ твоего безстыдства тѣ, которые тебя слушаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть хуже и презрѣннѣе человѣка, безстыдно срамословящаго? Такіе включаютъ себя въ разрядъ скомороховъ и распутныхъ женщинъ. Вѣрнѣе же сказать, и распутныя женщины имѣютъ больше стыда, чѣмъ вы. Какъ же ты можешь научить цѣломудрію жену, когда безстыдными глазами возбуждаешь ее идти въ распутство? Лучше извергать гнилость изъ рта, нежели сквернословіе. Если у тебя дурно пахнетъ изъ рта, то ты не прикасаешься къ общей трапезѣ; но когда въ душѣ твоей такой смрадъ, скажи мнѣ, какъ ты дерзаешь приступать къ тайнамъ Господнимъ? Если бы кто, взявъ нечистый сосудъ, положилъ его на 441 твоей трапезѣ, такого ты, избивъ палками, прогналъ бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогнѣвать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божія, когда мы приобщаемся таинства евхаристіи) приносишь слова гнуснѣйшія всякаго нечистаго сосуда? Дз и какъ можетъ быть иначе? Ничто такъ не прогнѣвываетъ Его, Святѣйшаго и Чистѣйшаго, какъ такія слова; ничто не дѣлаетъ людей столь наглыми и безстыдными, какъ когда они говорятъ и слушаютъ подобныя слова; ничто такъ легко не разстраиваетъ нервы цѣломудрія, какъ возгорающійся отъ такихъ словъ пламень. Богъ вложилъ въ уста твои благовопіе, а ты влагаешь въ нихъ слова, зловоннѣе всякаго трупа, убиваешь самую душу и содѣлываешь ее нечувствительною. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты поносишь кого-нибудь, это голосъ не души, но твоего гнѣва; когда срамословишь, то не она такъ говорить, но твое безразсудство; когда злословишь—это говорить ненависть; когда обманываешь—это дѣло любостыжанія: все это не душѣ принадлежитъ, но страстямъ и болѣзнямъ души. По- 442 добно тому, какъ тлѣніе не принадлежитъ собственно тѣлу, но смерти и страстямъ, живущимъ въ тѣлѣ, такъ и эти пороки принадлежатъ прившедшимъ въ душу страстямъ. Если хочешь слышать голосъ души живой, то послушай, что говоритъ Павелъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ. Есть же снисканіе велие благочестіе* (1 Тим. vi, 8, 6). Также: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. vi, 14). Послушай, что говоритъ и Петръ: *сребра и золота нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (Дѣя. iii, 6). Послушай Іова, который благодаритъ Бога, и говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. i, 21). Вотъ слова души живой, которая выражаетъ въ нихъ ей принадлежащія силу и дѣйствіе. Подобнымъ

образомъ и Іаковъ говорилъ: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти, и ризы облещися* (Быт. ххviii, 20); такъ же говорилъ Іосифъ: *како сотворю глаголь злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. хххix, 9)? Но не такъ говорила та пьяная и неистовая жега, когда сказала: *ляги со мною* (Быт. хххix, 12). Итакъ, узнавъ все это, поревнуемъ душѣ живой и будемъ убѣгать души мертвой, чтобы такимъ образомъ получить намъ жизнь будущую, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

Аще ли же служеніе смерти писмены образовано въ каменехъ, бысть въ славу, яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеово, славы ради лица его престающія: како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ (2 Кор. iii, 7, 8)?

1. (Апостолъ) сказалъ, что Моисеевы скрижали были каменные и начертаны буквами, а (новозавѣтныя) скрижали, т. е.) сердца апостоловъ плотянныя и написаны Духомъ; сказалъ также, что *писма убиваетъ, а Духъ животворитъ*. Оставалось наконецъ присоединить къ этому сравненію еще нѣчто немаловажное, именно о славѣ лица Моисеева, каковой славы никто не видѣлъ въ новомъ завѣтѣ тѣлесными очами. Потому первая и казалась великою славой, такъ какъ поражала чувства и созерцаема была тѣлесными очами, хотя вмѣстѣ была и недоступна. А слава новаго завѣта есть духовная. Но постиженіе этого превосходства послѣдней недоступно было для немощныхъ; потому та (ветхозавѣтная) слава болѣе восхищала и привлекала ихъ къ себѣ. И такъ какъ онъ допустилъ уже такое сравненіе, то старается показать и превосходство (новозавѣтной славы). Но такъ какъ это было очень трудно по причинѣ немощи слушателей, то смотри, что онъ дѣлаетъ и какой способъ употребляетъ для достиженія своей цѣли: сперва онъ показываетъ это различіе и превосходство чрезъ умозаключенія, которыя извлекаетъ изъ выше-сказаннаго. Если то (ветхозавѣтное) служеніе, говорить, было служеніе смерти, а это (новозавѣтное) есть служеніе жизни, то несомнѣнно, что и слава послѣдняго служенія больше славы перваго. Такъ какъ онъ не могъ представить ея (новозавѣтной славы) очамъ тѣлеснымъ, то превосходство ея и показалъ чрезъ умозаключеніе, говоря: *аще ли же служеніе смерти бысть во славу:*

како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славу, разумѣя подѣ
 412 служеніемъ смерти законъ. И смотри, какую великую осторож-
 ность наблюдаетъ онъ въ сравненіи, чтобы не подать какого-ни-
 будь повода еретикамъ. Онъ не сказалъ: (законъ) виновникъ
 смерти, но: *служеніе смерти*, такъ какъ законъ служить къ смерти,
 а не породилъ смерти. Виновникъ смерти былъ грѣхъ; а законъ
 подвергъ осужденію за грѣхъ, и только обнаружилъ грѣхъ, а не
 произвелъ его; онъ яснѣе открылъ зло, и только наказывалъ за
 зло, а не побуждалъ къ злу; и служилъ не для того, чтобы про-
 изводить грѣхъ или смерть, но чтобы наказывать того, кто грѣ-
 шить. А такимъ образомъ онъ былъ вмѣстѣ и истребителемъ
 грѣха.

Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ показывалъ грѣхъ столь страш-
 нымъ, то, очевидно, этимъ заставлялъ и убѣгать его. Какъ тотъ,
 кто беретъ въ руки мечъ и умерщвляетъ осужденнаго, служить
 только орудіемъ судьи, произносящаго приговоръ, и хотя онъ
 умерщвляетъ, однако, не есть убійца, равно какъ и тотъ, кто
 произноситъ приговоръ и осуждаетъ виновнаго, но виною смерти
 есть преступленіе наказываемаго,—такъ и здѣсь не законъ умерщ-
 вляетъ, но грѣхъ. Онъ и умерщвлялъ и осуждалъ; законъ же,
 наказывая преступника, отнималъ силу у грѣха, укрощая его
 страхомъ наказанія. Но (апостолъ) не удовлетворился однимъ
 только этимъ сравненіемъ, чтобы убѣдить въ превосходствѣ (но-
 ваго завѣта), но присовокупилъ и другое нѣчто, сказавъ: *писме-
 ны образовано въ каменихъ*. Смотри, какъ онъ опять низлагаетъ
 іудейскую гордость. Въ самомъ дѣлѣ, законъ былъ не что иное,
 какъ письмена. А письмена никакой помощи, въ родѣ того какъ
 бываетъ въ крещеніи, не доставляли и не сообщали находящимся
 подъ закономъ; но скрижали и начертанія приносили смерть пре-
 443 ступающимъ письмена. Видишь ли, какъ онъ исправляетъ іудей-
 ское любопреніе, и самими наименованіями отнимаетъ превос-
 ходство у закона, называя его то *каменъ*, то *письменами*, то *служи-
 ниемъ смерти*, и еще образованнымъ или начертаннымъ. Этимъ онъ
 показываетъ или то, что законъ привязанъ къ извѣстному только
 мѣсту, а не такъ, какъ духъ, который присутствуетъ вездѣ, и во
 все вдыхаетъ великую силу; или то, что письмена дышатъ ве-
 лическими угрозами, и такими угрозами, которыя не могутъ быть
 уничтожены, но всегда остаются какъ вырѣзанныя на камнѣ.
 Потомъ, хотя повидимому и хвалить древній (законъ), но тутъ
 же вмѣстѣ и обличаетъ опять грубость іудеевъ. Сказавъ: *писме-
 ны образовано въ каменихъ, бысть въ славу*, присовокупилъ: *яко не
 мощи свирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеево*, что обли-
 чало въ нихъ великую слабость и плотность. И опять говорить,

что (іудеи) не могли взирать не ради славы скрижалей, но *ради славы лица его престающія*. Этими словами онъ показываетъ, что не скрижали прославлены были славою, а тотъ, кто принесъ скрижали. Онъ не сказалъ, что они не могли взирать на скрижали, а говорить: *на лице Моисеево*, равно какъ и не ради славы скрижалей, но *ради славы лица его*. Но превознесши эту славу, смотри, какъ онъ опять унижаетъ ее словомъ—*престающія*. Впрочемъ, этимъ словомъ онъ не унижаетъ Моисея, а только показываетъ временность славы его. Онъ не сказалъ, что она есть какая-нибудь нечистая или худая, но сказалъ только, что она престающая и имѣющая конецъ. *Какое не множаетъ паче служеніе Духа будетъ въ славу?* Теперь онъ уже съ дерзновеніемъ высказываетъ превосходство новаго завѣта, какъ уже не подлежащее сомнѣнію. И смотри, что онъ дѣлаетъ,—камень противопоставляетъ сердцу, а письма духу. Потомъ, указавъ на слѣдствія, которыя должны произойти отъ того и другого (завѣта), онъ еще не сказываетъ, что дѣйствительно произошло отъ того и отъ другого; но показавъ слѣдствіе письма, т. е. смерть и осужденіе, умалчиваетъ еще о плодахъ Духа—жизни и правдѣ, а говорить только о самомъ Духѣ,—что подало ему случай къ большому распространенію рѣчи. Новый завѣтъ не только даровалъ жизнь, но и сообщилъ Духа, дающаго жизнь,—что важнѣе самой жизни. Поэтому онъ и сказалъ: *служеніе Духа*. Потомъ опять возвращается къ тому же, говоря: *еще бы служеніе осужденія слава* (ст. 9).

2. Показывая яснѣе значеніе словъ: *писма убиваетъ*, (апостолъ) говорить то, что мы именно сказали уже выше, т. е., что законъ только открываетъ грѣхъ, а не производитъ его. *Множася паче избыточествуетъ служеніе правды въ славу*. Тѣ скрижали открывали только грѣшниковъ, и наказывали ихъ; а это (служеніе правды) не только не наказываетъ грѣшниковъ, но и дѣлаетъ ихъ праведными, потому что крещеніе даруетъ это (оправданіе). *Ибо не прославіся прославленное въ части сей, за превосходящую славу* (ст. 10). Сперва онъ показалъ, что и это (служеніе оправданія) въ славу, и не только въ славу, но и преизбыточествуетъ (славою). Онъ не сказалъ уже (какъ выше): не гораздо ли болѣе служеніе Духа будетъ въ славу; но—*избыточествуетъ въ славу*, выводя это изъ вышесказанныхъ умозаключеній. Теперь показываетъ уже, и какъ велико это превосходство, говоря: если я сравню эту (славу) съ тою (ветхозавѣтною), то слава ветхаго завѣта не будетъ даже славою. Однако этимъ онъ не вовсе отнимаетъ славу (у ветхаго завѣта); но такъ говорить о немъ сравнительно, почему и присоединилъ: *въ части сей*, т. е. сравнительно. 444 И говоря такъ, онъ не осуждаетъ ветхаго завѣта, напротивъ, еще

одобряетъ его, потому что сравниваются обыкновенно вещи, въ чемъ-нибудь сродныя. Далѣе онъ приводитъ еще другое умова-
 ключеніе, инымъ образомъ показывающее превосходство (новаго
 завіѣта). Какое же именно? Заимствованное отъ времени: *аще бо
 престающее славою, много паче пребывающее въ славу* (ст. 11). То
 (ветхозавѣтное служеніе) прекратилось, а это постоянно пребы-
 ваетъ. *Имуще убо таково упованіе, многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ*
 (ст. 12). Такъ какъ слушатель, услышавъ столь много важнаго о
 новомъ завіѣтѣ, желалъ бы и видѣть эту славу собственными
 очами, то смотри, какъ онъ обращаетъ его къ будущему вѣку.
 Для этого онъ и выставляетъ на видъ надежду, говоря: *имуще
 убо таково упованіе. Таково*—какое же? То, что мы удостоились
 большаго, нежели Моисей, и не только мы—апостолы, но и всѣ
 вѣрующіе. *Многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ*. Предъ кѣмъ, скажи?
 Предъ Богомъ, или предъ учениками? Предъ вами, говоритъ,
 которымъ проповѣдуемъ мы, т. е. мы ведемъ проповѣдуемъ съ
 свободою, ничего не скрывая, безъ всякаго притворства, ничего
 не опасаясь, но говоря ясно, и не боимся поразить ваши взоры,
 подобно тому какъ Моисей поражалъ взоры іудеевъ. А что онъ
 именно это хотѣлъ сказать, увидимъ далѣе. Но прежде надобно
 рассказать самую исторію, потому что и самъ (апостоль) посто-
 янно обращается къ ней. Какова же это исторія? Когда Моисей,
 получивши въ другой разъ скрижали, сошелъ съ горы, то нѣ-
 которая слава, исходящая отъ лица его, такъ сіяла, что іудеи не
 могли приблизиться къ нему и говорить съ нимъ, доколѣ онъ
 не положилъ покрывала на лицо свое. Объ этомъ въ книгѣ Исхода
 написано такъ: *сходящу Моисею съ горы, объ скрижали въ руку
 его, и Моисей не видѣше, яко прославися зракъ плоти лица его: и
 убояшася приступити къ нему. И воззва изъ Моисей, и глагола къ
 нимъ. И егда преста глаголя къ нимъ, возложи на лице свое покровъ.
 Егда же вхождаше глаголати предъ Господа, снимаше покровъ, дон-
 деже исхождаше* (Исх. xxxiv, 29—34). Приведа на память эту исто-
 рію, (апостоль) говоритъ: *и не якоже Моисей полагаше покрывало
 на лицѣ своемъ, за еже не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на
 конецъ престающаго* (ст. 13). Эти слова его имѣютъ такой смыслъ:
 намъ не нужно покрывать себя подобно Моисею: вы можете смо-
 трѣть на ту славу, которою мы окружены, хотя она гораздо бо-
 лѣе и свѣтлѣе той (Моисеевой). Видишь ли преуспѣяніе (учени-
 ковъ)? Въ первомъ посланіи онъ сказалъ: *млекою вы напоихъ, не
 брашною* (ш, 2); а здѣсь говоритъ: *многимъ дерзновеніемъ дѣйству-
 емъ*, и выводитъ на сцену Моисея, продолжая говорить о немъ
 сравнительно, и такимъ образомъ, возводя слушателей къ выс-
 шему. И во-первыхъ, онъ поставляетъ ихъ выше іудеевъ, когда

говорить, что мы (апостолы) не имѣемъ нужды въ покрывалѣ, какъ Моисей предъ народомъ своимъ. А потомъ возводитъ ихъ и въ одно достоинство съ (ветхозавѣтнымъ) законодателемъ, или даже еще и выше. Послушаемъ же теперь, что онъ говоритъ далѣе. *Но ослѣпнишася помышленія ихъ: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завета пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаесть* (ст. 14). Смотри, къ чему онъ направляетъ рѣчь свою. Что тогда однажды произошло съ Моисеемъ, то навсегда осталось на законѣ его. Впрочемъ, сказанное относится не къ обвиненію закона, равно какъ и не къ обвиненію Моисея, что онъ тогда покрывалъ себя, но (къ обвиненію) грубости іудеевъ. Законъ имѣеть свойственную ему славу, но іудеи не могли видѣть ея. Итакъ, чему вы удивляетесь, говорить, если они не могутъ видѣть благодатной славы, когда они не видѣли меньшей славы Моисея, не могли смотрѣть на лицо его? Что смущаетесь, если они не вѣруютъ во Христа, когда они не вѣрятъ и закону? Потому они и не познали благодати, что не познали ни ветхаго завета, ни славы его. Слава же закона—приводить ко Христу.

3. Видишь ли, какъ онъ и здѣсь нислагаетъ гордость іудеевъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ они думали имѣть преимущество въ славѣ лица Моисеева, то самое онъ обращаетъ въ обличеніе ихъ невѣжества и грубости. Итакъ, пусть они не хвалятся этимъ: какая похвала и слава для іудеевъ въ томъ, чѣмъ они не могли наслаждаться? Вотъ почему онъ такъ часто и обращается къ этому предмету,—то говоря, что *тожде покрывало во чтеніи ветхаго завета пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаесть*; то, что *даже до днесь, онегда чтется Моисей, тожде покрывало на сердцѣ ихъ лежитъ*,—показывая, что оно лежитъ и на чтеніи и на сердцѣ ихъ. А выше онъ сказалъ еще: *яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеево славы ради лица его престающія*. Что можетъ быть хуже этого, когда они не могутъ взирать на славу не только преходящую, но даже въ сравненіи съ новозавѣтною почти не существующую, когда она сокрыта отъ нихъ, чтобы они не видали кончины преходящаго, т. е. закона, который имѣеть конецъ? *Но ослѣпнишася помышленія ихъ*. А какая связь этого (ослѣпленія) съ тогдашнимъ покрываломъ, скажетъ кто-нибудь? Та, что оно предзнаменовало будущее. Не только тогда они не видѣли закона, но и нынѣ не видятъ его. И причина этого въ нихъ самихъ, потому что ослѣпленіе зависитъ отъ нечувствительнаго и грубаго сердца. Только мы теперь видимъ законъ, а отъ нихъ сокрыты—не только благодать, но и самый законъ. *Ибо даже до сего дне, говорить, тожде покрывало во чтеніи*

ветхаго завіта перебуває не откровенно, але о Христі перестає. Слова его имѣють слѣдующій смыслъ: (іудеи) не знаютъ, что это покрывало уничтожилось, потому что не вѣрують во Христа. Въ самомъ дѣлѣ, если оно чрезъ Христа уничтожено, какъ и дѣйствительно уничтожено, о чемъ предсказалъ еще напередъ и самый законъ, то какимъ образомъ не принявшіе Христа, Который отмѣнилъ законъ, могутъ узнать, что этотъ законъ отмѣненъ? Но если они не знаютъ этого, то, очевидно, не знаютъ и силы са-
 446 маго закона, который говоритъ объ этомъ, и всей его славы. Но ты спросишь: гдѣ же сказалъ законъ, что онъ во Христі имѣеть конецъ? Онъ не только сказалъ объ этомъ, но и на самомъ дѣлѣ показалъ. И во-первыхъ, показалъ тѣмъ, что всѣ жертвы и всякое освященіе заключить въ одномъ мѣстѣ—въ храмѣ, и этотъ самый храмъ послѣ разрушилъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не хотѣлъ отмѣнить эти жертвы и всѣ законы о жертвахъ, то онъ сдѣлалъ бы одно изъ двухъ: или не разрушилъ бы храма, или, и разрушивъ его, не запретилъ бы приносить жертвы въ другихъ мѣстахъ. Теперь же онъ сдѣлалъ невозможными такіа священнодѣйствія какъ во всей вселенной, такъ и въ самомъ Іерусалимѣ. Назначивъ мѣстомъ для нихъ только одинъ храмъ іерусалимскій, а послѣ и тотъ разрушивъ, законъ самымъ дѣломъ показалъ, наконецъ, что постановленія законныя прекратились во Христі,—Христосъ осудилъ и храмъ на разореніе. Если же ты изъ самыхъ словъ желаешь видѣть, какъ законъ долженъ получить конецъ чрезъ Христа, то послушай самого законодателя, который такъ говоритъ: *пророка вамъ воздвизнетъ Господь отъ братіи вашей, якоже мене, того послушайте во всему, елика аще речетъ къ вамъ: и будетъ, всяка душа, яже аще не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей* (Втор. xviii, 15, 18; Дѣян. iii, 22, 23). Видишь ли, какимъ образомъ законъ показалъ, что онъ во Христі имѣеть конецъ? Этотъ пророкъ, т. е. Христосъ по плоти, Котораго Моисей велѣлъ слушать, отмѣнилъ и субботу, и обрѣзаніе, и всѣ ветхозавѣтныя обряды. И Давидъ, предвозвѣщающа то же самое, сказалъ о Христі: *Ты ісрей во отъ по чину Мельхиседекову* (Псал. cix, 4), а не по чину Ааронову. Потому и Павелъ, толкуя это мѣсто, ясно сказалъ, что *предлагасму священствоу, по нужди и закону претяженіе бываєтъ* (Евр. vii, 12). И въ другомъ мѣстѣ говорить еще: *жертвы и приношенія не восхотѣхъ еси, всесожженій и жертвъ о грѣхъ не благоволихъ еси. Тогда рече: се иду* (Евр. x, 5—7). Кромѣ этихъ, можно привести и многія другія свидѣтельства изъ ветхаго завіта, которыя показываютъ, какимъ образомъ законъ получаетъ конецъ во Христі. Такимъ образомъ, когда ты оставляешь (ветхій) законъ, тогда хорошо ра-

зумѣешь законъ; а пока продолжаешь держаться его и не вѣруешь во Христа, то не знаешь и самаго закона. Потому-то (апостоль), желая показать это яснѣе, и говорить далѣе: *но даже до днесь, онегда чтется Моисей, покрывало на сердце ихъ лежитъ* (ст. 15). Такъ какъ (апостоль) сказалъ, что въ чтеніи ветхаго завѣта остается покрывало, то, чтобы кто не подумалъ, что эти слова означаютъ темноту закона, онъ и прежде, хотя и другими словами, старался показать это (именно словами: *ослѣпшиися помысленія ихъ* онъ показываетъ, что виноваты сами іудеи), и теперь въ самомъ этомъ изреченіи показываетъ то же. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ, что на буквѣхъ пребываетъ покрывало, а— *во чтеніи*, чтеніе же есть дѣло тѣхъ, кто читаетъ; равно какъ говорятъ: *онедна чтется Моисей*. Всего же яснѣе онъ показалъ это, сказавъ прямо, что это *покрывало лежитъ на сердце ихъ*. Такъ точно оно и на лицѣ Моисея лежало не ради Моисея, но по причинѣ грубаго и плотскаго разумнѣія іудеевъ.

Итакъ, довольно обличивши ихъ, (апостоль) показываетъ 447 имъ и способъ исправленія. Какой же именно? *Внегда же обратится, говорить, ко Господу*, т. е. оставить законъ, *взимается покрывало* (ст. 16). Видишь ли теперь, что то покрывало было не для лица Моисеева, но для глазъ іудеевъ? Оно положено было не для того, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы они не смотрѣли на нее, потому что не были способны къ тому. Они сами, слѣдовательно, были виновны въ томъ. И оно не отъ Моисея скрывало что-нибудь, но отъ іудеевъ. И хотя онъ не сказалъ прямо: когда оставятъ законъ, однакожь ясно указалъ на это, сказавъ: *онедна же обратится ко Господу, взимается покрывало*. Такимъ образомъ, (апостоль) до конца выдержалъ исторію. И Моисей, когда говорилъ съ іудеями, покрывалъ лицо свое, когда же обращался къ Богу, снималъ съ себя покрывало. А это прообразовало имѣющее быть впослѣдствіи,—т. е., когда мы обратимся къ Господу, тогда узримъ славу закона, и непокровенное лицо законодателя, и мало того—станемъ даже на ряду съ Моисеемъ. Видишь ли, какъ онъ вызываетъ іудей къ вѣрѣ, показывая, что онъ не только можетъ видѣть Моисея, приходя къ благодати, но и стать на одномъ ряду съ этимъ законодателемъ? Ты не только, говорить, будешь созерцать ту славу, которой тогда не видалъ, но и самъ пріобщишься той же славы, и даже гораздо лучше—такой, предъ которою первая не есть даже и слава. Какъ же и какимъ образомъ? Такъ, что ты, обратившись къ Господу и получивъ благодать, будешь наслаждаться такою славой, въ сравненіи съ которою слава Моисея такъ мала, что не есть и слава. Однако, какъ она ни мала и какъ ни далеко отстоитъ отъ той

(благодатной славы), ты, оставаясь іудеемъ, и съ бы не удостоился (какъ не видѣли ея ни тогдашніе іудеи, ни нынѣшніе); сдѣлавшись же вѣрующимъ, ты удостоишься созерцанія гораздо лучшей славы. Когда (апостоль) обращалъ рѣчь свою къ вѣрнымъ, то говорилъ: *не прославіся прославленное*; а здѣсь сказать напротивъ: *оногда же обратится ко Господу, возмается покрываю*. Такимъ образомъ, мало-по-малу возводитъ (іудея) на высоту; сперва поставляетъ его на ряду съ Моисеемъ, а потомъ уже дѣлаетъ участникомъ и большаго. Дѣйствительно, когда ты увидишь Моисея въ славѣ, тогда уже обратишься и къ Богу, и будешь наслаждаться славой лучшею и вышею (Моисеевой). Итакъ, пересмотри съ самаго начала, сколько онъ указалъ отличительныхъ признаковъ того и другого завѣта, различающихъ ихъ между собою и показывающихъ превосходство новаго предъ ветхимъ, а не разногласіе и противорѣчіе одного другому. Онъ сказалъ, что ветхій есть письмя, камень, служеніе смерти, и имѣетъ конецъ, и однако іудеи не были удостоены и такой славы его; новыи же завѣтъ написанъ на скрижаляхъ плотяныхъ, и есть духъ, правда, и пребываетъ вѣчно; и мы всѣ удостоиваемся славы его, а не одинъ кто-нибудь, какъ Моисей тогда одинъ удостоился и меньшей славы. Мы вси, говорятъ, *откровеннымъ лицемъ на славу Господню взираемъ*, а не на славу Моисея. Но такъ какъ нѣкоторые, вопреки твердому исповѣданію, думаютъ, что эти слова—*оногда обратится ко Господу*—сказаны о Сынѣ, то изслѣдуемъ это изреченіе тщательно и точно, начавъ съ того, па чемъ они думаютъ основать свое мнѣніе. Что же это? Они гово-

- 418 рятъ: въ какомъ смыслѣ въ Писаніи говорится *Духъ Богъ* (πνεῦμα ὁ Θεός), въ такомъ же смыслѣ сказано и здѣсь—*Господь Духъ*. Но (апостоль) не сказалъ: *Господь Духъ* (πνεῦμα ὁ Κύριος), но *Господь Духъ* есть (ὁ Κύριος τὸ πνεῦμα ἐστίν). А между этимъ и тѣмъ соединеніемъ словъ большое различіе. Когда Писаніе хочетъ совершить такъ, какъ ты говоришь, тогда оно къ придаточному имени не прилагаетъ члена. Впрочемъ, и другимъ образомъ можно узнать, о комъ (апостоль) говорилъ все, что говорилъ выше. Напр., когда онъ говорилъ: *письмя убиваетъ, Духъ животворитъ*; и опять: *написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива*,—о Сынѣ ли говорилъ это, или о Духѣ? Очевидно, что о Духѣ, потому что къ Нему отъ письмени возводитъ онъ іудеевъ. Но чтобы кто-нибудь, услышавъ о Духѣ, и, разсуждая самъ съ собою, что Моисей обращался къ Господу, а этотъ къ Духу,—не подумалъ отсюда, что (апостоль) ниже (Моисея), то онъ, предупреждая такую мысль, говоритъ: *Господь же Духъ есть* (ст. 17), т. е. и Духъ есть Господь. А чтобы ты зналъ, что онъ говоритъ объ Утѣши-

телѣ, присовокупилъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода*,—такъ что тебѣ нельзя уже сказать, что слова его то же значать, что— „идѣже Господь Господень“. О свободѣ онъ упомянулъ здѣсь въ противоположность прежнему рабству. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что онъ говорить о будущемъ еще времени, присовокупляетъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе* (ст. 18), т. е. не ту преходящую, но пребывающую, *въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа*.

Видишь ли, какъ онъ опять поставляетъ Духа на мѣстѣ Бога, а ихъ (коринѣянъ) на одну степень съ апостолами? Опъ и выше сказалъ: *вы есте посланіе Христово* (ст. 3), и теперь говорить: *мы же вси откровеннымъ лицемъ*, хотя одни апостолы, подобно Моисею, ходили нося съ собою законъ. Но какъ мы, говорить, не имѣли нужды въ покрывалѣ, такъ и вы, принявшіе (евангеліе). Хотя (новозавѣтная) слава гораздо больше (ветхозавѣтной), потому что она не есть слава нашего лица, но Духа, тѣмъ не менѣе и вы одинаково съ нами можете смотрѣть на нее. Иудеи и при посредникѣ не могли видѣть; вы же и безъ посредника можете созерцать гораздо большую славу. Они и на славу Моисея не могли взирать, а вы можете созерцать и славу Духа. Итакъ, если бы Духъ былъ ниже, то онъ не поставилъ бы новозавѣтнаго выше ветхозавѣтнаго.

5. Что же значить: *славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся*? Это тогда было яснѣе, когда дѣйствовали дарованія чудесъ; впрочемъ, кто имѣетъ очи вѣры, тому и нынѣ нетрудно уразумѣть это. Какъ скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духомъ, дѣлается свѣтлѣе солнца; и мы не только бываемъ способны смотрѣть на славу Божію, но еще и сами получаемъ отъ нея нѣкоторое сіяніе. Какъ чистое серебро, лежащее противъ солнечныхъ лучей, и само испускаетъ лучи не только отъ собственнаго естества, но и отъ блеска солнечнаго, такъ и душа, очищенная Духомъ Божіимъ и содѣлавшаяся блистательнѣе серебра, принимаетъ лучъ отъ славы Духа, и отражаетъ его. Потому и говорить (апостоль): *взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы Духа въ славу нашу*, которой удостоиваемся, въ славу такую, въ какую надлежитъ *отъ Господня Духа*.

Видишь, какъ и здѣсь онъ называетъ Духа Господомъ. Но и въ другихъ мѣстахъ можно видѣть, что Онъ Господь. Такъ—*служащимъ имъ*, говорится, *и постыжимся Господеви, рече Духъ: отдѣлите ми Павла и Варнаву* (Дѣян. xiii, 2). Для того и сказано—*служащимъ имъ Господеви, отдѣлите ми*, чтобы показать Его равночестность. Еще, опять, Христосъ говорить: *рабъ не есть, что*

творитъ господь его (Іоан. хv, 15). Но Духъ такъ же знаетъ Божіе, какъ человѣкъ знаетъ ему принадлежащее, и притомъ безъ наученія; иначе не было бы подобія (1 Кор. п, 11). И то самое, что Онъ дѣйствуетъ, какъ хочетъ (1 Кор. хп, 11), показываетъ Его власть и господство. Онъ преобразуетъ насъ; Онъ не допускаетъ насъ сообразоваться вѣку этому; Онъ же есть и Творецъ такого творенія. И подобно тому, какъ говорится: *создани во Христѣ Иисусѣ* (Еф. п, 19), такъ точно же говорится: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Пс. л, 12). Хочешь ли, я покажу тебѣ это ощутительнѣе на апостолахъ? Подумай только о Павлѣ, одежда котораго имѣла (чудное) дѣйствіе: о Петрѣ, тѣнь котораго обнаруживала (чудодѣйственную) силу. Если бы они не носили въ себѣ образа Царя, и отъ нихъ не исходило нѣкоторое несравнимое блистаніе, то одежды и тѣни ихъ не обнаруживали бы такой силы. Вѣдь одежды царскія страшны и для злодѣевъ. Хочешь ли видѣть, какъ тотъ же образъ отражался и на тѣлѣ ихъ? *Воззрѣвши*, говорится, *на лицо Стефана, видѣша яко лице ангела* (Дѣян. vi, 15). Но это еще ничто въ сравненіи съ славою, которая сіяла внутри. Что Моисей имѣлъ на лицѣ своемъ, то самое они носили въ душѣ своей, лучше же сказать—гораздо даже большее, потому что слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И какъ тѣла, имѣющія способность отражать свѣтъ, освѣщаясь свѣтящимися тѣлами, и сами разливаютъ отражающійся въ нихъ свѣтъ на другія ближайшія къ нимъ тѣла, такъ бываетъ и съ вѣрными. Вотъ почему тѣ, которые достигаютъ этого,—оставляютъ уже все земное, и живутъ однимъ небеснымъ. А мы что? Намъ остается только горько стонать по поводу того, что, удостоенные столь высокаго званія, мы не знаемъ даже того, что говорятъ намъ о немъ, потому что слишкомъ скоро погубляемъ въ себѣ (духовные) предметы и привязываемся къ чувственнымъ. Эта неизреченная и страшная слава остается въ насъ не болѣе, какъ на одинъ или на два дня; а потомъ мы опять погашаемъ ее, обуреваемъ житейскими дѣлами, и затѣняя густыми облаками ея сіяніе.

Житейскія дѣла—это дѣйствительно ненастье, и даже страшнѣе ненастья. Хотя отъ нихъ не происходитъ ни стужи, ни дожди, ни грязь, ни глубокаго болота; но зато,—что всего хуже,—отъ этихъ дѣлъ является геенна со всѣми ея мученіями. И какъ во время сильной стужи всѣ члены цѣпенѣютъ и замираютъ, такъ и душа, оледенѣвшая отъ хлада грѣховнаго, не можетъ отправлять дѣлъ своихъ, будучи скована, какъ морозомъ, совѣстью. Дѣйствительно, что для тѣла морозъ, то для души худая совѣсть. Отсюда происходитъ и боязливость. Никто столько не страшится,

какъ прилѣпившійся къ житейскому. Онъ живетъ жизнью Каина, трепеща каждый день отъ страха. И нужно ли говорить о (его 450 опасеніяхъ) смерти, потеряхъ, распряхъ, коварствахъ и лести? Онъ и безъ того боится тысячи превратностей. И хотя сокровищница его полна золота, но душа не свободна отъ страха бѣдности. Это и очень естественно, потому что всѣ его желанія устремлены къ предметамъ скорогибнущимъ и скоропреходящимъ. Если самъ онъ и не испыталъ еще превратности, то, видя ее на другихъ, почитаетъ себя уже погибшимъ; оттого онъ весьма боязливъ и малодушенъ. И не въ однихъ только опасностяхъ такъ онъ боязливъ; онъ таковъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Если нападаетъ на него страсть сребролюбія,—онъ не отражаетъ ея нападенія, какъ поступаетъ человѣкъ, свободный отъ этой страсти, но дѣлаетъ все, какъ купленный рабъ, въ угожденіе жестокой своей госпожѣ—сребролюбію. Видитъ ли благообразную дѣвицу,—онъ тотчасъ плѣняется ею, трепещетъ и бѣжитъ за нею, подобно вбѣсившемуся псу; между тѣмъ какъ надлежало бы поступить иначе.

6. Когда ты видишь красивую женщину, не о томъ помышляй, какъ бы удовлетворить своей похоти, но какъ бы освободиться отъ этой похоти. Да какъ же это, скажешь ты, возможно? Любить вѣдь не отъ меня зависитъ. А отъ кого же, скажи мнѣ? Отъ навѣтовъ діавола? Пусть такъ,—обвиняй въ этомъ одного діавола; борись же съ діаволомъ и противься страсти. Но я не могу, скажешь ты. Ну, тогда и мы первымъ дѣломъ скажемъ тебѣ, что твоя страсть произошла отъ твоего нерадѣнія, и что ты самъ, еще прежде нежели получилъ страсть, далъ доступъ къ себѣ діаволу. Но и теперь, если бы ты хотѣлъ, очень легко могъ бы прогнать его отъ себя. Скажи мнѣ, что заставляетъ прелюбодѣвъ прелюбодѣйствовать—желаніе ли себѣ бѣды, или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, должно ли ихъ поэтому извинять? Никакъ. Почему же? Потому что этотъ грѣхъ зависитъ отъ нихъ. Но для чего мнѣ такіа умышленія, скажешь ты? Я сознаю въ себѣ желаніе освободиться отъ этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападаетъ на меня, терзаетъ и жестоко мучить меня. Согласенъ, что ты желаешь освободиться отъ этой страсти, но не то дѣлаешь, чѣмъ бы можно было отогнать ее; ты дѣлаешь то же, что дѣлаетъ одержимый горячкою, когда пьетъ холодную воду, и такъ же говоритъ: сколько я ни придумываю средствъ избавиться отъ горячки, не только ничего не успѣваю, напротивъ еще болѣе усиливаю въ себѣ жаръ.

Итакъ посмотримъ: желая погасить свою страсть, не дѣлаешь ли ты чего, что болѣе разжигаетъ ее? Нѣтъ, скажешь ты.

Скажи же, какія ты употребляешь средства для того, чтобы погасить свою страсть? И что вообще увеличивает эту страсть? Хотя и не всѣ мы подвержены этой страсти,—потому что болѣе можно найти зараженныхъ любовію къ деньгамъ, нежели плотскою любовію,—но и тѣмъ и другимъ предлагается общее лѣкарство. И та и другая любовь равно гнусны; послѣдняя только сильнѣе и пагубнѣе. Итакъ, когда мы преодолеваемъ сильнѣйшую, то очевидно и слабѣйшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнѣе, то отчего же, скажешь ты, не всѣ бываютъ заражены этимъ порокомъ, напротивъ большинство до безумія любить деньги? Это, во-первыхъ, оттого, что послѣдняя страсть многимъ кажется безопасною, а еще оттого, что любовь

431 плотская, хотя и сильнѣе, но она скорѣе проходитъ. Иначе, если бы она была столько же постоянна, какъ и страсть къ деньгамъ, то cadaго зараженного ею приводила бы къ гибели. Итакъ, рассмотримъ же внимательнѣе плотскую любовь, и узнаемъ, что усиливаетъ эту страсть. Тогда увидимъ, отъ насъ ли она зависитъ, или не отъ насъ. Если отъ насъ, то мы должны употребить всѣ усилія, чтобы освободиться отъ нея; если же не отъ насъ, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будемъ обвинять,—не слѣдуетъ ли скорѣе извинять тѣхъ, которые бываютъ плѣнены (этой страстію)? Итакъ, отчего же рождается эта любовь? Отъ красоты лица, скажешь ты, то есть, когда красива и благовидна будетъ та, которая уязвляетъ. Но ты несправедливо и безразсудно говоришь это. Въ самомъ дѣлѣ, если бы красота лица привлекала къ любви, то такую дѣвицу любили бы всѣ. Если же не всѣ любятъ ее, то и любовь эта зависитъ не отъ естества и не отъ красоты лица, а отъ безстыдныхъ глазъ. Когда ты, пристально смотря на нее, чрезмѣрно удивляешься ей и ражигашься въ сердцѣ своемъ, то ты уже уязвленъ. Но кто же можетъ, скажешь, при взглядѣ на красивую женщину не похвалить ее? Если, слѣдовательно, не отъ нашей воли зависитъ удивляться въ такихъ случаяхъ, то не отъ насъ зависитъ и любовь. Не спѣши, человекъ. Для чего ты все смѣшиваешь и, бродя всюду, не хочешь видѣть корня этого зла? Я много знаю такихъ, которые удивляются и хвалятъ, между тѣмъ не любятъ. Какъ же возможно удивляться красотѣ, и не любить? Не тревожься, я объ этомъ и хочу теперь говорить, но потерпи и послушай, какъ Моисей удивляется сыну Іакова, говоря: *и блже Іосифъ добрѣ образомъ и красенъ взоромъ зяло* (Быт. xxxix, 6). Неужели же говорившій такъ вмѣстѣ и любилъ? Совсѣмъ нѣтъ. Ты скажешь, что Моисей не видалъ того, кого хвалилъ. Однако, мы попадаемъ въ любовную страсть не тогда только, когда видимъ красоту, не,

случается, и тогда, когда слышимъ о ней. Но чтобы ты болѣе не спорилъ съ нами объ этомъ, я спрошу тебя: Давидъ не былъ ли благообразенъ и весьма доброзраченъ, особенно по красотѣ своихъ глазъ? А что болѣе всего составляетъ властную черту въ благообразіи лица, это именно красота глазъ. Что же? Увлеченъ ли былъ кто-нибудь страстною любовію къ нему? Никто. Слѣдовательно, любовь не связана неразрывно съ удивленіемъ. Многіе имѣли также матерей, цѣлующихъ тѣлесною красотой. Что же? Ужели дѣти любили ихъ страстною любовію? Да не будетъ! Хотя они и дивятся тому, что видятъ, однако не впадаютъ въ постыдную любовь. Но (ты опять скажешь, что) здѣсь удерживаетъ законъ природы? Скажи мнѣ, какой законъ природы? Тотъ, скажешь, что онѣ—матери. Но развѣ ты не слышалъ, что персы, безъ всякаго посторонняго принужденія, живутъ съ матерями своими, какъ съ женами, и не одинъ или два изъ нихъ такъ поступаютъ, но цѣлый народъ? Впрочемъ, и безъ того уже видно, что любовная страсть происходитъ не просто отъ красоты только тѣлесной и благовидности, а отъ расслабленія и заблужденія души. Много было и такихъ, которые, много разъ пройдя мимо тысячъ благообразныхъ женщинъ, отдавались безобразнымъ. Отсюда ясно, что любовь зависитъ не отъ красоты лица. Въ противномъ случаѣ они набирали бы красивыхъ, а не безобразныхъ. Итакъ, гдѣ же причина (страсти)? Если не отъ красоты лица эта любовь, то откуда же, спросишь ты, она происходитъ, и гдѣ искать ея источника? Отъ злого демона? Точно, она и отсюда. Но мы не того доискиваемся; вопросъ въ томъ, не причиной ли и мы? Дѣйствительно, она не есть только навѣтъ діавола, но вмѣстѣ съ нимъ и прежде всего сами мы виновники ея. Подлинно, 432 эта злая болѣзнь ни отъ чего такъ легко не рождается, какъ отъ привычки, отъ льстивыхъ словъ, отъ праздности, лѣности и отъ того, что у насъ нѣтъ никакого дѣла.

7. Велика власть привычки, истинно велика, до такой степени, что она даже обращается въ необходимость природы. Но если привычка рождаетъ ее, то очевидно, что она же можетъ и погасить ее. Многіе, увлеченные любовію, освобождались отъ нея тѣмъ, что не видѣли болѣе любимыхъ ими лицъ. Сначала это кажется тяжело и очень непріятно, но со временемъ дѣлается пріятнымъ, а наконецъ, даже и при желаніи, невозможно уже становится вызвать опять страсть. А это отчего, ты скажешь, что я и безъ привычки еще плѣняюсь при первомъ взглядѣ? И это также происходитъ или отъ праздности тѣлесной, или отъ роскоши, или отъ безпечности о своихъ обязанностяхъ, или оттого, что человекъ вовсе не занимается даже необходимыми для него

дѣлами. Такой (человѣкъ), повсюду блуждая, точно заблудившійся въ пути, легко увлекается всякимъ зломъ; и его душу, какъ душу разсѣяннаго юноши, всякій, кто хочетъ, увлекаетъ въ рабство. Такъ какъ существенное свойство души — непрестанно быть въ дѣйствиіи, то если ты прекратишь ея дѣятельность въ добромъ,—она, какъ не могущая оставаться въ бездѣйствиіи, по необходимости устремляется къ другому (роду дѣятельности). Подобно тому какъ земля, если остается не засѣянной и не насажденной, сама собою производитъ траву, такъ и душа, когда не занимается необходимыми для нея дѣлами, какъ стремящаяся по природѣ своей непрестанно къ дѣятельности, по необходимости предается злымъ дѣламъ. И какъ глазъ не можетъ перестать смотрѣть, и потому необходимо увидѣть худое, когда не имѣетъ предъ собою хорошаго, такъ и помыслъ, когда отвлекается отъ предметовъ необходимыхъ, непременно начинаетъ вращаться около предметовъ безполезныхъ. А что непрестанное упражненіе и бодрствованіе могутъ отогнать и первое нападеніе страсти, это пзвѣстно пзъ многихъ примѣровъ. Итакъ, если ты при взглядѣ на красивую женщину почувствуешь къ ней страсть, то болѣе не смотри на нее—и освободишься (отъ страсти). Но какъ я могу, скажешь ты, не смотрѣть на нее, будучи увлекаемъ страстію? Займись другими полезными предметами, привлекающими душу, читай книги, заботься о своихъ нуждахъ, ходатайствуй, защищай обижаемыхъ, молись, размышляй о будущемъ вѣкѣ,—къ этимъ предметамъ устремляй душу. Поступая такимъ образомъ, ты освободишься не только отъ новой еще раны, но легко можешь излѣчить даже отвердѣвшую и застарѣвшую. Если худая молва, по пословицѣ, убѣждаетъ иногда влюбившагося отказаться отъ своей любви, то тѣмъ болѣе эти духовные напѣвы могутъ подавить зло, лишь бы только мы сами захотѣли оставить его. Но если мы всегда обращаемся и бесѣдуемъ съ тѣми, которые поражаютъ насъ стрѣлами этой страсти, и даже въ отсутствіе говоримъ о нихъ сами, и слушаемъ рассказы другихъ, то мы сами питаемъ болѣзнь свою. Какъ же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Всѣмъ, что мы сказали доселѣ о привычкѣ, пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тѣхъ, которые умѣютъ размышлять, то для нихъ болѣе всего въ этомъ случаѣ нуженъ страхъ Божій, память о гееннѣ и желаніе небеснаго царствія. Этого достаточно, чтобы погасить пламень преступной любви. Но кромѣ этого, представляй себѣ и то, что видимое тобою есть не болѣе, какъ влага, кровь и гной разложившейся лищи. А свѣтлый цвѣтъ лица, скажешь ты? Но нѣтъ ничего свѣтлѣе цвѣтовъ земныхъ: а и они увядаютъ и

сгниваютъ. Такъ и здѣсь смотри не на цвѣтъ, но проникай мыслью въ глубь, и, оставивъ безъ вниманія красоту кожи, размышляй о томъ, что кроется подъ нею. И у страдающихъ водяною болѣзнію тѣло свѣтло, и снаружи не имѣетъ ничего безобразнаго; но при мысли о кроющейся внутри влагѣ мы не можемъ любить таковыхъ людей. А нѣжный и рѣзвый глазъ, красиво расположенныя брови, черныя рѣсницы, кроткая зѣница ока, веселый взглядъ? Но знай опять, что и это все не что иное, какъ нервы, жилы, перепонки и артеріи. Представь только этотъ красивый глазъ больнымъ, состарившимся, иссохшимъ отъ печали или пылающимъ гнѣвомъ: какъ онъ покажется тебѣ безобразнымъ, какъ вся прелесть его вдругъ пропадетъ и тотчасъ исчезнетъ! Вмѣсто того устремляй лучше мысль твою къ истинной красотѣ. Но я не вижу, скажешь, красоты душевной. Напрасно: если захочешь, увидишь. Подобно тому, какъ можно, и не видя глазами, мысленно удивляться отсутствующимъ красивымъ лицамъ, такъ точно—ви- 454 дѣть и красоту душевную безъ помощи глазъ. Не воображалъ ли ты себѣ иногда какого-нибудь красиваго лица, и не ощущалъ ли чего-нибудь къ этому созданному тобою образу? Такъ точно воображай себѣ и красоту души, и наслаждайся ея благообразіемъ. Ты скажешь: я не могу видѣть безплотнаго. Но умомъ мы еще лучше созерцаемъ безплотное, нежели тѣла. Такимъ образомъ мы удивляемся и ангеламъ и архангеламъ, хотя ихъ и не видимъ, равно какъ и добрымъ нравамъ и душевнымъ добродѣтелямъ. Итакъ, когда увидишь кроткаго и степеннаго человѣка, то подивись лучше ему, нежели обладающему красивымъ лицомъ; и если замѣтишь, что кто-нибудь безъ огорченія переноситъ напрасныя обиды, то дивись и вмѣстѣ полюби его, хотя бы онъ былъ и старецъ. Красота души именно такова, что и въ старости имѣетъ многихъ любящихъ, потому что никогда не увядаетъ и всегда цвѣтетъ. Итакъ, чтобы и намъ приобрѣсть такую красоту, станемъ уловлять и любить тѣхъ, которые имѣютъ ее. Такимъ образомъ, мы и сами, получивъ ту же красоту, сможемъ достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

453 Имуще убо служеніе сіе, якоже помиловани быхомъ, не стужаемъ си, но отрекохомся тайныхъ срама (2 Кор. iv, 1).

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ много великаго, и поставилъ себя и всѣхъ вѣрныхъ выше Моисея, то, сознавая всю силу и важность сказаннаго, смотри, какъ онъ опять умѣряетъ свое слово. Дѣйствительно, ему надлежало и возвысить себя ради лжеапостоловъ, равно какъ и своихъ слушателей, и опять умѣрить эту высоту, на которую поставилъ себя, не отказываясь, впрочемъ, отъ нея совершенно, потому что отказаться значило бы шутить. Для этого онъ употребляетъ такой оборотъ рѣчи, которымъ показываетъ, что все зависитъ не отъ собственныхъ его совершенствъ, но отъ человѣколюбія Божія, почему и говорить: *имуще убо служеніе сіе*. Мы ничего, говорить, не привнесли своего, мы только были служители у Бога и исполнители данныхъ отъ Него наставленій. Вотъ почему онъ и называетъ (свое апостольское дѣланіе) не начальствованіемъ, не водительствомъ, а только *служеніемъ*; и даже этимъ не довольствуется, а присовокупляетъ еще: *якоже помиловани быхомъ*,—то есть, и то самое, что мы поставлены служителями, зависитъ только отъ милости и человѣколюбія (Божія). Правда, дѣло милости есть избавлять отъ золъ, а не такія раздавать блага, какія даны были (апостоламъ); впрочемъ, Божіей милости и это свойственно. *Не стужаемъ си*, то есть, и то, что мы не унываемъ, надлежитъ приписать Его человѣколюбію. Выраженіе: *якоже помиловани быхомъ* должно именно относить какъ къ служенію, такъ и къ словамъ: *не стужаемъ си*. Смотри же, какъ онъ старается смягчить прежде сказанное о себѣ: онъ говоритъ, что кто удостоился столь великихъ и многихъ благъ, и удостоился только по милости и человѣколюбію,—тотъ ничего не дѣлаетъ великаго, сколько бы ни трудился, какимъ бы ни подвергался опасностямъ и какія бы ни терпѣлъ искушенія. Оттого мы не только не унываемъ, говорить, но еще радуемся и дерзаемъ. Сказавъ именно: *не стужаемъ си*, онъ присовокупилъ еще: *но отрекохомся тайныхъ срама, не въ лукавствѣи ходяще, ни лстяще словесе Божія* (ст. 2). Что же значить: *тайныхъ срама*? Мы не такъ возвѣщаемъ, говорить, что на словахъ общаемъ многое, а на дѣлѣ показываемъ другое, какъ поступаютъ лжеапостолы,—почему онъ и говорилъ: *яже предъ лицемъ зрите* (2 Кор. i, 7),—но мы таковы же и на дѣлѣ, каковыми вы насъ видите, потому что мы не имѣемъ ничего двусмыслен-

наго, и ничего не говоримъ и не дѣлаемъ, что бы отъ стыда надлежало скрывать и оставлять во мракѣ. И желая высказать это еще яснѣе, прибавляетъ: *не въ лукавствіи ходяще*. Что тѣ (лжеапостолы) почитали похвальнымъ, то онъ (апостолъ) называетъ постыднымъ и достойнымъ смѣха. Что же значить—*въ лукавствіи*? Тѣ (лжеапостолы) славились какъ нелюбопытательные, а между тѣмъ брали дары, только тайно; почитались за святыхъ и за истинныхъ апостоловъ, а на самомъ дѣлѣ имѣли множество пороковъ. Мы же, говорить, все это отвергнули (т. е. то, что онъ и называетъ *тайнымъ срама*); мы и въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми кажемся, и не имѣемъ ничего скрытаго какъ въ жизни нашей, такъ и въ самомъ проповѣданіи. Это и означаютъ слова: *ни лѣстѣе словесе Божія, но явленіемъ истины*, т. е. не наружно и для вида, но самымъ дѣломъ. *Представляюще себе ко всякой сѣмѣи человечестѣй*. Мы извѣстны не только вѣрнымъ, но даже и невѣрнымъ, потому что представляемъ себя на судъ всякому, кто хочетъ испытывать наши дѣла. Такъ мы представляемъ себя, а не прикрываясь и показывая только свѣтлую личину. Мы говоримъ, что не принимаемъ никакихъ для себя даровъ,—и васъ же самихъ призываемъ въ свидѣтели этого; утверждаемъ, что мы ничего худого за собою не знаемъ,—и въ этомъ опять свидѣтельствуемъ вами же самими. Мы не дѣлаемъ, какъ они, прикрывая дѣла свои, чтобы обманывать другихъ. Напротивъ, мы и жизнь свою предлагаемъ всѣмъ на разсмотрѣніе, и ученіе преподаемъ безъ всякаго прикрытія, такъ что всѣ могутъ разумѣть его. Но такъ какъ невѣрные не уразумѣли силы этого ученія, то онъ присовокупляетъ, что это не по нашей винѣ, а по при- 455 чинѣ безчувствія ихъ самихъ. Поэтому и говоритъ: *аще ли же и есть покровено благовѣствованіе наше, въ гибнущихъ есть покровено, въ нихже Богъ елика сего ослѣпи разумъ неутрухъ* (ст. 3, 4). Здѣсь онъ говоритъ то же самое, что онъ и прежде сказалъ: *оуемъ убо воля смертная въ смерти, оуемъ же воля животная въ животѣ* (гл. II, 16).

2. Кто же это *Богъ елика сего*? Послѣдователи заблужденія Маркіона говорятъ, что это сказано только о Творцѣ правосудномъ, а не благомъ: они утверждаютъ, что есть другой какой-то Богъ, правосудный только, безъ благодати. Манихеи же, безумно желая ввести другого творца твари кромѣ истиннаго, говорятъ, что здѣсь говорится о діаволѣ, потому что Писаніе часто называетъ богомъ не по достоинству называемаго, но по безсилію подчиненныхъ его. Такъ оно и *мамонѣ* называетъ господиномъ (κόριον) (Мѡ. VI, 24) и чрево богомъ (Филип. III, 19). Однако ни чрево поэтому самому не богъ, ни мамона—господь, но такъ на-

званы они изъ-за тѣхъ, которые имъ подчиняють себя. Мы же думаемъ, что это сказано и не о діаволѣ, но о Богѣ всяческихъ. И должно читать это мѣсто такъ: Богъ ослѣпилъ разумъ невѣрныхъ вѣка сего (τὸν ἀπίστων τοῦ αἰῶνος τοῦτου ἀποφλέσεν ὁ Θεὸς τὰ νοήματα), потому что не будущій, а только настоящій вѣкъ имѣеть невѣрныхъ. Если же кто и такъ будетъ читать: Богъ вѣка сего (ὁ Θεὸς τοῦ αἰῶνος τοῦτου), то и такое чтеніе не представляетъ никакого затрудненія, потому что не показываетъ еще, что Онъ—Богъ только настоящаго вѣка. Онъ называется и Богомъ неба; однако не есть Богъ одного только неба. Мы называемъ Его также и Богомъ настоящаго дня; однако, говоря такъ, мы не ограничиваемъ власти Его только этимъ днемъ. Равнымъ образомъ называется Онъ и Богомъ Авраама, и Богомъ Исаака, и Богомъ Іакова, и, однако, Онъ не есть Богъ только ихъ однихъ. Много и другихъ подобныхъ доказательствъ можно находить въ Писаніи. Какъ же Онъ ослѣпилъ ихъ? Не содѣйствіемъ къ тому,—да не будетъ,—но оставленіемъ и попущеніемъ. Въ Писаніи часто употребляются такіа выраженія. Такъ оно говоритъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28). Такъ какъ язычники прежде сами не повѣрили и сдѣлали себя недостойными познанія таинъ Божіихъ, то и Богъ уже потомъ оставилъ ихъ. Что же другое надлежало бы съ ними дѣлать? Насильно влечь и открывать тайны не желающимъ знать ихъ? Но они еще болѣе презрѣли бы и отказались знать ихъ. Потому-то (апостолъ) и присовокупилъ: *во еже не возсіати имъ сету благовѣствованія славы Христовы*,—не для того, чтобы не вѣровали въ Бога, но для того, чтобы невѣрующіе, какъ неспособные, не видѣли внутреннихъ таинъ. То же и намъ заповѣдалъ Господь, повелѣвъ не метать бисера предъ свиньями (Мѣ. ш, 6). Иначе, если бы Онъ открылъ и невѣрующимъ, то болѣзнь (невѣрія) только еще болѣе усилилась бы въ нихъ. Такъ и больного глазами если бы кто насильно заставилъ смотрѣть на солнце, то еще больше только усилилъ бы его болѣзнь. Вотъ почему врачи и содержатъ такихъ больныхъ въ темнотѣ, чтобы не усилить болѣзни. Точно такимъ же образомъ и здѣсь представляя, т. е., что невѣрующіе сдѣлались такими по своей волѣ, а сдѣлавшись невѣрующими, они уже не могли созерцать неизреченныхъ таинъ евангелія, такъ какъ и Богъ уже сокрылъ отъ нихъ сіяніе свѣта евангельскаго. Объ этомъ и (Господь) говорилъ ученикамъ: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко слышаще не слышатъ* (Мѣ. хш, 13). Но чтобы еще лучше объяснить на примѣрѣ то, о чемъ я говорю,—представь себѣ какого-нибудь аллина, который считаетъ за басни наши таинства: больше ли пользы получилъ бы онъ, когда бы вошелъ къ намъ и увидѣлъ наши таинства, чѣмъ

когда бы вовсе не входилъ? Въ такомъ же смыслѣ и (апостолъ) говоритъ: *во еже не возсіяти имъ святу*, продолжая все еще держаться исторіи Моисея. Что именно случилось съ іудеями при Моисеѣ, то же самое происходитъ и со всѣми невѣрными во времена евангельскія. А что отъ нихъ сокрыто и неизвѣстно имъ, объ этомъ послушай самого (апостола), который говоритъ: *во еже не возсіяти имъ святу благоустройствоя славы Христовы, иже есть образъ Бога*,—т. е., что крестъ есть спасеніе вселенной и Его слава, что этотъ самый Распятый на немъ опять имѣетъ придти съ великою славой, и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченная слава ожидаемыхъ (благъ). Вотъ почему онъ и сказалъ: *возсіяти*, чтобы ты не всего искалъ здѣсь въ этой жизни, потому что слава, даруемая теперь, есть только нѣкоторое сіяніе Духа. На это (апостолъ) указалъ и выше, когда упоминалъ о *благоуханіи*, равно какъ о *залогѣ*,—показывая тѣмъ, что большее остается тамъ (въ будущей жизни). Но все это сокрыто отъ невѣрующихъ; сокрыто же за то, что сами прежде не захотѣли повѣрить. Далѣе, чтобы показать, что непознавшіе славы Христовой не знаютъ не только Христовой славы, но и славы Отца, прибавилъ: *иже есть образъ Бога*. Нельзя вѣдь остановиться на одномъ только Христѣ, потому что, подобно тому какъ чрезъ Христа ты видишь Отца, такъ, не познавъ славы Христовой, не познаешь и славы Отца. *Не себе бо проповѣдуемъ, но Христа Иисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Иисуса ради* (ст. 5).

3. Какая здѣсь связь? И какъ это относится къ вышесказанному? Здѣсь онъ указываетъ или на тѣхъ, которые гордились собою, и заставляли учениковъ своихъ называть себя ихъ именами, какъ о томъ онъ говорилъ въ первомъ посланіи: *азъ есмь Павлоу, азъ же Аполлосовъ* (I, 12),—или на другое что, болѣе важное. На что же? Такъ какъ (лжеучители) сильно возставали (на апостоловъ), и со всѣхъ сторонъ нападали на нихъ, то онъ и говоритъ: противъ насъ ли вы вооружаетесь и возстаете, или противъ Проповѣдуемаго нами? Вѣдь мы не себя проповѣдуемъ. Я рабъ, я служитель даже тѣмъ, которые принимаютъ эту проповѣдь, я тружусь для другого, т. е. для Господа, и все дѣлаю для Его славы, такъ что враждующіе противъ насъ возстаютъ противъ Господа. Я столько далекъ отъ того, чтобы искать себѣ какихъ-нибудь выгодъ отъ проповѣди евангелія, что не отказываюсь быть и вашимъ рабомъ для Христа,—когда Ему угодно было столько почтить васъ, когда Онъ столько возлюбилъ васъ, и все для васъ сдѣлалъ. Поэтому и говоритъ: *себе же самѣхъ рабовъ вамъ Иисуса ради*. Видишь ли душу ни мало не заботящуюся о славѣ? Онъ говоритъ: мы не только не присвоаемъ себѣ того,

что принадлежит Господу, но даже и вамъ служимъ для Него.

457 *Яко Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіати, возсія въ сердцахъ вашихъ* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ опять желающимъ находить превосходство въ славѣ Моисеевой показываетъ другую славу, сіяющую съ излишкомъ предъ Моисеевой? Онъ говоритъ, что какъ (тогда слава) озарила лицо Моисея, такъ (нынѣ слава) возсіяла въ сердцахъ вашихъ. Изъ всего созданнаго въ началѣ, прежде онъ упоминаетъ о чувственномъ свѣтѣ и осязательной тмѣ, показывая тмѣ превосходство ихъ предъ другими твореніями. Но когда (Богъ) повелѣлъ изъ тмы возсіати свѣту? При самомъ началѣ творенія, какъ говоритъ (Моисей): *тма была верху бездны. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ* (Быт. 1, 2, 8). Но тогда Онъ сказалъ: *да будетъ*, и сдѣлалось, а нынѣ Онъ не сказалъ, но самъ стать для насъ свѣтомъ; не—*рече*, но самъ *возсія*. Потому и мы при сіяніи этого свѣта видимъ не чувственные предметы, но самого Бога чрезъ Христа. Видишь ли здѣсь нераздѣльность Св. Троицы? Въ самомъ дѣлѣ, о Духѣ Святомъ (апостолъ) говоритъ: *мы же вси откровскимъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той-же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа* (III, 18); о Сынѣ: *во еже не возсіати имъ свѣту благодѣствованія славы Христовы, иже есть образъ Бога* (IV, 4); объ Отцѣ: *рекій изъ тмы свѣту возсіати, возсія въ сердцахъ вашихъ къ просвѣщенію разума славы Божіа о лицѣ Христоу* (ст. 6). И какъ сказавши: *благодѣствованія славы Христовы*, онъ прпсовокупилъ: *иже есть образъ Бога*, показывая тмѣ, что (не познавшіе славы Христовой) лишены и славы Бога Отца, такъ и послѣ словъ: *разума Божіа* прибавилъ: *о лицѣ Христоу*, показывая тмѣ, что мы чрезъ Христа познаемъ Отца, подобно тому какъ и чрезъ Духа приводимся къ Нему. *Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудяхъ, да премножествомъ силы будетъ Божіа, и не отъ насъ* (ст. 7). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ много великаго и высокаго о неизреченной славѣ (вѣрующихъ), то чтобы кто не сказалъ: почему же мы, получивъ такую славу, остаемся въ смертномъ тѣлѣ?—говоритъ, что это-то особенно и удивительно и представляетъ величайшее чудо силы Божіей, что скудельный сосудъ можетъ вмѣщать въ себѣ такой свѣтъ и хранить такое сокровище. Удивляясь и самъ этому, онъ сказалъ: *да премножествомъ силы будетъ Божіа, а не отъ насъ*; и опять указываетъ на тѣхъ, которые хвалятся о себѣ. И величіе даровъ, и слабость получившихъ ихъ показываютъ силу (Божію), не только тмѣ, что (Богъ) даровалъ столь великія блага, но и тмѣ особенно, что даровалъ людямъ слабымъ. Подъ скудельнымъ сосудомъ онъ именно разумѣетъ слабость нашей смертной природы и немощь нашей плоти

потому, что плоть наша нисколько не крѣпче скудельнаго сосуда, — она столь же удобосокрушима и также легко разрушается — и смертію, и болѣзнями, и воздушными перемѣнами, и другими безчисленными (причинами). И это сказалъ онъ какъ для того, чтобы постыдить высокоуміе ихъ, такъ и для того, 458 чтобы всѣмъ показать, что въ дѣлахъ нашихъ нѣтъ ничего человеческого.

4. Подлинно, тогда-то особенно и бываетъ видима сила Божія, когда она созрѣшаетъ великія дѣла чрезъ слабыя орудія. Потому-то и въ другомъ мѣстѣ (Господь) сказалъ: *сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Такъ въ ветхомъ завѣтѣ чрезъ мошекъ и мышей (Господь) сокрушалъ цѣлыя полчища варваровъ (Исх. viii и x; i Цар. v и vi), — почему Онъ и гусеницъ называлъ великою Своею силою (Иов. ii, 25), — и нѣкогда чрезъ одно смѣшеніе языковъ разрушилъ строеніе великой вавилонской башни (Быт. xi). А на войнѣ въ одно время тремя стами человекъ разсѣялъ безчисленное войско (Суд. vii); въ другое — однимъ звукомъ трубъ разрушилъ городъ (Нав. vi); впоследствии же посредствомъ малаго и ничтожнаго отрока Давида обратилъ въ бѣгство все варварское войско (1 Цар. xvii). Такъ и въ новомъ завѣтѣ, пославъ только двѣнадцать человекъ, покорилъ вселенную, и притомъ несмотря на гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергались эти двѣнадцать. Итакъ, подивимся силѣ Божіей, почудимся ей и поклонимся! Спросимъ іудеевъ, спросимъ эллиновъ: кто убѣдитъ всю вселенную оставить отеческіе обычаи и перемѣнить образъ жизни? Рыболовъ или скинотворецъ? Мытарь или некнижный и простой человекъ? Но имѣло ли бы это (разумный) смыслъ, если бы не дѣйствовала чрезъ нихъ Божія сила? Что же они говорили, когда убѣждали? Крестись во имя Распятаго. Какого? Того, Котораго они не знали и не видали. И однако, говоря и проповѣдуя это, они убѣдили міръ, что прорицатели и такъ называемые по преданію боги не суть боги. А пригвожденный ко кресту Христосъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, несмотря на то, что распятіе Его и погребеніе извѣстны были всѣмъ, о воскресеніи же Его знали только немногіе. Но и въ этомъ они убѣдили даже тѣхъ, которые не видали этого, и увѣрили не только въ томъ, что Онъ воскресъ, но и въ томъ, что Онъ вознесся на небо и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Итакъ, скажи мнѣ: откуда такая сила убѣдительности въ этихъ рѣчахъ? Не откуда болѣе, какъ отъ силы Божіей. И прежде всего, самая новость была противна всѣмъ: если кто въ такого рода вещахъ вводитъ новое, для того дѣло становится очень

труднымъ, потому что онъ ниспровергаетъ основанія древняго обычая, и въ корнѣ подрываетъ законы. Къ тому же и самые проповѣдники казались не заслуживающими довѣрія, потому что были изъ народа, всѣми ненавидимаго, бѣдные и неученные. Какимъ же образомъ они покорили вселенную? Какъ могли посрамить и низложить васъ и вашихъ предковъ, славившихся мудростію, даже и съ богами вашими? Не ясно ли это показываетъ, что они имѣли Бога себѣ помощникомъ? Не человѣческой силѣ свойственно производить такія дѣйствія, но неизреченной силѣ Божіей. Нѣтъ, скажутъ, не Божіей силѣ, но волхвованію. Но если волхвованію, то въ такомъ случаѣ надлежало бы еще болѣе возрасти власти демоновъ и распространиться служенію идоламъ. Отчего же прекратились и исчезли ложныя служенія, а наше служеніе восторжествовало надъ ними? Не ясно ли опять и отсюда, что все это произошло по опредѣленію Божію, не только въ отношеніи проповѣди, но и самой жизни (проповѣдниковъ).

459—460 Въ самомъ дѣлѣ, когда явилась на землѣ повсюду такая любовь къ дѣвственной жизни? Когда стали презирать богатство, жизнь и другія всякія (блага)? Люди безчестные и волхвы ничего такого не могли бы произвести; они сдѣлали бы все на-противъ. Между тѣмъ апостолы научили насъ жизни ангельской; и не научили только, но и насадили и утвердили эту жизнь не только въ нашей странѣ, но и у варваровъ, и на самыхъ отдаленныхъ концахъ земли. Отсюда ясно открывается, что все это повсюду произвела сила Христова, повсюду сіяя и быстрѣе всякой молніи озаряя умы человѣческіе. Итакъ, размысливъ все это и въ точномъ исполненіи совершавшагося имѣя вѣрный залогъ имѣющихъ исполниться обѣтованій, поклонитесь вмѣстѣ съ нами непобѣдимой силѣ Распятаго, чтобы избѣжать вамъ тяжкихъ наказаній и наслѣдовать вѣчное царствіе, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА IX.

459 Во всемъ скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не оставляеми (2 Кор. iv, 8).

1. (Апостолъ) продолжаетъ еще доказывать, что все сказанное имъ выше есть дѣло силы Божіей, низлагаая такимъ образомъ гордость тѣхъ, которые хвалятся самими собою. Не то одно,

говорить, только чудно, что мы хранимъ это сокровище въ скудельныхъ сосудахъ, но и то, что, подвергаясь безчисленнымъ бѣдствіямъ и будучи отсюду поражаемы, сберегаемъ его, а не теряемъ. Между тѣмъ какъ и адамантовый сосудъ не могъ бы ни носить такого сокровища, ни устоять противъ столькохъ навлѣтовъ, нынѣ (и скудельный сосудъ) вмѣщаетъ его и остается невредимъ по благодати Божіей. *Во всемъ скорбяще*, говорить, *но не стужающе си*. Что значить—*во всемъ*? Т. е. отсюду мы терпимъ скорби—отъ враговъ, отъ друзей, отъ недостатка самаго необходимаго, и отъ другихъ нуждъ, отъ недоброжелателей и отъ своихъ,—но остаемся пестѣсненными. И смотри, какія онъ указываетъ противоположности, чтобы и здѣсь показать силу Божію: *скорбяще*, говорить, *но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваемъ*, т. е. не теряемъ до конца надежды. Мы часто скорбимъ и не получаемъ, чего ищемъ, однако не такъ, чтобы теряли уже надежду получить то, къ чему стремимся, потому что Богъ попускаетъ такіа искушенія не для того, чтобы поразить насъ, но чтобы усовершенить насъ. *Гонимъ, но не оставляемъ: низлагаемъ, но не погибающе* (ст. 9). Хотя постигаютъ насъ искушенія, но не постигаютъ слѣдствія этихъ искушеній; и это все происходитъ дѣйствіемъ силы и благодати Божіей. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ, что такіа (искушенія) Богъ попускаетъ и для того, чтобы смирить ихъ самихъ и предостеречь другихъ. Такъ, *да не превозношуся*, говорить, *дадеса ми пакостникъ* (2 Кор. xii, 7). И еще: *да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видѣтъ мя, или слышитъ что отъ мене* (ст. 6). И въ другомъ мѣстѣ: *да не надѣющеся будемъ на ся* (тамъ же, i, 9). А здѣсь (говорить): дабы явилась сила Божія.

Видишь, какая польза отъ искушеній? Чрезъ нихъ становится очевиднѣе дѣйствіе силы и благодати Божіей: *довѣтъ ти*, говорить, *благодать Моя* (2 Кор. xii, 9). Они однихъ привели къ смиренномуудрію, а другихъ по крайней мѣрѣ заставили умѣрить свою гордость, и сдѣлали болѣе великодушными: *терпѣніе*, говорится, *содѣлываетъ искусство, искусство же упованіе* (Рим. v, 4). Тѣ, которые подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ, и освобождались отъ нихъ только надеждою на Бога, научались чрезъ это и во всякомъ другомъ случаѣ всего болѣе держаться этой 460 надежды. *Всегда мертвость Господа Иисуса въ тѣлѣ носяще, да и животоъ Иисусовъ явится въ тѣлѣ нашемъ* (ст. 10). Что же значить—*мертвость Господа Иисуса*, которую они носили? Ежедневно угрожающіе различные роды смерти, которые указывали вмѣстѣ и на воскресеніе. Если кто не вѣритъ, говорить, что Иисусъ умеръ и воскресъ, такой пусть увѣрится въ истинѣ воскресенія, видя

насъ ежедневно умирающими и воскресающими. Видишь, какъ онъ нашель еще и другую причину искушеній? Какую же именно? *Да и животъ Иисусовъ, говорить, явится съ тѣлѣ нашею, т. е.* когда Господь исторгаетъ насъ изъ опасностей смерти, такъ что то самое, что показываетъ повидимому безсиліе (апостоловъ) и оставленіе ихъ (отъ Господа), ясно проповѣдуетъ Его воскресеніе. Сила Его, говорить, не такъ бы была видима, если бы мы не терпѣли никакихъ страданій, какъ она видима теперь, когда мы страдаемъ, но остаемся непобѣдимыми. *И мы бо живимъ съ смертью предаемъся Иисуса ради, да и животъ Иисусовъ явится въ насъ съ мертвеннѣй плоти нашей* (ст. 11). Когда (апостолъ) говорить что-нибудь неясно, онъ всегда присовокупляетъ объясненіе своихъ словъ. Это самое онъ сдѣлалъ и здѣсь, поясняя сказанное имъ выше. Для того, говорить, мы предаемъся, т. е. носимъ мертвость Его, чтобы открылась въ насъ сила жизни Его, когда Онъ не попускаетъ смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побѣжденною множествомъ золь. Можно и иначе понимать эти слова. Какъ же? Такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *еще съ Нимъ умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ* (2 Тим. п, 11). Подобно тому какъ мы носимъ Его смерть и рѣшаемся заживо умереть для Него нынѣ, такъ и Онъ благоизволить умершихъ насъ оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнью, идемъ на смерть, то и Онъ приведетъ насъ отъ смерти къ жизни. *Тѣмъ же смерть въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ* (ст. 12). Здѣсь онъ разсуждаетъ уже не о смерти, но о бѣдствіяхъ и утѣшеніяхъ. Мы, говорить, въ бѣдствіяхъ и искушеніяхъ, а вы наслаждаетесь покоемъ, и наши бѣдствія доставляютъ вамъ жизнь. Мы подвергаемся опасностямъ, а вы наслаждаетесь благополучіемъ, потому что вы не претерпѣваете подобныхъ искушеній. *Имуще же той же духъ въры, по писанному: въровахъ, тѣмъ же возлагалехъ; и мы вѣруемъ, тѣмъ же и глаголемъ, яко воздвигий Господа Иисуса, и насъ чрезъ Иисуса воздвигнетъ* (ст. 13, 14). Здѣсь онъ припомнилъ намъ псаломъ (схѹ, 1), который заключаетъ въ себѣ много любомудрія, и весьма можетъ утѣшить въ не счастіи, потому что эти слова были произнесены праведникомъ, когда онъ находился среди великихъ бѣдствій, отъ которыхъ нельзя было освободиться иначе, какъ только при помощи Божіей.

2. Такъ какъ (апостолъ) зналъ, что въ подобныхъ (несчастіяхъ) подобныя же (утѣшенія) особенно облегчаютъ душу, то и сказалъ—*имуще той же духъ*, т. е. тою же помощію, которою тотъ забавился отъ бѣдствій, и мы спасаемся, и тѣмъ же Духомъ, которымъ онъ говорилъ, и мы говоримъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ здѣсь и то, что между вѣхнѣмъ и повѣмъ завѣтомъ

находится большое согласіе, что одинъ и тотъ же Духъ дѣйствовалъ въ обоихъ завѣтахъ; также что не мы одни подвергаемся бѣдствіямъ, но и всѣ древніе подвергались имъ, и что болѣе надо утверждаться въ вѣрѣ и надеждѣ, а не искать тотчасъ же избавленія отъ постигающихъ насъ (бѣдствій).

Доказавъ, такимъ образомъ, чрезъ умозаключенія воскресеніе и жизнь, и что бѣдствіе не есть признакъ безсилія и оставленія отъ Бога, (апостолъ) переходитъ наконецъ къ вѣрѣ, и къ ней все направляетъ. Но и для утвержденія этой вѣры онъ опять указываетъ на воскресеніе Христова, говоря: *и мы вѣруемъ, тѣмъ же и глаголемъ*. Чему же вѣруемъ? *Яко воздвигий Иисуса, и насъ воздвижнетъ и предпоставитъ съ вами*. *Вся бо васъ ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодареніи избыточествуетъ въ славу Божію* (ст. 16). Опять внушаетъ (коринфянамъ), чтобы они полученные благодѣянія не приписывали людямъ, т. е. лжеапостоламъ, потому что все отъ Бога, Который благоволилъ изливать благодѣянія Свои на многихъ для того, чтобы большее число людей благодарили Его. Для васъ, говоритъ, Его воскресеніе и все прочее. Не для одного только человѣка Онъ столько совершилъ, но для всѣхъ. *Тѣмъ же и не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (ст. 16). Какимъ образомъ *тлѣетъ*? Когда терпитъ бичеванія, гоненія и другія безчисленныя бѣдствія. *Обаче внутренній обновляется по вся дни*. Какъ обновляется? Вѣрою, надеждою, ревностію. Потому надо быть мужественными въ бѣдствіяхъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе страдаетъ тѣло, тѣмъ болѣе душа имѣетъ благихъ надеждъ и тѣмъ болѣе просвѣтляется, какъ золото, много испытанное дѣйствіемъ огня. И смотри, какъ онъ отнимаетъ силу у скорбей настоящей жизни. *Еже бо нынѣ легкое печали, говоритъ, по преумноженію въ преспѣваніе вѣчную тяготу славы содѣлываетъ, не смотрящимъ на нѣвидимыхъ, но невидимыхъ* (ст. 17, 18). Все дѣло полагаетъ онъ въ надеждѣ. И какъ въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ: *упованіемъ спасаемся, упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Рим. viii, 24), къ тому же и здѣсь приводитъ слушателя, когда настоящее противопоставляетъ будущему, временное—вѣчному, легкое—трудному, скорбь—славѣ. И не довольствуясь этимъ противоположеніемъ, онъ прибавляетъ еще другое выраженіе съ усугубленіемъ его, и говоритъ: *по преумноженію въ преспѣваніе* (καὶ ὑπερβολῇ εἰς ὑπερβολήν). Потомъ показываетъ и способъ, какъ облегчится тяжесть скорбей. Какъ же? *Не смотрящимъ на нѣвидимыхъ*, говоритъ, *видимыхъ, но невидимыхъ*. Если такимъ образомъ мы будемъ отвращать взоръ свой отъ видимаго, то настоящее будетъ для насъ легко, а будущее велико: *видимая бо временна; слѣдо-*

вательно, и скорби (временны). *Невидимая же вѣчна*; слѣдовательно, и вѣнцы таковы же. Не сказать онъ: однѣ скорби временны, но все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость,—чтобы и въ радости мы не расслабѣвали, и скорбями не тяготились. Потому же, говоря и о будущемъ, онъ не сказалъ: царствіе вѣчно, но: *невидимая вѣчна*, хотя бы то было царствіе, хотя бы мученіе,—чтобы мы этого послѣдняго страшились, а къ первому стремились. И такъ какъ видимое временно, а невидимое вѣчно, то къ невидимому и будемъ простирать наши взоры. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы извинимъ себя, если временное предпочтемъ вѣчному? Положимъ, что и временное пріятно, но оно непродолжительно; а мученія за него не будутъ имѣть ни конца, ни пощады. Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, которые будучи удостоены Духа Божія и получивъ столь великій даръ Божій, обратили взоры свои долу и ниспали къ земному? Слышу, какъ многіе говорятъ весьма смѣшныя слова: дай мнѣ нынѣшній день и возьми себѣ завтрашній. Если въ будущемъ вѣкъ дѣйствительно такъ, какъ говорите, то пусть будетъ одно за одно, а если тамъ вовсе нѣтъ ничего такого, то два за ничто. Что можетъ быть законопреступнѣе и безумнѣе такихъ словъ? Мы рассуждаемъ о себѣ и о пензренческихъ тамошнихъ благахъ; а ты предлагаешь намъ слова, употребляемыя только на конскихъ ристалищахъ. И ты не стыдишься и не закрываешь лица, говоря то, что свойственно говорить безумнымъ? Не краснѣешь отъ стыда, такъ сильно прилѣпившись къ настоящему? Не перестаешь безумствовать, говорить противъ здраваго смысла, и болтать какъ юноша? Неудивительно, если это говорятъ язычники, но людямъ вѣрнымъ можно ли простить такое безуміе? Ужели ты совсѣмъ не вѣришь тѣмъ надеждамъ, какія обѣщаютъ тебѣ въ вѣчности? Ужели все это для тебя сомнительно? Можетъ ли быть для этого какое-нибудь оправданіе? Но кто, скажутъ, пришелъ оттуда и возвѣстилъ, что тамъ есть? Правда, изъ людей никто не приходилъ; но Богъ, Который болѣе всѣхъ достоинъ нашей вѣры, открылъ это. Ты не видишь, что тамъ? Но ты не видишь и Бога; однако ужели потому, что не видишь, скажешь, что нѣтъ Бога? Напрасно, скажешь, я очень вѣрю (что Богъ есть).

3. Итакъ, если кто-нибудь изъ невѣрныхъ спросить тебя: а кто приходилъ съ неба, и возвѣстилъ тебѣ это? — что ты отвѣтишь ему? Откуда ты узналъ, что Богъ есть? Изъ вещей, скажешь, видимыхъ, изъ благоустройства, какое усматриваемъ во всемъ твореніи, и изъ того, что это всѣмъ извѣстно. А если такъ, то съ такою же вѣрою прими и слово о судѣ. Какъ же? скажешь ты. А вотъ какъ: я буду тебя спрашивать, а ты отвѣчай

миѣ. Правосуденъ ли этотъ Богъ, въ Котораго ты вѣруешь, и каждому ли воздастъ по заслугамъ, или напротивъ—Онъ хочетъ, чтобы злые благоденствовали и веселились, а добрые страдали? Никакъ, отвѣчаешь,—потому что и человѣкъ этого не потерпитъ. Гдѣ же будутъ наслаждаться благами тѣ, которые жили здѣсь добродѣтельно? Гдѣ, напротивъ, злые получаютъ наказаніе, если не будетъ другой жизни, послѣ настоящей, если не будетъ воздаянія? Видишь ли, что пока уже есть одно за одно, если не два за одно. А я покажу тебѣ, что праведнымъ будетъ не только одно за одно, но и два за одно; для грѣшниковъ же, которые адѣсь утѣшаются, все напротивъ. Дѣйствительно, проводшіе здѣсь свою жизнь въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ не получили и одного за одно, а живущіе добродѣтельно, напротивъ, получаютъ два за одно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, и адѣсь наслаждается блаженнымъ спокойствіемъ—тѣ ли, которые во зло употребили настоящую жизнь, или тѣ, которые любуемудрствовали? Ты, можетъ быть, скажешь, что первые; а я докажу тебѣ, что послѣдніе, призывая въ свидѣтели тѣхъ самыхъ, которые думали насладиться настоящими благами; и они не будутъ столько без- 463 стыдны, (чтобы стали говорить противъ того), что я намѣренъ сказать. Они часто проклинали виновниковъ брака, и тотъ день, въ который убраны были брачныя чертоги ихъ, и называли счастливыми тѣхъ, кто не вступалъ въ бракъ. Многіе юноши, вступившіе въ брачный возрастъ, отказались отъ него единственно по причинѣ заботъ, соединенныхъ съ брачною жизнью. Впрочемъ, я говорю это не въ укоризну брака,—который честенъ,—но (въ укоризну) тѣхъ, кто худо воспользовался имъ. Если же вступившіе въ бракъ часто считаютъ свою жизнь невыносимой, то что сказать о тѣхъ, которые низверглись въ ровъ распутства, и чрезъ то попали въ состояніе рабства гораздо болѣе жалкаго, нежели рабство какого бы то ни было плѣнника? Что сказать о тѣхъ, которые отъ невожденія сгнили, и тѣла свои подвергли безчисленнымъ болѣзнямъ? А слава, скажутъ, развѣ не приноситъ удовольствія? Напротивъ, нѣтъ ничего несноснѣе такого рабства. Ищущій суетной славы и желающій всѣмъ угодить рабствуетъ хуже всякаго послѣдняго слуги. Напротивъ, кто презрѣлъ эту славу и не заботится о томъ, чтобы другіе прославляли его, тотъ выше всѣхъ. Скажешь,—имѣть богатство возжелѣнно? Но мы нѣсколько разъ уже доказывали, что богаты и благоденствуютъ гораздо болѣе тѣ, которые свободны отъ этого бремени, и ничего не имѣютъ. И упиваться виномъ пріятно. Но кто бы сказалъ это? Итакъ, если гораздо пріятнѣе не имѣть богатства, нежели имѣть его; не вступать въ бракъ, нежели вступать въ

него; не искать славы, не жели искать ея; удалаться роскоши и пѣги, не жели утопать въ нихъ,—то и здѣсь еще болѣе имѣютъ тѣ, которые не прилѣпляются къ земнымъ благамъ. Я не говорю уже о томъ, что такой человѣкъ, хоть бы подвергся безчисленнымъ бѣдствіямъ, имѣетъ еще утѣшительную надежду, которая его поддерживаетъ, между тѣмъ какъ прилѣпившійся къ земному, хотя бы наслаждался безчисленными удовольствіями, смущается страхомъ будущаго и портитъ себѣ этимъ все удовольствіе. Дѣйствительно, и это немалый родъ наказанія; равно какъ и противный—проистекающій изъ самыхъ удовольствій и радостей земныхъ. Но есть для нихъ еще и третій родъ наказанія. Какой же это? Тотъ, что утѣшенія житейскія даже и тогда, когда они бывають, не открываются (въ полной мѣрѣ), такъ какъ и природа ихъ и время обличають (ихъ ничтожество). Между тѣмъ утѣшенія небесныя не только истинны, но и пребываютъ неизмѣнны. Итакъ, видишь ли, что мы можемъ представить тебѣ не только два за ничто, но и три и пять и десять и двадцать и безчисленное множество за ничто? Но чтобы ты яснѣе могъ узнать это на примѣрѣ, то вотъ примѣръ богатаго и Лазаря: одинъ наслаждался благами пастоящей жизни, а другой предвкушеніемъ благъ будущихъ. Ужели ты думаешь, что одно и то же—вѣчно терпѣть мученіе и въ короткое время претерпѣть голодъ? Ужели все равно: терпѣть болѣзни въ тлѣнномъ тѣлѣ, и въ нетлѣнномъ страшно мучиться въ пламени; быть увѣчаннымъ и торжествовать въ безсмертной жизни за кратковременную болѣзнь въ здѣшней жизни, и мучиться тамъ безъ конца за кратковременное наслажденіе земными удовольствіями? И кто могъ бы сказать это? Чегожь еще хочешь? Того ли, чтобы мы показали качество и количество того и другого, судъ Божій и опредѣленіе Божіе о томъ и другомъ? Доколѣ вы будете говорить слова приличныя только тѣмъ, которые подобны жукамъ, ничего болѣе не знающимъ, какъ только копаться въ навозѣ? Разумнымъ людямъ несвойственно губить за ничто столь драгоценную душу, тогда какъ немного лишь стоитъ потрудиться, чтобы получить небо.

464 Если хочешь, я и иначе докажу тебѣ, что будетъ страшный судъ по смерти. Открой дверь твоей совѣсти, и посмотри на судію, сѣдѣщаго въ твоей душѣ. Если же ты, несмотря на самолюбіе, осуждаешь себя самого и не допускаешь, чтобы былъ произнесенъ неправедный судъ, то не гораздо ли болѣе Богъ попечется о Своемъ правосудіи и безпристрастно произнесетъ судъ о всемъ? Или Онъ оставитъ все на произволъ и безъ вниманія? Но кто отважится сказать это? Никто. Напротивъ, съ на-

шимъ мѣнїемъ согласны и эллины и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь родъ человѣческій,—хотя и не въ равной мѣрѣ, такъ какъ допускаютъ нѣкотораго рода судилища въ адѣ. Да такой степени это для всѣхъ ясно и несомнѣнно. Но скажутъ: для чего же здѣсь не наказываетъ Богъ? Для того, чтобы показать Свое долготерпѣніе, и чрезъ покаяніе доставить намъ спасеніе, чтобы въ противномъ случаѣ не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасенія тѣхъ, которые чрезъ перемѣну порочной жизни на лучшую могутъ еще спастись. Если бы Онъ тотчасъ наказывалъ cadaго за грѣхи его, то какъ бы спасся Павелъ, какъ бы Петръ, эти верховные учителя вселенной? Какъ бы Давидъ чрезъ покаяніе получилъ спасеніе? Какъ бы (получили спасеніе) галатяне и многіе другіе? Вотъ почему Онъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, но изъ всѣхъ только нѣкоторыхъ, и не всѣхъ тамъ, но одного (наказываетъ) здѣсь, а другого тамъ,—чтобы, здѣсь наказывая однихъ, чрезъ то возбудить и самыхъ безчувственныхъ (отъ усыпленія грѣховнаго) и, не наказывая другихъ, заставить ожидать будущаго наказанія. Ужели ты не знаешь, что многіе наказываются и здѣсь, какъ напримѣръ погребенные подъ развалинами башни (Лук. хш, 4), или тѣ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ ихъ жертвами (Лук. хш, 1), или тѣ изъ коринѣянъ, которые умирали внезапною смертію за то, что недостойно причащались таинъ (1 Кор. xi, 80), какъ фараонъ, какъ тѣ изъ іудеевъ, которые побиты были нѣкогда варварами, и какъ многіе другіе, какъ тогда, такъ и нынѣ, и всегда? И другіе, хотя и много нагрѣшили, но умерли, не получивъ здѣсь наказанія, какъ напримѣръ богачъ (жившій) во дни Лазаря, и многіе другіе.

4. Такъ поступаетъ (Господь) съ одной стороны для того, чтобы возбудить вѣру въ тѣхъ, которые не вѣрятъ будущему, съ другой стороны для того, чтобы и вѣрующихъ, но живущихъ безпечно, сдѣлать болѣе ревностными. Богъ судія праведный и сильный и долготерпѣливый и не наводитъ гнѣва на всякій день (Псал. vii, 12). Но если мы будемъ во зло употреблять Его долготерпѣніе, то придетъ время, когда Онъ нисколько уже не потерпитъ, но тотчасъ накажетъ. Итакъ, не будемъ предаваться мгновеннымъ удовольствіямъ,—а настоящая жизнь и есть мгновение,—чтобы не навлечь на себя вѣчнаго наказанія; но лучше—мгновение потрудимся, чтобы послѣ вѣчно торжествовать. Ужели вы не видите, что и въ дѣлахъ житейскихъ многіе такъ поступаютъ, и предпринимаютъ малый трудъ ради долговременнаго спокойствія, хотя часто и выходитъ наоборотъ? Здѣсь выгоды бываютъ соразмѣрны съ трудами, но часто и то бываетъ, что трудъ, тре-

буется необычайный, а польза отъ него очень малая, часто и той не бываетъ. Но не такъ въ царствѣ небесномъ: тамъ трудъ небольшой, а наслажденіе обильно и безпредѣльно. Вотъ смотри: здѣсь земледѣлецъ трудится цѣлый годъ, и часто подъ самый конецъ лишается и одежды и плода многихъ трудовъ своихъ.

465 Опять, мореплаватель и воинъ проводятъ жизнь до глубокой старости въ борьбѣ и трудахъ, но часто и тотъ и другой оставляютъ свое поприще такъ, что первый лишается богатаго своего груза, а второй вмѣстѣ съ побѣдою теряетъ и самую жизнь. Итакъ, скажи мнѣ, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда предпочитаемъ тяжкіе труды въ дѣлахъ житейскихъ, предпринимаемые для кратковременнаго успокоенія, или даже совсѣмъ напрасно,—потому что надежда въ нихъ очень сомнительна,—а въ дѣлахъ духовныхъ поступаемъ напротивъ, и за кратковременное нерадѣніе навлекаемъ на себя страшное наказаніе? Потому прошу васъ всѣхъ,—хоть поздно, но позаботьтесь высвободить себя изъ этого оцѣпенѣнія. Вѣдь въ то время никто уже насъ не избавитъ—ни братъ, ни отецъ, ни сынъ, ни другъ, ни сосѣдъ, ни другой кто, но если дѣла наши осудятъ насъ, то все будетъ потеряно, и мы непремѣнно погибнемъ. Какіе вопли испускалъ богачъ, какъ онъ умолялъ патріарха, и просилъ послать Лазаря? Но послушай, что отвѣчалъ ему Авраамъ: *пропасть между вами и нами, яко да хотящіе перейти отсюда къ вамъ не возмогутъ* (Лук. хvi, 26). Сколько дѣвы умоляли своихъ подругъ, чтобы онѣ удѣлили имъ немного елея? Но послушай, что и тѣ говорятъ: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Мѣ. ххv, 9). И никто не могъ ввести ихъ въ чертогъ Жениха. Размышляя объ этомъ, позаботимся и сами о своей жизни. На какіе бы труды ты ни указалъ, какія бы ни представилъ мученія, все это ничего не значитъ въ сравненіи съ будущими благами. Представь, если угодно, огонь, желѣзо, звѣрей или что-нибудь еще болѣе страшное: все это не составитъ даже и тѣни будущихъ мученій. Въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія мученія, когда усиливаются, тогда особенно и дѣлаются легкими, потому что ускоряютъ минуту освобожденія, когда тѣло не можетъ болѣе выносить ни жестокости, ни продолженія казни. Но тамъ будетъ не такъ. Тамъ соединяются и продолжительность и чрезмѣрность, какъ въ радостномъ состояніи, такъ и въ плачевномъ. Итакъ,

466 пока есть время, *предваримъ лице Его во исповѣданіи* (Псал. хciv, 2), чтобы тогда намъ узрѣть Его кроткимъ и милостивымъ, чтобы избѣжать тѣхъ грозныхъ силъ. Посмотри здѣсь на воиновъ, служащихъ своимъ начальникамъ, какъ они влекутъ виновныхъ, какъ вяжутъ, какъ бичуютъ, какъ прокалываютъ бока, какъ, для умноженія мукъ, подносятъ факелы, какъ отсѣкаютъ члены тѣла.

Но все это игрушка и смѣхъ въ сравненіи съ будущими мученіями. Эти мученія временны, а тамъ *ни червь не умираетъ, ни огонь не угасаетъ* (Марк. ix, 48), потому что и тѣло нетлѣнно. Не дай Богъ намъ узнать это на опытъ, но пусть эти ужасы останутся для насъ только на словахъ; не дай Богъ, чтобы мы были преданы тѣмъ мучителямъ, но чтобы здѣсь исправились. Сколько тогда будемъ мы говорить въ обвиненіе самихъ себя! Сколько будемъ плакать, сколько рыдать! Но все будетъ уже бесполезно. Такъ и кормчіе не помогутъ уже кораблю, когда онъ разрушился и погрузился на дно, ни врачи — когда больной умеръ. Послѣ только говорить, что то и то надлежало бы сдѣлать; но все тщетно, все напрасно. Тогда надлежитъ обо всемъ и говорить, и все дѣлать, пока еще есть надежда исправить дѣло. А когда не осталось ничего въ нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорить, и дѣлать. Тогда и іудеи скажутъ: *благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. xii, 13), но это восклицаніе нисколько не поможетъ имъ, чтобы избѣжать вѣчнаго наказанія, потому что, когда надобно было говорить это, они не говорили. Итакъ, чтобы и съ нами, въ соотвѣтствіе съ образомъ нашей жизни, не случилось того же, — перемѣнимъ отнынѣ нашу жизнь, чтобы предстать предъ судилище Христова со всякимъ дерзновеніемъ, которое и да сподобимся получить всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава (нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА X.

Вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разо- 465—466
рится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ (2 Кор. v, 1).

1. (Апостолъ) опять возбуждаетъ ревность коринѣянъ, среди многихъ скорбей ихъ. И легко вѣдь имъ было ослабѣть среди нихъ по причинѣ отсутствія (апостола). Что же онъ говорить? Не должно удивляться тому, что мы терпимъ скорби, и смущаться отъ этого, потому что отъ нихъ мы получаемъ великую пользу. Въ чемъ заключается эта польза, онъ сказалъ уже и раньше, а именно: (терпя скорби) мы носимъ мертвость Іисуса (iv, 10), и представляемъ въ себѣ неоспоримое свидѣтельство силы Его (именно говорить: *да преизобилуетъ сила будетъ Божія*, — iv, 7), и ясное доказательство воскресенія (*да живость Іисусовъ явится въ*

мертвенный плоти нашей,—iv, 11). Но такъ какъ онъ сказалъ, кромѣ того, что чрезъ скорби и внутренній нашъ человѣкъ дѣлается лучшимъ: *еще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (iv, 16), то, чтобы показать опять, какъ полезно терпѣть бичеванія и гоненія, присовокупляетъ еще, что когда страданія достигаютъ послѣдняго предѣла, тогда для претерпѣвшихъ ихъ произрастаютъ безчисленные блага. Чтобы ты, слыша, что внѣшній твой человѣкъ тлѣетъ, не сталъ скорбѣть, онъ говоритъ, что когда это случится вполнѣ, тогда-то ты больше всего и возрадуешься, и перейдешь къ лучшему жребію. Такимъ образомъ, тому, кто нынѣ отчасти тлѣетъ, не только не слѣдуетъ скорбѣть, а, напротивъ, должно еще и желать этого тлѣнія въ полной его мѣрѣ, потому что оно болѣе всего и ведетъ тебя къ нетлѣнію. Поэтому-то (апостолъ) и говоритъ: *ѣммы бо, яко еще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, хранину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ*. Такъ какъ (апостолъ) раскрываетъ опять ученіе о воскресеніи, относительно котораго они особенно хромали, то присоединяетъ въ качествѣ основанія судъ объ этомъ самихъ слушателей, и такимъ образомъ утверждаетъ это (ученіе),—впрочемъ не прямо, какъ прежде, но 467 какъ бы приведенный къ этому разсужденію другими размышленіями, потому что они были уже прежде наставлены (въ этомъ ученіи). *Вѣлимъ, говорить, яко еще наша земная хранина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, хранину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ*. Нѣкоторые подъ землею храниною разумѣютъ этотъ міръ, но я думаю, что (апостолъ) скорѣе намекаетъ здѣсь на наше тѣло. Смотри же, какъ онъ самыми наименованіями показываетъ превосходство будущаго предъ настоящимъ. Сказавъ: *земная хранина*, онъ противоположилъ ей небесную; сказавъ: *хранина тѣла* (хижина), тѣмъ указалъ на ея удоборазрушимость и кратковременность, противоположивъ ей хранину вѣчную. Слово—*хижина* дѣйствительно часто означаетъ кратковременность,—почему и Господь сказалъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. xiv, 2). Если же Св. Писаніе и называетъ иногда мѣста успокоенія святыхъ хижинами, то не просто, а съ прибавленіемъ (какого-нибудь другого слова). Такъ Господь не сказалъ: чтобы принялъ *въ кровы ови* (хижины—*σκηνας*), но: *въ вѣчныя кровы* (*αἱ τὰς αἰώνιους σκηνας*,—Лук. xvi, 9). (Апостолъ) называлъ будущую нашу хранину еще *нерукотворенною*, чѣмъ какъ бы указалъ на хранину рукотворенную. Что же? Ужали тѣло наше есть рукотворенное? Никакъ. Но онъ указываетъ или на здѣшніе рукотворенные дома, или, если не такъ, то называлъ будущее тѣло нерукотворенною храниною не для противоположенія, но для того, чтобы болѣе

возвысить его достоинство и усугубить его славу. *Ибо о семъ въздыхаемъ, въ жилище наше небесное облекшися желающе* (ст. 2). Скажи мнѣ, въ какое жилище? Въ нетлѣнное тѣло. Отчего же нынѣ въздыхаемъ? Оттого, что то тѣло гораздо лучше. Небеснымъ же называетъ его по причинѣ нетлѣнныя. Этимъ словомъ онъ выражаетъ не то, будто это тѣло низойдетъ на насъ съ неба, а указываетъ только на благодать, посылаемую съ неба. Итакъ, мало того, что не должно скорбѣть, когда постигаютъ насъ нѣкоторыя искушенія, но должно желать, напротивъ, всевозможныхъ (искушеній). Какъ бы такъ сказалъ (апостолъ): ты въздыхаешь, что тебя гонятъ, что твой вѣншній человѣкъ тлѣетъ. Воздыхай о томъ, что тебя не со всею жестокостію гонятъ, что твой вѣншній человѣкъ не истлѣетъ еще совершенно. Видишь ли, какъ онъ далъ рѣчи противоположное направленіе, показавъ, что не о томъ надобно въздыхать, что постигаютъ насъ нѣкоторыя искушенія, но о томъ, что они недостаточны. (Апостолъ) не назвалъ (будущее наше тѣло) хижиною, но *жилищемъ*; и весьма справедливо, потому что хижина легко разрушается, а жилище пребываетъ вѣчно. *Аще же (εἴ γε) и облекшеся ¹⁾, не назѣ обрящемся* (ст. 3). То есть, хотя и сложимъ съ себя это тѣло, однако не безъ тѣла тамъ явимся, но съ тѣмъ же самымъ тѣломъ, которое сдѣлается тогда нетлѣннымъ. Нѣкоторые же читаютъ: *аще точію (εἰκαρ) и облекшеся, не назѣ обрящемся*, — и весьма разсудительно. Чтобы не всѣ полагались на воскресеніе, (апостолъ) и говоритъ: *аще же (εἴ γε) и облекшеся, то есть въ нетлѣніе, и получивъ нетлѣнное тѣло, не назѣ обрящемся*—славы и извѣстности спасенія. О томъ же говоритъ онъ и въ первомъ посланіи, то есть, что хотя и всѣ воскреснемъ, *каждо же во своемъ чину; и: есть тѣлеса небесная, и тѣлеса земная* (хв, 28, 40). Воскресеніе будетъ для всѣхъ, но слава не для всѣхъ. Одни воскреснутъ въ чести, а 463 другіе въ безчестіи; одни для царствія, а другіе для мученія. То же самое онъ хотѣлъ показать и здѣсь, когда сказалъ: *аще точію и облекшеся, не назѣ обрящемся. Ибо сущіи въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ, понеже не хотимъ соделѣшися, но пооблечѣшися* (ст. 4).

2. Здѣсь онъ ясно и совершенно заграждаетъ уста еретиковъ, показавъ, что говоритъ не просто о томъ или о другомъ тѣлѣ, но о тлѣннѣ и нетлѣннѣ. Мы не о томъ, говорить, въздыхаемъ, чтобы освободиться отъ тѣла (потому что мы не желаемъ сложить его съ себя), но страстно желаемъ только освободиться отъ тлѣнныя, которое въ немъ находится. Потому и говоритъ, что

¹⁾ 'Ενδυσάμενοι; по повидимому Златоустъ читалъ здѣсь—'Ενδυσάμενοι, какъ показываютъ дальнѣйшія слова бесѣды.

мы хотимъ не совлечься тѣла, но только облечь его въ безсмертіе. Потомъ самъ же объясняетъ свои слова: *да пожерто будетъ мертвенное животомъ*. Такъ какъ для многихъ казалось тягостнымъ разлученіе съ тѣломъ, и онъ шелъ противъ всеобщаго голоса, говоря, что мы воздыхаемъ потому, что не желаемъ отъ него освободиться (если душа, могли сказать ему, такъ страдаетъ и скорбитъ, разлучаясь съ тѣломъ, то какъ же ты говоришь, что мы воздыхаемъ потому, что долго не освобождаемся отъ него), то, предупреждая такое возраженіе, (апостолъ) и говоритъ: и я не утверждаю, что мы о томъ воздыхаемъ, какъ бы сложить съ себя (никто безъ скорби не слагаетъ его, почему и о Петрѣ говорить Христосъ: возмуть тебя и поведуть, аможе не хочещи [Іоан. ххi, 18]), а о томъ какъ бы облечь его въ нетлѣніе. Оттого мы и тяготимся тѣломъ, т. е. не оттого, что носимъ тѣло, но оттого, что носимъ тѣло тлѣнное и страстное. Это-то и производить въ насъ скорбь. Но наступающая жизнь истребитъ и уничтожитъ тлѣніе,—именно тлѣніе, а не тѣло. А какъ же, скажешь ты, это произойдетъ? Не спрашивай о томъ,—Богъ это дѣлаетъ,—не любопытствуй. Потому и присовокупилъ: *сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ* (ст. 5). Этими словами онъ показываетъ, что это прежде было опредѣлено о насъ. Не теперь только это стало благоугодно Богу, но въ началѣ еще,—когда Онъ образовалъ насъ изъ земли, и создалъ Адама, а создалъ его не съ тѣмъ, чтобы онъ умеръ, но чтобы содѣлать его безсмертнымъ. Потомъ, чтобы болѣе удостовѣрить въ этомъ, присовокупилъ: *иже и даде обрученіе Духа*. Какъ тогда Онъ для этого (безсмертія) сотворилъ человѣка, такъ и теперь чрезъ крещеніе возсоздалъ его для той же цѣли, и въ удостовѣреніе этого далъ намъ немаловажный залогъ, Святого Духа. О залогѣ (апостолъ) упоминаетъ часто—какъ для того, чтобы показать себя должникомъ, такъ и для того, чтобы чрезъ это придать большую достовѣрность своимъ словамъ во мнѣніи людей болѣе слабыхъ. *Держающе убо всегда и ѣдѣюще* (ст. 6). *Держающе*, т. е. среди гоненій, озлобленій и непрестанныхъ опасностей смерти. Онъ какъ бы такъ говоритъ: гонить ли кто тебя, преслѣдуетъ ли, умерщвляетъ ли,—не унывай. Все это къ твоему благу. Не бойся, дерзай. То, о чемъ ты воздыхаешь и скорбишь, т. е. что ты работаешь тлѣнію,—это самое тлѣніе исхитить тебя изъ среды тлѣнія, и тѣмъ скорѣе освободить отъ этого рабства. Потому и говоритъ: *держающе убо всегда*, т. е. не только въ благоприятное время, но и во время скорбей. *И ѣдѣюще, яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа: въ рою бо ходимъ, а не видѣніемъ: дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу* (ст. 7, 8). Что всего важнѣе и выше, онъ поставилъ

на концѣ, — потому что со Христомъ быть лучше и выше, нежели получить нетлѣніе. Слово же его имѣетъ такой смыслъ: гонящій и убивающій насъ не отнимаетъ у насъ жизни; поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда разсѣкаютъ тебя на части. Это не только освобождаетъ тебя отъ тлѣнія и тяготящаго на тебѣ бремени, но и тотчасъ же отсылаетъ тебя къ Господу. Потому и не сказалъ: сущіи (*бүтес*) въ тѣлѣ, что мы находимся въ немъ, какъ странники въ гостинницѣ. *Видяще убо, яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа: дерзаемъ же и благоволимъ паче отыти отъ тѣла и вѣсти ко Господу.* Видишь ли, какъ онъ, умолчавъ о непріятныхъ именахъ смерти и кончины, замѣнилъ ихъ вожделѣннѣйшимъ наименованіемъ — *водворенія у Бога*; и напротивъ, оставивъ наименованіе, кажущееся пріятнымъ, именно — жизни, употребилъ непріятное, назвавъ здѣшнюю жизнь *удаленіемъ отъ Господа*. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы никто не только не услаждался настоящимъ, напротивъ, даже тяготился бы имъ; и чтобы никто, приближаясь къ смерти, не скорбѣлъ, а напротивъ, радовался, потому что переходить къ лучшимъ благамъ. Но чтобы кто-нибудь, услыша, что мы (находясь въ этомъ тѣлѣ) *отходимъ отъ Господа*, не сказалъ: что ты говоришь? ужели мы, живя здѣсь, находимся въ удаленіи отъ Него? — онъ отклонилъ это возраженіе, сказавъ: *отрою бо ходимъ, а не видѣнимъ*. И здѣсь мы имѣемъ познаніе о Немъ, но не столь ясное, а точно *въ зеркалѣ* и *въ гаданіи*, какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. хш, 12). *Дерзаемъ же и благоволимъ*. Вотъ до чего онъ довелъ рѣчи! До сильнѣйшаго желанія кончины: слово *благоволимъ* у него то же значить, что и сильно желаемъ. Чего желаемъ? *Отыти отъ тѣла и вѣсти ко Господу*. Такъ-то онъ всегда дѣлаетъ, о чемъ я и прежде замѣчалъ, — обращаетъ въ противную сторону слова противниковъ. *Тѣмже и тѣмъ, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти* (ст. 9). Но тамъ ли, здѣсь ли мы находимся, говорить, наше дѣло — только заботиться о томъ, чтобы жить сообразно съ Его волею, потому что въ этомъ наша главная обязанность. Такимъ образомъ съ этимъ благоугожденіемъ ты уже безъ сомнѣнія наслѣдникъ царствія. Но чтобы (вѣрующіе), приобрѣта такое страстное желаніе (отойти ко Господу), не сѣтовали на замедленіе этого отшествія, (апостолъ) здѣсь уже даетъ имъ то, что составляетъ главное изъ всѣхъ благъ. Что же это такое? То, чтобы благоугождать (Господу): не просто отойти отсюда — хорошо, но отойти благоугодивши; чрезъ это послѣднее хорошимъ становится и первое. Равнымъ образомъ не просто жить здѣсь тяжело, но тяжело жить оскорбляя (Бога).

3. Итакъ не думай, что для вѣчной жизни достаточно одного

разлученія съ тѣломъ. Вездѣ нужна добродѣтель. Вотъ почему, какъ, разсуждая о воскресеніи, онъ не далъ основанія полагаться только на него, сказавъ: *аще же и облещися, не назн обрящися*, такъ точно, говоря и о разлученіи (съ тѣломъ), чтобы ты не подумалъ, что этого только достаточно тебѣ для спасенія, присовокупилъ, что надобно еще быть благоугоднымъ Богу. Возбудивъ, такимъ образомъ, ревность многоразличными благами, (апостоль) не забылъ побудить ихъ и страхомъ угрожающихъ золъ; такъ какъ блаженство наше состоитъ и въ стяжаніи благъ, т. е. царства (небеснаго), и въ избѣжаніи золъ, т. е. геенны. Но желаніе избѣжать мученій сильнѣе дѣйствуетъ, и если бы вредъ ограничивался только лишеніемъ вѣчныхъ благъ, то многіе легко бы на это согласились; если же онъ соединенъ съ мученіями, то едва ли (кто согласится); конечно первое надлежало бы считать болѣе несноснымъ, но для многихъ, по причинѣ слабости ихъ и привязанности къ земному, послѣднее представляется болѣе тяжкимъ. Итакъ, въ виду того, что большинство слушателей не столько возбуждается обѣщаніемъ благъ, сколько угрозою наказаній, (апостоль) и счелъ необходимымъ здѣсь заключить рѣчь свою такъ: *всплн бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (ст. 10). Но опять, устранивъ и возбудивъ слушателя напоминаніемъ объ этомъ судѣ, онъ и здѣсь не оставилъ скорби безъ утѣшенія, и присовокупилъ нѣчто пріятное, сказавъ: *да приметь кйждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла*. Этими словами (апостоль) и живущихъ добродѣтельно, а между тѣмъ гонимыхъ, укрѣпляетъ надеждами, и ослабѣвшихъ дѣлаетъ болѣе ревностными страхомъ наказанія, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ также и ученіе о воскресеніи тѣлъ. Тѣло, говоритъ, которое служило добродѣтели или пороку, не будетъ исключено отъ участія и въ воздаяніяхъ: вмѣстѣ съ душою одни тѣла будутъ преданы мученіямъ, а другіе увѣнчаются наградами. Между тѣмъ нѣкоторые изъ еретиковъ говорятъ, что тѣло возстанетъ не прежнее, но другое. Какъ же это, скажи мнѣ? Одно тѣло грѣшило, а другое за то будетъ наказываться? Одно жило непорочно, а другое увѣнчается? И что вы скажете Павлу на слова его: *не хочемъ совлещися, но пооблещися*? Какъ же тлѣнное поглощается жизнью? Опъ не сказалъ: чтобы поглощено было смертное или тлѣнное тѣло тѣломъ нетлѣннымъ, но—чтобы тлѣніе живоюмъ. А это будетъ тогда, когда воскреснетъ то же самое тѣло. Если же прежнее тѣло будетъ оставлено, а вмѣсто него устроено другое, тогда тлѣніе не будетъ поглощено, но пребудетъ во всеі сплѣ. Потому и не будетъ этого, но *подобаетъ тлѣнному селн*, т. е. тѣлу, облещися въ нетлѣніе (1 Кор. хv, 58). Настоящее тѣло

находится между (тлѣніемъ и нетлѣніемъ): нынѣ оно тлѣнно, а послѣ будетъ нетлѣнно. И нынѣ оно въ этомъ состояніи (тлѣніи) находится потому, что нетлѣнію несвойственно разрушеніе: *тлѣніе, говоритъ, нетлѣнія не наслѣдствуетъ* (1 Кор. хv, 50),— иначе какъ будетъ нетлѣніе? Но, напротивъ, тлѣніе поглощается животою. Тлѣніе побѣждается нетлѣніемъ, но послѣднее первымъ никогда. Какъ огонь расплавляетъ воскъ, но воскъ не расплавляетъ огня, такъ и нетлѣніе истребляетъ и поглощаетъ тлѣніе; но тлѣніе никакъ не можетъ одержать побѣды надъ нетлѣніемъ. Итакъ, слыша Павла, говорящаго, что *намъ подобаетъ жити предъ судищемъ Христовымъ*, вообразимъ мысленно этотъ судъ и представимъ, что онъ уже совершается теперь и что требуется отчетъ. Я намѣренъ подробнѣе изобразить его, такъ какъ Павелъ, какъ говорившій о скорбяхъ и не желавшій возбуждать въ нихъ еще новыхъ скорбей, не продолжилъ далѣе слова (объ 471 этомъ судѣ), но высказавъ кратко суровый приговоръ: *каждо приметъ, яже содѣла*, тотчасъ перешелъ (къ другому разсужденію). Итакъ представимъ, что этотъ судъ уже наступилъ. Пусть каждый испытаетъ совѣсть свою, и вообразить, что уже пришелъ Судія, и все открывается и дѣлается явнымъ,—потому что мы не только будемъ предстоять, но и будемъ изобличены (на судѣ). Не краснѣете ли вы? Не смущаетесь ли?

Но если и нынѣ, когда еще не наступилъ день суда, когда мы просто напомнили о немъ, и только мысленно его представили, мы казнимся совѣстью, то что будетъ съ нами, когда дѣйствительно онъ наступитъ, когда вся вселенная предстанетъ на судъ, всѣ ангелы и архангелы, и другія (небесныя) силы, когда люди будутъ стекаться отъ всѣхъ концовъ земли, восхищаемые на облакахъ, когда всѣ будутъ объаты страхомъ, когда повсюду вострубятъ трубы и будутъ раздаваться неумолкаемые звуки? Подлинно, если бы и не было геенны, то быть отверженнымъ въ присутствіи столь свѣтлаго собранія и отойти съ безчестіемъ—какимъ великимъ было бы наказаніемъ! Если и нынѣ, когда выступаетъ царь со своею свитою, каждый изъ насъ, сознавая свое убожество, не столько получаетъ удовольствія отъ этого зрѣлища, сколько печали отъ того, что нисколько не можетъ участвовать въ великолѣпіи, окружающемъ царя, и не находится близъ него, то что будетъ тогда? Ужели ты считаешь маловажнымъ наказаніемъ—не быть включеннымъ въ этотъ сонмъ, не быть удостоеннымъ неизреченной славы, быть отлученнымъ куда-то далеко и надолго отъ этого торжества и неизреченныхъ благъ? Но когда и мракъ, и скрежетъ зубовъ, и неразрѣшимыя узы, и червь неумирающій, и огонь неугасающій, и скорбь, и тѣснота, и

страждущій въ пламени языкъ,—какъ это случилось съ богатымъ,—будуть удѣломъ челоуѣка; когда мы будемъ испускать вопли, и никто не будетъ насъ слышать, будемъ стонать, терзаться отъ невыносимыхъ болѣзней, и никто не будетъ внимать намъ, будемъ всюду озира́ться, и ни откуда не получимъ утѣшенія,—то съ чѣмъ сравнить жребій бѣдствующихъ такимъ образомъ? Что можетъ быть несчастіе этихъ душъ? Что можетъ быть болѣе достойно сожалѣнія?

4. Если мы, входя въ темницу и видя въ ней однихъ изсохшими (отъ печали), другихъ—обремененными оковами и страдающими отъ голода, иныхъ заключенными во мракъ,—приходимъ въ ужасъ, цѣпенѣмъ и всячески остерегаемся, какъ бы не попасть сюда, то что будетъ съ нами, когда насильно повлекутъ насъ для истязаній въ самую геенну? Тамъ оковы не изъ желѣза, но изъ огня никогда неугасающаго; и не одного рода съ нами будутъ тамъ у насъ приставники, которыхъ можно часто привести въ состраданіе, но ангелы, на которыхъ страшно будетъ и взглянуть, потому что они будутъ пылать великимъ гнѣвомъ на насъ за нашу непокорность Владыкѣ. Тамъ не такъ, какъ здѣсь: для облегченія бѣдствія твоего не принесутъ тебѣ—одинаго серебра, другой пищи, иной утѣшительнаго и отраднаго слова; тамъ всѣ будутъ чужіе. Даже и Ной, Іовъ и Давидъ, хотя бы увидѣли кого изъ своихъ родныхъ страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастныхъ. Тогда отнимется у насъ всякое состраданіе, свойственное теперь природѣ нашей. Такъ какъ благочестивые родители порой имѣютъ нечестивыхъ дѣтей, и благо-
472 честивые дѣти нечестивыхъ родителей, то, чтобы радость праведниковъ всегда была чистая и чтобы наслаждающіеся благами не возмущались состраданіемъ,—для этого, повторяю, и самое состраданіе отнимется, и они вмѣстѣ съ Владыкой воспылаютъ гнѣвомъ даже противъ единокровныхъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются отъ дѣтей своихъ, и исключаютъ ихъ изъ своего родства, когда видятъ ихъ живущими распутно, тѣмъ болѣе такъ поступать тогда праведники. Пусть, поэтому, никто не надѣется имѣть утѣшеніе въ той жизни, если не сдѣлалъ ничего добраго въ здѣшней, хотя бы и имѣлъ безчисленное множество праведныхъ предковъ: *кѣждо бо приметь, яже съ тѣломъ содѣла* (ст. 10). Мнѣ кажется, что (апостоль) здѣсь разумѣетъ и блудниковъ, и какъ ихъ, такъ и всѣхъ другихъ грѣшниковъ желаетъ привести въ страхъ ожидающими ихъ наказаніями. Послушаемъ же и мы! Если тебя палитъ огонь плотской похоти, противопоставь ему тотъ огонь (геенскій),—и огонь похоти твоей тотчасъ погаснетъ

и исчезаетъ. Хочешь ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о томъ скрежетъ зубовъ,—и страхъ обуздаетъ языкъ твой. Желаетъ ли сдѣлать какое хищеніе, послушай, что повелѣваетъ и говорить Судія: *связите ему руки и нозъ, и сверзите его во тѣмную крѣпкую* (Мѡ. ххп, 18),—и такимъ образомъ изгонишь и эту страсть. Если ты преданъ пьянству и ведешь жизнь невоздержанную, то послушай, что говорилъ богачъ: пошли Лазаря, чтобы конпомъ перста своего освѣжилъ горящій въ пламени языкъ мой,—и не получилъ помощи (Лук. хvi, 24, 25),—и отстанешь отъ страсти (невоздержанія). Если ты любишь увеселенія, рассуждай о тѣснотѣ и скорбяхъ, имѣющихъ быть тамъ; послѣ этого ты и думать о нихъ не станешь. Если ты жестокъ и немилосердъ, то припоминай тѣхъ дѣвъ, которыя за то, что погасли ихъ свѣтильники, оказались внѣ чертога Жениха,—и ты скоро сдѣлаешься человѣколюбивымъ. Нерадивъ ты и безпеченъ? Размышляй о судьбѣ скрывшаго талантъ свой,—и ты сдѣлаешься быстрѣе огня. Тебя снѣдаетъ страсть, какъ бы завладѣть достояніемъ ближняго твоего? Воображай непрестанно неумирающаго червя,—и легко освободишься и отъ этой болѣзни, и всѣ прочія (слабости) исправишь. (Богъ) ничего не заповѣдалъ намъ труднаго и тяжкаго. Отчего кажутся намъ тяжкими заповѣди Его? Отъ нашего разслабленія. Какъ самое трудное при нашемъ стараніи и ревности становится легкимъ и удобоисполнимымъ, такъ и легкое отъ нашей лѣности дѣлается тяжкимъ. Итакъ, рассуждая о всемъ этомъ, будемъ смотрѣть не на то, какъ нѣкоторые предаются роскоши и невоздержанію, а на то, каковъ будетъ ихъ конецъ. (Конецъ же ихъ) въ здѣшней жизни—гной и утучненіе плоти; а въ будущей—червь и огонь. Равнымъ образомъ, будемъ смотрѣть не на то, какъ нѣкоторые хищничаютъ, а на конецъ ихъ жизни; ихъ въ настоящей жизни снѣдаетъ безпокойство, страхъ и мученія совѣсти, а въ будущей ожидаютъ неразрѣшимыя узы. Будемъ рассуждать не о (людяхъ) славолюбивыхъ, а о томъ, что слѣдуетъ за славолубіемъ; но за нимъ послѣдуютъ—пресмыкательство и лицемеріе здѣсь, а тамъ невыносимое мученіе въ вѣчномъ пламени. Если мы будемъ такимъ образомъ размышлять сами съ собою и противопоставлять такія и подобныя (размышленія) нашимъ злымъ пожеланіямъ, то скоро изгонимъ изъ себя и любовь къ настоящимъ благамъ, и возжемъ въ себѣ любовь къ будущимъ. Итакъ, возжемъ, воспламенимъ эту любовь. Если одна мысль о благахъ небесныхъ, даже неясная, доставляетъ намъ столько удовольствія, то подумай, сколько радости должно принести самое наслажденіе ими. Блаженны, и трижды и безсчетно блаженны, наслаждающіеся тѣми благами; напротивъ, достойны 473—474

сжалѣнія и трижды несчастны тѣ, которые претерпѣвають мученія. Итакъ, чтобы намъ быть въ числѣ первыхъ, а не послѣднихъ, возлюбимъ добродѣтель. Такимъ образомъ мы наслѣдуемъ и будущія блага, которыя всѣ мы и да сподобимся получить благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

473 Вѣдуще убо страхъ Господень, человеки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы: уповаю же, яко и въ совѣстехъ вашихъ явлени есмы (2 Кор. v, 11).

1. Итакъ, говоритъ, зная это, т. е. тотъ страшный судъ, мы дѣлаемъ все такъ, чтобы не подать вамъ никакого повода даже ложно подозрѣвать насъ въ неискренности нашего дѣйствованія. Видишь ли строгую точность въ исполненіи обязанностей, и заботливось души, пекущейся (о благѣ другихъ)? Мы, говоритъ, подлежимъ осужденію, не только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлали бы что худое, но подвергаемся ему и тогда, когда ничего худого не сдѣлавши, бываемъ подозрѣваемы въ худомъ и, будучи властны удалитъ подозрѣніе, не заботимся о томъ. *Не нами себе хвалимъ, но вину даемъ вамъ похваленію о насъ* (ст. 12). Смотри, какъ онъ всегда предупреждаетъ подозрѣніе въ мнимомъ самохвальствѣ,—потому что ничто такъ не оскорбляетъ слуха слушателей, какъ разсказъ чего-либо великаго и необычнаго о себѣ самомъ. Но такъ какъ онъ вынужденъ былъ сказать о себѣ нѣчто такое, то и поправляетъ себя, говоря: мы дѣламъ это для васъ, а не для себя,—чтобы вы имѣли, чѣмъ хвалиться, а не мы; но и это не безъ цѣли, а по причинѣ лжеапостоловъ, почему и прибавляетъ: *къ хвалящимся въ лице, а не въ сердци*. Видишь ли, какъ онъ отвлекъ ихъ отъ лжеапостоловъ и привлекъ на свою сторону, показавъ, что и сами коринѣяне желаютъ воспользоваться случаемъ, чтобы защититъ его и отвѣчать за него тѣмъ, которые его порицали? Не для того, говоритъ, чтобы насъ хвалили, говоримъ это, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за насъ,—что доказываетъ вмѣстѣ и великую любовь его къ нимъ,—и не для того, чтобы вамъ хвалиться только, но чтобы васъ не обманывали болѣе. Такъ, впрочемъ, открыто онъ этого не сказалъ, а выразилъ то же другими словами, болѣе умѣренными, и не дѣлая имъ упрека, говоря: *да имате, чѣмъ похвалиться къ хва-*

ящимся съ лице. И это онъ заповѣдуетъ имъ дѣлать не просто и безъ всякой нужды, но когда лжеапостолы будутъ превозносятся, потому что онъ вездѣ соображается съ обстоятельствами. Итакъ, не для своей славы онъ говоритъ это, но чтобы заградить уста лжеапостоламъ, ко вреду коринѣянъ хвалящимся своими дѣлами. Но что значить—*съ лице*? Хвалиться наружными дѣлами, совершаемыми напоказъ. А лжеапостолы были дѣйствительно таковы, и все дѣлали изъ любочестія; будучи пусты въ душѣ,—хотя имѣли видъ благочестія, и казались достойными почтенія,—были чужды добрыхъ дѣлъ. *Аще бо изумихомся, Богови: аще ли цѣлоумудрствуемъ, вамъ* (ст. 13). Если, говорить, мы возвѣщаемъ 474 что-либо великое о себѣ (это называетъ онъ *изумленіемъ*, или, какъ въ другихъ мѣстахъ, *безуміемъ*), то дѣлаемъ это для Бога, чтобы вы, считая насъ немощными, не возгордились и не погнбли; если же говоримъ что смиренно и съ уничиженіемъ, то дѣлаемъ это для васъ, чтобы вы научились смиennemудрствовать. Или слова его имѣютъ такой смыслъ: если кто считаетъ насъ безумными, мы надѣемся за то получить награду отъ Бога, за Котораго мы подпадаемъ такому подозрѣнію, если же кто почитаетъ насъ смиennemудрыми, тотъ и самъ пусть научится отъ насъ смиennemудрію. И еще иначе: если кто считаетъ насъ безумными, тотъ пусть знаетъ, что мы для Бога такъ безумствуемъ. Поэтому и присовокупляетъ: *ибо любви Божія обдержитъ насъ суждишииъ сіе* (ст. 14). Не только, говорить, страхъ будущаго, но и то, что уже совершилось, не позволяютъ намъ быть безпечными и предаваться сну, но возставляютъ насъ и побуждаютъ трудиться для васъ. Что же такое, что уже совершилось? То, что *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша*. Слѣдовательно, всѣ погнбли, говорить. Если бы не всѣ умерли, то (и Христосъ) не за всѣхъ бы умеръ, потому что здѣсь, а не тамъ средства ко спасенію. Поэтому и говорить: *любви Божія обдержитъ насъ*, и не позволяетъ намъ молчать, и крайнее будетъ несчастье, жесточе самой геенны, если послѣ того, какъ Богъ совершилъ такое дѣло, нѣкоторые останутся не получившими никакого плода отъ такого промысленія Его о насъ. Подлинно, дѣло прензобильной любви—умереть за всю вселенную, и притомъ лежащую во злѣ. *Да живущіи не тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (ст. 15). Итакъ, если мы должны жить не для самихъ себя, то, говорить, вы не должны смущаться и безпокоиться отъ надвигающихся на васъ бѣдствій и смертей. И представляетъ очевидную причину, почему такъ должно поступать. Если, говорить, мы живемъ Умершимъ за насъ, то должны и жить для Того, которымъ живемъ. И хотя сказанное имъ содержитъ, по-

видимому, одну причину, однако, если тщательно рассмотримъ. то найдемъ слѣдующія двѣ: первую ту, что мы Имъ только живемъ, вторую ту, что Онъ умеръ за насъ. Каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, достаточна для того, чтобы содѣлать насъ покорными. Подумайте же, сколько мы должны быть обязаны, когда соединимъ обѣ вмѣстѣ. Но еще и третья причина скрывается въ его словахъ, именно та, что для тебя (Господь) воскресилъ и вознесъ на небо начатокъ нашего естества,—почему и прибавлено: *умершему за насъ и воскресшему. Тѣмже мы отъ нынѣ ни единого* 475 *тѣмъ по плоти* (ст. 16). Если всѣ умерли и всѣ воскресли, и умерли такъ, какъ осудило умереть владычество грѣха, воскресли же банею пакибытія и обновленія Духа Святаго, то онъ справедливо говоритъ, что мы *ни единого* изъ вѣрующихъ *тѣмъ по плоти*. Что въ самомъ дѣлѣ до того, если они находятся еще во плоти? Прѣжняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духомъ, и познали другое жительство, и пребываніе, и жизнь, и устроеніе, именно—небесныя. И всего этого виновникомъ (апостолъ) называетъ Христа, почему и прибавилъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ тому не разумѣемъ*.

2. Что же, скажи мнѣ, развѣ сложилъ Онъ съ Себя плоть, и теперь безъ тѣла? Нѣтъ, Онъ и теперь находится во плоти, потому что сказано: *сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ* (Дѣян. I, 11). Какъ такожде? Во плоти, съ тѣломъ. Какъ же онъ говоритъ: *аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ тому не разумѣемъ*? Въ приложеніи къ намъ, *по плоти* значитъ то же, что быть во грѣхахъ, а не *по плоти*—то же, что не быть во грѣхахъ. Въ приложеніи же ко Христу, *по плоти* не другое что означаетъ, какъ быть причастнымъ немощей человѣческаго естества, какъ-то: жажды, алканія, утомленія, сна (потому что Онъ *грѣха не сотвори, ни обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его* [Ис. LIII, 9; 1 Петр. II, 22], почему и говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* [Іоан. VIII, 46]? и еще: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не имать ницегоже* [Іоан. XIV, 30]); а не *по плоти* означаетъ то, что Онъ освободился уже и отъ этихъ немощей, а не то, чтобы Онъ находился теперь безъ плоти. Именно съ плотию, только уже непричастною страданіямъ и безсмертною, Онъ придетъ судить вселенную. Въ такое состояніе придемъ и мы, когда тѣло наше будетъ *сообразно тѣлу славы Его* (Филип. III, 21). Тѣмже *аще кто во Христа, нова тварь* (ст. 17). Доселѣ (апостолъ) занимствовалъ отъ любви побужденія къ добродѣтели, теперь возводитъ къ ней изъ разсмотрѣнія самыхъ дѣлъ. Потому присовокупилъ: *аще кто во Христа, нова тварь*. Кто, говоритъ, увѣровалъ въ него, тотъ

содѣлался другимъ созданіемъ, потому что таковой родился свыше чрезъ Духа. И по этой, слѣдовательно, причинѣ мы должны, говорить, жить для Него, — не потому только, что мы не свои (1 Кор. vi, 19), и не потому только, что Онъ умеръ за насъ, и воскресилъ начатокъ нашего естества, но и потому, что мы перешли въ другую жизнь. Смотри, сколько онъ приводитъ причинъ на то, что надо жить добродѣтельно. А чтобы показать, какъ важенъ этотъ переходъ и какъ много значить такая перемѣна, онъ даетъ и многозначительное наименованіе этому исправленію (жизни). Потомъ, чтобы болѣе объяснить сказанное и показать, какъ мы дѣлаемся новою тварію, онъ говоритъ: *древняя миноидоша, се быша вся нова*. Что же такое древнее? Или грѣхи и разные роды нечестія, или всѣ іудейскіе (обряды); а лучше — то и другое вмѣстѣ. *Се быша вся нова*. *Всяческая же отъ Бога* (ст. 18). А отъ насъ — ничего. И оставленіе грѣховъ, и усыновленіе, и нетлѣнная слава — 476 все отъ Него намъ даровано. Такимъ образомъ онъ возбуждаетъ ихъ къ добродѣтели не только уже будущими благами, но и настоящими. Смотри же, какимъ образомъ. Онъ сказалъ, что мы воскреснемъ нѣкогда, перейдемъ въ нетлѣніе и получимъ храмну вѣчную. Но такъ какъ для убѣжденія тѣхъ, которые не такъ вѣрятъ будущему, какъ нужно вѣрить, настоящее имѣетъ больше силы, чѣмъ будущее, то онъ показываетъ имъ и то, что они уже получили, и каковы они были тогда, когда получили. Каковы же они были, когда получили? Они были всѣ мертвые (всѣ, говорятъ, умерли, и Христосъ за всѣхъ умеръ: такъ всѣхъ равно возлюбилъ Онъ), всѣ одряхлѣли, застарѣли въ беззаконіяхъ.

Но вотъ теперь и душа новая (потому что очищена), и тѣло новое, и служеніе новое, и новыя обѣтованія, и завѣтъ, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто земного Іерусалима, мы получили вышній престольный градъ; вмѣсто чувственнаго храма узрѣли храмъ духовный; вмѣсто каменныхъ скрижалей получили плотныя; вмѣсто обрѣзанія — крещеніе; вмѣсто маннъ — тѣло Владычне; вмѣсто воды изъ камня — кровь изъ ребра; вмѣсто жезла Моисеева или Ааронова — крестъ; вмѣсто обѣтованной земли — царство небесное; вмѣсто безчисленныхъ іереевъ — Единнаго Архіерея; вмѣсто агнца безсловеснаго — Агнца духовнаго. Представляя всѣ эти и подобныя блага, (апостоль) и сказалъ: *вся нова*. И все это отъ Бога чрезъ Христа и Его благодать. Потому и присовокупилъ: *примирившаго насъ Себѣ Христомъ и дающаго намъ служеніе примиренія*, потому что всѣ блага даны намъ чрезъ Христа. Тотъ, кто содѣлалъ насъ друзьями Своими, есть виновникъ и всѣхъ другихъ (благъ), которыхъ Богъ даровалъ друзьямъ Его, потому что, не врагами насъ оставивъ, Онъ

одѣлилъ насъ такими дарами, но содѣлавъ друзьями Себѣ. Но когда я называю Христа виновникомъ нашего примиренія, то разумѣю вмѣстѣ и Отца; когда же говорю, что Отецъ даровалъ (это примиреніе), то опять разумѣю и Сына. *Вся Тѣмъ быша* (Іоан. 1, 8); слѣдовательно Онъ—виновникъ и этого. Не мы обратились къ Нему, но Онъ самъ призвалъ насъ къ Себѣ. Какъ же призвалъ? Смертію Христа. *И давшаго намъ служеніе примиренія.* Здѣсь (апостолъ) опять указываетъ на достоинство званія апостольскаго, показывая, сколь великое дѣло поручено имъ, и какъ велика любовь Божія къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, и послѣ того, какъ люди не послушали пришедшаго ходатая, (Богъ) не отвергнулъ и не оставилъ ихъ, но продолжаетъ звать ихъ какъ самъ, такъ и чрезъ другихъ. Кто достойно можетъ надивиться такому попеченію о насъ! Сынъ пришедшій для примиренія, Сынъ пріискренній и единокровный умерщвленъ; но Отецъ, не взпрая и на это, не отвергъ убившихъ Его, и не сказалъ: Я послалъ Сына Моего совершить Мое

477 посольство, а они не только не хотѣли послушать Его, но еще убили и распяли, потому праведно отвергнуть уже ихъ. Но поступить совсѣмъ напротивъ: по отшествіи отъ насъ Сына, Онъ вѣрилъ намъ дѣло примиренія: *давшаго намъ служеніе примиренія. Зане Богъ бо во Христѣ міръ примиряя Себѣ, не вѣняя имъ согрѣшеній ихъ* (ст. 19). Видишь ли любовь, превосходящую всякое слово, всякій умъ? Кто былъ обиженъ? Самъ (Богъ). Кто первый пришелъ для примиренія? Онъ же. Но, скажешь, Онъ послалъ Сына, а не самъ пришелъ? Да, Онъ послалъ Сына, но не одинъ Сынъ призвалъ насъ, а вмѣстѣ съ Нимъ и чрезъ Него дѣйствовалъ и Отецъ. Поэтому (апостолъ) и сказалъ, что *Богъ бо примиряя Себѣ міръ во Христѣ*, т. е. чрезъ Христа. Этими словами онъ поясняетъ выше сказанныя слова: *давшаго намъ служеніе примиренія*, и какъ бы такъ говорить: не подумайте, что мы виновники этого дѣла,—мы только служители; виновникъ же всего есть Богъ, примирившій съ Собою вселенную чрезъ Единороднаго. Какъ же Онъ примирилъ? Удивительно вѣдь не только то, что Онъ содѣлался другомъ, но еще болѣе то, что такъ содѣлался другомъ. Какъ же? Оставивъ имъ согрѣшенія: иначе не былъ бы и другъ, Потому (апостолъ) и сказалъ далѣе: *не вѣняя имъ согрѣшеній ихъ*. Дѣйствительно, если бы Онъ захотѣлъ требовать отчета во грѣхалъ нашихъ, то всѣ мы погибли бы, потому что всѣ умерли. Но при такомъ множествѣ грѣховъ нашихъ, Онъ не только не потребовалъ намъ наказанія, но и примирился съ нами; не только оставилъ грѣхи наши, но даже и не вѣнилъ ихъ намъ. Такъ и мы должны прощать враговъ своихъ, чтобы и самимъ получить такое же прощеніе. *И положи въ насъ слово примиренія.* И мы, го-

ворить, не для того пришли теперь, чтобы возвѣщать что-нибудь тяжкое, но чтобы сдѣлать всѣхъ друзьями Богу. Если мы, говоримъ (Господь), они не повѣрили, то вы не переставайте увѣщевать ихъ, пока не убѣдите. Потому и говорить далѣе: *по Христу убо молимъ, яко Богу молящему нами: молимъ по Христу, примиритесь съ Богомъ* (ст. 20).

8. Смотри, до чего онъ возвысилъ это дѣло, представляя самого Христа просящимъ о примиреніи, и не только Христа, но и самого Отца. Смыслъ же словъ его такой: Отецъ послалъ Сына Своего увѣщевать (людей), и исполнить посольство отъ Его имени къ роду человѣческому. Но такъ какъ Онъ, будучи умерщвленъ, отошелъ отсюда, то теперь намъ передано это посольство, потому и просимъ васъ отъ имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорогъ человѣческій родъ, что Онъ предать за него Сына Своего, напередъ зная, что Онъ будетъ умерщвленъ, и сдѣлалъ насъ апостолами для васъ,—такъ что справедливо сказать (апостолъ): *все для васъ* (1 Кор. ш, 22). *По Христу убо молимъ*, то есть, вмѣсто Христа, потому что намъ передано дѣло Его. Если же тебѣ это кажется преувеличеннымъ, то послушай еще далѣе, гдѣ онъ говоритъ, что они дѣлаютъ это не только вмѣсто Него, т. е. Христа, но и вмѣсто Отца. Потому и прибавилъ: *яко Богу молящему нами*. Не чрезъ Сына только, говоритъ, (Богъ) призываетъ людей, но и чрезъ насъ, которымъ передано дѣло Его. Итакъ не думайте, говоритъ, чтобы мы васъ просили,—самъ Христосъ чрезъ насъ проситъ васъ, и даже самъ Отецъ Христа. Что можетъ равняться съ такимъ пренебыткомъ (благости)? Будучи неблагодарно обиженъ за безчисленныя благодѣянія (отъ Него намъ данныя), Онъ не только не осудилъ насъ, но еще далъ Сына Своего, чтобы примирить насъ съ Собою; и когда тѣ, къ которымъ Онъ пришелъ, не только не примирились, но и убили Его, Онъ послалъ опять другихъ посланниковъ для призванія, и чрезъ нихъ самъ проситъ. О чемъ же проситъ? *Примиритесь съ Богомъ*. Не сказалъ: примирите съ собою Бога, потому что не Богъ враждуетъ противъ насъ, но мы противъ Него. Богъ же никогда не враждуетъ. Потому, какъ посланный посредникъ, оправдывая Его, говоритъ: *неотдѣшного бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (ст. 21). Я не говорю уже о томъ, что прежде было,—что вы показали себя крайне неблагодарными противъ Того, кто не причинилъ вамъ никакой обиды, напротивъ, облагодѣтельствовалъ васъ; не говорю и о томъ, что Онъ не осудилъ васъ за это, и что первый, будучи обиженъ, первый и проситъ; пусть все это покрыто будетъ молчаніемъ. Только того благодѣянія, которое Онъ сдѣлалъ для васъ нынѣ, не достаточно ли къ тому, чтобы

вы примирились съ Нимъ? Что же Онъ сдѣлалъ? *Невѣдѣннаго бо грѣхъ на насъ грѣхъ сотвори.* Если бы Онъ сдѣлалъ только одно это, и ничего другого, то подумай, каково было и это одно, что Онъ предалъ Сына Своего за оскорбившихъ Его? А Онъ много еще и другихъ благодѣяній сдѣлалъ для насъ, и сверхъ всего еще—не сдѣлавшаго никакой неправды осудилъ на страданія за неправедниковъ. Но (апостолъ) не сказалъ этого, а указалъ на нѣчто гораздо большее. Что же именно? То, что *невѣдѣннаго грѣха*—Того, Который есть самосущая правда—*грѣхъ сотвори*, т. е. допустилъ быть осужденнымъ, какъ бы грѣшнику, и умереть, какъ бы проклятому. потому что *проклятъ висѣй на деревѣ* (Втор. ххi, 23). Дѣйствительно, умереть на деревѣ гораздо болѣе значило, нежели просто умереть, на что указывая и въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: *послушавшѣ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. ii, 8). Такая смерть не только вмѣнялась въ наказаніе, но и въ безчестіе. Итакъ подумай, какъ много даровалъ тебѣ Богъ. Великое дѣло, когда и грѣшникъ умираетъ за кого-нибудь; но когда праведникъ страдаетъ такимъ образомъ и умираетъ за грѣшниковъ, и не просто умираетъ, но умираетъ какъ злодѣй, и не только вмѣняется съ злодѣями, но еще своею смертію даруетъ намъ великія блага, которыхъ мы и не ожидали (потому что говорится: *да мы будемъ правда Божія о Немъ*), то какое слово, какой умъ можетъ достойно обнять и изобразить это? Праведника, говоритъ, (Богъ) сдѣлалъ грѣшникомъ, чтобы грѣшниковъ сдѣлать праведными. Но онъ и не то еще сказалъ, а гораздо болѣе, именно указалъ не состояніе только, а самое качество. Онъ не сказалъ: сдѣлалъ грѣшникомъ, но—*грѣхъ сотвори*; и не только не согрѣшившаго, но и *невѣдѣннаго грѣха*; чтобы и мы были, не сказалъ—праведными, но—*правда*, и *правда Божія*. И дѣйствительно, эта правда есть Божія, когда мы оправдываемся не отъ дѣлъ,—потому что иначе надлежало бы быть безъ всякаго порока,—но благодатию, которая одна всякій грѣхъ уничтожаетъ. А это и отъ гордости удерживаетъ насъ,—такъ какъ все намъ даровано отъ Бога,—и вмѣстѣ съ тѣмъ показы-
479 ваетъ всю важность дарованнаго намъ. Первая правда отъ закона и отъ дѣлъ, а эта послѣдняя—*Божія правда*. Итакъ, обсудивъ все это, убоямся сказаннаго болѣе, нежели самой геенны, почтимъ дѣла (Божіи) выше, нежели самое царство небесное, и утвердимся въ мысли, что страшно—не мученія терпѣть, но грѣшить. Если бы (Богъ) и не наказалъ насъ, то намъ самимъ надлежало бы просить себѣ наказанія за то, что мы такъ неблагодарны оказались къ своему Благодѣтелю. Если сгорающій любовію къ жещинѣ, не получивъ взаимной любви отъ нея, часто

убиваетъ самого себя; а когда и получить, но въ чемъ-нибудь погрѣшнѣть противъ возлюбленной, считаетъ себя недостойнымъ жизни,—то, оскорбляя столь человѣколюбиваго и милосердаго (Бога), не должны ли мы сами себя повергнуть въ огонь геенскій? Скажу еще нѣчто странное, чудное и, можетъ быть, для многихъ невѣроятное: болѣе будетъ утѣшенія тому, кто за оскорбленіе такого Человѣколюбца терпитъ наказаніе, если только онъ имѣетъ умъ и любить Владыку, какъ должно любить, нежели тому, кто не понесетъ наказанія.

4. Что это такъ, можно видѣть изъ общаго у насъ обычая. Въ самомъ дѣлѣ, когда кто-нибудь обидѣтъ любимаго человѣка, то болѣе всего успокаивается тогда, когда самъ попроситъ себѣ наказанія и перетерпитъ какую-нибудь обиду. Такъ объ этомъ и Давидъ говорилъ: *азъ пастырь есмь согрѣшившій, и азъ есмь пастырь зло сотворившій, а сѣи овцы что сотвориша? Да будетъ рука Твоя на дому отца моего* (2 Цар. xxiv, 17). И когда онъ лишился Авессалома, то искалъ себѣ жесточайшаго наказанія,—хотя самъ былъ и не обидѣвшій, а обидимый; но такъ какъ сильно любилъ погибшаго, то самъ себя предалъ мученіямъ скорби, находя утѣшеніе себѣ въ этомъ. Такъ и мы должны наказывать самихъ себя, когда согрѣшаемъ противъ Того, противъ Котораго не должно грѣшнѣть. Видите, какъ лишившіеся любимыхъ дѣтей терзаютъ себя, рвутъ на себѣ волосы, находя облегченіе своей скорби о возлюбленныхъ въ наказанія самихъ себя? Если же и тогда, когда мы ничѣмъ не оскорбили возлюбленныхъ нашихъ, наше только злостраданіе о томъ, что они зло пострадали, приноситъ намъ утѣшеніе, то, когда мы сами оскорбили ихъ и совершили противъ нихъ неправду, не гораздо ли болѣе должно успокоить насъ несеніе наказанія, чѣмъ освобожденіе отъ наказанія? Это всякому извѣстно. Кто любитъ Христа, какъ должно любить, тотъ понимаетъ, что я говорю, т. е., что онъ самъ не потерпитъ остаться безъ наказанія, хотя бы (Христосъ) и простилъ его, такъ какъ одно оскорбленіе Его составляетъ уже величайшее наказаніе. Знаю, что я говорю невѣроятное для многихъ; однако, дѣло обстоитъ именно такъ, какъ я сказала. Если мы любимъ Христа, 480 какъ должно любить Его, то сами себя будемъ наказывать за грѣхи свои. Для любящихъ прискорбно не то, что за оскорбленіе любимаго они терпятъ какое-нибудь зло, но прежде всего самое оскорбленіе любимаго. И если этотъ послѣдній, прогнѣвавшись, не накажетъ перваго, то этимъ еще болѣе будетъ мучить его; а если накажетъ, то, напротивъ, успокоитъ и утѣшитъ его. Итакъ, будемъ страшиться не геенны, а оскорбленія Бога, потому что когда Богъ, въ гнѣвъ Своемъ, отвернется отъ насъ, то это

будеть тягче геенны, хуже всего, страшнѣе всего. А чтобы тебѣ болѣе увѣриться, насколько это худо, размысли о томъ, что я скажу. Если бы какой царь, видя наказываемаго какого-нибудь разбойника или другого преступника, отдать за него на смерть возлюбленнаго, единокровнаго, кровнаго и законнаго сына своего, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ смертью и вина разбойника перенесена была на невиннаго сына его, и чтобы виновный чрезъ то и отъ наказанія былъ освобожденъ, и отъ безчестія избавленъ; если бы сверхъ того онъ возвелъ его на высшую степень достоинства; а столь необычайно получившій спасеніе и почтенный такою славою послѣ оскорбилъ бы своего благодѣтеля,—то не пожелалъ ли бы онъ, если только не потерялъ ума, лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ оставаться виновнымъ въ такой неблагодарности? Такъ будемъ разсуждать и мы теперь, и горько плакать о томъ, что такъ неблагодарно оскорбляемъ Благодѣтеля своего. Не будемъ безпечно надѣяться на то, что Онъ оскорбляемый долго терпитъ; напротивъ, поэтому-то еще болѣе и будемъ сокрушаться. И у насъ—людей, если кто ударившему въ правую щеку подставитъ и лѣвую, мститъ этимъ больше, нежели когда бы взаимно ударилъ его тысячу разъ; равнымъ образомъ, и терпящій поношеніе, когда не только взаимно не поноситъ, но и благословляетъ поносящаго, этимъ гораздо сильнѣе уязвляетъ его, нежели взаимными безчисленными поношеніями. Если же мы такъ стыдимся людей, великодушно переносящихъ наши обиды, то не тѣмъ ли болѣе должны бояться Бога, когда непрестанно согрѣшаемъ, но не терпимъ за то никакого наказанія? Поистинѣ страшное наказаніе соблюдается на главу таковыхъ. Итакъ, помышляя объ этомъ, прежде всего убоимся грѣха, такъ какъ отъ него мученіе, отъ него геенна, отъ него всякое зло. И не только убоимся, но и будемъ убѣгать его, и стараться всегда благоугождать Богу. Въ этомъ и состоятъ царствіе, въ этомъ жизнь, въ этомъ тысячи благъ. Такимъ образомъ, мы еще и въ этой жизни приобщимся царствія небеснаго и будущихъ благъ, которыя всѣ мы и да сподобимся получить благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХП.

Споспѣшествующе же и молимъ, не вотще благодать ⁴⁸¹
 Божію пріяти вамъ. Глаголетъ бо: во время пріятно
 послушахъ тебе и въ день спасенія помогохъ ти
 (2 Кор. vi, 1, 2.)

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ, что Богъ призываетъ, а мы только посланники отъ Него, которые молимъ, чтобы вы примирились съ Богомъ, то, чтобы (коринѣяне) не предались безпечности, онъ снова устрашаетъ ихъ и возбуждаетъ, говоря: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ*. Не будемъ, говорить, предаваться безпечности потому, что Богъ насъ призываетъ, и послалъ къ намъ посланниковъ. Напротивъ, поэтому-то самому и будемъ всячески стараться угодить Богу, и собрать сокровища духовныя (о чемъ онъ и выше говорилъ, когда сказалъ, что *любовь Божія одержитъ насъ*, т. е. побуждаетъ, заставляетъ, нудитъ),—чтобы, послѣ такого попеченія, предавшись безпечности и не показавши ничего добраго, не лишиться вамъ столь великихъ благъ. Итакъ не думайте, что, если (Богъ) послалъ призывающихъ, это призваніе продолжится вѣчно. Оно продолжится только до второго пришествія; Онъ будетъ призывать, доколѣ мы находимся только здѣсь, а послѣ того судъ и мученіе. Это-то, говорить, и побуждаетъ насъ призывать васъ. Онъ часто возбуждаетъ вѣрующихъ не только величіемъ благъ и челоуѣколюбіемъ (Божіимъ), но и краткостію времени. Такъ въ другихъ посланіяхъ онъ говоритъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе* (Рим. xii, 12); и еще: *Господь близъ* (Филип. iv, 6). А здѣсь еще болѣе дѣлаетъ: побуждаетъ вѣрующихъ не только краткостію даннаго времени, но еще и тѣмъ, что это только время и благопріятно для спасенія. *Се нынѣ*, говорить, *время благопріятно, се день спасенія*. Не будемъ же терять благопріятнаго времени, но покажемъ достойное данной намъ благодати попеченіе. Потому, говорить, и мы сами спѣшимъ, зная и краткость, и благопріятность времени. Вотъ почему онъ сказалъ: *споспѣшествующе же и молимъ*. *Споспѣшествующе* вамъ, потому что мы помогаемъ болѣе вамъ, нежели Богу, отъ Котораго мы посланы. Онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; все спасеніе распространяется на васъ. Впрочемъ, этимъ не отвергается и то, что (апостолы) были споспѣшники и Богу, какъ и говорятъ въ другомъ мѣстѣ: *Богу есмы споспѣшники* (1 Кор. iii, 9). Къ этому-то спасенію, говорить, мы и призываемъ васъ: *и молимъ*. Когда же Богъ призываетъ ко спасенію, то не просто призываетъ, но представляя на то права Свои, именно то,

что Онъ далъ Сына-праведника, невѣдѣвшаго грѣха, и за насъ грѣшниковъ содѣлалъ Его грѣхомъ, чтобы мы сдѣлались праведными. Тому, Кто имѣетъ столько правъ и есть Богъ, не слѣдовало бы и призывать, и притомъ людей непокорныхъ; напротивъ, намъ бы надлежало призывать Его каждый день. И однако Онъ призываетъ. Мы же, говорить, призывая, не можемъ отъ себя представить вамъ никакого права или благодѣянія, развѣ то одно, что умоляемъ васъ именемъ Бога, открывшаго вамъ столько благодѣяній. Умоляемъ же для того, чтобы вы при-
 482 няли Его благодѣяніе и не отвергли дара. Итакъ, послушайте насъ—и не напрасно примите предлагаемую вамъ благодать. Чтобы (слушатели) не подумали, что примиреніе состоитъ только въ томъ, чтобы вѣровать въ Призывающаго, онъ требуетъ еще исправленія жизни, потому что, получивши прощеніе грѣховъ и примирившись (съ Богомъ), жить опять попрежнему значить то же, что снова возвратиться къ враждѣ и, въ разсужденіи жизни, напрасно принять благодать.

Благодать не спасетъ насъ при нечистой жизни; напротивъ, еще болѣе повредитъ намъ и усугубитъ грѣхи наши, если мы послѣ такого познанія и дара возвратимся къ прежнимъ беззаконіямъ. Впрочемъ (апостолъ) ясно пока еще не говоритъ этого, чтобы не сдѣлать слова своего тяжкимъ; а говоритъ только, что иначе мы не получимъ никакой пользы. Потомъ напоминаетъ пророчество, убѣждая тѣмъ и побуждая (коринѳяны) подвигнуться, чтобы получить спасеніе. *Глаголетъ бо, говорить, во время пріятно послушашъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти. Се нынѣ время благоприятно, се день спасенія* (ст. 2). *Время благоприятно.* Какое это время? Время дара и благодати, въ которое не отчета въ грѣхахъ требуютъ, не осужденіе произносятъ, но съ прощеніемъ грѣховъ предлагаютъ и наслажденіе безчисленными благами,—оправданіе, освященіе и всѣ другія. Сколько надлежало бы трудиться, чтобы дожидаться такого времени? Но вотъ безъ всякаго съ нашей стороны труда пришло это время, неся съ собою оставленіе всѣхъ прежде бывшихъ грѣховъ. Поэтому и называютъ его благоприятнымъ, такъ какъ (Господь) принимаетъ нынѣ и величайшихъ грѣшниковъ, и не только принимаетъ, но еще удостоиваетъ ихъ высочайшихъ почестей. Когда Царь пришелъ, то уже не суда время, но милости и спасенія. Потому и называетъ это время благоприятнымъ, доколѣ мы находимся въ подвигѣ, доколѣ работаемъ въ виноградникѣ, доколѣ остается одиннадцатый часъ.

2. Итакъ приступимъ къ подвигу, покажемъ жизнь добродѣтельную; къ тому же это и легко. Подвизающемуся въ такое время, въ которое излились столь великіе дары, столь великая

благодать, легко получить награду. И у земныхъ царей, во время торжествъ, когда они являются въ царскихъ одеждахъ, и мало потрудившійся получаетъ великіе дары; между тѣмъ какъ въ дни, когда они судятъ, требуется большая исправность и великое усиліе (чтобы получить что-нибудь). Поэтому и мы будемъ подвизаться въ столь благоприятное время, въ которое дается даръ. Нынѣ время благодати, Божіей благодати, когда легко можемъ получить вѣнцы. Если (Богъ) принялъ насъ обремененныхъ столькими грѣхами и простилъ, то не тѣмъ ли болѣе приметь насъ, когда мы прощены уже, и когда привносимъ нѣчто и отъ себя. Далѣе, какъ и всегда дѣлаетъ (апостолъ), выставляя самого себя на сцену, чтобы съ него брали примѣръ, такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь. Поэтому и присовокупляетъ: *ни едино ни въ чемъ же дающе претѣканіе, да служеніе наше безпорочно будетъ* (ст. 3),—заимствуя убѣжденіе не отъ времени только, но и отъ примѣра тѣхъ, которые подвизались какъ должно. И смотри, какъ скромно это дѣлаетъ. Не сказалъ: глядите на насъ, а мы таковы-то; но, какъ бы 489 защищаясь противъ обвиненія, исчисляетъ свои (подвиги). И полагаетъ два отличительныхъ признака безпорочной жизни, первый: *ни едино ни въ чемъ же дающе*—не сказалъ обвиненіе, но что гораздо маловажнѣе—*претѣканіе*,—т. е. никому не подавая и повода къ укоризнамъ противъ насъ,—*да служеніе наше безпорочно будетъ*,—чтобы кто не сталъ нападать (на это служеніе); и не сказалъ опять, чтобы кто не сталъ порицать или обвинять, но чтобы оно не подавало и случайнаго повода къ тому, чтобы кто-нибудь могъ порицать въ чемъ-нибудь. Второй признакъ: *но во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги* (ст. 4). Это гораздо выше (предыдущаго). Дѣйствительно, не одно и то же—быть свободнымъ отъ обвиненія, и устроить себя такъ, чтобы изъ всего видно было, что мы Божіи слуги; и не одно и то же—избѣжать порицанія, и быть достойнымъ похвалы. Не сказалъ: являясь (φαίνομαι), но: *представляюще себе* (προσβάλλω), т. е. показывая (себя таковыми на дѣлѣ). Далѣе говорить и о томъ, какимъ образомъ они сдѣлались таковыми. Какимъ же? *Въ терпѣніи*, говорить, *мнози*. Терпѣніе онъ положилъ основаніемъ благъ, почему и не просто сказалъ—въ терпѣніи, но—въ *терпѣніи мнози*, чтобы показать его важность. Дѣйствительно, перетерпѣть одну какую-нибудь бѣду или двѣ—еще не великое дѣло; потому и перечисляетъ множество скорбей и искушеній, говоря: *въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ* (ἀνάγχα). Но скорбь еще болѣе увеличивается, когда нельзя уклониться отъ несчастій, и когда точно неизбежная какая необходимость требуетъ злостраданій. *Въ тѣснотахъ*,—т. е. или въ тѣснотахъ голода и другихъ необходимыхъ потреб-

постей, или просто въ тѣснотахъ искушеній. Въ *ранахъ, въ темнищахъ, въ нестроєніихъ* (ἀκαταστάσις) (ст. 5). И каждое изъ нихъ само по себѣ тяжело: тяжело терпѣть бичеваніе, тяжело быть въ узахъ, тяжело не имѣть покоя отъ гоненій—это именно и значить *въ нестроєніихъ*; но когда постигаютъ всѣ эти скорби и притомъ сразу, то подумай, какая для этого потребна душа! Потомъ ко внѣшнимъ скорбямъ присовокупляетъ и тѣ, которыя отъ него собственно зависѣли: *въ трудахъ, въ бдѣніихъ, въ пощеніихъ, въ очищеніи* (ἀγνότητι). Этими словами онъ указываетъ на тѣ труды, которыми обременялъ себя, переходя съ мѣста на мѣсто, и дѣлая своими руками,—на тѣ ночи, въ которыя училъ, или трудился для себя, и со всѣмъ тѣмъ не забывая и поста, хотя и одни эти (подвиги) стоили не одной тысячи постовъ. А подъ *очищеніемъ* здѣсь онъ разумѣетъ или цѣломудріе, или чистоту во всемъ, или же нелюбостыжательность, или же то, что онъ даромъ проповѣдывалъ евангеліе. Въ *разумъ* (γνώσει) (ст. 6). Что такое *въ разумъ*? Въ мудрости, даруемой отъ Бога, которая истинно есть вѣдѣніе, а не какъ мнимые мудрецы, хвальнощіеся внѣшнимъ образованіемъ, а этой истинной мудрости лишены. Въ *долготерпѣніи, въ благодати*. И это важное свидѣтельство мужественной и благородной души—великодушно переносить пораженія и удары, отовсюду наносимые. Далѣе, чтобы показать, какъ онъ сдѣлался таковымъ, присовокупилъ: *въ Духъ Святъ*. Черезъ Него, говорить, мы все это совершаемъ. Но смотри, гдѣ онъ поставилъ помощь отъ Св. Духа,—послѣ уже исчисленія своихъ подвиговъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать этимъ и нѣчто еще другое. Что же такое? То, что мы обильно исполнены Духа Святаго, и свое апостольство оправдываемъ и тѣмъ, что удостоились духовныхъ дарованій, такъ какъ хотя это зави-
484 ситъ и отъ благодати, тѣмъ не менѣе и самъ онъ былъ причиною, своими дѣлами и подвигами привлекая на себя благодать. Если же кто думаетъ, что сверхъ сказаннаго (апостоль) выражаетъ этими словами еще и то, что онъ, въ употребленіи благодатныхъ даровъ, не подавалъ никому никакого соблазна,—думаю, и тотъ не не погрѣшитъ противъ смысла. Дѣйствительно, нѣкоторые (изъ коринѣянъ), получивъ даръ языковъ и возгордившись, тѣмъ подали поводъ къ осужденію себя, потому что получившій духовные дары можетъ и злоупотребить ими. Мы же, говорить, не таковы, но и *въ дусъ*, т. е. въ дарованіяхъ, пребыли безпорочными. Въ *любви нелицемѣрнѣ*.

3. Вотъ что было причиною всѣхъ благъ (имъ пріобрѣтенныхъ); вотъ что сдѣлало его таковымъ, и сохраняло въ немъ Духа, дѣйствіемъ Котораго все у него совершалось. Въ *словеси*

истины (ст. 7), о чемъ онъ часто упоминаетъ, т. е. что мы возвѣщали слово Божіе безъ обмана и безъ поддѣлки. *Въ силу Божіей*. Какъ всегда онъ поступаетъ,—т. е. ничего не относитъ къ самому себѣ, но все усвоетъ Богу и Ему приписываетъ всѣ свои дѣйствія,—такъ дѣлаетъ и адѣсь. Такъ какъ онъ сказалъ о себѣ много великаго, именно то, что проводилъ жизнь неукоризненную во всемъ, и показывалъ въ себѣ высочайшую мудрость, то все это усвоетъ Духу и Богу. Дѣйствительно, сказанное имъ было необычайно. Если и живущему въ тишинѣ трудно сдѣлаться добродѣтельнымъ и непорочнымъ, то подумай, какая должна быть душа у того, кто, обуреваемый столь многими скорбями, всегда сіяетъ. Но онъ не это только претерпѣлъ, а и гораздо болѣе того, какъ увидимъ далѣе. И не только то удивительно, что онъ пребылъ безпечаленъ, обуреваемый такими волнами, и мужественно перенесъ все, но еще болѣе то, что все это (перенесъ) съ радостію, — какъ на это онъ ясно указываетъ далѣе, говоря: *оружіи правды десными и шуми*. Видишь ли, какое присутствіе духа, и какая сильная душа? Онъ показываетъ, что скорби—это оружія, которыя не только не нислагаютъ (терпящихъ ихъ), но и ограждаютъ и укрѣпляютъ. *Шуми* же онъ называетъ мнимыя (доходы) скорби, потому что и эти имѣютъ свою награду. Почему же онъ такъ называетъ ихъ? Или потому, что говорить, сообразуясь съ понятіями другихъ, или потому, что Богъ повелѣлъ молиться и о томъ, чтобы не впасть въ искушеніе. *Славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ* (ст. 8). Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно такъ, говорить. Почему же? Казалось бы, терпѣть безчестіе—великое дѣло; а для наслажденія славою требуется невеликая душа? Напротивъ, великая и весьма великая,—чтобы, пользуясь славою, не впасть въ гордость. Вотъ почему онъ и о славѣ думаетъ такъ же, какъ о безчестіи, потому что онъ равно сіялъ въ томъ и другомъ случаѣ. Но какимъ же образомъ (слава) бываетъ оружіемъ правды? Такимъ, что многіе, видя учителей благочестія въ славѣ, и сами возбуждаются къ благочестію; она свидѣтельствуешь о добрыхъ дѣлахъ ихъ; такою славою прославляется и Богъ. И это есть дѣло премудрости Божіей, — чтобы проповѣданіе евангелія совершалось противными средствами. Смотри,—вотъ Павелъ былъ связанъ. И это было допущено для пользы евангелія: *яже о мнѣ*, говоритъ онъ, *паче во успѣхъ благовествованія приидоша: и множайшии братія надѣявшиися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (Филип. 1, 12, 14). Былъ онъ и въ славѣ. И это опять усугубляло ревность вѣрующихъ. *Славою и безчестіемъ*. Онъ переносилъ мужественно не только тѣ- 483

лесныя скорби, которыя исчислилъ выше, но и собственно душевныя. А и эти скорби обыкновенно сильно возмущаютъ духъ. Іеремія перенесъ много искушенія; а отъ этихъ изнемогъ, и когда его злословили, говорилъ: не стану пророчествовать, и не *воспомяну имени Господня* (Іерем. хх, 9). И Давидъ часто жалуется на злословія. А Исаія, послѣ многихъ другихъ утѣшеній, успокаиваетъ (іудеевъ) еще такъ: *не бойтесь укorenія челоука, и похуленію ихъ не покаряйтесь* (Ис. л, 7). И Христосъ говорить ученикамъ: *егда рекуть всякъ золь глаголь на вы лжуще, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. v, 11, 12), а въ другомъ мѣстѣ прибавляется еще: *и сыграйте* (Лук. vi, 23). Онъ не положилъ бы такой награды, если бы подвигъ этотъ не былъ великъ. Въ тѣлесныхъ страданіяхъ болѣзнь души раздѣляетъ и тѣло, потому что и тѣло и душа страдаютъ вмѣстѣ; а здѣсь (страдаетъ) одна душа. Потому-то многіе пали отъ однихъ душевныхъ скорбей и погубили души свои. Оттого и для Іова укорианы друзьяи его казались тяжелѣе ранъ и червей (Іов. хіх). Понистинѣ, нѣтъ ничего тягостнѣе для мучимыхъ скорбями, какъ слово, уязвляющее душу. Потому-то и (апостоль), перечисляя труды и подвиги свои, полагаетъ и этотъ, говоря: *славою и безчестіемъ*. Такъ многіе и изъ іудеевъ не хотѣли вѣровать (въ Господа), только изъ опасенія лишиться славы въ народѣ. Они боялись не казней, но того, чтобы не выгнали ихъ изъ сонмищъ (Іоан. v, 42). Потому (и Господь) говорилъ имъ: *како вы можете вѣровать, славу другъ отъ друга приѣмлюще* (Іоан. v, 44)? И многихъ можно бы указать, которые, презрѣвъ всѣ страданія, побѣждены были славою. *Яко лестцы, и истинни* (ст. 8). Это—то же, что и *гажденіемъ и благохваленіемъ. Яко незнаеми, и познаваеми*. Это—то же, что и *славою и безчестіемъ*. Для однихъ они были знаемы и достоуважаемы, для другихъ недостойны и того, чтобы знать ихъ. *Яко умирающе, и се живи есмы*, т. е. какъ приготовленные и осужденные на смерть,—что также составляло родъ безчестія.

4. А это сказалъ онъ для того, чтобы показать и неизреченную силу Божию, и ихъ терпѣніе. (Смотря по тому, говорить) какъ и до чего злобствовали противъ насъ враги наши, намъ непремѣнно надлежало бы умереть; такъ и всѣ думали; но Богъ спасать насъ отъ гибели. Далѣе, чтобы показать, для чего Богъ попускаетъ это, (апостоль) продолжаетъ: *яко наказуеми (пагубимыи), а не умерщвляеми*. Здѣсь онъ показываетъ, какая польза проистекаетъ отъ искушеній, еще прежде наградъ, и какъ сами враги невольно дѣлаются ихъ благодѣтелями. *Яко скорбяще, прискно же радующеся* (ст. 10). Другіе, смотря на насъ, думаютъ,

что мы скорбимъ, между тѣмъ какъ мы не только не скорбимъ, но ощущаемъ самое высшее удовольствіе. И не просто сказали: радуемся, но прибавили—*присно*, т. е. всегда. Что можетъ срав- 486 ниться съ такою жизнію, въ которой по мѣрѣ несчастій увеличивается радость? *Яко нищи, а мнози богатыице*. Нѣкоторые думаютъ, что здѣсь говорится о богатствѣ духовномъ, а я нахожу возможнымъ присовокупить и видимое богатство, потому что они и имъ обладали, поскольку чуднымъ нѣкоторымъ образомъ имѣли от- верстыя для себя всѣ дома. Это (апостолъ) и подтверждаетъ далѣе, говоря: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще*. Но какъ это возможно? Какъ возможно совмѣстить двѣ вещи совершенно противныя? Обладающій многимъ не имѣетъ ничего; а ничего не имѣющій владѣетъ всѣмъ! Однако не только въ этомъ, а и въ другихъ вещахъ часто одно противное производитъ другое противное. Если же тебѣ все еще кажется удивительнымъ, какъ возможно имѣть все тому, кто ничего не имѣетъ, то я представлю въ примѣръ самого (апостола), который повелѣвалъ всей вселенной, и былъ господиномъ не только ихъ имѣнія, но и самыхъ очей. *Аще бы было мощно, писалъ онъ, очеса ваша извертываше дали бысте ми* (Галат. iv, 15). Все же это говорить для того, чтобы научить насъ не смущаться человѣческими о насъ сужденіями,—хотя бы насъ называли льстецами, хотя бы не хотѣли и знать о насъ, хотя бы считали насъ преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бѣдными, ничего не имѣющими, хотя бы (считали насъ) находящимися въ уныніи и тогда, когда мы радуемся,—потому что и для слѣпыхъ солнце не свѣтитъ, и безумнымъ неизвѣстны удовольствія мудрыхъ. Одни только вѣрные умѣютъ справедливо цѣнить дѣла, и радуются и скорбятъ не о томъ, о чемъ другіе. Если бы кто, не имѣя никакого понятія о состязаніяхъ, увидѣлъ бойца, хотя украшеннаго вѣнцомъ, но имѣющаго раны, то, не зная того удовольствія, которое приносить бойцу вѣнецъ, конечно сталъ бы думать только о томъ, что тотъ испытываетъ мучительную боль по причинѣ ранъ. Такъ и тѣ знаютъ только то, что мы претерпѣваемъ, а того не знаютъ, за какую цѣну претерпѣваемъ, и потому естественно думаютъ, что мы только страдаемъ; они видятъ только борьбу и бѣдствія, а награду, вѣнцовъ и основанія подвиговъ не видятъ. Итакъ, что же это было, чѣмъ владѣлъ Павелъ, когда говорить: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще*? Блага земныя и духовныя. Въ самомъ дѣлѣ, кого какъ ангела принимали города, для кого готовы были исторгнуть и отдать свои очи, за кого готовы были положить свои головы,—какъ тотъ не былъ господиномъ и всего имъ принадлежащаго? Если же хочешь видѣть

его духовныя блага, то увидишь, что онъ и ими быть весьма богатъ. Кто такъ близко былъ къ Царю всяческихъ, что Владыка ангеловъ сообщилъ ему сокровенныя тайны,—тотъ какъ не превосходилъ всѣхъ и обиліемъ (духовныхъ благъ), и какъ же не имѣлъ всего? Иначе ему такъ не повиновались бы демоны, и и не стали бы убѣгать отъ него съ такою поспѣшностію болѣзни и недуги. Такъ и мы, если что несемъ ради Христа, должны нести не только мужественно, но и съ радостію. Постимся ли мы,—будемъ веселы, какъ пиршествующіе. Терпимъ ли поношеніе,—будемъ ликовать, какъ осыпаемые похвалами. Истрачиваемъ ли мы имѣніе,—постараемся быть въ такомъ расположеніи 487 духа, какъ будто приращаемъ его. Отдаемъ ли что бѣднымъ,—будемъ думать, что мы приобретаемъ, потому что кто не съ такимъ расположеніемъ даетъ, тотъ нелегко и даетъ. Итакъ, когда ты хочешь раздавать отъ своего имуществва, то не о томъ только думай, что ты расточаешь, но и о томъ, что гораздо болѣе приобретаешь; и о послѣднемъ даже прежде (думай), чѣмъ о первомъ. И не только при раздачѣ милостыни, но и во всякой добродѣтели помыслий не о суровости трудовъ, но о сладости награды; а прежде всего имѣй въ виду Господа нашего Иисуса, для Котораго предпринимаешь тѣ или другіе подвиги,—и ты легко выйдешь на подвиги, и въ радости проведешь все время жизни. Подлинно, ничто не приноситъ такого удовольствія, какъ добрая совѣсть. Вотъ почему Павелъ, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а нынѣ живущіе, и во снѣ не претерпѣвая ничего подобнаго, скорбятъ и унываютъ,—не отъ чего иного, какъ только оттого, что не имѣютъ любознательной души. Иначе, скажи мнѣ, о чемъ ты плачешь? О томъ ли, что ты бѣденъ и терпишь недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ? Но въ такомъ случаѣ больше о тебѣ нужно плакать,—не потому, что ты бѣденъ, а потому, что ты такъ малодушенъ; не потому, что у тебя нѣтъ денегъ, а потому, что ты такъ дорого цѣнишь ихъ. Павелъ умиралъ каждый день (1 Кор. хv, 31),—и не только не плакалъ, но еще и радовался. Онъ непрестанно боролся съ голодомъ,—и не только не скорбѣлъ, но и хвалился.

5. А ты оттого, что не имѣешь всего годового запаса, плачешь и терзаешь себя? Да, скажешь,—потому что онъ имѣлъ попеченіе только о себѣ, а я и о рабахъ, и о дѣтяхъ, и о женѣ. Напротивъ, онъ и одинъ заботился о нужномъ не для себя, но для всей вселенной. Ты заботишься объ одномъ домѣ, а онъ о такомъ множествѣ бѣдныхъ въ Іерусалимѣ, въ Македоніи и о всѣхъ неимущихъ—повсюду; заботился притомъ и о тѣхъ, которые давали, не менѣе, чѣмъ о тѣхъ, которые принимали. У него

была двойная забота о вселенной: и чтобы никто не терпѣлъ нужды въ вещахъ необходимыхъ, и чтобы всѣ обогащались духовными дарами. И тебѣ не причиняютъ такой скорби твои голодные дѣти, какую причиняли ему дѣла всѣхъ вѣрующихъ. Что я говорю—вѣрующихъ? Онѣ не были чужды заботы и о невѣрующихъ, напротивъ, до того были снѣдаемы заботою о нихъ, что молился за нихъ, и желалъ быть отвергнутымъ самъ ради ихъ спасенія (Рим. ix, 3). А ты, хотя бы въ тысячу разъ увеличился голодъ, не рѣшился бы умереть ни за кого. И ты заботишься объ одной женѣ; а онѣ о всѣхъ церквахъ въ цѣломъ мірѣ: у меня, говоритъ, *печеніе всѣхъ церквей* (2 Кор. xi, 28). Итакъ, доколѣ будешь шутить, сравнивая себя съ Павломъ, и скоро ли перестанешь страдать такимъ малодушіемъ? Не тогда должно плакать, когда мы бѣдны, но когда грѣшимъ. Только это одно достойно слезъ, а все прочее достойно даже смѣха. Но я не объ этомъ одномъ печалюсь, скажешь, а еще и о томъ, что такой-то облеченъ властію, а я въ безчестіи и презрѣніи. Что же изъ этого? И блаженный Павелъ для многихъ казался безчестнымъ и достойнымъ презрѣнія. Но то былъ Павелъ, скажешь. Значить, слѣдовательно, печаль твоя происходитъ не отъ свойства вещей, а отъ недостатка разсужденія. Итакъ, ты долженъ оплакивать не бѣдность свою, но себя, что находишься въ такомъ (жалкомъ ослѣпленіи). Вѣрнѣе же—не плачь и о себѣ, а лучше 459 исправся: не богатствъ ищи, а старайся о приобрѣтеніи того, что болѣе, нежели безчисленныя богатства, дѣлаетъ насъ радостными, то есть любомудрія и добродѣтели. При нихъ и бѣдность будетъ безвредна; а безъ нихъ нѣтъ никакой пользы и отъ богатства. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какую пользу получаютъ тѣ, которые изобилуютъ богатствомъ, а души имѣютъ бѣдныя? Не столько ты считаешь себя несчастнымъ, сколько такой богатъ считаетъ себя таковымъ потому, что не имѣетъ у себя (богатства) всѣхъ. Пусть онѣ не плачутъ такъ, какъ ты; но загляни въ его сердце, и ты увидишь тамъ вопли и воздыханія.

Хочешь ли, я покажу тебѣ твое богатство, чтобы ты пересталъ почитать блаженными имѣющихъ большое богатство? Видишь ли это небо, какъ оно прекрасно, какъ величественно, на какой высотѣ поставлено? Красотою его и онѣ наслаждается не болѣе твоего, и не можетъ тебя лишить его, и все присвоить себѣ,—потому что оно создано сколько для него, столько же и для тебя. А что сказать о солнцѣ? И это блестящее и свѣтозарное свѣтило, увеселяющее взоръ нашъ, не для всѣхъ ли смертныхъ открыто, и не всѣ ли равно наслаждаются имъ, какъ богатые, такъ и бѣдные? И сводъ звѣздный, и кругъ луны—не

всѣмъ ли равно принадлежать? Даже, странно сказать, мы бѣдныя пользуемся имъ болѣе, нежели они. Они, предаваясь безмѣрному пьянству и проводя жизнь въ пиршествахъ и непробудномъ снѣ, часто и не замѣчаютъ ихъ, находясь всегда подъ кровлею и любя жить во мракѣ; напротивъ, бѣдныя находятся въ такомъ положеніи, что болѣе всѣхъ наслаждаются пріятностями этихъ стихій. Равнымъ образомъ, если будешь разсматривать воздухъ, повсюду разлитый, то увидишь, что бѣдные и имъ пользуются въ большемъ количествѣ и гораздо чистѣйшемъ видѣ. Путешественники и земледѣльцы болѣе наслаждаются имъ, нежели живущіе въ городахъ; а въ этихъ послѣднихъ опять ремесленники болѣе, чѣмъ тѣ, кто по цѣлымъ днямъ предается пьянству. А что сказать о землѣ? Не всѣмъ ли она равно открыта? Нѣтъ, говоришь. Почему же, скажи мнѣ? Потому что богатый и въ городѣ, получивъ во владѣніе большее количество десятинъ земли, окружаетъ ихъ длинными стѣнами, и въ поляхъ отрѣзаетъ себѣ большіе участки. Что же? Ужели потому, что онъ отрѣзываетъ ихъ одному себѣ, одинъ онъ и пользуется ими? Никакъ, хотя бы онъ владѣлъ тысячами участковъ. Плоды ихъ онъ поневолѣ долженъ раздѣлять между всѣми; пшеницу, вино и елей онъ тебѣ готовить, и вездѣ для тебя служить. И огромныя ограды и зданія, сопряженныя съ несказаннымъ издержками, трудами и безпокойствами, онъ воздвигаетъ для твоей же пользы, получая отъ тебя за такую свою услугу только малое количество серебра. То же самое всякій можетъ увидѣть и въ баняхъ, и вездѣ, т. е. что богатые тратятъ и большія деньги, и обременены трудами и заботами, а бѣдные легко и спокойно пользуются плодами трудовъ ихъ за нѣсколько оловъ. Такимъ образомъ (богатый) ничѣмъ не болѣе твоего пользуется землею, и не десять желудковъ наполняетъ и онъ, но одинъ, какъ и ты. Но онъ питается роскошнѣйшими яствами? И это не большое преимущество; напротивъ, и здѣсь ты найдешь для себя предпочтеніе. Въ самомъ дѣлѣ, это обиліе и богатство стола возбуждаютъ въ тебѣ зависть тѣмъ, что доставляютъ много удовольствія; но у бѣднаго удовольствія еще больше, и сверхъ того онъ наслаждается также здоровьемъ. Развѣ тѣмъ только богатый превосходитъ бѣднаго, что дѣлаетъ свое тѣло болѣе слабымъ, и собираетъ въ себѣ большіе источники тяжкихъ болѣзней, потому что у бѣднаго все дѣлается согласно съ природою, а у богатого, который не знаетъ мѣры, все ведетъ къ разслабленію и болѣзнямъ.

6. Если угодно, разсмотримъ это на примѣрѣ. Если бы нужно было натопить печь,—и одинъ накидать бы въ нее шелковыхъ одеждъ и тонкихъ, искусно вытканныхъ занавѣсокъ, а

другой, напротивъ, наложилъ бы дровъ дубовыхъ и сосновыхъ, то чѣмъ лучше сдѣлалъ бы первый сравнительно съ послѣднимъ? Ничѣмъ,—напротивъ, даже хуже. Что же (мы можемъ нѣсколько и измѣнить этотъ самый примѣръ)? Если бы одинъ сталъ топить печь дровами, а другой тѣлами,—у какой печи остановился бы ты съ большимъ удовольствіемъ, у той ли, которую топили бы дровами, или у той, которую тѣлами? Безъ сомнѣнія у той, которая топилась бы дровами, потому что она топится естественнымъ образомъ, и тѣмъ представляетъ пріятное зрѣлище для зрителей; а та, напротивъ, гарью и смрадомъ, дымомъ и аловоніемъ костей прогнала бы отъ себя всѣхъ. Ты ужасаешься, слыша это, и чувствуешь отвращеніе къ такой печи? Но таковы и утробы богатыхъ. Въ нихъ ты найдешь еще больше, чѣмъ въ той печи, и смрада, и аловонныхъ испареній, и отвратительнаго запаха, потому что все тѣло ихъ и каждая часть его отъ пресыщенія отзываются большою несваримостью желудка. Вѣдь когда естественная теплота обезсилена, не можетъ переварить всей пищи, то послѣдняя пробивается на поверхность тѣла, подобно дыму, и производитъ отвратительный запахъ. Съ чѣмъ бы еще сравнить утробы богатыхъ? А вы не оскорбляйтесь моими словами; но если говорю неправду, изобличайте меня. Итакъ, съ чѣмъ же бы еще сравнить ихъ? Сказаннаго же еще недостаточно для полнаго изображенія того, какъ они жалки. Вотъ я нашелъ и другое сравненіе. Какое же? Какъ въ сточныхъ канавахъ, когда непрестанно умножающіеся наносы навоза, травы, тростнику, кам- 490
ней и тины производятъ въ нихъ завалы, потокъ грязи вырывается наконецъ на поверхность,—такъ точно бываетъ и съ утробами богатыхъ: вслѣдствіе стѣсненія ихъ внизу, большая часть такихъ аловонныхъ потоковъ устремляются на верхъ. Но не такъ у бѣдныхъ. Напротивъ, утробы ихъ такъ же чисты отъ такихъ аловонныхъ излишествъ, какъ источники, разливающіе чистыя воды и наполняющіе ими сады и луга. Совсѣмъ не таковы утробы богатыхъ или—лучше—предающихся пиршествамъ. Онѣ исполнены вредной влаги, мокроты, желчи, испорченной крови, гнилыхъ испареній и другихъ подобныхъ вещей. Потому-то никто изъ живущихъ роскошно не можетъ быть здоровымъ даже на краткое время, но проводить жизнь среди непрестанныхъ болѣзней. Въ виду этого я желалъ бы спросить ихъ: для чего намъ даны различныя снѣди? Для того ли, чтобы мы погибали отъ нихъ, или для того, чтобы ими питались? Для болѣзней, или для здравія? Для расслабленія, или подкрѣпленія? Очевидно, что для питанія, здоровья и подкрѣпленія. Для чего же вы злоупотребляете ими, создавая чрезъ нихъ для своего тѣла болѣзни и раз-

слабленіе? Напротивъ, бѣдный, питаюсь простою пищею, приобретаю здравіе, крѣпость и силу. Итакъ не плачь, находясь въ бѣдности, этой матери здравія; напротивъ, радуйся. И если хочешь быть богатымъ, презирай богатство. Подлинно, не въ томъ состоитъ богатство, чтобы имѣть богатство, но въ томъ, чтобы не заботиться о снисканіи его. Если мы такъ устроимъ себя, то и здѣсь будемъ богаче всѣхъ богатыхъ, и тамъ насладимся будущими благами, которыхъ всѣ мы и да сподобимся благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

489 Уста наша отверзошася къ вамъ, коринѣяне, сердце наше распространися. Не тѣсно вмѣщается въ насъ, утѣсняетесь же во утробахъ вашихъ (2. Кор. vi, 11, 12).

1. (Апостолъ) сказалъ о своихъ искушеніяхъ и скорбяхъ: въ терпѣніи, говоритъ, въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ изгнаніихъ, въ трудахъ, въ бѣжніихъ; показалъ, какъ они важны и благодѣтельны: яко скорбяще, говоритъ, присно же радующеся: яко нищи, а мнози богатѣюще: яко ничтоже имущи, а вся содержаще (ст. 10); назвалъ ихъ оружіемъ: яко наказуеми, говоритъ, а не умерщвляеми (ст. 9); обнаружилъ въ нихъ великое о насъ попеченіе Божіе и Его силу: да премножество, говоритъ, силы будетъ Божія, а не отъ насъ (iv, 7); изобразилъ опасность своихъ подвиговъ: всегда, говоритъ, мертвость Его носимъ (ст. 10); и что эта мертвость служить яснымъ доказательствомъ воскресенія: да и животъ Іисусовъ, говоритъ, лежитъ въ мертвеннѣй плоти нашей (ст. 11); сказалъ, чего онъ удостоенъ отъ Господа, и какое служеніе ему было ввѣрено: по Христу, говоритъ, молимъ яко Богу молящему нами (v, 20); и чего онъ былъ служитель, т. е. не писмене, но Духу (iii, 6); и что не только поэтому онъ достоинъ уваженія, но и ради самыхъ скорбей: Богу, говоритъ, благодареніе всегда побѣдители насъ творящему (ii, 14). Послѣ всего наконецъ онъ приступаетъ къ обличенію (коринѣянъ) въ томъ, что они мало имѣютъ расположенія къ нему. Впрочемъ, не тотчасъ начинается обличать ихъ, но сперва говоритъ имъ о той любви, которую онъ всегда обнаруживалъ къ нимъ, а потомъ уже приступаетъ и къ обличенію. Хотя бы обличающій и по своимъ добродѣтелямъ заслуживалъ уваженіе слушателей, но его

слово принимаютъ охотнѣе, когда онъ вмѣстѣ показываетъ и любовь свою къ обличаемымъ. Вотъ почему и апостолъ, упомянувъ сперва о своихъ искушеніяхъ, трудахъ и подвигахъ, переходитъ къ слову о любви своей къ нимъ, и потомъ уже начинаетъ обличать ихъ. Какъ же онъ свидѣтельствуется любовь свою 491 къ нимъ? *Уста наша*, говорить, *отверзошася къ вамъ, коринтеяне* (ст. 11). Что же это за свидѣтельство любви? И что вообще значать эти слова? Мы не хотимъ, говорить, молчать предъ вами, но всегда желаемъ говорить и бесѣдовать съ вами. А такъ поступаютъ обычно любящіе. И что для тѣла объятіе рукъ, то для души дружественная бесѣда. Вмѣстѣ съ этимъ онъ намекаетъ здѣсь еще и на нѣчто другое. Что же именно? То (говорить), что мы откровенно бесѣдуемъ съ вами, какъ съ возлюбленными, ничего не утаивая отъ васъ и ничего не скрывая. Такъ какъ онъ приступаетъ къ обличенію ихъ, то какъ бы просить у нихъ извиненія въ томъ, дѣлая самое обличеніе, смѣло высказанное, доказательствомъ сильной любви къ нимъ. И самое наименованіе (*коринтеяне*) выражаетъ великую любовь, расположеніе и горячность (чувства). Извѣстно, что мы часто повторяемъ и одни имена тѣхъ, кого любимъ. *Сердце наше распространися*. Какъ теплота расширяетъ (предметы), такъ и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродѣтель, которая и горяча, и разгорячаетъ. Она разверзала и уста Павловы, и расширила сердце его. Не устами только, говорить, люблю васъ, но (съ устами) согласуется и сердце. Потому я и говорю смѣло, открытыми устами и отъ всего сердца.

Подлинно, нѣтъ ничего пространнѣе сердца Павлова; оно такъ горячо любило всѣхъ вѣрныхъ, какъ кто-нибудь (любить) своего друга, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабѣвая, но пребывая въ каждомъ всецѣло. И удивительно ли, что Павелъ имѣлъ такую любовь къ вѣрнымъ, когда сердце его обнимало всю вселенную, и даже невѣрныхъ? Вотъ почему онъ и не сказалъ: я люблю васъ, но гораздо выразительнѣе: *уста наша отверзошася, сердце наше распространися*; мы всѣхъ имѣемъ въ сердцѣхъ и не кое-какъ, но съ большимъ просторомъ, потому что въ такомъ случаѣ любимый безъ всякой опасности помѣщается въ сердцѣ любящаго. Поэтому и говорить: *не тѣсно вмѣщается въ насъ, утѣшается же во утробахъ вашихъ* (ст. 12). Смотри, какъ онъ падаетъ и въ самыхъ обличеніяхъ. А это — свойство сильно любящихъ. Не сказалъ: вы не любите насъ, а (говорить только): не въ такой мѣрѣ (любите, какъ мы), — потому что не хочетъ сильно упрекать ихъ. Перечитывая его посланія, желающій и вездѣ можетъ увидѣть, до чего онъ любилъ вѣрующіхъ. Къ

примлянамъ, напрімѣръ, онъ пишетъ: весьма желаю (ἐπιθοῶ) видѣти васъ (I, 11); и еще: множицею восхотѣхъ прійти къ вамъ (ст. 13); также: *еще убо благопоспѣшенъ буду прійти къ вамъ* (ст. 10). А къ галатамъ пишетъ: чадца моя, имже паки болѣзную (IV, 19). И опять къ ефесеямъ: *сего ради преклоняю колѣна моя за васъ* (III, 14). Къ филиппійцамъ же (написалъ такъ): *кто бо ми есть упованіе или радость, или спѣвецъ похваленія? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19, Филип. IV, 1)?—и говорилъ, что онъ носитъ ихъ въ сердцѣ и во узахъ (Филип. I, 7). А къ колоссянамъ: *хочу же васъ видѣти, каликъ подвиговъ имамъ о васъ, и слѣзы не видѣша мя во плоти, да утѣшаются сердца ваша* (II, 1); и къ ессалоникійцамъ: *якоже до-
492 лица грѣетъ своя чада, тако желающе васъ благоволихомъ подати вамъ не точію благовѣствованіе, но и души своя* (1 Сол. II, 7, 8). Или Тимоѣю: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4); также Титу: *присному (ἀπαύριτον) чаду* (I, 4). Подобнымъ же образомъ и къ Филимону.

2. Много подобнаго пишетъ онъ и къ евреямъ, не переставая утѣшать ихъ подобно матери, уговаривающей печальныхъ дѣтей своихъ; *еще мало елико елико, грядый прійдетъ, и не укоснитъ* (Евр. X, 37). Съ тою же любовію и къ нимъ (коринѳеянамъ) говоритъ: *не тѣсно вмѣщается въ насъ*. Притомъ говоритъ, что не только онъ ихъ любитъ, но что и они любятъ его, желая этимъ еще болѣе привлечь ихъ къ себѣ. То же самое свидѣтельствуетъ онъ о нихъ, когда говоритъ, что пришелъ Титъ, *похваля намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность* (2 Кор. VII, 6, 7). То же и галатамъ: *еще бы было мощно, очеса ваша извертѣши дали бы-
сте ми* (IV, 15); и ессалоникійцамъ: *каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ* (1 Сол. I, 9); и Тимоѣю: *поминаю слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4). И вездѣ въ посланіяхъ его всякій можетъ найти свидѣтельства любви его къ ученикамъ своимъ и ихъ любви къ нему, хотя и не равной. Такъ и въ настоящемъ посланіи говоритъ онъ: *еще и излишии васъ любя, менше любимъ есмь* (XII, 15). Но такъ говоритъ онъ уже въ концѣ (посланія); а здѣсь еще сильнѣе: *не тѣсно вмѣщается въ насъ, утѣсняется же во утробѣхъ вашихъ*. Вы пріемлете, говоритъ, одного, а я — цѣлый городъ и столь многочисленный народъ. Не сказалъ опять — не пріемлете насъ, но — *утѣсняется*; этими словами онъ указалъ на то же, но только снисходительнѣе, чтобы обличеніе было не слишкомъ жестоко. *Тожде же возмездіе, якоже чадохъ многую, распространитесь и вы* (ст. 13). И хотя не одно и то же — прежде самому быть любимымъ, а потомъ уже любить другихъ, потому что волюбившій послѣ, хотя бы и равною платилъ любовію, по тому уже самому стоитъ ниже, что другой предварилъ

его любовію,—но я не вхожу, говорить, въ строгое разысканіе; для меня довольно, если вы, взявъ съ меня примѣръ, покажете ту же мѣру любви, какою я люблю васъ. Потомъ, чтобы показать, какъ это нужно для нихъ, и какъ слова его чужды всякаго ласкательства, прибавляетъ: *якоже чадамъ глаголю*. Что же значить: *якоже чадамъ*? Это значить—ничего болѣе не прошу отъ васъ, кромѣ вашей любви ко мнѣ, какъ отцу.

И замѣтъ благоразуміе и смиренномудріе (апостола). Онъ не говоритъ уже здѣсь о бѣдствіяхъ, какія претерпѣлъ за нихъ, о своихъ трудахъ, о смертныхъ опасностяхъ, хотя бы и много могъ сказать,—такъ онъ чуждъ гордости!—но говоритъ только о любви своей, и проситъ отъ нихъ взаимной любви,—за то, что я, говорить, отецъ вашъ, и сильно люблю васъ. Пользающагося любовію иногда очень раздражаетъ то, что ему напоминаютъ о благодѣяніяхъ,—потому что онъ видитъ въ этомъ упрекъ себѣ. Поэтому Павелъ и не дѣлаетъ такъ, а только говоритъ: возлюбите меня какъ дѣти отца, — что гораздо ближе къ природѣ (человѣческой), и составляетъ долгъ каждаго въ отношеніи къ отцу. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что онъ говоритъ это для своей пользы, показываетъ далѣе, что онъ для нихъ же блага желаетъ снискать любовь ихъ къ себѣ,—почему и присовокупляетъ: *не бывайте преложни ко иному ярму, якоже неострѣни* (ст. 14). Не ска- 493 залъ—не смѣшивайтесь съ невѣрными; но, чтобы сильнѣе обличить ихъ какъ нарушителей правды, говоритъ: не уклоняйтесь (на ихъ пути). *Кое бо причастіе правды къ беззаконію?* Здѣсь онъ дѣлаетъ различіе уже не между своею любовію и любовію тѣхъ, которые растлѣвали коринтеянъ, но между благородствомъ послѣднихъ и низостью первыхъ. Отъ этого и рѣчь его сдѣлалась важнѣе и сообразнѣе съ его достоинствомъ, а для коринтеянъ привлекательнѣе. Если бы сыну, не почитающему своихъ родителей и предающемуся людямъ развратнымъ, кто-нибудь сказалъ: что ты дѣлаешь, дитя? ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратныхъ и преданныхъ всякому нечестію? ужели ты не знаешь, сколько ты лучше ихъ и благороднѣе?—то такими словами онъ лучше бы отклонилъ его отъ общенія съ ними, чѣмъ когда бы сталъ восхвалять только отца. Такъ, если бы онъ сказалъ: ужели ты не знаешь, насколько отецъ твой лучше ихъ?—то этимъ ничего бы не сдѣлалъ. Напротивъ, если онъ, оставивъ отца, укажетъ на превосходство предъ ними самого сына, говоря: ужели ты не знаешь, кто ты и кто они? какъ ты не подумаешь о своемъ благородствѣ и свободномъ происхожденіи, а ихъ низости? что у тебя общаго съ такими ворами, прелюбодѣями, разбойниками?—то, какъ бы окры-

ливъ его такими похвалами, онъ легко расположить его къ тому, чтобы онъ оставилъ сообщество съ ними. Первые увѣщанія онъ не такъ легко приметъ потому, что восхваленіе отца будетъ служить уже обвиненіемъ, поскольку именно въ этомъ случаѣ онъ представляется оскорбителемъ не только отца, но и такого именно отца; здѣсь же онъ ничего подобнаго не услышитъ. Притомъ, кто не любитъ похвалы? И потому самое обличеніе, соединенное съ похвалою слушателя, бываетъ удобопріемлемѣе. Оно смятчаетъ, возвышаетъ духъ и заставляетъ гнушаться обществомъ съ худыми людьми. Но здѣсь достойно удивленія не только такое различеніе, но и то, что придумалъ нѣчто большее для возбужденія въ нихъ страха. Сперва именно онъ ведетъ рѣчь свою чрезъ вопросы, что обыкновенно бываетъ тогда, когда говорится о чемъ-нибудь для всѣхъ извѣстномъ и очевидномъ; потомъ же распространяетъ ее многими и различными наименованіями. Не одно, въ самомъ дѣлѣ, не два и не три, но многія наименованія (сравниваемыхъ) вещей полагаетъ предъ глазами слушателей, чтобы съ одной стороны изобразить высоту добродѣтели, а съ другой—крайнюю низость порока, и чрезъ великое, даже безконечное между ними разстояніе показываетъ, что дѣло не требуетъ болѣе никакого доказательства. *Кое бо, говорить, причастіе правды къ беззаконію? Кое же общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христови съ Велиаромъ? Или кая часть вѣрны съ неувѣрными? Или кое сложеніе церкви Божіей со идоли* (ст. 15, 16)?

8. Смотри, какія простыя, а между тѣмъ достаточныя слова употребляетъ (апостоль) для отвращенія (коринѣянъ отъ ярма неувѣрныхъ). Не сказалъ онъ: (какое общеніе у праведности) съ противозаконіемъ (παράνομία), но гораздо сильнѣе (съ беззаконіемъ—ἀνομία). Равнымъ образомъ не сказалъ: (какое общеніе) у находящихся во свѣтѣ съ пребывающими во тмѣ, но противопоставляетъ самыя вещи, противныя между собой и одна другую отвергающія, т. е. свѣтъ и тьму. Не сказалъ также: (какое согласіе) между послѣдователями Христа и чадами діавола, но — что гораздо болѣе обнаруживаетъ противоположность—между Христомъ и
 494 Велиаромъ,—еврейскимъ именемъ назвавъ этого отступника. *Или кая часть вѣрны съ неувѣрными?* Чтобы кто не подумалъ, что онъ просто лишь обвиняетъ зло и похваляетъ добродѣтель, онъ здѣсь указываетъ уже и лица, хотя и неопредѣленно. И не сказалъ: какое общеніе, но—какія награды, назвавъ ихъ частію (μερίς). *Кое сложеніе церкви Божіей со идоли? Вы бо есте церковь Бога жива.* Смыслъ этихъ словъ такой. Царь вашъ не имѣетъ ничего общаго съ діаволомъ (*кое бо согласіе Христови съ Велиаромъ?*); ничего общаго не имѣютъ между собою и дѣла ихъ: *кое бо общеніе свѣту*

ко тѣмъ? Потому и у васъ не должно быть никакого общенія съ нимъ (дѣяволѣмъ). Апостолъ прежде указываетъ на царя, а потомъ уже на нихъ,—чтобы тѣмъ скорѣе отвлечь ихъ отъ дѣявола. Далѣе, сказавъ: *(кое сложеніе) церкви Божіей со идами* и присовокупивъ: *вы бо есте церковь Бога жива*, (апостолъ) почелъ нужнымъ привести и свидѣтельство на это, желая показать, что эти слова не простая лесть,—такъ какъ кто хвалить, не представляя на то причинъ, о такомъ могутъ подумать, что онъ льститъ. Какое же (онъ приводитъ) свидѣтельство? *Вселюся въ нияъ и похожду*,—т. е. вселюся въ храмахъ этихъ и въ нихъ буду ходить, показывая тѣмъ великое къ нимъ благоволеніе, — *и будутъ Мнѣ въ людѣ, и Я буду имъ въ Бога* (Лев. xvi, 12). Для чего же, говорить, ты, нося въ себѣ Бога, бѣжишь къ идоламъ,—Бога, Который не имѣетъ съ ними ничего общаго? Такой поступокъ достоинъ ли какого-нибудь извиненія? Помысли, кто въ тебѣ живетъ и обитаетъ съ тобою. *Тѣмже изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь, и нечистотѣ не прикасайтесь: и Азъ прииму вы, глаголетъ Господь* (ст. 17). Не сказалъ: не творите нечистоты; но, требуя отъ нихъ большой точности, сказалъ: даже не прикасайтесь и не приближайтесь къ ней. Что же составляетъ нечистоту плотскую? Блудъ, прелюбодѣяніе и всякое плотоугодіе. А душевную? Нечистые помыслы, сладострастный взоръ, памятозлобіе, обманы и тому подобное. Онъ желаетъ, чтобы мы были чисты и отъ той и отъ другой нечистоты. Смотри, вотъ и награда за то,—отдѣленіе отъ нечестивыхъ и соединеніе съ Богомъ. Но послушай еще далѣе: *и буду вамъ во отца, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь* (Іерем. iii, 19). Видишь, какъ пророкъ издревле уже предсказалъ о настоящемъ благородствѣ нашемъ, т. е. о возрожденіи благодатию. *Сицева убо имуща обѣтованія, о оолюбленіи* (вц, 1). Какія? То, что мы сдѣлались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, что Онъ вселяется и обитаетъ въ насъ, что мы стали Его народомъ и Его имѣемъ Богомъ и Отцомъ своимъ. *Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа*,—не будемъ прикасаться къ нечистотѣ,—это именно и означаетъ *скверна плоти*,—и къ тому, что грязнить душу,—это именно и значить *скверна духа*. Этимъ однимъ однако онъ еще не довольствуется, и потому присовокупляетъ: *теоряще саятнню въ страсть Божіи*. Одно неприкосновеніе къ нечистому еще не дѣлаетъ чистымъ; чтобы сдѣлаться намъ святыми, для этого потребно и нѣчто другое,—именно ревность, бодрствованіе и благочестіе. И хорошо сказалъ онъ: *въ страсть Божіи*, потому что можно сохранять цѣломудріе и не въ страхѣ Божіемъ, но для суетной славы. Впрочемъ, онъ имѣлъ еще и другое въ виду, когда сказалъ: *въ*

страсть Божію, именно—способъ, которымъ достигается святость. Дѣйствительно, какъ ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхомъ Божиимъ, то побѣдишь ея неистовство. Подъ *святинею* же онъ разумѣть здѣсь не одно цѣломудріе, но и удаленіе отъ всякаго грѣха, потому что святъ тотъ, кто чистъ, а чистъ не тотъ, кто не творитъ только блуда, но кто чуждъ вмѣстѣ и сребролюбія, и зависти, и надменности, и тщеславія,—особенно же тщеславія, котораго и всегда нужно убѣгать, а болѣе всего при подаваніи милостыни. Милостыня, зараженная этой болѣзнію, перестаетъ быть уже и милостыней, а является хвастовствомъ и жестокосердіемъ.

Дѣйствительно, когда ты подаешь милостыню не изъ милосердія, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на позоръ своего брата. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы только давать деньги, но чтобы давать съ чувствомъ милосердія. И на зрѣлищахъ даютъ деньги—и распутнымъ отрокамъ и другимъ появляющимся на сценѣ; но это не милостыня. И блудники даютъ деньги блудницамъ; но это—дѣло не челоуѣколюбія, а пьянаго безчинства. Имъ-то подобенъ и тотъ, кто (подаетъ милостыню) изъ тщеславія. Подобно тому какъ оскверняющійся съ блудницею даетъ ей награду за наносимую ей обиду, такъ и ты, подавая милостыню изъ тщеславія, только награждаешь принимающаго ее отъ тебя за причиняемую ему обиду, и чрезъ это создаешь и себѣ и ему худую славу, а отсюда невыразимый вредъ. Какъ лютый звѣрь и бѣшеный песь нападаютъ на всѣхъ, такъ этотъ алой недугъ безчелоуѣчія похищаетъ у насъ наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть безчелоуѣчіе и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердный только самъ не подаетъ просящему, а ты хуже его дѣлаешь,—ты препятствуешь подавать желающимъ подать. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты всѣмъ выставляешь напоказъ свое подаваніе, то этимъ производишь въ сомнѣніе бѣдность принимающаго даръ твой, и тѣмъ удерживаешь отъ подаванія намѣревающагося подать, особенно если онъ челоуѣкъ легкомысленный. Такой челоуѣкъ уже не подаетъ просящему, какъ уже получившему подаваніе и не особенно нуждающемуся, и мало того—еще будетъ порицать его и обличать въ безстыдствѣ, когда онъ, получивъ отъ тебя милостыню, придетъ и къ нему просить.

4. Итакъ, какая это милостыня, когда ты безчестяешь ею и себя и того, кто получилъ ее, а еще болѣе Того, кто повелѣлъ творить ее, такъ какъ не довольствуешься тѣмъ, что самъ (Богъ) видитъ милостыню твою, и требуешь еще, чтобы и глаза собра-

тѣхъ твоихъ обращены были на нее, и такимъ образомъ преступаешь данную отъ Него заповѣдь, запрещающую поступать такъ. Желалъ бы я побесѣдовать съ вами и о другихъ добрыхъ дѣлахъ, и о постѣ, и о молитвѣ,—чтобы показать, какъ и здѣсь пагубно тщеславіе; но я вспомнилъ, что въ прошедшей бесѣдѣ не совсѣмъ окончилъ предложенное тамъ, очень нужное слово. О чемъ же тамъ было слово? Разсуждая о здоровьѣ и удовольствіяхъ, я говорилъ тамъ, что бѣдные имѣютъ преимущество предъ богатыми въ потребностяхъ жизни, и это доказано было ясно. Теперь покажемъ, что бѣдные преимуществуютъ предъ богатыми не только въ житейскихъ вещахъ, но и въ духовныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вводить въ царствіе Божіе—богатство или бѣдность? Послушаемъ, что говорить объ этомъ самъ небесный Владыка. О богатыхъ онъ говоритъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, нежели богатому въ царствіе Божіе (Мѣ. XIX, 24); а о бѣдныхъ сказалъ напротивъ: *аще хочещи совершить быши, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене: и имѣти имаша сокровище на небесахъ* (Мѣ. XIX, 21). Но если угодно, мы и съ другой стороны покажемъ истину сказаннаго. *Узкій и тѣсный путь*, говорить (Писаніе), *вводя въ животъ* (Мѣ. VII, 14). Но кто идетъ узкимъ путемъ: тотъ ли, кто проводитъ жизнь въ удовольствіяхъ, или кто въ бѣдности? Тотъ ли, кто идетъ безъ всякой ноши, или тотъ, кто несетъ на себѣ тысячу тяжестей? Изнѣженный и безпечный, или заботливый и старательный? Но что пользы въ умствованіяхъ? Лучше перейдемъ къ примѣрамъ. Лаазарь былъ бѣденъ, и очень бѣденъ, а богатый проходилъ мимо него, когда онъ лежалъ у воротъ (богатаго). Кто же изъ нихъ вошелъ въ царство (небесное), и обрѣлъ покой въ нѣдрахъ Авраамовыхъ? Кто, напротивъ, мучился въ огнѣ, и не могъ испросить даже капли воды? Но ты скажешь, что и изъ бѣдныхъ многіе погибли, и изъ богатыхъ многіе будутъ наслаждаться тѣми неизреченными благами. Напротивъ, должно знать, что только малое число богатыхъ спасется, а бѣдныхъ гораздо болѣе. Разсмотри и изслѣдуй тщательнѣе препятствія (къ спасенію) со стороны богатства и пороки бѣдности,—хотя тѣ и другіе собственно зависятъ ни отъ богатства, ни отъ бѣдности, а отъ тѣхъ, которымъ достались въ удѣлъ богатство или бѣдность; но посмотримъ все же, какое оружіе удобнѣе. Итакъ, какой порокъ кажется свойственнымъ бѣдности? Ложь. Какой (свойственнѣе) богатству? Гордость, которая есть мать пороковъ, отъ которой и діаволъ сдѣлался діаволомъ, не будучи таковымъ прежде. Опять, корень всѣхъ золъ сребролюбіе (1 Тим. VI, 10). Но кто стоитъ ближе къ этому корню—богатый или бѣд-

ный? Не очевидно ли, что богатый? Вѣдь чѣмъ большимъ кто окруженъ (богатствомъ), тѣмъ большаго еще желаетъ. Опять, тщеславіе губить безчисленныя добродѣтели. А богатый и къ нему тоже обитаетъ поблизости. Но почему же ты, скажутъ, ничего не говоришь о скорбяхъ и стѣсненномъ состояніи бѣднаго? Потому, что это удѣлъ и богатаго и даже еще болѣе, чѣмъ бѣднаго, такъ что несчастія, соединенныя повидимому съ бѣдностью, общи и бѣднымъ и богатымъ, между тѣмъ какъ несчастія богатаго угнетаютъ его одного. Но что (можно отвѣтить), скажутъ, на то, что бѣдный отъ недостатка необходимыхъ потребностей совершаетъ много злодѣяній? То, что никто изъ бѣдныхъ, никто не дѣлаетъ столько злодѣяній отъ бѣдности, сколько совершаютъ ихъ богатые, изъ желанія большаго богатства и изъ опасенія, чтобы не потерять уже хранящагося у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не столько бѣдный желаетъ необходимаго для себя, сколько богатый излишняго, да и столько силъ опять съ совершеніемъ зла онъ не имѣетъ, сколько богатый. Такимъ образомъ, если богатый и больше желаетъ зла и больше можетъ сдѣлать его, то очевидно, что онъ и дѣйствительно больше сдѣлаетъ. Не такъ бѣдный боится голода, какъ богатый трепещетъ, какъ бы не лишиться своихъ сокровищъ, и мучится оттого, что еще не завладѣлъ богатствами всего міра. Итакъ, когда богатый близокъ къ тщеславію, гордости и сребролюбію, которое есть корень всѣхъ золь, то какую будетъ имѣть онъ надежду на спасеніе, если не покажетъ въ себѣ великаго любу мудрїа? Какъ онъ рѣшится шествовать тѣснымъ путемъ? Не будемъ же, поэтому, идти за мнѣніемъ толпы, а будемъ изслѣдовать самыя вещи. Если мы не до вѣряемся другимъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ, а сами пересчитываемъ и пересматриваемъ ихъ, то не безразсудно ли было бы просто слѣдовать мнѣнію другихъ въ опредѣленіи достоинства дѣлъ нашихъ,—и притомъ не взирая на то, что мы имѣемъ

497—498 для этого вѣрные вѣсы, вѣрный образецъ и вѣрное правило—судъ божественныхъ законовъ? Потому прошу и умоляю всѣхъ васъ,—не обращая вниманія на то, какъ объ этомъ думаетъ тотъ или другой, узнавайте все это изъ святыхъ Писаній, и узнавъ изъ нихъ, въ чемъ состоитъ истинное богатство, будемъ стараться о снисканіи его, чтобы чрезъ то достигнуть намъ и вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Вмѣстѣ ны: ни единого обидѣхомъ, ни единого истлѣ- 497
хомъ, ни единого лихоимствовахомъ. Не на осужденіе
глаголю: прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте,
во еже умрети съ вами и сожити (2 Кор. vii, 2, 3).

1. (Апостолъ) опять говорятъ о любви, умѣряя строгость
обличенія. Такъ какъ онъ обличилъ и укорилъ ихъ въ томъ, что,
будучи любимы имъ, они не отвѣчаютъ ему такою же любовію,
напротивъ, отпали отъ любви его, и предались людямъ зловред-
нымъ,—то теперь смягчаетъ строгость укоризнъ своихъ, говоря:
амѣстите ны, т. е. любите насъ; просить у нихъ маловажной ми-
лости, которая приноситъ болѣе пользы оказывающимъ ее, нежели
принимающимъ. И не сказалъ—любите насъ, но, какъ бы вызы-
вая состраданіе, говоритъ: *амѣстите*. Кто, говоритъ, насъ уда-
лилъ? Кто исторгнулъ изъ мыслей вашихъ? Почему вытѣсняете
насъ изъ сердецъ вашихъ? Выше онъ сказалъ: *утѣсняетесь во
утробахъ вашихъ* (vi, 12), а здѣсь выражаетъ то же самое яснѣе
словами: *амѣстите ны*. И этимъ опять привлекаетъ ихъ къ себѣ,
потому что ничто такъ не возбуждаетъ любви, какъ наблюденіе
любимаго, что любящій сильно желаетъ любви его. *Ни единого
обидѣхомъ*. Смотри, онъ опять умалчиваетъ о своихъ благодѣя-
ніяхъ, но другимъ образомъ и смягчаетъ, и вмѣстѣ усиливаетъ
свое слово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря: *ни единого обидѣхомъ, ни еди-
ного истлѣхомъ, ни единого лихоимствовахомъ*, онъ указываетъ и
на лжеапостоловъ. Что значить: *истлѣхомъ*? То есть, никого не
обольстили, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *да не како, якоже
зміи Еву прельсти, тако истлѣютъ разумъ ваша* (2 Кор. xi, 3).
Ни единого лихоимствовахомъ, то есть, ни у кого ничего не похи-
тили, ни съ кѣмъ не поступали коварно. Не говоритъ еще: мы
оказали вамъ тѣ и другія благодѣянія, но, чтобы болѣе присты-
дить ихъ, говоритъ: *не обидѣхомъ*. Какъ бы такъ говорить: если бы
мы и никакого не оказали вамъ благодѣянія, и тогда вамъ не
надлежало бы отвращаться отъ насъ, потому что вы ни въ ма-
ломъ, ни въ большомъ не можете обвинить насъ. Но, чувствуя,
что сказанное имъ можетъ показаться тяжкимъ, онъ опять смяг-
чаетъ (свое слово). Впрочемъ и не совсѣмъ умолкъ (отъ обличе-
нія), потому что тогда онъ не исправилъ бы ихъ; и не оставилъ
слова своего несмягченнымъ, чтобы не оскорбить ихъ чрезъ мѣру.
Что же говоритъ? *Не на осужденіе глаголю*. Изъ чего же это видно?
*Прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами
и сожити*. Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи

даже ими презираемъ, готовъ и умереть и жить вмѣстѣ съ ними.
 498 Не просто, говорить, вы находитесь въ сердцахъ нашихъ, но такъ, какъ я сказалъ. Можно и любить, и избѣгать опасностей; но не такъ любимъ мы.

Смотри, сколько и здѣсь дивнаго благоразумія! Онъ не упомянулъ о томъ, что сдѣлать уже для нихъ, чтобы не сочли этого опять за упрекъ, но общается имъ благодѣянія въ будущемъ. Ежели бы, говорить, постигло васъ какое бѣдствіе, то я готовъ все терпѣть за васъ. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себѣ, не важны; но быть тамъ, гдѣ вы, для меня предпочтительнѣе; съ вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Что умереть за другого есть дѣло любви, это несомнѣнно; но жить—кто этого не пожелаетъ, даже и не будучи другомъ? Почему же онъ и желаніе жить выставляетъ какъ дѣло великое? Потому что и дѣйствительно оно весьма великое. Въ самомъ дѣлѣ, о страдающихъ друзьяхъ своихъ многіе соболѣзнуютъ; а когда они благоденствуютъ, то уже не радуются съ ними, но еще и завидуютъ. Мы же не таковы (говоритъ апостолъ). Если вы подвергнетесь бѣдствію, мы не усталимся раздѣлить съ вами ваше несчастье; если будете благоденствовать, не станемъ завидовать. Потомъ, въ виду того, что выше онъ непрестанно повторялъ одно и то же, говоря: *не тѣсно вмѣщается въ насъ; утѣсняетесь во утробахъ вашихъ; вмѣстите ны; распространитесь и вы; н: ни единого обидѣхомъ*; а все это, повидимому, клонилось къ ихъ осужденію,—то смотри, какой новый способъ употребляетъ онъ, чтобы смягчить тяжесть (этихъ укоризнъ). Много ми дерзновение къ вамъ (ст. 4). Потому, говорить, я осмѣливаюсь на это, что говорю не къ осужденію вашему, но по великой надеждѣ на васъ. То же самое выражаетъ онъ и выше, говоря: *многа ми похвала о васъ*. Не подумайте, что когда я говорю такъ, то говорю, совсѣмъ уже осуждая васъ, потому что я весьма горжусь и хваюсь вами; напротивъ, говорю это изъ заботливости, желая, чтобы вы больше успѣли въ добродѣтели. То же говорить онъ послѣ многихъ обличеній и евреямъ: *надѣмся же о васъ лучшихъ, и придерживающихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. vi, 9). *Желаемъ же, да кійждо васъ являетъ тожде тщаніе, къ извѣщенію упованія даже до конца* (vi, 11). Такъ точно и здѣсь говорить: *многа ми похвала о васъ*, т. е. я хваюсь вами предъ другими. Видишь, какъ искренно утѣшаетъ! И не просто, говорить, хваюсь, но и очень хваюсь. Потому и присовокупилъ: *исполнихся утѣхи*. Какой же утѣхи? Которую получилъ отъ васъ; вы, исправившись, утѣшили меня дѣлами своими. Любящему свойственно и дѣлать упреки, что онъ не любимъ, и страшиться, чтобы излишними укоризнами не опечалить.

Поэтому и говорить: *исполнися утѣги. избыточеству радостію.* 499

2. Но скажутъ: это повидимому противорѣчить сказанному прежде. Нямало; напротивъ, очень даже согласно, потому что сказанное теперь дѣлаетъ удобопріемлемымъ то, что было сказано раньше, и настоящая похвала дѣлаетъ болѣе дѣйствительной пользу прежнихъ обличеній, уничтожая ихъ горечь. Вотъ почему онъ весьма кстати и щедро и расточаетъ эти слова. Не сказалъ: я исполненъ радости, но—*избыточеству*; и не только избыточеству, но—*преизбыточеству*, чѣмъ опять обнаруживаетъ горячность любви, по которой хотя и столько любимъ ими, что можетъ радоваться и веселиться, все же однако не почитаетъ еще себя любимымъ въ той степени, въ какой бы слѣдовало его любить, и не думаетъ, что все отъ нихъ получилъ. Такъ ненасытима была любовь его къ нимъ! И малая взаимная любовь отъ тѣхъ, кого любимъ, доставляетъ великую радость, по причинѣ нашей сильной къ нимъ любви. Такимъ образомъ и это послужило новымъ доказательствомъ его любви. Говоря объ утѣшеніи, онъ сказалъ: *исполнися*, т. е. получилъ, что надлежало; а говоря о радости, сказалъ: *преизбыточеству*, т. е. я много боялся за васъ, но вы довольно удовлетворили и утѣшили меня, и не только отняли у меня предлогъ къ скорби, но еще доставили мнѣ обильную радость. Показывая затѣмъ, какъ велика эта радость, не только выражаетъ это словами: *преизбыточеству радостію*, но и тѣмъ, что присовокупляетъ: *о всякой печали нашей*. Такъ велико было доставленное вами удовольствіе намъ, что оно не затмилось и великою печалію, а напротивъ, избыткомъ своей великости преодолѣло всѣ постигшія насъ скорби, и не дозволило намъ даже почувствовать ихъ. *Ибо пришедшимъ намъ въ Македонію, ни одинаго имѣя покоя плоть наша* (ст. 5). Упомянувъ выше о печали, сказывается, какая это была печаль, и представляетъ ее въ большемъ видѣ, желая показать, какъ велики доставленные ими утѣшеніе и радость, если они разсѣяли и такую скорбь. *Но во всемъ скорбяще*. Какъ это во всемъ? *Внѣ уду брани, отъ невѣрныхъ, внутрь уду болязни*, за немощныхъ въ вѣрѣ, чтобы не увлеклись въ заблужденія, что случалось не у однихъ коринѳянъ, но и у другихъ. *Но утѣшай смиренныя, утѣши насъ пришествіемъ Титовымъ* (ст. 6). Такъ какъ онъ много сказалъ въ похвалу (коринѳянъ), то чтобы не показаться льстецомъ, приводитъ въ свидѣтели брата Тита, который пришелъ отъ нихъ къ Павлу послѣ перваго его посланія, извѣщая объ ихъ исправленіи. А ты замѣть, какъ высоко цѣнить онъ вездѣ прибытіе Тита. Такъ и раньше говорить о немъ: *прииди же въ Троаду, во благовѣстіе, не имѣя покоя духу моему, не обрѣтуши ли Тита брата моего* (п, 12, 13); и здѣсь опять

говорить: *пришествіемъ Титовымъ* мы утѣшились. Этимъ онъ желаетъ впустить имъ довѣріе и любовь къ Титу. И смотри, какъ достигается того и другого. Словами — *не имѣхъ покоя духу моему* онъ 500 показываетъ высоту его добродѣтели; а сказавъ: въ скорби нашей пришествіе его достаточно было къ утѣшенію, *не токмо же пришествіемъ его, но и утѣшеніемъ, имже утѣшился о васъ*, — снискиваетъ Титу благорасположеніе коринѣянъ, потому что ничто такъ не возбуждаетъ и не утверждаетъ дружбы, какъ добрый и приятный о комъ-нибудь отзывъ. А о Титѣ свидѣтельствуетъ (апостоль), что, возвратившись, онъ привелъ насъ въ восхищеніе отъ удовольствія, когда разсказалъ о васъ такъ много (пріятнаго). Потому-то пришествіе его и обрадовало насъ. Не только пришествіемъ его мы были обрадованы, но и *утѣшеніемъ*, которое онъ получалъ отъ васъ. Чѣмъ же онъ утѣшился? Вашею добродѣтелію, вашимъ исправленіемъ. Поэтому и присовокупляетъ: *поверяя намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ* (ст. 7). Вотъ что утѣшало и радовало (Тита)! Видишь, какъ и его представляетъ весьма расположеннымъ (къ коринѣянамъ), такъ какъ онъ добрую ихъ славу почитаетъ для себя утѣшеніемъ и, пришедши, хвалится ею предъ Павломъ, какъ собственнымъ благомъ. И смотри, съ какимъ жаромъ выражаетъ это (апостоль): *ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность*. Дѣйствительно, имъ должно было и плакать и скорбѣть о томъ, что блаженный Павелъ такъ прогнѣвался на нихъ, и такъ долго не былъ у нихъ. Поэтому и сказавъ не просто—слезы, но—*рыданіе*, и не просто—желаніе, но—*сильное желаніе* (ἐπιπόθην), и не—гнѣвъ, но—*ревность*, и ревность за апостола какъ противъ блудника, такъ и противъ осуждавшихъ (Павла). Получивши мое посланіе, говоритъ, вы воспламенились и воспылали ревностію. Онъ избыточествуетъ радостію, исполнился утѣшенія, потому что сильно тронулъ ихъ. Мнѣ кажется однако, что это сказано не только для утѣшенія за прежнее, но и для большаго возбужденія исполнившихъ требуемое. Хотя нѣкоторые, какъ я думаю, и подлежали прежнимъ обличеніямъ и не заслуживали такой похвалы, однако онъ не отдѣляетъ ихъ, напротивъ, и хвалитъ, и укоряетъ всѣхъ вмѣстѣ, представляя совѣсти слушателей избрать каждому свое. А такимъ образомъ и укоризны не дѣлались невыносимыми, и похвалы возбуждали къ большей ревности.

3. Такъ и нынѣ должны вести себя обличаемые—плакать и рыдать, такъ же искать себѣ наставниковъ, такъ же любить ихъ болѣе, нежели отцовъ, — потому что отцы даютъ намъ только жизнь, а наставники жизнь добродѣтельную. Такъ должно сносить отеческія наказанія, такъ вмѣстѣ съ предстоятелями должно

собоуѣзновать о согрѣшающихъ, потому что не отъ нихъ однихъ все зависить, но и отъ васъ. Въ самомъ дѣлѣ, если согрѣшившій видитъ, что отецъ обличаетъ, а братья потворствуютъ, то становится еще нерадивѣе. Напротивъ, когда отецъ укоряетъ, гнѣвайся съ нимъ и ты, или какъ заботящійся о братѣ, или какъ негодующій съ отцомъ, но только показывай великую заботу и сожалѣніе не о томъ, что онъ наказанъ, но о томъ, что согрѣшилъ. Если же я буду созидать, а ты станешь разорять, то что пріобрѣтемъ кромѣ трудовъ? Мало того,—этимъ не ограничится для тебя вредъ, но ты навлечешь на себя еще и наказаніе. Тотъ, кто препятствуетъ уврачевать рану, заслуживаетъ не только меньшее наказаніе съ нанесшимъ ее, но еще и большее, потому что нанести рану и препятствовать ея уврачеванію—не одно и то же, — 501 послѣднее непременно причиняетъ смерть, а первое не совсѣмъ. Говорю же это вамъ для того, чтобы и вы негодовали вмѣстѣ съ своими начальниками на тѣхъ, на кого они справедливо негодуютъ, чтобы, видя наказываемаго, всѣ вы отвращались отъ него еще болѣе, чѣмъ самъ наставникъ. Пусть погрѣшившій боится васъ больше, нежели начальниковъ. Если онъ будетъ бояться одного только учителя, то скоро опять согрѣшитъ, а если будетъ опасаться столькихъ глазъ и столькихъ устъ, то сдѣлается гораздо осторожнѣе. И какъ, не исполняя этого, подвергнемся крайнему наказанію, такъ, исполняя, будемъ участвовать въ плодахъ исправленія.

Будемъ же такъ поступать! Кто скажетъ, что христіанину прилично быть человѣколюбивымъ къ брату, тотъ пусть знаетъ, что человѣколюбивъ гнѣвающійся, а не тотъ, кто прежде времени снисходитъ къ нему, и не даетъ даже почувствовать грѣха. Скажи мнѣ, кто оказываетъ состраданіе находящемуся въ горячкѣ или въ безуміи: тотъ ли, кто укладываетъ его въ постель, связываетъ, удерживаетъ отъ вредной для него пищи и питья, или тотъ, кто позволяетъ ему напиться вина, оставляетъ его на волѣ, позволяя дѣлать все, что дѣлаютъ здоровые? Этотъ послѣдній, подъ видомъ человѣколюбія, не растравляетъ ли болѣзнь, а первый, напротивъ, не врачуетъ ли ее? Такъ будемъ рассуждать и здѣсь. Долгъ человѣколюбія требуетъ не во всемъ угождать больнымъ, и не потворствовать неразумнымъ ихъ желаніямъ. Коринѣскаго блудника никто такъ не любилъ, какъ Павелъ, повелѣвшій предать его сатанѣ, и никто такъ не ненавидѣлъ его, какъ ободрившіе его и снисходившіе къ нему. Это и оправдалось впоследствии. Послѣдніе воспламенили его духъ и произвели большее воспаленіе, а Павелъ унялъ жаръ, и дотолѣ не оставилъ больного, пока не привелъ въ совершенное здравіе. Тѣ къ на- 502

стоящей болѣзни присоединяли новую: а Павелъ изгнать и ту, кто мая была въ немъ сначала. Этимъ-то правиламъ челоувѣколюбія научимся и мы. Когда ты видишь, что конь несется къ стремнинѣ, то накидываешь на него узда, со всею силою удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это—наказаніе, однако такое наказаніе есть мать спасенія. Такъ поступай и съ согрѣшающими. Свяжи согрѣшившаго, пока не умилоустивитъ онъ Бога, и не оставляй несвязаннымъ, чтобы онъ не былъ еще болѣе связанъ гнѣвомъ Божиимъ. Если я свяжу, то Богъ уже не свяжетъ его; если же я не свяжу, то его ожидаютъ неразрѣшимыя узы: *аще бо быхомъ себе осуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. xi, 31). Итакъ, не почитай такого отношенія жестокимъ и безчеловѣчнымъ, напротивъ, (почитай) дѣломъ крайней снисходительности, превосходнаго врачеванія и великой попечительности. Ты скажешь: довольно уже времени терпѣли они наказаніе. А скажи, сколько? Годъ, два, или три? Но у меня вопросъ не о продолжительности времени, а объ исправленіи души. Покажи же мнѣ (исправленіе): если они пришли въ сокрушеніе, если перемѣнились, то все сдѣлано; а если нѣтъ этого, не поможетъ время. Не спрашиваемъ и о томъ, часто ли была перевязываема рана, но—принесло ли перевязываніе какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и въ короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и послѣ десяти лѣтъ продолжай (перевязывать). Уврачеваніе связаннаго пусть будетъ срокомъ къ разрѣшенію. Если мы такъ будемъ заботиться и о самихъ себѣ и о другихъ, и не станемъ смотрѣть на челоувѣческую славу или безславіе, но, имѣя въ мысли будущее мученіе и поношеніе, а болѣе всего страхъ оскорбить Бога, усугубимъ врачевныя средства покаянія, то скоро достигнемъ и совершеннаго здравія, и получимъ будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Яко аще и оскорбихъ васъ посланіемъ, не раскаюся, аще и раскаялбыхся (2 Кор. vii, 8).

1. Такъ какъ (коринѳяне) загладили овой грѣхъ, и потому безъ опасенія можно было говорить съ ними ласковѣе, то (апостоль) извиняется предъ ними за прежнее свое посланіе и пока-

зываетъ его пользу. То же дѣлалъ онъ и выше, говоря: *отъ печали бо многія и туги сердца написать вамъ, не яко да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имать изобильно къ вамъ* (2 Кор. II, 4). То же дѣлаетъ и здѣсь, но только выражаетъ это пространнѣе. И не сказалъ: прежде я раскаивался, но теперь не раскаиваюсь; но какъ? *Не раскаюся теперь, аще и раскаялбыхся*. Хотя бы, говорить, написанное мною было и таково, что превышало мѣру (должнаго) обличенія, и побуждало меня раскаться, но великая польза, происшедшая отъ того, не дозволяетъ мнѣ раскаиваться. Сказалъ же это не потому, что въ самомъ дѣлѣ сверхъ мѣры обличалъ ихъ, но чтобы увеличить похвалу ихъ. Вы, говорить онъ, показали такое исправленіе, что если бы мнѣ случилось и слишкомъ строго наказать васъ, такъ что я былъ бы долженъ обвинять себя въ томъ, однакожъ, взирая на послѣдствія, я сталъ бы теперь хвалить себя. Подобно тому какъ мы безбоязненно ласкаемъ дѣтей послѣ того, какъ къ нимъ примѣняемъ уже какой-нибудь трудный способъ лѣченія, какъ напримѣръ разрѣзъ или прижиганіе, или горькое питье, такъ точно поступаетъ и Павелъ. *Всегда бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ. Нынѣ радуясь, не яко скорбни бысте, но яко оскорбитесь въ покаяніе* (ст. 8, 9). Сказавши—не раскаиваюсь, представляетъ и причину на то, показывая пользу отъ посланія, благоразумно оправдываясь и говоря: *аще и къ часу*, потому что печаль была краткая, а польза вышла продолжительная. Слѣдовало бы сказать: если я и оскорбилъ васъ на время, но чрезъ то доставилъ вамъ радость и пользу навсегда. Однако онъ не говоритъ этого; но прежде, чѣмъ сказать о пользѣ, начинаетъ опять хвалить ихъ и показывать свое попеченіе о нихъ, говоря: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте*,—да и какая мнѣ польза отъ вашей печали?—*но яко оскорбитесь въ покаяніе*, т. е. что ваша печаль принесла плодъ. Подобно какъ и отецъ, когда видитъ, что сыну дѣлають разрѣзъ, радуется не тому, что сынъ терпитъ боль, но тому, что исцѣляется, такъ точно радуется и онъ. И замѣтъ, какъ онъ весь успѣхъ дѣла относить къ нимъ: печаль приписываетъ посланію, когда говоритъ: *аще и къ часу оскорби васъ*, а пользу отъ него ставитъ имъ въ заслугу. Не сказалъ: потому что посланіе исправило васъ, хотя такъ и было на дѣлѣ, но: *яко оскорбитесь въ покаяніе*. *Оскорбляете бо по Бозѣ, да ни въ чемже отщипуетесь отъ насъ*. Замѣчаешь ли его неизреченное благоразуміе? Если бы мы не сдѣлали этого, говорить онъ, то нанесли бы вамъ вредъ: исправленіе приписываетъ имъ, а себѣ вредъ, который бы произошелъ отъ его молчанія. Если бы мы не обличили васъ, когда можно было исправить обличеніемъ, то мы нанесли бы вамъ вредъ, и ущербъ

былъ бы не для васъ только, но и для насъ. Подобно тому какъ тотъ, кто не даетъ купцу средствъ къ плаванію, дѣлаетъ вредъ ему, такъ и мы сдѣлали бы вамъ вредъ, если бы не дали вамъ повода къ покаянію. Видишь ли, что не обличать грѣшниковъ вредно и учителю и ученику? *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ* (ст. 10). Вотъ почему, говорить, хотя я и раскаявался, прежде нежели увидѣть весь плодъ и пользу отъ посланія, но теперь не раскаяваюсь. Такимъ (плодомъ) была печаль по Бозѣ. Разсуждая теперь о печали, онъ показываетъ, что она не всегда бываетъ горькою, а только когда дѣлается печалію по міру. А что значить печаль по міру? Когда печалишься объ имуществѣ, о славѣ, объ умершемъ,—все это печаль по міру. Потому она и причиняетъ смерть. Кто печалится о славѣ, тотъ завидуетъ, и по необходимости часто доходитъ до гибели. Такою печалію печалились Каинъ и Исавъ. Итакъ, подѣ печалію по міру онъ разумѣетъ ту, которая вредитъ самимъ скорбящимъ. Только одна печаль о грѣхахъ полезна; и это ясно видно изъ слѣдующаго. Скорбящій о потерѣ богатства не вознаграждаетъ тѣмъ убытка; скорбящій объ умершемъ не воскрешаетъ его; скорбящій по причинѣ болѣзни не только не избавляется отъ болѣзни, но еще усиливаетъ ее. Только скорбящій о грѣхахъ пріобрѣтаетъ пользу отъ скорби, потому что истощаетъ и истребляетъ грѣхи. Печаль есть врачество, приготовленное на этотъ одинъ случай; поэтому здѣсь только имѣетъ она силу и оказываетъ пользу, въ другихъ же случаяхъ вредить.

2. Но и Каинъ, скажутъ, печалился потому, что Богъ не благоволилъ къ нему. Нѣтъ, не по этой причинѣ, а потому, что видѣлъ брата своего сіяющимъ (добродѣтелями). Иначе, если бы онъ сѣтовалъ по той причинѣ, ему надлежало бы соревновать и сорадоваться брату; а онъ, напротивъ, въ скорби своей обнаружилъ печаль по міру. Не такъ скорбѣли Давидъ, Петръ, и каждый изъ праведниковъ, почему и угодили Богу, скорбя о грѣхахъ или своихъ, или чужихъ. Правда, что тяжелѣе печали? Но когда она бываетъ печалію по Бозѣ, то является гораздо лучше мірской радости: эта послѣдняя обращается въ ничто, а та *покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ*. Въ ней и то достойно удивленія, что никто изъ скорбящихъ ею никогда не раскаявался, тогда какъ раскаяніе наиболѣе свойственно мірской печали. Въ самомъ дѣлѣ, что вождельннѣе родного сына? И что горестнѣе смерти его? Однако же отцы, которые во время сильной горести не принимали никакого утѣшенія и сами себя терзали, послѣ раскаяваются въ томъ, что безъ мѣры скорбѣли, поскольку сознаютъ, что не только не получили оттого никакой пользы, но

еще болѣе себя разстроили. Не такова печаль по Богѣ! Напротивъ, она имѣетъ двоякое преимущество: во-первыхъ, то, что не заставляетъ сожалѣть о томъ, о чемъ скорбишь, и во-вторыхъ, то, что самая печаль обращается во спасеніе. Обоихъ этихъ преимуществъ лишена печаль мірская. Въ ней скорбятъ ко вреду, и послѣ сильной скорби осуждаютъ себя же, а это и служить сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что скорбящіе ею только вредятъ себѣ. Совсѣмъ противоположны (слѣдствія печали) по Богѣ; а потому и сказалъ (апостолъ), что она *покаяніе во спасеніе нераскаянно содѣловаетъ*. Никто не станетъ осуждать себя за то, что скорбѣлъ, плакалъ и сокрушался о грѣхѣхъ. Вотъ почему и блаженный Павелъ, говоря объ этомъ, не имѣлъ нужды приводить посторонніе примѣры въ подтвержденіе сказаннаго и изъ ветхозавѣтной исторіи представлять скорбѣвшихъ, а указываетъ на самихъ коринѣянъ и изъ того, что они дѣлали, заимствуетъ доказательство, чтобы вмѣстѣ съ похвалами дать имъ и наставленіе, а равно и болѣе привлечь къ себѣ. *Се бо, говоритъ онъ, сіе самое, еже по Божю оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тѣхнѣ* (ст. 11)? Печаль ваша, говоритъ онъ, не только не довела васъ до раскаянія, какъ напрасно скорбѣвшихъ, а напротивъ, сдѣлала еще болѣе заботливыми о себѣ. Потомъ показываетъ признаки тѣхнѣ: *но отъятъ* (извиненіе) предо мною; *но негодованіе* на согрѣшившаго; *но страхъ*—такое усердіе и весьма скорое исправленіе показывали, что они очень устрашились. И чтобы не подумали, что онъ хвалитъ самого себя, смотри, какъ тотчасъ смягчилъ рѣчь, сказавъ: *но возжеланіе*, т. е. ко мнѣ; *но ревность*, т. е. къ Богу; *но отмищеніе*, такъ какъ вы наказали нарушившихъ законъ Божій. *Во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи*, то есть, не только тѣмъ, что сами не посмѣли (сдѣлать такого же преступленія),—въ чемъ не было сомнѣнія,—но и тѣмъ, что сдѣлавшему не потворствовали. Такъ какъ въ первомъ посланіи онъ сказалъ — *и вы разгордѣте* (1 Кор. v, 2), то здѣсь говоритъ: вы очистили себя и отъ этого подозрѣнія, когда не только не похвалили согрѣшившаго, но и выразили ему ваше порицаніе и негодованіе. *Аще убо и писать вамъ, не обидѣвшаго ради, ниже обидимаго ради* (ст. 12). Чтобы не сказали: зачѣмъ же ты обличаешь насъ, когда мы чисты въ этомъ дѣлѣ?—(апостолъ), имѣя въ виду такое возраженіе и предупреждая его, и употребилъ приведенныя слова: *не раскаяюся, аще и раскаямыхся*. Я, говоритъ, весьма далекъ отъ того, чтобы раскаиваться теперь въ написанномъ вамъ тогда; напротивъ, я болѣе раскаивался тогда, нежели теперь, когда вы показали себя исправными. Видишь ли опять его умѣнье состязаться и принуждать къ согласію? Видишь

ли, какъ рѣчи своей онъ дать противный оборотъ? Чѣмъ думали пристыдить его, именно какъ бы напрасными порицаніями, въ виду (оказаннаго ими) успѣха, тѣмъ самымъ онъ доказываетъ, что въ правѣ былъ поступить съ ними такъ свободно. Онъ не отказывается уже смѣло говорить имъ и пріятное, когда это стало возможно. Прежде онъ говорилъ, что *прильпаяйся скорнодѣйцѣ, едино тѣло есть* (1 Кор. vi, 16); и: *предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти* (1 Кор. v, 5); также: *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворилъ человекъ, крамъ тѣла есть* (1 Кор. vi, 18), и тому подобное. Какъ же здѣсь онъ говоритъ: *не обидѣшаго ради, ниже обидимаго ради*? И здѣсь онъ не противорѣчитъ себѣ, а напротивъ, весьма согласенъ самъ съ собою. Какимъ же образомъ согласенъ? Ему очень желалось показать свою любовь къ нимъ. Онъ не отрицаетъ, такимъ образомъ, что заботился о блудникѣ; но вмѣстѣ показываетъ, какъ замѣчено мною, и ту любовь, какую имѣлъ къ нимъ, равно какъ и то, что онъ еще больше страшился за всю церковь, такъ какъ боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далѣе, не обняло всей церкви. Потому и говорилъ: *малъ коасъ всѣ смѣшеніе коаситъ* (1 Кор. v, 6). Но это (сказалъ) тогда: теперь же, когда они исправились, то же самое выражаетъ не такъ, но иначе; и хотя ту же выражаетъ мысль, но съ большею пріятностью, говоря: *за еже явитися тѣцанію нашему, еже о васъ*, къ вамъ, то есть, чтобы видѣли вы, какъ люблю васъ. Это одно и то же съ прежнимъ, но, будучи иначе выражено, повидимому имѣетъ другое значеніе. А чтобы видѣть, что это одно и то же, разбери мысль его, и не найдешь никакого различія. Такъ какъ я васъ очень люблю, говоритъ онъ, то и опасался, чтобы вы отъ этого (соблазнительнаго примѣра) не потерпѣли непріятности, и сами за себя не были принуждены скорбѣть. Подобнымъ образомъ, когда сказалъ: *еда о волѣхъ радитъ Богъ* (1 Кор. ix, 9), не разумѣлъ, что Богъ не промышляетъ о волѣхъ, потому что ни одна вещь не можетъ существовать безъ промысла Божія; а то, что Онъ далъ заповѣдь преимущественно не ради волѣвъ. Такъ и здѣсь: я писалъ, во-первыхъ, для васъ, а потомъ и для него. Я любилъ васъ внутренно еще и прежде моего посланія; но чрезъ это посланіе хотѣлъ показать любовь мою и вамъ, и всѣмъ вообще. *Сего ради утѣшихася* (ст. 13), т. е. потому, что мы и попеченіе свое о васъ показали, и все исполнилось по нашему желанію. Подобно этому и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *нынѣ живи ссмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. iii, 8); и еще: *кто бо намъ упованіе, или радость, или отънecъ похваленія?* 508 *Не и вы ли* (1 Сол. ii, 19)? Преспѣваніе учениковъ для благо-разумнаго учителя есть жизнь, и утѣшеніе, и отрада.

3. Дѣйствительно, ничто столько не выказываетъ съ хорошей стороны начальника, какъ любовь къ подчиненнымъ. Такъ и для того, чтобъ быть отцомъ, не довольно только родить, но, родивши, надобно любить. А если любовь требуется тамъ, гдѣ (дѣйствуетъ) природа, то тѣмъ болѣе она нужна тамъ, гдѣ (дѣйствуетъ) благодать. Такъ просіяли всѣ древніе, такъ достигли славы всѣ прославляемые у евреевъ. Такъ показали себя великимъ Самуилъ, когда говорилъ: мнѣ же да не будетъ *согрѣшити Богу, еже оставити молиться о насъ* (1 Цар. xii, 23). Такъ Давидъ, Авраамъ, Илія, такъ и каждый изъ праведниковъ какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ заветѣ. Такъ Моисей изъ любви къ подчиненнымъ оставилъ великія богатства и неисчислимыя сокровища, предпочтя страдать вмѣстѣ съ народомъ Божиимъ, и еще до избранія своего показалъ себя въ дѣлахъ правителемъ народа. Потому-то и крайне безразсудно сказать ему тотъ еврейнинъ: *кто ты постави князя и судію надъ нами* (Исх. ii, 14)? Что говоришь? Видишь дѣла, а въ наименованіи сомнѣваешься? Это похоже на то, какъ если бы кто, увидя искуснаго врача, дѣлающаго надрѣзъ и помогающаго больному члену тѣла, сказалъ: кто тебя поставилъ врачомъ и приказалъ рѣзать? Искусство, любезнѣйшій, и болѣзнь твоя. Такъ и Моисея сдѣлало таковымъ его знаніе. Вѣдь и начальствованіе есть искусство, а не достоинство только, и притомъ искусство высшее всѣхъ искусствъ. Но если внѣшнее (гражданское) начальствованіе есть искусство и знаніе лучшее всѣхъ (искусствъ и знаній), то тѣмъ болѣе это (духовное). Это начальствованіе настолько превосходитъ внѣшняго, насколько это послѣднее превосходитъ другія искусства или даже и гораздо болѣе. Если угодно, изслѣдуемъ это подробнѣе. Есть искусство земледѣльческое, ткацкое, строительное; и всѣ они весьма необходимы и болѣе всего поддерживаютъ нашу жизнь. Прочія (искусства): кузнечное, плотничное, скотоводственное только служатъ имъ на помощь. Но и изъ этихъ искусствъ необходимы всѣхъ искусство земледѣлія, которое поэтому Богъ и ввелъ первымъ по сотвореніи человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, безъ обуви и безъ одежды можно жить, но безъ земледѣлія немислимо.

Таковы, сказываютъ, амаксівин (живущіе въ кибиткахъ), номады у скиноовъ, гимнософисты у индійцевъ. Они оставили искусства строить, ткать, шить обувь, и занимаются только земледѣліемъ. Постыдитесь же вы, пользующіеся для своей жизни издѣланными мастерами—поварами, хлѣбниками, златошвеями и тысячами другихъ. Постыдитесь, введшіе въ жизнь человѣческую суетныя художества. Постыдитесь, вѣрные, этихъ варваровъ,

не нуждающихся въ искусствахъ. Богъ устроилъ такъ, что при-
 507 рода наша вполне можетъ быть довольна и малымъ. Впрочемъ,
 я не принуждаю и не узаконяю такъ жить, но (по крайней мѣрѣ
 такъ живите) какъ просилъ Іаковъ. Чего же онъ просилъ? *Аще
 дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризу облечися* (Быт. ххvш, 20).
 Такъ и Павелъ заповѣдалъ: *имѣюще же пищу и одѣяніе, сими
 доволни будемъ* (1 Тим. vi, 8). Итакъ, земледѣліе есть первое искус-
 ство, ткачество—второе, строеніе домовъ—третье, а дѣланіе
 обуви—послѣднее изъ всѣхъ; и у насъ есть много слугъ и земе-
 дѣльцевъ, которые живутъ безъ обуви. Итакъ, вотъ искусства
 полезныя и нужныя! Теперь сравнимъ ихъ съ искусствомъ на-
 чальствованія. Для того вѣдь я и привелъ важнѣйшія изъ всѣхъ
 искусствъ, чтобы, когда искусство начальствованія окажется луч-
 шимъ изъ нихъ, за нимъ и осталась безспорная побѣда надъ
 прочими. Но чѣмъ же мы докажемъ, что оно (искусство началь-
 ствованія) нужнѣе всѣхъ искусствъ? Тѣмъ, что безъ него и отъ
 прочихъ нѣтъ никакой пользы. Если угодно, то, оставивъ про-
 чія, возьмемъ въ примѣръ одно земледѣліе, которое выше и не-
 обходимѣе всѣхъ. Итакъ, какая будетъ польза отъ множества
 земледѣльческихъ рукъ, когда люди станутъ воевать между со-
 бою и грабить другъ друга? Теперь удерживаетъ ихъ страхъ
 предъ начальникомъ, и охраняетъ добываемое ими. А если отни-
 мешь начальство,—напрасенъ будетъ трудъ. Но кто вникнетъ
 глубже, тотъ найдетъ и другое начальство, которое есть матеръ
 и союзъ начальства внѣшняго. Какое же это начальство? То, по
 которому каждый долженъ самъ собою владѣть и самъ надъ со-
 бою начальствовать, укрощая въ себѣ низкія страсти, а питая и
 возвращая въ себѣ со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ отрасли
 добродѣтели. Начальство бываетъ различныхъ родовъ: одно то,
 которымъ люди начальствуютъ надъ народами и городами, устроая
 гражданскую жизнь; на него указывалъ Павелъ, говоря: *всяка
 душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще
 не отъ Бога* (Рим. хш, 1), причемъ, показывая пользу этого на-
 чальства, присовокупилъ, что начальникъ *Божій слуга есть во
 благое*, и далѣе: *Божій слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое тво-
 рящему* (Рим. хш, 4). Другое же начальство—то, которымъ ка-
 ждый разумный (человѣкъ) начальствуетъ надъ самимъ собою; и
 на это послѣднее указалъ (Павелъ) словами: *если же хочешь не
 бояться власти, благое твори* (Римл. хш, 3), говоря о человѣкѣ,
 начальствующемъ надъ самимъ собою.

4. Но у насъ есть еще и иное начальство, гораздо высшее
 начальства гражданского. Какое же? Начальство въ церкви, о
 которомъ также упомянулъ Павелъ, сказавъ: *повинуйтесь наста-*

никакъ пашимъ и покаяйтесь: тѣмъ бо бдитъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. xiii, 17). Это начальство настолько превосходитъ гражданскаго, насколько небо выше земли, и даже гораздо болѣе. И во-первыхъ, оно преимущественно имѣетъ въ виду не то, какъ наказать за содѣланные грѣхи, но какъ не допускать до грѣховъ. Затѣмъ, если они совершены уже, то старается не страждущаго отлучить, но (грѣхи) уничтожить. Житейскимъ занимается оно совсѣмъ немного, напротивъ, вся забота его о небесномъ. *Наше бо житіе на небесахъ есть* (Фил. iii, 20), и животи нашъ тамъ, потому что, говорить, *сокровенъ есть со Христомъ въ Богъ* (Кол. iii, 3). И награды наши тамъ, и подвиги наши изъ-за тамошнихъ вѣнцовъ. потому что эта жизнь наша не прекращается съ смертію, но тогда (по смерти) еще болѣе просіяваетъ. Вотъ почему имѣющіе это начальство облечены большею честію не только въ сравненіи съ высшими начальниками, но и съ самими одѣтыми въ діадемы. такъ какъ образуютъ людей въ высшемъ и для вышаго. Но ни стремящіися къ началству гражданскому, ни ищущій духовнаго начальства не смогутъ хорошо править, если не научатся прежде начальствовать надъ самими собою, какъ должно, и не будутъ во всей точности исполнять законы гражданскіе и духовные. Какъ начальство надъ многими бываетъ двойное, такъ и начальство каждаго надъ самимъ собою тоже двойное. Опять же, какъ выше показано, и здѣсь духовное начальство выше гражданскаго. Но можно видѣть, что и нѣкоторые искусства имѣютъ видъ начальства, особенно же земледѣльческое. Земледѣлецъ есть какъ бы начальникъ надъ растеніями: одни обрѣзываетъ и препятствуетъ (имъ расти), за другими ухаживаетъ и помогаетъ (ихъ росту), подобно какъ и искусные начальники наказываютъ и отсѣкаютъ людей злыхъ и наносящихъ вредъ другимъ, а добрыхъ и кроткихъ возвышаютъ. Потому и Писаніе уподобляетъ начальниковъ виноградарямъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, если растенія не издають звука, подобно тому, какъ и обижаемые въ городахъ? Они самымъ видомъ своимъ свидѣтельствуютъ объ обидѣ, когда увядаютъ, будучи стѣснены вредными травами. И какъ у людей порокъ наказывается законами, такъ и здѣсь съ помощію земледѣльческаго искусства исправляется и дурное качество земли, и грубость и дикость растенія. И все, что есть въ нравахъ человѣческихъ, ты найдешь и здѣсь—грубость, нѣжность, робость, наглость, непостоянство; одни изъ растеній пышно разрастаются прежде времени и ко вреду сосѣднихъ, другія терпятъ недостатокъ и обиды, когда напр. или ограда разрастается во вредъ ближайшимъ къ ней растеніямъ, или когда другія безплодныя и дикія дерева, вытя-

гиваясь въ высоту, препятствуютъ росту находящихся подъ ними. И какъ начальники и цари имѣють противниковъ своей власти и враговъ, такъ и земледѣлецъ терпитъ отъ набѣга звѣрей, отъ неблагоприятныхъ перемѣнъ воздуха, отъ града, росы, ливней, засухи и тому подобнаго. Все же это бываетъ для того, чтобы ты всегда возлагалъ надежду свою на Бога. Другія искусства своимъ успѣхомъ обязаны бываютъ и старательности людей; но земледѣліе большую часть (успѣха) имѣетъ отъ воли Божіей, и зависитъ отъ нея почти всецѣло. Для него нужны и дожди свыше, и надлежащая соразмѣрность временъ года, и прежде всего нуженъ промыслъ (Божій), потому что *ни насаждаяй, ни паляяй есть что, но возвращаяй Богъ* (1 Кор. ш, 7). Какъ и у людей, бываютъ здѣсь и смерть, и жизнь, и болѣзни при родахъ, и рожденія. Растенія поспѣваютъ, приносятъ плодъ, умирають, и умершія опять начинаютъ жить, чѣмъ земля многообразно и ясно напоминаетъ намъ о воскресеніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда корень износитъ плодъ или сѣмя даетъ ростокъ, не воскресеніе ли это? И если кто все это разсмотритъ подробно, то увидитъ великій промыслъ и премудрость Божію, бодрствующія надъ этимъ начальствомъ. Но я хотѣлъ вамъ сказать, что это начальство простирается на землю и растенія, а наше имѣетъ въ виду врачеваніе душъ. И насколько велика разность между душою и растеніемъ, настолько и начальство надъ душою превосходитъ начальства надъ растеніями. Начальники, опять, надъ землею жизнію настолько ниже начальниковъ надъ жизнію духовною, насколько лучше властвовать надъ вольными, нежели надъ невольными. Такое начальство сообразнѣе и съ природою (человѣческою). Въ самомъ дѣлѣ, тамъ все дѣлается по страху и по необходимости; а здѣсь по свободному произволенію и по разсужденію. И не этимъ только духовное начальство выше гражданскаго, но и тѣмъ, что оно не просто есть начальство, но и отеческая, можно такъ сказать, власть, потому что имѣетъ и кротость отеческую, и дѣйствуетъ больше убѣжденіями. Гражданскій начальникъ говоритъ: если впадешь въ прелюбодѣяніе, то наказанъ будешь смертію; а духовный угрожаетъ величайшими наказаніями и за то, если посмотришь безстыдными глазами. Потому и достойно всякаго уваженія это судилище; оно исправляетъ не только тѣло, но и душу.

5. Итакъ, насколько отличается душа отъ тѣла, настолько и духовное начальство отстоитъ отъ гражданскаго. Это послѣднее судить только явныя преступленія, вѣрнѣе же и тѣ не всѣ, но только уличенныя, а часто прикрываетъ и эти послѣднія; напротивъ, духовное судилище научаетъ входящихъ въ него, что

Судящій насъ все обнажить и объявить предъ лицомъ цѣлой вселенной, и отъ Него невозможно укрыться. Такимъ образомъ, христіанство гораздо лучше внѣшнихъ законовъ держитъ въ порядкѣ нашу жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, если и страхъ за скрытныя грѣхи дѣлаетъ человѣка болѣе осторожнымъ, нежели опасеніе только за явные, и требованіе отчета даже въ малыхъ проступкахъ болѣе возбуждаетъ къ добродѣтели, нежели наказаніе за важныя вины, то очевидно, что и начальство такого рода болѣе всякаго другого утверждаетъ нашу жизнь. Но если хочешь, разсмотримъ и то, какъ поставляются тѣ и другіе начальники. И здѣсь увидишь великое различіе. Въ самомъ дѣлѣ, получить духовное начальство можетъ не тотъ, кто далъ деньги, но тотъ, кто показалъ примѣрный образъ жизни. Поставленный вводится 510 въ это начальство не для славы человѣческой, не для собственнаго своего спокойствія, но для трудовъ и пота, и для пользы многихъ. Потому-то онъ получаетъ и великую помощь свыше отъ Духа. Тамъ начальство ограничивается только тѣмъ, чтобы приказывать, что надобно дѣлать; а здѣсь оно само содѣйствуетъ молитвами и благодатію. Сверхъ того, тамъ нѣтъ и слова о любви и мудрости; нѣтъ никого, кто бы училъ, что такое душа, что такое міръ, что будетъ съ нами послѣ настоящей жизни, куда мы переселимся отсюда, и какъ достигать добродѣтели; тамъ только и говорятъ о договорахъ, о союзахъ, о деньгахъ, а объ этихъ предметахъ вовсе нѣтъ никакой заботы; между тѣмъ въ церкви о нихъ только всегда и говорятъ. Вотъ почему весьма справедливо будетъ назвать церковь и судилищемъ, и врачебницею, и училищемъ любви и мудрости, и воспиталищемъ души, и школою, гдѣ она опытно учится востекать къ небесамъ. А что духовное начальство есть вмѣстѣ и самое кроткое, несмотря на большую его взыскательность, это видно изъ слѣдующаго. Гражданскій начальникъ, если поймаетъ прелюбодѣя, тотчасъ же наказываетъ его. Между тѣмъ, какая отъ того польза? Это значитъ не порокъ истреблять, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальникъ, найдя виновнаго, спѣшитъ не наказывать его, но изгнать изъ него страсть. Ты дѣлаешь то же, какъ если бы при случившейся въ головѣ боли не болѣзнь сталъ унимать, а отсѣкъ бы голову. Я же не такъ дѣйствую, а отсѣкаю самую болѣзнь. Я удаляю таковаго отъ таинъ и священной ограды, а когда онъ возстанетъ, очистится отъ грѣха и исправится чрезъ покаяніе, принимаю опять. Но какъ можно, скажешь, изгнать грѣхъ прелюбодѣянія? Можно, и очень можно, если кто подчинитъ себя (церковнымъ) законамъ. Церковь, подлинно, есть духовная баня, многоразличными способами покаянія омывающая

не нечистоту іѣла, но скверну души. Ты, если отпускаешь (грѣшника) ненаказаннымъ, дѣлаешь его еще худшимъ, и если наказываешь, оставляешь неизлѣченнымъ, а я и не оставляю безъ наказанія, и не наказываю, какъ ты, но вмѣстѣ и налагаю наказаніе, какое мнѣ прилично, и исправляю то, что имъ сдѣлано. Хочешь ли еще болѣе узнать, какъ ты, и обнажая мечъ надъ преступниками, и указывая имъ на пламень, не великое производишь въ нихъ уврачеваніе, тогда какъ я и безъ этого привожу къ совершенному здравію? Мнѣ не нужны здѣсь разсужденія и слова; я представляю въ свидѣтельство море и землю, и самую природу человѣческую. Изслѣдуй, каковы были человѣческія дѣла, пока еще не было этого судилища; тогда не знали даже и по имени тѣхъ добродѣтелей, какія совершаются нынѣ. Кто отваживался на смерть? Кто пренебрегалъ богатствомъ? Кто презиралъ славу? Кто, убѣжавши отъ мірскихъ тревоженій, возлюблялъ горы и пустыню—матерь любомудрія? Гдѣ тогда (извѣстно) было имя дѣвства? Все это и многое другое еще важнѣйшее было слѣдствіемъ этого судилища, дѣломъ этого начальства. Итакъ, видя все это и зная, что отсюда—все полезное для жизни и исправленіе всей вселенной, приходите чаще въ здѣшнія собранія для слушанія слова Божія и для молитвы. И если такъ себя устроите, то, явивъ жизнь достойную неба, сможете получить обѣтованныя блага благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVI.

Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ: лишише же паче возрадовахомся о радости Титовъ, яко покоися духъ его отъ всѣхъ васъ (2 Кор. vii, 13).

- 511 1. Смотри, какъ (апостоль) опять восхваляетъ (коринтянъ), и выражаетъ свою любовь къ нимъ. Сказавъ выше о своей радости, что (первое) его посланіе имѣло такой успѣхъ и принесло такую пользу,—*радуясь бо, говоритъ, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистесь въ покаяніе,*—и выразивъ свою къ нимъ любовь: *аще бо и писахъ вамъ, говоритъ, не обидѣшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явитися въ васъ тицанію нашему еже о васъ,*—теперь представляетъ другую черту ихъ благорасположенія, которая приноситъ также имъ великую похвалу и показываетъ искренность ихъ любви. (Утѣшихомся), говоритъ, о утѣшеніи вашемъ,

лишии же паче возрадовахомся о радости Титовъ. Повидимому это не показываетъ сильной любви его (къ коринѣянамъ), потому что онъ радуется больше о Титѣ, нежели о нихъ. Нѣтъ, говорить, я радовался не столько за Тита, сколько за васъ. Потому-то указываетъ далѣе и причину, говоря: *яко покоися утроба его отъ вѣсѣхъ васъ.* Не сказалъ—самъ онъ, но—*утроба его*, т. е. любовь его къ вамъ. Какъ же *покоися*? *Отъ вѣсѣхъ*, потому что и это величайшая похвала. *Яко еще что ему похвалихся о васъ* (ст. 14). Великая похвала, когда учитель хвалится: *не посрамихся*, говорить. Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими, и на самомъ дѣлѣ оправдали мои слова. Такимъ образомъ, мнѣ выходить двойное украшеніе: и вы показали себя болѣе совершенными, и я не явился лжецомъ противъ истины. *Но яко вся во истинну глаголахомъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть.* Здѣсь подразумѣваетъ онъ и нѣчто другое, именно: какъ у васъ говорилъ я одну истину,—а вѣроятно онъ много хвалилъ имъ и Тита,—такъ равно и сказанное мною о васъ Титу оказалось истиннымъ. *И утроба его излиха къ вамъ есть* (ст. 15). Это относится уже къ похвалѣ (Тита), что онъ къ нимъ сильно расположенъ и привязанъ. И не сказалъ: любовь его, но: *утроба его*. Потомъ приводитъ, какъ и вездѣ дѣлаетъ, причину такого расположенія, чтобы не показаться льстецомъ и чтобы съ одной стороны, какъ сказалъ я, избѣгнуть подозрѣнія въ лести, а съ другой и ихъ самихъ больше возбудить къ добродѣтели, относя всю похвалу къ нимъ самимъ и показывая, что они сами 512 подали (Титу) поводъ и причину къ такой любви. Сказавъ именно: *утроба его излиха къ вамъ есть*, присоединяетъ: *вспоминающаго вѣсѣхъ васъ послушаніе* (ст. 15).

Этимъ (апостолъ) выражаетъ и признательность къ благодѣтелямъ Тита, который разлучился съ ними, напечатлѣвши всѣхъ въ душѣ своей, и всегда вспоминаетъ о нихъ, непрестанно имѣетъ на устахъ и въ сердцѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе хвалить и коринѣянъ, что отпустили (Тита), оказавъ ему такой усердный приемъ. Далѣе упоминаетъ и объ ихъ послушаніи, возбуждая тѣмъ ихъ ревность,—почему и присовокупляетъ: *яко со страхомъ и трепетомъ пріяте его*, то есть, не только съ любовію, но и съ великой честію. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ о двойной ихъ добродѣтели,—то есть, что они и возлюбили (Тита) какъ отца, и убоялись какъ начальника,—что въ нихъ ни страхъ не помрачилъ любви, ни любовь не ослабила страха? То же и выше выражалъ онъ: *еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе, но страхъ, но воздержаніе* (ст. 11)? *Радуюся убо, яко во всемъ державъ въ васъ* (ст. 16). Видишь ли, что апостолъ

радуется болѣе о нихъ? Онъ говоритъ: вы ни въ чемъ не посрамили своего учителя, и не оказались недостойными моего свидѣтельства. Слѣдовательно, онъ радовался не столько за Тита, что онъ получилъ такую честь, сколько за нихъ, что они показали такое благородство духа. Но, чтобы не почли его радующимся болѣе за Тита, смотри, какъ и здѣсь представляетъ причину радости; какъ выше сказалъ: *яко аще что ему о васъ похва-лился, не посрамился*, такъ и здѣсь говоритъ: *яко во всемъ державъ васъ*. Нужно ли васъ укорить, не страшусь, чтобы вы за то отложились, нужно ли похвалиться вами, не опасуюсь быть обличеннымъ въ напрасной похвалѣ: *державъ въ васъ*, буду ли хвалить васъ какъ покорныхъ, или какъ любвеобильныхъ, или какъ ревностныхъ. Я сказалъ: отсѣките,—и вы отсѣкли; сказалъ: примите,—и вы приняли; сказалъ Титу, что вы велики, достойны удивленія и умѣете почитать учителей,—и вы доказали это на самомъ дѣлѣ; и не столько отъ меня онъ узналъ это, сколько отъ васъ самихъ. Поэтому-то и возвратился ко мнѣ, исполнившись къ вамъ сильной любви, такъ такъ вы показали на дѣлѣ больше, чѣмъ я говорилъ ему. *Скажу же вамъ, братіе, благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ* (чш, 1).

- 513 2. Ободривши (кориняня) похвалами, (апостоль) опять приступаетъ къ увѣщанію. Этими похвалами онъ растворяетъ свое обличеніе для того, чтобы, прямо переходя отъ обличенія къ увѣщанію, не сдѣлать неудобопріемлемыми для нихъ своихъ наставленій. Напротивъ, смягчая слухъ ихъ похвалами, пролагаетъ путь увѣщанію. Онъ хочетъ бесѣдовать о милостынѣ; въ виду этого предварительно и сказалъ: *радуюся, яко во всемъ державъ о васъ*,—возбуждая такимъ образомъ прежними ихъ добродѣтелями, которыя они уже показали, ихъ усердіе и къ милостынѣ. Впрочемъ, не сказалъ вдругъ: итакъ, давайте милостыню, но замѣтъ, съ какимъ благоразуміемъ издалика и съ высоты ведетъ слово. *Скажу вамъ, говорить, благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ*. Дѣла милосердія называетъ благодатію, чтобы они не возгордились; и сообщая о дѣлахъ македонянъ, похвалами имъ возбуждаетъ ревность въ коринянахъ. И двоякую или лучше троякую похвалу приписываетъ македонянамъ—и за то, что терпѣливо переносятъ искушеніе, и за то, что умѣютъ творить милостыню, и за то, что показали щедрость въ милостынѣ, будучи сами бѣдны. Дѣйствительно, ихъ имѣнія были расхищены, какъ на это указалъ самъ же (Павелъ), когда въ посланіи къ нимъ писалъ: *вы подобныцы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудей: зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеленникъ, якоже и ти отъ Іудей* (1 Сол. II, 14). Послушай, что онъ писалъ потомъ

и въ посланіи къ евреямъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріѣсте* (Евр. x, 34). Благодатию же называетъ милостыню не только для того, чтобы удержать ихъ въ смиреніи, но и для того, чтобы вызвать къ милостынѣ, и слово свое сдѣлать не ненавистнымъ. Для того наименовалъ ихъ и братією, чтобы пресѣчь всякую зависть, потому что хочеть хвалить (македонянь) чрезвычайно. Выслушай же похвалы. Написавъ: *скажу вамъ благодать Божию*, не говоритъ — данную въ томъ или другомъ городѣ, но хвалить цѣлый народъ, говоря: *въ церквахъ Македонскихъ*. Потомъ описываетъ и самую благодать: *яко во многѣхъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ* (ст. 2). Видишь ли благоразуміе его? Сначала говоритъ не то, что хочеть, а нѣчто другое, чтобы не подумали, что онъ нарочито объ этомъ началъ говорить, но чтобы, начавъ съ другого, естественнымъ образомъ дойти и до пужнаго предмета. *Во многѣхъ искушеніи скорби*. То же говорилъ и въ посланіи македонянамъ: *вы сдѣлались подобныи Господу, пріемше слово въ скорби многѣ съ радостію Духа Святаго*; и далѣе: *отъ васъ промчеса слово Господне не токмо въ Македоніи и Ахаии, но и во всяко мѣсто въра ваша, яже къ Богу, изыде* (1 Сол. i, 6, 8). Что же значать слова: *во многѣхъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ*? То, что у нихъ въ избыткѣ было и то, и другое — и скорбь, и радость. И что весьма странно, такое обильное удовольствіе произрасло для нихъ изъ такой скорби. Скорбь — и притомъ скорбь тяжчайшая — не только не породила въ нихъ печали, но еще была для нихъ причиной веселія. Говоря это, (апостолъ) имѣлъ въ виду научить (коринѣянь) быть мужественными и непоколебимыми въ скорбяхъ, — потому что и македоняне не просто скорбѣли, но въ скорби содѣлались и искуснѣйшими чрезъ терпѣніе; впрочемъ не говоритъ — чрезъ терпѣніе, но — что гораздо 514 выше терпѣнія — радость; и не просто радость, но избытокъ радости, потому что дѣйствительно радость ихъ была велика и неизреченна. *И яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ*. Опять то и другое съ избыткомъ. Какъ великая скорбь произвела великую радость и избытокъ радости, такъ и великая нищета породила великое богатство милостыни. Это самое и выразилъ (апостолъ), сказавъ: *избыточествова въ богатство простоты ихъ*, такъ какъ щедрость цѣнится не по мѣрѣ подаванія, но по расположенію подающихъ. Потому онъ нигдѣ и не говоритъ: богатство подаваемого, но — *богатство простоты ихъ*. Смыслъ его словъ таковъ: нищета не только не воспрепятствовала имъ быть щедрыми, но еще и послужила причиной обилія, подобно тому какъ скорбь — причиной радости. Чѣмъ бѣднѣе были сами, тѣмъ дѣлались щедрѣе, и усерднѣе подавали. Потому-то

и весьма удивляется имъ, что при такой нищетѣ показали такую щедрость. *Аже бо во глубинѣ нищета ихъ*, т. е. великая и несказанная, показала ихъ простоту. Впрочемъ не сказать—показали, но—*избыточествова*, равнымъ образомъ не сказать—простоту, но—*богатство простоты*, т. е. простоту, равную ихъ убожеству; или—лучше сказать—они показали даже гораздо большій перевѣсъ щедрости. Далѣе онъ выражаетъ то же самое яснѣе, говоря: *яко по силѣ свидѣтельству* (достоверный свидѣтель), *и паче силы*,—т. е. *избыточествова въ богатство простоты ихъ* (ст. 5). И не этими только, но и всѣми послѣдующими словами объясняетъ то же, именно говорить: *доброхотни* (ст. 4). Вотъ и другое превосходство. *Со многими моленіемъ*,—вотъ третье и четвертое. *Моляще насъ*,—вотъ еще и пятое. И будучи сами въ скорби и нищетѣ,—вотъ шестое. И седьмое,—съ избыткомъ подали.

8. Далѣе, такъ какъ главною его цѣлію было довести коринѳянь до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположенію, то онъ особенно останавливается на этомъ, говоря: *со многими моленіемъ*, и: *моляще насъ*. Не мы ихъ просили, а они насъ. О чемъ же *моляще насъ*? *Благодать и общеніе служенія, еже ко святымъ*. Видишь ли, какъ онъ превозноситъ опять милостыню, называя ее священными именами? Такъ какъ (коринѳяне) ревновали о дѣлахъ духовныхъ, то называетъ милостыню *благодатию*, чтобы прибѣгали къ ней, и *общеніемъ*, чтобы знали, что они не только даютъ, но и сами получаютъ. Они, говоритъ, просили насъ, чтобы мы приняли такое служеніе. *И не якоже надѣяхомся* (ст. 5). Это онъ говоритъ и въ отношеніи къ качеству (милостыни) и къ скорбямъ. Мы не надѣялись, говоритъ, чтобы находящіеся въ такихъ скорбяхъ и въ такой нищетѣ стали насъ убѣждать и столько просить. И въ прочихъ дѣлахъ (апостолъ) показалъ ихъ тщательность, сказавъ: *но себе вѣдѣша перѣте Господевѣ, и намъ волю Божію*. Во всемъ они были послушны болѣе, чѣмъ мы надѣялись, и, помогая бѣднымъ, не пренебрегали другихъ добродѣтелей, *но себе вѣдѣша перѣте Господевѣ*. Что же значить: *себе вѣдѣша Господевѣ*? Посвятили себя Ему, показали себя искусными въ вѣрѣ, явили въ искушеніяхъ великое мужество, благочиніе, кротость, любовь, готовность и усердіе ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Что же започить: *и намъ*? Были намъ послушны, возлюбилъ насъ и покорился намъ, какъ исполняя Божіи законы, такъ и съ нами соединяясь любовію. Смотри же, какъ и здѣсь словами—*вѣдѣша себе Господевѣ* показываетъ необычайную ревность ихъ (къ Богу). Они не покорились частію Богу, а частію міру, но все и самихъ себя всецѣло предали Богу. Помогая бѣднымъ, они не возносились, напротивъ, творили милостыню съ великимъ смиренно-

мудріемъ, съ великимъ послушаніемъ, съ великой почтительностію, съ великимъ любомудріемъ. Что же значить: *волю Божию*? Такъ какъ онъ сказалъ: *намъ вѣдана себе*, то (и указываетъ), что и это они сдѣлали не по человѣческимъ расчетамъ, а по волѣ Божіей. *Во еже умолити намъ Тита, да якоже прежде начатъ въ васъ, такожде скончаетъ и благодать сію* (ст. 6). Какая же здѣсь связь съ предыдущимъ? Весьма большая и тѣсная. Такъ какъ мы узнали, говорить, твердость и ревность (македонянь) во всемъ—въ искушеніяхъ, въ милостынѣ, въ любви къ намъ, въ неукоризненной чистотѣ всей ихъ жизни, то и послали къ вамъ Тита, чтобы и вы сравнились съ нимъ. Хотя (апостоль) такъ и не сказалъ, но мысль выразилъ такую. И замѣтъ преизобиліе любви его. Когда, говорить онъ, тѣ просили и убѣждали насъ, мы заботились о васъ, чтобы вамъ не отстать отъ нихъ. Поэтому и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные этимъ на мысль, соревновали македонянамъ,—потому что Титъ былъ тамъ, когда было писано это посланіе. При этомъ показываетъ, что (Титъ) еще до увѣщанія Павлова началъ это дѣло, какъ видно изъ словъ: *да якоже прежде начатъ*. Потому-то и высказываетъ великія похвалы Титу, какъ въ началѣ посланія говоря: *не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтуши ли Тита брата моего* (II, 13), такъ и здѣсь, кромѣ всего вышеуказаннаго, прибавляя и эти послѣднія слова. Не малая вѣдь похвала заключается въ томъ, что онъ прежде началъ,—это было знакомъ горячей и ревностной души. Для того и послалъ Тита, чтобы самое присутствіе его послужило (для коринѣянъ) побужденіемъ къ подаванію милостыни. Выхваляетъ же его для того, чтобы сильнѣе расположить къ нему коринѣянъ, такъ какъ и то имѣетъ великую убѣдительную силу, если убѣждаемые расположены къ убѣждающему. Упомяная же о милостынѣ въ первый, второй и третій разъ, прекрасно называетъ ее благодатію: *скажу же вамъ, братіе, благодать Божию, данную въ церквахъ Македонскихъ*; и опять: *доброты со многими моленіемъ моляще насъ благодать и общеніе*; и еще: *да якоже прежде начатъ, такожде и скончаетъ въ васъ благодать сію*.

4. И дѣйствительно, милостыня есть благо и Божій даръ; 516 и подаваніе милостыни уподобляетъ насъ по силѣ возможности самому Богу. Это больше всего и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Вотъ почему нѣкто, представляя образецъ человѣка, сказалъ между прочимъ: *велика вещь—человѣкъ, и драгая—мужъ творящій милость* (Притч. XX, 6). Благодать эта важнѣе дара воскрешать мертвыхъ. Напитать алчущаго Христа гораздо важнѣе, чѣмъ именемъ Иисусовымъ воскрешать мертвыхъ. Тамъ ты благодѣтельствуешь Христу, а здѣсь Онъ тебѣ. И награда тому, кто самъ дѣлаетъ до-

бро, а не тому, кто принимаетъ его отъ другого. Здѣсь, при совершеніи чудесъ, ты самъ дѣлаешься должникомъ Богу, а въ дѣлѣ милостыни ты одоужаешь Бога. Милостыня же является таковою только тогда, когда ты подаешь ее охотно, щедро, когда ты думаешь, что не даешь, а самъ принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодѣяніемъ и приобрѣтеніемъ, а не потеряю. Иначе она и не благодать. Тотъ, кто оказываетъ другому милость, долженъ радоваться, а не печалиться. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, облегчая скорбь другого, самому скорбѣть? Тогда ты дѣлаешь свое подаяніе уже не милостыней. Если ты печалишься о томъ, что избавилъ другого отъ печали, то подаешь примѣръ крайней жестокости и безчеловѣчія. Лучше уже не избавлять, чѣмъ такъ избавлять. Да и о чемъ въ сущности ты печалишься, человѣкъ? О томъ ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположеніе, то совсѣмъ и не давай. Если не вѣришь, что отлагается тебѣ на небѣ великое сокровище, то не удѣляй. Но ты хочешь воздаянія здѣсь. Для чего? Оставь милостынѣ быть милостынею, а не куплею. Правда, многіе получили воздаяніе и здѣсь, но это не значитъ, что они будутъ имѣть больше тѣхъ, которые здѣсь не получили. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ (получили вознагражденіе здѣсь), какъ немощнѣйшіе, потому что еще не сильно возжелали будущихъ благъ. Какъ люди жадные, не знающіе приличія и рабствующие чреву, будучи призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащаго времени, подобно малымъ дѣтямъ, лишаютъ себя истиннаго удовольствія; когда хватаютъ впередъ и наполняютъ чрево худшими яствами, такъ и тѣ, которые ищутъ награды здѣсь и получаютъ ее, уменьшаютъ будущую свою награду. Давая въ заемъ, ты желаешь обратно получить отданное по прошествіи долгаго времени, а не вскорѣ,—чтобы такимъ замедленіемъ увеличилась прибыль. А въ дѣлѣ милостыни тотчасъ требуешь воздаянія,—и притомъ зная, что не здѣсь, а тамъ будешь жить вѣчно, что не здѣсь будешь судимъ, а тамъ отдашь отчетъ. Если бы кто построилъ тебѣ домъ тамъ, гдѣ ты не думаешь жить, то ты счелъ бы такое дѣло потерей для себя: какъ же ты желаешь быть богатымъ здѣсь, откуда еще до наступающаго вечера можешь не одинъ разъ отойти? Развѣ ты не знаешь, что мы подобно странникамъ и пришельцамъ пребываемъ здѣсь на чужой сторонѣ? Развѣ не знаешь, что пришельцевъ изгоняютъ, когда они ни ожидаютъ, ни думаютъ? Такой участи подлежимъ и всѣ мы на землѣ. Потому-то, что ни готовимъ здѣсь, здѣсь же и оставляемъ. Настроимъ ли мы домовъ, или накупимъ полей, рабовъ, сосудовъ или чего другого тому подобнаго,—всего этого Владыка не позволяетъ намъ

при отшествіи отсюда брать съ собою. И не только не позволяетъ, отходя отсюда, брать съ собою, но не даетъ за то и платы, потому что напередъ сказалъ тебѣ: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставивъ свое, тру- 517
дишься надъ чужимъ и тратишь чужое, чтобы погубить и трудъ и награду, и послѣ подвергнуться крайнему наказанію? Не дѣлай этого, молю тебя. Но если мы пришельцы по естеству, то будемъ пришельцами и по произволенію, чтобы тамъ не быть пришельцами презрѣнными и отверженными. Если мы здѣсь пожелаемъ сдѣлаться гражданами, то не будемъ гражданами ни здѣсь, ни тамъ. Если же останемся пришельцами, и будемъ жить, какъ овойственно жить пришельцамъ, то получимъ права гражданъ и здѣсь, и тамъ. Праведникъ, даже ничего не имѣя, и здѣсь распо- 518
лагаетъ всѣмъ какъ своимъ, и перешедши на небо, узрѣтъ вѣчные свои кровы; здѣсь не потерпитъ онъ никакой непріятности, потому что никто не можетъ сдѣлать странникомъ того, для кого вся земля отечество, а достигши свое отечества, онъ получить истинное богатство. Итакъ, чтобы намъ воспользоваться и тѣми и другими благами — какъ настоящими, такъ и будущими, будемъ пользоваться настоящими какъ должно. Такимъ образомъ станемъ и гражданами небесными, и получимъ великое дерзновение, котораго всѣ мы и да сподобимся благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVII.

Но якоже во всемъ избыточествуете, вѣрою и словомъ 517
и разумомъ и всяцѣмъ тщаніемъ (2 Кор. viii, 7).

1. Смотри, какъ опять (апостолъ) съ похвалами соединяетъ увѣщаніе достигать большихъ похвалъ. Не сказалъ: якоже даете, но—*якоже избыточествуете вѣрою*, т. е. дарами вѣры, и *словомъ*, т. е. словомъ мудрости, и *разумомъ*, т. е. познаніемъ догматовъ вѣры, и *всяцѣмъ тщаніемъ*, т. е. ревностію къ прочимъ добродѣтелямъ, и *любовію*, *яже отъ васъ*, т. е. любовію, о которой я говорилъ уже и которой представилъ доказательство. *Да и въ сей благодати избыточествуете*. Видишь ли, что для того онъ началъ рѣчь свою съ такихъ похвалъ, чтобы, идя по порядку, возбудить въ нихъ такую же ревность и къ милостынѣ. *Не по повелѣнію глаголю* (ст. 8). Смотри, какъ онъ вездѣ къ нимъ снисходителенъ, не дѣлаетъ обремененія, насилія и принужденія. Осо-

бенно же старается, чтобы въ словахъ его не было обремененія и принужденія. Такъ какъ онъ непрестанно увѣщеваль ихъ, и очень хвалилъ македонянъ, то, чтобы подаваніе милостыни (коринѳяне) не почли необходимымъ, говорить: *не по повелѣнію глаголю. но за имыхъ тѣхъ, и вашея любви истинное искушая*,—говорю не какъ сомнѣвающійся,—этого и не видно здѣсь,—но какъ желающій сдѣлать любовь вашу для всѣхъ видимою и открытою, и еще болѣе крѣпкою; говорю это для того, чтобы возбудить васъ къ такой же ревности; я упомянулъ объ усердіи (македонянъ), чтобы просвѣтлить, очистить и пробудить ваше расположеніе. Далѣе переходитъ онъ къ другому высшему роду увѣжденія, не оставляетъ ни одного способа къ увѣщанію, но всѣмъ пользуется и употребляетъ разные обороты слова. Такъ увѣщеваль ихъ, то хваля другихъ: вы знаете *благодать Божию, данную въ церквахъ Македонскихъ*; то хваля ихъ самихъ: *но якоже во всемъ избыточествуете, словомъ и разумомъ*,—вѣдь очень чувствительно для человѣка видѣть, что онъ сталъ ниже не только другихъ, но и себя самого. Наконецъ переходитъ къ тому, что составляетъ верхъ и вѣнецъ увѣщанія: *ѡте бо*, говорить, *благодать Господа нашего, яко насъ ради обнища, богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (ст. 9). Представьте себѣ, говорить, *благодать Божию*, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходомъ обра-
518 тите на нее вниманіе, но вникните во все ея величіе и обширность: и тогда не пощадите ничего изъ своего достоянія. Онъ истощилъ славу (Свою), чтобы вы обогатились не богатствомъ, но нищетою Его. Если не вѣришь, что нищета производитъ богатство, то вспомни своего Владыку, и не будешь болѣе сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не обнищаль, ты не сдѣлался бы богатымъ. Подлинно удивительно, что нищета обогатила богатство. Богатствомъ же онъ называетъ здѣсь познаніе благочестія, очищеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе и прочія безчисленныя блага, какія (Христосъ) дароваль, и обѣщаль намъ даровать. И все это пріобрѣтено для насъ чрезъ нищету. Какую же нищету? Ту, что Онъ принялъ плоть, сталъ человѣкомъ и претерпѣлъ страданія; хотя Онъ и ничѣмъ не былъ долженъ тебѣ, но ты Ему долженъ. *И советъ вамъ даю о семъ на пользу* (ст. 10). Смотри, какъ онъ опять заботится, чтобы не быть въ тягость, и какъ смягчаетъ свою рѣчь этими двумя выраженіями: *советъ даю*, и: *на вашу пользу*. Я не принуждаю, говорить онъ, не дѣлаю насилія и не требую противъ воли; а говорю это, имѣя въ виду не столько пользу пріемлющихъ милостыню, сколько вашу собственную. Потомъ и въ примѣръ представляетъ ихъ же самихъ, а не другихъ: *иже не точію, еже творити, но и еже жо-*

тѣти, прежде начасте отъ прошедшаго лѣта. Смотри, какъ онъ показываетъ, что и они добровольно и безъ увѣщаній дошли до того же. Такъ какъ онъ засвидѣтельствовалъ о солунянахъ, что они доброхотно и со многими моленіемъ приступили къ подаванію милостыни, то желаетъ показать, что и у коринѣянъ есть то же совершенство. Потому и сказалъ: *не точію, еже творити, но и еже хотѣти*; и не теперь только вы начали, но *прежде начасте отъ прошедшаго лѣта.* Потому и умоляю васъ исполнить то, къ чему вы сами предварительно себя возбудили со всѣмъ усердіемъ. *Нынѣ же и сіе творити скончайте* (ст. 11). Не сказалъ—сдѣлайте, но—положите конецъ. *Да якоже бысть усердіе хотѣти, тако будетъ и исполнити отъ сего, еже имате*; т. е., чтобы это прекрасное дѣло не остановилось на одномъ усердіи, но, будучи дѣйствительно исполнено, получило и награду. *Аще бо усердіе предложитъ, по елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать* (ст. 12).

Какая несказанная мудрость! Прежде замѣтилъ, что солуняне поступили сверхъ силъ, и похвалилъ ихъ за то, сказавъ: *свидѣ- 519*
тельствую о нихъ, и: паче силы; а теперь, когда увѣщаетъ подавать милостыню только по силамъ, предоставивъ примѣру солунянъ произвести въ нихъ свое дѣйствіе,—такъ какъ зналъ, что не столько увѣщаніе, сколько соревнованіе побуждаетъ къ подражанію въ подобныхъ дѣлахъ,—онъ говоритъ: *аще бо усердіе предложитъ, по елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать.* Не страшись, говоритъ, сказаннаго мною (о солунянахъ),—я сказалъ это въ похвалу ихъ щедролубія; Богъ же требуетъ посильнаго подаванія, по мѣрѣ того, кто что имѣетъ, а не по мѣрѣ того, чего не имѣетъ. Слово—благопріятенъ то же здѣсь означаетъ, что—требуется. Надѣясь на силу представленнаго примѣра, онъ смягчаетъ (свои слова) и тѣмъ еще сильнѣе склоняетъ ихъ къ подаванію. Потому и присовокупилъ: *не бо да инымъ отрада, вамъ же скорбь* (ст. 13).

2. Правда, Христосъ, напротивъ, похвалилъ вдовицу, что она все пропитаніе свое истощила, и подала отъ скудости (Марк. хп, 44). Но (апостоль) говорилъ коринѣянамъ, въ бытность свою у которыхъ предпочиталъ лучше голодать: *добре бо мнѣ, говорить, паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. ix, 15). Поэтому даетъ и наставленіе умеренное, хвалить подающихъ милостыню сверхъ силъ своихъ, но не принуждаетъ дѣлать то же—не потому, чтобы онъ не желалъ, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить (македонянъ), что *во многѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ, и яже во глубинѣ нищета ихъ, избыточествова въ богатство простоты ихъ,*

и что они сверхъ силы подавали милостыню? Не явно ли—для того, чтобы (и коринѣянь) побудить къ тому же? Слѣдовательно, если онъ повидимому и соглашается на меньшее, то дѣлаетъ это для того, чтобы примѣромъ (солунянъ) побудить ихъ къ большому. Смотри, какъ и послѣдующими словами незамѣтно направляетъ къ тому же. А именно, къ сказанному онъ прибавляетъ: *ваше избыточество во онѣхъ лишеніе* (ст. 14). Какъ выше сказанными, такъ и этими словами онъ хочетъ облегчить заповѣдь свою; даже не этимъ только, но и представленіемъ награды дѣлаетъ ее болѣе легкою, и говоритъ о нихъ болѣе, чѣмъ сколько они стоятъ. *Да будетъ равенство въ нынѣшнее время, и онѣхъ избытокъ въ ваше лишеніе*. Что же хочетъ онъ сказать? Вы богаты деньгами, а тѣ чистотою жизни и дерзновеніемъ къ Богу. Итакъ, дайте имъ отъ вашихъ имѣній, которыхъ у васъ обиліе, а они не имѣютъ, чтобы самимъ получить отъ нихъ взаимнъ дерзновеніе къ Богу, въ которомъ они богаты, а вы ощущаете недостатокъ. Видишь ли теперь, какъ онъ непримѣтнымъ образомъ убѣждаетъ (коринѣянь) подавать и сверхъ силы, и отъ недостатка? Если хочешь, говорить онъ, получить только отъ избытка, то и подавай отъ избытка. Если же хочешь все пріобрѣсти, то подавай и отъ недостатка, и сверхъ силы. Впрочемъ, не говорить этого явно, а предоставляетъ слушателямъ дойти до этого собственнымъ заключеніемъ. Самъ же продолжаетъ пока предположенное и сообразное съ его цѣлю увѣщаніе, присовокупляя, что

520 повидимому и слѣдовало сказать: *яко да будетъ равенство въ нынѣшнее время*. Какъ же будетъ это равенство? Такъ, что мы и они будемъ взаимно удѣлять другъ другу избытки, и восполнять недостатки. Но какое тутъ равенство—за плотское платить духовнымъ? Вѣдь послѣднее много превосходитъ первое. Почему же называетъ это равенствомъ? Онъ назвать это равенствомъ только въ отношеніи или къ избытку и лишенію, или къ настоящей жизни, почему, и сказавъ: *равенство*, присовокупилъ: *въ нынѣшнее время*. А сказалъ это для того, чтобы низложить гордость богатыхъ и показать, что, по отшествіи отсюда, жившіе духовно будутъ имѣть болѣе преимущества. Въ настоящей жизни всѣ мы во многомъ равночестны; но тогда произойдетъ большое раздѣленіе, окажутся величайшія преимущества, потому что праведные возсіяютъ свѣтлѣе солнца. Потомъ, такъ какъ онъ показалъ, что (коринѣяне) не только даютъ, но и сами взаимно получаютъ еще большее, то хочетъ и другимъ образомъ возбудить ихъ усердіе,—показывая именно, что если они не удѣлятъ своего другимъ, не больше будутъ имѣть у себя, хотя бы и все забрали; и приводитъ въ примѣръ древнее сказаніе: *яко же есть писано: иже*

многое, не приумножилъ есть, и уже малое, не умалилъ (ст. 15; Исх. xvi, 18). Такъ быдо при собираніи манны: одни собирали больше, другіе меньше, но тѣ и другіе находили у себя по равной мѣрѣ; этимъ Богъ наказывалъ за ненасытность. (Апостолъ) указалъ на это для того, чтобы и устрашить (коринѣянь) древнимъ событіемъ, и убѣдить—никогда не желать большаго, равно какъ не скорбѣть, если имѣютъ мало. И не только было такъ съ манною, по то же самое, какъ можно видѣть, бываетъ и нынѣ въ житейскихъ дѣлахъ. Всѣ мы одинаково наполняемъ желудокъ, живемъ одно опредѣленное время, и всѣ облечены въ одинаковое тѣло: поэтому ни у богатаго ничего не прибудеть отъ избытка, ни у бѣднаго не убудеть отъ нищеты. Для чего же ты трепещешь нищеты? Для чего гонишься за богатствомъ? Боюсь, говоришь ты, чтобы не заставила нужда идти къ чужимъ дверямъ и просить у ближняго. Я часто слышу, что многіе даже молятся объ этомъ и говорятъ: не попусти мнѣ когда-нибудь нуждаться въ помощи человѣческой. Слыша это, я очень смѣюсь, потому что такой страхъ приличенъ только дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежедневно и во всемъ, такъ сказать, мы нуждаемся въ помощи другъ друга. А потому такія слова свойственны только неразумительному и надменному человѣку, который не знаетъ хорошо положенія дѣла. Развѣ не видишь, что мы всѣ имѣемъ нужду другъ въ другѣ? Воинъ въ ремесленникѣ, ремесленникъ въ купцѣ, купецъ въ земледѣльцѣ, рабъ въ свободномъ господинѣ, господинъ въ рабѣ, бѣдный въ богатомъ, богатый въ бѣдномъ, ничего не зарабатывающій въ подающемъ милостыню, подающій въ принимающемъ,—вѣдь и принимающій милостыню удовлетворяетъ величайшей нуждѣ, высшей всѣхъ нуждъ. Если бы не было нищихъ, то многое бы утратилось для нашего спасенія, потому что намъ некуда было бы сбывать свое имущество. Такимъ образомъ и нищій, который, повидимому, всѣхъ бесполезнѣе, оказывается всѣхъ полезнѣе. Если же для тебя стыдно имѣть нужду въ другомъ, то тебѣ остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. Но я не могу, говоришь, вынести гордаго взгляда. Для чего ты, обвиняя другого въ гордости, себя самого стыдишь такимъ же обвиненіемъ? Вѣдь и то гордость, если не терпишь надменности гордаго человѣка. За- 521 чѣмъ же ты боишься, трепещешь того, что не стоитъ никакого вниманія, и изъ-за этого ужасаешься и нищеты? Какъ бы ты ни былъ богатъ, все будешь нуждаться во множествѣ людей, худшихъ тебя; чѣмъ болѣе ты богатѣешь, тѣмъ болѣе подвергаешь себя этой бѣдѣ.

3. Итакъ, ты самъ не знаешь, о чемъ молишься, когда просишь

богатства для того, чтобы ни въ комъ не имѣть нужды. Ты поступаешь подобно тому, какъ если бы кто, уходя въ море, гдѣ нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряженіе, стать бы молиться о томъ, чтобы ему ни въ комъ не имѣть нужды. А если ты дѣйствительно желаешь не очень нуждаться въ другихъ, то проси себѣ нищеты. Будучи нищимъ, если у кого и попросишь, то только хлѣба или одежды. А сдѣлавшись богатымъ, будешь нуждаться и въ селлахъ, и въ домахъ, и въ оброкахъ, и въ достоинствѣ, и въ безопасности, и въ славѣ; тебѣ понадобятся и начальники, и не только они, но и подчиненные имъ жители городовъ и селъ, купцы и мелкіе продавцы. Видите ли, что такія рѣчи крайне неразумны? Во всякомъ случаѣ, сколько бы тебѣ ни казалось страшнымъ имѣть въ комъ-либо нужду, всецѣло избавиться отъ этого никакъ невозможно. А если хочешь избѣжать шумной толпы,—что позволительно,—то бѣги въ спокойную пристань нищеты, отрѣшися отъ множества житейскихъ дѣлъ, и не почитай стыдомъ имѣть нужду въ другомъ. Такъ устроилъ Богъ по неизглаголанной премудрости Своей! Въ самомъ дѣлѣ, если мы нуждаемся другъ въ другѣ, самая необходимость во взаимной помощи не соединяетъ ли насъ узами дружбы? А если бы мы сами могли удовлетворять своимъ нуждамъ, то не сдѣлались ли бы неукротимыми звѣрями? Потому Богъ силою и необходимостію покорилъ насъ другъ другу, и мы ежедневно сталкиваемся другъ съ другомъ. А если бы Онъ снялъ эту узду, кто бы сталъ искать дружбы ближняго? Итакъ, не будемъ почитать этого постыднымъ, не станемъ молиться и говорить: не дай намъ имѣть нужду въ помощи другого; напротивъ будемъ молиться, говоря такъ: не попусти, чтобы во время нужды нашей отказали намъ могущіе подать помощь. Не нуждаться въ помощи другого, а похищать принадлежащее другому—тяжело. Между тѣмъ объ этомъ мы никогда не молимся и не говоримъ: не попусти мнѣ пожелать чужого. Напротивъ, нуждаться въ другомъ кажется для насъ ужаснымъ. Павелъ много разъ бывалъ въ нуждѣ, и не стыдился. а напротивъ—даже радовался и хвалилъ оказывавшихъ ему услуги, говоря: *яко и единою, и дваши въ требованіе мое посыласте* (Фил. iv, 16); и еще: *отъ многихъ церквей уяхъ, примъ оброкъ къ вашему служенію* (2 Кор. xi, 8). Итакъ, стыдиться этого свойственно не разумно-свободной, но изнѣженной, испорченной и бессмысленной душѣ. Да и Богу такъ угодно, чтобы мы имѣли нужду одинъ въ другомъ. Итакъ, не мудрствуй чрезъ мѣру. Ты говоришь: не могу переносить многократно умоляемаго и непреклоннаго человѣка. Но какъ же Богъ (переносить) тебя,—котораго Онъ многократно просилъ и не былъ услышанъ, хотя просилъ о

томъ, что для тебя же полезно? *По Христѣ молимъ*, говорить 522 (апостолъ), *яко Богу молящу нами, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. v, 20). Ты говоришь: я рабъ Его. Чтожь изъ того? Если ты—рабъ Его—упиваешься, а Онъ—Владыка твой—алчетъ, и не имѣетъ необходимой для Себя пищи, то защититъ ли тебя имя раба? Напротивъ, оно еще болѣе обременитъ тебя—когда ты живешь въ трехъэтажныхъ палатахъ, а Онъ не имѣетъ и необходимаго крова; когда ты почиваешь на мягкомъ ложѣ, а Онъ не имѣетъ возглавія. Ты говоришь: я подаю. Но не должно прекращать подаваній. Тогда только ты можешь имѣть извиненіе, когда самъ не имѣешь, когда самъ ничѣмъ не обладаешь. Доколѣ же у тебя что-нибудь есть, то хотя бы ты подаль и тысячѣ нищихъ, но пока есть другіе алчущіе, тебѣ нѣтъ извиненія. Если же ты еще запираешь пшеницу, возвышаешь на нее цѣну, и измышляешь новые неслыханные способы къ полученію прибыли, то какую будешь имѣть надежду на спасеніе? Тебѣ заповѣдано даромъ давать алчущему, а ты не хочешь дать и за умѣренную цѣну. Христосъ истощилъ для тебя славу Свою, а ты не удѣляешь Ему и куска хлѣба. Песъ у тебя объѣдается, а Христосъ изнемогаетъ отъ голода; рабъ твой отъ пресыщенія разсѣдается, а твой и его Владыка не имѣетъ нужной пищи. Гдѣ такъ поступаютъ друзья? *Примиритесь съ Богомъ*,—потому что это дѣло враговъ и самыхъ злыхъ непріятелей. Итакъ, постыдимся ради тѣхъ благодѣяній, которыя мы получили и еще имѣемъ получить. И если придетъ къ намъ нищій просить милостыни, примемъ его со всѣмъ благорасположеніемъ, утѣшимъ, ободримъ словомъ, чтобы и самимъ получить то же отъ Бога и отъ людей.

Елика бо аще хотите, да творятъ вамъ, и вы творите имъ (Мате. vii, 12). Этотъ законъ не имѣетъ въ себѣ ничего тяжкаго и неудобносимаго. Чего хочешь себѣ, говорить, то и дѣлай. Воздаяніе равное. Не сказано—не дѣлайте того другимъ, чего не хотите себѣ, но предписывается гораздо больше; то удерживало бы только отъ зла, а это требуетъ дѣлать добро; въ послѣднемъ заключается и первое. И не сказано—такъ и вы желайте, но—*творите имъ*. Какая же польза? „Въ этомъ законъ и пророки“. Хочешь ли получить прощеніе?—прощай и ты. Не хочешь слышать худого?—и не говори худого. Желаетъ, чтобы тебя хвалили?—самъ хвали (другихъ). Хочешь, чтобы у тебя не похищали?—самъ не похищай. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что добро свойственно намъ по природѣ, и что мы не имѣемъ нужды ни во внѣшнихъ законахъ, ни въ наставникахъ? Тѣмъ уже самымъ, что желаемъ или не желаемъ себѣ чего-нибудь отъ ближняго, мы налагаемъ на себя законъ. Такимъ образомъ,

если себѣ не желаешь, а другому дѣлаешь, или себѣ желаешь, другому же не дѣлаешь, то самъ на себя произносишь судъ, и ничѣмъ уже не можешь оправдаться, будто бы не знаешь и не понимаешь, что должно дѣлать. Итакъ молю васъ, возстановите сами въ себѣ этотъ законъ, и читайте эти ясныя и краткія начертанія; будемъ для ближнихъ такими, какими

523—524 желаемъ имѣть ихъ для себя, чтобы насладиться намъ и въ настоящей жизни спокойствіемъ, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

523 Благодареніе же Богови, давшему тожде тѣніе о васъ въ сердцѣ Титово (2 Кор. viii, 16).

1. Опять (апостоль) хвалить Тита. Такъ какъ онъ говорилъ о милостынѣ, то хочетъ теперь сказать и о тѣхъ, которые примутъ отъ коринѳянъ подаванія, и отнесутъ ихъ. Это нужно было для умноженія сбора и для возбужденія большей готовности въ подававшихъ. Тотъ, кто увѣренъ въ честности служащаго, и не относится съ подозрѣніемъ къ принимающимъ, подаетъ съ большей щедростію. Слушай же, какъ онъ и здѣсь, чтобы достигнуть этого, хвалить отправляемыхъ съ милостынею, въ числѣ которыхъ Титъ былъ первымъ. Онъ говоритъ: *благодареніе же Богови, давшему тожде тѣніе о васъ въ сердцѣ Титово*. Что значитъ—тожде? Такое же, какое онъ имѣлъ о ессалоникійцахъ или какое имѣю я. И замѣть мудрость его. Показавъ, что это есть дѣло Божіе, онъ приноситъ благодареніе давшему, чтобы и тѣмъ возбудить (коринѳянъ). Если Богъ воздвигъ и послалъ его къ вамъ, то самъ Онъ и проситъ чрезъ него. Итакъ, не почитайте случившагося дѣломъ человѣческимъ. Но откуда видно, что самъ Богъ его наставилъ? *Яко моленіе убо пріятъ. Тѣлительный же сый, своею волею изыде* (ст. 17). Смотри, какъ показываетъ, что (Титъ) исполняетъ свое дѣло, и не требуетъ побужденій отъ другихъ. Воздавъ благодареніе Богу, (апостоль) однако не приписываетъ всего Богу, а говоритъ, что (Титъ) и самъ по доброй волѣ вызвался на дѣло, чтобы и этимъ опять внушить имъ большую любовь къ нему. *Тѣлительный же сый, своею волею изыде*, т. е. восхитилъ себѣ дѣло, поспѣшилъ къ сокровищу, вмѣнилъ въ собственную свою пользу служить вамъ, и такъ сильно лю-

бить васъ, что не имѣлъ даже и нужды въ увѣщаніяхъ съ моей стороны. Хотя я и просилъ его, но не этимъ онъ былъ возбужденъ, а собственнымъ произволеніемъ и благодатію Божіею. *Послахомъ же съ нимъ и брата, его же похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ* (ст. 18).

Кто же этотъ братъ? Одни разумѣютъ Луку, по причинѣ евангельской исторіи, имъ написанной, другіе Варнаву, такъ какъ (апостолъ) и устную проповѣдь называлъ евангеліемъ. Почему же онъ не называетъ ихъ именъ, тогда какъ Тита и по имени называетъ, и упоминаетъ о содѣйствіи его въ проповѣданіи евангелія (онъ столько былъ полезенъ, что въ его отсутствіе Павелъ не могъ совершить ничего великаго и важнаго: *не имѣхъ покоя духу моему*, говоритъ онъ, *не обрѣтшу ми Тита брата моего* [п, 13]), и говоритъ о любви его къ нимъ (*утроба его излиха къ вамъ есть* [вц, 15]), и о ревности его въ собираніи милостыни (*своею волею изыде*); а этихъ, напротивъ, не хвалитъ подобнымъ образомъ и 524 даже именъ ихъ не упоминаетъ? Что сказать на это? Можетъ быть, они неизвѣстны были (коринѣянамъ), поэтому и не распространяется въ похвалахъ имъ, такъ какъ добродѣтелей ихъ (коринѣяне) еще не извѣдали, но говоритъ объ нихъ, сколько нужно было, чтобы внушить о нихъ доброе мнѣніе и удалить подозрѣніе. Однако посмотримъ, за что онъ хвалитъ и этого самаго брата. Итакъ, за что же хвалитъ? Во-первыхъ, за проповѣдь и за то, что не только проповѣдывалъ, но даже проповѣдывалъ какъ должно и съ надлежащимъ тщаніемъ. Не сказалъ, что проповѣдуетъ и благовѣствуетъ, но—*его же похвала во евангеліи*. И чтобы не подумали, что льститъ ему, приводитъ въ свидѣтели не одного, не двухъ, не трехъ человекъ, но всѣ церкви, говоря: *по всѣмъ церквамъ*. Потомъ обращаетъ ему въ честь судъ рукоположившихъ его,—что также немаловажно. Потому-то вслѣдъ за словами: *его же похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ*, присовокупилъ: *не точію же* (ст. 19). Что значить—*не точію же*? Онъ достоинъ уваженія не только потому, что за проповѣдь всѣ одобряютъ его и хвалятъ, но и потому, что онъ *освященъ отъ церквей съ нами*. Отсюда догадываюсь, что (апостолъ) разумѣетъ Варнаву. Далѣе означаетъ великое достоинство его, указывая, для чего онъ рукоположенъ: *съ нами ходити, со благодатію сею служимъ нами*. Видишь ли, сколько похвалъ приписываетъ ему? Онъ прославился проповѣдію евангелія, и свидѣтельство объ этомъ имѣлъ отъ всѣхъ церквей. *Освященъ съ нами*,—то есть на то же служеніе, на какое и Павелъ, и вездѣ былъ ему общникомъ—и въ искушеніяхъ, и въ бѣдахъ, какъ это показываетъ слово—*ходить*. Но что значать слова: *со благодатію сею служимъ нами*?

То, что онъ избранъ возвѣщать слово и проповѣдывать евангеліе или служить при собираніи милостыни; вѣрнѣе же, какъ мнѣ кажется, (апостоль) указываетъ на то и другое вмѣстѣ. Потомъ присовокупляетъ: *къ самого Господа слава и усердію вашему*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: мы упросили, говорить онъ, чтобы его избрали вмѣстѣ съ нами, и поручили ему должность эконома священныхъ имуществъ и діакона (эта должность была не мало-важна: *усмотрите бо*, сказано, *мужи отъ васъ свидѣтельствовани седмь* [Дѣян. vi, 3]); и онъ избранъ былъ церквами по согласію всего народа. Что же значать слова: *къ самого Господа слава и усердію вашему*? То, чтобы и Богъ прославлялся, и вы стали усерднѣе къ подаванію, когда принимающіе эти подаянія будутъ люди испытанные, такъ что на нихъ никто не можетъ имѣть никакого, даже ложнаго, подозрѣнія.

525 2. Для того мы и пріискали такихъ мужей, и, чтобы отдалить и такое подозрѣніе, не одному вѣрили все, но послали Тита и другого съ нимъ. Затѣмъ, изъясняя тѣ же самыя слова: *къ самого Господа слава и усердію вашему*, присовокупляетъ: *блудущеся того, да не кто насъ поречетъ въ обиліи семъ служимымъ нами* (ст. 20). Какой же смыслъ этихъ словъ? Достойный добродѣтели Павловой, и вмѣстѣ показывающій великое его попеченіе и снисхожденіе. Чтобы, говорить онъ, не сталъ кто-нибудь подозрѣвать насъ, и не возымѣлъ хотя малѣйшаго повода укорять насъ, будто бы мы присвоаемъ что-либо себѣ изъ вручаемыхъ намъ подаяній, послали мы этихъ (мужей), и не одного только, но двоихъ и троихъ. Видишь ли, какъ освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія? (Освобождаетъ) не только тѣмъ, что они проповѣдники евангелія, избраны церквами, но и тѣмъ, что они мужи испытанной честности, и за эту самую честность избраны, чтобы не было мѣста подозрѣнію. И не сказалъ—чтобы вы не стали укорять, но—*да не кто другой*. Хотя онъ сдѣлалъ это ради нихъ, на что и намекнулъ словами: *къ самого Господа слава и усердію вашему*, однако не хочетъ уязвить ихъ, и говорить иначе: *блудущеся того* сдѣлать. И даже этимъ не довольствуется; но, желая успокоить ихъ еще болѣе, говорить далѣе: *въ обиліи семъ служимымъ нами*,—и такимъ образомъ тяжкое для слуха ихъ смягчаетъ похвалою. И чтобы они не оскорбились и не стали говорить: итакъ ты подозрѣваешь насъ, и мы такъ несчастны, что не заслуживаемъ твоего довѣрія,—онъ, предупреждая ихъ, говорить: много денегъ вами переслано, и самое обиліе, т. е. большое количество милостыни, можетъ возбудить въ аныхъ людяхъ подозрѣніе, если не примемъ предосторожности. *Промышляюще добрая не токмо предъ Богомъ, но и предъ людьми* (ст. 21).

Что можетъ сравниться съ Павломъ? Онъ не сказалъ: пусть будетъ несчастнымъ и пусть погибнетъ тотъ, кто станетъ подозрѣвать въ чемъ-либо подобномъ; доколѣ не обличаетъ меня совѣсть, мнѣ нѣтъ дѣла до подозрѣвающихъ. Напротивъ, тѣмъ они были слабѣе, тѣмъ болѣе снисходилъ къ нимъ. Не негодовать нужно на больного, но помогать ему. Между тѣмъ, отъ какого грѣха мы столько далеки, сколько онъ далекъ отъ таковыхъ подозрѣній? Если бы кто былъ подобенъ даже демону, и тотъ не могъ бы подозрѣвать блаженнаго (апостола) въ этомъ служеніи. И все же, какъ ни далекъ онъ былъ отъ худыхъ подозрѣній, онъ все дѣлаетъ и устрояетъ такъ, чтобы не оставить и малѣйшей тѣни для тѣхъ, которые захотѣли бы хотя сколько-нибудь подозрѣвать его въ худомъ. Онъ избѣгаетъ не только обвиненія, но и худого мнѣнія, малѣйшей укоризны и простого подозрѣнія. *Послаломъ же съ ними брата нашего* (ст. 22). Вотъ и еще одного присовокупляетъ,—и этого съ похвалою и съ одобреніемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и многихъ другихъ свидѣтелей: *его же искусихомъ*, говорить, *во многихъ многаяжды тщательна суща, нынѣ же множае тщательнѣйша*. Похваливъ его за собственные 526 его заслуги, хвалить и за любовь къ нимъ, — и что сказалъ о Титѣ, что онъ *тщательнѣйшій сый своею волею изыде*,—то же говорить и объ этомъ: *нынѣ же множае тщательнѣйша*, т. е. послѣ того, какъ (Павелъ) посѣялъ въ нихъ сѣмена любви къ коринтеянамъ. Потомъ, показавъ ихъ добродѣтели, располагаетъ и коринтеянъ въ ихъ пользу, говоря: *аще ли же о Титѣ, общникъ мой, и къ вамъ споспѣшникъ* (ст. 23). Что значитъ: *аще ли о Титѣ*? Если, говорить, нужно сказать что-нибудь о Титѣ, то скажу, что онъ *общникъ мой, и къ вамъ споспѣшникъ*. Или это разумѣетъ (Павелъ), или то, что, если вы сдѣлаете что для Тита, сдѣлаете это не для обыкновеннаго человѣка, потому что онъ *общникъ мой*. И повидимому, похвалая его этимъ, хвалить вмѣстѣ и ихъ, показывая въ нихъ такое къ себѣ расположеніе, что они почитаютъ достаточнымъ основаніемъ уважать человѣка, какъ скоро извѣстно, что онъ Павловъ общникъ. Не довольствуясь, однако, этимъ, (апостолъ) присовокупляетъ еще: *и къ вамъ споспѣшникъ*. Не просто споспѣшникъ, но въ дѣлахъ, касающихся до васъ: въ вашемъ преслѣданіи, совершенствованіи, въ любви и тщаніи о васъ. А это болѣе всего могло привлечь ихъ къ нему. *Аще ли братія наша*. Если, говорить, желаете знать что-либо и о другихъ, то и они имѣютъ величайшія права на ваше расположеніе, потому что и они *братія наша и посланники церкви*, т. е. отъ церкви посланы. Затѣмъ, что всего важнѣе, они *слава Христова*, потому что къ Нему относится все, что съ ними ни дѣляется.

Итакъ, хотите ли принять ихъ какъ братьевъ, или какъ посланниковъ церкви, или какъ дѣлающихъ все для славы Христовой,—во всякомъ случаѣ имѣете много побужденій оказать имъ свое расположеніе. Если о Титѣ могу сказать, что онъ общникъ мой и любить васъ, то и объ этихъ (скажу), что они братья, посланники церкви, слава Христова.

8. Видишь ли, какъ и отсюда ясно, что эти послѣдніе не были извѣстны (коринтянамъ)? Иначе опъ и ихъ похвалилъ бы за то же, за что хвалилъ Тита, т. е. за любовь къ нимъ. Но такъ какъ они еще были незнакомы имъ, то и говорятъ: примите ихъ какъ братьевъ, какъ посланниковъ церкви, какъ дѣлающихъ все для славы Христовой. Потому присовокупляетъ: *показаніе убо любве вашея и нашего хваленія о васъ, къ нимъ покажите, въ лице церкви* (ст. 24). Теперь покажите, говорить, какъ вы насъ любите, и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете это, если окажете имъ свою любовь. Потомъ придаетъ слову своему особенную силу, говоря: *въ лице церкви*, т. е. для славы и чести церкви. Если, говорить, почитите ихъ, то почитите пославшія церкви. Не къ нимъ только относится ваша честь, но и къ пославшимъ, которые ихъ избрали, а еще прежде—къ славѣ Божіей, потому что, когда воздаемъ честь служителямъ (Богъ 527 жимъ), чрезъ нихъ воздается похвала самому (Богу). Ко всѣмъ церквамъ,—немаловажно и это, потому что велика сила собора, или церкви. Посмотри, какую великую силу имѣлъ соборъ. Молитва церкви освободила Петра отъ узъ, отверзала уста Павлу. Приговоръ ихъ важенъ,—возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ нимъ. Вотъ почему и готовящійся рукополагать испрашиваетъ при этомъ и ихъ молитвъ, и они подають свой голосъ и возглашаютъ извѣстное освященнымъ, а неосвященнымъ не все можно открывать. Но есть случаи, въ которыхъ священникъ не отличается отъ подначальнаго, напримѣръ, когда должно причащаться страшныхъ таинъ. Мы всѣ одинаково удостоиваемся ихъ; не такъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ иное вкушаль священникъ, иное народъ, и гдѣ не позволено было народу приобщиться того, чего приобщался священникъ. Нынѣ не такъ; но всѣмъ предлагается одно тѣло и одна чаша. И въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ. Такъ, напр., о бѣсноватыхъ и о кающихся совершаются общія молитвы священникомъ и народомъ, и всѣ читають одну молитву, молитву—исполненную милосердія. Равнымъ образомъ, когда изгоняемъ изъ священной ограды недостойныхъ участвовать въ святой трапезѣ, нужна бываетъ другая молитва,—и мы всѣ вмѣстѣ повергаемся на землю, и всѣ вмѣстѣ встаемъ. Когда опять насту-

пасть время преподаванія и взаимнаго принятія мира, всѣ равно другъ друга лобзаемъ. При самомъ также совершеніи страшныхъ тайнъ священникъ молится за народъ, а народъ молится за священника, потому что слова: *со духомъ твоимъ* означаютъ не что иное, какъ именно это. И молитвы благодаренія также общія,—потому что не одинъ священникъ приносить благодареніе, но и весь народъ. Получивъ сперва отвѣтъ отъ народа, и потомъ согласіе, что достойно и праведно совершаемое, начинается священникъ благодареніе. И что удивительнаго, если вмѣстѣ со священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ эти священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мною для того, чтобы каждый и изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло, и столько же различаемся одинъ отъ другого, сколько членъ отъ члена; и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей церкви, какъ о тѣлѣ, всѣмъ намъ общемъ. Это послужить и къ большому утвержденію, и насъ побудить къ большому преспѣванію (въ добродѣтели). Послушай, какъ иногда и апостолы привлекали къ участию въ своихъ рѣшеніяхъ подчиненныхъ. Такъ, когда они поставляли семь діаконовъ, то сообщили объ этомъ прежде народу. Когда Петръ избиралъ Матея, то предложилъ о томъ всѣмъ тогда съ нимъ бывшимъ—и мужамъ, и женамъ. И это потому, что здѣсь (въ церкви) нѣтъ ни высокомѣрія начальствующихъ, ни раболѣпства подчиненныхъ, а есть власть духовная, которая находитъ для себя болѣе всего пріобрѣтеніе въ томъ, чтобы принимать больше трудовъ и заботы о васъ, а не въ томъ, чтобы искать большихъ 528 почестей. Въ церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ; какъ составляющіе одно тѣло,—всѣ должны быть расположены другъ къ другу, поскольку и крещеніе одно, и трапеза одна, и источникъ одинъ, и твореніе одно, и Отецъ одинъ. Итакъ для чего же раздѣляемся, когда столько связей, насъ соединяющихъ? Для чего разрываемся? Вотъ и опять принуждены мы оплакивать то, о чемъ многократно я плакалъ. Слезъ достойно настоящее наше состояніе. Такъ далеко мы отторглись другъ отъ друга, между тѣмъ какъ надлежало бы изображать собою союзъ одного тѣла. Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большому. Въ самомъ дѣлѣ, если Моисей отъ тестя своего узналъ нѣчто полезное, чего самъ не зналъ, то тѣмъ болѣе было бы такъ въ церкви. И что была за причина, по которой духовный человѣкъ не зналъ того, что зналъ невѣрный? Та, чтобы всѣ тогда бывшіе вразумились, что (Моисей)—человѣкъ и имѣетъ нужду въ Божіемъ содѣйствіи, хотя и море раздѣлилъ, хотя и камень разсѣкъ, и что

дѣйствія эти совершены не человѣческою, но Божіею силою. И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой встаетъ и говоритъ.

Хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное,—предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній,—не оставь безъ вниманія. Никто вѣдь изъ нихъ не отстоитъ такъ отъ ближняго, какъ отъ Моисея отстоялъ тестъ его, а между тѣмъ Моисей не только удостоилъ выслушать, но и принялъ совѣтъ его, послѣдовалъ ему, вписалъ его въ книги, не устыдился даже передать его исторіи, въ низложеніе гордости многихъ. Такимъ образомъ, какъ бы на столпѣ начертавши все это, онъ оставилъ потомству, такъ какъ зналъ, что исторія эта для многихъ будетъ полезна. Не будемъ же презирать тѣхъ, кто даетъ намъ полезные совѣты, хотя бы они были изъ подчиненныхъ, хотя бы изъ людей низкихъ. Не будемъ непременно почитать достойнымъ предпочтенія то, что предлагаемъ сами, но то, что окажется полезнымъ, это пусть и одобряется всѣми. Многіе, при слабомъ зрѣніи, распознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, потому что тщательно и внимательно разсматриваютъ. Не говори: для чего призываешь меня на совѣтъ, если не слушаешь, что я говорю? Такія замѣчанія приличны не совѣтнику, а властолюбивому человѣку. Совѣтникъ властенъ только предлагать свое мнѣніе. Если же будетъ данъ другой совѣтъ, болѣе полезный, а онъ станетъ требовать, чтобы сдѣлали такъ, какъ ему хотѣлось, то онъ уже не совѣтникъ, а, какъ я сказалъ, властолюбецъ. Не будемъ такъ дѣлать; но, очистивши душу отъ всякой гордости и тщеславія, будемъ искать не того, чтобы только наши мнѣнія были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаемъ былъ полезный совѣтъ, хотя бы онъ данъ былъ и не нами. Хотя и не сами найдемъ полезное, не мало однакожь получимъ пользы, если примемъ придуманное другими,—и отъ Бога получимъ великую награду, и удостоимся тѣмъ большей славы, потому что какъ сказавшій полезное называется мудрымъ, такъ и мы, принявшіе слова его, заслужимъ похвалу за благоразуміе и благомысліе. Такъ (созидаются) дома и города; такъ созидаеся, и Церковь. 520—530 получить большее приращеніе; такъ и мы, устроивъ наилучшимъ образомъ настоящую жизнь, сподобимся будущихъ благъ, которыя да получимъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIX.

О службѣ бо, яже ко святымъ, лишше ми' есть писати 529
вамъ (2 Кор. ix, 1).

1. Такъ много сказавъ объ этой (службѣ), теперь говорить: *лишше ми есть писати вамъ*. И не въ томъ только открывается его мудрость, что, сказавши уже многое, говорить — *лишше ми есть писати вамъ*, но и въ томъ еще, что опять говорить о ней же. То, что предъ этимъ только что было имъ сказано, онъ говорилъ о тѣхъ, которые приняли собранныя деньги, — чтобы они пользовались большимъ уваженіемъ; а что раньше еще этого говорилъ о македонянахъ, что *во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ*, и все прочее, было говорено о человеколюбіи и милостынѣ. И все-таки, не смотря на то, что и прежде сказалъ уже много, онъ опять намѣренъ рассуждать о томъ же предметѣ, и говорить: *лишше ми есть писати вамъ*. А дѣлаетъ это для того, чтобы болѣе привлечь ихъ. Вѣдь человеку, о которомъ идетъ такая слава, что для него не нужны совѣты, стыдно показать себя ниже добраго о себѣ мнѣнія и потерять его. Такъ поступаетъ онъ большею частію и при обличеніяхъ, употребляя оборотъ рѣчи, называемый умалчиваніемъ (*παράλειψις*), потому что онъ имѣетъ большую силу. Такъ напр. судія, когда видитъ великодушнаго обвинителя, уже не подозреваетъ его, рассуждая: если этотъ человекъ не говоритъ многого такого, что могъ бы сказать, то будетъ ли онъ вымышлять то, чего не было? И тѣмъ (обвинитель) заставляетъ судію предполагать въ дѣлѣ нѣчто большее того, что имъ самимъ сказано, а себѣ приобретаетъ имя честнаго человека. Такъ поступаетъ (и апостоль), когда онъ даетъ совѣты, или хвалитъ кого. Сказалъ: *лишше ми есть писати вамъ*; но смотри, какъ даетъ совѣты: *отъмъ бо усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македонянамъ* (ст. 2). Много значить и то, что самъ знаетъ; но гораздо важнѣе, что сообщаетъ о томъ другимъ. Это имѣетъ особенную силу, потому что они не захотѣли бы остаться посрамленными предъ такимъ числомъ людей. Видишь ли мудрость его совѣта? Онъ убѣждалъ ихъ примѣромъ другихъ, т. е. македонянъ: *скажу вамъ благодать Божию въ Церквѣхъ Македонскихъ* (viii, 1); убѣждалъ собственнымъ ихъ примѣромъ: *имже не точію еже творити, но и еже хотѣти прежде начасте отъ прешедшаго лѣта* (viii, 10); убѣждалъ примѣромъ самого Господа: *отъсте благодать Господа нашего, яко васъ ради обнища богатъ сый* (viii, 9). Потомъ опять прибѣгаетъ къ сильнѣйшему способу убѣжденія — къ примѣру другихъ, потому что люди

склонны къ соревнованію. Примѣръ Господа и обѣщанныя награды болѣе бы должны были подѣйствовать на нихъ; но такъ какъ они были еще немощны, привлекаетъ ихъ примѣромъ подобныхъ имъ, потому что ничто такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ соревнованіе. И смотри, въ какомъ новомъ видѣ предлагаетъ имъ то же самое увѣщаніе. Не сказалъ: подражайте имъ; но что? *Я-же* 530 *отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (ст. 2). Что говоришь? Недавно самъ сказалъ (о македонянахъ): добровольно *со многими моленіемъ моляще насъ*. Какъ же теперь говоришь: *яже отъ васъ* (коринѣянь) *ревность*? Да, отвѣчаетъ (апостолъ), мы не совѣтовали имъ, не убѣждали ихъ, а только васъ хвалили и вами хвалились, — и этого довольно было къ ихъ убѣжденію. Видишь ли, какъ онъ возбуждаетъ ихъ взаимнымъ другъ друга примѣромъ, — коринѣянь примѣромъ македонянь, а македонянь примѣромъ коринѣянь, и это соревнованіе еще болѣе усиливаетъ присоединенною къ тому великою похвалою? А чтобы не дать имъ повода къ гордости, съ особеннымъ искусствомъ выражается: *и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ*. Представь же, каково тѣмъ, которые были для другихъ побудительною причиною такой щедрости, самимъ отстать отъ нихъ въ благотворительности! Вотъ почему не сказалъ: подражайте имъ, потому что не возбудить бы этими словами такого соревнованія; а какъ сказалъ? Они вамъ подражали; вы, учителя, не окажитесь хуже учениковъ. И смотри, какъ для большаго возбужденія и воспламененія ихъ показываетъ видъ, что вступаетъ за нихъ, и защищаетъ ихъ дѣло, какъ будто идетъ о томъ споръ и состязаніе. Какъ выше онъ говорилъ: *яко dobroxотни, со многими моленіемъ* приступили къ намъ, *во еже умолити намъ Тита, да якоже прежде начатъ, такожде и скончаетъ благодать сію* (VIII, 4, 6), такъ и здѣсь говорить: *потому послахъ братію, да не испразднится похваленіе наше* (ст. 3). Видишь ли, въ какомъ онъ безпокойствѣ и страхѣ? Чтобы все, что онъ сказалъ, не показалось сказаннымъ только для убѣжденія, а не потому, что и на дѣлѣ такъ было, — говорить: *послахъ братію, — я столько забочусь о васъ, да не испразднится похваленіе наше*. Повидимому наибольшее участіе принимаетъ онъ въ коринѣянахъ, хотя и о всѣхъ равно печется. А смыслъ словъ его такой: весьма много хваюсь вами, всѣмъ говорю о васъ съ восхищеніемъ, хвалился и македонянамъ. Поэтому, если вы окажетесь ниже похвалы, стыдъ будетъ общій. Но выражается объ этомъ осторожно, именно присовокупилъ: *отъ части сей*, а не во всемъ. *Да, якоже глаголахъ, приготовани будете*. Говорилъ о нихъ (македонянамъ) не то, что они будутъ готовы, но что у нихъ все уже приготовлено, и нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Потому, гово-

рить, желаю, чтобы вы показали это на самомъ дѣлѣ. Потомъ еще болѣе обнаруживаетъ свое безпокойство, говоря: *да не како, аще приидуть со мною Македоняне, постыдимся мы (да не глаголемъ, вы) въ части сей похваленія* (ст. 4).

2. Больше будетъ стыда, когда будешь имѣть многихъ зрителей, и притомъ слышавшихъ о дѣлѣ. И не сказали: веду съ собою македонянъ, или: македоняне идутъ со мною,—чтобы не подумали, что дѣлаешь это намѣренно; а какъ сказалъ? *Да не како, аще приидуть со мною Македоняне*. Можетъ случиться, что они придутъ. Такимъ образомъ (апостолъ) отдалить отъ себя и подозрѣніе. А если бы сказалъ иначе, то, можетъ быть, довелъ бы ихъ и до ожесточенія. Смотри, какъ дѣйствуетъ на нихъ не духовными только, но и человѣческими (побужденіями). Если вы, говорить, мало смотрите на меня, въ твердой надеждѣ, что прощу васъ, то подумайте о македонянахъ—*да не како, аще приидуть, и обряцуть васъ*—не сказали: не желающихъ, но—*неприготованныхъ*, т. е. не все еще исполнившихъ. Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыдъ вовсе не подать милостыни, или подать меньше надлежащаго. Далѣе, кратко и вмѣстѣ съ силою, указываетъ и послѣдствія, имѣющія произойти отсюда, говоря такъ: *постыдимся мы, да не глаголемъ, вы*. И словами: *въ сей части похваленія* опять смягчаетъ рѣчь свою, — не для того впрочемъ, чтобы сдѣлать ихъ безпечными, но чтобы показать, что прославившіеся другими (добродѣтелями) должны отличиться и этой. *Потребно убо умыслихъ предпослати братію, да предуготовятъ благословеніе ваше сіе готово быти, тако якоже благословеніе, а не яко лихоимство* (ст. 5). Опять говорить о томъ же въ другихъ словахъ. И чтобы не показалось, что говорить такъ безъ особеннаго намѣренія, объясняетъ, что не по другой причинѣ идутъ братія, а единственно по той, чтобы (коринѣянамъ) не остаться въ стыдѣ. Видишь ли, что слова: *лишше ми есть писати вамъ* были началомъ къ увѣщанію? Видишь ли, сколько рассуждаетъ онъ объ этомъ служеніи? Кромѣ того можно сказать и то, что, дабы не подумали, будто (апостолъ) противорѣчить самъ себѣ, когда, сказавъ—*лишше*, рассуждаетъ о томъ же предметѣ, онъ сверхъ того, что говорилъ о скорости, щедрости и радушіи при подаваніи милостыни, и этимъ оборотомъ рѣчи достигаетъ той же цѣли. Онъ требуетъ этихъ трехъ качествъ, и поставилъ ихъ главными въ самомъ началѣ. Такъ, когда онъ говоритъ: *во мнозѣмъ искушеніи скорби избытокъ радости ихъ, и яже во глубинѣ нищета избыточествова въ богатство простоты ихъ* (VIII, 2), выражаетъ не другое что, какъ то, что (македоняне) сдѣлали великія приношенія, и сдѣлали съ радостію и поспѣш-

ностью, что они не скорбѣли, не только подавъ много, но и находясь въ искушеніяхъ, а это тяжелѣе, нежели подавать милостыню. Равнымъ образомъ и выраженіе: *себе вѣдѣша намъ* (vш, 5) показываетъ и ихъ радушіе, и твердую ихъ вѣру. Опять и здѣсь имѣетъ ту же цѣль. Такъ какъ щедрость и радушіе бываютъ между собою противоположны и иной, подавъ много, часто скорбѣть о томъ, а иной, чтобы не скорбѣть, подаетъ менѣе, то смотри, какъ (апостолъ) заботится и о томъ и о другомъ съ свойственною мудростію. Не сказалъ: лучше давать немного, но охотно, нежели по принужденію,—такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы они подавали и много и съ охотою. А какъ же (сказалъ)? *Да предуготовятъ благословеніе ваше готово быти якоже благословеніе, не яко лихоимство*. Сперва начинается съ пріятнѣйшаго и легчайшаго—подавать непринужденно, такъ какъ (подаваніе), говорить, есть

532 *благословеніе*. Видишь, какъ въ самомъ увѣщаніи показываетъ тотчасъ и плодъ, приносимый (подаваніемъ), т. е. что подающіе исполняются благословенія. Самымъ этимъ словомъ онъ уже привлекалъ ихъ къ радушію, потому что никто не даетъ благословенія съ огорченіемъ. Впрочемъ, и этимъ онъ не ограничился, а присовокупилъ: *не яко лихоимство*. Не думайте, говорить, чтобы мы изъ корыстолюбія брали у васъ милостыню, напротивъ, желаемъ быть для васъ источниками благословенія. Корыстолюбіе свойственно тѣмъ, которые подаютъ принужденно, такъ что кто принужденно подаетъ милостыню, тотъ подаетъ скупое. Отъ этой мысли, далѣе, опять переходитъ къ прежней, т. е. къ тому, чтобы подавали щедро. *Се же глаголю*, т. е. при этомъ скажу и то. Что же? *Стѣй скудостію, скудостію и пожнетъ; а стѣй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (ст. 6). Не сказалъ — скупое, но употребилъ благороднѣйшее наименованіе бережливаго (*φειδολοῦ*); и самое дѣйствіе назвалъ сѣяніемъ, чтобы ты тотчасъ вспомнилъ о воздаяніи, представилъ себѣ жатву, и понялъ, что (подавая другимъ) болѣе получаешь самъ, нежели даешь. Потому не сказалъ—дающій, но—стѣй. Не сказалъ также—если вы съете, но употребляетъ общее выраженіе. Не сказалъ опять—щедро, но, что гораздо важнѣе — *о благословеніи*. И снова возвращается къ прежнему пріятному способу подаванія: *кійждо якоже изволеніе имать сердцемъ* (ст. 7), потому что получившій полную свободу дѣлаетъ больше принуждаемаго. Потому и останавливается на этомъ; сказавъ именно—*якоже изволеніе имать*, присовокупляетъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды*; и этимъ еще не ограничивается, но приводитъ свидѣтельство изъ Писанія, говоря: *добротѣю бо дателя любитъ Богъ*. Видишь ли, сколько разъ онъ повторяетъ это? *Не по повелѣнію глаголю* (vш, 8); *советъ даю о семъ* (vш, 10);

якоже благословеніе, а не яко лихоимство (ix, 5); не отъ скорби, ни отъ нужды (ст. 7); *доброхотна бо дателя любитъ Богъ*. По моему мнѣнію, доброхотнымъ онъ называетъ здѣсь щедраго, хотя употребилъ это слово съ тѣмъ, чтобы побудить (коринтеянъ) къ радужному подаванію. Такъ какъ примѣръ македонянъ и все прочее достаточно было, чтобы побудить ихъ къ щедрому подаванію, то не говоритъ уже объ этомъ много, а (ведетъ рѣчь къ тому), чтобы подавали не съ принужденіемъ. И подлинно, если милостивъ есть добродѣтель, а всякое дѣло, сдѣланное по принужденію, теряетъ свою награду, то (апостолъ) справедливо поступаетъ такъ. И онъ не только совѣтуетъ, но, что всегда дѣлаетъ, и молить за нихъ (Бога), говоря: *силенъ же Богъ всяку благодать изобилувати въ васъ* (ст. 8).

8. Этою молитвою удаляетъ отъ нихъ помыселъ, противоборствующій щедрости, который и нынѣ для многихъ служитъ препятствіемъ. Дѣйствительно, многіе боятся подавать милостиву, говоря: какъ бы мнѣ самому не сдѣлаться бѣднымъ и не нуждаться въ помощи другихъ. Итакъ, чтобы разсѣять этотъ страхъ, онъ присоединяетъ молитву, говоря: *всяку благодать изобилувати въ васъ*,—не исполнить только, но *изобилувати*. Что же значить: *благодать изобилувати*? Обогащать васъ настолько, чтобы вы могли изобиловать при такой щедрости. *Да о всемъ всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо*. Смотри, и въ самой молитвѣ его какая мудрость. Не богатства просить имъ (у Бога), и не излишества, но всякаго довольства. И не это одно въ немъ удивительно, но то особенно, что, какъ не просить излишества, такъ равно не причиняетъ имъ и огорченія, и снисходя къ ихъ слабости, не принуждаетъ ихъ подавать отъ недостатка; 533 а просить довольства, и вмѣстѣ показываетъ, что даровъ Божіихъ не должно употреблять во зло. *Да избыточествуете во всяко дѣло благо*. Для того, говорить, прощу вамъ довольства, чтобы вы и другимъ удѣляли. И не сказалъ — удѣляйте, но—*да избыточествуете*. Въ благахъ тѣлесныхъ просить для нихъ довольства; а въ благахъ духовныхъ—не въ одномъ милосердіи, но и во всѣхъ прочихъ—просить имъ избытка. Таковъ смыслъ словъ: *во всяко дѣло благо*. Потомъ вводитъ совѣтникомъ пророка, принеся свѣдѣтельство, побуждающее ихъ къ щедрости, и говоритъ: *якоже ссть писано: расточи, даде убогимъ; правда его пребываетъ во вѣкъ*. (ст. 9; Псал. iii, 9). Вотъ что значить—*да избыточествуете*. Слово—*расточи* не что другое означаетъ, какъ щедрость въ подаваніи. Если поданнаго и нѣтъ уже болѣе, но плоды подаванія остаются. То и удивительно, что сберегаемое гибнетъ, а расточаемое пребываетъ, и пребываетъ вѣчно. Правдою же называетъ здѣсь че-

ловѣколюбіе, потому что оно дѣлаетъ людей праведными, и, какъ огонь, истребляетъ грѣхи людскіе, когда обильно наливается. Итакъ, не будемъ скупы; напротивъ, будемъ расточать щедрою рукою. Развѣ не видишь, сколько другіе раздають комедіантамъ и распутнымъ женщинамъ? Подай Христу хотя половину того, что они дають плясунамъ. Подай хотя столько алчущему, сколько они изъ тщеславія дають представляющимъ на зрѣлищахъ. Они множествомъ золота украшаютъ тѣло распутныхъ; а ты и въ простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Есть ли для этого какое-нибудь извиненіе? Не стоитъ ли это, напротивъ, всякаго наказанія, когда иной столько даетъ той, которая губить его и безславить, а ты и малѣйшей части не даешь тому, кто тебя спасаетъ и прославляетъ? Истощая свое богатство на удовлетвореніе чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бѣдности. Если же нужно облегчить чью бѣдность, ты считаешь себя бѣднѣе всѣхъ. Когда кормишь нахлѣбниковъ и льстеповъ, радуешься, какъ будто расточаешь на нихъ изъ неистощимыхъ источниковъ; а когда увидишь бѣднаго, тотчасъ нападаетъ на тебя страхъ бѣдности. За это-то самое нѣкогда мы осудимъ и сами себя и будемъ осуждены другими, какъ преуспѣвшими (въ добродѣтели), такъ и грѣшниками. Скажутъ тебѣ: почему ты не былъ великодушнымъ, гдѣ должно? Вотъ онъ, давая любодѣйцѣ, не представлялъ такихъ извиненій; а ты, подавая Владыкѣ, заповѣдавшему не пе- щись,—приходишь въ страхъ и трепетъ? И можешь ли быть достоинъ какого-нибудь извиненія? Если человѣкъ, получивъ благодѣяніе, не пренебрегаетъ имъ, но воздаетъ благодарностію, то тѣмъ болѣе Христосъ. Если Онъ и не получивъ даетъ, то ужели не воздастъ получивши? Почему же, скажешь, иные, расточивши много, не только сами не получили, но просятъ еще милостыни у другихъ? Ты указываешь на раздавшихъ все свое имѣніе, самъ не подавши и обола. Общай раздать все,—и тогда спрашивай и о нихъ. А доколѣ ты бережливъ, и подаешь малость изъ своего имуществва, къ чему представляешь мнѣ извиненія и предлоги? Вѣдь не на самый верхъ нестяжанія ведемъ мы тебя, просимъ только, чтобы ты отсѣкъ лишнее, и возлюбилъ только

534 довольство, а довольство ограничивается самымъ нужнымъ, безъ чего жить нельзя. Никто этого у тебя не отнимаетъ, никто не запрещаетъ тебѣ имѣть дневную пищу,—пищу, говорю, а не роскошь,—одѣянія, а не украшенія. Вѣришь же сказать, если внимательно вникнемъ, въ этомъ болѣе всего и заключается роскошь. Смотри же, кого справедливѣе назвать роскошествующимъ: того ли, кто, питаясь овощами, здоровъ и не страдаетъ никакой болѣзью,

или того, кто имѣеть самый богатый и роскошный столъ, но страдаетъ безчисленными болѣзнями? Очевидно, что перваго. Итакъ не будемъ желать ничего излишняго, если хотимъ и роскошествовать и наслаждаться здоровьемъ, и этимъ ограничимъ довольство. И кто можетъ быть доволенъ и здоровъ, питаясь одними бобами, пусть не ищетъ ничего больше. Если же кто слабѣе, и имѣеть нужду въ употребленіи огородныхъ овощей, тому пусть и это не будетъ возбранено. Если кто еще слабѣе, и для него потребуется умѣренное употребленіе мяса, мы не запрещаемъ ему и этого. Не для того вѣдь даемъ мы эти наставленія, чтобы доводить людей до смерти, или разстраивать ихъ здоровье, но чтобы отсѣчь излишество; а излишнее все то, что сверхъ необходимости, такъ какъ если и безъ этого можемъ жить здорово и благопристойно, то безъ сомнѣнія это прибавлено излишнее.

4. Такъ будемъ разсуждать и объ одеждахъ, и о столѣ, и о жилищѣ, и о всемъ прочемъ; вездѣ будемъ искать только нужнаго, а излишнее не нужно. Когда ты научишься ограничиваться довольствомъ, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовицѣ (Лук. ххi, 1—4), поведемъ тебя къ высшему. Ты недостойна еще любомудрія этой жены, когда заботишься о довольствѣ. Она была выше и этой заботы, потому что всѣ средства своего пропитанія повергла (въ сокровищницу). Итакъ ужели будетъ останавливать тебя мысль о необходимомъ? Ужели не постыдишься быть ниже жены, и не только не поревнуешь ей, но и очень далеко отстанешь отъ нея? Она не говорила, какъ вы разсуждаете сами съ собой: что будетъ, если, истративъ все, принуждена буду просить милостыни у другихъ?—но со всѣмъ усердіемъ отдала, что имѣла. А что сказать еще о ветхозавѣтной (вдовицѣ), жившей во дни пророка Іліи? Ей угрожала не только бѣдность, но смерть, и угрожала не ей одной, но и дѣтямъ. Она уже ожидала не помощи отъ другихъ, но скорой смерти. Ты скажешь: она увидѣла пророка, и оттого сдѣлалась щедрою. Но развѣ не видите и вы безчисленнаго множества святыхъ? И что говорю—святыхъ? Вы видите просящихъ даже Владыку пророковъ, и не только не дѣлаетесь человѣколюбивыми, напротивъ, имѣя сокровищницу, переполненную благами, не подаете и отъ такого избытка. Что ты говоришь: къ ней пришелъ пророкъ, и это побудило ее къ такому великодушію? То и достойно особеннаго удивленія, что она повѣрила, что (Ілія) великъ и чуденъ. Почему она не сказала, какъ естественно было бы сказать женѣ-язычницѣ и иноплеменницѣ: если бы этотъ человѣкъ былъ пророкъ, то не сталъ бы просить у меня помощи; если онъ другъ Божій, то не оставилъ бы его (Богъ)? Пусть іудеи за грѣхи подверглись такому

наказанію; а онъ почему подвергся и за что? Но она ничего
 535 такого не подумала, а напротивъ, открыла ему домъ свой, и еще
 прежде дома—сердце свое, предложила все, что имѣла, не вняла
 естественному чувству, забыла дѣтей своихъ, всему предпочла
 странника. Подумай же теперь, какое наказаніе должно пости-
 гнуть насъ, когда окажемся ниже и малодушнѣе жены-вдовицы,
 бѣдной, иноплеменицы, язычницы, матери дѣтей, нисколько не
 знавшей того, что мы теперь знаемъ. Если мы имѣемъ только
 крѣпкое тѣло, то еще не значить, что мы мужественны. Только
 тотъ имѣетъ эту доблесть, кто имѣетъ внутреннюю крѣпость,
 хотя бы онъ лежалъ на одрѣ. А безъ этой крѣпости, хотя бы
 кто тѣлесной силой своей могъ и гору сдвинуть, я никакъ не
 соглашусь назвать его мужественнѣе отроковицы или дряхлой
 старухи. Тотъ борется съ духовными искушеніями, а этотъ не
 смѣетъ и взглянуть на нихъ. И если желаешь увѣриться, что
 въ этомъ именно состоитъ истинное мужество, можешь узнать
 это изъ приведеннаго примѣра. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ
 быть мужественнѣе этой женщины, которая съ твердостію устояла
 противъ требованій самой природы, противъ силы голода, про-
 тивъ ужасовъ смерти, и все это преодолѣла? Послушай, какъ
 прославляетъ ее Христосъ: *многи, говорить, бѣша вдовицы во дни*
Иліины, и ни ко единой посланъ бысть пророкъ, токмо къ сей
 (Лук. iv, 25, 26). Скажу нѣчто великое и странное: эта (вдовица)
 оказала большее гостепріимство, нежели отецъ нашъ Авраамъ.
 Она побѣждала не къ стаду, подобно тому (Аврааму), но съ одной
 горстью муки превзошла всѣхъ прославившихся гостепріимствомъ.
 Авраамъ превзошелъ тѣмъ, что самъ вызвался на гостепріимство;
 536 а она тѣмъ, что для странника не пощадила и дѣтей, и притомъ,
 когда ничего не ожидала себѣ въ будущемъ. А мы, когда и
 царство готово, и геенна угрожаетъ, и, что всего важнѣе, когда
 Богъ столько для насъ сдѣлалъ, когда Онъ веселится и радуется
 (видя дѣла милосердія),—мы остаемся холодны. Не будемъ, молю
 васъ, (такъ дѣлать), но расточимъ, отдадимъ бѣднымъ, какъ
 должно отдать, Богъ же многое и малое цѣнить не по мѣрѣ
 подаемаго, а по достатку подающаго. Поэтому можетъ случиться,
 что, положивши сто золотыхъ монетъ, ты положишь меньше того,
 кто положилъ только одинъ маленькій оболъ, потому что ты
 положилъ отъ избытка. Впрочемъ, дѣлай хотя и такъ, и ты
 скоро сдѣлаешься болѣе щедрымъ. Расточай богатство, чтобы
 приобрѣсти правду. Не съ богатствомъ приходитъ правда; хотя
 черезъ него, но не съ нимъ приобрѣтается. Невозможно любо-
 стаяжанію и правдѣ обитать вмѣстѣ; ихъ жилища раздѣлены.
 Итакъ не усиливайся соединить несоединяемое, но изгони мучи-

теля—сребролюбіе, если хочешь получить царницу. Правда—царница, она изводитъ (людей) изъ рабства въ свободу. Совершенно иначе дѣйствуетъ сребролюбіе. Итакъ со всѣмъ тщаніемъ будемъ бѣгать сребролюбія, а возлюбимъ правду, чтобы и здѣсь наслаждаться намъ свободою, и тамъ получить небесное царство, котораго всѣ мы да сподобимся достигнуть благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

Даяй же сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь да подастъ, ⁵³⁵
и умножить сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды
вашей (ix, 10).

1. Особенно можно подивиться мудрости Павла въ томъ, что какъ убѣжденія заимствовалъ онъ и отъ духовнаго и отъ плотскаго, такъ, говоря и о воздаяніи, дѣлаетъ то же самое, т. е. указываетъ на двоякія (духовныя и плотскія) воздаянія. Такъ слова: *расточи, даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ*—указываютъ на воздаяніе духовное; а слова: *да умножитъ сѣмя ваше*—на воздаяніе плотское. Однако на этомъ онъ не останавливается, но опять переходитъ къ воздаяніямъ духовнымъ, и всегда ставить ихъ одни съ другими попеременно. Именно слова: *да возраститъ жита правды вашей*—означаютъ воздаяніе духовное. Дѣлаетъ же это и разнообразитъ рѣчь свою для того, чтобы искоренить въ нихъ боязливыя и малодушныя помыслы, и чтобы раз- ⁵³⁶
личными способами и указаніемъ на настоящій примѣръ разсѣять въ нихъ опасеніе бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ, если заставляющимъ землю Богъ подаетъ, если питающимъ тѣло свое даетъ Онъ обильно, то тѣмъ болѣе (Онъ даетъ) тѣмъ, которые воздѣлываютъ небо и пекутся о душѣ своей. И Ему угодно, чтобы такія (попеченія) состояли подъ особеннымъ Его промысломъ. Но (апостолъ) излагаетъ это не въ видѣ умозаключенія, и не такъ, какъ я сказалъ, а въ видѣ молитвы, при чемъ дѣлаетъ яснымъ свое умозаключеніе, и возводитъ ихъ къ большому упованію не только указаніемъ на повседневныя примѣры, но и самою этою молитвою. *Да подастъ, говорить, и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашей.* И здѣсь опять незамѣтно внушаетъ щедрость, что даетъ разумѣть словами: *умножитъ и воз-
раститъ*; а вмѣстѣ съ тѣмъ словами: *и хлѣбъ въ снѣдь* не позво- ⁵³⁷

ляетъ желать ничего кромѣ необходимаго къ поддержанію жизни. И особенно удивительно (въ Павлѣ), что, какъ и раньше внушалъ онъ, разсуждая о необходимомъ для жизни, не позволяетъ помогать чего-либо сверхъ нужды, а разсуждая о благахъ духовныхъ, советуетъ собирать ихъ въ большомъ избыткѣ.

Потому онъ и выше говорилъ: *да доволство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо* (ст. 8), и здѣсь говоритъ: *даяя хлѣбъ въ снѣдь, да умножитъ стѣмя ваше*, т. е. духовное. Такъ какъ онъ требуетъ не просто милостыни, но милостыни щедрой, то постоянно называетъ ее сѣменемъ. Подобно тому какъ сѣмя, брошенное въ землю, произращаетъ тучную жатву, такъ и милостыня приноситъ полныя рукояти правды и произращаетъ безчисленные плоды. Пожелавъ имъ такого обилія, онъ показываетъ опять, на что должно иждивать его, говоря: *да о всемъ богатыящися во всяку простоту, яже содѣваетъ нами благодареніе Богу* (ст. 11). Иждивайте богатство ваше не на то, на что не должно, а на то, чѣмъ приносится великое благодареніе Богу. Богъ отдалъ многое въ нашу власть, и, Себѣ предоставивъ меньшее, намъ уступилъ важнѣйшее. Такъ заботиться о чувственной пищѣ нашей предоставилъ Себѣ самому, а попеченіе о духовной ввѣрилъ намъ, и въ нашей власти содѣлать цвѣтущими мысленныя нивы наши. Онъ не требуютъ ни дождей, ни благораствореннаго воздуха; было бы только одно произволеніе, и онъ возрастутъ до самаго неба. Щедрость же называетъ здѣсь *простотою*, яже содѣваетъ нами благодареніе Богу, потому что отсюда происходитъ не одна милостыня, но и поводъ къ великому благодаренію, и не только къ благодаренію, но и ко многому другому. Это и перечисляетъ (апостоль) въ слѣдующихъ словахъ, чтобы, показавъ многія добрыя послѣдствія щедрости, возбудить ихъ тѣмъ къ большому усердію. Какіе же это многіе плоды? Послушай, что самъ онъ говоритъ: *яко работа сего служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но избыточествующая многими благодареніями Богови: искушеніемъ служенія сего славяще Бога о покореніи исповѣданія вашего въ благовѣствованіи, и о простотѣ сообщенія къ нимъ, и ко вѣстѣ, и о тѣхъ молитвахъ о васъ, возжелѣющихъ васъ за премногую благодать Божію на васъ* (ст. 12—14). Слова эти имѣютъ такой смыслъ: во-первыхъ, вы не только восполняете скудость святыхъ, но и производите у нихъ обиліе, т. е. подаете имъ больше, чѣмъ для нихъ нужно; затѣмъ, чрезъ нихъ вы возсылаете благодареніе Богу, потому что они прославляютъ Его за покорность исповѣданію вашему. А чтобы не подать мысли, что они благодарятъ потому только, что получаютъ благодѣянія, смотри, сколько возвышенными представляетъ ихъ. Что въ по-

сланіи къ Филиппійцамъ сказалъ я о себѣ: *не ищу дажня* (iv, 17), то же свидѣтельствую и о нихъ. Хотя они радуются о томъ, что вы восполняете ихъ недостатки и облегчаете ихъ бѣдность, но еще болѣе радуются о томъ, что вы такъ покорны Евангелію,— о чемъ свидѣлствуютъ ваши щедрыя подаванія, предписанныя 538 Евангеліемъ. *И о простотѣ сообщенія къ нимъ и ко всѣмъ.* Они прославляютъ Бога и за то, что вы такъ щедры не только къ нимъ, но и ко всѣмъ. И это благодареніе Бога за подаваемое другимъ служить опять къ ихъ похвалѣ. Они, говорятъ, не только хорошо управляютъ свои дѣла, но заботятся и о чужихъ, не смотря на то, что сами находятся въ крайней бѣдности. Это показываетъ высокую ихъ добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, никто такъ не завистливъ, какъ бѣдные; а они между тѣмъ чисты отъ этой страсти, и не только не завидуютъ, видя ваши благодѣянія другимъ, но даже радуются не меньше, чѣмъ если бы сами ихъ получили. *И о тѣхъ молитъ о васъ.* За тѣхъ, говорятъ, они благодарятъ Бога, а за вашу любовь къ нимъ самими и общеніе молятъ Его, чтобы сподобилъ ихъ видѣть васъ. И желаютъ этого не ради вашего имущества, но чтобы видѣть благодать, дарованную вамъ.

2. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ, восхваливъ (коринѣянъ), все приписалъ Богу, когда назвалъ дѣло ихъ благодатию? Послѣ того какъ онъ сказалъ о нихъ много великаго, назвалъ ихъ служителями, превознесъ до небесъ,— поскольку они служили бѣднымъ, а онъ передавалъ то, чѣмъ они служили,— назвалъ ихъ искусными, теперь показываетъ, что виновникъ всего этого—Богъ, и самъ вмѣстѣ съ ними возноситъ благодареніе (Богу), говоря: *благодареніе же Богови о неисповѣдимѣхъ Его даръ* (ст. 15). Даромъ называетъ здѣсь или тѣ многочисленныя блага, какія получаютъ чрезъ милостиню и принимающіе ее и получающіе, или тѣ неизреченныя блага, которыя прещедро дарованы всему міру пришествіемъ (Христовымъ),—и эти послѣднія преимущественно слѣдуетъ разумѣть здѣсь. Чтобы смирить ихъ гордость и сдѣлать ихъ болѣе щедрыми, онъ напоминаетъ имъ о томъ, что они получили отъ Бога. Такое (напоминаніе о благодѣянιάхъ Божіихъ) имѣетъ особенную силу для побужденія къ какой бы то ни было добродѣтели. Потому и здѣсь (апостолъ) заключилъ свою рѣчь (этимъ напоминаніемъ). Если же дары (Божіи) неизслѣдимы, то что можетъ равняться безумію тѣхъ, кто усиливается постигнуть сущность (Божію)? И не только дары Его неизслѣдимы, но и миръ, которымъ Богъ примирилъ горнее съ дольнымъ, превышаетъ всякій умъ. Итакъ, сподобившись такою благодати, постараемся показать достойную ея доблесть

жизни, и особенно будемъ заботиться о милостыни. А этого мы достигнемъ, если будемъ избѣгать невоздержанія, пьянства, пресыщенія. Вѣдь и пищу и питіе далъ намъ Богъ не для неумѣренности, а для пропитанія. И не виномъ производится пьянство. А если бы такъ было, то надлежало бы всѣмъ упиваться. Но не надлежало бы, скажешь, чтобы вино вредило и въ большомъ количествѣ употребляемое? Такъ говорить свойственно пьяницамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ большомъ количествѣ вино наноситъ вредъ, и ты ни мало не отстаешь отъ неумѣреннаго употребленія; если пьянство такъ постыдно и пагубно, и ты все-таки не оставляешь дурной страсти,—то до чего простерлась бы твоя неумѣренность, если бы можно было и много пить, и не терпѣть никакого вреда? Тогда не захотѣлъ ли бы ты, чтобы и рѣки текли виномъ? А тогда не погубилъ ли бы ты и не истребилъ ли бы всего? Если есть мѣра въ употребленіи пищи, и, преступая эту мѣру, мы вредимъ себѣ, но тебя не удерживаетъ эта узда, ты расторгашь ее и хватаешь все у всѣхъ, чтобы угодить гнусному твоему мучителю—сластолюбію, то чего бы ты не сдѣлалъ, когда бы природа не положила такой мѣры? Не сталъ ли бы ты тогда тратить все время жизни на это (удовлетвореніе своему чреву)? Итакъ, неужели надлежало усилить гнусную похоть, и не остановить вреда, происходящаго отъ неумѣренности? И сколько другихъ бѣдствій проистекло бы отсюда! До какого безумія доходятъ тѣ, которые въ пьянствѣ и другого рода распутствахъ валяются какъ въ грязи, а когда нѣсколько образумятся, ничего иного не дѣлаютъ, какъ только сидятъ и толкуютъ: для чего столько истрачено на такое дѣло?—тогда какъ имъ надлежало бы посудить о своихъ грѣхахъ! Вмѣсто того, чтобы говорить: для чего (Богъ) положилъ всему предѣлы? почему не дѣлается все безъ порядка?—скажи такъ: почему мы не перестаемъ упиваться? почему не знаемъ сытости? почему мы бессмысленнѣе безсловесныхъ? Вотъ о чемъ надлежало бы разсуждать намъ другъ съ другомъ; надлежало бы послушать апостольскаго слова, увидѣть, сколько благъ, по его свидѣтельству, проистекло для коринѳянь отъ милостыни, и восхитить себѣ такое сокровище. Въ самомъ дѣлѣ, презрѣніе богатства, какъ сказалъ (апостолъ), и содѣлываетъ людей искусными, и ведетъ къ прославленію Бога, и воспламеняетъ любовь, и дѣлаетъ насъ великодушными, и поставляетъ іереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Милостивый не облачается въ подиръ, не носитъ позвонковъ, не возлагаетъ на себя вѣнца; но облеченъ въ одежду челоувѣколюбія, которая святѣе священнической одежды, помазанъ елеемъ, который составленъ не изъ чувственнаго вещества, но воздѣланъ Духомъ

Святымъ, имѣеть вѣнецъ, сплетенный изъ милосердія, какъ сказано въ Писаніи: *отъichaющаго тя милостію и щедротами* (Псал. сл. 4), а вмѣсто того, чтобы носить золотую дщицу съ именемъ Божиимъ, самъ дѣлается подобенъ Богу. Какимъ образомъ? Будите, говорить, подобны *Отцу вашему, иже есть на небесахъ* (Мате. v, 45).

3. Хочешь ли видѣть и жертвенникъ (милосердаго)? Не Веселеилъ соорудилъ его, и не другой кто, но самъ Богъ; не изъ камней, но изъ вещества, которое свѣтлѣе самого неба—изъ разумныхъ душъ. Но іерей входитъ во святое святыхъ? Можно и тебѣ, совершающему жертву (милосердія), войти въ святилище еще болѣе страшное, гдѣ никто не присутствуетъ, кромѣ Отца твоего, который видитъ тебя въ тайнѣ (Мате. vi, 6), гдѣ никто другой не видитъ. Но какъ, скажешь, можно не видѣть, когда жертвенникъ стоитъ открыто? То и достойно удивленія, что тогда двойныя двери и завѣсы дѣлали (святилище) безлюднымъ, а нынѣ, принося жертву среди народа, можно приносить ее какъ бы вступивъ во святое святыхъ, и даже съ большимъ страхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты дѣлаешь это не на показъ людямъ, то, хотя бы и вся вселенная видѣла, никто не видалъ, потому что ты такъ сдѣлалъ. (Господь) не просто сказалъ: *не творите предъ челоѣки, но присовокупилъ: да видими будете имъ* (Мате. vi, 1). Жертвенникъ этотъ созданъ изъ самыхъ членовъ Христовыхъ; и тѣло самого Владыки служить тебѣ жертвенникомъ. Благоговѣй предъ Нимъ: на тѣлѣ Владычнемъ ты совершаешь жертву. Этотъ жертвенникъ страшнѣе и этого новаго, а не только древняго жертвенника. Однакожъ не смущайтесь. Этотъ (жертвенникъ) чуденъ по причинѣ предлагаемой на немъ жертвы, а тотъ (жертвенникъ милосердаго) удивителенъ и потому, что сооружается изъ той самой жертвы, которая его освящаетъ. Чуденъ опять этотъ (жертвенникъ) потому, что, будучи по природѣ камнемъ, дѣлается святымъ, такъ какъ принимаетъ тѣло Христово, а тотъ чуденъ потому, что самъ есть тѣло Христово. Такимъ образомъ страшнѣе этого жертвенника тотъ, предъ которымъ предстоишь ты, мірянинъ. Что въ сравненіи съ этимъ будетъ для тебя Ааронъ? Что кидаръ? Что звонцы? Что святое святыхъ? Да и нужно ли сравнивать (жертвенникъ милосердаго) съ древнимъ жертвенникомъ, когда онъ и въ сравненіи съ этимъ жертвенникомъ оказывается столь блистательнымъ? А ты между тѣмъ почитаешь этотъ жертвенникъ, потому что онъ принимаетъ тѣло Христово, и унижаешь тотъ (жертвенникъ), который есть самое тѣло Христово, и не обращаешь вниманія, когда онъ разрушается. Такой жертвенникъ ты можешь видѣть вездѣ—и на улицахъ, и на площадяхъ,

ежечасно можешь приносить на немъ жертву, потому что и здѣсь освящается жертва. И какъ іудей предстоить (предъ жертвенникомъ), призывая Духа, такъ и ты призываешь Духа, только не словами, адѣлами. Ничто такъ не поддерживаетъ и не возжигаетъ огонь Духа, какъ этотъ елей, обильно иналиваемый. Если же хочешь знать и то, что бываетъ съ возлагаемымъ на жертвенникъ, то иди, я и это покажу тебѣ. Итакъ какое куреніе, какое благоуханіе восходитъ отъ этого жертвенника? Слава и благодареніе. Куда восходитъ? До неба ли? Нѣтъ,—выше неба, и неба небеси, возносится къ самому Царскому престолу. *Молитвы твоя*, сказано, *и милостыни твоя въздоша предъ Бога* (Дѣян. х, 4). Чувственное благовоніе не далеко проникаетъ въ воздухъ; а это проходитъ самые небесные своды. И хотя ты молчишь, однако же дѣло твое вопіетъ, и дѣлается жертвою хвалы; не телець закалается, и не кожа сожигается, но разумная душа приносить ей свойственное. А такая жертва достохвальнѣе всякаго человѣколюбія. Итакъ, когда ты видишь бѣднаго изъ вѣрныхъ, представляй, что видишь жертвенникъ. Когда видишь такого нищаго, не только не оскорбляй, но и отнесись съ почтеніемъ; и если видишь, что другой его оскорбляетъ, останови, защити. Такимъ образомъ, и самъ ты можешь надѣяться, что будешь помилуванъ отъ Бога и получишь обѣщанныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа (Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

ВЕСѢДА XXI.

541 Самъ же азъ Павелъ молю вы кротостію и тихостію Христовою, имже въ лице убо смиренъ въ васъ, не сый же у васъ дерзаю въ васъ. Молю же, да не присуць дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія нещующія о насъ, яко по плоти ходящихъ (2 Кор. х, 1, 2).

1. Кончивъ все, что надлежало сказать о милостынѣ, показавъ, что онъ болѣе любитъ кориняны, чѣмъ они его любятъ, и вспомянувъ о своемъ терпѣніи и искушеніяхъ, (апостолъ) благовременно переходитъ теперь къ обличительной рѣчи, въ которой указываетъ на лжеапостоловъ, обращается (къ коринянамъ) съ угрозами, и говоритъ въ защиту себя самого. То же дѣлаетъ онъ и во всемъ посланіи, и, сознавая это, часто самъ себя поправляетъ, какъ напримѣръ въ словахъ: *зачинаемъ ли наки насъ*

самѣхъ изъѣщавати вѣмъ (ш, 1)? далѣ: *не паки себе хвалимъ предъ вами, но вину даемъ вамъ къ похваленію* (v, 12), затѣмъ: *бытъ не-смысленъ хваляся, вы меня понудисте* (хп, 11), и многія другія въ томъ же родѣ употребляетъ оговорки. И не погрѣшить тотъ, кто назоветъ это посланіе похвальнымъ словомъ Павла: такъ пространно разсуждаетъ онъ и о дарахъ благодати (Божіей) и о своемъ терпѣніи! Такъ какъ среди коринѣянъ были такіе, которые много думали о себѣ, и, ставя себя выше апостола, говорили о немъ, что онъ только величается, а ничего не значить и ничему здравому не учить (что и было особеннымъ признакомъ ихъ развращенія), то смотри, какъ онъ начинаетъ обличать ихъ. *Самъ же азъ Павелъ*. Замѣчаешь ли, сколько тутъ вѣса, сколько достоинства? Хочетъ же сказать онъ слѣдующее: прошу васъ, не заставляйте и не допустите меня употребить власть мою противъ тѣхъ, которые унижаютъ насъ и думаютъ, что мы живемъ по плоти. Это выражено здѣсь сильнѣе, нежели сказанное въ угрозу имъ въ первомъ его посланіи: *съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости? Яко не грядущу ли къ вамъ разгордѣшася нѣщии. Прииду же, и разумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (iv, 21, 18, 19). И здѣсь выражаетъ онъ то и другое, и власть свою, и любу мудріе, и терпѣніе, когда съ такою заботливостію проситъ не доводить его до необходимости—придти показать надъ ними грозную власть свою, т. е. поразить ихъ, истязать и подвергнуть крайнему наказанію. Это именно даетъ онъ понять словами: *мало же, да не присущъ дерзая надѣянїемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія нещующія насъ, яко по плоти ходящихъ*. Но обратимся опять къ первымъ словамъ: *самъ же азъ Павелъ*. Много силы и вѣса въ этихъ словахъ. Подобныя выраженія употребляетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. v, 2); или еще: *якоже Павелъ старецъ* (Филим. ст. 9); или въ другомъ мѣстѣ: *сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ* (Рим. хvi, 2). Такъ и здѣсь: *самъ же азъ Павелъ*. Важно уже и то, что онъ самъ проситъ; но гораздо важнѣе присовокупляемое: *кротостію и тихостію Христовою*. Желая сильнѣе пристыдить ихъ, онъ упоминаетъ о кротости и снисходительности, и тѣмъ придаетъ своему прошенію еще большую силу. Онъ говоритъ какъ бы такъ: устыдитесь самой кротости Христовой, которою умоляю васъ. Сказалъ же это съ намѣреніемъ вѣстѣ показать, что, хотя они и тысячекратно вынуждаютъ его къ строгости, но самъ онъ болѣе склоненъ къ кротости, и не наказываетъ ихъ не потому, чтобы не имѣлъ силы, но потому, что кротокъ, и потому, что такъ дѣлалъ Христосъ. *Иже въ лице убо смиренъ въ васъ, не емъ же дерзая въ васъ*. Что онъ хочетъ сказать этимъ? Или гово-

рить иронически собственными ихъ словами,—такъ какъ они говорили о Павлѣ, что когда онъ лично присутствуетъ, то не заслуживаетъ никакого уваженія, ничтоженъ и достоинъ презрѣнія, а въ отсутствіи гордится, ведетъ себя величаво, нападаетъ на насъ и угрожаетъ. На это намекаетъ онъ и далѣе, говоря: *яко посланія убо, рече, тяжки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничижено* (ст. 10). Итакъ, или говорить иронически, показывая великое огорченіе: я человѣкъ смиренный и ничего не значущій при личномъ свиданіи, какъ они говорятъ, а въ отсутствіи высокій,—или, если и говорить о себѣ съ важностію, то не по высокоумію, а по довѣрію къ нимъ. *Молю же, да не присушь державу надтѣніемъ, имже помышляю смѣти, на нѣкія непщующія насъ, яко по плоти ходящихъ*. Замѣчаешь ли, какое негодованіе выражается въ этихъ словахъ, и какое ясное обличеніе? Прошу васъ, говорить, не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у васъ, силенъ и имѣю власть. Такъ какъ нѣкоторые у васъ говорили, что я, не находясь у васъ,—выражаясь ихъ же словами,—дерзокъ и величавъ, то прошу, не заставьте меня употребить мою силу. Такой именно смыслъ имѣютъ слова: *державу надтѣніемъ*. И не сказалъ: которымъ я приготовленъ, но — *имже помышляю*. Я еще не рѣшился на это, а вы сами подаете мнѣ поводъ; но, не смотря и на это, я не желаю. А такъ поступалъ онъ, не себя только защищая, но и Евангеліе. Если же и тогда, когда нужно защитить проповѣдь (евангельскую), онъ не является строгимъ, но уступаетъ, выжидаетъ, и проситъ не доводить его до такой необходимости, то тѣмъ болѣе никогда не поступилъ бы строго, защищая себя самого.

2. Итакъ сдѣлайте мнѣ милость, говорить, не вынуждайте меня показать вамъ, что и при личномъ свиданіи могу поступить смѣло, съ кѣмъ должно, т. е. подвергнуть истязанію и наказанію. Видишь ли, какъ онъ былъ не честолюбивъ, не дѣлалъ ничего изъ тщеславія, какъ, и при необходимости (поступать строго), называетъ строгость смѣлостію? *Молю же, говорить, да не присушь державу надтѣніемъ, имже помышляю смѣти на нѣкія*. Главный долгъ учителя—не тотчасъ наказывать, но исправлять, 543 и всегда выжидать и быть медленну въ наказаніяхъ. Кто же эти нѣкія, которымъ онъ угрожаетъ? *Непщующія насъ*, говорить, *яко по плоти ходящихъ*. Они клеветали (на Павла), будто бы онъ лицемеренъ, лукавъ и гордъ. *Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ* (ст. 3). Здѣсь уже и устрашаетъ наказаніемъ. Правда, что мы облечены плотію, говорить онъ, не отвергаю этого; но не по плоти живемъ. Впрочемъ и этого не сказалъ, но скрываетъ до времени, потому что это относится къ похвалѣ его жизни, а

разсуждаетъ о проповѣди, показывая, что она не человѣческое дѣло и не имѣетъ нужды въ земной помощи. Потому не сказалъ: не по плоти живемъ, но (говорить): *не по плоти воинствуемъ*, т. е. мы ведемъ войну и вступили въ брань, но сражаемся не плотскими оружіями, не съ помощью человѣческихъ силъ. *Оружія бо наша не плотская* (ст. 4). А какія плотскія оружія? Богатство, слава, власть, краснорѣчіе, важность, проски, ласкательства, лицемѣріе, и тому подобное. Но наши оружія не таковы. Каковы же? *Сильна Богомъ*. Не сказалъ: мы не плотскіе, но: *оружія наша*, потому что, какъ я замѣтилъ, онъ разсуждаетъ пока о проповѣди, и всю силу ея приписываетъ Богу. И не говоритъ: (оружія наши) духовныя,—хотя бы и такъ надлежало сказать въ противоположность плотскому,—но: *сильна*, давая чрезъ это разумѣть и то, (что они духовны), а вмѣстѣ съ тѣмъ показывая, что оружія его противниковъ слабы и безсильны. Смотри же, какъ онъ чуждъ гордости. Не сказалъ: мы сильны, но: *оружія наша сильна Богомъ*. Не мы сдѣлали ихъ такими, а самъ Богъ. Такъ какъ они были мучимы, изгоняемы, претерпѣвали безчисленные и жесточайшія бѣдствія, а все это обнаруживало ихъ слабость, то, желая показать силу Божию, говоритъ: *не сильна Богомъ*. Сила Его въ томъ особенно и открывается, что Онъ побѣждаетъ ими. Такимъ образомъ, если и мы носимъ эти оружія, то сражается и дѣйствуетъ ими самъ (Богъ). Далѣе (апостолъ) распространяется въ похвалахъ этому оружію, говоря: *на разореніе твердемъ*. И чтобы кто-нибудь, слыша о твердыняхъ, не вообразилъ чего-либо чувственнаго, присовокупляетъ: *помышленія низлагающе*. Иносказаніемъ онъ придаетъ силу рѣчи, а изъясненіемъ его показываетъ, что брань ихъ духовна. Твердыни эти поражаютъ души, а не тѣла. И такъ какъ онъ гораздо крѣпче твердынь вещественныхъ, то и оружіе требуется лучшее. Твердынями же называетъ онъ гордость еллиновъ и силу ихъ софизмовъ и силлогизмовъ. И однако всѣ эти оружія, употребляемыя противъ нихъ, (Богъ) низложилъ. *Помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (ст. 5). Держится иносказанія, чтобы придать большую силу рѣчи. Хотя бы то были твердыни, или башни, или что другое, говоритъ онъ, — все уступаетъ этому оружію. *И плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово*. Слово—плѣненіе имѣетъ невыгодный смыслъ, потому что плѣненіе есть отнятіе свободы. Почему же (апостолъ) употребилъ это слово? Онъ употребилъ его въ другомъ значеніи. Слово—плѣненіе имѣетъ двоякое значеніе: оно означаетъ и потерю свободы, и такое отнятіе силы, послѣ котораго нельзя уже возстать. Въ этомъ послѣднемъ значеніи употребилъ его (апостолъ). Подобно тому какъ,

544 когда говорить: *отъ иныхъ церквей уяхъ* (хї, 8), онъ не разумѣть, что взять тайно, но что явно отнялъ, все взялъ, такъ и здѣсь говорить: *пльняюще*,—поскольку борьба не равна, но весьма легка. Не сказалъ: (*низлагающе*) одно или два, но—*всяко* (*возношеніе*); равнымъ образомъ не сказалъ только: мы побѣждаемъ и одерживаемъ верхъ, но — *пльняемъ*, подобно тому какъ и прежде не сказалъ: выдвигаемъ орудія противъ твердынь, но—*раззоряемъ* (твердыни), потому что у насъ великое изобиліе оружія; мы сражаемся не словами, но дѣлами противу словъ, не мудростію плотскою, но духомъ кротости и силы. Поэтому, какая мнѣ нужда, продолжаетъ онъ, превозноситься, величаться на словахъ и угрожать посланіями, — какъ они клеветали, говоря, что *посланія тяжки*,—когда сила наша состоитъ вовсе не въ этомъ?

3. Такъ какъ въ выраженіи: *пльняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христова* слово—*пльняюще*—тяжело, то иносказаніе онъ тотчасъ объяснилъ словами: *въ послушаніе Христова*, то есть, отъ рабства къ свободѣ, отъ смерти къ жизни, отъ гибели къ спасенію. Мы пришли, говорить онъ, не для того только, чтобы изложить противниковъ, но чтобы привести ихъ къ истинѣ. *И въ готовности имуще отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (ст. 6). Здѣсь (апостолъ) устрашаетъ не только тѣхъ (клеветавшихъ на него), но и ихъ (коринѳянь). Мы, говорить онъ, ожидаемъ васъ, чтобы, когда вы по нашимъ наставленіямъ и угрозамъ исправитесь, очиститесь и прекратите общеніе съ ними (клеветниками), тогда, отдѣливши ихъ однихъ, подвергнуть наказанію только неисцѣльно страждущихъ, какъ скоро совершенно узнаемъ, что вы отъ нихъ отстали, потому что хотя и теперь повинуетесь, но не вполне. Скажешь: если бы ты это сдѣлалъ теперь, то больше бы принесъ пользы? Нисколько; если бы теперь я сдѣлалъ это, то и васъ подвергъ бы наказанію. Должно было, (скажете), наказать ихъ, а насъ пощадить? Но если бы я пощадилъ васъ, то могли бы подумать, что я поступилъ такъ съ вами только по снисхожденію. Теперь же не того желаю, а прежде—исправить васъ, и потомъ уже приступить къ наказанію тѣхъ. Что можно представить снисходительнѣе этой милости? Такъ какъ видить, что близкіе ему вошли въ общеніе съ противниками, то хочетъ нанести ударъ, но щадить и удерживаетъ гнѣвъ, доколѣ они не отдѣлятся отъ противниковъ, чтобы этихъ только и наказать, или лучше—и ихъ не наказывать. Для того онъ угрожаетъ и близкимъ, для того и говорить, что однихъ ихъ желаетъ возвратити себѣ, чтобы и тѣ, исправленные страхомъ, перемѣнились, и такимъ образомъ ни на кого не напалъ бы гнѣвъ его. Во всемъ онъ поступалъ какъ искусный врачъ,

какъ общій всѣмъ отецъ, покровитель и защитникъ: столько заботился о всѣхъ! Повсюду устранялъ препятствія, усмиралъ (людей) зловредныхъ, вездѣ бывалъ самъ. И не борьбою достигалъ своей цѣли, но, какъ бы идя на легкую и готовую побѣду, воздвигалъ побѣдные памятники, ниспровергалъ, разрушалъ, рассыпалъ твердыни діавола и козни демоновъ, и всѣхъ плѣнныхъ переводилъ въ воинство Христово. Даже и на малое время не давалъ себѣ покоя, быстро переходилъ отъ однихъ къ другимъ, а отъ этихъ опять къ инымъ, и, какъ опытный вождь, ежедневно, 543 или лучше—сжечасно, воздвигалъ побѣдные памятники. Въ одномъ только хитонѣ вступивъ въ воинскіе ряды, онъ бралъ города противниковъ вмѣстѣ съ ихъ жителями. Лукомъ, копьемъ, стрѣлами и всѣмъ былъ языкъ Павловъ. Онъ говорилъ только, и рѣчи его поражали противниковъ сильнѣе всякаго огня; онъ изгонялъ демоновъ, а людей, ими одержимыхъ, приводилъ къ себѣ. Когда изгналъ онъ злого духа (въ Ефесѣ), собралось пятьдесятъ тысячъ челоувѣкъ, занимавшихся тайными знаніями, сожгли волшебныя книги и обратились къ истинѣ. И какъ на брани, когда падаютъ стѣны крѣпости или низложенъ тиранъ, всѣ находящіеся при немъ бросаютъ оружіе и переходятъ къ вождю противной стороны, такъ было и тогда. Какъ только изгнанъ былъ злой духъ, всѣ содержимые имъ въ осаду, бросивши книги, или—лучше сказать—истребивши ихъ, прибѣгли къ ногамъ Павловымъ. А онъ, сражаясь съ цѣлою вселенной, какъ бы съ однимъ воинствомъ, нигдѣ не останавливался, но, точно носимый на крыльяхъ, дѣлалъ все: то исцѣлялъ храмого, то воскрешалъ мертвого, то наказывалъ слѣпотою,—я разумѣю волхва (Дѣян. хп). Даже и будучи заключенъ въ темницу, не оставался въ бездѣйствіи, но и тамъ привлекъ къ себѣ стража темницы, продолжая захватывать людей въ этотъ прекрасный плѣнъ.

4. Итакъ, будемъ и мы по возможности подражать ему. Но что говорю—по возможности? Всякому, кто только пожелаетъ, можно приблизиться къ нему, высмотрѣть его искусство и перенять его мужество. Вѣдь и доселѣ еще дѣлаетъ онъ то же: *промысленія низлагающе, и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій.* И хотя многіе изъ еретиковъ задавались намѣреніемъ терзать его, но, и расторгнутый по членамъ, являетъ онъ великую силу. Пользовались имъ и Маркіонъ и Манихей, но разсѣкши на части; однако и самыми этими частями они обличаются. Такъ, и одна рука доблестнаго этого мужа, находясь у нихъ, гонить ихъ съ величайшею силою, и одна нога, находясь у другихъ, преслѣдуетъ ихъ и низлагаетъ, чтобы ты позналъ

богатство силы его, равно какъ и то, что, и на части разсѣченный, онъ силенъ истребить всѣхъ противящихся ему. Но это, скажешь, показываетъ неискренность, если препирающіеся между собою всѣ пользуются тѣмъ же (Павломъ). Да, неискренность, но не Павлову, а тѣхъ, кто пользуется имъ. У самого (Павла) нѣтъ запутанности и неопредѣленности; онъ простъ и ясенъ; напротивъ они перетолковали слова его по своимъ понятіямъ. Но для чего же онъ говорилъ такъ, что подаль поводъ любящимъ споры? Не онъ подаль, а собственное ихъ безуміе, потому что 546 они употребили слова его не такъ, какъ должно. Такъ, и весь этотъ міръ дивенъ и великъ, и явно открываетъ въ себѣ Божію премудрость, и *небеса похваляютъ славу Божію, и день дни открываетъ славу, и ночь ночи возвышаетъ разумъ* (Псал. хviii, 1, 2), и однако многіе преткнулись и объ это, и имѣли противныя одно другому (заблужденія). Иные дивились ему сверхъ мѣры до того, что почли его за Бога; а другіе такъ мало признавали въ немъ красоты, что не почитали его дѣломъ достойнымъ Божія творенія, и приписывали большую часть его какой-то злой матеріи. Между тѣмъ Богъ и тѣхъ и другихъ предохранялъ (отъ заблужденія), создавъ міръ съ одной стороны прекраснымъ и великимъ, чтобы не могли почитать его несоотвѣтствующимъ Его премудрости, съ другой—и имѣющимъ недостатки, и не самодовлѣющимъ, чтобы не почитали его за Бога. И однако люди, ослѣпившіеся своими помысленіями, впали въ противныя мнѣнія; обличая и порицая другъ друга, они ващцаютъ и Божію премудрость, и тѣ умствованія свои, которыя увлекли ихъ въ заблужденія. Но что говорю о солнцѣ и о небѣ? Сколько чудесъ видѣли у себя предъ глазами іудей, и скорѣй поклонились тельцу! Или—видѣли они, что Христосъ изгонялъ бѣсовъ, и однако называли Его бѣсноватымъ (Іоан. viii, 48). Но это служить не въ предосужденіе Изгонявшему (бѣсовъ), а въ обвиненіе ослѣпленнаго умомъ. Поэтому не осуждай и Павла за мнѣнія тѣхъ, которые во зло употребляли слова его, но постарайся исполнѣ узнать его сокровище и раскрыть его богатство; и тогда, огражденный его оружіемъ, ты мужественно противостояешь всѣмъ, сможешь заградить уста и эллинамъ и іудеямъ. Чѣмъ же, спросишь, когда они не вѣрятъ ему? Указаніемъ на то, что онъ совершилъ для нихъ, и для исправленія цѣлой вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, не человѣческая сила могла произвести столь великія дѣла, но сила Распятого, одушевлявшая (Павла), содѣлала его такимъ, что онъ сталъ сильнѣе и риторовъ, и философовъ, и тирановъ, и царей, и всѣхъ властителей. И онъ могъ не только облекаться въ оружіе и низлагать противниковъ, но и другихъ дѣлать побѣ-

дителями. Итакъ, чтобы стать полезными и для себя самихъ и для другихъ, будемъ непрестанно имѣть его въ рукахъ и утѣшаться его писаніями, какъ бы прекраснымъ лугомъ или садомъ. Такимъ образомъ сможемъ и избавиться порока, и возлюбить добродѣтель, и получить обѣщанныя блага, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХХП.

Яже предъ лицемъ зрите. Аще кто надѣется себе Хри- 547
стова быти, да помышляетъ паки отъ себе, зане якоже
онъ Христовъ, такоже и мы (х, 7).

1. Что особенно достойно удивленія въ Павлѣ при всемъ другомъ, это—то, что, будучи поставленъ въ большую необходимость хвалить себя, онъ достигаетъ двоякой цѣли: т. е. и себя хвалить, и вмѣстѣ такою похвалою самому себѣ не дѣлается обременителенъ для другихъ. Это можно видѣть особенно въ посланіи къ Галатамъ. И тамъ, коснувшись того же предмета, онъ заботится,—что особенно трудно, и требуетъ большого благоразумія,—о томъ и о другомъ, т. е. и скромность соблюдаетъ, и говорить о себѣ нѣчто великое. Но смотри, съ какимъ величіемъ и здѣсь дѣлаетъ это: *яже предъ лицемъ зрите*. Замѣчай и здѣсь благоразуміе. Обличивши тѣхъ, кто обольстили ихъ (коринѣянъ), онъ не останавливается на нихъ своего слова, но переходитъ отъ обольстившихъ и къ обольстившимся. Такъ поступаетъ онъ и всегда, — обличаетъ не только виновниковъ заблужденія, но и введенныхъ въ заблужденіе. Если бы онъ не подвергъ отвѣтственности и этихъ послѣднихъ, то ихъ не такъ бы легко исправило сказанное другимъ; они даже возгордились бы, какъ не подвергшіеся обвиненію. Поэтому и ихъ обличаетъ. И не это только достойно удивленія (въ Павлѣ), но и то, что онъ употребляетъ обличенія, какія приличны тѣмъ и другимъ. Послушай, что говоритъ (вдавшимся въ обманъ): *яже предъ лицемъ зрите*. Не малое, но очень большое обвиненіе! Почему? Потому что родъ человеческій очень легко впадаетъ въ обманъ. Смыслъ же словъ его таковъ: вы судите по наружности, по плотскимъ, по тѣлеснымъ (отношеніямъ). Что значить по наружности? Если кто богать, если кто надмевается, если кого окружаетъ толпа льстецовъ, если кто хвалитъ самъ себя, ищетъ пустой славы, если кто ли-

цемѣрно притворяется добродѣтельнымъ, не имѣя въ себѣ добродѣтели,—это и означаютъ слова: *яже предъ лицемъ зрите. Аще кто надѣется себе Христова быти, да помышляетъ наки отъ себе, зане якоже онъ Христовъ, такоже и мы.* (Апостоль) не хочетъ вдругъ показать себя строгимъ, но мало-по-малу усиливаетъ и возвышаетъ (рѣчь). И смотри, какая здѣсь рѣзкость въ выраженіи и многознаменательность. Выраженіемъ: *отъ себе онъ хочетъ сказать слѣдующее*: пусть не ожидаетъ узнать отъ насъ, т. е. изъ нашего ему выговора, но пусть судить о томъ самъ по себѣ, что какъ онъ Христовъ, такъ и мы, — не потому, чтобы онъ былъ такъ Христовъ, какъ и тотъ, но *якоже онъ Христовъ, такоже и я Христовъ*. Въ этомъ мы одинаковы, и нельзя сказать, что онъ Христовъ, а я принадлежу кому-то другому. Но показавъ это равенство, выставляетъ на видъ и преимущество, говоря: *аще бо и лишше что похваляю о власти, юже даде мнѣ Господь въ созданіе, а не на разореніе, не постыжуся* (ст. 8). Посмотри, какъ онъ смягчаетъ рѣчь свою, намѣреваясь сказать о себѣ нѣчто великое.

548 Дѣйствительно, ничто такъ не противно для многихъ, изъ слушателей, какъ похвала самому себѣ. Поэтому, устраниая неприятность, (апостоль) и говоритъ: *аще бо и лишше что похваляюся*. Не сказалъ: если кто увѣренъ въ себѣ, что онъ Христовъ, пусть разсудить, что онъ далеко еще отстоитъ отъ насъ, потому что я получилъ отъ Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу. А что сказалъ? *Аще и лишше что*. Хотя и выразить нельзя, сколь великую имѣлъ онъ (власть), но въ словахъ своихъ онъ уменьшаетъ ее. Не сказалъ также: *хваляся*, но: *аще похваляюся*, — если захочу (похвалиться). А такимъ образомъ соблюдаетъ вмѣстѣ и скромность, и показываетъ свое преимущество. *Аще бо похваляюся, говорить, о власти, юже даде мнѣ Господь*. Опять все приписываетъ Богу, и даръ дѣлаетъ общимъ, говоря: *отъ созданіе, а не на разореніе*. Видишь ли, какъ онъ опять успокоиваетъ зависть, какую могъ бы возбудить похвалою себѣ, и привлекаетъ къ себѣ слушателя, указывая на пользу, для которой получилъ онъ власть? А какъ же онъ говоритъ: *помышленія низлагающе*? Это особенно является однимъ изъ видовъ созиданія — уничтожать препятствія, обличать гнилое, и утверждать одно истинное. Въ созиданіе. Итакъ, для того получили мы власть, чтобы созидать. Если же кто будетъ упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды на исправленіе, то употребимъ и другую силу: низложимъ и ниспровергнемъ его. Поэтому и присовокупляетъ: *не постыжуся*, т. е. не окажусь ни лжецомъ, ни тщеславнымъ. Но да не явлюся, яко страша васъ, яко посланія убо, рече, тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла намоуно,

и слово уничижено: *сіе да помышляетъ таковой, яко яцы же есмы словомъ посланій отстояще, таковыи и ту суще дѣломъ* (ст. 9, 10). Смысль этихъ словъ такой: я могъ бы похвалиться; но чтобы не стали опять говорить, будто въ посланіяхъ я величаюсь, а при личномъ свиданіи ничего не значу, то не буду говорить о себѣ ничего великаго. Правда, въ послѣдствіи онъ говорилъ, но не о силѣ, по которой онъ былъ страшенъ, а объ откровеніяхъ, и еще болѣе объ искушеніяхъ. Итакъ, чтобы не показалось, что я устрашаю васъ, *сіе да помышляетъ таковой, яко яцы же есмы словомъ посланій отстояще, таковыи и ту суще дѣломъ*. Такъ какъ о немъ говорили, что въ посланіяхъ своихъ онъ пишетъ о себѣ много великаго, а при личномъ свиданіи не стоитъ никакого вниманія, то онъ и говоритъ эти (приведенныя выше слова), но впрочемъ опять съ большою скромностію. Не сказалъ: какъ пишемъ къ вамъ о великихъ дѣлахъ, такъ и находясь лично съ вами дѣлаемъ великія дѣла; но выразился гораздо скромнѣе. Когда обращалъ рѣчь къ тѣмъ, (которые почитали его человѣкомъ плотскимъ), тогда употребилъ сильныя выраженія: *молю же, да не присузь держю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти на нѣкія* (ст. 2). А обращаясь къ этимъ, поступаетъ снисходительнѣе, почему и говорить: *каковы мы лично съ вами, таковы и заочно, т. е. мы смиренны, скромны, ничѣмъ не тщеславимся*. И это видно изъ послѣдующихъ словъ: *не смѣемъ бо присовокупляти или прикладати себе имымъ хвалящимъ себе самыхъ* (ст. 12).

2. Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что они и тщеславны, и много говорятъ о себѣ, и укоряетъ ихъ за то, что сами себя 549 хвалятъ. А мы, говорить, ничего такого (не дѣлаемъ), а если что великое и сдѣлали, то все приписываемъ Богу, и равняемъ себя другъ съ другомъ. Поэтому и присовокупляетъ: *но сами въ себѣ себе имѣяюще, и прилагающе себе самыхъ себѣ, не разумѣваютъ*. Смысль этихъ словъ такой: мы не съ ними равняемъ себя, но другъ съ другомъ. Такъ онъ и ниже говоритъ о себѣ: *ничимже лишимся первѣйшихъ апостолъ* (хп, 11); равно какъ и въ первомъ посланіи: *паче всякъ ихъ потрудихся* (хв, 10); и еще: *знаменія апостолова содѣлашася въ васъ во всякомъ терпѣніи* (хп, 12). Такъ, мы сравниваемъ себя сами съ собою, а не съ ними, которые ничего не имѣютъ. А такое высокоуміе ихъ свойственно только безумію. Итакъ, онъ говоритъ это или о себѣ, или о нихъ, т. е. что мы не смѣемъ сравнивать себя съ тѣми, которые другъ съ другомъ препираются, тщеславятся, и между тѣмъ не разумѣютъ (что дѣлаютъ), т. е. не видятъ, какъ они смѣшны, когда такъ тщеславятся и превозносятся другъ предъ другомъ. *Мы же не въ безуміи похваляемся* (ст. 13), какъ они. Вѣроятно, въ похвалу

свою они говорили: мы обратили вселенную, мы доходили до предѣловъ земли, и много другого подобнаго разглашали о себѣ. Но мы, говорить (апостоль), не такъ, *но по мѣрѣ (правила) его же раздѣли намъ Богъ мѣру, достигати даже и до васъ*. И такимъ образомъ съ двухъ сторонъ открывается его смиренномудріе, съ одной—въ томъ, что онъ не говорить о себѣ ничего болѣе того, что сдѣлалъ, съ другой — въ томъ, что и это (сдѣланное имъ) приписываетъ Богу: *по мѣрѣ правила, говорить, его же раздѣли намъ Богъ мѣру, достигати даже и до васъ*. Какъ земледѣльцамъ раздѣляетъ (Богъ) виноградные сады, такъ и каждому изъ насъ назначилъ свой удѣлъ. А потому мы и хвалимся не большимъ чѣмъ-либо, но тѣмъ, чего дано намъ достигнуть. *Не яко бы не досягающе до васъ, наче простираемъ себе: даже бо и до васъ достигохомъ благодетіемъ Христовымъ* (ст. 14). Не только были мы у васъ, но и благовѣствовали, проповѣдывали, убѣждали, исправляли. Вѣроятно, порицавшіе Павла просто только приходили къ ученикамъ апостольскимъ, и вслѣдствіе этого одного прихода весь успѣхъ дѣла приписывали себѣ. Но мы, говорить (апостоль), не такъ поступили: никто не можетъ сказать намъ, что мы не могли придти къ вамъ, и что только на словахъ распространяемъ похвалу свою и до васъ, потому что мы и вамъ проповѣдывали слово (вѣры). *Не въ безмѣрная хвалящися, но въ чуждыхъ трудѣхъ, упованіе же имуще, растущей отъ васъ величати по правилу нашему изобильно, во еже и въ дальшихъ васъ благодетити, не чужимъ правиломъ въ готовыхъ похвалитися* (ст. 15, 16). Въ этихъ словахъ (апостоль) высказываетъ сильное обвиненіе (своимъ порицателямъ), что они и хвалились безъ мѣры, и хвалились чужимъ, и что, хотя весь трудъ принадлежалъ апостоламъ, они хвалились ихъ трудами. Но мы, говорить (апостоль), 550 доказали это дѣлами. Итакъ, не будемъ подражать имъ; а станемъ напротивъ говорить то, о чемъ свидѣлствуютъ самны дѣла. И что говорю: *(достигохомъ) до васъ?* Имѣю надежду, что съ возрастаніемъ вѣры вашей,—не прямо утверждаетъ, но, слѣдуя своему обыкновенію, говорить: надѣюсь, что, когда вы возрастете въ вѣрѣ,—удѣлъ нашъ и далѣе распространится, и будемъ проповѣдывать Евангеліе дальнимъ. Мы пойдемъ и далѣе, говорить онъ, чтобы проповѣдывать и потрудиться, а не тщеславиться тѣмъ, надъ чѣмъ трудились другіе. Прилично назвалъ онъ трудъ свой правиломъ (удѣломъ) и мѣрою, какъ вступившій въ обладаніе вселенною, и получившій прекрасное наслѣдіе, показывая тѣмъ, что все это есть дѣло Божіе. Итакъ, говорить, имѣя таковыя дѣла и ожидая еще большихъ, мы не тщеславились, подобно тѣмъ, которые ничего не имѣютъ, и ничего не припи-

сываемъ себѣ, но все (приписываемъ) Богу. Поэтому и присовокупляетъ: *хваляйся же, о Господь да хвалится* (ст. 17). И то (чтобы хвалиться), говорить онъ, дается намъ отъ Бога. *Не хваляй бо себе, сего искусень, но егже Господь восхваляетъ* (ст. 18). Не сказалъ: мы (достойны похвалы), но—*егже Господь восхваляетъ*. Видишь ли, съ какимъ смиреніемъ говорить онъ? А если далѣе онъ начинаетъ говорить о себѣ возвышеніе,—не удивляйся. И въ этомъ видно благоразуміе Павлово. Если бы онъ всегда сталъ говорить о себѣ съ смиреніемъ, то такъ не устрасили бы ихъ, и не освободилъ бы учениковъ своихъ отъ заблужденія. Бываетъ, что и тотъ, кто не во время скромнень, причиняетъ вредъ; и напротивъ, тотъ, кто во время говорить о себѣ нѣчто удивительное, приносить пользу. Такъ поступалъ и онъ. Дѣйствительно, опасность была немалая, если бы ученики повѣрили какому-нибудь дурному слуху о Павлѣ. И не потому это, чтобы Павелъ искалъ славы человѣческой; если бы онъ ея искалъ, то не сталъ бы молчать столь долгое время о великихъ и дивныхъ событіяхъ, случившихся съ нимъ за четырнадцать лѣтъ; равно какъ не сталъ бы такъ медлить и неохотно говорить объ этомъ, когда была даже нужда. Очевидно, что и тогда онъ не сказалъ бы этого, если бы не видѣлъ крайней нужды.

Итакъ не славы человѣческой искалъ онъ, когда говорилъ это, но заботился объ ученикахъ. Такъ какъ на него клеветали, что онъ самохвалъ, величается только на словахъ, а дѣлами ничего не можетъ доказать, то онъ находить необходимымъ наконецъ сказать о бывшихъ ему откровеніяхъ. Хотя онъ могъ бы убѣдить ихъ и сажыми дѣлами, когда говорилъ это, однако ограничивается одними словесными угрозами, такъ какъ онъ особенно былъ чуждъ тщеславія, что показываетъ вся его жизнь, и прежняя и послѣдующая. Потому-то онъ такъ внезапно и обратился къ вѣрѣ во Христа, и своимъ обращеніемъ изумилъ іудеевъ, и презрѣлъ всѣ почести, какими пользовался у нихъ, хотя былъ главою и представителемъ ихъ. Но ни о чемъ этомъ онъ не подумалъ, какъ скоро нашелъ истину, а (всю славу) промѣнялъ на обиды и безчестіе отъ нихъ. Онъ имѣлъ въ виду спасеніе многихъ (людей), и предпочиталъ это всему. Да и могъ ли гоняться за славою человѣческою тотъ, кто и геенну и царство, и безчисленные міры считалъ ни за что въ сравненіи съ любовію ко Христу? Безъ сомнѣнія, не могъ. Напротивъ, онъ весьма смиренень, когда только можно; и самъ представляетъ на показъ прежнюю свою жизнь, называя себя хулителемъ, гонителемъ и обидчикомъ (1 Тим. 1, 13). Ученикъ его Лука многое о 351 немъ повѣствуетъ, очевидно узнавъ отъ него самого, рассказы-

вавшего о прежней своей жизни не меньше, чѣмъ и о послѣдующей.

3. Говорю же это не для того только, чтобы слышали, но и чтобы пазидались. Если Павелъ помнилъ грѣхи свои, содѣланные до крещенія, хотя они и совершенно были изглажены, то какое можемъ получить прощеніе мы, которые не помнимъ грѣховъ и по крещеніи сдѣланныхъ? Что ты говоришь, человѣкъ? Ты оскорбилъ Бога, и забываешь это? Это новое оскорбленіе, новая вражда! Въ какихъ же грѣхахъ просишь себѣ прощенія? Въ тѣхъ ли, которыхъ не знаешь и самъ? Истинно такъ. Ты конечно не заботишься и не помышляешь о томъ, какъ дать отчетъ во грѣхахъ, когда не стараешься даже и помнить о нихъ, но шутишь тѣмъ, надъ чѣмъ не должно шутить. Но придетъ время, когда не пойдутъ уже намъ на мысль шутки. Вѣдь намъ непременно должно умереть (въ виду крайней безчувственности многихъ приходится говорить и объ извѣстномъ), непременно должно и воскреснуть, непременно должно и на судъ предстать, должно и мученію подвергнуться. Впрочемъ послѣднее не непременно, если захотимъ. Въ первомъ, т. е. въ смерти нашей, въ воскресеніи и въ судѣ, властны не мы, но Владыка нашъ; а чтобы подвергнуться наказанію, или нѣтъ, зависитъ отъ насъ, потому что это принадлежитъ къ области возможнаго. Если захотимъ, сдѣлаемъ и невозможнымъ, какъ сдѣлали Павелъ, Петръ и всѣ святые, поскольку имъ невозможно уже подвергнуться мученію. Такъ вотъ, если захотимъ, и намъ равнымъ образомъ невозможно будетъ пострадать что-нибудь. Хотя бы мы обременены были безчисленными грѣхами, можно еще исправиться, пока живемъ здѣсь. Итакъ постараемся исправить себя. И кто достигъ старости, пусть представляетъ себѣ, что скоро переселится отсюда, и что довольно уже насладился пріятностями жизни (хотя какое удовольствіе проводить жизнь въ грѣхѣхъ? но я говорю такъ, соображаясь съ его образомъ мыслей), пусть затѣмъ помыслить, что и въ короткое время можно ему омытъ всѣ свои скверны. Пусть и юноша опять представить себѣ неизвѣстность смертнаго часа, и что, когда часто многіе изъ старцевъ пребываютъ еще здѣсь, юноши прежде ихъ похищаются смертію. Чтобы мы не злоупотребляли временемъ нашей кончины, оно оставлено для насъ неизвѣстнымъ. Потому и одинъ премудрый въ увѣщаніе наше говоритъ: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сир. v, 8): *не вѣси бо что породитъ находяй день* (Притч. ш, 28; ххп, 1). Отлагательство производитъ опасеніе и страхъ; а немедленное обращеніе (къ Богу) вѣрное и надежное спасеніе. Итакъ держись добродѣтели;

въ такомъ случаѣ, хотя бы ты въ юности переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы достигъ старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь имѣть сугубый праздникъ, и какъ воздержавшійся отъ порока, и какъ возлюбившій добродѣтель. Не говори: будетъ еще время, когда должно обратиться; такія слова весьма прогнѣвляютъ Бога. Почему? Потому что Онъ 552 общалъ тебѣ безконечныя вѣки, а ты не хочешь потрудиться и въ продолженіе настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься такъ нерадивъ и малодушенъ, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не тѣ же ли самыя у тебя ежедневно пиршества? Не тѣ же ли столы? Не тѣ же ли блудницы? Не тѣ же ли зрѣлища? Не тѣ же ли деньги? Долго ли будешь любить это, какъ нѣчто вѣчное? Долго ли будешь имѣть ненасытную похоть ко грѣху? Помысли, что сколько разъ ты соблудилъ, столько же разъ осудилъ самъ себя, потому что таково именно свойство грѣха: едва онъ совершенъ, какъ судія произноситъ уже приговоръ. Ты упивался, предавался пресыщенію, похищалъ чужое? Остановись же наконецъ, обратись на противный путь, воздай благодареніе Богу, что не восхитилъ тебя изъ среды живыхъ при самомъ совершеніи грѣховъ, и не желай, чтобы дано было тебѣ еще время дѣлать зло. Многіе лишились жизни въ то самое время, какъ предавались корыстолюбію, и отошли на явное мученіе. Бойся, чтобы и тебѣ не подвергнуться тому же безъ всякой надежды на оправданіе. Но многимъ, скажешь, Богъ далъ время и въ самой глубокой старости раскаяться. Что же? Развѣ и тебѣ дастъ? Можетъ быть, дастъ, говоришь ты. Что за слова: можетъ быть, когда-то, часто? Подумай только, что дѣло идетъ о душѣ твоей; представъ же себѣ и противное, размысли и скажи: а что, если не дастъ? Но ты опять говоришь: а что, если дастъ? Положимъ, что и далъ бы (Богъ); но немедленное обращеніе и безопаснѣе и полезнѣе поздняго. Въ самомъ дѣлѣ, если ты уже началъ его, то во всякомъ случаѣ для тебя это полезно, получишь ли, или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то можетъ быть за это самое не получишь (отсрочки). Отправляясь на войну, ты не говоришь: не нужно дѣлать духовнаго завѣщанія, можетъ быть возвращусь; собираюсь жениться, не говоришь: возьму жену бѣдную, многіе не смотря и на это сверхъ чаянія сдѣлались богатыми; намѣреваясь строить домъ, не говоришь: построю на гниломъ основаніи, — многіе дома стояли и такъ. А когда идетъ дѣло о душѣ, утверждаешься на чемъ-то гниломъ: на „можетъ быть“, „часто“, „когда-то“, и ввѣряешь себя неизвѣстному. Не неизвѣстному, скажешь ты, но Божію человеколюбію, потому что Богъ человеко-

любивъ. Знаю это и я; но и при челоуѣколюбіи Своемъ Онъ изъязлъ (изъ среды живыхъ) тѣхъ, о комъ я сказалъ. А что, если ты, и долго проживши, останешься такимъ же? Вѣдь кто безпечень теперъ, тотъ и въ старости будетъ таковъ же. Нѣтъ, говоришь ты. Но разсуждающій такъ, проживъ до восьмидесяти лѣтъ, отложить до девяности, а проживъ до девяности, отложить до ста, а послѣ ста лѣтъ будетъ еще безпечнѣе. И такимъ образомъ вся жизнь твоя истрачена будетъ попусту, и на тебѣ исполнится то, что сказано было объ іудеяхъ: *исчезоша въ суетѣ дніе ихъ* (Псал. lxxvii, 38). И хорошо еще, если только въ суетѣ, а не во злѣ. Если же отойдемъ туда съ тяжкимъ бременемъ грѣховъ (а это и значить—во злѣ), то доставимъ пищу огню и 553—554 обильную градезу червю. Поэтому прошу и молю васъ—стать наконецъ мужественно, и отстать отъ грѣха, чтобы получить намъ обѣтованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатию и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

553 О да бысте мало потерпѣли безумію моему, но и потерпите мя (2 Кор. xi, 1).

1. Намѣреваясь говорить въ похвалу себѣ, (апостоль) употребляетъ много оговорокъ. И не разъ или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его какъ самая необходимость дѣла, такъ и то, что многократно говорилъ онъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, и то, что онъ поминалъ о своихъ грѣхахъ, которыхъ не помянулъ Богъ, и то, что называлъ себя за нихъ недостойнымъ даже наименованія апостольскаго,—и для самыхъ нечувствительныхъ дѣлало очевиднымъ, что онъ не для прославленія своего будетъ говорить то, что намѣренъ теперь сказать. Похвала себѣ самому, хотя и странно сказать, всего болѣе повредила бы его славѣ, притомъ она оскорбительна для многихъ. И однако онъ не посмотрѣлъ ни на что, но имѣлъ въ виду только одно—спасеніе слушателей. Итакъ, чтобы, восхваляя себя, не соблазнить тѣмъ неразсудительныхъ, онъ часто употреблялъ множество такихъ оговорокъ, и здѣсь говоритъ: *о да бысте мало потерпѣли меня безразсудствующаго, но и потерпите*. Видишь ли благоразуміе его? Сказать—*о да бысте*—значить предоставить дѣло на ихъ волю; а сказать утвердительно (*потерпите*) свойственно твердо

падѣющемуся на ихъ любовь, и показываетъ уже, что онъ любить ихъ, и ими взаимно любимъ. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но по любви самой пламенной и неудержимой, говорить, что они должны потерпѣть даже и его безразсудствующаго. Поэтому и присовокупилъ: *ревную бо по васъ Божию ревностію* (ст. 2). Не сказалъ: люблю васъ, но употребилъ гораздо сильнѣйшее (выраженіе). Ревнѣе *ѣ* тѣ души, которыя сильно пламенѣютъ къ любимымъ ими; и ревность можетъ рождаться не иначе, какъ отъ сильной любви. Притомъ, чтобы не подумали, что онъ ищетъ ихъ любви для власти, или чести, или денегъ, или чего-нибудь подобнаго, присовокупилъ: *Божію ревностію*. И Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлялъ въ Богѣ какую-нибудь страсть (Божество безстрастно); но чтобы всѣ знали, что Богъ все дѣлаетъ не ради чего-либо другого, а ради тѣхъ самихъ, о комъ ревнуетъ, и не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, а чтобы ихъ спасти. Не такова ревность человѣческая; она имѣетъ цѣлю собственное успокоеніе, не то, чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящіе не потерпѣли чего, и не потеряли уваженія, или не унизились въ глазахъ любимыхъ. Здѣсь же иначе. Я не о томъ забочусь, говорить (апостолъ), чтобы мнѣ не унизиться въ вашемъ мнѣніи, но о томъ, чтобы не увидѣть васъ растлѣнными. (отъ лжеучителей). Такова ревность Божія, такова и моя ревность,—она сильна, и вмѣстѣ чиста. Затѣмъ слѣдуетъ и необходимая тому причина: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту*. Поэтому ревную не для себя, но для Того, кому обручилъ васъ. Настоящее время есть время обрученія, а время брачныхъ чертоговъ другое, т. е. когда скажутъ: возсталъ женихъ. Какая новость! Въ мірѣ дѣвы обыкновенно бываютъ только до брака, а послѣ брака онѣ 554 уже не дѣвы. А здѣсь не такъ. Хотя бы до брака и не были дѣвами, но послѣ брака дѣлаются дѣвами. Такимъ образомъ вся Церковь есть дѣва, потому что (апостолъ) говоритъ это ко всѣмъ—и къ женатымъ, и къ замужнимъ. Посмотримъ же, что принесъ онъ, когда обручилъ насъ, какіе дары? Не золото или серебро, но царство небесное. Потому и сказалъ; *по Христѣ посольствуемъ* (2 Кор. v, 20). И онъ молить, когда хочетъ взять невѣсту. Образомъ этого служило то, что было съ Авраамомъ. И тотъ также посылалъ вѣрнаго раба для обрученія языческой дѣвы. И здѣсь Богъ послалъ слугъ Своихъ, чтобы они обручили Сыну Его церковь, а прежде посылалъ пророковъ, которые говорили: *слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. хлѣ, 11, 12). Видишь ли; пророка обручающаго? Видишь ли и апостола, съ великимъ дерзновеніемъ

повторяющаго то же и говорящаго: *обручитьъ васъ единому мужу двѣмъ чисту представити Христови?* Замѣчаешь ли опять благоразуміе (апостола)? Сказавши: вы должны снизойти ко мнѣ,—не прибавилъ: потому что я вашъ учитель, или: ради себя говорю; но употребилъ выраженіе, которое дѣлало имъ особенную честь, представилъ себя въ видѣ невѣстоводителя, а ихъ въ видѣ невѣсты. И потомъ говоритъ: *боюсь же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ разумъ вашъ отъ простоты, яже о Христѣ* (ст. 3). Хотя погибель угрожаетъ вамъ собственно, но скорбь общая. Смотри и здѣсь какое благоразуміе! Онъ не сказалъ этого открыто, хотя они уже дѣйствительно были растлѣнны, какъ можно видѣть изъ словъ: *егда исполнится ваше послушаніе, также: восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ* (х, 6; хп, 21); между тѣмъ не попускаетъ имъ оставаться и въ ожесточеніи. Потому и говоритъ: *да не како*. И не осуждаетъ, и не умалчиваетъ, поскольку и то и другое—и явно сказать, и со-всѣмъ скрыть—равно не безопасно. Потому онъ и соблюдаетъ средину, говоря: *да не како*. Такъ именно свойственно говорить тому, кто ни слишкомъ осуждаетъ, ни слишкомъ довѣряетъ, но держится средины между тѣмъ и другимъ. Этими словами, такимъ образомъ, онъ успокоивалъ ихъ; историческимъ же напоминачіемъ (объ Евѣ) приводилъ ихъ въ несказанный страхъ, и отнималъ у нихъ всякій поводъ къ извиненію. Вѣдь хотя и змій былъ злобень, и Ева несмысленна, однако ничто не спасло жену (отъ обвиненія).

2. Итакъ, смотрите, говоритъ (апостоль), не подвергнитесь и вы тому же: тогда ничто не защититъ васъ. И змій тѣмъ и 555 обманулъ, что обѣщалъ много. Отсюда видно, что и лжеучители, хвалясь и надмеваясь, обольщали (коринѣянъ). Объ этомъ же можно заключать не только отсюда, но и изъ дальнѣйшихъ словъ: *аще бо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ, егоже не проповѣдахомъ, или духа инаго приѣмлетъ, егоже не пріяте, или благовѣствованіе ино, еже не пріяте, добръ бысте потерпѣли*. Не говоритъ: чтобы вамъ не прельститься, какъ Адамъ; но показываетъ, что они, какъ женщины, подверглись обольщенію, потому что женщинамъ свойственно обольщаться. И не сказалъ: такъ и вы обольщены; но, продолжая иносказательную рѣчь, говоритъ: *да не како истлѣютъ разумъ вашъ отъ простоты, яже о Христѣ*. Отъ простоты, говорю, а не отъ лукавства; не отъ злонамѣренности, не отъ невѣрія вашего, но отъ простоты. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ не заслуживаютъ извиненія обольщаемые, какъ показалъ примѣръ Евы. Если же это (обольщеніе) не заслуживаетъ извиненія, то тѣмъ болѣе—кто впадаетъ въ обольщеніе по тщеславію.

Аще бо грядый инаго Христа проповѣдаетъ, сгоже не проповѣдахомъ. Отсюда видно, что коринѣяне не сами были причиною своего растлѣнія, но что посторонніе обольстили ихъ. Поэтому и говорить: *грядый. Аще духа инаго пріемлете, или благовѣствованіе ино, еже не пріясте, добръ бысте потерпѣли.* Что ты говоришь? Галатамъ сказалъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анагема да будетъ* (і, 9); а теперь говорить: *добръ бысте потерпѣли?* Именно поэтому-то самому и надлежало бы не терпѣть, а бѣжать. Если бы они говорили то же (что и ты), надлежало бы потерпѣть. Какъ же ты говоришь: когда говорятъ тоже, не должно терпѣть? А если бы говорили иное, должно было бы терпѣть? Вникнемъ (въ слова апостола). Предъ нами великая опасность, и глубокая пропасть: если оставимъ безъ изслѣдованія, то сказанное выше откроешь входъ всѣмъ ересямъ. Итакъ какая же мысль заключается въ этихъ словахъ? Лжеучители хвалились, что апостолы учатъ несовершенно, а они, напротивъ, привносятъ нѣчто большее. Вѣроятно они, пустословя о многомъ, внесли въ догматы (вѣры) безсмысленныя добавленія. Потому-то (апостоль) упомянулъ и о змиѣ и объ Евѣ, обольщенной чапїемъ большаго. На это намекалъ онъ и въ первомъ посланіи, говоря: *се обогатистесь, безъ насъ воцаристесь* (iv, 8), и еще: *мы буи Христа ради, вы же мудри о Христѣ* (iv, 10). И такъ какъ они, пользуясь вѣшною мудростію, вѣроятно, много пустословили, то (апостоль) и говоритъ: если бы они сказали что-нибудь лишнее, и проповѣдывали другого Христа, котораго не должно проповѣдывать, а мы умолчали бы, *добръ бысте потерпѣли.* Съ этимъ намѣреніемъ онъ и присовокупилъ: *егоже не проповѣдахомъ.* А если у нихъ тѣ же основанія вѣры, то какое преимущество? Сколько бы они ни говорили, не скажутъ больше того, что мы уже сказали. И смотри, съ какою точностію говоритъ объ этомъ. Не сказалъ: если бы пришедшій сталъ говорить нѣчто большее, нежели мы,—потому что (лжеучители) говорили нѣчто большее, съ большею властію и съ большею красотою въ словахъ. Поэтому и не сказалъ такъ, а что (говорить)? *Грядый инаго Исуса проповѣдаетъ*, — для чего не было нужды въ красивомъ наборѣ 556 словъ,—или *духа инаго пріемлете*, — то есть, обогащаетъ васъ большими дарами благодати, для чего также не было нужды въ красивыхъ словахъ,—или *благовѣствованіе ино, еже не пріясте*, — что точно также не требовало изящества слова,—*добръ бысте потерпѣли.* Смотри же, какое строгое наблюдается вездѣ разграниченіе, изъ котораго ясно видно, что они ничего лишняго и большаго (предъ апостолами) не сказали. Сказавши: *аще грядый инаго Исуса проповѣдаетъ*, прибавилъ: *его же не проповѣда-*

хоть; и къ словамъ: *или инаго духа приѣмлете*, присовокупилъ: *егоже не пріѣсте*; также сказавши: *или благовъствованіе ино*, присоединилъ: *егоже не пріѣсте*. А всѣмъ тѣмъ показывается, что должно смотрѣть не просто на то, сказали ли они что-нибудь большее, но на то, сказали ли они что-нибудь большее, что надлежало сказать, а нами было опущено. Если же они говорили, о чемъ не надлежало говорить, о чемъ потому и мы не сказали, то для чего и слушаете ихъ?

3. Но скажешь: если они говорятъ то же самое, почему запрещаешь имъ говорить? Потому что, прикрываясь лицемъпріемъ, они вводятъ другое ученіе. Впрочемъ, этого онъ пока еще не говоритъ, а высказываетъ впоследствии, когда говоритъ, что они преобразуются въ апостоловъ Христовыхъ (ст. 13). Теперь же употребляетъ легчайшіе способы, чтобы ослабить въ ученикахъ уваженіе къ нимъ,—и дѣлаетъ это не по зависти къ нимъ, но для безопасности учениковъ. Иначе, почему онъ не запрещаетъ Аполлосу, мужу краснорѣчивому и свѣдущему въ Писаніи, а напротивъ, даже проситъ и самъ общается прислать его? Конечно потому, что (Аполлосъ) при своихъ познаніяхъ сохранялъ и правоту догматовъ; а тѣ (коринескіе учителя) напротивъ. Потому (апостолъ) и вооружается противъ нихъ, и порицаетъ учениковъ за то, что они съ удивленіемъ слушаютъ ихъ, говоря: если мы опустили что-нибудь, о чемъ бы надлежало сказать, а они это дополнили, то не препятствуемъ вамъ слушать ихъ; если же все нами сдѣлано и ничего не опущено, то что васъ влечетъ къ нимъ? Поэтому и говоритъ далѣе: *непущю бо ничимже лишитися преднихъ апостолъ* (ст. 5), сравнивая себя не съ ними (коринескими учителями), но съ Петромъ и другими (апостолами). Такимъ образомъ, если (говорить) больше меня знаютъ, то больше и ихъ (высшихъ апостоловъ). Смотри, какая и здѣсь скромность. Не сказалъ: апостолы не больше сказали, чѣмъ я,—но какъ? *Непущю*, т. е. я такъ думаю, что я ни въ чемъ не отсталъ отъ высшихъ апостоловъ. Такъ какъ, вѣроятно, въ униженіе (Павлу) обращали и то, что предшествовавшіе ему по времени (апостолы) имѣли предъ нимъ болѣе громкое имя и большую славу, и (коринескіе лежеучители) вадумали равнять себя съ ними, то и сравниваетъ себя (съ апостолами) приличнымъ ему образомъ; потому и отзывается о нихъ съ похвалою, не просто называя апостолами, но *предними*, имѣя въ виду Петра, Іакова и Іоанна. *Аще же и не въжда словомъ, но не разумомъ* (ст. 6). Такъ какъ развратители коринянъ гордились тѣмъ, что они не неученные люди, то онъ упоминаетъ и объ этомъ, показывая, что онъ не только не стыдится своей неучености, но еще и хвалится ею. Не сказалъ

однако: если я невѣжда словомъ, то и другіе (апостолы) также, потому что это показалось бы порицаніемъ апостоламъ и похвалою лжеучителямъ. Напротивъ, онъ уничтожаетъ самое преимущество,—т. е. внѣшнюю мудрость. Точно также и въ первомъ посланіи онъ сильно нападаетъ на нее, говоря, что она не только 557 не содѣйствуетъ (евангельской) проповѣди, но еще и помрачаетъ славу креста. *Приидохомъ*, говоритъ онъ, *не по превосходному словеси, или премудрости, къ вамъ, да не испразднится крестъ Христовъ*, и многое другое тому подобное (1 Кор. II, 1, и 1, 17), чѣмъ показывается, что (лжеучители) были невѣжды познаніемъ, и что это есть крайняя степень невѣжества.

Итакъ, когда надлежало сравнить въ важномъ, онъ сравниваетъ себя съ апостолами; а когда (нужно было) показать, что недостатокъ есть только мнимый,—не дѣлаетъ сравненія, но обращаетъ вниманіе на самое дѣло, и показываетъ его превосходство. И когда не было никакой нужды хвалить себя, онъ называетъ себя меньшимъ изъ апостоловъ, и даже недостойнымъ имени (апостольскаго) (1 Кор. V, 9); а здѣсь, когда потребовали обстоятельства, говоритъ, что онъ ничѣмъ не меньше высшихъ апостоловъ,—потому что зналъ, что это особенно будетъ полезно для учениковъ. Потому и далѣе говоритъ: *не во всемъ явленны есмы во вѣсѣхъ къ вамъ*. И здѣсь опять обличаетъ лжеапостоловъ, что они дѣйствуютъ лукаво. Но о себѣ и прежде говорилъ тоже, что онъ не лицемерилъ, безъ обмана и безкорыстно проповѣдывалъ слово (Божіе). Лжеапостолы иными были на самомъ дѣлѣ, и иными показывали себя; но онъ не таковъ. Потому и хвалится вездѣ, что ничего не дѣлаетъ для славы челоѣческой, и не скрываетъ дѣлъ своихъ. Такъ и прежде говорилъ: *явленіемъ истины представляюще себе во всякой совѣсти челоѣчестѣй* (2 Кор. IV, 2), и теперь говоритъ: *во всемъ явленны есмы къ вамъ*. Что же это значить? Мы невѣжды, говоритъ онъ, и не скрываемъ этого; беремъ у нѣкоторыхъ, и не умалчиваемъ объ этомъ. Такъ и отъ васъ пользуемся, и не притворяемся, что ничѣмъ не пользуемся, какъ дѣлаютъ эти пользующіеся отъ васъ; напротивъ, мы все открыто дѣлаемъ предъ вами. А такъ могъ говорить только вполне полагающійся на нихъ (коринѣянъ), и во всѣхъ словахъ соблюдающій правду. Потому и ссылается на нихъ, какъ на свидѣтелей—и теперь, когда говоритъ: *во всемъ къ вамъ*, и прежде, когда говорилъ: *не иная бо пишемъ къ вамъ, но яже чтете и разумѣаете* (2 Кор. I, 18). Защитивъ себя такимъ образомъ, (апостолъ) далѣе начинаетъ уже говорить гораздо сильнѣе: *или грѣхъ сотворихъ себе смиряя, да вы вознесетесь* (ст. 7)? И объясняя это, продолжаетъ: *отъ иныхъ церквей уяхъ, приимъ оброкъ, къ ва-*

и *ну служенію* (ст. 8). Смыслъ этихъ словъ таковъ: я жилъ у васъ въ крайней нищетѣ: это именно значить — *себе смиряя*. Итакъ это ли ставите мнѣ въ вину? И потому ли превозносите предо мною, что я смирялъ себя у васъ, просилъ милостыню, терпѣлъ тѣсноту и голодъ, чтобы васъ возвысить? Какъ же они возвышались, когда онъ былъ въ крайности? Такъ, что они болѣе получали назиданія, а не повода къ соблазну. Между тѣмъ особенно могло служить къ ихъ обвиненію и къ обличенію ихъ слабости то, что (апостолъ) не могъ иначе вести ихъ (къ совершенству), какъ смирившись прежде самъ. Итакъ, въ томъ ли обвиняете меня, что я смирилъ себя? Но чрезъ это вы возвысились. Такъ какъ онъ и прежде говорилъ, что на него клеветали, будто при личномъ свиданіи онъ смирененъ, а въ отсутствіи смѣлъ, то теперь, защищая себя, опять поражаетъ ихъ, говоря:

536 это я сдѣлалъ для васъ: *отъ иныхъ церквей уялъ*. Отсюда начинаются уже упреки; впрочемъ сказанное прежде дѣлаетъ ихъ сносными. Онъ сказалъ: *потерпите мало безумію моему*. И прежде другихъ своихъ заслугъ, во-первыхъ, хвалится этимъ (презрѣніемъ земныхъ благъ). Мірскіе люди больше всего ищутъ этого; этимъ хвалились и противники (Павловы). Поэтому онъ и начинаетъ свою рѣчь не съ опасностей, равно и не съ чудесъ, а съ презрѣнія земныхъ благъ, такъ какъ этимъ особенно гордились (лжеучители); а вмѣстѣ съ тѣмъ непримѣтно обличаетъ ихъ и въ любостыжаніи.

4. Но достойно удивленія то, что (апостолъ), хотя могъ сказать, что собственными руками снискивалъ себѣ пропитаніе, не сказалъ этого, а говоритъ то, что особенно стыдило ихъ (коринѳянь), и даже ему не служило къ похвалѣ, именно, что онъ получалъ отъ другихъ. И не сказалъ: я получалъ, но—*уялъ*, т. е. взялъ послѣднее и сдѣлалъ ихъ бѣдными. И что еще важнѣе, бралъ не для избытка, но для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Подъ словомъ—оброкъ разумѣть именно необходимое къ пропитанію. И самое важное—*къ вашему служенію*, т. е., мы вамъ проповѣдывали, и когда отъ васъ должно было получать пропитаніе, я получалъ его отъ другихъ. Обвиненіе двойное, или даже тройное, поскольку, и находясь у нихъ, и служа имъ, и имѣя нужду въ необходимомъ содержаніи, получалъ его, однако, отъ другихъ. Эти другіе такимъ образомъ имѣли великое преимущество предъ ними. Они оставались беззаботными, а тѣ показали ревностную заботу, издалека посылали ему, тогда какъ они не могли пропитать его, когда онъ и у нихъ находился. Но такимъ образомъ строго ихъ укоривъ, (апостолъ) опять непримѣтно смягчаетъ укоризну, и говоритъ: *приидеъ къ вамъ, и*

отъ скудости бысть, не стужихъ ни единому. Не сказалъ: вы не давали мнѣ, но: я не бралъ. Онъ еще щадить ихъ. Однако и при самомъ смягченіи рѣчи своей опять непримѣтно поражаетъ ихъ. Слова: *приидеъ и: отъ скудости бысть*—весьма выразительны. Чтобы они не сказали: что намъ было дѣлать, когда ты имѣлъ у себя? онъ присовокупилъ: *и отъ скудости бысть, не стужихъ самъ*. Здѣсь опять слегка укоряетъ ихъ въ томъ, что они медленно, и какъ бы неохотно, дѣлали такія пособія. Вслѣдъ за тѣмъ показываетъ и самую причину, весьма для нихъ укоризненную, и вмѣстѣ побуждающую ихъ къ соревнованію. Потому и представилъ эту причину не прямо, но какъ бы объясняя, откуда и отъ кого онъ получалъ пропитаніе, чтобы, не вынывая въ нихъ никакого подозрѣнія, опять побудить ихъ къ милостынѣ. *Скудость бо мою*, говоритъ, *исполниши братія пришедшіе отъ Македоніи* (ст. 9). Видишь, какой чувствительный ударъ опять наноситъ имъ, представивъ тѣхъ, которые послужили ему? Сперва онъ возбудилъ (въ коринѣянахъ) желаніе узнать, кто такіе были они, сказавъ—*отъ иныхъ церквей улазъ*, потомъ уже и называетъ ихъ. А это побуждало ихъ къ тому, чтобы подавать милостыню. Унижавшихъ себя тѣмъ, что не пропитали апостола, онъ убѣждаетъ по крайней мѣрѣ не унижать себя въ оказаніи вспомошествованія бѣднымъ. Объ этомъ писалъ онъ и къ самимъ македонянамъ, говоря: въ нуждахъ моихъ *посласте ми и единою и дваци, и отъ началъ благодѣствованія* (Филип. iv, 16. 15), что и послужило имъ въ величайшую похвалу, потому что въ самомъ началѣ такъ отличились. Но замѣть, что (апостоль) вездѣ выставляетъ свою нужду, и нигдѣ не говоритъ объ изобиліи. Словами: *приидеъ и: отъ ску-* 559 *дости бысть*—онъ показалъ, что пропитаніе надлежало ему получить отъ коринѣянъ; а словами: *скудость мою исполниши*—показываетъ, что онъ этого и не требовалъ, объясняя вмѣстѣ и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что отъ другихъ получалъ. *Скудость бо мою*, говоритъ, *исполниши пришедшіе*. Потому, говоритъ, *не стужихъ*, а не потому, чтобы не надѣялся на васъ. А въ самомъ дѣлѣ поступилъ такъ по послѣдней причинѣ, что и показываетъ далѣе, хотя говоритъ объ этомъ не прямо, но прикровенно, предоставляя (догадываться) совѣсти слушателей, и незамѣтно указывая на то слѣдующими словами: *и во всемъ безъ стуженія себе соблюдохъ и соблюду*. Не думайте, чтобы я говорилъ это съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ васъ. Слово же—*соблюду* еще сильнѣе, указываетъ на то, что онъ не только теперь не надѣется на нихъ, но и разъ навсегда отказался взять что-нибудь у нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, что они считали для себя тягостнымъ помогать ему, почему и сказалъ:

безъ стуженія соблюдохъ и соблюду. Подобно этому говорить онъ и въ первомъ посланіи: *не писахъ, да тако будетъ о мнѣ: добрѣ бо мнѣ умерти, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (ix, 15). И здѣсь опять: *безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ и соблюду*. Потомъ, чтобы они не подумали, что говорить это для снисканія себѣ большей отъ нихъ благосклонности, присовокупляетъ: *естъ истина Христова во мнѣ* (ст. 10). Не подумайте, чтобы я говорилъ это съ намѣреніемъ получить или болѣе привлечь васъ къ себѣ. *Есть, говорить, истина Христова во мнѣ, яко похваленіе мое сіе не заградится въ странахъ Ахайскихъ*. Чтобы опять кто-нибудь не подумалъ, что онъ печалится объ этомъ, или говорить такъ въ гнѣвѣ, онъ называетъ поступокъ свой похвалою. Подобно этому и въ первомъ посланіи: и тамъ не въ оскорбленіе имъ говорить: *кая убо ми есть мзда? Да благовѣстующий безъ мзды поможу благовѣстію Христово* (ix, 18). И какъ въ первомъ посланіи называетъ это наградой, такъ здѣсь похвалою, чтобы не слишкомъ пристыдить ихъ словами своими, какъ будто они не доставляли (ему пропитанія), хотя онъ и просилъ. Чтожъ, говорить, и вы готовы бы дать; но я не беру. Слово— *не заградится* употреблено въ переносномъ значеніи: оно взято съ (преграждаемой) рѣки, и означаетъ, что слава о немъ, что онъ не беретъ, разливается всюду (какъ рѣка). Вы не заградите подаваніемъ своимъ моей свободы. Не сказать однако: вы не заградите, что было бы болѣе тяжело для нихъ, но: *не заградится въ странахъ Ахайскихъ*. И это опять могло ихъ страшно поразить, и весьма достаточно было для того, чтобы повергнуть ихъ въ уныніе и опечалить,—т. е. что однихъ только ихъ онъ отвергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ хвалится этимъ, то ему вездѣ бы надлежало хвалиться; а если у васъ однихъ хвалится, то быть можетъ по вашей немощи. Итакъ, чтобы они отъ такой мысли не впали въ уныніе, смотри, какъ онъ смягчаетъ сказанное. *Почто? Зане не люблю ли васъ? Богъ въстѣ* (ст. 11). Скоро и легко далъ рѣшеніе. Впрочемъ и тѣмъ не освободилъ ихъ отъ вины. Не сказалъ: вы не слабы, вы сильны; но—люблю васъ; а это больше всего увеличивало ихъ вину. Отъ великой любви его къ нимъ происходило то, что онъ ничего не бралъ у нихъ, потому что они очень обижались этимъ.

560 5. Такъ онъ по одной и той же любви совершалъ противоположныя дѣла,—т. е. и принималъ, и не принималъ, а эта противоположность зависѣла отъ различнаго расположенія дающихъ. И не сказалъ: изъ-за того не беру, что очень люблю васъ, потому что этимъ обвинилъ бы ихъ въ слабости и повергъ бы въ сомнѣніе, но представилъ другую причину. Какую же? *Да отъску вину хотящимъ вину, да о немже хвалятся обрѣцутся, якоже и мы*

(ст. 12). Такъ какъ (джеапостолы) о томъ только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлогъ, то надлежало и его отнять. А они хвалились только этимъ (безкорыстіемъ). Итакъ, чтобы имъ нечѣмъ было хвалиться, апостолу надлежало на дѣлѣ доказать тоже (свое безкорыстіе), такъ какъ во всемъ прочемъ они были ниже. А къ назиданію мірскихъ людей, какъ я говорилъ уже, ничто такъ не служить, какъ то, чтобы ничего не брать у нихъ. Потому и лукавый діаволь бросилъ имъ эту именно приманку, желая причинить имъ зло въ другомъ. Впрочемъ мнѣ кажется, что и это (въ лжеапостолахъ) было дѣломъ лицемѣрія. Поэтому (апостоль) и не сказалъ: чѣмъ они отличались; но что говорить? *О немже хвалятся*. Этими словами онъ осмѣивалъ ихъ тщеславіе, потому что они лишь хвалились, а на дѣлѣ не были такими. Благородно мыслящему человѣку не должно хвалиться не только тѣмъ, чего не имѣеть, но и тѣмъ, что имѣеть. Такъ поступалъ и этотъ блаженный (апостоль); такъ—и патріархъ Аврамъ, который говоритъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27). Такъ какъ онъ не имѣлъ грѣховъ, о которыхъ бы могъ сказать, а сіялъ добродѣтелями, то, разсмотрѣвши все и не нашедши никакого важнаго предлога къ обличенію самого себя, обратился къ своей природѣ. И такъ какъ слово—*земля* въ нѣкоторомъ отношеніи еще почтенно, то и присовокупилъ слово—*пепелъ*. Потому же и другой нѣкто сказалъ: *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. i, 9)? Не говори мнѣ ни о цвѣтѣ лица, ни о вытянутой шеѣ, ни объ одеждѣ, ни о конѣ, ни о свитѣ, но размысли и скажи: чѣмъ все это оканчивается? Если ты указываешь на вѣйшую видимость, то я покажу тебѣ то же на картинахъ, и еще въ гораздо болѣе блистательномъ видѣ. Но какъ мы не удивляемся изображенному (на картинахъ), зная, что все это въ существѣ своемъ грязь, такъ нѣтъ причины и этому удивляться. Поистинѣ, и это грязь,—и даже прежде, чѣмъ разрушится и обратится въ пыль. Покажи мнѣ эту вытянутую (шею), когда чловѣкъ страдаетъ горячкою и находится при послѣднемъ издыханіи; тогда я побесѣдую съ тобою, и спрошу: что случилось съ этою великою красотою, куда дѣвалось множество льстецовъ и услужливыхъ рабовъ, обиліе богатства и стяжаній? Какой вѣтеръ напелъ и развѣялъ все это? Но скажешь, что онъ, и лежа на одрѣ, имѣеть при себѣ знаки богатства и знатности, облеченъ въ великолѣпныя одежды, окруженъ бѣдными и богатыми, и прославляется народомъ. Но вѣдь и это одинъ только смѣхъ; кромѣ того все это тотчасъ, подобно цвѣту, опадетъ и развѣется. Лишь только мы выйдемъ за ворота города, и, предавши тѣло червямъ, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идетъ эта многочислен-

ная толпа? Гдѣ прежній вопль и шумъ? Гдѣ свѣтильники? Гдѣ лики женщинъ? Не сновидѣніе ли все это? Что значили эти вопли? Гдѣ тѣ безчисленные голоса, которые кричали и убѣждали (умершаго) не страшиться, потому что смерти нѣтъ? Не теперь надлежало говорить ему объ этомъ, не теперь, когда уже не слышать, но въ то время, когда похищаль, предавался любостыжательности,—тогда надлежало бы говорить ему, немного измѣнивъ слова: не надобно слишкомъ надѣяться, никто не безсмертенъ на землѣ, удержиись отъ своего безумія, угаси похоть, не надѣйся на несправедливое (стяжаніе). Теперь говорить ему о томъ свойственно не доброжелателю, а насмѣшнику, потому что этимъ заставишь его не надѣяться, а страшиться и трепетать. Но если бесполезно это для сошедшаго уже съ поприща, то по крайней мѣрѣ пусть услышатъ тѣ изъ богатыхъ, которые болѣны тою же болѣзнію, и сопровождаютъ гробъ. Они, будучи упоены богатствомъ, ничего такого не представляли себѣ прежде, но въ настоящее время, когда самый видъ лежащаго предъ ними увѣряетъ ихъ въ истинѣ нашихъ словъ, пусть образумятся и научатся, что чрезъ нѣсколько времени и они будутъ отведены къ страшному отчету, чтобы принять наказаніе за все, что они похищали и несправедливо пріобрѣтали. Но какое, скажешь, отношеніе имѣетъ это къ бѣднымъ? Для многихъ весьма пріятно и то, когда они видятъ притѣснителя наказаннымъ. Но намъ, скажешь, это непріятно, а (пріятно) самимъ не потерпѣть зла? Весьма хвалю и одобряю васъ, что не радуетесь несчастіямъ другихъ, а заботитесь о собственной безопасности. Хорошо,—я общаю вамъ и безопасность. Когда мы терпимъ оскорбленіе отъ людей,—этимъ уменьшаемъ не малую часть нашего долга, если только переносимъ великодушно. Итакъ, въ этомъ случаѣ мы не терпимъ никакой обиды. Богъ вмѣняетъ намъ терпѣніе скорбей въ уплату долга, не потому, чтобы такъ и надлежало, но по Своему милосердію. Поэтому самому Онъ и въ древности не (всегда) отмщаль за терпѣвшихъ зло. Скажешь: откуда это извѣстно? Страдали нѣкогда іудеи отъ вавилонянъ, и Богъ не препятствовалъ этому; напротивъ, отводимы были въ плѣнъ и дѣти и женщины. Но впоследствии это плѣненіе, по мѣрѣ страданія за грѣхи, служило іудеямъ въ утѣшеніе. Поэтому Богъ говорилъ Исаіи: *утѣшайте, утѣшайте люди моя, священники: глаголите въ сердце Іерусалиму, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя* (xl, 1, 2); и еще: *даждь намъ миръ, вса бо воздалъ еси намъ* (xxvi, 12). И Давидъ говоритъ: *виждь враги моя, яко умножишася, и остави вса грѣхи моя* (Псал. xxiv, 19, 18). И когда Семей проклиналъ его, онъ терпѣлъ, говоря: оставь его, чтобы видѣлъ Господь смиреніе мое и воз-

далъ мнѣ за этотъ день (2 Цар. xvi, 12). Когда (Господь) не отмщаетъ за причиняемыя намъ обиды, тогда-то мы особенно и получаемъ пользу, потому что Онъ вмѣняетъ намъ это въ заслугу, если перепосимъ съ благодарностію.

6. Поэтому, когда видишь, что богатый грабитъ бѣднаго, оставь терпящаго обиду, а плачь о грабителѣ. Первый очищается отъ скверны, а второй еще болѣе оскверняется. Такъ случилось и съ отрокомъ Елисея за Неемана. Хотя онъ и не похитилъ, но ваять обманомъ—была та же обида. Что же случилось? Вмѣстѣ съ неправдою онъ получилъ и проказу. Обиженный получилъ пользу, а обидѣвшій потерпѣлъ величайшій вредъ. То же и нынѣ бываетъ съ душою. И терпѣніе обидѣ имѣетъ такую силу, что часто оно одно умилоствляло Бога. Хотя бы терпящій неправду и недостойнъ былъ помощи (Божіей), но если онъ чрезъ-562 мѣрно страдаетъ, то это одно преклоняетъ Бога къ прощенію его и къ наказанію обидѣвшаго. Вотъ почему и язычникамъ нѣкогда говорилъ Богъ: Я предаль ихъ за немногое, *они же налегоча съ злая* (Зах. i, 15), и за это потерпятъ величайшія бѣдствія. Ничто, ничто не прогнѣвляетъ такъ Бога, какъ грабительство, насиліе и лихонимство. Почему же? Потому что очень легко удержаться отъ этого грѣха. Онъ происходитъ не отъ естественной нудящей похоти, но отъ безпечности.

Какъ же апостолъ называетъ этотъ грѣхъ корнемъ золь? И я утверждаю то же. Но этотъ корень отъ насъ, а не отъ свойства вещей. Если угодно, сдѣлаемъ сравненіе и посмотримъ, какая похоть болѣе насильственна,—похоть ли сребролюбія, или плотская? Которая изъ нихъ окажется настолько сильною, что можетъ побуждать великихъ людей, та и будетъ тяжелѣе. Итакъ посмотримъ, кого изъ великихъ людей одержала похоть сребролюбія? Никого, а только людей ничтожныхъ и отверженныхъ,—Гезіа, Ахаава, Іуду и священниковъ іудейскихъ. Между тѣмъ похоть плотская побѣдила и великаго пророка Давида. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы извинять плѣнныхъ плотскою похотію; напротивъ, чтобы еще болѣе побудить ихъ къ бдительности. Когда я доказываю, какъ сильна эта страсть, то вмѣстѣ съ тѣмъ показываю, что они особенно не будутъ имѣть никакого извиненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты не зналъ этого звѣря, то ты могъ бы прибѣгнуть (къ извиненію этимъ незнаніемъ). Теперь же, когда знаешь и попадаешься ему, не можешь уже имѣть никакого извиненія. Послѣ Давида, и сыномъ его еще болѣе овладѣла (та же страсть). И хотя не было человѣка мудрѣе его, хотя онъ имѣлъ всѣ другія добродѣтели, однако онъ такъ жестоко былъ плѣненъ этою страстію, что получилъ

даже смертельную рану. Отецъ его возсталъ, опять одержалъ побѣду, и снова получилъ вѣнецъ; а этотъ не показалъ ничего подобнаго. Потому и Павелъ говоритъ: *лучше есть жениться, нежели разжизатися* (1 Кор. vii, 9). И Христосъ сказать: *могий амтстити да амтститъ* (Мѣ. xix, 12). О богатствѣ же не такъ сказалъ, но: *кто оставитъ имѣніе свое, сторицею прииметъ* (Мѣ. xix, 29). Какъ же, спросишь, сказано о богатыхъ, что они съ трудомъ достигнуть царства небеснаго (Мѣ. xix, 23)? Этими словами Христосъ опять указываетъ на ихъ малодушіе, не на тиранію сребролюбія, но на чрезмѣрное ихъ раболѣпство. Это видно и изъ совѣтовъ Павла. Отъ страсти къ богатству онъ отвлекаетъ, говоря: *а хотящии богатитися впадаютъ въ напасти* (1 Тим. vi, 9); въ отношеніи же къ плотской похоти этого не дѣлаетъ, но, разлучивъ только на время, и то по согласію, совѣтуетъ опять сходиться. Онъ опасался, чтобы волны похоти не произвели ужаснаго кораблекрушенія (1 Кор. vii, 5). Эта страсть сильнѣе даже гнѣва. Гнѣваться невозможно, когда никто не раздражаетъ. А плотская похоть нудитъ, хотя бы и лица, возбуждающаго ее, не было въ виду. Вотъ почему и гнѣвъ не вовсе запретилъ (Христосъ), а только гнѣвъ *суе* (Мѣ. v, 22); равно и не самую плотскую похоть отвергъ (апостолъ), а только похоть незаконную. По причинѣ похоти, говоритъ онъ, *каждо свою жену да имать* (1 Кор. vii, 2). Напротивъ, собирать сокровища не позволено ни напрасно, ни не напрасно. Тѣ страсти привиты къ намъ по нуждѣ. Похоть плотская для чадорожденія, а гнѣвъ для оказанія помощи терпящимъ обиды. Но страсть сребролюбія ни къ чему не годна, потому она и не врождена. Поэтому, если ты будешь плѣненъ ею, тѣмъ безславнѣе это для тебя. Вотъ почему Павелъ, дозволяя второй бракъ, требуетъ строгой точности въ удаленіи отъ сребролюбія, говоря: *почто не паче обидими естѣ? почто не паче лишени бываете* (1 Кор. vi, 7)? Разсуждая о дѣвствѣ, онъ говоритъ: *повелѣнія Господня не имамъ, и: на пальцу вамъ глаголю, не да слою вамъ наложу* (1 Кор. vii, 25, 35), а когда у него рѣчь о богатствѣ, говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (Тим. vi, 8). Почему же, спросишь, многіе больше уловляются этой страстью? Потому, что не столько остерегаются ея, сколько разврата и блуда. Если бы и любостяжательность казалась имъ столь же ужасною, то не такъ бы легко уловлялись ею. Такъ и юродивыя дѣвы были изгнаны изъ брачнаго чертога по той причинѣ, что, низложивши сильнѣйшаго противника, низложены были слабѣйшимъ и ничтожнымъ. Сверхъ того должно сказать и то, что если кто, преодолевая плотскую похоть, побѣждается страстью сребролюбія, то часто не удержи-

вается и отъ плотской похоти, развѣ уже отъ природы имѣть такое свойство, что не сильно возмущается этой страстью. Вѣдь не всѣ равно склонны къ ней. Итакъ зная это и имѣя непрестанно предъ глазами примѣръ юродивыхъ дѣвъ, будемъ бѣгать этого лютаго звѣря. Если и дѣвство не принесло никакой пользы, напротивъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ и подвиговъ (юродивыя дѣвы) погибли отъ сребролюбія, то кто избавитъ насъ, когда впадемъ въ эту страсть? Потому молю васъ употреблять всѣ усилія, чтобы не быть плѣненными этой страстью, и, попавши въ плѣнъ, не оставаться въ немъ, но скорѣе разорвать тяжкія эти оковы. Поступая такимъ образомъ, сможемъ достигнуть неба и получить безчисленныя блага, которыхъ всѣ мы и да сподобимся благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Таковіи бо лживи апостолы, дѣлатели льстивіи, пре- 563
образующеся во апостолы Христовы (2 Кор. xi, 13).

1. Что ты говоришь? Ужели тѣ, которые проповѣдуютъ Христа, не берутъ денегъ, не вводятъ иного благовѣстія, лже-апостолы? Да, говорить, и поэтому именно самому больше всего (они лжеапостолы), что все это дѣлаютъ лицемѣрно, для обмана. *Дѣлатели льстивіи.* Они трудятся, но исторгаютъ насажденное. Такъ какъ они знаютъ, что иначе не нашли бы себѣ доступа, то, принявши на себя личину истины, скрываютъ подъ нею дѣло обольщенія. И денегъ, говорить (апостолъ), не берутъ для того, чтобы получить больше, чтобы погубить душу. Вѣрнѣе же,—и это ложь: они и брали (деньги), но только тайно, что и показываетъ (апостолъ) далѣе. Онъ и выше сдѣлалъ уже намекъ на это, сказавъ: *да о немже хвалятся, обряцутся якоже и мы;* но въ послѣдствіи яснѣе указалъ на это, сказавъ: *аще кто васъ поядаетъ, аще кто отъемлетъ, аще кто величается, того приѣмлетъ* (ст. 20). Теперь же обличаетъ ихъ въ другомъ, говоря: *преобразующеся.* У нихъ только личина; ихъ покрываетъ овчая кожа. *И не дивно,* потому что если самъ сатана преобразуется во ангела сѣта, то что великаго, аще и служители его преобразуются яко служители правды (ст. 14, 15). Итакъ, если должно удивляться, то сатанѣ должно удивляться, а не служителямъ его. Когда учитель ихъ держаетъ на все, то нисколько не удивительно, что

и ученики ему слѣдуютъ. Что же значить: *ангела свѣта*? Ангела, имѣющаго дерзновеніе бесѣдовать съ Богомъ, предстоящаго Богу.
 564 Но есть и ангелы тмы, служители діавола—темные и свирѣпые. И многихъ діаволъ оболѣстилъ такимъ образомъ, т. е. преобразуясь въ ангела свѣта, а не дѣлаясь таковымъ. Такъ точно и эти носятъ на себѣ личину апостоловъ, но не самую силу, потому что не могутъ.

Нѣтъ ничего столь діавольскаго, какъ дѣлать что-нибудь только для вида. Кто же такіе *служители правды*? Это—мы, говорить, проповѣдующіе вамъ Евангеліе, заключающее въ себѣ правду. Или это разумѣетъ онъ, или то, что и тѣ (лжеапостолы) присвояютъ себѣ славу людей праведныхъ. Какъ же намъ узнавать ихъ? Отъ дѣлъ ихъ, какъ сказалъ Христосъ (Мѡ. vii, 20). Это вынуждаетъ (апостола) сравнить собственныя свои заслуги и ихъ худыя дѣла, чтобы чрезъ такое сличеніе обнаружились незаконные (учители). И опять, намѣреваясь хвалить себя, онъ обличаетъ прежде ихъ (лжеапостоловъ), чтобы показать необходимость, по которой онъ касается этого предмета, и чтобы никто не могъ укорять его, зачѣмъ говорить о самомъ себѣ. Онъ продолжаетъ: *наки глаголю*. И прежде уже дѣлалъ онъ много оговорокъ, но не довольствуюсь, говорить, сказаннымъ прежде, я снова повторяю: *да никтоже мнитъ мя безумна быти* (ст. 16). Такъ дѣлали они (лжеапостолы), — хвалились безъ всякой причины. А ты замѣть, что всякій разъ, какъ (апостолъ) намѣревается говорить въ собственную похвалу, напередъ оговаривается. Дѣло безумія, говорить онъ, хвалиться; но я не безумствуя дѣлаю это, а по нуждѣ. Если же вы не повѣрите, но и видя необходимость, будете осуждать меня, — я и въ такомъ случаѣ не отрекусь (отъ своего дѣла). Видишь ли, какъ онъ показалъ, что велика была нужда говорить? Въ самомъ дѣлѣ, если онъ и та-
 565 кого подозрѣнія не устранился, то разсуди, какое насиліе долженъ былъ употребить онъ, чтобы говорить, какъ мучился и принуждалъ себя, когда говорилъ? Однако и въ этомъ случаѣ со скромностію приступилъ къ дѣлу. Не сказалъ: чтобы похвалиться, но, намѣреваясь сколько-нибудь похвалиться, употребилъ опять другую оговорку, сказавъ: *егда глаголю, не по Господѣ глаголю, но яко съ безуміи, съ сей части похвалы* (ст. 17). Видишь ли, что хвалиться не есть дѣло по Господѣ? *Егда, сказано, сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. xiv, 10). Но хотя хвалиться само по себѣ не есть дѣло по Господѣ, однако становится такимъ дѣломъ въ зависимости отъ намѣренія. Поэтому и сказалъ: *егда глаголю*, осуждая не причину, но слова. Цѣль такъ высока, что и самыя слова дѣлаетъ достойными уваженія. Такъ

убійца, хотя убійство строго запрещено, часто хвалится по намѣренію. И обрѣзаніе, хотя не по Господѣ, однако бываетъ таковымъ по расположенію сердца. Подобнымъ образомъ можно и хвалиться. Почему же онъ не говоритъ объ этомъ обстоятельно? Потому что спѣшить къ другому предмету, и изъ множества предметовъ даже желающимъ слушать его говорить объ одномъ томъ, что полезно. И сказаннаго имъ достаточно было къ отклоненію всякаго подозрѣнія. *Но яко въ безуміи.* Прежде сказалъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему;* а теперь говоритъ: *яко въ безуміи.* Чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ яснѣе дѣлаетъ рѣчь свою. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что онъ все дѣлаетъ *яко въ безуміи*, прибавилъ: *въ сей части похвалы.* Такъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *да не постыдимся,* а потомъ прибавилъ: *въ части сей похваленія* (ix, 4). Еще и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *или, яже соотѣцаваю, по плоти соотѣцаваю, да будетъ у мене еже ей, ей, и еже ни, ни* (2 Кор. i, 17)? и показавъ, что не можетъ вездѣ исполнить того, что общается, потому что предпринимаетъ не по плоти, — чтобы кто не возымѣлъ такого же сомнѣнія и объ ученіи его, говоритъ: *впрямъ Богъ, яко слово наше, еже къ вамъ, не бысть ей и ни* (ст. 18).

2. И смотри, какъ, послѣ всего вышесказаннаго, онъ опять приводитъ новыя оправданія, присовокупляя и говоря: *понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похваляюся* (ст. 18). Что значитъ — *по плоти*? Внѣшними (преимуществами): благородствомъ, богатствомъ, мудростію, — тѣмъ, что имѣютъ обрѣзаніе и прародителей евреевъ, тѣмъ, что у многихъ пользуются славою. И замѣтъ благоразуміе (апостола)! Указалъ на такія (преимущества), которыя, какъ онъ доказываетъ, суть ничто, и потомъ уже называетъ (похвалу) безуміемъ. Дѣйствительно, если безумно хвалиться дѣйствительными благами, то тѣмъ болѣе — ничего не значущими. И это-то самое называетъ онъ — *не по Господѣ*, потому что быть евреемъ, и все подобное тому — не доставляетъ пользы. Итакъ не думайте, (говоритъ апостолъ), чтобы я почиталъ это за добродѣтель. Но такъ какъ они хвалятся, то я принужденъ и въ этомъ сравнить себя съ ними. Такъ поступаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *аще кто мнитъ надѣяться во плоти, азъ паче* (Фил. iii, 4). И тамъ говоритъ это для полагавшихъ надежду на то (плотское свое происхожденіе). Если бы кто, знаменитый родомъ, но избравшій для себя любомудрую жизнь, увидѣлъ, что другіе гордятся благородствомъ, и захотѣлъ посрамить ихъ надменность, то онъ принужденъ былъ бы сказать и о своей знаменитости, не въ похвальбу себѣ, но въ ихъ униженіе. Такъ дѣлаетъ и Павелъ. Потомъ, оставивши ихъ (лжеучителей), сла-

гаетъ всю вину на коринянъ, говоря: *любезно пріемлете безумныхъ* (ст. 19). Такимъ образомъ, вы виновны въ этомъ, и даже болѣе, нежели они. Если бы вы не терпѣли ихъ, и сами не были заражены тѣмъ же, чѣмъ они, то я ничего бы не сказалъ. Но я забочусь о вашемъ спасеніи, и поступаю снисходительно. И смотри, какъ онъ и самую укоризну растворяетъ похвалою. Сказавъ: *любезно пріемлете безумныхъ*, прибавилъ: *мудри суще*. Дѣйствительно, безумному только свойственно хвалиться и этимъ. И хотя надлежало бы запретить и сказать: не принимайте людей безумныхъ, но онъ дѣлаетъ это съ большимъ искусствомъ. Если бы (онъ сказалъ) такъ, то могли бы подумать, что онъ запрещаетъ потому, что не имѣетъ ихъ преимуществъ. А теперь, показавъ, что онъ и по этимъ (преимуществамъ) выше ихъ, и однако же почитаетъ ихъ за ничто,—тѣмъ гораздо болѣе исправляетъ ихъ. Между тѣмъ прежде, чѣмъ начинаетъ хвалить себя и сравнивать (съ лжеучителями), порицаетъ коринянъ за ихъ крайнее раболѣпство (лжеапостоламъ), и за то, что до такой степени подчинились имъ. И смотри, какъ упрекаетъ ихъ. *Пріемлете бо*, говорить, *аще кто васъ поядаетъ* (ст. 20). Какъ же ты сказалъ: *да о немъ же хвалятся, обрящутся, якоже и мы?* Видишь ли, теперь показываетъ, что (лжеапостолы) берутъ, и не только берутъ, но и сверхъ мѣры? Это и значить—*поядать*. *Аще кто васъ порабощаетъ*. Вы, говорить, предали и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имѣній только вашихъ, но и васъ самихъ, значить уже гораздо больше, нежели брать. На это указываетъ и прежде, говоря: *аще инии власти вашае причащаются, не много ли паче мы* (1 Кор. ix, 12)? Потомъ присовокупляетъ, что еще важнѣе: *аще кто величается*. Рабство ваше не легко, говорить онъ; у васъ не кроткіе повелители, но тяжкіе и нестерпимые. *Аще кто по лицу бьетъ вы*. Видишь ли опять крайнюю степень тираніи? Сказалъ же это не потому, что (лжеапостолы) въ самомъ дѣлѣ били ихъ по лицу, а потому, что они презирали ихъ и безчестили, вслѣдствіе чего и присовокупилъ: *по досажденію* (къ стыду) *глаголю* (ст. 21). Вы терпите не меньше тѣхъ, которыхъ бьютъ по лицу. Что же можетъ быть хуже этого? Какое господство несноснѣе того, когда отнявшіе у васъ и имѣнія, и свободу, и честь, даже не смотря и на это, не дѣлаются кроткими, и даже не хотятъ обходиться съ вами какъ съ рабами, но поступаютъ презрительнѣе, чѣмъ съ послѣднимъ невольникомъ? *Зане аки мы изнемогахомъ*. Эти слова не ясны. Такъ какъ обвиненіе было для нихъ тягостно, то (апостолъ) и выразился такимъ образомъ, чтобы неясностію прикрыть жестокость. А то, что онъ хочетъ сказать, состоитъ въ слѣдующемъ:

развѣ и мы не можемъ дѣлать того же? Однако не дѣлаемъ. Итакъ, для чего же ихъ принимаете, точно мы не можемъ сдѣлать того же? Заслуживаетъ порицанія—даже и глупыхъ людей терпѣть, а терпѣть людей, которые васъ презираютъ, грабятъ, превозносятся, бьютъ—это ничѣмъ не можетъ быть ни извинено, ни оправдано. Это новый родъ обольщенія. Другіе обольстители сами даютъ и льстятъ; а эти и обольщаютъ, и берутъ, и оскорбляютъ. Поэтому вы не заслуживаете и малѣйшаго извиненія, 567 когда тѣхъ, которые смиряются для васъ, чтобы васъ возвысить, презираете, а дивитесь тѣмъ, которые возвышаются надъ вами, чтобы васъ унижить. Развѣ и мы не могли бы сдѣлать того же? Но не хотимъ, потому что заботимся единственно о вашей пользѣ; они же напротивъ, расточая ваше, наблюдаютъ свои (выгоды). Видишь ли, какъ онъ всегда, о чемъ можетъ смѣло говорить съ ними, тѣмъ самымъ и устрашаетъ ихъ? Если вы, говоритъ онъ, почитаете ихъ за то, что они бьютъ васъ и издѣваются надъ вами, то и мы можемъ дѣлать это, поработать васъ, бить, превозноситься надъ вами.

3. Видишь ли, какъ слагаетъ на нихъ всю вину и за высокомеріе (лжеапостоловъ) и за мнимое свое безразсудство? Не для того, чтобы показать себя болѣе славнымъ, но чтобы васъ избавить отъ этого тяжкаго рабства, я вынужденъ нѣсколько похвалиться. Надобно вникать не въ одни слова, а брать во вниманіе и причину. И Самуилъ многое сказалъ въ похвалу себѣ, когда помазывалъ Саула, говоря: *еда у кого отъ васъ ослиа взять, или телца, или обузу, или кого изъ васъ утѣснитъ* (1 Цар. xii, 3)? Но никто не обвинялъ его въ этомъ. И не по той причинѣ говорилъ онъ, чтобы самому похвалиться, а потому, что, намѣреваясь поставить имъ царя, онъ въ видѣ оправданія желалъ научить послѣдняго быть кроткимъ и снисходительнымъ. И замѣтъ благоразуміе пророка, или лучше—человѣколюбіе Божіе. Когда онъ хотѣлъ отклонить народъ (отъ намѣренія пмѣть царя), то перечислялъ многія тягости, говорилъ о будущемъ царѣ, что онъ сдѣлаетъ женъ ихъ хлѣбницами, мужей—пастухами и конюхами (подробно описывалъ всю царскую службу); когда же увидѣлъ, что ничто не отвращаетъ ихъ отъ намѣренія и что они одержимы неизлѣчимой болѣзнію, то все же щадить ихъ, и употребляетъ мѣры, чтобы царь былъ кротокъ. А для этого приводитъ самого (царя) въ свидѣтели. Тогда никто (съ Самуиломъ) не судился, и не вызывалъ его къ отвѣту, такъ что онъ говорилъ это единственно для того, чтобы сдѣлать (царя) лучшимъ. А чтобы смирить его гордость, присовокупилъ еще: если послушаете вы и царь вашъ, то получите такія и такія-то блага; а если не по-

слушаете, то постигнетъ васъ зло. А (пророкъ) Амось говорилъ: *не бѣхъ пророкъ, ниже сынъ пророчъ: но пастырѣ бѣхъ, ягодиція обирая. И поя мя Богъ* (VII, 14). Но не въ похвалу себѣ говорить это, а чтобы заградить уста тѣмъ, которые не считали его пророкомъ, и показать, что онъ не обманываетъ и не отъ себя говорить, что говорить. И другой (пророкъ), выражая опять то же самое, говорилъ: *но я исполненъ силы Господней въ Духъ и могуществовъ* (Мих. III, 8). Также Давидъ, когда рассказывалъ о медвѣдицѣ и львѣ, говорилъ не въ похвалу себѣ, но имѣлъ въ виду нѣчто великое и чудное. Такъ какъ ему не вѣрили, чтобы онъ, будучи безоруженъ и не способенъ носить оружіе, могъ преодолѣть врага, то надобно было ему представить доказательства своего мужества. И когда отрѣзалъ онъ край одежды Сауловой, то не для того, чтобы показать себя, говорилъ сказанное имъ при этомъ случаѣ, но чтобы отклонить отъ себя худое мнѣніе, которое распространяли о немъ, будто бы онъ имѣлъ намѣреніе убить (царя). Итакъ, вездѣ должно доискиваться причины. Кто заботится о пользѣ слушающихъ, тотъ, хотя бы и хвалилъ самъ себя, не только не заслуживаетъ порицанія, но и достоинъ вѣнца. А еслибы умолчалъ о себѣ, въ такомъ случаѣ былъ бы достоинъ осужденія. Такъ и Давидъ, если бы умолчалъ о себѣ, когда хотѣлъ сразиться съ Голиафомъ, то его не допустили бы выйти на сраженіе, и онъ не одержалъ бы славной побѣды. Вотъ почему онъ и принужденъ былъ говорить о себѣ, и не только братьямъ, но и царю. Братья не хотѣли ему вѣрить, потому что зависть заграждала имъ слухъ. Поэтому, оставивши ихъ, онъ обратился къ (царю) еще незараженному завистью.

4. Опасна, весьма опасна зависть. Она заставляетъ презирать даже собственное спасеніе. Такъ погубилъ себя Каинъ, а еще прежде Каина діаволъ, погубившій отца его. Такъ Саулъ привлекъ злого демона на свою душу; а привлекая, опять сталъ завидовать своему врачу. Таково уже свойство зависти. Саулъ зналъ, что спасенъ (Давидомъ), но хотѣлъ лучше погибнуть, чѣмъ видѣть въ славѣ своего спасителя. Что можетъ быть лютѣ этой страсти? Не погрѣшитель, кто назоветъ её порожденіемъ діавола. Въ ней не только плодъ тщеславія, но и самый корень. Эти два порока обыкновенно рождаютъ другъ друга взаимно. Такъ Саулъ завидовалъ уже, когда говорили: *побѣди Давидъ со тьмами* (1 Цар. XVIII, 7). Что можетъ быть безумнѣе этого? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, чему ты завидуешь? Тому ли, что одинъ похвалилъ другого? Но этому скорѣе должно радоваться, а можетъ быть ты и не знаешь, справедлива ли похвала. И о томъ ли ты скорбишь, что похвалили не стоящаго похвалы? Но тебѣ скорѣе надобно

было бы пожалѣть его. Если онъ добрый человекъ, то никто не завидуетъ хвалимому, но и самъ хвалить вмѣстѣ съ хвалящими; если же не таковъ, что огорчаешься? Для чего обращаешь мечъ на самого себя? Потому ли, что ему дивятся люди? Но они нынѣ живы, а завтра ихъ уже не будетъ. Или потому, что онъ пользуется славой? Какою, скажи мнѣ? Не той ли, о которой пророкъ говорить, что она есть *цѣпьъ трагическій* (Ис. xl, 6). Итакъ, не тому ли завидуешь, что и ты не отягченъ (подобно ему), и не носишь такого же бремени травы? Если онъ кажется тебѣ ради этого достойнымъ соревнованія, то почему же не достоинъ твоего соревнованія дровосѣки, которые ежедневно носятъ тяжести и входятъ съ ними въ городъ? Его ноша не лучше этой, но еще хуже. Эта угнетаетъ только тѣло, а та часто вредитъ душѣ и приноситъ болѣе скорби, нежели удовольствія. Если онъ славится даромъ слова; то онъ имѣетъ больше зависти, чѣмъ похвалы,—притомъ похвалу имѣетъ кратковременную, а зависть непрестанную. Но онъ въ почетѣ у начальниковъ? И здѣсь опять зависть и опасность: какъ ты чувствуешь къ нему зависть, такъ и многіе другіе. Но его постоянно хвалятъ? Это составляетъ для него горькое рабство. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не посмѣетъ безъ страха ничего сдѣлать по собственной волѣ, чтобы не оскорбить прославляющихъ его. Знаменитость для него служить тяжкими оковами. Такимъ образомъ, чѣмъ больше извѣстенъ онъ, тѣмъ больше имѣетъ надъ собою властелиновъ, тѣмъ больше тяготѣетъ надъ нимъ рабство, такъ какъ всюду видитъ господъ своихъ. И слуга, когда онъ не 560 на глазахъ у господина, отдыхаетъ и наслаждается полною свободою; а знатный вездѣ встрѣчаетъ своихъ властелиновъ. Онъ рабъ всякаго, кто ни появится въ народномъ собраніи. Хотя бы была и крайняя нужда ему, онъ не смѣетъ вступить въ собраніе безъ сопровожденія слугъ, безъ коня и безъ другихъ знаковъ пышности, чтобы не подпасть осужденію своихъ властелиновъ. Если даже увидитъ искренняго друга, не осмѣливается побесѣдовать съ нимъ какъ съ равней, опасаясь владыкъ своихъ, чтобы они не низринули его съ высоты славы. Такимъ образомъ чѣмъ онъ славнѣе, тѣмъ больше порабощенъ. Если же онъ терпитъ какую непріятность, то оскорбленіе тѣмъ чувствительнѣе для него, чѣмъ больше свидѣтелей, и чѣмъ несообразнѣе оно кажется съ его достоинствомъ. И таково для него не только оскорбленіе, но и несчастіе. Многіе радуются его несчастію; равнымъ образомъ, когда онъ пользуется какимъ благомъ, весьма многіе невидятъ, завидуютъ ему и стараются низвергнуть его. Итакъ, скажи 570 мнѣ, ужели это благо? Ужели это слава? Нѣтъ; это, напротивъ, бесславіе, рабство, узъ, и все, что можно назвать тягостнымъ.

Если же и при всемъ томъ для тебя людская слава вожделѣнна, и тебя сильно тревожитъ всякій, кто вызываетъ восторги толпы, то, какъ скоро увидишь удостоившагося рукоплесканій, перенесись умомъ въ будущій вѣкъ, и представь вѣчную славу. И какъ спѣша убѣжать отъ нападающаго звѣря, ты, войдя въ пристанище, запираешь двери, такъ и теперь бѣги къ будущей жизни и неизреченной ея славѣ. Такимъ образомъ ты легко пренебрежешь временную славу и получишь вѣчную, насладишься истинною свободою и вѣчными благами, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

569 О немъ же еще кто дерзаетъ, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ (2 Кор. xi, 21).

1. Смотри, какъ онъ опять уклоняется, употребляетъ извиненія и оговорки, хотя и раньше уже много сказалъ подобнаго. Напримѣръ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему*; и еще: *да никтоже мнитъ мя безумна быти. Аще ли ни, поне яко безумна приимите. Еже глаголю, не по Господѣ, но яко въ безуміи. Понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похваляюся*. И здѣсь опять: *о немъ же еще кто дерзаетъ, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ*. Онъ называетъ дерзостію и безуміемъ говорить о себѣ что-либо важное, даже когда настоятъ въ томъ нужда, научая насъ всѣми силами избѣгать похвалъ. Если и послѣ того, какъ сотворимъ все, мы должны называть себя непотребными (Лук. xiv, 10), то безъ всякой побудительной причины превозносящійся и хвалящійся можетъ ли быть достоинъ какого-нибудь извиненія? За это и фарисей былъ осужденъ, и въ самой пристани потерпѣлъ крушеніе, приразившись къ скалѣ (самохвальства). По этой-то причинѣ и Павелъ, видя тысячи нуждъ, отговаривается (хвалить себя) и непрестанно повторяетъ, что это дѣло безумное; и только тогда наконецъ осмѣлился, когда представилъ въ свое оправданіе крайнюю необходимость. Тогда говорить: *евреи ли суть? И азъ. Израилити ли суть? И азъ* (ст. 22). Не всѣ евреи были израильтяне, такъ какъ и аммонитяне и моавитяне тоже происходили отъ евреевъ. Поэтому въ подтвержденіе благородства происхожденія присовокупилъ: *стѣя Авраамле ли суть? И азъ. Служители ли Христовы суть? Не въ мудрости глаголю, паче азъ* (ст. 23). Для

него не довольно было прежняго извиненія, но и здѣсь опять извиняется: *не съ мудрости глаголю, паче азъ*, т. е. я лучше ихъ и превосходящѣе. И хотя имѣлъ ясныя доказательства своего превосходства, но все же и при такомъ условіи называетъ это дѣло безуміемъ. Однакожъ, если они были лжеапостолы, то ему надле- 570 жало не сравнивать свое преимущество, но опровергнуть то, что они служители. Онъ уже и опровергъ это, сказавъ: *лжиси апостоли, дѣлатели лстыи, преобразующесе во апостоли Христовы*. Теперь то же самое, но дѣлаетъ не такъ, потому что намѣревается войти въ изслѣдованіе, а никто не высказываетъ своего мнѣнія прежде изслѣдованія; напротивъ, сперва посредствомъ сравненія извлекиши изъ сущности самаго дѣла опроверженіе, показываетъ истину, которая отъ этого получаетъ большую твердость. Или иначе, напередъ представляетъ мнѣніе ихъ самихъ (противниковъ), а не свое сужденіе, говоря: *служители Христовы суть*; а въ словахъ—*паче азъ* дѣлаетъ сравненіе, и доказываетъ, что онъ сохраняетъ характеръ апостольства, хотя и не объявляетъ о томъ, а показываетъ только самими дѣлами. И умалчивая о чудесахъ, начинаетъ съ искушеній, и говоритъ: *съ трудомъ множае, съ ранахъ преболя*. Последнее, т. е. терпѣть побои и бичеваніе, выше перваго. *Въ темницахъ излыга*. Здѣсь опять усиленіе рѣчи. *Въ смертехъ многаши*. По вся дни, говоритъ, умираю (1 Кор. xv, 81). Здѣсь разумѣетъ смерть и на самомъ дѣлѣ, потому что часто подвергался опасностямъ, угрожавшимъ смертью. *Отъ Іудей пять краты чотыредесать разъ единыя пріяхъ* (ст. 24). Почему—*разъ единыя*? (У іудеевъ) былъ древній законъ, по которому получившій болѣе сорока ударовъ считался у нихъ безчестнымъ (Втор. ххv, 8). Поэтому, чтобы бьющій въ запальчивости и увлеченіи не нанесъ лишняго числа (ударовъ), и тѣмъ не обезчестилъ наказываемаго, положили давать (сорокъ) ударовъ безъ одного, чтобы бьющій не превысилъ сорока, хотя бы и лишній разъ ударилъ, но, всегда оставаясь въ предѣлахъ узаконеннаго числа, не могъ нанести безчестія наказываемому. *Трици палицами биень быхъ, единою каменю наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержесе со мною* (ст. 25). Какъ послѣднее относится къ Евангелію? Такъ, что онъ предпринималъ отдаленныя путешествія, и притомъ по морямъ. *Нощъ и день во глубинѣхъ сотворихъ*. Одни 571 объясняютъ это въ томъ смыслѣ, что онъ цѣлыя сутки находился среди моря, а другіе, что (по разбитіи корабля) сутки плавалъ во глубинѣ морской; послѣднее согласнѣе съ истинною, а первое не заслуживаетъ и удивленія, и (апостолъ) не поставилъ бы этого выше кораблекрушенія. *Бды съ рѣкахъ*, потому что при- нужденъ бывалъ переплывать рѣки. *Бды отъ разбойникъ, бды*

въ градѣ, бѣды въ пустыняхъ. Вездѣ предстояли мнѣ подвиги, въ различныхъ мѣстахъ, странахъ, городахъ, пустыняхъ. *Бѣды отъ языка, бѣды во лжебратіи* (ст. 26). Замѣтъ новый родъ ратоборства. Не только враги нападали, но имѣвшіе личину братства; и много въ этомъ случаѣ требовалось напряженія, много благоразумія. *Въ трудѣ и подвижѣ*. Труды смѣнялись бѣдами, бѣды трудами, слѣдуя непрерывно одни за другими и не давая ему ни малѣйшаго покоя. *Въ путныхъ шестидесяти множицею, во алчбѣ и жаждѣ и наготѣ* (ст. 27), *кромя оклики* (ст. 28).

2. Сравнительно съ тѣмъ, что перечислено, еще болѣе опущено. Но даже и перечисленнаго невозможно описать подробно, потому что апостоль не означилъ каждаго искушенія порознь, но вспомнилъ только о тѣхъ, число которыхъ было невелико, и могло удержаться въ памяти, говоря: *трици, трикраты и единою*; о прочихъ же искушеніяхъ и этого не сказалъ, потому что много разъ претерпѣвалъ ихъ. И не говорить, какіе были плоды его подвиговъ, что онъ столько-то и столько-то обратилъ; но описывать, что только претерпѣлъ за проповѣдь,—съ одной стороны наблюдая скромность, съ другой желая показать, что хотя бы и ничего изъ этого не вышло, но для труждающагося не остается безъ пользы, поскольку дѣло, достойное награды, и въ такомъ случаѣ исполнено. *Нападеніе, еже по вся дни*. Бунты, мятежи, утѣсненіе отъ народа и нападеніе цѣлыхъ городовъ. Въ этомъ отношеніи больше всего обнаруживали вражду свою къ нему іудеи, потому что онъ болѣе всѣхъ посрамлялъ ихъ и служилъ наибольшимъ обличеніемъ ихъ безумія вслѣдствіе внезапнаго своего обращенія (ко Христу). Великая война воздвигалась противъ него отъ своихъ, отъ чужихъ, отъ лицемѣрствующихъ; вездѣ для него были волны и стремнины—въ обитаемыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, на сушѣ и на морѣ, вѣ и внутри. Онъ не имѣлъ въ достаткѣ даже необходимой пищи, нуждался въ самой простой одеждѣ; подвижникъ цѣлой вселенной, двигался нагой и боролся голодный. Такъ далека онъ былъ отъ того, чтобы собирать сокровища! И не только не скорбѣлъ, а и воздавалъ еще за то благодареніе Подвигоположнику. *Попеченіе есмь церкви* (ст. 28). Это главнѣе всего,—т. е. что и душа его терзалась, и сердце раздиралось. Въ самомъ дѣлѣ, если бы вѣншихъ (скорбей) даже и не было, то достаточно было и внутренней брани, постоянно смѣняющихся волнъ, тучи заботъ, борьбы помысловъ. Если пекущійся объ одномъ домѣ, имѣя у себя слугъ, приставниковъ и домоправителей, часто не знаетъ покоя отъ заботъ, хотя никто его не тревожитъ, то представь, что долженъ былъ терпѣть (Павелъ), который имѣлъ попеченіе не объ одномъ домѣ,

но о городахъ, о народахъ, о племенахъ, о цѣлой вселенной, и въ дѣлахъ столь важныхъ, при такомъ множествѣ (враговъ), старавшихся вредить ему, трудился одинъ, и былъ такъ чувствителенъ, такъ заботился, какъ не заботится даже и отецъ о дѣтяхъ. А чтобы ты не сказалъ: хотя и заботился, но заботился слегка,—онъ показалъ, какъ велика была его забота, говоря: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* Не сказалъ: я не принимаю участія въ скорби, ⁵⁷² но (говорить): я такъ беспокоюсь и скорблю, какъ бы самъ находился въ томъ же недугѣ, страдалъ тою же болѣзнію. *Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (ст. 29)? Смотри опять, до какой степени велика скорбь его, какъ это показываетъ слово *разжизеніе*. Воспламеняюсь, сгораю, говорить онъ; и эта скорбь подлинно больше всѣхъ прочихъ. Другія скорби хотя и были тяжки, но скоро проходили и приносили неуывдаемое удовольствіе; а эта скорбь—терпѣть столько страданій за каждаго немощнаго, кто бы онъ ни былъ—угнетала, стѣсняла, уязвляла его сердце. Не о высшихъ вѣдь только страдалъ онъ, оставляя низшихъ въ небреженіи, напротивъ, и непотребнаго считалъ въ числѣ потребныхъ. Поэтому и сказалъ: *кто изнемогаетъ*, показывая, что разумѣетъ всякаго, кто бы онъ ни былъ; какъ бы въ одномъ себѣ заключая цѣлую вселенскую церковь, болѣзновалъ онъ о каждомъ членѣ ея. *Аще хвалитися подобаетъ, о немощи моей похваляюся* (ст. 30). Видишь ли, что онъ никогда не хвалится чудесами, а всегда гоненіями и искушеніями? Это именно, говорить онъ, и есть знакъ немощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, насколько разнообразная предстояла ему брань. Дѣйствительно, на него ополчались іудеи, возставали язычники, съ нимъ препирались лжебратія, его оскорбляли немощные и соблазняемые братья. Отовсюду ему доставлялось смущеніе и безпокойство,—и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Таково отличительное свойство апостольства. Черезъ это утверждается благовѣствованіе. *Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса есть, яко не лгу. Языческій князь (ἐθνάρχης) Аревы царя стрѣжаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (ст. 31, 32). Почему онъ здѣсь подтверждаетъ и удостовѣряетъ свои слова, тогда какъ прежде нигдѣ этого не дѣлалъ? Потому, можетъ быть, что это было уже давно и мало извѣстно; а указанное прежде, какъ напр. попеченіе о церквахъ и все прочее, было имъ извѣстно. Итакъ, смотри, какова была брань, если (этнархъ) ради его стерегъ городъ. Когда же говорю о брани, разумѣю ревность Павлову. Если бы онъ не дышалъ такимъ огнемъ ревности, то не воспламенилъ бы такого неистовства въ этнархѣ. Таково свойство души апостольской—столько терпѣть и никогда не колебаться, но все, что ни случится, переносить мужественно, однако не вдаваться безразсудно въ

опасности, и не бѣжать имъ на встрѣчу. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, на какое средство согласился онъ, чтобы избѣгнуть осады. *Окончѣмъ въ кошницѣ сѣтищенъ бытъ.* Хотя онъ и желалъ переселиться изъ этой жизни, однако искалъ и спасенія человѣческаго, почему неоднократно избобрѣталъ и подобныя средства, чтобы сберечь себя для проповѣди, и не отказывался пользоваться человѣческими мѣрами, когда требовали того обстоятельства. Такъ онъ былъ остороженъ и бдителенъ. Гдѣ бѣдствія были неизбѣжны, тамъ прибѣгалъ къ одной благодати; а гдѣ искушеніе не превышало (человѣческихъ силъ), тамъ многое и отъ себя придумывалъ. Но и здѣсь опять все приписывалъ Богу. И какъ искра неугасимаго огня, упавшая въ море, хотя и поглощается множествомъ волнъ, но потомъ опять восходитъ на поверхность столь же свѣтлою, 573 такъ и блаженный Павелъ—то какъ бы въ бездну погружался, обуреваемый бѣдствіями, то освобождался и являлся блистательнѣйшимъ, оставаясь побѣдителемъ въ своихъ злостраданіяхъ.

3. Вотъ славная побѣда, вотъ побѣдное знаменіе Церкви. Такъ низлагается діаволъ нашими злостраданіями. Когда мы злостраждемъ, онъ дѣлается плѣнникомъ, и терпитъ зло, между тѣмъ какъ хочетъ сдѣлать его намъ. Такъ было и съ Павломъ. Діаволъ, чѣмъ больше наводилъ на него напастей, тѣмъ больше былъ поражаемъ. Онъ уготовлялъ ему искушенія не одного какого-нибудь рода, но многообразныя и многоразличныя. Ввергалъ его то въ труды, то въ скорбь, то въ страхъ, то въ болѣзнованіе, то въ заботу, то въ стыдъ, то во все вдругъ. Но (Павелъ) во всемъ оставался побѣдителемъ. Подобно воину, который одинъ сражается противъ цѣлой вселенной, окруженъ рядами непріятельскими, и никакого не терпитъ зла, и Павелъ, одинъ являясь у варваровъ, у эллиновъ, повсюду—на сушѣ и на морѣ оставался непобѣжденнымъ. И какъ искра, упавшая въ солому или сѣно, превращаетъ все сгораемое въ одно съ собою естество, такъ и онъ, къ кому ни являлся, всѣхъ приводилъ къ истинѣ, проходя всюду на подобіе потока, разрушающаго преграды. Какъ борецъ какой-нибудь, который одинъ и борется, и преслѣдуетъ, и поражаетъ, или какъ воинъ, который и осаждастъ стѣны, и сражается на сушѣ и на морѣ, такъ (и Павелъ) вступалъ во всякій родъ брани, дышалъ огнемъ, для всѣхъ былъ неприступенъ, однимъ тѣломъ обнималъ цѣлую вселенную, однимъ языкомъ всѣхъ разсѣивалъ. Не съ такою силою множество трубъ поколебало каменныя стѣны города Іерихона и разрушило ихъ, съ какою гласъ Павловъ ниспровергалъ своимъ звукомъ твердыни діавольскія, и привлекалъ къ нему противниковъ. А собравши множество плѣнниковъ, онъ самъ вооружалъ ихъ, составлялъ

изъ нихъ свое воинство и съ помощію его дивно побѣждалъ. Давидъ низложилъ Голіаѳа однимъ только камнемъ; но если разсмотришь подвиги Павловы, то подвигъ Давидовъ покажется дѣтскимъ дѣломъ, и увидишь такое же различіе (между Давидомъ и Павломъ), какое между пастухомъ и военачальникомъ. Павелъ не Голіаѳа низлагалъ, бросая камень, но однимъ словомъ поражалъ весь строй дьявольскій. И какъ левъ, рыкающій и испускающій изъ устъ пламень, онъ для всѣхъ былъ нестерпимъ. Непрестанно онъ являлся всюду, приходилъ къ однимъ, спѣшилъ къ другимъ, появлялся у тѣхъ, переносился къ этимъ, налеталъ быстрѣе вѣтра. И управляя вселенною, какъ однимъ домомъ, или однимъ кораблемъ, онъ то извлекалъ утопающихъ, то укрѣплялъ изнемогающихъ, то давалъ приказанія корабельщикамъ, то сидѣлъ на кормѣ, осматривалъ руль, натягивалъ канаты, управлялъ весломъ, снималъ паруса, смотрѣлъ на небо,—самъ былъ все—и корабельщикъ и кормчій, и парусъ и корабль,—все терпѣлъ, чтобы только другихъ освободить отъ зла. И замѣтъ, онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, чтобы остановить кораблекрушеніе 574 вселенной; ночь и день пребылъ во глубинѣ морской, чтобы извлечь (людей) изъ глубины заблужденія; былъ въ трудахъ, чтобы дать покой трудящимся; терпѣлъ язвы, чтобы уврачевать изъязвленныхъ дьяволомъ; сидѣлъ въ темницахъ, чтобы сидящихъ въ узахъ и въ мракѣ вывести на свѣтъ; многократно бывалъ при смерти, чтобы избавить другихъ отъ лютой смерти. Пять разъ получалъ онъ по сорока ударовъ безъ одного, чтобы избавить отъ бичей дьявольскихъ тѣхъ, которые его бичевали; былъ битъ палками, чтобы другихъ привести подъ жезлъ и палицу Христову; наметанъ былъ камнями, чтобы освободить отъ безчувственныхъ камней; былъ въ пустынѣ, чтобы вывести изъ пустыни; былъ въ путешествіяхъ, чтобы остановить заблуждающихъ и открыть путь, ведущій къ небу; подвергался опасностямъ въ городахъ, чтобы указать горній градъ; терпѣлъ голодъ и жажду, чтобы избавить отъ лютѣйшаго голода; былъ въ наготѣ, чтобы непристойно ходящихъ облечь въ одежду Христову; терпѣлъ нападеніе отъ народа, чтобы отвести отъ нападенія демонскаго; воспламенялся, чтобы угасить раскаленные стрѣлы дьявола; былъ снушенъ въ корзинѣ въ окно по стѣнѣ, чтобы поднять поверженныхъ долу. Будемъ ли еще говорить, когда не знаемъ даже всего, что претерпѣлъ Павелъ? Упомянуть ли объ имуществѣ, о женѣ, о городѣ, о свободѣ, когда видимъ, что онъ тысячекратно презиралъ самую жизнь? Мученикъ умираетъ однажды, а этотъ блаженный однимъ тѣломъ и одною душою претерпѣлъ столько бѣдъ, что онѣ могутъ и адамантовую душу привести въ трепетъ.

И что всѣ святые пострадали каждый въ такомъ множествѣ тѣлъ, все это претерпѣлъ онъ въ одномъ (тѣлѣ). Вступивъ во вселенную, какъ бы на нѣкоторое поприще, и совлекшись всего, стоялъ онъ мужественно. Онъ зналъ, что съ нимъ сражаются демоны. Потому вдругъ, въ самомъ началѣ, показалъ себя славнымъ; и отъ самаго начала до послѣдняго конца пребылъ одинаковъ; или лучше сказать, еще усилилъ преслѣдованіе врага, когда приближался къ побѣдному вѣнцу. Удивительно также, что, не взирая на то, что столько претерпѣлъ, и такъ много сдѣлалъ, онъ умѣлъ соблюдать глубокое смиреніе. Даже когда нужда заставляла рассказывать о своихъ заслугахъ, онъ касался ихъ слегка; и хотя могъ бы написать тысячи книгъ, если бы захотѣлъ распространяться о каждомъ предметѣ, перечислять церкви, о которыхъ заботился, говорить о темницахъ и о подвигахъ своихъ въ нихъ, о подробностяхъ каждаго подвига въ частности, о нападеніяхъ на него, однако же не захотѣлъ этого. Итакъ, зная это, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатствомъ, ни другими житейскими благами, напротивъ, будемъ хвалиться одними оскорбленіями за Христа,—да и ими тогда только, когда потребуетъ нужда. Если же ничто не понуждаетъ пастъ къ этому, не будемъ вспоминать и о нихъ, чтобы не возгордиться, а будемъ помнить только грѣхи свои. Такимъ образомъ мы и отъ нихъ легко освободимся, и умиловимъ Бога, и достигнемъ вѣчной жизни, которой и да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

575 Похвалитися же не пользуетъ ми. Прииду бо въ видѣнія и откровенія Господня (2 Кор. xii, 1).

1. Что это значить? Сказавши такъ много, говорить: *похвалитися не пользуетъ ми*. (Въ томъ ли смыслѣ говорить это), что ничего еще не сказалъ? Нѣтъ, не въ томъ смыслѣ, что ничего еще не сказалъ; но такъ какъ онъ намѣренъ перейти къ другому роду похвалы, которая, хотя не ведетъ къ такой же наградѣ, какъ и прежнія, но повидимому болѣе прославляетъ его въ глазахъ многихъ, не умѣющихъ вполне выкинуть въ дѣло, то и говорить: *похвалитися же не пользуетъ ми*. Въ самомъ дѣлѣ, велики вышенчисленные предлоги къ похвалѣ, т. е. искушенія.

Но онъ можетъ представить и другого рода основанія, именно откровенія и неизреченныя тайны. Для чего же говорить: *не пользуйсь ми?* Для того, отвѣчаетъ онъ, чтобы мнѣ не впасть въ высокоуміе. Что ты говоришь? Развѣ ты не знаешь этого, хотя бы и не сказалъ? Но не одинаково бываетъ наше превозношеніе, когда мы сами только знаемъ причину къ тому, и когда сообщаемъ ее другимъ. Надмеваютъ насъ обыкновенно не заслуги сами по себѣ, но то, что многіе о нихъ свидѣлствуютъ и знаютъ. Поэтому и говорить (апостолъ): *не пользуется ми*,—чтобы не дать повода слушателямъ думать о немъ выше надлежащаго. Лжеапостолы рассказывали о себѣ и то, чего не бывало; онъ же, и что было, скрываетъ, даже когда самая нужда требовала не скрывать. *Не пользуется ми*, говоритъ онъ, научая всѣхъ всячески избѣгать самохвальства. Дѣйствительно оно не приноситъ никакой пользы, а только вредъ, если не побуждаетъ къ похвальбѣ какая-либо необходимая и полезная причина. Итакъ, упомянувши объ опасностяхъ, искушеніяхъ, злоумышленіяхъ, досадахъ и кораблекрушеніяхъ, приступаетъ теперь къ другому роду похвалы, говоря: *ѡмъ челоѡтка прежде лѣтъ четыренадесяти (аще въ тѣлѣ, не ѡмъ; аще ли кромѣ тѣла, не ѡмъ; Богъ ѡтъ) восхищена бывша такоѡаго до третіаго небесе. И ѡмъ, яко восхищенъ бытъ въ рай (аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, или кромѣ тѣла, не ѡмъ), и слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣтъ естъ челоѡтку глаголати. О таковѣмъ похваляюся; о себѣ же не похваляюся* (ст. 2—5). Велико это откровеніе. И не одно оно было, а и многія другія; но онъ упоминаетъ объ одномъ изъ многихъ. А что ихъ было много, послушай, какъ о томъ самъ онъ говорить: *за премногая откровенія, да не превозношуся* (ст. 7). Но скажетъ кто-нибудь: если (Павелъ) хотѣлъ скрыть, то ему надлежало вовсе и намека не дѣлать, и не говорить ничего подобнаго; если же хотѣлъ сказать, то надлежало говорить ясно. Итакъ, для чего же онъ и ясно не сказалъ, и не умолчалъ? Для того, чтобы и этимъ показать, что онъ неохотно приступаетъ къ дѣлу. Поэтому опредѣлилъ и время—за четырнадцать лѣтъ. Не безъ причины онъ упомянулъ объ этомъ, но желая показать, что молчавши столько времени, и теперь не сказалъ бы, если бы не было великой нужды, напротивъ умолчалъ бы, если бы не видѣлъ погибающихъ братій. 576 А если Павелъ былъ таковъ, что въ самомъ началѣ, когда не имѣлъ еще такихъ заслугъ, удостоился высокаго откровенія, то подумай, каковъ онъ сталъ чрезъ четырнадцать лѣтъ. Но смотри, какъ и въ данномъ случаѣ онъ скромнѣе: объ одномъ говорить, а о другомъ сознается, что не знаетъ. Сказалъ, что былъ восхищенъ; а въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, того, говорить, не знаю. До-

вольно было бы сказать о восхищеніи, умолчавъ о прочемъ; но онъ по скромности и то присовокупляетъ. Итакъ что же? Умъ ли только и душа были восхищены, а тѣло оставалось мертвымъ? Или и тѣло было восхищено? Этого нельзя опредѣлить. Если не знаетъ самъ Павелъ, который былъ восхищенъ, и удостоился столь многихъ и столь неизреченныхъ откровеній, то тѣмъ болѣе не знаемъ мы. Что онъ былъ въ рай, это знаетъ; что былъ на третьемъ небѣ, и то ему небезызвѣстно; но какъ былъ восхищенъ, того не знаетъ ясно. Посмотри и съ другой стороны, какъ онъ былъ чуждъ тщеславія. Рассказывая о случившемся съ нимъ въ Дамаскъ, онъ подтверждаетъ слова свои (именемъ Божиимъ), а адѣсь не дѣлаетъ этого, потому что не имѣлъ намѣренія сильно увѣрять въ этомъ, а хотѣлъ только сказать, и сдѣлать намекъ. Потому и присовокупляетъ: *о таковѣмъ похваляюся*, не то выражая, чтобы восхищенный былъ кто другой, но даетъ такой оборотъ рѣчи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вмѣстѣ избѣжать необходимости говорить о себѣ открыто. Иначе какая была бы сообразность, рассуждая о самомъ себѣ, вводить другое лицо? Почему же такъ выразился? Потому, что не одно и то же значить—сказать: я былъ восхищенъ, и: знаю (человѣка), который былъ восхищенъ; или: о себѣ хваляся, и: о таковомъ похваляюся. А если кто скажетъ: какъ возможно быть восхищену безъ тѣла? то и я спрошу: какъ возможно восхищену быть съ тѣломъ? Послѣднее даже труднѣе перваго, если рассуждать по разуму, а не покориться вѣрѣ. А для чего восхищенъ былъ (Павелъ)? Для того, какъ думаю, чтобы его не почитали меньшимъ другихъ апостоловъ. Тѣ были вмѣстѣ со Христомъ, а онъ не былъ; поэтому (Господь), въ изъясненіе славы его, и его восхитилъ въ рай. А слово — рай — многозначительно, и вездѣ было извѣстно.

2. Поэтому и Христосъ сказалъ (разбойнику): *днесь со Мною будешь въ раи* (Лук. ххш, 43). *О таковѣмъ похваляюся*. Для чего? Если другой былъ восхищенъ,—чѣмъ ты хвалишься? Отсюда явно, что это (апостоль) говорить о себѣ. Если же онъ присовокупилъ: *о себѣ же не похваляюся*, то это значить только, или что онъ безъ нужды, напрасно и легкомысленно не сказалъ бы ничего подобнаго, или что онъ хотѣлъ, насколько возможно, прикрыть сказанное. А что всю рѣчь вести о себѣ самомъ, это видно и изъ послѣдующаго. Именно онъ прибавляетъ: *еще же и восхожду похвалитися, не буду безуменъ; истину бо реку* (ст. 6). Какъ же прежде говорилъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему*, также: *еще глаголю, не по Господѣ глаголю, но яко въ безуміи*; а адѣсь напротивъ говорить: *еще же и восхожду похвалитися, не буду безуменъ?*

Это надобно разумѣть не въ отношеніи къ похвалѣ, но въ отношеніи къ справедливости того, чѣмъ хвалится, потому что если хвалиться свойственно безумному, то тѣмъ болѣе лгать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и говоритъ онъ: *не буду безуменъ*. Потому и присовокупляетъ: *истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепещуетъ о мнѣ паче, еже видитъ или слышитъ что отъ мене*. Вотъ истинная причина. Дѣйствительно, за великія знаменія, его (и Варнаву) почли даже за боговъ (Дѣян. xiv, 11). Подобно тому какъ Богъ создалъ стихіи міра и немощными и славными, чтобы онъ чрезъ одно проповѣдали Его могущество, а чрезъ другое удерживали людей отъ заблужденія, такъ (и апостолы) были вмѣстѣ и чудны и немощны, чтобы самыми дѣлами научать невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они, пребывая всегда чудными, и не показывая въ себѣ примѣровъ немощи, стали однимъ словомъ убѣждать людей—не думать о нихъ больше надлежащаго, то не только не успѣли бы въ этомъ, но еще и произвели бы противное. Ихъ словесныя увѣщанія скорѣе были бы приписаны смиренію, и заставили бы еще больше имъ удивляться. Потому-то немощь ихъ дѣйствительно обнаруживалась и въ самыхъ дѣлахъ ихъ. То же самое можно видѣть и на примѣрахъ ветхозавѣтныхъ мужей. Такъ Ілія былъ человѣкъ чудный, но нѣкогда изобличалъ себя въ боязливости (3 Цар. xix). Великъ былъ и Моисей, но и онъ по той же самой немощи предался бѣгству (Исх. п). А подвергались они этому, когда Богъ отступалъ отъ нихъ, и попускалъ, чтобы изобличалась въ нихъ (немощь) человѣческой природы. Въ самомъ дѣлѣ, если израильтяне, когда ихъ вывелъ изъ Египта Моисей, говорили: гдѣ Моисей? то чего бы они не сказали, если бы онъ и ввелъ ихъ (въ обѣтованную землю)? Поэтому (Павель) и говоритъ: *щажду же, да не како кто вознепещуетъ о мнѣ*. Не сказалъ—скажетъ, но—даже не подумаетъ о мнѣ болѣе, нежели чего я достоинъ. Такъ и отсюда видно, что вся рѣчь идетъ о немъ. Потому и въ началѣ сказалъ: *похвалитися не пользуетъ ми*. Этого онъ не сказалъ бы, если бы то, что сказано имъ, онъ намѣревался говорить о другомъ, — да и почему не полезно было бы хвалиться другимъ? Но онъ самъ удостоился этихъ (откровеній). Потому и говоритъ далѣе: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакости плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (ст. 7). Что говоришь? Ужели ты, ни за что почитавшій царство и геенну въ сравненіи съ любовію ко Христу, почиталъ за что-нибудь честь отъ людей, такъ что превозносился и имѣлъ нужду въ непрестанномъ обузданіи? Вѣдь не сказалъ, чтобы впредь мучилъ меня, но *да ми пакости дѣетъ* (пусть мучить меня). И кто бы могъ сказать это?

Что же значать слова его? Когда мы откроемъ, кто такой этотъ пакостникъ, и кто ангелъ сатанинъ, тогда и это скажемъ. Нѣкоторые говорили, что онъ рааумѣеть какую-то головную боль, производимую діаволомъ. Но этого нельзя допустить. Тѣло Павлово не могло быть отдано въ руки діавола, если самъ діаволъ уступалъ тому же Павлу, по одному его повелѣнію. (Павель) полагалъ ему законы и предѣлы,—когда напр., предалъ ему блудника въ изможденіе плоти (I Кор. v); и (діаволъ) не дерзалъ преступать ихъ. Итакъ, что же значить сказанное? Сатана на еврейскомъ 578 языкѣ значить—противникъ. И Писаніе въ третьей книгѣ Царствъ (v, 4) называетъ этимъ именемъ противниковъ. Повѣствуя именно о Соломонѣ, говоритъ: не было сатаны во дни его, т. е. сопротивника, который бы воевалъ съ нимъ, или бзапокоилъ его. Поэтому слова (апостола) имѣють такой смыслъ: Богъ не благоволилъ, чтобы проповѣдь наша распространялась безпрепятственно, желая смирить наше высокое о себѣ мнѣніе, но попустилъ противникамъ нападать на насъ. Этого дѣйствительно достаточно было къ нязложенію гордыхъ помысловъ; а головная болѣзнь не могла этого произвести. Такимъ образомъ подъ именемъ ангела сатанина онъ рааумѣеть Александра ковача, сообщниковъ Именея и Филита, и всѣхъ противниковъ слова, которые вступали съ нимъ въ состязанія, и противоборствовали ему, ввергали его въ темницу, били и влачили, такъ какъ они дѣлали дѣла сатанинскія. Подобно тому какъ (Писаніе) называетъ сынами діавола іудеевъ за то, что они ревновали дѣламъ его, такъ и ангеломъ сатаны называетъ всякаго сопротивника. Потому слова: *дадеся ми пакостникъ, да ми пакости дѣетъ*—означаютъ не то, что Богъ самъ вооружалъ противниковъ, или наказывалъ и обуздывалъ чрезъ нихъ (апостола),—да не будетъ!—а только то, что Онъ позволялъ и попускалъ на время. *О семъ трикратно Господа молихъ* (ст. 8), т. е. многократно.

8. И это показываетъ великое смиреніе (апостола), когда онъ не скрываетъ того, что не выносилъ вражескихъ навѣтовъ, но изнемогалъ и молился объ освобожденіи отъ нихъ. *И рече ми: дозветъ ти благодать Моя, сила бо Моя съ немощи совершается* (ст. 9), т. е. довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь слѣпыхъ, очищаешь прокаженныхъ и творишь другія чудеса. Не домогайся жить въ безопасности безъ страха, и проповѣдывать безъ труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многіе коварствуютъ противъ тебя, бьютъ тебя, гонять и бичуютъ. Это-то самое и показываетъ Мою силу. *Сила бо Моя съ немощи совершается*,—т. е., когда вы гонимые одерживаете верхъ надъ гонителями, когда вы преслѣ-

дуге побѣждаетъ своихъ преслѣдователей, когда вы связываемые обращае- ть въ бѣгство связывающихъ. Итакъ, не желай- лишняго. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) представляетъ одну причину, а Богъ другую? Тотъ говоритъ: *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти*; а Богъ сказалъ, что попускаетъ это для явленія силы Своей. Поэтому ты просишь не только лишняго, но даже помрачающаго славу Моего могущества. Именно слова: *должны ти показывать*, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что все сдѣлано. Такимъ образомъ и отсюда видно, что здѣсь говорится не о головной боли,—больные не проповѣдали, да и не могли бы проповѣдывать,—но о томъ, что (апостолы) гонимые и преслѣдуемые все превозмогли. Услышавъ такой отвѣтъ, (Павелъ) говоритъ: *сладко убо похваляю въ немощехъ моихъ*. Чтобы (коринтеяне) не пали духомъ, видя, что лжеапостолы хвалятся со- всѣмъ противнымъ, а истинные (апостолы) терпятъ гоненія,—(Павелъ) показываетъ, что чрезъ гоненія онъ дѣлается еще слав- нѣе, что въ этомъ особенно обнаруживается сила Божія, и что совершающееся съ нимъ достойно того, чтобы хвалиться. Поэтому и говоритъ: *сладко убо похваляюся*. Не отъ скорби сказалъ я исчис- 370 ленное мною выше, или упоминаемое теперь, т. е. что *дадеся ми пакостникъ*; напротивъ, я этимъ украшаюсь, и привлекаю на себя еще большую силу (отъ Бога). Потому и присовокупляетъ: *да вселится въ мя сила Христова*. Здѣсь онъ даетъ разумѣть и нѣчто другое—именно: въ какой мѣрѣ усиливались искушенія, въ та- кой мѣрѣ умножалась и пребывала въ немъ благодать. *Тѣмже благоволю въ немощехъ многихъ*. Въ какихъ же, скажи мнѣ? Въ до- сажденіихъ, въ изгнаніихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ (ст. 10). Видишь ли, какъ ясно открытъ теперь все? Говоря о родѣ немощей, онъ называлъ не горячку, не повторяющуюся какую болѣзнь, или дру- гую тѣлесную немощь, но обиды, гоненія и притѣсненія. Видишь ли, какая благопокорная душа! Онъ желалъ избавиться отъ бѣд- ствій. Но когда услышалъ отъ Бога, что этому не должно быть, не только не палъ духомъ, не получивъ просимаго, но еще и радовался. Потому и сказалъ: *благоволю*, радуюсь, желаю терпѣть обиды, гоненія и притѣсненія за Христа. Сказалъ же это, желая и тѣхъ (лжеапостоловъ) смирить, и ихъ (коринтеянъ) ободрить, чтобы они не стыдились Павловыхъ страданій,—потому что такое терпѣніе скорбей можетъ сдѣлать славнѣе всѣхъ. Потомъ выстав- ляетъ и другую причину: *егда бо немощую, тогда силенъ есмь*. Чему дивисься, если въ немощахъ обнаруживается сила Божія, и я тогда бываю силенъ? Тогда вѣдь особенно и дѣйствуетъ благодать Божія.

Но мѣрѣ то-о какъ умножаются въ насъ страданія (Хри-

стовы), умножается и утѣшеніе наше (2 Кор. 1, 5). Гдѣ скорбь, тамъ и утѣшеніе; гдѣ утѣшеніе, тамъ и благодать. Когда онъ ввергнутъ былъ въ темницу, тогда сотворить чудеса. Когда потерпѣлъ кораблекрушеніе, и занесенъ былъ въ варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный вошелъ въ судилище, тогда побѣдилъ самого судію. Такъ бывало и въ ветхомъ завітѣ: среди искушеній процвѣтали праведники. Такъ три отрока, такъ Давидъ, Моисей и Іосифъ,—всѣ чрезъ искушенія сдѣлались славными и удостоились великихъ вѣнцовъ. Подлинно, тогда душа и очищается, когда терпѣть скорби ради Бога. Тогда она получаетъ большую помощь, потому что имѣетъ нужду въ большемъ содѣйствіи (отъ Бога), и достойнѣе большей благодати. А дѣлаясь любомудрою, приобрѣтаетъ себѣ великія блага, не говоря уже о тѣхъ наградахъ, какія отложены для нея у Бога. Въ самомъ дѣлѣ, скорбь искореняетъ высокомеріе, отсѣкаетъ всякое нерадѣніе, приучаетъ къ терпѣнію, обнаруживаетъ ничтожество дѣлъ человѣческихъ и приводитъ къ великому любомудрію. Еи уступать всѣ страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбіе, пристрастіе къ богатству, плотская любовь, гордость, высокомеріе, гнѣвъ, и весь остальной рой (душевныхъ) недуговъ. И если хочешь на самомъ дѣлѣ видѣть это на примѣрахъ одного ли человѣка, или цѣлаго народа, то я могу тебѣ показать какъ жившихъ въ скорби, такъ и проводившихъ жизнь въ благополучіи, и научить, какая происходила польза отъ скорбей, и какая безпечность отъ недостатка ихъ.

560 4. Такъ евреи, когда подвергались страданіямъ и гоненіямъ, тогда стонали, призывали Бога, и получали свыше великую помощь; а когда утучнялись, тогда оставляли (Бога). Также ниневитяне, когда жили безмятежно, до того прогнѣвали Бога, что Онъ угрожалъ истребить до основанія весь городъ; а когда смирились, услышавъ проповѣдь (Іоны), тогда показали всякое любомудріе. А если хочешь видѣть примѣръ на одномъ человѣкѣ, то вспомни о Соломонѣ. Когда онъ съ заботой и безпокойствомъ размышлялъ о томъ, какъ управлять народомъ, тогда удостоился боговидѣнія; а когда сталъ жить среди удовольствій, то впалъ въ самую бездну нечестія. А что сказать объ отцѣ его? Когда онъ былъ чуденъ и удивителенъ? Не тогда ли, какъ былъ въ искушеніяхъ? Авессаломъ, не тогда ли только велъ себя благо-разумно, пока находился въ бѣгствѣ? А возвратившись, не сдѣлался ли мучителемъ и отцеубійцею? Что скажемъ объ Іовѣ? Правда, онъ славенъ былъ и во время благополучія; но еще славнѣе онъ оказался послѣ скорбей. Но нужно ли говорить о давнемъ и древнемъ? Если кто разсмотритъ и настоя-

щія наши дѣла, тотъ увидитъ, какъ велика польза скорбей. Нынѣ, наслаждаясь миромъ, мы ослабѣли, облѣнились, и наполнили Церковь тысячами золъ. Когда же терпѣли гоненія, тогда были цѣломудреннѣе, благонравнѣе, ревностнѣе и усерднѣе какъ къ этимъ собраніямъ, такъ и къ слушанію. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стираетъ съ нея скверну, дѣлаетъ ее чистою, свѣтлою и ясною. Скорбь вводитъ въ царство, а безпечальная жизнь въ геенну. Вотъ почему путь къ царству тѣсенъ, а въ геенну пространенъ. Потому (и Христосъ), какъ бы предлагая намъ какое-нибудь великое благо, сказалъ: *отъ мѣртъ скорбни будете* (Іоан. xvi, 33). Итакъ, если ты ученикъ (Христовъ), иди путемъ тѣснымъ и скорбнымъ; не ропщи и не унывай. Если ты (для Господа) не хочешь терпѣть скорби, то все же будешь терпѣть скорби по другимъ причинамъ, но безъ всякой для себя пользы. Такъ и завистникъ, и корыстолюбецъ, и привязавшійся къ блудницѣ, и тщеславный, и преданный всякому другому пороку, терпитъ многія печали и скорби, и скорбитъ не меньше плачущихъ. Если же не проливаетъ слезъ и не плачетъ, то отъ стыда и безчувствія. А если бы ты проникъ въ душу его, то увидѣлъ бы, что она обливается безчисленными волнами. Итакъ, если и той и другой жизнью живущимъ необходимо должно скорбѣть, то почему мы не пабираемъ жизни, которая вмѣстѣ со скорбію доставляетъ безчисленные вѣнцы? Всѣхъ святыхъ Богъ велъ этимъ путемъ,—путемъ скорбей и тѣсноты, какъ для ихъ собственной пользы, такъ и для предохраненія другихъ, чтобы послѣдніе не думали о нихъ выше ихъ достоинства.

Дѣйствительно, отъ того и идолопоклонство сдѣлалось господствующимъ, что дивились людямъ сверхъ ихъ достоинства. Такъ римскій сенатъ призналъ Александра тринадцатымъ богомъ,—сенатъ же имѣлъ такую власть производить и включать 581 въ число боговъ. Когда стали извѣстны всѣ дѣла Христовы, начальствовавшій надъ (іудейскимъ) народомъ послалъ спросить, не угодно ли будетъ и Его включить въ число боговъ? Но сенатъ не соизволилъ, гнѣваясь и досадуя, что прежде его приговора и опредѣленія просіяла сила Распятаго и привлекла къ почитанію всю вселенную. Впрочемъ, не по ихъ волѣ устроилось, что не человѣческимъ опредѣленіемъ провозглашено божество Христа; и что Онъ не признанъ былъ однимъ изъ многихъ, произведенныхъ въ боги (римскимъ сенатомъ). Сенатъ вѣдь призналъ богами и кулачныхъ бойцовъ и любимца Адріанова, отчего и городъ Антиной получилъ свое названіе. Такъ какъ смерть свидѣтельствуетъ о смертной природѣ людей, то діаволъ изобрѣлъ другой путь, именно воспользовался безсмертіемъ души,

и, присоединивъ къ этому непогрѣдную лѣсть, многихъ ввелъ въ нечестіе. И смотри, какая злокозненность! Когда мы разсуждаемъ о безсмертіи съ надлежащею цѣлю, діаволъ внушаетъ сомнѣнія противъ истины; а когда самъ хочетъ употребить ту же истину во вредъ, то всячески старается подтвердить ее. И если бы кто спросилъ: почему Александръ богъ? не умеръ ли онъ, и даже жалкимъ образомъ?—(діаволъ) скажетъ: душа безсмертна. Теперь ты разсуждаешь о безсмертіи и любомудрствуешь, чтобы отвлечь насъ отъ Бога всяческихъ. А когда мы скажемъ, что безсмертіе есть величайшій даръ Божій, тогда ты станешь увѣрять насъ, какъ будто заблуждающихся, что мы низки, пресмыкаемся долу, и ничѣмъ не лучше безсловесныхъ. Когда мы скажемъ, что Распятый живъ, тотчасъ слѣдуетъ смѣхъ, хотя вся вселенная вопіетъ о томъ — и древле, и нынѣ, древле чудесами, а нынѣ обращеніемъ къ Нему многихъ, такъ какъ такіа дѣла не мертвому свойственны. А если кто скажетъ, что Александръ живъ, ты вѣришь этому, хотя не можешь представить ни одного знаменія. Да, скажешь, онъ сдѣлалъ много великаго во время жизни: покорилъ народы и города, одержалъ побѣды во многихъ войнахъ и сраженіяхъ, и воздвигъ побѣдные памятники.

5. Но если я представлю нѣчто такое, о чемъ ни онъ во время жизни, ни другой кто-либо изъ прежде бывшихъ людей и помыслить не могъ, то какого еще другого потребуешь доказательства воскресенію? Въ самомъ дѣлѣ, если царь, имѣющій войско, при жизни счастливо ведетъ войны и одерживаетъ побѣды, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ничего страннаго и новаго. Но послѣ крестной смерти и погребенія произвести вездѣ — и на сушѣ и на морѣ — такіа великіа дѣла, это въ высшей степени поразительно, и свидѣтельствуешь о божественномъ и неизреченномъ могуществѣ. Александръ по смерти своей не возстановилъ раздѣленной и совершенно исчезнувшей державы своей. Да и какъ могъ сдѣлать это мертвый? Напротивъ Христосъ тогда особенно и утвердилъ державу свою, когда умеръ. Но что говорить о Христѣ, когда и ученикамъ Своимъ Онъ далъ силу прославляться по смерти? Скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александра? Укажи мнѣ и скажи, въ какой день онъ умеръ? А рабовъ Христовыхъ 582 и гробы славны, такъ какъ находятся въ царственномъ городѣ, и дни кончины извѣстны, такъ какъ составляютъ торжество для цѣлой вселенной. Александрова гроба не знаютъ и свои; а гробъ Христовъ знаютъ и варвары.

И гробы рабовъ Распятаго блистательнѣе царскихъ дворцовъ, не только по величинѣ и красотѣ строеній, — хотя и въ этомъ отношеніи они превосходятъ, — но, что гораздо важнѣе, по рав-

ности стекающихся къ нимъ. Самъ облеченный въ багряницу, приходитъ лобызать эти гробы, и, отложивши гордость, стоитъ предъ ними, и молить святыхъ, чтобы предстательствовали за него предъ Богомъ. Въ предстательствѣ умершихъ скинотворца и рыбака имѣетъ нужду облеченный въ діадему. Итакъ, скажи мнѣ, ужели дерзнешь называть мертвымъ ихъ Владыку, когда рабы Его и по смерти предстательствуютъ за царей вселенной? И это можетъ всякій, кому угодно, видѣть не только въ Римѣ, но и въ Константинополѣ. И здѣсь сынъ Константина Великаго почиталъ великой честію для родителя положить его въ преддверіи рыбака. И что во дворцахъ царей привратники, то при гробахъ рыбака цари. Рыбари, какъ владѣтели мѣста, занимаютъ внутренность, а цари, какъ присельники и сосѣди ихъ, пожелали, чтобъ имъ отведено было мѣсто у (наружныхъ) дверей, а чрезъ это и невѣрующимъ показываютъ, что въ воскресеніи рыбаки будутъ имѣть преимущество. Вѣдь если здѣсь въ гробницахъ такое (предпочтеніе), то тѣмъ болѣе въ воскресеніи. Такъ измѣняется порядокъ вещей! Цари замѣняютъ мѣсто слугъ и рабовъ, а подчиненные облекаются саномъ царей, или даже еще и болѣе славнымъ. А что въ этомъ нѣтъ лести, въ томъ увѣряетъ самая истина. Отъ гробовъ рыбака и царскія гробницы стали славнѣе, потому что эти гробы почитаются болѣе, нежели всѣ другія царскія гробницы. Тамъ глубокая пустыня, а здѣсь великое стеченіе народа. А если хочешь сравнить эти гробы и съ царскими дворцами, то первенство опять на сторонѣ первыхъ. Изъ дворцовъ многіе гонятъ народъ, а сюда многіе призываютъ и влекутъ богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и свободныхъ. Тамъ великій страхъ, а здѣсь неизреченное наслажденіе. Пріятно видѣть царя, облеченнаго въ золотую одежду и въ вѣнецъ, и видѣть окружающихъ его военачальниковъ, правителей, центурионовъ, трибуновъ и преторовъ. Но здѣсь все столько внушаетъ уваженія и благоговѣнія, что первое въ сравненіи съ этимъ не больше, какъ тѣнь, или дѣтская забава. Едва ты переступаешь порогъ, самое мѣсто возноситъ мысль твою къ небу, къ горнему Царю, къ воинству ангельскому, къ престолу высокому, къ неприступной славѣ. Здѣсь (на землѣ) начальнику предоставлено право одного изъ подданныхъ разрѣшать отъ узъ, а другого связывать; кости же святыхъ имѣютъ не эту жалкую и низкую власть, 583 а гораздо высшую. Они предають суду и подвергаютъ истязаніямъ демоновъ, разрѣшаютъ связанныхъ жестокими ихъ узами. Какое судилище страшнѣе этого? Тогда какъ никого не видно, никто не давитъ демона, мы слышимъ вопли, терзанія, бичеванія, истязанія, языки палимые, потому что демонъ не можетъ

свосить этой дивной силы. Тѣ, которые были облечены въ плоть, побѣждаютъ безплотныя силы. Прахъ, кости и пепель мучать существа невидимыя. Вотъ почему для того, чтобы видѣть царскіе дворцы, никто бы никогда не предпринять путешествія; напротивъ, многіе царя часто путешествовали для такого зрѣлища.

584 И это потому, что храмы святыхъ мучениковъ представляютъ знаменія и образы будущаго суда, такъ какъ здѣсь демоны мучатся, и люди наказываются и освобождаются. Видишь ли, какова сила святыхъ и послѣ смерти? Видишь, каково безсиліе грѣшниковъ даже и при жизни? Итакъ убѣгай порока, чтобы тебѣ имѣть верхъ надъ порочными, и со всѣмъ тщаніемъ слѣдуй добродѣтели. Вѣдь если настоящее такъ велико, то подумай, каково будущее. И непрестанно возбуждаемый такою любовію къ добродѣтели, старайся восхитить вѣчную жизнь, которой всѣ мы да сподобимся благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

583 Быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте; азъ бо долженъ быхъ отъ васъ хвалимъ бывати (хп, 11).

1. Окончивъ рѣчь о похвалахъ себѣ самому, (апостолъ) не остановился на этомъ, но снова защищается, и просить извиненія въ сказанномъ, говоря, что это сдѣлалъ онъ по необходимости, а не по собственной охотѣ. Впрочемъ, не смотря и на необходимость, называетъ себя несмысленнымъ. Въ началѣ говорилъ: *яко безумна пріимите мя*, или: *яко съ безуміи*; а теперь, отбросивъ *яко*, прямо называетъ себя несмысленнымъ. Онъ достигъ своею рѣчью желаемого, и потому уже смѣло и безъ пощады нападаетъ на этотъ недостатокъ, научая всѣхъ никогда не хвалиться безъ нужды, когда уже онъ, Павелъ, даже и по нуждѣ похвалившись, называлъ за то себя несмысленнымъ. Потомъ и всю вину сказаннаго слагаетъ не на лжеапостоловъ, но на учениковъ: *вы*, говорить, *понудисте*. Если бы (лжеапостолы) хвалились, но тѣмъ не вводили бы васъ въ заблужденіе и погибель, то я не дошелъ бы до того, чтобы дозволить себѣ такіа слова. Но такъ какъ они растлили всю церковь, то, заботясь о вашей пользѣ, я принужденъ былъ сдѣлаться несмысленнымъ. И не сказалъ: я опасался, чтобы они, восхитивши надъ вами первенство, не посѣяли у васъ своего ученія; объ этомъ сказалъ онъ прежде: *боюся, да не како*,

якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разумъ ваша; а здѣсь говоритъ не такъ, но съ большимъ достоинствомъ и съ большею властію, сдѣлавшись смѣлѣе вслѣдствіе сказаннаго. *Азъ бо долженъ быхъ отъ васъ хвалымъ бывать.* Потомъ представляетъ на это и причину; и говоритъ опять не объ однихъ откровеніяхъ, или чудесахъ, но и объ искушеніяхъ. *Ничимъ же бо лишихся перепитишихъ апостоловъ.* Смотри, какъ и здѣсь опять говоритъ съ большею властію. Раньше онъ говорилъ: *непущю ничимъ же лишиться*; а здѣсь говоритъ уже положительно, потому что, какъ я уже замѣтилъ, послѣ представленныхъ доказательствъ сталъ смѣлѣе. Впрочемъ, все еще не отступаетъ отъ умѣренности и отъ своего обычая. Но какъ сказавшій нѣчто необычайное и высшее своего достоинства,—потому что сопричислилъ себя къ апостоламъ,—опять употребляетъ скромное выраженіе и присовокупляетъ: *еще и ничтоже есмь, знаменія апостола содѣлашася въ васъ* (ст. 12). Смотри, говоритъ, не на то, что я незначителенъ и малъ, но на то, получилъ ли ты отъ меня, что надлежало получить отъ апостола. И не сказалъ: незначителенъ, но — что еще ниже: *ничтоже*. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза быть великимъ, и никому не приносить пользы? Такъ нѣтъ пользы и отъ искуснаго врача, который не вылѣчилъ ни одного больного. Итакъ, говоритъ, не разсуждай о томъ, что я ничего не значу; но смотри на то, что во всемъ, служившемъ къ вашему благу, я не отсталъ отъ другихъ, а напротивъ далъ доказательство моего апостольства. Поэтому мнѣ не было нужды говорить самому о себѣ. Говорилъ же это не для того, чтобы дѣйствительно искалъ похвалы,—какъ могъ нуждаться въ похвалахъ тотъ, кто самое небо почиталъ малымъ въ сравненіи съ любовію ко Христу?—но потому, что желалъ спасенія (учениковъ своихъ). Затѣмъ, чтобы не сказали: что намъ, если ты и ничѣмъ не ниже первѣйшихъ апостоловъ?—онъ присовокупилъ: *знаменія апостола содѣлашася въ васъ, во всякомъ терпѣніи и въ знаменіихъ и чудесахъ.* О, какую бездну совершенствъ выразилъ онъ въ немногихъ словахъ! И смотри, что ставитъ на первомъ мѣстѣ. Терпѣніе, -- потому что признакъ апостола все переносить великодушно. И о терпѣніи выразился кратко, однимъ словомъ, между тѣмъ какъ о знаменіяхъ, которыя совершены были не его собственною силою, выразился нѣсколькими словами. Но представь себѣ, сколько уязъ, сколько ударовъ, сколько опасностей, сколько навѣтовъ, какое множество искушеній разумѣлъ онъ здѣсь, сколько браней внутреннихъ и вѣншихъ, сколько печалей, сколько нападеній выразилъ онъ однимъ словомъ—*терпѣніе*. А словомъ—*знаменія* не изобразилъ ли опять того, сколько имъ воскрешено мертвецовъ,

585 сколько испѣлено слѣпцовъ, сколько очищено прокаженныхъ, сколько изгнано демоновъ? Слыша это, научимся и мы, если даже насъ заставляетъ необходимость говорить о своихъ заслугахъ, не распространяться о нихъ, какъ поступилъ и самъ (Павелъ).

2. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: хотя ты великъ и сдѣлалъ много, однако не столько, сколько апостолы въ другихъ церквахъ,—(Павелъ) присовокупилъ: *что бо есть, егже лиши-теся паче прочихъ церквей* (ст. 13)? И вы, говорить, въ сравненіи съ прочими церквами причастны не меньшей благодати. Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ: для чего онъ переводитъ рѣчь на апостоловъ, оставивъ борьбу съ лжеапостолами? Для того, чтобы больше возбудить ихъ вниманіе и показать, что онъ не только лучше ихъ (лжеапостоловъ), но и не ниже великихъ апостоловъ. Вотъ почему, рассуждая о нихъ (лжеапостолахъ), онъ говоритъ: *паче азъ*; а когда сравниваетъ себя съ апостолами, то считаетъ достаточнымъ для себя быть не ниже ихъ, хотя и болѣе ихъ потрудился. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ чрезъ это, что (коринѣяне) обижаютъ и самихъ апостоловъ, когда равнаго имъ ставятъ ниже лжеапостоловъ. *Развѣ точію, яко азъ самъ не стужихъ вамъ*. Апостолъ опять дѣлаетъ (коринѣянамъ) строгій упрекъ; а послѣдующія слова еще сильнѣе: *дадите ми неправду сію*. Но и при всей строгости, въ нихъ выражается любовь и похвала (коринѣянамъ), если только и сами они считаютъ для себя обидою, что апостолъ не соглашался ничего брать у нихъ, и не осмѣливался получать отъ нихъ себѣ пропитанія. Если, говорить, вы обвиняете меня въ этомъ, то (не сказалъ: несправедливо обвиняете, но гораздо благосклоннѣе) прошу извиненія, простите мнѣ этотъ грѣхъ. И замѣтъ, какое благоразуміе! Такъ какъ этотъ упрекъ, часто повторяемый, наносилъ имъ безчестіе, то онъ каждый разъ смягчаетъ его. Такъ, выше сказавъ: *есть истина Христова во мнѣ, яко похваленіе сіе не заградится о мнѣ* (х, 10), вслѣдъ затѣмъ говорить: *не люблю ли азъ? Богъ въсть; но да отъску выну хотящимъ вины, и да о немже хвалится, обрящутся якоже и мы* (ст. 11, 12), И въ первомъ посланіи: *како, убо ми есть мзда? Да благовѣстующая безъ мзды положу благовѣстіе* (ix, 18). И здѣсь опять говорить: *дадите ми неправду сію*. Вездѣ онъ старается не показать, что не беретъ по причинѣ ихъ немощи. Поэтому и здѣсь говорить: если вы это ставите мнѣ въ вину, то прошу прощенія. А говоря такимъ образомъ, онъ и наноситъ имъ рану, и врачуетъ ее. Не говори: если хочешь нанести ударъ, то для чего извиняешься? если хочешь врачевать, то для чего наносишь ударъ? Въ томъ и состоитъ благоразуміе, чтобы и разсѣчь, и перевязать рану. Потомъ, чтобы не подумали,

какъ я и прежде сказалъ, что (апостоль) часто обращается къ одному и тому же съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ нихъ, онъ отклоняетъ такое подозрѣніе, подобно тому какъ и въ первомъ посланіи, когда говорилъ: *не пишатъ же, да тако будетъ о мнѣ; добрее бо мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (ix, 16). (То же самое, только) пріятнѣе и благосклоннѣе, (выражаетъ онъ) и здѣсь. Какъ же именно? *Се третіе*, говоритъ онъ, *готовъ пріити къ вамъ, и не стужу вамъ; не ищю бо вашихъ, но васъ. Не должны бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадамъ* (ст. 14). Смыслъ его словъ такой: не прихожу къ вамъ не потому, что не беру; напротивъ, я приходилъ уже въ другой разъ, и въ третій готовъ идти, и опять не буду вамъ въ тягость. И причина тому уважительная. Не сказалъ: (не хочу быть вамъ въ тягость), потому что вы скупы, потому что вы этимъ обременитесь, потому что вы немощны. Но что говорить? *Не ищю бо вашихъ, но васъ*. А ищю большаго: вмѣсто денегъ—душъ, вмѣсто золота—спасенія. Потомъ, такъ какъ оставалось еще мѣсто подозрѣнію, что онъ огорченъ ими,—онъ представляетъ и разсужденіе. Они естественно могли сказать: развѣ нельзя искать и насъ и нашего? Поэтому онъ оправдываетъ ихъ съ великою благосклонностію, говоря: *не должны бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадамъ*. Вмѣсто наименованій: учителя и ученики, употребляетъ слова: родители и дѣти, и показываетъ, что вмѣняетъ себя въ обязанность и то, къ чему не былъ обязанъ, такъ какъ Христосъ не далъ такого повелѣнія, а (апостоль) изъ снисхожденія (къ коринѣянамъ) говоритъ это. Поэтому же присовокупляетъ и нѣчто большее: сказалъ не только то, что дѣти не должны снискивать для родителей имѣнія, но еще и то, что родители обязаны это дѣлать. Итакъ, если родители обязаны давать, то азъ, говоритъ, *отъ сладости изживу, и изживенъ буду по душамъ вашихъ* (ст. 15). Родителямъ собирать имѣніе для дѣтей повелѣлъ законъ природы, а я, говоритъ, не только это исполняю, но даже отдаю самого себя. Верхъ щедрости—не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но съ великимъ усердіемъ, даже при недостаткѣ. На это и указываетъ (апостоль) выраженіемъ: *изживенъ буду*. Хотя бы нужно было извурить самую плоть, не пощажу ея ради вашего спасенія. Слѣдующія за этимъ слова выражаютъ и любовь и упрекъ: *еще и излишише васъ любя, менше любимъ есмь*. И это, говоритъ, я дѣлаю для тѣхъ, которыхъ я люблю, и которые не любятъ меня въ той же мѣрѣ. Итакъ, смотри теперь, сколько здѣсь степеней: надлежало брать, а онъ не бралъ,—это первая заслуга; не бралъ, находясь въ бѣдности,—это вторая; не бралъ, когда имъ пропо-

вѣдываль, — это третья; самъ даетъ имъ, — это четвертая; и не просто даетъ, но съ избыткомъ, — это пятая; отдаетъ не имѣніе только, но и самого себя, — это шестая; отдаетъ себя за тѣхъ, которые не очень его любятъ, — это седьмая; и которыхъ онъ весьма любить, — это восьмая.

3. Будемъ же и мы соревновать ему. Великъ грѣхъ [ненавидѣть и] не имѣть любви; но еще больше грѣхъ, если кто на любовь не отвѣчаетъ любовью. Если любящій любящаго не имѣетъ никакого преимущества предъ мытарями, то не имѣющій и этого хуже самыхъ звѣрей. Что ты говоришь, человѣкъ? Ты не любишь любящаго? Для чего же живешь? Къ чему ты послѣ этого гонень? Къ какимъ дѣламъ — къ общественнымъ или къ частнымъ?

887 Ни къ чему. Подлинно, нѣтъ ничего безполезнѣе человѣка, не умѣющаго любить. Закону любви часто покорялись и разбойники, и убійцы, и воры; вкусивъ только вмѣстѣ соли, дѣлались они другими, и за общимъ столомъ перемѣняли свой нравъ. А ты, имѣя общеніе съ другимъ не только за солью, но въ словахъ и дѣлахъ, во входахъ и исходахъ, не любишь его? Предающіеся постыдной любви расточаютъ все свое имущество на безчестныхъ женщинъ; а ты, имѣя честную любовь, такъ холоденъ, немогущъ, безсиленъ, что не въ состояніи любить даже и тогда, когда это не стоитъ никакихъ издержекъ? Но кто же, скажешь, будетъ такъ жалокъ, кто такъ звѣроподобенъ, что могъ бы отвращаться и ненавидѣть любящаго. Хорошо дѣлаешь, что, по причинѣ несообразности дѣла, не вѣришь. Но если я укажу тебѣ многихъ людей такого рода, то какъ намъ стерпѣть тогда такой стыдъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда ты злословишь любящаго тебя, когда, слыша о немъ худыя рѣчи, не защищаешь его, когда завидуешь его доброй славѣ, то что это за любовь? Конечно, и не завидовать — еще недостаточное доказательство дружбы, равно какъ и не враждовать и не преслѣдовать; надобно поддерживать любящаго насъ, и споспѣшествовать его выгодамъ. Когда же человѣкъ все говоритъ и дѣлаетъ, чтобы еще и погубить ближняго, то что можетъ быть несчастнѣе такой души? Вчера и сегодня утромъ ты былъ другомъ, раздѣлялъ съ нимъ бесѣду и столъ, а затѣмъ вдругъ, увидѣвъ, что членъ твой благоуспѣваетъ, ты сбрасываешь съ себя личину дружбы, враждуешь, даже безумствуешь, — потому что явное вѣдь безуміе терзаться благополучіемъ ближняго. Это свойственно только одурѣвшимъ и бѣшенымъ собакамъ; подобно имъ, и раздраженные завистію набрасываются на каждаго. Лучше имѣть змѣю, клубящуюся въ утробѣ, нежели зависть, внутри гнѣдящуюся. Змѣю можно еще или наблѣвать при помощи лѣкарства, или усмирить пищею; но зависть

не въ утробѣ гнѣздится, а живетъ въ самыхъ нѣдрахъ души, и есть болѣзнь, съ трудомъ излѣчиваемая. Змѣя, находящаяся во внутренности, когда есть для нея другая пища, не трогаетъ тѣла человѣческаго; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снѣдей, пожираетъ самую душу, со всѣхъ сторонъ ее грызетъ, терзаетъ и рветъ; для нея нельзя найти никакого успокоительнаго средства, которое сокращало бы ея неистовство; кромѣ одного только—несчастія съ благоденствующимъ. Тогда она успокоивается. Вѣрнѣе же сказать, и то (средство) недѣйствительно. Пусть этотъ и алостраждетъ; но, видя другого благоденствующимъ, она снѣдается тѣми же муками; для нея отсюду раны, отсюду удары, потому что, живя на землѣ, невозможно не видѣть счастливыхъ. И такъ велика сила этой болѣзни, что подверженный ей, хотя бы заключился и внутрь дома, завидуетъ прежнимъ, уже умершимъ людямъ. Велико зло, что страдаютъ завистию люди, живущіе въ мірѣ, хотя это и не такъ еще страшно; но когда этой же болѣзнью одержимы люди, уже освободившіеся отъ тревоженій,—это тяжелѣе всего. Желалъ бы я молчать; но еслибы молчаніе уничтожало и стыдъ, причиняемый дѣлами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, самыя дѣла будутъ вопіять громче моего языка, то вреда отъ моихъ словъ никакого не будетъ, поскольку пороки выставляются нами на позоръ, а какая-нибудь выгода и польза, можетъ быть, произойдетъ. Эта болѣзнь коснулась и церкви, все извратила, расторгла союзъ тѣла, и, вооружаемые завистию, мы возраемъ другъ противъ друга. Отсюда произошло великое развращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если и при общемъ всѣхъ созиданіи не легко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые, то какой же будетъ конецъ, когда всѣ будемъ разрушать?

4. Что ты дѣлаешь человѣкъ? Ты считаешь полезнымъ разрушать благосостояніе ближняго; но прежде него ты разрушаешь свое собственное. Не видишь ли, какъ и садовники и земледѣльцы всѣ стремятся къ одной цѣли? Одинъ копаетъ землю, другой насаждаетъ растеніе, иной прикрываетъ корень, иной поливаетъ посаженное, иной ограждаетъ и обноситъ стѣною, иной отгоняетъ скоть,—и всѣ заботятся объ одномъ, чтобы обречь растеніе. А тутъ не такъ. Напротивъ, я насаждаю, а другой колеблетъ и ослабляетъ насажденное. Дай по крайней мѣрѣ хорошо укрѣпиться ему, чтобы оно приобрѣло силу противиться навѣту. Ты не мое дѣло губишь, а свое разстраиваешь. Я насадилъ, тебѣ надлежало поливать. Если же ты станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень, то тебѣ нечего будетъ и поливать. Но ты видишь, что насаждающій пользуется почетомъ? Не

бойся,—ни ты, ни я ничего не значимъ, потому что *ни насаждаяй, ни напаяяй есть что* (1 Кор. iii, 7); все дѣло принадлежитъ одному Богу, такъ что ты возстаешь и враждуешь на Бога, если исторгаешь насажденное. Итакъ, надобно наконецъ образумиться, придти въ сознаніе. Я не столько боюсь вѣншней войны, сколько борьбы внутренней. Если корень хорошо укрѣпленъ въ землѣ, то не потерпитъ вреда отъ вѣтровъ; а если шатается, потому что внутри подточень червемъ, то дерево упадетъ, хотя бы никто его не трогать. Долго ли будемъ и мы, подобно червямъ, подтачивать корень церкви? Подлинно, отъ земли рождаются таковыя помыслы, или лучше сказать, и не отъ земли, а отъ нечистотъ, потому что имѣють матерью своей гнилость, и недалеко отстоять отъ самыхъ отвратительныхъ женскихъ отпращиваній. Сдѣлаемся когда-нибудь доблестными мужами, станемъ подвижниками любуудрія, отразимъ сильное стремленіе этихъ золъ. Я вижу, что многочисленныя чада церкви повержены нынѣ долгу, подобно мертвому тѣлу. И какъ въ тѣлѣ, недавно умершемъ, хотя можно еще видѣть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни одинъ членъ не исправляетъ своего дѣла, такъ и здѣсь присутствующіе. Здѣсь всѣ — вѣрные, но вѣра ихъ бездѣйственна. Мы погасили ревность, и тѣло Христово содѣлали мертвымъ. Страшно выговорить это; но гораздо страшнѣе видѣть на самомъ дѣлѣ. По имени мы братья, а по дѣламъ враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу какъ звѣри. Говорю это не для того, чтобы выставить на позоръ дѣла наши, но чтобы пристыдить и отвратить отъ нихъ. Кто-нибудь вошелъ въ домъ, принять съ честію; надлежало бы благодарить Бога за то, что членъ твой пользуется почтеніемъ, и въ немъ прославляется Богъ, а ты поступаешь напротивъ: говоришь о немъ худо тому, кто почтилъ его, чтобы обоихъ свалить, да и на себя навлечъ стыдъ. Для чего, несчастный и жалкій человекъ, ты скорбишь, слыша, что брата твоего хвалятъ или предъ мужами, или предъ женами? Приложи и свои похвалы, тогда и себѣ доставишь похвалу. Если же отрицаешь похвалу, то прежде всего самъ о себѣ говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще болѣе возносишь. Когда слышишь похвалы другому, старайся сдѣлать, чтобы онъ относился и къ тебѣ, если не за жизнь и добродѣтель твою, по крайней мѣрѣ за то, что радуешься совершенствамъ въ братѣ. Одинъ похвалилъ, и ты удивляйся: тогда и тебя онъ похвалитъ, какъ человека благонамѣреннаго и правдиваго. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другого; скорѣе приведетъ къ тому твое осужденіе. Люди своенравны, и когда видятъ, что ты говоришь худо, упорствуютъ въ похвалахъ, же-

лая тѣмъ уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами и въ собственныхъ ихъ глазахъ, и предъ другими. Видишь ли, какой 590 позоръ навлекаемъ мы сами на себя? Какъ губимъ и разгоняемъ паству? Сдѣлаемся же наконецъ членами, составимъ одно тѣло. Кого хвалить, тотъ пусть отказывается отъ похвалъ и пусть относить ихъ къ своему брату; а кто слышитъ похвалу другому, пусть радуется объ этомъ. Если мы будемъ находиться въ такомъ тѣсномъ союзѣ, то привлечемъ къ себѣ и Главу тѣла; если же будемъ разъединены, то лишимся Ея помощи; а безъ Ней тѣло, не будучи поддерживаемо свыше, потерпитъ великій вредъ. Итакъ, чтобы этого не случилось съ нами, отвергнемъ ненависть и зависть и, презрѣвъ людскую славу, облобызаемъ любовь и согласіе. Такимъ образомъ содѣлаемся причастниками и настоящихъ, и будущихъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Буди же, самъ азъ не отягчихъ васъ, но коваренъ сый, 589 лестію васъ пріяхъ. Еда коимъ отъ посланныхъ къ вамъ лихоимствовахъ васъ? Умолихъ Тита, и съ нимъ послахъ брата. Еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихома? Не тѣми же ли стопами (xii, 16—18)?

1. Очень неясно сказаны эти слова Павломъ, но не безъ цѣли, и не напрасно. Такъ какъ рѣчь идетъ о деньгахъ, и (апостоль) защищается, что онъ ничего не беретъ, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же, однако, значить сказанное? Раньше (апостоль) сказалъ, что онъ ничего не бралъ, напротивъ—даже готовъ отдать и издержать свое, и много рассуждалъ о томъ какъ въ этомъ посланіи, такъ и въ первомъ. А теперь говорить нѣчто другое,—какъ бы вводить слова изъ сдѣланнаго ему возраженія, и предварительно разрѣшаетъ его. Вотъ смыслъ сказаннаго имъ: я не искалъ отъ васъ прибытковъ, но, можетъ быть, иной скажетъ, что хотя самъ я и ничего не бралъ, но, какъ человекъ хитрый, настроилъ посланныхъ мною отъ своего лица просить у васъ чего-нибудь, и отъ нихъ самъ получалъ, а такимъ образомъ, получая чрезъ другихъ, отклонялъ отъ себя подозрѣніе, что беру самъ. Но и этого никто не можетъ сказать. Свидѣтели тому вы сами. Вотъ почему онъ и ведетъ рѣчь вопросами, говоря: *умолихъ Тита, и съ нимъ послахъ*

брата. Еда лихоимствова чимъ вась Титъ? Не такъ же ли онъ приходилъ къ вамъ, какъ и я? Т. е. и онъ ничего не бралъ. Видишь ли, съ какимъ тщаніемъ старался онъ не только себя сохранить чистымъ отъ корыстолюбія, но и посылаемыхъ имъ поставить такъ, чтобы не подать и малаго предлога желавшимъ порицать его? Это гораздо выше того, что сдѣлалъ патріархъ 590 (Авраамъ). Этотъ послѣдній, возвращаясь съ побѣды, когда царь давалъ ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съѣли его домочадцы; а онъ (Павелъ), какъ самъ не пользовался, такъ и сотрудникамъ своимъ не позволялъ пользоваться даже необходимою пищею, чтобы такимъ образомъ совершенно заградить уста безстыдныхъ. Поэтому онъ не самъ отъ себя говоритъ, что они ничего не брали, но, что гораздо важнѣе, представляетъ въ этомъ свидѣтелями самихъ коринтянъ, чтобы свидѣтельство шло не отъ собственнаго его лица, но утверждалось на ихъ приговорѣ. Такъ обыкновенно поступаемъ мы, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь очевидномъ и не подлежащемъ никакому сомнѣнію. Скажите, говорить (апостолъ), развѣ кто-нибудь изъ посланныхъ нами обогатился чѣмъ отъ вась? Не говоритъ: развѣ кто ваялъ что-нибудь у вась? Но называетъ такое дѣло лихоимствомъ, укоряя ихъ тѣмъ, приводя въ стыдъ, и показывая, что брать у кого-нибудь противъ воли его есть лихоимство. И не сказалъ: Титъ, но: кто-нибудь,—т. е., вы не можете и того сказать, что хотя одинъ не бралъ, но бралъ другой. Напротивъ, не бралъ ни одинъ изъ посланныхъ. Умолихъ Тита. И это сказано съ укоризной. Не сказалъ: я послалъ Тита, но—умолихъ, показывая тѣмъ, что если бы онъ и взялъ что у нихъ, то взялъ бы по праву; однако онъ и при всемъ томъ остался чистымъ. Поэтому опять спрашиваетъ ихъ: еда лихоимствова чимъ вась Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихомъ? Что значить: тѣмъ же духомъ? То, что онъ все приписываетъ благодати, и показываетъ, что все достойное похвалы совершенно не нашими трудами, но есть дѣло дара Духа и благодати. Подлинно, величайшая была благодать, когда терпѣвшіе во всемъ недостатокъ и голодавшіе ничего не брали ради назиданія наставляемыхъ. Не тѣми же ли стоимъ? Т. е. они нисколько не отступили отъ принятой мною осторож- 591 ности, но сохранили то же правило. Паки ли мните, яко отъ васъ творимъ (ст. 19)? Видишь ли, какъ онъ вездѣ опасался, чтобы не показаться льстецомъ? Видишь ли, съ какимъ апостольскимъ благоразуміемъ часто повторяетъ это? Такъ раньше сказалъ: не паки себѣ хвалимъ предъ вами, но отъ васъ даемъ вамъ похваленію (v, 12), и въ началѣ посланія: или требуемъ изъяснительныхъ посланій (ш, 1). Вся же о вашемъ созиданіи. Опять упо-

каиваетъ ихъ. Но даже и здѣсь не говоритъ ясно: мы не брали у васъ по причинѣ вашей немощи, но—для вашего назиданія, хотя, правда, яснѣе чѣмъ прежде высказалъ, что огорчило его, впрочемъ безъ укоризны. Именно не сказалъ: по причинѣ немощи вашей, но—чтобы вы получили назиданіе. *Боюся бо, еда како приидѣ, не яцѣхъ же хочу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хотите* (ст. 20). (Апостолъ) хочетъ сказать нѣчто важное, и для нихъ непріятное; потому и представляетъ оправданіе, говоря: *вся же о вашемъ созиданіи*, а присовокупляя: *боюся*, смягчаетъ то, что намѣренъ былъ сказать. Это уже показывается не высокоуміе, или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда онъ страшится болѣе, чѣмъ сами согрѣшившіе, и съ трепетомъ приступаетъ къ ихъ исправленію. Но даже и такъ не нападаетъ на нихъ и говоритъ не прямо, а въ видѣ сомнѣнія: *еда како приидѣ, не яцѣхъ же хочу*. Не сказалъ: добродѣтельными, но: *не яцѣхъ же хочу*,—вездѣ употребляя слова, выражающія дружескую любовь. И слово—*обрящу* выражаетъ нѣчто неожиданное, равно какъ и: *обрящуся вамъ*, поскольку то и другое—дѣло не произвольное, но необходимое, имѣющее начало въ васъ самихъ. Поэтому говоритъ: *обрящуся, якова же не хотите*. Не сказалъ и здѣсь: каковымъ я не хочу, но гораздо разительнѣе—*якова же не хотите*. Это было уже въ его волѣ, хотя не главнымъ образомъ, однако же въ его волѣ. Онъ могъ опять сказать: каковымъ я не хочу, и тѣмъ показать свою любовь; но не хочетъ, чтобы ослабѣвалъ слушатель; при томъ и рѣчь его въ такомъ случаѣ была бы гораздо строже. А теперь онъ и имъ сильнѣе далъ почувствовать, и себя показалъ болѣе кроткимъ. Такъ свойственно дѣйствовать его благоразумію,—чтобы и рана была глубже, и ударъ легче. Потомъ, въ виду того, что сказанное было неясно, онъ раскрываетъ это, говоря: *да не како ревнѣя, заисты, ярости, клеветы, шептанія, киченія*. Такимъ образомъ, что надлежало сказать въ началѣ, онъ говоритъ въ концѣ;—потому что они возражали противъ него. Итакъ, не желая подать вида, что главнымъ образомъ ищетъ своего, говорить сначала вообще.

2. Дѣйствительно, все вышеуказанное — клеветы, обвиненія, разногласія—порождено было завистью. Зависть, какъ вредный корень, порождала раздраженіе, осужденіе, высокоуміе, и все прочее, а чрезъ нихъ и сама еще болѣе возрастала. *Да не паки приидѣши смиритъ мя Богъ мой у васъ* (ст. 21). Въ словѣ—*паки* новый упрекъ. Довольно и прежняго, говоритъ онъ; о чемъ и въ началѣ говорилъ: *щадя васъ, не приидохъ въ Коринѣ* (1, 23). Видишь, какъ онъ указываетъ и негодованіе и сердоболіе? Что

же значить слово—*смирить*? Обвинять, наказывать, требовать 592 отчета, возсѣдать въ качествѣ суди — составляетъ повидимому славу, а онъ называетъ все это смиреніемъ. Онъ не только не стыдился этого смиренія, того, что пришествіе тѣла его немощно и слово уничиженно, но даже желалъ всегда быть таковымъ и просилъ, чтобы не дойти до противнаго состоянія. Объ этомъ дальше онъ говоритъ яснѣе, показывая, что считаетъ для себя наибольшимъ смиреніемъ дойти до необходимости карать и наказывать. Но почему онъ на сказалъ: да не пришедъ смирюся, но: *да не пришедша смирить мя Богъ мой?* Если бы это было не для Бога, говорить онъ, я не обратилъ бы на то вниманія, не беспокоился бы о томъ, потому что я не самовластно и не самовольно налагаю наказаніе, но по (Божію) повелѣнію. Выше онъ то же самое выразилъ, сказавъ: *обрящуся, якова же не хочетъ*; а здѣсь ослабляетъ рѣчь и говоритъ съ большею снисходительностью и кротостью: *восплачуся многихъ согрѣшившихъ*, — не просто *согрѣшившихъ*, но—*не покаявшихся*. И не сказалъ: *всѣхъ*; но—*многихъ*, причемъ и этихъ многихъ не объявляетъ по имени, облегчая и этимъ для нихъ возвратъ на путь покаянія; и давая знать, что покаяніе можетъ исправить ихъ преступленія, оплакиваетъ только нераскаивающихся, неисцѣлимо больныхъ, остающихся въ язвахъ. Итакъ, представь себѣ, какова добродѣтель апостола, если онъ, не зная за собою ничего худого, плачетъ о чужихъ грѣхахъ и смиряется за преступленія другихъ. Въ этомъ преимущественно и состоитъ долгъ учителя, чтобы соболѣзновать о несчастіяхъ учениковъ, чтобы плакать и рыдать о язвахъ людей, ему подначальныхъ. Потомъ исчисляетъ и роды грѣха: *о студолюбостіи и нечистотѣ, яже содѣяша*. Хотя самъ (апостолъ) разумѣетъ здѣсь блудъ, но если тщательно вникнуть въ дѣло, то можно назвать этимъ именемъ и всякій родъ грѣха, потому что хотя блудникъ и прелюбодѣй по преимуществу называются нечистыми, но и другіе грѣхи производятъ нечистоту въ душѣ. Вотъ почему и Христосъ называетъ іудеевъ нечистыми, обвиняя ихъ не въ одномъ блудѣ, но и въ другихъ порокахъ. Потому и говорить, что они очистили только вѣншее (Мѡ. ххш, 26), и что *не входящее сквернитъ челоуѣка, но исходящее* (Мѡ. ху, 11). И въ другомъ мѣстѣ сказано: *нечистъ предъ Господомъ всякъ высокосердый* (Притч. хvi, 5). И вполне справедливо, потому что ничего нѣтъ чище добродѣтели, и ничего—грязнѣе порока. Добродѣтель свѣтлѣе солнца, а порокъ смрадиѣ навоза. И это могутъ засвидѣтельствовать сами погрязшіе въ навозѣ и живущіе во тьмѣ, если кто-нибудь хотя нѣсколько откроетъ имъ глаза. Доколѣ они остаются сами съ собою, и упиваются страстью, до тѣхъ поръ, пребывая какъ бы

во тѣмъ, они безстыдно погрязаютъ въ мерзостяхъ порока, и хотя чувствуютъ свое положеніе, но не совершенно. Когда же кто-нибудь изъ добродѣтельныхъ обличаетъ ихъ, или только являетсѣ предъ ними, тогда они яснѣе видятъ свое жалкое положеніе, и какъ бы освѣщаемые солнечнымъ лучемъ, скрываютъ свою гнусность и стыдятся знакомыхъ, хотя одинъ рабъ, а другой свободный, одинъ царь, а другой подданный. Такъ устыдился Ахаавъ, увидѣвъ Ілію, и, раньше, чѣмъ послѣдній сказалъ что-нибудь, уловленъ былъ его однимъ взоромъ. Обвинитель молчалъ, а онъ самъ произнесъ осуждающій его приговоръ, говоря, какъ попавшійся въ плѣнъ: *обрълъ еси мя, враже мой* (3 Цар. ххі, 20). Такъ самъ Ілія безбоязненно говорилъ тогда мучителю. Такъ Иродъ, не снося стыда отъ обличеній (а великій и трубный гласъ пророческаго языка явно укорялъ его), ввергъ въ темницу Іоанна. Какъ бы будучи обнаженнымъ, онъ хотѣлъ погасить свѣтильникъ, чтобы опять остаться во мракѣ. Или лучше—самъ не дернулъ погасить, но поставилъ въ дому, какъ бы подъ спудомъ, а жалкая и несчастная женщина принудила его сдѣлать это. Но и такимъ образомъ они не могли скрыть обличенія, а только еще болѣе обнаружили его, такъ какъ и спрашивавшіе: за что Іоаннъ посаженъ въ темницу?—узнавали причину, а въ послѣдствіи и всѣ населяющіе море и сушу, всѣ, сколько доселѣ было, есть и будетъ людей, ясно узнали и будутъ узнавать объ ихъ гнусныхъ дѣлахъ, т. е. о распутствѣ и убійствѣ, и никакое время не сможетъ истребить памяти объ этомъ преступленіи.

3. Такова добродѣтель! Такъ безсмертна память ея! Такъ однимъ словомъ поражаетъ она своихъ противниковъ! Дѣйствительно, за что (Иродъ) заключилъ (Іоанна) въ темницу? Почему не оставилъ его безъ вниманія? Ужели бы (Іоаннъ) повлекъ его въ судилище? Ужели бы наказалъ за прелюбодѣяніе? Все сказанное (Іоанномъ) не состояло ли въ одномъ обличеніи? Чего же (Иродъ) боялся и трепеталъ? Не простая ли это была рѣчь, не одни ли только слова? Но они уязвляли его сильнѣе самаго дѣла. (Іоаннъ) не повелъ его въ обыкновенное судилище, но предаль его на иной судъ, судъ собственной совѣсти, и всѣхъ поставилъ надъ нимъ судіями, всѣ въ сердцѣ своемъ полновластно произносили тогда надъ нимъ приговоръ. Потому-то тиранъ и трепеталъ, не снося сіянія добродѣтели. Видишь ли, какова сила любви-мудрости? Оно узника сдѣлало славнѣе тирана, такъ что послѣдній страшился и трепеталъ перваго. Но (Иродъ) заключилъ только въ оковы (Іоанна); а беззаконная (Иродіада) подвигла и на убійство. Между тѣмъ (Іоанново) обвиненіе падало больше на него, потому что не ей говорилъ тогда (Іоаннъ): для чего ты живешь

съ тираномъ? Не обличалъ же ее не потому, чтобы она не подлежала отвѣтственности (могло ли это быть?), но потому, что онъ хотѣлъ исправить все (начавъ съ Ирода). Поэтому и укорялъ его одного, и мало того,—даже и его укорялъ не строго. Не говорилъ: скверный и гнусный, беззаконный и мерзкій! Ты попралъ законъ Божій, презрѣлъ заповѣди Божіи, и силу свою сдѣлалъ для себя закономъ. Онъ не сказалъ ничего такого, но и въ обличеніяхъ его видна большая умѣренность и кротость: *не достоинъ тебѣ имѣти*, говорилъ онъ, *жену Филиппа брата твоего* (Мрк. vi, 18). Такія слова болѣе приличны учащему, нежели обличающему; вразумляющему, нежели наказывающему; руководствующему, нежели позорящему; исправляющему, нежели нападающему. Но, какъ я сказалъ, вору враждебенъ свѣтъ, грѣшникамъ ненавистенъ праведникъ, даже и при одномъ своемъ появленіи: *тяжескъ намъ и къ видѣнію* (Прем. п, 15). (Грѣшники) не могутъ сносить лучей его, какъ больные глазами—лучей солнечныхъ. А многимъ грѣшникамъ тяжело не только видѣть праведника, а даже и слышать о немъ. Вотъ почему и та скверная и гнусная женщина, наставница, или лучше сказать, убійца своей дочери, хотя сама даже не видала (Іоанна) и не слыхала его рѣчей, устремилась на убійство, и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убійство. Такъ сильно боялась она (Іоанна)! И что говорить? *Дажь ми зѣтъ на блюдъ главу Іоанна Крестителя* (Мѣ. xiv, 8). Бѣдная и несчастная, въ какую несешься ты пропасть? Развѣ пришелъ твой обличитель? Развѣ онъ предъ тобою, и беспокоитъ тебя? Иные говорили: *тяжескъ есть намъ и къ видѣнію*; а ей, какъ сказалъ я, *тяжескъ былъ и для слуха*, почему и она говоритъ: *даждь ми зѣтъ на блюдъ главу Іоанна*. За тебя (Ирадіада, Іоаннъ) въ темницѣ, за тебя заключенъ въ оковы; ты можешь тщеславиться любовью царя и говорить: я овладѣла имъ, онъ и всенародно обличенный не охладѣлъ ко мнѣ, не пересталъ меня любить, не отвергъ любодѣанія со мною, но даже и обличителя заключилъ въ оковы. Что же ты бѣсишься и неистовствуешь, когда и по обличеніи грѣха пмѣешь мужа? Для чего ищешь трапезы фурій и готовишь пиръ для убійцъ—демоновъ? Видишь ли, какъ ничтожна, какъ робка, какъ безсильна злоба, какъ она чѣмъ болѣе одолѣваетъ, тѣмъ становится слабѣе? (Иродіада) не столько беспокоилась, когда Іоаннъ еще не былъ заключенъ въ темницу, сколько тревожится, когда онъ уже связанъ. И потому настоятельно просить: *даждь ми зѣтъ на блюдъ главу Іоанна*. Для чего же—зѣтъ? Боюсь, говоритъ она, чтобы не обманули ложнымъ извѣстіемъ объ убіеніи, чтобы кто-нибудь не избавилъ (Іоанна) отъ гибели. Но почему просишь не всего мертвеца, а одну главу?

Страстно желаю, говорить, видѣть безмолвнымъ языкъ, оскорбившій меня. Но, бѣдная и несчастная! Ты увидишь противное (какъ то и случилось): отсѣченная голова будетъ говорить еще громче прежняго. Тогда Іоаннъ вопіалъ въ одной только Іудеѣ, а теперь его гласъ доидетъ до предѣловъ вселенной; и гдѣ ни войдешь въ церковь, у мавровъ ли, или у персовъ, или даже на британскихъ островахъ,—вездѣ услышишь вопіющаго Іоанна: *не достоинъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего*. Но (Иродіада) не умѣла разсуждать; она неотступно проситъ, требуетъ, понуждаетъ несмысленнаго тирана совершить убійство, боясь, чтобы онъ не одумался. А ты и отсюда познай опять силу добродѣтели. Не выносить праведника, когда онъ заключенъ даже въ темницу, находится въ оковахъ, молчитъ. Видишь ли, какъ порокъ безсиленъ и какъ нечистъ? Вотъ вносятъ на блюдѣ чело- 595 вѣческую главу вмѣсто снѣдей. Что отвратительнѣе, что порочнѣе, что безстыднѣе этой дѣвицы? Что она сказала на діавольскомъ зрѣлищѣ, на демонскомъ пиршествѣ? Видишь ли языкъ и еще языкъ,—одинъ доставляетъ спасительныя врачества, а другой носить на себѣ ядъ и уготовляетъ діавольское пиршество. Но почему она не велѣла обезглавить его среди самаго пиршества, что доставило бы ей болѣе удовольствія? Опасалась, чтобы (Іоаннъ), представши на пиршествѣ, своимъ видомъ и дерзованіемъ не преклонилъ къ себѣ всѣхъ. Потому и требуетъ главы, желая воздвигнуть блистательный памятникъ любодѣянію. *И даде матери своей* (Мрк. vi, 28).

4. Видишь ли награду за пляску? Видишь ли добычу діавольскихъ козней? Я разумѣю не главу Іоанна, но самого мужа (Ирода). Въ самомъ дѣлѣ, кто тщательно вникнетъ, тотъ увидитъ, что надъ царемъ одержана побѣда, что побѣдительница сама побѣждена, а обезглавленный увѣнчанъ, провозглашенъ побѣдителемъ, и по смерти своей еще сильнѣе поражаетъ страхомъ сердца грѣшниковъ. А что сказанное не пустыя слова, спроси самого Ирода. Когда онъ слышалъ о чудесахъ Христовыхъ, то 596 говорилъ: *сей есть Іоаннъ; той воскресъ отъ мертвыхъ и сего ради силы дѣются о немъ* (Мѡ. xiv, 2). Такъ сильно онъ боялся и непрестанно трепеталъ, и никто не могъ освободить его отъ страха совѣсти; напротивъ—судія этотъ оставался неподкупнымъ, мучилъ его, и каждодневно наказывать за убійство. Итакъ, зная это, убоялся не претерпѣвать, но дѣлать зло. Одно есть побѣда, а другое—пораженіе. Потому и Павелъ говорилъ: *почто не паче обидими есте? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (1 Кор. vi, 7. 8). Терпящему зло готовы вѣнцы, награды и прославленіе. И это можно видѣть на всѣхъ святыхъ. Если же всѣ такимъ

образомъ увѣнчаны и провозглашены побѣдителями, то и мы пойдемъ тѣмъ же путемъ; будемъ молиться, чтобы не впасть въ искушеніе; а если оно придетъ, то, вооружившись мужествомъ, покажемъ должную ревность, чтобы получить намъ будущія блага, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

593 Третицею се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь (хш, 1).

1. Любомудріе Павла и его отеческое сердоболіе можно видѣть изъ многоаго другого, а преимущественно изъ того, что онъ въ увѣщаніяхъ обилень и строгъ, а въ наказаніяхъ мягокъ и медлителень. Онъ не тотчасъ наказалъ согрѣшившихъ, но двукратно увѣщевалъ ихъ; мало того, даже и послѣ того, какъ они преслушали его увѣщанія, не наказываетъ, но опять увѣщеваетъ, говоря: *се третицею гряду къ вамъ*, а до пришествія пишу еще посланіе. А чтобы медленность не произвела безпечности, смотри, какъ и это предотвращаетъ, непрестанно угрожая, напрягая ударъ и говоря: *еще прииду паки, не пощажу*; и еще: *да не приидѣ, восплачуся многихъ*. Такъ поступаетъ онъ и говоритъ, подражая въ этомъ случаѣ Владыкѣ всѣхъ. И Богъ, хотя непрестанно угрожаетъ, и многократно увѣщеваетъ, но не часто караетъ и наказываетъ. Такъ поступаетъ и онъ. Потому и прежде говорилъ: *щадя васъ, ктому не придохъ въ Коринѣ* (1, 28). Что значить—*щадя васъ*? Т. е., чтобы, нашедши васъ согрѣшившими и неисправившимися, не подвергнуть васъ карѣ и наказанію. И здѣсь, говоря: *третицею се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь*—прилагаетъ неписанное къ написанному. Такъ поступилъ онъ и въ другомъ случаѣ, сказавъ: *приплывая къ сквернодѣйцѣ, едино тѣло есть: будета бо, рече, оба въ*
596 *плоть едину* (1 Кор. vi, 16). Хотя послѣднія слова сказаны о законномъ бракѣ, но онъ удачно ими воспользовался для своего предмета, чтобы тѣмъ болѣе утѣшить. Такъ поступаетъ и здѣсь, вмѣсто свидѣтелей представляя свои пребыванія (въ Коринѣ) и свои увѣщанія. Слова его имѣютъ такой смыслъ: разъ и другой говорилъ я вамъ, когда приходилъ къ вамъ; говорю и теперь на письмѣ. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желаніе; если же не послушаете, то надобно уже будетъ сдѣлать сказан-

ное мною, и наложить наказаніе. Поэтому и говоритъ: *прежде тѣхъ и предлагалю, яко у васъ бысть второе, и отсутствую нынѣ пишу, прежде согрѣшившихъ и прочимъ есмь, яко аще прииду паки, не пощажу* (ст. 2). Если *при устѣхъ двою или тріею свидѣтелей станеть ескаго злаго*, а я уже два раза былъ у васъ и говорилъ, теперь же говорю на письмѣ, то мнѣ надобно будетъ сдержать свое слово. Не думайте, чтобы посланіе мое къ вамъ было маловажнаго личнаго моего у васъ присутствія. Какъ будучи у васъ я говорилъ, такъ и находясь въ отсутствіи пишу. Видишь ли отеческую заботливость? Видишь ли подобающую учителю попечительность? Онъ и не смолчалъ, и не наказалъ; нѣсколько разъ предвѣщаетъ, и не перестаетъ грозить, но наказаніе откладываетъ; если же и послѣ этого не исправятся, тогда уже угрожаетъ дѣйствительнымъ наказаніемъ. Что же ты прежде говорилъ, будучи въ Коринѣ, и что пишешь теперь, находясь въ отсутствіи? *Яко аще паки прииду, не пощажу*. Сперва сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, если не будетъ къ тому принужденъ, и необходимость наказывать назвалъ плачемъ и смиреніемъ для себя: *да не паки, говорить, пришедши мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся мнози прежде согрѣшившихъ и не покающихся*; даже оправдывался предъ ними, что уже разъ, и два, и три предвѣрялъ ихъ, что все дѣлаетъ и придумываетъ, какъ бы обойтись безъ наказанія и исправить ихъ словесными только угрозами; и послѣ этого только уже произносить грозныя эти слова: *аще паки прииду, не пощажу*. Не сказалъ: *отмщу, накажу, предамъ истязанію*, но и о самомъ наказаніи опять выражается отечески, показывая свою къ нимъ любовь и сострадательность, по которымъ, щадя ихъ, доселѣ отлагалъ (наказаніе). Потомъ, чтобы они и теперь не подумали, что (наказаніе) опять будетъ отложено и угрозы только на словахъ, онъ какъ выше сказалъ: *при устѣхъ двою или тріею свидѣтелей станеть ескаго злаго*, такъ и здѣсь присовокупляетъ: *аще паки прииду, не пощажу*. Слова эти значатъ: я уже не отложу (наказанія), если,—чего не дай Богъ!—найду васъ не исправившимися, но непременно накажу, и исполню, что сказалъ. Вслѣдъ затѣмъ съ великимъ гнѣвомъ и съ сильнымъ негодованіемъ на тѣхъ, которые смѣялись надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ слабымъ, и о прибытіи его (въ Коринѣ) шутя говорили: *пришествіе немощно и слово уничиженно* (1, 10),—какъ бы обращая къ нимъ рѣчь свою, говоритъ: *послѣ искушенія ищите глаголющаго во мнѣ Христа* (ст. 8)? Это сказалъ онъ, чтобы нанести и ударъ (джеапостоламъ), и вмѣстѣ дать почувствовать всѣмъ имъ (коринѣянамъ). Смыслъ же словъ его такой: такъ какъ вы хотите испытать, обитаетъ ли во мнѣ

Христось, потребуєть отъ меня доказательствъ, и потому. смѣтесъ надо мною, какъ надъ человѣкомъ низкимъ, и презрѣннымъ, не имѣющимъ въ себѣ силы Христовой, то узнаете, что я не лишень ея, если подадите къ тому случай, чего впрочемъ да не будетъ. Что же,—скажи мнѣ,—за то ли хочешь наказать, что они ищутъ доказательства? Нѣтъ, говорить. Если бы я искалъ случая наказать ихъ, то съ самаго же начала наказалъ бы согрѣшившихъ, и не сталъ бы медлить. А что онъ точно не желаетъ наказывать, это онъ ясно показалъ въсплѣдствіи словами: *молюся же не сотворити вамъ ни единого зла, не яко да мы искусни явимся, но чтобы вы были искусны, мы же яко неискусны будемъ* (ст. 7).

2. Итакъ онъ говорить это не въ видѣ причины, но выражая скорѣе свое негодованіе, и желая дать почувствовать это тѣмъ, которые его презирали. Я не хочу, говорить онъ, показать надъ вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай, и захотите вызвать меня на то, то узнаете на самомъ дѣлѣ. И смотри, съ какою суровостію говорить онъ. Не сказалъ: такъ какъ вы стараетесь искусить меня, но: *слагалющаго во мнѣ Христа*,—показывая тѣмъ, что они противъ Его согрѣшили. Не просто сказалъ: во мнѣ обитающаго, но—*слагалющаго*,—показывая тѣмъ, что слова его внушены Духомъ Святымъ. И если (Христось) не обнаруживаетъ силы Своей, и не наказываетъ,—(апостолъ) для того переносить рѣчь отъ себя (ко Христу), чтобы сдѣлать угрозы болѣе страшными,—то не по немощи,—такъ какъ Онъ всемогущъ,—но по долготерпѣнію. Итакъ никто пусть не почитаетъ терпѣнія (Господня) немощію! Чему ты, въ самомъ дѣлѣ, дивисься, если (Господь) не прозаносятъ теперь же суда на грѣшниковъ и не подвергаетъ ихъ наказанію; но медлитъ и долго-
506 терпитъ, когда Онъ благоволилъ быть распятымъ на крестѣ, и терпя крестныя страданія, не наказывалъ? Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *Иже отъ васъ не немощаетъ, но можетъ отъ васъ. Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божіа* (ст. 4). Слова эти очень не ясны, и смущаютъ немощныхъ. Поэтому нужно раскрыть ихъ яснѣе, и показать истинное значеніе этого выраженія, заключающаго въ себѣ неясность, чтобы никто и изъ простыхъ не соблазнялся.

Итакъ требуется объяснить, какой смыслъ сказаннаго, что значить слово — *немощь* (*ἀδυναμία*), и въ какомъ значеніи оно употреблено. Въдъ одно и тоже слово имѣетъ многія значенія. Такъ немощію называется болѣзнь тѣлесная, почему и сказано въ Евангеліи о Лазарѣ: *се, егоже любими, болитъ* (немоществуетъ — *ἀδυνατεί*) (Іоан. xi, 3). И самъ (Христось) сказалъ: *сія болѣзнь* (немощь—*ἀδυναμία*) *не къ смерти* (ст. 4). И Павелъ объ Епафродитѣ

сказалъ: *близъ (ῥοδόντος) близъ смерти, но Богъ помилова его* (Филип. II, 27); и о Тимоѣѣ: *мало вина приѣмили, stomacha ради твоего и частей твоихъ недуговъ (ἀσθενείας)* (1 Тим. V, 23). Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ, слово—немошь означаетъ тѣлесный недугъ. Немошью называются также нетвердость, колеблемость и несовершенство въ вѣрѣ. Въ такомъ смыслѣ Павелъ говорилъ: *изнемогающаго въ вѣрѣ приѣмлите, не въ сомнѣніе помысленій* (Рим. XIV, 1). И въ словахъ: *оно бо въруеть ясти вся, а изнемогаий зелія да ясть* (Римл. XIV, 2), разумѣетъ немошнаго въ вѣрѣ. Вотъ два значенія слова—немошь. Но и еще нѣчто называется немошью. Что же такое? Гоненія, навѣты, оскорбленія, искушенія, бѣдствія. И въ такомъ смыслѣ Павелъ говорилъ: *о семъ трикратно Господа молихъ. И рече ми: дозволеть ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Что значить—въ немощи? Въ гоненіяхъ, въ опасностяхъ, въ искушеніяхъ, въ навѣтахъ, въ различныхъ родахъ смерти. И въ томъ же смыслѣ (апостолъ) сказалъ: *тѣмже благоволю въ немощи* (XII, 10). Показывая затѣмъ, о какой говорить немощи, не упомянулъ о горячкѣ или о сомнѣніи въ вѣрѣ; но что сказалъ? *Въ досажденіихъ, во изгнаніихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, да вселится въ мя сила Христова. Егда бо немошствую, тогда силенъ есмь* (XII, 9, 10; XI, 23). Когда, говорятъ, меня преслѣдуютъ, когда гоняютъ, когда противъ меня злоумышляютъ, тогда силенъ есмь, тогда больше всего побѣждаю и преодолеваю злоумышляющихъ, помощію живущей во мнѣ обильной благодати. Въ этомъ-то третьемъ значеніи Павелъ и употребилъ слово—немошь. И вотъ смыслъ сказаннаго. (Апостолъ) клонить рѣчь къ тому же, что говорилъ прежде, именно, что (коринѣяне) почитали его низкимъ и презрѣннымъ. Такъ какъ онъ не хотѣлъ хвалиться, не хотѣлъ, чтобы и другіе разумѣли его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не хотѣлъ показать силу, которую имѣлъ для наказанія непокорныхъ, то и почитали его ничего не значущимъ. И такъ какъ думавшіе такимъ образомъ оставались въ крайней безпечности и нечувствительности, и не исправлялись отъ грѣховъ, то (апостолъ), пользуясь благоприятнымъ случаемъ, въ выраженіяхъ весьма сильныхъ разсуждаетъ и о нихъ, показывая, что онъ ничего не сдѣлалъ имъ не по немощи, но по долготерпѣнію. Потомъ, какъ я уже сказалъ, переноситъ рѣчь отъ себя ко Хри- 599

сту и тѣмъ умножаетъ страхъ, увеличиваетъ угрозу. Слова же его имѣютъ такой смыслъ: если сдѣлаю что, накажу и покараю согрѣшившихъ, то развѣ я буду карать и наказывать ихъ? Накажетъ Христосъ, Который обитаегъ во мнѣ. Если же не вѣрите тому, и хотите видѣть доказательство, то скоро узнаете

нѣз дѣйстви́й Живущаго во мнѣ, такъ какъ Онъ не *изнемогаетъ* *оъ васъ, но можетъ*. Для чего (апостоль) прибавилъ — *оъ васъ*, когда (Христось) вездѣ силенъ? Захочетъ ли Онъ наказати не-
вѣрныхъ, или демоновъ, или кого другого,—Онъ все можетъ. Что же значить это прибавленіе? (Апостоль) или хочеть присты-
дить ихъ тѣмъ, что они сами уже испытали, или выражаетъ то, что (Христось) теперь показываетъ силу въ васъ, которые
должны исправиться. Такъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *что бо*
мы и отпшнихъ судити (1 Кор. v, 12)?

8. Внѣшнихъ, говорятъ онъ, будетъ судить Богъ въ день
суда; а васъ хочеть наказати еще нынѣ, чтобы избавити отъ бу-
дущаго наказанія. Но смотри, какъ при всей своей попечитель-
ности, происходящей отъ отеческаго сѣрдобо́лія, (апостоль) даетъ
мѣсто страху и великому гнѣву, говоря: *Иже оъ васъ не изнемо-*
гаетъ, но можетъ оъ васъ. Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но
живъ есть отъ силы Божіей. Что значать слова: *аще и распятъ бысть*
отъ немощи? То, что хотя (Христось) благоизволилъ пострадать,
что имѣло видъ немощи, но это нисколько не уменьшаетъ Его
силы. Сила Его пребываетъ непобѣдимой, и то, что имѣло видъ
немощи, нимало не повредило ей; напротивъ, оно-то наиболѣе и
показало Его крѣпость въ томъ, что и страданіе претерпѣлъ Онъ,
и сила Его чрезъ то не сократилась. Итакъ, да не смущаетъ
тебя слово—*немощь*, потому что и въ другомъ мѣстѣ (апостоль)
говорить: *буге Божіе премудрѣе челоувѣкъ есть, и немощное Божіе*
крѣпче челоувѣкъ есть (1 Кор. i, 25); хотя въ Богѣ нѣтъ ничего
буяяго, ничего слабаго, но такъ (апостоль) назваъ крестъ, пред-
ставляя мнѣніе о немъ невѣрныхъ. Послушай, какъ самъ онъ
толкуеть слова свои: *слово бо крестное погибающимъ убо юродство*
есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. И еще: *мы же протем-*
дуемъ Бога распята, *Иудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе,*
самымъ же званымъ Иудеемъ же и Еллиномъ Христа, Божію силу
и Божію премудрость (1 Кор. i, 18, 23, 24). И въ другомъ мѣстѣ:
душевенъ же челоувѣкъ не приѣмлетъ, яже Духа; юродство бо ему есть
(ц, 14). Смотри, какъ вездѣ онъ налагаеть мнѣніе невѣрныхъ,
почитающихъ крестъ юродствомъ и немощію. Такъ и здѣсь го-
ворить не о дѣйствительной немощи, но о воображаемой невѣ-
рующими. Итакъ (апостоль) не то говорить, что (Христось) рас-
пять по немощи,—да не будетъ этого!—вѣдь Онъ во всемъ пока-
завъ, что могъ быть и не распять, то повергнувъ ницъ на
600 землю (пришедшихъ съ Іудею, Іоан. xviii, 6), то помрачивъ
солнце, то засушивъ смоковницу, то ослѣпивъ очи хотѣвшихъ
взяти Его, и сотворивъ другія безчисленныя чудеса. Что же
значить выраженіе—*отъ немощи*? То, что хотя Христось былъ и

распятъ, претерпѣлъ бѣдствія и навѣты, — а мы уже доказали, что навѣты и бѣдствія называются немощію, — однако Онъ не понесъ никакого вреда. И все это (апостолъ) сказалъ для того, чтобы примѣнить къ самому себѣ. Такъ какъ (коринѣяне) видѣли, что (апостолы) были гонимы, преслѣдуемы, презираемы, и Богъ не отомщалъ за нихъ, и сами они не вступались за себя, то, чтобы научить ихъ, что они терпятъ все это не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указываетъ на примѣръ Владыки. Такъ, говорить, и самъ (Господь) былъ распятъ, связанъ, терпѣлъ безчисленныя мученія, но не мстилъ за Себя; напротивъ, понесъ все, что казалось немощію, и въ этой немощи явилъ силу свою, — потому что не потерпѣлъ никакого вреда, хотя и не мстилъ и не вступался за Себя. Крестъ не пресѣкъ жизни Его, не воспрепятствовалъ воскресенію; напротивъ — (Христосъ) воскресъ, и живетъ. А когда слышишь о крестѣ и жизни, разумѣй это о домостроительствѣ спасенія, потому что о немъ идетъ вся рѣчь. А когда (апостолъ) говоритъ: *отъ силы Божіей*, онъ не разумѣетъ, что (Христосъ) не могъ самъ оживотворить плоти Своей, а показываетъ только, что безразлично — сказать ли: силою Отца, или: силою Сына; и потому сказавъ: *отъ силы Божіей*, то же сказалъ, что и — Своею силою. А что (Христосъ) дѣйствительно самъ воздвигъ и воскресилъ плоть Свою, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ о томъ: *разорите церковь сію, и азъ трети днми воздвигну ю* (Іоан. п, 19). Если же (Христосъ) принадлежащее Ему называетъ принадлежащимъ Отцу, не приходи отъ этого въ смущеніе. *Вся бо*, говоритъ Онъ, *яже Отца Моего Моя суть* (Іоан. хvi, 15); и въ другомъ мѣстѣ: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (хvii, 10). Итакъ, говорить (апостолъ), какъ (Христосъ), будучи распятъ, не потерпѣлъ никакого вреда, такъ и мы, когда насъ гонятъ и вооружаются на насъ (не терпимъ вреда). Потому и присовокупляетъ: *ибо и мы немоществуемъ въ Немъ, но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божіей*. Что значитъ: *немоществуемъ въ Немъ*? Подвергаемся гоненіямъ, притѣсненіямъ, и терпимъ крайнія бѣдствія. А что значитъ — *въ Немъ*? То, что терпимъ за проповѣдь и за вѣру въ Него. Если же терпимъ за Него все скорбное и тягостное, то несомнѣнно получимъ и радостное. Поэтому (апостолъ) и говоритъ далѣе: *но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божіей. Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христосъ въ васъ есть, развѣ точію чимъ неiskusни есте?* Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмь неiskusни (ст. 5, 6). (Апостолъ) выше доказалъ, что если не наказываетъ (коринѣяны), то не потому, чтобы не имѣлъ въ себѣ Христа, но потому, что подражаетъ Его долготерпѣнію,

такъ какъ самъ (Господь) былъ распятъ, и не отмстилъ за Себя. И теперь доказываетъ то же, но другимъ образомъ и гораздо убѣдительнѣе, извлекая доказательство изъ примѣра учениковъ. Что мнѣ говорить о себѣ-учителѣ, который имѣю столько попеченій, которому ввѣрена цѣлая вселенная, который совершилъ 601 столько чудесъ? И вы сами, находящіеся въ числѣ учениковъ, если захотите испытать самихъ себя, усмотрите, что и въ васъ обитаетъ Христосъ. Если же въ васъ, то тѣмъ болѣе въ учителѣ. Если вы имѣете вѣру, то и Христосъ въ васъ. И это самое сказано имъ о такихъ вѣрующихъ, которые творили чудеса, потому что вѣрующіе въ то время чудодѣйствовали. Поэтому (апостолъ) и прибавляетъ: *себе искушайте, аще есте съ отвѣтъ, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христосъ съ васъ, развѣ точію чимъ неiskusни есте?* Если же въ васъ, то тѣмъ болѣе въ учителѣ. Мнѣ кажется, что (апостолъ) здѣсь говорить о вѣрѣ чудодѣйствующей. Если вы имѣете, говорить онъ, эту вѣру, то Христосъ въ васъ: *развѣ точію чимъ неiskusни* сдѣлались вы.

4. Видишь ли, какъ опять онъ устрашаетъ, и со всею ясностію показываетъ, что Христосъ съ нимъ? Здѣсь, мнѣ кажется, онъ указываетъ (коринѣянамъ) и на жизнь. Такъ какъ одна вѣра недостаточна къ полученію духовной силы (чудотворенія); а онъ сказалъ, что если вы пребываете въ вѣрѣ, то имѣете въ себѣ Христа, между тѣмъ какъ многіе, имѣя вѣру, не имѣли этой силы чудодѣйственной,—то, разрѣшая недоумѣніе, онъ и говорить: *развѣ точію чимъ неiskusни есте*, т. е. развѣ порочна жизнь ваша. *Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмь неiskusни.* Слѣдовало сказать: если вы сдѣлались и неiskusны, все же мы не неiskusны. Но не такъ онъ говорить, чтобы не оскорбить ихъ, а выражаетъ это прикровенно; не говорить утвердительно—вы неiskusны; не предлагаетъ и въ видѣ вопроса: развѣ вы неiskusны? Но оставляя это, выражаетъ то же самое скрытнымъ образомъ, говоря: *уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмь неiskusни.* И здѣсь опять сильная угроза, великій страхъ. Если вы хотите, говорить, чтобы я доказалъ вамъ это, наказавъ васъ, то мы не затруднимся дать вамъ такое доказательство. Впрочемъ, онъ не такъ говорить, но съ большею строгостію и угрозою: *уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмь неiskusни.* Вамъ и безъ этого, говорить онъ, надлежало знать нашу силу и то, что въ насъ говорить и дѣйствуетъ Христосъ; но такъ какъ вы хотите испытать это на самомъ дѣлѣ, то узнаете, что *мы нѣсмь неiskusни.* Потомъ, въ виду того, что онъ простеръ угрозу далеко, поставилъ наказаніе у самыхъ уже дверей, привелъ (коринѣянъ) въ трепетъ и заставилъ ожидать казни,—то смотри, какою сладостію

опять растворяетъ свое слово, какъ умѣряетъ ихъ страхъ и показываетъ свою невзыскательность, попечительность объ ученикахъ, любомудріе, высоту, и свободу отъ тщеславія. Все это онъ выражаетъ въ слѣдующихъ далѣе словахъ: *молюся же къ Богу, не сотворити вамъ ни единого зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будемъ. Ничто же бо можемъ на истину, но по истинѣ. Радуемся бо, егда мы немооществуемъ, вы же сильни бываете. О семъ бо и молимся, о вашемъ совершеніи* (ст. 7—9).

Гдѣ можно найти душу подобную (Павловой)? Его презирали, унижали, осмѣивали, надъ нимъ издѣвались, какъ надъ 602 человѣкомъ ничтожнымъ, ничего незначащимъ, хвастливымъ, который величается только на словахъ, а на дѣлѣ нисколько не можетъ показать своей силы; а онъ не только медлитъ, не только не хочетъ наказывать, но еще молить Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. *Молюся же, говорить онъ, не сотворити вамъ ни единого зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будемъ.* Что значать эти слова? Прошу и молю Бога, говорить онъ, чтобы мнѣ никого не найти не исправившимся, никого не найти не раскаявшимся. И не только объ этомъ молю, но и о томъ, чтобы вы и не начинали грѣшить, *не сотворити вамъ, говорить онъ, ни единого зла;* а если согрѣшите, то чтобы вы спѣшили покаяться, предварили меня исправленіемъ, и предотвратили всякій гнѣвъ. Я забочусь не о томъ, чтобы явиться предъ вами искуснымъ, но совершенно напротивъ—о томъ, чтобы намъ не явиться искусными. Если, говорить, вы пребываете во грѣхахъ нераскаянными, то необходимо нужно наказывать васъ, подвергнуть истязанію ваши тѣла, какъ поступлено было съ Сапфиромъ и съ волхвомъ (Дѣян. v, 18, 14; xiii, 11),—надъ которымъ мы явили опытъ нашей силы. Но мы не объ этомъ молимся, а напротивъ, чтобы намъ не показывать себя искусными въ такомъ дѣлѣ, то есть, чтобы не дѣлать опыта силы, какая въ насъ, наказывая васъ и карая согрѣшающихъ и болящихъ неисцѣльно. Но о чемъ (молимся)? *Да вы доброе сотворите,* молимся о томъ, чтобы вы всегда пребывали въ добродѣтели, всегда были исправны; *мы же яко неискусни будемъ,* не обнаруживая въ себѣ карающей силы. И не сказать: *неискусни* (будемъ), такъ какъ не сталъ бы неискуснымъ, хотя бы и не наказалъ; напротивъ, чрезъ это самое и показалъ бы себя искуснымъ. Но если нѣкоторые, говорить, и почитаютъ насъ презрѣнными и недостойными уваженія, потому что не показываемъ силы своей, то мы нисколько объ этомъ не заботимся. Лучше намъ навлечь на себя отъ нихъ такое мнѣніе, нежели проявлять дан-

ную намъ отъ Бога силу въ наказаніи людей съ неисправимой душой. *Ничто же бо можемъ на истину, но не истинѣ.* Чтобы не показалось, будто онъ дѣлаетъ такъ изъ угожденія имъ (что чуждо для души, незнающей тщеславія), а напротивъ, что дѣлаетъ то, чего требуетъ самое свойство дѣла, (апостолъ) и присовокупилъ: *ничто же бо можемъ на истину.* Если, говоритъ, найдемъ васъ благоустроенными, сложившими съ себя грѣхи чрезъ покаяніе, и имѣющими дерзновеніе къ Богу, то намъ, хотя бы мы и захотѣли, нельзя будетъ наказать васъ, и, еслибы рѣшились на то, Богъ не будетъ намъ содѣйствовать. Онъ для того далъ намъ силу, чтобы мы произносили приговоръ вѣрно, праведно, а не вопреки истинѣ. Видишь ли, какъ онъ вездѣ смягчаетъ слово свое, и умѣряетъ тяжесть угрозы? И сколько заботился объ этомъ, столько желаетъ показать и свое къ нимъ благорасположеніе. Потому и присовокупилъ: *радуемся бо, егда мы немощствуемъ, вы же сильни бываете.* О семъ же и молимся, о вашемъ совершеніи. Тому особенно радуемся, говоритъ онъ, что ничего не можемъ противъ истины, т. е. не можемъ наказывать васъ, когда вы благоугождаете (Богу). А такъ какъ не можемъ, то и не хотимъ, даже желаемъ противнаго. Но потому-то самому особенно и радуемся, когда не находимъ, что вы подаете намъ причину показать силу нашу въ наказаніи васъ. И хотя и чрезъ то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаемъ противнаго, т. е., чтобы вы были искусны и непорочны, а мы отсюда не приобрѣли себѣ славы. Потому и говоритъ: *радуемся бо, егда мы немощствуемъ.* Что значитъ—*немощствуемъ*? Когда насъ почитаютъ немощными; не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными. А таковыми почитали (апостоловъ) враги за то, что, не обнаруживали карающей своей силы. И все же мы радуемся, когда вы такъ живете, что не подаете намъ повода наказывать васъ. И для насъ пріятно, что почитаютъ насъ въ этомъ отношеніи немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляетъ: *вы же сильни бываете*, т. е. искусны и добродѣтельны. И мы не только желаемъ, но и молимся объ этомъ,—чтобы вы были непорочны, совершенны, и не подавали намъ никакого повода (наказывать васъ).

б. Подлинно отеческая любовь—предпочитать спасеніе учениковъ личной своей славі! Вотъ душа, въ которой нѣтъ мѣста тщеславію. А свобода отъ тщеславія больше всего освобождаетъ отъ оковъ тѣлесныхъ, и возноситъ отъ земли къ небу. Напротивъ, тщеславіе ведетъ ко многимъ грѣхамъ. Да и невозможно стать высокимъ, великимъ и благороднымъ не очистившему себя отъ тщеславія; онъ необходимо пресмыкается долу, и многое пор-

титъ, раболѣпствуя этому гнусному повелителю, болѣе жестокому, чѣмъ всякій варваръ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть свирѣпѣе тщеславія, которое тогда наиболѣе и свирѣпствуетъ, когда наиболѣе ему услуживаютъ? Такого свойства не имѣютъ даже и звѣри, напротивъ, смягчаются, когда за ними ухаживаютъ. А тщеславіе совершенно напротивъ: когда его презираютъ, оно укрощается, а когда чествуютъ, свирѣпѣетъ и вооружается на своихъ почитателей. Служившіе тщеславію іудеи жестоко наказаны; а ученики (Христовы), презиравшіе его, увѣнчаны. Но что говорю о наказаніи и вѣнцахъ? Даже къ тому самому, чтобы сдѣлаться славнымъ, всего болѣе содѣйствуетъ презрѣніе тщеславія. И отсюда видно также, что почитающіе тщеславіе сами себѣ вредятъ; а презирающіе его пріобрѣтаютъ пользу. Ученики (ничто не мѣшаетъ воспользоваться опять тѣмъ же примѣромъ), презрѣвшіе тщеславіе, предпочтившіе славу Божию, сіяютъ свѣтлѣе солнца, стяжавъ себѣ безсмертную память и по кончинѣ. Напротивъ, поработившіеся тщеславію іудеи не имѣютъ теперь ни города, ни домовъ, стали безчестными, нагнанниками, пресельниками, ничтожными, презрѣнными.

Такъ и ты, если хочешь достигнуть славы, отвергай славу; а если будешь гоняться за славой, лишишься славы. Если же угодно, покажемъ то же самое и на дѣлахъ житейскихъ. Кого мы преслѣдуемъ насмѣшками и остротами? Не тѣхъ ли, которые домогаются славы? Они-то, слѣдовательно, всего болѣе и лишены ея, имѣя тысячи обвинителей и находясь у всѣхъ въ безчестіи. А кому, скажи, удивляемся? Не тѣмъ ли, которые презираютъ славу? Они-то, слѣдовательно, и пользуются ею. Подобно тому, 604 какъ богатъ не тотъ, кто во многомъ имѣетъ нужду, но кто ни въ чемъ не нуждается, такъ и славенъ не тотъ, кто ищетъ славы, но кто презираетъ ее. Вѣдь земная слава только тѣнь славы. Видя написанный на картинѣ хлѣбъ, никто не прикасается къ картинѣ, хотя бы мучился ужаснымъ голодомъ. Не гоняйся же и ты за тѣнью, — вѣдь это тѣнь славы, а не слава. А чтобы тебѣ увѣриться, что это такъ, размысли о томъ, что славолюбіе всѣми считается за нѣчто худое, чего надобно избѣгать по мнѣнію всякаго, даже желающаго славы, и снискалъ ли уже кто славу, или только домогается ея, — стыдится, когда называютъ его славолубцемъ. Откуда же, спросишь, желаніе славы, и отчего происходитъ эта страсть? Отъ малодушія (нужно не обличать только погрѣшности, но и исправлять), отъ несовершеннаго смысла, отъ дѣтскаго понятія. Перестанемъ же быть дѣтьми, и станемъ мужами; будемъ не за тѣнью гоняться, но искать вездѣ истины — и въ богатствѣ, и въ удовольствіяхъ, и въ наслажденіяхъ, и въ славѣ, и въ мо-

гуществѣ,—и эта болѣзнь прекратится, а вмѣстѣ съ нею и другія многія. Гоняться за тѣмъ свойственно безумному. Потому Павелъ и сказалъ: *истрежьте праведно и не сожгиайте* (1 Кор. хv, 34). Пристрастіе къ славѣ есть своего рода безуміе, которое гораздо сильнѣе безумія, производимаго въ человѣкѣ бѣсомъ или обнаруживаемаго при сумасшествіи. Послѣднее извинительно, а первое не имѣетъ никакого оправданія, потому что здѣсь самая душа повреждена, и ея сужденія неправильны, губительны. Сумасшествіе часто зависитъ отъ болѣзни тѣлесной, а это неистовство происходитъ отъ злохудожнаго разума. Какъ самая жестокая и неисцѣльная горячка есть та, которая поражаетъ твердое тѣло, свирѣпствуетъ въ нервахъ и скрывается въ жилахъ, такъ и это неистовство ужасно, потому что свирѣпствуетъ въ разумѣ, извращаетъ и ослабляетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, не ясное ли и очевидное сумасшествіе, не болѣзнь ли всякаго сумасшествія жестоко—презирать постоянно пребывающее, и съ великимъ тщаніемъ гоняться за скоропреходящимъ? Скажи, если бы кто сталъ догонять вѣтеръ, или захотѣлъ схватить его, не назвали ли бы его безумнымъ? Или, еслибы кто сталъ гоняться за тѣнями и презирать дѣйствительные предметы, возненавидѣлъ бы жену свою и вмѣсто ея обнималъ тѣнь ея, или сталъ бы отвращаться отъ своего сына, а любить опять тѣнь его, то потребуешь ли ты еще яснѣйшаго доказательства его сумасшествія? Но таковы-то всѣ пристрастіе къ настоящимъ вещамъ. Все, вѣдь, настоящее тѣнь—укажешь ли ты на славу, или на могущество, на почести, на богатство, на удовольствіе, или на что бы то ни было другое житейское. Потому-то и пророкъ сказалъ: *убо образомъ ходитъ человекъ, обаче все млется* (Пс. xxxviii, 7), и еще: *дни наши яко сны уклонишася* (Пс. ci, 12). И въ другомъ мѣстѣ всѣ человѣческіе (замыслы) онъ называетъ дымомъ и цвѣтомъ травнымъ (Пс. ci, 4, 5). Но не одно только пріятное есть тѣнь, а также и прискорбное, какъ-то: и смерть, и бѣдность, и болѣзнь, и тому подобное. Что же постоянно какъ изъ пріятнаго, такъ и изъ прискорбнаго? Вѣчное царствіе и нескончаемое мученіе, потому что ни червь не умретъ, ни огонь не угаснетъ, и праведники воскреснутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники въ муку вѣчную. Итакъ, чтобы намъ избѣжать нескончаемаго мученія, а наслѣдовать вѣчное царствіе,—оставивъ тѣнь, со всею ревностью обратимся къ предметамъ дѣйствительнымъ. Такимъ образомъ достигнемъ царствія небеснаго, котораго и да сподобимся всѣ мы благодатию и человеколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXX.

Сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ 605
безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми
есть въ созиданіе, а не на разореніе (2 Кор. xii, 10).

1. (Апостолъ) сознавалъ, что сказанное имъ, особенно къ концу посланія, строго. Выше онъ говорилъ: *самъ же азъ Павелъ молю въ кротостію и тихостію Христовою, юже въ лице убо смиренъ въ васъ, не сый же у васъ державъ въ васъ. Молю же, да не присуѣтъ державъ надтѣніемъ, имъ же помышляю смѣти на нѣкія нещущіи насъ, яко по плоти ходящихъ; и: въ готовости имуще отмстити всяко преступаніе, егда исполнится ваше послушаніе (i, 1, 2, 6); и еще: боюся же, еда како пришедъ, не ячѣхъ же хочу обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хотите: да не паки пришедша мѣ смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаившихся о нечистотѣ и блужденіи, яже содѣяша (xii, 20, 21); и потомъ: прежде рѣчь и предлагаю, яко у васъ бывъ второе, и отсутствуя нынѣ пишу, яко еще прииду паки, не пощажу; понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа (xiii, 2, 3). Итакъ, въ виду этого, равно какъ и многого другого, что сказано было имъ въ ихъ устрашеніе, посрамленіе, укоризну и порицаніе, онъ, желая оправдать себя во всемъ, говорить: *сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю*. Я желаю (говорить), чтобы строгость моя была только на словахъ, а не на дѣлѣ; желаю, чтобы посланія были строги, чтобы угрозы продолжались, но не приводились въ исполненіе. Но и въ самомъ этомъ оправданіи онъ опять дѣлаетъ рѣчь свою грозною, показывая, что не онъ будетъ наказывать ихъ, но Богъ,—именно онъ присовокупилъ: *по власти, юже Господь даде ми*,—и вмѣстѣ давая опять разумѣть, что не желаетъ употребить власть свою для наказанія ихъ,—тоже присовокупилъ: *въ созиданіе, а не на разореніе*. Впрочемъ, теперь хотя и сдѣлать объ этомъ намекъ, какъ сказалъ я, однако оставилъ имъ самимъ на размышленіе,—что если они не исправятся, то наказаніе неисправляющихся есть также созиданіе. А что это дѣйствительно такъ, самъ онъ зналъ, и показалъ то на дѣлѣ. Прочее, братіе, радуйтесь, совершайтесь, утѣшайтесь, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте, и Богъ любви и мира будетъ съ вами (ст. 11). Что значитъ: *прочее, братіе, радуйтесь*? Ты опечалилъ, устрашилъ, повергъ въ скорбь, заставилъ трепетать и бояться: какъ же велишь радоваться? Поэтому самому, говорить, и велю радоваться. Въ самомъ дѣлѣ, если вы съ своей стороны будете со-*

отвѣтствовать тому, что я обязанъ сдѣлать съ своей стороны, то не будетъ препятствія къ радости. А съ моей стороны все сдѣлано: я долготерпѣль, медлилъ, не отлучалъ васъ, убѣждать, увѣщевалъ, устрашалъ, угрожалъ, чтобы какъ-нибудь произвести въ васъ плоды покаянія. Теперь вамъ должно сдѣлать свое дѣло,—и радость ваша не помрачится. *Совершайтесь.* Что же значить—*совершайтесь?* Будьте совершенны и восполните, чего не достаесть. *Утѣшайтесь.* Такъ какъ искушеній было много, и опасности были велики, то ищите утѣшенія другъ въ другъ, и въ насъ, и въ собственномъ исправленіи. Если радость ваша происходитъ отъ (чистой) совѣсти, и если вы совершенны, то ничего не достаесть къ вашему благодушію и утѣшенію, потому что ничто не доставляетъ столько утѣшенія, какъ чистая совѣсть, хотя бы вы окружены были безчисленными искушеніями. *Тожде мудрствуйте, миръ имѣйте.* Объ этомъ просилъ онъ и въ началѣ перваго посланія. Случается, что люди имѣютъ одиѣ и тѣ же мысли, однако не имѣютъ мира, напримѣръ—когда въ догматахъ вѣры согласны, а другъ противъ друга враждуютъ. Напротивъ, Павелъ здѣсь требуетъ того и другого (и единомыслія и согласія). *И Богъ любитъ и мира будетъ съ вами.* Не только увѣщеваетъ и совѣтуетъ имѣть миръ, но и молить о томъ Бога; и подлинно, здѣсь онъ или молить, или предсказываетъ будущее, а вѣрнѣе то и другое вмѣстѣ. Если, говоритъ онъ, будете такъ поступать, то есть одно и то же мудрствовать и имѣть миръ между собою, то и Богъ будетъ съ вами, потому что Богъ есть Богъ любви и мира, Онъ этому радуется, и объ этомъ веселится. Отсюда—отъ любви Его—и въ васъ будетъ миръ. Отсюда—избавленіе отъ всѣхъ золъ. Эта любовь спасла вселенную, она прекратила застарѣлую на землѣ вражду, она соединила землю съ небомъ, она сдѣлала людей ангелами. Возлюбимъ же ее и мы, потому что она—матерь безчисленныхъ благъ. Ею мы спасены, черезъ нее намъ дарованы всѣ неизреченныя блага. Затѣмъ, возводя ихъ къ любви, (апостолъ) говоритъ: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 12). Что значить—*святымъ*? Не притворнымъ, не коварнымъ, какимъ Іуда облобызалъ Христа. Для того и дано лобзаніе, чтобы возбуждать любовь, чтобы воспламенять искреннее расположеніе, чтобы мы такъ любили другъ друга, какъ братья братьевъ, какъ дѣти отцовъ, и отцы дѣтей, или еще и больше,—потому что эта (любовь)—отъ природы, а наша—отъ благодати. Черезъ лобзаніе соединяются между собою души. Вотъ почему, и возвращаясь изъ путешествій, мы цѣлуемъ другъ друга, когда души наши приходятъ во взаимное общеніе. Поцѣлуй устъ особенно выражаетъ расположеніе души нашей.

2. Можно сказать и еще нѣчто объ этомъ святомъ лобзаніи. Что же такое? Мы храмъ Христовъ. Поэтому, лобзая другъ друга, мы лобзаемъ преддверія и входъ храма. Не видите ли, какъ многіе лобызаютъ двери и этого храма *), одни преклоняя главу, 607 другіе прикасаясь рукой и поднося руку къ устамъ? И этими вратами и дверми **) входилъ и входитъ къ намъ Христосъ, когда мы причащаемся. Вы, причастники таинства, понимаете, что я говорю. Не простой чести сподобляются уста наши, приѣмлющіе тѣло Владычье. Потому-то здѣсь по преимуществу мы и лобзаемъ друга. Пусть слышатъ это предающіеся сквернословію и злословію,—и да ужаснутся при мысли, какъ они скверняютъ уста свои. Пусть слышатъ это срамно лобызавшіеся. Послушай, что Богъ вѣщалъ устами твоими,—и береги ихъ отъ оскверненія. Онъ вѣщалъ ими о жизни будущей, о воскресеніи, о безсмертіи, о томъ, что смерть уже не смерть, и о многихъ другихъ некараченыхъ (тайнахъ). Въ самомъ дѣлѣ, приступающій къ таинству приближается къ устамъ іерея, какъ къ прорицалищу. Послушаемъ, какъ они страшны. Приступающій погубилъ жизнь свою еще въ прародителяхъ, и приходитъ выискать ее и просить со вѣта, какъ найти и пріобрѣсть ее. Тогда Богъ вѣщаетъ устами іерея, какъ найти ее; и уста іерея бываютъ страшнѣе самаго очистилища. Это послѣднее никогда не издавало такого гласа, а прорекало о предметахъ гораздо низшихъ, о земныхъ войнахъ и о земномъ мирѣ; напротивъ эти уста вѣщаютъ о небѣ, о будущей жизни, о вещахъ новыхъ и превосходящихъ разумъ. Сказавши же: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ*, (апостолъ) присовокупилъ: *цѣлуютъ вы святіи аси*,—и этимъ подавая имъ радостную надежду. Это онъ написалъ вмѣсто лобзанія, соединяя ихъ между собою этимъ взаимнымъ привѣтствіемъ, потому что отъ тѣхъ же устъ происходятъ и лобзаніе и слова. Видишь ли, какъ онъ соединяетъ между собою всѣхъ—удаленныхъ по плоти и близкихъ, первыхъ посредствомъ писанія, а послѣднихъ посредствомъ лобзанія? *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всеми вами. Аминь* (ст. 18). Такимъ образомъ соединивъ ихъ между собою и привѣтствіями и лобзаніями, опять заключаетъ слово молитвою, а чрезъ нее всемѣрно старается соединить ихъ и съ Богомъ.

Гдѣ теперь утверждающіе, что Святой Духъ не единосущенъ Отцу и Сыну потому, что о Немъ не упоминается въ началѣ посланія? Вотъ теперь (апостолъ) наименовалъ и Его вмѣ-

*) Храма, въ которомъ Златоустъ провозносилъ свою бесѣду.

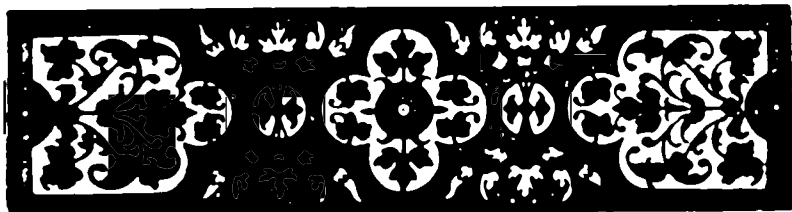
**) Нашими устами.

стѣ отъ Отцемъ и Сыномъ. Кромѣ того, должно сказать и то, что (апостоль) въ посланіи къ колоссянамъ, сказавъ: *благодать а г и миръ отъ Бога Отца нашего* (Кол. 1, 2), умолчалъ о Сынѣ, и не прибавилъ, какъ въ прочихъ посланіяхъ: *и Господа Иисуса Христа*. Ужели поэтому и Сынъ будетъ не единосущенъ (Отцу)? Но утверждать это есть крайнее безуміе. Напротивъ, то самое и показываетъ Его единосущіе, что Павелъ въ различныхъ мѣстахъ различно упоминаетъ (о лицахъ). А что сказанное мною не одна догадка, послушай, какъ онъ упоминаетъ о Сынѣ и о Духѣ, а умалчиваетъ объ Отцѣ. Такъ въ (первомъ) посланіи къ Коринѣянамъ говоритъ: *но омыслися, но освятислится, но оправдастися именемъ Господа Иисуса Христа, и Духомъ Бога нашего* (vi, 11). Итакъ, скажи, ужели они не крестились во имя Отца? Тогда они и не омыслись, и не освятислись. Но они крестились (во имя Отца), такъ какъ дѣйствительно крестились. Почему же не сказалъ, что омыслись именемъ Отца? Потому, что для него безразлично—одинъ разъ упомянуть объ одной ипостаси, въ другой разъ — о другой. То же найдешь и во многихъ мѣстахъ посланій. Такъ въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *молю убо васъ щедротами Божіими* (Римл. xii, 1), хотя щедроты принадлежать и Сыну. И въ другомъ мѣстѣ: *молю вы любовію Духа* (xv, 30), хотя любовь принадлежитъ и Отцу. Почему же онъ не упомянулъ о Сынѣ, когда говоритъ о щедротахъ, и объ Отцѣ, когда говоритъ о любви? Онъ умолчалъ объ этомъ, какъ для всѣхъ явномъ и несомнѣнномъ. Найдешь также и то, что (апостоль) и самые дары приписываетъ (лицамъ Св. Троицы) въ обратномъ порядкѣ. Такъ, сказавъ здѣсь: *благодать Христа, и любви Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа*, въ другомъ мѣстѣ общеніе приписываетъ Сыну, а любовь Духу, говоря: *молю вы любовію Духа*, а въ (первомъ) посланіи къ Коринѣянамъ: *стренъ Богъ, имъ же званіи бысте во общеніе Сына Его* (i, 9). Такъ все, принадлежащее Троицѣ, нераздѣльно! И гдѣ общеніе Духа, тамъ и общеніе Сына, и гдѣ благодать Сына, тамъ благодать Отца и Святаго Духа. Такъ (апостоль) сказалъ: *благодать вамъ отъ Бога Отца*; а въ другомъ мѣстѣ, исчисливши многіе виды благодати, присоединилъ: *еся же сія двѣствуютъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хочетъ* (1 Кор. xii, 11). Говорю же это не потому, что смѣшиваю ипостаси,—нѣтъ!—напротивъ, знаю какъ то, чѣмъ онѣ различаются и раздѣляются, такъ и единство ихъ сущности.

8. Итакъ, будемъ и догматы эти содержать со всею точностью, и привлекать къ себѣ любовь Божію. Богъ прежде возлюбилъ насъ, когда мы еще ненавидѣли Его, и примирилъ съ Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочетъ любить

насъ, уже любящихъ Его. Будемъ же постоянно любить Его, чтобы и Онъ любилъ насъ. Если мы, пользуясь любовью сильныхъ людей, для всѣхъ бываемъ страшны, то тѣмъ болѣе, когда будемъ (въ любви) у Бога. И если изъ любви къ Нему нужно будетъ отдать имущество, тѣло свое, даже самую душу, не пощадимъ ничего. Не достаточно свидѣтельствовать любовь свою къ Нему только на словахъ; нужно показать ее и дѣлами, такъ какъ и Онъ самъ явилъ Свою любовь къ намъ не словами только, но и дѣлами. Такъ и ты покажи любовь къ Нему на самомъ дѣлѣ, и твори угодное Ему. Въ такомъ случаѣ самъ же ты опять получишь пользу. Самъ, вѣдь, Онъ ни въ чемъ нашемъ не нуждается. Это-то и служить особеннымъ доказательствомъ искренней любви Его къ намъ, что, не нуждаясь въ нашей любви, Онъ все дѣлаетъ для того, чтобы мы Его любили. Потому и Моисей говорилъ: *что бо ищетъ Господь Богъ у васъ, точію еже любите Его, и готову быти тебѣ еже ходити съ слѣдъ Его* (Втор. x, 12). Такимъ образомъ, когда Онъ повелѣваетъ тебѣ любить Его, тогда особенно показывается, что любить тебя, потому что ничто такъ не доставляетъ намъ спасенія, какъ любовь къ Нему. Смотри, и всѣ заповѣди Его клонятся къ нашему успокоенію, спасенію и прославленію. Такъ, когда Онъ говоритъ: *блаженни милостивіи, блаженни чистіи сердцемъ, блаженни кротцыи, блаженни нищии духомъ, блаженни миротворцы* (Мѣ. v, 8—9), самъ Онъ никакой пользы отсюда не получаетъ, а заповѣдуетъ это для того, чтобы насъ украсить и настроить. Равнымъ образомъ, когда говоритъ: *взвѣсися* (Мѣ. хху, 42), не имѣетъ нужды въ нашей помощи, но тебя побуждаетъ къ челоуѣколюбію. Онъ и безъ тебя могъ бы пропитать бѣднаго, но, даруя тебѣ величайшее сокровище, заповѣдалъ это. Если солнце, будучи твореніемъ, не нуждается въ нашихъ очахъ (оно вѣдь такъ же стало бы блистать, хотя бы и никто не смотрѣлъ на него), но мы получаемъ пользу, когда наслаждаемся лучами его, то тѣмъ болѣе примѣнимо это къ Богу. Но чтобы тебѣ еще болѣе увѣриться въ этомъ, послушай: какое, ты думаешь, различіе между Богомъ и нами? Такое ли, какъ между нами и комарами, или гораздо большее? Очевидно, что гораздо и даже безпредѣльно большее. Итакъ, если мы тщеславные не нуждаемся въ помощи или въ славѣ отъ комаровъ, то тѣмъ болѣе не нуждается Богъ безстрастный и ни въ чемъ не имѣющій нужды. Поэтому въ той только мѣрѣ получаетъ отъ насъ пользу Богъ, въ какой благотворитъ намъ, въ какой радуется о нашемъ спасеніи. Часто даже оставляя Свое, Онъ ищетъ твоего. *Аще кто, сказано, жеху имать нехвѣрку, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставитъ ея* (1 Кор. vii, 12). А отпущая

жону развѣ словесе любодѣйнаго, творить ю любодѣйствовати (Ме. v, 32). Видишь ли несказанную благодѣть? Если, говорить, жена твоя любодѣйствуетъ, не принуждаю тебя жить съ нею; если же она невѣрующая, не препятствую. Опять, если кто оскорбилъ тебя, повелѣваю оставить приносимый Мнѣ даръ и идти къ оскорбившему. *Аще бо, говорить, принесеши даръ твой, и ту помянешь, яко братъ твой имать ничто на тя, остави даръ твой предъ алтаремъ, и иди, прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда прииди и принеси даръ твой* (Ме. v, 23, 24). И притча о должникѣ не то же ли самое показываетъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ расточилъ десять тысячъ талантовъ, господинъ умилосердился надъ нимъ и отпустилъ ему; когда же онъ потребовалъ отъ своего сораба сто динаріевъ, господинъ назвалъ его лукавымъ и предалъ наказанію (Ме. xvi, 24 сл.). Столь много печется Господь о твоёмъ спокойствіи! Варваръ замыслилъ грѣхъ противъ жены праведника,—и (Господь) говорить ему: *пощадихъ тя, да не согрѣшиши ко Мнѣ* (Быт. xx, 6). Павелъ гналъ апостоловъ,—и (Господь) говорить ему: *что Мя гониши* (Дѣян. ix, 4)? Другіе алчутъ, а Онъ называетъ Себя алчущимъ, и нагимъ и странникомъ (Ме. xiv, 35), желая пристыдить тебя и побудить тѣмъ къ подаванію милостыни. Итакъ, представляя себѣ любовь, какую Богъ доселѣ во всемъ намъ оказывалъ и оказываетъ,—а Онъ благоволилъ сообщить намъ вѣдѣніе о Себѣ, что составляетъ величайшее и главное благо, свѣтъ ума, и ученіе добродѣтели, далъ намъ законъ добродѣтельной жизни, сдѣлалъ для насъ все, далъ намъ и Сына Своего, и общалъ царствіе, и призвалъ насъ къ неизреченнымъ благамъ, и приуготовилъ намъ блаженнѣйшую жизнь,—будемъ все дѣлать и говорить такъ, чтобы намъ явиться достойными и любви Его, и получить будущія блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа Нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

ГЛАВА І.

611

Павель апостоль, ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и иже со мною вся братія, Церквамъ Галатійскимъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (ст. 1—3).

1. Начало посланія исполнено великаго гнѣва и вмѣстѣ великой мудрости; да и не одно только начало, но и все, можно сказать, посланіе. Это потому, что бесѣдовать съ наставляемыми всегда съ кротостію, хотя бы даже по отношенію къ нимъ и была необходима строгость, свойственно скорѣе не учителю, а губителю и недоброжелателю. Вотъ почему и Господь, бесѣдовавшій въ большинствѣ съ учениками съ кротостію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляетъ строгость въ словѣ, и иногда ублажаетъ ихъ, а иногда порицаетъ. Такъ, сказавъ Петру: *блаженъ еси, Симоне, варъ Іона*, и обѣщавъ на исповѣданіи его положить основаніе Церкви (Матѣ. хvi, 17), спустя немного послѣ этихъ словъ говоритъ: *иди за Мною, сатано, соблазнъ ми еси* (ст. 23); а въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ: *единаче ли и вы безъ разума есте* (Матѣ. хv, 16)? И наконецъ внушилъ имъ такой страхъ, какъ замѣчаетъ Іоаннъ, что увидѣвши Его бесѣдующимъ съ женою самарянкою, они напомнили Ему только относительно 612

пищи, но ни одинъ не осмѣлился сказать: о чемъ Ты говоришь, или: чего требуешь отъ нея (Іоан. iv, 27)? Зная это, и Павелъ, слѣдуя по стопамъ Учителя, также разнообразилъ свое слово, соотвѣтственно нуждѣ наставляемыхъ, въ однихъ случаяхъ примѣняя какъ бы прижиганіе и отсѣченіе, а въ другихъ—прилагая какъ бы смягчающія лѣкарства. Такъ коринѣянамъ онъ говорить: *что хотите, съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (1 Кор. iv, 21)? а галатамъ сказалъ: *о несмысленнѣи Галате* (Гал. ш, 1)! и не одинъ только разъ, но и въ другой употребилъ тотъ же самый упрекъ (ст. 3). И въ концѣ (посланія) также упрекая ихъ сказалъ: *труды да никто же ми даетъ* (vi, 17). Но съ другой стороны онъ и утѣшаетъ ихъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *чадца моя, ими же паки болѣзную* (iv, 19), и многое другое подобное этому. А что дѣйствительно посланіе исполнено гнѣва, это каждому станетъ ясно и послѣ бѣглаго прочтенія его.

Но необходимо сказать, что раздражило его противъ учениковъ: безъ сомнѣнія, это было не маловажное что-нибудь и несомнѣнно вниманія, потому что въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы имъ столь сильнаго упрека. Вѣдь раздражаться по поводу незначительныхъ случаевъ свойственно людямъ малодушнымъ, жестокимъ и удрученнымъ горемъ; равно какъ проявлять равнодушіе въ дѣлахъ важныхъ—свойственно лѣнливымъ и сонливымъ. Но Павелъ былъ не таковъ. Итакъ, что же это былъ за 613 проступокъ, возмущившій его? Великій и весьма тяжкій, притомъ отчуждавшій всѣхъ ихъ отъ Христа, какъ онъ самъ говоритъ далѣе: *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуется*; и опять: *иже закономъ оправдается, отъ благодати отпадетъ* (v, 2, 4). Итакъ, что же это значитъ? Это требуетъ болѣе подробнаго разъясненія. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ іудеевъ, находившіеся еще подъ вліяніемъ возрѣвнѣи іудейства, а вмѣстѣ надменные честолюбіемъ, желая присвоить себѣ достоинство учителей, явившись къ галатамъ, стали учить, что необходимо обрѣзываться, соблюдать субботы и новомѣсячія, и не принимать Павла, который отвергалъ все это. Вѣдь Петръ, Іаковъ и Іоаннъ,—говорили они,—эти первоверховные апостолы, бывшіе со Христомъ, не запрещали этого. И дѣйствительно они не запрещали; но поступали такъ не потому, чтобы признавали необходимость всего этого, а лишь по снисхожденію къ слабости увѣровавшихъ изъ іудеевъ. Павелъ же, проповѣдывавшій среди язычниковъ, не находилъ нужды въ подобномъ снисхожденіи, между тѣмъ какъ, когда находился въ Іудеѣ, онъ и самъ дѣлалъ такое снисхожденіе. Но лжеучители, не указывая при-

чинъ, по которымъ какъ онъ, такъ и тѣ (апостолы) допускали такое снисхожденіе, обольщали людей болѣе простыхъ, говоря, что не должно слушать Павла, такъ какъ онъ явился только вчера или сегодня, тогда какъ Петръ и сущіе съ нимъ суть первѣйшіе изъ апостоловъ; притомъ, онъ—ученикъ апостоловъ, а тѣ—ученики Христовы; онъ одинъ, а тѣхъ много и они—столпы Церкви. Они кромѣ того обвиняли (Павла) и въ лицемѣріи, говоря, что и самъ онъ, отвергая обрѣзаніе, въ другихъ случаяхъ несомнѣнно исполняетъ іудейскіе обряды и что онъ иначе проповѣдуетъ имъ и иначе другимъ. Вотъ почему, увидавъ, что весь народъ воспламенился и въ Церкви галатійской возгорѣлся опасный пожаръ, что зданіе ея колеблется и угрожаетъ паденіемъ, (апостоль), объятый справедливымъ гнѣвомъ, а также и скорбію (онъ вѣдь объявилъ и это, сказавъ: *хотѣлъ бытъ приими къ самъ нынѣ, и измѣнити гласъ мой* [Гал. iv, 20]),—пишетъ посланіе, отвѣчая на всѣ обвиненія. И прежде всего въ самомъ началѣ онъ возражаетъ на то, что говорили унижавшіе его достоинство, а именно, что прочіе апостолы были учениками Христа, а онъ—ученикъ апостоловъ. Вотъ почему онъ и началъ посланіе такъ: *Павелъ апостоль, ни отъ человекъ, ни человекомъ* (ст. 1). Какъ я сказалъ выше, тѣ лжеучители утверждали, что Павелъ—послѣдній изъ всѣхъ апостоловъ и что онъ отъ нихъ уже научился вѣрѣ. Петръ же, Іаковъ и Іоаннъ и призваны были прежде, и занимаютъ первое мѣсто между учениками, и догматы вѣры приняли отъ самого Христа, а потому и вѣрить слѣдуетъ болѣе имъ, чѣмъ первому. Названные же апостолы не воспрещаютъ ни обрѣзываться, ни соблюдать законъ (Моисеевъ).

2. Говоря это и подобное этому и тѣмъ унижая Павла и возвышая достоинство тѣхъ (апостоловъ), впрочемъ не съ цѣлію прославленія ихъ, а для того, чтобы обольстить галатянъ, они несвоевременно уже внушали имъ соблюдать законъ. Итакъ (апостоль) вполне справедливо началъ (посланіе) подобнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ они унижали ученіе его, говоря, что оно отъ человекъ, тогда какъ ученіе Петра отъ Христа, то (апостоль) въ самомъ началѣ тотчасъ же и опровергаетъ это, говоря, что онъ апостоль (избранный) „не человекъками и не чрезъ человекъвъ“. Правда, его крестилъ Ананія (Дѣян. ix, 17), но не онъ вывелъ его изъ заблужденія и привелъ къ вѣрѣ, а самъ Христосъ воззвалъ къ нему свыше тѣмъ чудеснымъ гласомъ и такимъ образомъ уловилъ его. Петра и брата его, а равно и Іоанна съ братомъ послѣдняго Господь призывалъ, ходя при морѣ, Павла же—послѣ вознесенія на небеса. И подобно тому, какъ тѣ не имѣли нужды во вторичномъ призваніи, но оставивши

сѣти и все прочее, тотчасъ послѣдовали за Нимъ, — точно такъ же и этотъ отъ перваго призванія возшелъ на самый верхъ совершенства, и тотчасъ принявъ крещеніе и вступивъ въ непримиримую борьбу съ іудеями, тѣмъ самымъ много превзошелъ еще и апостоловъ: *паче ихъ*, говоритъ онъ, *потрудишься* (1 Кор. хv, 10). Но въ настоящемъ случаѣ онъ не касается этого, а лишь довольствуется указаніемъ на свое равенство (съ другими апостолами). Вѣдь для него здѣсь важно было не то, чтобы показать свое превосходство предъ ними, но уничтожить причину соблазна.

Итакъ слова: *не отъ челоѣкъ* относились ко всѣмъ (проповѣдникамъ), — такъ какъ проповѣдь евангельская имѣетъ начало и основаніе свое свыше, — слова же: *ни челоѣкомъ* относились исключительно къ апостоламъ, такъ какъ Христосъ призвалъ ихъ не чрезъ людей, но непосредственно самъ. Но почему онъ не упомянулъ о призваніи и не сказалъ: Павелъ званнй не челоѣками, но упоминаетъ объ апостольствѣ? Потому, что въ этомъ заключалось все дѣло. Вѣдь (обольстители) говорили, что право ученія передано ему отъ людей — апостоловъ и что потому онъ долженъ слѣдовать имъ. Но что это право получено имъ не отъ людей, — это засвидѣтельствовалъ Лука, сказавши: *служащимъ же имъ и постыжнмъ Господеви, рече Духъ Святый: отдѣлите Мнѣ Павла и Варнаву* (Дѣян. хш, 2). Отсюда ясно, что власть Сына и Духа Святаго — одна и та же. Въ самомъ дѣлѣ, будучи посланъ Духомъ Святымъ, (апостоль) говорить, однако, что онъ посланъ Христомъ. Это показываетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, приписывая Духу (Святому) то, что приличествуетъ Богу. Такъ въ бесѣдѣ съ милетскими пресвитерами онъ говоритъ: *внимайте себѣ и стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави пастырями и блюстителами* (Дѣян. хх, 28), хотя въ одномъ изъ другихъ посланій говоритъ: *овечь убо положи Богъ въ Церкви перъ апостоловъ, второе пророковъ*, далѣе, пастырей и учителей (1 Кор. хп, 28). Такимъ образомъ онъ безразлично пользуется словами, усвая Духу то, что принадлежитъ Богу, и наоборотъ — свойственное Духу приписывая Богу. Но онъ и другимъ еще образомъ заграждаетъ уста еретиковъ, когда говоритъ: *Иисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ*. Такъ какъ говорятъ, что подобное выраженіе употреблено по отношенію къ Сыну, какъ имѣющее меньшую важность, то посмотри, что онъ дѣлаетъ: онъ поставляетъ его предъ названіемъ Отца, научая насъ этимъ не полагать законовъ для непостижимаго естества и не опредѣлять мѣры божественности между Сыномъ и Отцомъ, такъ какъ сказавъ: *Иисусомъ Христомъ*, онъ присоединилъ: *и Богомъ Отцемъ*. Вѣдь еслибы онъ, упомянувъ отдѣльно

только объ Отцѣ, употребилъ это выраженіе—„черезъ Котораго“, то можетъ быть они прибѣгли бы и къ уловкѣ, сказавъ, что выраженіе „черезъ Котораго“ приличествуетъ Отцу, такъ какъ дѣяствія Сына относятся къ Нему; теперь же, упомянувъ вмѣстѣ о Сынѣ и объ Отцѣ и употребивъ по отношенію къ Нимъ одинаковое выраженіе, онъ совершенно уже не оставляетъ мѣста для подобнаго измышленія,—такъ какъ онъ дѣлаетъ это не для того, чтобы приписать принадлежащее Сыну—Отцу, но съ цѣлію показать, что это выраженіе не допускаетъ никакого различія въ Ихъ существѣ. Что же теперь скажутъ и тѣ, которые измышляютъ какое-то уменьшеніе (божескихъ ипостасей) въ крещеніи на томъ основаніи, что крещеніе совершается во имя Отца и Сына и Святаго Духа? Вѣдь если Сынъ по своему достоинству ниже Отца только потому, что Онъ поставляется послѣ Отца, то что они скажутъ теперь, послѣ того какъ апостолъ начавши со Христа потомъ уже переходитъ къ Отцу? Но мы не будемъ говорить ничего богохульнаго. Вступая въ состязаніе съ ними, мы не должны отступать отъ истины, но если бы даже они тысячу разъ безумствовали, намъ и въ такомъ случаѣ необходимо держаться въ предѣлахъ благочестія. Вотъ почему какъ здѣсь, только на основаніи того, что (апостолъ) упомянулъ о Христѣ прежде, мы не назовемъ Сына большимъ Отца,—вѣдь это было бы верхомъ безумія и всякаго нечестія,—такъ и тамъ, (въ заповѣди о крещеніи), на основаніи того, что Сынъ поставленъ послѣ Отца, мы не должны считать Сына меньшимъ Отца. *Воскресившимъ Его изъ мертвыхъ.* Что ты дѣлаешь, Павелъ? Желая привести къ вѣрѣ іудействующихъ, ты не выставляешь на видъ ни одного изъ великихъ и блистательныхъ свойствъ Его, подобно тому, какъ ты писалъ къ филиппійцамъ, говоря, что (Онъ) *во образѣ Божіи снѣ, не восхищеніемъ нещесна быти равенъ Богу* (Филипп. II, 6); какъ затѣмъ въ посланіи къ евреямъ громогласно возвѣстилъ, что Онъ *естъ сіяніе славы и образъ ипостаси Его* (Евр. I, 3); или какъ превозгласилъ о Немъ въ началѣ своего Евангелія сынъ грома: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. (Іоан. I, 1); или какъ, наконецъ, самъ Іисусъ часто объявлялъ іудеямъ, говоря, что Онъ обладаетъ равнымъ могуществомъ съ Отцемъ и имѣетъ ту же самую власть (Іоан. V, 17, 19 и слѣд.). Ты не говоришь ничего подобнаго, но оставивъ все это, упоминаешь о томъ, что совершилось надъ плотію Его, указывая на крестъ и смерть? Да, говорить онъ. Вѣдь еслибы рѣчь была обращена къ людямъ, не знающимъ ничего великаго о Христѣ, то было бы прилично сказать о Немъ это; но такъ какъ противъ насъ поднимаютъ мятежъ люди, которые думаютъ, что они подвергнутся

наказанію, если отступятъ отъ закона, то поэтому и упомянуто объ обстоятельствѣ, которымъ совершенно отмѣняется необходимость закона, т. е. о благодѣянніи, происшедшемъ для всѣхъ отъ креста и воскресенія. Если бы онъ сказалъ, что „въ началѣ было Слово“, или—что Оно было во образѣ Божіи, и содѣлало Себя равнымъ Богу, и тому подобное, то этимъ онъ показалъ бы божественность Слова, но нисколько не помогъ бы въ настоящемъ дѣлѣ; сказавъ же — *воскресившимъ Его изъ мертвыхъ*, онъ этимъ самымъ напомнилъ о самомъ главномъ благодѣянніи, оказанномъ намъ, а это принесло ему немалую пользу въ данномъ случаѣ. Вѣдь большинство людей обыкновенно не столько внимательно слушаютъ слова, доказывающія величіе Божіе, сколько бесѣды, раскрывающія благодѣянія Его къ людямъ. Вотъ почему, отло-
 616 живъ бесѣду о первомъ, онъ и говоритъ объ оказанномъ намъ благодѣянніи.

3. Но еретики возражаютъ, говоря: смотри, Отецъ воскрешаетъ Сына! Такъ какъ они однажды заразились болѣзнію ерестичества, то становятся притворно глухими къ тому, что касается высоты догматовъ, а выбираютъ только относящееся къ состоянію уничиженія (Христа), сказанное во вниманіе или къ человѣчеству Его, или къ чести Отца, или по какому другому устроенію (Божію), и рассматривая подобныя мѣста въ отдѣльности, причиняютъ вредъ сами себѣ (не скажу — Писанію). Я охотно спросилъ бы у нихъ: для чего они говорятъ это? Неужели для того, чтобы представить Сына слабымъ и не имѣющимъ силы для воскрешенія даже тѣла? Но одна вѣра въ Него производила то, что и тѣнь вѣровавшихъ въ Него воскрешала мертвыхъ (Дѣян. в, 15). Итакъ, люди вѣрующіе въ Него, будучи сами смертными, одною тѣнью своихъ перстныхъ тѣлъ и одеждами своими, облекавшими эти тѣла, воскрешали мертвыхъ,—а Онъ не могъ воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествіе и высшая степень безумія? Ты не слышалъ, что говоритъ Онъ: *разорвите церковь сію, и тремя днями воздвигну ю* (Іоан. 11, 19), и еще: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. х, 18)? Итакъ, почему же говорится, что Отецъ воскресилъ Его? Потому же, почему и многое другое, что творить (Сынъ), приписывается (Отцу). Это сказано въ честь Отца и ради немощи слушателей. *И уже со мною вся братія*. Почему нигдѣ въ другихъ посланіяхъ онъ не прибавляетъ этого? Тамъ онъ или полагаетъ одно только свое имя, или называетъ по имени еще двоихъ или троихъ, адѣсь же назвалъ все множество, а потому и не упомянулъ ни о комъ поимени. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Его упрекали за то, что онъ только одинъ проповѣдуетъ

такъ и вводитъ новое ученіе въ догматы вѣры. Желая поэтому уничтожить такое подозрѣніе и показать, что онъ имѣетъ многихъ единомышленниковъ, онъ присоединилъ братію, давая тѣмъ понять, что то, что онъ пишетъ, онъ пишетъ согласно съ ихъ мнѣніемъ. *Церквамъ Галатійскимъ*. Вѣдь пламя заблужденія объяло не одинъ городъ, не два и три, но весь народъ галатійскій. Обрати вниманіе и здѣсь на великое негодованіе (апостола). Онъ не сказалъ: „возлюбленнымъ“, не сказалъ также: „святимъ“, но—*Церквамъ Галатійскимъ*. Это было признакомъ сильно скорбящаго и обнаруживающаго печаль свою—что не привѣтствовалъ ихъ ни именемъ любви, ни именемъ чести, но именемъ только ихъ общества, и что не прибавилъ даже: „церквамъ Божиимъ“, но просто сказалъ—*Церквамъ Галатійскимъ*. вмѣстѣ же съ тѣмъ онъ спѣшитъ въ самомъ началѣ привести къ единству ихъ раздѣленіе, а потому и прибавилъ имя Церкви, желая этимъ пристыдить ихъ и собрать во едино. Въ самомъ дѣлѣ, будучи раздѣлены на многія части, они и не могли называться этимъ именемъ, такъ какъ имя Церкви есть имя согласія и единодушія. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа*. Онъ полагаетъ необходимымъ вездѣ употреблять это (привѣтствіе), въ особенности же теперь, посылая посланіе къ галатамъ. Такъ какъ они находились въ опасности отпасть отъ 617 благодати, то онъ и желаетъ имъ снова утвердиться въ ней. Они сдѣлались противниками Богу, а потому онъ и проситъ Бога, чтобы Онъ привелъ ихъ къ прежнему миру съ Собою.

Бога Отца. И этими словами снова легко побѣждаются еретики. Они утверждаютъ, что Іоаннъ, говоря въ началѣ своего Евангелія: *и Богъ бы Слово*, употребилъ слово Богъ безъ члена (*καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος*) потому, что желалъ представить божество Сына меньшимъ (божества Отца); и что опять, когда Павелъ говоритъ, что „Сынъ былъ образомъ Бога“ (Филип. II, 6), говоритъ это не объ Отцѣ, потому что это слово (*Θεοῦ*) и здѣсь поставлено безъ члена: что же они скажутъ теперь, когда Павелъ говоритъ не *ἀπὸ τοῦ Θεοῦ*—отъ Бога (употребляя это слово съ приставкой члена *τοῦ*), но *ἀπὸ Θεοῦ Πατρὸς*—отъ Бога Отца (безъ прибавленія члена)? Бога же называетъ онъ здѣсь Отцомъ не лъстя имъ, но напротивъ сильно упрекая ихъ этимъ и приводя на память причину, по которой они сдѣлались сынами. Вѣдь не чрезъ законъ, но банею пакибытія они удостоились такой чести. Вотъ почему онъ вездѣ и въ началѣ посланій своихъ многократно дѣлаетъ указанія на проявленія благодати Божіей, говоря почти такъ: рабы, враги и отверженные, какъ это вы (будучи таковыми) вдругъ называете Бога Отцомъ? Развѣ законъ даровалъ вамъ это высо-

кое родство? Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы, оставивъ Того, Кто такъ приблизилъ васъ къ Себѣ, снова обращаетесь къ пѣсту? И не только имя Отца, но и наименованія, примѣняемые по отношенію къ Сыну, достаточны для того, чтобы показать имъ эту благодѣ. Вѣдь и самое наименованіе „Господь Іисусъ Христосъ“, будучи со вниманіемъ разсмотрѣно, всецѣло обнаруживаетъ эту благодѣ. Потому, сказано, и наречется имя Ему Іисусъ, что *Ты спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѣ. 1, 21); названіе же Христосъ приводитъ на память помазаніе Духомъ. *Давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ* (ст. 4).

4. Смотри, Онъ не рабское и не принужденное понесъ служеніе и никто не предавалъ Его, но Онъ самъ предалъ Себя, а потому, когда услышишь Іоанна, говорящаго, что Отецъ отдалъ Сына Своего Единороднаго за насъ (Іоан. III, 16), то не умаляй на этомъ основаніи достоинства Единороднаго и не подумай о Немъ чего-нибудь человѣческаго. Хотя и говорится, что Отецъ предалъ Его, но не для того, чтобы ты считалъ служеніе (Сына) рабскимъ, а для того, чтобы ты узналъ, что это служеніе было угодно и Отцу. Это именно и здѣсь показалъ Павелъ, сказавъ: *по воли Бога и Отца нашего*—не по повелѣнію, но — *по воли*. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ воля у Отца и Сына—одна, то чего желалъ Сынъ, того же желалъ и Отецъ. *По грѣсѣхъ нашихъ*. Мы погрязли, говоритъ онъ, въ безчисленныхъ беззаконіяхъ и достойны были жесточайшаго наказанія. Законъ же не только не избавлялъ насъ, но еще и осудилъ, сдѣлавъ болѣе явными наши согрѣшенія и будучи не въ состояніи освободить насъ и утишить гнѣвъ Божій; а Сынъ Божій сдѣлалъ возможнымъ и это невозможное, разрѣшивъ и наши грѣхи, и поставивъ насъ, бывшихъ враговъ, въ разрядъ друзей, и даровавъ намъ другія безчисленныя блага. Потомъ говоритъ: *яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*. Опять другіе еретики пользуются этимъ
618 выраженіемъ, чтобы оклеветать настоящую жизнь и привести (въ доказательство этого) свидѣтельство Павла. Вотъ, говорятъ они, Павелъ называетъ настоящій вѣкъ лукавымъ. Но скажи мнѣ, что такое вѣкъ? Время, состоящее изъ дней и часовъ. Итакъ что же? Неужели продолженіе дней и теченіе солнца лукавы? Но никто никогда не скажетъ этого, хотя бы онъ дошелъ до крайняго безумія. Ты скажешь, что (апостолъ) назвалъ лукавымъ не время, а настоящую жизнь? Но эти слова означаютъ не то, и ты основываешься не на словахъ Павла, сплетая обвиненіе на настоящую жизнь, а произвольно составляешь свое толкованіе. Позволь же въ такомъ случаѣ и намъ истолковать сказанное (апостоломъ), тѣмъ болѣе, что наше толкованіе и благочестиво,

и имѣть основаніе. Итакъ, что же мы скажемъ? То, что никакое зло никогда не можетъ быть причиною добра, а настоящая жизнь служить причиною безчисленныхъ вѣнцовъ и величайшихъ наградъ. Вотъ почему и самъ блаженный Павелъ безмѣрно восхваляетъ эту жизнь, говоря такъ: *аще же, еже жити ми тѣломъ, сіе мнѣ плодъ дѣла, и что изволю, не вѣмъ* (Филип. 1, 22). И предоставляя себѣ выборъ—жить ли здѣсь, или разрѣшиться и быть со Христомъ, онъ предпочитаетъ пребываніе здѣсь. А если бы настоящая жизнь была зломъ, онъ не сказалъ бы этого о себѣ, и никто другой не могъ бы воспользоваться ею для добродѣтели, хотя бы и прилагалъ къ тому величайшее стараніе. Вѣдь никто никогда не можетъ воспользоваться зломъ для достиженія добра, ни блудомъ для цѣломудрія, ни завистью для благожелательства. И когда Павелъ говоритъ о плотскихъ помысленіяхъ, что они не покоряются закону Божію, да и не могутъ (Римл. viii, 7), онъ говоритъ тѣмъ самымъ, что пороки, оставаясь порокомъ, не можетъ быть добродѣтелью. Поэтому, когда ты услышишь о лукавомъ вѣкѣ, то разумѣй подъ этимъ лукавыя дѣла, развращенную волю. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы умертвить насъ и такимъ образомъ вывести изъ настоящей жизни, но для того, чтобы, оставивъ насъ въ мірѣ, сдѣлать насъ достойными жизни небесной. Вотъ почему и въ бесѣдѣ Своей съ Отцомъ Онъ говорилъ: *и сѣи въ міръ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду*. И еще: *не молю, да возмещи ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни*, т. е. отъ порока (Іоан. xvii, 11, 15). Если же ты не принимаешь этого объясненія, но продолжаешь утверждать, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай и самоубійцъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ человѣкъ, освобождающій себя отъ порока, заслуживаетъ не порицаній, а наградъ, точно такъ же, по вашему мнѣнію, и прекращающій свою жизнь насильственной смертію, чрезъ удушеніе или инымъ какимъ-либо способомъ, не будетъ достоинъ осужденія. Но въ дѣйствительности и Богъ подвергаетъ такихъ большому наказанію, чѣмъ челоуѣкоубійцъ, да и всѣ мы съ ужасомъ отвращаемся отъ нихъ, и это вполне справедливо, потому что если преступно убивать другихъ, то тѣмъ болѣе самого себя. Если же настоящая жизнь есть зло, то челоуѣкоубійцъ надобно награждать за то, что они избавляютъ насъ отъ зла. Кромѣ того, говорящіе это опровергаютъ и самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, признавая солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и луну, божествомъ и поклоняясь имъ, какъ виновникамъ многихъ благъ, они противорѣчатъ сами себѣ. Вѣдь они (солнце и луна), а равно и другія звѣзды совершенно без- 619
полезны для чего-нибудь другого, а приносятъ пользу намъ для

настоящей, лукавой, какъ утверждаютъ они, жизни, питая и освѣщая тѣла и содѣйствуя созрѣванію плодовъ. Какимъ же образомъ эти, по вашему мнѣнію, боги содѣйствуютъ такому устройству лукавой жизни? Но ни звѣзды—не боги, ни въ коемъ случаѣ, а дѣла Божіи, сотворенныя для нашей пользы, ни самый міръ не является злымъ. Если же ты уважешь мнѣ на человекоубійць, прелюбодѣевъ и грабителей могилъ, то все это нисколько не говоритъ противъ настоящей жизни, потому что грѣхи эти зависятъ не отъ жизни нашей во плоти, но отъ развращенной воли. Если бы они зависѣли отъ настоящей жизни и были какъ бы необходимо связаны съ нею, то никто не былъ бы свободнымъ и чистымъ отъ нихъ. Смотри, вѣдь никто не въ состояніи избѣжать необходимыхъ нуждъ плотской жизни. Какія же это нужды? Ъсть, пить, спать, расти, алкать, жажда, рождаться, умирать и всѣ другія подобнаго рода. И отъ этихъ нуждъ никто не можетъ избавитися, ни грѣшникъ, ни праведникъ, ни царь, ни простолудинъ, но всѣ мы подлежимъ этой необходимости природы. Точно такъ же, еслибы и дѣланіе ала являлось по самой природѣ неизбѣжною участію жизни, то никто не избѣжалъ бы этого, подобно тому какъ невозможно избѣжать и тѣхъ естественныхъ нуждъ. Не говори мнѣ, что рѣдкіе ведутъ добродѣтельную жизнь. Такого, кто побѣдилъ бы необходимыя естественныя потребности, совсѣмъ не найдешь. Поэтому до тѣхъ поръ, пока найдется хоть одинъ, преуспѣвающій въ добродѣтели, истина нашего слова останется непреложной. Что ты говоришь, несчастный и жалкій, неужели лукава настоящая жизнь, въ которой мы познали Бога, любомудствуемъ о будущемъ, содѣлались изъ людей ангелами и составляемъ одинъ сонмъ съ горними силами? Какое же еще другое найдемъ мы доказательство противъ вашего злого и развращеннаго разума?

5. Почему же, говоришь ты, Павелъ называлъ настоящій вѣкъ лукавымъ? Онъ сказалъ такъ по обычному употребленію этого слова. Такъ и мы обыкновенно говоримъ: сегодня былъ для меня плохой день, обвиняя этимъ не время, но дѣла и обстоятельства. Точно также и Павелъ, осуждая злыя влеченія сердца, употребилъ общепринятое выраженіе, и показываетъ, что Христосъ освободилъ насъ и отъ прежнихъ грѣховъ и поставилъ насъ въ безопасность отъ нихъ на будущее время. Сказать: *дающего Себе по грѣсѣхъ нашихъ*, Онъ показалъ первое, прибавленіемъ же словъ: *яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*, онъ указалъ безопасное пристанище и на будущее время. Законъ былъ безсиленъ для (освобожденія и отъ) однихъ изъ названныхъ грѣховъ, а благодать имѣла силу для (очищенія) тѣхъ и другихъ.

По воли Бога и Отца нашего. Такъ какъ они думали, что они оказываютъ неповиновеніе Богу, какъ давшему законъ, и боялись, оставивши древній законъ, послѣдовать новому, то (апостолъ) исправляетъ и это предубѣжденіе ихъ, говоря, что это угодно и Отцу. И онъ сказалъ не просто—Отца, но—*Отца нашего*, да и часто дѣлаетъ такое прибавленіе, для того, чтобы поотыднить ихъ указаніемъ на то, что Своего Отца Христосъ сдѣлалъ и нашимъ Отцомъ. *Ему же слава во вѣки. Аминь* (ст. 5). И это нѣчто новое и необычайное. Слово—аминь мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ началѣ и въ предисловіи посланій, а обыкновенно оно поставляется уже послѣ многихъ (разсужденій). Здѣсь же, желая показать, что и сказанное заключаетъ въ себѣ достаточное обличеніе галатовъ и что рѣчь его совершенно закончена, онъ поставилъ это (слово) въ началѣ посланія. Очевидные проступки не требуютъ продолжительныхъ приготовленій (для обличенія). Поэтому, вспомянувъ о крестѣ и воскресеніи, объ искупленіи грѣховъ, о безопасности отъ нихъ на будущее время, о волѣ Отца и согласіи Сына, о благодати, мирѣ и о всяческихъ дарахъ Божіихъ, онъ заключилъ рѣчь свою славословіемъ. И не поэтому только онъ поступилъ такъ, но также отъ чрезмѣрнаго изумленія предъ величіемъ дара и пренебыткомъ благодати, и отъ представленія того, каковыми мы были и чѣмъ сдѣлалъ насъ Богъ сверхъ нашего чаянія и въ самое короткое время. Не будучи въ состояніи выразить этого словомъ, онъ и заключилъ рѣчь свою славословіемъ, возсылая за всю вселенную хвалу Богу,—не такую, которая была бы достойна Его, но которая была возможна для него. Вотъ почему послѣ этого онъ еще съ большею силою продолжаетъ рѣчь свою, воспламенившись, какъ бы отъ сильнаго пламени, отъ представленія благодѣяній Божіихъ. Сказавъ: *Ему же слава во вѣки. Аминь*, онъ начинаетъ затѣмъ еще сильнѣе свое обличеніе, слѣдующими словами: *чуждуюся, яко тако скоро прелазаетеся отъ завашаго вы благодатию Христовою, во ино благовѣствованіе* (ст. 6). Такъ какъ они соблюденіемъ закона думали угодить Отцу, подобно тому какъ и іудеи преслѣдованіемъ Христа, то онъ прежде всего показываетъ, что, поступая такимъ образомъ, они оскорбляютъ не только Христа, но и Отца. Дѣлая это, говоритъ онъ, вы отлагаетесь не только отъ Христа, но и отъ Отца, потому что какъ ветхій завѣтъ принадлежитъ не только Отцу, но и Сыну, точно такъ же и благодать есть даръ не только Сына, но и Отца, и все у Нихъ общее: все, что принадлежитъ Отцу, есть Мое (Іоан. хvi, 15). Показавъ такимъ образомъ, что они отступаютъ и отъ Отца, онъ возлагаетъ на нихъ двѣ вины: отступленіе и весьма

скорое отступленіе. Конечно, они были бы достойны обвиненія и въ томъ случаѣ, если бы отпали спустя много времени, но здѣсь рѣчь идетъ объ обольщеніи. Вѣдь достойны обвиненія и тотъ, кто отступаетъ спустя долгое время, падающій же при первомъ нападеніи и еще отъ издали пускаемыхъ стрѣлъ показываетъ собою примѣръ крайней слабости. Въ этомъ обвиняетъ (апостолъ) и галатовъ, какъ бы говоря: что такое значить, что обольщающіе васъ не имѣютъ нужды даже и во времени, но и одного перваго приступа довольно для нихъ, чтобы покорить всѣхъ васъ и плѣнить? Какое же вы можете имѣть извиненіе? Если и по отношенію къ друзьямъ подобный поступокъ является виномъ, и оставившій прежнихъ и полезныхъ друзей своихъ достоинъ осужденія; то подумай, какому наказанію подлежитъ тотъ, кто оставилъ Бога, призвавшаго его? Когда же онъ говоритъ: *чуждоуся*, то этимъ словомъ не упрекаетъ ихъ только за то, что они, послѣ столь обильныхъ дарованій, послѣ столь великаго прощенія грѣховъ и столь великаго человеколюбія Божія, добровольно пре-
621 дались игу рабства, но вмѣстѣ и показываетъ, какое имѣетъ онъ о нихъ мнѣніе, т. е. высокое и отличное. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не дивился бы случившемуся, если бы считалъ ихъ слабыми и легко обольщаемыми, но такъ какъ, говоритъ онъ, вы были изъ числа искренно увѣровавшихъ и много потрудившихся, то поэтому я и удивляюсь. Этого довольно было для ихъ обращенія и приведенія въ прежнее состояніе. Это же изъяснилъ онъ и въ серединѣ посланія, сказавъ: *талика пострадаете туне, аще точію и туне* (III, 4). *Прелагается*. Не сказалъ—предложились, но—*прелагается*, т. е. я не вѣрю еще, и не думаю, чтобы это обольщеніе имѣло совершенный успѣхъ, — чѣмъ опять показываетъ надежду обратить ихъ. Это же онъ яснѣе выразилъ и въ послѣдствіи, сказавъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже имо разумити будете* (V, 10). *Отъ звавшаго вы благодатию Христовою*. Призваніе; конечно, есть дѣло Отца, причиною же призванія является Сынъ, такъ какъ. Онъ примирилъ насъ и далъ даръ благодати,—вѣдь не отъ дѣлъ праведныхъ мы получили спасеніе. Лучше же сказать—принадлежащее Сыну принадлежить и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежить и Сыну: *Моя*, говоритъ Онъ, *Твоя, и Твоя Моя* (Іоан. хvii, 10). И не сказалъ: вы прелагаетесь отъ благовѣствованія, но—*отъ звавшаго вы*, т. е. Бога. Онъ употребилъ выраженіе, которое было болѣе грозно для нихъ и скорѣе могло поразить ихъ страхомъ. Люди, хотѣвшіе обольстить галатовъ, дѣлали это не сразу, но, измѣняя мало-по-малу сущность проповѣданныхъ имъ истинъ, не измѣняли ихъ наименованій. Такого же рода и обольщенія діавола, и онъ незамѣтно разставляетъ свои сѣти. Если бы они

стали говорить: отрекитесь отъ Христа, то галаты остерегались бы ихъ какъ обманщиковъ и развратителей, теперь же, оставивъ ихъ до времени въ вѣрѣ и прикрывъ свой обманъ наименованіемъ благовѣствованія, они съ большею смѣлостію подкапывали здание, прикрывая, подобно подкапывающимъ стѣны, какъ бы въ некоторую завѣсоу, этими именами проповѣдуемое ученіе.

6. Итакъ, въ виду того, что они называли свое ложное ученіе благовѣствованіемъ, (апостолъ) весьма кстати вступаетъ и за самое наименованіе и дѣйствуетъ, прямо, говоря: *ево ино благовѣствованіе, еже нѣсть ино* (ст. 7). Прекрасно (сказано), потому что оно дѣйствительно не иное. Но подобно тому, какъ это случается съ больными, которые терпятъ вредъ и отъ здоровой пищи, такъ и маркіониты потерпѣли здѣсь то же самое. Они воспользовались этими словами и говорили: вотъ и Павелъ сказалъ, что нѣтъ другого благовѣствованія,—такъ какъ они принимаютъ не всѣхъ евангелистовъ, но только одного, и притомъ многое отсѣкши и измѣнивши въ немъ по произволу. Что же въ такомъ случаѣ значать сказанныя тѣмъ же апостоломъ слова: *по благовѣствованію моему и проповѣданію Иисусъ Христову* (Римл. xiv, 24)? И такъ, слова ихъ заслуживаютъ великаго посмѣянія; но хотя бы они были и смѣшны, однако необходимо обличить ихъ ложь ради тѣхъ, которые легко соблазняются. Что же мы скажемъ? То, что хотя бы и весьма многіе писали евангелія, но если они будутъ писать одно и то же, въ такомъ случаѣ и многія евангелія будутъ представлять одно, и множество пишущихъ нисколько не воспрепятствуетъ ему быть однимъ, подобно тому какъ и наоборотъ, хотя бы и одинъ кто писалъ, но сталъ бы говорить противное,—написанное имъ не будетъ однимъ. Въ самомъ дѣлѣ, 622 одно или не одно (евангеліе),—это опредѣляется не числомъ пишущихъ, но тождествомъ или разностію содержанія. Отсюда ясно, что и четыре евангелія представляютъ собою одно евангеліе. Въдѣ когда четверо говорятъ одно и то же, то это не будетъ разнымъ только благодаря различію лицъ, но является однимъ въ силу согласія написаннаго ими. И Павелъ говорить здѣсь не о числѣ проповѣдающихъ, но о несогласіи проповѣдуемаго. Поэтому, если по силѣ написаннаго и по правильности догматовъ евангеліе Матѳея представляетъ одно, а Луки—другое, то (маркіониты) справедливо приводятъ слова Павла; если же (эти евангелія представляютъ) совершенно одно и то же, то пусть перестанутъ они безумствовать, притворяясь незнающими того, что вполне ясно и малымъ дѣтямъ. *Точію нѣщии суть смущающіи вы, и хотящии превратити благовѣствованіе Христово* (ст. 7). Это значитъ: до тѣхъ поръ, пока вы будете здравы умомъ и будете обра-

щать вниманіе лишь на правое, а не извращенное, измышляя то, чего нѣтъ, вы не признаете другого евангелія. Подобно тому какъ поврежденный глазъ видитъ одно вмѣсто другого, точно также и умъ, возмущенный приливомъ злыхъ помысловъ, обыкновенно подвергается точно такой же болѣзни. Вотъ почему и страдающіе сумасшествіемъ представляютъ одно вмѣсто другого. Но это безуміе опаснѣе того, такъ какъ причиняетъ вредъ въ познаніи не чувственныхъ предметовъ, но духовныхъ, производить разстройство не въ зрачкѣ плотскихъ глазъ, но въ очахъ ума. *И хотящій прегрѣшити благовѣствованіе Христова.* Правда, они прибавили еще только одну или двѣ заповѣди, установивъ вновь заповѣдь объ обрѣзаніи и соблюденіи дней; но желая показать, что и незначительное нарушеніе закона разрушаетъ все, онъ и сказалъ, что ниспровергается евангеліе. Подобно тому какъ тотъ, кто хотя бы незначительно испортитъ въ царскихъ монетахъ печать, дѣлаетъ негодной всю монету, точно такъ же и тотъ, кто извратитъ и малѣйшій догматъ правой вѣры, все уже подвергаетъ разрушенію, постепенно переходя отъ одного поврежденія къ другому—худшему.

Итакъ, гдѣ осуждающіе насъ въ любопреніи за несогласіе съ еретиками? Гдѣ говорящіе, что нѣтъ никакого различія между нами и ими, но что существующій раздоръ происходитъ отъ любоначалія? Пусть они услышатъ, что говоритъ Павелъ, а именно, что ниспровергають евангеліе и тѣ, которые приносятъ въ него вновь даже что-нибудь и маловажное. Они же вводятъ вновь не маловажное, потому что можетъ ли быть маловажнымъ, когда они называютъ Сына Божія твореніемъ? Развѣ ты не слышалъ, какъ и въ ветхомъ завѣтѣ нѣкто, собиравшій дрова въ субботу и тѣмъ нарушившій одну заповѣдь и притомъ не самую важную, подвергся жестокому наказанію (Числ. xv, 32—36), или о томъ, что Оза, хотѣвшій поддержать угрожавшій паденіемъ ковчегъ завѣта, тотчасъ умеръ, за то, что присвоилъ не соотвѣтствующее ему служеніе (2 Цар. vi, 6,7)? Итакъ, если нарушеніе субботы и прикосновеніе къ падающему ковчегу привели Бога въ такое негодованіе, что дерзнувшіе на то и другое не получили ни малѣйшаго помилованія, то извращающій страшные и неизреченные догматы вѣры неужели получить оправданіе и помилованіе? **623** Нѣтъ ему помилованія, нѣтъ никакого! Это-то самое и служитъ причиною всѣхъ золъ, именно—что мы не безпокоимся о малыхъ проступкахъ. Потому-то и возникли болѣе тяжкіе грѣхи, что малые остаются безъ надлежащаго исправленія. И подобно тому какъ въ отношеніи къ тѣламъ, пренебрегающіе врачеваніемъ ранъ производятъ этимъ горячки, гніеніе и смерть, точно такъ же

и по отношенію къ душамъ—не обращающіе вниманія на незначительныя погрѣшности впадаютъ въ большія. Такой-то, говорятъ, погрѣшаетъ противъ поста, и тутъ нѣтъ ничего важнаго; другой твердъ въ православной вѣрѣ, но, лицемѣря въ угоду времени, не съ такимъ дерзновеніемъ исповѣдуетъ ее,—и это, говорятъ, не представляетъ очень большого зла; иной, будучи раздраженъ, грозилъ отступить отъ правой вѣры,—но и это будто бы не заслуживаетъ наказанія, такъ какъ онъ, говорятъ, согрѣшилъ въ гнѣвъ и раздраженіи. И безчисленное множество подобнаго рода грѣховъ, какъ каждый можетъ видѣть, ежедневно вторгается въ Церковь. Поэтому мы и сдѣлались достойными посмѣянія въ въ глазахъ іудеевъ и эллиновъ, (видящихъ) какъ Церковь раздѣляется на безчисленныя части. Если бы тѣ, которые покушаются отступить отъ божественныхъ законовъ и сдѣлать въ нихъ какое-нибудь маловажное измѣненіе, подвергались соотвѣтственному порицанію, то не появилась бы настоящая зараза и не объяла бы Церкви столь великая буря. Итакъ, смотри, почему Павелъ называетъ обрѣзаніе ниспроверженіемъ евангелія.

7. А нынѣ многіе у насъ и постятся въ одинъ день съ іудеями, равнымъ образомъ и субботы соблюдаютъ; мы же терпимъ это съ мужествомъ, или лучше съ униженіемъ. Да что я говорю объ іудейскихъ (обычаяхъ)? Даже нѣкоторые изъ насъ соблюдаютъ многіе языческіе обычаи, волхвованія, гаданія, предзнаменованія, наблюденіе дней, суевѣрныя примѣты при рожденіи и исполненіи всякаго нечестія письмена, которыя они къ несчастію волагаютъ на головы только что родившихся дѣтей, научая ихъ съ первыхъ дней жизни презирать труды изъ-за добродѣтели и подчиняя участь ихъ обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрѣзывающимся не будетъ никакой пользы отъ Христа (Гал. v, 2), то можетъ ли вѣра сколько-нибудь послужить во спасеніе тѣмъ, которые вводятъ такое нечестіе? Правда, обрѣзаніе было установлено Богомъ, но въ виду того, что оно, будучи соблюдаемо не во время, вредило евангелію, Павелъ сдѣлалъ все, чтобы прекратить его. Неужели же послѣ того, какъ Павелъ приложилъ такое стараніе къ прекращенію іудейскихъ обычаевъ потому только, что соблюденіе ихъ было несвоевременно, мы не уничтожимъ обычаевъ языческихъ? Какое же мы будемъ имѣть оправданіе? Вотъ почему все у насъ теперь въ такомъ смятеніи и смѣшеніи, и наставляемые, преисполненные великой гордости, ниспровергли порядокъ, и все извратилось. Теперь если кто и немного ихъ укорить, они презираютъ своихъ начальниковъ, потому что мы плохо ихъ воспитывали. А между тѣмъ, если бы начальники и дѣйствительно были негодны и преисполнены без-

численныхъ пороковъ, то и въ такомъ случаѣ ученику было бы не позволительно оказывать имъ неповиновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если объ іудейскихъ учителяхъ сказано, что они, какъ сидѣвшіе на Моисеевомъ сѣдалищѣ, заслуживали того, чтобы ихъ слушали 624 наставляемые, хотя дѣла ихъ были настолько злы, что (Господь) приказывалъ ученикамъ не подражать имъ и не соревновать въ нихъ (Мѣ. ххш, 2.8), то какого извиненія будутъ достойны тѣ, которые насмѣхаются и презираютъ предстоятелей Церкви, по благодати Божіей благочестиво живущихъ? Вѣдь если не позволительно осуждать другъ друга, то тѣмъ болѣе нельзя осуждать учителей. *Но еще и азъ или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ* не то, что вы приняли, *анаѣма да будетъ* (ст. 8). Замѣчай благоразуміе апостола! Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ по тщеславію составляетъ свои собственные догматы, онъ подвергъ проклятію также и самого себя. А такъ какъ они опирались еще на достоинство Іакова и Іоанна, то въ виду этого онъ упомянулъ и объ ангелахъ: Чтобы ты не указалъ мнѣ, говоритъ онъ, на Іакова и Іоанна, (я и говорю): хотя бы даже кто изъ первыхъ ангеловъ съ неба сталъ повреждать проповѣдь евангельскую, — да будетъ анаѣма. И не напрасно онъ сказалъ—*съ небесе*, но съ тою цѣлію, чтобы ты, на основаніи того, что и священники называются ангелами (въ словахъ): *понеже устныи іерехови сохраняютъ разумъ, и закона възвѣщаютъ отъ устъ его, яко ангелъ Господа Вседержителя есть* (Малах. п, 7),—не подумалъ, что здѣсь говорится объ этихъ ангелахъ, онъ прибавленіемъ слова—*небесе* указалъ на горнія силы. И не сказалъ: если будутъ проповѣдывать противное, или—нио-провергнуть все, но—если бы и маловажное что стали благовѣствовать несогласно съ тѣмъ, что благовѣствовали мы, да будутъ анаѣма. *Якоже предрекохъ, и нынѣ пакы глаголю* (ст. 9). Для того, чтобы ты не подумалъ, что предыдущія слова произнесены въ гнѣвѣ, или сказаны преувеличенно, или вырвались какъ-нибудь невольно, онъ снова повторяетъ ихъ. Вѣдь кто скажетъ что-нибудь будучи возбужденъ гнѣвомъ, тотъ скоро раскаявается въ своихъ словахъ; кто же въ другой разъ говоритъ то же самое, показываетъ тѣмъ, что онъ сказалъ такъ подумавши и что, прежде рѣшивъ въ умѣ своемъ, онъ произнесъ сказанное именно такъ (какъ рѣшилъ). Авраамъ, умоляемый (богатымъ), чтобы послалъ Лазаря, сказалъ: у нихъ есть Моисей и пророки; если не послушаютъ ихъ, то не послушаютъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ (Лук. хvi, 29, 31). Христосъ, представляя Авраама говорящимъ это, желаетъ показать, что Онъ хочетъ, чтобы болѣе вѣрили Писанію, чѣмъ возстающимъ изъ мертвыхъ. А Павелъ (когда же я называю Павла, я разумѣю вмѣстѣ и Христа, потому что Онъ

самъ дѣйствовать въ душѣ его) предпочитаетъ (Писаніе) и ангеламъ, сходящимъ съ неба; и вполне справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, ангелы, хотя и велики, но они—рабы и слуги, а все Писаніе ниспослано намъ, будучи написано не рабами, но Владыкою и Богомъ всяческихъ. Вотъ почему онъ и говоритъ: если кто будетъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ. Онъ не сказалъ: такой-то или такой-то,—что весьма разумно и не тягостно. Для чего дѣйствительно нужно было упоминать объ имени тому, кто обладалъ такимъ превосходствомъ, что обнималъ всѣхъ—и горнихъ и дольнихъ? Произнесши проклятiе на благовѣстниковъ и ангеловъ, онъ тѣмъ обнялъ всякое достоинство, а произнесши проклятiе и на самого себя—всякое сродство и дружество. Не говори мнѣ, говоритъ онъ, что это проповѣдуютъ твои собратья—апостолы и друзья, потому что я и самого себя не пощажу, если буду проповѣдывать противное. Впрочемъ это онъ говоритъ не для осужденія другихъ апостоловъ, какъ 625 бы извращавшихъ проповѣдь (евангельскую); нѣтъ: мы ли, говоритъ онъ, они ли,—мы такъ проповѣдуемъ (1 Кор. хv, 11); но этимъ онъ хотѣлъ только показать, что достоинство лицъ не приписывается во вниманіе, когда рѣчь идетъ объ истинѣ. *Нынѣ бо человекѣ препираю, или Бога? Или ищу человекомъ угождати? Аще бо быхъ еще человекомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (ст. 10). Если бы, говоритъ, я и могъ обмануть васъ своими словами, то неужели я былъ бы въ состояніи обмануть Бога, Который знаетъ всѣ тайныя помышленія и непрестанно угождаетъ Которому составляетъ предметъ единственной моей заботы? Видишь ли духъ апостольскій? Видишь ли высоту евангельскую? То же самое говорилъ онъ и въ своемъ посланіи къ коринѣянамъ: мы не защищаемся предъ вами, *но вину даемъ вамъ похваленію* (2 Кор. v, 12); и еще: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне* (1 Кор. iv, 8). Такъ какъ онъ, будучи учителемъ, принужденъ защищаться предъ учениками, то хотя и терпѣливо переносить это, но вмѣстѣ съ тѣмъ и негодуетъ, впрочемъ не по гордости,—да не будетъ,—но изъ-за легкомыслія обольщаемыхъ и изъ-за того, что они мало вѣрятъ его словамъ. Вотъ почему онъ и сказалъ это, почти такъ говоря: развѣ у меня съ вами дѣло? Развѣ люди будутъ судить меня? У меня дѣло съ Богомъ, и я дѣлаю все, чтобы оправдаться тамъ, предъ Его судомъ; да я еще и не дошелъ до такого несчастія, чтобы, готовясь дать отвѣтъ въ проповѣди моей предъ Владыкою всяческихъ, сталъ повреждать догматы.

8. Итакъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова частію въ защиту себя, частію же желая дать имъ отпоръ. Вѣдь настав-

ляемымъ слѣдовало не судить своихъ учителей, но вѣрить имъ; но разъ порядокъ уже извращенъ, говоритъ онъ, и вы возсѣли на мѣсто судей, то знайте, что я очень мало забочусь объ оправданіи предъ вами, но все дѣлаю для Бога, чтобы предъ Нимъ и оправдаться въ проповѣдуемыхъ догматахъ. Кто хочетъ снискать благоволеніе людей, тотъ употребляетъ много лукавства и хитрости, пользуется обманомъ и ложью, чтобы склонить на свою сторону и расположить къ себѣ слушателей; напротивъ, кто хочетъ снискать себѣ благоволеніе у Бога и старается угодить Ему, тому нуженъ только здравый и чистый умъ, такъ какъ Божество не поддается обману. Изъ этого очевидно, говоритъ онъ, что и мы пишемъ это не изъ любоначалия, и не для того, чтобы имѣть учениковъ, а равно и не потому, чтобы добивались славы у васъ, такъ какъ мы стараемся угодить не людямъ, но Богу. Если бы я хотѣлъ угождать людямъ, то и теперь былъ бы на сторонѣ іудеевъ, и теперь бы еще преслѣдовалъ Церковь. Но такъ какъ я презрѣлъ цѣлый народъ и друзей и родственниковъ и высокую славу и предпочелъ всему этому гоненію, вражду, брани и каждодневную смерть, то очевидно, что все, что я говорю теперь, я говорю не для пріобрѣтенія славы человѣческой. Сказалъ же онъ это потому, что намѣревается разсказать и свою прежнюю жизнь и внезапную перемѣну, и очевиднымъ образомъ 626 доказать, что онъ стоитъ за истину, чтобы они не подумали, что онъ дѣлаетъ это желая оправдаться предъ ними, и не возгордились. Поэтому онъ и сказалъ напередъ: *нынѣ бо человекѣ ли препираю?* Онъ зналъ, что для исправленія наставляемыхъ иногда бываетъ благовременно предложить что-нибудь высокое и великое. Хотя онъ могъ представить доказательства истины своего проповѣданія и изъ другого источника, напримѣръ доказать это на основаніи знаменій, чудесъ, опасностей, темницъ, ежедневныхъ смертей, голода и жажды, наготы, и на основаніи другого подобнаго этому, но такъ какъ онъ говоритъ теперь не о лжеапостолахъ, но объ апостолахъ, а послѣдніе и сами участвовали въ этихъ опасностяхъ, то онъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса съ другой стороны; въ другихъ же случаяхъ, когда онъ обращаетъ рѣчь свою къ лжеапостоламъ, онъ употребляетъ сравненіе, выставляя на видъ свое терпѣніе въ скорбяхъ и говоритъ: *служителие ли Христовы суть? (Не въ мудрости глаголю) паче азъ: въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излита, въ смертяхъ многаши* (2 Кор. xi, 23). Теперь же онъ разсказываетъ о своемъ прежнемъ образѣ жизни, и говоритъ: *скажу же вамъ, братіе, благовѣствованіе, благовѣщеніе отъ мене, яко нѣсть по чело-вѣку. Ни бо азъ отъ чело-вѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явле-*

нѣмъ Иисусъ Христовымъ (ст. 11 и 12). Смотри, какъ онъ отовсюду представляетъ доказательства того, что былъ ученикомъ Христа, Который самъ, безъ посредства человѣческаго, благоволилъ открыть ему разумѣніе всего. Но какъ же возможно доказать невѣрующимъ, что самъ Богъ, безъ посредства человѣческаго, открылъ тебѣ тѣ ненареченныя тайны? Это доказываетъ, говорить онъ, мой прежній образъ жизни (и внезапное обращеніе): вѣдь если бы не Богъ открылъ мнѣ эти тайны, я не могъ бы такъ внезапно перемѣниться. Для тѣхъ, кто учится у людей, въ томъ случаѣ, если они твердо и пламенно держатся своихъ убѣжденій, бываетъ нужно время и много стараній, чтобы убѣдиться въ противномъ; кто же такъ внезапно перемѣнился и, находясь на самой высокой ступени безумія, пришелъ къ такому искреннему сознанію, тѣмъ ясно показываетъ, что онъ такъ внезапно возвратился къ здравомыслію благодаря божественному откровенію и наставленію. Вотъ почему онъ и вынужденъ упомянуть о своей прежней жизни и призвать ихъ во свидѣтели бывшаго съ нимъ. Конечно, вы не знаете, говорить онъ, того, что единородный Сынъ Божій непосредственно самъ призвалъ меня (гласомъ Своимъ) съ небесъ,—потому что какъ вы можете знать это, разъ вы не были при этомъ?—но вы хорошо знаете, что я былъ гонителемъ. Вѣдь слухъ о моей жестокости достигъ и до васъ, не смотря на громадное разстояніе между Палестиною и Галатією: а такой слухъ обо мнѣ не распространился бы такъ далеко, если бы моя жестокость не была слишкомъ велика и для всѣхъ несносна. Поэтому онъ и говоритъ: *слышасте бо мое житіе иногда въ иудействѣ, яко по премногу гонихъ Церковь Божию и разрушахъ ю* (ст. 13). Видишь ли, съ какою силою выражаетъ каждое (слово), и не стыдится? Вѣдь онъ не просто гналъ, но гналъ со всею жестокостію, и не только гналъ, но и опустошалъ, то есть, старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же такъ свойственно опустошителю. *И преслѣвахъ въ иудействѣ паче многихъ сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ, излиха ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій* (ст. 14).

9. Чтобы ты не подумалъ, что такая дѣятельность его была слѣдствіемъ гнѣва, онъ поясняетъ, что все это онъ дѣлалъ по ревности, хотя и въ невѣдѣніи, и гналъ не изъ тщеславія, и не по враждѣ, но—*ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій*. А слова эти значатъ слѣдующее: если то, что я дѣлалъ противъ Церкви, я дѣлалъ не по побужденіямъ человѣческимъ, а по ревности божественной, правда, ошибочной, но во всякомъ случаѣ—ревности, то какъ же теперь, подвизаясь за Церковь и познавъ истину, я могу дѣлать это по тщеславію? Вѣдь если во время

заблужденія мною не обладала такая страсть, но побуждала меня къ подобному образу дѣйствій ревность по Богѣ, то тѣмъ болѣе, когда я позналъ истину, несправедливо было бы подозрѣвать во мнѣ подобное тщеславіе. Дѣйствительно, лишь только я обратился къ догматамъ Церкви и отказался отъ всѣхъ іудейскихъ заблужденій, я проявилъ еще большую ревность здѣсь, нежели тамъ, а это служить доказательствомъ того, что я истинно перемѣнился и объять божественной ревностію. Если же не это, то что же другое, скажи мнѣ, могло расположить меня къ такой перемѣнѣ и промѣнять честь на поношеніе, покой на опасности, безопасность на страданія? Не было никакой другой причины, кромѣ одной только любви къ истинѣ. *Егда же благоволи Богъ, избравый мя отъ чрева матери моея, и призавый благодатию Своею, явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣстую Его во языцехъ, абіе не приложихся плоти и крови* (ст. 15, 16). Смотри, какъ онъ старается здѣсь показать, что и то время, въ продолженіе котораго онъ оставался въ заблужденіи, находилось въ зависимости отъ нѣкотораго неисповѣдимаго усмотрѣнія (Божія). Въ самомъ дѣлѣ, если онъ отъ чрева матери своей избранъ быть апостоломъ и предназначенъ къ этому служенію, призванъ же послѣ и притомъ, будучи призванъ, послушался (Призывающаго), то очевидно, что Богъ медлилъ призваніемъ его по какой-нибудь неисповѣдимой причинѣ. Какое же могло быть здѣсь усмотрѣніе (Божіе)? Можетъ быть вы сначала отъ меня хотите услышать, почему (Богъ) не призвалъ его вмѣстѣ съ двѣнадцатію (апостолами); но, чтобы, отступивъ отъ занимающаго насъ предмета, не продолжать слова далѣе надлежащаго, и я умоляю вашу любовь не всему учиться отъ меня, но и самимъ изслѣдовать и молить Бога, чтобы Онъ открылъ вамъ. Къ тому же объ этомъ было нами сказано нѣчто и тогда, когда я разсуждалъ съ вами о перемѣнѣ его имени, и почему онъ, носившій имя Савла, былъ названъ Павломъ; если же вы забыли, то справившись въ той книгѣ, узнаете все это. Теперь же по порядку будемъ продолжать свою рѣчь, и замѣтимъ, какъ онъ снова показываетъ, что случившееся съ нимъ не было дѣломъ человѣческимъ, но что Богъ устроилъ все относительно его по особенному промыслу. *И призавый благодатию Своею*. Богъ, говоритъ онъ, призвалъ его за его добродѣтель. *Сосудъ избранъ*. *Ми есмь*, сказалъ Онъ Ананіи, *пронести имя Мое предъ языки и царями* (Дѣян. ix, 15), то есть, онъ способенъ для служенія и совершенія великаго дѣла.

628 Такую причину призванія его указываетъ (Богъ); самъ же (апостолъ) вездѣ приписываетъ все благодати и неизреченному чело-вѣколюбію Божію, говоря такъ: но я помилованъ, не потому,

что я способенъ былъ или достоинъ, но для того, чтобы во мнѣ Онъ показалъ все долготерпѣніе въ примѣрѣ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него въ жизни вѣчной (1 Тим. I, 16). Видишь ли высоту смиренія? Для того я, говоритъ онъ, и помилованъ, чтобы никто не отчаивался, послѣ того какъ худшія изъ всѣхъ людей удостоился человѣколюбія Божія. Вѣдь именно это хотеть показать онъ словами: для того, чтобы во мнѣ показалъ все долготерпѣніе въ примѣрѣ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него. *Явити Сына Своего во мнѣ.* А Христосъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и кому Сынъ хотеть открыть (Мѡ. XI, 27). Видишь ли, что и Отецъ открываетъ Сына, и Сынъ Отца? Тоже самое происходитъ и по отношенію къ славѣ. Сынъ прославляетъ Отца и Отецъ Сына: прославь Меня, говоритъ Онъ, чтобы и Я прославилъ Тебя; и еще: какъ Я прославилъ Тебя (Іоан. XVII, 1, 4). Но почему Онъ не сказалъ: явить Сына Своего мнѣ, но—*во мнѣ*? Для того, чтобы показать, что онъ не только чрезъ слова узналъ то, что относилось къ вѣрѣ, но и преисполнился Духа Святаго, потому что, когда откровеніе озарило его душу, онъ имѣлъ въ себѣ говорящимъ и Христа. *Да благовѣствую Его во языцехъ.* Не только самое обращеніе его къ вѣрѣ, но и призваніе (къ апостольству) было дѣломъ Божиимъ. Вѣдь Онъ открылъ мнѣ Себя съ тою цѣлію, чтобы я не только позналъ Его, но возвѣстилъ о Немъ и другимъ. И онъ не сказалъ просто—другимъ, но: *да благовѣствую Его во языцехъ*, уже этимъ самымъ предуготовляя не малое основаніе для своей защиты, именно отъ самаго происхожденія учениковъ. Вѣдь для него не одинаково являлось необходимымъ проповѣдывать іудеямъ и язычникамъ. *Абѣ не приложихся плоти и крови.* Здѣсь онъ указываетъ на апостоловъ, называя ихъ по естеству. Но если онъ говоритъ это и о всѣхъ людяхъ, мы не противорѣчимъ и этому. *Ниже азыдохъ во Іерусалимъ къ первѣйшимъ мене апостоломъ* (ст. 17). Если кто будетъ разсматривать эти слова въ отдѣльности, можетъ подумать, что они исполнены великаго хвастовства и совершенно несогласны съ духомъ апостольскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшать что-нибудь самому съ собою и никому не открывать своихъ мыслей—можетъ быть приято за гордость. *Видѣхъ, сказано, мужа, нещевавша себе мудра быти, упованіе же имать безумный паче его* (Притч. XXVI, 4, 12); и: *горе, иже мудри въ себѣ сомнѣхъ и предъ собою разумни* (Іс. V, 21); и самъ (Павелъ) говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16).

10. Итакъ, кто слышалъ подобныя наставленія отъ другихъ и самъ училъ тому же другихъ, не могъ конечно впасть въ та-

кое самопѣніе,—не только Павелъ, но и какой-нибудь (простой) человѣкъ. Но, какъ я сказалъ, это изреченіе, будучи разсматриваемо въ отдѣльности, можетъ ввести въ сомнѣніе и поколебать нѣкоторыхъ изъ слушателей; если же мы приведемъ причину, по которой это было сказано, то всѣ будутъ рукоплескать и удивляться сказавшему. Итакъ сдѣлаемъ это. Вѣдь не должно разсматривать отдѣльно взятыя слова, такъ какъ это повлечетъ за собою много погрѣшностей; равнымъ образомъ не должно изслѣдовать и отдѣльно взятаго изреченія, но необходимо обращать вниманіе на намѣреніе пишущаго. И въ нашихъ разговорахъ, если мы не будемъ употреблять этого способа и доискиваться истинной мысли говорящаго, то мы возбудимъ много недоразумѣній, и весь смыслъ рѣчи извратится. Да и что говорить о словахъ, когда и въ дѣлахъ, разъ мы не будемъ слѣдовать этому правилу, все придетъ въ совершенный безпорядокъ? Въ самомъ дѣлѣ, и врачи рѣжутъ тѣло и разскаютъ нѣкоторыя кости, но тоже самое дѣлаютъ часто и разбойники. Какое же было бы несчастіе, если бы мы не могли отличить разбойника отъ врача? Равнымъ образомъ человѣкоубійцы и мученики, предаваемые мучительной смерти, претерпѣваютъ одинаковыя страданія, но между тѣми и другими несомнѣнно великое различіе. Если же мы не будемъ соблюдать указаннаго правила, если будемъ изслѣдовать одни только дѣла, не принимая во вниманіе намѣренія дѣлающихъ, то мы не будемъ въ состояніи видѣть указаннаго различія, но назовемъ человѣкоубійцами и Илію, и Самуила, и Финееса, а Авраама назовемъ, пожалуй, и дѣтоубійцею. Изслѣдуемъ же мысль Павла, съ какою онъ написалъ эти слова; узнаемъ цѣль его и то, каковымъ онъ являлся всегда по отношенію къ апостоламъ,—и тогда узнаемъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ сказалъ это. Конечно, какъ это, такъ и предыдущее онъ сказалъ не для того, чтобы унизить ихъ, а равнымъ образомъ и не для того, чтобы восхвалить себя, — какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ это сдѣлать, когда и самъ себя подвергалъ проклятію (ст. 8)?—но затѣмъ, чтобы повсюду сохранить безопасность Евангелія. Такъ какъ разрушавшіе Церковь говорили, что нужно слѣдовать тѣмъ апостоламъ, которые не запрещаютъ этого, а не Павлу, который это запрещаетъ, а благодаря этому незамѣтно проникало іудейское заблужденіе, то онъ вынужденъ былъ рѣшительно возстать противъ этого, не думая говорить что-либо худое объ апостолахъ, но желая низложить гордость несправедливо возносящихся. Вотъ почему онъ и говорить: *не приложихся плоти и крови*. И было бы крайнею нелѣпостію, если бы тотъ, кто научился отъ Бога, сталъ бы совѣтоваться еще съ людьми. Кто получаетъ уче-

ніе отъ людей, тотъ вполне справедливо и опять прибѣгаетъ къ совѣтамъ людей; но тотъ, кто удостоился того божественнаго и блаженнаго слова и научился всему отъ Того, Кто владѣетъ самымъ сокровищемъ мудрости, для чего сталъ бы еще совѣтоваться съ людьми? Такой человѣкъ по справедливости долженъ не учиться у людей, но учить людей. Итакъ онъ сказалъ эти слова не по гордости, но чтобы показать достоинство своей проповѣди. *Нижѣ изыдохъ*, говоритъ онъ, *къ первѣйшимъ мѣне апостоламъ*. Такъ какъ они говорили, что прочіе (апостолы) были и старше его, и призваны прежде его, то поэтому, говоритъ, онъ и не пошелъ къ нимъ. Если бы ему нужно было вступить въ соглашеніе съ ними, то Открывшій ему слово проповѣди, повелѣлъ бы ему сдѣлать и это.

Итакъ что же, онъ не ходилъ туда? Конечно ходилъ, и не 630 просто, но чтобы узнать нѣчто отъ нихъ. Когда же? Когда въ городѣ Антіохіи, обнаружившемъ съ самаго начала великую ревность къ Церкви, возникло недоумѣніе о томъ же предметѣ, о которомъ и мы теперь разсуждаемъ, и (апостолы) хотѣли узнать, нужно ли обрѣзывать увѣровавшихъ изъ язычниковъ, или же совсѣмъ не слѣдуетъ принуждать ихъ подвергаться тому. Тогда самъ Павелъ и Сила ходили (въ Іерусалимъ). Какъ же въ такомъ случаѣ онъ говоритъ, что не ходилъ и не совѣтовался? Во-первыхъ, потому, что онъ не по своей волѣ ходилъ туда, но былъ посланъ другими; а во-вторыхъ, не для того, чтобы учиться, но чтобы убѣдить другихъ. А самъ онъ съ самаго начала держался того мнѣнія, которое впоследствии утвердили и апостолы, — именно, что не должно обрѣзываться; но такъ какъ они до сихъ поръ не считали его достойнымъ довѣрія и болѣе слушались тѣхъ, которые находились въ Іерусалимѣ, то онъ и ходилъ туда, не для того, впрочемъ, чтобы самому узнать что-нибудь большее, но чтобы убѣдить противниковъ, что и находящіеся въ Іерусалимѣ согласны съ этимъ. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала видѣлъ, что нужно дѣлать, и не имѣлъ никакой нужды въ учителѣ, и въ томъ, что апостолы имѣли утвердить послѣ долгаго разсужденія, онъ непоколебимо былъ утвержденъ свыше еще прежде ихъ разсужденія. Лука, изъясняя это, сказалъ, что, у Павла было большое и продолжительное состязаніе съ ними по этому предмету еще прежде путешествія его въ Іерусалимъ (Дѣян. xv, 2). Но такъ какъ братіямъ угодно было узнать объ этомъ (и отъ остальныхъ апостоловъ), то онъ и пошелъ туда, для нихъ, а не для себя. Если же онъ говоритъ — *неже изыдохъ*, то въ объясненіе этихъ словъ можно сказать то, что онъ не ходилъ туда и въ началѣ своей проповѣди, да и тогда,

когда ходилъ туда, ходилъ не для того, чтобы учиться. Вѣдь именно на обѣ эти мысли указываетъ онъ въ словахъ: *абіе не приложихся плоти и крови*. Онъ не сказалъ просто — *не приложихся*, но—*абіе*. Если же послѣ ходилъ туда, то не за полученіемъ чего-нибудь. *Но идохъ во Аравію*. Смотри, какая пламенная душа! Онъ старался занять страны, еще не воздѣланныя и оставшіяся въ дикомъ состояніи. Если бы онъ оставался вмѣстѣ съ апостолами, не имѣя ничего, чему бы отъ нихъ научиться, то остановилось бы дѣло проповѣди, тогда какъ имъ надлежало вездѣ распространять ученіе. Вотъ почему этотъ блаженный, пламенѣя духомъ, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу ученія людей не наученныхъ еще и дикихъ, избравъ жизнь многотрудную и сопряженную со многими опасностями.

11. И смотри, какое у него смиреніе! Сказавъ: *идохъ во Аравію*, онъ прибавилъ: *и паки возвратихся въ Дамаскъ*. Онъ не говоритъ ничего о своихъ подвигахъ, ни о томъ, кого и сколько-кихъ онъ научилъ, между тѣмъ какъ тотчасъ по крещеніи обнаружилъ такую ревность, что смутилъ іудеевъ и возбудилъ къ себѣ такую ненависть, какъ въ нихъ, такъ и въ язычникахъ, что они подстерегали его и хотѣли умертвить; а этого не случилось бы, если бы онъ не приобрѣлъ великаго множества вѣрующихъ. Такъ какъ они были побуждены ученіемъ его, то имъ и оставалось только обратиться къ убійству, а это было яснымъ 631 доказательствомъ побѣды Павла. Но Христосъ не попустилъ ему умереть, сохраняя его для проповѣди. И не смотря на это, онъ ничего не говоритъ объ этихъ своихъ подвигахъ, а потому все, что онъ ни говоритъ, онъ говоритъ не изъ честолюбія и не для того, чтобы его считали большимъ въ сравненіи съ другими апостолами, а равно и не потому, чтобы онъ огорчался тѣмъ, что его унижаютъ предъ ними, но изъ опасенія, чтобы отсюда не произошло какого-нибудь вреда для проповѣди. Вѣдь онъ самъ называетъ себя и извергомъ, и первымъ изъ грѣшниковъ, и послѣднимъ изъ апостоловъ, и даже недостойнымъ такого названія (1 Кор. iv, 8, 9; 1 Тим. i, 15); и это говоритъ тотъ, кто потрудился больше всѣхъ,—что является особеннымъ доказательствомъ его смиренія. Въ самомъ дѣлѣ, кто, не признавая за собою ничего добраго, говоритъ о себѣ смиренно, тотъ, конечно, благораазуменъ, но его нельзя назвать смиреннымъ; кто же, не смотря на столько вѣнцовъ, говоритъ о себѣ такъ, тотъ умѣетъ быть скромнымъ. *И паки возвратихся*, говоритъ онъ, *въ Дамаскъ*. И какъ много, по всей вѣроятности, онъ совершилъ тамъ! Объ этомъ городѣ онъ говоритъ, что этнархъ (областной правитель) царя Ареты стерегъ этотъ городъ, желая схватить блаженного

(2 Кор. xi, 32), а это служило самымъ явнымъ доказательствомъ того, что онъ весьма сильно нападалъ тамъ на іудеевъ. Но адѣсь онъ ничего не говоритъ объ этомъ, да и тамъ онъ не упомянулъ бы объ этомъ, если бы не видѣлъ, что въ то время самыя обстоятельства требуютъ этого разсказа; но умолчалъ бы, точно такъ же, какъ и адѣсь, говоря о томъ, что онъ приходилъ и ушелъ, онъ ничего болѣе не говоритъ о томъ, что было тамъ. *Потомъ же по тріехъ лѣтъхъ взыдохъ во Іерусалимъ соглядати Петра* (ст. 18). Что можетъ быть смиреннѣе подобной души? Послѣ столь великихъ и столь многихъ подвиговъ, не имѣя никакой нужды въ Петрѣ, ни въ его словѣ, но будучи равночестенъ ему,—больше ничего не скажу пока,—онъ все-таки приходитъ къ нему, какъ бы къ большому и старѣйшему, и причиною путешествія туда указываетъ только то, чтобы увидѣться съ Петромъ. Видишь ли, какъ онъ воздастъ прочимъ апостоламъ должную честь, и не только не считаетъ себя лучше ихъ, но даже и не равняетъ себя съ ними? И это ясно видно изъ предпринятаго имъ путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ настоящее время многіе изъ нашихъ братій отправляются къ святымъ мужамъ, точно такъ же и Павелъ по тому же расположенію ходилъ тогда къ Петру, но только съ гораздо большимъ смиреніемъ. Въ настоящее время предпринимаютъ путешествія для пользы, а блаженный (Павелъ) отправился не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправленія какой-нибудь своей погрѣшности, но исключительно ради того, чтобы видѣть (Петра) и почтить его своимъ присутствіемъ: *соглядати*, говоритъ онъ, *Петра*. И не сказалъ—видѣть Петра, но—видѣться (*istorḡsai*) съ Петромъ (т. е. узанать его), какъ обыкновенно говорятъ люди, разсматривающіе великіе и знатные города. Такъ онъ считалъ достойнымъ особеннаго старанія и одно то, чтобы видѣть этого мужа. Тоже самое ясно показываютъ и дѣла его. Дѣйствительно, когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, послѣ того какъ обратилъ многихъ изъ язычниковъ и совершилъ такіа дѣла, какихъ не совершилъ никто изъ другихъ (апостоловъ), послѣ того какъ обратилъ Памфілію, Ликаонію, народъ Киликійскій и всѣхъ живущихъ въ этой части земли и привелъ ихъ ко Христу, — онъ сначала приходитъ къ Іакову съ великимъ смиреніемъ, какъ бы къ старшему и почтенному большею честію. Затѣмъ онъ выслушиваетъ его совѣты, и притомъ противные тому, что самъ онъ говоритъ теперь. Видишь ли, братъ, сказалъ (Іаковъ), сколько 632 тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ. Но остриги себѣ волосы и очистись (Дѣян. xxi, 20, 24),—и онъ остригся и совершилъ всѣ іудейскіе обычаи. Тамъ, гдѣ не было вреда для благовѣстія, онъ яв-

лялся уступчивѣе всѣхъ; гдѣ же онъ видѣлъ, что отъ уступчивости произойдетъ для нѣкоторыхъ вредъ, онъ не пользовался этимъ преизбыткомъ смиренія, потому что это уже не значило бы быть смиреннымъ, но погублять и развращать наставляемыхъ. *И пребыть у него дней пятнадцать.* Предпринятіе путешествія (ради Петра) было доказательствомъ великаго уваженія къ нему (Павла), пребываніе же въ теченіе столькихъ дней показывало дружественное расположеніе и искреннюю любовь ихъ между собою. *Иного же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня* (ст. 19). Смотри, какое великое расположеніе имѣеть онъ къ Петру: ради него онъ предпринялъ путешествіе, у него и пребывалъ. Говорю же объ этомъ я такъ часто и желаю сохранить это у васъ въ памяти для того, чтобы, когда вы услышите слова, произнесенныя повидимому противъ Петра, никто изъ васъ не подозрѣвалъ апостола. Въ предупрежденіе этого онъ и самъ говоритъ о посѣщеніи Петра, чтобы, когда онъ скажетъ: я противосталъ Петру (II, 11), никто не считалъ этихъ словъ проявленіемъ вражды и соревнованія; и дѣйствительно онъ почитаетъ этого мужа и любить больше всѣхъ. Вѣдь и въ Іерусалимѣ пришелъ онъ, по его словамъ, не ради кого-нибудь другого изъ апостоловъ, но единственно ради него. *Иного же отъ апостолъ не видѣхъ*, говоритъ онъ, *токмо Іакова*. Видѣлъ, говорить, но не учился у него ничему. Но замѣть, съ какимъ почтеніемъ наименовалъ онъ и этого. Не сказалъ онъ просто—Іакова, но прибавилъ и достославное наименованіе его — брата Господня,—такъ онъ былъ чуждъ какой бы то ни было зависти! Если бы онъ хотѣлъ только указать на того, о комъ говорилъ, то могъ бы сдѣлать это понятнымъ, употребивъ другой отличный признакъ, и назвать его сыномъ Клеопы, какъ сказалъ и Евангелистъ (Іоан. XIX, 25). Однако онъ не сказалъ такъ, но такъ какъ считалъ почетныя наименованія апостоловъ и своими наименованіями, то, какъ бы превозносилъ себя самого, такъ величаетъ и его. Вѣдь онъ не называлъ его такъ, какъ я сказалъ, но какъ же? Братомъ Господнимъ. Хотя онъ и не былъ на самомъ дѣлѣ братомъ Господнимъ по плоти, но лишь считался таковымъ, однако и это не остановило (апостола) признать достоинство этого мужа. Да и во многихъ другихъ мѣстахъ онъ показываетъ, что былъ расположенъ ко всѣмъ апостоламъ такъ искренно, какъ ему было прилично. *А яже пишу вамъ, се предъ Богомъ, яко не лгу* (ст. 20). Видишь ли смиреніе этой святой души, одинаково сіяющее повсюду? Онъ, какъ бы состязаясь на судилищѣ и готовясь подвергнуться истязанію, заботился о подобномъ защищеніи себя. *Потомъ же приидохъ въ страны Сирскія и*

Киликійскія (ст. 21),—послѣ свиданія съ Петромъ. Снова начинаетъ онъ слово проповѣди и подлежащій подвигъ, не касаясь иудеевъ, какъ потому, что былъ посланъ къ язычникамъ, такъ и потому, что не хотѣлъ строить на чужомъ основаніи. Вотъ почему онъ не встрѣчался, даже и случайно, съ другими апостолами; это ясно видно и изъ дальнѣйшихъ словъ. *Бѣхъ же, говоритъ онъ, не знаемъ лицемъ Церквамъ Иудейскимъ. Точію же слышаще бяху, яко гоняй насъ иногда, нынѣ благовѣствуетъ въру, юже иногда разрушаше* (ст. 22, 23). Что можетъ быть скромнѣе такой души? Въ самомъ дѣлѣ, все, что служило къ его обвиненію, какъ, напр., то, что онъ гналъ Церковь и опустошалъ ее, онъ изложилъ съ особенною силою и подробностію, обнаруживая такимъ образомъ свою прежнюю жизнь; а то, что могло выставить его съ свѣтлой стороны, обходитъ (молчаніемъ). И имѣя возможность, если бы захотѣлъ, пересказать всѣ свои подвиги, онъ не говоритъ ни объ одномъ изъ нихъ, но, перешедши однимъ словомъ неизмѣримое море, и сказавъ: *приидохъ ѿ страны Сирскія и Киликійскія, и: слышаще бяху, яко гоняй насъ иногда, нынѣ благовѣствуетъ въру, юже иногда разрушаше*, ничего болѣе не прибавилъ. Что же онъ хотѣлъ сказать словами: *не знаемъ бѣхъ церквамъ Иудейскимъ?* (Хотѣлъ) чтобы ты зналъ, что онъ такъ далекъ былъ отъ того, чтобы проповѣдывать имъ обрѣзаніе, что даже и въ лицо не былъ извѣстенъ имъ. *И славяху о мнѣ Бога* (ст. 24). Замѣть и здѣсь правило его смиренія, и съ какою строгостію онъ выполняетъ его. Онъ не сказалъ: дивились мнѣ, хвалили меня, изумлялись мнѣ, но показалъ, что все это было дѣломъ благодати. И прославили, говорить онъ, за меня Бога.

ГЛАВА II.

633

Потомъ же по четырнадцать лѣтъхъ взыдохъ во Іерусалимъ съ Варнавою, поемъ съ собою и Тита, взыдохъ же по откровенію (ст. 1, 2).

1. Причиною перваго восхожденія въ Іерусалимъ служилъ, по его словамъ, Петръ и свиданіе съ нимъ, а причиною второго—откровеніе Духа. *И предложихъ имъ благовѣствованіе, еже проповѣдую во языцехъ, наединѣ же мнимымъ, да не како вотще теку, или текохъ* (ст. 2). Что ты говоришь, Павелъ? Не рѣшившись предложить сначала или черезъ три года, какъ же по прошествіи четырнадцати лѣтъ ты спрашиваешь, не напрасно ли подвижаешься? Насколько бы было лучше тотчасъ въ самомъ началѣ

сдѣлать это, нежели послѣ столькихъ лѣтъ? Зачѣмъ же ты и подвизался, если не былъ увѣренъ, что не напрасно подвизался? Кто можетъ быть настолько неразуменъ, чтобы проповѣдывать въ теченіе столькихъ лѣтъ, не зная, хорошо ли онъ проповѣдуетъ? А еще непонятнѣе этого то, что онъ ходилъ, говорить, по откровенію. Впрочемъ, хотя это и непонятнѣе перваго, какъ я сказалъ, но оно можетъ дать намъ объясненіе и того. Вѣдь если бы онъ и по собственному побужденію ходилъ, то и въ такомъ случаѣ трудно объяснить его поступокъ, потому что невозможно допустить, чтобы эта блаженная душа впала въ такое безразсудство, а онъ самъ говоритъ: *такъ теку, не яко безвѣстно, такъ подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. ix, 26). Итакъ, если (ты бѣжишь) не на невѣрное, то какъ же говоришь: *да не како вотице теку, или текохъ?* Отсюда ясно, что еслибы онъ ходилъ и безъ откровенія, то и тогда поступилъ бы такъ, какъ свойственно только неразумнымъ; только тогда сдѣланное имъ не такъ было бы неумѣстно; когда же и благодать Духа влечетъ его, то кто уже осмѣлится подозрѣвать его въ чемъ-нибудь подобномъ? Поэтому-то онъ и присовокупилъ: *по откровенію*, чтобы ты прежде разрѣшенія вопроса не осудилъ его въ неразуміи, зная, что сдѣланное имъ было не человѣческимъ дѣломъ, но дѣломъ божественнаго промысла, предустраивающаго и настоящее и будущее. Итакъ, какая же причина этого путешествія его? Подобно тому какъ тогда, когда онъ въ первый разъ приходилъ изъ Антіохіи въ Іерусалимъ, онъ приходилъ не для себя, — потому что онъ самъ ясно зналъ, что безъ всякаго измѣненія должно слѣдовать ученію Христа, — но для того, чтобы примирить между собою препирающихся, точно такъ же и нынѣ онъ ходилъ не потому, что

634 имѣлъ нужду узнать, не напрасно ли онъ подвизался, но для того, чтобы вполне убѣдить тѣхъ, которые обвиняли его. Такъ какъ послѣдніе были болѣе высокаго мнѣнія о Петрѣ и Іоаннѣ и думали, что онъ не согласуется съ ними, такъ какъ проповѣдывалъ Евангеліе безъ обрѣзанія, а тѣ допускали таковое, и такъ какъ они думали, что въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ противъ закона, и напрасно подвизается, то онъ и говоритъ поэтому: я ходилъ и сообщилъ имъ благовѣствованіе, не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь отъ нихъ, — о чемъ яснѣе говорить ниже, — но для того, чтобы вразумить тѣхъ, которые подозрѣвали это, что я не напрасно подвизаюсь. А Духъ, предвидя это состязаніе, и расположилъ его идти (въ Іерусалимъ) и сообщить тамъ свое ученіе. Вотъ почему онъ и говоритъ: ходилъ по откровенію, и взялъ съ собою Варнаву и Тита, чтобы они были свидѣтелями его проповѣди. *И предложилъ имъ благовѣствованіе,*

еже проповѣдую во языцѣхъ,—т. е. безъ обрѣзанія, — *наединѣ же мнимымъ*. Что значить—*наединѣ*? Вѣдь кто желаетъ исправить общіе догматы, тотъ не наединѣ, но предъ всѣми излагаетъ ихъ. Но не такъ поступилъ Павелъ, такъ какъ онъ желалъ не научиться чему-нибудь, или исправить, но отнять поводъ къ обману у тѣхъ, которые хотѣли обмануть другихъ. Такъ какъ въ Іерусалимѣ всѣ соблазнялись, если кто допускалъ отступленіе отъ закона, и возбранялъ употреблять обрѣзаніе,—вотъ почему (Іаковъ) и сказалъ: *видиши ли, брате, koliko темъ впровазиши*, и всѣ они *увѣстившася о тебѣ, яко отступленію отъ закона учиши* (Дѣян. xxi, 20, 21)? — такъ какъ (повторяю) соблазнялись, то онъ и не рѣшился придти открыто и изложить предъ всѣми свою проповѣдь, но предложилъ *наединѣ мнимымъ*, при Варнавѣ и Титѣ, чтобы они были достовѣрными свидѣтелями предъ обвинителями его, что и апостолы не нашли противною проповѣдь его, но напротивъ подтвердили ее. Когда же говоритъ—*мнимымъ*, то говоритъ это не для того, чтобы лишить ихъ принадлежащаго имъ достоинства, такъ какъ и о себѣ говоритъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. vii, 40), что означаетъ просто умѣряющаго свое достоинство человѣка, а не отрицающаго въ себѣ то, что имѣеть. Точно такъ же и здѣсь: говоря—*мнимымъ*, говоритъ это по общему о нихъ мнѣнію и своему. Но и Титъ *уже со мною, Еллинъ сый, нужденъ бысть обрѣзатися* (ст. 3). Что значить—*Еллинъ сый*? Значить—былъ изъ эллиновъ и необрѣзанный. Не только я, говорятъ, такъ проповѣдывалъ, но и Титъ поступалъ точно такъ же, и апостолы не принуждали его, необрѣзаннаго, обрѣзываться. Это служило самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, 635 что апостолы не осуждали ученія Павла, или его дѣлъ. А что еще болѣе важно, — было доказательствомъ того, что и тогда, когда противники, узнавши объ этомъ, настаивали на обрѣзаніи, они не могли принудить апостоловъ приказать сдѣлать это,—на что именно онъ и указывалъ словами: *и за пришедшую лжебратію* (ст. 4). Кто же эти лжебратія? Это требуетъ здѣсь не малаго изслѣдованія. Вѣдь если апостолы допускали здѣсь обрѣзаніе, то почему ты называешь лжебратіями тѣхъ, которые, согласно съ мнѣніемъ апостоловъ, и сами приказывали дѣлать это? Во-первыхъ, потому, что не одно и то же требовать что-нибудь дѣлать и допускать дѣлаемое. Въ самомъ дѣлѣ, кто приказываетъ, тотъ настаиваетъ на этомъ, какъ необходимомъ и важномъ, а кто хотя не требуетъ самъ, но не возбраняетъ желающему, тотъ допускаетъ извѣстное дѣйствіе, не какъ необходимо-должное, но по особенному какому-нибудь соображенію. Скажу напримѣръ: Павелъ писалъ коринѣянамъ и повелѣвалъ женамъ и мужамъ опять жить вмѣстѣ (1 Кор. vii, 5).

2. Но чтобы ты не подумалъ, что онъ налагаетъ на нихъ законъ этими словами, онъ прибавилъ: *сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію* (1 Кор. vii, 6), потому что это означало не рѣшительный приговоръ его, но снисхожденіе къ ихъ неводержанію. Поэтому и говорить: чрезъ неводержаніе ваше (ст. 5). Если же ты желалъ знать мнѣніе Павла объ этомъ, то послушай, что онъ говоритъ: *хочу, да вси челоѣцы будутъ, якоже и азъ*,—въ воздержаніи (ст. 7). Точно такъ же и здѣсь, — апостолы допускали обрѣзаніе не какъ защитники закона, но по снисхожденію къ немощи іудеевъ. Дѣйствительно, если бы они защищали законъ, то не стали бы проповѣдывать іудеямъ такъ, а язычникамъ иначе; и если что необходимо было дѣлать по закону Христову невѣрнымъ, то очевидно, что это же нужно было дѣлать и всѣмъ вѣрнымъ. Если же они постановили закономъ не отягощать этимъ (обрѣзаніемъ) язычниковъ, то показали тѣмъ, что и іудеямъ они дозволяли его только по снисхожденію.

Но лжебратія дѣлали это не по такому побужденію, а для того, чтобы отторгнуть вѣрующихъ отъ благодати и снова подчинить ихъ подъ иго рабства. Это—первое различіе, полагающее великое разстояніе между апостолами и лжебратіями. Второе же то, что апостолы дѣлали это въ Іудеѣ, гдѣ и законъ еще имѣлъ силу, а лжебратія дѣлали это повсюду, такъ какъ хотѣли поработить и всѣхъ галатовъ. Отсюда ясно, что это дѣлалось не для созиданія, но для совершеннаго разрушенія. И притомъ съ инымъ намѣреніемъ допускали это апостолы, и съ инымъ принуждали къ тому лжебратія. *Иже привидоша соглядати свободы нашея, юже имамы о Христѣ Іисусѣ*. Видишь ли, какъ названіемъ соглядатаевъ онъ выразилъ непріязнь ихъ? Дѣйствительно, соглядатаи входятъ только для того, чтобы, разузнавши дѣла противниковъ, приготовить себѣ удобнѣйшія средства къ пораженію и уничтоженію ихъ; такъ же поступали тогда и лжебратія, желая подчинить галатовъ ветхозавѣтному рабству. Такимъ образомъ и отсюда ясно, что намѣреніе апостоловъ и лжебратій было не одно и то же, но, напротивъ, совершенно противоположно. Первые допускали снисхожденіе для того, чтобы мало-по-малу вывести изъ рабства; послѣдніе же устанавливали это, чтобы подвергнуть еще большому рабству. Поэтому они тщательно подсматривали и наблюдали, кто былъ обрѣзанъ,—какъ и Павелъ, указывая на это, сказалъ: *привидоша соглядати свободы нашея*, обнаруживая коварство ихъ не только названіемъ соглядатаевъ, но и тѣмъ, что они приходили тайно и скрытнымъ образомъ. *Имже ни часу повинухомся оъ покореніе* (ст. 5). Замѣть высоту и выразительность этихъ словъ. Не сказалъ—въ словѣ, но—*оъ покореніе*, потому что тѣ дѣлали это

не для того, чтобы научить чему-нибудь полезному, но чтобы подчинить и поработить себя. Поэтому, говорить, апостоламъ мы уступили, а тѣмъ—нѣтъ. *Да истина благовѣстія пребудетъ въ васъ.* Чтобы то, говорить, чему мы учили словами, подтвердить дѣлами, а именно, что древнее прошло и стало все новое, что *еще кто во Христа, нова тварь* (2 Кор. v, 17) и что обрѣзавающимся не будетъ никакой пользы отъ Христа (Галат. v, 2 и vi, 15). Утверждая эту истину, мы ни на часъ не уступили (имъ). Но такъ какъ противъ него сейчасъ же говорили поступки апостоловъ, и поэтому нѣкоторые естественно могли сказать: какъ же они повелѣваютъ это?—то смотри, 'какъ мудро рѣшаетъ онъ это возраженіе. Онъ не указываетъ истинной причины, именно—что апостолы дѣлали это по снисхожденію и по особому соображенію,—такъ какъ это могло бы повредить слушателямъ. Вѣдь не нужно знать причины дѣйствія тѣмъ, которые, благодаря ему, имѣютъ получить какую-нибудь пользу, потому что если откроется причина того, что дѣлается, то все разрушится. Поэтому только тотъ, кто дѣлаетъ, долженъ знать причину дѣйствія, тѣ же, для которыхъ готовится польза чрезъ это, не должны знать этой причины. А чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ то, что я говорю, я представлю примѣръ изъ этого же самаго предмета. Самъ этотъ блаженный Павелъ, отмѣняющій обрѣзаніе, когда хотѣлъ послать Тимофея учителемъ къ іудеямъ, сначала обрѣзалъ его, и тогда уже послалъ (Дѣян. xvi, 3).

Это сдѣлалъ онъ для того, чтобы слушатели имѣли болѣе довѣрія къ Тимофею, и онъ пришелъ къ нимъ обрѣзанный, чтобы уничтожить обрѣзаніе. И самъ онъ, а также и Тимофей, знали причину этого дѣла, но ученикамъ не сказали. Дѣйствительно, если бы они узнали, что онъ обрѣзался для того, чтобы уничтожить обрѣзаніе, то совершенно не стали бы слушать его проповѣди, и погибла бы вся польза, а теперь невѣдѣніе принесло имъ величайшую пользу. Полагая, конечно, что онъ сдѣлалъ это, какъ хранитель закона, они благосклонно и охотно принимали и его и его ученіе. А принимая мало-по-малу его ученіе и утверждаясь въ немъ, они оставили древнее, чего не случилось бы, если бы они въ самомъ началѣ узнали причину. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они узнали это, то стали бы отвращаться отъ него, а отвращаясь, не стали бы слушать, не слушая же, остались бы въ прежнемъ заблужденіи. А чтобы не случилось послѣдняго, онъ и не открылъ причины. Вотъ почему и здѣсь онъ не открываетъ причины такого дѣйствія, но другимъ путемъ ведетъ свое слово, 637
говоря такъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда быша, ничтоже ми разстоуетъ: лица Богъ человека не приемлетъ* (ст. 6).

Здѣсь онъ не только не защищаетъ апостоловъ, но и сильно говоритъ противъ этихъ святыхъ, чтобы доставить пользу немощнымъ. Слова же его имѣютъ такое значеніе: если они и допущаютъ обрѣзаніе, то они же дадутъ и отвѣтъ Богу. Вѣдь Богъ, за то только, что они почитаются великими и верховными, не уважить лица ихъ. Впрочемъ онъ сказалъ не такъ откровенно, но съ осторожностію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ: если они повреждаютъ проповѣдь и проповѣдуютъ не такъ, какъ заповѣданъ, то дадутъ отвѣтъ на послѣднемъ судѣ и понесутъ тяжкое наказаніе; ничего подобнаго не сказалъ онъ, но, кажется, гораздо почтительнѣе касается ихъ, говоря такъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша*. И не сказалъ: каковы они теперь, но—*бѣша*, показывая этимъ, что и они перестали послѣ такъ проповѣдывать, когда повсюду возсіялъ свѣтъ проповѣди. Словами же: *якови нѣкогда бѣша*, говорить: если они такъ проповѣдывали, то сами дадутъ отвѣтъ. И не предъ людьми, но предъ Богомъ они дадутъ отвѣтъ.

3. Говорилъ же онъ это не потому, чтобы сомнѣвался въ нихъ, или не зналъ ихъ намѣреній, но, какъ я сказалъ, потому, что считалъ болѣе полезнымъ такъ вести свое слово. Потомъ, чтобы не подумали, что онъ держится противнаго пути, обвиняя ихъ, и тѣмъ не подать повода къ раздѣленію, онъ тотчасъ исправилъ свою рѣчь, сказавъ: *мнѣ мнимии ничтоже привозложиша*. Что же это значить? Что говорите вы, того, говорить онъ, я не знаю; а между тѣмъ достоверно знаю то, что они не противорѣчили мнѣ, напротивъ были единомысленны и согласны со мною,—вѣдь это именно показываетъ онъ словами: *десницы даша* (ст. 9). Но пока онъ не говоритъ этого, а говоритъ только, что они ничему не учили его, ничего не поправляли и ничего не прибавили къ тому, что онъ зналъ. *Мнѣ бо мнимии*, говоритъ онъ, *ничто же привозложиша*. Это значить: узнавши мое ученіе, они ничего не прибавили къ нему, ничего не исправили, и это не смотря на то, что они знали, что я пришелъ для того, чтобы сообщить имъ мое ученіе, притомъ пришелъ по откровенію Духа, чтобы сообщить это, и привелъ съ собою необрѣзаннаго Тита; но они ни мнѣ ничего не сказали больше того, что я зналъ, ни Тита не обрѣзали. *Но сопротивное* (ст. 7). Что же значить—*сопротивное*? Нѣкоторые думаютъ, что этимъ онъ хотѣлъ сказать, что (апостолы) не только ничему не научили его, но еще и сами научились отъ него; но я не скажу этого. Въ самомъ дѣлѣ, чему бы еще они стали учиться у него? Вѣдь каждый изъ нихъ былъ совершенъ. Итакъ не это хочеть сказать онъ словомъ—*сопротивное*, но то, что они не только не укоряли его, а напротивъ были

такъ далеки отъ порицаній, что еще и одобрили его, потому что противоположное порицанію есть одобреніе. Но противъ этого нѣкоторые могли сейчасъ же сказать: если они одобрили, то почему въ такомъ случаѣ не отмѣнили обрѣзанія? Въдѣ если одобрили, то надлежало отмѣнить его. Но сказать, что отмѣнили, онъ считалъ слишкомъ, нескромнымъ и думалъ, что этимъ онъ возбудитъ открытую борьбу противъ (апостольскаго) исповѣданія. Съ другой стороны онъ видѣлъ, что открыто признать, что необходимо допускать обрѣзаніе, значитъ встрѣтитъ другое возраженіе. Если они одобрили твою проповѣдь, сказали бы тогда, 638
а сами допускали обрѣзаніе, то въ такомъ случаѣ они сами противорѣчили себѣ. Какъ же разрѣшить это затрудненіе? Онъ могъ, конечно, сказать, что (апостолы) сдѣлали это (дозволили обрѣзаніе) по снисхожденію къ іудеямъ; но, сказавъ это, онъ поколебалъ бы все основаніе ихъ мудраго устройства. Вотъ почему онъ и не говоритъ этого, но оставляетъ это подъ сомнѣніемъ и нерѣшеннымъ, сказавъ только: *отъ мнящихся же быти что, ничто же ми разстоуетъ*, какъ бы говоря тѣмъ: я не осуждаю и не оговариваю этихъ святыхъ; они сами знаютъ, что дѣлали,—такъ какъ должны дать отвѣтъ Богу; предметъ же моей заботы—доказать только то, что они не отвергали моего ученія, и не поправляли его, и не прибавили къ нему ничего, какъ будто бы въ немъ чего-нибудь не доставало, но напротивъ одобрили его и подтвердили своимъ согласіемъ, и свидѣтелями этого я имѣю Тита и Варнаву. Поэтому онъ и говоритъ далѣе: *уразумѣше, яко утвѣрено ми бысть благовѣстіе необрѣзанія, яко же Петру обрѣзанія*,—разумѣя подъ обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ не самое дѣло, но народы, различающіеся этимъ между собою. Дѣйствительно, далѣе онъ и говоритъ: *ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (ст. 8). Итакъ, подобно тому, какъ необрѣзаніемъ онъ называетъ язычниковъ, такъ обрѣзаніемъ—іудеевъ. При этомъ показывается, что онъ имѣетъ равную честь (съ апостолами) и сравниваетъ себя не съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ нихъ, но съ первоверховнымъ, показывая этимъ, что каждый изъ нихъ получилъ равное достоинство. Представивъ же доказательство своего единомыслія (съ апостолами), онъ уже смѣло и свободно продолжаетъ свою бесѣду и не останавливается уже только на однихъ апостолахъ, но возводитъ слово свое даже до Христа и благодати (апостольства), данной ему Христомъ, называя свидѣтелями этого самихъ апостоловъ, и говоритъ: *познавше благодать Господа, данную ми, Іаковъ и Кива, и Іоаннъ, мнози мнози быти, десницы даша мнѣ и Варнава общенія* (ст. 9). И не сказалъ: услышавши, но—*познавше*, т. е. убѣдившись изъ самыхъ

дѣлѣ, *десницы даша мнѣ и Варнавъ общенія*. Видишь ли, какъ онъ мало-по-малу показаль, что его проповѣданіе угодно и Христу, и апостоламъ? Въ самомъ дѣлѣ, благодать не была бы дана ему и не дѣйствовала бы въ немъ, если бы подобное проповѣданіе не было угодно (Христу). И гдѣ ему нужно было сравнивать себя, тамъ онъ упоминаетъ объ одномъ только Петрѣ, а гдѣ надлежало представить свидѣтельство, тамъ называетъ троихъ вмѣстѣ, и притомъ съ похвалою, говоря: *Киѳа и Іакобъ, и Іоаннъ, мнози столпи быти*. И опять, словомъ—*мнози* онъ не отвергаетъ того, что они дѣйствительно были таковы, но приводитъ мнѣніе и другихъ, и говоритъ, что тѣ великіе и славные, которыхъ всѣ повсюду превозносятъ, сами являются свидѣтелями того, что говорю я, а именно, что это угодно и Христу, что въ истинѣ этого они убѣдились изъ самыхъ дѣлъ и увѣрились въ томъ изъ самаго опыта. Вотъ почему они и подали мнѣ руку (общенія), и не только мнѣ, но и Варнавѣ, *да мы во языки, они же во обрѣзаніе*.

Какое богатство разума и непререкаемое доказательство согласія! Онъ показываетъ, что ихъ ученіе было согласно съ его ученіемъ, и его ученіе было согласно съ ихъ ученіемъ. Той и 639 другой сторонѣ угодно было тоже самое,—чтобы они проповѣдывали такъ іудеямъ, а онъ такъ язычникамъ, а потому и прибавилъ: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе*. Видишь ли, что обрѣзаніемъ онъ называетъ здѣсь не самое дѣло, а іудеевъ? Когда онъ говоритъ о самомъ дѣйстви обрѣзанія, то, желая показать его отличіе, противопоставляетъ ему необрѣзаніе, напримѣръ, когда говоритъ: *обрѣзаніе пользуетъ, аще законъ творимъ: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе быти* (Римл. II, 25); или еще: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (Галат. V, 6). Когда же онъ такъ называетъ іудеевъ, и хочетъ обозначить этимъ словомъ не самое дѣло, а народъ, то противопоставляетъ ему не необрѣзаніе, а язычниковъ. Язычникамъ противопоставляются іудеи, а обрѣзанію—необрѣзаніе,—какъ напримѣръ, когда онъ и выше говоритъ: *ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки*, или еще здѣсь: *мы во языки, они же во обрѣзаніе*,—онъ разумѣетъ не самое дѣло, но называетъ этимъ словомъ народъ іудейскій, противопоставляя его язычникамъ. *Точію нищихъ да помнимъ, еже и потщася сіе истое творити* (ст. 10).

4. Что же значать эти слова? Въ дѣлѣ проповѣди, говоритъ онъ, мы раздѣлили между собою вселенную: я взялъ язычниковъ, а они—іудеевъ, какъ то угодно было Богу; въ попеченіи же о нищихъ изъ іудеевъ, и я оказывалъ имъ помощь. Поэтому, если бы между нами было несогласіе и распря, то они не приняли бы

моего участія. Что же это за нищія? Многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ въ Палестинѣ, которые лишились всего имущества и повсюду были гонимы. На это указываетъ онъ въ посланіи къ Евреямъ, когда говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріѣдете* (Евр. х, 34); на то же указываетъ и въ посланіи къ Фессалоникійцамъ, когда восклицаетъ ихъ мужество: *вы, говорите онъ, подобныцы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи, зане и вы тѣмъ же пострадаете отъ своихъ сплемеппикъ, якоже и тѣ отъ іудей* (1 Фессал. и, 14). Да и повсюду онъ показываетъ, что увѣровавшіе изъ язычниковъ не такъ были преслѣдуемы оставшимися въ язычествѣ, какъ были гонимы увѣровавшіе изъ іудеевъ своими единоплеменниками, потому что іудеи—самый жестокий народъ изъ всѣхъ народовъ. Вотъ почему (апостолы) такъ много заботятся о вѣрующихъ изъ іудеевъ, проявляя по отношенію къ нимъ все свое усердіе, да и (самъ апостолъ Павелъ) пишетъ о нихъ и къ римлянамъ и къ коринѳянамъ. И онъ не только собираетъ для нихъ деньги, но и самъ относитъ ихъ (1 Кор. хvi), и говоритъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. хv, 25), такъ какъ они нуждались и въ самой необходимой пищѣ. Такъ и здѣсь, указывая на это, говоритъ, что ему поручено было помогать имъ въ этой нуждѣ, и онъ принялъ это порученіе и не уклонился отъ него. Показавъ такимъ образомъ свое согласіе и единомысліе (съ апостолами), онъ далѣе находитъ нужнымъ упомянуть и о разговорѣ своемъ съ Петромъ, происходившемъ въ Антиохіи, и говоритъ: *егда же прииде Петръ во Антиохію, въ лице ему противу ставъ, яко зазоренъ бѣ. Прежде бо даже не пріити нѣхъ отъ Іакова, съ языки ядѣше: егда же приидоша, опрѣташеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія* (ст. 11, 12).

Многіе, читая эти слова посланія безъ должнаго вниманія, думаютъ, что Павелъ обличаетъ ими лицемѣріе Петра; но это совершенно не такъ, этого допустить невозможно, такъ какъ мы найдемъ здѣсь великое благоразуміе и Петра и Павла, сокровенно направленное въ пользу слушателей. Но прежде необходимо сказать о дерзновеніи Петра и о томъ, какъ онъ всегда предварялъ всѣхъ учениковъ (Христовыхъ). Благодаря этому онъ получилъ и имя свое за твердую и непоколебимую вѣру: когда были спрашиваемы всѣ вообще, онъ, предваривъ другихъ, отвѣчаетъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѣ. хvi, 16), за что ему тогда ввѣрены были и ключи царства небснаго. Точно также и на горѣ онъ одинъ является говорящимъ, и когда (Господь) бесѣдовалъ о крестѣ, и всѣ другіе молчали, онъ одинъ сказалъ: *будь милостивъ къ Себѣ* (ст. 22). И хотя эти слова не были плодомъ зрѣлаго разсужденія, все же они происходили отъ пламенной

любви. Да и вездѣ мы видимъ его болѣе ревностнымъ, чѣмъ другіе, и предворяющимъ другихъ въ опасностяхъ. Такъ, когда (Господь) явился ученикамъ на берегу, онъ, въ то время какъ другіе спѣшили къ берегу на суднѣ, не былъ въ состояніи дожидаться, пока судно придетъ къ берегу; да и послѣ воскресенія (Господа), когда іудеи, дыша убійствомъ и неистовствуя, искали истребить (учениковъ), онъ первый выступивъ осмѣлился, возвысилъ голосъ и сказалъ, что Распятый возсталъ и находится на небесахъ. Но не одно и то же отверзѣть заключенныя двери и положить начало дѣлу,—и потомъ продолжать начатое съ тою же смѣлостію. Итакъ, какимъ образомъ могло бы случиться, что тотъ, кто отдалъ душу свою въ руки такого множества народа, сталъ бы потомъ когда-нибудь лицемѣрить? Кто, не смотря на то, что подвергался бичеванію и узамъ, не согласился нисколько уступить своего дерзновенія, и притомъ въ самомъ началѣ проповѣди, въ центрѣ столицы, гдѣ угрожала ему столь великая опасность, — какъ могъ такой человѣкъ бояться увѣровавшихъ изъ іудеевъ спустя столько уже времени и въ Антиохіи, гдѣ не было и никакой опасности, и послѣ уже того, какъ онъ приобрѣлъ великую славу и засвидѣтельствовалъ ее такими дѣлами? Кто не страшился самихъ іудеевъ и притомъ въ самомъ началѣ и въ столицѣ ихъ, какъ, по прошествіи такого уже времени и находясь въ чужомъ городѣ, сталъ бы бояться тѣхъ, которые отдѣлились (отъ іудеевъ)? Итакъ Павелъ говоритъ это не противъ Петра; но говоритъ это съ тѣмъ же самымъ намѣреніемъ, съ какимъ сказалъ: *отъ мнящихся же быти что, якови никогда быша, ничтоже ми разстоуетъ*. Впрочемъ, чтобы намъ долѣе не оставаться въ сомнѣніи относительно этого, необходимо раскрыть причину еказаннаго. Апостолы, какъ я сказалъ выше, дозволяли въ Іерусалимѣ обрѣзаніе, такъ какъ невозможно было вдругъ отвлечь отъ закона; но когда они пришли въ Антиохію, то ничего подобнаго не соблюдали уже, но жили одинаково съ вѣрующими изъ язычниковъ; такъ безъ сомнѣнія поступалъ тогда и Петръ. Когда же пришли изъ Іерусалима знавшіе, что онъ проповѣдывалъ тамъ иначе, то онъ пересталъ поступать по-язычески, боясь оскорбить ихъ, и измѣнилъ образъ жизни, имѣя въ виду двѣ цѣли: чтобы

641 не привести въ соблазнъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, и чтобы Павлу доставить благовидный случай для обличенія. Вѣдь если бы тотъ, кто проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ, не отвергая обрѣзанія, измѣнилъ свой образъ мысли въ Антиохіи, то вѣрующіе изъ іудеевъ подумали бы, что онъ поступаетъ такъ изъ страха предъ Павломъ, и ученики осудили бы его въ крайнемъ легкомысліи, а это могло бы явиться не малымъ соблазномъ. Впрочемъ своей

переменной онъ не подалъ бы такого подозрѣнія Павлу, такъ какъ послѣднему, ясно знавшему все, было извѣстно и намѣреніе, съ которымъ такъ дѣйствовалъ Петръ. Вотъ почему Павелъ обличаетъ, а Петръ переноситъ это, чтобы ученики, видя молчаніе учителя, не смотря на сдѣланный ему выговоръ, тѣмъ легче могли измѣнить свой образъ мыслей. Если бы Павелъ не при такихъ обстоятельствахъ сталъ увѣщевать ихъ, онъ не произвелъ бы ничего важнаго; теперь же, воспользовавшись удобнымъ случаемъ для строгаго обличенія, онъ внушилъ гораздо болѣе страхъ ученикамъ Петра. А если бы Петръ, выслушавъ обличеніе, сталъ противорѣчить, то кто-нибудь справедливо могъ бы обвинять его въ томъ, что онъ извращаетъ строеніе спасенія; теперь же, когда одинъ обличаетъ, а другой молчитъ,—вѣрующіе изъ іудеевъ поражены были великимъ страхомъ. Вотъ для чего онъ такъ сильно и обличаетъ Петра.

5. И смотри, съ какою осмотрительностью говоритъ онъ, давая замѣтить благоразумнымъ, что слова его не были дѣломъ раздора, но дѣломъ мудраго усмотрѣнія. *Егда же, говоритъ, прииде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу ставъ, яко зазоренъ бы.* Не сказалъ—(подвергался нареканію) отъ меня, но—отъ другихъ. А если бы и самъ (Павелъ) осуждалъ его, то не усумнился бы сказать это. Слова же его: *въ лице ему противу ставъ* являются лишь образнымъ выраженіемъ. Еслибы они въ самомъ дѣлѣ были несогласны между собою, то конечно не стали бы обличать другъ друга въ присутствіи учениковъ, такъ какъ этимъ они подали бы большой соблазнъ; теперь же это кажущееся несогласіе было полезно. И какъ Павелъ уступилъ (апостоламъ) въ Іерусалимѣ, такъ и они ему въ Антіохіи. Въ чемъ же состояло пререканіе? *Прежде бо даже не приити нѣкимъ отъ Іакова* (а послѣдній и самъ былъ учителемъ въ Іерусалимѣ), *съ языки ядѣше: егда же приидоша, опрѣчашеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія;* не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому,—въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто не боялся въ началѣ, тѣмъ болѣе не могъ бояться теперь,—но того, чтобы не отпали (ученики), такъ какъ онъ и самъ говоритъ галатамъ: *боюсь о васъ, еда како всеу трудихся* (iv, 11), и еще коринѣянамъ: *боюсь, чтобы какъ змѣи прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились* (2 Кор. xi, 3). Вѣдь страхъ смерти ничего не значилъ для нихъ, но страхъ гибели учениковъ сильно поражалъ души ихъ. *Яко и Варнава пристати лицемѣрствоу ихъ* (ст. 13). Не удивляйся тому, что поступокъ (Петра) онъ называетъ лицемѣріемъ, потому что, какъ я сказалъ уже, онъ не хотѣлъ открывать намѣренія, для того, чтобы (іудеи) несправились. Такъ какъ они сильно привязаны были къ

закону, то въ видѣ этого онъ и называетъ поступокъ (Петра) лицемѣремъ, и такъ сильно обличаетъ его, чтобы совершенно уничтожить укоренившееся въ нихъ предубѣжденіе. А Петръ, слыша это, также показываетъ видъ, какъ будто онъ дѣйствительно виновенъ, для того, чтобы благодаря сдѣланному ему порицанію (увѣровавшіе изъ іудеевъ) исправились. Если бы Павелъ сталъ обличать самихъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, то они съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергли бы его обличеніе, такъ какъ еще не питали къ нему большого уваженія; теперь же, видя, что учитель ихъ, будучи обличаемъ, молчитъ, они не могли ни прене-
642 бречь, ни противорѣчить тому, что говорилъ (Павелъ). *Но егда видяхъ, яко не право ходять во истинѣмъ благовѣствованіи* (ст. 14). Пусть не смущаютъ васъ и эти слова, такъ какъ онъ говоритъ ихъ не въ обличеніе Петру, но придаетъ такой видъ словамъ, чтобы они, будучи выслушаны, принесли пользу тѣмъ, которые чрезъ обличеніе Петра должны были стать лучшими. *Рекохъ Петру предъ всѣми.* Видишь ли, какъ исправляетъ другихъ? Для того именно и сказалъ—*предъ всѣми*, чтобы устрашились и слушающіе. Что же ты сказалъ? *Аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живещи, почто языки нудиши іудейски жителствовати?* Но не язычники, а іудеи были увлечены къ лицемѣрію (примѣромъ Петра): почему же въ такомъ случаѣ обвиняешь въ томъ, чего не было? Почему ты обращаешь рѣчь свою не противъ лицемѣрившихъ изъ іудеевъ, а противъ язычниковъ? Почему также обвиняешь одного Петра, тогда какъ и прочіе лицемѣрили вмѣстѣ съ нимъ? Разсмотримъ же, въ чемъ состоитъ самое обвиненіе. *Аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живещи, почто языки нудиши іудейски жителствовати?* Но вѣдь тайлся одинъ (Петръ): чего же въ такомъ случаѣ онъ хочетъ достигнуть, говоря это? Хочетъ сдѣлать, чтобы обличеніе не возбуждало подозрительности противъ себя. Если бы онъ сказалъ: ты худо дѣлаешь, соблюдая законъ,—то увѣровавшіе изъ іудеевъ обвинили бы его въ дерзости противъ своего учителя; теперь же, обвиняя его за своихъ учениковъ, т. е. обратившихся изъ язычниковъ, онъ дѣлаетъ этимъ удобовоспріемлемой свою рѣчь, и не только этимъ, но и тѣмъ, что, оставивъ обличеніе всѣхъ другихъ, обратилъ его всецѣло противъ апостола. *Аще ты, говоритъ, іудей сый, язычески, а не іудейски живещи,*—почти совершенно явно говоря тѣмъ: вы подражаете своему учителю, а между тѣмъ и самъ онъ, будучи іудеемъ, живетъ по-язычески. Но онъ не сказалъ такъ ясно, потому что увѣщанія его не приняли бы, а открываетъ мысль Петра подъ видомъ выговора за язычниковъ. Равнымъ образомъ, если бы онъ сказалъ: зачѣмъ ты принуждаешь обратившихся

изъ іудеевъ жить по-іудейски?—слова его были бы гораздо невыносимѣе; теперь же, какъ бы принимая сторону учениковъ изъ язычниковъ, а не изъ іудеевъ, этимъ самымъ исправляетъ послѣднихъ. Въдѣ упреки становятся наиболѣе удобовосприимчивыми тогда, когда бываюгъ не слишкомъ суровы. Да и изъ язычниковъ никто не могъ обвинять Павла, потому что онъ говорилъ противъ іудеевъ. А все это устроилъ во благо Петръ своимъ молчаніемъ, принявъ на себя видъ лицемерія, чтобы тѣмъ освободить іудеевъ отъ дѣйствительнаго лицемерія. Итакъ, сначала онъ направляетъ свою рѣчь лично къ Петру, сказавъ: *аще ты іудей сый*, а потомъ обращаетъ ее ко всѣмъ вообще, не исключая и себя, и говорить такъ: *мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы* (ст. 15). Слова его были въ дѣйствительности только увѣщаніемъ, но имъ былъ приданъ видъ укорины по причинѣ бывшихъ тутъ вѣрующихъ изъ іудеевъ.

6. Тоже дѣлаетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ: говоря повидимому одно, имѣетъ въ виду другое; такъ, когда въ посланіи къ Римлянамъ говорить: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. хv, 25). Этимъ, конечно, онъ не то хотѣлъ сказать, и не просто только увѣдомить ихъ о томъ, для чего онъ пошелъ въ Іерусалимъ, но хотѣлъ ихъ побудить къ соревнованію въ милостынѣ. Въдѣ если бы онъ хотѣлъ указать только на причину своего путешествія, то довольно было бы сказать: *иду (въ Іерусалимъ)*, чтобы послужить святымъ; а теперь, смотри, какъ много онъ присоединяетъ еще. *Благоволиши бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ во Іерусалимѣ. Благоволиши бо и должны имъ суть*. И еще: *аще бо въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должны суть и въ плотскихъ послужити имъ* (Рим. хv, 26—27). Смотри же, какъ и въ настоящемъ случаѣ онъ нислагаетъ гордые помыслы іудеевъ, достигая одного посредствомъ другого, и со властію продолжаетъ рѣчь свою, говоря: *мы естествомъ іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы*. Что же значить—*естествомъ іудеи*? Мы—не изъ язычества обращенные (*тропілитои*), но отъ младенчества воспитанные въ законѣ, оставивши прежній образъ жизни, въ которомъ воспитались, прибѣгли къ вѣрѣ во Христа. *Увѣдѣши же, яко не оправдится человекъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою, и мы во Христа вѣровахомъ* (ст. 16). Смотри, съ какою осмотрительностію говорить онъ все это. Мы оставили законъ, говорить, не потому, чтобы онъ былъ золь, но потому, что немоощенъ. Повтому, если законъ не доставляетъ оправданія, то излишне и обрѣзаніе. Впрочемъ такъ говорить онъ теперь, далѣе же показываетъ, что обрѣзаніе не только излишне, но и опасно; и особенно замѣчательно, что сна-

чала онъ сказать только: *не оправдится человекъ отъ дѣлъ закона*, далѣе же выражается гораздо сильнѣе: *аще ли ищуще оправдаться о Христѣ, обрѣтохомся и сами грѣшники, Христосъ убо грѣху ли служителъ* (ст. 17). Если, говорить, вѣра во Христа не можетъ оправдать, но снова необходимо слѣдовать закону, то, оставивъ законъ для Христа и не получая оправданія чрезъ это оставленіе, но подвергаясь осужденію, мы должны будемъ признать виновникомъ осужденія Того, къ Которому мы перешли, оставивъ рѣди Него же законъ. Смотри, къ какой неизбежной нелѣпости привелъ онъ свое слово, и съ какою силою подвизался? Если не должно оставлять закона, говорить онъ, а мы оставили его для Христа, то какъ мы будемъ судимы? Но для чего ты говоришь и совѣтуешь Петру, который зналъ это совершеннѣе всѣхъ? Не ему ли Богъ открылъ, что человекъ необрѣзаннаго не должно осуждать за то, что не обрѣзанъ? Не онъ ли, рассуждая объ этомъ съ іудеями, такъ сильно противостоялъ имъ на основаніи этого откровенія? Не онъ ли также посылалъ изъ Іерусалима ясныя наставленія относительно этого?

Итакъ, это онъ говорить не для исправленія Петра, но найдя нужнымъ обратить рѣчь свою къ Петру, обличалъ между тѣмъ учениковъ. Притомъ слова эти относятся не только къ галатамъ, но и ко всѣмъ тѣмъ, которые подобно имъ страдаютъ тою же болѣзнію. Вѣдь хотя въ настоящее время многіе уже не обрѣзываются, но постыятся и соблюдаютъ субботу вмѣстѣ съ ними, а дѣлая это, лишаютъ сами себя наравнѣ съ ними благодати. Если въ самомъ дѣлѣ для тѣхъ, которые только обрѣзывались, не будетъ никакой пользы отъ Христа, то, когда присоединяется къ этому еще постъ и суббота, и вмѣсто одной заповѣди исполняются двѣ,—смотри, какая угрожаетъ опасность, отъ времени дѣлающаяся еще сильнѣе! Тѣ поступали такъ въ началѣ, когда еще существовалъ ихъ городъ, храмъ и все прочее, эти же, будучи свидѣтелями и наказанія, которое понесли іудеи, и разрушенія ихъ города, и не смотря на это соблюдающіе законъ еще въ большей мѣрѣ, какое могутъ представить оправданіе, сохраняя его тогда, когда и сами іудеи, даже при всемъ своемъ желаніи, не могутъ уже соблюдать его? Ты облекся во Христа, содѣлался членомъ Владычнымъ, сопричисленъ къ высшему граду, и все еще пресмыкаешься около закона? Какъ же возможно тебѣ достигнуть царства (небеснаго)? Послушай словъ Павла, который говорить, что соблюденіемъ закона ниспровергается Евангеліе. И, если хочешь, узнай, какъ это возможно, и тогда устранись и постарайся избѣжать угрожающей бездны. Почему ты, въ самомъ дѣлѣ, соблюдаешь субботу и постишься вмѣстѣ (съ іудеями)? Безъ

сомнѣнія потому, что боишься оставить законъ и его предписанія; но ты не устранился бы оставить законъ, если бы не презиралъ вѣры, какъ слабой и самой по себѣ не могущей доставить спасеніе. Вѣдь если ты боишься не соблюдать субботы, то очевидно, что ты устранился закона, какъ имѣющаго силу еще и въ настоящее время. Если же опять нуженъ законъ, то безъ сомнѣнія нужна не часть его, и не одна какая-нибудь заповѣдь, но нуженъ весь законъ; а если весь, то такимъ образомъ мало-по-малу уничтожится и оправданіе вѣрою. Если ты соблюдаешь субботу, то почему и не обрѣзаываешься? А если будешь обрѣзываться, то почему не станешь приносить и жертвы? Если, въ самомъ дѣлѣ, необходимо исполнять законъ, то необходимо исполнять его весь; если же всего исполнять не нужно, то не нужно исполнять и части его. Если, съ другой стороны, ты страшишься подвергнуться осужденію за преступленіе одной части закона, то тѣмъ болѣе нужно страшиться за преступленіе всего закона; а если нарушение цѣлаго закона не подвергаетъ осужденію, то ясно, что не подвергаетъ ему и нарушение части; если же нарушение одной части подвергаетъ осужденію, то тѣмъ болѣе нарушение цѣлаго закона. А если необходимо исполненіе всего закона, то необходимо отвергнуться Христа, или, послѣдуя Христу, сдѣлаться преступникомъ закона. Вѣдь если должно исполнять законъ, то неисполняющіе его—преступники, и виновникомъ этого преступленія закона окажется у насъ Христосъ, такъ какъ Онъ самъ разрѣшалъ отъ (исполненія) закона, и другимъ повелѣлъ разрѣшать.

7. Видишь, до чего доходятъ іудействующие? Христа, виновника нашего спасенія, они выставляютъ виновникомъ и грѣха, какъ и Павелъ говоритъ: *Христосъ убо грѣху ли служителъ?* Послѣ того какъ онъ довелъ ихъ до такой нелѣпости, ему уже не нужно было доказательствъ къ опроверженію ихъ, но достаточно было одного отрицанія, почему онъ и сказалъ только: *да не будетъ*, такъ какъ противъ совершенной нелѣпости и безстыдства не нужно изыскивать доказательствъ, а достаточно и одного отрицанія. *Аще бо яже разорихъ, сія наки созидаю, преступника себе представляю* (ст. 18). Посмотри на благоразуміе Павла. Іудеи хотѣли показать, что не соблюдающій закона есть преступникъ; а онъ говоритъ совершенно противное и показываетъ, что исполняющій законъ есть преступникъ, и не только вѣры, но и самаго закона, такъ какъ подъ словами—*яже разорихъ, сія наки созидаю* онъ разумѣетъ законъ. А слова его имѣютъ такой смыслъ: за- 645
конъ потерялъ свою силу, и мы подтвердили это тѣмъ, что, оставивши его, прибѣгли къ спасенію вѣрою. Поэтому, если мы уси-

ливаемся возстановить законъ, то этимъ самымъ становимся преступниками, такъ какъ упорно хотимъ соблюдать то, что отмѣнено самимъ Богомъ. Далѣе показываетъ и то, какимъ образомъ отмѣненъ законъ. *Азъ бо закономъ закону умеръ* (ст. 19). Эти слова имѣютъ двоякій смыслъ: или онъ говоритъ о законѣ благодати, потому что и благодать онъ обыкновенно называетъ закономъ, напримѣръ когда говоритъ: а законъ Духа жизни освободилъ меня (Рим. viii, 2), или же разумѣетъ здѣсь великій законъ, желая показать, что черезъ этотъ же самый законъ онъ умеръ закону, т. е., самый законъ убѣдилъ меня больше не слѣдовать ему. И если послѣ этого буду слѣдовать ему, то этимъ самымъ нарушу его. Какъ же и какимъ образомъ? Моисей, предсказывая о Христѣ, говоритъ: пророка воздвигнетъ намъ Господь Богъ изъ братьевъ вашихъ, какъ меня,—Его слушайте (Втор. xviii, 15). Такимъ образомъ тѣ, которые не повинуются Христу, преступаютъ законъ. Но мы можемъ и иначе понимать слова—*закономъ закону умеръ*. Вѣдь законъ повелѣваетъ исполнять все написанное въ немъ, а не исполняющаго наказываетъ. Поэтому мы всѣ умерли для закона, такъ какъ никто не исполнилъ его. И смотри, съ какою осторожностію онъ и здѣсь возражаетъ противъ закона: онъ не сказалъ—законъ умеръ для меня, но—я умеръ для закона. А эти слова имѣютъ такой смыслъ: подобно тому какъ для бездушнаго и мертваго является невозможнымъ повиноваться заповѣдямъ закона, точно такъ же и для меня, умершаго отъ клятвы закона,—потому что я умеръ чрезъ то, что говоритъ онъ. Слѣдовательно, онъ болѣе не долженъ требовать повиновенія отъ умершаго, котораго и самъ онъ умертвилъ, и притомъ смертію не только тѣлесною, но и духовною, чрезъ которую подвергъ и тѣлесной. А что онъ говоритъ именно это, ясно показали изъ послѣдующаго. *Да Богови живъ буду*, говоритъ онъ, *Христови сораспялся*. Такъ какъ онъ сказалъ: я умеръ, то чтобы кто не сказалъ ему: какъ же ты живъ?—онъ и представилъ причину жизни, и показалъ, что хотя законъ и умертвилъ его живого, но Христось, воспринявъ мертваго, оживотворилъ чрезъ смерть Свою; и этимъ показываетъ двойное чудо—во-первыхъ, (Христось) оживотворилъ мертваго, и во-вторыхъ, чрезъ смерть даровалъ жизнь. Подъ смертію онъ разумѣетъ здѣсь жизнь, потому что это именно показываютъ слова его: *да Богови живъ буду, Христови сораспялся*. Но какимъ образомъ, скажетъ кто-нибудь, онъ сораспялся, когда былъ живъ и дышалъ? Что Христось былъ распятъ, это ясно; но какъ ты и распялся и живешь? Смотри, какъ онъ изъясняетъ и это, говоря: *живу же не тѣмъ азъ, но живетъ во мнѣ Христось* (ст. 20). Сказавъ — *Христови сораспялся*, онъ указалъ на креще-

ніе, словами же—*живу же не къ тѣмъ азъ*,—на послѣдующій затѣмъ образъ жизни, которымъ умерщвляются наши уды. Что же значить: *живетъ во мнѣ Христосъ*? То, говоритъ, что я ничего не дѣлаю, что не угодно Христу. Подобно тому какъ подѣ смертію онъ разумѣетъ не обыкновенную смерть, но смерть изъ-за грѣховъ, точно также и подѣ жизнию разумѣетъ освобожденіе отъ нихъ (грѣховъ), потому что по Богѣ невозможно жить иначе, какъ умерши для грѣха. И вотъ, какъ Христосъ претерпѣлъ смерть тѣлесную, такъ и я смерть по отношенію къ грѣху. Умертвите, говоритъ, земные члены ваши, каковы суть блудъ, нечистота, прелюбодѣяніе (Кол. ш, 5), и еще: ветхій нашъ человекъ распятъ (Рим. vi, 6), что совершилось въ купели крещенія. Послѣ этого, если ты будешь оставаться мертвымъ для грѣха, то будешь жить Богу, если же снова воскреснешь для грѣха, то ты потеряешь эту жизнь. Но Павелъ не таковъ, онъ оставался во всю жизнь мертвымъ (грѣху). Итакъ, если я, говоритъ онъ, живу для Бога другою жизнью, чѣмъ какою жилъ въ законѣ, и сдѣлался мертвъ для закона, то ничего уже не могу исполнять изъ закона.

8. Смотри какъ правильна его жизнь и особенно подивись этой блаженной душѣ! Онъ не сказалъ—живу я, но—*живетъ во мнѣ Христосъ*. Кто дерзнетъ оспаривать истину этихъ словъ? Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ проявилъ совершенное послушаніе Христу, отказался отъ всего временнаго и все дѣлалъ по волѣ Его, то и не сказалъ—я живу для Христа, но, что гораздо важнѣе: *живетъ во мнѣ Христосъ*. Подобно тому, какъ грѣхъ, овладѣвъ человекомъ, самъ живетъ въ немъ, направляя душу его по своему желанію, точно также, если съ умерщвленіемъ грѣха человекъ дѣлаетъ благоугодное Христу, то такая жизнь является уже не жизнью человека, но живущаго въ насъ, т. е. дѣйствующаго и управляющаго (Христа). А такъ какъ онъ сказалъ—*со-распаяся*, и—*не тому живу*, но умеръ, и многимъ казалось, что онъ говоритъ невѣроятное, то и присовокупилъ: *а еже нынѣ живу во плоти, вторю живу Сына Божія*. То, что сказано мною, говоритъ, относится къ духовной жизни; если же кто хочетъ узнать и настоящую плотскую мою жизнь, то и таковая стала возможной для меня только чрезъ вѣру во Христа. Что касается до прежняго образа жизни и закона, то я достоинъ былъ величайшаго наказанія, и давно уже надлежало бы мнѣ погибнуть: *еси бо со-зрѣвшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. ш, 23), и Христосъ искупилъ насъ уже приговоренныхъ къ смерти, искупилъ тогда, когда мы находились уже въ ожиданіи скорago исполненія этого приговора и когда всѣ мы были уже мертвы, если не въ дѣй-

ствительности, то по смертному о насъ приговору. И послѣ того уже, какъ законъ осудилъ насъ и Богъ приговорилъ къ смерти, Христосъ, пришедши и предавъ самого Себя на смерть, освободилъ всѣхъ насъ отъ смерти. Поэтому, *еще нынѣ живу во плоти, открою живу*. А если бы не было этого, то ничто не могло бы воспрепятствовать всеобщей гибели, какъ это случилось и во время потопа; только пришествіе Христа, отвративши гнѣвъ Божій, дало намъ возможность жить вѣрою. А что дѣйствительно онъ говоритъ это, выслушай слѣдующее далѣе: сказавши—*а еще нынѣ живу во плоти, открою живу*, онъ прибавилъ еще: *Сына Божія возлюбившаго мене, и предавшаго Себе по мнѣ*. Что ты дѣлаешь, Павелъ, присвоя общее всѣмъ себѣ и относя исключительно къ себѣ то, что сдѣлано за весь міръ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ—возлюбившаго насъ, но—*возлюбившаго мене*. Евангелистъ между тѣмъ говоритъ: *такъ возлюби Богъ міръ* (Іоан. III, 16), да и ты самъ въ другомъ мѣстѣ говоришь: Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его—не за тебя, но—за всѣхъ (Рим. VIII, 32); и еще: чтобы приобрести себѣ народъ особенный (Тит. II, 14). Итакъ, что же значитъ сказанное имъ здѣсь? Представивъ себѣ всю безнадежность человѣческаго естества и неизреченное попеченіе Христа, а равно и то, отъ чего онъ освободилъ насъ и что даровалъ намъ, онъ, будучи объять пламенемъ любви къ

647 Нему, и говоритъ такимъ образомъ. Такъ и пророки часто называютъ общаго всѣмъ Бога своимъ, говоря: *Богъ, Богъ мой, къ тебѣ утреннюю* (Псал. LXXII, 2). Кромѣ того этимъ онъ хотѣлъ показать, что каждый изъ насъ столь же справедливою благодарностію обязанъ Христу, какою (онъ былъ бы обязанъ), если бы Онъ пришелъ и для него одного. Вѣдь Онъ не отказался бы принять на Себя таковое ходатайство и за одного, потому что и каждого человѣка въ отдѣльности онъ любитъ въ такой же мѣрѣ, какъ и весь міръ. Притомъ, хотя жертва была принесена за всю природу и достаточна была для спасенія всѣхъ, но воспользовались благодареніемъ ея одни увѣровавшіе. И то обстоятельство, что не всѣ обратились (ко Христу), во всякомъ случаѣ не могло удержать Его отъ такового ходатайства, но подобно тому, какъ и упоминаемый въ Евангеліи пиръ былъ приготовленъ для всѣхъ и, когда на него не пожелали придти званые, Онъ всетаки не отмѣнилъ его, но призвалъ другихъ (Лук. XIV, 16),—такъ точно поступилъ Онъ и здѣсь. И овца, отставшая отъ девяти, была одна, а всетаки Онъ не презрѣлъ и ее (Мат. XXIII, 12). Тоже самое даетъ понять и Павелъ, когда, разсуждая объ іудеяхъ, говоритъ: *что бо, еще не открываша нынѣ? Еда несправедливое изъ открывающаго упразднить? Да не будетъ. Да будетъ же Богъ истиненъ,*

всѣхъ же человекъ ложь (Рим. III, 3, 4). Итакъ, послѣ того какъ Онъ возлюбилъ тебя настолько, что предать самого Себя, и, когда ты не имѣлъ уже надежды ко спасенію, привелъ тебя къ столь 648 великой и столь высокой жизни, ты, получивши такія блага, все-таки опять обращаешься къ ветхозавѣтному? Такимъ образомъ тщательно изслѣдовавъ, что требовало изслѣдованія, онъ заключаетъ рѣчь свою возгласеніемъ, говоря: *не отмечаю благодати Божіа* (ст. 21). Пусть слышать это тѣ, которые и нынѣ живутъ еще по-иудейски и привержены къ закону: сказанное относится и къ нимъ. *Аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре*. Что можетъ быть тяжелѣе этого грѣха? Какія еще слова болѣе этихъ способны пристыдить? Вѣдь если Христосъ умеръ, то очевидно потому, что законъ не въ состояніи оправдать насъ; если же законъ оправдываетъ, то смерть Христа бесполезна. Но не безразсудно ли будетъ называть бесполезнымъ и напраснымъ это столь великое, столь страшное и превышающее умъ человѣческій дѣло, это неизреченное таинство, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали патріархи, которое предсказывали пророки, взирая на которое ужасались ангелы и которое по справедливости признается всѣми самымъ главнымъ дѣломъ Божіа промысленія о насъ? Представивъ такимъ образомъ высшей степенью нелѣпости считать совершеніе этого столь великаго и важнаго дѣла бесполезнымъ (а это именно и доказывали поступки галатовъ), онъ далѣе поноситъ ихъ, говоря такъ:

ГЛАВА III.

647

О несмысленніи Галате, кто вы прельстилъ есть? имже предъ очима Иисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распять (ст. 1).

1. Здѣсь онъ переходитъ уже къ другому предмету. Въ предыдущихъ главахъ онъ показалъ только, что сдѣлался апостоломъ не отъ людей и не чрезъ людей, и что не имѣлъ нужды въ наученіи отъ апостоловъ; здѣсь же послѣ того какъ уже представилъ себя достойнымъ довѣрія учителемъ, бесѣдуетъ съ болшею властію, сравнивая между собою законъ и вѣру. Такъ въ началѣ онъ говоритъ: *чуждуюся, яко тако скоро прелагается* (1, 6); а здѣсь: *о несмысленніи Галате!* Тогда онъ скрывалъ свое негодованіе, теперь же, послѣ того какъ защитилъ себя и доказалъ это, обнаружилъ его. Если же онъ называетъ ихъ несмысленными, то не удивляйся этому: поступая такъ, онъ не нарушаетъ закона

Христовъ, который запрещаетъ называть брата своего безумнымъ (Мѣ. v, 22), но строго исполняетъ его. Вѣдь тамъ не просто сказано—кто назоветъ брата своего безумнымъ, но—кто назоветъ напрасно. Нѣкоторые же изъ галатовъ по всей справедливости заслуживали этого названія, такъ какъ они послѣ столь многихъ и столь великихъ благодѣяній не переставали держаться прежнихъ обычаевъ, какъ будто бы ничего особеннаго не случилось съ ними. Если же ты за это называешь Павла обидчикомъ, то и Петра за Ананію и Сапфиру (Дѣян. v) долженъ будешь называть челоуѣкоубійцею. Но если сказать первое—безумно, то тѣмъ болѣе безумно сказать послѣднее. Ты же обрати вниманіе на то, что онъ не въ самомъ началѣ употребилъ такую строгость, но послѣ обличеній и доказательствъ, когда уже они получили это порицаніе будто бы не отъ него, но какъ необходимое слѣдствіе самыхъ обличеній. Въ самомъ дѣлѣ, только уже послѣ того какъ онъ доказалъ, что они отметають вѣру и представляютъ смерть Христа излишнею, онъ прибавляетъ это порицаніе, притомъ болѣе легкое, чѣмъ они заслуживали, такъ какъ они достойны были порицанія еще въ болѣе строгихъ выраженіяхъ. Впрочемъ смотри, какъ онъ сейчасъ же, какъ только укорилъ ихъ, смяг-
 648 чаетъ свою рѣчь. Онъ не сказалъ: кто васъ обманулъ? кто злоупотребилъ вашей простотой? кто ввелъ васъ въ заблужденіе? но—*кто вы прельстили есть*¹⁾?—не лишая такимъ образомъ порицанія и нѣкоторой доли похвалы. Этимъ онъ показываетъ, что прежніе поступки ихъ были достойны зависти, и что случившееся съ ними было дѣломъ непріязни діавола, сильно досадовавшаго на ихъ благоденствіе. Когда же ты слышишь здѣсь слово—зависть, или въ Евангеліи слова—худое око (Мѣ. vi, 23), что означаетъ то же самое, то не подумай, что одно устремленіе глазъ можетъ вредить тѣмъ, на кого смотреть, потому что глазъ, какъ членъ тѣла, самъ по себѣ не можетъ быть завистливъ; но здѣсь Христосъ такъ называетъ зависть. Вѣдь дѣло глазъ—просто только смотрѣть, смотрѣть же лукаво—зависитъ отъ развращеннаго сердца. Такъ какъ чрезъ чувство зрѣнія входитъ въ нашу душу знаніе разсматриваемыхъ нами предметовъ, и напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ возбуждаетъ въ насъ зависть богатство, а богатство мы видимъ глазами, равно какъ начальниковъ и ихъ свиту, то онъ поэтому называетъ лукавымъ такое око, которое не просто смотреть, но смотреть съ завистію и душевною злобою. Сказавъ же—*кто вы прельстили есть?*—онъ показываетъ, что завидующіе дѣлають это не изъ благожеланія и не для вос-

¹⁾ Ἐπηρεσάτεν—сглазилъ, обманулъ побуждаемый завистію.

полненія недостающаго, но для того, чтобы уничтожить и то, что было. Вѣдь дѣло зависти—не восполнять недостающее, но отнимать нѣчто и изъ наполненнаго уже, съ тѣмъ, чтобы послѣ лишить всего. И это говоритъ онъ не потому, чтобы зависть сама по себѣ имѣла силу (вредить), но потому что учившіе этому по зависти рѣшились на это. *Имже предъ очима Иисусъ Христосъ преднаписанъ быти съ васъ распятъ.* Но не въ Галатійской странѣ Онъ распятъ былъ, а въ Іерусалимѣ: почему же онъ говоритъ—*съ васъ?* Этими онъ хочетъ указать на сиди върн, которая мо- 649 жетъ видѣть и отдаленное. И не сказалъ онъ—распятъ, но—предначертанъ былъ распятымъ, ясно показывая тѣмъ, что они очами върн видѣли это гораздо лучше. чѣмъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тамъ и смотрѣвшихъ на совершавшееся предъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ этихъ послѣднихъ, видя все это собственными глазами, не получили никакой пользы, а тѣ, хотя и не видѣли этого своими глазами, но силою върн увидѣли еще яснѣе. Говоря же это, онъ и укоряетъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хвалить. Хвалить за то, что они все совершившееся приняли съ полной увѣренностію въ истинѣ, а укоряетъ за то, что они оставили Того, Котораго видѣли обнаженнымъ за нихъ, привязаннымъ къ столпу, пригвожденнымъ ко кресту, оплеваннымъ, поруганнымъ, напояемымъ оцтомъ, поносимымъ разбойниками, прободаемымъ копіемъ (все это онъ обнялъ словами *преднаписанъ быти съ васъ распятъ*), и, оставивши Его, обратились къ закону, нисколько не устыдившись этихъ страданій Его. Ты же замѣть, какъ онъ, оставивъ небо, землю, море и все прочее, проповѣдывалъ силу Христову, повсюду прославляя (одинъ) крестъ. Это было верхомъ божественнаго промысленія о насъ. *Сіе едино хочу увидѣти отъ васъ, отъ дѣла ли закона Духа пріясте, или отъ слуха оны* (ст. 2)? Такъ какъ вы, говорить, не слушаете продолжительныхъ наставленій и не хотите видѣть всего величія домостроительства Божія, то я хочу убѣдить васъ немногими словами и кратчайшимъ доказательствомъ, видя крайнее ваше невѣжество. Выны онъ вразумлялъ ихъ бесѣдою, обращенною къ Петру, здѣсь же обращаетъ рѣчь свою къ нимъ непосредственно, заимствуя все, служащее къ убѣжденію ихъ, не изъ того, что случилось въ другомъ мѣстѣ, но изъ того, что произошло съ ними, и убѣждаетъ и увѣряетъ ихъ не изъ тѣхъ только дарованій, которыя были у нихъ общими съ другими, но и изъ тѣхъ, которыя были сообщены собственно имъ. Поэтому и говоритъ: *сіе едино хочу увидѣти отъ васъ, отъ дѣла ли закона Духа пріясте, или отъ слуха оны?* Вы получили Духа Святаго, говоритъ онъ, творили многія чудеса, совершали знаменія, воскрешая мертвыхъ, очищая

прокаженныхъ, пророчествуя и говоря разными языками. Законъ ли вамъ дать такую силу? Но прежде вы не дѣлали ничего подобнаго. Слѣдовательно вѣра?

2. Итакъ, не есть ли дѣло крайняго безумія—оставить вѣру, даровавшую вамъ столь великія блага, и снова обратиться къ закону, который не далъ вамъ ничего подобнаго? *Тако ли: не смисленни есте, начетие духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (ст. 3). Опять благовременно онъ укорилъ ихъ. Надлежало бы вамъ, говорить, съ теченіемъ времени умножить свое преспѣваніе въ вѣрѣ; а вы не только ничего не прибавили, но еще и возвратились назадъ. Другіе, начиная съ малаго и постепенно преуспѣвая, наконецъ восходятъ къ великому, а вы, начавши съ великаго, перешли къ противному. Если бы вы начали и съ плотского, то и въ такомъ случаѣ вамъ надлежало бы возвыситься до духовнаго; теперь же вы, начавши съ духовнаго, возвратились къ плотскому, такъ какъ творить знаменія есть дѣло духовное, а обрѣзывать—плотское. А вы отъ знаменій перешли къ обрѣзанію, постигну истину возвратились къ образамъ, послѣ соверщенія солнца ищете свѣтильника, послѣ твердой пищи обращаетесь къ молоку. И не сказалъ онъ—плотію совершаете (*σαρκισθε*), но—плотію скончаваете (*ἐπισαρκισθε*), показывая этимъ, что лжеучители, уловивши ихъ, 650 умертвили какъ безсловесныхъ животныхъ, когда они сами добровольно согласились терпѣть все, что угодно было тѣмъ,—подобно тому, какъ если бы какой полководецъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, стяжавшій уже безчисленные трофеи и побѣды, предавши самъ себя на поруганіе измѣнникамъ, дозволить имъ безъ всякаго сопротивленія заклеить свое тѣло. *Тако ли пострадаете туне? аще точію и туне* (ст. 4). Это должно было поразить ихъ еще сильнѣе, чѣмъ сказанное выше. Воспоминаніе о знаменіяхъ не такъ сильно могло подѣйствовать на нихъ, какъ указаніе на подвиги и страданія, которыя они претерпѣли за Христа. Они хотятъ, говорить онъ, чтобы вы потеряли все то, что претерпѣли (за Христа), и стараются лишить васъ заслуженнаго вѣнца. Но вслѣдъ за тѣмъ, чтобы не поразить слишкомъ ихъ души и не сокрушить ихъ силу, онъ, не дожидаясь отъ нихъ отвѣта, тотчасъ присовокупилъ: *аще точію и туне*. Если вы, говорить, захотите образумиться и исправиться, то это не будетъ безъ пользы. Что скажутъ теперь отвергающіе покаяніе? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ галаты получили и Духа, и творили знаменія, и были исповѣдниками, претерпѣвши ради Христа безчисленныя опасности и гоненія, и послѣ такихъ благихъ дѣлъ, отпали отъ благодати. И всетаки, говорить (апостолъ), если вы захотите, то можете снова достигнуть прежняго состоянія. *Подаяй убо вамъ Духа, и дѣйствующей силы*

въ васъ, отъ дѣлъ ли закона, или отъ слуха вѣры (ст. 5)? Вы удостоились такого дара и сотворили столько чудесъ, говорить онъ, потому ли, что соблюдали законъ, или потому, что сохраняли вѣру? Конечно—за вѣру. Такъ какъ (лжеучители) толковали это въ ту и другую сторону, и повсюду разглашали, что вѣра безъ соединенія съ закономъ не имѣетъ силы, то (апостолъ) утверждаетъ противное, именно, что съ присоединеніемъ заповѣдей закона вѣра уже не принесетъ никакой пользы, такъ какъ вѣра только тогда имѣетъ силу, когда къ ней ничего не привносится изъ закона. *Иже закономъ оправдается*, говорить, *отъ благодати отпадетъ* (Гал. v, 4). Но объ этомъ онъ говоритъ ниже, когда пишетъ еще съ большимъ дерзновеніемъ, получивъ уже къ этому основаніе изъ доказаннаго; теперь же только пролагаетъ путь къ тому. Вы, говорить, получили Духа и творили знаменія тогда, когда внимали вѣрѣ, а не закону. Затѣмъ, такъ какъ рѣчь была о законѣ, то онъ привелъ и другое доказательство, притомъ самое спорное, представивъ въ примѣръ Авраама, и очень кстати, и съ большою пользою, говоря такъ: *якоже Авраамъ вѣрова Богу, и атнися ему въ правду* (ст. 6). Доказываютъ, говорить, силу вѣры и совершенныя вами чудеса, но если угодно, я постараюсь увѣрить васъ въ томъ и примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи. А такъ какъ они имѣли великое уваженіе къ этому патріарху, то онъ и представляетъ его въ примѣръ, показывая, что и онъ оправдался вѣрою. Если же онъ, жившій прежде благодати, оправдался вѣрою, хотя былъ преукрашенъ и добрыми дѣлами, то тѣмъ болѣе вы. Какой же потерпѣлъ онъ ущербъ оттого, что не былъ подъ закономъ? Никакого, но и одной вѣры достаточно было къ его оправданію. Но тогда, скажутъ, еще не было закона. И теперь нѣтъ закона, какъ не было его тогда. Вотъ потому-то онъ, желая доказать, что законъ теперь не нуженъ, и представилъ въ примѣръ человека, оправданнаго прежде закона, чтобы не встрѣтить подобнаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тогда законъ еще не былъ данъ, такъ и теперь, будучи данъ, получилъ конецъ. Затѣмъ, такъ какъ они много гордились своимъ происхожденіемъ отъ Авраама (Іоан. viii, 33), и боялись, какъ бы, 651 съ оставленіемъ закона, не лишиться имъ родства съ нимъ, то Павелъ и это снова обращаетъ въ противное и разсѣваетъ страхъ, показывая, что вѣра преимущественно и утверждаетъ родство съ нимъ. И хотя яснѣе онъ доказалъ это въ посланіи къ римлянамъ, однако и здѣсь не менѣе утверждаетъ это самое, говоря: *разумѣйте убо, яко сущіи отъ вѣры, сии суть сынове Авраамли* (ст. 7). Затѣмъ и эту истину подтверждаетъ свидѣтельствомъ изъ вѣтшаго завѣта: *предуказаніе же*, говорить, *Писаніе, яко отъ вѣры*

оправдаєть языки Богъ, прежде благовѣствова Аврааму, яко благословятся о тебѣ вси языцы (ст. 8; Быт. XII, 3). Итакъ, если не тѣ, которые имѣли съ нимъ естественное родство, суть сыны его, но тѣ, которые подражали вѣрѣ его (это именно и значать слова—*о тебѣ языцы*), то ясно, что (и вѣрующіе язычники) вводятся въ это родство.

3. Этими словами онъ показываетъ и другое нѣчто весьма важное. Такъ какъ ихъ смущала мысль, что законъ древнѣе вѣры, а вѣра послѣ закона, то онъ уничтожаетъ и это ихъ недоумѣніе, показывая, что вѣра древнѣе закона, и что это ясно видно изъ примѣра Авраама, такъ какъ послѣдній получилъ оправданіе прежде, нежели явился законъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что и случившееся въ послѣднія времена случилось по пророчеству: *предуготовише же*, говоритъ, *Писаніе, яко отъ стры оправдаєть языки Богъ*, а не отъ закона, *прежде благовѣствова Аврааму*. Что же это значить? Самъ законодатель, говоритъ онъ (этимъ), прежде нежели далъ законъ, опредѣлилъ, чтобы язычники оправдались вѣрою. И не сказалъ—открылъ, но—благовѣствовалъ, для того чтобы ты зналъ, что такому способу оправданія радовался и патріархъ, и сильно желалъ, чтобы это было приведено въ исполненіе. Но такъ какъ они боялись еще и другого, (потому что) написано было: *проклятъ всякъ, иже не пребудеть во ослѣ писанныхъ въ книгѣ закона сего, яко творити я* (Втор. XXVII, 26), то онъ устраняетъ и эту боязнь, премудро и благоразумно обращая въ противную сторону сказанное въ законѣ, и показываетъ, что оставившіе законъ не только не прокляты, но и благословенны, а держащіеся закона не только не благословенны, но и прокляты. Тѣ (ревнители закона) говорили, что не сохраняющій закона проклятъ, онъ же (апостоль) показываетъ, что сохраняющій законъ проклятъ, а несохраняющій — благословенъ. Тѣ говорили также, что надѣющійся только на вѣру—проклятъ, онъ же показываетъ, что надѣющійся на одну только вѣру — благословенъ. Какъ же все это онъ доказываетъ? Мы возвѣстили вамъ не какую-нибудь обыкновенную вещь, а потому надлежитъ быть особенно внимательными къ тому, что будетъ сказано далѣе. Апостоль и выше уже показавъ это, сказавъ, что Писаніе предвозвѣстило патріарху: *ѣъ тебѣ благословятся всѣ народы*. А тогда закона еще не было, но была вѣра; поэтому онъ и вывелъ слѣдующее заключеніе: *тѣмже сущіи отъ стры, благословятся съ стрнымъ Авраамомъ* (ст. 9). Но чтобы не стали противорѣчить этому и не сказали бы: (Авраамъ) вполне справедливо получилъ оправданіе отъ вѣры, потому что тогда не было еще закона; а ты покажи мнѣ, что вѣра оправдывала и послѣ того, какъ данъ былъ

законъ,—(апостолъ) переходитъ и къ этому и показываетъ болѣе того, чѣмъ требуютъ они,—не только то, что вѣра оправдываетъ, но и то, что законъ предастъ проклятію тѣхъ, которые держатся закона. Но чтобы тебѣ понять это, послушай, что говоритъ самъ апостолъ: *слицы бо отъ дѣлъ закона суть, подѣ клятвою суть* (ст. 10). 622 Но это—положеніе требующее еще доказательства. Откуда же можетъ быть оно доказано? (Всякому это ясно) изъ самаго закона: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всякъ писанный въ книгу закона сего, яко творити я. А яко въ законъ никтоже оправдается, коемуждо ятъ*. Дѣйствительно, всѣ согрѣшили и находятся подѣ клятвою. Но этого онъ еще не говоритъ, чтобы не подумали, что онъ самъ выражаетъ свое мнѣніе, но опять подтверждаетъ это свидѣтельствомъ, которое въ немногихъ словахъ заключаетъ въ себѣ и то и другое—и то, что никто не исполнилъ закона (потому и были прокляты), и то, что вѣра оправдываетъ. Что же это за свидѣтельство? Изъ пророка Аввакума, который такъ говоритъ: *праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (Аввак. II, 4). Оно показываетъ не только то, что оправданіе зависитъ отъ вѣры, но и то, что черезъ законъ невозможно спастись. Такъ какъ, говоритъ, никто не исполнилъ закона, но за преступленіе его всѣ подверглись проклятію, то и открытъ другой болѣе удобный путь (къ оправданію),—черезъ вѣру; а это служить и самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что никто не можетъ оправдаться закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, пророкъ не сказалъ: праведный же закономъ живъ будетъ, но—вѣрою. *Законъ же нѣсть отъ вѣры, но сотворившій та живъ будетъ отъ нѣкъ* (ст. 12). Законъ, говоритъ, требуетъ не только вѣры, но и дѣлъ; благодать же черезъ вѣру спасаетъ и оправдываетъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что держащіеся закона подверглись проклятію потому, что невозможно выполнить его? Но какимъ образомъ вѣра имѣетъ эту силу оправдывать? Это онъ возвѣстилъ раньше, и доказалъ это съ большою силою. Такъ какъ законъ былъ безсильнъ привести человека къ оправданію, то и найдено другое достаточное средство—вѣра, которая невозможное по закону дѣлаетъ возможнымъ собою. Итакъ, если и Писаніе говоритъ, что праведный вѣрою живъ будетъ, отрицая спасеніе черезъ законъ, и если Авраамъ получилъ оправданіе вѣрою, то ясно, что сила вѣры велика. Итакъ ясно, что не пребывающій въ законѣ—проклятъ, а пребывающій въ вѣрѣ—праведенъ. Но чѣмъ ты можешь доказать намъ, скажетъ кто-нибудь, что то проклятіе болѣе уже не существуетъ? Вѣдь Авраамъ былъ прежде закона, а мы, однажды подпавъ подѣ иго рабства, сами себя подвергли проклятію: кто же разрушилъ это проклятіе? Смотри, съ какою поспѣшностію онъ идетъ на встрѣчу этому

возраженію, хотя для этого конечно было достаточно и ранѣе сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ подлежать проклятію тотъ, кто былъ однажды оправданъ, и умеръ для закона, и получилъ новую жизнь? Однако онъ не довольствуется всѣмъ этимъ, но еще и другимъ образомъ доказываетъ это, написавъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва: написано бо есть: проклятъ всякъ висѣй на деревѣ* (ст. 13; Втор. xxi, 23). Да еще и другой клятвѣ подлежалъ народъ, какъ сказано: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ писанныхъ въ книзѣ закона*, (Втор. xxvii, 26). Но что изъ этого? Пусть народъ подлежалъ этому проклятію, потому что онъ не исполнялъ его постоянно, да и не было никого, кто бы могъ исполнить весь законъ; но Христосъ замѣнилъ это проклятіе другимъ, которое говоритъ: *проклятъ всякъ висѣй на деревѣ*. А такъ какъ и тотъ, кто висѣтъ на деревѣ, проклятъ, и кто преступаетъ законъ, находится подъ клятвою, между тѣмъ желающій разрушить эту клятву долженъ 632 быть свободенъ отъ нея, и долженъ принять на себя эту клятву (незаслуженную) вмѣсто той (заслуженной), то Христосъ и принялъ на себя таковую клятву, и ею уничтожилъ заслуженную. И подобно тому какъ кто-нибудь невинный, рѣшившись умереть вмѣсто осужденнаго на смерть, этимъ избавляетъ его отъ смерти,—точно такъ же сдѣлалъ и Христосъ. Такъ какъ Христосъ не подлежалъ проклятію за преступленіе закона, то и принялъ на Себя вмѣсто заслуженнаго нами незаслуженное Имъ проклятіе, чтобы освободить всѣхъ отъ заслуженнаго,—потому что Онъ не совершилъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его (Ис. liii, 9).

4. Итакъ, подобно тому какъ умершій за тѣхъ, которые должны были умереть, освобождаетъ ихъ отъ смерти, точно также и принявшій на Себя проклятіе освободилъ отъ проклятія. *Да въ языцѣхъ благословеніе Авраамле будетъ* (ст. 14). Какимъ же образомъ на язычниковъ? Въ сѣмени твоємъ, сказано, благословятся всѣ народы (Быт. xii, 18), то есть, во Христѣ. А если бы это говорилось объ іудеяхъ, то какъ было бы сообразно съ здравымъ смысломъ, чтобы подлежащіе проклятію за нарушеніе закона сдѣлались виновниками благословенія для другихъ? Вѣдь никто изъ находящихся подъ проклятіемъ не можетъ сообщить другому благословенія, котораго самъ лишился. Отсюда ясно, что все это сказано о Христѣ, такъ какъ Онъ былъ сѣмя Авраамово, и чрезъ Него благословляются народы, и такимъ образомъ является обѣтованіе Духа. Указывая именно на это, и (апостолъ) сказалъ: *да обѣтованіе Духа примутъ върою*. А такъ какъ благодать Духа не можетъ излиться на неблагодарнаго и находящагося во враждѣ, то благословляются прежде всего чрезъ снятіе проклятія; потомъ,

будучи оправданы чрезъ вѣру, получаютъ благодать Духа. Такимъ образомъ крестъ уничтожилъ клятву, а вѣра ввела оправданіе, оправданіе же низвело благодать Духа. *Братіе, по чело-
вѣку глаголю, обаче челоувѣческаго предутвержденна завѣта никтоже
отмѣняетъ или приповелѣваетъ* (ст. 16). Что значить—*по челоувѣку
глаголю*? Это значить—я пользуюсь челоувѣческими примѣрами. Такъ какъ онъ утвердилъ свое слово и Писаніемъ, и чудесами, бывшими у нихъ, и страданіями Христовыми, и примѣромъ патриарха, то наконецъ и обращается къ всеобщему обычаю. Онъ имѣетъ обыкновеніе постоянно употреблять подобный способъ доказательства, какъ для того, чтобы смягчить свою рѣчь, такъ и для того, чтобы сдѣлать ее болѣе удобопріемлемою и болѣе понятною для самыхъ неспособныхъ. Такъ, бесѣдуя съ коринѣянами, онъ говоритъ: кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ него? кто насаждая виноградъ, не ѣстъ плодовъ его (1 Кор. ix, 7)? И опять къ евреямъ говоритъ: *завѣтъ бо въ мертвыхъ извѣстенъ есть: понеже
никтоже можетъ, егда живъ есть завѣщавая* (Евр. ix, 17). И изъ многихъ другихъ мѣстъ всякій можетъ увѣриться, что онъ любитъ употреблять такой родъ доказательствъ. Да и самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ часто говоритъ такимъ образомъ, какъ напримѣръ: *еда забудетъ жена отрока свое* (Ис. xlix, 15)? и опять: скажетъ ли издѣлие горшечнику: что ты дѣлаешь (Ис. xlix, 16 и xlv, 9)? А у Осіи онъ уподобляетъ себя мужу, презираемому женою (Осіи 1, 2). И въ образахъ ветхозавѣтныхъ всякій можетъ увидѣть много заимствованнаго изъ челоувѣческихъ примѣровъ, когда напримѣръ пророкъ опоясывается, и сходитъ въ хижину горшечника (Іерем. xvin. 2). Итакъ что же значить приведенный (апостоломъ) примѣръ? То, что вѣра была древнѣе, а законъ явился послѣ, имѣетъ временное значеніе, и данъ для того, чтобы приготовить путь для вѣры. Поэтому и говоритъ: *братіе, по
челоувѣку глаголю*. Назвавъ ихъ выше несмысленными, здѣсь называетъ ихъ братьями, такимъ образомъ вмѣстѣ и бранитъ ихъ и утѣшаетъ. *Обаче челоувѣческаго (пред)утвержденна завѣта*. Если челоувѣкъ, говоритъ, сдѣлаетъ завѣщаніе, осмѣлится ли кто-нибудь послѣ перемѣнить его, или что-нибудь прибавить? Это и значить слово—*приповелѣваетъ*. Поэтому тѣмъ болѣе не должно дѣлать этого по отношенію къ завѣту Божію. Кому же Богъ сдѣлалъ завѣщаніе? Аврааму, говоритъ, *речени быша обѣти, и
стѣмени его. Не глаголетъ: и стѣменемъ его, яко о многихъ, но яко о
единѣмъ, и стѣмени твоему, еже есть Христосъ. Сіе же глаголю за-
вѣта предутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывъй по четьхреста
и тридесятихъ лѣтъхъ законъ не отмѣняетъ, во еже разорити обѣ-
тованіе. Аще бо отъ закона наслѣдіе, не кому уже отъ обѣтова-*

ніа: Аврааму же обѣтованіемъ дарова Богъ (ст. 16—18). Итакъ, вотъ и Богъ сдѣлалъ завѣщаніе Аврааму, сказавъ, что язычники получаютъ благословія о сѣмени его: какъ же въ такомъ случаѣ законъ можетъ уничтожить эти (благословія)? А такъ какъ никакой примѣръ не можетъ выразить изображаемаго имъ предмета, то поэтому онъ и сказалъ ранѣе: *по человеку глаголю*. Не выводилъ ничего несообразнаго съ величіемъ Божиимъ изъ приведеннаго примѣра. Смотри съ высшей точки на этотъ примѣръ: Богъ обѣщаль Аврааму, что о сѣмени его благословятся народы; сѣмя же его по плоти есть Христосъ. Спустя четыреста тридцать лѣтъ явился законъ. Итакъ, если законъ даруетъ благословіе, и жизнь, и оправданіе, то указанное обѣтованіе не имѣетъ силы. Но какъ же это: человѣческаго завѣщанія никто не уничтожаетъ, а Божіе завѣщаніе спустя четыреста тридцать лѣтъ становится недействительнымъ? Въ самомъ дѣлѣ, если то, что обѣщало это завѣщаніе, не оно даетъ, а другой вмѣсто него, то оно очевидно отвергнуто. Но есть ли тутъ какой-нибудь смыслъ? Итакъ для чего же, скажутъ, данъ законъ? *Преступлений ради* (ст. 19). Такимъ образомъ и законъ не излишенъ. Видишь ли, какъ онъ все ооглашаетъ? Какъ онъ многими глазами смотритъ на все? Такъ какъ онъ превознесъ вѣру и показалъ, что она древнѣе закона, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что законъ излишенъ, онъ исправляетъ и это заблужденіе, показавъ, что законъ данъ не напрасно, но съ очень большою пользою: по причинѣ преступлений, т. е., чтобы іудеи не жили безъ страха и не дошли до крайняго нечестія, но чтобы законъ служилъ для нихъ вмѣсто узды, научая, усмиряя, и удерживая ихъ отъ нарушенія если и не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ заповѣдей. Такимъ образомъ не малая польза была и отъ закона. Но до какихъ поръ? *Гдеже придетъ стѣня, ему же обитовася*, говоритъ онъ, разумѣя (подъ сѣменемъ) Христа. Итакъ если законъ данъ только до пришествія Христова, то для чего ты продолжаешь его далѣе и за предѣлы назначеннаго срока? *Вчиненъ ангелы рукою ходатая*. Ангелами онъ называетъ или священниковъ, или самихъ ангеловъ, какъ служителей при законоположеніи. Ходатаемъ же здѣсь называетъ онъ Христа, показывая тѣмъ, что Онъ и прежде былъ и что Онъ самъ далъ и законъ. *Ходатай же единого нѣсть: Богъ же единъ есть* (ст. 20).

655 5. Что здѣсь скажутъ еретики? Вѣдь если (Отецъ только) одинъ истинный Богъ (Іоан. хvii, 3) и вслѣдствіе этого Сынъ уже не можетъ быть истиннымъ Богомъ, то слѣдовательно Онъ и не Богъ, такъ какъ сказано: *Богъ же единъ есть* (Втор. vi, 4). Но если, не смотря на то, что Отецъ называется единымъ Богомъ

(1 Кор. VIII, 6), и Сынъ есть Богъ, то очевидно, что если Отецъ называется истиннымъ,—и Сынъ есть истинный. Ходатай же, говорить, бываетъ посредникомъ между какими-либо двумя сторонами. Между кѣмъ же былъ посредникомъ Христосъ? Ясно, что между Богомъ и людьми. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что самъ (Христосъ) далъ и законъ? Если же Онъ самъ далъ законъ, то имѣетъ власть и отмѣнить его. *Законъ ли убо противу обѣтованіемъ Божиимъ* (ст. 21)? Если въ сѣмени Авраамовомъ даны были благословенія, а законъ вводитъ проклятіе, то онъ конечно противенъ обѣтованіямъ Божиимъ. Какъ же онъ разрѣшаетъ это противорѣчіе? Сначала просто отрицаетъ сказанное, говоря: *да не будетъ*; а потомъ и доказывать (отрицаемое), говоря такъ: *аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистинну отъ закона бы была правда*. А эти слова имѣютъ такой смыслъ: если бы мы, говорить, въ законѣ имѣли надежду жизни, и если бы въ его власти было наше спасеніе, то можетъ быть и справедливо было бы то, что ты говоришь о законѣ; если же ты спасаешься вѣрою, то, хотя бы законъ подвергалъ всѣхъ и проклятію, ты никакого вреда не потерпишь, послѣ того какъ явилась вѣра, отъ всего избавляющая. Если бы закономъ давалось обѣтованіе, то ты справедливо могъ бы бояться, что, отпавши отъ закона, лишишься и оправданія; но если законъ данъ былъ для того, чтобы затворить всѣхъ, т. е., чтобы онъ обличилъ и обнаружилъ собственные прегрѣшенія ихъ, то онъ не только не препятствуетъ тебѣ получить обѣтованія, но даже содѣйствуетъ этому полученію. Итакъ, указывая на это, онъ сказалъ: *но затвори писаніе естъхъ подѣ грѣхомъ, да обѣтованіе отъ вѣры Иисусъ Христовъ дастся вѣрующимъ* (ст. 22). Такъ какъ іудеи не признавали своихъ грѣховъ, а не признавая не желали и прощенія ихъ, то Богъ и далъ имъ законъ, который открывалъ бы ихъ раны, и чрезъ это побуждалъ ихъ искать врача. Слово—*затвори* значитъ—обличилъ, и обличивъ, держалъ ихъ въ страхѣ. Видишь ли, что законъ не только не противенъ обѣтованіямъ, но даже и данъ былъ изъ-за обѣтованій? Если бы законъ присвоилъ себѣ дѣло и власть оправданія, тогда это было бы сказано справедливо; но если онъ служитъ другому и для другого все дѣлалъ, то какъ онъ можетъ быть противенъ обѣтованіямъ Божиимъ? Если бы не былъ данъ законъ, то всѣ погряли бы въ беззаконіяхъ, и никто изъ іудеевъ не пожелалъ бы слушать Христа; теперь же, когда законъ былъ данъ, онъ приносилъ двоякую пользу: во-первыхъ, руководилъ къ сильной добродѣтели внимающихъ ему, а во-вторыхъ, возбуждалъ въ каждомъ сознание своихъ грѣховъ, что особенно располагало ихъ искать Сына (Божія). Итакъ тѣ, которые не вѣ-

рили закону, не вѣрили для того, чтобы не знать своихъ грѣховъ. И указывая именно на это, онъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *не разумѣюще бо Божію правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинувшася* (Рим. х, 3). Прежде же пришествія вѣры, подѣ закономъ стрегоми бѣхомъ, затворени въ хотящую вѣру открытися въ насъ (ст. 23). Видишь ли, какъ ясно онъ подтвердилъ сказанное нами? Словами: *стрегоми бѣхомъ* и *затворени* онъ обозначаетъ не что-либо другое, какъ охраненіе іудеевъ, совершавшееся посредствомъ заповѣдей закона. Въ самомъ дѣлѣ, законъ, содержа ихъ, какъ бы въ какихъ стѣнахъ, въ страхѣ и жизни по закону, тѣмъ самымъ соблюдалъ ихъ для вѣры. Тамъ же законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся (ст. 24). Пѣстунъ не противодѣйствуетъ учителю, но содѣйствуетъ ему, удерживая юнаго питомца отъ всякаго порока, и со всѣмъ тщаніемъ приготавливая его къ принятію учительскихъ уроковъ; а когда питомецъ пріобрѣтетъ навыкъ, пѣстунъ наконецъ оставляетъ его. Вотъ почему онъ и говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ, которая дѣлаетъ человѣка мужемъ совершеннымъ, уже не подѣ пѣстунуolz есмь. Вѣстъ бо вы сынове Божіи вѣрою о Христѣ Иисусѣ* (ст. 25—26). Итакъ, если законъ есть пѣстунъ и мы были заключены подѣ стражею его, то онъ не противникъ благодати, но сотрудникъ; если же онъ и по пришествіи благодати будетъ держать подѣ своимъ игомъ, въ такомъ случаѣ онъ будетъ противникомъ. Если онъ станетъ насъ удерживать тогда, когда мы должны перейти къ благодати, въ такомъ случаѣ онъ составитъ препятствіе нашему спасенію. Какъ свѣтильникъ, освѣщающій ночью, если бы съ наступленіемъ дня сталъ препятствовать видѣть солнце, не только не исполнилъ бы своего назначенія, но причинялъ бы еще и вредъ,—такъ и законъ, если онъ будетъ служить препятствіемъ къ полученію большаго. Такимъ образомъ сохраняющіе его теперь тѣмъ самымъ весьма извращаютъ его. Такъ и пѣстунъ дѣлаетъ своего питомца смѣшнымъ, если будетъ удерживать его при себѣ тогда, когда, по требованію времени, ему надлежало бы оставить его. Поэтому-то и Павелъ говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ, уже не подѣ пѣстунуolz есте*. Итакъ мы уже не подѣ пѣстунуolz. *Вси бо вы сынове Божіи есте*. Вотъ какова сила вѣры, и какъ онъ постепенно раскрываетъ ее! Прежде онъ показаль, что вѣра сдѣлала ихъ сынами Авраама: *разумѣйте убо*, говоритъ, *яко сущіи отъ вѣры, сіи суть сынове Авраамли*; теперь же объявляетъ, что они и сыны Божіи: *вси бо вы сынове Божіи есте*, говоритъ онъ, *вѣрою о Христѣ Иисусѣ*,—по вѣрѣ, а не по закону. Потомъ, такъ какъ сказаль нѣчто великое и удивительное, показываешь и образъ усыновленія. *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облеко-*

стеся (ст. 27). Почему онъ не сказалъ: всѣ вы, во Христа крестившіеся, отъ Бога родились? Вѣдь это болѣе соотвѣтствовало бы доказательству того, что они сыны Божіи. Потому, что употребленное имъ выраженіе гораздо сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ есть Сынъ Божій и ты въ Него облекся, имѣешь Сына въ себѣ самомъ и уподобился Ему, то ты чрезъ это приведенъ въ одно съ Нимъ родство и въ одинъ образъ. *Нѣсть Іудей, ни Еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть мужескій полъ, ни женскій. Все бо вы едино есте о Христѣ Иисусѣ* (ст. 28). Видишь ли душу ненасытную (не удовлетворяющуюся однажды сказаннымъ)? Сказавъ, что чрезъ вѣру мы сдѣлались сынами Божіими, онъ не останавливается на этомъ, но старается отыскать нѣчто еще большее, что яснѣе могло бы доказать ближайшее единеніе со Христомъ. А сказавши: въ Него облеклись, не удовлетворяется также и этимъ выраженіемъ, но, объясняя его, представляетъ еще болѣе тѣснымъ такое соединеніе и говорить: *все вы едино о Христѣ Иисусѣ*, т. е. всѣ вы имѣете одинъ обликъ, одинъ образъ—образъ Христа. Что можетъ быть поразительнѣе этихъ словъ? Кто прежде былъ эллиномъ, іудеемъ и рабомъ, тотъ теперь носить на себѣ образъ не ангела, и не архангела, но самого Владыки всѣхъ, и отображаетъ въ себѣ Христа. *Аще ли вы Христовы, убо Авраамле стмя есте, и по обѣтованію наслѣдницы* (ст. 29). Видишь ли, какъ наконецъ доказалъ онъ сказанное выше о сѣмени, т. е., что Арааму и сѣмени его даны были благословенія?

ГЛАВА IV.

657

Глаголю же, въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, господь сый всѣхъ: но подѣ повелители и приставники есть, даже до нарока отча. Также и мы, егда бѣхомъ млади, подѣ стихіями бѣхомъ міра порабощени (ст. 1—3).

1. (Апостолъ) говоритъ здѣсь о дѣтствѣ не по возрасту, а по уму, и показываетъ, что Богъ съ самаго начала хотѣлъ даровать намъ свои благословенія, но такъ какъ мы находились еще въ состояніи младенчества, то и оставилъ насъ подѣ стихіями міра, т. е. новолуніями и субботама, потому что эти дни зависятъ у насъ отъ теченія солнца и луны. Поэтому тѣ, которые и теперь приводятъ васъ подѣ иго закона, дѣлаютъ не иное что, какъ возвращаютъ васъ, уже достигшихъ совершеннаго возраста, снова въ младенчество. Видишь ли, что значить наблюденіе дней? Гос-

подина, хозяина дома, имѣющаго полную власть надъ всѣмъ, оно низводитъ въ состояніе раба. *Егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подѣ закономъ, да подзаконныя искупить, да усыновленіе воспріиметъ* (ст. 4—5). Здѣсь онъ приводитъ двѣ причины и два благихъ дѣйствія воплощенія: избавленіе отъ золь и дарованіе благъ, чего никто другой не могъ совершить кромѣ Его одного. Какія же это были блага? Искупленіе отъ проклятія закона и усыновленіе: *да подзаконныя искупить*, говоритъ онъ, и *да усыновленіе воспріиметъ*. Прекрасно сказалъ онъ—*воспріиметъ*, показывая этимъ, что (усыновленіе намъ) принадлежало. Дѣйствительно, оно давно было обѣщано, какъ и самъ онъ многократно указалъ на это, упоминая объ обѣтованіяхъ относительно этого, данныхъ Аврааму. Но откуда видно, скажутъ, что мы сдѣлались сынами? Одно доказательство на это онъ уже представилъ, когда сказалъ, что мы облеклись во Христа, который есть Сынъ; а теперь приводитъ другое,—то, что мы получили духа усыновленія. *И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша, вопіюща: Авга Отче! Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Божій Христомъ* (ст. 6—7). И въ самомъ дѣлѣ, мы не могли бы называть (Бога) Отцемъ, если бы не сдѣлались прежде сынами Его. Итакъ, если благодать сдѣлала насъ изъ рабовъ свободными, изъ младенцевъ совершеннолѣтними, изъ чужихъ наслѣдниками и сынами, то не безразсудно ли и крайне неблагоприятно будетъ оставить эту (благодать) и возвратиться въ прежнее состояніе? *Но тогда убо не вѣдуще Бога, служисте не по естеству сущимъ богамъ: нынѣ же, познавши Бога, паче же познани бывше отъ Бога, како возвращаетея наги на немощныя и худыя стихіи, имже наги свѣше служити хочете* (ст. 8—9)? Здѣсь (апостоль), обращаясь къ увѣровавшимъ изъ язычниковъ, говорить, что и служеніе идоламъ таково же, какъ и наблюденіе дней, и что оно теперь заслуживаетъ большаго наказанія. Потому и боговъ называетъ онъ стихіями, а не (богами) по природѣ, что желаетъ убѣдить ихъ въ томъ же самомъ и привести ихъ въ болѣе страшій страхъ. Слова же его имѣютъ такой смыслъ: тогда вы, пребывая во тьмѣ и проводя жизнь въ заблужденіи, прикованы были къ землѣ; а теперь, послѣ того какъ вы познали Бога, или лучше, получили познаніе отъ Него, не навлекаете ли вы на себя большаго и жесточайшаго наказанія, если, не смотря на столь великое попеченіе о васъ, снова добровольно подвергаете себя той же самой болѣзни, которою страдали прежде? Не своими усиліями вы обрѣли Бога, но проводили жизнь въ заблужденіи, а Онъ самъ привлекъ васъ къ Себѣ. Стихіи же называетъ онъ немощ-

ными и бѣдными потому, что онѣ не имѣютъ никакой силы къ доставленію обѣтованныхъ благъ. *Дни смотрите и мѣсяцы и времена и лѣта* (ст. 10). Изъ этихъ словъ видно, что (іудействующіе) проповѣдывали галатамъ не только обрѣзаніе, но и необходимость соблюденія іудейскихъ праздниковъ и новомѣсячій. *Боюся о васъ, еда како всеу трудишся въ васъ* (ст. 11). Видишь ли искреннее участіе апостола? Тѣ подвергаются опасности, а онъ боится и трепещетъ за нихъ. Поэтому и слова—*трудишся въ васъ*—онъ сказалъ для того, чтобы сильно пристыдить ихъ, какъ бы говоря этимъ: не сдѣлайте напрасными моихъ великихъ трудовъ. Сказавъ же—*боюся* и прибавивъ затѣмъ—*еда како*, онъ и возбудилъ въ нихъ страхъ и внушилъ имъ благія надежды. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ: я напрасно трудился, но—*еда како* (всеу трудишся). Пока, говоритъ онъ, не произошло кораблекрушенія; но я вижу еще бурю, которая можетъ причинить его. Поэтому я боюсь, однакожь не отчаиваюсь, такъ какъ въ вашей власти все это исправить и возвратиться къ прежней тишинѣ. Затѣмъ, какъ бы простирая руку помощи находящимся въ опасности кораблекрушенія, представляетъ имъ въ примѣръ самого себя, говоря: *будите якоже азъ, зане и азъ якоже вы* (ст. 12). Это говоритъ онъ къ вѣрующимъ изъ іудеевъ, а потому и приводитъ въ примѣръ себя, чтобы этимъ убѣдить ихъ оставить древніе обряды. Если бы вы, говоритъ, и не имѣли никакого другого примѣра, то довольно вамъ посмотрѣть только на меня, чтобы безбоязненно рѣшиться на такую перемѣну. Итакъ посмотрите на меня: и я прежде испытывалъ тоже самое состояніе, и притомъ въ сильной степени, и горѣлъ ревностію по законѣ; но не смотря на это, послѣ не убоюся оставить законъ и перемѣнить жизнь. Хорошо вы знаете также и то, съ какою великою ревностію я держался іудейства и какъ еще съ большею готовностію потомъ оставилъ его. И весьма благоразумно (апостолъ) представилъ этотъ примѣръ послѣ всего. Въ самомъ дѣлѣ многіе люди, хотя бы нашли и безчисленное множество доказательствъ, притомъ справедливыхъ, всетаки, скорѣе увлекаются примѣромъ кого-нибудь изъ своихъ собратій, и когда видятъ другого дѣлающаго что-нибудь, скорѣе склоняются къ тому же и сами. *Братіе, мало вы, ничимже мене обидѣте*. Смотри, какъ онъ опять называетъ ихъ почтительнымъ именемъ, а тѣмъ самымъ вмѣстѣ напоминаетъ имъ и о благодати. Послѣ того какъ онъ сильно упрекалъ ихъ, подвергая всестороннему обсужденію ихъ дѣла, уличилъ ихъ въ преступленія закона и со многихъ сторонъ нападалъ на нихъ, онъ теперь снова умѣряетъ рѣчь свою и утѣшаетъ ихъ, употребляя болѣе ласковыя слова, потому что какъ безпрестан-

нія ласки розслабляють чело́вѣка, такъ и постоянныя упреки еще болѣе ожесточають. Поэтому хорошо вездѣ соблюдать умѣренность. Смотри же, какъ онъ оправдывается въ сдѣланномъ 659 имъ обличеніи, показывая, что не просто по ненависти, но побуждаемый заботою о нихъ онъ сказалъ имъ все это. Сдѣлавъ такимъ образомъ глубокую рану, онъ тотчасъ возливаєтъ на нее елей утѣшенія. А чтобы доказать имъ, что сказанное не было слѣдствіемъ ненависти или вражды къ нимъ, онъ приводитъ имъ на память любовь, которую обнаружилъ по отношенію къ нимъ, и присоединяетъ къ своему оправданію похвалу имъ.

2. Поэтому онъ и говоритъ: *молю вы, ничимъ же мене обидѣте. Въстѣ же, яко за немощь плоти моея благовѣстистѣ вамъ: и искушенія моего, еже во плоти моея, не уничтожите* (ст. 13, 14). Но еще не великая заслуга—не обидѣтъ: даже и самый обыкновенный чело́вѣкъ едва ли захочетъ вредить чело́вѣку, который ничѣмъ не обидѣлъ его, или оскорбить его напрасно и безвинно. А вы не только меня не обидѣли, но еще и проявили ко мнѣ великое и несказанное расположеніе; и не можете поэтому быть, чтобы тотъ, кто пользовался у васъ такимъ почтеніемъ, сталъ говорить это по злобѣ. Итакъ я говорю это не по ненависти къ вамъ, но по чреазѣрной любви и заботливости о васъ. *Молю вы, ничимъ же мене обидѣте. Въстѣ же, яко за немощь плоти моея благовѣстистѣ вамъ.*

Никакая душа не можетъ быть благосклоннѣе, нѣжнѣе и любвеобильнѣе этой святой души. А потому и прежде сказанное было слѣдствіемъ не безразсуднаго гнѣва и не страстнаго возмущенія души, но великой заботливости. И что я говорю — не обидѣли? Напротивъ, вы обнаружили великое и сердечное расположеніе ко мнѣ. *Въстѣ*, говоритъ онъ, *яко за немощь плоти благовѣстистѣ вамъ, и искушенія моего, еже во плоти моея, не уничтожите, ни оплевасте.* Что же этимъ онъ хочетъ сказать? Проповѣдуя вамъ, говоритъ, я былъ гонимъ, бичуемъ, подвергался тысячамъ смертей, и не смотря на все это, вы не презрѣли меня. Это именно значать слова — *искушенія моего, еже во плоти моея, не уничтожите, ни оплевасте.* Видишь духовную мудрость? Въ самомъ оправданіи онъ снова укоряетъ ихъ, когда представляетъ имъ на видъ, сколько онъ пострадалъ за нихъ. И всетаки, говорить, это висколько не соблазнило васъ, и вы не погнушались мною за эти страданія и гоненія,—такъ какъ именно эти (страданія и гоненія) называетъ онъ немощію и искушеніемъ. *Но какоже ангела Божія пріѣсте мя.* Итакъ не странно ли — преслѣдуемаго и гонимаго принимать какъ ангела Божія, а научающаго необходимому—не принимать? *Кое убо бѣше блаженство ваше? Свидѣ-*

тельствою бо вамъ, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣше дали бысте ми. Тѣмже врагъ вамъ быхъ, истину вамъ глагола (ст. 15—16)? Здѣсь онъ недоумѣваетъ и изумляется, и старается отъ нихъ самихъ узнать причину ихъ переменъ. Кто васъ обольстихъ, говоритъ онъ, и убѣдилъ относиться къ намъ иначе? Не вы ли заботились и служили, и считали дороже очей своихъ? Что же такое случилось? Откуда эта неприязнь, откуда подозрѣніе? Неужели отъ того, что я говорилъ вамъ истину? Но за это во всякомъ случаѣ вамъ надлежало бы еще болѣе почитать и угождать мнѣ,—а между тѣмъ теперь я сдѣлался вашимъ врагомъ, говоря вамъ истину. Подлинно, говоритъ, я не знаю другой причины, кромѣ той, что говорилъ вамъ истину. И смотри, съ какимъ смиреніемъ онъ защищаетъ себя. Невозможность того, чтобы онъ говорилъ это по аложелательству къ нимъ, доказываютъ не тѣмъ, что онъ для нихъ сдѣлалъ, а тѣмъ, что они для него сдѣлали. Не сказали онъ: какъ возможно, чтобы я, который для васъ подвергался бичеванію, гоненію и безчисленнымъ страданіямъ, сталъ теперь злоумышлять противъ васъ?—но заимствуетъ доказательство изъ того, чѣмъ они могли бы гордиться, говоря: какъ возможно, чтобы тотъ, кого вы почитали и принимали какъ ангела, сталъ платить вамъ за это враждою? *Ревнуютъ по васъ не добръ, но отлучити васъ хотятъ, да имъ ревнуете* (ст. 17). Бываетъ ревность и похвальная, когда кто-нибудь ревнуетъ подражать другому въ добродѣтели; но бываетъ ревность и злая — желаніе отклонить добродѣтельнаго отъ добродѣтели; этого именно они (лжеучители) и добиваются теперь, стремясь лишить васъ совершеннаго вѣдѣнія и привести къ поверхностному и ложному, не съ какою-либо иною цѣлію, но для того, чтобы самимъ занять положеніе учителей, а васъ, которые теперь выше ихъ, поставить на мѣсто учениковъ. Это именно и показавъ (апостолъ) словами: *да имъ ревнуете*. А я напротивъ желаю, говоритъ онъ, чтобы вы были лучше ихъ и служили примѣромъ для совершеннѣйшихъ. А это дѣйствительно такъ и было, когда я пребывалъ у васъ,—почему онъ и прибавляетъ: *добро же еже ревновати всегда въ добромъ, и не точію онегда приходити ми къ вамъ* (ст. 18). Здѣсь онъ даетъ разумѣть, что его отсутствіе служило причиною этого зла, и что блаженно то состояніе, когда ученики содержатъ здоровое ученіе не только въ присутствіи своего учителя, но и во время его отсутствія; а такъ какъ они не достигли еще этой степени совершенства, то онъ и употребляетъ всѣ способы, чтобы довести ихъ до этого. *Чадца моя, имижже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (ст. 19). Смотри, какъ смущается, какъ беспокоится онъ. Братія мои, прошу васъ: *чадца моя, имижже*

наки болѣзную. Онъ подражаетъ матери, которая боится за дѣтей своихъ. *Дондеже вообразится Христосъ въ васъ.* Видишь ли любовь отеческую? Видишь ли скорбь, достойную апостола? Слышишь ли, какой онъ испустилъ вопль, болѣе горькій, чѣмъ вопль рождающей? Вы уничтожили, говорить, образъ, утратили высокое сродство, измѣнили подобіе; вамъ нужно другое возрожденіе, новое возсозданіе; но, не смотря на это, я все еще называю васъ дѣтьми,—васъ, выкидышей и недоносковъ. Впрочемъ онъ не говоритъ именно такъ, но иначе, такъ какъ щадить ихъ и не хочетъ ожесточать, налагая раны на раны; подобно тому какъ искусные врачи лѣчатъ подвергшихся продолжительной болѣзни не сразу, но съ промежутками, для того, чтобы они, впавъ въ малодушіе, не умерли, — точно такъ же поступаетъ и блаженный (Павелъ). А эти мученія его тѣмъ были болѣзненнѣе мученій тѣлесныхъ, чѣмъ сильнѣе была его любовь и чѣмъ важнѣе былъ грѣхъ ихъ.

3. Впрочемъ,—какъ я всегда говорилъ, и не перестану говорить,—и малое преступленіе обезобразило всю красоту и повредило образъ (Божій въ человѣкѣ). *Хотѣлъ быхъ приити къ вамъ нынѣ, и измѣнить гласъ мой.* Захѣтъ, какъ онъ нетерпѣливъ, какъ пылокъ, какъ не можетъ этого снести. Таково уже свойство любви: она не довольствуется (заочными) словами, но ищетъ и свиданія. Чтобы *измѣнить гласъ мой*, говорить онъ. Это значитъ—измѣнить его въ плачевный, проливать слезы, и заставить плакать всѣхъ. Но въ письмѣ вѣдь невозможно было показать слезы и рыданія, а потому онъ и горитъ желаніемъ видѣться съ ними. *Яко не домышляюся о васъ.* Я не знаю, говорить, что сказать; не знаю, что подумать. Какъ это вы, достигши такой небесной вы-
661 соты, и чрезъ тяжкія бѣдствія, которыя вы претерпѣли за вѣру, и чрезъ знаменія, которыя вы совершили вѣрою, теперь внезапно снизошли до такого униженія, что обращаетесь къ обрѣзанію и субботамъ, и соединяетесь съ іудеями? Вотъ почему онъ и въ началѣ сказалъ: *дыалюся яко тако скоро прелагается* (Гал. 1, 6), и здѣсь говорить: *недомышляюся о васъ*,—какъ бы говоря этимъ: что мнѣ сказать? съ чего начать рѣчь? что подумать? Недоумѣваю. Поэтому остается только плакать, какъ поступали и пророки въ безнадежныхъ случаяхъ. Но и такой способъ врачеванія не маловаженъ,—чтобы не только увѣщевать, но и плакать. Объ этомъ сказалъ онъ и въ бесѣдѣ къ милетянамъ: три года со слезами я не переставалъ учить васъ (Дѣян. 20, 31). То же говорить и здѣсь словами: *измѣнить гласъ мой*. Да и мы, побѣждаемые постигающими насъ противъ ожиданія безвыходными и затруднительными обстоятельствами, чаще всего предаемся слезамъ. Итакъ, обли-

чивъ ихъ и укоривъ и снова утѣшивъ, онъ наконецъ сталъ плакать; плачь же выражаетъ не только порицаніе, но и ласкательство. Онъ не раздражаетъ подобно порицанію, и не расслабляетъ подобно угожденію, но есть врачество смѣшанное, и въ увѣщаніяхъ имѣетъ великую силу. Такимъ образомъ смягчивъ ихъ сердце своими слезами и болѣе расположивъ ихъ къ себѣ, онъ снова вступаетъ въ состязаніе, предлагая на разсужденіе предметъ еще болѣе важный и показывая, что и самый законъ не требуетъ, чтобы его соблюдали. Выше онъ привелъ въ примѣръ Авраама, а теперь представляетъ самый законъ убѣждающимъ, чтобы его не соблюдали болѣе, но оставили, что конечно являлось болѣе сильнымъ (доказательствомъ). Если вы хотите, говорить онъ, быть послушными закону, то оставьте его, такъ какъ онъ самъ этого требуетъ. Впрочемъ (апостоль) не говоритъ именно такъ, но инымъ образомъ достигаетъ того же самаго, воспользо-вавшись исторіей. *Глаголите ми, говорить, иже подѣ закономъ хотите быти, закона ли не слушаете* (ст. 21)? Хорошо сказалъ онъ—*иже хотите*,—такъ какъ дѣло зависѣло не отъ теченія вещей, но отъ неумѣстной ревности ихъ. Закономъ же здѣсь называетъ книгу Бытія, что часто онъ дѣлаетъ, называя такъ весь ветхій заветъ. *Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ, единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (ст. 22). Опять онъ указываетъ на Авраама; впрочемъ не повторяя этимъ сказаннаго прежде, но такъ какъ этотъ патріархъ былъ у іудеевъ въ великомъ уваженіи, то (апостоль) и показываетъ, что образы въ немъ получили свое начало, въ немъ же предначертаны были и настоящія событія. И такъ какъ онъ прежде показалъ, что они (галаты) суть сыны Авраама, то далѣе, въ виду того, что сыновья этого патріарха имѣли неодинаковое достоинство, одинъ былъ рожденъ отъ рабы, а другой отъ свободной, онъ и говоритъ, что они не только сыновья Авраама, но и такіе сыновья, каковъ былъ сынъ его свободный и благородный. Такова сила вѣры. *Но иже отъ рабы, по плоти родися: а иже отъ свободныя, по обѣтованію* (ст. 23). Что значить—*по плоти*? Такъ какъ онъ сказалъ, что вѣра соединяетъ насъ съ Авраамомъ, а слушателямъ казалось непонятнымъ, какъ онъ называетъ сынами Авраама тѣхъ, которые не происходили отъ него, то онъ и показываетъ, что это необычайное дѣло совершено Богомъ. Исаакъ, родившійся не по естественному порядку, и не по закону супружества, а равно и не отъ силы плотской, былъ однако сыномъ и сыномъ настоящимъ, 662 рожденнымъ отъ тѣлесъ увядшихъ и утробы заматорѣвшей. Не плоть совершила зачатіе, и не сѣмя произвело плодъ, такъ какъ утроба матери была (вдвойнѣ) мертва—и по возрасту, и по не-

плодству, но образовало его слово, изреченное Богомъ. Напротивъ рабъ родился не такъ, но по законамъ естества и обыкновеннаго супружества. И всетаки рожденный не по плоти быть предпочтенъ родившемуся по плоти. Итакъ не безпокойтесь и вы, что не родились по плоти (отъ Авраама), такъ какъ, въ силу того обстоятельства, что вы не по плоти родились отъ него, вы являетесь особенно родственными ему. Рожденіе по плоти не увеличиваетъ, но уменьшаетъ достоинство, такъ какъ рожденіе не по плоти является болѣе чудеснымъ и духовнымъ, что ясно открывается изъ примѣра тѣхъ, которые родились свѣше. Измаилъ родился по плоти, но былъ рабомъ, и не только рабомъ, но даже былъ изгнанъ изъ родительскаго дома; а Исаакъ, рожденный по обѣтованію, какъ истинный сынъ и свободный, остался господиномъ всего. *Яже суть иносказаемы* (ст. 24). (Апостолъ) противъ обыкновенія назвалъ иносказаніемъ образъ. Слова его имѣютъ слѣдующій смыслъ: эта исторія изображаетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго взгляда, но выражаетъ также и нѣчто другое, а потому и названа иносказаніемъ. Что же она изображала? Не иное что, какъ настоящія событія. *Сія бо еста, говоритъ, два завѣта, единъ убо отъ горы Синайскія въ работу раждай, иже есть Агарь*. Кто эти—сіа? Матери упомянутыхъ сыновей—Сарра и Агарь. Что означаютъ два завѣта? Два закона. Но такъ какъ въ исторіи это были имена женъ (Авраамовыхъ), то (апостолъ), держась общаго значенія этихъ названій, и изъ самыхъ именъ выводитъ великое слѣдствіе. *Агарь бо, говоритъ онъ, Сина гора есть во Аравіи* (ст. 25). Агарью называлась раба, а гора Синай на языкѣ той страны и означаетъ это (рабу).

4. Такимъ образомъ всѣ раждавшіеся въ ветхомъ завѣтѣ по необходимости были рабы. Въ самомъ дѣлѣ, та гора, на которой данъ былъ ветхій завѣтъ, будучи одноименна съ рабою, обнимаетъ и самый Іерусалимъ, что показываютъ дальнѣйшія слова—*прилагается же нынѣшнему Іерусалиму*. Это значитъ—сродна ему и близко указываетъ на него. *Работаетъ же съ чадъ своими*. Что же изъ этого слѣдуетъ? То, что не только Агарь была рабою и раждала рабовъ, но и самый завѣтъ, образомъ котораго была раба. Іерусалимъ и по мѣстоположенію лежитъ не далеко отъ той горы, имя которой означаетъ рабу, а на этой горѣ и данъ былъ законъ. Но что прообразовала Сарра? *А вышній Іерусалимъ свободъ естъ* (ст. 26). Поэтому и раждающіеся въ немъ не рабы. Образомъ нижняго Іерусалима была Агарь, и очевидно—отъ горы, носившей это названіе; а образомъ вышняго—Церковь. Впрочемъ (апостолъ) не довольствуется одними образами, но въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ свидѣтельство Ісаіи. Дѣйствительно,

сказавъ, что вышній Іерусалимъ есть наша мать и назвавъ этимъ именемъ Церковь, онъ указываетъ на пророка, который говоритъ то же самое, что сказалъ и онъ. *Возвеселися*, говорить, *неплоды не раждающая, расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (ст. 27). Кто же эта неплодная и кто эта оставленная прежде? Не очевидно ли, что это Церковь изъ язычниковъ, лишенная прежде познанія о Богѣ? 603
 А кто имѣющая мужа? Не ясно ли, что іудейская синагога? И всетаки неплодная превзошла ее многочадіемъ. Первая обнимала собою только одинъ народъ, а чада Церкви наполнили Грецію и варварскія страны, землю, море и всю вселенную. Видишь ли, какъ Сарра самымъ дѣломъ, а пророкъ словомъ предвозвѣстили намъ будущее? Но смотри—Исаія сначала назвалъ неплодною, а потомъ показалъ, что эта неплодная сдѣлалась потомъ многочною. Это прообразовательно случилось и съ Саррой, такъ какъ и она, будучи сначала неплодною, сдѣлалась потомъ матерію многочисленнаго потомства. Однако Павлу и этого недостаточно, но онъ тщательно изслѣдуетъ еще и то, какимъ образомъ неплодная стала матерію, чтобы и отсюда показать близость образа къ разсматриваемой истинѣ. Вотъ почему онъ и прибавляетъ: *мы же, братіе, по Исааку обѣтованія чада есмь* (ст. 28). Вѣдь и Церковь не только была неплодна, какъ Сарра, и не только, подобно послѣдней, оказалась многочною потомъ, но и стала раждать одинаковымъ съ нею образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Сарра сдѣлалась матерію не по природѣ, но по обѣтованію Божию [Тотъ, Кто сказалъ: въ это же время приду, и будетъ у Сарры сынъ (Быт. xvin, 10), самъ, войдя въ утробу, образовалъ младенца],—точно также и въ дѣлѣ нашего возрожденія природа не имѣетъ никакого значенія; но божественныя слова, произносимыя священникомъ,—они извѣстны вѣрующимъ,—и только они, возсозидаютъ и возрождаютъ крещаемого въ купели водной, какъ бы въ материнской утробѣ. Итакъ, если мы дѣти неплодной, то вмѣстѣ и свободны. Но что это за свобода, скажетъ кто-нибудь, если іудеи повсюду господствуютъ и наказываютъ бичами вѣрующихъ, а считающіе себя свободными подвергаются преслѣдованіямъ? Дѣйствительно такъ было въ то время, когда вѣрныя были повсюду гонимы. Но это обстоятельство не должно смущать васъ, говорить (апостолъ), такъ какъ и оно было предначертано въ томъ же образѣ: вѣдь и Исаакъ, будучи свободнымъ, былъ гонимъ рабомъ Ізмаиломъ. Вотъ почему онъ и говоритъ далѣе: *но якоже тогда по плоти родившійся гоняше духовнаго, тако и нынѣ. Но что глаголетъ писаніе? Изъснѣ сына рабы, не имать бо наследовати сынъ рабыни съ сыномъ свободныя* (ст. 29, 30). Что же? Неужели въ томъ и состоятъ все 664

утѣшеніе, чтобы свободные узнали, что они будутъ терпѣть гоненіе отъ рабовъ? Нѣтъ, говорить (апостоль); я не останавливаюсь на этомъ; но послушай и дальнѣйшее,—и тогда получишь достаточное утѣшеніе, чтобы не малодушествовать въ гоненіяхъ. Что же такое далѣе? Изгони сына рабы, такъ какъ онъ не будетъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ свободной. Видишь ли возмездіе за кратковременную тиранію и неумѣстное высокомеріе? Отрокъ лишается отцовскаго наслѣдія, и дѣлается изгнанникомъ и скитальцемъ вмѣстѣ съ матерію. А ты замѣть мудрость сказаннаго. Онъ не сказалъ, что изгоняется только потому, что гналъ, но—чтобы не былъ наслѣдникомъ. Онъ понесъ наказаніе не за временное преслѣдованіе (это и неважно и нисколько не относится къ дѣлу); но потому, что (Богъ) не допуститъ его быть участникомъ въ томъ, что приготовлено было сыну, показывая этимъ, что и независимо отъ преслѣдованія, это было предопредѣлено ему свыше, и причиною своею имѣло не гоненія, но Божіе опредѣленіе. И не сказалъ онъ: не будетъ наслѣдникомъ сынъ Авраама, но—сынъ рабы, давая ему названіе отъ низкаго рода. Но Сарра была неплодною: такова же была и Церковь языческая. Видишь ли, какъ во всемъ содержится прообразованіе? Какъ та, не рождая во всѣ ранніе годы, становится матерію въ глубокой старости, такъ и Церковь языческая стала рождать, когда пришло исполненіе (временъ). Это самое предвозвѣстили и пророки, говоря: *возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопій не чревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Ис. LIV, 1),—называя этимъ именемъ Церковь. Дѣйствительно, послѣдняя прежде не знала Бога, но когда познала, то превзошла многочадіемъ синагогу. *Тѣмже, братіе, нѣсмь рабынина чада, но свободныя* (ст. 31). Все это объясняетъ и раскрываетъ (апостоль), желая показать, что случившееся не было дѣломъ новымъ, но было прообразовано Богомъ и за много вѣковъ. Итакъ не безумно ли избраннымъ за столько вѣковъ прежде и получившимъ уже свободу добровольно подчинять себя подъ иго рабства? Затѣмъ (апостоль) приводитъ и другую причину, убѣждающую ихъ твердо стоять съ догматахъ вѣры.

ГЛАВА V.

663—664 Свободою убо, говорить, ея же Христосъ васъ свободи, стойте (ст. 1).

1. Развѣ вы сами освободили себя, что опять стремитесь подъ прежнее владычество? Самъ (Христосъ) искупилъ васъ,—

раавѣ другой заплатилъ за васъ цѣну выкупа? Видишь, сколько средствъ употребляетъ (апостолъ), чтобы отклонить ихъ отъ іудейскаго заблужденія? Во-первыхъ, онъ показываетъ, что крайне безумно сдѣлавшимся изъ рабовъ свободными желать изъ свободныхъ снова сдѣлаться рабами; во-вторыхъ, даетъ имъ понять, что, презирая освободителя, а любя поработителя, они окажутся жестокими и неблагодарными по отношенію къ своему благодѣтелю; въ-третьихъ, внушаетъ, что это уже и невозможно, такъ какъ законъ утратилъ свое владычество, послѣ того, какъ другой откупилъ всѣхъ насъ у него однажды навсегда. Словомъ же—*стойте* онъ указываетъ ихъ непостоянство и шаткость. *И не паки* 664 *подъ игомъ работы держитесь*. Словомъ—*иго* изображаетъ тяжесть закона, а сказавъ—*паки*, обнаруживаетъ ихъ великую безчувственность. Если бы вы сами не испытали этой тяжести, то не заслуживали бы еще такихъ упрековъ; но если вы по опыту знаете всю тяжесть этого ига и не смотря на это опять сами подчиняетесь ему, то заслуживаете ли вы какого извиненія? *Се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетесь, Христосъ васъ ничтоже пользуется* (ст. 2). Смотри, какая угрожаетъ опасность! Справедливо поэтому онъ анафематствовалъ и самихъ ангеловъ (Гал. 1, 8). Но какимъ образомъ не будетъ имъ никакой пользы отъ Христа? Этого онъ самъ не сталъ доказывать, а только объявилъ, такъ какъ достоинство лица было убѣдительнѣе всякаго другого доказательства (вотъ почему онъ предварительно и сказалъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ*,—что служило доказательствомъ увѣренности его въ расположеніи къ себѣ тѣхъ, кому онъ говорилъ). Но мы, насколько возможно, предложимъ отъ себя нѣчто въ 665 объясненіе того, почему обрѣзывающемуся не будетъ никакой пользы отъ Христа. Обрѣзывающійся обрѣзывается какъ бы бояся закона, боящійся же закона не вѣритъ силѣ благодати, а невѣрующій не получаетъ никакой пользы отъ благодати, которой онъ не вѣритъ. Съ другой стороны, кто обрѣзывается, тотъ дѣлаетъ законъ господиномъ надъ собою; кто же, считая законъ господиномъ, въ то же время большую часть его нарушаетъ и соблюдаетъ только меньшую, тотъ опять подвергаетъ себя проклятiю; но какъ можетъ спастись тотъ, кто подвергаетъ себя проклятiю и отвергаетъ свободу отъ проклятiя, приносимую вѣрою? А если позволительно сказать нѣчто невѣроятное,—такой человѣкъ не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ, онъ сталъ въ серединѣ между тѣмъ и другимъ, желая получить пользу и отъ того и отъ другого, а потому ни откуда ничего не получить. Затѣмъ, сказавъ, что имъ не будетъ никакой пользы, онъ, хотя не прямо и въ короткихъ словахъ, приводитъ и дока-

зательство, говоря такъ: *свидѣтельствую же всякому человеку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (ст. 3). Чтобы ты не подумаль, что это сказано по непріязненному расположенію, для этого, говорить, не только вамъ, но и всякому человѣку обрѣзавающемуся, я говорю, что онъ долженъ исполнить весь законъ, потому что постановленія закона тѣсно связаны между собою. И какъ тотъ, кто, будучи свободнымъ, предалъ себя въ рабство, болѣе уже не дѣлаетъ того, что хочетъ, но подчиняется всѣмъ законамъ рабства, такъ и по отношенію къ закону: если ты примешь хотя бы и одну незначительную часть его и подчинишь себя игу его, то этимъ привлечешь на себя всю его власть. Точно также бываетъ и въ мірскомъ наслѣдствѣ: кто ничего не беретъ изъ него, тотъ свободенъ и отъ всѣхъ обязанностей, возлагаемыхъ на наслѣдника умершаго; если же кто получилъ, хотя бы и не все наслѣдство, а только малую часть его, тотъ и за эту одну часть принимаетъ на себя всѣ обязанности наслѣдника. То же происходитъ и по отношенію къ закону, и не только такимъ образомъ, какъ я сказалъ, но и другимъ, потому что заповѣди закона связаны между собою. Напримѣръ, обрѣзаніе соединено съ жертвоприношеніемъ и наблюденіемъ дней; жертвоприношеніе также связано съ наблюденіемъ дней и мѣста; мѣсто—съ безчисленными видами очищеній; очищенія неразлучны со множествомъ различныхъ обрядовъ; нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить въ священныя мѣста, ни дѣлать другое что-нибудь подобное. Такимъ образомъ законъ и для одной заповѣди требуетъ многого. Такъ, если ты обрѣзался, но не въ восьмой день, или хотя и въ восьмой, но безъ жертвоприношенія, или даже и съ жертвоприношеніемъ, но не на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено, или и на опредѣленномъ мѣстѣ, но не по предписаніямъ закона, или хотя и согласно съ предписаніями закона, но будучи нечистымъ, или и чистымъ, но очистившимся не установленными обрядами,—то всѣ эти твои труды пропали. Вотъ почему онъ и говорить, что (обрѣзающийся) долженъ исполнить весь законъ. Если законъ господствуетъ, то исполняй не часть его, а весь; если же онъ не имѣетъ силы, то не исполняй и части. *Упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдатеся, отъ благодати отпадосте* (ст. 4). Вслѣдъ за доказательствомъ онъ показываетъ далѣе и крайнюю опасность ихъ положенія. Если прибѣгающій къ закону не можетъ найти въ немъ спасенія, а между тѣмъ отпадаетъ отъ благодати, то что ему 666 остается кромѣ неизбежнаго наказанія, когда законъ не имѣетъ силы, а благодать не принимаетъ его?

2. Усиливъ такимъ образомъ страхъ ихъ, поколебавши ихъ

мысли и указавъ на угрожающее имъ кораблекрушеніе, онъ затѣмъ открываетъ имъ близкую къ нимъ пристань благодати, какъ и повсюду онъ дѣлаеть, общая въ ней вѣрнѣйшее и надежнѣйшее спасеніе. Поэтому онъ далѣе и говоритъ: *мы бо духомъ отъ отцы уповація правды ждемъ* (ст. 5). Мы, говоритъ онъ, не имѣемъ нужды ни въ какихъ постановленіяхъ закона, такъ какъ вѣра достаточна для того, чтобы сообщить намъ Духа, а чрезъ него оправданіе и кромѣ того многія и великія блага. *О Христѣ бо Иисусъ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію споспѣшествуема* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ обращается къ нимъ уже съ большимъ дерзновеніемъ? Облекшійся во Христа, говоритъ, пусть не заботится объ обрѣзаніи. Однако онъ не сказать, что обрѣзаніе вредно: какъ же въ такомъ случаѣ онъ считаетъ его безразличнымъ? Оно безразлично для тѣхъ, которые были обрѣзаны прежде принятія вѣры, но не для тѣхъ, которые обрѣзались уже послѣ принятія вѣры. Смотри же, какъ онъ отвергъ обрѣзаніе, поставивъ его на ряду съ необрѣзаніемъ. Вѣдь различіе дѣлаеть вѣра. Такъ, если кто набираетъ борцовъ, то будутъ ли они кривоносые или курносые, черные или бѣлые, это нисколько не важно въ дѣлѣ выбора, но надобно искать въ нихъ только того, чтобы они были сильны и опыты въ своемъ дѣлѣ. Точно также и желающему вступить въ новый завѣтъ нисколько не повредить то, что онъ не соблюлъ всѣхъ этихъ тѣлесныхъ обрядовъ, равно какъ не принесетъ никакой пользы и то, если онъ соблюдетъ ихъ. Что же значить—*любовію споспѣшествуема*? Этими словами (апостоль) сильно уязвляетъ ихъ, показывая, что это уклоненіе ихъ отъ истины произошло оттого, что они не утвердились еще въ любви ко Христу, такъ какъ здѣсь потребна не только вѣра, но и пребываніе въ любви. Какъ бы такъ онъ сказалъ: если бы вы любили Христа какъ должно, то вы не уклонились бы къ рабству, не оставили бы вашего Искупителя и не оскорбили бы Освободителя. Онъ указываетъ здѣсь вмѣстѣ и на тѣхъ, которые злоумышляли противъ нихъ, давая понять, что если бы и они имѣли любовь къ нимъ, то не рѣшились бы сдѣлать этого. Кромѣ того этими словами онъ желаетъ исправить и жизнь ихъ. *Течасте добръ, кто вамъ возбрани* (ст. 7)? Это—слова не вопрошающаго, а недоумѣвающаго и скорбящаго. Какъ установлено такое шествіе? Кто имѣлъ столько силы? Вы, которые были выше всѣхъ и стояли на степени учителей, не остались даже и на степени учениковъ. Какъ это случилось? Кто былъ такъ силенъ? Это скорѣе голосъ призывающаго и скорбящаго, подобно тому, какъ и выше онъ сказалъ: *кто вы прельстилъ есть* (Гал. ш, 1)? *Препрътіе не отъ призвавшаго вы* (ст. 8). Призвавшъ и

васъ не для того призывалъ, чтобы вы такъ колебались, не дать вамъ заповѣди жить по-іудейски. Затѣмъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: зачѣмъ ты такъ преувеличиваешь дѣло и представляешь его столь ужаснымъ? мы соблюли только одну заповѣдь закона, а ты производишь такой шумъ?—послушай, какъ устрашаетъ ихъ, не настоящимъ ихъ поступкомъ, но имѣющими прозойти отъ него послѣдствіями, въ слѣдующихъ словахъ: *малѣе вѣсѣ все смѣшеніе кваситъ* (ст. 9). Такъ и васъ, говорить, эта не-
 667 большая погрѣшность, оставленная безъ исправленія, можетъ преодолѣть и увлечь совершенно въ іудейство, подобно тому какъ закваска (заквашиваетъ) тѣсто. *Азъ надѣюсь о васъ* во Христѣ, *яко ничтоже ино разумѣти будете* (ст. 10). Не сказалъ—не разумѣете, но—не будете разумѣть, т. е. исправитесь. Откуда ты знаешь это? Но онъ не сказалъ—знаю, а—надѣюсь. Надѣюсь на Бога, говорить онъ, и съ твердымъ упованіемъ призываю Его содѣйствіе къ вашему исправленію. И не просто сказалъ—*надѣюсь о васъ*, но прибавилъ—*съ Господь*. Онъ вездѣ соединяетъ обличеніе съ похвалою; какъ бы такъ онъ сказалъ: я знаю моихъ учениковъ, знаю удобоисправность вашу; полагаюсь въ этомъ и на Господа, который не попускаетъ погибнуть даже и самому незначительному человѣку, и на васъ, которые легко можете возвратиться въ прежнее состояніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ приложить и собственное стараніе, такъ какъ не возможно получить отъ Бога ничего, если мы не привнесемъ ничего съ своей стороны. *Смущаяй же васъ, понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*. Съ двухъ сторонъ побуждаетъ ихъ къ исправленію,—и тѣмъ, что ободряетъ ихъ, и тѣмъ, что угрожаетъ и предсказываетъ наказаніе обольстителемъ. Но замѣть, что онъ нигдѣ не называлъ по имени злоумышленниковъ, чтобы тѣмъ не сдѣлать ихъ еще безстыднѣе. А смыслъ его словъ такой: хотя вы и не будете мыслить иначе, однако это не избавитъ виновниковъ обольщенія отъ наказанія, но они будутъ осуждены, такъ какъ невозможно допустить, чтобы за благочестіе однихъ облегчалась участь другихъ, злонравныхъ. Говорить же это для того, чтобы лжеучители не сдѣлали такого же нападенія еще и на другихъ. И не просто сказалъ—смущающіе, но и усилилъ выраженіе, сказавъ: *кто бы ни былъ*. *Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще гонимъ есмь* (ст. 11)? Такъ какъ на него возводили клевету, будто онъ часто соблюдаетъ іудейскіе обряды и проповѣдуетъ (необрѣзаніе) притворно, то посмотри, какъ онъ показалъ себя чистымъ (отъ этой клеветы), призывая въ свидѣтели ихъ самихъ. Вы и сами знаете, говорить онъ, что причиною гоненій на меня было то, что я повелѣваю оставлять законъ; а если бы я проповѣдывалъ

валъ обрѣзаніе, то за что бы стали меня преслѣдовать? Ни въ чемъ другомъ, кромѣ этого, іудействующіе не могутъ обвинить меня. И если бы я позволялъ имъ вѣровать по отеческимъ обычаямъ, то, конечно, ни увѣровавшіе, ни неувѣровавшіе не злоумышляли бы противъ меня, такъ какъ ничего изъ ихъ обычаевъ не отвергалось бы.

8. Что же? Не проповѣдалъ ли онъ обрѣзанія? Не обрѣзалъ ли Тимофея (Дѣян. xvi)? Обрѣзалъ, конечно. Какъ же въ такомъ случаѣ говорить—„не проповѣдую“? Замѣть и здѣсь его осмотрительность. Онъ не сказалъ—я не совершаю обрѣзанія, но—не проповѣдую, т. е. не учу такъ вѣрить. И ты не долженъ брать моего поступка въ утвержденіе догматовъ: я дѣйствительно обрѣзалъ, но не проповѣдывалъ обрѣзанія. *Убо упраздися соблазнъ креста.* Это значитъ: если вѣрно то, что вы говорите, то преграда и вражда, раздѣляющія насъ, уничтожены. Іудеевъ соблазнялъ не столько крестъ, сколько ученіе не слѣдовать отеческимъ обычаямъ. И когда они привели Стефана въ синадріонъ, не говорили, что онъ почитаетъ Распятаго, но что онъ говоритъ (хульные слова) на мѣсто это и на святой законъ (Дѣян. vi, 18). Да и самого Іисуса они обвиняли въ томъ, что онъ разоряетъ законъ (Іоан. v, 16). Вотъ почему Павелъ и говоритъ: если мы допускаемъ обрѣзаніе, то прекратилась ваша борьба съ нами,—нѣтъ бо- 668
лѣе никакой вражды противъ креста и проповѣди; если же насъ ежедневно умерщвляютъ, то почему же насъ обвиняютъ въ этомъ? А на меня за то и возложили руки, что я ввелъ въ храмъ необрѣзаннаго. Неужели же я, говорить, настолько неразуменъ, что, допуская обрѣзаніе, рѣшился бы совершенно напрасно и самъ подвергнуться такому злу, и подать такой соблазнъ для креста? Вы и сами видите, что ни за что такъ не враждуютъ на насъ, какъ за обрѣзаніе. Итакъ, неужели я былъ настолько неразуменъ, чтобы безъ всякой причины и себя подвергнуть скорби, и другихъ ввести въ соблазнъ? А назвалъ онъ это соблазномъ креста потому, что и ученіе о крестѣ повелѣваетъ оставить отеческіе обычаи, и что это именно повелѣніе преимущественно и соблазняло іудеевъ и служило препятствіемъ къ принятію креста. *О дабы отстѣчени были развращающіи васъ* (ст. 12)! Смотри, какимъ строгимъ является здѣсь (апостолъ) по отношенію къ обольстителямъ (галатовъ). Сначала онъ упрекалъ обольщенныхъ, дважды назвавъ ихъ несмысленными, но послѣ того какъ достаточно научилъ и вразумилъ ихъ, обращается уже къ обольстителямъ. А мы должны и здѣсь замѣтить мудрость (апостола). Первыхъ онъ убѣждаетъ и вразумляетъ, какъ дѣтей своихъ, способныхъ еще исправиться, обольстителей же отсѣкаетъ, какъ чуж-

дыхъ и ненатѣчно больныхъ; на это послѣднее указываетъ онъ, когда говорить: *понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*, а на первое, когда угрожаетъ имъ и говорить: *о дабы отсѣчени были развращающіи васъ*. И справедливо сказать—*развращающіи* (ἀναστρεφόντες). Въ самомъ дѣлѣ, они принудили ихъ, оставивъ свое отечество и свободу и небесное родство, искать отечества чуждаго и неизвѣстнаго, и изгнавъ ихъ изъ Іерусалима горняго и свободнаго, заставили блуждать какъ плѣнниковъ и пришельцевъ. Поэтому-то (апостолъ) и желаетъ ихъ удаленія. Смыслъ же его словъ таковъ: я нисколько не забочусь о нихъ, такъ какъ *еретика челоука по первымъ и вторымъ наказаніямъ отрицайся* (Тит. ш, 10). Если они хотятъ, пусть не только обрѣзываются, но и (все тѣло свое) нирѣжутъ.

Итакъ, что скажутъ теперь тѣ, которые осмѣливаются сами себя искажать, навлекая тѣмъ на себя клятву апостола и осуждая устройство Божіе,—сподобники манихеевъ? Но и манихеи только говорятъ, что тѣло злокозненно и составлено изъ злого вещества, а эти самими дѣлами подають поводъ къ ихъ нелѣпнымъ толкамъ, отсѣкая членъ, какъ бы враждебный и злокозненный. Въ такомъ случаѣ скорѣе надлежало бы выкалывать глаза, такъ какъ чрезъ нихъ входитъ въ душу похоть. Но ни глазъ, ни другой какой-либо членъ не виновны въ этомъ, а виновна одна только злая воля. Если же не можешь воздержаться, то почему не отсѣкаешь языка за богохульство, рукъ за хищеніе, ногъ за стремленіе ихъ ко злу, и всего, такъ сказать, тѣла? Да и слухъ, услаждаемый игрою на флейтѣ, часто расслабляетъ душу, и ноздри при ощущеніи благовонія прельщаютъ сердце и увлекаютъ къ удовольствію. Итакъ отсѣчемъ все, и уши, и руки, и ноздри. Но это—крайнее нечестіе и безуміе сатанинское. Нужно только исправить, безпорядочное стремленіе души, потому что злой демонъ, услаждающійся всегда убійствами, могъ внушить, что должно истреблять самый органъ, какъ будто бы великій художникъ сдѣлалъ ошибку. Какъ же бываетъ, скажетъ кто-нибудь, что отъ тучности тѣла возгарается похоть? Но и тутъ опять грѣхъ души, такъ какъ утѣченіе тѣла зависить не отъ тѣла, а отъ души. Вѣдь если она захочетъ истощить его, то имѣетъ къ этому полную возможность. Ты поступаешь подобно тому, кто, видя подкладывающаго зажженныхъ дрова и поджигающаго ими домъ, оставилъ бы совершенно въ сторонѣ поджигателя, и сталъ бы обвинять огонь за то, что онъ разгорѣлся такъ сильно оттого, что охватилъ много бревенъ дома. Но виновать не огонь, а поджигатель. Огонь данъ для приготовленія пищи, для освѣщенія и для многихъ другихъ потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Точно также и по-

желаніе дано для дѣторожденія и сохраненія жизни, а не для прелюбодѣянія, блуда и распутства; дано для того, чтобы ты былъ отцемъ, а не прелюбодѣмъ, чтобы законно находился въ общеніи съ женою, а не растлѣвалъ ее противозаконнымъ образомъ, чтобы ты оставилъ свое сѣмя, а не осквернялъ чужое. Вѣдь прелюбодѣянiе зависитъ не отъ естественнаго пожеланія, но противоестественной необузданности, такъ какъ пожеланіе ищетъ только совокупленія, а не такого именно совокупленія.

4. Впрочемъ это я сказалъ теперь не безъ намѣренія, но приступаю къ нѣкоторымъ состязаніямъ и предначинаю борьбу противъ тѣхъ, которые называютъ твореніе Божіе злымъ и, не обращая вниманія на безпечность души, безумно возстаютъ противъ тѣла и клеветуютъ на плоть нашу, о которыхъ далѣе говорить и апостоль Павелъ, обвиняя именно не плоть, а хульные помыслы. *Вы же, братіе, на свободу звани бысте: точію да не свобода въ вину плоти* (ст. 18). Здѣсь (апостоль), кажется, переходитъ къ нравственной части посланія; но въ этомъ посланіи онъ допускаетъ нѣкоторую особенность, каковой нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ его посланій. Всѣ другія посланія онъ обыкновенно раздѣляетъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой разсуждаетъ о догматахъ, а въ послѣдней излагаетъ правила жизни; между тѣмъ какъ здѣсь, перешедши къ нравственному ученію, онъ послѣ опять присоединяетъ къ нему ученіе догматическое; и это потому, что нравственное ученіе опять имѣетъ нужду въ догматическомъ въ борьбѣ съ манихеями. Что же значатъ слова: *точію да не свобода въ вину плоти*? Христосъ, говоритъ, освободилъ насъ отъ ига рабства и предоставилъ намъ свободу дѣлать, что хотимъ, не для того, чтобы мы употребляли эту свободу на зло, но чтобы пользовались ею, какъ средствомъ къ полученію большей награды, восходя къ совершеннѣйшей мудрости. Такъ какъ онъ повсюду называетъ законъ итогъ рабства, а благодать освободительницею отъ клятвы закона, то чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто онъ повелѣваетъ оставить законъ для того, чтобы можно было жить беззаконно, онъ предупреждаетъ подобное подозрѣніе, говоря: не для того (освобождены мы отъ закона), чтобы жить намъ беззаконно, но чтобы стяжать мудрость выше закона, потому что узъ закона разрѣшены. И я говорю это не для того, чтобы намъ еще болѣе унижаться, но чтобы болѣе возвыситься. Вѣдь и блудникъ, и дѣвственникъ—оба преступили предѣлы закона, но не одинаково, а одинъ ниспалъ въ худшее, другой же возвысился къ лучшему, одинъ преступилъ законъ, а другой превзошелъ законъ. Итакъ Павелъ говоритъ слѣдующее: Христосъ освободилъ васъ отъ ига не для того, чтобы вы прыгали и бѣсились, но чтобы освобо-

жденные отъ ярма текли благоустроеныѣ. Затѣмъ (апостоль) указываетъ и способъ, посредствомъ котораго легко можно достигнуть этого. Какой же это способъ? *Любовію*, говоритъ, *работайте другъ другу*. Снова здѣсь онъ даетъ понять, что причиною ихъ заблужденія были честолюбіе, несогласіе, любоначалие и гордость, такъ какъ мать ересей есть страсть властолюбія. И словами—*работайте другъ другу* онъ показалъ, что это ало произошло именно отъ тщеславія и гордости, а потому представляетъ и соотвѣтственное врачество. Такъ какъ вы раздѣлились между собою вслѣдствіе желанія властвовать одинъ надъ другимъ, то служите другъ другу, и такимъ образомъ вы опять соединитесь. Впрочемъ онъ ясно не называетъ грѣха, а ясно предлагаетъ только способъ исправленія, чтобы отсюда уже они узнали и грѣхъ свой,—подобно тому, какъ если бы кто, не говоря (прямо) распутному, что онъ распутенъ, сталъ бы убѣждать его быть пѣломудреннымъ. И дѣйствительно, кто любитъ, какъ должно, ближняго, тотъ не откажется служить ему покорнѣ всякаго раба. Какъ огонь, поднесенный къ воску, легко размягчаетъ его, точно такъ же и теплота любви сильнѣе огня разрушаетъ всякую гордость и надменность. Вотъ почему не сказалъ просто—любите другъ друга, а—*работайте*, указывая этимъ на высшую степень любви. А чтобы они, освободясь отъ ига закона, не сдѣлались безчинными, онъ возлагаетъ на нихъ другое иго, иго любви, которое хотя и крѣпче перваго, но гораздо легче и пріятнѣе. Потомъ, изъясняя, въ чемъ состоитъ благо любви, говоритъ: *ибо весь законъ въ единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбивши ближняго твоего, якоже себе* (ст. 14; Мѡ. xii, 39; Левит. xix, 18). Такъ какъ они всячески извращали законъ, то онъ и говоритъ: если ты хочешь исполнить законъ, то не обрѣзывайся, потому что онъ исполняется не въ обрѣзаніи, а въ любви. Смотри, какъ онъ не можетъ забыть своей скорби, но непрестанно возвращается къ тому, что причиняетъ ему эту скорбь, даже и перешедши къ нравственному ученію. *Аще же другъ друга угрызаєте и сныдаєте, блюдитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете* (ст. 15). Онъ не высказываетъ своей мысли прямо, чтобы не огорчить ихъ, хотя зналъ, что такъ и дѣлается между ними; но то же самое говоритъ съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія. Онъ не сказалъ: потому что вы угрызаєте другъ друга, и далѣе тоже (не сказалъ прямо), равно какъ опять и послѣ не высказалъ прямо, что вы будете истреблены другъ другомъ; такая рѣчь свойственна только устрашающему и предостерегающему отъ опасности, а не осуждающему. Слова же употребилъ самыя сильныя. Не сказалъ онъ только—*угрызаєте*, что дѣлаетъ иногда раздраженный, но прибавилъ—и *сныдаєте*, что

свойственно закоренѣвшему въ злобѣ. Угрызающій удовлетворяетъ только страсть гнѣва, тотъ же, кто съѣдаетъ, обнаруживаетъ въ себѣ крайнюю степень звѣрства. Впрочемъ онъ говоритъ здѣсь не о тѣлесныхъ укушеніяхъ и съѣданіяхъ, а разумѣетъ еще болѣе худшія. Въ самомъ дѣлѣ, не столько причиняетъ вреда тотъ, кто съѣдаетъ плоть человѣка, сколько тотъ, кто угрызаетъ душу его, такъ какъ, насколько душа драгоцѣннѣе тѣла, настолько тягостнѣе и причиняемое ей зло. *Блудитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете*, говоритъ онъ. Такъ какъ обманщики и злоумышленники приходятъ для того, чтобы губить другихъ, то онъ поэтому и говоритъ: смотрите, чтобы дѣло не дошло и до васъ. Раздѣленіе и борьба гибельны и разорительны, безъ сомнѣнія, какъ для тѣхъ, которые принимаютъ ихъ, такъ и для тѣхъ, кто вводитъ ихъ, и изѣдаютъ все еще болѣе, чѣмъ моль. *Глаголю же, духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте* (ст. 16).

5. Вотъ показываетъ и другой способъ, облегчающій добро- 671
дѣтель и содѣйствующій исполненію выше сказаннаго,—способъ, раждающій любовь и поддерживаемый любовью. Дѣйствительно, ничто такъ не дѣлаетъ насъ любвеобильными, какъ жизнь по духу, и ничто такъ не убѣждаетъ духа обитать въ насъ, какъ сила любви. Поэтому онъ и говоритъ: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте*. Такъ какъ онъ ранѣе называлъ причину болѣзни, то теперь указываетъ на лѣкарство, приносящее здоровье. Какое же это лѣкарство и какая это сила, отъ которой зависятъ сказанныя выше блага, какъ не жизнь по духу? Поэтому и говоритъ: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте. Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (ст. 17). Здѣсь нѣкоторые нападаютъ (на насъ), говоря: вотъ и апостолъ раздѣляетъ человѣка на два, представляя его какъ бы составленнымъ изъ противоположныхъ природъ, разъ приписываетъ борьбу противъ души тѣлу. Но это совершенно несправедливо, такъ какъ плотию онъ называетъ здѣсь не тѣло; а если разумѣетъ здѣсь тѣло, то какой смыслъ будутъ имѣть слѣдующія далѣе слова? *Похотствуетъ, говоритъ, на духа*. Но вѣдь тѣло принадлежитъ къ числу вещей не движущихъ, а движимыхъ, не дѣйствующихъ, а которыми дѣйствуютъ,—какъ же въ такомъ случаѣ оно желаетъ? Желаніе безъ сомнѣнія принадлежитъ душѣ, а не тѣлу. Да и въ другихъ мѣстахъ Писанія говорится: желаетъ душа моя (Псал. lxxxiii, 8); также: чего желаетъ душа твоя, я сдѣлаю для тебя (1 Цар. xx, 4); и еще: не слѣдуй влеченію души твоей (Ис. с. Сир. v, 2); и опять: *сице желаетъ душа моя* (Псал. xli, 2). Какъ же Павелъ говоритъ: *плоть похотствуетъ*

на духа? Плотію онъ обыкновенно называетъ не природу тѣлесную, а злую волю, напр., когда говоритъ: *вы есте во плоти, но съ душъ* (Рим. viii, 9); и еще: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ* (Рим. viii, 8). Итакъ что же? Должно убивать плоть? Такія внушенія дѣло не плоти, а діавола, такъ какъ *онъ челоуѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. viii, 44). О чемъ же въ такомъ случаѣ говорить (апостоль)? Плотію онъ называетъ здѣсь помысль земной, легкомысленный и нерадивый, а въ послѣднемъ виновато не тѣло, но безпечная душа. Вѣдь тѣло есть только орудіе, отъ орудія же никто не отвращается, ни ненавидитъ, а отвращаются отъ того, кто употребляетъ это орудіе во зло. Мы ненавидимъ и наказываемъ не мечъ, а челоуѣкоубійцу. Но, скажетъ кто-нибудь, называть хрѣсти души именемъ плоти именно и значитъ обвинять тѣло. Я же признаю, что хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна. Въ самомъ дѣлѣ, то, что ниже хорошаго, и само хорошо, тогда какъ худое не ниже хорошаго, но совершенно противоположно ему. Если ты дѣйствительно можешь указать зло, происходящее отъ тѣла, то обвиняй плоть; но если ты на основаніи одного только названія хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебѣ не пришлось обвинять и душу, потому что и лишенный истинны челоуѣкъ называется душевнымъ челоуѣкомъ (1 Кор. ii, 14), и полчища демоновъ называются духами злобы (Ефес. vi, 12). Съ другой стороны, именемъ плоти Писаніе называетъ обыкновенно и таинства, равно и всю Церковь, называя ее тѣломъ Христовымъ (Колос. i, 18). Если же ты хочешь, чтобы я указалъ 672 тебѣ благодѣянія, получаемыя нами чрезъ тѣло, то представь, что всѣ чувства у него уничтожены, и ты увидишь тогда душу лишенною всякаго познанія, и не имѣющею никакого понятія о томъ, что она знаетъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, если сила Божія отъ созданія міра видима чрезъ разсматриваніе твореній (Рим. i, 20), то какъ мы могли бы познать ее безъ глазъ? Если также и вѣра отъ слуха (Рим. x, 17), то какъ услышимъ о ней безъ ушей? А проповѣдывать и обходить землю можно только посредствомъ языка и ногъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ проповѣдывать, если не будутъ посланы (Рим. x, 15)? Да и письмо возможно благодаря рукамъ. Видишь ли, какое множество благъ приносить намъ служеніе плоти? Если же (апостоль) говоритъ: *плоть похотствуетъ на духа*, то говоритъ о двухъ противоположныхъ видахъ помысловъ,—о добродѣтели и пороку, такъ какъ именно они противятся другъ другу, а не душа и тѣло. Если бы эти послѣднія находились во взаимной враждѣ, то они истребили бы другъ друга, такъ же какъ вода истребляетъ огонь, какъ тьма—свѣтъ;

если же душа заботится о тѣлѣ и проявляетъ по отношенію къ нему великое попеченіе, весьма многое претерпѣваетъ, чтобы только не раастаться съ нимъ, и сопротивляется, когда ее хотятъ разлучить съ нимъ, если въ свою очередь и тѣло служить ей, много доставляетъ ей познаній и само приспособлено къ ея дѣятельности,—то какъ они могутъ быть противными и враждебными другъ другу? И дѣйствительно, изъ самыхъ дѣйствій ихъ я вижу, что они не только не противны, но и весьма между собою согласны и взаимно другъ друга поддерживаютъ. Такимъ образомъ не о тѣлѣ и душѣ говорить (апостолъ) въ словахъ—противятся другъ другу, а указываетъ на борьбу злыхъ и добрыхъ помысловъ. Желать и не желать—есть, конечно, дѣло души. Поэтому онъ и говоритъ: они противятся, чтобы ты не позволялъ душѣ предаваться злымъ ея пожеланіямъ. Онъ сказалъ это какъ наставникъ и учитель, возбуждая страхъ. *Аще ли духомъ водими есте, нѣсте подѣ законамъ* (ст. 18).

6. Какая тутъ послѣдовательность? Самая строгая и очевидная. Кто имѣетъ духа, какъ и слѣдуетъ, тотъ при его помощи погашаетъ въ себѣ всякое злое желаніе; кто же освободился отъ злыхъ пожеланій, тотъ уже не имѣетъ нужды въ помощи закона, ставъ много выше его ученія. Въ самомъ дѣлѣ, кто не гнѣвается, развѣ нуждается въ томъ, чтобы слышать—не убій? Кто не смотритъ любострастными глазами, развѣ имѣетъ нужду въ наставленіи—не прелюбодѣйствовать? Кто станетъ говорить о послѣдствіяхъ зла тому, кто исторгъ въ себѣ и самый корень зла? А корень убійства, безъ сомнѣнія, есть гнѣвъ, прелюбодѣянія же—похотливый ваглядъ глазъ. Поэтому онъ и говоритъ: *аще духомъ водими есте, нѣсте подѣ закономъ*. Здѣсь, мнѣ кажется, онъ высказалъ вмѣстѣ великую и удивительную похвалу закону. Если законъ, говоритъ, до пришествія духа замѣнялъ, сообразно силамъ своимъ, духа, то даже и поэтому нѣтъ нужды оставаться теперь подѣ пѣстуномъ. Тогда, конечно, мы справедливо находились подѣ закономъ, чтобы, побуждаемые страхомъ, удерживали свои пожеланія, такъ какъ не явился еще духъ; а теперь, послѣ того какъ намъ дарована благодать, которая не только повелѣваетъ воздерживаться отъ нихъ, но и сама изсушаетъ ихъ и возводитъ человѣка къ совершеннѣйшей жизни, какая нужда въ законѣ? Кто по собственному побужденію совершаетъ большее, на что тому пѣстунъ? Философъ, конечно, не имѣетъ нужды въ учителѣ грамматики. Итакъ, для чего вы унижаете себя, слушая теперь слова закона, послѣ того какъ первоначально изъявили готовность служить духу? *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть блудъ, прелюбодѣяніе, нечистота, студоустройство, чароустройство*— 673

женіе, вражда, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, пїянства, безчинны кличи, и подобная сымъ, яже предлагаю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящїи царствїя Божїя не наслѣдять (ст. 19—21). Теперь ты, обвинитель плоти своей, скажи мнѣ, если ты думаешь, что это сказано о борьбѣ и враждѣ ея (пусть даже прелюбодѣянїе и блудъ, по вашему, зависятъ отъ плоти),—какъ вражда, ссоры, зависть, распри, ереси и волшебство (а все это, равно какъ и другое, конечно зависятъ отъ воли, только развращенной), какъ они-то могутъ зависѣть отъ плоти? Видишь, что (апостолъ) говоритъ здѣсь не о плоти, а о земныхъ и низменныхъ помыслахъ? Поэтому онъ возбуждаетъ и страхъ, говоря, что таковая творящїи, царствїя Божїя не наслѣдять. А если бы это зависѣло отъ алой природы, а не отъ развращенной воли, то ему скорѣе слѣдовало бы сказать не—„творять“, но—претерпѣвають. Но за что же они въ такомъ случаѣ лишаются и царствїя? Вѣдь какъ вѣнцы, такъ и наказанїя слѣдуютъ не за то, что совершается по природѣ, но за то, что по волѣ. Вотъ почему и Павелъ угрожалъ такъ. *Плодъ же духовный любви, радость, миръ* (ст. 22). Не сказалъ—дѣло, но—плодъ духа. Чтоже, не излишня ли душа? Если рѣчь идетъ только о плоти и духѣ, то гдѣ душа? Или онъ говоритъ о существахъ неимѣющихъ души? Въ самомъ дѣлѣ, когда зло приписывается плоти, а добро духу, то душѣ нѣтъ уже мѣста. Но это совершенно не такъ, потому что воздержанїе страстей есть дѣло души, и ей принадлежитъ; и если она, находясь посреди добродѣтели и порока, употребляетъ тѣло на должное, то и его дѣлаетъ духовнымъ, а если удаляется отъ духа и предается алымъ пожеланїямъ, то и сама становится болѣе земною. Видишь ли изъ всего этого, что онъ говоритъ здѣсь не о существѣ плоти, а о зломъ и добромъ произволенїи? Почему же онъ (добрыя дѣла) называетъ „плодомъ“

674 духа? Такъ какъ злыя дѣла происходятъ только отъ насъ, поэтому онъ и называетъ ихъ дѣлами, между тѣмъ добрыя требуютъ не нашего только старанїя, но и человеколюбїя Божїя. Затѣмъ, перечисляя добрыя дѣла, на первомъ мѣстѣ поставляетъ корень ихъ, говоря такъ: *любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержанїе. На таковыхъ нѣсть закона* (ст. 22, 23). Въ самомъ дѣлѣ, чему можно научить того, кто самъ въ себѣ имѣетъ все, и у кого совершеннѣйшимъ учителемъ мудрости служить любовь? Какъ кроткіе кони, и сами по себѣ дѣлающіе все, не имѣютъ нужды въ бичѣ, такъ и душа, преуспѣвающая въ добродѣтели дѣйствїемъ духа, не имѣетъ нужды въ предписанїяхъ закона. Итакъ (апостолъ) и здѣсь съ удивительною мудростію отвергъ законъ, не потому, чтобы онъ былъ

худъ, но потому, что онъ ниже премудрости, даруемой Духомъ. *А иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми* (ст. 24). Чтобы не спросили: кто же это такіе?—онъ изъ самыхъ дѣлъ указываетъ тѣхъ, которые поступаютъ такъ, называя снова здѣсь плотію алая дѣла. Вѣдь таковыя конечно не убили своей плоти,—иначе какъ бы они стали жить?—распятое безъ сомнѣнія мертво, и недѣятельно,—но говорить о совершенствѣ ихъ мудрости. Хотя страсти и досаждаютъ имъ, но возстаютъ на нихъ совершенно безъ успѣха. Итакъ, если такова сила духа, то имъ и жить будемъ, имъ только и будемъ довольствоваться. Указывая на это, и самъ (апостоль) прибавилъ: *итакъ будемъ жить духомъ, и духомъ да ходимъ* (ст. 25), живя по его законамъ. Это именно и значить—*да ходимъ*, т. е. будемъ довольны силою духа и не станемъ искать дополненія въ законѣ. Затѣмъ, желая показать, что вводящіе обрѣзаніе дѣлаютъ это по честолюбію, говоритъ: не будемъ тщеславиться, въ чемъ заключается причина всѣхъ золъ, не будемъ другъ друга раздражать, другъ другу завидовать (ст. 26). Вѣдь отъ тщеславія рождается зависть, а отъ зависти происходятъ всѣ тѣ безчисленные виды зла.

ГЛАВА VI.

Братіе, еще и впадетъ человѣкъ (ст. 1).

673

1. Такъ какъ (галаты), подъ предлогомъ обличенія, мстили другимъ за свои страсти, и обольщали себя тѣмъ, что они дѣлаютъ это для исправленія грѣховъ другихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ желали утвердить свое любобачіе, то (апостоль) говоритъ: *братіе, еще и впадетъ* (человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе). Не сказалъ—если сдѣлаетъ, но—*еще впадетъ*, т. е. если будетъ увлеченъ. *Вы духовнии исправляйте такового.* Не сказалъ опять—наказывайте, или осуждайте, но—исправляйте. И даже на этомъ не останавливается, но, желая показать, что имъ нужно быть крайне снисходительными къ вовлеченнымъ въ грѣхъ, прибавилъ: *духомъ кротости.* Не сказалъ просто—кротостію, но—*духомъ кротости*, показывая тѣмъ, что это угодно и Духу, и что способность исправлять кротостію согрѣшающихъ есть даръ духовный. Затѣмъ, чтобы исправляющій другого не возгордился, онъ устрашаетъ и его опасностію подобнаго паденія, говоря: *блудный себе, да не и ты искушенъ будешь.* Какъ богатые подають бѣднымъ милостыню, чтобы, если и имъ самимъ придется впасть въ бѣдность, получить тоже отъ другихъ, такъ должно поступать и намъ. Поэтому онъ представляетъ и необходимую причину, го-

вора: *блудый себе, да не и ты искушенъ будешь.* При этомъ онъ еще и защищаетъ согрѣшающаго, во-первыхъ, словами: *еще и падетъ*, которыми указываетъ на великую немощь души, во-вторыхъ, словами: *да не и ты искушенъ будешь*, обвиняя болѣе искушеніе демонское, нежели нерадѣніе души. *Другъ друга тяготы носите.* Такъ какъ невозможно, будучи человѣкомъ, быть свободнымъ отъ недостатковъ, то (апостолъ) убѣждаетъ не быть строгими судіями погрѣшностей другихъ, но терпѣливо сносить недостатки ближнихъ, чтобы и другіе сносили ихъ собственные недостатки. Какъ при постройкѣ зданія не всѣ камни получаютъ одно назначеніе, но одинъ годится для угла, а не для основанія, другой для основанія, а не для угла, такъ безъ сомнѣнія и въ тѣлѣ Церкви. Равнымъ образомъ и въ нашемъ тѣлѣ каждый можетъ увидѣть тоже самое, однако же одинъ членъ терпитъ другого, и мы не требуемъ всего отъ cadaго изъ нихъ, потому что изъ совокупности разнообразнаго состоитъ и тѣло, и зданіе. *И тако исполните законъ Христовъ.* Не сказалъ—исполняйте (κλῆροῦσατε), но—восполняйте (ἀνακλῆροῦσατε), т. е. исполняйте всѣ вмѣстѣ совокупными силами, терпя недостатки одинъ другого. Такъ напримѣръ, тотъ вспыльчивъ, а ты сонливъ: сноси же въ такомъ случаѣ его бурные порывы, чтобы и онъ сносилъ твою вялость. Такимъ образомъ и онъ не согрѣшитъ, когда встрѣтитъ снисхожденіе къ себѣ съ твоей стороны, да и ты не погрѣшишь, разъ братъ твой терпитъ въ тебѣ то, что для него тяжело. Итакъ, подавая другъ другу руку помощи, когда угрожаетъ опасность паденія, исполняйте законъ общими силами, восполняя каждый недостатки ближняго своимъ терпѣніемъ. Если же не будете такъ поступать, а всякій станетъ судить дѣла ближняго, то вы никогда не достигнете того, чего должны достигать. Подобно тому какъ и по отношенію къ тѣлу, если кто станетъ требовать отъ всѣхъ членовъ его одинаковаго служенія, тѣло ни въ какомъ случаѣ не устоитъ, такъ и между братьями произойдетъ великая вражда, если мы отъ cadaго будемъ требовать всего. *Аще бо кто мытитъ себе быти что, ничтоже сый, уможъ лститъ себе* (ст. 3). Обрати снова и здѣсь вниманіе на гордость. Кто считаетъ себя чѣмъ-нибудь, тотъ ничто, и первымъ доказательствомъ ничтожности своей представляетъ именно такое легкомысліе. *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо* (ст. 4). Здѣсь онъ показываетъ, что намъ нужно быть судіями своей собственной жизни, и не слегка, но со тщаніемъ изслѣдовать совершенное нами. Напримѣръ, ты сдѣлалъ какое-либо добро? Смотри, не сдѣлалъ ли ты его по тщеславію, или по нуждѣ, или по ненависти, или по лицемѣрію, или по какому-либо другому человѣческому побужденію. Въ самомъ дѣлѣ,

подобно тому какъ золото, хотя и кажется блестящимъ прежде, чѣмъ положено будетъ въ горнило, но совершенно познается уже послѣ того, какъ подвергнется дѣйствию огня и отъ чистаго золота будетъ отдѣлена всякая примѣсь, точно также и наши дѣла тогда только откроются въ настоящемъ видѣ, когда мы тщательно послѣдуемъ ихъ,—тогда мы и увидимъ, что мы сами за многое повинны осужденію. *И тогда въ себѣ точію хваленіе да имать, а не во иномъ.* Этими словами (апостоль) предписываетъ не правило, но лишь оказываетъ снисхожденіе, говоря какъ бы такъ: хвалиться, конечно, безумно, но если уже хочешь хвалиться, то не передъ ближнимъ, какъ фарисей. А кто научится не хвалиться передъ ближнимъ, тотъ безъ сомнѣнія скоро перестанетъ хвалиться и въ себѣ. Вотъ почему онъ и сдѣлалъ имъ это снисхожденіе, чтобы мало-по-малу уничтожить въ нихъ все зло. Дѣйствительно, привыкшіи хвалиться только въ себѣ, а не передъ другими, скоро исправитъ и этотъ недостатокъ, потому что, кто не считаетъ себя лучше другихъ (это и значать слова—*не во иномъ*), но хвалится только собою, рассматривая себя одного, тотъ перестанетъ наконецъ дѣлать и это. А чтобы ты могъ убѣдиться, что (апостоль) имѣетъ въ виду достиженіе именно этого, смотри, какъ онъ смиряетъ такового страхомъ, и выше сказавъ: *дѣло свое да искушаетъ*, и здѣсь прибавляя: *кійждо бо свое бремя понесетъ* (ст. 5). Онъ дѣлаетъ видъ, будто даетъ заповѣдь, возбраняющую хвалиться передъ другимъ, а между тѣмъ этимъ исправляетъ и хвалящагося, чтобы онъ и о себѣ не думалъ много, приводя его въ сознаніе своихъ собственныхъ грѣховъ, и поражая его совѣсть наименованіями бремени и ношенія тяжести. *Да обращается же учайся словеси учащему во всѣхъ благихъ* (ст. 6).

2. Здѣсь (апостоль) говоритъ уже объ учителяхъ, чтобы 676 наставляемые усердно служили имъ въ содержаніи. Но для чего Христосъ установилъ такой законъ? А въ новомъ (завѣтѣ) есть дѣйствительно этотъ законъ, чтобы проповѣдывающимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія (1 Кор. ix, 14); да и въ ветхомъ (завѣтѣ) точно также левиты получали большія приношенія отъ подчиненныхъ (Числ. xxxi и xxxv). Итакъ для чего же Онъ установилъ это? Прежде всего для того, чтобы дать побужденіе къ смиренію и любви. Такъ какъ учительское достоинство часто надмеваетъ имѣющихъ его, то Христосъ, желая смирить высокомеріе учителя, поставилъ его въ необходимость нуждаться въ помощи наставляемыхъ имъ, а съ другой стороны и послѣднимъ предоставилъ случай быть болѣе доступными благосклонности, научая ихъ чрезъ услужливость учителямъ быть благосклоннѣе и къ другимъ, а чрезъ это возбуждая и не малую любовь въ

тѣхъ и другихъ. А если бы не было, какъ я сказалъ, этого (намѣренія), то для чего Онъ, питавшій неблагодарныхъ іудеевъ манною, поставилъ апостоловъ въ состояніе нищихъ? Не очевидно ли, что чрезъ это Онъ хотѣлъ научить (послѣднихъ) великимъ добродѣтелямъ, смиренію и любви, а равно и тому, чтобы наставляемые не стыдились быть подъ руководствомъ людей, повидимому, презрѣнныхъ? Просить считается постыднымъ; но это не могло уже казаться такимъ послѣ того, какъ учителя дѣлали то же самое совершенно свободно; а такимъ образомъ и отсюда ученики получали не мало пользы, научаясь изъ примѣра учителей презирать всякую славу. Поэтому-то (апостолъ) говорить: *да обращается же учайся словеси учащему во всѣхъ благахъ*. Это значить—долженъ проявлять по отношенію къ нему совершенную щедрость, такъ какъ, указывая на это, онъ сказалъ: *во всѣхъ благахъ*. Ученикъ, говоритъ онъ, не долженъ ничего считать своею собственностію, но все должно быть у него общее съ учителемъ. Вѣдь онъ получаетъ больше, нежели даетъ, и настолько больше, насколько небесное выше земного. Указывая на это, онъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *аще мы духовная стяжомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (1 Кор. ix, 11)? Поэтому онъ и называетъ это дѣло общеніемъ, показывая тѣмъ, что оно не остается безъ воздаянія, а благодаря этому и любовь дѣлается пламеннѣе и крѣпче. Итакъ, если учитель просить необходимаго для жизни, то, и получая это, сохраняетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, похвалою учителю служить уже и то, когда онъ такъ усерденъ къ проповѣди, что имѣетъ нужду въ помощи другихъ, терпитъ крайнюю бѣдность и презираетъ все житейское. А если онъ престоупаетъ мѣру необходимаго, то теряетъ и свое достоинство, но не отъ того, что беретъ, а отъ того, что беретъ сверхъ мѣры. Чтобы неблаговидная жизнь учителя не ослабила усердія къ нему ученика, и чтобы послѣдній, во время бѣдности учителя, не сталъ пренебрегать имъ за его нечестные поступки, (апостолъ) ниже говорить: *доброе же творяще, да не стужаемъ си* (ст. 9); здѣсь же онъ показываетъ различіе между общеніемъ и пристрастіемъ къ земнымъ благамъ, говоря такъ: *не льститеся: Богъ поругаемъ не бываетъ. Еже бо аще съѣтъ человекъ, тожде и пожнетъ: яко стѣи въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а стѣи въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (ст. 7, 8). Подобно тому какъ въ посѣвахъ—тотъ, кто сѣетъ горохъ, не можетъ пожать пшеницы, потому что жатва необходимо бываетъ однородна съ посѣяннымъ,—точно также бываетъ и въ дѣлахъ,—кто наполняетъ плоть свою удовольствіями, пьянствомъ, необузданными пожеланіями, тотъ и пожнетъ то, что изъ этого обыкно-

венно произрастаетъ. Что же это такое? Наказаніе, отищеніе, посрамленіе, поруганіе, истлѣніе. Въдъ роскошныя обѣды и пир- 677
шества не имѣютъ никакого другого послѣдствія, кромѣ истлѣ-
нія,—такъ какъ и сами они тлѣютъ, и вмѣстѣ съ собою тлятъ и
тѣло. Напротивъ, дѣла духовныя не таковы, но совершенно про-
тивоположны (плотскимъ). Смотри въ самомъ дѣлѣ: ты посѣялъ
милостыню,—тебя ожидаютъ небесныя сокровища и вѣчная слава;
посѣялъ цѣломудріе,—тебя ожидаютъ честь и награда, привѣт-
ствія ангеловъ и вѣнцы отъ Подвигоположника. *Доброе же тво-
ряще, да не стужаемъ си: во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще.
Тѣмже убо, дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое ко вѣмъ,
паче же къ приснымъ по вѣрѣ* (ст. 9, 10). Чтобы кто не подумалъ,
что должно заботиться и пропитывать только учителей, а о
другихъ можно и не заботиться, (апостоль) заключаетъ свое
слово общимъ наставленіемъ, и раскрываетъ дверь щедрости для
всѣхъ, и распространяетъ ее до того, что повелѣваетъ подавать
милостыню даже іудеямъ и язычникамъ, хотя и въ надлежащемъ
порядкѣ, но все-таки подавать ее всѣмъ. Какой же это поря-
докъ? Имѣтъ большее попеченіе о вѣрныхъ. И какъ онъ обыкно-
венно дѣлаетъ и въ другихъ посланіяхъ, такъ поступаетъ и
здѣсь,—говоря не только о томъ, что нужно подавать милостыню,
но и подавать съ охотою и непрестанно; на это именно указы-
вается онъ словами—„сѣять“ и „не должно унывать“. Но такъ
какъ онъ потребовалъ отъ нихъ многого, то полагаетъ при двѣ-
ряхъ и награду для нихъ, указывая на нѣкоторую новую и не-
обыкновенную жатву.

3. Въ земледѣльческихъ трудахъ не только сѣющей, но и
жнущей претерпѣваетъ большое утомленіе, борясь съ жаромъ,
пылью и великою тяжестью труда; тогда же, говоритъ онъ, ни-
чего подобнаго не будетъ, какъ это видно изъ сказаннаго имъ:
во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще. И этими словами онъ
убѣждаетъ и привлекаетъ ихъ, а послѣдующими побуждаетъ и
понуждаетъ, говоря: *тѣмже убо, дондеже время имамы, да дѣлаемъ
благое ко вѣмъ*. Подобно тому какъ не всегда въ нашей власти
производить посѣвъ, точно также не всегда мы можемъ подавать
и милостыню. Когда мы уйдемъ изъ этого міра, то хотя бы и
тысячу разъ хотѣли творить милостыню, мы не будемъ въ со-
стояніи совершить ничего. Объ этомъ свидѣлствуютъ намъ и
тѣ дѣвы, которыя, хотя пришли съ искреннимъ желаніемъ, но
не имѣя обильной милостыни, отлучены были отъ брачнаго чер-
тога (Мѡ. ххv), а равно и тотъ богачъ, который презрѣлъ Ла-
заря, такъ какъ и онъ, потому что лишенъ былъ помощи ел,
не получилъ милости ни отъ патріарха, ни отъ кого-либо другого,

не смотря на слезы и сильныя просьбы, но остался навсегда въ огненномъ мученіи, безъ всякаго послабленія (Лук. хvi). Поэтому и говорить: *дондеже время и намъ, да дѣлаемъ благое*, и притомъ всѣмъ. Этими словами онъ особенно предостерегаетъ ихъ отъ скупости іудейской. У послѣднихъ всѣ дѣла челоѣколюбія ограничивались только единоплеменниками, тогда какъ ученіе благодати призываетъ на трапезу благотворенія и море, и землю, хотя и обнаруживаетъ бѣльшее попеченіе о своихъ. *Видите, колицими книгами пишатъ вамъ моею рукою. Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися* (ст. 11, 12). Подумай, какая великая скорбь объемлетъ эту блаженную душу. Какъ пораженные какою-либо скорбію, или лишившіеся кого-нибудь изъ родныхъ, или потерпѣвшіе какое-нибудь неожиданное несчастіе не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью, по причинѣ удручающей ихъ душу скорби,—такъ и блаженный Павелъ, сказавъ немного
378 о нравственности, опять возвращается къ прежнему, что болѣе всего возмущало его душу, и говорить такъ: *видите, колицими книгами пишатъ вамъ моею рукою*.

Здѣсь онъ указываетъ только на то, что все это посланіе написалъ онъ самъ, а это служило свидѣтельствомъ его великой близости. Другія посланія самъ онъ только диктовалъ, а писалъ другой, какъ это видно изъ посланія къ римлянамъ, въ концѣ котораго сказано: *цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе* (Рим. хvi, 22); въ настоящемъ же случаѣ написать все посланіе самъ. Сдѣлалъ же это онъ теперь и по необходимости, не только изъ любви къ нимъ, но вмѣстѣ и для отвращенія худого подозрѣнія. Такъ какъ на него возводили обвиненіе въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, и говорили, что онъ проповѣдуетъ обрѣзаніе и только притворяется не проповѣдающимъ, то въ виду этого онъ и вынужденъ былъ собственноручно написать это посланіе, чтобы представить о себѣ письменное свидѣтельство. Словомъ же—*колицими*, по моему мнѣнію, онъ указываетъ не на обширность посланія, а на недостаточную красоту почерка, какъ бы такъ говоря: хотя я не умѣю красиво писать, однако же принужденъ написать это посланіе собственноручно, чтобы заградить уста клеветникамъ. *Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися, точю да не креста ради Христова гоними будутъ. Ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ, но хотятъ вамъ обрѣзоватися, да въ вашей плоти похвалятся* (ст. 12, 13). Здѣсь (апостоль), показывая, что они не сами собою впади въ это заблужденіе, а по принужденію, тѣмъ самымъ представляетъ имъ случай оставить такое, а почти оправдывая ихъ, тѣмъ убѣждаетъ скорѣе отстать

отъ лжеучителей. Но что значить—хвалиться по плоти? Заслуживать похвалу отъ людей. Такъ какъ (лжеучители) сами терпѣли поношеніе отъ іудеевъ за оставленіе отеческихъ обычаевъ, то, чтобы избѣгнуть этого поношенія, говорить онъ, они хотятъ совратить васъ, чтобы самимъ оправдаться передъ тѣми вашею плотію. Сказалъ же это онъ для того, чтобы показать, что лжеучители дѣлали это не для Бога, говоря какъ бы такъ: это происходитъ не отъ благочестія, а все дѣлается изъ одного человѣческаго честолюбія, ради угожденія невѣрнымъ—тѣмъ, что вѣрные обрѣзываются, и предпочитаютъ оскорбить Бога, чтобы только угодить людямъ. Это именно значать слова—„хвалиться по плоти“. Затѣмъ, желая показать, что лжеучители и съ другой стороны недостойны прощенія, онъ еще обличаетъ ихъ и въ томъ, что они повелѣваютъ обрѣзываться не только изъ угожденія другимъ, но и для собственнаго тщеславія. Поэтому онъ и прибавилъ: *да съ вашей плоти похвалятся*,—какъ будто они дѣйствительно имѣютъ учениковъ, а сами учителя. Но откуда это видно? *Ни бо сами законъ хранятъ*,—говоритъ онъ. Впрочемъ, если бы и соблюдали, то и въ такомъ случаѣ были бы достойны величайшаго осужденія, а теперь и самое намѣреніе ихъ преступно. *Мнѣ же*, говоритъ, *только о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 14). Конечно, это считается позорнымъ, но только въ мірѣ и у невѣрныхъ, а на небесахъ и у вѣрныхъ это величайшая слава. Такъ и бѣдность для другихъ постыдна, для насъ же она—похвала; и терпѣть поруганія для многихъ кажется смѣшнымъ, а мы этимъ хвалимся. Точно также и крестъ есть наша похвала. И не сказалъ онъ: я же не хважусь, или: я же не хочу хвалиться, но—*мнѣ же да не будетъ*, какъ бы отвращаясь чего, какъ безразсуднаго, и прося у Бога помощи, чтобы ему набѣжать этого. 676 Въ чемъ же состоитъ похвала о крестѣ? Въ томъ, что Христосъ ради меня принялъ зракъ раба, и ради меня претерпѣлъ страданія,—ради меня, бывшаго рабомъ, врагомъ и неблагодарнымъ, и такъ возлюбилъ меня, что предалъ и Себя (на смерть). Что еще можно найти равное этому? Если рабы, получая только похвалу отъ своихъ господъ, которые притомъ одного естества съ ними, хвалятся этимъ, то какъ же не хвалиться намъ, когда Владыка, истинный Богъ, не постыдился претерпѣть за насъ крестную смерть?

4. Поэтому и мы не будемъ стыдиться Его неизреченнаго милосердія къ намъ. Онъ не устыдился быть распятымъ за тебя, а ты стыдишься исповѣдывать Его безконечное милосердіе? Въ такомъ случаѣ ты подобенъ тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда послѣдній, придя къ нему въ тем-

нищу, спялъ съ него оковы своими руками, стать изъ-за этого стыдиться его. Это было бы крайнимъ безуміемъ, такъ какъ этимъ особенно и надобно хвалиться. *Иже мнѣ міръ распяся, и азъ міру.* Міромъ онъ называетъ адѣсь не небо и землю, но дѣла житейскія—похвалу отъ людей, почетъ, славу, богатство и все подобное, что кажется обыкновенно блистательнымъ. Все это, говорить, стало для меня мертво. Таковъ долженъ быть христіанинъ, и эти слова онъ долженъ постоянно имѣть на устахъ своихъ. Но (апостолъ) еще не былъ доволенъ только первымъ видомъ умерщвленія, но присовокупилъ и другой, сказавъ: *и азъ міру*, указывая этимъ на двойное умерщвленіе, и какъ бы такъ говоря: и это для меня мертво, и я, съ другой стороны, мертвъ для этого: это не можетъ овладѣть мною или плѣнить меня, потому что разъ навсегда умерло для меня; и я не могу быть одержимъ желаніемъ его, такъ какъ и я мертвъ для этого. Нѣтъ ничего блаженнѣе подобнаго умерщвленія, такъ какъ оно служитъ основаніемъ блаженной жизни. *Ни обрѣзаніе бо что можетъ, ни не обрѣзаніе, но нова тварь. И елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость, и на Израили Божіи* (ст. 15, 16).

Видишь ли, на какую высоту вознесла (апостола) сила креста? Она не только все мірское сдѣлала мертвымъ для него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила можетъ равняться этой силѣ (креста)? Въ самомъ дѣлѣ, кто раньше подвергался смерти и другихъ умерщвлялъ за обрѣзаніе, того крестъ научилъ, вмѣнивъ обрѣзаніе наравнѣ съ необрѣзаніемъ, искать дѣлъ новыхъ, дивныхъ и превышенебесныхъ. Новою тварью онъ называетъ нашу жизнь,—какъ въ отношеніи къ совершившемуся, такъ и въ отношеніи къ имѣющему еще совершиться. Въ отношеніи къ совершившемуся — потому, что душа наша, состарѣвшаяся во грѣхѣ, чрезъ крещеніе вдругъ обновилась, какъ бы созданная вновь, почему и требуется отъ насъ также и образъ жизни новый и небесный; въ отношеніи же къ будущему — потому, что небо, и земля, и вся наконецъ тварь вмѣстѣ съ нашими тѣлами должны перейти въ состояніе нетлѣнія. Итакъ, не говори мнѣ, говорить (апостолъ), объ обрѣзаніи, которое теперь не имѣетъ уже силы; да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, оно можетъ оставаться теперь, когда все такъ измѣнилось? Ищи новыхъ дѣлъ благодати. Только стремящіеся къ этимъ дѣламъ наслаждаются миромъ и милостію Божіею и могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ Израилемъ, — тогда какъ тѣ, которые мыслятъ противное этому, хотя бы они родились и отъ Израиля и носили имя его, лишились всего этого, и сродства съ нимъ, и самаго наименованія. Только исполняющіе это правило, оставивши

древнее и слѣдую ученію благодати, могутъ назваться истинными израильтянами. *Прочее, труды да никтоже ми даетъ* (ст. 17). Здѣсь онъ говоритъ это не какъ утомленный, или отчаявшійся. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ ослабѣть или упасть духомъ тотъ, кто рѣшился ради учениковъ все сдѣлать и претерпѣть,—кто говоритъ: *настояй благовременный и безвременный* (2 Тим. IV, 2), и еще: *еда како дастъ имъ Богъ познаніе истины, и возникнутъ отъ диавольскія стѣны* (2 Тим. II, 25, 26)? Для чего же онъ говоритъ это? Для того, чтобы возбудить ихъ недѣятельный умъ, привести ихъ въ большій страхъ, утвердить предписанныя имъ правила, и предостеречь ихъ впредь отъ подобныхъ смятеній. *Азъ бо язвы Господа нашего Иисуса Христа на тѣлѣ моемъ ношу*. Не сказалъ—имѣю, а—*ношу*, точно кто-нибудь гордящійся своими трофеями или царскими знаками отличія. Хотя носить язвы считается также признакомъ безчестія, но онъ хвалится язвами; и подобно тому какъ радуются воины, носящіе знамена, такъ радуется и онъ, носящій язвы. Но для чего онъ говоритъ это? Для того, говоритъ, что эти язвы оправдываютъ меня лучше всякаго слова, лучше всякаго голоса. Онъ издаетъ голосъ сильнѣе всякой трубы противъ тѣхъ, которые противоборствуютъ мнѣ и говорятъ, что я учу при творно и говорю иногда въ угожденіе людямъ. Если бы кто увидѣлъ окровавленнаго и покрытаго безчисленными рапами воина, вышедшаго изъ строя, тотъ конечно не могъ бы обвинять его въ трусости и предательствѣ, такъ какъ онъ на самомъ тѣлѣ своемъ носитъ доказательство своего мужества. Такъ же, говоритъ, должно судить и обо мнѣ. И если кто хочетъ слышать мое оправданіе и узнать мой образъ мыслей, тотъ пусть смотритъ на мои раны, которыя представляютъ доказательство сильнѣе этихъ словъ и этого писанія. Въ началѣ посланія онъ ясно доказалъ свое непри творство внезапнымъ своимъ обращеніемъ, въ концѣ же его доказываетъ это своими страданіями. А чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ обратился съ искреннимъ сердцемъ, но послѣ не устоялъ въ томъ же самомъ расположеніи, для этого онъ и приводитъ свои труды, страданія и язвы въ свидѣтели того, что онъ лажже и устоялъ. Наконецъ, достаточно оправдавшись во всѣхъ отношеніяхъ, и увѣривъ, что ничего не сказалъ по гнѣву или по нерасположенію, а питаетъ къ нимъ неизмѣнную любовь, онъ снова подтверждаетъ то же самое, заключая свое слово молитвою, исполненною безчисленныхъ благъ, и говоря: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе. Аминь* (ст. 18). Этими послѣдними словами онъ наложилъ печать на все сказанное прежде. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ просто — съ вами, какъ говоритъ въ другихъ посланіяхъ, но—*со духомъ ва-*

шимъ, отклоняя ихъ отъ плотскаго, и вездѣ указывая на благо-
дѣянія Божіи, и напоминая о благодати, которую они получили
и которая достаточна была для того, чтобы избавить ихъ отъ
всякаго іудейскаго заблужденія. Какъ принятіе Духа зависѣло
не отъ немошняго закона, но отъ оправданія чрезъ вѣру, такъ и
удержаніе его послѣ принятія зависѣло не отъ обрѣзанія, а отъ
благодати. Поэтому онъ и заключилъ увѣщаніе молитвою, на-
помнилъ о благодати и духѣ и назвалъ ихъ братіями, и при-
зававъ Бога, чтобы они постоянно наслаждались этими дарами,
681—2 оградилъ ихъ двойною оградю, такъ какъ сказанное имъ есть
и молитва, и вмѣстѣ всецѣлое наставленіе, и потому служить
для нихъ вмѣсто двойной стѣны. Въ самомъ дѣлѣ, и наставле-
ніе, напоминающее имъ, какихъ благъ они удостоены, весьма
сильно могло удерживать ихъ въ догматахъ Церкви, и молитва,
призывающая благодать и умоляющая ее неотлучно пребывать
въ нихъ, не попускала духу отступить отъ нихъ. Когда же (Духъ)
будетъ пребывать въ нихъ, тогда всякое ложное ученіе исчез-
нетъ какъ пыль, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому
слава и держава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно,
и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

II

ВЪ ПАТРОЛОГИИ МНІЯ ОТНЕСЕННЫЯ КЪ РАЗРЯДУ

SPURIA.

Digitized by Google

Распознавание текста
ABK/FR

СВЯТАГО ОУДА НАШЕГО ІОАННА ЗАВТОУСТАГО,

АРХІЕПІСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Любовь по Богу—дѣло достойное Бога.

631

Ни въ какомъ словѣ невозможно по достоинству прославить любовь, эту небесную лѣстницу. Любовь сопредстольна Отцу, любовь сочетаетъ земное съ небеснымъ; для достойной похвалы ея не доставитъ языка, ни находчивости ума; само же дѣло показываетъ, что любовь—начальница лучшей жизни. Она облакаетъ твореніе Божіе совершеннымъ благолѣіемъ, она—воспитательница многихъ въ единеніи, устроительница сонмовъ человѣческихъ въ видѣ ангеловъ и людей, на подобіе единой и святой красоты. Будучи единымъ образомъ, она даетъ образъ всей разумной твари, для уподобленія Богу; Онъ (Богъ) почиваетъ не въ чуждыхъ Его, но въ имѣющихъ родиться отъ Него и соединенныхъ (съ Нимъ). При множествѣ своемъ, они всѣ, достигшіе одинаго согласія, выражаютъ чрезъ самихъ себя прекраснѣйшую и усладительную гармонію. Такъ многія и различныя дѣйствія Святаго Духа, своимъ сочетаніемъ въ единое и благое согласіе, выражаютъ богоподобную и богодостойную красоту, драгоцѣннѣйшую предъ Богомъ и достойную благой радости Зиждителя. По этой любви къ людямъ сошелъ Богъ на землю, и жилъ съ людьми, не тайно и вдали, какъ раньше, когда Ему поклонялись (чрезъ посредство) жертвы; но сошелъ какъ сожитель съ людьми, для уподобленія и общенія съ нами, чтобы, возводя всѣхъ въ родство единому Духу, сдѣлать изъ насъ какъ бы одно тѣло и одинъ духъ. Какъ служительница Господа и помощница Духа, божественная любовь раздѣленное соединяетъ и отчуждившееся водворяетъ. О, удивительное дѣло Христово—эта любовь! О, спасительная для міра тайна! По любви посылаетъ Отецъ и Богъ своего единороднаго Сына въ міръ:

Христось возлюби церковь, и себе предаде за ню (Еф. v, 25). Любовь охотно несетъ труды за своего ближняго; намъ велѣно быть рабами другъ другу по любви: *любовію работайте другъ другу* (Гал. v, 13). Любовь достойное каждаго въ отдѣльности дѣлаетъ общимъ для всѣхъ; любовь указываетъ тебѣ на ближняго твоего, какъ бы на тебя самого, и переноситъ грѣхи (другихъ) будто свои собственные. Въ маломъ разгнѣваешься, зато во многомъ будешь снисходить. Чрезъ любовь возрастаетъ стадо Христово; любовь смиряетъ духъ кровожадный, притупляетъ вражеское оружіе, забываетъ всѣхъ враговъ и вводитъ въ міръ мирную жизнь Христову: *не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися* (Ис. п, 4). Вслѣдствіе этого *возсіяетъ во днѣхъ* 682 *его правда и множество мира, дондеже отыщется луна* (Пс. lxxi, 7). Свѣтлѣе также образъ мирной жизни. О, любовь, предводительница блаженнаго мира! Она изгоняетъ отъ людей враждебнаго демона; изъ-за нея, при мирѣ людей, стѣнаетъ діаволъ, ангелы же тогда радуются, видя среди людей образъ ихъ собственнаго мира; мы привѣтливы другъ къ другу; для брата выше всякой радости, что онъ видитъ брата. Павелъ говоритъ, что онъ утѣшается въ горестяхъ своихъ пришествіемъ Тита (2 Кор. vii, 6), и когда его вѣтъ вблизи, онъ не спокоенъ душою. Любовь къ Богу и любовь къ братьямъ—двѣ неразлучныхъ (любви). И эта заповѣдь у насъ отъ Бога, говоритъ Іоаннъ, чтобы, кто любитъ Бога, любилъ также брата своего. Это же сказалъ (Господь) также Петру: если ты любишь меня, паси *овцы моя* (Іоан. xxi, 16),—то есть: покажи свою любовь къ пастырю усерднымъ попеченіемъ объ овцахъ. Насколько несокрушима стѣна, укрѣпленная связями изъ огромныхъ камней и защищающая отъ вражескихъ приступовъ, настолько несокрушимъ союзъ святыхъ, гармонизированный узами любви и отражающій искушенія діавола. Вѣдь какъ красивы растенія, насажденные по порядку, или хорошо построенное войско, когда оно выступаетъ чинно и красивыми рядами! Это доставляетъ удовольствіе; но пріятнѣе и усладительнѣе всего благолѣпіе взаимно соединившихся въ любви, на подобіе естественнаго союза; въ очахъ Божіихъ оно важно и цѣнно. Послушай Давида или лучше благодать Святаго Духа: *се что добро, или что красно?* Ничто другое, ничто иное изъ земного, *но еже жити братіи юнѣ* (Пс. cxxxii, 1); (это) какъ бы миро, возлитое на главу. Хоры ангельскіе окружаютъ наши хоры, и радуются за насъ, что мы подражаемъ имъ въ образѣ жизни. Если, по слову Господа, бываетъ радость на небѣхъ объ одномъ кающемся грѣшникѣ, то намного больше о такомъ множествѣ спасающихся. Уже отсюда открывается радость будущаго вѣка, для діавола печаль, демоновъ разсѣяніе, когда мы составляемъ взаимныя хоры, чтобы въ единодушномъ и единомысленномъ славословіи Бога подражать всестройному и славному херувимскому пѣнію. Какъ они поютъ трисвятую пѣснь, чередуясь другъ за другомъ, такъ и мы,

по образу ихъ, составивъ два хора и вторя другъ другу, поемъ духовную пѣснь. У виѣшнихъ зарождается удивленіе, у зрителей желаніе, у слушателей любовь, и мы испытываемъ божественное, полезное чувство, чрезъ которое замѣчаемъ въ себѣ, что у всѣхъ насъ искореняются при- 683
чины къ злонавію и раздѣленію. Всѣ, кто видитъ небесную жизнь на землѣ, изъ-за насъ славятъ Бога. Поэтому, Павелъ учитъ, чтобы всѣ мы одно мудрствовали и тоже самое говорили (Филип. II, 2),— изъ-за этого Христосъ и отправляетъ апостоловъ по два, во время посольства,—даже женщинамъ (Павелъ) предлагаетъ единомысліе, чтобы и собору дѣвъ не лишиться участія въ этомъ ангельскомъ подобіи. Поэтому, онъ говоритъ: *Еводію молю, и Синтихію, тожеде мудрствовать о Господѣ* (Филип. IV, 2). Превосходшихъ другъ друга онъ побуждаетъ блюсти за собою, чтобы не раздѣляться имъ по любочестію, особенно по тщеславію, но быть во взаимномъ единеніи и союзѣ, поступаясь своею честью для ближняго. Итакъ, то, что относится къ священной и божественной любви, почтенно у насъ и поистинѣ красиво. Посмотримъ также наставленія закона. И они учатъ полезному. Не презирай, говорится, нуждающагося, удѣляй часть угнетаемому; пусть вкуситъ плодовъ твоихъ бѣдный и остатки жатвы и винограднаго сбора пусть возьметъ онъ себѣ въ пищу; въ седьмой годъ да отпустится на свободу рабъ, а въ пятидесятый весь долгъ да простится; и продавшіе свое имѣніе пусть снова его возьмутъ себѣ, безъ выкупа. Процента не требуй, не бери въ залогъ мельницы, ни жернова, ни одежды отъ бѣднаго, и даже по принужденію не иди, чтобы взять залогъ. Не покидай въ опасности рабочаго скота своего ближняго, даже въ случаѣ вражды (ближняго); но, ставъ слугою (для него), какъ бы для друга, отведи къ нему блуждающее животное, и прекрати вражду, если представился къ тому поводъ. Всѣ эти завіты не изъ чего иного, но изъ священной и многожеланной 684
предъ Богомъ любви, и евангельскіе завіты направлены къ тому же. Сказавъ многое, что дополняетъ законъ, (Господь) прибавилъ: *добро творите. ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мѡ. V, 44). Всюду вражду прекращайте, и любовь насаждайте. Любовь другъ къ другу пусть будетъ у васъ долгомъ, никогда неисполнимымъ. Павелъ говоритъ: *ни единому же ничимъже должны бывайте, точію еже любить другъ друга* (Рим. XIII, 8). Какъ ежедневно мы требуемъ себѣ пищи, и минувшимъ насыщеніемъ не освобождаемся отъ ежедневнаго требованія ея, но, вынуждаясь своею природою, отбываемъ это какъ бы долгъ, такъ и въ любви будемъ блюсти тотъ же самый образъ: *не насытитися око зрѣти, ни исполнится ухо слышанія* (Ев. I, 8). Приятель свѣтъ для глазъ, и ничей глазъ не утомляется зрѣніемъ, ничьи уши слышаніемъ; такъ негѣнно намъ нужно совершать и желанное дѣло любви, и никогда не насыщаться. Проливной дождь не сможетъ погасить любовь: *пребываютъ три сія, въра, надежда, любви*

(1 Кор. xii, 13). Какъ отъ начала она была, такъ и во вѣки сохранится. Да будетъ, чтобы мы, послѣдовавъ ей, достигли вѣчныхъ благъ во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

683 На слова: аще Сынъ еси Божій, верзися низу, и: поятъ его діаволъ на гору високу зѣло (Мѡ. iv, 6, 8), и прочее.

Солнце, приподнявшись надъ землею, и совершая къ намъ путь съ востока, прогоняетъ ночь, будить спящихъ и вызываетъ къ дѣламъ; свѣтъ богопознанія будить душу, освѣщаетъ помыслы и вызываетъ къ добродѣтели; и этого намъ нужно желать больше, чѣмъ солнечнаго блеска. Иной и не глядящій на солнце будетъ жить, — вѣдь слѣпой живеть, зная о солнцѣ по слуху, — а души, лишенная солнца богопознанія, мертвы, хотя бы и думалось имъ, что онѣ живутъ; о нихъ именно Господь говоритъ: оставьте *мертвыхъ* погребать *свои мертвецы* (Мѡ. viii, 22). Но побѣдитель виновника смерти освободилъ насъ отъ той и другой смерти. У насъ двоякая смерть. Одна свойственна смертной природѣ, другая зарождается чрезъ потерю знанія; невѣдѣніе о Богѣ подобно мертвенной безчувственности. Виновникъ обѣихъ діаволъ. Христосъ, сокрушивъ его, освободилъ природу отъ той и другой смерти: душу возставилъ животворнымъ ученіемъ, а смертное снискалъ себѣ воскресеніемъ. Если гонитель палъ, то гонимое встанетъ. И картина этой борьбы оставлена (намъ) для жизни, чтобы, взирая на нее, укрѣпляться. Гдѣ же картина? Посмотри на пустыню: тамъ благодать воскресила насъ образомъ, гибельнымъ для тирана, и преслѣдуетъ тирана въ пустынѣ. Мѣстомъ борьбы мы видимъ пустыню, діаволъ же — рука, изображающая голодъ Господа; три нападенія, три отиѣта; (таковъ) законъ борьбы, что она состоитъ изъ трехъ частей. И считай три части этой борьбы. *Аще Сынъ еси Божій, рцы, да камень сіе хлѣбы будутъ* (Мѡ. iv, 3). Этимъ началъ борьбу діаволъ съ Господомъ. Христосъ же ему: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ* (ст. 4). Господь остался невредимымъ. *Аще Сынъ еси Божій, верзися низу* (ст. 6). Это второе нападеніе демона. *Не искушиши Господа Бога твоего* (ст. 7). Этимъ изреченіемъ прекращено испытаніе. *Сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ поклониши мнѣ* (ст. 9). Вотъ начало третьяго состязанія, въ которомъ Господь, подобно вѣкоему атлету, отбросилъ діавола за поприще, какъ сварливаго противника. *Иди за мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши* (ст. 10). Увидѣвъ борьбу, научись бороться; сдѣлайся изъ созерцателя борьбы ученикомъ. Первая борьба Господа съ діаволомъ учить тебя борьбѣ 684 противъ удовольствій. Голодъ былъ началомъ состязаній; голодъ — это

неограниченная страсть; голодъ—это главное въ удовольствіяхъ. Желаніе пищи—стремленіе необузданное; желудокъ видитъ неотвратимое удовольствіе; и многіе, не будучи въ состояніи исцѣлиться отъ этого, уклоняются обычно къ отрицанію промысла, будто нѣтъ Бога, попечителя о голодныхъ. Діаволъ и Христа на это наталкиваетъ, задумавъ поколебать Его, какъ человѣка, мучимаго голодомъ; онъ не зналъ о сочетаніи въ Немъ божества: иначе не подошелъ бы къ божеству, будто голодающему. Зная о собственной природѣ, что она не можетъ голодать, онъ не говорилъ бы о пищѣ, узнавъ Бога. Но глядя какъ на человѣка, какъ человѣку говорить: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*. Онъ, ненужный изслѣдователь усыновленія, попечитель о пищѣ, опаснѣйшей голода, съ самаго начала внушилъ обоженіе отъ древа, теперь отъ сильнаго желанія—указываетъ на пустыню, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ камней, чтобы голодающее мѣсто, усиливъ отчаяніе изъ-за пищи, стало для души какъ бы толчкомъ къ невѣрію, и уничтожило бы сыновство. Но поглядимъ на искушителя и вникнемъ въ коварство словъ его. *Аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе хлѣбы будутъ*. Ты назывался, говорить, Сыномъ недавно, при крещеніи, и я слышалъ слова голоса: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ* (Мѡ. III, 17). Смылся я надъ этимъ привѣтствіемъ, дутости его, надъ этой многозначительной шуткой, надъ честью въ дѣйствительности пустою; а Тебѣ можетъ быть эта рѣчь была въ угоду, и вѣришь, что истинно любимъ, смѣлъ, будто на небѣ поставленъ, и радъ, будто для Бога очень желаненъ. Какой отецъ не печется о голодномъ сынѣ? Какой покровитель не питаетъ своего просителя? А Ты 40 дней изнываешь отъ голода, и Отецъ не печется о Тебѣ голодномъ, пренебрегаетъ многодневнымъ голодомъ. Какой чадолюбивый отецъ съ радостью не даетъ хлѣба дитяти? Хорошо ли голодному сыну, если онъ не кормится отцомъ? Пусть Онъ покажетъ Свою любовь охотнымъ дарованіемъ хлѣба; пусть накормитъ Сына, голодающаго въ пустынѣ. Онъ можетъ камни обратить въ хлѣбы; проси отъ голода объ этомъ; пусть бы Онъ оказалъ благодать, чтобы Ты оставался въ красѣ Сына; но прежде, чѣмъ получить это, не шути съ Своимъ названіемъ. О, челоуѣколюбіе ненавистника людей! О, состраданіе челоуѣкоубійцы! О, гибельная заботливость! О, сладкій ядъ! Падшій побуждаетъ къ невѣрію и вызываетъ къ требованію пищи,—не съ тѣмъ, чтобы наплатить голоднаго, но, соблазнивъ на требованіе, столкнуть его, какъ невѣрнаго, съ Богомъ. Обратись къ Богу, Которымъ Ты обманиваешься, (что) *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ*. Что же (на это) Господь Христосъ? Онъ не открываетъ сокрытаго Бога, чтобы не отогнать отъ Себя добычу, но отвѣчаетъ, какъ простой человѣкъ: *писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ челоуѣкъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*. Не изумляетъ Меня, говорить, недостатокъ пищи, не сму-

щаєть голоданіє въ пустынѣ, не требую приготоуленія хлѣбовъ изъ камней; много путей божественнаго попеченія и разнообразно покровительство. Онъ предоставилъ людямъ питаться пищею; пища—хитрость плоти; но божественное писаніе учитъ Меня, что Богъ переступаетъ границы природы. Я помню божественный голосъ къ людямъ, чтобы они не боялись голода, когда печется Богъ. Не жалѣй голоднаго, и не указывай на пустыню въ отчаяніи; пусть заботится Богъ, хотя подлѣ и не будетъ хлѣба. Есть животворящій Богъ и безъ питанія, и плоть будетъ жива безъ пищи, если повелѣваетъ ей жить Богъ. Такъ написано, и Я смѣло вѣрую въ божественное изреченіе, и не жду жизни только отъ питанія. На этомъ спотынулся Адамъ; Христосъ примиряетъ. Такъ какъ Адамъ палъ по невѣрію и изъ-за пищи (онъ былъ отвергнутъ, когда не повѣрилъ Богу и вкусилъ), то пришедшій и воскресившій насъ Христосъ начинаетъ воздержаніемъ и вѣрою. Итакъ, діаволъ вступаетъ наконецъ въ борьбу самолично. Предъ рожденіемъ, говорить, я замышлялъ противъ Младенца чрезъ подозрѣніе въ прелюбодѣйствѣ; потерявъ надежду (въ этомъ), я ошибся (также), гоняясь чрезъ Ирода за рожденнымъ; оставаясь всегда побѣжденнымъ, я теперь буду бороться самъ. О, сварливый слѣпецъ! Побѣжденъ Младенцемъ, и съ возмужавшимъ вступаетъ въ борьбу! Подойди, и отвѣдай, діаволъ, возмужавшаго; узнай Его силу еще разъ. Уже онъ былъ пораженъ, когда подошелъ къ голодному (вы слышали, какъ онъ палъ); но, рассчитавъ одержать побѣду, онъ удвоаетъ свою дерзость. Такъ какъ онъ обманулся въ первой хитрости и голоднаго не обольстилъ, то прибѣгаетъ ко второму коварству. Безуспѣшно, говорить, мое старое средство; расстаюсь съ хитростію, низвергнуша Адама; оставляю обольщеніе пищи; этотъ, повидимому, царь надъ удовольствіемъ. Онъ не можетъ разслабляться удовольствіемъ отъ пищи, давно не ищетъ хлѣба. Нисколько не повинуется голоду; Его нельзя взять бранію плоти. Задумалъ я другую уловку борьбы; у меня есть одна удочка еще слаще — (это) слава, усладительная для души. Пріятна петля тщеславія; не только пріятна, но и вдвое скручена; рядомъ съ тщеславіемъ стоитъ безуміе. Кто полюбилъ славу, ужасенъ въ хвастовствѣ; а у Него есть предлогъ къ этой страсти. Можетъ быть Онъ очень много думаетъ о Себѣ, какъ многодневный постникъ. Поще-кочу хвастливость; подошедши, какъ къ праведнику, напыщу псаломскимъ изреченіемъ, будто для Него раньше сказаннымъ, обольщу лукавымъ вопросомъ. Пусть будетъ обрывъ мѣстомъ моего вопроса; потащу съ собою на крыло (храма), и на высотѣ предложу: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу, писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнешиси о камень ногу твою*. Онъ, конечно, или приметъ къ Себѣ это изреченіе, или убѣжитъ. Если приметъ, то, какъ праведникъ, поспѣшно согласится на предложеніе упасть, самъ бросится съ высоты; а я посмѣюсь надъ мер-

твѣмъ, если, упавъ, Онъ умретъ; живымъ я ранить (Его) страстью тщеславія, убѣдивъ въ доказательство мнѣ броситься внизъ. Если увижу, что (Онъ) отказывается, то поссорю Его съ Богомъ, какъ Іова, такою клеветою на даръ сыновства. Я прочиталъ Ему Тобою написанное изреченіе, сказалъ объ обѣтованіи Твоего спасенія,—и Онъ не рѣшился броситься въ глубину; ясно, что Онъ не твердъ въ томъ, что Ты обѣщаль. Какъ столь невѣрнаго Ты привѣтствовалъ Сыномъ? Господь узналъ его замыселъ, и даешь увлечь Себя, какъ человѣкъ слѣдуетъ за человѣкомъ. Когда (Онъ) взомель, предлагаетъ (Ему) свой замыселъ: *иже Сынъ еси Божій, верзися низу*. На дьявольское предложеніе мы отвѣчаемъ. Если ты считаешь Бога Отцомъ настолько овладѣвшаго Собою мужа, чтобы оставаться невредимымъ при вредѣ, то у тебя уже есть доказательство того, что ты предлагаешь; это самое, дьяволъ, есть показатель сыновства, что стоящаго съ тобою рядомъ ты не толкаешь въ крутизну, хотя давно стараешься нивергнуть Его. Это значить ничто иное, какъ то, 686 что, побуждая, онъ какъ бы говорить: Ты невольно не падаешь, низвергнись по волѣ: *верзися низу, писано бо есть: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, да не когда преткнеши о камень ногу твою*,—потому что и это показываетъ и уясняетъ (Его), какъ Бога. Если бы противникъ узналъ (въ Немъ) Бога, то не предложилъ бы Ему пасть съ высоты; онъ раньше зналъ, что Богу не опасны высота и широта, но поднимается Онъ до высокаго и наполняетъ широкое; онъ раньше зналъ, что божество свободно отъ преткновеній; спотыкаться свойственно ногамъ человѣческимъ, не Божиимъ. Что онъ говорилъ не какъ съ Богомъ, свидѣлствуютъ слова дьявола. Вникнемъ въ смыслъ его словъ. Недавно Ты говорилъ: *писано есть: не о злѣбѣ единомъ живое будетъ челоуѣкъ, но о всякомъ глаголю изходящемъ изъ устъ Божіихъ*. И я похвалилъ Твою вѣру въ Бога. Но такъ какъ есть другое изреченіе Божіе, что *ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, да не когда преткнеши о камень ногу твою*, то покажи, что вѣруешь слову Божію: чтобы, низвергшись, упасть безъ вреда, воспользуюсь этой стремниной, (какъ) судьей Твоего сыновства, воспользуюсь паденіемъ, (какъ) доказательствомъ божественнаго попеченія. Если, упавъ отсюда, встанешь невредимымъ, то названіе сыновства, высказанное Тебѣ, истинно: именно Тебѣ было обѣщано Богомъ раньше, что *ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранить тя во всѣхъ путехъ твоихъ* (Пс. хс, 11). Ты, дьяволъ, возобновляешь старую исторію: изливаешь миро изъ пахучаго сосуда. Сампсономъ былъ убитъ левъ, во рту котораго былъ сотовый медъ; онъ (левъ), злобный, былъ брошенъ (потомъ); и ты, львовидный, источаешь изъ рта медъ Писанія, а окажешься повергнутымъ отъ отвѣта Господа: *писано есть: не искушиши Господа Бога твоего*. Онъ ни отказался броситься, ни согласился. Отказавшись броситься, Онъ далъ бы дьяволу доводъ, что Онъ не твердъ въ Богѣ; согласившись съ предложеніемъ пасть, по-

казался бы хвастливымъ и скорымъ на доказательство. Ни соглашенія, ни отрицанія нѣтъ въ *не искушиши Господа Бога твоего*. Этимъ Онъ говорить діаволу: Меня, твоего Господа, не искушишь. Понявъ это, онъ не могъ бы потомъ обѣщать, какъ человѣку: *сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ поклониши мнѣ*. Псаломскія слова, что предстательство есть у обѣщавшаго Бога, Я принимаю, какъ истинныя; знаю, что Онъ заповѣдуетъ ангеламъ о людяхъ, но не тогда, когда они будутъ кидаться въ стремнины, когда будутъ умирать по своей волѣ, когда безъ нужды станутъ искушать. Такъ діаволъ палъ вторично, (и) поднимается для третьяго искушенія. Но сущность третьяго искушенія есть долгъ, и у всѣхъ васъ есть рукопись этого долга. Эта рукопись сладка, и только для діавола горька, потому что уплата заключается въ паденіи его. Итакъ, я убѣжденъ, что (это пока) два платежа по рукописи обѣщанія; остается долгъ больше; думаю, онъ затруднительнѣе всего для уплаты. Остальной долгъ — это третье коварство діавола; третье по порядку, по величинѣ первое; оно — послѣдній по счету обманъ, но первый по коварному искусству. Сначала онъ былъ терпимъ во всякомъ лукавствѣ; онъ не требовалъ прямо отступничества отъ Бога, но, злоупотребляя памятью о Богѣ, и обращаясь къ Нему: *аще Сынъ еси Божій*, — придалъ благочестивый видъ своей богоборной хитрости. Въ третьемъ искушеніи въ наготѣ низкая ярость, выглядываетъ непокрытое зло; онъ требовалъ поклоненія отъ поклоняемаго, вообразивъ себѣ поклоненіе на основаніи того, что онъ (діаволъ) слышалъ (отъ Господа). Такъ какъ онъ увидѣлъ, что Господь всюду говоритъ съ вѣрою, и сказалъ, что Бога не нужно искушать, — то онъ подумалъ, что Господь легкодоступенъ вѣрѣ, и не будетъ много хлопотать объ испытаніи ея. И подходитъ съ величественнымъ видомъ, чтобы изумить зрѣлищемъ: *попять его диаволъ на гору высокую зело, и показа ему вся царствія міра и славу ихъ*. Нарисовавъ въ воздухѣ тѣнь, выдумавъ воздушныя формы, составилъ грубое изображеніе міра и изготовивъ красоты лженачертаннаго царства, — онъ надѣялся блескомъ вымысла за-
687 влечь Господа удободоступнаго въ отношеніи вѣры. Но онъ теперь не чувствуетъ, что спорить противъ себя, и слѣпить къ паденію. Чтобы не пасть, обѣщаетъ дары міра: *сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ поклониши мнѣ*. Кто не вѣритъ Павлу, что корыстолюбецъ — идолопоклонникъ, тотъ пусть послушаетъ отца идоловъ, соглашающагося съ словами Павла. Поклоняющемуся мнѣ, говорить, дамъ чужое. Итакъ, снискатель чужого — подѣ покровительствомъ діавола. Онъ самъ обѣщаетъ дать чужое, дарами вредить и даетъ то, что крадетъ. И въ отношеніи Господа у него та любочестивая мысль, чтобы незамѣтно повергнуть обѣщаніемъ даровъ. Этотъ, говорить, не слабъ къ удовольствію нищцы, не плѣняется страстью тщеславія. Онъ сразу сломалъ моихъ двѣ стрѣлы, удобнымъ къ борьбѣ; нужно поискать иную крѣпкую стрѣлу; у всѣхъ есть страсть

любоначалія; искать выгоды не противно никому; корыстолюбіемъ всѣ, такъ сказать, ранены; вынувъ эту (стрѣлу) изъ своего колчана, пушу. Но гдѣ буду стрѣлять? Какое мѣсто мнѣ поможетъ? О, еслибы Онъ пошелъ со мною на высокую гору! Высота удобна для зрѣлища; я показалъ бы съ высоты плодородныя страны; ко взору приблизилъ бы сокровища царей; представилъ бы для созерцанія знаменитый блескъ жизни, одно въ дѣйствительности показывая, а другое воображая чрезъ хитрость. Человѣческая природа очень податлива на корысть. Если Онъ увидитъ свѣтлости земли, то устремится къ пріобрѣтенію, похитить показываемое богатство, прельстится столькимъ пріобрѣтеніемъ, приметъ тѣнь за истину, сейчасъ повѣритъ показываемому, потому что Онъ всюду обнаруживаетъ въ Себѣ вѣру. Я сказалъ: требуй хлѣба!—и Онъ пропустилъ это мимо Себя, вѣруя, что Богъ питаетъ и безъ хлѣба. Я сказалъ: низвергнись!—и это слово Онъ отвергъ, говоря, что не должно искушать Бога. Итакъ, подойду къ Нему съ величественнымъ видомъ. Онъ повѣритъ моему обману, такъ какъ привыкъ припадать къ Богу; повѣритъ, такъ какъ не пытливъ; а когда повѣритъ, я, насмѣявшись, уйду. Зная эти мысли, Христосъ взошелъ съ нимъ на высокую гору; и діаволъ началъ свою хитрость: представилъ глазамъ разрисованный вымыселъ. Господь хитрости не обличилъ, но созерцаетъ, будто не зная коварства. А ему думалось, что Онъ побѣжденъ хитрымъ вымысломъ, и охваченъ красотою явленія; съ этимъ предположеніемъ морочить, наконецъ, чудовищно властными словами: *сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ поклониши мнѣ*. Не видишь, говорить, человѣкъ, величія міра? Не созерцаешь богатства его? Не изумляешься множеству въ немъ царствъ? Владыка этого—я. Эти дары у меня распределяются между людьми, каждому по моему рѣшенію. Но Ты у меня предпочтительнѣе всѣхъ, и только Ты вправе цар- 688 ствовать на землѣ; получи же отъ меня всемірную власть, и за это воздай поклоненіемъ: *сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ поклониши мнѣ*. Наполовину ты пророчествуешь невольно, діаволъ: ты отдашь міръ, который поработилъ злу, но не за поклоненіе, а бычеваніе. Не думаешь ли, что съ Адамомъ ты говоришь? Адама онъ обольстилъ, убѣдилъ, что онъ будетъ богомъ и, убѣдивъ, низвергъ. И Христу теперь обѣщаетъ всевластіе, разсчитывая, что Онъ падетъ на высотѣ надежды. Но услышалъ достойный отвѣтъ: *иди за мною сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишиися, и тому единому послужиши*. Иди, сатано! Кстати здѣсь Онъ прибавляетъ имя сатаны; подобно нѣкоему владыкѣ, называетъ скрывающагося раба по имени, показывая, что онъ (для Него) очевиденъ. *Иди*. Грозна, думаю, кротость этого слова,—какъ гнѣвающагося на него Господа. Ты усталъ, лицемѣря, и открылъ свое притворство; отчаялся въ побѣдѣ, и льстишь мнѣ дарами; уже ты хлопочешь о продажѣ Меня; уже ты przygotowляешь Мнѣ, что согласно съ дѣломъ (Моего) предателя. Преждевременно позаботился, діаволъ, о продажѣ;

обожди товарища своего, Іуду. Иди теперь: Я ожидаю креста; иди теперь: не купишь Меня; теперь иди: сбереги дары свои предателю; теперь Я говорю тебѣ только: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши*. Не дѣлись ты съ Богомъ людьми, потому что только предъ Нимъ они должники. *Тогда остави его диаволь*. Велика побѣда надъ послѣднимъ обманомъ. Какъ какой-нибудь благородный атлетъ, подыавъ противника на высоту, низвергаетъ (его) сверху, — такъ Господь Христосъ, подыавъ діавола на гору и исполнивъ мечтательными надеждами, низвергъ (его) съ высоты надежды. Чудо побѣды, изумившее ангеловъ, составило (изъ нихъ) охрану для побѣдителя: *се ангели приступиша, и служатъ ему*. Подобно ангеламъ, предадимся и мы въ рабство Господу; будемъ угождать небу, исполняя ангельское служеніе на землѣ; отдадимъ душу свою въ непобѣдимыя руки; возлюбимъ исправителя падшей природы; обнимемъ Того, Кто обезсмыслилъ общаго врага; прославивъ побѣду, будемъ представлять себя копьеносцами; опозоримъ падшаго діавола; и, срывая безстыдную голову, воскликнемъ полною грудью: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши*. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О предательствѣ Іуды и о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Въ великій пятокъ.

687 Вижу церковь мрачною, угрюмо выражающею предательство со стороны своего родного сына. Ужасное дѣло: и заготовленное убійство, и страдалецъ—небесный Судія живыхъ и мертвыхъ. Но ужасѣе всего: вдругъ врагъ и злоумышленникъ—недавній ученикъ и послѣдователь, разомъ (стала) звѣреть овца, апостолъ—отступникомъ отъ свѣта, рабъ несогласный—продавцомъ Владыки; это—(считающійся) двѣнадцатымъ послѣ одиннадцати учениковъ. И почему не назвать мнѣ имени, чтобы не навлекать безчестія на всѣхъ апостоловъ укрывательствомъ виновника? *Шедъ единъ отъ обоюнадесяте* (Мѣ. ххvi, 14). Кто? *Глаголемый Іуда*. И еще, чтобы невинный не скрывалъ виновнаго (такъ какъ мы находимъ между апостолами другого, названнаго тѣмъ же именемъ): *Іуда Искариотскій*, говорится, *единъ шедъ отъ обоюнадесяте*. И не одинъ: у него былъ съ собою помощникомъ диаволь. Отправившись къ архіереямъ, онъ сказалъ: *что хотите ми дати, и азъ вамъ предаю его* (ст. 15)? Скажи мнѣ теперь, Іуда, предлагающій продать Владыку міра и своего учителя—во что ты цѣнишь достоинство ученика? Что вынуждаетъ тебя отправиться на предательство своего царя? Въ чемъ ты увидѣлъ предпочтеніе тебѣ остальныхъ соучениковъ, что задумалъ это незаконное дѣло? Вѣдь ты знаешь голосъ Владыки, бывшій къ тебѣ и одиннадцати апостоламъ: *аще кто хочетъ въ васъ быти старей, да будетъ всѣмъ*

меншій, и вѣзмъ слуга (Мрк. ix, 35). Развѣ не сказалъ Онъ напередъ 638
этого, чтобы остановить твой замыселъ? И Онъ поощрилъ тебя служе-
ніемъ въ числѣ первыхъ, чтобы ты, какъ послѣдній, подверженный не-
достойной болѣзни, не изготовилъ своего коварства. Еслибы ты не былъ
жаденъ къ деньгамъ, когда дарилъ іудеямъ предательство, то можно было
подумать, что ты, перенесши что-нибудь неправо, ушелъ для мщенія за
всправедливость. Но слова твои: *что хотите ли дать, и азъ вамъ
предамъ его*—ясно обнаруживаютъ тебя въ твоей коварности. *Они же
поставиша ему тридесать сребренникъ. И оттолкъ искаше удобна вре-
мене, да его предасть* (Мф. хvi, 16). Что ты дѣлаешь, Іуда: согласился
въ тридцати сребреникахъ за драгоцѣнную жемчужину? Исчисли сначала
звѣзды, которыя создалъ Онъ только словомъ, и тогда подумай предать
словомъ Слово. *Искаше удобна времени, да его предасть*. Онъ создалъ
времена и вѣки, и противъ Него онъ искалъ времени, удобнаго для
своего предательства. *Вечеру же бывшу возлежаще со обѣмънадесяте
ученикома. И ядущимъ имъ рече: аминь, аминь глаголю вамъ, единъ
отъ васъ предастъ мя* (ст. 20, 21). Онъ пошелъ противъ Меня и васъ,
и чему научился, того не могъ сохранить. *И скорбяще зѣло начаша
глаголати ему кійждо ихъ: еда азъ есмь, Господи* (ст. 22)? Сказаннымъ
Онъ всѣхъ побудилъ къ точному изслѣдованію своей совѣсти, у кого со-
крытое въ сердцѣ (было) чисто. Іисусъ въ отвѣтъ сказалъ: зачѣмъ вамъ
всѣмъ оклеветывать себя предпріятіемъ предателя? *Омочивъ со мною
въ солило руку, той мя предасть* (ст. 23). Невольно онъ указываетъ 639
на себя, раньше дѣла говорить, хотя и не желаетъ; имя его сохранится
Мною до тѣхъ поръ, пока онъ выскажетъ вамъ свой замыселъ противъ
Меня. *Отъѣхавъ же Іуда предавъ его, рече: еда азъ есмь, равви? Гла-
гола ему: ты реклъ еси* (ст. 25). Ты оправдалъ одиннадцать, показавъ
ихъ невинными въ совершаемомъ тобою. Прими и другое осужденіе за
то, что думаешь дѣлать по сребролюбію. *Ядущимъ же имъ, приѣмъ
Іисусъ хлѣбъ, и благословиъ преломи, и дающе ученикомъ своимъ, и
рече: примите ядите: сие есть тѣло мое. И приѣмъ чашу, хвалу воз-
давъ, даде глаголя: примите, пійте отъ нея вси: сѣ бо есть кровь моя
новаго завета, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (ст. 26,
27, 28). Примите отъ нея вси. И ты, говорить, предатель, будь участ-
никомъ въ вѣчной жизни; и если останешься въ ней, то прощается тебѣ
твой договоръ съ іудеями; а если ты не уничтожишь въ себѣ своего
желанія, то всегда сознавай, сколь человеколюбиваго Владыку ты про-
даешь. Но онъ, не воспользовавшись милосердіемъ Владычнимъ, уйдя къ
іудеямъ, торопился привести въ исполненіе свое намѣреніе. *И се Іуда единъ 690
отъ обоюнадесяте прииде, и съ нимъ народъ много со оружіемъ и
дреколми, отъ архіерей и старецъ людскихъ. Предавъ же его, даде
имъ знаменіе глаголя: егоже аще лобжу, той есть: имите его* (ст. 47,
48). Обращайте вниманіе на мои губы; иначе Слово не можетъ быть

предано. *И абіе приступь ко Іисусови рече ему: радуйся равви: и облобыза его* (ст. 49). О, поцѣлуй! Уничтоженіе мира во вселенной, или, по правдѣ скорѣе сказать, прекращеніе міровой войны, хотя ты, Іуда, дерзнулъ на предательство, не стремясь къ этой цѣли! *Іисусъ же рече ему: друже, на сіе ли пришелъ еси* (ст. 50)? Ты далъ Мнѣ цѣлованіе; исповни свой договоръ съ предстоящими. *Тогда приступльше возложиша руцѣ на Іисуса, и яша его* (ст. 50). Отошелъ предатель чуждымъ отъ апостоловъ, и начальникъ жизни приведенъ къ іудеямъ на смерть; приготовлень крестъ, и гробъ создается для жизни; мертвые встають, и въ адъ отправляется Іуда; распинается Спаситель съ разбойниками, и всѣхъ зоветъ въ рай. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ.

На слова: помянухъ Бога и возвеселихся (Псал. lxxvi, 4).

489 *Помянухъ Бога и возвеселихся*, засвидѣтельствовалъ пѣснопѣвецъ Давидъ. Не отъ себя онъ засвидѣтельствовалъ, но отъ Святого Духа Божія прославилъ; не просто вспомнилъ, но и мудро молилъ; не устами только вспоминалъ, но и сердцемъ учился; не забывалъ днемъ или ночью, но, прося, всякій часъ помнилъ. И чтобы ты зналъ, что истину, а не ложь мы излагаемъ, приведемъ пѣснопѣнія Святого Духа словами самого Писанія. *Помянухъ Бога и возвеселихся*, сказалъ Давидъ. И если желаешь знать на самомъ дѣлѣ, что Давидъ вспоминалъ Бога и днемъ и ночью и, при воспоминаніи, веселился, то вникни съ любознательностію въ слова: *помянухъ въ нощи имя твое, Господи* (Пс. cxviii, 55); и: *помяну имя твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. xlii, 18); *полунощи востахъ исповдаться тебѣ, Господи* (Пс. cxviii, 62); *на утреннихъ поучахъ въ тя* (Пс. lxxi, 7); *вечеръ и заутра и полудне повѣмъ, и возвѣщу* (Пс. liv, 18); *Боже, Боже мой, къ тебѣ утренюю* (Пс. lxxi, 1); и еще: *возвѣщати заутра милость твою, и истину твою въ нощи* (Пс. xci, 3). Видишь, что нѣтъ свободнаго времени, когда бы онъ забывалъ,—ни утромъ, ни ночью. Если ты желаешь знать на самомъ дѣлѣ, что Давидъ не просто вспоминалъ о Богѣ, но съ участіемъ сердца, то слушай: *изъ глубины воззвахъ къ тебѣ, Господи* (Пс. cxlii, 1); Господи. *исповѣмся тебѣ въ правости сердца* (Пс. cxviii, 7). И чтобы привести предѣлъ всѣхъ часовъ, Давидъ потомъ говоритъ: *коль возлюбихъ законъ твой Господи, весь день поученіе мое есть* (Пс. cxviii, 97). Вотъ такъ цѣлодневнымъ размышленіемъ о словахъ Господа и постояннымъ памятованіемъ о Богѣ какую онъ получилъ достойную благодать? Былъ ли онъ вознагражденъ на землѣ? Считаю его и замѣчательнымъ, и царемъ на землѣ. Здѣсь онъ покоряетъ враговъ, и тамъ повелѣваетъ ангеламъ; здѣсь обложенъ въ порфирѣ земного царя, и тамъ блеститъ славою небеснаго царства; здѣсь знаменитъ благозвучными словами Святого Духа, и тамъ бле-

стипть жемчугомъ избранной мудрости. И мы лишь отчасти описываемъ это. Онъ получилъ лучшее изъ всего этого. Такъ какъ Святой Духъ видѣлъ, что Богъ постоянно прославляется Давидомъ на землѣ, то Онъ предстательствовалъ на небѣ словами: Господи, Давидъ ежедневно помнитъ о Тебѣ и, памятуя, веселится; и самъ Ты вспомни о немъ, Господи, Боже нашъ,—и говоритъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Пс. сxxxі, 1). Отвѣчаетъ человеколюбецъ Богъ: такъ какъ Давидъ всегда и разумно помнитъ обо Мнѣ, то и Я всѣмъ возвѣщу Свое расположение къ нему и любовь; выше святыхъ, и ангеловъ, и силъ возвелъ его на землѣ. Какими словами? *Обрътохъ Давида раба моего* 690 (Пс. lxxxviii, 21), *человѣка по сердцу моему* (1 Цар. xiii, 14); и: *первенца положу его, высока паче царей земныхъ* (Пс. lxxxviii, 28); и: *престоль его яко днѣ неба* (ст. 30). Этими словами Давидъ обозначилъ самого себя. Видишь, что велика польза для человѣка отъ памятованія о Богѣ? *Помянухъ Бога и возвеселися* сердце мое, сказалъ Давидъ. Остальные радости чрезъ уста входятъ и афедрономъ исходятъ; а радость о Богѣ, какъ источникъ, какъ медоточивыя слова, веселитъ сердце, такъ что такой (радующійся) говоритъ: *коль сладка гортани моему слова твоя, паче меда устамъ моимъ* (Пс. cxviii, 103). Кто помнитъ Бога, у того въ сердцѣ гнѣздятся всѣ блага радости; тамъ источникъ, изобилующій благами, тамъ медъ и сотъ и зажженный свѣтильникъ, тамъ въ сокровеніи сокровищница Святой Троицы. Отецъ, и Сынъ, и Святой Духъ приходятъ и у него жительствоуютъ; и онъ уже не оглашаемый чело­вѣкъ, а богоносимый ангелъ. Какъ чело­вѣкъ удостоившійся такой благодати, и вкусившій такой радости, Давидъ радовался; также и мы, наслаждаясь радостью о Богѣ, постоянно будемъ памятовать о Богѣ, чтобы наслаждаться Его благами. Итакъ, изслѣдуемъ добродѣтели пришествія Спасителя, и прославимъ, какъ столпъ украшенный всякою добродѣтелью, Его пришествіе на землю,—потому что я слышалъ изъ устъ законопреступныхъ іудеевъ хульные доказательства, и потому что они не вѣруютъ Писанію, которое недостойно читаютъ, и не знаютъ тайны. Они, несчастные и развращенные, соблазняются тѣмъ, что Господь рожденъ Дѣвою. О, безуміе! О, законопреступники противоестественные! Какое писаніе, или какой пророкъ не возглашаетъ объ этой благодати Господа? Первый Соломонъ, возница великой мудрости, ублажилъ Дѣву словами: *блажена неплоды неоскверненная, яже не позна ложа во грѣсъ* (Прем. ш, 13). Называетъ неплодною раньше, чѣмъ совершилось наитіе Святого Духа и возсіяло солнце. Она не познала грѣховнаго ложа, потому что не сообщалась съ мужемъ. Когда чтимый Исаія услышалъ о непорочной безплодной, тотчасъ воспринялъ слово мудреца, и воспѣлъ: ты сказалъ о непорочной безплодной; и я говорю: *возвеселися неплоды нераждающая* (Ис. lvi, 1). Теперь пока ты не родила; отнынѣ возвеселись, такъ какъ Того, Кого не объемяютъ небеса, ты удостоилась принять. Когда

два свидѣтеля это возвѣщали, они старались приобщить къ тайнѣ еще третьяго, чтобы при трехъ свидѣтеляхъ стало твердо изслѣдуемое. Во время своего размышленія объ этомъ, они нашли Давида, творца пѣснопѣній, и напоминаютъ ему о будущемъ домостроительствѣ (спасенія). Онъ, услышавъ эту тайну, отвѣчалъ трубнымъ голосомъ: вотъ вы оба
 691 изрекли о неплодной; почему же не изрекли о славномъ зачатіи? Исаія, подумавъ, тотчасъ отвѣчаетъ: *се Дѣва во чревтѣ зачнетъ, и родитъ Сына* (Ис. vii, 14). И Соломонъ вслѣдъ за нимъ сказалъ: *имѣти будетъ плодъ въ пощещеніи души* (Прем. iii, 18). Услышавъ это, Давидъ сказалъ имъ: вотъ вы изрекли, что она родитъ; (но) въ какомъ мѣстѣ? Въ городѣ, или пустынѣ, или въ полѣ? Говорятъ ему: ты скажи о мѣстѣ и городѣ, потому что ты удостоился особенной благодати. Тогда Давидъ, при содѣйствіи Святого Духа, велегласно объявилъ тайну. Вы, говорить, втайнѣ прославляете, а я воспою зачатіе во всеуслышаніе: *се слышахомъ ю во Евфратѣ, обрѣтохомъ ю въ поляхъ дубравы* (Пс. cxxxi, 6). И, понявъ, что это ученіе—загадка глубокая, изложилъ яснѣе: *се слышахомъ ю во Евфратѣ, обрѣтохомъ ю въ поляхъ дубравы*, то есть, въ Внелеемѣ, такъ какъ онъ называется Евфрата. *Слышахомъ ю во Евфратѣ*, что она не-праздна; отсюда вышелъ слухъ, что Дѣва непраздна. Тогда мы обрѣли ее въ поляхъ дубравы, въ пещерѣ, гдѣ Свѣтъ возсіялъ. Здѣсь мы услышали о ея непраздности, о мужѣ; тамъ обрѣли мать Господа. Вотъ изъ твоихъ мы представили тебѣ трехъ свидѣтелей, возвѣщающихъ славу Дѣвы; (это) не значить, что только этихъ нашли,—всѣ пророки, видѣвшіе, надѣются на Него,—но при трехъ свидѣтеляхъ стоитъ правда. Я не о трехъ разсуждаю; но или дай мнѣ одного вѣрнѣйшаго свидѣтеля, что тайна ложна, что Дѣва зачала отъ мужа, или признай это, и, обратившись, поклонись, какъ Богородицѣ. Или ты покажи, что Спаситель находится въ вертепѣ и гробѣ, или я тебѣ покажу, что Онъ сидитъ одесную Отца. Не изъ иноплемениковъ я приведу свидѣтеля, но изъ твоего рода, со словами: *рече Господь Господеву моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. cix, 1). Объ іудеяхъ говорится: нѣтъ врага больше, чѣмъ отрицатель креста.

Но, оставивъ богоборную синагогу, буду говорить боговдохновенной церкви. Если тебя спроситъ іудей: скажи, какъ родила Дѣва безъ мужа?—то спроси его и ты: какъ родилъ Еву Адамъ безъ жены? Какъ безсѣменно родила Дѣва? А какъ разцвѣла безсѣменно земля? Какъ родила Дѣва? А какъ источилъ воду дѣвственный утѣсъ? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, произросъ жезлъ Аарона? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, (падала) съ неба манна? Какъ наполнялись кувшины? Какъ изъ корня Іессея произросъ цвѣтъ? Какъ изливался въ кувшины елей Елсея? Какъ родила Дѣва? А какъ, скажи, при Гедеонѣ руно изводило росу? Скажи, какъ при Сампсонѣ кость источила воду? Скажи, какъ сохранила пещь отроковъ? Скажи, какъ при Маное загорѣлся камень безъ

дровъ? Скажи, какъ горѣла купина, и не сгорала? Скажи, какъ не сгорѣлъ Илія въ огненной колесницѣ? Скажи, какъ Моисей вошелъ въ мракъ, и опять вышелъ? Какъ родила Дѣва? А какъ Исаія созерцалъ Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ? Скажи, какъ Даніилъ объявилъ Навуходоносору сокрытое сновидѣніе? Какъ Іезекииль увидѣлъ незримаго сидящимъ на херувимской колесницѣ? Какъ родила Дѣва? А какъ Іеремія былъ освященъ въ пророки отъ чрева матери? Скажи, какъ мертвыя кости пророка воскресили тогда мертвеца? Скажи, какъ Ернера обращена въ камень жезломъ? Скажи, какъ Іорданъ вернулъ назадъ свое теченіе? Скажи, какъ деревья зачинаютъ плоды? Скажи, какъ виноградная лоза даетъ кисть? Скажи, какъ ночь рождаетъ день? Какъ родила Дѣва? А скажи, какъ солнце согрѣваетъ міръ? Скажи, какъ небо являетъ звѣзды? И въ этомъ есть тайны неизреченныя, сокрытыя на небѣ и непостижимыя. Если ты, защитникъ іудейскій, объяснишь мнѣ это, то знаю, что постигаешь и непраздность Дѣвы. Но ты чуждъ и тѣхъ и этихъ тайнъ; мы же и это радушно принимаемъ, и тому вѣруемъ. Объясни пророковъ и посмотри на проповѣдниковъ пришествія. Да вѣнчается проповѣдь! То, что Онъ совершилъ и претерпѣлъ, это они 692 живо изобразили напередъ за столько родовъ. Первый Давидъ умоляетъ: *Господи, преклони небеса, и снуди* (Пс. сѣлш, 5). И, по полученіи просимаго, благовѣствуетъ и говоритъ: *приклони небеса и снуде* (Пс. хvп, 10). И что Онъ имѣлъ явиться младенцемъ, говоритъ Исаія: *отроча родися намъ* (Ис. іх, 6). Что Его мать имѣла бѣжать съ Нимъ въ Египетъ: *се Господь судитъ на облацъ легцѣхъ, и придетъ во Египетъ, и потрясутся рукотворенная Египетская* (Ис. хіх, 1). Онъ справедливо называлъ Дѣву легкимъ облакомъ, такъ какъ она не приняла тяжести человѣческаго сѣмени. Что Онъ намѣренъ былъ креститься въ Іорданѣ, говоритъ Іеремія: *како сотвориши въ шумъ Іорданскомъ* (Іерем. хп, 5). И зачѣмъ намъ (такъ) исчислять? Соединимъ цѣлыя пророчества въ одинъ свѣточъ. О предуготовленіи чрезъ проповѣдь Гавріилъ говоритъ: *се посылаю ангела моего предъ лицомъ твоимъ, иже призоветъ на путь твой предъ тобою* (Мал. ш, 1). О встрѣчѣ Христа и Крестителя Давидъ говоритъ: *милость и истина срѣтостяся* (Пс. лxxxiv, 11); и о привѣствіи Елизаветы къ святой и непорочной Богородицѣ: *правда и миръ облобызастяся* (ст. 11). И опять объ Іоаннѣ и Господѣ: *истина отъ земли возсія, и правда съ небесе прикиче* (ст. 12). Объ апостолахъ: *азъ рѣхъ: бози есте* (Пс. лxxxi, 6). О свидѣтельствѣ свыше: *сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя* (Пс. п, 7). О болящихъ: *посла слово свое, и исцѣли я* (Пс. cvi, 20); о грѣшникахъ: *сей грѣхи наша носятъ* (Ис. lш, 4); о воскрешеніи мертвыхъ: *воскреснутъ мертвіи* (Ис. xxvi, 19); объ удерживаемыхъ (въ адѣ) душахъ: и вы, во тмѣ сидяшіе. свѣтъ возсіялъ вамъ (Ис. іх, 2). О Калафѣ и Иродѣ: *клязи людстїи собращася съ Авраамомъ* (Пс. xlvі, 10); объ Іудѣ: *ядый злѣбы моя,*

возвеличи на мя запинаніє (Пс. хл, 10); о синагогѣ іудеевъ и архіереевъ: *приидетъ Господь на судъ со старѣйшины людей* (Ис. ш, 14); о крестѣ: *приидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его* (Перем. хл, 19); о разбойникѣ одесную: *десница Господня сотвори силу* (Пс. схлп, 16); о гробѣ: *положиши мя въ ровъ преисподнѣмъ* (Пс. лхххлп, 7); о терновомъ вѣпцѣ: *виноградникъ мой вмѣсто гроздіи произраститъ тернія; объ искушеніи діаволомъ: врагъ поноси Господеву* (Пс. лххш, 18); о наименованіи Сыномъ человѣческимъ: *и на сына, егоже укрѣпиль еси себѣ* (Пс. лххх, 18); о погребеніи Его: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія его* (Ис. лп, 9); о воскресеніи: *востани, вскую спиши Господи* (Пс. хлш, 24); о вознесеніи: *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Пс. хлв, 6); о горнемъ сидѣніи: *сѣди одесную мене* (Пс. сіх, 1). И зачѣмъ мнѣ много говорить? Цѣлыхъ пророчествъ, прославляющихъ благодать Христову, не высказываютъ даже провозвѣстники (ихъ). Желаетъ знать непоколебимость прекрасной исторіи, что о новомъ завѣтѣ живописуетъ ветхій, и что устроится здѣсь, то тамъ прикровенно начертывается? Смотри: Онъ тамъ пребываетъ подлѣ купчи Авраама съ двумя ангелами, и здѣсь съ двѣнадцатью учениками входитъ въ домъ Закхея. Смотри: Онъ тамъ двухъ братьевъ призвалъ въ священство, и здѣсь двухъ братьевъ избралъ въ апостольство; Моисей и Ааронъ среди священниковъ Его, Петръ и Андрей среди апостоловъ Его. Смотри: Онъ тамъ сына вдовы чрезъ Ілію воскрешаетъ, и здѣсь единокровнаго вдовы самъ воскрешаетъ. Тамъ чрезъ Елисея Нееманъ былъ очищенъ, и здѣсь Имъ самимъ очищается прокаженный. Тамъ Маріамъ Онъ вводитъ, какъ сестру, (въ среду) святыхъ пророковъ, и здѣсь подъ тѣмъ же самымъ именемъ называется сестру святыхъ апостоловъ. Тамъ изъ пророковъ возвеличиваетъ четырехъ, и здѣсь чествуетъ четырехъ по числу евангелистовъ. Тамъ образовалъ двѣнадцать другихъ пророковъ, и здѣсь Онъ призвалъ двѣнадцать апостоловъ. Тамъ великимъ пророкамъ Онъ указалъ помощниковъ, и здѣсь апостоламъ—семьдесятъ. Ѳаддей былъ еще врачомъ Авгаря. Тамъ Іисусъ Навинъ воспиталъ царей Палестины, здѣсь Іисусъ, истинный Богъ, прославилъ царей вселенной. Тамъ двѣнадцать источниковъ текутъ въ Эдемѣ, здѣсь двѣнадцать учениковъ источаютъ крещеніе изъ солнца правды. Тамъ было указано семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ, здѣсь произросло семьдесятъ учениковъ, апостольскихъ. Тамъ горькую воду усладило древо, и здѣсь древо креста измѣнило особенную горечь грѣховъ въ сладкій источникъ даровъ. Тамъ скинія свѣдѣнія была освящена, и здѣсь скинія пастофорія была прославлена ¹⁾. Тамъ Давидъ

¹⁾ Пастофоріон—τὸ τὸν παστὸν φέρον. Это—подставка или пьедесталъ для маленькаго храма. Слово александрійскаго происхожденія. Тамъ былъ обычай носить во время праздничныхъ процессій маленькій храмъ, въ который вставлялось къ тому случаю изображеніе прославляемаго божества (A. Pauly. Real-Encyclopädie d. class. Alterthumswissenschaft. Bd. v. Stuttgart 1848, SS. 1220, 1221).

воспѣвалъ гимны, и здѣсь Павелъ возглашалъ ученія. Тамъ изъ пророковъ Илія былъ дѣвственникомъ, здѣсь изъ апостоловъ Іоаннъ дѣвственникъ. Тамъ Илія на огненной колесницѣ возсѣлъ, и здѣсь Іоаннъ возлегъ на груди Господа: *Богъ нашъ огонь поядая есть* (Евр. хп, 29). Тамъ выдѣлились три великихъ, носившихъ имя Спасителя, обнаруживавшихъ отличительныя свойства славной Троицы—три святыхъ сильныхъ. Они не были просто изъ обыкновенныхъ, или изъ неблагородныхъ; Іисусъ, сынъ Іоседека,—великій между священниками. Эти три достовѣрныхъ свидѣтеля возвеличиваютъ образъ Святой Троицы.

Моя мысль стремится перейти къ другому—къ спасительной вѣрѣ. Я не удаляюсь отъ словъ пророка: *помянухъ Бога и возвеселился*. Избранная мудрость въ пѣсняхъ возглашаетъ о Немъ: *возмани съверѣ, и гряди юже, повѣй въ вертоградъ моемъ, и да потекутъ ароматы* (Пѣсн. iv, 16). Что такое съверѣ, или югъ? Или что такое садъ? Или что такое садовыя насажденія? Или что такое текущіе ароматы? Я объ этомъ думаю, согласно объясненію Писанія: съверѣ—святая Дѣва, Спаситель міра—югъ, святые мученики и апостолы—насажденія, крещеніе Спасителя—источникъ, орошающій садъ, печать креста—стражъ сада, исцѣленія и дары Спасителя—ароматы. Итакъ, это значить: *возмани съверѣ*, то есть, Дѣва изъ Галилеи; *и гряди юже*: иди, Христосъ, съ полудневнаго неба и подуй на святую Дѣву; подуй на міръ, и возбуди святыхъ мучениковъ и апостоловъ; и пусть потекутъ ароматы къ немощнымъ и заблудившимся. Эти ароматы сгущаются въ различную благодать, и бываютъ—для немощныхъ знакомъ здравія, для заблудившихся свидѣтельствомъ обращенія, для грѣшниковъ защитой покаянія, для праведниковъ крѣпкою помощію. Какъ намъ достойно прославить врачество врачеваній, животворную надежду, земную жизнь, небесное спасеніе? Какъ благоухала земля, когда текли эти ароматы? Какъ земля приносила собственныя куренія? И, принося ихъ Владыкѣ со страхомъ, говорила: Ты, Владыко, доставляешь (мнѣ) небесныя ароматы,—я я приношу Твоему божеству свои земныя куренія; Ты, какъ миромъ, покрываешь мою спину святыми и всенепорочными Своими стопами,—и я съ радостью приношу Тебѣ миръ. Потомъ, радуясь всему этому, земля взывала къ сорабынѣ своей, всей твари: идите, соберитесь, всѣ мои потомки, и посмотрите на землѣ Того, Кто славится на небесахъ; идите, поглядите, носимымъ въ объятіяхъ жены, Того, Кто возсѣдаетъ на херувимахъ; идите, посмотрите, питаемымъ молокомъ, Того, Кто даетъ молоко женщинамъ; идите, посмотрите, вмѣщающимся во чревѣ Дѣвы, Того, Кто не объемлетъ себя неба; идите, посмотрите, принимающимъ питаніе отъ матери, Того, Кто

Проповѣдникъ, вѣроятно, разумѣетъ подъ *ἐκκληΐ* Божію Матерь, а подъ *παστοφόριον* Іисуса Христа, *юже во образъ Божіи сынъ* (Филип. II, 6). Если это объясненіе вѣрно, то первоначальный смыслъ *παστοφόριον* имѣ нарушенъ.

питасть всегда предѣлы (мон); идите, посмотрите, предаваемыхъ учителямъ, Того, Кто воспитываетъ учителей; идите, посмотрите, искушаемыхъ людьми, Того, Кто славится ангелами; идите, посмотрите, входящихъ въ домъ Заххей, Того, Кто возсѣдаетъ выше небесъ; идите, посмотрите, разговаривающихъ съ хананейскою, Того, Кто прославляется херувимскими служеніемъ; идите, посмотрите, пребывающихъ съ женой грѣшницей, Того, Кто возсѣдаетъ одесную Отца; идите, посмотрите Того, къ краямъ (одежды) Котораго касается немощная женщина, — Кому поклоняется безплотная природа Силъ; идите, посмотрите, рожденнымъ, какъ человекъ, Того, Кто есть творецъ вѣковъ; идите, посмотрите, дѣлающимся дитятемъ, Того, Кто существовалъ раньше созданія міра; идите, посмотрите, искушаемыхъ архіереями, Того, Кто охраняется ангелами; идите, всѣ творенія, 694 смотрѣть своего Творца; на землѣ Жизнь, — живите всѣ; идите, богоноситеся всѣ; идите, соберитесь малые съ великими, бѣдные съ богатыми, рабы съ господами, грѣшники съ праведниками, пресмыкающееся и четвероногое съ птицами, — и глядите на Того, Кто даровалъ жизнь. Зима и поздняя осень, перемѣнитесь, и сверхъ природы плодоносите, и отъ плодовъ своихъ принесите зародившему ваши плоды; все сдѣлайте, и облагодухайте божество; или свои принесите куренія, или отъ Него возьмите ароматы. Такъ какъ земля презиралась людьми, то все это, какъ я сказалъ, собралось вмѣстѣ, и пронарали пустынные мѣста и принесли свое благоволеніе; исполнилось воспѣтое Исаіей пророчество: *да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринъ, и процвѣтетъ, и возвеселится пустыня Иорданова* (Ис. xxxv, 1, 2). Когда это было въ прекрасномъ состояніи, (тогда) само море пожелало вкусить благоуханія, начало предлагать себя на служеніе, и спорило съ землею словами: и мнѣ уступи Господа; Владыка не твой только, что ты приняла благодать всего Его божества; попроси Его придти ко мнѣ, чтобы я, идя къ Нему, не открыло всего твоего лица. Если бы я не знало Его, и не боялось Его, запечатавшаго меня и связавшаго неразрывными узами, то давно бы я, выйдя, сокрушило твои предѣлы. Или ты не знаешь, что по чести и рожденію я впереди тебя? Прежде, чѣмъ ты явилась, я составляю хоры въ безднахъ. Отдай мнѣ моего Владыку, какъ сказалъ пророкъ: *яко того есть море, и той сотвори е* (Пс. xlv, 5), и затѣмъ прибавилъ: *и сушу руку его создастъ* (ст. 5). Итакъ, ты послѣ создана. Ты, сухая, мать пыли, ненасытимая, гробъ мертвыхъ, кровей, домъ коварства и грѣховъ, — что ты насильно господствуешь надъ старшимъ себя, и одна владѣешь Господомъ? Отдай мнѣ Его, чтобы исполнилось слово: *отъ мори путіе твои* (Пс. lxxvi, 20); отдай мнѣ моего Создателя, чтобы и мое лоно Онъ исполнилъ благодатію. Обдержимая, по Его волѣ, моремъ земля съ міровою гордостью, торжественно говорить: я не хуже тебя — текучаго, тщеславнаго, непостояннаго, шумнаго, причиняющаго болѣзни, возницы грѣха, бесполезнаго для жизни, тебя съ соляными источниками, бездорожнаго, недоступнаго

для путешествія, сородственника вихрю, волнуемаго бурями. Если бы ты было выше честию, то въ тебѣ сначала поселился бы Владыка; а теперь изъ того уже видно мое достоинство, превосходство надъ тобою,—что ко мнѣ сначала Онъ послалъ лучи Своего божества. Я настолько выше тебя честию, насколько я мать людей, а ты пресмыкающихся; я мать святой Дѣвы, которая родила Владыку, а ты лукаваго дракона, который тѣшится съ твоими животными; я мать пророковъ, апостоловъ и святыхъ мужей, а ты мать дикихъ и лукавыхъ пресмыкающихся, и гибель несчастныхъ въ плаваніи; я плодоносный рай съ цвѣтами и ароматами, а у тебя вѣтры, непогода и безпорядокъ. Если бы было въ моей власти удерживать Господа, я не дозволила бы Ему прибыть къ тебѣ. Когда стихіи спорили въ своихъ желаніяхъ, всеисполняющій и всеустраивющій Господь приходитъ къ морю, желая прославить святыми стопами и почитать вмѣстилище водъ. Море, расширивъ свое лоно, радостно приняло Господа со словами: идите сюда, все живое, малое съ великимъ; что въ глубинахъ, соберитесь; всплывите къ Тому, Кто отъ начала посадилъ васъ (какъ бы) на тронѣ, и даровалъ вамъ жизнь; умолкните, всѣ противныя вѣянія непогоды, и трепещите предъ божествомъ пришедшаго; всѣ вихри, бури, смирите величіе своей силы; смиритесь, всѣ вѣтры и ненастье; всѣ волны, успокойтесь, и будьте тихи; Господа жизни и смерти съ радостью примите. Кто возвѣститъ мнѣ, что сегодня у меня Господь идетъ по морю? Я возвеличился бы съ этого дня, что сдѣлалось херувимскимъ сѣдалищемъ, и стало серафимскою постелью; что сѣдящій тамъ здѣсь у меня ходитъ; Кто летаетъ на крыльяхъ вѣтровъ, Тотъ на острова моя приходитъ; Кто высится поверхъ столь высокихъ 695 воздушныхъ твердынь, Тотъ у меня пѣшешествуетъ по моей свѣтлой поверхности. Теперь я уже не называюсь моремъ, но небесной купальней; теперь сдѣлалось свѣтильникомъ небеснымъ, сильно сверкающимъ; теперь я сдѣлалось источникомъ, изливающимъ врачеванія; теперь я сдѣлалось солнцемъ съ блистающими лучами; теперь я сдѣлалось небомъ, издающимъ сіяніе, не по своей природѣ, но по изобилію источниковъ благодати.

Тогда вся тварь украшалась; земля и поднебесное просвѣтлялись вмѣстѣ благодатію. Заблудшіе обращались, грѣшники каились, безбожники дѣлались благочестивыми, больные получали здоровье, мертвые (призывались) къ жизни дѣятельной, живые (предстояли) лицу божества. Тогда демоны пресѣдовались, и болѣзнь истреблялась, и смерть унижалась, и содержимые врагомъ во адѣ, услышавъ о Немъ, старались увидѣть славу, и умоляли освободить ихъ отъ оковъ. Тогда увидѣлъ виновникъ гибели и начальникъ тьмы, что Онъ (Господь) здѣсь исправилъ (все) и готовъ разрушить царство ада,—побѣждалъ онъ, лукавый, къ стрегущимъ тамъ демонамъ, со словами: идеть подъ землю Тотъ, Кто подъ небомъ былъ благоразуменъ; идеть опустошить предѣлы, и плѣнить наши

темные тайники. Говорят ему въ отвѣтъ мучители: кто сильнѣе тебя? Не ты ли говорилъ: нѣтъ могущественнѣе меня въ борьбѣ съ противникомъ? Теперь (же) испугался—(будто) укрощаешься Имъ. Пока попытайся воевать; будь смѣлъ, и окажется, что Онъ во всемъ побѣжденъ. Онъ имъ (въ отвѣтъ): я пытался, и узналъ (Его)—Онъ всюду овладѣлъ моимъ господствомъ; въ пустынѣ я съ Нимъ воевалъ, и Онъ во всемъ обнаружилъ мою пустоту. Даже противъ учениковъ Его у меня не было силы; я потерялъ свою славу и въ отношеніи ихъ. Они ему (въ отвѣтъ): пока войди внутрь, и затвори мѣдныя врата; мы заключимъ ихъ жѣлѣзными засовами, и приготовимъ свои стрѣлы. Когда лукавые кричали это и подобное, приходитъ Господь съ огненными войсками. *Возмите врата, князи демоновъ, и увидетъ царь славы* (Пс. ххш, 7). Они же изнутри смѣло спрашивали: *кто есть сей царь славы?* (Эти въ отвѣтъ): *Господь крѣпокъ и силенъ въ брани* (ст. 8). Предводитель демоновъ говорилъ внутри: не сказалъ ли я вамъ, что онъ крѣпокъ и могущественъ въ войнѣ и силенъ въ силѣ? Ангелы побуждали: откройте врата, прежде, чѣмъ намъ ихъ сокрушить и засовы сломать; съ миромъ откройте, прежде, чѣмъ намъ съ гнѣвомъ войти. *Возмите врата, князи ада, и увидетъ царь славы*. Они же, въ страхѣ собираясь, спрашивали: *кто есть сей царь славы?* Тѣ отвѣчали: *Господь есть силъ* (ст. 10), Владыка небесныхъ и пренеподныхъ. И когда они спорили, не открывая (вратъ) изъ страха, (тогда) по мановенію Божию, тотчасъ врата сокрушились и засовы сломались, и исполнилась пророческая проповѣдь, возглашенная за столько родовъ: *сокруши врата мѣдная, и верени жѣлѣзные сломы* (Пс. сѹ, 16). Находясь въ безпомощности, виновники безчестія, беззаконники сказали: со стрѣлами и мечами устремимся на Него. Онъ же, сломавъ врата и ихъ сокрушивъ, (тѣмъ) исполнилъ два пророчества: Господь сокрушая враги, Господь имя ему. *Тамъ сокруши крѣпости луковъ, оружіе и мечъ и брань* (Пс. лххѹ, 4). Когда заключенные увидѣли свѣтъ вѣчной жизни, воскликнули: *простѣщаеши ты дивно отъ горъ вѣчныхъ* (ст. 5). Горами они называли твердыни ада. *Смятошася вси неразумнии сердцемъ* (ст. 6), т. е., дьявольскіе начальники обезумѣли; *уснуша сномъ своимъ, и обрѣтоша ничтоже* (ст. 6), (т. е.) они были умерщвлены Господомъ, и погубило, что у нихъ было въ рукахъ, и ничего они не приобрѣли. *Отъ запрещенія твоего, Боже Іаковлъ, воздремаша встѣвши на кони* (ст. 7). Конями онъ называетъ души заключенныхъ, и всадниками лукавыхъ демоновъ, безжалостно наказывавшихъ челоѣческія души. Они уснули и были умерщвлены. Когда они увидѣли спасеніе душъ и собственную гибель, ихъ освобожденіе и свое порабоженіе, что (тѣхъ) разрѣшаютъ, а ихъ связываютъ несокрушимыми оковами,—сильно возопили: *ты страшенъ еси, и кто противостанетъ тебѣ предъ лицо* (ст. 8)? Насъ, бичевателей душъ, Ты низвергъ съ неба праведнымъ судомъ; мы не право судили; за это судимся,

за это не получаемъ пощады: *судъ бо безъ милости не сотворшему милости* (Іак. п, 13). Онъ заключилъ ихъ въ тайники ада мучиться сирадомъ драконовъ; связалъ ихъ несокрушимыми оковами. Всѣ души Господь собралъ, и (тѣмъ) исполнилъ пророчество Іереміи: *собра рябъ, изже не роди* (Іерем. хvп, 11). Тѣхъ, которыхъ врагъ свелъ въ адъ, Господь собралъ; которыхъ тамъ родилъ диаволъ, или лучше, разсылалъ,—этихъ собралъ Христосъ. Встаньте, сказалъ (имъ) Господь, и взойдемъ на небо. Все это совершилось во исполненіе загадочнаго пророчества: встаньте, и взойдемъ на гору, т. е., въ небесный Іерусалимъ. Пренесподнія врата были открыты, или лучше, сокрушены; нужно (было) открыть и небесныя врата; но привратники, по незнанію, препятствовали. Когда Онъ сходилъ, они не знали; потому, при возвращеніи, не узнали, и начали спрашивать (а у Господа были съ Собою души, которыя Онъ искупилъ, и разбойникъ, или лучше, ученикъ): кто это идетъ съ такимъ отрядомъ? Предводившіе ангелы объявили о божественномъ достоинствѣ. Но они не спѣшили (открыть врата), удерживаясь невѣдніемъ: если восходить Господь, то почему мы не замѣтили Его нисходящимъ? Развѣ въ другое время Онъ не нисходилъ? При Ноѣ Онъ повелѣлъ (устроить) ковчегъ, при Авраамѣ пришелъ къ кушцѣ, при Іаковѣ (былъ) на лѣствицѣ, при Іовѣ бесѣдовалъ чрезъ бурю и облако, при Моисеѣ (сходилъ) на гору Синай, при Іисусѣ въ Іерихонѣ, при Іили въ пещеру. Нѣтъ рода, когда бы Онъ не нисходилъ, и отъ насъ Онъ не былъ скрытъ. И если теперь Господь восходить, то почему мы не замѣтили Его нисходящимъ? Предводители отвѣтали: Онъ есть тогда сходявшій; Онъ принялъ образъ раба, чтобы не быть узнаннымъ при восхожденіи, чтобы вамъ не узнать владычнаго великолѣпія. И (теперь) узнайте тайну Владыки и мудрое дѣло Господа, и не мѣшайте челоуѣколюбивому рѣшенію. Если бы вы замѣтили Его сходящимъ съ великимъ смиреніемъ ради Своего творенія, то помѣшали бы схожденію и лишили бы челоуѣка спасенія, оставивъ его вѣн горняго царства. Теперь откройте, упадите на колѣни! Отвѣчаютъ они: если мы не услышимъ Его божественнаго голоса, не можемъ открыть дверей. Никто нечистымъ не входить оттуда: *сія врата Господня: праведнии внидутъ въ ня* (Пс. сxvп, 20). Тогда Господь драгоценнымъ голосомъ сказалъ: Я есмь, о Которомъ вы спрашиваете; *отверзите мнѣ врата правды: вшедъ въ ня исповѣмся Господеви* (ст. 19), т. е., что Я сдѣлалъ и пострадалъ, сколько совершилъ прекраснаго и получилъ худого. Я возвѣщу признаки праведныхъ, дары испѣлений, правоту дѣлъ—*отверзите мнѣ врата правды: вшедъ въ ня исповѣмся Господеви*. Тогда привратники, узнавъ непорочный голосъ Владыки, со страхомъ вышли для поклоненія: мы не узнали Тебя, Владыко, нисходящимъ; поклоняемся Тебѣ, восходящему. Потомъ Онъ и слѣдующіе за нимъ проходили безпрекословно. Но они препятствовали входившимъ позади: *сія врата Господня: праведнии внидутъ въ ня*, но

никакъ не неправедные; здѣсь (же) прелюбодѣи, и мытари, и хищники. Почему же это происходитъ вопреки Твоей святой волѣ? Эти врата Ты самъ утверждалъ, Ты поставилъ насъ привратниками, Ты объявилъ намъ законъ, что *сія врата Господня: праведніи внидутъ въ нея*. Не о Тебѣ ли сказано, что *повелѣніе положи, и не мимо идетъ* (Пс. сѣлш, 6)? Ты сказалъ: только праведные войдутъ,—но никакъ не неправедники; сюда (же) вводятся прелюбодѣи и мытари, сюда входятъ волхвы и разбойники и хищники. Хотя первыми праведныхъ введи, и послѣ грѣшникамъ руку подай. Пусть будетъ, что всѣхъ этихъ Ты вводишь: очевидно, они покаялись. Но этого разбойника за что Ты вводишь впереди всѣхъ въ горнее царство? Гдѣ онъ образумился, гдѣ покаялся? Ни одного дня въ своей жизни онъ не употребилъ съ пользою для себя, и не совершилъ 697 чего-нибудь хорошаго; даже часа одного онъ не удѣлилъ на покаяніе. Вотъ у насъ запись его грѣховъ, которыхъ онъ не нагладилъ покаяніемъ, и Ты вводишь его въ рай впереди всѣхъ праведныхъ! Спаситель (отвѣчалъ): вы изслѣдуете его грѣховность, которую Я раньше всѣхъ изгладилъ? Ничего не значить запись его грѣховъ, потому что его вѣра уничтожила ее. Пусть уничтожится запись его неправостей прекраснымъ исповѣданіемъ! Онъ не покаялся до времени, но сталъ благоразуменъ во время; предъ смертію, безъ вѣры онъ былъ нагъ,—въ смерти, его вѣра побѣдила наводненія моря; во время покоя онъ не зналъ, но во время нужды призналъ праведность. Когда Мои ученики отъ Меня убѣжали,—онъ прибѣгалъ ко Мнѣ; когда Петръ говоритъ: *не знаю человека*,—этотъ исповѣдалъ Царемъ небесъ; когда священники Меня казнили, онъ называлъ Господомъ жизни. Для Меня дѣло покаянія совершено, когда вижу его волю и готовность (т. е. разбойника); для Меня оправданіе чрезъ терпѣніе достигнуто, когда онъ склонилъ свое сердце ко благу. Адамъ чрезъ ребро свое (т. е. жену) заключилъ рай, этотъ исповѣданіемъ своимъ открываетъ врата, строгимъ огненнымъ мечомъ. Не ищите его грѣховности, которой вы не найдете. Вслѣдствіе этого Давидъ за столько родовъ пророчествовалъ: *азыщется грѣхъ его, и не обратится* (Пс. ix, 36).

Наконецъ Спаситель взомель, побѣдивъ всякую власть и силу, и всѣ ангельскія воинства встрѣтили и, какъ Владыкѣ, поклонились,—весь херувимскій чинъ и серафимское служеніе поклонились Ему и Отцу, (Его) родившему. И Онъ былъ принять Отцомъ, и сѣлъ одесную никогда не оставлявшій отеческаго лона. Если и сошелъ Онъ на землю по человеколюбію, то однако никогда не оставлялъ престола; если и сдѣлался совершеннымъ человекомъ для устроенія (спасенія), то (однако) никогда не измѣнялъ Своему природному божеству. Не по преусиѣванію человеческому сдѣлался Богомъ Христосъ,—да не будетъ!—но, будучи Богомъ, сдѣлался человекомъ, чтобы человека спасти. Поэтому, не человека обоженнаго мы проповѣдуемъ, но Бога воплотившагося исповѣдуемъ, какъ

божественный Павелъ сказать: поэтому всякое начало и власть подчинились Ему, какъ существующему раньше всякаго созданія; а лучше (исповѣдуемъ) Творца твари, господствующаго и царствующаго съ непорочнымъ Своимъ Отцомъ и животворящимъ Духомъ во вѣки. Аминь. Онъ 698
имѣетъ судить вселенную и всю поднебесную, и воздать каждому по его дѣламъ. Итакъ, кто расскажетъ о милости челоуколюбія, или о величїи Его власти? Кто выразитъ мудрость Его благости, или величїе Его силы? Кто изложитъ состраданіе Его благоутробія, или изслѣдуетъ достоинство Его превосходства:—какъ Онъ, не оставивъ горячаго, сошелъ для насъ на землю; какъ, незамѣтно для началъ и властей, вселился въ утробу непорочной Дѣвы; незамѣтно для хоровъ ангельскихъ и архангельскихъ, облекся въ образъ раба, чтобы спасти отъ гибели и смерти челоука, (созданнаго) по (Его) образу; и умеръ плотію, чтобы сдѣлать насъ общниками Его безсмертной природы? И чѣмъ мы воздадимъ Ему за все, что Онъ намъ даровалъ? Какими благодаренїями, или моленїями? Если бы всѣ наши члены получили голосъ, и наши волосы стали бы говорить и всякое чувство наше исполнилось бы пѣснопѣїемъ,—мы и тогда не могли бы достойно прославить бывшую къ намъ милость и (ея) величїе. Но насколько можемъ, прославимъ Единаго Святѣйшаго, исполняя предреченіе: *помянуть Бога и возвеселимся*. Въ этомъ обзорѣнїи я изложилъ великія и изумительныя чудеса Спасителя, чтобы ежедневнымъ воспоминанїемъ (ихъ) радоваться; лишь бы вспоминать намъ достойно, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, прикровенно ли, или открыто, но пусть Богъ возвѣщается; поэтому будемъ говорить съ пророкомъ: *помянуть Бога и возвеселимся*. Богъ силъ, явившій челоуколюбїе и многую благость, воспринявшій благодати нашу немощь и молитвы и приведшій къ лучшему благу промышленности,—самъ Онъ да сохранивъ нашу душу незапятнанию, тѣло неоскверненнымъ, духъ незагрязненнымъ, да соблюдетъ жизнь безболѣзненною, вѣру непрıkосновенною, братолюбїе безобиднымъ, дѣвство неукоризненнымъ, дружбу безмолвною, любовь непритворною, добродѣтель тихою, справедливость безпрепятственною, вѣру плодоною. Да откроетъ Онъ намъ врата рая и утаситъ огненный мечъ, откроетъ дверь царствїя Своего и приготовить чистое наслажденїе, поставитъ одесную и десницею да увѣнчаетъ по челоуколюбїю Своей благости, такъ какъ Ему подобаешь слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Рахили и о чадахъ.

Пользуясь самыми сладкими древесными плодами, вмѣстѣ съ тѣмъ 697
хвалить вѣтви и деревья; такъ и мы, возлюбленные—воспользовавшись плодами словъ предупредившаго (насъ) учителя, воздаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ

честь ему и своимъ отцамъ. Какъ плодамъ сообщается сладкая тучность изъ тучности деревьевъ, такъ и вышеназванному мужу сообщается сладость слова изъ благодати Духа. Итакъ, какъ сладкими финиками, воспользуемся сладчайшими словесными плодами, приобрѣвшими сладость изъ праваго корня отцовъ; о сладости слова размыслимъ, а за пріятность возблагодаримъ нашихъ отцовъ. Честь отцовъ зависить отъ благопристойности сыновей, или лучше, вѣнцы сыновей украшаются хорошею славою отцовъ. Читаніемъ о стenanіи Рахили я побуждаюсь, какъ бы стреломъ. (и) къ ней обращаюсь. Говори мнѣ, Рахиль, говоря о скрывающемся въ твоёмъ стои́тъ трудъ! Ладья мысли твоей, отягченная печалью, облегчится; когда слова, выражающія трудъ, изойдутъ отъ сердца твоего,—ви́дѣствъ со словами исчезнетъ и тяжесть печали. Итакъ, говори мнѣ, Рахиль, чего ты плачешь? Вижу, что слезы твои рѣкою текутъ по щекамъ, дыханіе тяжело стѣснено около сердца и безпорядочно выходитъ чрезъ ноздри. Чего ты рвешь свои волосы, и обнажаешь тѣ, которые тебѣ нужно скрывать? Зачѣмъ, въ излишнемъ безуміи, выдаешь важную тайну почтен-
698 ныхъ женщинъ? Горе, горе Рахили! Буду говорить, угнетаясь горечью души; но чтó мнѣ сказать? Желаю отъ сердца произнести слово, и не рѣшаюсь, не находя причины золь и величайшаго несчастія. О, царь Иродъ, учившій меня, что не должно убивать, и на дѣлѣ упразднившій свой законъ! Я думала, что онъ царь благоустройства, а теперь вижу его начальникомъ неустройства, поступающимъ безпорядочно и беззаконно. О, величайшее безуміе! Кто совершилъ одно убійство, отвѣтственъ въ смерти; а Иродъ совершилъ столько убійствъ, (и) называется царемъ. Земледѣльцы, вынесши изъ своихъ сокровищницъ сѣмя, бросаютъ чистый хлѣбъ въ взборожденную землю; когда же выросшіе колосья укажутъ на блестящее время жатвы, тогда срѣзаютъ хлѣбъ острымъ серпомъ. А Иродъ погубилъ острымъ мечомъ рожденія моей утробы, еще не зацвѣтшія цвѣтомъ возраста, еще не покрывшія своихъ щекъ пухомъ весенней прелести, мою зелень. Горе, горе! Я скорблю о своей утробѣ, и чувства сердца моего неистовствуютъ, душа моя терзается сердцемъ: не буду молчать! Я переносу это изъ-за небрачной Дѣвы Маріи, изъ-за Слова, сокрытаго въ асляхъ. Гроздья мои, еще не созрѣвшія, я вижу уничтоженными. Горе, горе! Кого съ трудомъ въ теченіе девятимѣсячнаго времени носившая природа родила, содѣлавъ зрѣлыми,—тѣхъ я вижу преждевременно сраженными однимъ ударомъ меча. Горе! О, Марія, Дѣва
699 ви́дѣствъ и Матерь, мужа не познавшая и Сына родившая! Ты не знаешь болѣзни матерей; если бы ты знала, плакала бы. Безболѣзненно ты носила, безболѣзненно родила, безболѣзненно ты имѣла гостемъ небесное Слово въ домѣ утробы своей, безболѣзненно возростила для вселенной небесный цвѣтъ. Но подойди сюда, и не плачь больше, прекрати свою печаль, Рахиль! Иродъ убилъ твоихъ дѣтей на землѣ, но Богъ вскармливаетъ ихъ на небѣ. Иродъ лишилъ твоихъ дѣтей временнаго свѣта, но

Онъ исполнить ихъ Своимъ свѣтомъ на небѣ. Не видишь ихъ рѣзвляющимися на землѣ, но тогда увидишь, и возрадуешься, видя ихъ, какъ агнцевъ, рѣзвляющимися въ раю. Теперь печалишься, что не видишь ихъ за столомъ протягивающими руки, но тогда увидишь, и возрадуешься, что они съ ангелами угощаются хлѣбомъ небеснымъ. Теперь печалишься, не слыша ихъ шума, но тогда услышишь, и возрадуешься хору этихъ дѣтей, прославляющихъ Христа въ раю, подобно весеннимъ ласточкамъ. Пророкъ говорилъ: *изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Пс. viii, 3); во исполнение этого пророческаго слова—*изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу*—дѣтскій хоръ предварилъ Христа, со своими побѣдными пѣснями. Но мы сказали это, возлюбленные, для улаждения души. Обратимся, наконецъ, къ стезѣ Евангелія. *Слышаеъ Иродъ смутися* (Мѣ. ii, 3). Что слышавъ? Что царь іудейскій родился. Смотри, возлюбленный: диаволъ въ Иродѣ тревожится, и даже сильно. Видитъ волкъ, что родился пастырь, скрывается въ ясляхъ и держитъ въ рукахъ крѣпкій жезлъ Духа, и, видя это, сильно тревожится. Видитъ драконъ приманку тѣла, и дитя, какъ бы червя, ползающаго,—потому что *азъ есмь червь, и не человекъ* (Пс. xxi, 7),—подходить съ раскрытою 700 пастью. (но) созерцаетъ внутри небесное Слово во плоти, какъ бы скрывающийся крючекъ, и, созерцая это, сильно тревожится. Онъ видитъ горчичное зерно, упавшее на землю, распростирающее вѣтви надежды и имѣющее защищать человѣчскій родъ подъ листьями спасенія, и, видя это, ненавистникъ добра—демонъ сильно тревожится. Онъ видитъ, что мудрость пришла на землю, приняла малую закваску тѣла, смѣшиваятъ (въ себѣ) три части муки—души, тѣла и духа—и имѣетъ всквасить все человѣчество во единое спасеніе вѣроу, и, усмотрѣвъ это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что демонскій легіонъ изгоняется человѣчествомъ и посылается въ бездну, и, видя это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что адскіе запоры сокрушаются, Адамъ опять возводится въ рай, и сильно тревожится. Онъ видитъ, что Ева опять спасается чрезъ Марію, и убивается змѣй, въ которомъ онъ особенно былъ смѣлъ, и, видя это, сильно тревожится. Онъ видитъ, что древо жизни насаждается, и, видя это, сильно тревожится. И не достанетъ мнѣ времени, возлюбленные, чтобы рассказывать о тревогѣ діавола. Наконецъ, будучи совершенно безсиленъ противъ Господа, диаволъ устремляется на дѣтей и новорожденныхъ. И кого онъ убиваетъ? Отъ двухъ хлѣтъ и ниже; а прожившихъ троицу годовъ не убиваетъ. Это—дѣти, которые исповѣдуютъ двоицу, а въ Троицу не увѣровали. Изъ-за этого сама Рахиль, церковь изъ язычниковъ, оплакиваетъ ихъ, такъ что голосъ ея слышенъ въ Рамѣ, т. е., въ высокомъ. Рама значитъ *высокая*, горній Іерусалимъ у высочайшаго Бога, Которому подобаетъ всякая слава, держава со всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объ Иродѣ и о младенцахъ.

699 Всегда и всюду я желаю налагать духовное слово, повинаясь слову Павла: *духовная духовными сразууждающе* (1 Кор. п, 18); но оказался должникомъ (предъ вами) особенно за предыдущее воскресеніе съ именемъ Господа. Не знаю, какъ это происходитъ со мною, что моя скудость никогда не освобождается отъ долга, отъ васъ, жаждущихъ духовнаго, ростовщиковъ, требующихъ долгъ съ процентомъ. Однако я не плачу объ этомъ, возлюбленные, но богѣе радуюсь; я рабъ богатаго Владыки, имѣющій хорошія надежды. Поэтому, не прощенія прошу, но къ перемирію побуждаю. У меня есть податель слова Богъ, говорящій: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. lxxx, 11),—и не по достоинству говорящаго, но по благочестивой любовательности слушателей. Итакъ, ты выслушалъ слова евангелиста Маттея: *видѣвъ царь Иродъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зело, и пославъ изби вся дѣти сущія въ Вифлеемѣ, и во окрѣсть предѣлъхъ его, отъ двою лѣту и нижеайше, по времени, еже извѣстно испита отъ волхвовъ* (Мѣ. п, 16). Это во время рожденія по плоти Христа. Но слушай, какъ за много времени раньше было сказано: да сбытся реченное *Іереміемъ пророкомъ глаголющимъ: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, Разиль плачущися чадъ своихъ* (ст. 17). Видишь, за сколько родовъ раньше было возвѣщено о безуміи Ирода въ послѣдніе дни: *пославъ изби вся дѣти сущія въ Вифлеемѣ, и во окрѣсть предѣлъхъ его*. О, безуміе Иродово, или лучше, нечестіе дѣвольское! Вѣдь и это было его дѣло; онъ вооружилъ Ирода противъ дѣтей. Однако онъ поднималъ мечъ дѣтоубійства противъ самого себя; Иродъ, много замыслившій, не убилъ Іисуса, Котораго искалъ; неудача Ирода—несчастіе для діавола. *Видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зело, и пославъ изби вся дѣти сущія въ Вифлеемѣ, и во окрѣсть предѣлъхъ его*. О, Иродъ, зачѣмъ безразсудно раздражаешься? Зачѣмъ вооружаешься противъ дѣтей? Ты осмѣялъ волхвовъ, и убиваешь младенцевъ. Развѣ младенцы указали дорогу волхввамъ? Звѣзда указала имъ родившагося Господа. Не въ силахъ будучи уи-

700 тить въ звѣзду, убиваешь младенцевъ? Или для того ты получилъ царство, чтобы показать свою силу противъ кормящихся грудью? Съ дѣтми воюешь, Иродъ? Матерей сиротишь? Сосцы сушишь? Объятія обнажаешь? Сердца ранишь? Женщинамъ, мучающимся родами, прибавляешь плача? Младенцевъ двухъ лѣтъ и моложе убиваешь? Есть ли, гдѣ вознѣтъ мечъ? Это (значить) не убивать, но преждевременно рѣзать. Покажи дѣтямъ мечъ: если, испугавшись, они сробѣютъ, то убивай, рѣжь; а если весело подбѣгутъ къ мечу, то зачѣмъ вынимаешь мечъ противъ улыбающихся мечу? Ты думаешь, Иродъ, Спасителя настигнуть, и Его убить? Такъ какъ ты совсѣмъ рѣшился (на это), то издай повелѣніе, призови волх-

вовъ, удержи звѣзду, заключи въ темницу Гавріила, распроси пророковъ, разыщи мать Дѣву; если ты этимъ овладѣешь, то можешь и Христа найти. Не славословишь, но ищешь рожденнаго безсѣмьно? Богоборствуешь, царь? Хлопочешь о Царѣ? Желаетъ овладѣть владѣющимъ тобою? Желаетъ погубить, кто желаетъ тебя спасти? Замышляешь схватить, Кто стоитъ подлѣ тебя, и не желаетъ, чтобы ты видѣлъ Его, по твоему лукавству? Онъ, о, Иродъ, есть Тотъ, Кто взывалъ за много времени раньше: *взыщутъ мене злии, и не обрящутъ* (Прит. 1, 28). Какъ ты (можешь) презирать этого Младенца? Онъ, по божеству, много древнѣе Авраама; не только Авраама древнѣе, но и Адама создатель. Онъ не страхомъ облеченъ, но идетъ для домоправленія. Зачѣмъ безразсудно раздражаешься, Иродъ? Корысть напраснаго гнѣва—паденіе. Зачѣмъ ты дѣлаешь подобно фараону? Онъ въ Египтѣ приказалъ, чтобы младенцевъ мужескаго пола бросали въ рѣку; и ты приказываешь, чтобы въ Виелеемѣ іудейскихъ младенцевъ мужескаго пола убивали. О, одинаковый духъ! О, равная безжалостность! О, сходное нечестіе! Вѣрнѣе же сказать, Иродъ много свирѣпѣе фараона. Также и копѣеносцы Иродовы много тягостнѣе щитоносцевъ фараоновыхъ. Фараонъ въ Египтѣ, если и приказалъ, чтобы іудейскихъ младенцевъ мужескаго пола убивали, однако рѣшился на это, какъ иноплеменикъ, изъ боязни, чтобы не усилился израильскій родъ, и не истребилъ бы египтянъ. Онъ египетскихъ дѣтей шадить, а убиваетъ израильскихъ; по страху воюетъ, а не по зависти умерщвляетъ. Фа- 701
раонъ былъ челоѣколюбивѣ Ирода (настолько), что даже отмѣнилъ законъ, который онъ объявилъ, и сдѣлался нарушителемъ собственнаго повелѣнія. Онъ нашелъ одного Моисея носящимся по рѣкѣ въ ящикѣ; чрезъ свою дочь взялъ его, и не только не убилъ, но, какъ сына, вскормилъ; шадить младенца, нарушивъ свой законъ. Что ты говоришь, Иродъ? Фараонъ спасаетъ Моисея, а ты рѣшился настигнуть Владыку Христа; тотъ спасаетъ будущаго карателя Египта, а ты желаешь убить Спасителя вселенной? И щитоносцы фараоновы почтеннѣе копѣеносцевъ Иродовыхъ. Бабки, получивъ приказаніе душить еврейскихъ младенцевъ мужескаго пола, во время (ихъ) рожденія, не исполняли этого, изъ благочестія—хотя и египтянки родомъ; ихъ внутренность переворачивалась, при мысли, что испытываютъ матери, когда лишаются младенцевъ насильственною смертію. Они рѣшились скорѣе оскорбить царя временнаго, чѣмъ противодѣйствовать большому Царю и Богу. Иродъ показалъ свое нечестіе въ отношеніи не иного племени, но съ единоплемениками безумно поступилъ. Фараонъ только въ Египтѣ обна-
ружилъ такую ярость, не далѣе; а Иродъ приказалъ избивать нѣжныхъ младенцевъ не только въ Виелеемѣ, но и во всѣхъ его предѣлахъ. О, несправедливоо повелѣніе того, кто возсталъ тогда сразу противъ города, деревень, полей и улицъ! Не было у матерей, гдѣ бы дѣтей скрыть; внѣ материнскихъ объятій они не могли остаться.

Если бы когда мать пожелала укрыть свое дитя, оно само выдаю бы себя плачемъ, привлекло бы къ себѣ смерть привязанностію къ сосцамъ. Какъ рыба не можетъ жить внѣ воды, такъ и младенецъ скоро гибнетъ, лишаясь материнскихъ сосцовъ. О, та вселенская плачевная истѣя! Я не нахожу, какъ описать виды материнскихъ стѣнованій. Если бы произошло варварское нападеніе, матери легче переносили бы скорбь; раздѣляемое несчастіе умѣреннѣе терзаетъ страдающаго (имѣ). Но (то) 702 было не нападеніемъ варварскимъ, но междоусобицею войною; было насиліемъ, не допускающимъ просьбы; было беззаконіемъ, имѣющимъ защитникомъ законъ. Матери кричали, и не было слушателя; младенцы рыдали, и подлѣ не было жалѣющаго; сосцы обливали молокомъ землю, а Иродъ, какъ камень, болѣе ожесточался. Копьеносцы царя еще кровожаднѣе тамъ и здѣсь различно нападали на младенцевъ: однихъ у стѣнъ мучили, другихъ на скалы бросали, иныхъ душили. Волновалъ ихъ діаволъ, виновникъ такого дѣла. Въ этомъ и подобномъ матери ослабѣвали и, забывшись отъ страданія, не заботились о благопристойности. Разрывали одежды, распускали по воздуху косы, сосцы обнажали, которые нужно было скрывать, грудь поражали камнями, царапали (себѣ) щеки, какъ палачи, призывали въ свидѣтели небо, молчаливаго судью, обращались съ просьбою къ общему Судѣ и Владыкѣ, со словами: что это за кровожадность царя, Владыко? Онъ свирѣпствуетъ надъ Твоимъ твореніемъ; Ты создалъ, онъ не перестаетъ закалывать; Ты одарилъ, онъ вредить. Для чего мы рождали дѣтей, если такъ горька смерть дѣтей? Если (это) Твое приказаніе, прикажи и намъ съ ними умереть; если (это) предпріятіе и приказаніе беззаконнаго царя, почему Ты скорѣе на него не нападешь? Но, конечно, матери такъ кричатъ, терзаясь страданіемъ, (и) по незнанію пользы для своихъ птенцовъ. Въ дѣйствительности что блаженнѣе тѣхъ, кто переносятъ замыслы изъ-за Владыки Христа? Что блаженнѣе этихъ дѣтей,—такъ какъ они закалывались не ради только ихъ самихъ, но и какъ бы самъ Христосъ убивался? Понистинѣ благовременно сказать къ матерямъ слово Господа: не плачьте, матери, не плачьте; на малое время они потеряли ваше лоно, но лоно Авраамово получили. Не плачьте, матери, не плачьте; не препятствуйте дѣтямъ идти ко Мнѣ: *таковыя бо есть царство небесное* (Мѣ. xix, 14), во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ.

О Марѣ, Маріи и Лазарѣ, и Іліи пророкѣ.

701 Вы, которые пребываете въ любви къ воскресенію Господа, поистинѣ примите Христу угодное миро недавно прочитаннаго свидѣтельства. Уже Марія миропомазуетъ, и церковь благоухаетъ; уже сосудъ опорожняется, и жертвеникъ исполняется благовонія. Марія миропомазуетъ, Марѣа

служить и воскресенный возлежить съ Господомъ. Почтененъ родъ мужей, такъ какъ мужъ созданъ по образу Божію, а жена по образу мужа—она славить мужа, но не представляетъ собою Христа. И кто свидѣтель этого, чтобы намъ безупречно имъ воспользоваться? Слушай слова Павла: *мужъ не долженъ есть главу покрывать, образъ и слава Божія сый: жена же слава мужу есть* (1 Кор. xi, 7). Жена—слава своего мужа, (а не чужихъ; (слава) не вслѣдствіе древняго суетнаго совѣта, но вслѣдствіе совершеннаго, истиннаго дѣторожденія. Это истинное дѣторожденіе освободило жену отъ проклятія. И кто свидѣтель этого? Тотъ же самый апостолъ: *Адамъ не прелстися: жена же прелстившися, въ преступленіи бысть. Спасется же опять чадородія ради* (1 Тим. ii, 14, 15). Видишь, что жена спасается вслѣдствіе дѣторожденія; не за то, что Ева извергла Каина, но за то, что славная Дѣва чревоносила Христа. Итакъ, Марія миропомазуетъ, Марѳа служитъ, и Лазарь съ Господомъ возлежить, какъ только что ты слышалъ. Марія изображаетъ церковь: не оскудѣваемо миро церкви; Марѳа обозначаетъ синагогу: маловѣрующа и любительница земного; Лазарь носить скипетръ воскресенія, какъ ты только что слышалъ изъ словъ евангелиста: *прииде Исусъ въ Виванію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ. Сотвориша же ему вечерю ту, и Марѳа служаще: Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ съ нимъ. Марія же приемиши литру мира нарда пистика многоцѣнна, помаза нозѣ Иисусовѣ, и власы своими отре: трамнина же вся исполнися отъ вони мира* (Іоан. xii, 1, 2, 3). Видѣлъ ты занятіе жены, и 702 какъ она предъизобразила церковь? Марія отвлекла многихъ женъ отъ ихъ худого занятія, и научила—приносить литру мира, а не отсѣкать головы Крестителя; Господа помазывать миромъ, а не съ Иудею воровать; волосы распускать, а не грѣхи связывать; зваться сестрою Лазаря, а не называться дочерью діавола. Это мною сказано о синагогѣ іудейской, не миропомазавшей Господа, но напоившей укусомъ и желчью, о любительницѣ крови, всегда дѣйствовавшей враждебно противъ Владыки Христа, старавшейся умертвить Лазаря, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. И кто достовѣрнѣе: Господь воскрешающій, или они убивающіе? Сейчасъ ты слышалъ слова евангелиста: *разумѣ же народъ много отъ Іудей, яко ту есть Исусъ: и приидоша не Исуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ* (ст. 9),—многіе изъ іудеевъ пришли ради его, и увѣровали въ Исуса. Видишь, какъ іудейская синагога, челоуѣкоубійца, пророкоубійца, дошла до убіенія Господа? Господь самолично ей, какъ любящей убійство и разбойнической, говоритъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ* (Мѣ. xxiii, 37), доколѣ ты будешь убивать, и не обратишься? Ты пьяна безъ вина, любительница крови! И чтобы тебѣ знать, что не напрасны эти слова, слушай Господа, говорящаго чрезъ пророка: *слышите сія вся старѣйшины дому Іаковля, и оставшии дому Израилева*

гнушаюціи судомъ, и вся правая разрацаюціи, созидаюціи Сіона кровми, и Іерусалима неправдами (Мих. ш, 9); и еще: аще протрете руки ваша ко мнѣ, отверащу лице мое отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу: руки бо ваша крове исполнены (Ис. і, 15).

- 703 Что же евангелистъ? *Прежде шести днй пасхи прииде Іисусъ въ Виванію.* Господь, пришедшій въ Виванію, и здѣсь предстоитъ. Настоящій домъ поистинѣ называется Виваніеѣ, такъ какъ Виванія значить домъ мира, а домъ мира — настоящій домъ Господа, въ которомъ мы, жители его, ежедневно взываемъ къ Домовладыкѣ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе* (Лук. п, 14). Пришедшій въ Виванію и сюда прибываетъ; прибываетъ не какъ не присутствующій, но какъ сущій, и присутствующій, и идущій. Предвидѣвъ это прибытіе Господа, пророкъ говорилъ: *се съ крѣпостію идетъ, и мышца его со властію* (Ис. хі, 10). *Се Господь съ крѣпостію идетъ.* Истинно это слово: *съ крѣпостію Господь идетъ.* Съ какою крѣпостію? Какъ опустошившій адъ, какъ давшій Лазарю вкусить воскресенія, какъ наполнившій міръ несмѣтными благодѣяніями. *Се Господь съ крѣпостію идетъ.* Кто сильнѣе сказавшаго: *Лазаре, гряди вонъ?* Идетъ не отсутствующій; ты слышалъ: выйдемъ на встрѣчу присутствующему и идущему, (выйдемъ) не шествиѣмъ по землѣ, но очищеніемъ души, улучшеніемъ нравовъ. Выйдемъ на встрѣчу присутствующему съ благодарностію; сдѣлаемъ, что сдѣлала сестра Моисея; воспользуемся голосами болѣе сильными, чѣмъ она, такъ какъ діаволь, даже покрытый моремъ, тягостиѣ фараона. Возьмемъ съ любовію знаки побѣды, не тимпаны ручные, но ваія, финиковыя вѣтви; воскликнемъ съ единоувѣрными братьями то, что мы недавно слышали: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ* (Іоан. хп, 13). Пророкъ Ісаія, предвидя это царское пришествіе Господа, говорилъ: *се Господь съ крѣпостію идетъ*, какъ воскреситель мертвыхъ, и не просто мертвыхъ, но сотѣввшихъ, разсѣявшихся, (какъ) воскреситель изъ гроба четырехдневнаго Лазаря, о чемъ ты слышалъ изъ словъ евангелиста: *прежде шести днй пасхи прииде Іисусъ въ Виванію, идѣже бѣ Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ.* Что же такого сдѣлалъ Моисей, подобно Владыкѣ нашему Христу? Моисей умертвилъ, (а) не оживилъ. Да устыдятся дѣти іудеевъ, прославляющіе Моисея и порицающіе Владыку Христа! Но іудей сейчасъ поспѣшно возражаетъ: а у насъ не воскресъ мертвый? Развѣ не воскресилъ пророкъ Ілія сына сарептской вдовы? Между тѣмъ Ілія—человѣкъ. Почему вы много думаете о вашемъ Учителѣ—доказываете въ Немъ божественную силу изъ того, что Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ Лазаря? Что ты, іудей, говоришь? Сравниваешь Ілію и Владыку Христа? Иное (дѣло) рабское состояніе, и иное—власть божественная. Если ты не узнаешь напередъ, какъ было это воскресеніе, то не поймешь дѣла божественной власти. Слушай внимательно:

жертвы при Илии, сынъ сарептской вдовы, если и преданъ былъ смерти, то, однако, не по недостатку природы, но для воспитанія и огорченія Илія, чтобы склонить Ілію отъ жестокосердія къ состраданію. Нѣкогда Ілія—какъ вы хорошо знаете—разгнѣвавшись на домъ Ахава и израильскій народъ за беззаконіе Іезавели, съ клятвою объявилъ: *живъ Господь Богъ, аще будетъ въ лѣта сія роса или дождь на землѣ, точію отъ устъ моихъ* (3 Цар. xvi, 1). Этими рѣшеніемъ Ілія о безводности Богъ всяческихъ не удовольствовался, но исполняетъ рѣшеніе раба, такъ какъ Онъ желалъ его самого, связавшаго облака на безплодіе, разрѣшить отъ несчастія безводности. Но Ілія не внялъ этому примиренію. Иначе Богъ состраждетъ, и иначе человѣкъ ожесточается. Господь желалъ упрямъ жестокаго раба, чтобы онъ далъ на землю дождь по своему слову. Не свойственно Богу просить человѣка; потому, какъ Богъ, Онъ употребилъ другое средство. Какое? Слушай внимательно. При усиливавшемся бездождіи (три года и шесть мѣсяцевъ облака не давали дождя), началъ Ілія пренебрегать жаждою, (и) съ твердостію переносилъ недостатокъ, дѣлая это изъ соревнованія; желалъ (лучше) самъ уничтожиться, чѣмъ примириться съ домоу Ахава. Что же Господь? Онъ тонко поступаетъ со Своими рабомъ—не просить, но говорить: *встань отсюда и иди къ потоку Хораа предъ лицомъ Іордана, и пей воду изъ потока, и враномъ заповѣдаю препитати тя тамо* (3 Цар. xvii, 3, 4). Это сказалъ Господь не съ тѣмъ, чтобы напитать Ілію, но посрамить; не съ тѣмъ, чтобы почтить, но привлечь его къ состраданію чрезъ позорную пищу. Не свойственно было пророку питаться чрезъ вороновъ, и пользоваться мясною трапезою ему, исполнявшему сначала аскетическіе труды. Силень былъ Господь прокормить праведника или черезъ голубей, или чрезъ подачу манны, подобно сынамъ Израіля, или, по примѣру Давида, представить мужа Аввакума съ чечевицей; силень былъ Господь почтенно прокормить Ілію, какъ почтенно Онъ прокормилъ его (въ другой разъ). Когда, убѣгая отъ Іезавели, въ иное время Ілія достигъ пустыни, и въ пустынѣ спалъ, при сильномъ голодѣ и жадѣ—такъ какъ великъ (былъ) путь бѣгства—(тогда) Господь полагаетъ у его головы хлѣбъ и воду, и потомъ толкаетъ его въ бокъ, а не въ другую часть (тѣла). Почему? Слушай внимательно: Онъ толкаетъ его въ бокъ, такъ какъ онъ избѣгъ угрозы бока. И къ нему Господь: *Ілія, востани и яждь, и пей, яко мнози отъ тебе путь*. Вставъ же Ілія и поѣвши и попивши, *иде въ крѣпости яди тоя сорокъ дней и сорокъ ночей* (3 Цар. xix, 7, 8), не какъ голодающій, но какъ насыщенный. Такова богодарованная пища. Итакъ, тамъ достойно прокормившій силень былъ и въ настоящемъ (случаѣ) прокормить его съ неба; но Онъ предоставляетъ ему неподходящую трапезу, чтобы позорнымъ питаніемъ склонить его къ состраданію и жалости. Но онъ оставался непреклоннымъ. Нужно было, чтобы Ілія, услышавъ слова Господа: *пей изъ потока, и враномъ*

заповѣдаю *препитати* *ты тамо*,—припасть, умолять и сказать: *никакоже Господи*, никогда не входило въ уста мои все скверное и нечистое (Дѣян. х, 14). Ты мнѣ предоставляешь вороновъ, коварныхъ для Ноя,—(мнѣ) воспитавшемуся сначала въ аскетическихъ привычкахъ устраиваешь мясную трапезу, какъ язычнику и иноплеменику? Нужно было Илія произнести эти слова, какъ просьбу. Но Илія ничего такого (не сказалъ). Онъ зналъ, что если пожалуется на неподходящую трапезу, Господь ему скажетъ: что ты говоришь, Илія? Не берешься пить грязную воду, когда не позволилъ сойти дождю? Ты опалилъ землю израильскую; не возможно найти каплю воды въ колодцахъ, ни въ источникахъ влаги. Прими, что ты сдѣлалъ! Не берешь мясной пищи отъ вороновъ? Не возможно найти хлѣба, ни колоса, ни травяного овоща, такъ какъ ни дождь, ни роса не упала еще на землю, по твоему заключенію; ничего не возможно найти, кромѣ одного мяса, и то мертвечины, такъ какъ животныя умерли, по недостатку питанія. Что же ты не берешь трапезы твоихъ трудовъ? Чтобы ничего этого не услышать, Илія принялъ неподходящую трапезу. Онъ предпочелъ скорѣе перенести долговременное бездождіе, чѣмъ одолжить дожденоснымъ словомъ. Что же всемудрый Господь? Когда онъ увидѣлъ, что онъ остается при (своей) жестокости, обращается къ иному средству, болѣе сильному, чѣмъ первое. Къ какому? Искушаетъ потокъ, задерживаетъ вороновъ, обращаетъ къ нему голосъ: *иди въ Сарепту Сидонскую; се заповѣдаю жень вдовицѣ препитати* *ты тамо* (3 Цар. хvii, 9). Видишь, какъ старался Господь склонить его къ состраданію? Онъ не послалъ его въ домъ начальнический, или царскій, или къ какой-нибудь зажиточной женщинѣ, но къ недостаточной вдовѣ, чтобы этимъ склонить его къ состраданію. Но онъ и здѣсь остался непреклоннымъ. Ему нужно было, услышавъ слова Господа: *иди въ Сарепту Сидонскую; се заповѣдаю жень вдовицѣ препитати* *ты тамо*,—припасть, воззвать, умолять и сказать: Владыко! Не доводи меня до униженія! Отсылаешь меня къ сидонянамъ, и повелѣваешь мнѣ быть въ тягость женщинѣ-вдовѣ, хлѣбъ которой исполненъ слезъ, трапеза полна стenanій, ложе имѣетъ возглавіемъ проклятіе? Но Илія ничего такого (не сказалъ). Онъ зналъ, что если будетъ отказываться отъ трапезы вдовы, то Господь ему скажетъ:

705 что ты говоришь, Илія? Отказываешься отъ трапезы вдовы (ты), обезплодившій всю землю Израіля, сдѣлавшій ее вдовою, бесплодною и бездѣтною, нерождающею плодовъ,—ты отказываешься отъ трапезы вдовы? Чтобы ничего такого не слышать, Илія тотчасъ отправился въ путешествіе къ сидонянамъ, скорѣе съ радостію, чѣмъ со скорбію. Выслушай и еще. Принятый вдовою, какъ гость, Илія нашелъ нестоющую трапезу, истинную, удобную, аскетическую—воду, olej и муку, и два полѣнца. Только два полѣнца было у вдовы? Да. Почему? Слушай, и я скажу тебѣ. Эта упомянутая вдова изображала собою церковь, по-

чему пророкъ и посылается къ ней. Войдя въ домъ вдовы, пророкъ нашелъ (у нея) поистинѣ залогъ нашей церкви: воду, елей и муку, и два погѣнца; вода—крещеніе, елей—миропомазаніе, мука—хлѣбъ, два погѣнца—подвигъ креста. Илія воскликнулъ ко вдовѣ: сосудъ съ елеемъ не умалится, и водоносъ съ мукою не оскудѣетъ (3 Цар. xvj, 14). Не недостаточна благодать православной вѣры. Итакъ, Илія, нашедши неистощимую трапезу вдовы, обрадовался, возликовалъ, говоря самъ съ собою: здѣсь наконецъ я поживу, здѣсь проведу все свое время; трапезу нашелъ удобную; ничего не значать для меня домъ Ахава, народъ израильскій и безуміе Іезавели; пусть остаются при своемъ жребіи, безводіи; я отсюда не пойду совсѣмъ. Такъ говоря (и) радостно размышляя самъ съ собою, Илія, какъ человѣкъ, не сознавалъ, что въ радости онъ имѣлъ найти скорбь. Вы всѣ знаете, какъ вдова, имѣвшая двухъ законныхъ и единоутробныхъ сыновей, утромъ, поднявшись съ постели, видитъ одного своего сына мертвымъ. Чему свойственно предаваться вдовѣ, подлѣ скончавшагося возростаго сына, всякій изъ васъ знаетъ. Жизнь сына она цѣнитъ выше всякаго богатства въ мірѣ. Женщина не припала, по обычаю, къ мертвому, не хоронила, и не заботилась о выносѣ; но, оставивъ его, подошла къ Иліи, держать его, шумить и кричить при всѣхъ: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій? Вошелъ еси ко мнѣ воспомынути неправды моя, и умертвить сына моего* (ст. 18), т. е., ты его умертвилъ. Видишь, какъ радость Іліи обратилась въ скорбь? Онъ удерживается, какъ убійца, такъ какъ вдова говорила: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій? Вошелъ ко мнѣ воспомынути неправды моя, умертвить сына моего*. Ты его умертвилъ; твой приходъ это сдѣлалъ. Ты не засталъ моего сына больнымъ; не болѣлъ онъ и одного дня; твой приходъ доставилъ смерть сыну моему. Что ты благодаришь меня мукою, когда нѣтъ ядущаго? Отдай мнѣ сына моего; ты его умертвилъ, желая унаслѣдовать домъ мой. Возьми свою муку, и отдай сына моего. Меня кормишь, а дитя мое убиваешь. Буду со своими голодать, а не съ чужими жить въ богатствѣ: *что мнѣ и тебѣ, человѣче Божій? Вошелъ ко мнѣ воспомынути неправды моя, и умертвить сына моего*. Ты умертвилъ сына моего; ты, по моему, какой-то жестокій; твой приходъ не правъ. Расскажи мнѣ, что ты сдѣлалъ? Не бѣжишь ли ты отъ Бога своего? Не совершилъ ли ты дѣлъ Іоны? Ты, по моему, какой-то черствый. Дышешь огнемъ, стремишься къ убійству, влечешь съ собою безводность, сжигаешь пятьдесятъ начальниковъ; мнѣ извѣстны твои дѣла. Не достаточно тебѣ, что ты душишь своихъ единоплеменниковъ, но и сюда пришелъ дѣлать подобное. Надъ многими ты потѣшился, надо мною не потѣшишься; отдай сына моего. Что же Илія? Онъ тотчасъ преклонился, потому что узналъ ударъ Господа. Съ великимъ сѣтованіемъ, какъ побѣжденный, онъ воскликнулъ словами: *увѣ мнѣ Господи, свидѣтелю вдовы, у неяже азъ пребываю, ты озлобилъ еси еже умо-*

706 *риту сына ея* (ст. 20). Твое дѣло; она узнала, Владыко! Вотъ, угнетаюсь вдовою; Ты всегда меня посылаешь къ жесточайшимъ женщинамъ. Иезавели я избѣгъ, и наткнулся на эту. Много испытаній я выдержалъ, а языка этой не могу перенести. Ты сказалъ мнѣ, Владыко: *иди отъ Сарепты Сидонскую; се заповѣдаю жень вдовицѣ препитати тя* тамо. И вотъ она уничтожаетъ, не кормитъ. Я удерживаюсь, какъ убійца, и законно удерживаюсь; при моемъ приходѣ сынъ былъ цвѣтущимъ; какъ онъ сразу преданъ смерти, не знаю. Освободи меня, Господи, отъ этой тяжести; Ты окружилъ меня зрѣлищемъ, облекъ позоромъ, доставилъ великое мученіе. Отдай душу, и я доставлю дождь; удовлетвори вдову, и я орошу страну; оживи отрока, и я стану просить о дарованіи дождя. Это—по поводу раньше сказаннаго воскрешенія Лазаря и возраженія іудеевъ; (именно) иначе Владыка самовластвуетъ, и иначе рабъ воскрешаетъ. Илія воскресилъ мертваго, однако не самовластвовалъ; онъ много былъ огорченъ, мучился и былъ въ угнетеніи. Поэтому, онъ зывалъ въ молитвѣ словами: *увы мнѣ! Гдѣ улы мнѣ*, тамъ скорбь души. Такъ и повсюду найдешь: пророкъ сѣтуетъ и говоритъ: *увы мнѣ, понеже я оставленъ былъ аки собирая славу на жатѣ, и яко пародокъ во обиманіи винограда* (Мих. vii, 1); и опять другой пророкъ: *увы мнѣ, улы мнѣ отъ день, яко близъ день Господень*, и онъ какъ бѣда; еще иной пророкъ: *увы мнѣ*, потому что погибъ онъ отъ земли. Всюду скорбь—*увы мнѣ!* Такъ и Илія здѣсь: *увы мнѣ Господи, свидѣтелю вдовы, ты озлобилъ еси еже уморити сына ея. И дуну на отрочища трижды*. Смотри здѣсь, какъ въ законѣ изображается таинство благодати. Именно — *дуну трижды* обозначаетъ вхожденіе нераздѣльной Троицы. И воззвалъ къ Богу и сказалъ: *да возвратится душа отрочища сего въ онъ: и бысть тако* (ст. 21). Что ты говоришь, іудей? Отнюдь не то Господь (совершилъ), что Илія, ни Илія, что Господь. Господь не склонялъ колѣнъ; не простиралъ молитвы. Всякая молитва къ Нему возсылается; Онъ воскликнулъ только: *Лазаре, гряди онъ*, какъ Владыка, зовущій раба. Что же? Онъ вышелъ, какъ рабъ, послушавшійся Владыки. Онъ вышелъ, не медлилъ, адъ не удержалъ, смерть не воспротивилась, подземныя силы не отсрочили, но скорѣе были поражены. Адъ былъ беззаботенъ, имѣя въ своихъ предѣлахъ, четыре дня, совершенно разложившагося Лазаря, какъ не сколоченный корабль; подземныя силы не помышляли, что Лазарь будетъ извлеченъ изъ преисподней. Когда голосъ Владычній, сойдя во гробъ съ великимъ свѣтомъ, сразу началъ насаждать на головѣ Лазаря волосы, влгать мозгъ въ опустѣвшіе кости, наполнять живую кровію вены,—пораженные подземныя силы кричали другъ другу: кто это зоветъ? Кто это самовластный? Кто это возсоздаетъ разсыпавшійся прахъ? Кто это пробуждаетъ мертваго, какъ отъ сна? Кто разрушаетъ несокрушимыя врата? Кто зываетъ: *Лазаре, гряди онъ*? Голосъ человѣческаго звука, а сила

Божія. Кто это зоветъ? (Это) не человѣкъ; видъ человѣка, а голосъ Божій. Вышлемъ Лазаря, вынесемъ его скорѣе, чтобы не сошелъ сюда, кто его зоветъ, въ случаѣ его замедленія. Начали волноваться мертвые и двигаться. На одномъ потерпимъ, говорятъ, убытокъ, чтобы всѣхъ не потерять. Такъ Лазарь быстро вышелъ изъ адскаго лона, хваля, благословляя и славословя Господа нашего Иисуса Христа. Здѣсь слово свое мы скрѣпимъ печатью: съ финиковыми вѣями выйдемъ на встрѣчу Господу, со словами: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне*. Ему слава и держава во вѣки.

На слова: Фарисее же шедше совѣтъ сотвориша
(Мѡ. хп, 14).

Сколько васъ ни есть учениковъ Илїи, не презрѣвшаго бѣдной 705—706
вдовей трапезы, оставайтесь у насъ. Столъ же скромная словесная трапеза, съ однимъ хлѣбомъ, приготовлена и у насъ; жерновъ Его не мололъ, руки не смгчали и огонь не довершалъ, но Его, какъ цвѣтъ, 707
произвела дѣвственная пашня, безъ плуга и сѣмени крестъ возрастилъ, Отецъ довершилъ и двѣнадцать апостольскихъ копницъ собрали плоды. Этотъ хлѣбъ Марїа родила, церковь восприняла; ежедневно мы Его вкушаемъ, и Онъ не надерживается. Я желалъ бы замолчать, предложивъ вамъ этотъ хлѣбъ на своей скромной трапезѣ; но возни богоборныхъ иудеевъ противъ Спасителя вынуждаютъ говорить даже камни. Чтò мы слышали изъ сейчасъ читаннаго: и вышедши, фарисеи *совѣтъ сотвориша* противъ Иисуса, *како его погубятъ*. И что за причина, изъ-за которой совѣщаются погубить Господа? Что Онъ испѣлялъ въ субботній день человѣка, и въ день покоя сдѣлалъ годною для дѣла бесполезную и сухую руку. О, неразуміе іудейское, не могущее понять, чтò нужно, чтобы правая рука Адама, коснувшаяся древа въ раю и высушенная преступленіемъ, была опять возсоздана ея Творцомъ! Или, чтò нужно было, чтобы правая рука, запятнанная діаволомъ чрезъ пролитіе крови для безбожныхъ идоловъ, была опять простерта къ небу чистому ея Создателемъ! Но они печалятся, когда человѣку оказывается благодѣяніе и спасается душа; учать о субботнемъ покоѣ, а не знать чудотворенія Иисуса. Почему же, фарисеи, вы не печалились, или у васъ не было такой заботы, по поводу Манасїи, когда онъ распиливалъ Исаїю, когда въ жертву демонамъ приносилъ вашихъ сыновей и дочерей, и домы Божїи обращалъ въ идольскія святилища? Почему вы не вошли въ такое совѣщаніе противъ Ирода, когда онъ несправедливо убилъ младенцевъ и осиротилъ матерей; когда можно было видѣть, что младенцы, подобно незрѣлымъ колосьямъ, не имѣющие даже зерна жестокости сердца, не доросшіе даже до перваго пука волосъ, распростерты однимъ

ударомъ меча, убиваются Иродомъ, какъ бы сильнымъ порывомъ града, во время нѣжнѣйшаго молочнаго кормленія; когда на улицахъ и переулкахъ города слышались вопли и стоны совмѣстно мужчинъ и женщинъ—тамъ отцовъ обезумѣвшихъ, (здѣсь) матерей съ распущенными волосами, страшно оплакивающихъ несправедливое избіеніе ихъ незрѣлыхъ дѣтей; когда Вилеемъ обогрился дѣтскою кровью, и молодое вино незрѣлыхъ виноградныхъ кистей смѣшивалось съ горячими слезами родителей; когда лицо отцовъ отъ вопля искажалось, и внутренность матерей надрывалась отъ горя, молочные источники сосцовъ раньше времени иссушались; когда въ материнскихъ грудяхъ дыханіе, спираясь, безпорядочно вырывалось чрезъ поздри; когда глаза отцовъ и матерей были подобны источникамъ воднымъ, и ниспровергали на землю со щекъ серебристыя капли шумно текущихъ слезъ; когда отъ сильнаго безумія женщины рвали себѣ волосы, и въ горестномъ отчаяніи обнажали тѣ, которые нужно было скрывать? Но такъ какъ вы совсѣмъ иначе рассуждаете, то совсѣмъ иначе и дѣлаете: убійцъ и отвѣтственныхъ въ смерти отпускаете, а невинныхъ и праведныхъ наказываете, когда законъ говорить: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. XXIII, 7). О, порядокъ безпорядочный, и законъ беззаконный, который издастъ дьяволъ, пишутъ демоны, іудеи же дониндѣ соблюдаютъ! Какой это законъ—убійцамъ жизнь сохранять, а этого, дарующаго жизнь убитымъ, погублять? Для Вараввы, захваченнаго въ возстаніи и убійствѣ, требовали у Пилата освобожденія, а для Иисуса, оживотворившаго убитыхъ дьяволомъ, требовали распятія: и вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ*. О, рѣшеніе неразумное, и советъ, исполненный безразсудства! Источникъ благъ рѣкою наливалъ ихъ благодѣянія; а они, черпая благодать, изрыгали въ сердцѣ убійственныя советы. У нихъ имѣющіе раны, врачуюсь, освобождались отъ страданій; а они, не имѣя тѣлесныхъ ранъ, мучились, узавляясь завистью. Голодные ихъ питались въ пустынѣ до сытости; а они, при изобиліи вѣры, погибали отъ невѣрія. Вода превращалась въ вино; а они, не вкусивъ вина

708 увлекались, опьяняясь завистью. Они видѣли, что остановился токъ крови у кровоточивой; а они наливали клевету до истощенія себя. Бѣсноватые ихъ приходили въ здравый умъ, освобождаясь отъ демоновъ; а они, движимые завистью, безумствовали хуже бѣсноватыхъ. Ихъ слѣпцы, не имѣя глазъ, просиѣщались; а они, съ глазами, помрачались. У глухихъ, какъ мы сейчасъ слышали, слухъ открывался; а у нихъ въ извилинахъ сердца обдумывались советы убійства. Море, остановивъ свои волны, готовилось къ хожденію по нему Владыки; а ихъ сердце пѣнилось чрезъ уста волнами смертоносныхъ помысленій. Жесточайшіе вѣтры смѣнялись мягкимъ вѣтеркомъ; а они, тѣснимые бурей зависти, шумѣли ненастьемъ креста. О, зависть—корень смерти, хитрая болѣзнь сердца, острѣйшій гвоздь! Какой самый острый гвоздь такъ колетъ,

какъ зависть ранить сердце, въ которомъ она есть? Какая болѣзнь такъ уничтожаетъ красоту лица, какъ зависть иссушаетъ любовь, благоухающій цвѣтъ души? Вода гаситъ огонь, а зависть не прекращаетъ безчисленные источники учителей; одинъ оселокъ счищаетъ желѣзную стрѣлу, а пять камней Давида возбудили еще большую зависть въ Саулѣ. Говорятъ, ящерица зелена, но она не зеленѣе завистливыхъ. Какъ червь сушитъ сердце дерева, нагрызая по частямъ, такъ зависть, съѣдая по частямъ, истребляетъ сердце, которое ею одержимо. И сколько бы мы ни говорили, возлюбленный, о зависти, мы еще не приступили бы и къ началу рѣчи о ея нивости; (этого) не въ силахъ высказать даже языкъ ораторовъ, слово философовъ, реченіе учителей. Полнота законна есть любовь Слова, а полнота убійства есть нивость зависти. О, зависть, корабль осмоленный, адскій, гибельный! Твой владѣлецъ — дьяволъ, кормчій—змѣй, Каннъ—главный гребецъ. Дьяволъ дагъ тебѣ въ залогъ бѣдствія; змѣй, будучи кормчимъ, привелъ Адама къ смертному кораблекрушенію; Каннъ—старшій гребецъ, потому что черезъ тебя, зависть, онъ первый совершилъ убійство. У тебя отъ начала мачтою (служить) райское древо преслушанія, снастями верви грѣховъ, матросами завистники, корабельщиками демоны, веслами хитрости, рулемъ лицемеріе. О, корабль, носитель безчисленныхъ золъ! Если спросишь о лицемеріи, тамъ оно находится; если о коварствѣ, тамъ оно рождается. Тамъ живетъ зависть, вражда, ссора, обманъ, сварливость, ругательство, злословіе, хула, и что только мы ни скажемъ и что ни опустимъ—все это носить адскій корабль зависти. Потопъ не въ силахъ былъ погубить этотъ корабль зависти, но Иисусъ потопилъ его силою Духа, источникомъ крещенія. Въ этомъ кораблѣ были и желѣзные якоря, но расплавились они въ гвозди Христа; въ этомъ кораблѣ была и мачта, но дьяволъ вырубилъ изъ нея крестъ; въ этомъ кораблѣ были и снасти, но ими удавился Иуда. Въ этотъ корабль вошедшіе іудеи, наткнувшись на скалу, потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ, Потому, донинѣ іудеи плаваютъ въ глубинѣ невѣдѣнія. Впрочемъ, которые изъ нихъ въ силахъ ухватиться за Христоносное судно, спасаются; остальные погибаютъ горькою смертію невѣрія. О, если бы, находясь въ глубинѣ, они устремлялись въ кита къ Іонѣ! Можетъ быть, научившись отъ него (Іоны) благочестію о Христѣ, изъ жизни съ нимъ,—были бы выброшены китомъ въ Ниневію. А теперь, смеживъ очи сердца, они ни къ нему не прибѣгаютъ, (хотя) видятъ блескъ благочестія посреди земли и сіяющую вѣру, ни къ проповѣднику покаянія, Іоанну, чтобы жить. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ*. И отошли фарисеи—откуда? Не 709 отъ зависти, но отъ закона. Если бы не отошли они отъ закона, не оскорбили бы Законоположника. И отошли фарисеи—откуда? Отъ закона, который говоритъ: *неповинна и праведна да не убѣжиши*. И отошли фарисеи—откуда? Отъ заповѣди Божіей, просвѣщающей очи сердца:

заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ*. И отошли фарисеи—откуда? Отъ заповѣди, отъ закона, отъ жизни. Кто замышляетъ смерть другому, самъ первый лишается свѣточа жизни. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша*. Писатель не сказалъ—чей (советъ), чтобы подвигнуть насъ укъ къ изслѣдованію. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша*—чей (советъ)? Ясно, что дѣловольскій, челоуѣкоубійцы искони. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ. Како, какими образми?* Камнемъ, мечомъ, огнемъ, или водою? Советники ихъ, дѣволъ, повторяя исконное древо, которымъ онъ умертвилъ Адама, прибѣгаетъ опять къ нему, и советуетъ распять Иисуса Христа на деревѣ. Онъ не зналъ, что это древо имѣло уничтожить древнее преступленіе древа, и пронести жизнь людямъ. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ*. О, злѣйшій советъ, посѣваемый завистью, и завистью изобличаемый! О, тщетный советъ! Они не знаютъ, что Богъ не погубляется. Разрушаютъ скудельный свѣтильникъ тѣла, (но) не могутъ погасить негасимый свѣточъ самого Божества. Вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ*. О, изумительное дѣло, и новая тайна! Пришелъ Иисусъ взыскать и спасти погибшее, а эти ищутъ погубить обрѣтателя погибшихъ. За какую вину, скажите намъ, іудеи, совѣщаетесь противъ Него? Но они стыдятся говорить; мы этотъ стыдъ ихъ всюду разгласимъ. Зачѣмъ, говорятъ, воскрешаетъ мертвыхъ? Зачѣмъ исполняетъ больныхъ? Зачѣмъ хорошо говорить? Зачѣмъ хорошо поступаетъ? Зачѣмъ хорошо учить? За всѣ эти вины они совѣщаются погубить Его. Какъ только дѣти вышли съ вѣями, предвозглашая вѣями побѣду Его, и съ хорошимъ предзнаменованіемъ въ словахъ: *осанна въ вышнихъ* (Мѡ. ххi, 9),—они уязвлялись завистью, (какъ бы) поражаясь стрѣлами; хвалы, кому завидуютъ,—стрѣлы для завистниковъ. Подходятъ къ Иисусу и говорятъ Ему: *слышимъ ли, что сіи глаголютъ* (ст. 16)? И не знали они, что исполнялось написанное пророчески: *изъ устъ младенцевъ и сущихъ совершилъ еси хвалу* (Пс. viii, 8). Когда Іезавель дѣлала вымышленныя письма противъ Навуея, вы охотно это сносили; когда Пилать пишетъ на дощечкѣ дѣльныя письма, вы негодуете и препятствуете писать. Чтѣ они говорятъ? *Не пиши*, что *Царь* 710 *Іудейскій* (Іоан. xix, 21), т. е. *не пиши* истины, пусть никто не воспользуется (ею), пусть никто не будетъ совершенъ въ благочестіи. Они совѣмъ не такъ негодовали противъ плясунѣвъ, пишущихъ драматическія дѣйствія; даже и теперь немного, которые не будутъ слушать демонскаго пѣнія. Относительно ихъ они не печалятся, но мучаются относительно божественныхъ ученій, что записываются. И нѣтъ ничего хуже, что пишутся пустословія Филистіона, а славныя дѣла Иисуса, которыми мы возводимся на небо, не пишутся. Если бы кто-нибудь изъ учителей и былъ несвѣдущъ въ словѣ, однако, когда говорить Божіе, не лучше ли,

чтобы писались его слова, чѣмъ демонскія мнѳологіи алииновъ? Юношамъ полезно воспитываться въ изреченіяхъ богослововъ-учителей, хотя бы и неискусныхъ, (но) благозвучныхъ, имѣющихъ безупречный духъ; а не доходить до безумнаго распутства, занимаясь ученіями демоновъ. *Не пиши.* Почему? Въ чемъ для васъ вредъ? Какого имущества васъ лишаетъ писаніе истины? Иной не досадуетъ на руку, когда усерденъ пишущій; а они въ грудь себя ударили. Хотя фарисеи и говорили это Пилату, и препятствовали ему писать письма истины, однако онъ, будучи язычникомъ, говорилъ имъ: *еже писать, писать* (ст. 22). И къ намъ подходяще это наставленіе, чтобы, когда еретики посовѣтуютъ намъ отступить отъ славы, сказать имъ: что написали, то написали. И вышедши, фарисеи *советъ сотвориша, како его погубятъ.* Узнавъ же Иисусъ, *отъиде оттуду.* Узнавъ—не отъ другого кого узналъ, но самъ по Себѣ зналъ, потому что былъ сердцевидецъ, и есть Тотъ, о Комъ евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *яко не требоваше, да кто свидѣтельствуесть* ему о человекѣ (Іоан. п, 25). Узнавъ же Иисусъ, *отъиде оттуду,* не изъ боязни смерти, но ожидая времени креста. Ему нужно было прежде мертвыхъ воскресить, больныхъ исцѣлить, много голодныхъ насытить, многихъ въ вѣрѣ утвердить,—и тогда войти въ славную смерть, или лучше, въ чертогъ. Ему нужно было прежде поставить таинственное древо креста,—и тогда съ горящимъ духомъ спуститься къ находящимся въ адѣ. Узнавъ же Иисусъ, *отъиде оттуду.* Гдѣ коварство не обнаруживается, туда Онъ спѣшитъ; гдѣ убійство устраивается, оттуда Онъ удаляется; гдѣ любовь силеется, тамъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи пребываютъ. Итакъ, сплетемъ, возлюбленные, эту тройную любовь, не обманчивымъ языкомъ, но дѣятельными руками, чтобы съ нами былъ Эммануилъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О блудницѣ и фарисеѣ.

Сегодня фарисеи позвалъ Владыку на обѣдъ, смѣшавъ честь съ 709 поношеніемъ; а блудница угостила его вѣрою. Когда онъ былъ въ домѣ Симона, вотъ (входить туда) жена-блудница (Лук., vii, 37). Безумное зрѣлище: жена-блудница въ городѣ—(все равно что) война въ стѣнахъ, не желѣзная стрѣла; она приманка юношей, оселокъ влеченія, пробужденіе страсти, барышничество тѣломъ, бесполезная торговля, вредное предпріятіе, удружающее смертью продавца и покупателя, сѣтъ юности, не скрытая западня. Глаза блудницы—западня для грѣшниковъ; (она) залогъ распутства, самопродавица, порабащующая покупателей, многоглавая львица, зловоніе города, язва, распространяющаяся по всѣмъ чувствамъ, удочка для глазъ, круговая смерть, рынокъ убытка, страсть

погибели, запахъ смерти, многогнойная рана. *Се жена во градъ*—это язва обитателей, насильница брака, потеря чести, борьба мужей и женъ, трапеза, требующая худыхъ издержекъ, опустошеніе кошельковъ, трата имуществъ, гибель трудовъ, точило для наслѣдниковъ, на которомъ давящіяи веселятся, топча собственную наготу. *Се жена во градъ, яже бѣ грѣшница*. Но грѣшница та прибѣгла къ Справедливости, и истребила свои грѣхи, какъ тернія во огнѣ. Лѣсная чаща стала раемъ, лъвица агницею, зловоніе миромъ, гибель сокровищницы, ворона голубицей, блудница дѣвой, сестрою Христа, невѣстою Слова. Она, ученица кровоточивой, ставъ позади Іисуса, оросила слезами (Его) ноги, отерла волосами, цѣловала и помазывала драгоценнымъ миромъ. Всеоружіе грѣха она принесла къ Царю, прося мира; и всеоружіе зла положила у ногъ Владыки. Какъ нѣкогда она доводила многихъ до страсти вынужденными слезами, такъ теперь разрѣшила самое себя истинными слезами, робкимъ взглядомъ на Владыку; (нѣкогда) злокозненно сплетала волосы и непристойно поднимала ихъ въ видѣ башни, (теперь) отерла волосами, какъ тонкимъ полотномъ, ноги Христовы, не убѣлая Владыку, но освящая самое себя. Она исповѣдалась своими волосами, сколькихъ, уловивъ ими, она предала смерти. И миромъ мазала многоцѣннымъ (Лук. vii, 39). Зачѣмъ? Нѣкогда, помазуясь миромъ, она многихъ загрязнила; подобно и злоупотребленнымъ ароматами обратила своихъ любовниковъ въ чуткихъ собакъ. Теперь, хорошо воспользовавшись миромъ и принесши миро къ Истинному, она смыла съ себя сатанинскія помазанія. Когда Господь принялъ ее за это дѣло, Симонъ заворачалъ, ставъ испытателемъ Владычней благодати. Говоритъ ему Владыка: Симонъ! Ты для чести Меня позовалъ, и не почтилъ Меня, чего Я не ожидалъ. *Два должника бѣста заимодавцу нѣкому* (ст. 41). Ты и она—не должники Мои (только), ни обязанные (только), но должники—обязанные, отвѣтственные вдвойнѣ: получивъ и заемъ природный и капиталъ закона, въ томъ и другомъ потеряли вѣру у своего Благодѣтеля. *Единъ бѣ долженъ динаріевъ пятьсотъ*—это ты, фарисей, имѣющій грѣховъ противъ души больше, и особенно тяжкихъ: *яко мытари и любодѣйцы варяють вы отъ царстѣи Божіи* (Мѣ. xxi, 31). *Другій же пятьдесятъ*—въ этомъ отвѣтственъ образъ жизни блудницы. *Не имущема има воздати* (Лук. vii, 42) совершеніемъ добрыхъ дѣлъ, онъ простилъ имъ обоемъ долгъ; получивъ вѣру, разорвалъ рукопись. Скажи, который его *паче возлюбитъ* (ст. 42)? Тогда фарисей: *мню, яко емуже вѣщши отда* (ст. 43). И онъ, отвѣтственный, сдѣлался судьей самого себя, и обрѣлъ въ Владыкѣ хвалителя: *право судилъ еси* (ст. 43). Слушай дальше: *видиши ли сію жену* (ст. 44), задолжавшую меньше тебя и доставившую больше гостепріимства и даровъ? Видишь эту жену, бывшую погибелю для многихъ? (Видишь) одушевленный гробъ, круговую смерть? *Внидохъ въ домъ твой* (ст. 44),—вода дешева и всѣмъ доступна, (а) ты не при-

несъ ея для Моихъ ногъ; эта же принесла на Мои ноги источникъ слезъ. *Лобзанія ми не далъ еси* (ст. 45),—она же прильнула своими устами къ Моимъ ногамъ. *Масломъ главы моея, какъ помилованный Мною, не помазалъ еси* (ст. 46),—она же помазала Мнѣ тѣло миромъ, божество—вѣрую. *Егоже ради, глаголю ти: отпущаются ея грѣси мнози* (ст. 47), чтобы исполнилось сказанное въ псалмѣ: *оставилъ еси беззаконія людей твоихъ* (Пс. lxxxiv, 3), и проповѣданное Іоанномъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. i, 29). Ему слава во вѣки. Аминь.

На вознесеніе Господа нашего Иисуса Христа.

Изобрѣтательность грѣха измѣнилась въ изобрѣтательность противъ 711 грѣха. Средство грѣха—крестъ, и облеченіе смертью негрѣховнаго тѣла; но крестъ сдѣлался орудіемъ распятой плоти для восхожденія на небо, и сказанное о грѣхѣ измѣнилось. Раньше Павелъ проповѣдывалъ: *вынужденъ же пріемъ грѣхъ заповѣдію* (Рим. vii, 8), обманулъ меня, и чрезъ нее убилъ; а теперь орудію пристойно слово оправданія: оправданіе, воспользовавшись поводомъ грѣха, обмануло его и убило. Это, изумивъ Павла, вызвало въ немъ восклицаніе: *велия есть благочестія тайна* (1 Тим. iii, 16). Воскресеніе и рожденіе безсмертной жизни сокрыто въ крестѣ; Царь рождаетъ людямъ безсмертіе, возсіявшее изъ ада. Поистинѣ, (это) величайшая тайна! Какъ ее можно узнать? *Явился во плоти*. И что это за явленіе? *Оправдася въ Духъ* (ст. 16). Какое доказательство оправданія? *Показася ангеломъ*. Ангелы узнали достоинство явившагося; подошли и служили Ему. Предсказатели оправданія достовѣрны, Павелъ, и почитаютъ могущество Христа; покажи, однако, людямъ знакъ той силы. *Проповѣданъ бысть во языцехъ* (ст. 16). Разнеслось слово, говорящее о Его божествѣ, когда препятствовали ему отовсюду; распространилась проповѣдь, которая задерживалась. Что же—вслухъ проповѣдуемое и проповѣданное было для выслушавшихъ язычниковъ болтовнею? *Проповѣданъ бысть и вѣровавъ въ міръ*. Потомъ, чтобы показать безпрепятственность (для Него), послѣ этой вѣры, говорить: *вознесся во славу* (ст. 16). Проповѣдана сила церкви, или лучше, устои всей вселенной. Общая защита человѣческой природы—это сегодня вознесенное человѣчество; отсюда наказанія мягче. Разсмотри древнія наказанія людей Богомъ, и ты найдешь, что вознесеніе общепользительно. Адамъ, преткнувшійся однимъ грѣхомъ, былъ отвергнутъ; Каинъ былъ осужденъ на продолжительный трепетъ; небо одождало огонь, чтобы выжечь Содомъ, какъ гниль земли; въ столбъ превратилась женщина, нарушившая законъ бѣгства. Какая разница для народа, послушай изъ Писанія, рассказывающаго какъ бы въ плачевной пѣснѣ: *искусилъ Бога, и отъ змій*

погибоша; ропташа, и погибоша отъ всегубителя; соблюдиша, и падоша во единъ день двадесять три тысячи (1 Кор. х, 8, 9, 10). Дадѣ Господь смерть во Израили отъ утра и до часа обѣдняго, и умроша семьдесятъ тысячъ мужей (2 Цар. xxiv, 15). Рассказывать ли мнѣ для тебя тогдашнія предложенія Божіи царю? Вотъ что говорить Господь: *избери себѣ три лѣта глада на землю, или три мѣсяцы враги твои будутъ гоняще тя, или три дни смерти отъ земли твоей* (ст. 13). Трогательно рассказываютъ эллискіе писатели о несчастіи древнихъ временъ—чрезмѣрности наводненій, крайности истребленій огнемъ, многолѣтніи голодовъ, общенародной гибели отъ землетрясеній, пролитіи единоплеменной крови, волнахъ непрерывныхъ войнъ.

- 712 Не было тогда мира въ состязаніяхъ съ небомъ и землею ни у эллиновъ, ни у варваровъ, ни у іудеевъ. Ждали умиротворителя между горнимъ и дольнымъ, посредника, о Которомъ Павелъ говоритъ: *той есть миръ нашъ, разорившій вражду плотию своею* (Еф. ii, 14). Сколько теперь (людей) распутіе содомлянъ, и воздухъ не изливаетъ на нихъ огня, какъ раньше! Приняла (земля) пришедшаго съ миромъ посредника, и Онъ принесъ милость роду человѣческому. Сколько—негодѣе рода при Ноѣ, и небо не смываетъ ихъ потопомъ! Сколько—болѣе звѣрскихъ, (чѣмъ) духъ Канны, и Богъ не мститъ имъ (мestью) Канны! Всякій разъ, какъ раздражится Онъ нами, примиряется, увидѣвъ Начатокъ, Сопрестольника; когда разгнѣвается на безчинствующихъ внизу, старается не смотрѣть (на нихъ), глядя на безупречное челоуѣчество по правую сторону; когда возбудится гнѣвомъ противъ лукавнующаго рода внизу, вверху сосѣдѣющій сородникъ рода смягчаетъ Его духъ. Павелъ выражаетъ это словами: *Христосъ есть одесную Бога, и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. viii, 34), не какъ судимый,—потому что Христосъ вшелъ въ царство,—не по собственной природѣ, но самое вознесеніе Начатка Павелъ представилъ въ видѣ ходатайства, дающаго примиреніе. О, ужасно для демоновъ сегодняшнее зрѣлище! Они видѣли ужасное зрѣлище: повидимому, челоуѣческая природа совершаетъ воздушный путь, восходитъ выше ихъ, становится выше неба. Они сѣтовали, ангелы же, представъ ученикамъ, восклицали: *сей Иисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, и мже образомъ видѣте его идуща на небо* (Дѣян. i, 11). Этимъ удостовѣряется тайна вознесенія. Ученики оставались въ изумленіи и съ напряженнымъ взоромъ на небо; когда же плоть стала по-немногу выше зрѣнія, они поколебались помыслами о безпомощности. Нигдѣ, говорятъ, не видно тѣла; можетъ быть, это просто вознесеніе образа; можетъ быть, это зрѣлище фантазіи; можетъ быть, мы подверглись заблужденію зрѣнія; или мы не ошиблись, но тѣло, можетъ быть, разрѣшилось въ воздухъ, и не имѣетъ (теперь) природы, чтобы видѣть его земнымъ. Съ такою безпомощностію смотря на небо, они вдругъ услышали ангеловъ: *мужіе Галилейстїи, что стоите зряще*

на небо (ст. 11)? Чего желаетъ вашъ слишкомъ усердный взоръ? Почему изумленно смотрите на небо? Чего все ищете въ небѣ? Облако унести Іисуса. Увидить ли Его кто-нибудь опять въ тѣлѣ? Будьте крѣпко увѣрены въ томъ и другомъ. Если и теперь Онъ вознесся на небо, то и опять придетъ, *имже образомъ увидите его идуща на небо*. Но да не напрягается слишкомъ языкъ; ослабимъ усталую кнелару словъ; будемъ слушать и остальные кнелары; да прославляется вознесеніе многостыннымъ пріивѣтствіемъ; да поетъ сегодня сообща весь родъ человѣческій: *велика есть благочестія тайна: показася ангеломъ, вѣровався отъ міръ, вознесся во славу*. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На преображеніе Спасителя.

Идите, возлюбленные, негнѣстно воспользуемся сегодня евангель- 713
скою сокровищницею, чтобы почерпнуть оттуда по обычаю богатство, обильно удѣляемое и никакъ, никогда не истрачиваемое; идите къ все-мудрому, прекрасному путеводителю, и снова послѣдуемъ за Лукою, чтобы видѣть Христа восходящимъ на высокую гору и берушимъ въ свидѣтели Своего божественнаго преображенія Петра, Іакова и Іоанна. *Поемъ* Петра съ товарищами, *на гору высокую* взошелъ Господь (Лук. ix, 28; Мѣ. xiv, 1). Высока гора, на которой Моисей и Ілия разговаривали со Христомъ; высокая гора, на которой законъ и пророки бесѣдовали съ благодатію; высокая гора, на которой (былъ) Моисей, заклавшій пасхальнаго агнца и окропившій его кровію дверные косяки евреевъ; высокая гора, на которой (былъ) Ілия, разсѣкшій на части вола (и) истребившій жертву огнемъ чрезъ воду; высокая гора, на которой (былъ) Моисей, открывшій и заключившій Черное море; высокая гора, гдѣ узнаютъ Петръ (и его товарищи), что Онъ есть Тотъ, предъ Которымъ преклонится все небесное, земное и преисподнее (Филип. ii, 10). Онъ трехъ только взялъ; не всѣхъ взялъ, не всѣхъ оставилъ, не позавидовалъ остальнымъ въ славѣ, не счелъ болѣе ничтожными, потому что Онъ праведенъ и все справедливо устрояетъ; думая обо всѣхъ, Онъ объединилъ ихъ, не участвующихъ, во взаимной любви между собою. Такъ какъ имѣющій сдѣлаться предателемъ Іуда былъ недостоинъ того божественнаго видѣнія и ужаснаго явленія, то изъ-за этого Онъ не беретъ и остальныхъ, чтобы у него, какъ одного оставленнаго, не было впослѣдствіи защиты; беретъ съ собою трехъ свидѣтелей преображенія, достаточныхъ по закону, а по душѣ носящихъ у себя и остальныхъ. Самъ говоритъ: соблюдаи ихъ, Отче праведный, чтобы и они были одно, какъ и Мы одно (Іоан. xvii, 21). Іуда, видя, что подлѣ горы пребываютъ съ нимъ Андрей, Фома, Филиппъ и остальные, что не ропщутъ, не негодуютъ, не порицаютъ, но радуются и совмѣстно признаютъ горнюю благодать для самихъ себя и для всѣхъ,—

былъ совершенно безотвѣтенъ, (какъ) никогда ни въ чемъ чудесномъ непрезрѣнный. Но у него былъ кошелекъ, и онъ безвинно оговорилъ жену съ миромъ, и дерзко предалъ Учителя врагамъ. И что же говорится (въ евангеліи)? *И преобразися предъ нами, и явистася Моисей и Ілія глаголюща съ нимъ* (Мѣ. хѳ, 2, 3). Петръ, какъ всегда во всемъ пылкій, урвѣвъ очами ума разговаривающихъ съ Нимъ, которыхъ никогда не зналъ, не вдумавшись много въ чудо, не вдумавшись въ неожиданность божественнаго блистанія, называлъ пустынное мѣсто прекраснымъ, изъ рыбака сталъ дѣлательемъ палатокъ, когда взывалъ къ Спасителю: *созоримъ здѣсь три сѣни, одну тебя, и одну Ілія, и одну Моисею, не отдыи*, что говорить (Лук. іх, 33). Но, о, верховный и первый изъ учениковъ Петръ! Зачѣмъ увлекаешься низкими мыслями, и помыслами человѣческими безчестишь божественное, и говоришь, чтобы воздвигнуть три (сѣни) въ пустынь? Въ одной чести съ рабами ты считаешь Владыку? Желаетъ (сдѣлать) Христу одну палатку, и этимъ двоимъ по одинаковому жилищу? Ужели отъ Святаго Духа зачать Моисей, подобно Ему? Ужели дѣва родила Ілію, какъ Его всесвятая Дѣва Марія? Ужели младенецъ во чревѣ узналъ Моисея, какъ Его Предтеча? Ужели небо объявило о рожденіи Ілія? Или волхвы поклонились спеленатому Моисею? Ужели Моисей и Ілія столько совершили чудесъ? Или изъ человѣческой пещеры изгоняли духовъ? Моисей нѣкогда разгнѣвался и, ударивъ жезломъ, перешелъ море; а твой Учитель, Іисусъ, путешествуя по морю съ Отцомъ, сдѣлалъ пучину проходимою. Ілія, помолившись, умножилъ мукѣ вдовицы и воскресилъ изъ мертвыхъ ея сына; а взявшій тебя въ ученики изъ рыбаковъ немногими хлѣбами напиталъ тысячи, а въ опустошилъ и восхитилъ отъ вѣка спящихъ. Поэтому, не говори, Петръ: *созоримъ здѣсь три сѣни, ни—добро намъ здѣ быти*, (не говори) ни человѣческаго, ни низкаго, ни земного, ни пошлаго; о горнемъ думай, горнее изслѣдуй, какъ объявилъ Павелъ, не земное. Почему пре-

714 красно намъ быть здѣсь, гдѣ змѣй, обезчестивъ первозданнаго, причинилъ вредъ и рай заключилъ, гдѣ мы слышали, что (нужно) ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица, гдѣ мы узнали, что (нужно) сѣтовать и трепетать на землѣ за преслушаніе, гдѣ все тѣнь, гдѣ все исчезнетъ мгновенно? Почему прекрасно намъ здѣсь быть? Если здѣсь насъ Христосъ оставилъ, то для чего Онъ пріобщился плоти и крови? Если здѣсь насъ Христосъ оставилъ, то для чего Онъ сошелъ къ падшему, и лежащаго поднималъ? Если прекрасно быть на землѣ, то напрасно былъ позванъ небесный ключеносецъ. Въ чемъ, наконецъ, польза небесныхъ ключей? Такъ какъ ты желаешь этой горы, разстанься впредь съ небомъ; если хочешь воздвигнуть палатки, откажись быть основаніемъ церкви. Христосъ преобразился не напрасно, но чтобы показать намъ будущее преображеніе природы, будущее спасеніе, второе пришествіе на облакахъ съ голосомъ архангельскимъ. Онъ есть Самъ, одѣвающийся свѣтомъ, какъ

одеждою, судія живыхъ и мертвыхъ,—почему Онъ вызвалъ Моисея и Ілію, чтобы взору древнихъ представить эти знаки. И что говорить великій писатель? *Еще ему глаголющу, се облакъ светель остни ихъ: и се гласъ съ небесъ глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ: того послушайте* (Мѡ. хѳ, 5). Еще во время рѣчи Петра отвѣтилъ Отецъ. О чемъ ты, Петръ, говоришь, какъ о прекрасномъ, не зная, что говоришь? Ты не былъ еще наставленъ, и нетвердо зналъ сыновство, когда говорилъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѡ. хѳ, 16). Ты, варъ Іона и Симонъ, видѣлъ столько чудесъ! Я тебя поставилъ ключеносцемъ небесъ, а ты еще не сложилъ съ себя одежду корабельщика. Вотъ третій разъ ты противишься волѣ Спасителя, говоришь, не зная что. Онъ сказалъ тебѣ: *подобаетъ мнѣ пострадати*, а ты говоришь: *не имать быти тебѣ сіе* (Мѡ. хѳ, 21, 22). Онъ сказалъ опять: *вси вы соблазнитесь*, а ты говоришь: *аще вси, азъ же не соблазнюся* (ххѳ, 31, 38). Вотъ и теперь ты желаешь воздвигнуть палатку Христу, вмѣстѣ со Мною основавшему землю, вмѣстѣ со Мною установившему море и укрѣпившему твердь, зажгшему зѡри, и все со Мною устроившему прежде вѣковъ,—Тому, Кто изъ Меня,—палатку Тому, Кто во Мнѣ и съ вами,—палатку Адаму безъ отца,—палатку Богу безъ матери,—палатку вѣявшему палатку, дѣвическую утробу, которую избралъ для Себя. Такъ какъ ты желаешь воздвигнуть три палатки, не зная, что говоришь, то Я, воспользовавшись свѣтлымъ облакомъ, соблювъ палатку и присутствующихъ, восклицаю съ высоты: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ*. Не Моисей и Ілія, но Этотъ; не тотъ или другой, но Этотъ; одинъ и именно Онъ. Котораго Я одобрилъ,—Его вы слушайте. Моисея Я оправдалъ, но Этого одобрилъ; Ілію Я взялъ, но Этого послалъ изъ Дѣвы въ самое небо: *никтоже възиде на небо, токмо сшедшій съ небесе* (Іоан. ІІІ, 13). Онъ сошелъ на землю, уничтожилъ Себя, принявъ образъ раба. Если Онъ не сдѣлался что мы, оставаясь чѣмъ былъ; если не претерпѣлъ креста у насъ и для насъ и не купилъ міръ собственною кровію,—то напрасно домостроительство, и древнія изреченія пророковъ не тверды. Но перестань, Петръ, и не думай о человѣческомъ, а о Божіемъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ: того послушайте*. Дважды Я воспользовался этимъ голосомъ относительно Его: при васъ, на этой горѣ, и при Іоаннѣ, на рѣкѣ Іорданѣ. Древній пророкъ понинѣ говорилъ объ этомъ голосѣ, когда восклицалъ: *Гаворъ и Ермонилъ о имени твоемъ возрадуется* (Пс. 1хххѳ, 13). О какомъ имени? *Сей есть Сынъ мой возлюбленный*. Онъ даровалъ Ему имя выше всякаго имени. Но ты, возлюбленный, спросишь, конечно: что значить—*Гаворъ и Ермонилъ о имени твоемъ возрадуется*? Учися же. Гаворъ—это гора, гдѣ по желанію преобразился Христосъ, и отъ Отца былъ засвидѣтельствованъ Сыномъ, какъ сейчасъ вы слышали. Ермонилъ—гора малая въ іорданской землѣ, откуда былъ вознесенъ Ілія, и

- близъ которой, въ струяхъ Іордана, крестился по Своей волѣ Христось, и былъ засвидѣтельствованъ отъ Отца Сыномъ. На этихъ двухъ горахъ
- 715 непорочный Отецъ, утверждая сыновство, и тогда и теперь вторично восклицаетъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволить: того послушайте.* Слушающій Его и Меня слушаетъ; и кто постыдится Его и Его словъ, и Я того постыжусь во славѣ Моей и святыхъ ангеловъ.
- 716 Слушайте Его непритворно, простоудшно, безгранично, съ вѣрою изслѣдуя, а не языкомъ измѣряя, съ вѣрою принимая, а не взвѣсивая Слово словами. Павелъ проповѣдникъ, обуздывая суетнаго и уча всему несомнительно, восклицаетъ: *о, глубина богатства и прамудрости и разума Божія! яко неиспытани судове его, и неисследовани путіе его* (Рим. хі, 33). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ваіяхъ.

- 715 Уже дары духовнаго торжества сіяютъ, уже есть знаки всеславнаго праздника, уже есть вѣсти о невещественномъ женихѣ, уже Лазарь возлежитъ съ Господомъ, получивъ залогъ всеобщаго воскресенія, уже дарственное миро исполняетъ благовопія приходящихъ къ крещенію, уже вѣрные стражи Царя взяли этотъ великій городъ, уже вѣрный народъ, выбѣжавъ на встрѣчу Господу, взываетъ словами: *осанна въ вышнихъ*, какъ сейчасъ мы слышали, *благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ* (Іоан. хп, 13); *благословенъ идущій, всегда идущій, съ нами сущій, и вѣ върныхъ стіудъ не бывающій.* Дѣйствительно, народъ тотъ узналъ царскую силу и пришествіе. Какъ теперь, когда земной царь совершитъ походъ противъ тирана, и возвращается съ побѣдою, всѣ граждане встрѣчаютъ его предъ городомъ съ цвѣтами, оплачивають за побѣду хвалебными пѣснями, сплетая похвалы,—а влечетъ ихъ къ этому не любовь къ славѣ, но побѣдная пѣсня и желаніе (прославить),—точно такимъ же образомъ и къ Владыкѣ Христу, какъ царю—трофееносцу, (вышло на встрѣчу) все множество и объявляло словами и ваіями, что прибывшій есть побѣдитель, или лучше, познаваемый есть Богъ. Только для Бога (были) тогда стройно раздававшіеся голоса, и для разумныхъ обнаруживались божественныя тайны: *осанна въ вышнихъ*, т. е., спаси Ты, Который въ вышнихъ. Такъ объясняется на еврейскомъ языкѣ—*осанна въ вышнихъ*: вверху спасеніе, а внизу человеколюбіе. О, богознаніе народа, участника въ ангельскомъ служеніи! Ступаютъ по землѣ и восходятъ на небо, обложены тѣломъ и слѣдуютъ за безтѣлесными, іудеи по названію и христіане по дѣланію, мірскіе по образу жизни и апостольскіе по исповѣданію: и они, какъ Петръ, свѣше получили откровеніе. Какъ верховный изъ апостоловъ не по собственному размышленію, но по божественному откровенію говорилъ Господу: *ты еси Сынъ*

Бога живаго (Мѡ. хvi, 16), и Господь, показывая, что онъ не по собственнымъ помысламъ, но отъ Отца получилъ откровеніе, говорилъ, убажая его: *блаженъ еси Симоне варъ Иона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесахъ* (ст. 17),—такимъ же точно образомъ и народъ, свыше принявъ откровеніе, зывалъ къ Господу словами: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ*. Но вполне естественно сказать: какое и откуда у насъ доказательство, что этотъ іудейскій народъ свыше получилъ откровеніе? Итакъ, чѣмъ мнѣ для васъ доказать? Самыми словами Господа: *видѣше архіереи и книжницы отроки зовуща отъ церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша, и рѣша Иисусу: слышиши ли, что сіи глаголютъ? Иисусъ же говоритъ имъ: ей, кѣсте ли чли николиже: изъ устъ младенецъ и сеущихъ совершилъ еси хвалу* (Мѡ. хxi, 15, 16)? И не только словами Господа, но и неожиданнымъ стеченіемъ народа, встрѣчею и дѣлами, которыя онъ совершалъ,—тѣмъ, что не только кричали, но и держали въ рукахъ сломанныя вѣтви маслинъ и финиковыя ваи, подстилали свои одежды и называли Спасителемъ, Царемъ и Господомъ,—откуда всякому ясно, что они свыше получили откровеніе. Если они не получили свыше, то откуда узнали Царя-Господа? Онъ не носилъ діадемы мірскаго царя, не одѣвался въ пурпуровое платье, не окружалъ Себя множествомъ войска, Ему не предшествовали кони съ колесницами и щиты, украшенные золотомъ, Онъ не ѣхалъ на царской колесницѣ, 716 устланной пурпуровыми коврами, но сидѣлъ на чужомъ небольшомъ жеребенкѣ, сопровождался только двѣнадцатью учениками. Откуда узналъ народъ, что Онъ Царь, если не свыше получилъ откровеніе? Они не искали на Господѣ мірской діадемы, потому что узнали въ Немъ безначально царствующаго; не искали пурпуроваго платья, потому что созерцали Его одѣвающимся свѣтомъ, какъ одеждою; не видѣли окружающаго множества воинновъ, повѣривъ пророку, сказавшему: *тмы темъ служашу ему*, и тысячи тысячъ архангеловъ *предстояху ему* (Дан. vii, 10); не искали они всадниковъ и колесницъ, такъ какъ узнали, что Онъ есть взявшій Илію на огненной колесницѣ; и евангелистовъ они узнали, подобно конямъ, сопровождавшихъ Его, повѣривъ сказавшему пророку. Объ этомъ Захарія сказалъ, что позади Его кони бѣлые, рыжіе, пестрые и сѣрые (Зах. vi, 2, 8). Бѣлый конь—Маттѣй, какъ изложившій весьма ясно воплощеніе Господа; сѣрый конь—Маркъ, который написалъ евангеліе очень цѣтисто; пестрый конь—Лука, какъ изложившій дѣла Господа весьма краснорѣчиво и разнообразно; рыжій конь—Іоаннъ, показавшій между апостолами божество Христа, какъ блескъ огня: *отъ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. i, 1). И пророкъ Аввакумъ называлъ апостоловъ конями быстрыми, разнесшими по всей землѣ евангеліе: *и навелъ еси на море кони твоя* (Авв. iii, 15); моремъ онъ образно называлъ весь міръ. Они не искали у Господа повозки, укра-

шенной камнями, устланной порфирую, съ царскимъ оружіемъ; они раньше знали, что повозка (Его) устремляется херувимами и серафимами, шестикрылыми свѣточами, такъ какъ повѣрили словамъ: *сѣдай на Херувимъхъ явися* (Пс. lxxix, 2). Итакъ, получивъ отъ Бога откровеніе, тотъ вѣрующій іерусалимскій народъ не соблазнился ничтожнымъ жеребенкомъ, но укрѣпился пришествіемъ Владыки. Поэтому, какъ только они увидѣли, что Господь сѣлъ на жеребенка, тотчасъ, побужденные пророческими предреченіями, взявъ финиковыя ваія, говорили другъ другу: чего мы ждемъ, и не выходимъ на встрѣчу съ финиковыми ваіями къ духовному финику? Плодъ его полонъ сладости и безсмертія; листья его—врачество вселенной; стволъ его, т. е., древо креста—спасеніе всего міра и трофеи побѣды надъ діаволомъ. Мы слышали, что наша церковь вызываетъ въ Пѣсняхъ Пѣсней: *звѣзду на финикъ, удержу вѣтви его* (Пѣсн. vii, 8). Опередимъ церковь изъ язычниковъ, и будемъ приветствовать, какъ духовнаго финика и какъ царя сильнаго. Во время этой рѣчи народа, дѣйствій и прославленій (имъ) Господа, архіереи и фарисеи, сильно огорчившись, порицали народъ словами: что вы дѣлаете, что легкомысленно пустословите? Какъ къ Богу, къ сыну плотника подходите съ ваіями; Господомъ называете не имѣющаго гдѣ склонить голову; окружаете царскими криками сидящаго на ослиномъ жеребенкѣ. Не у насъ ли Его отецъ и Его мать? Перестаньте, легкомысленные! А если нѣтъ, вы будете наказаны. На то мы посланы, чтобы замѣчать между вами легкомысленныхъ, отплачивающихъ наказаніемъ за дерзость. Народъ, услышавъ эти слова архіереевъ, не устремляется къ возмущенію, но отвѣчаетъ имъ по дѣйствующей благодати: порицаете насъ, фарисеи, и угрожаете намъ наказаніемъ, точно произносящимъ богохульство! Кто достоинъ наказанія: вы, читающіе Писаніе и не размышляющіе, или мы, слушающіе и соблюдающіе? Мы обманываемся, принося Господу финиковыя ваія? Не Онъ ли есть финикъ правды? Не о Немъ ли восклицалъ пророкъ: *праведникъ яко финикъ процвѣтетъ* (Пс. xci, 18)? Не Онъ ли далъ прозрѣніе слѣпымъ? Не даровалъ ли Онъ безпрепятственнаго бѣгання хромымъ? Не заставилъ ли нести постель, принесшую разслабленнаго? Не воскресилъ ли изъ мертвыхъ четырехдневнаго Лазаря? Не за это ли вы совѣщаетесь убить Лазаря? Не вы ли отвергли камень, я сами, какъ камень, косите въ невірїи? Не вамъ ли Онъ предоставилъ развязать погребальныя пелены, чтобы вы не лжесловили другъ за другомъ, какъ при слѣпцѣ отъ рожденія, будто онъ выскочилъ изъ гроба? Всегда вы, фарисеи, клеветеете на прекрасное и противитесь вполне вѣрующему. Поэтому, вы уговорились Лазаря убить, чтобы истребить вѣру народа. Если убьете Лазаря, то—что же—не можетъ Онъ опять его воскресить? Посмотримъ кто устанетъ—вы въ убійствѣ, или Онъ въ воскрешенїи. Вы дѣломъ и съ трудомъ убиваете, (а) Онъ словомъ воскрешаетъ. Кто болѣе утомляется? Слово не легче ли дѣла? Обманываемся ли мы, фари-

сси, что подошли къ Господу, какъ къ Царю? Созерцаѣ жеребенка, мы болѣе укрѣпляемся. Мы узнаемъ Царя сильнаго, и у насъ есть подъ рукою Писаніе, чтобы вы разумно научились, что не мы обманываемся, но вы заблуждаетесь. У васъ есть пророкъ Захарія; разверните его слова; побойтесь его серпа мщенія; за много времени, благовѣствуя Іудеѣ, онъ восклицалъ: *радуйся зѣло, дщи Сіона: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ и тихій, есѣдъ на жеребенка ослинаго, сына подъяремника* (Зах. ix, 9). Мы не ошибаемся, читая Писаніе: узнаемъ Царя, благодѣтельствуемъ самимъ себѣ и сомнѣвающимся обращаемъ. У васъ есть пророкъ, и вы не желаете думать надъ его пророчествомъ. Итакъ, отступите, фарисеи! Насколько вы насъ тѣсните, настолько болѣе возбуждаете наше желаніе и ревность. Поэтому, мы не заблуждаемся, когда взываемъ: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне*. Мы знаемъ это имя, фарисеи! Это имя освободило насъ изъ Египта, сдѣлало для насъ море проходимымъ, пустыню населило и поселило насъ въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ, приготовило пророческое восклицаніе: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь, ты единъ Вышній по всей земли* (Пс. lxxxii, 19). Что народъ послушенъ, а архіереи непокорны, слушай евангелиста: *и соотѣщаша архіерее, да и Лазаря убіютъ: яко мнози его ради идяху отъ Іудей, и въроваху во Іисуса* (Іоан. хп, 10). Видишь архіерейское безуміе? Чтобы уничтожить вѣру народа, они старались и Лазаря убить, говоря сами себѣ, что если Іисуса только мы убьемъ, а Лазаря оставимъ въ живыхъ, то никакой намъ нѣтъ пользы: видя этого, они вѣруютъ въ Него. Чтобы и послѣ смерти намъ не было препятствія въ чьей-либо вѣрѣ въ Іисуса, убьемъ Лазаря, чтобы намъ совершенно изгладить память его. Это и подобное говорили архіереи, какъ люди суетнаго ума, не понимавшіе, что Господь, имѣвшій подвергнуться добровольной смерти для безсмертія міра, не думалъ оставлять міру на память только Лазаря и его воскрешеніе, но и необоримый Свой крестъ, который они не въ силахъ будутъ ни разрушить, ни скрыть, ни упразднить,—обнаруживающій силу своего дѣйствія по всей вселенной. Какой домъ безъ знака креста, безъ трофея противъ демоновъ, безъ защиты душъ? Какой корабль безъ кормила-креста? Какой городъ не имѣетъ креста стражею? Какой царь не украшаетъ крестомъ своей головы? Какая дѣва не имѣетъ креста вмѣсто посоха? Какая церковь не укрѣплена крестомъ, какъ стѣнами? Крестъ ночью свѣтитъ, и днемъ служить свѣточемъ; зиму несчастій, весну и лѣто устанавливаетъ, супружество скрѣпляетъ, дружбу умножаетъ, во всякомъ благѣ господствуетъ.

Что же евангелистъ? Хорошо изслѣдовать этотъ отрывокъ отъ начала. Сейчас ты слышалъ слова евангелиста: *прежде шести днѣй пасхи прииде Іисусъ въ Виванію, идѣже бы Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ* (Іоан. хп, 1). И какой это день прежде шести дней? Какой? Тепе- 718
решній день, обозначающій Іоанна Предтечу. Какъ Іоаннъ предшество-

валъ Господу, такъ и этотъ предшествовалъ воскресенію; и какъ Іоаннъ, перстомъ указывая на Господа, говорилъ: *се агнецъ Божій, возмѣя грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29), такъ и этотъ, указывая на будущее воскресеніе, восклицалъ словами: вотъ мать имѣющихъ родиться вновь! *Прежде шести днѣй пасхи*. Послушайте: этотъ день не просто *прежде шести днѣй пасхи*, но чтобы ты научился очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа. Этотъ день есть предпочищеніе—чтобы ты очистилъ самого себя отъ всякой нечистоты, чтобы уничтожилъ вражду и прекратилъ гнѣвъ, чтобы погасилъ клевету, чтобы направилъ любовь, чтобы увеличилъ нищелюбіе, чтобы не ты одинъ только праздновалъ, но и нуждающійся праздновалъ бы съ тобою. Если ты не дашь нуждающемуся, и онъ будетъ печалиться, а ты праздновать, то смотри, чтобы не было тебѣ воздаянія того богача, который, ежедневно веселясь блистательно, не далъ Лазарю крупицъ. Итакъ, дай нуждающемуся отъ своей трапезы, благотвори недостаточнымъ, чтобы и ты всегда праздновалъ, и бѣдный былъ бы съ тобою. Если не сдѣлаешь блага своему единовѣрному бѣдняку, нуждающемуся въ утѣшеніи, онъ же, по нуждѣ, не облагодѣтельствованный тобою, пойдетъ къ еретикъ и будетъ имъ утѣшенъ, то послѣдній будетъ человѣколюбивѣе тебя. А всякій еретикъ нападаетъ на пастыря. Что же евангелистъ? *Прежде шести днѣй пасхи пріиде Іисусъ въ Виванію, иѣже бы Лазарь, егоже воскреси отъ мертвыхъ*. О, мудрость Господня! Онъ воскресилъ Лазаря, чтобы раздражить діавола. Слушай въ короткихъ словахъ. Когда увидѣлъ діаволъ, во время восклицанія Господа: *Лазаре, гряди вонъ*, что все пренеподнее разрушено и подземныя силы не могутъ его удержать, и что, какъ бы издавленнымъ царскимъ повелѣніемъ, или лучше, дѣйствіемъ божественной воли, волосы Лазаря сверху вкоренялись, ослабленные нервы стягивались, убыль тѣла заполнялась, разрозненные кости соединялись, живительное дыханіе входило, владычица-душа брала прежнее, старое жилище,—когда это и подобное онъ увидѣлъ, въ страхъ и безпокойствіе приказывалъ своимъ силамъ словами: противьтесь, будьте крѣпки, не предайте моего царства! О, что я перенесъ! Разрушается власть смерти, мною пріобрѣтенная грѣхомъ; кто былъ въ моей власти четыре дня, (того) теперь я отдаю по насилію; со мною случилось несчастіе; я началъ изблевывать тѣхъ, кого поглотилъ. Не изъ-за Лазаря только я плачу, но боюсь, какъ бы не потерять и остальныхъ, которыхъ удерживаю отъ Адама до нынѣ. Мнѣ нужно усердіе и много силы; если напередъ не захвачу похищающаго у меня словомъ, то Онъ упразднитъ все мое существованіе. Я напелъ, что мнѣ дѣлать,—знаю, что мнѣ дѣлать! У меня есть помощники іуден; нанимаю себѣ Іуду; онъ всегда мнѣ прекрасно услуживаетъ; будучи сребролюбивымъ, онъ оцѣнилъ миро пришедшей женщины въ триста динаріевъ, въ огорченіе ей; и онъ оцѣнилъ миро въ триста динаріевъ, а Владыку міра продалъ за тридцать динаріевъ. Мнѣ нужно много ста-

ратся, чтобы приготовить крестъ. Онъ взялъ у меня Лазаря, а я Его сюда стащу и сопричислю къ мертвымъ, чтобы Онъ зналъ, что не нужно воевать противъ большаго. Пренесподнія силы ему (въ отвѣтъ): ты хочешь всего Іисуса сюда низвергнуть? Смотри: не утруди самого себя! У тебя есть опытъ надъ Нимъ; ты боролся съ Нимъ въ пустынѣ; не трижды ли ты подходилъ и трижды палъ? Если Онъ сойдетъ, что ты намѣренъ дѣлать? Посовѣтовавшись въ этомъ и подобномъ, діаволъ возбуждалъ іудеевъ на большую зависть, подстрекалъ умертвить воскресшаго изъ мертвыхъ Лазаря и приготовить крестъ Господу, чтобы сдѣлалось проклятiе благословенiемъ, и древо креста спасенiемъ для всѣхъ. Воскрешенiемъ Лазаря діаволъ былъ потрясенъ, фарисеи смущены, Марѳа удостовѣрена, Марiя прославлена, воскресенiе предугазано, ученики укрѣпились, и многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ встрѣтили Господа нашего Іисуса Христа съ вѣтвями и ваиями, восклицая и говоря: *осанна въ 719—720* вышнихъ, *благословенъ грядый во имя Господне царь Израилевъ*. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Похвала святому Іоанну Богослову.

Созвалъ насъ, возлюбленные, святѣйшій Іоаннъ Богословъ и другъ 719 Христовъ, не произрастившій намъ прiятно пахучихъ розъ, но возрастившій намъ добродѣтели отцовъ духовныхъ. Ихъ благоуханiе есть благочестивое исповѣданiе и нашихъ душъ спасенiе. Скажи мнѣ: какая роза такъ украшена листьями, какъ святѣйшій Іоаннъ прославленъ богоприличнымъ вѣнцомъ святыхъ? Роза блещетъ изнутри благовоиeмъ, сверкающимъ золотомъ; а святѣйшій Іоаннъ сіяетъ съ самой вершины престола ароматною жизнiю всемудраго пастыря нашего и учителя. О, Іоаннъ! Ты ежегодно воспоминаешься пришельцами и ежедневно живешь съ ефесянами. О, Іоаннъ! Ты сіяешь на той священной горѣ, какъ высокій правитель—не одаряешь своихъ гражданъ имуществами, но дарствуешь просящимъ у тебя врачеванiя. О, Іоаннъ! Ты низвергъ трофеемъ креста единоборную змѣю, Артемиду, и властно возстановилъ силою креста единобрачную невѣсту Христову, церковь. О, Іоаннъ! Ты покинулъ отца своего, Заведея, на кораблѣ, и возлюбилъ на груди Господа своего Назорея. Какъ двѣ горы, ты созерцалъ два сосца, посреди которыхъ сладко успокоившись, ты богословствовалъ о Томъ, Кто познавался посреди двухъ животныхъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1). И ты созерцай изумительнаго апостола. Землю орошаетъ не погребенный въ землѣ, и орошенiе есть манна цѣлительная, и, истощаясь, не истощается отъ времени. Что за причина, что за дѣйствiе? Никто не сумѣетъ сказать; непреложны дары нашего Спасителя Христа, и неисчерпаемы дѣла святыхъ. О, Іоаннъ!

(Ты) оружіе благочестивыхъ, поистинѣ благочестивое исповѣданіе общее ихъ пристанище, къ Богу приближище. Что пристань для обуреваемыхъ, то Богъ для утруждаемыхъ. Сегодня святѣйшій Іоаннъ сіяетъ для насъ красотою своею добродѣтели; онъ былъ читанъ у насъ, — онъ, сіяющій своимъ благочестіемъ изъ своей древней книги, какъ бы отъ царскаго образа. Іоаннъ—прекрасное начало вѣры, благоцвѣтушій корень, не-
 720 исчерпаемый источникъ, у всѣхъ язычниковъ не только временный законъ, но—вѣрится—всегдашнее почтенное извѣщеніе благочестія, первая вершина вѣры, расширитель благочестія для всѣхъ, воспитатель нашъ въ ревности о прекрасныхъ дарахъ любви. Мы смотримъ на чертогъ дѣвства, и обнимаемъ источникъ исцѣленій. Раскроемъ же слово его о свѣтѣ. Отецъ—свѣтъ, Сынъ—свѣтъ, Духъ Святой—свѣтъ. Отецъ свѣтъ, потому что истинный Богъ; Сынъ свѣтъ, потому что возсіялъ отъ Отца; Духъ Святой свѣтъ, потому что изъ Отца исходитъ, и потому истинный Богъ. Апостолъ свидѣтельствуетъ словами: *Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. 1, 5), и еще: *прииде Іоаннъ, да свидѣтельствуеть о свѣтѣ* (Іоан. 1, 7), а также: *бо свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человека грядущаго въ міръ* (ст. 9), т. е., являющаго къ истинѣ. О Сынѣ: *азъ есмь свѣтъ истинный* (Іоан. VIII, 12), и: Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. X, 38). Что Сынъ свѣтъ и солнце правды, восклицаетъ пророкъ: *свѣтися, свѣтися Іерусалиме, прииде бо къ тебѣ твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія* (Ис. LX, 1). О Святомъ Духѣ въ псалмѣ поется: *у тебе источникъ живота, во свѣтъ твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. XXXV, 10), т. е., въ Сынѣ увидимъ Духа Святаго; (это) свѣтъ, которымъ мы освѣщены, и до сегодня освѣщаемся въ сердцахъ нашихъ. Отецъ свѣтъ, потому что истинный Богъ; Сынъ свѣтъ, потому что отблескъ Его свѣта; Духъ Святой свѣтъ, (какъ) исходящій изъ Отца: никто не знаетъ Божія, *точію Духъ въ Немъ* (1 Кор. II, 11). Духъ Святой свѣтъ истинный, который въ истинномъ свѣтѣ созерцается и мыслится. Итакъ, да остается у насъ, братіе, вѣра несокрушимомъ и Троица нераздѣльною! И блаженный Соломонъ говоритъ, что тройная вервь *не расторгнется* (Еккл. IV, 12). Богъ святитъ, освѣщаетъ, животворитъ, освобождаетъ, и больше этого. И Сынъ точно также; все, что дѣлаетъ Отецъ, и Духъ Святой точно также святитъ, освѣщаетъ, животворитъ, освобождаетъ. Мы освобождены, и освящены, и освѣщены, и ожили, крестившись въ Отца и Сына и Святаго Духа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ Іоаннѣ апостолѣ и евангелистѣ Богословѣ.

719 Опять, ефесяне, нашъ Іоаннъ, или лучше, учитель всей вселенной, развернулъ духовную сѣть и съ разныхъ мѣстъ собралъ насъ, не съ

тѣмъ, чтобы мы его почтили вѣнками изъ розъ, но чтобы возвеличили его благими и праведными дѣлами. Опять привлечь къ себѣ свои духовные источники, не съ тѣмъ, чтобы напоить жаждущихъ лѣнивцевъ, но утвердить труждающіеся народы. Опять возшелъ во святилище второй послѣ Петра, не съ тѣмъ, чтобы уврачевать одного хромого, но всѣхъ насъ, укрѣпивъ въ благочестіи, приготовить для жизни небесной. Онъ уже не возлежитъ на Господней груди, но, восклонившись къ каждому изъ насъ въ отдѣльности, принявъ всѣхъ насъ равночестно, принесъ свою лихву къ Богу и воскликнулъ такими словами: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Ис. viii, 18). Дѣти? Какія? Которыхъ благодать возрастила, а онъ предъявилъ въ наслѣдники царства небеснаго. Многихъ нѣкогда, какъ добычу, вводила Артемида, но апостолъ еще больше приводить. Она, питая собакъ, охотясь за звѣрями, сѣяла заблужденіе; Іоаннъ, устроая нищихъ и уча народы, посѣялъ богопознаніе. Она омрачила воздухъ идольскими процессіями; Іоаннъ просвѣтилъ Азію памятими святыхъ. Египетъ воспоминаетъ чудеса Моисея; Ефесъ возвѣщаетъ о благодѣяніяхъ Іоанна. Моисей наказалъ Египетъ десятью казнями; 720 Іоаннъ же упорядочилъ Ефесъ, или лучше, всѣхъ помиловалъ боговдохновеннымъ евангеліемъ. Моисей жезломъ раздѣлилъ море; Іоаннъ крестомъ низвергъ Артемиду. Когда море было раздѣлено, фараонъ и колесницы его были потоплены; когда Артемида ниспала, ея жрецъ и мерзости были сокрушены. Давидъ говоритъ: *море видѣ и побѣже* (Пс. cxiii, 3); сегодня церковь точно также восклицаетъ: Артемида увидѣла и пала. Она увидѣла Богослова и божественнаго проповѣдника, увидѣла богоносца,—и упала грѣшница, напрасно почитавшаяся. Она увидѣла того, кого любилъ Иисусъ,—и не въ силахъ была удержаться. Что съ тобою, Артемида, что ты пала? Я увидѣла сына грома, и сокрушено святилище моего предстательства; я увидѣла божественнаго друга, и разрушена; я увидѣла восклонявшася на божественную грудь, и поникла на свою идольскую грудь. Изумительнъ Ілія, возлюбленные, что низвергъ Ваала; Іоаннъ еще паумительнѣе, что изгналъ Артемиду. Ілія четыреста пятьдесятъ умертвилъ; Іоаннъ убитаго колонною жреца, ожививъ, воскресилъ во Христѣ. О, чудо! Каменный столбъ умертвилъ подобнаго камню жреца, котораго Іоаннъ воскресилъ благодатію. Говорятъ, поднимъ его тѣло, несли на рукахъ (и) положили у дверей Іоанна; и кого онъ не желалъ видѣть при жизни, этого мертвый искалъ, прося себѣ жизни и вѣры. Такъ нѣкогда сдѣлали и вселукавые іудеи: отъ живого Христа отверглись, а умершаго исповѣдали Сыномъ Божіимъ. Они 721 отверглись Его, сказавъ слѣпцу: *мы Моисеовы есмы ученицы, сего же не отъмы откуду есть* (Іоан. ix, 28, 29). Прозрѣвъ слѣпцевъ, и обратился неразумный народъ. Сыномъ Божіимъ исповѣдали при крестѣ, когда, склонивъ голову, Онъ испустилъ духъ, и копіемъ пронзили прославляемый Его бокъ, и истекло много крови и воды; (тогда) восклицъ

пали громкимъ голосомъ іудейскія дѣти и говорили: *воистинну Божій Сынъ бѣ сей* (Мѣ. хvii, 51). Іоаннъ, при жизни своей, проповѣдникъ богопознанія, получившій благодать Святаго Духа, ораторъ церкви, свѣтильникъ благочестія, глазъ Азіи; онъ низвергъ демона Артемиду, и въ цѣломъ мірѣ велегласно проповѣдалъ Бога Слова: *съ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. i, 1). Спросимъ ловца 722 рыбъ и писателя святаго евангелія, кто его этому научилъ, какой отецъ внушилъ это произвѣсть, въ какой книгѣ онъ это нашелъ и возгласилъ? Но никто его не научилъ, и въ книгѣ онъ не нашелъ; на Владычню грудь онъ возлегъ и, просвѣтивъ свой умъ въ глубинѣ мудрости и знанія, возгласилъ: *съ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. Чтѣ мнѣ сказать больше написаннаго? Ты слышалъ, что *съ началъ бѣ*, т. е., въ Отцѣ и съ Отцомъ, и Богомъ былъ изъ Бога и Отца, несказанно и безстрастно рожденнымъ прежде вѣковъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На преображеніе.

721 Восходящее солнце простираетъ свои лучи на весь міръ; и востокъ рожденія по плоти Владыки Христа посылаетъ во всю вселенную своихъ учениковъ, какъ бы лучи. И сегодня, какъ свѣтильники, освѣщаютъ это священное собраніе Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, ловцы невѣрныхъ и раньше заблуждавшихся въ богопознаніе, пользовавшіеся вмѣсто трости крестомъ, вмѣсто каната тройнымъ исповѣданіемъ извлекавшіе духовныхъ рыбъ изъ глубины нечестія; они (были) общниками со своимъ Учителемъ въ неизреченныхъ тайнахъ, сдѣлавшись самовидцами и самослушателями несказанныхъ и незримыхъ дѣлъ. Петръ по вѣрѣ названъ камнемъ, и на самомъ себѣ поддерживаетъ здание церкви: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѣ. хvi, 18). Но посмотримъ, за что и по какой причинѣ получилъ верховный эту награду? Спаситель спрашивалъ нѣкогда учениковъ, какое у нихъ мнѣніе о Немъ. Пока остальные молчали, онъ, доблестный, выступивъ, не сказалъ: Ты сдѣлался, Ты созданъ былъ; но, по слову пророка: *ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. ci, 28), сказалъ: *Ты еси*. И за это исповѣданіе получаетъ ключи небесныя: *и еже аще свяжешь на земли, будетъ связано на небесахъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ* (Мѣ. хvi, 19). О, дивное и превосходящее природу достоинство! Шествуя по землѣ, Онъ издавалъ законы небеснымъ силамъ, и онѣ ихъ соблюдали. И на землѣ онъ подсказывалъ мнѣніе, а Богъ подтверждалъ свыше словесное рѣшеніе. Ублажался нѣкогда тотъ Іосифъ, которому были довѣрены житницы фараона; но выше сореваванія и трижды блаженъ Петръ, кото-

рому вѣряются сокровищницы самыхъ небесъ. Я не столько за то ублажаю, что онъ получилъ власть вязать, и не за то, что падающіи отъ его одежды тѣни исцѣляли болѣзни, и не тѣмъ поражаюсь, что онъ воскресилъ изъ мертвыхъ Тавнею—(все) это дары особенно дѣйствующаго Духа; а ублажаю я Петра за то, что онъ первый изъ всѣхъ выступилъ для истиннаго исповѣданія: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (ст. 16). Явившагося онъ исповѣдуетъ: *ты еси Христосъ*; это знакъ сосуществованія (Его) съ Отцомъ. Посмотримъ также особенныя преимущества тріблаженнаго Іоанна. Онъ (ублажается) не за божественную бѣдность, въ которой участвовалъ съ Петромъ, такъ какъ былъ съ тѣмъ, кто говорилъ: *сребра и злата нѣтъ у мене* (Дѣян. III, 6), и молчаніемъ выразилъ согласіе; но за то, что, возлегши на Владычню грудь, онъ оттуда изготовилъ себѣ ту священную и велегласную трубу, чрезъ которую только объявилъ смѣлымъ и вѣрующимъ языкомъ: *ѡ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), чего небо не сказало, ангелы не вздумали, никто изъ остальныхъ апостоловъ не получилъ. Для чего и по какой причинѣ, будучи впереди остальныхъ евангелистовъ, онъ послѣднимъ написалъ евангеліе? Это также необходимо изслѣдовать. Маттеей на еврейскомъ языкѣ по порядку изложилъ евангельскія чудеса; Маркъ, сдѣлавшись ученикомъ Петра, написалъ происшедшее чрезъ Владыку Христа—разумѣю рождество безъ смѣшенія, безпорочную жизнь, поразительныя знаменія, іудейскую зависть, спасительную страсть, животворящую для насъ смерть, воскресеніе для нетлѣнія, вознесеніе на отчее лоно; одинаково и Лука, случайный ученикъ Павла, шелъ тою же самою дорогою, что и до него. Итакъ, только Іоаннъ, какъ нѣкій рыбакъ, сидѣвшій вдали и бывшій зрителемъ другихъ ловцовъ, когда увидѣлъ, что оставлено главное въ знаніи, берется за рыбарскую евангельскую трость и ловить ею исконую рыбу, и отдаетъ (потомъ) ее даромъ вѣрующимъ, возглашая: *ѡ началъ бѣ Слово*. Не отъ того, отъ кого Марія,—говорить,—названная мать, получилъ начало Христосъ, не отъ того, отъ кого Іосифъ, нареченный отецъ Его, Онъ имѣетъ бытіе; не отъ того, отъ кого Монсей, отъ кого Авраамъ, отецъ всѣхъ до закона; но *ѡ началъ бѣ Слово*. Нѣтъ ничего древнѣе начала, ничево старше начала; всякое дѣло начинается, и зависитъ отъ начала; а начало всего Сынъ, и, какъ творецъ, Онъ есть начало всего. Все, что производится отъ начала, млаже; только начало владѣетъ преимуществомъ вѣчности. Но посмотримъ (преимущество) праведнаго Іакова. Хотя прозваніе праведнаго, какъ отличительное, получилъ другой Іаковъ, называемый праведнымъ, но онъ не откажетъ въ этой чести соапостолу. И сынъ Зеведеа богатъ многими евангельскими успѣхами; достаточно въ настоящій разъ для похвальнаго слова, что онъ съ радостію перенесъ обезглавленіе за любовь къ Владыкѣ. Его убиваетъ Иродъ, какъ повѣствуетъ Лука въ Дѣяніяхъ (Дѣян.

хп, 2). Это—подвижники благочестія, это—служители евангельской проповѣди. Народъ и города стекаются посмoтpѣть одного, кто возвратился изъ Олимпа съ вѣнкомъ, украшаютъ (его) за это лавровыми листьями: а мы, на происшедшемъ у насъ собраніи, созерцали не одного, но трехъ борцовъ, борцовъ за Троицу, подвижниковъ за Троицу увѣнчанныхъ. Всякій языкъ отваживается на неизмѣримость, когда пытается похвалить одного изъ нихъ, и мысль терается, рѣшаясь измѣрить чашею море добродѣтелей; однако мы взялись за это, чтобы показать отцамъ плодъ своего благомыслія. Назадъ два дня у насъ праздновалось торжество рожденія всецаря Христа; естественно, борцами пяти подвиговъ совершены были блестящія состязанія въ честь рожденія Господа. Такъ происходитъ обычно и у вѣншихъ: царское рожденіе чествуютъ въ городахъ начальники. Но тамъ побѣдитель пожинаетъ удовольствіе тѣни и временной радости; а здѣсь награды для увѣнчанныхъ безсмертны, вѣнцы вѣчны, радость вмѣстѣ съ ангелами, слава вмѣстѣ съ святыми въ воскресеніе. Это берегается, какъ залогъ для такихъ подвиговъ. Ихъ (подвижниковъ) предстательствомъ да сохранимся и мы, и этотъ пастырь добрый да дарствуется намъ на многіе десятки лѣтъ во Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

О засухѣ.

723 *Кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источники слезъ* (Іер. ix, 1)? Самый сострадательный изъ пророковъ пусть щедро снабдитъ меня этимъ введеніемъ въ слово. Но онъ оплакивалъ опустошеніе одного города Іерусалима, а я побуждаюсь къ стѣнованію и слезамъ, смотря на наступившую кару всей этой окрестности. Заключено небо нашимъ грѣхомъ, и облака солнцемъ *яко сушило сохосхотася* (Пс. сл, 4). Водные источники высушены и теченіе постоянныхъ рѣкъ изсякло; обожженная зноемъ земля отказывается дать обычные для нея плоды. Ахъ, наше несчастіе! Даже безсловесныя животныя въ опасности изъ-за нашего грѣха. Изсушена земля и ея трава, или скорѣе, она не произрастила, и опустошается язвою. И быкъ жалобно мычить, какъ бы приговоренный къ смерти; овечьи стада плачевно блеютъ, видя близъ стоящее водное питье, какъ сосудъ пламевидный, и сухими до времени хлѣба. Исполнилось теперь и надъ нами пророчество Іонія: *восплакашася стада воловъ, яко не бѣ пажити имъ, и паствы овчія погибоша, яко посохша источники водни* (Іонл. i, 18, 20). Столь многія наши ошибки подвигли на праведный гнѣвъ милостивую и кроткую природу Божію! И такъ какъ мы на каждый день не перестаемъ зажигать огонь грѣховъ, то, естественно, отмщаемся засухою и зноемъ. Можетъ быть и къ намъ гдѣ-то пророкъ взываетъ: *ходите сътамъ огня ва-*

шего, и пламенемъ, егоже разжегосте (Ис. 1, 11). Израильтянамъ чрезъ пророка Богъ обѣщалъ, если они будутъ соблюдать Его заповѣди: *одождо вамъ дождь ранній и поздній; и наполнятся гумна ваша хлѣба, и точила вина* (Ионл. II, 23, 24); для насъ это обѣщаніе обращено въ противоположную сторону, скорѣе насъ постигло проклятіе Іереміи (Моисея): да будетъ надъ главою у тебя небо *мѣдяно* (Втор. XXVIII, 23), обозначающаго угрозою этого слова совершенную сухость и недостатокъ воды. Развѣ это сейчасъ не исполняется надъ нами? Земля, расколотая засухою и какъ бы окамененная, уничтожила трудъ земледѣльцевъ: не позволяетъ на себѣ ни орать, ни копать; посѣвы, немного проросши и давъ хорошія надежды, высохли и пропали прежде, чѣмъ зачатъ колосу. Остались только ростки виноградныхъ лозъ и насажденій, но и они проявляютъ могущую быть скоро чахлость. Таковъ плодъ грѣховъ, таковы жертвы нечестія,—за то, что мы не пошли по путямъ Бога, но порабощены дурными дѣлами: другъ другу завидуемъ, презираемъ меньшихъ, желаемъ насытиться чужимъ, радуемся неудачѣ сосѣда, поѣдаемъ другъ друга ябедой, предаемся въ рабство негнѣстнымъ страстнымъ желаніямъ, сдѣлавшись *кони женонеистовни* (Іерем. V, 8), какъ говоритъ Писаніе, и волками хищными, и злопамятными, какъ верблюды, не мируемъ бѣдныхъ, не сострадаемъ неудачникамъ, не заботимся о церковныхъ собраніяхъ, пренебрегаемъ святыми, не почитаемъ памяти ихъ, бѣгаемъ исповѣдничества, будучи рабами какъ бы горячечнаго безумія. Священники стали худымъ примѣромъ для народа: надмеваются, злопамятствуютъ, враждуютъ, злоумышляютъ, пристрастничаютъ, не обвиняютъ и не исправляютъ падающихъ, но сообщаются съ ними въ неправдѣ своимъ молчаніемъ, какъ древній тотъ Ілій. Міряне, оставивъ свое, стараются каждый взвѣлчивать священническое, и быть судьями неумолимыми. Развѣ не истину я говорю? Не исполненъ ли нашъ городъ этихъ золъ? Не ежедневно ли я объ этомъ свидѣтельствую? Не трудился ли я, крича, что нужно удерживаться отъ клятвъ? Не говорилъ ли я раньше, что Господь не оставитъ безъ вниманія, что священное евангеліе такъ пренебрегается, и безстыдно, нагло держится борстолюбивыми руками? Итакъ, неси полевые плоды, пріобрѣтенные твоимъ корыстолюбіемъ, потому что (поле) не возвратитъ даже посѣянныхъ сѣмянъ; и съ виноградника ты не соберешь, который по корыстолюбію похитить. Чѣмъ Богъ въ древности угрожалъ іудеямъ чрезъ Михея, это теперь исполнилъ надъ нами: ты сѣешь, и *не пожнешь; ты изгнешь масличіе, и не помажешься масломъ, и вина не выпьешь* (Мих. VI, 15). Можетъ быть кто-нибудь скажетъ: не всѣ корыстолюбцы, не всѣ клятвопреступники; когда согрѣшаютъ немногіе, почему для всѣхъ вообще растворена полынъ гнѣва Божія? Нужно было, чтобы только на злыхъ было возложено наказаніе. Но какъ въ одномъ тѣлѣ, если только въ части бываетъ истеченіе, все тѣло нуждается въ очищеніи, такъ и

у насъ. Такъ какъ мы одно тѣло, и всѣ — члены Христа, то, при болѣзни одной части, всѣ становимся участниками въ страданіи. Такъ нѣкогда, когда сынъ Саула согрѣшилъ, все войско подверглось наказанію; и когда Давидъ исчислилъ народъ вопреки желанію Божію, произошла гибель общая. Объ этомъ говоритъ даже виѣшнее ученіе, что часто весь городъ вкушаетъ отъ нечестія одного мужа. Потому-то, чаша гнѣва Божія для насъ растворена безъ растворенія: *чаша съ ризъ Господни* полна растворенія вина нераствореннаго (Пс. lxxiv, 9). Видишь, какъ измѣнчива природа этой чаши! Если она не растворена, какъ она полна растворенія? Растворенное не бываетъ нераствореннымъ. Здѣсь разумѣется то и другое вмѣстѣ: и не растворена она, потому что, вслѣдствіе праведнаго суда, (она) безъ примѣси божественнаго состраданія къ падающимъ постоянно; но растворена она, такъ какъ (состоитъ) изъ различныхъ каръ и мщеній, которыми обычно Богъ наказываетъ не сдѣлавшихся отчаянными во злѣ. Какъ тѣ, которые удаляютъ тѣлесныя болѣзни и въ лѣченіи выработали опытъ, очищаютъ наиболѣе тяжелыя раны теплою водою и ѣдкими лѣкарствами, и помощью искусства снимаютъ страданіе отъ присущей въ нихъ нечистоты,—такъ (иоступаетъ) и всезнающій Богъ съ безчувственными къ Его ударамъ, которымъ (безчувственнымъ) лучше было бы раньше отмаливаться отъ наступленія испытанія. Итакъ, что же можно намъ сказать въ настоящемъ случаѣ? Праведенъ судъ Божій, или лучше, человеколюбивый Владыка намного облегчилъ мщеніе Своего праведнаго гнѣва, не настолько, чтобы мы перенесли испытаніе, котораго достойны, но настолько, чтобы мы вошли въ сознаніе того, въ чемъ согрѣшили. Разсмотри долготерпѣніе Божіе: мы согрѣшили, и стихи наказываются; мы ошибаемся, и землѣ отмщается; мы живемъ негодною жизнью, и бичуется бездушное; мы безчестимъ художника своими постыдными поступками, и ударъ принимаетъ ни въ чемъ не погрѣшившее; (происходить то) какъ если кто-нибудь, при паденіи сына, переноситъ мученіе на раба. Такой благой у насъ Владыка, такъ Онъ наставляетъ, возводя къ исправленію: лукъ угрозы натягиваетъ, а стрѣлу гнѣва задерживаетъ. Онъ не желаетъ нашей душевной смерти, но ждетъ обращенія и покаянія. Пребудемъ же, братіе, въ чувствѣ пристойности, умиловивимъ къ себѣ милосердаго Господа, не явнимся хуже ниневитянъ. Они, будучи язычниками и невѣрными, когда узнали отъ пророка о разрушеніи города, выказали такое покаяніе, что принуждали даже дѣтей и скотъ къ посту, и (сами) покрылись золою и рубищемъ, и такъ избавились отъ праведнаго гнѣва Божія. Заплачемъ же и мы, исповѣдуемъ каждый собственныя паденія, заручимся (какъ) посредниками у Бога святыми и остальными, особенно пренепорочною Владычицею, скорымъ и неодолимымъ предстательствомъ; припадемъ къ ней, прося со слезами: Госпожа Владычица, вмѣстившая во чревѣ своемъ Бога Слово, обожившая своимъ рожденіемъ нашу природу, ставшая по-

средницею своимъ рожденіемъ между Богомъ и людьми! Помилуй свой народъ и достояніе свое, умиласердись надъ этимъ городомъ своимъ, который хвалится твоимъ именемъ; походатайствуй за насъ недостойныхъ рабовъ твоихъ; умоли единороднаго твоего Сына, чтобы Онъ снизошелъ къ нашимъ паденіямъ, прекратилъ противъ насъ этотъ праведный гнѣвъ и повелѣлъ облакамъ излить по обычаю дождь, прекратить засуху и оросить зной земли. Ей, Владычица, Владычица, заступничество міра! Помилуй, напитай дѣтей молокомъ, старцевъ утружденныхъ, бѣдняковъ изсушенныхъ; не допусти погибнуть намъ въ нашихъ грѣхахъ; мы согрѣшили, законъ нарушили, осквернили чистую одежду крещенія, отвергли заповѣди Владычьи; но, и падая, не простираемъ своихъ рукъ къ богу чужому, но къ единородному твоему Сыну, Господу Нашему Іисусу Христу, поклоняемому и славимому со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки.

О рѣкѣ Іорданѣ.

Почему, помимо всѣхъ земныхъ рѣкъ, Христосъ совершаетъ таинство крещенія въ рѣкѣ Іорданѣ? Необходимо рассказать о природѣ рѣки, чтобы отсюда узнать соотвѣтствіе съ установленнымъ таинствомъ. Исключительно въ Іорданѣ есть два коренныхъ источника; не изъ одного источника течетъ Іорданъ. Одинъ источникъ его въ Панеадѣ, другой близъ Панеады; одинъ источникъ называется Іоръ, другой Данъ; нѣсколько протеки въ раздѣльности другъ отъ друга, эти источники въ известномъ мѣстѣ взаимно сливаются и образуютъ одну рѣку. Древніе дали ему имя по кореннымъ источникамъ, сначала раздѣляющимся и въ концѣ соединяющимся; Іорданъ—рѣка, рожденная Іоромъ и Даномъ. Не въ примѣръ опять всѣмъ рѣкамъ, эта не течетъ въ живое море; его принимаетъ не живая вода моря, но принимаетъ его мертвое море. Онъ только, не какъ всѣ рѣки, соединяется съ мертвыми и бесплодными водами. Іорданъ есть образъ нашего смертнаго рода, и слушай, какъ. Сначала нашъ родъ имѣлъ два корня: Адама, образованнаго изъ земли, (и) Еву, происшедшую отъ ребра; не одно мѣсто, и не одинъ способъ устройства. Онъ образованъ былъ изъ земли, имѣлъ источникомъ землю; она была отъ ребра, имѣла корнемъ ребро; одно начало того, и другое этой. Пока они были въ отдѣльности другъ отъ друга, по способу образованія; но сошлись (потомъ) въ брачный союзъ, сдѣлалось изъ обоихъ одно тѣло, и рождавшіеся рождались уже болѣе не отъ ребра или изъ земли, но отъ сожителства (ихъ): будутъ два *въ плоть едину* (Мф. хіх, 6). Этотъ нашъ образъ, протекши послѣдовательность природы, закончился смертію. Начался нашъ образъ изъ земли и прекратился смертію; его приняло мертвое море, глубокое, преисподнее, мертвая бездна. Что мер-

твое море для живыхъ водъ, то адъ для умирающихъ. Потому Павелъ говорить: *да не речеши въ сердцахъ твоихъ: кто скидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести* (Рим. х, 6, 7). Итакъ, относительно этого Іордана, истекающаго изъ живыхъ источниковъ и разрывающагося въ мертвое море, все чудодѣяніе Божіе совершалось (для того), чтобы живая вода не текла болѣе къ смерти. Трижды его раздѣлилъ Богъ, чтобы въ немъ не было болѣе теченія къ мертвому морю, но чтобы онъ востекалъ къ древнимъ живымъ корнямъ. Онъ былъ разсѣченъ при Иисусѣ Навинѣ; разсѣченъ былъ и при Иліи, когда милотью онъ разсѣкъ его; разсѣченъ былъ Елисеємъ, когда, возвращаясь, онъ разсѣкъ его. Первый Иисусъ Навинъ разсѣкъ Іорданъ, и слушай, какъ. Не остановилъ струи источниковъ, но обратилъ воду назадъ, какъ свидѣтельствуешь псаломопѣвецъ словами: *что ты есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять* (Пс. сѣхш, 5)? То, что позади, сдѣлалось источниками. Спаситель, освобождая нашъ родъ отъ теченія къ смерти, дѣлаетъ, что онъ болѣе не течетъ къ смерти, но возвращается къ древнимъ живымъ корнямъ, не разрывается въ мертвое море. Итакъ, возстановляется смертная природа въ древній видъ. Ни одинъ разсѣкатель Іордана не является безъ нѣкотораго символа. Иисусъ Навинъ разсѣкъ съ кивотомъ, Илія съ милотью, Елисей разсѣкъ опять съ милотью учителя. Такъ какъ смертная природа не достаточно была сама по себѣ остановить теченіе, то входитъ Иисусъ (Навинъ) первый, съ именемъ Владыки, неся съ собою кивотъ, символъ Владычннго тѣла. И оказывается, Іорданъ ни Иисуса не почитаетъ, (какъ) только человека, 726 разумію Навина, ни іудеевъ не устыдился, ни предъ священниками не поворотился. И чтобы показать, что не народу онъ уступаетъ, но кивотъ уважаетъ, Иисусъ говорить: *се кивотъ Господа вся земли преходитъ Іорданъ. И будетъ егда почіють ноги жерцесъ воздвизающихъ кивотъ, Іорданъ оскуднѣтъ* (Ис. Нав. ш, 11, 13); не священниковъ уважаетъ, но кивотъ. И слушай, почему такъ. Спрашиваетъ его Давидъ словами: *что ты есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять?* На это созданіе отвѣчаетъ словами: *отъ лица Господня подвижется земля* (Пс. сѣхш, 7). Лицомъ Господа былъ видъ ковчега. Чѣмъ былъ кивотъ для закона, скрижалей, стампы и жезла, тѣмъ была плоть Владычнн для необъятнаго божества, какъ въ кивотѣ носившая божество. Объ этомъ святомъ кивотѣ говорилъ блаженный Давидъ: *воскресни Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыхъ твоихъ* (Пс. сѣххх, 8). И смотри, что онъ дѣлаетъ: Іорданъ высохъ, не потерявъ своихъ струй, но отступивъ къ древнимъ корнямъ. Взявъ Иисусъ отъ Іордана дванадцать камней великихъ, и поставилъ ихъ по ту сторону рѣки; положилъ же вмѣсто нихъ другія дванадцать камней въ рѣкѣ (Ис. Нав. іv, 8, 9). Чего онъ желаетъ тѣмъ, что кряду взялъ двѣнадцать камней, а вмѣсто нихъ положилъ другіе двѣнадцать? Какъ я раньше сказалъ, онъ осво-

бождаетъ смертную природу; или лучше—желаетъ показать, что вытаскиваетъ чловѣчество изъ глубины и возводитъ на небо. Онъ извлекъ на свѣтъ камни, никогда не созерцавшіе солнечныхъ лучей, не принимавшіе свѣта; они были вытащены изъ глубины на землю. Почему онъ взялъ оттуда двѣнадцать камней? Потому что двѣнадцатью апостолами (Господь) намѣренъ былъ освободить чловѣчество отъ смертной природы. И вотъ: онъ взялъ снизу камни, чтобы обнаружить ихъ предъ солнцемъ и свѣтомъ, и для яснаго созерцанія будущимъ людямъ, какъ они перешли Іорданъ; эту именно причину онъ обозначилъ: *егда вопроситъ тебе сынъ твой, глаголя: что суть каменіе сіе?*—скажи ему, что по сущѣ мы перешли Іорданъ, когда Богъ удержалъ воду предъ лицомъ нашимъ (Ис. Нав. iv, 6, 7). И вотъ: вынесенные камни были положены, чтобы были явны для будущихъ (поколѣній); (но) почему вмѣсто нихъ были положены (другіе)? Онъ взялъ изъ глубины погруженные въ глубину, и опять далъ глубинѣ залогъ спасенія. Положенные камни—залогъ, взятые—постоянство. Важно изслѣдовать это: почему положены камни, и почему взяты камни? Христосъ и беретъ и даетъ. Онъ пришелъ въ міръ: принявъ наше тѣло, далъ намъ Свою силу. Черезъ апостоловъ Онъ обратно полагаетъ въ рѣкѣ двѣнадцать камней, залогъ спасенія и задатокъ будущаго. Дающій кому-нибудь нѣчто на дѣло даетъ ему залогъ на будущее. Такъ какъ это имя (Исусъ) имѣло въ будущемъ сохраниться за Нимъ, когда Онъ намѣренъ былъ креститься отъ Іоанна, то, напередъ взявъ, Онъ положилъ залогъ пришествія, и поставилъ (также) камни, которые взялъ оттуда, (т. е.) патріарховъ, которыхъ воскресилъ тогда; (камни же) которые положилъ вмѣсто нихъ—(это) апостолы, которыхъ далъ за нихъ: *вмѣсто отца твоихъ быша сынове твои* (Пс. xlv, 17). Такъ онъ (І. Навинъ) перешелъ Іорданъ, и дѣлается Іорданъ для Исуса Навина началомъ обладанія землею. Пока онъ не перешелъ Іорданъ, не получалъ въ наслѣдство обѣтованной земли; пока Христосъ не вступилъ въ Іорданъ, не начиналъ проповѣди о царствѣ. Іорданъ—начало обладанія землею; Іорданъ—начало обладанія царствомъ небеснымъ. Поэтому пророкъ (Пс. xlv, 7) говорить: буду помнить о Тебѣ, Господи, *отъ земли Іордански*, (это) память непрерывная. Такъ перешедшій Исусъ разсѣкъ Іорданъ, показавъ предъ нимъ ковчегъ. Ілія разсѣкъ милотью, мертвою кожею, и живыя воды послушались мертвенной милоти; разсѣкъ Іорданъ Ілія милотью, и съ тѣмъ перешелъ, чтобы взойти на небо. Возвратился блаженный Елисей съ милотью учителя, послѣ просьбы къ нему: *духъ иже въ тебѣ да будетъ сузубъ во мнѣ*; говорить ему: *ожесточилъ еси просити; аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти* (4 Цар. ii, 9, 10), т. е., ты удостоишься двойного дѣйствія Святаго Духа. Потомъ онъ былъ взятъ; была поднята на воздухъ милоть, и упала къ ученику; онъ взялъ залогъ и поспѣшавъ къ рѣкѣ, попытался разсѣчь Іорданъ, но не

послушалась вода; въ затрудненіи Елисей говорить: *гдѣ Богъ Іліинъ апо* (ст. 14), и послѣ этихъ словъ ударилъ по водѣ вторично, и раздѣлился Іорданъ. Почему вода не послушалась его первый разъ? Чтобы онъ не думалъ, что она послушалась за его прежнее достоинство, которое было у него; и потому онъ призвалъ Бога и говорилъ: *гдѣ Богъ Іліинъ апо*? Почему онъ сказалъ: *гдѣ Богъ*? Не зналъ развѣ пророкъ, что Богъ на небѣ, и на землѣ, и всюду? Но такъ какъ ему сказалъ Ілія: *еще узриши мя вземлема, будетъ ти тако...* (здѣсь совсѣмъ прерывается).

О фарисеѣ и о блудницѣ.

Прозвнесено во святой и великій четвергъ.

727 Кто желаетъ, всякое время удобно для покаянія. Каждому возможно, по желанію, и весною произрасти хорошую жизнь, и лѣтомъ собрать снопы спасенія, и осенью замѣтить вредъ и порчу души, и зимою избѣгнуть зимы беззаконій; при всякой переменѣ (возможно) измѣниться на лучшую перемену: и ночью уклониться отъ ночи грѣха, и днемъ убѣжать къ свѣту чистой совѣсти и прибѣгнуть къ создателю; настоящее время, огражденное воздержаніемъ и постомъ, болѣе удобно для покаянія, но не всѣмъ. Какой-то голосъ почти-что говоритъ: если кто приходитъ ко мнѣ, я, взявъ его, возведу къ общему создателю. Окрылимъ же самихъ себя вѣрою и покаяніемъ и взлетимъ къ нашему творцу: и мы, какъ первородные сыны церкви, и вы, какъ бы зародыши, лежащіе въ нѣдрахъ церкви и желающіе съ любовію принять блаженные и немучительные роды и сдѣлаться дѣтьми поборника за насъ (а благодать вѣры необходима и вамъ, имѣющимъ насладиться тѣхъ же благъ); мы—чтобы омыть слезами царскую одежду, которую ношеніемъ загрязнили, а вы—чтобы имѣть возможность одѣться ею; и сохранить чистою отъ всякой грязи. Безъ чистой вѣры никому не возможно удостоиться челоуколюбія Божія. Мое слово подтверждаетъ, кромѣ иныхъ безчисленныхъ (примѣровъ), та блудница, которая владѣла вѣрою и покаяніемъ, какъ бы двумя свѣтильниками, прибѣгла къ небесному жениху и сдѣлалась невѣстою Христовою въ одинъ день. Но такъ какъ я вспомнилъ о блаженной блудницѣ—называю пока нарицательное ея имя (чтобы намъ знать, кто она прежде и что послѣ)—то желаю ввести ее во святую церковь, чтобы и намъ поучиться отъ нея, какъ должно намъ подойти ко Христу, и получить избавленіе отъ грѣховъ. Сдѣланное ею—ясное свидѣтельство, что должно дѣлать намъ; и разговоръ Спасителя съ нею будетъ утѣшеніемъ для грѣшниковъ. Кто слышитъ, что жена, покрытая безчисленными нечистотами, получила награду дѣвства, такъ какъ прибѣгла только къ Нему и облила Его ноги теплыми каплями слезъ, тотъ

пусть покажетъ въ себѣ такой же образъ, чтобы пожать такой же плодъ. Кто, обсуждая ея перемѣну и оплату (ей), не выработаетъ того же самаго намѣренія, чтобы приобрести одинаковое воздаяніе? Что есть блудница, какъ не погибель, не открытое поношеніе природы, не публичное торжество надъ женскимъ поломъ, оскорбленіе души и тѣла, усладительная азва, убѣленный гробъ, необузданныя и ненавистныя уста ада, украшенное преддверіе смерти, усладительный ядъ, дерзкое безстыдство, поборъ безстыдный, красивая гибель, приманка распутства, петля юношей, торгашъ собственными членами, глубина погибели, любимое кораблекрушеніе, общее несчастье всякаго грѣха, дерзкій притонъ, учитель всякаго беззаконія, устроитель вражды къ Богу, матеріалъ для вѣчнаго геенскаго огня? Однако служительница столькихъ и такихъ золъ вписана въ евангельскихъ книгахъ, такъ какъ, вопреки (своему) обычаю, возлюбила цѣломудріе. Раскрывъ ихъ (книги), воспользуемся ея исторіей, какъ она получила пользу отъ Христа. *Моляше нѣкій отъ Фарисей* 723 Иисуса, *дабы ялъ съ нимъ: и ошедъ въ домъ Фарисеовъ, возлеже* (Лук. vii, 36). Кто видѣлъ, что царь приглашается воинномъ? Кто видѣлъ, что владыка кормится рабомъ? Кто видѣлъ, что такая высота сходитъ до такого смиренія? О, чрезмѣрная изумительность! О, божественное снисхожденіе! Онъ не сказалъ позвавшему фарисею: ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто зоветъ всѣхъ людей на обѣдъ небесный; ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто насытитъ цѣлый народъ пятью хлѣбами; ты зовешь на обѣдъ Меня, Кто даетъ пищу всякой плоти! Ничего такого не сказалъ Спаситель, но, молча, возлегъ въ домѣ фарисея. Онъ напередъ зналъ, какой обѣдъ Онъ намѣренъ былъ приготовить; уже зналъ, что имѣетъ подойти къ Нему блудница и спастись, и всюду къ окружающимъ обращалъ взоръ, смотря на дверь, и только что не восклицалъ возлежащимъ: Я буду ѣсть пищу, которую вы немного спустя увидите; Я буду ѣсть пищу — спасеніе имѣющей подойти ко Мнѣ жены; Мое питаніе—обращеніе людей; Мое питаніе—жизнь Моихъ рабовъ; Мой пиръ—раскаяніе грѣшниковъ; Моя усада—разрѣшеніе осужденныхъ; Мое угощеніе—освобожденіе плѣнныхъ. Когда Спаситель говорилъ это на ложѣ взоромъ и видомъ, *се жена во градъ, яже бѣ грѣшница*. Подъ прицѣлъ небснаго Царя прибѣжала добыча; ловець уже возлежалъ готовымъ, и ловитва поспѣшила къ ловцу: *и се жена во градъ; яже бѣ грѣшница*. (Это) два тяжелыхъ знака нечестія. Скажи мнѣ, евангелистъ, названіе ея, напиши имя жены; узнаемъ, какъ она называлась. Она имѣла названіемъ грѣхъ и имнемъ дурное поведеніе. Увидѣвъ, что Иисусъ возлежалъ въ домѣ фарисея, она сказала сама себѣ: внутри Христосъ, изливающий челоуколюбіе и источающій милосердіе; внутри Христосъ, дающій и словомъ испѣленія и звукомъ врачеванія; внутри Христосъ, прославляемый ангелами и живущій между людьми, какъ одинъ изъ нихъ; внутри Христосъ, сопредстольный Отцу и подъ одною кровлею съ фарисеемъ; внутри Хри-

стось, питающій всѣхъ божествомъ и питаемый человѣчествомъ; внутри Христось—и терпѣть фарисейскую трапезу исполняющій всякимъ благомъ всякую трапезу; и Онъ вполне удостоилъ войти въ домъ фарисей, безгрѣшный, вполне попустилъ угощеніе Себя грѣшникомъ. У меня есть хорошія надежды относительно моего нечестія: такимъ явившійся относительно фарисей, и относительно меня во всемъ будетъ добръ и человѣколюбивъ.

Я нашла, какъ желала, общее умилостивленіе; нашла находящаго ищущихъ Его, нашла отыскивающаго желающихъ Его, нашла прибѣгающаго къ бѣгущимъ и предварающаго приходящихъ къ Нему, нашла удобныя для меня время и мѣсто. Подойду къ чистому источнику, огрязненная сладострастіемъ; не останусь оскверненною, когда явился такой источникъ; омою самое себя задаромъ,—такъ жаждетъ источникъ. Подойду къ вѣчному свѣту—онъ полезенъ и днемъ, какъ ночью; увижу небесный свѣтъ въ свѣтъ; подойду къ солнцу правды, навлекающая на себя иракъ неправды. Кто, обращаясь со свѣтомъ, не получаетъ части свѣта? Подойду къ Царю небесъ, пришедшему для меня ко мнѣ, занявшему этотъ домъ и давно, кажется, ожидающему моего прихода; подойду къ небесному врачу, отверженная всѣми; подойду къ небесному врачу, болѣющая при здоровѣ; такъ, увидѣвъ меня, Онъ можетъ положить на мои страсти лѣкарство, которое можетъ усыпить всю боль. Покажу знающему свои раны, и возьму лѣкарство. Подойду къ единой жизни, отделившая самое себя отъ жизни самую дурною жизнью; подойду къ человѣколюбивому судѣ, осужденная. До воскресенія мертвыхъ разрѣшу свой долгъ, до страшнаго суда избѣгну суда, предъ ужаснымъ сѣдалищемъ незамѣтно похищу свое наказаніе; прежде, чѣмъ увидѣть, что Христось является судьей, увижу, что Онъ человѣколюбиво бесѣдуетъ; прежде, чѣмъ устранишься наказывающаго, приласкаюсь къ присутствующему. Я не первая осмѣливаюсь на бесѣду съ Нимъ; уже и другая, какъ слышала я, жена самарянка; при законѣ беззаконная, встрѣтилась съ источникомъ при источникѣ, и отошла, почерпнувъ богопознаніе. И опять иная какая-то жена хананейскаго рода, свободная отрасль проклятаго и рабскаго сѣмени, подошла съ просьбою противъ демона, насильно властвовавшего надъ ея единокровною; она возвратилась, получивъ власть противъ демона: мать стала врачомъ для дочери, а этотъ жестокой и грубый демонъ, устрешенный повелѣніемъ голоса Христова, не осмѣлился болѣе приблизиться къ дѣвицѣ. Буду подражать этой и я; буду подѣлать Того, Кто все даритъ, можетъ и беретъ; воспользуюсь привычнымъ безстыдствомъ для своей пользы; незваная стану у Спасителя, угощаемаго, имѣя видъ какъ бы гражданства среди многихъ пирующихъ; распушу волосы, и буду оплакивать свое несчастіе; раскрою хитрыя сѣти, чтобы уловить щедро дающаго милость; заплачу разъ хорошо, часто смѣявшаяся худо; заплачу теперь у человѣколюбиваго судьи, чтобы подъ конецъ не

плакать бесполезно; посѣтую теперь немного, чтобы не сѣтовать тогда много; залюю ноги Христовы слезами, чтобы мнѣ Онъ омылъ мои беззаконія словами; оботру слезы косами, чтобы и для нихъ было отсюда нѣкоторое освященіе; зацѣлю непорочныя стопы, которыя и море цѣловало, чтобы цѣломудренными поцѣлуями извергнуть мнѣ адъ распутныхъ поцѣлуевъ; обниму божественное тѣло, дѣвственное, изъ Дѣвы, чтобы на свое осужденное тѣло мнѣ перевести нѣкоторую каплю правды изъ того святого тѣла. Склонится къ этому милосердый; помируетъ припадающую, которую не наказалъ согрѣшающую; помируетъ колѣнопреклоненную, которой безпорядочно пляшущей постоянно благодѣтельствовалъ; помируетъ желающую спасенія, которую кротко поднималъ, нашедши погибающею. Онъ не переноситъ искреннихъ слезъ, не можетъ и для меня не явиться тѣмъ, что Онъ есть по природѣ, милосердый; много можетъ предъ Нимъ стоить, поднимающійся изъ глубины души; большое дерзновеніе имѣеть у Него покаяніе; скажетъ всячески и мнѣ нѣчто кроткое, тихое и приличное Его божеству. Такъ размышляла мудрая, такъ дѣлала вѣрная. И нарядившись въ женское покрывало, подѣвически, а не поблудническому, и скрывши такъ весь свой ликъ, до тѣхъ поръ для всѣхъ открытый, какъ въ театрѣ, и тщательно осматрѣвшись отовсюду, чтобы никакой блуднический видъ не вошелъ съ нею къ Господу, съ обличеніемъ ея,—она вбѣжала въ домъ фарисеевъ и, ставъ подлѣ ногъ Владыки, исполнила задуманное желаніе: *принесши алабастръ мѣра, и ставши при ногу его созида плачущися, начатъ умывати нозѣ его слезами, и власы главы своея отираше, облобызаше нозѣ его, и мазаше мѣромъ* (Лук. VII, 37, 38). Она говоритъ молча и восклицаетъ молча, поднимаетъ крикъ въ душѣ къ умѣющему слышать страдающія души и, при молчащихъ устахъ, слезами пишетъ такое моленіе. Я брошена, какъ погибшая овца, но узнала Тебя, моего пастыря и Господа; по волѣ, я захвачена дикими звѣрами, но пришла къ мысли избѣгнуть острыхъ укусовъ волка; часто, по желанію, терпѣла кораблекрушеніе, но спасена, удержавшись за Твое пришествіе, какъ за якорь. Но у меня нѣтъ дерзова- 730
венія: всякій грѣшникъ безъ дерзновенія; нѣтъ никакихъ оправдательныхъ словъ: безотвѣтенъ всякій грѣшникъ и беззаконникъ; нѣтъ голоса: безъ голоса всякій осужденный; порочная совѣсть заграждаетъ мои уста, которыя развратила моя распутная жизнь; обвинитель—богатство давитъ мой языкъ всегдашнимъ внутри меня восклицаніемъ: затвори уста; уста грѣшниковъ не дерзновенны для ходатайства, языкъ осужденный не удобенъ для моленія и обманчивое слово не пристойно для просьбы. Молча, я учу Тебя, знающаго все обо мнѣ; взглядомъ говорю, образомъ восклицаю, глазами проповѣдую о беззаконіяхъ, слезами объявляю погрѣшности, стономъ возвѣщаю, что только отъ Тебя не въ силахъ укрыться. Какъ плѣнница, со всѣмъ своимъ оружіемъ падаю подъ Твои ноги, Царя небснаго; и все свое тѣло, которымъ воевала противъ Тебя, или лучше,

противъ себя, приношу къ Тебѣ, человеколюбцы! Помилуй эту голову, *яко беззаконія моя превзыдоша главу мою* (Пс. *xxvii*, 5); помилуй эти волосы, которые Ты создалъ; помилуй эти глаза, которые Ты устроилъ; помилуй эту грязь, которую Самъ преобразилъ въ красоту, а я воспользовалась красотою для безобразной непристойности; помилуй Твой образъ, надъ которымъ непріятель надругался, какъ желалъ; помилуй Твою колонну, которую, какъ не имѣющую Владыки, увлекъ Твой врагъ; прими, какъ выкупъ, слезы и разрѣши, какъ благой, обвиненія; пожелай только, и я разрѣшена; дай знакъ только, и я искуплена; прикажи, и желаемое совершено. Чего Ты желаешь—совершается, и слово Твое—дѣло. Я получу свободу отъ пречистыхъ Твоихъ ногъ, какъ похитила врачеваніе отъ края Твоей одежды кровоточивая, когда Ты пожелалъ этого хищенія; и я буду повѣствованіемъ для послѣдующихъ за мною о Твоемъ человеколюбіи. Отпусти меня, и что обо мнѣ—(это будетъ) для послѣдующихъ родовъ прекраснымъ воспоминаніемъ о Твоемъ милосердіи; пусть говорятъ всѣ, что нѣкогда беззаконная и осужденная блудница, подойдя къ Іисусу, была оправдана Имъ; и, увидя, всѣ пусть подойдутъ со мною, и восхитятъ Твои дары. Праведный и человеколюбивый судія, обращающійся съ осужденными по многому человеколюбію! Сюда къ Тебѣ, какъ судѣ, я пришла—здѣсь объяви мнѣ отпущеніе; не торжествуй надъ моими грѣхами предъ всякимъ созданіемъ; не объявляй всѣмъ на будущемъ судѣ мои беззаконія; не посылай меня въ адскій огонь, имѣющій своимъ веществомъ жизнь нерадивыхъ. Іисусъ Христосъ, Сынъ Дѣвы Маріи и Создатель Дѣвы! Черезъ Дѣву и Матерь Твою и опять Дѣву, возстанови черезъ нее святую меня преступную, и сдѣлай невинною. Будучи также рожденъ женою, Ты знаешь, какъ Ты только знаешь, немощь людей.

Когда такъ говорила сама себѣ вѣрная и умоляющая жена, Спаситель, будучи вблизи, далъ желающей (возможность) воспользоваться желаніемъ, и обнять Свои ноги для ненасытнаго наслажденія; будучи на ложѣ, Онъ и плачемъ ея пользуется, и пируетъ слезами покаянія, и жаждетъ, жаждая милости. Фарисеи тихо перешептывались другъ съ другомъ, говоря: что это за странное и неожиданное зрѣлище? Кто научилъ эту блудницу цѣломудрію? Кто подвигнулъ предавшуюся постыднымъ удовольствіямъ на такія мысли? Не она ли завѣдомый срамъ нашего города? Не она ли жена постоянныхъ желаній? Не она ли обвинительница грѣха для каждаго? Не она ли врагъ цѣломудрія и разрушительница законныхъ браковъ? Не она ли лестью похищала людей? Какъ изъ такой п вдругъ этакая? Какъ любящая смѣхъ и наслажденіе явилась любящею слезы и печаль? Какъ неразумная и неумѣстная, обручающая всѣхъ смерти и образомъ, и взглядомъ, и видомъ, и суетною походкою и всѣмъ тѣломъ—измѣнилась въ этотъ разумный видъ? О, неожиданное измѣненіе! О, странная перемѣна! Они такъ рассуждали, а позвавшій Іисуса

фарисей, порождая хульные помыслы въ своей душѣ, говорилъ: *сей аще бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ бы, кто и какова жена, которая прикасается ему: яко грѣшница есть* (ст. 39). Простой случай, что называется Онъ 731 пророкомъ; и я обманулся съ остальными, введши Его въ свой домъ, какъ испытателя (всего) неизвѣстнаго. Если бы Онъ былъ пророкомъ, зналъ бы ясно и будущее. Онъ не знаетъ явной и очевидной для всѣхъ (грѣшницы),— какъ же можетъ знать тайное для всѣхъ? Какъ Онъ терпитъ блудничныя руки? Какъ не прогоняетъ прочь не имѣющую ничего невиннаго въ своемъ тѣлѣ? Какъ не гнушается гнусной и исполненной всякаго постыдства? Фарисей оуждаетъ великое человеколюбіе, какъ незнаніе, и снисхожденіе называетъ незнаніемъ, самъ болѣе незнаніемъ происходящаго. *И отвѣщая Иисусъ рече къ нему: имамъ ти нѣчто реци* (ст. 40). Я знаю, что говоришь, ничего не говоря; знаю, о чемъ кричишь молчаливо; знаю, о чемъ восклицаешь молчаливо; знаю, съ чѣмъ и эта обращается ко Мнѣ въ мысляхъ; знаю Я, какіе строишь въ душѣ противъ Меня помыслы. Я расскажу рѣчи твоихъ мыслей, объявлю твое богохульство, обществу высокомѣріе твоихъ помышлений, такъ какъ я пребываю въ помыслахъ твоей души. Ты говоришь такъ: *аще бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ бы, кто и какова жена, которая прикасается ему: яко грѣшница есть*. Это слова твоей мысли. Какъ бы Я узналъ въ глубинѣ твоей мысли волненіе поднятыхъ помысловъ, если бы не былъ Богомъ, устройтелемъ всего? Какъ подозрѣваешь уже самъ изъ отвѣта, познай, Кто Я, отвѣчающій тебѣ, когда ты ничего не говоришь; Я открываю рѣчи твоей души. Если бы Я былъ пророкомъ, зналъ бы, кто и откуда жена? А гдѣ необходимое пророку освѣщеніе для знанія видимаго? Я не знаю стоящей на площади? Не знаю всѣмъ очевидной? Не знаю вотъ этой, для которой пришелъ къ тебѣ? Я знаю, кто и откуда эта жена; ничто не сокрыто отъ божественныхъ очей—ни корыстолюбецъ, ни дурное поведеніе; знаю, кто и откуда эта жена, и что она грѣшница; и радъ, что удерживаюсь ею, такъ какъ ее, робко держащуюся за Меня, спасу, какъ прилично Богу. Не оскверняюсь ея руками, но дѣлаю ее чистою. Нечистота не омрачаетъ солнца, жемчуга не измѣняетъ грязь, безгрѣшному не приражается грѣхъ. Не коснулся ли Я недавно прокаженнаго, и страданіе исчезло? Вѣдь прокаженнымъ не сдѣлался, приблизившись къ прокаженному? Такъ и теперь обычное совершаю чудо: измѣняю ее въ святость, а самъ не измѣняюсь въ ея качество, терпя прикосновеніе (ея) руки. Я врачъ, но врачъ не ранъ, гнили и гнойной крови, а совершаю спасеніе болѣющихъ душою; Я творецъ, и щажу Свое твореніе; Я Владыка, и не терплю наказанія рабы, любящей Владыку; Я пастырь, и радуюсь, нашедши Свою блуждающую овцу; Я пристань, и всѣхъ устремляющихся (къ Мнѣ) принимаю. *Симоне, имамъ ти нѣчто реци. Два должника бѣста заимодавцу нѣкоему* (ст. 40, 41). Пока ты стоишь съ нею въ одномъ ряду; почему возстаешь противъ нея, какъ одинъ только

взошедшій въ крѣпость добродѣтелей? Пока ты стоишь отвѣтчикомъ предо Мною; за что судишь ее, какъ единственно неотвѣтственный? Два должника—ты и она, а заимодавецъ Я; Я далъ въ долгъ тебѣ и женѣ настоящую жизнь. *Единъ бы долженъ динаріевъ пятьсотъ, другой же пятьдесятъ* (ст. 41). Она должна пятьсотъ динаріевъ, такъ какъ во многомъ погрѣшила; ты долженъ пятьдесятъ, такъ какъ немного ошибался; однако ты подлежишь отчету въ жизни. *Не имущема же има воздати, обѣма отда* (ст. 42). Я простилъ тебѣ твои вины, прощаю и ей ея погрѣшности; ты первый вкусилъ Моего пришествія, пусть вкусить и она Моего непамятозлобія. Ты желалъ, чтобы Я явился человѣколюбивымъ къ тебѣ и безчеловѣчнымъ къ ней? Но Я не допускаю взять тебя въ управители Моей благодати. Если бы ты занималъ ея мѣсто, а она твое, желалъ ли бы ты, чтобы она о тебѣ то говорила, что ты противъ нея думаешь? Ты не слышалъ, что чего не желаешь себѣ, не дѣлай другимъ; это общій законъ природы. Итакъ, скажи мнѣ: кто *наче возлюбить его* (ст. 42)?

Въ отвѣтъ Симонъ сказалъ: *мню, яко ему же явльше отда*. И ему Спаситель: *право судилъ еси* (ст. 43). Итакъ, оставайся при томъ, что ты Самъ первый рѣшилъ. *И обращая къ женѣ, Симонови говоритъ: видиши ли сію жену* (ст. 44)? Я не называю уже блудницей бросившую 732 выѣстъ съ дѣломъ и имя свое. Видишь эту жену, самозванно вошедшую къ намъ, показывающую собою похвальное безстыдство, дѣлающую безстыдство вождѣннымъ, предводительницу по пути, который ведетъ ко Мнѣ, начальницу благочестія, учительницу покаянія, научившую дѣломъ дѣлу, непрестанно плачущую, дерзновеніе грѣшниковъ, проповѣдницу Моего милосердія, сдѣлавшую твой домъ церковью, только ее одну молящуюся Единому, смотрящую на Меня, какъ на человѣка, и умоляющую, какъ Бога, преклоняющую колѣни предо Мною, какъ предъ судьей, хотя безъ тѣлохранителей и судейскаго сѣдалища, поклоняющуюся (Мнѣ) возлежащему? Видишь эту жену, неутомимую, совершительницу благого, текущую себѣ одежду безсмертія своими волосами и слезами, ходатайствующую за себя всѣмъ своимъ тѣломъ, ненасытную въ томъ, чего не нужно было видѣть, и болѣе ненасытную въ томъ, неуемѣнность чего ублажается? Разсмотри сдѣланное тобою, и посмотри на сдѣланное ею,—п ты увѣнчаешь со Мною увѣнчавшую самое себя. Если ты не изумишься благочестію и дѣламъ ея, поряцай Мое состраданіе. *Внидохъ въ домъ твой Я, Христосъ, вверху и внизу и всюду и здѣсь такой же, какимъ видишь; пришествіемъ Своимъ почтилъ тебя и домъ твой; и ты воды на нозѣ мои не далъ еси; ты не возлилъ на мои ноги удобнаго, легкаго и доступнаго, сія же, поносимая тобою, слезами облія ми нозѣ, которыхъ не омочаютъ воды и волны цѣлаго моря. Ты видишь (жену) возливающую странное орошеніе на Мои ноги; видишь неожиданный дождь, не изъ облаковъ несущійся, но изъ женскихъ глазъ рождающійся. Какой источ-*

никъ изливаетъ столько потоковъ, сколько она слезъ? Какой родникъ не оскудѣваетъ, источая столько капель? *Сія слезами облія ми нозѣ, и аласы главы своєю отре;* странный лентій она приготовила изъ своихъ волосъ, и неожиданное полотенце сдѣлала для Моихъ ногъ изъ своихъ косъ. *Лобзанія ми не далъ еси;* ты не удостоилъ приложить свои губы къ Моимъ губамъ; *сія же, отнелиже енидохъ, не преста облобызаючи ми нозѣ.* О, пріятное усердіе! О, божественные поцѣлуи! О, духовные поцѣлуи, возмѣстившіе за прежнія объятія! *Масломъ главы моея не помазалъ еси;* болѣе цѣнную часть тѣла ты не увлажнилъ простымъ елеємъ, *сія же мѣромъ помаза ми нозѣ.* Итакъ, что тебѣ кажется? Отвергну приносящую Миѣ такіа угощенія? Сброшу съ Себя любезные Миѣ дары? Не обращаюсь къ такому расположенію? Не обращаюсь къ вѣрѣ высшей неба? Презрю столь прекрасное? Презрю жалостные стоны? Но Я не таково по природѣ. Презрю источники слезъ? Но Я не могу. Презрю заплаканный образъ? По человѣколюбію только Я принялъ образъ раба. Откажусь отъ самого Себя для тебя? Возненавижу такъ искренно Меня любящую? Оттою такъ обнимающую Мои ноги? Прогоню просительницу, не надѣющуюся на это? Исполню волю діавола? Подарю Свою добычу неприятелю? Опять пошлю Свою голубицу къ ястребу? Не сжалюсь надъ не говорящей ничего другого, какъ только—помилуй меня? Не помиую убѣгшую такъ отъ діавола и прибѣгшую ко Миѣ? Зачѣмъ же Я сошелъ съ небесъ? Зачѣмъ облекся видимымъ тѣломъ? Зачѣмъ Я внутри твоего дома? Если бы Я намѣренъ былъ прогнать ту, которая является и желаетъ быть пойманною, то зачѣмъ Я занялъ мѣсто ловли? Но *не приидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѣ. ix, 13); почему говорю тебѣ: *отпущаются ея грѣси мнози, яко возлюби много.* Кто же мало любить, мало возлюбится (Лук. vii, 47). Сказавъ это фарисею, Христосъ удостоилъ (жену) прильнувшую къ Нему кроткаго и ласковаго взгляда и рѣчь и, немного нагнувшись къ закрывшейся и молящей, удостоилъ ее желаемаго отпущенія грѣховъ: *отпущаются тебѣ грѣси* (ст. 48). Прими наконецъ, жена, просьбу, скрѣпленную слезами, прими воздаяніе вѣры, прими награду послушанія, прими дары благочестія, прими вѣнецъ покаянія, прими сладчайшій плодъ горькихъ стоновъ, прими сладчайшую жатву печальнаго сѣянія. Ты посѣяла со слезами, съ 733 веселіемъ пожни: *отпущаются тебѣ грѣси.* Разорваны верви худой жизни, расторгнуты оковы порочности; ты освобождена отъ вины и отчетовъ, избѣгла негасимаго огня, немногими слезами погасила столь великій пламень, раздавила главу лукаваго врага, славно побѣдила противника.

Дерзай, дочь: если Богъ оправдываетъ, то кто осудить? Я, судья, становлюсь вручителемъ отпущенія: кто другой разрушить Мой приговоръ? Я, судья, разрѣшаю: кто иной осудить? Дерзай, дочь; подумай,

какъ внезапно ты возвышена, какъ ты пришла точно осужденная—и удостоилась освободиться отъ осужденія и сдѣлаться дочерью Моего небеснаго царства. Ты пришла, какъ раненая, получить лѣкарство, и понесла, какъ царица, царскій вѣнецъ. Ты возрождена помимо утробы, возсоздана помимо грязи, выплавлена помимо огня, крещена помимо купели. Ты сама для себя сдѣлала купель изъ слезъ; рѣчь Моя стала твоимъ крещеніемъ, слово Мое просвѣщеніемъ твоего лица. Дерзай, дочь: *вѣра твоя спасе тя*. Какъ повѣрила,—почерпнула; какъ пожелала,—получила; какъ захотѣла,—стала царицей. Согнулась тѣломъ, и исполнилась вся свѣтомъ. *Вѣра твоя спасе тя*. Вѣра начало спасенія, вѣра введеніе къ безсмертію, вѣра чистое око богопознанія, вѣра усматриваетъ незримое. *Вѣра твоя спасе тя*. О, если бы и іудеи подражали твоей вѣрѣ! О, если бы и эллины поревновали о твоємъ рѣшеніи! О, если бы всѣ люди научились вѣровать, какъ ты! *Иди съ миръ*. Такъ какъ ты пожелала, будешь всегда имѣть Меня съ тобою и въ тебѣ; если останешься такою невинною, Я никогда не отлучусь отъ твоей мысли; если соблюдеши эту чистоту не загрязненною, Я всегда съ тобою пребуду; если останешься дѣвственною невѣстою, Я буду для тебя дѣвственнымъ женихомъ, женихомъ—стражемъ нетлѣнія; если не отвергнешь брачнаго залога, совершеннаго сегодня между нами, Я не прекращу сожителства съ тобою; если не будешь блудницей противъ Меня, Я не отвергну тебя отъ Моего родства; если не допустишь противъ Меня прелюбодѣйнаго помысла, Я подарю тебѣ, какъ небесный женихъ, и все небесное; если сохранишь совѣсть не уязвимою въ отношеніи Меня, будешь постоянно наслаждаться Моимъ благоволеніемъ. *Иди съ миръ*. Помни настоящій день, въ который ты насладились свободой; помни эти прекрасныя слезы, которыми ты достигла такой свѣтлости; помни 734 это покаяніе, которымъ ты обрѣла достоинство дочери. *Иди съ миръ*. Я примирился съ тобою, печалюсь много времени до этого о тебѣ чрезъ тебя. Не разрывай прекраснаго мира низкими дѣлами; не поднимай опять войны противъ Меня своимъ тѣломъ; не сплетай опять по-сатанински волось; не убѣлай, какъ стѣну, своего лица; не измышляй суетнаго и гибельнаго украшенія; не предлагай, какъ на площади, взгляда своего купцамъ постыдныхъ удовольствій; не устремляй очей, какъ ловець, противъ добровольно уловляемыхъ; не пользуйся губами, какъ стрѣлами, противъ охотно ранящихъ себя; не дѣлай устъ своихъ смертью; не порочь рукъ непристойными объятіями; не осуждай ногъ постыднымъ бѣганьемъ; не извращай прекраснаго своего бѣганья худымъ бѣганьемъ; не разбрасывай жемчуга невинности, который безъ труда ты собрала; не будь опять притокомъ порчи; не устремляйся опять къ старому своему обману; не возстановляй прежней палатки; не созидай худо того, что прекрасно разрушила; не принимай въ совѣтники змѣя, чтобы не обнажитья тебѣ, какъ Евѣ; не покидай источ-

ника вѣры для удовольствія, чтобы многообразный драконъ не отравилъ тебя ядомъ; не усыпленный сномъ сладострастія, чтобы не возбудить противъ себя Моего праведнаго гнѣва; не принимай на себя грязи послѣ такого мира; не будь опять, чѣмъ была; разъ очищена, разъ сплавлена; останься вновь сдѣланнымъ украшеніемъ цѣломудрія, чтобы не плавиться въ огнѣ. *Иди отъ миръ.* Возвѣщай встрѣчнымъ, какъ благъ Я и чело-вѣколюбивъ; указывай не знающимъ смывшаго твою нечистоту; будь впредь сѣтью жизни. До настоящаго дня ты охотилась за юношами для погибели (нихъ); съ настоящаго дня уловляй всѣхъ людей для спасенія; восклицай вмѣсто Павла, будто раньше Павла уловленная: *отърно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нижже первая есмь азъ* (1 Тим. 1, 15). Поревнуемъ и мы всѣ покаянію ея, чтобы приобрѣсти равное дерзновеніе; развѣшимъ неправды, какъ она волосы; прольемъ такія же слезы, чтобы получить такія же лѣкарства; будемъ такъ любить Владыку, чтобы Онъ такъ любилъ насъ; будемъ держаться и мы руками вѣры за Того, Кто охотно предается, и никогда не покинемъ Его, пока Онъ не скажетъ самымъ дѣломъ и намъ: отпускаются ваши грѣхи; дерзайте, дѣти; вѣра ваша спасла васъ! И вѣру ея напишемъ въ нашихъ мысляхъ, возсылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О тридневномъ воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ третій день, даруя 733 міру жизнь. И вотъ нѣкоторые изъ стражи, придя къ іудеямъ, сказали: воскресъ изъ мертвыхъ Іисусъ, называемый Христомъ. И говорятъ неразумные іудеи воинамъ: почему вы не удержали Его? Говорятъ воины: вы, удержавъ Его, какую получали пользу, кромѣ вреда для вашихъ душъ? Онъ сказалъ, что должно Мнѣ умереть и въ третій день воскреснуть; и это исполнить, воскресши изъ мертвыхъ со многою славою. Говорятъ неблагодарные іудеи: вы получили деньги отъ учениковъ Его и выдали Его тѣло. И говорятъ воины: у васъ такое невѣріе, беззаконники? Вы не повѣрили Его слову, что должно Мнѣ умереть и въ третій день воскреснуть. Горе вамъ, іудеи, такъ какъ Онъ теперь пришелъ, и вы не повѣрили Ему, для того пришедшему, чтобы исполнилось все Писаніе, говорящее о Немъ. Когда Онъ придетъ второй разъ опять, что вы будете дѣлать, беззаконники? И какъ мы могли удержать Его, когда сдѣлались мертвыми отъ страха славы Его? При воскресеніи Его, поколебалось мѣсто съ основаній, и воинства ангеловъ окружили божественный гробъ Его; и, подойдя, одинъ ангелъ отодвинулъ камень отъ двери гроба; и вотъ вышелъ Іисусъ, какъ изъ чертога, блестя, какъ молнія.

И мы услышали, что ангелъ говорилъ женщинамъ: не бойтесь вы; идите, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и вотъ Онъ
 734 предшествуетъ вамъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите. Итакъ, вотъ Онъ въ Галилеѣ. Если можете, идите, удержите Его. Вотъ мы сказали вамъ истину, которую услышали отъ ангела. Іудеи, услышавъ эти слова, стали, какъ мертвые, отъ страха и изумленія; и переглянувшись между собою, дали достаточно сребренниковъ воиnamъ, и просили ихъ словами: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали. И если услышите объ этомъ начальникъ, мы убѣдимъ его, и васъ сдѣлаемъ безотвѣтственными. О, незаконные іудеи! Кто убѣдитъ цѣлый міръ? Горе вамъ, жалкіе, что замыслили лукавый совѣтъ, что были названы дѣтьми, но стали собаками! Горе вамъ, жестоковѣрные и необрѣзанные, что, будучи избраннымъ народомъ Божиимъ, стали волками и изощрили зубы противъ агнца Божія, и стали чуждыми славы Его! Горе вамъ, неразумные, что возлюбили адъ и вѣчный огонь! Адъ, послѣ выхода находившихся въ его сокровищницахъ, принимаетъ васъ вмѣсто нихъ, со словами: не успокоится ли кто-нибудь изъ евреевъ, которые подняли руку противъ Христа, и меня сдѣлали плѣнникомъ? Если бы они не замыслили лукавства противъ Господа, и я бы не пострадалъ такъ. Когда приму ихъ, спущу ихъ въ самыя низнія свои части, гдѣ отецъ ихъ, діаволъ, заключенъ въ вѣчный огонь и съ неусыпнымъ червемъ, чтобы не вооружались противъ Господа славы, не говорили бы неправды противъ Бога и не поднимали бы на высоту гордости свой рогъ. Горе вамъ,
 735 несчастные іудеи, что, оставивъ свѣтъ, возлюбили тьму! О васъ сказалъ пророкъ Ісаія: *горе полагающимъ свѣтъ тьму и тьму свѣтъ, говорящимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Іс. ѵ, 20). Горе вамъ, несчастные іудеи, когда увидите, что древу, на которомъ вы распяли Господа, поклоняется міръ, и въ день воскресенія и второго пришествія Своего идетъ Господь на облакахъ небесныхъ, окруженный копѣеносцами-ангелами, и васъ осуждаетъ! Горе вамъ, іудеи, что держите между собою лукавый совѣтъ умертвить безсмертнаго! Онъ живетъ вѣчно, а вы умерли въ невѣріи, и не повѣрили слову блаженнаго Павла: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бысть по насъ клятва* (Гал. ш, 18). Но мы, оставивъ злыхъ и неповорныхъ іудеевъ, пойдемъ къ свѣту Солнца правды, и съ радостью примемъ воскресеніе Господа. Итакъ, воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ изъ мертвыхъ, и встрѣтилъ Его двѣ жены, т. е., Марія Магдалина и другая Марія, которая есть Матерь Іисуса, и поклонились Ему. Что же Онъ? *Не бойтесь, но идите, скажите братіи моей и Петру, да идутъ съ Галилею, и ту мя видятъ* (Мѣ. ххviii, 10). Итакъ, эти жены первыми приняли отъ Него радость и поспѣшили проповѣдать апостоламъ о Его воскресеніи, и отошли къ себѣ, получивъ радость отъ Владыки твари. Марія Магдалина опять пришла ко гробу; и не найдя Его, услышала ангельскій голосъ, повто-

ряющій то, что она слышала и отъ Господа, что Онъ предваряетъ въ Галилеѣ; и обратившись видѣть, что Господь говоритъ ей. Думая, что Онъ—стражъ сада, спрашиваетъ, не знаетъ ли, гдѣ Христосъ положенъ. Иисусъ говоритъ ей: Марія, чего ты плачешь, чего ищешь? Перестань плакать, принявъ радость! Гдѣ радость, исчезли мрачныя слезы; гдѣ радость, убѣгаетъ потушенная скорбь; гдѣ радость, нѣтъ печали, гдѣ радость, знаки веселія. Я Сынъ Дѣвы, Я Иисусъ, побѣдитель ада, Я побѣдитель міра, Я опустошитель ада, Я Иисусъ, благовѣстившій мертвымъ надежду воскресенія, Я добровольно претерпѣвшій крестъ за спасеніе міра, Я Иисусъ, тридневно воскресшій изъ мертвыхъ, какъ предсказалъ, и произнесшій вамъ: радуйся. *Небо и земля мимоидеть, словеса же моя не мимоидутъ* (Мѡ. ххiv, 35). Я Иисусъ, одѣватель крещаемыхъ; обо Мнѣ Павелъ возглаголюетъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. iii, 27). Я Иисусъ, невѣстоводитель просвѣщенныхъ; Я Иисусъ, женихъ церкви; Я Иисусъ, податель мира и веселія. Перестаньте плакать, и одѣньтесь въ радость; перестаньте сѣтовать, и благовѣстите апостоламъ. Это день, въ который Я удалилъ со всякаго лица слезу; это день побѣды надъ смертію и жизни для находившихся въ адѣ; это день, въ который (Я), первородный, воскресъ изъ мертвыхъ и доставилъ міру радость; это день, въ который Петру и остальнымъ апостоламъ Я объявляю чрезъ васъ Евангеліе Моего воскресенія. И пойдя, *рцйте ученикомъ Моимъ и Петру, яко воста отъ мертвыхъ: и се варяетъ вы въ Галилею: тамо его узрите* (Мѡ. ххviii, 7). Видишь милосердіе Владыки? Онъ не называлъ по имени ни одного изъ апостоловъ, кромѣ Петра. Почему, Господи, Ты называлъ только его имя? Почему? Слушай, почему Я называлъ только его по имени. Потому что остальные не сказали: если намъ нужно будетъ умереть съ Тобю, мы не отречемся отъ Тебя; а онъ сказалъ, (и) отрекся отъ Меня трижды, (но) раскаявшись, горько плакалъ. Должно быть, онъ боится подойти къ лицу Моему, думая, что не отпущенъ грѣхъ. Вслѣдствіе этого Я сказалъ: и Петру,—чтобы, не колеблясь, шелъ съ остальными моими учениками, и увидитъ Меня. Скажите Петру, чтобы онъ нисколько не робѣлъ. Я не умилилъ тебя предъ сонмомъ апостольскимъ. Хотя и Іоанна Я люблю, и поручилъ ему, какъ непорочному, Свою мать при крестѣ,—однако и тебѣ я далъ ключи царства небеснаго. Ты нисколько не робѣи придти ко Мнѣ: *еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесахъ* (Мѡ. хvi, 19). Не бойся, Петръ; Я не отстранилъ тебя отъ предсѣдательства между соучениками твоими; что Я тебѣ обѣщалъ, исполню. На твоей вѣрѣ, твердой, какъ камень, Я создамъ церковь Свою, и врата ада не овладѣютъ ею. Ты будешь пастыремъ овецъ, ты будешь пасти моихъ агнцевъ, ты станешь направо отъ Меня, какъ военачальникъ. Не бойся, что ты отрекся отъ Меня; Я видѣлъ твои слезы, и отпускалъ твой грѣхъ. Было бы хорошо и Іудѣ, предавшему Меня, если бы онъ не удавился и покаялся; Я Богъ кающихся. Для того

Я и сошелъ на зѣмлю, чтобы даровать міру покаяніе. Мытаримъ и блудницамъ Я такъ много простилъ грѣховъ, и тебѣ ли не прошу одного? Я люблю кающихся. Вспомни, что я плакалъ объ Іудѣ, и не желалъ его погибели. Ему было бы хорошо, если бы, когда бросилъ сребреники въ храмъ, не удавился и покаялся; но, такъ какъ онъ остался безъ покаянія, за это мучится вѣчно. А ты не бойся; Я видѣлъ твои слезы, и отпустилъ тебѣ грѣхъ. Давиду, совершившему два нечестія, прелюбодѣйство и убійство, Я простилъ и возвелъ въ прежній чинъ пророчества; и тебѣ ли не прошу одного грѣха, покинувшему все, что приобрѣлъ? Петр! Это Я сказалъ: *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. хv, 7); это Я сказалъ: *приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѣ. xi, 28). Хорошо было бы и Іудѣ, если бы обратился ко Мнѣ, не удавился, не погубилъ бы самого себя; и его грѣхъ Я пригвоздилъ бы ко кресту. Онъ самъ предъ собой былъ виновенъ. Я даже не проклялъ его; скорѣе, подобно остальнымъ, и его умылъ ноги, и ему удѣлилъ отъ хлѣба и чаши; ни въ чемъ бы его не обвинялъ, если бы какъ-нибудь онъ пришелъ къ покаянію; но не пожелалъ онъ придти къ сознанию своего грѣха. А ты покаялся; не бойся придти ко Мнѣ на глаза съ соучениками твоими; настолько тебя Я не умилилъ, что даже тѣнь твоя въ состояніи исцѣлять больныхъ. И посмотри на человеколюбіе Божіе: чрезъ этихъ женъ Онъ благовѣститъ ученикамъ, и особенно обезчещенный, чрезъ преслушаніе Евы, полъ ведетъ къ чести и благимъ надеждамъ. Вы видѣли, какой чести удостоились жены за свое усердіе? Будемъ подражать имъ въ ревности и мы, мужи и жены, и по силѣ почтимъ день воскресенія! Какъ онѣ оставались всю ночь до времени воскресенія, и мы останемся, не съ миромъ и ароматами чувственными, но съ благоуханіемъ благихъ дѣлъ и лучшей жизни, съ напряженною молитвою, съ исповѣданіемъ грѣховъ. Какъ онѣ получили въ награду за терпѣніе то, что раньше всѣхъ остальныхъ удостоились видѣть Его послѣ воскресенія, удержать ноги и поклониться,—такъ возможно и каждому изъ насъ, если пожелаемъ, удержать не только ноги, но и всего Его,—только если напередъ очистимъ мысль отъ всякаго житейскаго помысла, смывъ грязь грѣховъ слезами, милостию; въ тотъ особенно часъ, когда подходимъ со страхомъ и трепетомъ къ ужасной трапезѣ, приблизимся къ божественнымъ тайнамъ, отогнавъ отъ своей мысли всякое волненіе и смущеніе, и въ мирѣ со всѣми. Подходя, пусть никто не имѣетъ внутри себя порочныхъ помысловъ, ни коварства противъ ближняго своего; (пусть не подходитъ) ни порочный, ни блудникъ, ни ругатель, ни братоненавистникъ, ни сребролюбецъ, ни прелюбодѣй, ни пьяница, ни корыстолюбецъ, ни мужеложникъ, ни завистникъ, ни воръ, ни злоумышленникъ, чтобы не получить для себя осужденія. Призываю всѣхъ васъ показать въ себѣ многую любовь, многое благоговѣніе, многое сокрушеніе, чтобы и вамъ понести для себя щедрую награду и быть

въ состояніи не только ноги удержать и руки, но и голову, для наслажденія тѣми страшными и несказанными тайнами,—только если съ чистою совѣстію будемъ участвовать въ непорочныхъ тайнахъ. И не здѣсь только будемъ жить въ чистотѣ, но и въ тотъ день будемъ въ состояніи увидѣть Его идущимъ въ неизреченной той славѣ и съ сонмомъ ангель- 737
скимъ, если пожелаемъ быть кроткими и братолюбивыми; и не только увидимъ Его, но и сдѣлаемся храмомъ Его, какъ сказалъ Господь: вселюсь въ нихъ, и похожду и буду ихъ Богъ (Лев. xxvi, 12); и не только услышимъ отъ Него: *радуйтесь*, какъ Онъ сказалъ женамъ, но даже слова, удостоивающія царства: *приидите благословенніи Отца моего, 738*
наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѡ. ххv, 84). Да будетъ, чтобы мы всѣ удостоились этихъ словъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Рождество Христово.

Сегодня вошло Солнце правды, и скрыло раньше восходившее; я 737
освобожденъ отъ тьмы, и не пользуюсь лучами; для меня опять родился свѣтъ, и омрачаюсь страхомъ; радуюсь рожденію, и смущаюсь его образомъ; вижу, что пронстается новый источникъ, и убѣгаетъ отъ древняго нечестія; вижу, что рождается младенецъ, и небо склоняется для поклоненія Ему; мать рождаетъ, и утроба не отверзается; дѣтя запечатываетъ собственное зачатіе; родитель не мужъ, и сынъ безъ отца; Спаситель рождается, и создаетъ Себѣ звѣзду; пеленается младенецъ, и держитъ землю; ясли изображаютъ престолъ небесный, и скоть—херувимское предстоаніе; свѣточъ является, и объявляется чудо; ангелы предвозвѣщаютъ, и пастыри пророчествуютъ; волхвы богословствуютъ, и іеремъ богоборствуютъ; Иродъ падаетъ, и смерть оплакивается; Адамъ освобождается, Ева радуется, и змѣй скорбитъ; плѣнные отпускаются, и сильніи наказываются; младенецъ питается молокомъ, и питаетъ питающую; носятъ на рукахъ, и носить носящую; тварь узнаетъ, и природа устрашается. Отсюда и я изумляюсь чуду, трепещу отъ таинства. Смѣло довѣрюсь Гавріилу, и изгону свой страхъ. Слова къ Маріи объясняютъ чудо. Какія? И говорить (Гавріиль): *радуйся благодатная* (Лук. i, 28), неизмѣримая пашня небесного колоса; радуйся, благодатная, не-
возможно дѣйственная мать истинной виноградной лозы; радуйся, благодатная, непоколебимая сѣть неизмѣримаго божества; радуйся, благодатная, обширное мѣсто необъятной природы; радуйся, благодатная, невѣста вдовствующаго міра, непорочное рожденіе; радуйся, благодатная, сотканная для созданія вѣнецъ нерукотворный; радуйся, благодатная, свѣтанобитель огня; радуйся, благодатная, возвращеніе бѣгствующей вселенной;

радуйся, благодатная, неизсякаемая житница голодающей твари; радуйся, благодатная, нескончаемая благодать святой Дѣвы; радуйся, благодатная, носитель свѣтильника, украшенный многими добродѣтелями, — (носитель) свѣта негасимаго и свѣтлѣйшаго (чѣмъ) солнце; радуйся, благодатная, приманка духовной удочки; радуйся, благодатная, духовный кивоть славы; радуйся, благодатная, золотая стамна съ небесною манною; радуйся, благодатная, напоившая жаждущихъ сладкимъ питіемъ вѣчнаго источника; радуйся, благодатная, духовное море съ небесной жемчужиной, Христомъ; радуйся, благодатная, блестящее небо, имѣющее въ себѣ въ небесахъ невидимаго Бога, необъятнаго и пространнаго; радуйся, благодатная, столповидное облако, имѣющее Бога, путеводившаго Израиля въ пустыни. Что мнѣ сказать, и что произнести? Какъ мнѣ убажить всекореняющую славу? Кромѣ Бога, ты выше всѣхъ. Этимъ словомъ она смущена и, отвращая взоръ, стоитъ тѣломъ (и) изображаетъ зрѣлище крестной исторіи; нерѣшительно стоитъ предъ ангеломъ — ни бѣжать не осмѣливается, ни стоять не дерзаетъ. Видя, что безтѣлесный стоитъ, какъ человѣкъ, она стыдилась оставаться, цѣняя дѣвство; не осмѣливалась спросить неподобнаго себѣ. И было лицо Дѣвы исполнено страха; говорить сама въ себѣ: что это за пріѣзствоіе? Кто пріѣзствоіовалъ меня? Онъ превосходитъ блескомъ солнце, и бесѣдуетъ съ грязью; сопелъ съ неба, и пріѣзствоіуетъ дѣву; не облеченъ тѣломъ, и стоитъ подлѣ жены, ступаетъ по землѣ крыльями, какъ ногами. О чемъ онъ спрашиваетъ у земли? По моему, онъ ангелъ, но говоритъ какъ человѣкъ; исходитъ голось ко мнѣ отъ безтѣлесныхъ святыхъ; лицомъ украшенъ свѣтлѣе свѣтильника; облеченъ одеждою; вижу юношу, не облеченнаго плотію, ступающаго по полу, и не оставляющаго знаковь слѣда; нѣтъ у него языка, и восклицаетъ мнѣ: радуйся; губами не двигаетъ, и пророчествуетъ мнѣ радость. Не знаю, что подумать о страшномъ мнѣ видѣніи? Если не знаю посланнаго, какъ буду знать пославшаго? Если страшенъ вѣстникъ, то возвѣщатель страшнѣе. Если такъ блестящій омрачилъ мой умъ, какимъ тѣломъ я покрою Солнце правды? Если устрашаетъ меня созданіе, то какъ я буду носить Создателя? Если изумлена работою, то какъ рожду Господа? Сказалъ ей ангелъ: *не бойся Маріамъ* (Лук. 1, 30); ты не падешь, какъ Ева; изъ нея смерть, изъ тебя жизнь безсмертная; изъ нея плодъ умираиія, изъ тебя плодъ животворный; изъ нея обманъ, изъ тебя любовь; изъ нея людямъ отъ Бога удаленіе, изъ тебя неизъяснимое соединеніе Бога и плоти; изъ нея мрачный сонъ ада, изъ тебя свѣтлый свѣтильникъ міра; изъ нея проклятіе, изъ тебя благословеніе; изъ нея отверженіе, изъ тебя прощеніе; изъ нея мученіе, изъ тебя вѣра; изъ нея слезы, изъ тебя рѣки живой воды; изъ нея труды, изъ тебя успокоеніе; изъ нея древнее нечестіе, изъ тебя жизнь Троицы; изъ нея братоненавидѣніе, изъ тебя челоуѣколюбіе; изъ нея потопъ, изъ тебя омовеніе безсмертія; изъ нея убійство, изъ тебя возрожденіе; изъ

нея закланіе живыхъ, изъ тебя воскресеніе мертвыхъ; изъ нея ненавистный двѣнадцати-колѣнникъ, изъ тебя двѣнадцать апостоловъ, соединенныхъ любовію; изъ нея смерть, распространяющаяся въ міръ, изъ тебя—она падаетъ, достигши успѣха; изъ нея паденіе, изъ тебя воскресеніе. *Не бойся Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнешь во чреѣ Того, Который въ Отцѣ и во плоти; и родишь Сына древнѣ Адама; родишь Сына старше меня; родишь Сына выше неба; родишь Сына выше херувимовъ; родишь Сына, устроителя вѣковъ; родишь Сына, собезначальнаго Отцу; родишь Сына, совѣчнаго Духу; родишь Сына, Котораго (область) все существующее; родишь Сына, Котораго мы (не можемъ) видѣть; родишь Сына, образъ Котораго отъ меня сокрытъ; родишь Сына, Которому я предстою съ трепетомъ. И исполнились дни рожденія ея, и родила Сына своего первенца, Котораго не насадилъ мужъ; она родила Сына, Котораго не носилъ отецъ; родила колось. Котораго не посѣяло тѣло; родила Создателя, сдѣлавшагося человѣкомъ; родила въ пещерѣ, и въ Персидѣ Онъ явился. Христу *рождишуся въ Вилеемъ Иудейскѣмъ, се волсви отъ востока приидоша во Иерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождешся царь Иудейскій* (Мѣ. II, 1, 2)? Гдѣ безсѣменно рожденный, пославшій звѣзду Свою раньше самого Себя? Гдѣ влекущій насъ отъ странныхъ лучомъ къ невѣдомому свѣту? Гдѣ неизмѣримою дланію ограждающій вселенную? Гдѣ всюду являющійся, и во плоти скрывающійся? Гдѣ освободившій насъ отъ заблужденія, и путеvodитель къ благодати? Гдѣ явившійся подъ дубомъ ангельскою троицею? Гдѣ не сжегшій терновника, и не уничтожившій матери? Гдѣ (родившійся) отъ Отца, невидимый, и матерью держимый? Гдѣ изсушившій Черное море, и молокомъ питающійся? Гдѣ наказавшій фараона, и отъ Ирода скрывающійся? Гдѣ потопившій дракона, и въ пеленахъ лежащій? Гдѣ Тотъ, Котораго не видѣли ангелы и созерцаютъ люди? *И се зѣзда, уже видѣши на востоцѣ, идѣше предъ ними, дондеже приидеши ста верху, идѣже бѣ отроча; и поклонившись, принесоша ему дары, злато, и ливанъ, и смирну. И отъстъ пріемше не возвертитися ко Ироду, инымъ путемъ отидоша во страну свою* (Мѣ. II, 9, 11, 12). Родившагося Христа, Бога нашего, воспоемъ и прославимъ вмѣстѣ съ Его Отцомъ (и) со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, во вѣки. Аминь.*

На слова: вошелъ Господь въ храмъ въ преполовленіе правдника (Іоан. VII, 14); и о Мельхиседекѣ. Въ Преполовленіе.

Гранаты, яблоки, финики и остальные древесные плоды услаждаютъ тѣлесную гортань; божественныя слова святыхъ учителей, срастворенныя любовію, воспринимаясь слухомъ назиданія, услаждаютъ душевную гор-

тань. И какъ собравшій древесные плоды, во время собиранія ихъ, хвалитъ деревья,—такъ и собравшій своимъ слухомъ божественныя слова учителей, потомъ воспринявъ ихъ умомъ и вкусивъ сладости слова, выражая устами похвалы учителю, говорить: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда и сота устомъ моимъ* (Пс. схуш, 103). И мудрѣйшій Соломонъ, уподобивъ прекрасныя слова сотовому меду, говорить: *сотове медовнии словеса добрая* (Прит. хvi, 24). Какъ гортань, отбѣдывая снѣди, умѣетъ различать хорошія отъ худыхъ,—такъ и умъ души умѣетъ различать полезныя изреченія отъ худыхъ, какъ говорится у Іова: *гортань брашна вкушаетъ, умъ же словеса разсуждаетъ* (Іов. хп, 11). И никто пусть не думаетъ, что домовладыка имѣетъ въ своемъ саду различныя деревья—финики, яблони, маслины, а Господь въ Своемъ саду церкви не имѣетъ различныхъ отцовъ, такъ, чтобы каждый, по своей добротѣ, износилъ изъ глубины сердца плоды слова, для вкушенія приходящимъ. Иной изъ нихъ, какъ хорошо растущая маслина, густо покрытъ листьями вѣры и плодovitъ дѣлами благочестія; иной, какъ финикъ, увѣнчанъ ваиями побѣды надъ діаволомъ, и доставляетъ бѣднымъ сладчайшій плодъ благодѣянія,—о немъ говоритъ Писаніе: *праведникъ яко финикъ процвѣтетъ* (Пс. хсі, 13). Иной, какъ яблоня, доставляетъ людямъ два наслажденія, запахъ и сладость для гортани; невѣста церковь, хваля такого въ Пѣсняхъ пѣсней, чтó говорить? *Яко яблонь посредь деревьевъ лѣсныхъ, тако братъ мой посредь сыновъ Израиля: подъ стѣнь его восхотѣхъ и стѣдохъ, и плодъ его сладокъ въ гортани* (Пѣсн. ii, 3). Что же дѣлать мнѣ, возлюбленные, когда я владѣю небольшою листовою словъ и (немногими) плодами, не могу ни прохладить утомленныхъ зноемъ, ни напитать голодающихъ плодами словъ? Хорошо мнѣ было бы вмѣстѣ съ вами изучать наставленія святыхъ отцовъ! Но такъ какъ страхъ Божій и ваша любовь побуждаютъ насъ къ рѣчи, то, взявъ два или три слова изъ сладчайшаго евангелія, какъ бы финики, и вкусивъ, мы возбудимъ васъ—съ усердіемъ, съ пылкимъ духомъ, подвигнуться къ плодоноснымъ деревьямъ святыхъ отцовъ. Только что мы слышали слова евангелиста: *въ преполовеніе праздника, азыде Іисусъ во церковь, и учаше* (Іоан. vii, 14). Не напрасно это евангельское слово, такъ какъ наступило время праздника; прилично настоящему (случаю) евангельское чтеніе, согласно съ днемъ поученіе; сила этого слова—сестра настоящего праздника. *Въ преполовеніе праздника, азыде Іисусъ во церковь.* По окончаніи праздника, Онъ уже болѣе не восходитъ въ храмъ, но поднимается на небо. *Въ преполовеніе праздника, азыде Іисусъ во церковь.* Подъ праздникомъ онъ разумѣетъ не то, чтó бываетъ у эллиновъ и іудеевъ, гдѣ пьянство, шутки, блудныя пѣсни, обольстительное благозвучіе и оживленныя пляски,—но праздникъ святой, приличный христіанамъ, гдѣ не пьянство и шутки, но молитвы, пѣснопѣнія и умилоствленія; гдѣ не блудныя пѣсни, расслабляющія тѣло, но

божественныя пѣсни, укрѣпляющія душу; гдѣ не оживленныя пляски, но веселая рѣзвость святыхъ душъ. Если желаешь видѣть у насъ поющихъ, пляшущихъ и прыгающихъ, каковы они, то посмотри на Исаію, поющего и говорящаго: *воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего, винограду моему* (Ис. v, 1). Погляди и на хоръ святыхъ женъ, Марію, сестру Моисея, съ другими женами израильтянъ, поющихъ побѣдныя пѣсни Богу и говорящихъ: *поимъ Господеву, славно бо прославися* (Исх. xv, 1). Объ этомъ вспоминаетъ и Давидъ, словами: *посредѣ двѣхъ тимпанницъ въ церквахъ благословите Бога* (Пс. lxxv, 26, 27). И самъ 740 блаженный Давидъ не стыдится плясать впереди богоноснаго ковчега, какъ можно слышать изъ его словъ: *и буду играти, и смѣяться, и плясати предъ Господемъ* (2 Цар. vi, 21). Младенецъ Елизаветы, Іоаннъ, увидѣвъ богоносную кисть, скрывающуюся въ небрачной утробѣ, възыгралъ во чревѣ. *Въ преполовеніе праздника, взыде Иисусъ во церковь*. Храмъ есть жилище только для Бога. И вслѣдныя говорятъ: у насъ есть храмъ, — (но) по незнанію, что это не храмъ, а мерзость. Гдѣ пролітіе крови, возмѣненія, идольскій тукъ и демонскія таинства, тамъ не можетъ быть храма, но мерзость демоновъ. *Въ преполовеніе праздника, взыде Иисусъ во церковь*. Храмъ есть жилище, принадлежащее только Богу; здѣсь обитають любовь и миръ, вѣра и цѣломудріе. Потому, я іерею Божію, священнодѣйствующему предъ Богомъ, надлежитъ быть мирнымъ и тихимъ, не хищникомъ, не коварнымъ, не сребролюбивымъ, чтобы прежде всего въ его душѣ Богъ былъ совершенъ, и потомъ измѣнять бы такъ по своему образу свой народъ. Можетъ называться храмомъ и очищенная душа каждаго вѣрующаго человѣка: *вселюся въ васъ, и похожду* (Лев. xxvi, 12). Храмъ поистинѣ святъ, жертва и іерей—это Христосъ, въ Которомъ, по божественному апостолу, *всяко исполненіе божества живеть тѣлеснѣ* (Колос. ii, 9). Ему сказать Отецъ: *ты іерей во отъкъ, по чину Мелхиседекову* (Пс. cix, 4). Теперь, неожиданно попавъ на величайшій вопросъ, я затрудняюсь, куда склонить взоръ своей мысли, не знаю, куда направить кормило назиданія. Если апостолъ, дойдя до главнаго о Мельхиседекѣ, не рѣшился подробно излагать, слегка сказавъ: *о немже многого намъ слово и неудобъ сказанное* (Евр. v, 11),—то чтó я могу сказать, когда настолько уступаю апостолу, насколько можетъ разсуждать человѣкъ? И какъ путникъ, пока идетъ по наклонной и ровной дорогѣ, съ удовольствіемъ совершаетъ путешествіе, а когда придетъ на какое-нибудь неровное мѣсто, или крутое и непроходимое, гдѣ гора превысокая, остановившись и обсудивъ трудъ подъема, начинаетъ тихо идти, чтобы не обезсилѣть скоро,—такъ и мы, пока у насъ были покатость и равнинность евангелія, шествовали съ удовольствіемъ путемъ слова, а когда подошли къ превысокой мысли, начинаемъ тихо восходить по небесной лѣстницѣ толкованія. Что же это за вопросъ, изслѣдуемый всѣми христіанами? Для чего апостолъ, вспомнивъ о Мель-

хиседекъ, сказалъ, что онъ безъ отца и родословія, не имѣть ни начала дней, ни конца жизни (Евр. vii, 3)? Такой вѣдь не можетъ быть человѣкомъ, но Богомъ. Многіе, не вдумавшись въ сказанное о немъ, сочли его большимъ Христа, образовали изъ себя ересь и называются мельхиседекіанами; споря съ нами и желая показать, что Мельхиседекъ больше Христа, приводятъ намъ въ свидѣтели Писаніе, говорящее: *ты іерей во откъ, по чину Мелхиседекову*. Какъ, говорятъ, Мельхиседекъ не больше, по образу и чину котораго Христосъ іерействуетъ? Другіе, заблудившись, говорятъ, что онъ Духъ Святой. А мы говоримъ, что онъ человѣкъ подобострастный намъ, и не больше Христа—да что говорить о Христѣ?—даже и Іоанна Крестителя, потому что истинно слово Господа: *аминь глаголю вамъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна крестителя* (Мѡ. xi, 11). Но онъ не есть и Духъ Святой. Что Мельхиседекъ не больше Христа,—пусть скажутъ намъ они, говорящіе это, откуда или изъ какого мѣста онъ? Изъ небесныхъ,—земныхъ,—преисподнихъ? Если они скажутъ, что Мельхиседекъ изъ небеснаго или другого какого-нибудь мѣста, то пусть послушаютъ, что когнѣно его преклоняется предъ Христомъ; апостолъ именно говоритъ, что Ему поклонится *всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсть*, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филип. ii, 10, 11). Если Мельхиседекъ склоняетъ когнѣно предъ Христомъ, то поклоняющійся Мельхиседекъ меньше поклоняемаго отъ него Христа. Почему же, несчастные, они не слушаютъ и слѣдующаго по порядку стиха, сказаннаго апостоломъ, чтобы имъ знать, что онъ меньше Христа? Онъ прибавляетъ: *угодобленъ же Сыну Божию* (Евр. vii, 3), какъ и мы стали по образу и подобію Христа. Но можетъ быть кто-либо изъ слушателей спросить: почему же говорится, что Мельхиседекъ безъ отца и безъ матери и безъ родословія? Ему мы отвѣтимъ: іудеи сказали, что онъ рожденъ отъ блуда, и потому въ Писаніи нѣтъ родословія. Имъ мы отвѣтимъ: худо вы сказали; мы находимъ, что и другіе рождены отъ блуда, но имѣютъ родословіе. Соломонъ, рожденный отъ жены Уріи, родословится; и Авимелехъ, сынъ Гедеона, рожденный отъ блуда, родословится. Почему же не родословится Мельхиседекъ? Потому что Мельхиседекъ былъ типомъ Христа, и носилъ образъ Христа. Поэтому, Писаніе опустило отца и мать, и рассказываетъ о немъ безъ родословія, чтобы въ немъ, какъ въ образѣ, мы усматривали Христа, (Который) поистинѣ безъ отца, безъ матери и безъ родословія. Христосъ безотеченъ на землѣ по плоти, безматеренъ на небесахъ по Духу, по божеству. Таковъ есть *ни начала дней, ни животу конца имѣть* (Евр. vii, 3). Писаніе не обозначило родства Мельхиседекова, но опустило и рожденіе его и кончину, чтобы, какъ мы раньше сказали, въ немъ мы созерцали этого истиннаго Мельхиседека. Мельхиседекъ значитъ царь

742 правды, Который есть Христосъ, не имѣющій ни начала дней, ни конца жизни. Богъ Слово ни начала дней не имѣлъ, ни прекращался когда-

либо, или умиралъ; Христосъ всегда пребываетъ. Намъ возражаютъ мельхиседекіане: что же это, что Ему говорить Отецъ—*ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову?* Имъ мы говоримъ: этотъ Мелхиседекъ былъ мужемъ праведнымъ и поистинѣ носилъ въ себѣ образъ Бога. Движимый пророческимъ Духомъ, онъ разсудилъ теперь принести отъ себя Богу будущее приношеніе отъ Христа: хлѣбомъ и виномъ чествовалъ Бога, подражая будущему Христу. Такъ какъ у іудеевъ чинъ Аарона приносилъ въ жертву не хлѣбъ и вино, но тельцовъ и агнцевъ, прославляя Бога кровавыми жертвами, то Богъ имѣющему родиться отъ Дѣвы Маріи Иисусу восклицаетъ словами: *ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову;* не по чину Аарона, служившаго тельцами, агнцами и кровавыми жертвами, но *ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову,* хлѣбомъ и виномъ совершаешь приношеніе язычниковъ вѣчно. Но, чтобы не казалось, возлюбленные, что мы попусту удлинняемъ слово, здѣсь прекративъ слово, отошлемъ васъ къ источнику назиданія отцовъ, которые и жажду души вашей утолятъ и сердца ваши возвеселятъ, исполняя Духомъ Святымъ, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Преполовеніе.

Гдѣ ни бываетъ Владыка, какъ источникъ жизни, тѣлесно, (вездѣ) 711 называетъ многіе и различные потоки челоѣколюбія. Вошелъ на гору съ учениками, и предложилъ слушателямъ потоки блаженства; сошелъ оттуда, и одержимый различными болѣзнями налилъ потоки исцѣленій; остановился у овчей купели, и разслабленнаго наполнилъ укрѣпленіемъ; вошелъ въ домъ Петра, и его тещу, сжигаемую лихорадкою, охладилъ; пришелъ въ Вифанію, и четырехдневнаго Лазаря наполнилъ чашею жизни; встрѣтился съ прокаженнымъ, и его болѣзнь отеръ губкою челоѣколюбія; остановился въ синагогѣ, и сухую руку увлажнилъ для дѣятельнаго движенія; приходилъ на бракъ, и позвавшимъ смѣшивалъ удивительное вино; и множество другого, что трудно исчислить. И сегодня Онъ вошелъ въ храмъ, и предложилъ слушателямъ рѣки ученія. Вы слышали евангельское чтеніе, которое къ намъ, въ срединѣ праздника, съ высокаго сѣдалища, евангелистъ велегласно произнесъ, какъ бы левитскою трубою: *абіе же въ преполовеніе праздника, взыде Иисусъ во церковь, и учаше* (Іоан. vii, 14). Это Писаніе исполнено челоѣколюбія. Не сказалъ онъ: при наступленіи преслѣдованія, или—при настоящей печали, или—при унынїи, овладѣвшемъ учениками, или (не сказалъ) наставленія въ чемъ-либо иномъ такомъ, что постоянно представляло дѣло апостольское,—но что онъ говоритъ? *Абіе же въ преполовеніе праздника.* Но что въ срединѣ праздника, скажи, Іоаннъ?

Иродъ наложитъ руки? Іудейскій народъ одобритъ коварный замыселъ? Снова Іуда съ предательствомъ? Нѣтъ, говорить. Но что? *Взиде Іисусъ во церковь, и учаше.* Приличное Христу онъ предложилъ Христу: усвоилъ Ему дѣло подходящее. Рѣчь есть дѣло слова, и ученіе—(дѣло) учителя, и Христово (дѣло)—произнесеніе слушателямъ словъ полезныхъ. *Взиде Іисусъ во церковь, и учаше.* О, непреодолимое челоуѣколюбіе! Гдѣ почти побивался камнями, тамъ побивающихъ обогащаль словесными ученіями. *Взиде Іисусъ во церковь, и учаше.* Гдѣ читался законъ Мойсей, тамъ Онъ предложилъ ученіе благодати, будучи не уничтожителемъ закона, но исполнителемъ закона. Самъ въ евангеліи восклицаетъ: *не приидохъ раворити законъ, но исполнити* (Мѡ. v, 17); и 742 Павелъ произноситъ устами Владыки: *кончина бо закона Христосъ въ правду* (Рим. x, 4). *Абѣ же въ претоловеніе праздника, взиде Іисусъ во церковь, и учаше;* всѣхъ учить на мѣстѣ молитвы, предлагаетъ слово оглашенія, какъ Слово, тамъ, гдѣ былъ собранъ и лукавый синедріонъ. Іерей по чину Мелхиседека взошелъ въ храмъ и училъ; когда многіе слушали, изъ іудеевъ никто не научался. О нихъ Онъ напередъ воглаголалъ: *очи имуть, и не видятъ; уши имуть, и не слышатъ* (Іс. сѣхп, 13, 14), объявляя о безуміи богоборцевъ. *Взиде Іисусъ во церковь, и учаше.* Онъ взошелъ въ храмъ, чтобы распростереть сѣть небеснаго ученія,—для духовной ловитвы людей; Іисусъ взошелъ въ храмъ, а іудеи отошли отъ вѣры. *Абѣ же въ претоловеніе праздника, взиде Іисусъ во церковь, и учаше.* *Диаляхуся Іудее глаголюще: како сей книги вѣсть не учився?* Они удивлялись, но не вѣровали; поражались избыткомъ мудрости, но не расканвались, исполненные нечестіемъ. Они смотрѣли на врача, предлагающаго лѣкарства, и болящіе не принимали врачеванія; глядѣли на освободителя, и любили плѣтъ; въ своей средѣ нѣтъ лугъ благъ, (но) собирали терніе; въ присутствіи пристани, терпѣли кораблекрушеніе; при мудрости, наливающей божественныя ученія, не желали смыть съ себя убійства; при Христѣ, распростирающемъ крылья челоуѣколюбія, отказывались укрыться отъ порожденій ехидниныхъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада ваша*—говоритъ Онъ въ евангеліи—*яко кокошъ пшеницы своя, и не восхотѣсте* (Мѡ. ххпв, 37)? *Диаляхуся Іудее глаголюще: како сей книги вѣсть не учився?* О, дѣла! Ты, іудей, не знаешь закона, и не знаешь наставленій закона! Говоришь: *како сей книги вѣсть не учився?* Скажи мѣ, врагъ истины, какъ Адамъ, не учившись, положить вѣрѣмъ подходящіа названія? Раба не спрашиваешь, и дѣлаешь отвѣтчикомъ Владыку, говоря: *како сей книги вѣсть?* *Отвѣща Іисусъ и рече: мое ученіе нѣсть мое, но послашаго мя Отца* (ст. 16). Посылается ли когда Богъ въ смыслъ перемѣны мѣста? Наполняющій все приходитъ ли туда когда-нибудь, гдѣ находится? Къ іудеямъ слово это, (а) не къ умѣющимъ учиться благочестію это изреченіе: *мое ученіе нѣсть мое, но послашаго мя*

Отца, Который далъ Мнѣ свидѣтельство съ неба при всѣхъ васъ, въ 743 словахъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный* (Мѡ. III, 17). Обо Мнѣ и Іоаннъ возгласилъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29). Агнецъ—поистинѣ Христосъ, сегодня пришедшій въ храмъ, и Іоаннъ къ Нему относилъ голосъ истины. Будучи голосомъ, онъ по должному прославилъ Слово; будучи свѣтильникомъ, обозначилъ свѣточъ солнца; какъ Предтеча, объявилъ идущаго; какъ сіяніе, проповѣдалъ утро; какъ воинъ, обнародовалъ имя царя. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра*; агнецъ, Котораго дѣвственная агница безсѣмменно зачала, нетлѣнно ро- 744 дила; травоносныя ясли приняли Его дитятею; Іорданъ омылъ, Іоаннъ крестилъ, Іуда продалъ іудеямъ, Пилатъ заклалъ, гробъ заключилъ, мы вкусили, и Онъ одѣлъ всѣхъ насъ, нагихъ вслѣдствіе преступленія Адама, своимъ рукомъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О с а м а р я н к ѣ.

Въ день Преполовенія.

Сегодня, возлюбленные, приступимъ къ евангельской сокровищницѣ, 743 насколько позволяетъ божественная благодать. Любознательность въ этомъ украшаетъ души и направляетъ къ небу земной навѣкъ. Любознательность сдѣлала ту дивную самарянку изъ водоносицы боговдохновенной; обрѣвши сокровищницу ученія, она подбѣжала; а лучше, не она обрѣла, но была обрѣтена. Христосъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы нуждающіеся отыскивали Его съ трудомъ, но самъ съ мѣкою рождаетъ помощь для каждаго. Онъ мучился, заботясь о разслабленныхъ, сострадая горячечнымъ, усвоивъ Себѣ несчастье слѣпцовъ, переносилъ безпокойство прокаженныхъ, стремясь на помощь къ бѣснующимся, омывая огрязненныя души всѣхъ, учитель для водоносицъ. Тогда, утомившись отъ путешествія, Онъ сидѣлъ подлѣ колодца: *Иисусъ утруждается отъ пути, сидяше тако на источницѣ: бѣ яко часъ шестой* (Іоан. IV, 6). Ненасытность челоуѣколюбія непрерывна: во-первыхъ, Онъ утомился, слѣдша пріуготовить спасеніе самарянки; во-вторыхъ, сидѣлъ, ожидая спасенія явившейся; въ-третьихъ, тратилъ время обѣда на попеченіе о ней. *Бѣ яко часъ шестой*. Хотя и Богомъ Онъ былъ, но то, въ чемъ онъ злился, было обложено немощами природы,—чувствуя усталость, подвергаясь сну, затрудняясь голодомъ, имѣя съ нами все сродное, кромѣ грѣха. Любовь къ спасаемымъ побуждала въ Немъ усталость тѣла. Медлила болѣе нуждающаяся въ утомленномъ, а не нуждающійся ожидать. Онъ сидѣлся полуденнымъ зноемъ, и наблюдалъ время пришествія ищущей спастись. *Сядыше на источницѣ*; Онъ ожидалъ ложищу, не возлежа, но заранѣе приготовился для самарянки, сильно желая доставить спасеніе. А она не слѣдша вышла изъ дома, шла поне-

многоу впередъ женской походкой, съ водносомъ, часто останавливалась, чтобы поглядѣть на полевые плоды. Соглядатай не лѣностенъ и не замѣтенъ; какъ опытный ловець, скривъ въ Себѣ благодѣтеля, Онъ заявляется точно нуждающійся. Говорить Иисусъ: жена, *даждь ми пити*. Онъ съѣтъ слово, какъ кружащійся голубь зерно. *Даждь ми пити*; прииди растворить ей сосудъ спасенія, Онъ принимаетъ видъ жаждущаго; а если кто-либо наслѣдуетъ глубже это слово, то (найдетъ что) это скорѣе истинная жажда Владыки; Онъ жаждалъ спасенія ея, и въ самомъ дѣлѣ восклицалъ къ ней: *даждь ми пити*. У тебя есть, говорить, скрытый въ самой тебѣ источникъ благоразумія; отъ полноты его напои Меня. Жена не понимала загадки, внимая простому слову. *Како ты жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей?* Христосъ, уставшій отъ пути, встрѣтилъ судъ (на почвѣ) ученій; но (всякія) случайности нужно переносить Тому, кто разъ рѣшилъ принять на Себя все за насъ. Поэтому, Онъ переносить и порицаніе самарянки. Онъ схотно спускается со Своего достоинства, чтобы отвлечь душу грѣшницы отъ ничтожества. Нѣкая грѣховная пошлость владѣла самарянкой, оскверняла блудною жизнью, смѣняла любовника любовникомъ, (такъ что) бракъ былъ временемъ любви, замужняя была невѣстою для любовниковъ, была какъ бы постоянно вдовою и новобрачною, лучше же, ни чистою вдовою, ни невѣстою, потому что и съ первымъ она разлучилась не вслѣдствіе (его) смерти, и съ послѣдующими не сочеталась законнымъ бракомъ. Свидѣтель этого у нея Владыка: *добрь рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси: и нынѣ, егже имаше, нѣсть ти мужъ*. Это воистинну рекла еси (ст. 18). Но она 741 была жемчужиной, запятнанной грязью; и она не укрывалась отъ покупателя. Онъ обнаружилъ блескъ ея души этими словами. *Како ты жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей? Како ты?* И это ты—(слово) гнѣвающейся. Какъ Ты просишь у меня пить? Если бы Ты мыслилъ согласно со мною, я бы готова (была) на Твою просьбу; а если желаешь іудейскаго, не спрашивай у иноплемennыхъ привѣтливости, не требуй дара, отъ котораго Ты убѣгаешь. Самарянка думала принужденіемъ жажды уловить Господа на самарянское служеніе; не знала, что она связана Его словами; привязалась къ Господу отвѣтомъ, или лучше, словами Господа къ ней: *аще бо ѡдала еси даръ Божій, и кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу* (ст. 10). Такъ какъ ты укоряешь Мою жажду и называешь іудеемъ, безучастнымъ для васъ, то знай, что ты много ошибаешься въ испытаніи Меня. Ты не знаешь Моего истиннаго рода, не знаешь многой чести, которая (зависитъ) отъ Меня, не знаешь, какъ обиленъ Мой источникъ; если бы ты знала, ты попросила бы; а теперь Я не порицаю тебя за незнаніе, но послѣ просьбы твоей дамъ. Онъ возбуждаетъ въ не жаждущей жажду, и напою-

щую измѣняетъ въ нуждающуюся въ питьѣ; жена ранена Его словами, и плѣнена желаніемъ воды. Она, упавъ предъ Господомъ, говорила: *Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни приихожу стѣмо почерпати* (ст. 15). Та, которая раньше была прошена о питьѣ, теперь проситъ быть напоенною. Благородный разумъ удобенъ для обработки, каковъ былъ разумъ этой блаженной самарянки, каковъ (былъ ей) нравъ, очищенный отъ тернія левѣрія, не имѣющій іудейской зависти. Она ожидаетъ Мессію и, удостоившись Его божественнаго ученія, повѣрила искренно; и не только даромъ овладѣла, но и своихъ согражданъ убѣдила прибѣгнуть къ Нему, проповѣдавъ апостольски: *приидите и видите человека, изже рече ми вся, елика сотворихъ: еда той есть Христосъ* (ст. 29)? О, мудрая жена! Она знала, что женское свидѣтельство не приемлемо; поэтому, привлекаетъ въ свидѣтели мужей своего города, чтобы сдѣлаться посредницей въ спасеніи многихъ. Евангелисты говорятъ: *отъ града же того мнози отървоаша отъ оны отъ Самарянъ, за слово жены свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ. Егда убо приидоша къ нему Самаряне, моляху его пребыть у нихъ: и пребысть ту два дни. И много паче отървоаша за слово его. Женѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду отъруемъ: сами бо слышашомъ, и ѡмы, яко сей есть воистинну Спасъ міру, Христосъ* (ст. 39—42). Видишь, возлюбленный, жажду Христа, и какъ пищей и питьемъ было спасеніе вѣрующихъ въ Него? Ради этого, жаждая, наполяетъ самарянку водою, а она, почерпнувъ, отдала даръ Господа гражданамъ своимъ, со щедростію, въ изобиліи. Вслѣдствіе этого, народъ Авраамовъ непонятливѣе самарянки: ему не приносили пользы и ученія въ храмъ, а ей и бесѣда у колодца была полезна. Воспримемъ же себѣ прекрасное отъ самарянки, усвоимъ себѣ божественную ревность, возжелаемъ благоразумной любознательности, и въ церкви будемъ бесѣдовать о божественномъ, будемъ считать, что и для насъ сказано, что 745—6 сказано къ ней Владыкой Христомъ: *поклоняющимся Богу духомъ и истинною достоинъ кланяться* (ст. 24). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О женѣ грѣшницѣ, помазавшей Господа мѣромъ, и о фарисеѣ.

Во святой и великій четвергъ.

Христосъ, угощаясь у Закхея, достаточно привлекаетъ недавно 745 наши души. Гдѣ Христосъ угощается, возлежитъ съ людьми и пользуется нашимъ мѣстомъ и трапезой, тамъ все измѣняется въ слово радости. Какой мытарь, или блудница, или несказанный злодѣй, видя, что творецъ неба и земли приходитъ къ мытарю, податель хлѣба беретъ въ

руки хлѣбъ человѣческій, податель винограда благословляетъ чаши питья для всѣхъ участниковъ,—не сознается, что чрезъ это дѣлается праздникъ и торжество? Это поистинѣ праздникъ, это поистинѣ веселіе ангельскаго пира—видѣть, что Владыка съ рабами, Богъ съ людьми, судья съ отвѣтчиками вкушаетъ отъ общей трапезы. Для того на землю Онъ пришелъ, не покинуть неба, и человѣкомъ сдѣлался, не переставъ быть Богомъ, чтобы, и по морю плывя, извлекать изъ глубины грѣха обуреваемыхъ въ житейскомъ морѣ, и обходя селенія, города, тѣсинны, стези и ристалища, блуждающихъ на распутіяхъ, какъ овецъ безъ пастыря, возвратитъ къ Своему стаду. Онъ есть ищущій погибшую овцу, оставившій девяносто девять и отправившійся въ поиски за одной. Онъ отыскивалъ одну, не пренебрегая многими, и не предпочитая одну множеству; Онъ покидалъ девяносто девять, потому что зналъ, что онѣ безопасны въ овчарнѣ; всюду отыскивалъ одну, чтобы она не стала пищей для діавола. Овца безъ пастыря—готовый обѣдъ для змѣей; и душа не запечатлѣнная подвержена кознямъ демонскимъ. Поэтому, недавно Закхея, какъ овцу, онъ исхитилъ изъ пасти волка, присоединилъ къ Своей овчарнѣ и удостоилъ печати. Какъ пастырь, желая поймать заблудившуюся овцу, оставляетъ ручное животное, чтобы оно, свободно пасясь, привлекло отлучившуюся,—такъ и Слово Божіе оставило Свою плоть, которую получило отъ Дѣвы, какъ овцу на пастбищѣ, за трапезой Закхея, чтобы, привлекиши его общимъ угощеніемъ къ сожителству, незамѣтно соединитъ со Своимъ стадомъ. Но, не понимая этого, фарисеи роптали, видя, что Онъ ѣстъ съ мытарами. Они, какъ ветхій мѣхъ, разорвались, потому что не могли удержать у себя новаго вина ученія, а мы пойдемъ вслѣдъ за человѣколюбивымъ пастыремъ. Присоединитъ къ апостольскому стаду мытаря Закхея, Онъ и грѣшницу блудницу, повинную въ неисчислимомъ нечестіи, воротилъ въ незапятнанную овчарню, извлекши, какъ агницу, изъ пасти діавольской. Чтобы вамъ знать и человѣколюбіе Христа, и неразуміе фарисеевъ, и отреченіе грѣшницы (отъ ея прежняго),—я предложу вамъ евангельскія изреченія; если вы вслушаетесь въ высокое чтеніе, то легко усвоите и толкованіе. *Молѣяше же нѣкій отъ Фарисей Иисуса, дабы ялъ съ нимъ и вшесть въ домъ Фарисеовъ, возлеже* (Лук. VII, 36). О, несказанная благодать! О, неизреченное человѣколюбіе! И съ фарисеємъ Онъ угощается, и мытарей не отвергаетъ, и блудницъ принимаетъ, и съ самарянками бесѣдуетъ, и ханаанеянку удостоиваетъ слова, и кровоточивой уступаетъ край одежды. Подлинно, Онъ врачъ, испѣляющій всякія страданія, чтобы всѣмъ принести пользу — злымъ и добрымъ, неблагодарнымъ и признательнымъ. Потому и теперь, будучи позванъ фарисеємъ, Онъ входитъ въ домъ, исполненный нечестія. Гдѣ фарисей, тамъ притонъ порока, убѣжище грѣха, виѣсталище надменности. И хотя таковъ былъ его домъ, Господь не лишаетъ его Своего прибытія, — и естественно.

Какъ солнце остается безъ вреда для себя, посылая свои лучи на грязь, напротивъ, устраняетъ присущую тамъ мерзость, ничего себѣ не усвоивъ отсюда; такъ и Христосъ, какъ Солнце правды, принимаетъ всякое преступное и нечистое мѣсто, и истребляетъ лучами Своей благодати зловоніе грѣха, не терпя, по Своему божеству, ни оскорбленія, ни умаленія, ни оскверненія. Потому Онъ легко согласился на призывъ фарисея—тихо, молча, безъ обличенія его жизни, во-первыхъ, чтобы освятить позваннаго, позвавшаго, семью, роскошныя кушанья, потомъ, (чтобы) показать возлечаніемъ, вкушеніемъ, употребленіемъ хлѣба, питіемъ, что воплощеніе не было призракомъ. Онъ соглашается на призывъ фарисея скоро, такъ какъ намѣрена была придти блудница и показать образъ теплаго и пламеннаго покаянія; оплакиваніемъ своего нечестія предъ лицомъ книжниковъ и фарисеевъ она имѣла научить ихъ, какъ грѣшникамъ, сокрушающимся о своихъ грѣхахъ, нужно умиловать Бога. *Се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница.* Жена грѣшница—первая сѣть діавола, поводъ къ заблужденію, учитель преступленія, помощница, оказывающаяся непріятелемъ, красота по природѣ, оказывающаяся зломъ по своей волѣ, посредница смерти; она показала красоту древа, и цѣлый рай погубила. *И се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница,* обремененная многими нечестіемъ. Я скажу о множествѣ ея прежняго нечестія, чтобы вамъ знать ея многоцѣнность. Богъ, взявъ кость изъ бока Адамова, сдѣлавъ ее плотию, создалъ Еву, которую далъ въ помощь Адаму, назвавъ (ее) женою. Но послѣ грѣха и нарушенія закона, изгнанія изъ рая и наказанія смертію, Онъ устрояетъ борьбу между бракомъ и смертію, чтобы родъ (человѣческій) не погибъ совершенно, истребляясь смертію, (такъ что) что онъ сѣть, она пожинаетъ, (и) что она посѣваетъ, то онъ произращаетъ. А что послѣ подверженія смерти была дана благодать брака, это очевидно изъ того, что Адамъ сочетался съ Евою послѣ выхода изъ рая. Написано, что послѣ выхода изъ рая Адамъ позналъ жену свою (Быт. iv, 1). До грѣха было дѣвство, соблюдающее одежду природы незапятнанною; послѣ преступленія, послѣ суда смерти, былъ введенъ бракъ, чтобы обиліемъ онъ побѣждалъ истощающую смерть, и насажденіемъ поражалъ пожинателя. Для преемства рода и произростанія природы былъ данъ законъ брака: въ мужскомъ (полѣ) посѣяно удовольствіе, женскій сдѣланъ ласковымъ; не съ тѣмъ, чтобы они возбуждались къ распутному смѣшенію, но чтобы законно сочетавались для брака. Отсюда законное брачное смѣшеніе честно предъ Богомъ, а совершаемое для удовольствія подлежитъ смерти: *честна женитва, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. xiii, 4). Для чадородія законно смѣшивающіяся со своими мужьями неповинны, каковы Сарра, Ревекка, Рахиль и подобныя; а возбуждающія юношей къ распущенности, на основаніи сладострастія, какъ истребляющія храмъ Божій, предаются истребленію: *еще кто рас-*

тлѣть храмъ Божій, *растлѣть сего Богъ* (1 Кор. пѣ, 17). Одною изъ такихъ была и наша грѣшница. Торгуя природою и румянѣ щеки наружною окраскою, стараясь при помощи искусства явиться красивою, она увлекала юношей въ распутство, вовлекала ихъ въ пропасть блуда. Такъ говорю, не осмѣивая ее за то, что сдѣлала раньше, но хвали ее за то, чѣмъ стала сразу; я говорю, чѣмъ она была, чтобы показать, чѣмъ сдѣлалась теперь; говорю о ея грѣховныхъ паденіяхъ, чтобы показать правоту покаянія. Она, раньше безстыдно пользовавшаяся своимъ тѣломъ, когда однихъ уловляла локонами, другихъ смягчала слезами, иныхъ морочила мазями, всѣхъ повсюду призывала въ пропасть распутства,—она (теперь) измѣняетъ свою срамную и сладострастную любовь на божественную и небесную. Такъ какъ она видѣла, что Іисусъ бесѣдуетъ съ самарянкой, допускаетъ къ Себѣ хананейку, объявляетъ о тайномъ дѣлѣ кровоточивой, ѣстъ съ мытарами, посѣщаетъ дома фарисеевъ, то разсуждала сама съ собою: если Онъ допускаетъ къ Себѣ блудницъ и мытарей и грѣшниковъ, то (и) я исчерпаю море своего грѣха, пока уазвляюсь имъ чрезмѣрно. Я не останусь юной, не останусь красивой; все проходить, все исчезаетъ—и цвѣты, и лиліи, и красота лица. Зачѣмъ же мнѣ страдать за то, что я сдѣлала? Уже я помышляю о геенскомъ огнѣ, уже мою душу объемлетъ раскаяніе, что я старалась явиться красивою на погибель юношамъ, бѣгала по городскимъ улицамъ, площадямъ, распутіямъ, уловляя, какъ сѣтью, своими ногами и языкомъ. О, сколько я обольстила юношей, когда нагло поводила глазами, наряжалась на пагубу зрителямъ, то заплетенными косами придавала головѣ видъ башни, то оставляла сбиваться прядямъ на лобъ, румянила щеки и подрисовывала глаза, иногда проливая слезы, лестною повергая душу въ несчастіе! Что теперь будетъ со мною? Кого я найду врачомъ этихъ безконечныхъ страданій? Если людямъ скажу о самой себѣ, для меня будетъ бесполезно это признаніе. Скрыть худое? Но не могу скрыть: отъ кого я утаю, будучи не въ состояніи утѣяться? Куда я убѣгу, когда всюду нахожу судью, который, хотя не является, но всюду изобличаетъ мое нечестіе? У меня остается одна надежда на спасеніе, есть впереди одно средство для жизни—признаться Іисусу, и къ Нему прибѣгнуть. Онъ, принимая мытарей, не отвергаетъ блудницъ; ѣдя съ фарисеями, не избѣгаетъ слезъ грѣшницъ. Я узнала, что Онъ зашелъ къ Симону фарисею, человѣку важному и грѣшному; побѣгу къ Нему! Но, придя, о чемъ мнѣ просить? О здравіи глазъ? Но эта милость не долга. О прекращеніи болѣзни? Но счастье не велико: вѣчная смерть тягостнѣе настоящей. Оставивъ все тѣлесное, буду просить исцѣленія души. Я найду только тогда разрѣшеніе отъ предстоящихъ мнѣ золъ, если увижу судью, если предварю время наказанія. Буду подражать Раавъ блудницѣ; послѣдую этому избранному примѣру женщины. Богъ ничего отъ насъ не желаетъ, кромѣ перемѣны воли. Обсудивъ это бла-

гочестиво и остановившись мыслію на вѣрѣ, она, воспользовавшись прежнимъ безстыдствомъ, какъ основой дерзновенія, входитъ къ Іисусу, гдѣ Онъ возлежалъ. И ничего не говоритъ; не рѣшалась; она раньше знала, что наблюдатель помысловъ не нуждается въ словахъ. И что бы она сказала знающему все? Что согрѣшила? Что стала повинна во многомъ нечестія? Что, любя и любясь, послужила удовольствіемъ для всѣхъ? Это для Бога было ясно, не только во время совершенія, но и въ скрытомъ помышленіи души. Зная, что Онъ все знаетъ, и ничто не можетъ отъ Него скрыться, она удерживаетъ языкъ, а говоритъ слезами: *ставиши при ногу его плачущися, начатъ умывать нозѣ его слезами*. Хотя языкомъ она и не говорила, но невыразимымъ сѣтованіемъ открывала сокрушеніе сердца, торжествовала надъ множествомъ грѣховъ, осуждала въ себѣ помыслы, порочныя побужденія, нечистыя дѣла, беззаконныя бесѣды. Изъ худыхъ ея дѣлъ ничего не было, чего бы она не оплакивала; она знала, что въ чемъ признавалась, въ томъ получала прощеніе: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставиши еси нечестіе сердца моего* (Пс. xxxi, 5). И не только безъ рѣчи она говорила сердечнымъ сѣтованіемъ, умиливая Господа, но и видомъ изображала красоту покаянія. Она плакала, чтобы, какъ много смѣявшейся, омыть худой смѣхъ прекрасными слезами; смывала со щекъ грязь слезами, чтобы, чѣмъ погрѣшила, оттуда получить и пользу, въ чемъ беззаконничала, тѣмъ умиловитъ законодателя. Какъ Давидъ омывалъ слезами постель, которую осквернилъ беззаконнымъ бракомъ: *измыю на всяку ноцѣ ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* 713 (Пс. vi, 7), — такъ и она, увлекавшая своими глазами многихъ юношей въ распутство, смыла несмываемую скверну грѣховъ источниками слезъ, приготовивъ сама себѣ купель покаянія изъ слезъ. Слезы для нея служили какъ бы водою, и отпущеніе она получила отъ Христа невидимо. И не только подражая Аврааму, но даже превосходя его, она омывала ноги Христовы. Онъ омывалъ водою, поставивъ умывальникъ, и полотенцемъ отиралъ; она омывала ноги Іисуса, не воды почерпнувъ, но источая потоки слезъ. Изъ предосторожности не оскорбить грѣховными слезами святыхъ ногъ, она, какъ полотенцемъ, отерла ноги, пользуясь прекрасными волосами. И было видно, что жена вси и всѣмъ старается служить Іисусу. Вверху глаза, какъ источники, изливали потоки слезъ; внизу душа, какъ умывальникъ, принимала капли, падающія съ ногъ; волосы отирали, въ видѣ полотенца; руки, держа сосудъ съ миромъ, помазывали божественныя ноги, чествуя миро миромъ: *миро изліяное имя твое* (Пѣсн. i, 2). Видишь, какъ превзошла неблагодарный іудейскій умъ жена грѣшница, не имѣющая части въ божественномъ законѣ. Они (іудеи) бросали въ Него камнями, а она порадовала благовоннымъ миромъ. Іудеи, какъ неразумные и непризнательные, платили зломъ благодѣтелю, чествуя краугольный камень камнями, она же помазала ми-

ромъ ноги, имѣющія изъ-за нея весь день оставаться на крестѣ. И что я говорю, что она побѣдила неблагодарный іудейскій народъ, когда она превзошла сонмъ всѣхъ святыхъ? Она получила благодать, которой не получили цари, ни властелины. *Царіе Фарсѣйстїи и острови дары принесутъ, и поклонятся ему вся царіе земстїи* (Пс. lxxi, 10, 11). По пророку, и они дали дары, но издали поклонились; никто изъ нихъ не цѣловалъ ногъ Іисуса. Какъ пришли волхвы, взявъ въ помощницы звѣзду поклоненія? Они издали приносили дары, сознавая мѣру своего чина. *Небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ* (Ис. lxxvi, 1). Итакъ, да хвалится жена, что она получила честь всей земли; она касалась непорочныхъ ногъ, пыль съ которыхъ будутъ лизать народы и племена; въ тѣлѣ Христовомъ она участвовала съ Іоанномъ. Онъ возлежалъ на груди, потому что ему нужно было извлечь для себя оттуда божественное ученіе; а она держала ноги, ходившія за насъ. Христосъ, не судя грѣха, но хваля покаяніе, не наказывая прошедшаго, но одобряя будущее, предастъ забвенію ея прежнее нечестіе, чтитъ жену и хвалитъ покаяніе, оправдываетъ слезы и вѣнчаетъ рѣшеніе. Фарисей, видя чудо, изумляется въ душѣ, и изъ зависти не допускаетъ покаянія жены; такъ почтившую Господа порицаетъ, и достоинство почтеннаго унижаетъ, осуждая Его незнаніе: *видѣвъ Фарисей, воззвавъ его, рече въ себѣ: сей аще бы былъ пророкъ; видѣлъ бы, кто, и какова жена, которая прикасается ему: яко грѣшница есть*. О, несмысленный, неразумный и во всемъ фарисей! Говоря такъ, ты не правъ жены изобличаешь, но обвиняешь свое произволеніе,—говоря, что Онъ не знаетъ, кѣмъ нѣкогда была эта жена. Ты не почтилъ Его приглашеніемъ, какъ Бога, знающаго все. Знатный обвинитель и клеветникъ! Ты говоришь съ Нимъ, какъ съ Богомъ, и (какъ съ) могущимъ благословлять, (но) осуждаешь Его, какъ человѣка, и (какъ) не знающаго ничего больше насъ: *сей аще бы былъ пророкъ*. И насколько лучше тебя, фарисей, сикемская жена, которая не знала, что Онъ пророкъ, и съ перваго взгляда благоразумно исповѣдала Его Спасителемъ: *Господи, вижду яко пророкъ еси ты* (Іоан. iv, 19). Насколько удивительна и эта грѣшница, грѣхъ которой ты видишь, а на покаяніе не глядишь; даже осуждаетъ ту, которую Судія оправдываетъ, даже упрекаешь и порицаешь ту, которую Богъ, одобрявъ, вѣнчаетъ,—(вѣнчаетъ) за то, что, видя у тебя Бога возлежащимъ въ образѣ человѣка, узпала и почтила (Его), и, открывъ душевныя раны, просила милости и забвенія своей прошлой жизни. Ты почтилъ 749 приглашеніемъ, (но) безчестишь порицаніемъ, говоря: *аще бы былъ пророкъ, видѣлъ бы, кто, и какова жена, которая прикасается ему*. Безумецъ! Такъ какъ Онъ не обличилъ твоего нечестія, ты осуждаешь Его за незнаніе; такъ какъ Онъ пришелъ подъ твою кровлю, отягченную многими нечестіемъ, ты отказываешь Ему въ вѣдѣніи; такъ какъ Онъ удостоилъ возлежать съ тобою и согласился взять въ руки твои

кушанье, и не отвергъ, ты считаешь Его однимъ изъ множества? Достойнъ ли ты былъ оказать гостепріимство Богу, или предложить трапезу приготовляющему трапезу въ пустынѣ? Но, будучи челоѡвѣколюбивымъ, Онъ не отказался принять питье и хлѣбъ даже отъ твоихъ домашнихъ. За что фарисей обвиняешь челоѡвѣколюбиваго Владыку, одинаково всѣмъ дающаго отъ Своей благодати? Зачѣмъ процѣживаешь комара жены, (а) верблюда своего нечестія проглатываешь? Желаетъ, чтобы Богъ былъ долготерпѣливъ къ тебѣ, и строгъ къ ней? Зачѣмъ на чужія вины ты побуждаешь судію, (а) своимъ просишь прощенія? Зачѣмъ вы съ Іудой согласились искусить Господа? Ты, будто чистый отъ скверны, поносишь жену за грѣхъ (и) осуждаешь Бога въ незнаніи; онъ, будто любящій нищихъ, негодуешь словами: къ чему трата этого мира? Можно было продать дорого, и раздать нищимъ. О, неразумная душа! О, неблагодарный нравъ! Ты, Іуда, считаешь гибелью служеніе Христу, и называешь пустой тратой совершенное для чести Божіей? Сколько мы дали за то, что получили? Подумаемъ, Кѣмъ созданъ міръ, сколько рѣкъ милости текутъ отъ Него,—и Богъ не считаетъ потерей для Себя это изобиліе; сколько благовоній произращаетъ земля, сколько розъ, лилій, стиракса, нарда, стактія и остальнаго, изъ чего готовится прекрасное миро,—и Богъ не считаетъ этого тратой для Себя; а ты ропщешь, что на ноги Христовы возлить небольшой сосудъ мира? Задаромъ ли Онъ принялъ это, чтобы тебѣ роптать? Онъ принялъ миро, и объявилъ о покаяніи; принялъ слезы, и остановилъ источникъ грѣховъ. Что за погибель, если спасена жена, чрезъ которую заключился рай, чрезъ которую Адамъ извергнутъ? Но Іуду это опечалило; понятно: ея спасеніе опечалило діавола. Онъ зналъ, что впредь чрезъ нее родъ (челоѡвѣческій) обратится къ покаянію, и терзается и мучится, не имѣя впредь сѣти, которою бы ему уловить челоѡвѣка; отсюда и тебя побудилъ къ ропоту: зачѣмъ эта трата, можно бы продать дорого! Уже и продажа, Іуда? Уже ты, начало зла, думаешь о предательствѣ? Но Іисусъ не обличаетъ болѣзни его, не обнаруживаетъ сребролюбія, чтобы не задержалось будущее предательство. Христосъ всѣмъ говорить: *что труждаете жену* (Мѡ. ххvi, 10)? Зачѣмъ вы оуждаете жену, въ довершеніе ея прежняго нечестія? Достаточно женскій полъ потрудился; никто пусть не препятствуетъ его спасенію; никто пусть не осмѣиваетъ омывшую миромъ ноги, ходящія ради нея по землѣ. Нищіе съ вами; возьмите и Меня съ ними; для васъ Я сталъ нищимъ, будучи богатымъ, чтобы вамъ обогатиться Моею нищетою. Убиваете Меня, и Я не обвиняю; она погребаетъ Меня, и вы ропщете: *возліявши бо сія миро на тѣло мое, на погребеніе мя сотвори* (ст. 12). Итакъ, не стыдно ли тебѣ, Іуда, что она, будучи грѣшницею, миромъ Меня чествуетъ, а ты, будучи апостоломъ, продажей Меня безчестишь? Жена приготовляетъ что относится къ погребенію, (а) ученикъ предастъ смерти. (Что) грѣш-

нища эта жена, Я знаю; но у нея нечѣмъ было одарить Меня, какъ источникомъ слезъ; источникъ умилоствивляетъ источникъ, приноситъ не имущему учителю иную умилоствивительную жертву. Ты одобряешь, безумецъ, миро, оцѣнивая его въ триста динаріевъ; но одобряешь не съ тѣмъ, чтобы похвалить ея великодушіе, что она на покупку мира издержала все свое богатство, худо собранное, но чтобы ропотомъ показать, что ты, потерявшій столько, подпалъ ненавистному агу. Немного, если досадуешь на потерю трехсотъ динаріевъ, когда за тридцать отдашь Господа! *Что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ его* (ст. 15)? Несчастный! Рабъ продаетъ Господа; извращенъ порядокъ: Я покупаю тебя отъ грѣха Своею кровію, а ты Меня продаешь за тридцать обол-
750 ловъ! Если человѣкъ продаетъ Бога (пусть Онъ отдастъ ему для продажи), то кто покупатель? Засколько кто купить Бога? Почему такъ дешево цѣнишь? Кто продаетъ за тридцать оболловъ Бога въ образѣ человѣка? (Продаешь) какъ раба, какъ варвара? Разсуди, засколько (продаешь) внутри живущаго Бога и засколько видимаго человѣка? *Что ми хотите дати?* Чтѣ ты желаешь получить? У нихъ нѣтъ ничего равноцѣннаго Богу. И *поставиши ему тридесать сребренникъ*. Кто продаетъ дароваго врача за тридцать оболловъ,—врача, просвѣщающаго слѣпыхъ, поднимающаго къ ходбѣ хромыхъ? Я это говорю, чтобы наставить твой умъ. *Что труждаетъ жену* за то, что она почтила между мертвыми свободнаго, и передъ смертію, какъ мертваго, за то, что миромъ предвозвѣстила благодать погребенія и воскресенія? Ты будешь имѣть плодомъ предательства петлю; а память о ней будетъ непрестанна, гдѣ ни проповѣдуются евангеліе. Какъ Онъ сказалъ, такъ и на дѣлѣ было: миро Аарона и Елеазара прекратилось и его достоинство упразднилось, а сосудъ ея продолжается вѣчно, имѣя неистощимое благовоніе памяти. Это—Иудѣ, а ропщущему фарисею Христосъ такъ говорилъ: *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи* (Лук. vii, 40). О, несказанная благодать! О, неизреченное человѣколюбіе! Богъ совѣщается съ человѣкомъ и предлагаетъ задачу и правило человѣколюбія, чтобы освободить его отъ порочности. *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи*, чего никому изъ древнихъ не сказавъ—ни патріарху, ни пророку, ни законодателю. Тогда Я требовалъ око за око, зубъ за зубъ, спрашивая правды; но такъ какъ вы не можете носить правды, то замѣняю законъ благодатию, и скажу тебѣ неизреченную тайну. Онъ говоритъ: *учителю, рчи. Два должника бѣста* у одного мужа. Смотри на премудрость Божию: Онъ умалчиваетъ о женѣ, чтобы не испортить его отвѣта. *Единъ бѣ долженъ* динаріевъ пятьсотъ и другой *пятидесять*. Страшно объясненіе: наша жизнь есть записъ, гдѣ незримо пишутся и помыслы и дѣла и блужданія глазъ и движенія души. Но человѣколюбивый судія освобождаетъ отъ страха, разрывая рукопись грѣха, и не только разрывая, но и омывая водами крещенія, чтобы не осталось памяти отъ прежняго стихійнаго нечестія. *Не иму-*

щема има воздати, объма отда. Видишь ли человеколюбиваго ссудителя, какъ Онъ ссужаетъ, и не беретъ обратно, какъ Онъ непризнательныхъ не цѣпенить, но расширяетъ для нихъ Свою руку? *Не имущема има воздати, объма отда*; отпустилъ потому, что она не имѣла, (а) не потому, что не желали; иное (дѣло) не имѣть, и иное не желать. Для примѣра скажу: Богъ ничего отъ насъ не требуетъ, кромѣ покаянія; потому Онъ желаетъ, чтобы мы всегда радовались и прибѣгали къ покаянію. Если, при нашемъ желаніи покаяться, множество грѣховъ показываетъ слабость нашего покаянія, то мы не выплачиваемъ долга не отъ нежеланія, но отъ недостатка. Поэтому, Онъ говоритъ: *не имущема има*, чтобы показать, что, увидѣвъ ихъ желаніе отдать долгъ чрезъ покаяніе, но невозможность по множеству грѣховъ,—какъ человеколюбецъ, простилъ имъ, не за дѣло, но за произволеніе освободилъ отъ обязанности долга. *Не имущема има воздати*, не наказавъ, не пытавъ, не предавъ безчестію, *объма отда*. Который убо ея долженъ больше возлюбить? *Отвѣщая же Симонъ рече: мню, яко ему же вящше отда*. Гляди на досаду фарисея: онъ увидѣлъ, что словомъ истины заключенъ; боясь дать окончательный отвѣтъ, *мню*—рѣшилъ. Господь не мысль его отмѣтилъ, но, ухвативъ отвѣтъ, говоритъ: *право судилъ еси*. И обращая къ женѣ, *Симонови рече: видѣши ли сію жену грѣшницу*, отвергнутую тобою, Мною спасаемую? *Внидохъ въ домъ твой*—твой домъ, не мой, положъ злословія—*воды на нозѣ мои не далъ еси*, на ноги, запыленные для тебя, подъявши трудъ, чтобы освободить труждающихся (и) обремененныхъ; ты на половину почтилъ: чтѣ вверху, тому изумился, а чтѣ внизу, тому не послужилъ. Ты воды не далъ на 751 Мои ноги; а она, наливъ источники слезъ, смыла нечистоту своего грѣха. Ты мнѣ цѣлованія не далъ еси—о, еслибы и Іуда не совершилъ предательства цѣлованіемъ!—*сія же, отнелиже внидохъ, не преста облобызаящи ми нозѣ*. *Масломъ главы моея не помазалъ еси*, потому что *елей грѣшнаго да не намаститъ главы моея* (Пс. сxl, 5),—какъ тебѣ было почтить голову, когда ты пренебрегъ ногами?—*сія же и ноги помазала миромъ*, по пророчеству: *мро изліяное имя твое* (Пѣсн. 1, 2), изліянное, (а) не налитое. Такъ какъ сосудъ іудейскаго ума былъ гнилъ, то изъ вашего сосуда миро изліянное на моихъ ногахъ, чтобы чрезъ Меня проникла благодать благовонія къ язычникамъ. *Егоже ради, глаголю ти: отпуcaются ея грѣси мнози*,—за то, что ты, принявъ Меня въ своемъ домѣ, не почтилъ цѣлованіемъ, не послужилъ помазаніемъ; а она, получившая прощеніе многого нечестія, почтила Меня, смѣшавъ 752 какъ бы двойной сосудъ, слезъ и мира. Итакъ, убожимъ жену, покрывшую нечестіе Евы, грѣшницу, блудницу, посредницу благъ, показавшую образъ покаянія и обнаружившую законъ человеколюбія, имѣвшую зашитникомъ самого Судію, побѣдившую слезами плачь суда. Сколько васъ (здѣсь ни) присутствуетъ, поревнуйте тому, чтѣ вы слышали, и возъ-

мите въ примѣръ не страсть блудницы къ удовольствію, но плачь ея. Удовольствіе родило плачь, плачь доставляетъ освобожденіе. Омойте свое тѣло не водою, но слезами, помажьтесь не миромъ, но цѣломудріемъ; одѣньтесь не въ шелковыя ткани, но въ нетлѣнную одежду спасенія, чтобы вамъ получить ея славу, возсылая благодарность агнцу Божию, берущему грѣхъ міра. Ему слава и честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть отъ Мене (Мѣ. ххvi, 39).

Въ великую пятницу.

751 Учителя церкви похожи на чадолюбивую мать, переносящую всякую тяжесть и трудъ для воспитанія своихъ милыхъ дѣтей. Какъ она предлагаетъ свои сосцы, доставляющіе неистощимую молочную пищу милому дитяти, такъ точно и учитель церкви, предлагая свой умъ дѣтямъ церкви, побуждаетъ охотно извлекать словесное молоко. И какъ мать, послѣ времени молочной пищи, служить для жизни своихъ дѣтей тѣмъ, что даетъ твердый хлѣбъ вмѣстѣ съ овощами, приготовленными на огнѣ, такимъ же образомъ и учитель, послѣ оглашенія божественными словами, какъ бы послѣ молочной пищи, даетъ питающимся отъ него дѣтямъ трудно объяснимый хлѣбъ слова, вмѣстѣ съ разными толкованіями и ученіями Писанія. Поэтому и мы, возлюбленные, послѣ того, какъ напитали васъ молокомъ легкихъ словъ въ предыдущіе дни, теперь поведемъ къ разсмотрѣнію ученій: Духъ Святыи приготовляетъ для васъ здоровое слово наставленія. На трапезѣ Писанія намъ предложенъ такой хлѣбъ слова: почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедшій за жизнь всѣхъ принять на Себя страданіе и смерть, предъ славнымъ крестомъ говорить: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть отъ мене?* Многіе, не понявъ мудрой цѣли и не вникнувъ въ сокровытое въ этомъ изреченіи сокровище, говорятъ о Его робости. Но мы, возлюбленные, побесѣдуемъ съ Нимъ, какъ дѣти, чтобы вамъ, какъ дѣтямъ, усвоить мысли Его. Скажемъ Ему, не какъ совершенные, но какъ дѣти: почему, Господи, предъ страданіемъ за насъ, предъ распятіемъ на крестѣ, Ты робѣешь и молишься, говоря: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть отъ мене?* Если Ты самъ Себя истощилъ, принявъ образъ раба, когда никто Тебя не принуждалъ, зачѣмъ теперь Ты о другомъ просишь и говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть?* Ты вѣдь сдерживался и спѣшилъ пить эту чашу. Ты говорилъ: *крещеніемъ и маю креститися, и како удержуся дондеже буду пить его* (Лук. хп, 50); и между тѣмъ чакъ сдерживаешься и спѣшишь пить его, (теперь) отказываешься и говоришь: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть.* Ужели

не знаешь, что Ты намѣренъ былъ претерпѣть за насъ смерть? И вѣдь Ты говорилъ: *подобаетъ Сыну человѣческому быть предану и пострадати и въ третій день возстати* (Мѡ. хvi, 21); почему же предъ самымъ крестомъ Ты отказываешься и говоришь: *еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*? И если Ты этого желалъ, зачѣмъ порицалъ своего ученика Петра, препятствовавшего Тебѣ? Ты говорилъ: *подобаетъ Сыну человѣческому пострадати* и быть погребеннымъ *и въ третій день возстати*; а Петръ говорилъ: *милосердіе ты Господи: не имать быти тебѣ сіе* (ст. 22); (тогда) вознегодовавъ на него, Ты говорилъ: *иди за мною сатано, соблазнъ ми еси: яко не мыслиши, яже Божія,* 752 *но человѣческая* (ст. 23). Если Ты порицалъ его тогда, какъ почеловѣчески говорящаго, зачѣмъ теперь ищешь того, чему онъ тогда препятствовалъ, и говоришь: *Отче, еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*? Мы научаемся, что Ты творецъ видимаго и невидимаго; прикосновеніемъ руки исцѣлялъ отъ болѣзней, словомъ укрѣплялъ разрушившіяся тѣла мертвыхъ, потоки крови изсушалъ краемъ одежды, пятью хлѣбами наплатилъ до сытости пять тысячъ мужей, повелѣвалъ вѣтрамъ и морю, и все Тебѣ съ трепетомъ повиновалось; и, совершитель столькихъ чудесъ и разрушитель смерти, теперь Ты боишься смерти, и говоришь: *Отче, еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*? И если Ты боишься смерти, на кого впредь будетъ у насъ надежда жизни; и если боишься смерти, то почему говоришь: *азъ есмь жизнь* и воскресеніе (Іоан. xi, 25)? Жизнь и воскресеніе никогда не боятся смерти. Чтѣ же значить, что Ты говоришь: *Отче, еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*? Развѣ Ты не знаешь, знающій все прежде бытія его, не знаешь—возможно, или нѣтъ миновать этой чашѣ? Почему Ты говорилъ: никто не знаетъ Отца, *только Сынъ* (Мѡ. xi, 27)? Ты знаешь Отца, Котораго ни въ чемъ Ты не больше, а о чашѣ не знаешь, возможно ли ей миновать? Почему же Павелъ говоритъ: *нѣсть твари не явлена предъ нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима его*; и еще: *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и преходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. iv, 13, 12)? Если нѣтъ предъ лицомъ Его твари неявной, все обнажено и объявлено въ глазахъ Его, почему Ты теперь, будто не знающій, говоришь: *Отче, еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ мене*, если только въ этомъ словѣ нѣтъ какой-либо сокрытой тайны? Не подходяще, Господи, къ Тебѣ это слово, такъ какъ Ты Богъ, Сынъ Божій, Слово, Мудрость, Сила, Свѣтъ, Солнце правды, Источникъ безсмертія, Жизнь вѣчная, Воскресеніе для насъ, умершихъ отъ грѣха. *Отче, еще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. О, какъ трудно проникнуть въ это слово, рассмотреть и обсудить его! Какъ тѣсно (оно) и мучительно для многихъ людей! Научи насъ, Господи, этой

тайнѣ Твоего слова; мы Твои, и въ Тебя увѣровали. Пусть не поднимается въ своемъ злословіи исполнѣ Евномій, и не порицаетъ воинства Израиля Господня; онъ насъ порицаетъ, и противъ Тебя, нашего Владыки, поднимается безчестіе. Возбуди въ нашемъ сердцѣ умъ, какъ у кротчайшаго Давида; дай намъ одинъ камень слова, чтобы, метнувъ имъ, разрушить сущность ихъ нечестія, чтобы узнало сегодня все воинство, что Ты Господь всевышній, одинъ только *по всей земли* (Пс. lxxxix, 19). Великъ у насъ сонмъ еретическій, говорящій: видишь, какъ Онъ боится и робѣетъ; видишь, какъ молится Отцу словами: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ!* Теперь Евномій радуется, теперь Аріій веселится, какъ нашедшіе хульные слова, шипящія противъ истины. Но не везелитесь вы, иноплеменики! Сокрушено ярмо нашего мучителя. Съ нами Богъ (Числ. xiv, 9)! Знайте, язычники, и покоряйтесь; если опять усилитесь, опять будете побѣждены; и если совѣтъ совѣщаете, разорить Господь; уста Господни сказали это—*Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* О, чаша, исполненная жизни и безсмертія! Изъ нея, осквернивъ своимъ зловѣріемъ, Евномій и Аріій напояютъ ближняго коварною гибелью, считая горечью ея сладкое смѣшеніе мыслей, и не боясь голоса Писанія, говорящаго: *горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Авв. ii, 15); *горе говорящимъ горькое сладкое, и сладкое горькое; полагающимъ свѣтъ тьмою, и тьму свѣтомъ; горе иже мудри въ себя самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. v, 20, 21). Мы же, возлюбленные, взявъ чашу Господа нашего, съ любовію почерпнемъ преисполняющаго ее ученія. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ.* Не по твоему, Аріій—будто робѣетъ Господь нашъ, или боится смерти; почему Онъ боялся бы, когда имѣлъ власть умереть и не умереть: *область имамъ положить душу мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18)? Если бы Онъ принуждался кѣмъ-нибудь, то ты вѣрно бы сказалъ, что Онъ робѣетъ; а теперь Онъ самъ говоритъ: *область имамъ положить душу мою, и область имамъ паки пріяти ю*, т. е., Я никѣмъ не принуждаюсь. Но какъ Я самъ Себя истощилъ, принявъ образъ раба, безъ принужденія кѣмъ-либо, и Себѣ самому устроилъ тѣло для жительства: *премудрость созда себѣ домъ* (Прит. ix, 1),—такимъ же образомъ могу и разрушенное смертію Свое тѣло воскресить для жизни. Я есмь говорящій: *разорите церкви сію, и трети дни воздвигну ю* (Іоан. ii, 19), такъ что ни изъ робости, ни изъ страха смерти Я говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*, но предлагая слово сокрытой тайны. Это изреченіе есть приманка для діавола; Миѣ нужно было уловить его этимъ изреченіемъ. Діаволь видѣлъ, что Я совершилъ много знаменій, что исцѣлялъ прикосновеніемъ руки болѣзни, что изгонялъ словомъ легіоны демоновъ, что струпя прокаженныхъ снималъ словомъ, какъ бы вѣялкой, что разслабленныхъ укрѣплялъ голосомъ, что повелѣ-

валъ вѣтрамъ и морю, и все Мнѣ съ трепетомъ повиновалось; увидѣвъ изъ этихъ дѣлъ, что Я Сынъ Божій, онъ подумалъ, что если Я буду распятъ на крестѣ, онъ погибъ; если Я сойду въ преисподнюю, то сокрушу его желѣзные запоры и разрушу его мѣдныя врата. И, увидѣвъ это, изъ страха избѣгаетъ поставить многоцѣнный для Меня трофей креста. Что Мнѣ дѣлать? Какъ мудрый рыбакъ, Я дѣлаю видъ, что робѣю,—дѣлаю видъ, что боюсь смерти и говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*, чтобы онъ, заключивъ изъ этихъ моихъ малодушныхъ словъ, что Я робкій человѣкъ, избѣгающій смерти, поспѣшилъ поставить посреди земли тайну крестнаго древа, будто бы противъ Меня. Мнѣ нужно было, какъ мудрому рыбаку, воспользоваться искусствомъ противъ него; Мнѣ нужно было все претерпѣть за жизнь всѣхъ. Если онъ отъ начала воспользовался хитростію для гибели Адама, тѣмъ болѣе Мнѣ нужно было воспользоваться для спасенія всѣхъ. Коварными словами онъ обманулъ Адама; божественными словами: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ отъ мене*—обманывается онъ, коварный. Если бы рыбакъ, когда опускаетъ уду въ море, не надѣвалъ на нее червя, и не показывалъ его будто ускользящимъ, рыбы не бросались бы къ нему. Я облекъ уду Моего божества червемъ тѣла; опустилъ уду, сокрытую въ червѣ тѣла, въ глубину этой жизни; если бы червь не двигался подобно червю, не пришелъ бы тотъ, кому нужно было уловиться удомъ. Мнѣ нужно было принять видъ червя и сказать: *азъ есмь червь, и не человекъ* (Пс. ххі, 7), чтобы онъ подбѣжалъ и ухва- 754 тился за уду, и былъ бы вытасченъ Мною, и исполнилось бы написанное у Іова: *извлечешь же змія удицею* (Іов. хі, 20). Я становлюсь какъ бы робкимъ человѣкомъ, становлюсь какъ бы убѣгающимъ смерти, говорю: *прискорбна есть душа моя до смерти* (Мф. ххvi, 38), говорю: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Онъ съ радостію и весело слушаетъ эти слова; снѣшить дѣлать враждебное для Меня. И что же говорить самъ въ себѣ? И это человѣкъ. Я поглотилъ Авраама, Исаака, Іакова, патріарховъ и пророковъ; поглочу и Его. Вотъ Онъ робѣетъ, какъ человѣкъ; Онъ человѣкъ; поглочу Его. Онъ поглотитъ Меня, какъ человѣка, и Я окажусь въ утробѣ его Богомъ совершителемъ. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Онъ поглотитъ закваску тѣла, и Я окажусь негасимымъ углемъ божества, страшно сжигающимъ его внутри: *огня приидохъ воорещи на землю* (Лук. хі, 49). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Я буду говорить, какъ агнецъ; не желаю, чтобы онъ видѣлъ сверкающій мечъ божества, чтобы не убѣгъ онъ, волкъ. Онъ поглотитъ Меня, какъ агнца, и изнутри уязвится изощреннымъ мечомъ: *не приидохъ воорещи миръ на него, но мечъ* (Мф. х, 34). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидетъ*. Я скрою пастыря Бога въ агнцѣ тѣла; не желаю обнаружить пастыря Бога, чтобы не убѣжалъ волкъ; волкъ уходитъ, если видитъ

пастыря. Я буду говорить, какъ агнецъ. *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть.* Буду говорить, какъ агнецъ, не имѣющій пастыря; Я сдѣлался какъ бы безпомощнымъ человѣкомъ. Поглотить Меня, какъ агнца, и сокрушится изнутри крестнымъ посохомъ пастыря. Онъ сгрызетъ зерно горчичное, и Я окажусь для него острою страшно мучительнаго божества; онъ сгрызетъ Меня, какъ человѣка, и Я окажусь крѣпкимъ камнемъ, сильно сокрушившимъ его зубы, чтобы онъ научился не сгрызать богѣ людей; и исполнится написанное: *Богъ же сокрушитъ зубы его во устья его* (Пс. lvp, 7). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть.* Если бы онъ зналъ, какова эта чаша, отъ которой Я отмаливаюсь, онъ молился бы, чтобы она миновала; противъ него она жало, а для моихъ спасеніе. Когда онъ Меня поглотитъ, тогда почувствуетъ, Кого поглотилъ; когда онъ увидитъ, что Мною скрывается солнце, омрачается день, тогда и самъ огорчится; и исполнится написанное: *адъ долъ огорчися, срятъ тя* (Ис. xlv, 9). *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть.* Пусть не смущаютъ васъ эти слова, мудро произносимыя; подождите, и увидите выводъ изъ Моихъ словъ, и тогда изумитесь мудрости ихъ. Онъ думаетъ, что глупо ухищреніе Мое; а не знаетъ, что *буетъ Божіе премудрѣе человекъ есть* (1 Кор. i, 25); онъ думаетъ отсюда, что Я самый немощный, а не знаетъ, что *немощное Божіе крѣпче человекъ есть* (ст. 25); не знаетъ, что Я буду пить чашу, онъ ухнетъ и омрачится, а мои возбудятся и станутъ бодрими. Теперь онъ съ радостію слушаетъ эти Мои слова: *Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть.* Когда поглотитъ Меня, когда увидитъ, что камни раскалываются, гробницы и могилы открываются и самъ онъ сокрушается, и мертвые встанутъ и восходятъ на небо, тогда онъ раскается и будетъ печалиться надъ тѣмъ, чему теперь радуется. Онъ не знаетъ, что самому себѣ ставить западню, которую ставить, и самъ попадетъ, по писанному: *ровъ изры, и ископа и, и падеть въ яму, юже содѣла* (Пс. vii, 16). Онъ не знаетъ, что крестъ, который онъ намѣренъ поставить, для Меня постель, для него крестъ,— для Меня почивальня, для него смерть. О, чаша, жало для діавола, пугало демоновъ, вѣлка грѣховъ, устроительница жизни, умиловленіе для грѣшниковъ, чаша безсмертія! *Обаче не якоже азъ хочу, но якоже ты.* Онъ узналъ, несчастный, что все стало, что Я сказалъ; онъ слышалъ Мои слова: благодарю Тебя, Отче, *яко услышалъ еси мя. Азъ же отъдохъ, яко всегда мя послушаеши* (Іоан. xi, 41, 42). Такъ какъ Я молился, чтобы миновала чаша смерти, то, чтобы ты не думалъ, вслѣд-
755 ствіе молитвы о минованіи чаши, будто дѣло креста стало слабымъ, Я дѣлаю сомнительный выводъ изъ Своей молитвы, и говорю: *обаче не якоже азъ хочу, но якоже ты.* Отцу Своему Я приписываю власть надъ смертію, хотя самъ имѣю власть положить душу Свою, и власть имѣю опять взять ее. Я покрываю Свое божественное достоинство ду-

ховными листьями, покрываю властность Своего божества человеческими словами, говорю: *не якоже азъ хочу, но якоже ты*. Онъ, слѣпецъ, не зналъ, что Моя воля и Отца Моего одно: *вся, елика имать Отецъ, моя суть* (Іоан. хvi, 15), и: *азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. х, 30). *Обаче не якоже азъ хочу, но якоже ты*. Онъ повѣситъ зерно хлѣбное, и когда поглотить Меня, увидить, что самъ удавляется тройною петлею. Но можетъ быть кто-нибудь изъ слушателей спросить: ужели Христосъ насмѣялся надъ діаволомъ, или возможно ли было насмѣхаться надъ нимъ? Ему мы скажемъ: прочитай Писаніе, и найдешь, что самъ Отецъ говоритъ Моисею: *видишь, елико наругахся Египтяномъ* (Исх. х, 2). Такъ и Господь насмѣялся надъ діаволомъ и демонами. Нужно было, чтобы онъ былъ осмѣянъ, какъ безумецъ, за свое великорѣчіе и слова: *крѣпостію Моею сотворю и разумомъ рукъ моихъ отгниму предѣлы языковъ, и вселенную всю какъ гнѣздо возьму, и яко оставленная яща 756 возьму, и никого не будетъ, иже противу мнѣ речеть* (Ис. х, 13, 14). Нужно было, чтобы онъ и демоны были осмѣяны, чтобы обнаружилось, что въ такихъ своихъ похвальбахъ они неразуміе даже дѣтей. Поэтому и не знали, что дѣлали: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. ii, 8). Также и пророкъ предвозвѣстилъ объ этомъ драконѣ, что онъ будетъ осмѣянъ: *змій сей, егоже создахъ еси ругатися ему* (Пс. сш, 26). Но, чтобы не казалось, что излишнимъ удлинненіемъ слова мы препятствуемъ желающимъ послѣ насъ еще яснѣе передать мысль Писанія,—здѣсь прекратимъ свое Слово. Мы были вызваны сказать по поводу той же самой главы, не потому, что можемъ говорить безъ пропусковъ, но чтобы объяснить по своимъ силамъ, и дать поводъ любознательнымъ: *даждь премудрому вино, и премудрѣйшій будетъ* (Прит. ix, 9). И вы, возлюбленные, собравъ изъ Писанія, въ подкрѣпленіе сказанному, старайтесь еще больше уяснить трудную мысль,—Господь нашъ не по робости, какъ выше у насъ сказано, уклоняется отъ чаши смерти, но по божественному устроенію, — чтобы по моимъ ничтожнымъ словамъ и мыслямъ и вашимъ трудамъ возсылалась слава Христу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу въ евангеліи Луки, въ которой говорится: *человѣкъ нѣкій схождаше, и въ разбойники впаде* (Лук. х, 30).

Дѣйствительно, по божественному апостолу, *текущимъ въ позорищи, 755 вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почестъ* (1 Кор. ix, 24). Шелъ сегодня іерей, шелъ и левитъ, и только самарянинъ получилъ награду. Онъ безъ труда опередилъ ушедшихъ впередъ; чего не совершили наученные закону, то съ успѣхомъ сдѣлалъ иноплеменикъ. Они, увидѣвъ

въ другомъ собственную природу въ опасности, заключили свое сострадательное сердце и, сомкнувъ глаза, прошли какъ бы мимо лежащаго мертваго столба, какъ нѣкогда былъ не милосердъ богачъ къ брошенному предъ его дверями Лазарю; невѣрный же самарянинъ, вѣрный богѣ іудеевъ, забывъ о своемъ дѣлѣ, утѣшилъ незнакомца, и, забывъ о своей настоящей нуждѣ, поспѣшилъ къ ухаживанію за пораженнымъ, и, не зная закона, исполнилъ его, совершивъ все по закону: *егда бо языци не имуще закона естествомъ законная творять, сѣи закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествоющей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ* (Рим. п. 14, 15). Итакъ, чтоже говорить евангелистъ? *Человѣкъ нѣкій сходяще отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде: иже и соевлекше его, и язвы возложше отъидоша, оставше едва жива суща. По приключенію *) же священникъ нѣкій сходяще путемъ тѣмъ, и видѣвъ его, мимоиде. Такожде же и левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, пришелъ и видѣвъ, мимоиде. Самарянинъ же нѣкто грѣшый, пріиде надъ него, и видѣвъ его, милосердова: и приступль обяза струпы его, возливая масло и вино: всадивъ же его на свой скотъ, приведе въ гостинницу, и приляжа ему. И наутрѣ изшедъ, изъемъ два динарія даде гостиннику, и рече ему: приляжи ему и, еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти* (Лук. х, 30—35). Поучимся: что такое Іерусалимъ; и что Іерихонъ; и кто разбойники, съ которыми онъ нечаянно встрѣтился; и что за одежда, которую они сняли съ него; и что такое раны, которыхъ они причинили человѣку; и почему отошли, оставивъ полуживымъ; и кто іерей, и кто левитъ, и кто самарянинъ; и что такое елей, и что такое вино, и что такое повязки; и что такое скотъ; и что такое гостинница и гостинникъ; и что такое два динарія, и что такое излишнія издержки, которыя онъ обѣщался отдать; и что такое возвращеніе самарянина?

756 Итакъ, одинъ человѣкъ шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ. Іерусалимъ—рай, Іерихонъ—этотъ міръ; человѣкъ, шедшій изъ Іерусалима въ Іерихонъ—первозданный Адамъ; по изгнаніи изъ рая, онъ шелъ въ Іерихонъ, т. е., въ этотъ міръ. И пришедши, въ разбойники впаде, т. е., къ жестокимъ лукавымъ демонамъ; они сняли съ него одежду безсмертія, которую онъ носилъ до грѣха; одѣли его въ листья смоковные. Почему въ листья смоковные? Потому что они жестки и горьки. Такъ какъ послѣ грѣха приключилась съ нимъ жесткость дѣла и много горечи, то, поэтому, онъ былъ одѣтъ въ листья смоковные. *И язвы возложше*, т. е., житейскія страданія. Именно: *въ потъ лица твоего съяхи злѣбъ твой: тернія и волчцы возраститъ тебѣ земля; въ болѣзняхъ родиши чада*

*) Проповѣдникъ дальше различаетъ συγχύλα и евангельское συχὸρία. Мы не могли выдержать это различіе иначе, какъ случай и приключеніе.

(Быт. ш, 19, 18, 16); это раны для души. И *отъидоша, оставше его едва жива суца*; преступивъ заповѣдь Божию, Адамъ не былъ ни между живыми, ни совершенно мертвымъ, такъ какъ не исполнилъ откланяться отъ Бога. По приключенію же *священникъ нѣкій сходящеся путемъ тѣмъ*. Не сказалъ: по случаю, но: по приключенію; по случаю—(значить) не предусмотрѣнно, неожиданно, когда происходитъ что-либо съ кѣмъ-нибудь само собою; по приключенію—(значить) когда кто-нибудь совершаетъ что-либо по промыслу Божию; здѣсь по промыслу Божию шелъ іерей тѣмъ путемъ. И *видѣвъ его мимоиде. Такожде же и левитъ*. Кто іерей, и кто левитъ? Іерей—законъ Моисея, а левитъ—слово пророческое. Они, по промыслу Божию, пришли для ухода за израненнымъ разбойниками; не будучи въ состояніи исцѣлить его, прошли мимо. Когда у нихъ не было силы возстановить лежащаго, идетъ самарянинъ, который есть Владыка Христосъ, стражъ нашихъ душъ. Самарянинъ значить—стражъ. Онъ сказалъ: *самарянинъ же нѣкто грядый, прииде*; не сказалъ, что *прииде* къ нему, но *прииде* надъ него, т. е., принялъ, какъ онъ, плоть,—подлежалъ тѣлесной страсти, какъ онъ, но безъ грѣха. И *видѣвъ его, милосердова надъ нимъ, и приступль обяза струпы его, возливая масло и вино*. Что такое повязки, и что елеи, и что вино? Повязки—повелѣнія Христа, елеи—святая миропомазаніе, вино—таинство вѣры. Этими тремя врачуются наши душевныя раны. Что говорить, знаютъ новонаставляемые. *Всадивъ же его на свой скоть, приведе въ гостинницу*. Собственнымъ скотомъ Христосъ называетъ тѣло, которое Онъ принялъ для насъ отъ пренепорочной Дѣвы. Онъ посадилъ на Свой скоть израненнаго разбойниками, такъ какъ, по пророку Исаи, Онъ немощи наши принялъ и болязнь повесѣ (Ис. лш, 4). И *приведе въ гостинницу*, т. е., въ святую церковь; и заботился о немъ сначала самъ. *Наутрѣ же изшедъ, т. е., послѣ святаго воскресенія, изъелъ два динарія даде гостиннику*. Кто гостинникъ, и что такое два динарія? Гостинникъ—апостолъ Павелъ, поставленный во главѣ церкви изъ язычниковъ; онъ названъ гостинникомъ, потому что всѣхъ принимаетъ, и всѣхъ влечетъ къ спасенію. Христосъ послѣ Своего воскресенія, вынувъ два динарія, ветхій и новыи заветъ, далъ ихъ гостиннику, со словами: позаботься о немъ; тебѣ вручаю народъ языческій, израненный самыми жестокими разбойниками; только заботься о немъ; и что издержишь лишнее, то Я отдамъ тебѣ, при Своемъ возвращеніи. Что издержалъ Павелъ сверхъ динаріевъ? Четырнадцать посланій, которыя онъ разсылалъ язычникамъ. Что значить — *егда возвращуся, воздастъ ти*? При второмъ Своемъ пришествіи, когда приду судить живыхъ и мертвыхъ, при возвращеніи Своемъ, Я отдамъ тебѣ то, что ты издержишь лишняго, какъ и самъ Павелъ говорить: *подвигомъ добрымъ подвижался, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія: не*

только же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе его (2 Тим. iv, 7, 8). Да будетъ, чтобы и намъ всѣмъ получить такой вѣнецъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отку со Святымъ Духомъ слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На рожденіе святого Іоанна пророка, Предтечи и Крестителя.

757 Благовремененъ день праздника и всеобщей радости, въ который мнѣ пришли на мысль служеніе Гавріила и священство Захарія, и я думаю объ осужденномъ на нѣмоту за невѣріе. Вы слышали евангелиста Луку, открывшаго намъ сегодня душеполезную врачевницу. Евангелистъ Лука былъ врачомъ и по искусству; но тогда онъ (былъ) цѣлитель тѣлъ, а теперь попечитель о дѣлахъ; онъ замѣнилъ искусство искусствомъ, и принялъ на себя вмѣсто одного попеченія другое. Итакъ, что же Лука, прекрасный врачъ? Вы сейчасъ слышали его слова: *по обычаю священничества ключися ему покадити*, и вошелъ въ храмъ Божій Захарія: *и все множество людей бы молитву дѣя онъ, съ годъ елимама*. И вотъ ангелъ Господень явился ему, *стоя одесную олтаря кадильнаго: и смутися Захарія видѣвъ, и страхъ нападе на нь*. Рече же къ нему ангелъ: *не бойся Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя, и вотъ жена твоя Елисаветъ родить сына тебѣ, и наречеша имя ему Іоаннъ* (Лук. i, 9—13). О, странное и таинственное чудо! Справедливо Захарія возразилъ ангелу. Онъ требовалъ одного утѣшенія, и получилъ другое; молился за народъ, и названъ былъ отцомъ сына; искалъ прощенія грѣховъ, и получилъ обѣщаніе отъ безплодной утробы. Захарія болѣе желалъ исцѣленія душъ согрѣшившихъ, чѣмъ беременности Елисаветы. Справедливо Захарія смутился и устранился; человекъ онъ былъ права рабскаго, хотя и облеченъ былъ священнымъ достоинствомъ. Сказалъ Захарія тотчасъ въ своей душѣ, какъ только увидѣлъ ангела: страненъ приходъ этого человека, странно его обѣщаніе! Кто это, что смѣло вступаетъ въ священный храмъ? Кто это, что стоитъ справа алтаря кадильнаго? Кто это, что блещитъ образомъ чуждаго вида? Кто это? Я не видѣлъ человека съ крыльями, ни птицы въ образѣ человека; кто это, что наполняетъ мою душу страхомъ? Кто это—свѣтоносецъ по устамъ, говорящій великое, при закрытыхъ устахъ? Кто это—наблюдатель за моею чредою? Кто это, что препятствуетъ моему ходатайству? Народъ, вѣ молящійся, ожидаетъ меня съ отвѣтомъ отъ Царя небеснаго, и этотъ задерживаетъ меня внутри; чрезъ меня они приносили моленія къ Царю, прося прощенія въ грѣхахъ; объ этомъ я молюсь, чтобы исполнить желаніе народа, чтобы показать дѣйствіе своей чреды; итакъ, перестань, кто бы

ты ни былъ, устрашающій меня! Если ты ангелъ, посланный Богомъ, то содѣйствуй въ моемъ дѣлѣ, сострадай вѣнъ плачущимъ, сокрушайся съ сокрушающимися; отойди! Кто ты, устрашающій меня? Я нисколько не думаю о сынѣ; зачѣмъ ты общаешься мнѣ сына? Что за выгода для народа, если у меня будетъ сынъ? Что за польза, если Елизавета станетъ кормить грудью дитя? Что за выгода, если я оставлю наслѣдника? Отойди, устрашитель мой, кто бы ты ни былъ, отойди отъ меня! Мы стары; мнѣ было время зачатія; погасла страсть брака; время охладило жаръ; неплodie отвергло плодъ; природа возстала противъ самой себя; мы оба мертвы для смѣшенія; юность не цвѣла,—какъ старость произраститъ? 758

Такъ Захарія. Ангелъ же говоритъ ему, какъ ты сейчасъ слышалъ: *не бойся Захаріе*, не смущайся помыслами; я ангелъ свѣта, а не тьмы; я Гавріилъ, одинъ изъ начальниковъ у Царя небеснаго; исполняю повелѣніе, не по своей власти приказываю; я посланъ объявить тебѣ, а не сдѣлать надъ тобою насиліе; облеченъ я видомъ, а не въ облаченномъ существѣ явлюсь предъ тобою; пославшій меня щадить твою жизнь; не бойся, Захарія, я посланъ благовѣстить тебѣ, а не изумлять тебя; ты превзойдешь старость, и сѣрое безчадство и бесплодную утробу; и кто рождаетъ по желанію? Это даръ Божій, не изобрѣтеніе человѣческое; развѣ ты не слышалъ словъ Господа: *Я есмь творецъ челоуѣка, и созидая челоуѣка духъ* (Зах. хп, 1)? Не вѣришь, Захарія? А какъ былъ созданъ Адамъ, какъ Ева была сотворена, какъ Исаакъ былъ рожденъ? Авраамъ въ послушаніи не ошибся; а ты, іерей, не вѣришь! Неужели безсильно у Бога всякое слово, Захарія? По своей старости ты возражаешь, старецъ, тѣлесное омертвѣніе полагаешь сильнѣе Бога. Если бы ты не видѣлъ примѣра Авраамова, то основательно сомнѣвался бы; ссылаешься на немощь природы, и не вѣришь настоящему божественному общанію, по сомнѣваешься и споришь? О маломъ ты просишь, и много получаешь, и, какъ бы переноси наказаніе, кричишь, Захарія. Ты молишься только объ іудейскомъ народѣ, а я благовѣствую тебѣ о томъ, кто всѣ племена приготовить къ спасенію. Захарія, услышавъ это, и, немного отиративъ свой взоръ, въ отвѣтъ говорилъ ангелу: что ты говоришь, ангелъ? Родить жена моя? Что же—объ этомъ я молился, или совершаю каженіе въ свою чреду ради того, чтобы предъ народомъ выказать свою плодородность? Я прошу о прощеніи грѣховъ, и ужели сверхъ этого пожелаю разрѣшенія неплодства? Желаю для народа облегченія, неужели для Елизаветы обремененія? Я призываю израеленныя души къ уврачеванію, и неужели, чтобы изсохшіе сосцы стали млекооточными? Что ты говоришь, ангелъ? Жена моя родить? И что за выгода въ этомъ для вѣнъ молящихся? Ужели, услышавъ, не побьютъ они меня камнями, со словами, что я становлюсь главнымъ іереемъ не за нихъ и для общепользнаго спасенія, но только за самого себя, что не благословеніе, а сына я принялъ? Я нисколько не думаю о дѣторожденіи; отойди! Я этого не

желаю; о чемъ я молился, того не получить; и теперь ты мнѣ объясняешь одно вмѣсто другого; я нисколько не думаю о дѣторожденіи; теперь несчастіе безплодства; неужели отъ времени не прекратилась страсть, и отъ немощи природы—соитіе? Я нисколько теперь не думаю о дѣторожденіи. Мы не можемъ ходить безъ посоха, и какъ теперь намъ повелѣваютъ начать свое дѣторожденіе? Старость отвергаетъ природу; это дѣло внѣ вѣры; въ гробъ мы глядимъ, и будемъ нанимать кормилицу? Я нисколько не думаю о дѣторожденіи, я ищу спасенія народа и счастья племени, плѣненія враговъ и благоденствія города, а не дѣтскаго плача, пеленокъ и кормленія; я нисколько не думаю объ этомъ. Какъ я окажусь отцомъ природнаго сына? Старость отталкиваетъ отъ себя вѣру; внѣ природы это дѣло; я иду съ посохомъ, какъ съ конемъ, и ты побуждаешь меня къ брачному дѣлу, когда все тѣло мое стало гробомъ?

759 Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, скажи мнѣ, великій Гавріиль (нужно не знающимъ знать, что Гавріиль значить—человѣкъ Божій)? Скажи, чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Вотъ мои члены трясутся, вотъ по старости мы оба въ землю смотримъ. Если бы одинъ былъ молодецъ, а другой состарѣлся, была бы нѣкоторая надежда на сказанное; теперь тѣло наше обоимъ дряхло; ничего другого мы не ожидаемъ, кромѣ серпа смерти, какъ зрѣлые колосы во время жатвы; если ты во всемъ истиненъ, что говоришь, владыка Гавріиль, то дай напередъ какое бы то ни было знаменіе, вручи мнѣ залогъ обѣщаннаго чуда. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ааронъ не повѣрилъ бы, если бы не расцвѣлъ жезлъ; Моисей не былъ бы удостовѣренъ, если бы его рука не поблѣла; Геденъ не понялъ бы, если бы не было росы на рунѣ; Езекиа не призналъ бы, если бы солнце не отступило назадъ; чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ты дай знаменіе, и я буду радъ, какъ юноша; дай знаменіе, чтобы Елизавета не посмѣялась легкомысленно, какъ Сарра; чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, вѣстникъ архангелъ? Откуда для меня очевидны твои слова ко мнѣ? Если я являюсь вторымъ Авраамомъ, будетъ и для меня свойственное Аврааму, то войди въ мой домъ, и я омою твои ноги, послѣ совершеннаго путешествія, и предложу тебѣ трапезу, исполненную тайны; Елизавета замѣситъ три саты муки, предъизображая церковь; спрашивай тельца, чтобы тебѣ одарить сыномъ. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, о, ты, приносящій намъ на землю прекрасное благовѣстіе свыше? Зачѣмъ, ангелъ, предназначаешь мнѣ пмя сына, и исчисляешь добродѣтели еще не существующаго? Покажи мнѣ то, что свыше природы, чтобы мнѣ повѣрить тому, что противъ природы. Если небо станетъ шатромъ, и я обновлюсь; если море измѣрится, и жена моя Елизавета станетъ матерью; если солнце будетъ задержано, и изсохшіе сосцы источать молоко; если луна низвергнется, и изсохшая утроба увлажнится. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, *азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ* (ст. 18)? Ангелъ Захаріи: ты требуешь отъ Бога ручательства. Считаешь немощь

сильнѣе Владычняго обѣщанія? Не боишься напередъ распрашивать приносящаго тебѣ благовѣстіе? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Развѣ тебя посылають въ Египеть, чтобы устроить фараона? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Развѣ ничего сверхъестественнаго Богъ не дѣлаетъ? Ты спрашиваешь послѣдовательности у природы, и не видишь изумительнаго дѣла божества. Скажи мнѣ, Захарія, на чемъ укрѣплены столпы земли? Чѣмъ поддерживается сводъ неба? Гдѣ изобрѣтаются выстилица облаковъ? Гдѣ образуются капли дождя? Гдѣ создаются хлопья снѣга? Кто руководитъ теченіемъ солнца? Кто отграничиваетъ уменіе луны? Кто исчислитъ множество звѣздъ? Море во время бури какъ удерживается пескомъ? Какъ смѣшиваются теплые потоки? Какъ создается мракъ тумана? Какъ образуется человекъ во утробѣ? И какъ женскій полъ оказывается слабѣе мужскаго? Богоподобная душа какъ сразу оказывается въ тѣлѣ? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Ты ищешь послѣдовательности природы, гдѣ дѣло Божіе? Не вѣришь, что можетъ родить безплодная? Что же—если услышишь, что Дѣва сверхъ ожиданія рождаетъ? И можетъ ли быть прежнее невѣріе вѣрою? И за то теперь наказывается невѣріе въ виду безплодности, чтобы ты не усомнился въ чудѣ въ виду Дѣвы: *будеши молча и не могій проглаголати* (ст. 20). О, человеколюбивое наказаніе, производящее скорѣе исправленіе! Ангелъ вразумляетъ поблѣбавшійся голосъ, обуздываетъ дерзкій языкъ: *бѣ помавая ѹмъ: и пребываше нѣмъ*. Хорошо у евангелиста записано и это—*пребываше*; молчаніе ожидаетъ рождаемаго голоса, Захарія—Іоанна, старецъ—сына, іерей—пророка. Этими ангелъ говоритъ: такъ какъ ты, какъ невѣрующій, ищешь знаменія отъ Бога, то прими биченосное знаменіе въ собственномъ своемъ тѣлѣ: *будеши молча и не могій проглаголати, до некоего дне будутъ сія*. Гдѣ орудіе противорѣчія, тамъ и мщеніе; гдѣ необдуманная смѣлость, тамъ и воспитательная вожжа; гдѣ была дерзость, на томъ и наказаніе. Богъ желалъ, Захарія, чтобы ты сдѣлался проповѣдникомъ такого чуда: рождается начальникъ воинства Царя небснаго и 760 предуготовитель освобожденія міра отъ грѣховъ. Такъ какъ ты сдѣлалъ для себя немощь тѣла сильнѣе Владычняго обѣщанія, то за это *будеши молча и не могій проглаголати, до некоего дне будутъ сія*: *зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое*. Видишь ли, что безъ вѣры ничто изъ должнаго не совершается. Только что услышалъ Захарія эти слова, тотчасъ вышелъ изъ храма, съ молчаніемъ, наградою за невѣріе. О, чудо! Онъ вошелъ для освобожденія другихъ, и самъ вышелъ осужденнымъ; принося богослужбное кажденіе, вынесъ знакъ изгнанія. Народъ ждалъ услышать что-нибудь благое отъ него, а онъ выражалъ знаками: никто пусть меня не спрашиваетъ; я устрашаюсь Владычняго негодованія. О, изумительныя дѣла! Захарія обуздывается, и Елизавета благоденствуетъ; языкъ нѣмствуетъ, и утроба бе-

ремешеть; болтливый языкъ безплодствуетъ, и безплодная дѣлается матерью; болтзнь утробы переселяется на языкъ; рѣчь обуздывается, и рожаемое освобождается; Захарія молчитъ, и Іоаннъ играетъ. Лишь только безплодная увидѣла Дѣву, утренняя звѣзда замѣтила солнце,—и сильно възыгралъ Іоаннъ въ материнской утробѣ, обвиняя медлительность природы: я, говоритъ, проповѣдникъ Владыки, и зачѣмъ связанъ узами, подобно сорабамъ своимъ? Предварю время рожденія, не буду ждать родовъ, чтобы не потерять своего теченія, чтобы Владыка не опередилъ заключеннаго раба, чтобы послѣдовательность природы не сдѣлалась нарушеніемъ порядка; я узналъ присутствующаго, и не переношу молчанія; я узналъ предпославшаго меня въ путь предъ лицомъ Своимъ, чтобы приготовить путь Его предъ Иимъ; я поколеблю узы природы, потому что сиѣшу проповѣдывать. О, изумительныя дѣла и чудеса! О чемъ не вѣдали на небесахъ ангелы, узналъ Іоаннъ, во утробѣ носимый, и говорилъ матери своей. Для Престоловъ Онъ былъ незамѣтенъ, и носимаго во утробѣ приходящій Богъ не опередилъ; отъ Господствъ Онъ скрытъ, и тайну домостроительства открылъ носимому во чревѣ; и съ каплемъ благовѣстіемъ пришелъ архангелъ къ Богородицѣ, (это) винушилъ внутри играющій младенецъ. Пришедшій Освободитель нашего рода, будучи во чревѣ, прибылъ къ Своему другу, Іоанну; и видно было, что Создатель прииѣтствуетъ созданію, что Царь пребываетъ въ шатрѣ война, что Владыка входитъ въ домъ раба. Іоаннъ, увидѣвъ изъ утробы находящагося во утробѣ, старался превзойти границы природы, говоря: я не знаю ограниченнаго природою Господа, (и) не буду ждать времени рожденія; мнѣ не нужны для рожденія девять утробныхъ мѣсяцевъ; не нуждаюсь въ этомъ теперешнемъ заключеніи; и почему не выйти изъ узъ, удерживающихъ меня? Я выйду, кратко объявлю значенію дивнаго дѣла; я печать божественнаго пришествія; я труба воплотившагося Бога Слова; воспотрублю, и отцовскій языкъ сдѣлаю краснорѣчивымъ; воспотрублю, и материнскую омертвѣлую утробу оживлю. Смотри странность тайны: еще не рождается, и говоритъ играніемъ; еще не является, и угрожаетъ; еще не можетъ зывать, и слышенъ въ дѣлѣ; еще не учитъ жизни, и напередъ проповѣдуетъ Бога; еще не видитъ свѣта, и узнаетъ Солнце; еще не рождается, и сиѣшаютъ предтекалъ; не переноситъ задержки, при приишедшемъ Владыкѣ; не желаетъ ожидать срока рожденія, но старается разрушить темницу чрева, и усердно объявляетъ о грядущемъ Спасителѣ, играніемъ восклицая: прибылъ разрушитель оковъ, и зачѣмъ мнѣ удерживаться въ узахъ? Пришелъ создавшій все словомъ, и зачѣмъ мнѣ ожидать срока природы? Выйду, предтеку, проповѣдую, возглашу всѣмъ присутствующимъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29). Таково играніе Іоанна, или лучше, словъ. *Елисавети же исполнися время родити ей, и роди сына. И слышаша родственники ея и сосѣди, и радовахуся съ нею* (Лук. 1, 57, 58). Сказано: *родити и*

роди *): то—дѣло природы, а это—сверхъ природы; то значить—жена родила, а это—благодать Святого Духа явилась, (и жена) сверхъ природы 761 родила; иное дѣло природы, и иное дѣло благодати. Чудомъ было то, что совершалось Іоанномъ; а это зависѣло не столько отъ плотского отца, сколько отъ Бога Слова. Объ этомъ свидѣтельствуемъ самъ архангелъ Гавріилъ словами къ Захаріи: *вотъ жена твоя родитъ сына тебѣ, и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матери своея. И многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ: и той предъидетъ предъ ними духомъ и силою Іліиною* (ст. 13, 15—17). О, рожденіе сына иной, изумительной природы! Оно было изумительно и неестественно, такъ какъ (обычно) тотъ, кто рождаетъ, при содѣйствіи страсти рождаетъ,—и та, которая рождаетъ, въ болѣзняхъ рождаетъ. Захарія не повѣрилъ, а Елизавета не усомнилась, принимая сверхъ надежды поадно рожаемаго сына; ради этого говорится: *родити* и *роди*; одно по природѣ, другое по вѣрѣ. Рождающій, какъ я сказалъ, со страстью рождаетъ; и производящая—въ скорбяхъ производить. Въ чемъ же скорь Елизаветы, когда это дѣло благодати, а не тягость природы? Слушай! Этотъ трудъ былъ ничтожнымъ въ сравненіи съ радостію. Не послѣ своего рожденія Іоаннъ получилъ благодать, но, изъ материнской утробы одѣвшись освященіемъ, сталъ дивнымъ предводителемъ, какъ сказалъ ангелъ: *Духа Святаго исполнится изъ чрева матери своея, и той предъидетъ предъ ними духомъ и силою Іліиною*. Кто кому будетъ предшествовать? Іоаннъ Владыкѣ Христу; поэтому онъ называется Предтечею, какъ можно слышать изъ словъ самого Іоанна о Спасителѣ: *идетъ за мною мужъ, иже предо мною бысть* (Іоан. 1, 30). *За мною* (значить) по времени; *предо мною*—по престолу. Почему Гавріилъ сказалъ, что Іоаннъ предшествуетъ Царю Христу въ духѣ и силѣ Іліи Освятянина? Слушай внимательно! Ілія значить—Богъ. Такъ какъ Іоаннъ имѣлъ въ самомъ себѣ Бога,—онъ исполнился Духа Святаго еще отъ чрева матери своей, а Богъ есть Духъ—, то о немъ говорилъ Господь чрезъ пророка за много времени раньше: *се азъ посылаю ангела моего предъ лицомъ Твоимъ, который приготовить путь Твой предъ Тобою* (Мал. ш, 1), и многихъ обратитъ отъ заблужденія къ истинѣ; ради этого Іоаннъ предшествуетъ Господу въ духѣ и силѣ Іліи, такъ какъ у Іоанна много было сходства съ Іліею. Конечно, сынъ рождается, и рѣчь возвращается къ отцу. Захарія, когда его спрашивали, какъ бы онъ желалъ назвать дитя,—*испрошъ дщизну и написа, глаголя: Іоаннъ* есть имя его. Не повѣрившій словамъ ангела теперь вынужденъ писать о явленіи, проповѣдывать писъ- 762

*) Проповѣдникъ находитъ различный смыслъ въ евангельскихъ текстахъ и ἰεργων. Въ переводѣ мы не могли выразить это различіе подходящими словами, и позволили себѣ свободную передачу.

момъ; тогда по слуху не принявшій сказаннаго теперь законодательствовать рукою, пишетъ о бывшемъ. И, давъ имя ему, получилъ рѣчь: отсюда *чудихуся вси. Отверзюшася уста его, и разрѣшились узы языка его, и глаголаше благословя Бога.* О, изумительное и странное чудо! Пишется имя сына, и нѣмыя уста отпа открываются; Іоанномъ называется, и языкъ называющаго устроится. Видишь ли, какъ онъ не погрѣшилъ, и мы не погрѣшили. сказавъ приличное объясненіе? Вотъ имя самого праведнаго открываетъ нѣмыя уста, и побуждаетъ неподвижный языкъ. Такъ гласъ вопіющій Іоанна обнаруживается, что даже самое его имя вызываетъ голосъ: *я гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Мѡ. ш, 3). О, чудо! Слово прибываетъ, и голосъ предвозвѣщаетъ; Владыка идетъ, и рабъ предпосылается; Царь приходитъ, и воинъ предуготовляется. Итакъ, возрадуемся и возвеселимся, что Елизавета родила и Захарія возговорилъ; что неплодная произвела, и старецъ воскликнулъ; что воцатая дощечка была спрошена, и языкъ іерейскій разрѣшился и голосъ возвратился; что Предтеча явился, и весь міръ возрадовался. Здѣсь слѣдовало бы закончить слово, но Захарія не позволяетъ восклицаніемъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68). О, изумительныя дѣла! Что говорить Захарія? Послѣ своего воскресенія Захарія первый разъ воскликнулъ: *благословенъ Господь*. Что (значить)? Захарія былъ мертвымъ, и воскресъ. Онъ не былъ мертвымъ по природѣ, но перенесъ подобіе смерти. Онъ удерживался молчаніемъ, какъ гробомъ, и, какъ пленами, былъ связанъ узами языка; онъ возвратился къ жизни, не дыша священствомъ, и перенесъ оплакиваніе, горестъ народа. Когда упраздняется іерей, скорбятъ всѣ, за кого онъ ходатайствовалъ. Послѣ этого образнаго воскресенія Захарія первый разъ воскликнулъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ*. О, Захарія! Если бы ты не увидѣлъ духовнаго колоса, не узналъ духовнаго земледѣльца, не получилъ дара, то не благословилъ бы дателя. Но Захарія восхвалялъ Бога пророческою пѣсней, достойною дара. Воскликнемъ и мы: *благословенъ Господь Богъ христіанскій, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ*. Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святое Богоявленіе.

761 Желая, возлюбленные, праздновать, хочу торжествовать; это—священный день свѣта, и печать праздника, и дверь торжества. Онъ (праздникъ) запечатываетъ виноемскую пещеру, гдѣ ветхій денни, какъ грудной младенецъ, возлежалъ въ ясляхъ; но открываетъ іорданскіе источники, гдѣ опять Онъ крестится съ грѣшниками, даруя міру отпушеніе

грѣховъ Своимъ пренепорочнымъ тѣломъ. Но когда изшелъ изъ утробы на землю, Онъ явился дѣтямъ какъ дитя, человѣкамъ какъ человѣкъ, матери какъ сынъ, пастырямъ какъ пастырь: *азъ есмь пастырь добрый*, положившій душу за овецъ (Іоан. х, 11), говоритъ божественное Писаніе. Теперь Онъ намѣренъ придти къ источникамъ іорданскимъ, (источникамъ для) мытарей и грѣшниковъ, изъ желанія омыть съ нихъ грѣхи. И велико чудо этого торжества. Мудрѣйшій Павелъ возглашаетъ словами: *явился благодать Божія спасительная всему человѣкомъ* (Тит. п, 11), и во всемъ мірѣ прензобилуетъ радость. Радуется небо, такъ какъ первымъ слышитъ исходящій голосъ; освящается воздухъ пареніемъ Духа; водное естество научилось омыwać души вмѣстѣ съ тѣлами. И вся тварь совершаетъ праздничное веселіе; скорбитъ только діаволъ, при видѣ приготовленной купели, давящей лишь его. Что же говоритъ (евангелистъ)? *Тогда приходитъ Іисусъ на Іорданъ ко Іоанну креститься отъ него. Іоаннъ же возбраняше ему, глаголя: азъ требую тобою креститься*, 762 *и ты ли грядеши ко мнѣ* (Мѣ. пп, 13, 14)? Кто видѣлъ, что владыка стоитъ предъ рабомъ? Кто видѣлъ, что царь склоняется главою къ воину? Кто видѣлъ, что подвыгоположникъ награждается борцомъ? *Азъ требую тобою креститься*. Ты самъ, Владыко, дай мнѣ, говорить, то, что намѣренъ даровать міру, крещеніе. *Азъ требую тобою креститься*, потому что я подверженъ прародительскому грѣху, ношу въ себѣ ядъ змѣя; мнѣ нужно смыть нечистоту древняго преступленія, а Ты за какіе грѣхи пришелъ для крещенія? У Тебя есть свидѣтельство пророка о Тебѣ: Онъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ его* (Ис. лш, 9). Какъ Ты ищешь искупленія, когда доставляешь умилоствленіе? Крещаемымъ свойственно исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, а что есть у Тебя для исповѣдыванія, когда Ты во всемъ безгрѣшенъ? Что Ты отъ меня спрашиваешь, чему я не наученъ? Я не осмѣливаюсь на большее; не знаю, какъ очищается свѣтъ; не умѣю омыwać солнце правды; ночь не освѣщаетъ дня; золото не рабствуетъ свинцу; созданіе не исправляетъ создателя; море не заимствуется отъ источника; рѣка не нуждается въ каплѣ; чистота не очищается скверною; осужденный не разрѣшаетъ судію: *азъ требую тобою креститься*; мертвенность не воскрешаетъ 763 жизни; болѣзнь не исцѣляетъ врача; я знаю ничтожество своей природы; нѣтъ ученика выше учителя, ни раба выше господина своего; ко мнѣ не приближаются со страхомъ херувимы; мнѣ не восклицаютъ трисвятаго преклоненно серафимы; я не владѣю небомъ, какъ престоломъ; обо мнѣ не проповѣдывала воихвамъ звѣзда; у меня нѣтъ голоса, создателя всего; Моисей, служитель, удостоился увидѣть задняя, и какъ я осмѣлюсь коснуться пренепорочной главы? Зачѣмъ Ты мнѣ предоставляешь, что превосходить меня? У меня нѣтъ длани, могущей крестить Бога: *азъ требую тобою креститься*. Отъ неплодной я рожденъ, но, по Твоему повелѣнію, природа не противилась; и тогда, обитая въ мѣстѣ своего рожде-

нія, когда еще не могъ говорить, я воспользовался устами своей матери, — а теперь какъ не буду богословствовать о Тебѣ присутствующемъ. Котораго вмѣстилъ двѣственный кивотъ? Развѣ я ослѣпъ умомъ, подобно іудеямъ? Знаю, что, будучи Владыкой, Ты принялъ образъ раба, чтобы исцѣлить образъ, — знаю, что Ты явился тѣмъ, кого спасаешь, — знаю, что Ты сталъ камнемъ вѣры для того, кого помиловалъ; но мнѣ не препятствуетъ видимое мною, такъ какъ я вижу мыслимое. Я смертенъ, Ты — Богъ безсмертный; я отъ неплодной, но Ты — отъ Дѣвы; я первый, но я не больше Тебя, пришедшаго послѣ меня; я предвѣщаю проповѣдь, но не крещеніемъ такимъ; я узналъ въ Тебѣ сѣкиру, лежащую при корнѣ; я узналъ посѣвателя бесплоднаго іудейскаго насажденія; я увидѣлъ серпъ противъ страстей; я сказалъ, что источникъ исцѣленій вблизи насъ; какое найду мѣсто, непричастное къ Твоимъ чудесамъ? Ты очистилъ слово прокаженныхъ; изсушилъ токъ крови прикосновеніемъ къ краю одежды; однимъ повелѣніемъ укрѣпилъ разслабленнаго; Твоимъ чудомъ крупицы напитали дочь хананеянки; Ты грязью открылъ глаза слѣпцу; и какъ Ты требуешь моего рукоположенія? *Азъ требую тобою креститься. Призирай на землю, и твори ю трястися* (Пс. см, 32) — это Ты, шествующій по водамъ, какъ по полу, дозволившій блудницѣ отереть Твои ноги и даровавшій отпущеніе грѣховъ. Какъ я осмѣлюсь коснуться Твоей святой главы, когда я часто восклицалъ въ проповѣди: *грядетъ крѣпкій мене, во славу мене, елиже нѣсмь достоинъ разръ-*

764 *шита ремня сапогъ его* (Мрк. I, 7)? Возьми отъ меня воду Твоего снисхожденія: потопляясь, я не переношу ея больше. Что же говорить ему Христосъ? *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѡ. ш, 15). *Остави нынѣ*. Какъ голосъ служи Слову; какъ рабъ содѣйствуй Владыкѣ, какъ воинъ — Царю, какъ созданіе — Создателю; не бойся прикосновенія, но будь смѣлъ; крести меня, чтобы Мнѣ освободить міръ. Я предалъ Себя на смерть, чтобы оживить умерщвленную природу. Ты медлишь протянуть свою руку, когда тебѣ приказываютъ, а іуден, спустя немного, не изумятся предательству Меня. *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*. Раньше вѣковъ Я опредѣлялъ, по Своему человеколюбію, спасти родъ человѣческій; сталъ человѣкомъ для человѣка; много ли, если Сыномъ человѣческимъ прихожу для крещенія? Я не презрѣлъ созданія Своихъ рукъ; не устыдился земного естества; то, что Я былъ, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, когда Моя природа осталась безъ измѣненія. *Остави нынѣ*. Врагъ рода (человѣческаго) извергнуть съ неба, прогнать съ земли; онъ гнѣздится еще въ водномъ ествѣ, но и отсюда Я пришелъ его изгнать, по восклицанію пророка: *ты сокрушилъ еси главу змѣю въ водѣ* (Пс. lxxvi, 14). *Остави нынѣ*. Какъ къ человѣку, ко Мнѣ подошелъ искушитель, а Я переношу, чтобы всѣмъ объявить о его немощи; Я скажу ему: *не искушиши Господа Бога твоего* (Мѡ. iv, 7). О, новое чудо! О, несказанная

благодать! Христось подвизается, и я получаю награду; Онъ борется съ діаволомъ, и я усвою себѣ Его побѣду надъ діаволомъ; Онъ сокрушаетъ въ водѣ главу дракона, и я вѣнчаюсь, какъ законный борецъ; Онъ крестится, и я снимаю свою нечистоту; на Него сходитъ Духъ Святыи, и мнѣ даруется отпущеніе грѣховъ; Онъ свидѣтельствуется отъ Отца Сыномъ возлюбленнымъ, и я дѣлаюсь сыномъ Божиимъ чрезъ Него. Небеса открылись для Него, чтобы явилось жилище крещеннаго, и голосъ Отца свидѣтельствуется для Него словами: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немже благоволихъ, того послушайте* (Мѡ. iii, 17; Лук. ix, 35). Ему подобаетъ слава и держава всегда, нынѣ и во всѣ вѣки. Аминь.

На Рождество Господа нашего Иисуса Христа.

Всякій разъ, какъ послѣ холодной зимы засіяетъ теплая весна, 763 тогда и земля произращаетъ зеленую траву, и древесные стебли украшаются цвѣтами, и воздухъ блистаетъ отъ солнца, и всѣ птицы, летая по воздуху, мелодично чирикаютъ. Тогда и живущіе въ горахъ пастухи и пастыри, выйдъши изъ шалашей, преобразаются лицомъ отъ красоты воздуха, и, въ отвѣтъ звонкому чириканью пѣвчихъ птицъ, играя на свирѣяхъ и услаждая чувства своихъ неразумныхъ овецъ, тихою поступью гонять ихъ на пастбище. Тогда и земледѣлецъ, наточивъ камнемъ свой ножъ, отправляется въ виноградникъ срѣзывать безплодные побѣги виноградной лозы. Тогда и приморскіе пловцы, при видѣ безбурнаго моря, покинувъ сушу, вручивъ свои души дереву, водѣ и вѣтру, безбоязненно прилетаютъ по морскому хребту. И словомъ, чтобы мнѣ не удлинить своего приступа въ словѣ, всякое искусство и всякое ремесло, устроенное людьми для житейской нужды, безпрепятственно приводится въ исполненіе, какъ только засіялъ тихій воздухъ. Такъ какъ и для насъ возсіяла небесная весна, Христось изъ дѣвственной утробы, и разсѣяла холодную и бурную мглу діавола, усыпленныхъ сердца людей пробудила изъ мрака неслѣдствій Своими божественными лучами, то устремимъ свой умъ къ небесной и блаженной славѣ. Но рождество Христа, блистающее божественностію, останавливаетъ теченіе моего языка, и связываетъ самый языкъ. Когда я представляю себѣ младенца рожденнымъ отъ Дѣвы, и Дѣву безмужнею и по рожденіи остающуюся дѣвою, когда слишкомъ любопытствую въ этомъ дѣлѣ, тогда, не обрѣтая способа, запечатлѣваю 764 дѣло вѣрою. Какъ, поистинѣ, не дивно и не превосходить всякое мышленіе, что Дѣва родила, и обрѣтена дѣвою по рожденіи? Что она родила, это избличало родившееся дитя; что, по зачатіи, она осталась дѣвою, учила свойственная ея тѣлу природа. Смотри тайну, которая зрима и незрима, овладѣваема и не овладѣваема, осязаема и не обрѣтаема! Кто не видѣлъ и не держалъ и Младенца и Матери? Но кто,

видя дѣвственную Матерь и Младенца сына Дѣвы, изъ любопытства изслѣдуетъ эту тайну? О, поистинѣ, это тайна небесная и земная, которою можно и нельзя овладѣть, зрима и не являема. Таковымъ былъ и родившійся сегодня Христосъ: небеснымъ и земнымъ, Которымъ можно и нельзя овладѣть, зримымъ и невидимымъ. Онъ—небесный по природѣ божества, земной—по Своему человечеству, зримъ—по тѣлу, невидимъ—по духу, Имъ можно овладѣть по тѣлу, нельзя овладѣть по Слову. Но Христосъ, будучи Богомъ всемогущимъ, родившимся по Своей волѣ, явился Своему міру; однако рожденіе отъ Дѣвы поражаетъ мой умъ болѣе тѣмъ, что Дѣва зачала во чревѣ, не съ неба сошедши, но происходя отъ сѣмени Давида, состоя не изъ духа, но изъ тѣла и души; беременность чрева изобличалась дѣломъ, а зачатіе было безсѣменно. Онъ обитаетъ на небѣ, и младенцемъ таинственно завершился въ дѣвственной утробѣ. По природѣ Онъ рождался, но воспріемницы, касаясь и рождающей и младенца, не находили истинныя, какъ у другихъ женщинъ. Идущій чрезъ нее былъ Богомъ.

765 О, купина, которую видѣлъ Моисей на горѣ опаляемою и негораемою! О, Дѣва Марія, рождающая и остающаяся нетлѣнною! О, камень, который видѣлъ Давидъ отсѣкаемымъ отъ горы, помимо рукъ человѣческихъ! О, дѣвственная мать дѣвственного младенца, и священное дитя безбрачной жизни! Гдѣ слишкомъ любознательные? Пусть они скажутъ намъ, какъ Дѣва безъ мужа родила младенца и, родивъ, не подверглась истлѣнію? Если необъяснимъ этотъ образъ, такъ какъ рожденіе—отъ Духа, то тѣмъ болѣе не изслѣдуемо несказанное рожденіе Слова отъ Отца. Но ты вѣруешь, признаешь, что она, родивъ, не подверглась истлѣнію; а обвиняешь Бога словами: если нетлѣнный Отецъ, родивъ Сына Своего, подвергся истлѣнію (это по твоему безумію!), то тѣмъ болѣе Дѣва, будучи тлѣнной природы, родивъ, подверглась бы истлѣнію. Если ты самъ свидѣтельствующъ, что Дѣва, родивъ, не подверглась истлѣнію, тѣмъ болѣе вѣруй, что нетлѣнный Отецъ, родивъ нетлѣннаго Сына, не подвергся истлѣнію. Но, оставивъ празднословцевъ, возвратимся скорѣе къ богословамъ—проповѣдникамъ. *Иисусу же Христу рождишуся въ Вифлеемѣ Иудейстѣмъ, во дни Ирода царя* (Мѣ. п, 1). Евангелистъ по необходимости обозначаетъ мѣсто и время, чтобы невѣрующій въ рожденіе Спасителя по плоти, изслѣдовавъ мѣсто и время, обрѣлъ бы истину. Время онъ опредѣляетъ властію Ирода, изъ хронографовъ, мѣсто—обозначеніемъ Вифлеема. Если въ мірскихъ договорахъ, для точности изложенія, и консулы пишутся, и мѣсяцы считаются, и дни обозначаются, и города отмѣчаются,—тѣмъ болѣе нужна была точность мѣста и времени въ обозначеніи, для послѣдующихъ, когда родилось спасеніе всего міра. Матѳей рассказываетъ только о рожденіи Христа по плоти; Лука, для точности во времени, прибавляетъ и о сдѣланной тогда первой переписи. Онъ такъ говоритъ: въ сорокъ первый годъ при кесарѣ Августѣ, *изыде повелѣніе отъ Августа написать всю вселенную. Сіе написаніе пер-*

вое. Възиде же и Иосифъ отъ Галилеи во Иудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Вифлемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Марією обрученою ему женою, сущою непраздною (Лук. п, 1, 2, 4, 5). Лука обозначаетъ у себя первую перепись, чтобы вмѣстѣ и время точно опредѣлить и показать, что величайшая тайна, при очевидности, не являема. Онъ говоритъ, что первая и вынужденная перепись—это рожденіе челоѣка. Нужно было, чтобы, во время рожденія Христа, и потомъ обожествленія плоти, и ннзверженія діавола и разрушенія смерти,—(чтобы) души праведныхъ и вѣрныхъ поименно переписались въ небесной книгѣ, на землѣ по повелѣнію кесаря, на небѣ по приказанію Отца ангеламъ. И Господь, благоѣтствуя объ этомъ Своимъ ученикамъ, говоритъ: *не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются, но радуйтесь, яко имена ваша на небесахъ написаны* (Лук. х, 20). *Иисусу же рождшуся въ Вифлемъ Иудейстѣмъ, во дни Прода, се волсви отъ востокъ приидоша, глаголюще: гдѣ есть рождейся царь Иудейскій? видѣхомъ бо Его звѣзду на востокъ, и приидохомъ поклонитися ему* (Мѣ. п, 1, 2). Увы! Я пораженъ чудомъ, угнетенъ зрѣлищемъ, и мой языкъ не находитъ, что прежде сказать или что опустить. Если я займусь Его рожденіемъ, то изумляюсь, что дитя прежде, чѣмъ родиться, совершаетъ знаменія. Развѣ не величайшее знаменіе, что Дѣва по рожденіи осталась дѣвою, и молчаливое небо говоритъ чрезъ звѣзду? Жажущимъ увидѣть родившагося Онъ посылаетъ въ сопутницы звѣзду, и показываетъ желаемаго младенца. Матѣей воспоминаетъ о волхвахъ, пришедшихъ съ востока, а Лука объ ангелахъ; онъ говоритъ: *и пастырие бѣху бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ*. И ангела Господняго они увидѣли, и слава Господня осія ихъ: и убояшася страхомъ великимъ. И рече имъ ангелъ: *не бойтесь: се бо благоѣтствую вамъ радость велию, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Христосъ Господь, во градъ Давидовъ. И внезапно бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во челоѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. п, 766 8—11, 18—14). Христосъ родился: земное съ небеснымъ сочетается, ангелы съ людьми составляютъ хоры, пастыри на полѣ бодрствуютъ, волхвы поклоняются, небо свѣтитъ, земля приноситъ въ ясляхъ свой блестящій плодъ. Исполнилось тогда на землѣ написанное: *истина отъ земли возсія* (Пс. лxxxiv, 12). Истина—это Христосъ, говорящій: *азъ есмь путь и истина* (Іоан. xiv, 6). Отъ земли, т. е., отъ Дѣвы возсіяетъ по плоти. Я спрашиваю, откуда научились волхвы относительно звѣзды, что пользовались ея путеводительствомъ, чтобы обрѣсти искомаго ннмъ младенца? Не такъ, какъ нѣкоторымъ воображалось, будто это звѣзда блуждающая, и волхвы на самомъ дѣлѣ не искали младенца. Если бы звѣзда была блуждающею, то какъ бы она указала истину, Христа? Она остановилась въ своемъ теченіи, какъ только достигла Его. Какъ бы и

волхвы, если бы они не отошли на самомъ дѣлѣ, приносили отъ своихъ трудовъ такіе дары, обозначающіе Его божество и человѣчество и исполнявшіе пророческое слово: *житье будетъ, и дастся ему отъ злата Аравійска* (Пс. lxxi, 15)? Ни такъ опять, какъ Саснословы говорятъ, будто звѣзда восходитъ при каждомъ человѣческомъ рожденіи; они не знаютъ даже сказочной эллинской астрологіи. Думаютъ, что они христіане; имъ мы скажемъ: о, философы! Если такъ было, какъ вы говорите, то скажите намъ—когда изъ людей были только двое, Адамъ и Ева, какъ (тогда) небо было исполнено звѣздъ? И во время потопа и погибли въ водѣ всѣхъ людей, какъ не попадали тѣ же самыя звѣзды, но оставалось тоже самое множество звѣздъ, когда былъ только Ной съ тремя сыновьями и ихъ женами? Но нужно внимать Писанію, и размышлять о таинственномъ! Былъ пророкомъ нѣкто Балаамъ, котораго позвалъ къ себѣ царь моавитскій проклясть Израиля, вышедшаго изъ египетской земли; кого бы онъ благословилъ, были бы благословлены, и кого бы проклялъ, были бы прокляты; (но) онъ, приблизившись къ израильскому лагерю, и взоидя на вершину горы, увидѣвъ Израиля ополчившимся, воспользовался сравненіемъ и сказалъ пророчески: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и встанетъ человекъ отъ Израиля, и погубитъ князи Моавитскія, и опустошитъ сыновъ Аммоновыхъ* (Числ. xxiv, 17). Эти волхвы изъ рода пророка Балаама, наслѣдники его книгъ и пророчествъ; подумавъ, что когда звѣзда возсіяетъ, тогда встанетъ и человекъ, именно, Царь іудейскій, Который не только сокрушитъ начальниковъ Моава, но, по Даніилу, и всѣ царства діавола ослабитъ и разсѣетъ,—они наблюдали это время; увидѣвъ, сравнительно съ остальными, странно возсіявшую звѣзду, они узнали, что она есть древне предсказанная, послѣдовали (за нею) и, найдя родившагося, возрадовались исполненію пророчества. Но ты, слушатель, понимай, что волхвы—это образъ язычниковъ, обратившихся отъ своего нечестія подъ руководствомъ не совершеннаго свѣта, но какъ бы отраженнаго чрезъ Іоанна, (такъ какъ) они руководились звѣздою (по пути) къ родившемуся во плоти Христу. Смотри: и у меня звѣзда, пришедшая до младенца и остановившаяся въ своемъ теченіи. Іоаннъ, подобно звѣздѣ, засіялъ проповѣдью, и показалъ Христа словами: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. i, 29); онъ прскратилъ свое теченіе, такъ какъ сказалъ: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. iii, 30). *И пришедше*, волхвы нашли отрока и мать, *и падше поклонилися ему* (Мѣ. ii, 11). Нужно, чтобы приходящіе ко Христу изъ языческой жизни прежде упали съ высоты своего нечестія, и такъ, какъ бы съ земли поднимаясь, исповѣдали бы рожденіе Христа по плоти, потомъ отчасти намекали бы на Его божество. *И отверже сокровища своя, принесоша ему дары, злато, и ливанъ, и смирну*: золото, какъ царю, ладанъ, какъ Богу, смирну, какъ страдальцу за насъ. И Христосъ принялъ эти дары, не потому, что нуждался, но

для пользы приносящихъ. Принимая золото, Онъ отвращалъ ихъ отъ сребролюбія; принималъ ладанъ, избавлялъ (ихъ) отъ идолослуженія; при- 767
нимая смирну, очищалъ ихъ души отъ мертвенности. Если нужно и иную тайну разсмотрѣть, то изучимъ тщательно. Золото и смирну они приносятъ родившемуся. Такъ какъ было написано о Немъ: Ему поклонится всякое колѣно *небесныхъ и земныхъ и пренеподнихъ* (Филип. п, 10), то своими приношеніями они предъизображали будущее: золотомъ—словословіе небесныхъ ангеловъ, ладаномъ—кошмопоклоненіе земныхъ чело-
вѣковъ, смирною—умилостивленіе за души, содержимыя во адѣ. Такъ какъ пришедшему ко Христу пужно владѣть тремя добродѣтелями, о которыхъ говоритъ Павелъ, вѣрою, надеждою и любовію (1 Кор. хш, 13), то, открывъ сокровищницы сердца, они приносили вѣру, блистающую 768
какъ золото, надежду, благоухающую какъ ладанъ, любовь, связующую какъ смирна члены церкви. *И вѣсть пріислише во снѣ не возвратитися ко Ироду, инымъ путемъ отъидоша во страну свою* (Мѣ. п, 12). Пужно было, чтобы разъ пришедшіе ко Христу не возвращались по тѣмъ же самымъ слѣдамъ нечестія; но, по упражненіи въ чистой вѣрѣ и дѣлахъ, пезамѣтво перешли отъ челоуѣкоубійцы змѣя въ наслѣдіе Христова. Ему подобааетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Закхѣѣ мытарѣ.

Тѣ, которые любятъ прекрасное, ничѣмъ не отлпчаются отъ жажду- 767
щихъ, возлюбленные. Поскольку они не обрѣтають искомага, постольку возгораются жаждою къ желаемому; и ночью, какъ жаждущіе, они представляютъ себѣ желанные источники; днемъ, переходя съ мѣста на мѣсто, часто оглядываясь кругомъ себя, они ищутъ желаннаго для своего сердца. И какъ путники проходятъ безводную землю въ часъ зноя, кругомъ себя смотрять (нѣтъ ли) источниковъ, угнетаясь жаждою, часто поднимаются на возвышенности, (ища) гдѣ источникъ, и какъ только увидать его издали, радуются и поспѣшно усиливаютъ свой путь къ нему, потомъ же, придя къ источнику, утоляютъ жажду,—такъ (бываетъ) и съ христіанскими мужами. Днемъ они отыскивають желаннаго имъ Христа добрыми дѣлами, ночью бесѣдуютъ съ Нимъ въ молитвахъ и во снѣ представляютъ себѣ, что шествуютъ съ Нимъ; если въ видѣніяхъ они усмотрятъ Его издали, то радуются и веселятся, какъ жаждущіе, когда найдутъ желанные источники; пробудившись, снова желаютъ заснуть, чтобы во снѣ обрѣсти тоже самое зрѣлище. Таковымъ былъ и Закхей, о которомъ сейчасъ только прочитали вамъ изъ евангелиста. Смотри: онъ я спѣшитъ, и пылаетъ божественнымъ желаніемъ, и на дерево восходить, и Иисуса смотритъ, чтобы увидѣть живоносный источникъ. Увидѣвъ Господа, Закхей утолилъ свое зрѣніе, но еще больше возжегъ въ своемъ сердцѣ же-

ланіе. *Вшедъ же Іисусъ въ Іерихонъ, проходилъ (его). И се мужъ именемъ Закхей: и сей бѣ старъѣ мытаремъ, и той бѣ богатъ: и желалъ видѣть Іисуса, такъ какъ тамъ Онъ имѣлъ проходить* (Лук. XIX. 1—3). Смотри желаніе человѣка, возлюбленный! *И не можаше видѣть отъ народа, яко малъ былъ возрастомъ. И предитекъ възлѣзе на ягодичину, да видить Іисуса, яко отсюда имѣлъ Онъ проходить* (ст. 3, 4). Закхей, малый по тѣлесному возрасту, но великій разумніемъ духа, старался увидѣть Іисуса, желалъ увидѣть Бога, дарующаго людямъ небесное; старался увидѣть создателя ангеловъ и устроителя небснаго и надземнаго свѣта ходящимъ по-человѣчески; старался увидѣть, какъ Солнце правды, будучи въ тѣлесномъ облакѣ, просвѣщаетъ очи сердца вѣрующихъ; старался увидѣть Бога Іисуса, прекрасный образъ, желанный предметъ, сладкое имя Іисуса, обозначающаго Своимъ именемъ всякій предметъ; старался увидѣть багряноруннаго овна, кровь Котораго искупила вселенную и руно покрыло нагихъ отъ Адама до кончины; онъ, плѣненный воинъ, желалъ увидѣть своего царя, овца—пастыря, заблудившійся—свой путь, омраченный—свѣтъ; онъ, не имѣющій сладчайшаго средства къ богознанію, желалъ увидѣть проповѣдника благочестія; онъ, безсильный, старался увидѣть здоровье, голодный—небесный хлѣбъ, жаждущій—живоносный источникъ; онъ желалъ увидѣть жизнедателя іерусъ и воскресителя Лазарева. О, божественная любовь! О, благое желаніе! О, любовь златокрылая, или лучше, (любовь) Христа, Который возводитъ на небо душу, имѣющую въ себѣ Его! Божественная любовь, подъявъ его отъ земли, заставила его взойти на дерево; она уже не позволяетъ ему глядѣть на земное, ни сноситься съ людьми; но, поглядѣвъ на лю-

768 бовъ, онъ ожидалъ небснаго; къ Тому онъ спѣшилъ, къ Кому побуждался, и, взошедши на дерево, смотрѣлъ на Христа и мысленно всходилъ на облако. Увидѣвъ Христа, Закхей приблизительно говорилъ: *къ тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси* (Пс. cxii, 1). Закхей увидѣлъ Господа, и воспламенялся любовію еще больше; она коснулась его сердца, и онъ сдѣлался другимъ: вмѣсто мытаря ревнителемъ, вмѣсто невѣрнаго вѣрнымъ и вмѣсто волка овцою запечатлѣнною. Чтобы можно было испытать это дѣло, (спросимъ): кто такъ любить отца или мать, кто такъ полюбилъ когда-нибудь жену или дѣтей, какъ Закхей Господа? Для Христа все свое имущество онъ отдалъ бѣднымъ, и кого оклеветалъ, возвратилъ вчетверо. О, благой образъ ученика! О, кротость учителя и сила божественная, однимъ созерцаніемъ Іисуса приводящая къ дѣлу! Не говорилъ еще Господь Закхею огласительнаго слова, но ему желающему далъ только увидѣть Себя, и сила вѣры извлеклась изъ желающаго сердца. Нѣчто похожее было и у кровоточивой: подошедши къ Господу, и прося Его, чтобы исцѣлилъ Онъ ее, она не ожидала прикосновенія руки, но сама, подошедши, тихонько коснулась края Его одежды, и сила исцѣленія извлеклась прикоснувшейся, какъ губкою. И Закхей невѣдѣ-

пѣснь совершалъ, подъ вліяніемъ божественной ревности, и, пламенѣя духовною любовью, поспѣшно всходилъ на смоковницу; но Господь, усмотрѣвъ нѣчто таинственное, говорилъ: *спѣзи!* Я знаю твою душу, знаю твою благочестивую любовь. *Спѣзи!* Вспомни, что укрылся подъ смоковницею обнаженный Адамъ, и ты, желая спасенія своего, не спѣши на смоковницу. Миѣ нужно эту смоковницу изсушить и насадить иную—крестъ. Онъ полезное дерево; на него спѣши душою; отсюда съ готовностію стремись на небо. (А) на этомъ деревѣ змѣй въ листьяхъ вѣется, на этомъ онъ скрывается, на этомъ онъ гнѣздится. Поспѣши сойти прежде, чѣмъ онъ станетъ шептать душѣ твоей, какъ было съ Евою—которую убѣдиль вкусить сладкаго удовольствія. Поспѣши сойти; пока Я стою, сойди; когда Я смотрю на него, онъ обуздается. Поспѣши сойти; не желаю оставить тебя на смоковницѣ, не желаю твоей гибели; ты Моя овца, ко Миѣ ты прибѣгъ. Поспѣши сойти, и предупреди Меня въ домъ своемъ; Миѣ нуженъ тамъ отдыхъ. Гдѣ вѣра, тамъ почиваю; гдѣ любовь, туда прихожу. Знаю, что ты думаешь дѣлать; знаю, что все свое имущество думаешь отдать бѣднымъ, и прежде всего возратить вчетверо, кого ты оклеветалъ. У такихъ Я съ охотою пребываю. И Закхей поспѣшно сошелъ, и пришелъ въ свой домъ, и принялъ Іисуса. Отъ полноты радости, ставъ, онъ сказалъ; не ходя, не сидя, но ставъ, чтобы показать неизмѣнность рѣшенія своей души; ставъ, сказалъ, когда подвизался нераскаянною мыслию, горя духомъ; онъ уже зналъ, гдѣ свѣтъ, и гдѣ будетъ пожинать,—сказалъ: *се полъ житія моего дамъ нищимъ: и которыхъ обидѣхъ, вчетверо отдамъ* (ст. 8). О, чистое исповѣданіе, исходящее отъ чистаго сердца; исповѣданіе непостыдное, предстоящее непостыдной славѣ Божіей, дынувшее вѣрою, и цвѣтущее правдою! Этой правды да удостоитъ насъ Богъ всѣхъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СОТНИКѢ.

Сотнику нѣкоему рабъ боля злъ хотяше умерети (Лук. VII, 1); 769
но онъ не умеръ, благодаря Владыкѣ, хотя нѣмѣлъ умереть, потому что былъ человѣкомъ; не умеръ, благодаря угодному для Бога ходатайству. Природа требуетъ своего долга, но Владыка природы уступилъ по вѣрѣ владѣтелю его владѣніе. Смерть и необходимость природы понуждали къ кончинѣ, но вѣра, воюющая со смертію и разрушающая законы смерти, перетянула на свою сторону. И ты не повѣришь, можетъ ли столько вѣра, чтобы разорвать оковы смерти и извлечь души изъ пренеподней пропасти? Вѣра открываетъ даже врата смерти, заключаетъ небо, измѣняетъ предѣлы природы, укрощаетъ силу огня, обращаетъ пламень въ

іосу и пригупляеть жало смерти. Не буду говорить безъ свидѣтельства; увѣрю тебя Священнымъ Писаніемъ. Я сказалъ, что вѣра открываетъ двери аді, и небо заключаетъ—прими ясныя доказательства. Смотри: блаженный Петръ словомъ открылъ двери ада и вывелъ изъ преисподней Тавіеу. Онъ только сказалъ: *Тавіеу, востани* (Дѣян. ix, 40), (и) тотчасъ двери ада открываются, засовы преисподней падаютъ, и умершая повинуется быстрѣ живыхъ. Опять пророкъ Ілія, положившись на эту вѣру, сказалъ: не будетъ дождя, *точію отъ устъ моихъ* (3 Цар. xvi, 1), и небо становится мѣдью, задерживается дождь на три года и шесть мѣсяцевъ, земля, какъ бы желѣзная по природѣ, отказывается въ своемъ обычномъ плодѣ, чтобы ты зналъ, сколько можетъ вѣра. Человѣкъ на землѣ рѣшаетъ, и Богъ на небѣ утверждаетъ это рѣшеніе; смертныя уста изрекають, и воля Божія опредѣляетъ, выражая слово въ дѣлѣ. Заключилъ Ілія небо *три лѣта и мѣсяць шесть* (Лук. iv, 25); запоромъ небеснымъ были уста смертнаго человѣка, украшенныя благочестивою вѣрою. Опять Ілія осмѣлился взойти на огненную колесницу и, какъ птица, взлетѣлъ въ воздушныя обителѣ; и, безъ сомнѣнія, до сего дня не вкушаетъ смерти, не по закону природы, но по единственному въ своемъ родѣ благодати, непоколебимо соблюдаясь силою вѣры. И зачѣмъ объ этомъ много говорить? Еnochъ перешелъ съ тѣломъ отъ жизни къ жизни, превзошедши вѣрою смерть и старость и природу. Много и другого можно говорить о вѣрѣ, но я ограничиваю слово, чтобы не вызывать излишества. Я знаю, что божественныя слова служатъ для вашего христіанскаго слуха не къ пресыщенію, но къ любви; однако возвращусь къ предмету рѣчи. Сотнику нѣкому рабъ боля злѣ хотѣше умерети, *иже бы ему честенъ*; онъ былъ рабомъ уважаемымъ для господина. Если корыстолюбіе жизни придумало раба, то благоразуміе господина не отказало ему въ родствѣ природы. Онъ не презрѣлъ (его), какъ раба, но полюбилъ, какъ единоплеменника, облегчая тяжкое иго рабства человѣколюбіемъ. Слушайте и учитесь, господа рабовъ, чтобы вамъ не презирать рабовъ, какъ чуждой природы, и не изнурять сородичей, какъ враговъ, повинувся слову блаженнаго Павла: *господіе, рабамъ равенство оказывайте, послабляюще прещенія, вѣднще, яко ихъ и вашъ Господь на небесахъ пребываетъ* (Колос. iv, 1; Еф. vi, 9). Богъ дозволилъ ему быть рабомъ, чтобы ты учился быть рабомъ Божиимъ. Ты требуешь благomyслия отъ раба? Будь благомысленъ и самъ къ Владыкѣ. Ты наказываешь его за ошибку? Не согрѣши же, чтобы не быть тебѣ наказану Богомъ. Ты не прощаешь сородичу? И ты не проси прощенія. Тебя учить евангеліе такъ молиться: *остави намъ долги наша, яко и мы оставимъ должникомъ нашимъ* (Мѣ. vi, 12). Ища у Бога человѣколюбія, и вы оказывайте человѣколюбіе единоплеменникамъ. *Слышавъ же о Иисусѣ, посла къ нему старцы Іудейскія* (Лук. vii, 3). Что слышавъ? Что Онъ словомъ исцѣляетъ, словомъ животворитъ мертвыхъ, словомъ

прогоняеть демоновъ, словомъ все совершаетъ: *живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. iv, 12). Не травы и лѣкарства Онъ употребляетъ, но слово Имъ произносится, и дѣло совершается. Смотри, какая разница между сотникомъ и иудеями! Онъ, услышавъ, только по одному слуху увѣровавъ и, увѣровавъ, подошелъ, какъ къ Богу; а они, смотря на самыя чудеса, отвергли чудо-творца, хотя зрѣніе дѣйствениче слуха. Зрѣніе дѣйствениче слуха, но у нихъ было учителемъ болѣзни нечестіе. Поэтому слѣпцы презрѣли на своемъ судѣ Судію. *Посла старцы Иудейскія, моля его, яко да пришесть спасетъ раба его. Посла къ нему старцы;* не изъ гордости отказывается самъ придти, но не рѣшается за самого себя ходатайствовать, по величію этого достоинства. Онъ признавалъ себя человѣкомъ отъ человѣка тлѣннаго, а Иисуса Богомъ отъ Бога, едиnorodнымъ Сыномъ отъ нерожденнаго Отца. Поэтому, вслѣдствіе благоговѣнія, посылаетъ старѣйшинъ церкви, поступая по-апостольски раньше апостоловъ: *болитъ ли кто, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. v, 14, 15). Итакъ, онъ послалъ къ Нему старѣйшинъ, прося Его придти спасти его раба. Дивись состраданію этого мужа! Во время болѣзни своего слуги, онъ не презиралъ его, но прилагалъ столько усердія, сколько кто-нибудь показавъ бы при собственномъ страданіи. Это относится къ добродѣтели разумнаго мужа—выказать столько усердія, и послать отъ себя ходатайство объ исцѣленіи слуги. Онъ зналъ о равночестности природы, и не презиралъ его, какъ раба, но сострадалъ ему, какъ сорабу, зная, что Богъ существуетъ для всѣхъ вообще. Такимъ былъ сотникъ. Многіе изъ богачей требуютъ безъ снисхожденія отъ здоровыхъ службы, а о больныхъ нисколько не заботятся; когда случилась болѣзнь, и рабыня повержена на землѣ,—ни господинъ не обращаетъ вниманія, ни госпожа не наблюдаетъ; и если когда нужно госпожѣ подойти, она не смотритъ, какъ на сродную, но внимаетъ съ мрачнымъ взглядомъ и заговариваетъ съ нею суровыми словами, отвергнувшись родства природы по высокоумію. Однако вы читаете Писаніе. Не знаете, что говоритъ святой Давидъ? *Се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. cxii, 2). Почти образъ, уважъ написанное, снизойди на помощь къ немощному! Спаситель, едиnorodный Сынъ Божій, благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ для человѣковъ; ты, будучи человѣкомъ, отказываешься отъ равночестнаго, какъ будто отъ неравночестнаго, отказываешься отъ состраданія сородной природѣ? И когда какое-нибудь неразумное животное хромаетъ, ты заботишься для своей пользы; а когда разумное, т. е., твой слуга болѣетъ, ты отвергаешь (его) и не печешься. Ужели пренебрегаешь изъ-за того, что разумное тебѣ служить? А мы потому—завидуемъ. Весьма прекрасенъ предъ Богомъ человѣкъ, но мужъ

милостивый драгоцѣннѣ. Мы не обращаемъ вниманія на написанное, но питаемъ виѣшнихъ, гоняся за славою отъ людей, а внутреннихъ оставляемъ гибнуть голодомъ и мерзнуть отъ холода, не помышляемъ о воздаяніи Божиѣмъ. Не таковъ былъ сотникъ: во всемъ трезвый, въ собственномъ смыслѣ владѣтель, сохранявшій имущество и себя, какъ имущество Божіе, исполненный разума и сіявшій божественною мудростію. Поэтому, онъ напередъ посылаетъ къ Іисусу старѣйшинъ. Они съ большою готовностію ходатайствуютъ, предлагаютъ достаточно убѣжденій, и говорятъ: достоинъ тотъ, которому Ты окажешь милость; благоразумнѣй получатель дара; достоинъ Твоего пришествія. *Любитъ бо языкъ нашъ, и сомнище той созда намъ.* Поистинѣ, достаточно признаковъ богопочтенія, достаточно доказательствъ благой совѣсти. Каковы же (доказательства)? Любовь къ Богу и истинное расположеніе къ человѣку. *Любитъ бо языкъ нашъ*, т. е. законъ. *Исполненіе закона любви* (Рим. хш, 10). *И сомнище той созда*, выражая любовь къ Богу. Устроеніемъ дома Богу онъ воздвигъ какъ бы отовсюду видимую колонну своей любви къ Нему. Смотри, какъ прекрасныя дѣла, вспоминаясь во время нужды, доставляютъ много дерзновенія тѣмъ, за кого ходатайствуютъ; всюду прекрасныя дѣла достаточны для убѣжденія. Такъ они ходатайствовали; Іисусъ принявъ 771 приглашеніе старѣйшинъ, не ихъ уважая, но одобряя вѣру сотника. Вставъ, Онъ отправился съ ними. Онъ шелъ кое-гдѣ съ промедленіемъ и дѣлалъ остановки, не опаздывая совершать благодѣяніе, но выжидая времени, чтобы всѣмъ объявить расположеніе, таившееся внутри сотника, чтобы похвалить неуклонную вѣру, въ обличеніе невѣрныхъ, чтобы обнаружить чистое и неподдѣльное произволеніе. *Уже ему не далече сущу отъ храмины, посла къ нему сотникъ* рабовъ своихъ, глаголя: не безпокойся: *нѣсмь бо достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши* (Лук. vii, 6). По первому побужденію своей души, онъ посылаетъ старѣйшинъ; но сдѣлавъ это и ожидая у себя, онъ не остается въ покоѣ. Подумать про себя, сколько различія въ достоинствѣ, онъ высылаетъ напередъ рабовъ, съ приглашеніемъ и словами: не безпокойся: *нѣсмь бо достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. О, сообразительность и трезвенность сотника! Не остался для него въ тайнѣ Богъ, скрываемый въ человѣкѣ; не осталось для него въ тайнѣ однородное Слово, облекаемое тѣломъ. Онъ видитъ храмъ, и разумѣетъ обитателя. Не остался для него въ тайнѣ Владыка въ достоинствѣ раба, царь въ видѣ плѣнника, малый—въ безграничномъ величіи. Тотчасъ Іисусъ удивляется и свидѣлствуетъ о его высокой вѣрѣ, о благородномъ побужденіи его души, по которому онъ говорилъ Спасителю: *нѣсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. Таковымъ былъ и Петръ, когда онъ былъ изумленъ при ловлѣ рыбы и понималъ величіе Его могущества; тогда онъ обращается къ Нему и говоритъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь я, Господи* (Лук. vi, 8). Но можетъ быть онъ и не зналъ о Петрѣ, а читалъ въ книгѣ Левитъ: про-

каза лежащая нечистымъ дѣлаетъ подпавшаго болѣзни (Лев. хш). На проказу похожи бѣлыя пятна на тѣлѣ, бѣлая сыпь и лишай. Для многихъ такія пораженія не различимы, и особенно въ началѣ болѣзни; отсюда законъ жалеетъ отъ іерея, чтобы онъ былъ судьей въ этомъ. Законъ ведетъ іерея въ домъ изслѣдуемаго; и тамъ, признавъ, какъ проказу, онъ объявляетъ все, что въ домѣ, оскверненнымъ. Отсюда большинство напередъ готовится, и тогда зовутъ іерея. Блаженный сотникъ, помысливъ объ этомъ, отказывается отъ прибытія Спасителя: *яъсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. Многое есть въ домѣ томъ; я знаю свои грѣхи; прежде, чѣмъ очистишь, отказываюсь отъ пришествія Твоего, какъ суди. Я знаю, что Ты начальникъ всѣхъ іереевъ и архіерей Отца. *Яъсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. Небо для Тебя престолъ, и земля подножіе,—какой домъ вмѣститъ невмѣстимаго? У меня нѣтъ небеснаго дома, чтобы Тебѣ войти въ мой домъ; у меня нѣтъ царскаго дворца, чтобы мнѣ принять Царя небесъ. Какъ я приму подѣ свою кровлю покрывающаго *водами претыспрення* своя (Пс. см, 3)? Какъ я приму въ свою бѣдную гостинницу сожителемъ измѣрившаго небо пядью? Какой домъ вмѣститъ вмѣщающаго вмѣстѣ все небо и землю? *Яъсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. Какъ благодѣтеля, я восхищаю (Твое) пришествіе, но какъ суди—боюсь (своего) дерзновенія. Ты наблюдатель душъ, изслѣдователь внутренностей, испы- 772 татель сердца и суди грѣховъ. *Яъсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши*. Я боюсь самого себя; *рцы слово, и исцѣлѣтъ отрокъ мой*. Ужели тебѣ не кажется, что говорящій: *рцы слово* только—точно знаетъ, что *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и вся сила ихъ* (Пс. хххп, 6), что все существующее Словомъ и содержится и управляется? Просвѣтившись божественною мыслию, этотъ мужъ, когда увидѣлъ Іисуса во плоти, сразу узнаетъ въ Немъ Сына Божія. *Рцы слово* только. Я знаю, что о Тебѣ предвѣстилъ мудрый Соломонъ: *ниже зеліе, ниже обязаніе исцѣли* народъ Твой, *но слово твое, Господи, исцѣляющее вся* (Прем. хvi, 12). *Рцы слово* только. Я знаю, чье Ты Слово, и какими могуществомъ владѣешь, и что все совершилъ (Ты) словомъ. Отецъ не страдалъ при Твоемъ рожденіи; Ты не страдаешь, творя, не страдаешь, устроая. *Рцы слово* только. Слово Твое — полезнѣйшее во всемъ; не воздухъ оно поражаетъ, но обнаруживаетъ желаніе Твое. *Рцы слово* только. Дай знакъ въ удостовѣреніе слышащихъ. Смотри (какая) разсудительность: онъ проситъ отложить приходъ, но о своемъ знаніи не рассказываетъ; свидѣлствуетъ Ему о своемъ знаніи, но отказывается отъ Его прихода. Эта мудрая мысль преиспугуется другою, большею. Такъ отъ силы въ силу восходитъ этотъ мужъ, и становится богатымъ источникомъ замѣчательныхъ мыслей, юнѣя въ успѣхахъ ученій. *Рцы слово* только, *и исцѣлѣтъ отрокъ мой*. *Ибо и азъ человекъ есмь подѣ властію учиненъ, имѣя подѣ собою воины, и*

глаголю сему: *иди, и иди́ть: и другому: прииди и приходи́ть: и рабу: сотвори́ сѣ, и дѣла́етъ* (Лук. VII, 7, 8). Я знаю, что Ты, облеченный властію надъ всѣми, прибылъ къ намъ, какъ одинъ изъ всѣхъ. Ты пришелъ къ намъ, какъ и мы (приходимъ), хотя имѣешь власть во всемъ, какъ говорить святой Давидъ: *учиненіемъ твоимъ пребываетъ день: яко всяческая работна тебѣ* (Пс. cxviii, 91). Ты спишь, и море поднимается; Ты встаешь, и волны утихаютъ. Ты зовешь умершихъ, и умершій повинуется быстрѣ живыхъ. *Рцы слово, и исцѣлитъ отрокъ мой. Ибо и азъ человекъ есмь подѣ властію учиненъ*. Здѣсь онъ объявляетъ, что самовластное стремленіе души препятствуетъ восходить къ лучшему. У меня самого есть воины. Онъ называетъ воинами различные помыслы, гнѣздящіеся въ человѣкѣ. Этихъ воиновъ называетъ блаженный Павелъ: *соуслаждаюся закону по внутреннему человеку: вижу же инъ законъ противу воющихъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣха* (Рим. VII, 22, 23). Точно, говорилъ онъ, имѣю подѣ собою воины, но у меня нѣтъ воиновъ противъ меня: *и глаголю сему: иди, и иди́ть: и другому: прииди, и приходи́ть*; не управляюсь, но управляю помыслами. Можетъ быть сотникъ потому и названъ сотникомъ, что онъ, какъ начальникъ и повелитель страстей, показываетъ намъ такую твердость надъ неразумными страстями; да получимъ ее всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: *изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего* (Лук. VIII, 5).

771 Дѣйственная почва, взборожденная, при помощи быковъ, плугами опытныхъ земледѣльцевъ, принимаетъ сѣмена; охвативъ ихъ своими комьями, она прежде произращаетъ траву, потомъ удлинняетъ колосья, потомъ въ колосья наливаетъ хлѣбное зерно. Тогда земледѣльцы, видя блестящій колосистый посѣвъ, хвалятъ надежды своихъ трудовъ, спѣшатъ искренно умиловити Бога, чтобы Онъ въ цѣлости сохранилъ плоды обнаруживающихся благъ. Часто, когда приближается середина лѣта, надежда почти достижима и земледѣлецъ радуется, тогда или знойный вѣтеръ иссушаетъ колосья, или ржавчина гноитъ, или градъ истребляетъ, и исчезаетъ преждевременная надежда; земледѣлецъ, угнетенный сильнымъ уныніемъ, отложивъ серпъ, сокрушается печалью о преждевременномъ концѣ лѣта. Но когда благорастворенность воздуха сдѣлаетъ колосья блестящимъ и зрѣлымъ, и бѣлѣющій посѣвъ согнется на подобіе старцевъ, ожидая лѣтней жатвы, тогда сельчане, съ острыми серпами въ своихъ широкихъ дланяхъ, прибавляютъ къ трудамъ труды, удовлетворяютъ свое желаніе, насыщаются исполненіемъ своихъ надеждъ. Тогда воля веселю поступью, съ суровымъ взглядомъ, отправляется на

гумно, когда остальные животные отдыхают дома. Остальные животные,—kozy, свињи и овцы,—которые не подвергали свои шеи ярму плуга, стѣсняясь своею совѣстію, рабски приближаются къ гумну (и) похищаютъ вязанки колосѣвъ; только волъ, вытянувъ широкій языкъ, смѣло беретъ плоды своихъ трудовъ. Ты видишь тамъ жнецовъ, видишь 773 тамъ плодоносную пашню, гумно, вола; перейди отсюда къ церковному благоустройству, и ты увидишь таинственную церковную обработку земли.

Изыде стѣй стѣти. Мы только что слышали объ этомъ изъ евангелія.

Изыде. Кто? Христосъ, пришедшій съ неба въ міръ. Святель—Христосъ, сѣмя—слово Божіе, пашня—человѣчество, вола—апостолы, плугъ—крестъ, ярмо—единомысліе, ярменный ошейникъ—сладкая любовь, соединяющая выи апостольскія.

Изыде стѣй стѣти. Вышелъ Христосъ не съ тѣмъ, чтобы жать, но сѣять; еще не были посѣяны сѣмена воскресенія въ сердцахъ людей.

Изыде стѣй стѣти, не рожь, не ячмень, не пшено, ни другое что-нибудь земное, но вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа, надежду воскресенія, любовь къ Богу и людямъ нелицемѣрную и безразличную. Сѣющій Христосъ вышелъ изъ отеческаго лона, сущій въ лонѣ Отца, и пришелъ къ намъ, какъ самъ прямо говорить: Я отъ Отца изшелъ и прихожу (Іоан. viii, 42; xvi, 28). Но изшелъ отъ Отца, отнюдь не разлучаясь съ Нимъ, а съ нами пребывавъ. Этотъ святель вышелъ, чтобы искоренить плевелы, злобно посѣянные дьяволомъ въ душахъ людей.

Всякъ садъ, сказано, егоже не насади Отецъ мой небесный, искоренится (Мѣ. xv, 13). Вышло солнце правды, чтобы свѣтлыми лучами Своего божества осіять омраченныя сердца людей. Вышелъ пастырь овецъ, чтобы, посѣявъ соль благочестія, доставить овцамъ здоровый кормъ писаннаго закона. Вышелъ святель съ десятию запряжками воловъ, чтобы сдѣлать одинъ скудельный сосудъ и, посѣявъ шесть мѣрокъ, сдѣлать три мѣры. Теперь говори, Исаія, не молчи! *Идѣже бо возорють десять супругъ воловъ, сотворить корчагъ единъ* (Ис. v, 10). Десять запряжекъ воловъ — это двадцать воловъ; десять разумныхъ запряжекъ воловъ — это двѣнадцать апостоловъ Христа и семь, которыхъ избрали апостолы. Кого именно? Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, пришельца антиохійскаго; и (еще) апостолъ, воздѣлавшій землю отъ Іерусалима до Иллирика. Эти десять запряжекъ воловъ сдѣлали на пашнѣ челоуѣчества исповѣданіе о Христѣ, облекшемся въ нашъ скудельный сосудъ тѣла. Что божественное слово называетъ скудельнымъ сосудомъ плотское пришествіе Христа, слушай. Когда Онъ имѣлъ отойти на страданіе, говорятъ Ему ученики Его: *гдѣ хочешь уготоваеиъ пасху?* А онъ имъ: *идите вотъ въ этотъ градъ, и срящетъ васъ челоуѣкъ въ скудельницу воду нося, и рцыте ему: учитель нашъ сказалъ: у тебе сотворю пасху.* И покажетъ вамъ горницу постлану, и тамъ намъ приготовьте пасху (Мѣ. xxvi, 17, 18; Мрк. xiv, 15). Кто челоуѣкъ, но-

сящій скудель воды, или что за городъ, въ который Онъ ихъ посылаетъ, или что такое устланная горница, — (это) вамъ, по изслѣдованіи, необходимо знать. Человѣкъ, носящій скудель воды, Іоаннъ Предтеча Христа, объявлявшій о Христѣ, что Онъ облекся въ нашъ скудель тѣла (и) имѣетъ у Себя воду крещенія. Устланною горницею называетъ будущее упокоеніе святыхъ на небѣ послѣ воскресенія: *Идите* вотъ въ этотъ градъ; не въ ветхую синагогу іудеевъ, гдѣ ветхій законъ закъ въ ветхихъ мѣхахъ, — смѣшавъ укусъ съ желчью, они поднесли Господу, — но идите въ новый городъ, въ новый Іерусалимъ, гдѣ новое слово, гдѣ новая благодать Духа въ новыхъ мѣхахъ источаетъ молодое вино вѣры; гдѣ не ветхая пасха, но новое воскресеніе; гдѣ не агнецъ закалается въ жертву, но Христосъ освобождаетъ; гдѣ не ветхая закваска, но готовится на крестѣ небесный хлѣбъ, *Идѣже бо возорють десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ*; гдѣ работаютъ десять запряжекъ воловъ, (т. е.) апостоловъ [апостолы были уподоблены воламъ, какъ свидѣтельствуемъ Павелъ словами: написано въ законѣ: *да не заградниши устенъ вола молотяща. Еда о волкъхъ радить Богъ* (1 Кор. 774 ix, 9)? но о насъ говорить], — тамъ они совершаютъ исповѣданіе Іисуса, облекагося въ скудель нашего тѣла. И сѣятель шести мѣрокъ (артабовъ) сдѣлаетъ только три мѣры. Ужали у земледѣльцевъ бываетъ когда-либо такой неурожай, чтобы посѣять шесть артабовъ (и) сдѣлать только три мѣры? Но изслѣдуемъ смыслъ Писанія; возлюбленные, войдемъ во внутреннюю завѣсу буквы, и мы встрѣтимся съ божественнымъ разумніемъ Духа. Сѣятель шести артабовъ сдѣлаетъ три мѣры. Шесть артабовъ — новый завѣтъ, то есть, четыре евангелиста, Дѣянія и апостолы. Посѣявшій эти шесть артабовъ въ какой-либо одной душѣ дѣлаетъ три мѣры — исповѣданіе въ Отца и Сына и Святаго Духа. *Изыде сѣй сѣяти* не знакъ для приготовленія хлѣба, но животворную вѣру; не ячмень въ пищу неразумнымъ, но пищу для дыханія людей; не пшено, питающее птицъ, но божественное слово, огненное, подобное зерну горчичному, сильно возгрѣвающее наши души для благочестія и мудрости. *Изыде сѣй сѣяти, и ово паде при пути, и пограно бысть, и пришедшія птицы небесныя позобаша е.* Другое паде въ терніи, и подади терніе ростокъ. Другое паде на каменистость *), и такъ какъ не имѣю корня, прозябши, тотчасъ засохло (Лук. viii, 5—7). То, что при пути, — аріане; терніе — евноміане; то, что на камнѣ, — мараеоніане. И ты замѣтъ въ точности, возлюбленный! *Изыде сѣй сѣяти, и ово паде при пути.* Не сказалъ: на пути, но при пути. Какой же путь, кромѣ Христа, говорящаго: *азъ есмь путь и истина* (Іоан. xiv, 6)? То, что при пути —

*) Проповѣдникъ объясняетъ евангельское *ἐπὶ τῇ πετρώδῃ*, не какъ нѣчто каменное, но какъ среднее между камнемъ и землею. Это видно будетъ дальше.

ариане. Они не на пути, не православны, и опять не вдали отъ пути, какъ эллины или іудеи, но при пути, то есть, подлѣ Христа, подлѣ правой вѣры. Исповѣданіе ими Христа дѣлаетъ, что они близъ пути; непризнаніе ими Христа Сыномъ Божиимъ препятствуетъ имъ быть на пути. Поэтому, прилетѣвшія небесныя птицы, то есть, духи лукавства, уносятъ изъ ихъ сердецъ божественное слово, и совершенно лишаютъ ихъ правой вѣры. Тервіи—евноміане; у нихъ самихъ есть тернія злословій; они произращаютъ траву вѣры, но не заканчиваютъ колосомъ исповѣданія. Исповѣданіе ими Христа дѣлаетъ, что они произращаютъ траву вѣры; но опять ученіе ихъ о твореніи и созданіи дѣлаетъ, что ихъ колосья вѣры сохнутъ незрѣлымъ. Поражая и заглушая слово истины эллинскими ученіями о почитаніи твари вмѣсто Бога, они дѣлаютъ это слово, въ отношеніи правой вѣры, совершенно безплоднымъ и непронизводительнымъ. То, что на каменной землѣ,—мареоіане. Не сказало Писаніе: то, что упало на камень, потому что камнемъ былъ Христосъ (1 Кор. х, 4), но: на каменность. Они ни добрая земля, не православныя, ни камень, чтобы, будучи высѣчены изъ камня учителями, создать храмъ Божій,—но что? Они сталактитъ. Есть нѣкоторая порода камня, по имени, сталактитъ; онъ ни земля, ни твердый камень; мягокъ противъ камня, но твердъ противъ земли. Исповѣданіе ими Сына Божія подобнымъ по существу Отцу дѣлаетъ ихъ болѣе мягкими; отрицаніе ими Святого Духа дѣлаетъ ихъ сердца затвердыми. Итакъ, они ни добрая земля, чтобы произвести хорошее растеніе и нарядиться имъ въ красоту вѣры, ни твердый камень, чтобы непоколебимо и невозмутимо соблюдать исповѣданіе въ Отца и Сына и Святого Духа. Они принимаютъ это слово, и произращаютъ, но тотчасъ его сушатъ и охлаждають; вслѣдствіе этого у нихъ корни помышленій не въ глубинѣ духа. И хотя они исповѣдуютъ, что Христосъ Сынъ Божій, но, отрицая Святого Духа, они и Сына не имѣютъ, по свидѣтельству и слову апостола: *аще кто Духа Христова не имать, сей нлсть еговъ* (Рим. viii, 9). *Другое паде на земли добрый: и дающе плодъ:* и одно тридцать дѣлало, другое шестьдесятъ, иное сто (Мрк. iv, 8). Добрая земля—сердце православныхъ; она существуетъ внѣ еретическихъ терній, обработана совершенными учителями, и какъ бы взборождена, принимаетъ евангельскія слова, становящіяся сѣменами для души. Такое сердце прежде всего произращаетъ траву вѣры, потомъ удлиняетъ косось надежды, потомъ показываетъ зрѣлый плодъ совершенной любви. Объ этихъ трехъ плодахъ души воспоминаетъ и блаженный Павелъ словами: *вѣра, надежда, любви* (1 Кор. xiii, 13). Вѣрующій дѣлаетъ тридцать, надѣющійся шестьдесятъ, усовершенный въ любви дѣлаетъ сто; помазуемый дѣлаетъ тридцать, сходящій въ воду дѣлаетъ шестьдесятъ, усовершенный въ таинствѣ дѣлаетъ сто. Такъ изъ одного сѣмени онъ приносить тройкій плодъ: Бога славословить, церковь возвышаетъ, самого себя спасаетъ.

Такой получает свою награду отъ Святой Троицы: духомъ разумѣть, душою провидѣть, тѣломъ терпѣть. Онъ трижды благословляется: на землѣ славится, изъ мертвыхъ воскресаетъ, на небѣ упокоивается. Такой чествуется тремя высокими степенями: тридцатью, когда на небѣ; шестидесятью, когда между ангелами; сотней, когда у Бога. Такой кро-
 776 токъ, тихъ, смиренъ, мудръ, милостивъ, сострадательнъ, праведенъ, странникъ міра, чуждъ жизни, только образомъ является на землѣ, а сердцемъ и дѣлами пребываетъ на небѣ. Нѣкоторые изъ еретичествующихъ, по своему неразумному сужденію, замышляютъ лѣстницу въ словахъ богохульныхъ. Что они говорятъ? Вѣра въ Духа дѣлаетъ тридцать,—въ Сына дѣлаетъ шестьдесятъ,—въ Отца дѣлаетъ сто. Они не знаютъ, что когда умаляютъ Духа Святого, (на дѣлѣ) Его возвеличиваютъ. Они ставятъ Духа впереди Отца и Сына; говорятъ: вѣрующій въ Духа дѣлаетъ тридцать; и впереди Отца прежде всего ставятъ Духа, потомъ Сына, потомъ Отца. Мы мыслимъ протпвоположно, протпвоположное и говоримъ. Вѣрующій вѣруетъ прежде всего не въ Духа, но въ Отца; вѣрующій въ Отца дѣлаетъ тридцать; присоединяющій вѣру въ Сына удвоаетъ число и дѣлаетъ шестьдесятъ; облекшійся въ Духа Святого закончилъ сотней, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и о милостынѣ.

775 По вознесеніи на небо Господа нашего Іисуса Христа, и когда ученики пристально смотрѣли на небо,—вотъ явился имъ ангелъ Господень, говорящій: *что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, самъ опять придетъ на это мѣсто, имже образомъ увидите его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). И вотъ, возлюбленные, я вамъ сообщу, какимъ будетъ Его второе пришествіе, страшное и приводящее въ трепетъ, обличающее всякое дыханіе. Явится прежде всего знаменіе Сына человѣческаго, на которомъ распяли Его іудеи, блестящее, какъ молнія, которое понесутъ святыя ангелы; и впереди его будетъ трубить архангелъ Михаилъ и пробуждать почившихъ отъ Адама до конца вѣка. И встанутъ мертвые, какъ бы отъ сна, изъ своихъ гробовъ, какъ сказалъ апостолъ Павелъ, что *вострубитъ, и мертвіи во Христѣ востанутъ нетлѣннии*, сразу, въ мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ (1 Кор. xv, 52). И соберутъ ангелы людей, отъ четырехъ предѣловъ вселенной, въ долины плача. Потрясется та долина и откроются средства суда: огненная рѣка, исполненная неусыпаемаго червя, жестокіе и немилосердые ангелы и вокругъ ставшія дѣла каждого, обличающія грѣшника. Измѣнятся небеса, и земля упразднится, и слава всего прой-

дѣть, какъ тѣнь; богатство и все пройдетъ, исчезнуть, какъ дымъ, когда даже звѣзды, какъ листья, спадутъ съ неба; и никто ни за кого не заступится, и ни откуда не будетъ помощи: ни отецъ за сына, ни мать за дочь, ни братъ за брата, ни другъ за друга, ни господинъ за раба, ни рабъ за господина, ни богатство, ни серебро, ни золото, ни дорогая одежда, ни дома съ золотыми потолками,—но обнажатся дѣла каждого, хорошія или худыя. Откроются небеса, и вотъ Сынъ Божій идетъ на облакахъ небесныхъ со многою силою и славою; Онъ, небесный, сходитъ въ Іерусалимъ, и Онъ, необъятный, въ Сіонъ; и поставляются двѣнадцать престоловъ двѣнадцати апостоловъ и учениковъ Его; и вотъ Онъ, какъ молнія, являющаяся отъ востока до запада; отъ страха и прещенія Его свертываются небеса, какъ свитокъ. Тогда поколеблется вся земля, горы задымятся, огненные рѣки будутъ готовы принять грѣшниковъ, черви, какъ драконы, съ раскрытыми ртами будутъ жадать крови грѣшныхъ людей; всѣ будутъ мучиться непрерывно. Та тьма не имѣетъ свѣта. Подумайте, братіе, о томъ страшномъ, великомъ и славномъ дѣлѣ! (Если) даже ангелы, ни въ чемъ не согрѣшившіе, трепещутъ того дня, то какой трепетъ овладѣетъ грѣшниками въ тотъ страшный и ужасный день? Тогда будетъ горькій плачь и скрежетъ зубовъ. И никто пусть не думаетъ, будто тотъ судъ (будетъ) въ умышленіи. Я знаю, что многіе говорятъ, будто тотъ судъ будетъ такъ, какъ если кто-нибудь мучится, 776 находясь во снѣ. Не заблуждайтесь, люди! Кто мучится во снѣ, только воображаетъ себѣ это, а тѣло и душа почиваютъ на постели. Но въ тотъ день нельзя отдѣлаться тѣлу отъ души, а вмѣстѣ онѣ будутъ предстоить страшному тому судилищу, гдѣ книги дѣлъ раскрыты, судія нелицепріятенъ, и судъ неизмѣненъ; во многой славѣ позоветъ Онъ всѣхъ на судъ по имени, и всѣ мы предстанемъ обнаженными. Тамъ нѣтъ ораторской рѣчи, побѣждающей правду, нѣтъ многословія языка, но испытаніе дѣлъ; тамъ не нужны дары, ни заступники, но всѣ несутъ собственные бремена. Тамъ старости не вѣрятъ, знаменитости нѣтъ, тѣлесное благородство не спрашивается; тамъ красота лица не смущаетъ судію, но достоинство дѣвства и остальныхъ добродѣтелей смущаетъ судію, родившагося отъ Дѣвы; тамъ великій и малый равно судятся. Часто на томъ судѣ осуждаютъ дѣти родителей. Если ты родишь дѣтей и не соблюдеши равенства между ними, но одного обогатишь, а другого возненавидишь, то дашь отвѣтъ. Тогда и рабъ становится предъ господиномъ съ дерзновеніемъ, и рабыня предъ госпожею, и ученикъ предъ учителемъ. Всѣ они судятся въ страшномъ судилищѣ: дѣти съ родителями, жены съ мужьями; и дѣла каждого становятся явными. Поэтому, и благословенный апостолъ Павелъ, зная это, всѣмъ повелѣлъ словами: чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ. И отцы, не раздражайте чадъ своихъ. Рабы, послушайте господій вашихъ (Еф. vi, 1, 4, 5). Господіе, уравненіе соблюдайте къ рабамъ вашимъ.

Мужіе, любите жены ваша, и жены, бойтесь мужей ваших (Кол. IV, 1; III, 19, 18),—чтобы всѣмъ намъ неосужденно предстать предъ страшнымъ престоломъ Господа нашего Иисуса Христа Бога. Итакъ, будемъ трепетать того дня, въ который пастырь имѣетъ отдѣлить овецъ отъ козловъ, и поставить овецъ по правую сторону, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ царь стоящимъ по правую сторону: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сжиганія міра* (Мѣ. XXV, 34). Подумай только о той радости и дерзновеніи въ отношеніи къ ангеламъ, пророкамъ и апостоламъ! *Взалкался бо, и дасте ми ясти: возжадался, и напоите мя* (ст. 35) и прочее. Идите, благословенные Отца Моего, получите вмѣсто земного небесное, вмѣсто тлѣннаго нетлѣнное, вмѣсто временнаго вѣчное. Вы Меня одѣли одеждою, а Я облакаю васъ вѣчною славой; вы дали Мнѣ хлѣба, а Я дарую вамъ пищу райскую; вы напоили Меня холодною водою, а Я васъ введу въ рай. Братъ, когда ты это слышишь, то чего ждешь, чего медлишь отдать свое нуждающимся? Кромѣ того, ты даешь самому Богу, какъ сказалъ Онъ самъ: если сдѣлаете *единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (ст. 40). Тѣ, которые гнали бѣдныхъ, Христа гнали. И за это Онъ поставитъ ихъ по лѣвую сторону; и какъ они гнали бѣдныхъ, такимъ же образомъ и Господь изгонитъ ихъ словами: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Взалкался бо, и не дасте ми ясти: возжадался, и не напоите мене* (ст. 41, 42) и прочее. Подумай только о томъ стыдѣ при сонмѣ ангеловъ! Уже здѣсь, если кто-нибудь обличенъ въ грѣхъ противъ одного друга, какъ онъ опускаетъ лицо! Какъ онъ отказывается предстать! Какъ онъ смущается друзей, сосѣдей, родственниковъ, изъ-за стыда въ томъ, въ чемъ былъ обличенъ! Подумай же о томъ стыдѣ, когда (будутъ) міриады ангеловъ и ряды пророковъ, хоры апостоловъ, неисчислимое множество мучениковъ, безграничный міръ, и скажетъ судія: *идите отъ мене проклятіи. Взалкался, и не дасте ми ясти: возжадался, и не напоите мене: нагъ былъ, и не одѣяте мене: боленъ былъ, и не поспѣшите мене: странникомъ былъ, и не ввели Меня. Чѣмъ вы, говорить, оправдываетесь? Я лишилъ васъ повода. у васъ нѣтъ защиты. Если Я скажу: взалкался, и не дасте ми ясти, то ты можешь быть скажешь, что у тебя не было хлѣба. У тебя не было хлѣба и воды? Но ужели у тебя не было и ногъ, чтобы навѣстить больныхъ и въ темницѣ? Или ты не могъ даже стонать съ удрученными?*

778 Ты ничего не причиняешь бѣдному? А развѣ не поражаешь его своимъ языкомъ, потому что не позволяя ему стонать противъ тебя? Стонамъ его скоро внимааетъ Господь: *и воздастъ излиши творящимъ гордыню* (Пс. XXX, 24). Господь не такъ внимааетъ праведнымъ, какъ бѣднымъ, такъ какъ у бѣднаго нѣтъ еще другого защитника. За бѣдность всѣ мы отвергаемъ его: родители своихъ дѣтей, друзья друзей, особенно братъ

брата, сосѣди сосѣдей; бѣдный всюду отверженъ и безпомощенъ, ни откуда не имѣетъ помощи, кромѣ Бога, милующаго бѣдныхъ. Поэтому, имъ скоро внимаютъ Господь, какъ и пророкъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: скоро выслушиваетъ *убогія Господа, и окованныя своя не уничтожитъ* (Пс. lxxviii, 34). У тебя есть хлѣбъ, или что-нибудь иное, чѣмъ утѣшается бѣдность? Дай бѣдному. Если у тебя нѣтъ, послужи ему словомъ, попейся съ нимъ, помолись за него, чтобы, если у тебя не нашелъ онъ покоя, нашелъ бы у другого. У кого нѣтъ что-либо дать, и онъ одаряетъ бѣднаго хорошими словами, тотъ приобретаетъ себѣ награду больше, чѣмъ кто даетъ. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ говорится: велико благодѣяніе милостыни. Никакое другое доброе дѣло не въ силахъ когда-нибудь (такъ) изгладить грѣхи. Обратимся же къ нему, возлюбленные, чтобы получить вѣчныя блага, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о разслабленномъ, въ день Преполовенія; и на слова: „Не судите на лица“ (Іоан. v, 5; vii, 24).

Какъ свѣтоносная луна, освѣщая ночной мракъ, и свѣта пути- 777
камъ по землѣ и пловцамъ по морю, дѣлаетъ для каждаго путешествіе безпрепятственнымъ,—такъ въ субботу Господь говорилъ разслабленному: *встань, возьми адрѣ твою, и иди въ домъ твой* (Іоан. v, 8), и потомъ іудеямъ говорилъ: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя Отца* (Іоан. vii, 16). Что по поводу самовластнаго испѣленія разслабленнаго Господь съ этими словами обращался къ іудеямъ,—бери доказательство изъ только что прочитаннаго. Здѣсь Господь очень ясно выразилъ нераздѣльность Свою отъ Отца. Если бы Господь сказалъ: Мое ученіе не есть Отца, но Мое, то Онъ отдѣлялъ бы самого Себя отъ Отца, дѣлалъ бы чуждое для существа (Божія), нарушалъ бы домостроительство (спасенія); но сказавъ: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго мя Отца*, Онъ показалъ (этимъ) нераздѣльность существа, и что ученіе Отца и Сына и Святаго Духа одно. Одно естъ Слово, Сынъ Отца; и Духъ Отца есть Духъ Святой. Какъ иному будетъ учить Слово? И какъ въ иномъ будетъ оглашать Святой Духъ? Это невозможно, невозможно по слову блаженнаго Павла: никто не знаетъ того, что въ человѣкѣ, *точію духъ чловѣка живущій въ немъ; такожде и того, что въ Богѣ, никто же въсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. ii, 11). Что по поводу самовластнаго испѣленія разслабленнаго, какъ я сказалъ раньше, Господь соединилъ тѣ Свои слова, ты сейчасъ слышалъ изъ рѣчи Господа: *едино дѣло сотворихъ, и вси дивитесь. Сего ради Моисей даде вамъ обрѣзаніе, не яко отъ Моисеа есть, но отъ отца; и въ субботу обрѣзаете чловѣка. Аще обрѣзаніе пріемлетъ чловѣкъ въ субботу, да не*

разорится законъ Моисеевъ: на мя ли гнѣвается, яко всего чело-
 века здрава сотворишь въ субботу? Не судите на лица, но правед-
 ный судъ судите (Іоан. vii, 21—24). Господь показываетъ изъ закона
 ихъ беззаконіе. Онъ говорить имъ: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человекъ*
въ субботу, и въ субботу обрѣзаете младенца, чтобы не упразднилися
законъ восьми дней, то вы нарушаете закономъ законъ, и на мя ли
гнѣвается, яко всего человека здрава сотворишь въ субботу, безъ
труда, во чудомъ? Въ субботу не должно работать, но во всемъ быть
въ праздниости? Почему у васъ, іудей, въ субботу жена рождаетъ, бабка
 778 *суетится, пеленками трясутъ, природа очищается и сосцы пригото-*
вляются для кормленія? Жена рождаетъ, и природа побѣждаетъ законъ,
и Богъ не чудотворитъ? Скажи Мнѣ: если въ субботу обрѣзается чело-
вѣкъ, да не разорится законъ, (то) на мя ли гнѣвается, яко всего
человѣка здрава сотворишь въ субботу? Не судите на лица, но пра-
ведный судъ судите. Принимаю на Себя вашу вражескій судъ, чтобы
 какому судомъ вы судите, васъ судить. Кто нарушаетъ субботу: вы,
 когда обрѣзаете въ субботу—точите ножъ, дѣлаете разрѣзъ, устраняете
 часть тѣла, или Я, когда сказалъ: вставъ, *возми одръ твой, и иди въ*
домъ твой? Если бы слово было не дѣйствительно, Я нарушилъ бы суб-
 боту пустословіемъ; а если дѣло опередило слово, то почему вы мстите
 за субботу, и отвергаете Творца? Развѣ вы не насытились, дѣти іудей-
 скія, когда тридцать восемь лѣтъ смотрѣли на разслабленнаго, пригво-
 женнаго къ одру—на утруждающій его одръ и на (самого) разслаблен-
 наго, испытывавшаго день и ночь тягость? Вы (тогда) не вознегодовали,
 и не сострадали; а (теперь) негодуете, что въ одно мгновеніе разслаб-
 ленный понесъ одръ и принявъ отплату! Чего же, не слѣдовало и это
 возглашать: переверотилъ Ты ложе мое *отъ болѣзни моей* (Пс. xli, 4)?
 Знаю, фарисей, за что вы негодуете. Не за то вы сердитесь, что исцѣ-
 лень разслабленный, но за то, что не въ силахъ были скрыть одръ и по-
 хитить чудо. Зная вашу мысль, Я приказалъ ему нести одръ, чтобы, если
 вы будете замалчивать, одръ вопіялъ о чудѣ. Чего колеблетесь, фарисей?
 Разслабленный ни тайно введенъ, ни подложный, ни кратковременный;
 вы всѣ его знаете: онъ тридцать восемь лѣтъ жилъ при вашей купальнѣ.
 Вы не въ состояніи говорить, какъ на слѣпца отъ рожденія: *сей есть;*
подобенъ ему есть; не этотъ (Іоан. ix, 9). Если бы не побѣдилъ васъ
 слѣпецъ, то и его бы вы схватили и повлекли бы въ судилище, такъ
 что исполнились бы вы за все стыда. *Не судите на лица, но правед-*
ный судъ судите. Если угодно, пробѣжимъ вкратцѣ самый отдѣлъ о
 разслабленномъ, такъ какъ и Господь вспомнилъ разслабленнаго. Если
 въ самомъ дѣлѣ Господь его вспомнилъ, то какъ мы предадимъ его
 забвенію? Тогда изумляются, когда рассказываются чудеса Господа.
 Господня есть и настоящая середина праздника: Господь поосредникъ, и
 праздника середина. Середина всегда укрѣпляется оконечностями; вслѣд-

ствіе этого, и настоящая середина праздника владѣть двойною благодатію воскресенія. Занимая средину между Воскресеніемъ и Пятидесятницей, объявляетъ о Воскресеніи, указываетъ на Пятидесятницу, возвѣщаетъ о Вознесеніи. Вы, любители изслѣдованія слова (Божія), знайте, въ чемъ вся исторія разслабленнаго, чтобы вамъ получить плодъ духовной пользы. Ты хорошо помнишь рѣчь евангелиста Іоанна: *по сихъ бѣ праздникъ Іудейскій, и възиде Іисусъ во Іерусалимъ*. Была же во Іерусалимѣхъ купль, яже глаголется Еврейски Вивезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слезаше множество много болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ. Бѣ же нѣкій человекъ тамъ, тридцать и осмь лѣтъ имый въ недугѣ своемъ. Сего видѣвъ Іисусъ, знающій все прежде бытія, и разумѣвъ, яко много уже времени имаше, говоритъ ему: *хочещи ли цѣль быти* (Іоан. v, 1—3, 5—6)? О, нетщеславное исцѣленіе Господне! Онъ не ждетъ просьбы отъ больного; самъ слѣпшитъ къ страдающимъ. Будучи солнцемъ правды, Онъ расширяетъ лучъ благодѣянія на всѣхъ. Бѣ же во Іерусалимѣхъ при овчей купальнѣ, яже глаголется Еврейски Вивезда, пять притворъ имущи. Въ ней слезаше множество много болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ. Пять притворовъ, которые были исполнены больными—это знакъ іудейской болѣзни. Іудейскій народъ болѣлъ пятью чувствами: зрѣніемъ, обонаніемъ, вкусомъ, слухомъ, осязаніемъ. Дѣти іудеевъ болѣли всѣмъ. У нихъ не было чистаго зрѣнія: смотрѣли на чудеса, и не замѣчали; у нихъ не было пріятнаго вкуса: вкушали манну, и требовали огурцовъ; у нихъ не было чистаго обонанія: Владычне миро признавали дьявольскимъ зловоніемъ; у нихъ не было чистаго слуха: слѣдовали внушенію змѣйнаго свиста, а не пророческому наставленію; у нихъ не было содѣйствующаго осязанія: богословствовали объ идолахъ, и пренебрегали живымъ Богомъ. Но пришедшій во плоти Владыка Христосъ, создатель чувствъ и творецъ твари, освободилъ и отъ тѣлесныхъ страданій и отъ произвольныхъ паденій. Разслабленный вдвойнѣ страдалъ: по тѣлу, онъ разрушался болѣзнію; по душѣ, былъ разслабленъ грѣхами. Поэтому Господь, врачъ того и другого, и тѣло укрѣпляетъ, и духъ просвѣщаетъ; и тѣлу повелѣлъ носить одръ, и душѣ позволилъ носить добродѣтель. Господь, увидѣвъ разслабленнаго лежащимъ, говорилъ ему, какъ вы всѣ отлично знаете: *хочещи ли цѣль быти*? Но за это сейчасъ ухватываются іудейскія дѣти, говоря противъ Господа: если бы Христосъ былъ Богомъ, то зачѣмъ бы Онъ спрашивалъ разслабленнаго: *хочещи ли цѣль быти*? Онъ угнетался болѣзнію, былъ боленъ уже тридцать восемь лѣтъ, оставался при купальнѣ, чтобы освободиться отъ страданія,—и (однако) Онъ спрашиваетъ его: *хочещи ли цѣль быти*? Какой Богъ спрашиваетъ? Слушай, возражатель! Здѣсь Господь спрашиваетъ не по незнанію, но изъ желанія даровать ему исправленіе во всемъ. Если бы была только тѣлесная немощь, Господь

не говорилъ бы разслабленному: *хочешь ли цѣль быти?*—зная, что онъ желаетъ того, чего желаетъ; но такъ какъ было душевное паденіе, то ради этого Онъ спрашиваетъ разслабленнаго: *хочешь ли цѣль быти?* т. е. остерегайся, чтобы впредь не грѣшнть. *Хочешь ли цѣль быти:* дай согласіе и возьми исцѣленіе, такъ какъ Я ничего не домогаюсь по принужденію. За много времени я возглашалъ черезъ пророка: *аще хотите, и послушаете мене, благая земли снѣсте: аще же не хотите, ниже послушаете мене, мечъ вы поястѣ* (Ис. 1, 19, 20). Такъ какъ человѣкъ существо самовластное, а разслабленный былъ пораженъ душевно, то ради этого Господь, чтобы не дать ему исцѣленія даромъ, спрашиваетъ его: Я прошу твоего согласія—*хочешь ли цѣль быти?* Господь спрашиваетъ не исключительно о тѣлесномъ страданіи: *хочешь ли цѣль быти?* Ни бровоточивую, ни прокаженнаго, ни двухъ слѣпцовъ Онъ не спросилъ. А гдѣ Онъ увидитъ душевное страданіе, тотчасъ спрашиваетъ, желая для Себя согласія; если не получить согласія, не даетъ исцѣленія. Иной быть можетъ скажетъ: что же—

780 слѣпцы сознавали грѣхъ, что ихъ Господь спросилъ: *что хочете да сотворю вама* (Мѡ. хх, 32)? Уже ли на нихъ были грѣхъ? Слушай, возражатель! И тѣ раньше названные въ евангеліи два слѣпца были слѣпы тѣлесными глазами и душевнымъ взоромъ; они не усматривали ясно Господа, не было у нихъ совершеннаго знанія, сомнѣвались въ исповѣданіи. Поэтому, и Господь обѣщаетъ исцѣленіе, чтобы укрѣпить вѣру. Быть можетъ иной еще скажетъ: ты осуждаешь слѣпцовъ? Они были вѣрующими мужами. Лишь только они услышали, что Господь идетъ мимо, они воскликнули: *помилуй ны Господи сыне Давидовъ*. Какъ они грѣшники, когда такъ воскликнули? Слушай, возражатель! За этотъ вырвавшійся у нихъ съ самаго начала голосъ Господь обѣщаетъ имъ исцѣленіе, за то, что, будучи позваны, они говорили: *помилуй ны сыне Давидовъ*. (Но) какой сынъ Давида доставлялъ такую силу, или такіа чудеса? Авессаломъ возмужалъ, но оказался отцеубійцей; Аммонъ желавень, но растлилъ свою сестру; Соломонъ мудръ, но въ концѣ пагъ. Такъ какъ они подошли (къ Нему), какъ къ сыну Давидову, не думая, что Онъ сильный Богъ, (какъ) къ опытному врачу, а не славному Богу, то, когда они восклицали: *помилуй ны сыне Давидовъ*, Онъ не далъ имъ отвѣта, чтобы преуспѣла ихъ вѣра. Поэтому, слѣпцы, принявъ обѣщаніе, просвѣтились въ душѣ. И немного спустя, когда Господь увидѣлъ, что они въ душѣ просвѣтились и приняли свѣтильникъ вѣры, спрашиваетъ ихъ: *вѣруете ли яко могу сіе сотворити* (Мѡ. ix, 28)? Что же слѣпцы? Преуспѣвъ, говорятъ: *ей, Господи*. Уже не сказали: *ей, сыне Давидовъ*, но: *ей, Господи*. Они вспомнили обѣщаніе, и здѣсь же исповѣдуютъ: *ей, Господи*, мы вѣруемъ, что Ты можешь это сдѣлать. Потомъ показывая, что они въ вѣрѣ преуспѣли, Господь отвѣчалъ: *по вѣрѣ ваю буди вама*. Если бы они не преуспѣли въ вѣрѣ, то не получили бы прозрѣ-

нія. Такъ какъ разслабленный больше страдалъ душевно, грѣховнымъ растлѣніемъ, то, вслѣдствіе этого, и здѣсь Господь спрашиваетъ: *хочещи ли цѣль быти?* т. е., если получишь исцѣленіе, ты не намѣренъ воротиться опять къ тому же самому, *хочещи ли цѣль быти?* Разслабленный, не зная еще, кто съ нимъ говоритъ, отвѣчалъ Господу: Ты кстати спросилъ, желаю ли я, потому что я больше не желаю; я много разъ желалъ, и ничего не достигалъ. Что же наконецъ? Желаю, чего не получаю. Я состарѣлся на одрѣ, я болтаивый гробъ, живой мертвецъ, по смерти ничего новаго не получу, меня всѣ берутъ въ клятву. Я живу близъ купальни тридцать восемь лѣтъ, и никто не страдаетъ. Даръ продается: имъ торгуютъ фарисейскія дѣти. Въ годъ очищается одинъ, и нужно, чтобы прежде предпочли; избирается болѣе достаточный. Купальня не разбираетъ; присутствующіе не справедливы. Ужели когда-нибудь будетъ правильный надзоръ, чтобы даръ не былъ предметомъ торговли, но подавался бы всѣмъ изобильно? Господь разслабленному: почему же ты думаешь, что это находится только въ одномъ мѣстѣ? Ты разговариваешь со Мною, какъ не знающимъ. Я Господь купальни, и не знаю, что происходитъ? Я знаю іудейское занятіе; потому пришелъ замѣнить купальню; теперь Я прекращу ее, и открою купальню крещенія. Въ этой одинъ сошедшій очищается; тамъ безъ числа будутъ возрождаться ежедневно. На эту Я посылалъ ангела; въ ту сойду Я, создатель ангеловъ. Потому отвѣтъ на вопросъ: *хочещи ли цѣль быти?* т. е., вѣруешь ли, что въ этомъ Я, говорящій съ тобою, силенъ? Разслабленный, немного поднявшись, узналъ владычество Господа, но, подъ вліяніемъ еще привычки, въ отвѣтъ говорить то, что вы отлично знаете изъ чтенія: *ей, Господи, человека же не имамъ, да, егда возмутится вода, свержетъ мя въ купаль: егда же приложу азъ, имъ прежде мене слазитъ* (Іоан. v, 7). Господь разслабленному: о чемъ ты думаешь, разслабленный? Достаточно тебѣ признать Меня Господомъ; не представляй себѣ многого, не обращай къ возмущенной купальнѣ; іудейское возмущено; держись осмысли Моего источника. Я знаю, чего ты ищешь: хотя и нѣтъ у тебя человека, но предстою тебѣ Я, вочеловѣчившійся Богъ; потому слушай Меня и, вставъ, *возми одръ твой*, и иди въ домъ твой. Раздражи іудеевъ, изуми демоновъ, покрой мракомъ возражателей, 781 удостовѣрь прибѣгающихъ, уничтожь субботнюю праздность, вмѣсто защитника береги одръ. Разслабленный, услышавъ это, освободившись по слову Господа отъ страданія, исполнилъ Его повелѣніе и носилъ одръ; іудеи, желавшихъ помѣшать изъ-за субботы, и говорившихъ: нельзя тебѣ взять одръ, потому что (теперь) суббота (Іоан. v, 10), прогонялъ, какъ бы исполняя повелѣніе повелѣвшаго, и говорилъ имъ: *уже мя сотвори цѣла, той имъ рече: возми одръ твой, и ходи* (ст. 11). И когда беззаконные іудеи обвиняли Господа, и спрашивали, кто исцѣлилъ и 782 приказалъ ему взять одръ, и, подобно собакамъ, нападали на исцѣлѣв-

шаго, этотъ переносилъ, мученически подвизаясь противъ запятнанныхъ убійствомъ. Послѣ этого его опять находитъ Господь, и говорить ему: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (ст. 14). Видишь ли, возлюбленный, что за свои грѣхи онъ столько времени былъ подверженъ болѣзни? Обратимся (къ Господу) и мы, чтобы избавиться этого временнаго наказанія и избѣгнуть вѣчной геенны, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На евангеліе отъ Луки, о драхмѣ, и на слова: *человѣкъ нѣкій имѣ два сына* (Лук. хv, 11).

781 Опять оно Христово изводитъ неиссякаемый сладкій потокъ любви; опять свѣтлая мудрость Христова, зажегши свѣтильникъ, и поставивъ его на подсвѣчникъ креста, освѣщаетъ всю вселенную съ цѣлю благочестія. Божественная мудрость, воспользовавшись этимъ свѣтильникомъ, отыскала одну потерянную драхму и присоединила къ девяти ангельскимъ драхмамъ. Необходимо, возлюбленные, сказать, кто это жена, имѣющая десять драхмъ. Это мудрость Божія, имѣющая десять драхмъ. Какія? Сосчитай: ангелы, архангелы, начала, власти, силы, престолы, господства, херувимы, серафимы и первоизданный Адамъ. Эту драхму, Адама, отторгнутую дьявольскою злобою, увлеченную въ эту бездну жизни и погруженную въ различныя грѣховныя удовольствія, пришедшая мудрость Божія обрѣла. Какъ обрѣла, возлюбленные? Она, пришедши съ неба, беретъ скудельный свѣтильникъ тѣла, зажигаетъ свѣтомъ божества, поставляетъ на подсвѣчникъ креста, ищетъ драхму, вводитъ ее во дворъ и пастбище ангеловъ. Но можетъ быть нѣкоторые изъ здѣсь стоящихъ, которые согрѣшили послѣ крещенія, спросятъ: что же намъ изъ того, если Адамъ былъ спасенъ? Какъ мы будемъ помилованы? Какъ спасемся, если нарушили законъ послѣ крещенія? Имъ мы говоримъ: вы, такіе, не бойтесь, не суетитесь, не смущайтесь, не малодушествуйте! Богъ не то, чтобы заботился объ Адамѣ, а вами пренебрегъ; но если для него Онъ сдѣлался женою, имѣющею десять драхмъ, то для тебя Онъ—милосердый отецъ, имѣющій двухъ сыновей и опять принимающій въ объятія заблудившагося. Для всѣхъ Онъ сдѣлался всѣмъ, чтобы всѣхъ Себѣ приобрѣсть. Мы сейчасъ слышали слова евангелиста: *человѣкъ нѣкій имѣ два сына: и подошедши юнѣйшій изъ нихъ сказалъ отцу: отче даждь ми имущество. Онъ же раздѣли имъ имѣніе. И не по многѣхъ дняхъ собравъ все юнѣйшій сынъ, отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, жиѣтъ блудно. Изжигу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той. И пришелъ къ одному изъ гражданъ, и посылаетъ его гражданнѣ на села пасты свиній. И же-*

лаше насытити чрево свое отъ рожцеъ, яже ядяху свиня: и никтоже даше ему. Въ себе же пришедь рече: koliko теперь наемникомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же здѣсь голодомъ гиблю? Воставъ иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою: и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ (Лук. хv, 11—19). Смыслъ этого нужно искать не въѣ, но въ насъ самихъ. Эта притча для насъ сказана, и для насъ читается, чтобы никто не отчаивался, если окажется и очень грѣшнымъ; но чтобы подошелъ къ Богу съ покаяніемъ и съ просьбою къ Нему объ умилоствленіи, особенно, если кто изъ васъ сталъ по вѣрѣ въ Господа сыномъ Божиимъ. *Елицы пріяша его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. i, 12). Если кто-нибудь изъ васъ по вѣрѣ въ Господа нашего сталъ Его сыномъ, и отдаленъ отъ Него, не мѣстомъ, но образомъ жизни; если кого-нибудь постигъ голодъ, не обычнаго хлѣба, но небеснаго (*хлѣбъ небесный даде имъ. Хлѣбъ ангельскій яде человекъ*—Пс. lxxvii, 24, 25), то онъ пусть побинетъ удовольствія похоти, подобныя свиньямъ, и пусть не желаетъ болѣе ѣсть стручки. Что такое стручки? Плодъ дерева. Стручки подобны грѣху: какъ стручки при началѣ вкушенія улаждаютъ, а послѣ вкушенія раздражаютъ горло,—такъ и грѣхъ въ началѣ вкушенія сладокъ, а послѣ вкушенія раздражаетъ. Объ этомъ говорить и мудрый Соломонъ: *не снимай злѣй женѣ: медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждается твой гортань: послѣди же горчае желчи* оказывается, и *изощренну паче меча обоюду остра* (Прит. v, 2—4). Если кого-нибудь постигъ голодъ небеснаго хлѣба, то пусть подойдетъ, пусть ищетъ: *всякъ бо ищущій находить, и просящій получаетъ, и толкущему отвержется* (Мѡ. vii, 8). Стучи въ дверь покаянія несказаннымъ своимъ сѣтованіемъ; не бойся ея; она не чужда для тебя: за тебя умерла. И если ты скажешь въ самомъ себѣ: кто это?—тебѣ отвѣчаетъ Христосъ и говоритъ: *азъ есмь дверь овецъ* (Іоан. x, 7). Скажи и ты: *согрѣшихъ на небо и предъ тобою*. Если кто-нибудь согрѣшилъ, принявъ небесное крещеніе,—онъ согрѣшилъ противъ неба. Согрѣшающій до крещенія грѣшитъ противъ земли: *яко земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. iii, 19), сказано Адаму. Если кто-нибудь облекся во Христа въ крещеніи, тотъ уже не земля, но небо: *яковъ перстный, такови и перстнии: и яковъ небесный, тацы и небесни* (1 Кор. xv, 48); *елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. iii, 27). Если кто-нибудь согрѣшилъ послѣ крещенія,—согрѣшилъ противъ неба; потому, пусть подходитъ и говорить: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою: и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой*. Почему? Говори вину. Свое сердце, окропленное кровію Іисуса, цвѣтущее на подобіе розы, я осквернилъ похотями: *и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой*. Тебя я разгнѣвалъ, Духа Твоего Святого огорчилъ, блестящую одежду вѣры за-

грязнилъ грѣхомъ: и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой. Душу свою, освобожденную крещеніемъ и, какъ снѣгъ, убѣленную просвѣщеніемъ, я поработилъ, омрачивъ грѣхомъ: и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Тѣлесныя чувства мои, отягченныя пьянствомъ, какъ бы безумныя служанки, предали душу, собственную свою госпожу, на распутство; а теперь, воспитавъ ихъ воздержаніемъ, я уцѣлмудрю душу свою: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Я знаю блужданіе врага, знаю его преткновенія на меня, знаю стрѣлы его обжорства; буду избѣгать пьянства, которымъ разрушается сила цѣлмудрія,—буду держать постъ, доставляющій мнѣ трезвенность: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. И я буду работать въ виноградникъ Твоемъ, и я обрѣжу ножомъ Духа излишніе побѣги своей внутренней духовной лозы, или лучше, порокъ: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. И я буду воздѣлывать сладчайшую лозу любви, и я буду ставить, какъ бы подпоры для своей души, заповѣди Господа, чтобы, по увлеченіи (ея) на землю, она не была похищена змѣемъ: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Буду стараться, чтобы она смотрѣла на небо, простирала руки челоуѣколюбія, чтобы носила въ объятіяхъ убогихъ, увлекаемыхъ на землю: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Дай мнѣ опять,

783 Отецъ, плугъ креста на плечи; буду воздѣлывать борозду своей души, выдержавъ терніе и вредную траву лукаваго, постѣю на ней небесное сѣмя. Когда Ты одождишь свыше милостію, борозда души моеѣ принесетъ плодъ тридцать, шестьдесятъ и сто: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Не отталкивай меня, Отецъ! Врагъ, обезсиливъ меня, не совсѣмъ еще снялъ одежду вѣры. Если онъ загрязнилъ красоту моего цѣлмудрія, то (однако) никогда не склонилъ на служеніе его идоламъ; я не отвергся Тебя, Господь мой! Хотя и согрѣшилъ я въ цвѣтѣ юности моеѣ, но попралъ тукъ идольскій, ниспровергъ образы демоновъ, посрамилъ кумиры идольскіе, дунулъ на діавола, плюнулъ на демоновъ. Теперь же припадаю къ Твоимъ стопамъ, Господь мой и Богъ мой: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ*. Если такъ покаешься, если такъ исповѣдуешься, то вотъ небесный Отецъ спѣшитъ къ тебѣ, когда ты еще далеко отъ Него, духомъ припадаетъ къ выѣ души твоеѣ, возлагаетъ на тебя ярмо благодати, и яремникомъ истины обвязываетъ выю сердца твоего, лобзаніемъ прекращаетъ вражду къ тебѣ, и говорить Своимъ слугамъ, священникамъ: несите первую одежду (Лук. xv, 22). Не сказалъ: несите только одежду, но: несите первую одежду, чтобы

784 показать, что тебѣ дается первое достоинство крещенія. Несите ему первую одежду, и облекуте его, и дадите перстень, знакъ богатства, стражъ сокровища, залогъ благодати, печать Духа. И сапоги на нозѣ, т. е., обвяжите стопы его души евангельскимъ словомъ, чтобы опять змѣй, ужаливъ въ пята, не увлекъ его къ прежнему блужданію грѣха.

И ведите тельца упитаннаго. Кто это, какъ не Христось, Который дается достойнымъ послѣ крещенія, какъ говоритъ апостолъ: *въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тлѣснѣ* (Кол. II, 9). Несите; во время ѣды, будемъ веселиться. Кто между іудеями и эллинами вѣруеть, что телець закланъ и міръ утверждёнъ? О, телець дѣвственной телицы, святое дитя невоздѣланной утробы! О, телець закланный и живой, всегда нами ядомый и нежаждаемый! Поэтому, возлюбленные, опустивъ якорь пашего слова въ надежной и тихой пристани, мы поручимъ васъ заступленію Святаго Духа; и Онъ, разсѣкши море божественнаго Писанія стройнымъ Своимъ языкомъ, введетъ васъ въ небесный городъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, со Отцомъ, и со Святымъ и поклоняемымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ, что имѣющій какую-нибудь благодать знанія долженъ передавать нуждающемуся, и о пресвитерѣ.

Человѣколюбецъ Богъ, жалѣя нашъ родъ, не оставляетъ ни одного 783
человѣка безъ Своей благодати. Не только праведнымъ даетъ благодать, но и грѣшнымъ, такъ какъ Онъ щедръ и нелицепріятенъ, повелѣваетъ своему солнцу востодить на праведныхъ и неправедныхъ, и жаелетъ всѣмъ людямъ спастись. Не пренебрегаетъ Онъ грѣшникомъ, и ему даетъ умѣренную благодать, чтобы, получивъ даръ, онъ почтилъ дателя и покаялся изъ благодарности къ Нему, обратившись отъ порочнаго пути. Если же, получивъ благодать, останется при своемъ нечестіи, то Онъ отниметъ, наконецъ, отъ него благодать, которую тотъ получилъ, и осудитъ въ геенну огненную, такъ какъ не позналъ чести и чествовавшаго; и на немъ исполняется написанное: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися ииу* (Пс. xlviii, 13). Я знаю грѣшныхъ людей, и они возлагали руки на больныхъ, и испѣляли ихъ. Но это бываетъ двояко, и не только въ отношеніи дающаго, но и получающаго. Если получающій не вѣруеть, то онъ не получаетъ благодати ни отъ праведника, ни отъ грѣшника; вѣрующій получаетъ благодать исцѣленія даже отъ грѣшника. Каждому по вѣрѣ дается и благодать. И Господь говорилъ приходящимъ къ Нему: *по вѣрѣ вашей буди вамъ* (Мѣ. ix, 29). Ты вѣруй во имя Господа, къ Которому приходишь, и никоимъ образомъ не сомнѣвайся, и получишь благодать, потому что совершитель—Богъ. Многіе пресвитеры, будучи грѣшниками, приносятъ дары, и Богъ отъ нихъ не отвращается, но освящаетъ предлежащіе дары Святымъ Духомъ,—и хлѣбъ дѣлается Тѣломъ Господа, и чаша дѣлается честною Кровію Господа. Нѣкоторые полагаютъ, что они дѣлаютъ нѣчто разумное, когда не причащаются отъ нѣ-

которыхъ пресвитеровъ, такъ какъ знаютъ за пресвитеромъ нѣчто худое. И не знаютъ они, что больше грѣшатъ изъ желанія сдѣлать нѣчто хорошее. Кто ты, судья своего начальника? Развѣ ты не слышалъ словъ апостола: *князю людей твоихъ да не речени зла* (Дѣян. ххш, 5)? И еще: *кто ты еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоитъ или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Рим. хiv, 4)? Ты не имѣешь власти судить и обличать его, такъ какъ учишься и руководишься имъ, какъ сказалъ апостолъ Павелъ: *прежде времени ничтоже судите, дондеже придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ соотвѣты сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. iv, 5). Онъ имѣетъ власть судить тебя, а судья его есть Господь. И опять Господь (говорить): *не судите, да не судими будете* (Мѣ. vii, 1). Ты исполни должную честь правила, не отказываясь давать начатки первородствъ твоихъ, нужные для церкви.

784 Не любопытствуй, на что они израсходованы; а если вознамѣришься судить его и въ этомъ, то загляни прежде въ свой сосудъ и испытай самого себя, нѣтъ ли чего худого въ твоей совѣсти, не осуждается ли тебя твоя мысль. И не говорю: изслѣдуй дѣла цѣлыхъ годовъ; но только—одного дня; разслѣдуй тщательно, какъ провелъ ты день: не осудилъ ли кого-нибудь, не соблазнился ли твои глазъ чѣмъ-либо, не презрѣлъ ли бѣднаго, не помыслился ли надъ ближнимъ своимъ, не ударилъ ли кого-нибудь? Смотри: не повредилъ ли ты этимъ своей души? Если ты чистъ во всемъ этомъ, то чистота твоя остается при тебѣ, и не хорошо обвинять пресвитера или другого. Но онъ, говоришь, блудничалъ, а я нѣтъ. А ты обокралъ своего ближняго, и похитилъ у бѣднаго. Каждый пусть знаетъ худое въ своихъ дѣлахъ; не пренебрегай своимъ, когда изслѣдуешь то, что у ближняго. Если кто-нибудь преслушаетъ сказанное, и обратитъ свой языкъ на обвиненіе пресвитера или кого-нибудь другого, тотъ пусть ждетъ, что перенесетъ ту же самую отплату. Если ты дѣлаешь то, чего требуешь отъ ближняго, Господь скажетъ тебѣ: *лице-мѣре, изми первое бервѣно изъ очесе твоего: и тогда узриши изгнати сущаго изъ очесе брата твоего* (Мѣ. vii, 5). Позаботься о своихъ грѣхахъ, и не суди (того), къ кому ты не приставленъ для суда. Кромѣ того, и пресвитеръ обязанъ относиться къ народу такъ. Прежде всего, отъ всей души молиться за народъ, предстоять до смерти за терпящихъ несправедливость, и обязанъ полагать душу свою за стадо, въ нуждѣ помогать, въ печали утѣшать, не злопамятствовать прежде всего. Злопамятный пресвитеръ согрѣшаетъ ежедневно; душа злопамятнаго пресвитера никогда не приносить Богу чистой молитвы, такъ какъ злоба въ сердцѣ его. Если ты не примиряешься со своимъ ближнимъ, и не прекращаешь своей злобы, то не подходи къ престолу; вспомни, что тебѣ повелѣлъ Господь: *аще будешь приносить даръ твой ко олтарю, и ты помянешь, яко имѣетъ братъ твой противъ тебя нѣчто: отойди, прежде*

смирися съ братомъ твоимъ, и тогда приидеъ приноси даръ твой (Мѡ. v, 23—24). Не нарушай повелѣнія Владыки, чтобы не быть осужденнымъ, не думай о коварствѣ, не возвышай одного, не унижай другого; богача не чествуй первымъ мѣстомъ за столомъ, и не презирай бѣднаго, немогущаго тебѣ принести даровъ; но будемъ соблюдать равенство ко всѣмъ. Съ обвиненіемъ не спѣши, пустыхъ рѣчей не допускай, по слуху никогда не осуждай: многіе обвиняютъ по зависти и враждѣ. Если съ большою тщательностію ты найдешь согрѣшившаго, не обличай его сейчасъ при всѣхъ, чтобы не дать ему особеннаго случая никого не стыдиться. Обличеніе при всѣхъ вдвойнѣ худо. Обличаемые, не пере- 785
нося позора, не перенося упрека, обращаются къ другому, еще худшему; и когда не въ время обвиняются, прибѣгаютъ къ смерти чрезъ повѣшеніе. Таковъ сатана: онъ внушаетъ человѣку дѣлать зло, внушаетъ сдѣлать и другое и, по совершеніи его, насмѣхается. Онъ приготовляетъ обличенія, устраняетъ обвинителей, чтобы обвинять въ несчастіи, дѣлается другомъ-обвинителемъ; (человѣкъ) во время обличенія доводится еще до большаго безумія; и когда онъ доводится до другого большаго позора, сатана удручаетъ его рѣзою или петлею. Вслѣдствіе такихъ опытовъ, тотъ, кому вѣрено словесное стадо Христово, долженъ быть кроткимъ, и изслѣдовать согрѣшающихъ съ большою осторожностію; и когда найдеть согрѣшившимъ, не извергать тотчасъ изъ церкви, чтобы сатана, ухватившись, не сдѣлалъ человѣка своимъ. Когда человѣкъ отлученъ архіереемъ, беретъ его сатана въ свои объятія, и не отступаетъ отъ него, пока онъ предастся ему. Іерей не долженъ часто отлучать, ни проклинать. Въ виду этого, ты, пастырь, не долженъ безъ разбора отвергать овцу, ни отлучать отъ стада; но, когда найдешь согрѣшившимъ, позови его наединѣ, и въ одномъ упреки, въ другомъ побуди его от-
стать отъ зла,—и разъ, и дважды, и трижды; и если онъ послушаетъ твоихъ увѣщаній, ты приобрялъ брата своего, какъ сказано въ Писаніи: *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу его и покрѣтитъ множество грѣховъ* (Іак. v, 20). Прежде всего снизойди къ нему: отпускающему отпустится. И опять человеколюбецъ Господь говоритъ: *если семьдесятъ кратъ седмирицею согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, отпусти ему* (Мѡ. xviii, 22). И не поноси ничего сокрытаго, и не гнѣвайся, что обращается къ тебѣ; если послѣ трехъ внушеній 786
онъ исправится чрезъ покаяніе,—тогда пусть будетъ принятъ. Все это долженъ знать іерей, и какъ ему нужно вести себя съ народомъ, чтобы не быть осуждену на вѣкъ. Наконецъ, предложу слово о діаконѣ: какъ имъ нужно вести себя. Діаконъ долженъ все дѣлать съ соизволенія пресвитера и въ отношеніи канона, и въ отношеніи церковныхъ обязанностей; ни въ чемъ не самовластвовать въ отношеніи народа, но все устривать по повелѣнію пресвитера, не имѣть власти отлучать кого-нибудь, ни иное что-нибудь дѣлать. Когда нѣтъ пресвитера, діаконъ

имѣть власть во всемъ, какъ и пресвитеръ, помимо божественныхъ тайнъ. Если пресвитеръ намѣренъ отлучиться,—долженъ призвать другого пресвитера изъ другого селенія, чтобы онъ возносилъ молитвы за народъ; если есть нужда, и пресвитеръ не окажется, то долженъ пресвитеръ освятить хлѣбъ, и приказать діакону давать народу. Если будетъ нужда, и окажется некрещенное дитя при смерти, можно крестить діакону; и если дитя умерло, то для него зачтено это и въ крещеніе; если же дитя умереть некрещеннымъ по безпечности пресвитера, то горе пресвитеру тому! Если по безпечности родителей умереть некрещеннымъ, то горе родителямъ дитяти! Поэтому, не должны родители оставлять дитя некрещеннымъ на много лѣтъ: незапечатлѣнная овца—часть волка. Почать Христова сохранять имѣющаго печать. Самому Христу подобаетъ слава и честь и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу о неправедномъ домоправителѣ, и что нѣтъ ничего нашего (Лук. хvi, 1—9).

785 Часто во время бесѣды я вамъ говорилъ, что нѣкоторая ложная мысль, овладѣвъ людьми, умножаетъ грѣхи и сокращаетъ блага, которыя каждый изъ насъ долженъ возвращать въ собственной жизни. Мысль эта—что всѣмъ, что у насъ есть на пользу жизни, мы владѣемъ, какъ господа и владыки; и вслѣдствіе этого предположенія, сильно боремся, воюемъ и судимся, и нехотати привязываемся къ тому, какъ собственнымъ приобрѣтеніямъ. Истина не такова, и даже очень противоположна. Все, чѣмъ мы наслаждаемся въ этой жизни, не наше, и мы не владѣемъ имъ, какъ самовластные и господа, но какъ поселенцы и пришлые; мы ведемся, куда не желаемъ и когда не ожидаемъ, — лишаемся существующаго, когда будетъ угодно Господу твари. Поэтому, что принадлежитъ этой смертной жизни, представляетъ нѣкоторую непостоянную вещь. Сегодня въ славѣ, на утро жалокъ, достоинъ скорби и помощи; нынѣ богатъ, и изобилеетъ вещественнымъ богатствомъ, а немного спустя бѣденъ, и даже нѣтъ въ домѣ хлѣба для поддержанія жизни. Этимъ особенно превосходитъ насъ, смертныхъ, Богъ: тѣмъ, что Онъ всегда тотъ же, и у Него то же самое, неотъемлемо владѣть жизнью, славою и силою. Откуда же начало къ этому слову? Можетъ быть это извѣстно людямъ разумнымъ и любителямъ слова. Только что Лука намъ предложилъ образную притчу, въ которой описываетъ, что домоправитель чужого въ затрудненіи и скорби, когда, какъ страстный и расточительный, услышалъ отъ господина имущества и денегъ: отдай отчетъ въ управленіи и устранись; я не позволю тебѣ роскошничать моимъ, какъ бы собственнымъ. Это разсказъ не о дѣйствительномъ событіи, но образная притча, прикровенно наставляющая въ нравственной добродѣ-

тели. Итакъ, каждый пусть сознаетъ: ты правитель чужого; и сбросивъ съ себя самовластіе и надменность, пусть воспользуется смиреніемъ и осторожностію отвѣтственнаго домоправителя, при постоянномъ ожиданіи къ себѣ Господа, и при робкой записи своего защитительнаго отчета. Ты пришлецъ, получившій позволеніе на кратковременное пользованіе. Если сомнѣваешься, научись на извѣстномъ, наставься опытомъ, нелепымъ учителемъ. Ты владѣешь помѣстьемъ, или отъ отца получивъ, или ставъ господиномъ по договору. Воспроизведи въ памяти и сосчитай всѣхъ, если можешь, владѣвшихъ имъ раньше тебя; обратись умомъ и 786 къ будущему времени, и замѣть тѣхъ, которые будутъ господствовать надъ нимъ послѣ тебя; скажи же мнѣ, чье это господство, и къ кому въ особенности относится оно: къ владѣвшимъ, владѣющимъ или имѣющимъ владѣть? Если бы могъ кто-нибудь всѣхъ собрать, то оказалось бы, что владѣтелей больше обложь. Еще лучше: если ты желаешь въ точности увидѣть, чему подобна наша жизнь, то вспомни, не видѣлъ ли ты когда-нибудь въ лѣтнее время, во время путешествія, огромное дерево, далеко протягивающее свои вѣтви и вершину, удовлетворяющее своею достаточною тѣнью нужду дома? Ты съ удовольствіемъ подъ него подходилъ и, сколько нужно было, тамъ оставался. Но когда тебѣ нужно было опять подняться для предпринятаго дальнѣйшаго путешествія, твое мѣсто заступалъ другой. И ты поднималъ свои пожитки, а онъ снималъ и сразу принималъ все твое: ложе, огонь, тѣнь дерева, мимотекущую воду. Онъ отдыхаетъ, а ты идешь. И онъ наслаждался, потомъ оставилъ. И дерево сдѣлалось въ одинъ день случайно кратковременнымъ пристанищемъ десяти странниковъ; принадлежа всѣмъ, принадлежало одному дѣйствительному господину. Такъ и излишки здѣшняго пребыванія многихъ услаждаютъ и питаютъ, но владычество относится къ одному Богу, у Котораго негнѣнная и безсмертная жизнь. Ты видѣлъ и гостиницу, въ которой во время пути останавливался для отдыха; тамъ многимъ пользовался ты, ничего не унося съ собою: постелью, столомъ, чашами, блюдамъ, другою различною утварью. Когда ты вдоволь еще не воспользовался, пришелъ другой; усталый и запыленный, онъ торопитъ тебя, вытѣсняетъ тебя изъ гостиницы и требуетъ чужого, будто своего. Такова наша жизнь, братъ, еще и болѣе скоропреходяща, чѣмъ сказанное. Я удивляюсь тѣмъ, которые говорятъ: это мое помѣстье; это мой домъ. О, какъ напрасно усвоится непринужденное, и чужое охватывается тремя обманчивыми буквами! Какъ никто не считаетъ своимъ маски фокусниковъ, но покрываются ими всѣ лица, такъ владѣютъ землею и вещами на ней: будто одѣваются въ одежды другъ за другомъ. Скажи мнѣ: вѣдь ты не могущественнѣе царя? Однако изслѣдуй царское, разбери верхнія царскія одежды. Ты достаточно найдешь такого, чѣмъ облекались тѣла многихъ царей, какъ-то: вѣнцы, застѣжки, поясы; (найдешь) все наслѣдство непостояннымъ, пользованіе пустымъ, перехо-

787 дящимъ отъ настоящихъ къ будущимъ. Въ чемъ же выражается достоинство начальника? Въ серебряной повозкѣ? Въ золотой тростѣ? Ты видишь, что начальникъ не всегда этимъ владѣть, и не всегда тотъ же самый, но каждый на короткое время. Какъ погребальныя носилки принимаютъ тѣла другъ за другомъ, такъ смѣняютъ эти начальническіе знаки пользующихся ими. Отсюда апостолъ, наставляя въ этой мысли, часто восклицалъ къ намъ: *преходить бо образъ міра сего* (1 Кор. vii, 31); *яко ничтоже и муще, и вся содержаще* (2 Кор. vi, 10); пользующіеся, какъ бы не пользующіеся. Все это направлено къ одной цѣли, что намъ нужно жить, какъ однодневнымъ, въ постоянномъ ожиданіи знака выхода. И чтобы ты въ точности зналъ, что подлежишь законамъ, и какъ тебѣ нужно аккуратно жить, замѣть прежде на самомъ себѣ, что даже душа твоя отовсюду подлежитъ повелѣніямъ добродѣтели, и ты не господинъ самого себя, но тебѣ нужно управлять и словомъ и дѣломъ и всякимъ движеніемъ твоей жизни. Ты получилъ тѣло отъ создателя своего, распоряжаешься пятью чувствами для нуждъ жизни. И они не свободны и не самостоятельны, но каждое—рабъ подзаконный. И первымъ глазъ видитъ: гляди и созерцай то, что красиво на взглядъ: солнце, освѣщающее всю вселенную, — луну, прогоняющую сіяніемъ угрюмость и мракъ ночи, — остальные звѣзды, хотя доставляющія намъ отъ себя немного свѣта, все же блистающія своею долею красоты; созерцай землю, усыпанную различными цвѣтами и травами, — море широкое, какъ равнина, когда оно оцѣнено въ чистую гладь. Пользуйся зрѣніемъ въ отношеніи этого и подобнаго; а остальныхъ зрѣлищъ, которыя приносятъ вредъ душѣ, когда на нихъ смотреть, бѣгай и минуай, и закройся, чтобы не глядѣть. Лучше затми свое чувство, когда оно доставляетъ тебѣ причину къ дѣламъ тьмы. Потому, вчера намъ говорилъ Господь чрезъ Маттея: *всякъ, смотрящій на жену, ко еже возжелати ея, уже любопытствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѣ. v, 28); и лучше лишиться (глаза), когда онъ глядитъ на безпорядочное и вредное. И для слуха есть повелѣнія, мѣшающія худому слушанію. Нужно ему, когда слышитъ что-нибудь благое, расширяться, внимать и чрезъ себя препровождать смыслъ полезныхъ словъ; а если, вблизи язвы нечестія и порчи, онъ готовъ почерпнуть грязь грѣха, то нужно бѣгать его, какъ отравленнаго звѣря. Пусть будетъ цѣломудръ и языкъ твой съ устами, пусть говоритъ правду, воздерживается отъ запрещеннаго: злословія, ябеды, неправеднаго обвиненія, клеветы на братьевъ, злорѣчія противъ Бога; пусть произносить, что хорошо, что благочестиво, наставляетъ на благія дѣла; и пусть говоритъ всякій человѣкъ по священному псалмисту: *сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ* (Пс. xxxviii, 1); *яко бритву изощрену сотворилъ еси леств* (Пс. li, 4); *языки своими лщашу* (Пс. v, 10); *что хвалишиися во злобѣ силне? Беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой* (Пс. li, 3, 4); пусть исходитъ изъ

устъ должное. Пусть будетъ цѣломудръ и носъ, чтобы не нѣжиться постояннымъ обоняніемъ ни дорогихъ мазей, ни благоуханій; за это сильно винить Исаіа. И рука пусть помнить свои заповѣди, чтобы не касаться всего безпрепятственно: пусть простирается для милостыни, не для хищенія, пусть блюдетъ свое, не собираетъ чужого, пусть касается, путемъ благого посѣщенія, тѣлъ слабыхъ и удрученныхъ, не цвѣтущихъ и преданныхъ блуду. Слово намъ показало, что даже надъ самими собою мы не господа, но правители. Все подлежитъ законамъ и повелѣніямъ; (человѣкъ) есть рабъ Законодателя и подданный. Если части нашего тѣла не свободны отъ власти (надъ ними), но въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся волею Владыки, то что сказать о тѣхъ, которые думаютъ, что они безотчетно владѣютъ золотомъ, серебромъ, землею и остальными вещами? Нѣтъ ничего твоего, человѣкъ! Ты рабъ, и твое принадлежитъ Господу; у раба нѣтъ свободного имущества. Ты нагимъ введенъ въ этотъ свѣтъ; ты по закону Господа твоего получилъ, что имѣешь: или унаслѣдовалъ отъ отца, когда такъ Богъ установилъ (говорится же, что родители раздѣляютъ добычу между дѣтьми), или приобрѣвъ богатство бракомъ (бракъ же и все къ нему относящееся установлено Богомъ), или торговлею, земледѣіемъ и остальными средствами, когда Богъ содѣйствовалъ тебѣ въ томъ. Итакъ, вотъ показано, что ты получилъ не свое. Посмотримъ, наконецъ, что тебѣ повелѣно, и какъ должно распоряжаться этимъ. Дай голодному, одѣнь нагого, послужи удрученному, не презирай недостаточнаго, брошеннаго на распутіи; не заботься о самомъ себѣ, не обдумывай, какъ будешь жить до конца. И если, говорится, будешь дѣлать это, то будешь почтенъ Владыкой; а если преслушаешь заповѣдь, то будешь горько наказанъ. Я не вижу, что это принадлежитъ самовластному, или самому по себѣ живущему (человѣку), но, напротивъ, эти многія и постоянныя повелѣнія показываютъ мнѣ, что человѣкъ находится подъ сильнымъ царемъ, отвѣственъ предъ закономъ Владыки, и съ него требуется, какъ долгъ, жизнь по руководству правила. Мы же ведемъ жизнь, точно не подлежащую отчету: несчастныхъ и нуждающихся, кончающихся въ несчастіи презираемъ, изъ честолюбія тратимъ на пустяки, кормя толпу распутныхъ льстецовъ, привлекая къ себѣ множество злосчастныхъ тунеядцевъ, разбрасываемъ свое богатство на борьбу со звѣрами и на звѣрей, не щадимъ ничего своего на содержаніе лошадей, на фокусниковъ, и тратимъ свой достатокъ на гибель за гибелью. И мы испытываемъ нѣчто новое и почти безумное. Гдѣ издержка приноситъ безчисленную выгоду и вѣчное спасеніе, тамъ мы крѣпко держимъ свое серебро, чтобы не выпало изъ руки даже немного оболовъ; а гдѣ бываетъ трата грѣховная и повинная безчисленнымъ наказаніямъ и огненному мщенію, тамъ честолюбіе предваряетъ просьбу: открывъ всѣ двери, мы пускаемъ уходить своему богатству ко вѣшнимъ. Это не есть соображеніе рабовъ, ожидаю-

щихъ своего Господа, но распутныхъ юношей и необузданныхъ гулякъ. Если желаешь, слушатель, видѣть страхъ правителя, съ благоразумною осторожностію распоряджающагося вѣрнымъ ему, то раскрой книгу Давида, найди слова, гдѣ говорить Богу мужъ, любопытствуя о предназначенной своей кончинѣ: *скажи ми Господи кончину мою, и число дней моихъ* (Пс. xxxviii, 5)...

(Здѣсь совѣтъ прерывается).

О ПОСТѢ.

- 787 Я восклицаю сильнѣе трубы, не съ тѣмъ, чтобы обольстить слухъ удовольствіемъ, но чтобы заглушить удовольствіе словомъ истины, страсть желудка прекратить, и вызвать дѣйствіе поста. Постъ доставляетъ небесную выгоду, а сладострастіе—вредъ, подлежащій наказанію. Кто предается пищѣ и удовлетворяетъ страсть желудка, тотъ теряетъ духовный плодъ души; а кто постомъ изсушаетъ плоть и избѣгаетъ обжорства, тотъ заготавливаетъ себѣ, какъ сокровище, надежду лучшаго. Постъ учить цѣломудрію, дѣлаетъ твердымъ; постъ приготовляетъ къ благочестію и упражняетъ для терпѣнія; постъ создаетъ ангельскую жизнь и усовершеншаетъ духовное тѣло; постъ защита души и непобѣдимое оружіе тѣла.
- 788 Не допускаетъ онъ къ себѣ коварнаго удовольствія и побораетъ возрастающую страсть. Постъ возводитъ мысль на небо и окрыляетъ ее къ безсмертной природѣ. Итакъ, будемъ поститься, возлюбленные, не проходя дни поста съ унылымъ лицомъ, но располагая ими со свѣтлою душою, какъ рабы Христовы. Если ты подошелъ къ посту по желанію, то не будь мраченъ, но радуйся: онъ очищаетъ твою душу отъ яда. Не принимай на себя поста относительно хорошаго, вкушеніе чего сладко; но будь долготерпѣливъ въ ожиданіи болѣе сладкихъ ученій. Потому ты и воздерживаешься отъ снѣдей, чтобы тебя питалъ Духъ; и удаляешься отъ тѣлесныхъ яствъ, чтобы исполниться духовныхъ приношеній. Постъ есть лѣкарство, разрушительное для грѣха, и мягкая мазь для души, очищающая съ цѣлію благочестія. Какъ, при наиболѣе худыхъ болѣзняхъ, устраняется тѣлесный гной, когда дѣлаются присыпки изъ чего-нибудь самаго остраго и стягивающаго, такимъ же образомъ и плѣсень грѣха, проникшую въ душу, изсушаетъ стягивающій постъ, немного смягчая; (потомъ) очистивъ совершенно, онъ уничтожаетъ (ее). Поэтому, если постъ и сопряженъ съ трудомъ, но полезенъ и удободоступенъ. Не постись съ печалью, чтобы не потерять своего труда; не ропщи, что немного замедлишь, чтобы изъ-за малаго не подвергнуться наказанію за все. Насколько постъ стягиваетъ тѣло, настолько пользы отъ поста. Обратись къ жизни праведныхъ, и найдешь, что они прославились больше всего чрезъ постъ. Прежде всего Моисей, послѣ поста,

вошелъ въ мракъ, и сдѣлался чрезъ постъ собесѣдникомъ съ Богомъ. Присоединивъ (еще) сорокадневный постъ, онъ сталъ законодателемъ—ни хлѣба не ѣлъ, ни вина не пилъ; онъ довольствовался (той) пищей, что учился законоположенію отъ законоположателя. Чтобы тебѣ знать, насколько полезенъ постъ, и насколько вредно пьянство, возстающее противъ поста, — замѣть то, что дѣлаетъ Моисей, и то, что происходитъ у народа, — и найдешь силу поста. Вверху Моисей получалъ законъ, внизу народъ отвергалъ законъ. Опечалившись, Моисей разбилъ законъ, считая неразумнымъ—вѣрять законъ опьяненнымъ и передавать изреченія душамъ, отягченнымъ виномъ. Смотри, сколь несправедливо пьянство въ возстаніи противъ поста! И постъ опять, исправивъ столько зла въ тѣ же самые дни, возобновилъ законъ, оставилъ его для насъ памятникомъ безопасной жизни. Можетъ быть этимъ происшествіемъ выражается нѣкоторая тайна, что первый законъ будетъ упраздненъ, (какъ) сокрушенный невѣріемъ перваго народа, а второй будетъ дѣйственъ всюду, такъ какъ второй народъ съ вѣрою принимаетъ второй законъ и сохраняетъ. И Іилія, послѣ сорокадневнаго поста, и съ однимъ (пріемомъ) пищи прошедши пустыню, не чувствовалъ усталости: постъ носилъ его, облегчая трудъ; и послѣ поста онъ созерцалъ Бога, насколько то доступно человеческой природѣ. Не тѣлесными очами онъ созерцалъ безтѣлеснаго, но сердцемъ умозралъ незримаго, чистотою своей души: *блаженн чистіи сердцемъ: яко Бога узрять* (Мѡ. v, 8). Такъ, послѣ поста онъ заключилъ небо противъ необузданныхъ и тратящихъ свою жизнь на наслажденіе, чтобы, чего они не избрали по собственному произволенію, воспитались въ этомъ голодомъ поста, и узнали, какъ полезенъ постъ, и (что) выражаетъ свою дѣйственность даже во время наслажденія. Даниилъ, пропостившись три седмицы и не вкусивъ хлѣба страстей,—сойдя въ львиный ровъ по зависти необузданныхъ, научилъ тамъ посту даже львовъ. Дикіе звѣри устыдились постника, стали кротче разумныхъ звѣрей и заключили свои пасти, не осмѣлившись коснуться святого тѣла. Одѣвъ свое тѣло постомъ, какъ бы оружіемъ, и совершенно укрѣпившись имъ, онъ отвлекъ глаза львовъ—показался имъ не въ человеческомъ тѣлѣ, но ангельскомъ. И три отрока въ Вавилонѣ, не пожелавшіе причаститься царской беззаконной трапезы, но (пожелавшіе) послѣдовать законному посту, войдя въ разжегшую печь, угасили пламень, сдѣлали постомъ печь розною вмѣсто огненной; онъ (огонь) отступилъ отъ пріобыкшихъ въ постъ, не будучи въ состояніи коснуться ихъ тѣла; а противъ незнающихъ поста огонь дерзнулъ,—всѣхъ окружающихъ халдеевъ истребилъ. Въ тѣлѣ (отроковъ) не было чего-нибудь вещественнаго, такъ какъ дѣйствіемъ поста оно стало духовнымъ. Также и ниневитяне постомъ отра- 790 зили смерть: пребывая въ непрерывномъ постѣ три дня, они отмѣнили вѣчное наказаніе немногими днями, оставили вѣчную похвалу для міра.

Смотрите, возлюбленные, какъ силенъ постъ, совершаемый съ молитвою и дѣлами! Постъ и молитва избавляютъ отъ смерти; а правда выше ихъ обоихъ. Постъ—и уничтоженіе смерти, и освобожденіе отъ гнѣва; постъ—очищеніе мысли, сожителъ воздержанія, упражненіе въ благочестіи, иго правды. Постъ умѣетъ бѣднаго дѣлать богатымъ: не позволяетъ не вовремя трату, даетъ самостоятельность мѣры; онъ умѣетъ и богатаго дѣлать правителемъ собственного имущества, не позволяя ему безбоязненно его поглощать; постъ знаетъ и цвѣтъ юности. Онъ учитъ обузданію въ пищѣ, облакаетъ воздержаніемъ и мудро ведетъ къ благочестію и цѣломудрію. Онъ умѣетъ и старцевъ умудрять, и око мысли соблюдать въ чистотѣ. Постъ и тѣло сохраняетъ въ большемъ здравіи: не отягчаясь пищею, оно не принимаетъ вещества болѣзней, но, становясь легкимъ, укрѣпляется для принятія даровъ. Поэтому, будемъ поститься, возлюбленные, чтобы достигнуть духовныхъ даровъ. Кто постится, (тотъ) воспитываетъ душу для благочестія: онъ, пользуясь образомъ тѣлеснаго воздержанія для попеченія о душѣ, такъ же устраняется отъ порочныхъ помышлений, входящихъ въ душу, какъ удаляется отъ совѣтъ приходящихъ свѣдей: *еще духъ властвующаго възидетъ на тя, мѣста твоего не оставитъ; яко исцѣленіе утолитъ грѣхи* (Еккл. х, 4). Какъ теперь ты удаляешься отъ пищи, ничего не вкушая, такъ удаляйся отъ грѣховъ, измѣняя себя. Ты постишься, не принимая вина; постись, удерживаясь и отъ порока; нечестіе умѣетъ производить въ душѣ еще большее опьяненіе. Ты постишься, не касаясь мяса; постись, удерживаясь и отъ клеветы, чтобы чрезъ нее не ѣсть тебѣ мяса братьевъ, не отвѣдать ихъ тѣла. Постъ—истинное воздержаніе отъ грѣховъ. Слушай слова пророка: *не сущаго поста азъ избрахъ, и дне, еже смирити челоутку* душу свою (Ис. лѣтн, 5),—но что?—*разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, раздробляй алчущему злѣбу твоей, безкровнаго введи въ домъ твой: еще увидиши нага, однѣ* (ст. 6, 7). Это, возлюбленные, истинный постъ, пріемлемый Богомъ, спасительный для человѣка и всѣмъ угодный. Вслѣдъ за нимъ идетъ обладаніе небомъ, съ неложнымъ обѣщаніемъ Владыки. Смотри, что онъ прибавляетъ: *тогда разверзется рано сѣтъ твоя и тогда, когда будешь взывать, услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речетъ*: вотъ Я здѣсь подлѣ тебя (ст. 8, 9). Видишь, сколько даровъ поста, и съ какимъ онъ связанъ благочестіемъ! Самого Бога онъ склоняетъ сойти къ человѣческой природѣ. Итакъ, постись, пребывай въ молитвахъ, общеніи, наставленіяхъ, не покидая собранія, какъ обычно нѣкоторымъ; (проводи) не въ хлопотахъ или судахъ цѣлый день, чтобы собрать денегъ, которыя ты долженъ расточать, или чтобы выступить противъ своего брата, которому тебѣ нужно служить. Ты пришелъ къ вечеру, или девятому часу, не съ тѣмъ, чтобы исполнить цѣль поста, но чтобы удовлетворить желаніе утробы. И не думай о себѣ, какъ трезвенникъ, что устраняешься

отъ вина, но какъ о пьяномъ, такъ какъ полонъ порока,—чтобы тебѣ не слышать: *горе, пьянии безъ вина* (Ис. ххviii, 1)! Пьянство не есть товарищъ поста, но врагъ и противникъ. Да поспѣшимъ же къ приготовленной намъ надеждѣ воскресенія, тамъ наслаждаясь назначенными благами, а здѣсь всецѣлая ожиданіемъ, во Христѣ Иисусѣ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СЫНѢ ВДОВЫ.

И бысть по семъ, идяше Иисусъ во градъ, нарицаемый Наинъ, 789
и шли съ Нимъ ученицы Его въ достаточномъ количествѣ, и народъ
многъ. Яко же приблизился ко вратомъ града, и се изношаху умерша,
сына единородна матери своей: и та бѣ вдова (Лук. vii, 11, 12). Все
горестъ, жалость и полно многого состраданія! Когда единородный сынъ
отрѣшился отъ настоящей жизни, сладчайшая мать восклицала: только 790
по названію я мать, у которой скорби родовъ пожала смерть. На вино-
градной лозѣ была одна кисть, и ту смертная буря уничтожила; у
нея была одна опора, и ту отняла смерть. Жена была безъ под- 791
держки, лишилась опоры; смотрѣла на жизнь, какъ нестоящую жизнь.
Не было у нея утѣшенія въ потерѣ единственнаго сына. Она была
подвержена двойной скорби; страданіе было безутѣшно; никто не могъ
облегчить мѣку; по щекамъ рѣкою лились слезы, и печаль у жены была
невыносимая. Она думала о возмужалости сына; любовію разсѣкалась
внутренность ея души. И она стала круглою вдовою, что тяжелѣе всего,
что жалче всего; лишилась мужа и единственнаго (сына). Дѣйствительно,
жалко имя вдовы, исполнено вопля, слезъ, вызываетъ на состраданіе.
Никто изъ смотрѣвшихъ не оставался безъ печали; внутренности у
всѣхъ надрывались; не находили, о комъ болѣе печалиться: объ умершемъ
сынѣ, или о живой вдовѣ. Но я погрѣшилъ, назвавъ вдову живою: какая
вдова живетъ жизнью? И если, повидимому, живетъ (говорю о настоя-
щемъ, а не будущемъ), все же мертва. Въ настоящей жизни вдова, если
богата, понемногу какъ бы крадетъ у себя свою скорбь, вооружается
ожиданіемъ, исцѣляетъ свою рану и облегчаетъ страданіе, укрѣпляется
плодородіемъ и часто понемногу усыпляется. Хотя и велика ея печаль,
и хищники ея наготовѣ, но, при отсутствіи бѣдности, тяжесть легче.
Но бѣдная вдова—это пристань слезъ, колодезь искушеній, беззащит-
ный городъ, безводный источникъ, мать сѣтованія, тунейдець веселости,
госпожа бѣдности, сосѣдъ голода, станокъ скорби, сокрушенный посохъ,
непріятная встрѣча, горькое сожительство, некрасивое украшеніе, пусты-
нный столбъ, дерево безъ корня, мгла неосвѣщенная, пороги церковный,
изобрѣтеніе многихъ молитвъ, смѣлый обвинитель враговъ. И, какъ къ
мужу, она взываетъ къ Богу, и гнѣвъ Божій она имѣетъ готовымъ за

себя мщеніємъ. Она, огорченная сердцемъ, своими молитвами къ Богу разсѣкаетъ небо; какъ плачъ, она бьетъ себя въ грудь, если не скоро находитъ помощь Божію, въ отмщеніе несправедливо нападающимъ на нее. И бездѣтная, на землѣ бѣдная, безъ ходатайства, она подвигаетъ Бога, со всѣми Его небесными силами, на гнѣвъ и негодованіе противъ нежелающихъ вѣрить, что Богъ есть судія вдовъ и сиротъ. Если случится, что у нея есть сынъ,—она попомногу наслаждается возрастаніемъ (его) и обманываетъ себя ожиданіемъ, укрѣпляется этимъ плодомъ. Она глядитъ на вѣтвь, и уважаетъ корень; владѣетъ кистью, и любитъ насадившаго; у нея часть, и она думаетъ о цѣломъ; живого обнимаетъ, и мертвого не гнушается; черты сына замѣчаетъ, и образъ отца усматриваетъ. И пока дитя живо, вдова легче переноситъ тревоженія этой жизни; а если случится, что дитя, при жизни матери, умерло, попросилось съ матерью и ушло къ отцу, что испытала настоящая вдова, то она сразу принимаетъ на себя все страданіе. Лишь только единственный сынъ упомянутой вдовы умеръ, она, облекшись въ одежду печали, начала произносить необдуманныя слова, и Сущаго судила, какъ несправедливаго, употребляя укориженные слова; будто потерпѣвъ насиліе, она говорила: *ужели мой единственный сынъ обременилъ міръ? Другіе отягчены чадородіемъ, а у меня единственной отнять единственный. Моя жизнь безпомощна: мужъ и сынъ умерли. Кто впредь утѣшитъ меня, кто призрѣтъ меня? Мнѣ казалось, что чрезъ него у меня прибрѣтена небольшая смѣлость; мнѣ достаточно было и того, что я слышала: мать! Отецъ оставилъ мнѣ его груднымъ, безъ средствъ; и я, безпомощная вдова, при поддержкѣ своихъ рукъ, старательно его вскормила, сдѣлала ему двойныя и тройныя одежды, щедро давала награду воспитателямъ его,—и теперь, когда ожидала благой жатвы, получила градъ испытаній. О, скорбы! Но я придумала, что мнѣ дѣлать. Погребусь вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; удовлетворю завистниковъ своихъ; родственники меня поѣдали, что я владѣла мужественнымъ сыномъ. Позвольте, всѣ клеветники моего благочадія! Я опережу погребеніе своего родного сына: вѣдь для меня въ будущемъ жизнь смѣшна. Когда вдова такъ восклицала и*

792 *скорбѣла, тотчасъ подошелъ создатель нашъ, Христосъ Богъ; и увидѣвъ ее Богъ, предвидящій все, знающій ясно все до созданія: прежде неже создати тя во чревъ, знаю тя, и прежде неже изыти изъ ложе мое, освятить тя* (Іер. 1, 5). Онъ, отецъ сиротъ и судія вдовъ, прелагатель слезъ въ веселіе, сдѣлалъ церковью врата Нанна, и постель мертвого жертвенникомъ. Гдѣ даръ воскресенія, тамъ краса жертвенника; и куда простираются руки Бога Слова, тамъ совершается мѣра воскресенія. Выходъ сталъ священнодѣйствіемъ, и изнесеніе стало внесеніемъ. Что же говорить евангелистъ? *Видѣвъ же ю Іисусъ, т. е., Спаситель и Богъ Слово, Христосъ, милосердова. Что же увидѣвъ? Вдову бездѣтную, безъ мужа состарѣвшуюся, согбенную, жалкую, рвущую волосы, съ прахомъ*

на головѣ, съ отяжелѣлыми глазами, рвущую непристойно одежду, ударяющую (себя) въ грудь и немогущую больше вопіять, но впрочемъ въ здоровомъ умѣ. Въ такомъ состояніи увидѣвъ ее, Иисусъ сжалился надъ нею и, подойдя, сказалъ ей: *не плачи*. Она, объятая печалью, въ точности не узнавъ подошедшаго, отбросивъ печаль, въ отвѣтъ сказала Господу: Ты говоришь мнѣ, чтобы я не плакала? Но какое Ты мнѣ принесешь утѣшеніе? Если цѣлый міръ подвигнешь на утѣшеніе мнѣ, не окажешь мнѣ никакого утѣшенія. Что слаще сына для материнскаго утѣшенія? И особенно, когда онъ вдовы, и ихъ опора въ единственныхъ сыновьяхъ? Какъ Ты говоришь мнѣ, чтобы я не плакала? О моемъ сынѣ чужіе печалются, и я не буду плакать? Камни стenzютъ, и я буду молчать? Надежда моя потеряна, жизнь моя прекратилась, бодрость моя разрушена, я вижу свою жизнь безнадежною, и сама безнадежна. Смерть скосила мое ожиданіе, (поставила меня въ безвыходное положеніе отовсюду; меня она оставила, а его унесла; оставила корень, а вѣтвь отсѣкла; пощадила стволъ, а зрѣлый побѣгъ изсушила; старушку оставила, а юношу усѣкла. У меня нѣтъ, на кого бы поглядѣть. Если бы у меня былъ другой сынъ, я могла бы обуздать свою печаль, и видомъ живого облегчить скорбь объ умершемъ; а теперь ничего хорошаго у меня не осталось, я лишена всякой радости. Я глядѣла на образъ сына, и видѣла образъ его отца; имѣя его, я представляла того; никогда не считала себя вдовою. Онъ облегчалъ мои несчастія и больше мужа служилъ мнѣ, и, при своей печали, я имѣла въ немъ утѣшителя. Если когда-нибудь овладѣвало моимъ помысломъ: уныніе, онъ обнималъ меня, и обвиняя, часто цѣлуя, улаждая меня дѣтскими словами, прогонялъ облако унынія; и Ты говоришь мнѣ: не плачь о сынѣ своемъ! Кто Ты, побуждающій меня къ тому? Нѣкоторые изъ толпы, подойдя, сказали ей: зачѣмъ ты, жена, осмѣливаешься возражать Богу? Господь предстоить, самъ съ тобою бесѣдуетъ; подойди, моли, умолай; не напрасно Его присутствіе. Она, отерши свои глаза, поправивъ свою одежду, покрывъ грудь, припала къ стопамъ Владыки и въ отвѣтъ Господу говорила: отдай мнѣ сына, и я беру твой совѣтъ; я въ естественной старости признаюсь, (но) вижу Сарру, и пожиная ея надежды. И упавъ къ ногамъ Иисуса, говорила: прости необдуманность Твоей рабы, Владыко, и слова, орошенные моею печалію. Ты знаешь материнское страданіе во время печали о дѣтяхъ; это вѣдь твое повелѣніе. Я съ надеждою воспитала его. Я потеряла мужа; хотя сына подарилъ мнѣ; поддержи мою старость; я уже слаба. Не говорю, какъ Мареза: *еще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ* (Іоан. XI, 21); и во время присутствія Ты душу его носишь, и когда повидимому уходишь, ничего не оставляешь. Уступи въ маломъ, Владыко, рабѣ Твоей! Ты заплакалъ о Лазарѣ, котораго Своею силою воскресилъ изъ мертвыхъ; и мнѣ ли не плакать о своемъ сынѣ? *И приступъ* Иисусъ коснулся одра,—касаю-

793 щійся горь, и дымятся, — *носящій же стажа: и рече: юноше, востани*, снова прими разумъ юноши и разрушь смерть. Тебѣ глаголю, *востани*, не медли въ воскресеніи, потому что азъ есмь жизнь и воскресеніе (Іоан. xi, 25). Я позвалъ Лазаря изъ гроба, и онъ тотчасъ вышелъ, хотя на четвертый день подвергся гніенію, и внутренности сильно были разрушены червями. Но голосъ жизни, приведши въ чувство мертвого, обратилъ разрушенное тѣло въ благоволеніе, и гробъ сталъ материнскою утробою для лежащаго. А тебя недавно унесла смерть; тебѣ говорю: не медли въ воскресеніи, потому что азъ есмь воскресеніе. Мертвымъ былъ тотъ, котораго видѣли; и мертвому, какъ слушающему, говорилъ Господь. Когда мертвый слушаетъ? И что говорить Господь? Тебѣ глаголю, *востани*. И тотчасъ *стде мертвый*. Созерцающая толпа стала какъ бы мертвою, прежде всего по невѣрію, потомъ вслѣдствіе истины. Почему же онъ не соскочилъ, но сѣлъ? Чтобы увидѣли всѣ воскресеніе неприкровенно, и совершившееся не было признано видѣніемъ. Онъ почти говорить имъ: Я удовлетворю вашъ слухъ, что онъ есть тотъ, который незадолго умеръ. И, протянувъ Свою руку, Іисусъ взялъ умершаго и отдалъ его живымъ матери его. Она же, получивъ сына, была въ радости и невѣріи: она радуется воскрешенію сына, не вѣритъ при мысли о дѣлѣ. Жена старательно разсматривала сына, ощупывала руками, изслѣдуя глаза, носъ, губы, лобъ, изображеніе всего лица, потомъ руки и ноги и, словомъ сказать, все тѣло, и сама съ собою разсуждала: ужели я не обманываюсь? Не держу ли другого? Не въ утѣшеніе ли мнѣ, въ обузданіе печали и для увеличенія скорби Онъ устроилъ хитрость со смертью сына моего—и кого-нибудь чужого, какъ своего, отдалъ Іисусъ, изъ желанія облегчить мое страданіе? У меня нѣтъ ни одного свидѣтеля о происшедшемъ: я не видѣла когда-нибудь этого, ни другой изъ тѣхъ, которые со мною, не видалъ; никогда не видали мертвого пробужденнымъ на одрѣ. Самому сыну своему она говорила: говори мнѣ, не бойся, ты ли сынъ мой? Скажи, узнаешь ли меня? Знаешь меня, кто я? Знаешь ли, что я твоя родительница? Я признаю черты, но не вѣрю дѣлу; говорятъ за себя глаза, зрачки, рѣсницы, губы, возрастъ. Скажи что-нибудь, милый! Покажи мнѣ признаки жизни. Радость возбудила мою дряхлость; гляжу на тебя, и удерживаюсь; я носила тебя на рукахъ; я кормила тебя маленькаго своею грудью; говори мнѣ, дитя мое, ты ли сынъ мой, и не бойся меня! И когда во всемъ этомъ она получила полную увѣренность, печаль измѣнилась въ радость, плачь въ прославленіе Бога, тогда, держа правою рукою сына и идя по городу, ко всѣмъ зывала великимъ голосомъ: *возвеличимъ Господа со мною, и вознесемъ имя его вкупѣ* (Пс. xxxiii, 3), такъ какъ Онъ воскресилъ моего умершаго, оградилъ престарѣлую лозу, переставшую быть матерью сдѣлалъ опять матерью и изсушилъ источники слезъ,—и прославляйте имя Его во вѣки, такъ какъ Ему подобаешь слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Противъ іудеевъ о мѣдномъ змѣѣ; и на слова: „дарова ему имя, еже паче всякаго имени“ (Филип. п, 9), а также: „понеже ни единѣмъ имяше болшимъ клятися, клятся собою“ (Евр. vi, 13).

Слово Божіе, возлюбленные, какъ часто раньше мы говорили, 793 просто, ясно, для всѣхъ очевидно и исполнено многого свѣта; въ немъ различныя дѣйствія, и отсюда различныя названія (его); часто его называютъ и свѣтомъ, и жизнью, и свѣтильникомъ, и свѣтиломъ, и мечомъ, и рѣкою, и источникомъ, и сѣкирою, и дверью. Оно допускаетъ эти названія соответственно своимъ благодѣяніямъ въ просвѣщеніи мысли слушателей и въ возведеніи нашей мысли отъ того, что у насъ, къ тому, что надъ нами. Отсюда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Слово Божіе, источникъ мудрости, во время бесѣды къ народу, пользовался притчами, уча преміріому тѣмъ, что въ мірѣ, изримиому видимымъ, божественному человѣческимъ. Онъ предлагаетъ то притчу о виноградникѣ, то притчу о рыбной ловлѣ, то о неводѣ, иной разъ о закваскѣ; такъ сегодня въ бесѣдѣ къ іудеямъ говорилъ: *человѣкъ нѣкій имяше два сына, и рече первому: иди въ виноградникъ, работай* (Мѣ. xxi, 28). Такъ какъ все это есть въ нашей жизни, среди этого мы вращаемся, то Онъ ведетъ насъ къ премірной мудрости; такъ Онъ говорилъ и съ самаго начала. Вчерашній день говорилъ Спаситель: *подобно есть царствеіе небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро наняти дѣлатели въ виноградникъ свой* (Мѣ. xx, 1). Вчера Онъ предложилъ притчу о виноградникѣ, и сегодня ее же. Необходимо обозначить и тѣ времена, въ которыя выходилъ господинъ виноградника. Онъ выходилъ, говорится, рано утромъ, около третьяго, шестого, девятаго и одиннадцатаго часа. Являются пять временъ приглашенія: раннее утро, часъ третій, шестой, девятый и одиннадцатый. Нѣтъ ничего празднаго у Бога. Онъ угрожаетъ: за всякое праздное слово отчетъ дадите (Мѣ. xii, 36); самъ Онъ, источникъ мудрости, тѣмъ болѣе не пользовался бы празднымъ словомъ. Учитъ насъ божественный учитель, что Богъ въ различныя времена зоветъ. Онъ тотъ же самый Господь, у Него та же самая пашня, но дѣлаетъ приглашеніе въ различныя времена различнымъ поколѣніямъ. День тотъ же самый, Владыка тотъ же самый, виноградникъ тотъ же самый, но времена, въ которыя нанимаются, не тѣ же самыя, но раннее утро, третій, шестой, девятый и одиннадцатый часъ. Когда Онъ вышелъ раннимъ утромъ нанять Себѣ дѣлателей? Утромъ называется начало божественнаго устроенія. Было утро, когда Адамъ былъ созданъ; въ началѣ 794 Вѣчный засвѣтилъ только что сотворенное солнце; показались только что созданная красота луны и великолѣпнѣе звѣздъ. Утромъ Владыка вышелъ для найма. Кого изъ людей Онъ нанялъ Себѣ прежде всего? Адама. Онъ назначилъ работу въ раю и охраненіе. Итакъ, это первый

наемъ отъ Адама до Ноя, это одно приглашеніе, одно время. Въ то время былъ нанятъ Адамъ для дѣланія, Авель для дѣланія добродѣтели, (также) Сноѣ и Енохъ, переселенный за выдающуюся добродѣтель. До Ноя (было) первое время призванія. Когда явился Ной, (было) время третьяго часа, (и) Онъ опять вышелъ для найма. По истребленіи перваго поколѣнія, вслѣдствіе беззаконія, родъ человѣческій опять сталъ нуждаться во вторичномъ приглашеніи. Онъ вторично вводитъ дѣлателей въ виноградникъ—(это) отъ Ноя до Авраама; (это) вторичное приглашеніе. Вникни тщательно, прошу: первый часъ—это отъ Адама до Ноя; третій часъ—это отъ Ноя до Авраама; шестой часъ—это отъ Авраама до Моисея; девятый часъ—это отъ Моисея до Христа; одиннадцатый часъ—это отъ Христа до кончины. Какъ одиннадцатый часъ—конецъ дня, такъ и время пришествія—конецъ вѣковъ. Какъ одиннадцатый часъ указываетъ на конецъ дня, такъ время пришествія намекаетъ на кончину. Поэтому, апостолъ Павелъ говоритъ: *сія, братіе, образи прилучахуся онымъ: писана же быша въ наученіе наше, въ низже концы оныхъ достигоша* (1 Кор. х, 11). И смотри, какъ удивительно! Были наняты первые, вторые, третьи, четвертые и наконецъ пятые,—а награда не была дана первымъ, пока не пришли послѣдніе; они переносили тотъ же трудъ, и награды еще не получали. Богъ не желалъ дать первымъ награду, пока не придутъ плоды церкви, и прикажетъ (Онъ) домоправителю: дай отъ послѣдняго до перваго. Что Богъ отсрочилъ дать награду первымъ, пока придутъ послѣдніе, свидѣтельствуетъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Онъ вспомнилъ объ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, патриархахъ и о другихъ пророкахъ и праведникахъ, и прибавляетъ: *сіи вси послушествоваши бывше въкроу, не пріяша обѣтованія: Богу лучшее что о насъ преобрѣтешу, да не безъ насъ совершенно примутъ* (Евр. xi, 39, 40). Какъ здѣсь, братіе, Онъ далъ пять временъ и 795 приглашеній,—повторю: первое отъ Адама до Ноя, второе отъ Ноя до Авраама, третье отъ Авраама до Моисея, четвертое отъ Моисея до Христа, пятое отъ Спасителя до кончины,—такъ и въ другомъ мѣстѣ, въ притчѣ, Онъ говоритъ: подобно есть царствіе небесное десяти двамъ, яже изыдоша въ сръпленіе жемьзѣ, пять мудры и пять юродивы (Мѣ. хv, 1). Почему пять и пять? Въ каждомъ родѣ (есть) праведные и неправедные. *Пять мудры и пять юродивы*,—въ каждомъ родѣ (есть) и старательные и лѣнныя, благочестивые и неблагочестивые. Смотри: всюду согласіе временъ; эти пять приглашеній имѣютъ свойственныя имъ занятія и свойственное время. И какъ земледѣльцы требуютъ отъ cadaго времени его плодовъ: весеннихъ отъ весны, отъ зимы зимнихъ, отъ лѣта его плодовъ, отъ осени ея плодовъ,—такъ и Богъ, требуя плодовъ, требуетъ отъ cadaго времени свойственныхъ ему роду плодовъ. Онъ не требуетъ отъ тебя сегодня плода, котораго потребовалъ отъ первыхъ: иного требуетъ послѣ пришествія Христа. Также отъ

тѣхъ, которые (были) раньше тебя, не потребовалъ плодовъ твоихъ, но отъ каждаго рода требуетъ свойственныхъ плодовъ. Тогда было одно время, и съ собственнымъ закономъ; теперь время другое, и съ собственнымъ повелѣнiемъ; не потому, что Богъ измѣняеми, но потому, что Онъ согласуетъ повелѣнiя (съ временемъ). Поэтому часто свидѣтельствуетъ о Ное Писанiе: и былъ Ной *праведенъ, совершенъ*, — какъ? — *въ родѣ своемъ* (Быт. vi, 9), — для сравненiя бывшихъ съ нимъ. Отъ каждаго требуется служенiе его рода, какъ говоритъ Петръ о Давидѣ: *Давидъ своему* послуживъ роду, *Божіимъ советомъ успе* (Дѣян. xiii, 36). Каждый по своему роду, (а) родовъ пять. Это говоримъ не сами по себѣ, но слѣдуя Владыкѣ. Спаситель показалъ Свою силу: *возвращая во градъ*, увидѣлъ *смоковницу*, и не имѣла она (ничего), *только листіе едино* (Мѡ. xxi, 18, 19), и искалъ плода. Онъ подошелъ голодный. Я сильно затрудняюсь въ своей рѣчи: боюсь произнести или подумать о Богѣ что-нибудь безразличное, (когда нужно) слѣдовать истинѣ. Возвращаясь, говорится, угрожа, Онъ сильно взалкалъ, и подошелъ къ смоковницѣ, чтобы найти плодовъ, и не нашелъ, потому что не было времени смокъ. Такъ написано. Какой человѣкъ, — теперь не разумѣю Бога, ни достоинства Божія, — какой столь не разуменъ и несмысленъ, чтобы не вовремя подходить къ смоковницѣ? Если (судить) по человѣчеству, то бессмысленно не вовремя искать плода; если по божеству, то какъ Онъ не зналъ предѣловъ собственного творенiя? Пожелаешь ли изслѣдовать это слово по человѣчеству или по божеству, оно не подходитъ къ Спасителю. Ни разумный человѣкъ не требуетъ плодовъ отъ насажденiй не вовремя и не можетъ потребовать съ самаго начала, ни самъ Богъ, назначившій для каждаго насажденiя и плода порядокъ, время и законы, не потребовалъ бы внѣ ихъ собственныхъ границъ. Если бы ты для смоковницы, не приносящей плода, назначилъ приличное время, между тѣмъ когда пришло время, она не принесла плода, то это зависѣло бы отъ воли Бога, не укрѣпившаго насажденiя. Слѣдовательно, братіе, это скорѣе домостроительство (спасенiя), чѣмъ нужда (Господа). Это не нужда Христова, но домостроительство: Онъ желалъ предуказать ученикамъ несомнѣнность Своего страданiя. Такъ какъ, послѣ этого дѣла, тотчасъ войдя въ Іерусалимъ, Онъ намѣренъ былъ претерпѣть страданiе — внимательный читатель найдетъ вслѣдъ за этой исторiей силу креста, — такъ какъ (говорю) онъ намѣренъ былъ идти въ Іерусалимъ и страдать, а ученики соблазнялись страданiемъ, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Онъ страдаетъ по слабости, даетъ ясное доказательство, что Онъ могъ иссушить враговъ Своихъ, какъ смоковницу. Онъ показываетъ Свою силу надъ бездушною смоковницею, а долготерпѣніе надъ разумными людьми, чтобы, имѣя свѣжую память о чудѣ, понимали, что иссушитель словомъ пострадалъ по (Своему) желанiю. Что, братіе, это истина, и все это съ цѣлію, чтобы

показать силу, можно замѣтить изъ слѣдующаго. Смоковница, говорятъ, 796 іудейская синагога; (будто) синагогѣ Онъ угрожалъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки*. Такъ нѣкоторые желали понимать; но дѣло не оказывается въ согласіи съ этимъ изреченіемъ: послѣ креста, послѣ этого рѣшенія мириады увѣровали изъ іудеевъ, и не согласуется—да не будетъ отъ тебя плода—съ тѣмъ, что столько увѣровало. Повторю сказанное: если Онъ высказался противъ іудеевъ и синагоги, что болѣе она не принесетъ плода, а плоды синагоги—церкви, то нужно было послѣ этого рѣшенія, чтобы никто изъ іудеевъ не увѣровало; а что много увѣровало, слушай изъ Писанія. Одна Петрова рѣчь къ народу уловила три тысячи, другое его наставленіе—четыре тысячи, и было душъ семь тысячъ (Дѣян. п, 41; iv, 4). А въ иныхъ мѣстахъ, когда слово преуспѣвало, множество іудеевъ покорилось вѣрѣ. Если въ концѣ слово настолько распространилось между іудеями, что апостолы говорятъ Павлу: *видиши ли, брате, koliko тебѣ есть увѣровавшихъ іудеевъ* (Дѣян. xxi, 20), если есть мириады увѣровавшихъ іудеевъ, если мириады увѣровали, то какъ съ этимъ согласуется рѣшеніе: *да николиже отъ тебе плода будетъ?* Послѣ этого рѣшенія были мириады плодовъ. Но въ этомъ дѣлѣ есть своя послѣдовательность. Избѣгай натянутыхъ истолкованій; бываетъ, когда само Писаніе позволяетъ прямо видѣть; бываетъ, когда оно учить подъ образомъ. Когда предлагается то, что можно только видѣть или рассказать, то не домогайся недостижимаго, но пользуясь послѣдовательностію въ томъ, что слышишь. Крестъ былъ; страданіе имѣло явиться. Чтобы они не приписали домостроительство слабости, Онъ выказываетъ силу надъ бездушной (смоковницей), и сохраняетъ долготерпѣніе для тѣхъ, которые будутъ имѣть надежду спасенія. Спаситель зналъ, что крестъ—спасеніе людей, и подъятіе Его на древо уловить всю вселенную. Поэтому, говорятъ: *еще азъ вознесенъ буду*, т. е., если буду распятъ на крестѣ, всѣхъ *прилеку къ себѣ* (Іоан. xii, 32). Будь внимателенъ, прошу. *Вознесенъ буду*—что такое? Если Онъ самъ не объяснить этого изреченія, то я не могу установить смыслъ. Спаситель говоритъ Никодиму: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣрующъ въ оны не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. iii, 14, 15).

Что же значить эта загадка? Въ пустынѣ нѣкогда іудейскій народъ ропталъ за манну, и, поправъ эту съ неба данную пищу, пожелалъ трапезы египетской, и говорилъ: мы вспомнили котлы съ мясомъ, которое ѣли въ Египтѣ (Исх. xvi, 8); и были предпочтены египетскіе котлы небесной маннѣ. Что же Богъ? Такъ какъ былъ отвергнутъ хлѣбъ небесный, Онъ посылаетъ на народъ смертоносныхъ змій; змѣи ихъ жалили, и они умирали. И не другой какой звѣрь былъ посланъ—не левъ, не медвѣдь—но змѣи. Такъ какъ въ началѣ Богъ сказалъ змѣю: *змию сътси вся дни* (Быт. iii, 14), то Онъ противъ ядущихъ манну и

ропшущихъ послалъ этого звѣря, ядущаго и неропшущаго. Онъ послалъ ядовитаго змѣя; его ужаленіе сопровождалось смертію. Они умоляютъ Моисея, Моисей умоляетъ Бога, Богъ общаетъ исцѣленіе ранамъ; Онъ могъ прогнать змѣй словомъ, но оставляетъ это бѣдствіе, и даетъ исцѣленіе. Сдѣлай мѣднаго змѣя, и укрѣпи его на деревѣ при дверяхъ скинии свидѣнія, объяви сынамъ израилевымъ, и скажи: если кто-нибудь будетъ ужаленъ змѣемъ, пусть придетъ и обратится къ этому змѣю, укрѣпленному на деревѣ и, увѣровавъ, будетъ жить (Числ. ххi, 8). Ужели нельзя было прогнать змѣй, нельзя было истребить, нельзя было исцѣлить словомъ? Но какъ слово Божіе могло источить воду изъ скалы, скала же не раньше повиновалась, чѣмъ увидѣла знакъ креста,—такъ и здѣсь: оно могло прогнать змѣй, но змѣи не раньше были укрощены, чѣмъ увидѣли образъ креста, умертвившаго жало демоновъ. Почему же змѣя Онъ сдѣлалъ образомъ Спасителя? Какое сходство между образомъ и змѣемъ? Вотъ для памяти: когда будешь имѣть дѣло съ іудеями, или съ нѣкоторыми врагами, начинающими отъ Писанія и возстающими 797 противъ Писанія, (оспаривающими), что ты получаешь спасеніе и благословеніе отъ распятаго на крестѣ, такъ какъ написано: *проклятъ всякъ висій на деревѣ* (Втор. ххi, 23),—то тщательно выидай: если скажетъ іудей или другой врагъ церкви, выхватывая изреченіе изъ Писанія и вооружаясь противъ Писанія: какъ вы ожидаете благословенія отъ Господа, распятаго на крестѣ, когда Моисей ясно пишетъ, что *проклятъ всякъ висій на деревѣ*? ты скажи ему: если читаешь Писаніе, понимай его; не чтеніе требуется, но пониманіе, какъ говоритъ Филиппъ еврею: *убо разумѣеши ли, яже чтеши?* и онъ благоразумно: *како могу, Господи, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. viii, 30, 31)? Если скажетъ: какъ ты ожидаешь благословенія отъ распятаго на крестѣ, когда написано: *проклятъ всякъ висій на деревѣ*?—ты скажи ему: а какъ сыны Израиля получили въ пустынѣ благословеніе отъ змѣя, когда Богъ въ началѣ сказалъ: *проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ земли* (Быт. iii, 14)? И змѣй проблать, и проклятъ всякій, висій на деревѣ. Не останавливайся на построеніи словъ, но замѣть разницу. Такъ какъ Спаситель намѣренъ былъ принять на Себя проклятіе, лежащее на мірѣ, а первымъ проклятіемъ было: *земля еси, и въ землю отыдеша* (Быт. iii, 19), то Онъ принялъ этотъ приговоръ на Себя (какъ говоритъ апостоль: *мы искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва*—Гал. iii, 13), и напередъ пользуется образомъ змѣя, и именно змѣя. Какъ у того мѣднаго змѣя были видъ и образъ змѣя, а яда и лукавства змѣя не было, такъ и Спаситель является во плоти подъ видомъ грѣха; эта плоть была грѣховною до него. Онъ принимаетъ грѣховную плоть, и, самъ не согрѣшивъ, взялъ грѣхъ міра: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. i, 29). Такъ и Спаситель принялъ плоть, имѣющую образъ и истинную природу плоти, но не имѣющую грѣха плоти: *беззаконія не*

сотвори, ниже обрѣтєся лєсть во устѣхъ его (Ис. лш, 9). Что ядъ въ змѣѣ, то коварство въ чєловѣкѣ; о лукавыхъ говоритъ Писаніє: ядъ аспидовъ на губахъ ихъ, ихъ уста проклятїя и горечи полны (Пс. іх, 28), *языки свои ии лицаху* (Пс. v, 10). Какъ (опять повторю) у того змѣя были видъ и образъ змѣя, а яда и лукавства не было, такъ и въ тѣлѣ Спасителя былъ образъ чєловѣческій, а лукавства чєловѣческаго не было. Еще другое сравненїе. Тамъ жалятъ одни змѣи, а другой за нихъ страдаетъ, потому что нужно было одного изъ жєлящихъ взять и распять на крестѣ; жєлящїе отпускаются, а ни въ чемъ не согрѣшившїй распинался на крестѣ; кто не былъ причастенъ порчѣ или гибели остальныхъ змѣй, терпитъ пригвожденїе къ дереву, такъ какъ онъ былъ образомъ Спасителя,—при всеобщей грѣховности людей, никто изъ согрѣшившихъ за грѣшнаго не распинается, но безгрѣшный. Ты понялъ объясненїе; вспомни слова Господа къ Никодиму: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну чєловѣческому, да асякъ вѣрующъ въ онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Тако подобаетъ возвестися Сыну чєловѣческому*,—хорошо сказано: страданїе считается униженїемъ, Спаситель называетъ возвышенїемъ. Вся вселенная возвышена крестомъ; вся вселенная, долу лежащая, исправлена домостроительствомъ креста. Поэтому *Господь воцарися, въ лѣпноту облечєся; ибо утверди вселенную* (Пс. хсп, 1). Не сказалъ: создалъ. Онъ создалъ въ первый разъ, а во второй разъ исправилъ. *Такъ подобаетъ возвестися Сыну чєловѣческому, да асякъ вѣрующъ въ онъ не погибнетъ*. Необходимо сослаться на свидѣтеля этого возвышенїя, (на) пророка ясно проповѣдующаго, что возвышается Богъ. Слушай блаженнаго Исаїю, проповѣдующаго объ этомъ возвышенїи. Если и очень ясно онъ проповѣдуетъ о страданїи, въ словахъ: *яко овча на заколенїе ведєся, и яко агнецъ предъ стригущими его безгласенъ; сей грѣхи наша беретъ, и о насъ болѣзнуєтъ; за грѣхи народа Моего пришелъ Я на смерть* (Ис. лш, 7, 4, 8),—то однако въ другомъ мѣстѣ называетъ это страданїе возвышенїемъ. Что онъ говоритъ? Воспѣвайте Господа, *хвалите имя Его, воздѣвайте между язычниками славу Его, яко высокая сотвори. Веселитєся и радуйтєся живущїи въ Сїонѣ, яко вознесєся Святый Израилєвъ, посреди тебе вознесєнъ* (Ис. хп, 5, 6). Но противъ этого поднимается еретическій голосъ, и говоритъ: хотя и былъ возвышенъ, но Отцомъ былъ возвышенъ, потому что написано: *тѣмже и Богъ его вознесе, и дарова єму имя, єже паче всякаго имени, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонитєся небєсныхъ* (Филипп. п. 9, 10), и прочее. Враги истины всегда вѣдѣляются въ проповѣдь объ истинѣ. Такимъ не нужно давать отвѣта сразу, но прежде всего потребовать у нихъ основанїя ихъ предвзятыхъ мнѣній, и тогда уже разрѣшать спрашиваемое. Такъ какъ ты говоришь, что Отецъ его вознесе, и дарова єму имя, єже паче всякаго имени, то прежде всего покажи мнѣ, какое такое

имя, которое выше всякаго имени; нельзя объявлять безъ околнчностей, но (нужно говорить), что утверждается на истинѣ. Когда спросить лукавый, ты разрѣшаи неумѣстный вопросъ справедливымъ взаимнымъ вопросомъ. Спаситель сегодня показалъ, какъ должно отвѣчать коварнымъ. Спасителя спросили фарисей: *кою властію сія твориши; кто ти даде власть сію* (Мѡ. ххі, 23)? Спаситель, желая показать, что не должно удовлетворять злобѣ, ни отвѣчать на неумѣстные вопросы, говорить фарисеямъ: *вопрошу вы слово едино, еже аще речете мнѣ, и азъ отвѣчаю: крещеніе Іоанново откуда бѣ, съ небесе ли, или отъ человекъ* (ст. 24, 25)? Онъ, *запиная мудрыхъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. пі, 19), заключилъ лукавыхъ; и на вопросъ къ Нему не отвѣчаетъ имъ, но взаимно спрашиваетъ. Поэтому, пророкъ говоритъ: *съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и съ избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратившися* (Пс. хvii, 26, 27). Многіе думаютъ, что это изреченіе говорится Богомъ къ людямъ, но пророкъ говоритъ это Богу, именно—что *съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и съ избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратившися*. А чтобы тебѣ убѣдиться въ этомъ, онъ прибавляетъ: *яко ты народъ смиренный спасеши, и очи гордыхъ смириши* (ст. 28). Спаситель всегда мучилъ іудеевъ Своимъ молчаніемъ; злоба, не удовлетворяясь, еще больше мучится. Его часто спрашивали, и Онъ не отвѣчалъ; испытывали Его іудеи, и Онъ не подтверждалъ ихъ. Столько мучилъ Онъ ихъ души, что нѣкогда іудеи Ему сказали: *доколы душу нашу вземлещи? Аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. х, 24), и однако Онъ не отвѣтилъ, но (сказалъ): часто говорилъ Я вамъ, и вы не слушаете: что же опять желаете слушать? Смотри, какъ они высказали мученіе своей души: *доколы душу нашу вземлещи?* Не Ты ли сказалъ: *просите, и получите, толцыте, и отверзется вамъ, ищите, и обрящете* (Мѡ. vii, 7)? Вы читали Писаніе, но не поняли, что оно говорить—*взыщутъ мене зли, и не обрящутъ* (Прит. і, 28). Чтобы тебѣ знать, что та же черта и говорившаго въ евангеліи и говорившаго чрезъ пророковъ, и что Онъ говорилъ тамъ и здѣсь,—замѣть: какъ здѣсь на вопросъ іудеевъ не отвѣчалъ, но связывалъ ихъ взаимными вопросами, такъ и въ ветхомъ заветѣ говорить Богъ Іезекіилю: *сыне человекъ, вотъ сыны народа идуть ко Мнѣ спросить слово, живу азъ, аще отвѣщаю имъ* (Іезек. хх, 3). Видишь: та же самая черта. Смотри, сколько мученій, сколько вопросовъ, сколько вывѣдываній, и Онъ не отвѣчалъ. А гдѣ находитъ душу простую и вѣрующую, исполненную свѣта и простоты, не только удовлетворяетъ (отвѣчая) на вопросъ, но даже безъ вопроса учить. Нѣкогда Іисусъ пошелъ около Самаріи; находитъ жену самарянку. черпающую воду, и говоритъ ей: *даждь ми пити* (Іоан. iv, 7); податель жизни говоритъ ей: *даждь ми пити*. Онъ сидѣлъ (тогда) около

колодца, (былъ) источникъ надъ источникомъ. (Желаю) кратко сказать, не предполагая объяснять эту исторію, но возвратиться къ главному своему предмету. Она спросила Его по вопросу, занимавшему іудеевъ и самарянъ, такъ какъ самаряне имѣли поклоненіе около теперь называемаго Неаполя, а іудеи въ Іерусалимѣ. Спросила она: Господи, *отцы нѣнии въ горы сей поклонилися*: какъ говорить іудеи, что въ Іерусалимѣ должно поклоняться (ст. 20)? Смотри: душа любознательная, жена жалкая, но высокая въ силѣ. Она вышла почерпнуть воды, и почерпаетъ изъ источника. Самаряне поклоняются здѣсь, іудеи въ Іерусалимѣ: разрѣши вопросы! Спаситель говоритъ: поистинѣ говорю тебѣ, жена, что придетъ часъ, *егда ни въ горы сей, ни во Іерусалимѣхъ* будутъ поклоняться Отцу, потому что Богъ Духъ есть, т. е., всюду, и поклоняющимся Ему *духомъ и истиною* должно поклоняться (Іоан. iv, 21—24), не должно ограничивать мѣстомъ поклоненія Ему, но всюду прославлять. Такъ какъ она не могла ясно понять, что говоритъ Спаситель (это превосходило мысль жены), то говоритъ Ему: знаю, что идетъ Мессія, *глаголемый Христосъ*; когда Онъ придетъ, научитъ насъ всему (ст. 25). Смотри: (эта) душа раньше, чѣмъ видѣть, имѣетъ любовь. Іудеи, увидѣвъ, не увѣровали; эта, не видѣвъ, ожидаетъ. Когда Христосъ увидѣлъ простоту этой души, говоритъ: *азъ есмь, глаголюй съ тобою* (ст. 26). Сколько спрашивали іудеи и мучились: *доколы душу нашу вземлещи*,—и не было отъ Него отвѣта; эта сказала, что *идетъ*,—и проповѣданный выказалъ самого Себя. Это есть то, что сказано: *строптивая помысленія отлучаютъ отъ Бога; является же не неврующимъ ему* (Премуд. i, 3, 2).

Такъ какъ источникъ мудрости научилъ насъ разрѣшать неумѣстные вопросы, то я спрашиваю еретика, что это за *имя*, *еже нѣче всякаго имени*? Скажи его, какъ думаешь. Что это за *имя*? Иисусъ? Христосъ? Спаситель? Скажи мнѣ это *имя*. Назови его прежде всего, чтобы, когда приведу божественное свидѣтельство—пророческое, апостольское, ты не измѣнилъ этого свидѣтельства въ свою пользу. Вырази прежде всего свою мысль, скажи, какое ты разумѣешь имя, чѣмъ выше всякаго имени? Но что я дѣлаю? Я между вѣрными, и не хочу изъ-за враговъ оставлять въ сомнѣніи сыновъ церкви. Объяснимъ, и если присутствуетъ какой-нибудь врагъ, то пусть воспользуется, и будетъ другомъ вмѣсто врага, согласнымъ вмѣсто противника; пусть не считаетъ пораженіемъ, что поражается истиною; пусть не старается побѣдить худую побѣдою, но поразиться хорошимъ пораженіемъ. Будемъ объяснять, какъ они думаютъ. Какое, говоришь, было даровано Ему имя выше всякаго имени? Что Иисусомъ былъ названъ? Раньше Его былъ названъ такъ Иисусъ Навинъ. Что Христомъ былъ названъ? Всякій царь и пророкъ—христосъ. Такъ говоритъ Давидъ о царѣ Саулѣ, хотя цорочкомъ, однако имѣвшемъ царское помазаніе. Когда противъ него злоумышляли нѣкоторые

оруженосцы: *се день, о немже рече Господь предати врага твоего въ руку твою*, порази его,—Давидъ говоритъ: *живъ Господь, не возложу руки моея на него, яко христосъ Господень есть* (1 Цар. xxiv, 5, 7). И не одинъ только (этотъ) христосъ, но ихъ много: *не прикасайтесь христамъ моимъ, и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте* (Пс. civ, 15); и Аввакумъ (говоритъ): *изшелъ еси во спасеніе народа Твоего, спасти христовъ твоихъ* (Авв. iii, 13). Какъ же оно выше всякаго имени? Если раньше (это имя) было у другихъ, то какъ же Отецъ далъ Ему имя выше всякаго имени, или что это за имя? Что былъ названъ Спасителемъ? Многіе были названы спасителями. Вспомни изъ прежде сказаннаго: какое это имя выше всякаго? Но такъ какъ тебѣ неудобно отвѣтить или ты, зная, коварствуешь и желаешь скрыть, то учись. Писаніе часто называетъ именемъ не названіе Бога, но Его славу, именемъ Божиимъ называется слава Божія. Такъ, когда (Господь) совершаетъ чудеса, имя для Него происходитъ отъ чуда; блаженный пророкъ говоритъ: *гдѣ есть возведшій десницею Моисеа? Онъ одолѣлъ воду предъ лицемъ его, и вывелъ народъ Его въ пустынь, и сдѣлалъ ему имя* (Ис. lxi, 12, 13), т. е., молву, сдѣлалъ именитымъ. И у насъ говорится: именитый человѣкъ, не потому, что у него есть имя (у всѣхъ вѣдь есть имя), но потому, что именуется всюду. Именемъ называетъ онъ славу и молву, произносимую всюду. Такъ говоритъ Богъ Соломону: *и сотворишь тебѣ имя, якоже имя древнихъ царей* (1 Парал. xvi, 8). Не имя его переименовалъ, не Соломономъ пересталъ называться, но *сотворишь тебѣ имя*, т. е., молву, славу. Такъ и здѣсь говорится: *дарова ему имя*, т. е., славу. И что это за слава? Чтобы мнѣ не объяснять, слушай слова самого Павла: *да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсться, яко Господь Иисусъ Христосъ*. Видишь: онъ назвалъ именемъ Его славу, поклоненіе вселенной, что Онъ всюду прославляется, и возвышается во всей вселенной. Точно, говорить, я принимаю объясненіе, но не отказываюсь отъ того, что Отецъ далъ Ему это имя. Ты желаешь подъ именемъ понимать прозваніе; желаешь подъ именемъ понимать славу; желаешь—молву; желаешь—извѣстность? Я до сихъ поръ не отказываюсь отъ того, (что) *тѣмже и Богъ его вознесе, и дарова ему имя*. Итакъ, нужно изслѣдовать: оказывается, что эта слава—какъ бы награда, данная Спасителю, потому что Павелъ говоритъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ: иже во образъ Божіи сый, не востихъ быти равенъ Богу: но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человечества быти, и образомъ обрѣтается яко человекъ. Смирилъ себе до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени*. Здѣсь показывается, что такъ какъ Онъ пострадалъ, то получилъ награду страданія; такъ какъ самого Себя уничижилъ до смерти,—за

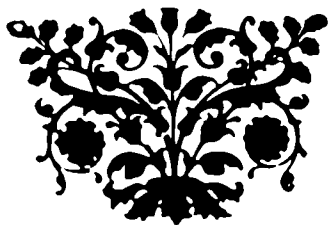
это и Богъ Его возвысилъ; *тѣмже* выражаетъ причину, по которой Онъ даетъ Ему славу. Эта слава, возвышеніе, есть награда за страданіе. Кто же страдалъ? Кто получилъ награду? Чтобы не позволить тебѣ безумствовать противъ божества, Павелъ прибавилъ: *смирилъ себе, послушливъ бысть до смерти, въ подобіи челоувѣчествѣ бысть, и образомъ обрѣтется яко челоувѣкъ. Смирилъ себе.* Внихни тщательно: прежде всего онъ назвалъ образомъ Божиимъ: *во образъ Божіи сый*; потомъ образомъ раба: *зракъ раба приимъ, въ подобіи челоувѣчествѣ бысть, и образомъ обрѣтется яко челоувѣкъ*; а (все это) съ тѣмъ, чтобы показать, что образъ раба, челоувѣкъ, получилъ въ награду это имя. Здѣсь двѣ (вещи). Такъ какъ Спаситель положилъ Свою душу, — а Онъ имѣлъ душу, потому что былъ цѣльнымъ челоувѣкомъ, — то сама плоть, послужившая Спасителю Слову, получаетъ наградою служеніе ей выше всякаго имени, и *да всяко колѣно поклонится Христу небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ.* О другомъ скажу кратко. Если послѣ креста Онъ получилъ это, и если вслѣдствіе уничтоженія Его до смерти, Богъ, награждая Его, далъ Ему имя, если, повидимому, Онъ не имѣетъ этого имени до креста, то получилъ славу по благодати. Содѣйствуйте мнѣ, потому что мысль тонкая и глубокая. Говорятъ: такъ какъ пострадалъ Христосъ. Читаютъ апостола, не понимая апостольскаго, что такъ какъ пострадалъ, *тѣмже Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ.* До креста Онъ получилъ награду. Если Единородный не является поклоняемымъ до креста, и всякое колѣно не является преклоняющимся предъ Единороднымъ, то понстинѣ Онъ получилъ награду, которой не имѣлъ, принявъ благодать; а если оказывается, что вся тварь поклоняется и до креста, и прежде, чѣмъ пострадать, и прежде, чѣмъ быть возвышеннымъ, то къ чему здѣсь пустословіе? Почему, несчастный, не сознаешь, какое это доувѣчное достоинство, какой это образъ домостроительства воплотившагося? Различай образъ Божій и образъ раба, берушаго и принятаго; не смѣшивай порядка, не нарушай истинны, или лучше, не уничтожайся истиною. Вотъ мы покажемъ, что если всякое колѣно поклоняется и если раньше домостроительства поклоняемъ Единородный, то не отъ креста Онъ получилъ поклоненіе, но имѣетъ поклоненіе Себѣ раньше креста и раньше вѣковъ. Слушай, что говоритъ блаженный Исаія: вотъ что говоритъ Господь: я есмь Господь Богъ, и *нѣсть иного праведнаго и Спасителя, нѣсть кромѣ мене. Обратитесь ко мнѣ, и спасется, иже отъ края земнаго: азъ Богъ, и нѣсть иного* (Ис. xlv, 21, 22). И вслѣдъ за этимъ: самимъ Собою клянусь, *аще не изыдетъ изъ устъ моихъ правда;*

801 *я Богъ, нѣтъ иного; праведнаго и Спасителя кромѣ Меня нѣтъ; я Богъ, и опять нѣтъ иного* (ст. 23). Въ третій разъ Онъ повторяетъ, и говоритъ: *обратитесь ко мнѣ, самимъ Собою клянусь, аще не изыдетъ*

изъ устъ моихъ правда, словеса моя не возвратятся, т. е., не напрасно исходитъ слово Мое: яко мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякій языкъ прославить Бога истиннаго (ст. 23). Кто это говоритъ? Отецъ. Такъ желаетъ еретикъ не съ тѣмъ, чтобы Отца чествовать, но чтобы Сына лишить его собственной славы. А мнѣ вѣрующему и церкви думается, что это говоритъ и Отецъ, это говоритъ и Сынъ, проповѣдуетъ и Духъ Святыи. Объ этомъ я такъ богословствовалъ: здѣсь нѣтъ различія, потому что сказано: Я есть праведенъ, и нѣтъ иного. Спросимъ ихъ: кто это говоритъ? Но имъ, какъ фарисеямъ, приходится сказать въ самихъ себѣ: если скажемъ это, отвѣтитъ намъ то. Чтобы не казалось, братіе, что я говорю самъ отъ себя, или по своему замысленному смыслу,—обращусь къ простой рѣчи: представлю изъ этого самаго пророчества свидѣтельство Павлово. Посмотримъ это пророчество у Павла: *живу азъ, самъ Собою клянусь, яко мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ* (исповѣтся—Рим. xiv, 11). Посмотримъ, при какомъ случаѣ сказалъ это Павелъ. Онъ писалъ римлянамъ. Было несогласіе другъ съ другомъ у увѣровавшихъ іудеевъ и эллиновъ, сдѣлавшихся христіанами. Христіане изъ эллиновъ принимали всѣ снѣди безразлично, а изъ іудеевъ желали и Христу поклоняться и наблюдать іудейскую пищу. Одна часть укоряла другую: которые изъ іудеевъ укоряли тѣхъ, которые изъ язычниковъ, какъ не сохраняющихъ закона; а эти укоряли тѣхъ, какъ не поступающихъ по благодати евангелія. Они говорили іудеямъ: если законъ оправдываетъ, зачѣмъ пришелъ Христосъ? А если Христосъ пришелъ, зачѣмъ, оставивъ законъ Христовъ, слѣдуете іудейскимъ обычаямъ? Римляне были просвѣщены наставленіемъ Павла: *аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре* (Гал. ii, 21). Тѣ, которые изъ язычниковъ, были убѣждены, что безъ Христа невозможно иначе спастись, и не должно соблюдать іудейскихъ обрядовъ. Павелъ засталъ борьбу, засталъ (эту) распрю; онъ вступаетъ въ средину спорящихъ и раздѣляетъ ихъ на двѣ части. И смотри: прежде всего Павелъ не требуетъ тщательности отъ всѣхъ, но помышляетъ о твердости, (такъ какъ) предвзятое мнѣніе не разрѣσιμο, и привычка уничтожается лишь временемъ. Онъ не захотѣлъ отвращать іудеевъ отъ вѣры, принуждая ихъ ѣсть пищу, но прежде всего (желалъ) укоренить въ нихъ вѣру во Христа. Что же христіане изъ іудеевъ? Такъ какъ они видѣли себя обличенными, что еще не увѣровали во Христа—наблюдаютъ іудейскую пищу и воздерживаются отъ свиного мяса, то, изъ желанія прикрыть свою слабость, они притворялись, будто совсѣмъ не ѣдятъ мяса, но овощи; совершеннымъ неядѣніемъ мяса устранялось обличеніе за старую привычку. Павелъ выступаетъ, прекращаетъ борьбу, и показываетъ, кто хорошо рассуждаетъ и кто немошенъ; онъ говоритъ: братіе, *оъ струетъ ясти вся*, какъ христіанинъ, какъ вѣрный, *а изнемогая зелія ясть* (Рим. xiv, 2). *Оъ струетъ ясти вся*, зная, что вѣрую

все очищается: *зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отменно,*
802 *со благодареніемъ приеменно: освящается бо словомъ Божиимъ* (1 Тим. IV, 4, 5); *а изнемогаяя зелія ясть*, (т. е.) немощью называетъ слѣдованіе іудейскому обычаю. *А изнемогаяя зелія ясть.* Многіе думаютъ, что эти слова сказаны относительно аскетовъ и относительно ядущихъ безъ разбора; но священный языкъ не сказалъ бы такой странности, чтобы назвать аскетовъ немощными, а ядущихъ все вѣрными; онъ говоритъ для различенія наблюдающихъ іудейскія яства и принимающихъ все до безразличія: *овъ вѣруеть ясти вся*, какъ христіанинъ, *а изнемогаяя зелія ясть.* Кромѣ того, онъ устраняетъ борьбу: показалъ различіе, что это принадлежитъ вѣрѣ, а то немощи; а когда обличилъ, онъ соединилъ ихъ въ любви: *не ядый ядущаго да не осуждаетъ*, — т. е., іудей пусть не осуждаетъ эллина, что онъ ѣстъ вопреки закону Моисея, — *и ядый не ядущаго да не укоряетъ*, потому что они презирали ихъ. Вы не сдѣлались христіанами, еще не увѣровали: *ядый не ядущаго да не укоряетъ: Богъ бо его пріятъ. Ты кто еси судяй чуждему рабу?* Смотри, какъ удивительно: тѣмъ же самымъ и борьбу прекращаетъ, и іудеямъ показываетъ, что они нуждаются въ исправленіи: *ты кто еси судяй чуждему рабу?* Такъ онъ говоритъ христіанину изъ язычниковъ. *Ты кто еси судяй чуждему рабу?* Чужимъ называетъ потому, что онъ, повидимому, былъ подъ закономъ. *Своему Господеву стоитъ или падаетъ. Станетъ же: силенъ бо Господь поставити его* (ст. 4). Такъ объ іудействующихъ (говорить). *Станетъ же: силенъ бо Господь поставити его.* Прекратилъ (Павелъ) борьбу, и опять установилъ миръ. Итакъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоитъ, или падаетъ: силенъ бо Богъ поставити его.* Итакъ: *овъ разсуждаетъ день чрезъ день, овъ судитъ на всякъ день* (ст. 5). Что значить *овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день?* Такъ какъ и между іудействующими одни совершенно удерживались отъ свинныхъ яствъ, а другіе между замѣчательными днями почитали только субботу, то онъ говоритъ: *овъ разсуждаетъ день чрезъ день, соблюдая законъ, овъ же судитъ на всякъ день.* Потому: *мудрствуяй день, Господеву мудрствуетъ: и не мудрствуяй день, Господеву не мудрствуетъ. Ядый, Господеву ясть: и не ядый, Господеву не ясть* (ст. 6). Смотри, какъ прекращаетъ борьбу: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Не ядый ядущаго да не осуждаетъ, и ядый не ядущаго да не укоряетъ* (ст. 4, 3). *Вси бо предстанемъ судищу Христову* (ст. 10). Здѣсь замѣтъ: самъ Собою клянусь, *яко мнѣ поклонится всяко колѣно.* Устраняетъ борьбу борющихся, — говоритъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Вси бо предстанемъ судищу Христову.* Откуда это? *Писано бо есть: живу азъ, глаголетъ Господь: яко мнѣ поклонится всяко колѣно.* Итакъ, зачѣмъ ты осуждаешь брата своего? *Вси бо предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть живу: азъ, глаголетъ Господь: яко мнѣ по-*

клонится всяко коленно, и всякъ языкъ исповѣтся Богу истинному (ст. 11). Говорится къ тому: если Онъ получилъ награду поклоненія послѣ креста, то какъ пророки проповѣдали о поклоненіи раньше креста? Но сказаннаго пусть будетъ достаточно! Ученіе Духа да запечатлѣтъ нашу мысль, и всѣ вмѣстѣ вознесемъ славу Отцу и Сыну и Святому Духу, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ X-го ТОМА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

Книга первая.

БЕСѢДЫ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

СТРАН.
Содержаніе перваго посланія къ КоринѢянамъ 5— 7

БЕСѢДА I на 1 Кор. I, 1—3.

Смиреніе Павла. — Единеніе церкви. — Нужно искать благодати у Бога, а не у людей. — Значеніе смиренномудрія. 8— 13

БЕСѢДА II на 1 Кор. I, 4—5.

Нужно благодарить Бога. — Неповиновеніе Божію зову. — Никто не бываетъ добръ или золъ по природѣ 13— 20

БЕСѢДА III на 1 Кор. I, 10.

Обличенія должны быть постепенны и умѣренны. — Павелъ не считаетъ себя предпочтительнѣе предъ Петромъ. — Споръ о Павлѣ и Платонѣ. — Дивная побѣда апостоловъ. — Нужно побѣждать богѣ жизнію, чѣмъ философіей 20— 29

БЕСѢДА IV на 1 Кор. I, 18—20.

Предметы вѣры выше сужденій разума. — Дѣйствія Христа, совершаемыя противными дѣйствіямъ способами. — Сократъ принужденъ былъ выпить ядъ изъ чашки. — Страданія мучениковъ. — Протагоръ, Диагоръ и Теодоръ Безбожникъ. — Въ отношеніи къ язычникамъ необходима снисходительность, какъ къ дѣтямъ 29— 40

БЕСѢДА V на 1 Кор. I, 26—27.

СТРАН.

При помощи благодати Божіей апостолы обратили все-
лennю.—Противъ театральныхъ зрѣлищъ 40— 50

БЕСѢДА VI на 1 Кор. II, 1—2.

Для проповѣди не нужна мірская мудрость. — Вѣра и
знаменія.—Почему нынѣ не всѣ вѣрують 50— 53

БЕСѢДА VII на 1 Кор. II, 6—7.

Мудрость философовъ сдѣлалась безуміемъ.—Многія изъ
священныхъ книгъ потеряны.—Ученіе Христа подтверждается
чудесами и исполненіемъ предсказаннаго Имъ 53— 74

БЕСѢДА VIII на 1 Кор. III, 1—3.

Можетъ быть плотскимъ и тотъ, кто совершаетъ зна-
менія.—Никогда не нужно отчаиваться въ спасеніи 74— 83

БЕСѢДА IX на 1 Кор. III, 12—15.

Мученіе грѣшниковъ не имѣетъ конца. — Изображеніе
грѣха вообще и корыстолюбія въ частности 84— 91

БЕСѢДА X на 1 Кор. III, 18—19.

Способъ обличенія Павломъ кровосмѣсника. — Осужде-
ніе вѣнлившей мудрости.—Порицаніе гордости священниковъ.—
Какъ слѣдуетъ пользоваться богатствомъ 91— 93

БЕСѢДА XI на 1 Кор. IV, 3—4.

Не слѣдуетъ осуждать ближнихъ. — Человѣческій судъ
ошибоченъ.—Прелюбодѣянiе помрачаетъ душу.—Пристрастіе
къ деньгамъ порождаетъ великое зло 99—109

БЕСѢДА XII на 1 Кор. IV, 4—6.

Вредъ отъ гордости. — Мудрость Павла.—Не слѣдуетъ
искать похвалы у людей, но у Бога. — Предсудительность
театральныхъ зрѣлищъ, конскихъ ристалищъ и звѣриной
травли.—Осужденіе свадебныхъ обычаевъ.—Суевѣрные пере-
вязки, погремушки и разные предрасудки 109—122

БЕСѢДА XIII на 1 Кор. IV, 10.

О подражаніи Христу.—Изображенія Павла и его до-
бродѣтелей.—Богатство при хорошемъ его употребленіи не со-
ставляетъ грѣха 122—131

БЕСѢДА XIV на 1 Кор. IV, 17.

СТРАД.

Павелъ пламеннѣ огня. — Какимъ образомъ возможно пріобрѣсти царство небесное. — Добродѣтель не бываетъ тяжка. — Бѣдствія, причиняемая страстью къ деньгамъ . . . 131—140

БЕСѢДА XV на 1 Кор. V, 1—2.

Какъ поступаетъ Павелъ съ явнымъ прелюбодѣмъ. — Для христіанина всякое время есть праздникъ. — Мудрость Павла. — Въ какомъ смыслѣ любостыжаніе есть старая закваска. — Добрые плоды милостыни . . . 140—151

БЕСѢДА XVI на 1 Кор. V, 9—11.

Объ уклоненіи отъ языческихъ судилницъ. — Страсть къ деньгамъ все навращаетъ. — О перенесеніи оскорбленій и обидъ. — Кто не подаетъ милостыни бѣднымъ, идетъ въ геенну. 151—162

БЕСѢДА XVII на 1 Кор. VI, 12.

Доказательство истинны воскресенія. — Гдѣ причина грѣха 162—169

БЕСѢДА XVIII на 1 Кор. VI, 15.

Человѣкъ имѣетъ возможность не грѣшить 169—177

БЕСѢДА XIX на 1 Кор. VII, 1—2.

О правахъ супружества. — Въ отношеніи къ Христу рабъ и свободный равны. — Пагубныя слѣдствія зависти . . 177—187

БЕСѢДА XX на 1 Кор. VIII, 1.

О яденіи идольскихъ жертвъ. — Великолѣпіе человѣческое ничтожно 187—199

БЕСѢДА XXI на 1 Кор. IX, 1.

Почему Павелъ восхваляетъ себя. — Мудрость Павла. — Противъ сребролюбцевъ. — Нужно щедро подавать милостыню. — Употребленіе церковнаго достоянія на нужды бѣдныхъ 199—213

БЕСѢДА XXII на 1 Кор. IX, 13—14.

Какъ поступалъ Павелъ для спасенія другихъ. — Порочная страсть кратковременна, а причиняемое ею огорченіе продолжительно. 213—222

БЕСѢДА XXIII на 1 Кор. IX, 24.

СТРАН.

Не слѣдуетъ отчаиваться въ подвигахъ добродѣтели изъ-за трудности дѣла.—Загробныя наказанія будутъ вѣчны.— Сила покаянія въ настоящей жизни и его бесполезность въ будущей 222—234

БЕСѢДА XXIV на 1 Кор. X, 13.

Сила искушеній.— Святость и непорочность тѣла Христова. 234—243

БЕСѢДА XXV на 1 Кор. X, 25.

Подвигъ не бываетъ великимъ, если не приносить пользы другимъ.—Величіе Павловой души 243—251

БЕСѢДА XXVI на 1 Кор. XI, 2.

Что прилично мужамъ и женамъ.— Мужъ долженъ совершать подвиги любомудрія, не выжидая, чтобы первая начала жена, равно и жена должна ихъ совершать, не выжидая, чтобы первый началъ мужъ.—Бить жену постыдно.— Изреченіе философа (Сократа) о злой женѣ 251—266

БЕСѢДА XXVII на 1 Кор. XI, 17.

О собраніяхъ для вкушенія пищи и вечера Господней.— Обязанность раздѣлять трапезу съ бѣдными 266—276

БЕСѢДА XXVIII на 1 Кор. XI, 28.

Причащающемуся необходима чистота совѣсти.—Нравственное наставленіе.—Нужно избѣгать чрезмѣрнаго сѣтованія объ умершихъ.—Примѣръ Іова 276—284

БЕСѢДА XXIX на 1 Кор. XII, 1—2.

О дарахъ св. Духа, послужившихъ поводомъ къ несогласію.—Противъ духоворцевъ.—Не нужно быть пытливымъ касательно распредѣленія благъ Богомъ.—Вещественныя блага скоропреходящи 284—296

БЕСѢДА XXX на 1 Кор. XII, 12.

Сравненіе церкви съ человѣческимъ тѣломъ.—Вдовицы въ церкви.—Слѣдуетъ пренебрегать деньгами 296—306

БЕСѢДА XXXI на 1 Кор. XII, 21.

Необходимость согласія и опасность вражды.—Ничто не производитъ такого раздѣленія, какъ зависть 306—314

БЕСѢДА XXXII на 1 Кор. XII, 27.

СТРАН.

Въ церкви Христовой было больше пророковъ, чѣмъ въ ветхомъ заветѣ. — Благодатные дары безъ любви и доброй жизни не приносятъ пользы. — Любовь свободна отъ всякаго зла. — Павелъ иногда вынуждаемъ былъ хвалиться. 314—329

БЕСѢДА XXXIII на 1 Кор. XIII, 4.

Значеніе любви. — Дѣло діавола — отторгать людей другъ отъ друга. — Любовь все преодолеваетъ 329—340

БЕСѢДА XXXIV на 1 Кор. XIII, 8.

Любовь избавляетъ отъ всѣхъ золъ. — Похвала любви. — Польза, получаемая отъ бѣдныхъ. — Происхожденіе богатства и бѣдности 341—352

БЕСѢДА XXXV на 1 Кор. XIV, 1.

Даръ пророчества имѣетъ преимущество предъ даромъ языковъ. — Для чего существовалъ даръ языковъ. — Сила тщеславія. — Тщеславіе похоже на дикаго звѣря. — Восхваленіе Павла. — Какъ христіанинъ долженъ относиться къ вещественнымъ благамъ. — Способъ врачеванія души. — Тяжелое положеніе богатей 353—365

БЕСѢДА XXXVI на 1 Кор. XIV, 20.

О дарѣ языковъ. — Милостыня — лучшее украшеніе. — Суетность богатства 365—376

БЕСѢДА XXXVII на 1 Кор. XIV, 34.

Правильный порядокъ всегда долженъ быть наблюдаемъ. — Болѣзнь сребролюбія. — Удовольствіе отъ цѣломудрія 376—383

БЕСѢДА XXXVIII на 1 Кор. XV, 1—2.

Противъ манихеевъ. — Смиренномудріе Павла. — Преимущества бѣдности 383—396

БЕСѢДА XXXIX на 1 Кор. XV, 11.

Доказательство воскресенія. — Бездождіе въ Антиохіи. — Безразсудная жестокость корыстолюбцевъ. — Дурныя слѣдствія роскоши. 396—413

БЕСѢДА XL на 1 Кор. XV, 29.

Обряды маркіонитянъ. — Обличеніе невоздержной жизни. — Непрочность стяжаній. — Плодъ роскоши — гниль. — Имѣть множество слугъ неодобрительно. — Противъ расхаживающихъ съ толпой прислужниковъ 413—422

БЕСѢДА XLI на 1 Кор. XV, 35.

СТРАН.

Противъ еретиковъ, утверждающихъ, что воскреснетъ
мное тѣло. — Нужно не излишне оплакивать умершихъ, но
помогать имъ молитвами и добрыми дѣлами 423—431

БЕСѢДА XLII на 1 Кор. XV, 47.

Состояніе тѣлѣ послѣ воскресенія.—Призывъ къ испра-
вленію 432—437

БЕСѢДА XLIII на 1 Кор. XVI, 1.

О милостивѣ 437—444

. БЕСѢДА XLIV на 1 Кор. XVI, 10.

Зло, пронтекающее отъ надменности.—Какъ слѣдуетъ
достигать исправленія братія 445—455

Книга вторая.

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

БЕСѢДА I на 2 Кор. I, 1—4.

Для чего апостолъ написалъ второе посланіе къ Ко-
ринѣянамъ. — Смиреномудріе Павлово. — Богъ всегда утѣ-
шаетъ.—Какъ слѣдуетъ поступать въ скорбяхъ 459—470

БЕСѢДА II на 2 Кор. I, 6—7.

Добродѣтель праведника въ скорбяхъ просіяваетъ и воз-
растаетъ.—Сила молитвы.—Молитвы за оглашенныхъ.—При-
рода грѣха 470—485

БЕСѢДА III на 2 Кор. I, 12.

Утѣшеніе, доставляемое чистою совѣстію. — Непрелож-
ность Божіихъ обѣтованій.—Вѣра и добродѣтель Авраама.—
Его твердость 485—500

БЕСѢДА IV на 2 Кор. I, 23.

Мудрость Павла. — Его любовь къ ученикамъ. — При-
знакъ добрыхъ учениковъ.—Способы очищенія грѣховъ . . . 500—513

БЕСѢДА V на 2 Кор. II, 12—13.

СТРАН.

Величайшая добродѣтель—все приписывать Богу.—Никто не можетъ скрыться отъ очей Божиихъ.—Не нужно молиться о погибели враговъ.—Прокліятія противъ враговъ смѣшны 518—523

БЕСѢДА VI на 2 Кор. III, 1.

Въ чемъ состоятъ жизнь души.—Великое зло—говорить срамное и постыдное 523—531

БЕСѢДА VII на 2 Кор. III, 7—8.

Какимъ образомъ законъ причинялъ смерть. — Законъ окончился со Христомъ. — Духъ Святый по достоинству равенъ Отцу.—Настоящая жизнь подобна бурѣ.—Способъ искупленія похоти 531—545

БЕСѢДА VIII на 2 Кор. IV, 1.

Заблужденіе маркіонитанъ и манихеевъ.—Какимъ образомъ апостолы покорили вселенную 546—552

БЕСѢДА IX на 2 Кор. IV, 8.

Полезьа отъ искушеній. — Воскресеніе Христа утверждаетъ всеобщее воскресеніе.—Доказательство будущаго страшнаго суда 552—561

БЕСѢДА X на 2 Кор. V, 1.

Ученіе о воскресеніи.—Изображеніе страшнаго суда . 561—570

БЕСѢДА XI на 2 Кор. V, 11.

Какимъ образомъ для христіанъ все стало новымъ.—Достоинство апостоловъ.—Величіе искупительной жертвы . . 570—578

БЕСѢДА XII на 2 Кор. VI, 1—2.

Благодать не ведетъ ко спасенію, если нѣтъ чистой жизни. — Въ чемъ состоятъ истинное богатство. — Бѣдныя счастливыѣ богачей 579—590

БЕСѢДА XIII на 2 Кор. VI, 11—12.

Любовь Павла ко всѣмъ.—Его благоразуміе и смиренномудріе.—Милостыня не должна дѣлаться на показъ.—Въ дѣлахъ, относящихся ко спасенію, бѣдные имѣютъ преимущество предъ богатыми 590—598

БЕСѢДА XIV на 2 Кор. VII, 2—3.

СТРАН.

Благоразуміе Павлово.—Какъ нужно относиться къ согрѣшающимъ братьямъ 599—604

БЕСѢДА XV на 2 Кор. VII, 8.

Печаль о грѣхахъ полезна.—Начальнику необходима любовь къ подчиненнымъ.—Амаксовин, номады и гимнософисты.—Свойства начальства церковнаго, его превосходство предъ гражданскимъ 604—614

БЕСѢДА XVI на 2 Кор. VII, 13.

Похвала за Тита.—Увѣщаніе къ милосердію.—Подаяніе милостыни важнѣе, чѣмъ воскрешеніе мертвыхъ. 614—621

БЕСѢДА XVII на 2 Кор. VIII, 7.

Мудрость Павла.—Нуждаться въ помощи ближняго не постыдно.—Какъ слѣдуетъ относиться къ ближнимъ. 621—628

БЕСѢДА XVIII на 2 Кор. VIII, 16.

Кто разумѣется подъ братомъ «егоже похвала во евангеліи». — Похвала Павлу.—Почему Моисей принялъ совѣтъ своего тестя. 628—634

БЕСѢДА XIX на 2 Кор. IX, 1.

О щедрой милостынѣ. 635—643

БЕСѢДА XX на 2 Кор. IX, 9.

Не какая-нибудь нужна милостыня, а щедрая.—Сравненіе милостыни съ жертвой, а тѣхъ, кому она подается, съ жертвенникомъ. 643—648

БЕСѢДА XXI на 2 Кор. X, 1—2.

Долгъ учителя.—Нужно подражать Павлу.—Ересь Маркіона и Манихея. 648—655

БЕСѢДА XXII на 2 Кор. X, 7.

Ничего нѣтъ противнѣе, какъ если кто хвалитъ себя самымъ.—Какъ нѣкоторые порицали Павла и какъ онъ оправдывался. 655—662

БЕСѢДА XXIII на 2 Кор. XI, 1.

Почему Павелъ говоритъ о себѣ различнымъ образомъ.—Почему любостыжаніе называется корнемъ всѣхъ золъ. . . 662—675

БЕСѢДА XXIV на 2 Кор. XI, 13.

СТРАН.

Дѣлать что-нибудь только для вида значить дѣлать по-
 дявольски.—Вредъ отъ зависти 675—682

БЕСѢДА XXV на 2 Кор. XI, 21.

Влестящіе подвиги Павла 682—688

БЕСѢДА XXVI на 2 Кор. XII, 1.

Самохвалство не приноситъ пользы.—Съ умноженіемъ
 страданій за Христа умножается и утѣшеніе.—Александръ,
 признанный тринадцатымъ богомъ со стороны сената.—Гробы
 мучениковъ блистательнѣе царскихъ дворцовъ 688—696

БЕСѢДА XXVII на 2 Кор. XII, 11.

Апостолъ хвалитъ себя для спасенія учениковъ.—Много-
 сторонность апостольской любви.—Ничего нѣтъ бесполез-
 нѣе человека, не умѣющаго любить.—Зависть — невыноси-
 мое зло 698—705

БЕСѢДА XXVIII на 2 Кор. XII, 16—18.

Огражденіе отъ подозрѣній въ корыстолюбіи.—Учитель
 собогдѣзуетъ о несчастіяхъ учениковъ.—Добродѣтель страшна
 для ея противниковъ 705—712

БЕСѢДА XXIX на 2 Кор. XIII, 1.

Различныя виды «немощи».—Восхваленіе Павла.—Ка-
 кимъ путемъ достигается слава 712—722

БЕСѢДА XXX на 2 Кор. XIII, 10.

Духъ Святойъ единосущенъ Отцу и Сыну 723—728

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

ГЛАВА I, ст. 1—3.

Побужденіе къ написанію Павломъ посланія.—Павелъ
 былъ призванъ самимъ Христомъ.—Власть Сына и Святаго
 Духа одна и таже.—Разрѣшеніе возраженія аномеевъ.—Про-
 тивъ аномеевъ и арианъ.—Противъ христіанъ іудействую-
 щихъ.—Вопросъ о томъ; слѣдуетъ ли обрѣзываться христіа-
 намъ.—Смирненіе Павла 729—755

ГЛАВА II, ст. 1—2.

СТРАН.

Чѣмъ ложные апостолы отличаются отъ истинныхъ.— Почему Павелъ обрѣзаетъ Тимофея.— Благоразуміе Павла.— О состязаніи между Павломъ и Петромъ.— Противъ хри- стіанъ, соблюдающихъ ветхій законъ	755—773
--	---------

ГЛАВА III, ст. 1.

Безумно, оставивъ вѣру, вновь обратиться къ закону.— Опроверженіе возраженій въ пользу удержанія закона.—Про- тивъ аномеевъ	773—785
---	---------

ГЛАВА IV, ст. 1—3.

Противъ соблюденія іудейскихъ праздниковъ и новомѣ- стій.—Цѣлность Павловой души.—Неблагоразумно, вопреки преобразованіямъ, подчинять себя игу рабства	785—794
--	---------

ГЛАВА V, ст. 1.

Противъ обрѣзывающихся.—Вмѣсто закона иго любви.— Легчайшій путь къ добродѣтели.—Почему добрыя дѣла назы- ваются «плодомъ» духа	794—807
---	---------

ГЛАВА VI, ст. I.

Обязанность учителя.— Павелъ диктовалъ посланія, а писалъ другой, исключая посланіе къ Галатамъ.—Сила креста.	807—816
--	---------

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и въ Патрологіи Минія
отнесенныя къ разряду *Spuria*.

Любовь по Богу—дѣло достойное Бога	819—822
На слова: аще сынъ еси Божій, верзися низу, и: поятъ его диаволъ на гору высокую зѣло (Мѣ. iv, 6, 8)	822—828
О предательствѣ Іуды и о страстяхъ Господа нашего Исуса Христа. Въ великій пятокъ	828—830
На слова: помянухъ Бога и возвеселихся (Псал. lxxvi, 4)	830—841
О Рахили и о чадахъ	841—843
Объ Иродѣ и о младенцахъ	844—846
О Марѣ, Маріи и Лазарѣ, и Іили пророкѣ	846—853
На слова: фарисее же шедше совѣтъ сотвориша (Мѣ. xii, 14)	853—857
О блудницѣ и фарисеѣ	857—859
На вознесеніе Господа нашего Исуса Христа	859—861
На преображеніе Спасителя	861—864

	СТРАН.
О ваяіхъ	864—869
Похвала святому Іоанну Богослову	869—870
О святомъ Іоаниѣ апостолѣ и евангелистѣ Богословѣ	870—872
На Преображеніе	872—874
О засухѣ	874—877
О рѣкѣ Іорданѣ	877—880
О фарисеѣхъ и о блудницѣ. Пронесено во святой и великій четвергъ	880—889
О тридневномъ воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа	889—893
На Рождество Христово	893—895
На слова: «вошелъ Господь въ храмъ въ преполовленіе праздника» (Іоанн. vii, 14), и о Мельхиседекѣ. Въ Преполовленіе	895—899
На Преполовленіе	899—901
О самаряниѣхъ. Въ день Преполовенія	901—903
О женѣ грѣшницѣ, помазавшей Господа муромъ, и о фарисеѣхъ. Во святой и великій четвергъ	903—912
На слова: Отче, аще возможно есть, чаша сія да мимоидеть отъ Мене (Мѣ. xxvi, 39). Въ великую пятницу	912—917
На притчу въ евангеліи Луки, въ которой говорится: человекъ нѣкій сходяще, и въ разбойники впаде (Лук. x, 30).	917—920
На рожденіе святого Іоанна пророка, Предтечи и Крестителя	920—926
✓ На святое Богоявленіе	926—929
На Рождество Господа нашего Іисуса Христа	929—933
О Закхѣѣ мытарѣ	933—935
О сотникѣхъ	935—940
На слова: изыде сѣній сѣяти сѣмене своего (Лук. viii, 5).	940—944
О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и о милостинѣхъ	944—947
Слово о разслабленномъ, въ день Преполовенія; и на слова: «не судите на лица» (Іоанн. vi, 5; vii, 24)	947—952
На евангеліе отъ Луки, о драхмѣхъ, и на слова: человекъ нѣкій имѣ два сына (Лук. xv, 11)	952—955
О томъ, что имѣющій какую-нибудь благодать знанія долженъ передавать нуждающемуся, и о пресвитерѣхъ	955—958
На притчу о неправедномъ домоправителѣ и что нѣтъ ничего нашего (Лук. xvi, 1—9)	958—962
О постѣхъ	962—965
О сынѣхъ вдовы	965—968
Противъ іудеевъ о мѣдномъ змѣѣ; и на слова: «дарова ему имя, еже паче всякаго имени» (Филип. ii, 9), а также: «понеже ни единѣмъ имяше болшимъ клятися, клятся собою» (Евр. vi, 13)	969—981
Оглавленіе X т. Твореній Св. І. Златоуста	982—992

